

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

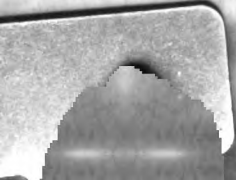
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

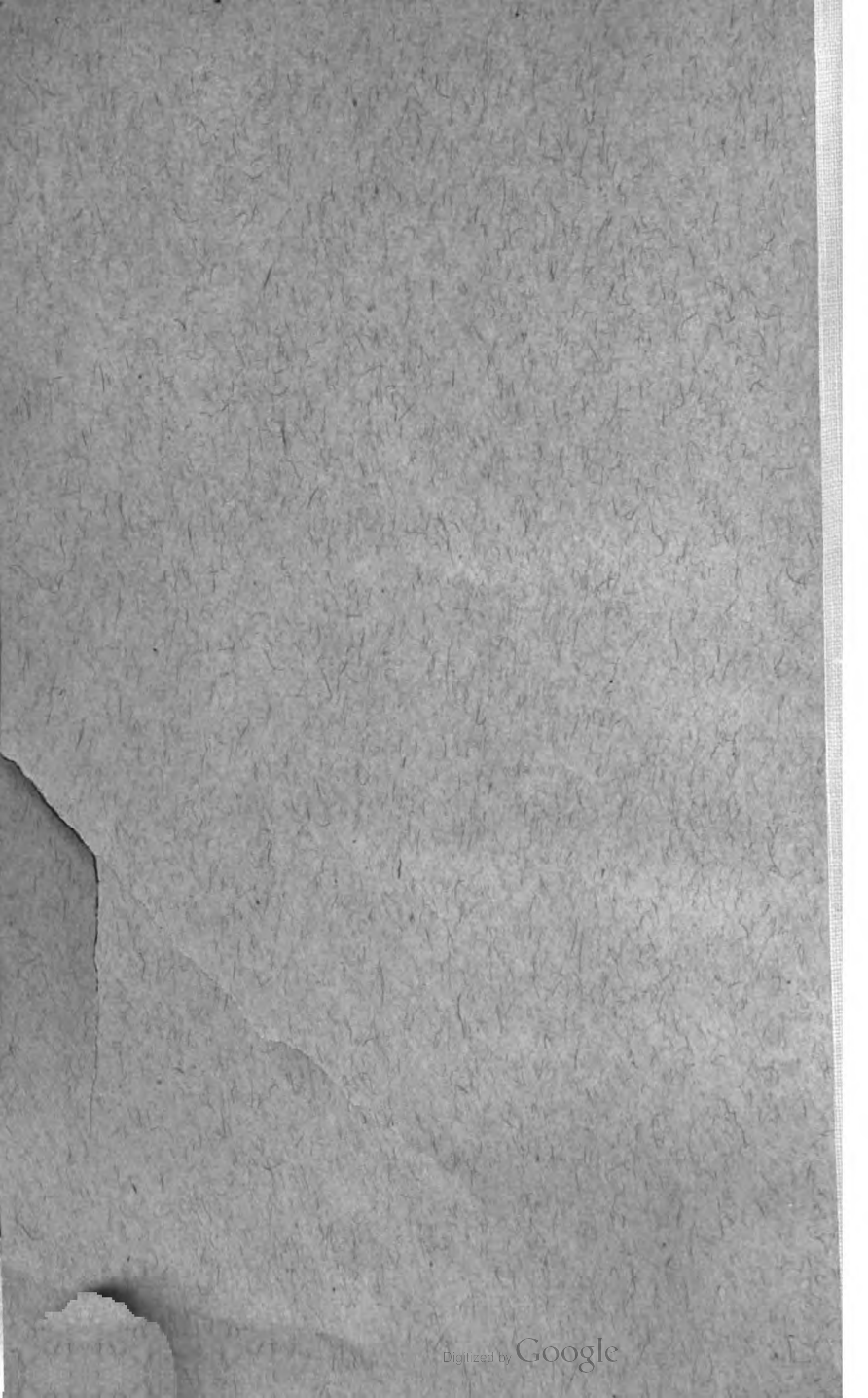
NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07919794 7

* QCA

INDEXO

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

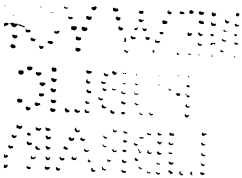
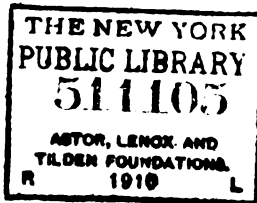
Н. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ,

МОСКВА.

Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°.)

1863.

Одобрено цензурой. Москва, 25 января 1863 года.

КАЗАКИ ✓

КАВКАЗСКАЯ ПОВѢСТЬ

1852 ГОДА.

I.

Все затихло въ Москвѣ. Рѣдко, рѣдко гдѣ слышится визгъ колесъ по зимней улицѣ. Въ окнахъ огней уже нѣтъ, и фонари потуши. Отъ церквей разносятся звуки колоколовъ, и колыхаясь надъ спящимъ городомъ, поминаютъ объ утрѣ. На улицахъ пусто. Рѣдко гдѣ промѣситъ узкими полозьями песокъ съ снѣгомъ ночной извозчикъ, и перебравшись на другой уголь, заснетъ дожидаясь сѣдока. Проидеть старушка въ церковь, гдѣ ужь, отражаясь на золотыхъ окладахъ, красно и рѣдко горятъ не симметрично разставленные восковые свѣчи. Рабочій народъ ужь поднимается послѣ долгой зимней ночи, и идетъ на работы.

А у господъ еще вечерь.

Въ одномъ изъ оконъ Шевалье, изъ-подъ затворенной ставни, противузаконно свѣтится огонь. У подъѣзда стоятъ карета, сани и извозчики, стѣснившись задками. Почтовая тройка стоитъ тутъ же. Дворникъ, закутавшись и сжавшись, точно вращается за уголь дома.

„И чего переливаютъ изъ пустаго въ порожнее?“ думаетъ лакѣй, съ осунувшимся лицомъ, сидя въ передней. „И все на мое дежурство!“ Изъ сосѣдней свѣтлой комнатки слышатся голоса трехъ ужинающихъ молодыхъ людей. Они сидятъ въ комнатѣ около стола, на которомъ стоятъ остатки ужина и вина. Одинъ, маленькій, чистенькій, худой и дурной, сидитъ и смотритъ на отъѣзжающаго добрыми, усталыми глазами. Другой, высокій, лежитъ подлѣ уставленнаго пустыми бутылками стола, и играетъ ключикомъ часовъ. Третій, въ новенькомъ полушубкѣ, ходитъ по комнатѣ, и изрѣдка останавливаясь, щелкаетъ миндаль въ довольно толстыхъ и сильныхъ, но съ отчищенными ногтями пальцахъ, и все чему-то улыбается; глаза и лицо его горятъ. Онъ говоритъ съ жаромъ и съ жеста-ми; но видно, что онъ не находитъ словъ, и всѣ слова, кото-рыхъ ему приходятъ, кажутся недостаточными чтобы выра-зить все что подступило ему къ сердцу. Онъ безпрестан-но улыбается.

— Теперь можно все сказать! говорить отъѣзжающій.— Я не то что оправдываюсь, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты по крайней мѣрѣ понялъ меня какъ я себя понимаю, а не такъ какъ пошлость смотреть на это дѣло. Ты говоришь, что я виноватъ передъ ней,—обращается онъ къ тому, который добрыми глазами смотритъ на него.

— Да, виноватъ, отвѣчаетъ маленькій и дурной, и кажется, что еще больше доброты и усталости выражается въ его взглядѣ.

— Я знаю, отчего ты это говоришь, продолжаетъ отъѣзжающій.—Быть любимымъ, по твоему, такое же счастье какъ любить, и довольно на всю жизнь, если разъ достигъ его.

— Да, очень довольно, душа моя! Больше чѣмъ нужно, под-тверждаетъ маленькій и дурной, открывая и закрывая глаза.

— Но отчего жь не любить и самому! говоритъ отъѣзжающій, задумывается, и какъ будто съ сожалѣніемъ смотритъ на пріятеля. — Отчего не любить? Не любится. Нѣтъ, люби-мымъ быть несчастье, несчастье, когда чувствуешь, что виноватъ, потому что не даешь того же и не можешь дать. Ахъ, Боже мой! — Онъ махнулъ рукой. — Вѣдь еслибы это все дѣлалось разумно, а то на выворотъ, какъ-то не по на-шему, а по своему все это дѣлается. Вѣдь я какъ будто укралъ это чувство. И ты такъ думаешь; не отказывайся, ты дол-женъ это думать. А повѣришь ли, изъ всѣхъ глупостей и гадо-

стей, которыхъ я много успѣлъ надѣлать въ жизни, это одна, въ которой я не раскаиваюсь и не могу раскаиваться. Ни сначала, ни послѣ, я не дгалъ ни передъ собой, ни передъ нею. Мнѣ казалось, что наконецъ-то вотъ я полюбилъ, а потомъ увидалъ, что это была невольная ложь, что такъ любить нельзя, и не могъ идти далѣе; а она пошла. Развѣ я виноватъ въ томъ, что не могъ. Что же мнѣ было дѣлать?

— Ну, да теперь кончено! сказалъ пріятель, закуривая сигару, чтобы разогнать сонъ.—Одно только: ты еще не любилъ, и не знаешь что такое любить.

Тотъ, который былъ въ полубубкѣ, хотѣлъ опять сказать что-то, и схватилъ себя за голову. Но не высказывалось то что онъ хотѣлъ сказать.

— Не любилъ! Да, правда, не любилъ. Да есть же во мнѣ желаніе любить, сильнѣе котораго нельзя имѣть желанья! Да опять, и есть ли такая любовь? Все остается что-то недоконченное. Ну, да что говорить! Напуталъ, напуталъ я себя въ жизни. Но теперь все кончено, ты правъ. И я чувствую, что начинается новая жизнь.

— Въ которой ты опять напутаешь, сказалъ лежавшій на диванѣ и игравшій ключикомъ часовъ; но отъѣзжающій не слышалъ его.

— Мнѣ и грустно, и радъ я что ѣду, продолжалъ онъ.— Отчего грустно? Я не знаю.

И отъѣзжающій сталъ говорить объ одномъ себѣ, не замѣчая того, что другимъ не было это такъ интересно какъ ему. Человѣкъ никогда не бываетъ такимъ эгоистомъ, какъ въ минуту душевнаго восторга. Ему кажется, что нѣтъ на свѣтѣ, въ эту минуту ничего прекраснѣе и интереснѣе его самого.

— Дмитрій Андреевичъ, ямщикъ ждать не хочетъ! сказалъ вошедшій молодой дворовый человѣкъ въ шубѣ и обвязанный шарфомъ.— Съ двѣнадцатаго часа лошади, а теперь четыре.

Дмитрій Андреевичъ посмотрѣлъ на своего Ванюшу. Въ его обязанномъ шарфѣ, въ его валеныхъ сапогахъ, въ его заспанномъ лицѣ, ему послышался голосъ другой жизни призывавшей его,—жизни трудовъ, лишеній, дѣятельности.

— И въ самомъ дѣлѣ, прощай! сказалъ онъ, ища на себѣ не застегнутаго крючка.

Несмотря на совѣты дать еще на водку ямщику, онъ надѣлъ шапку и сталъ по серединѣ комнаты. Они разцѣлдова-

лись разъ, два раза, остановились и потомъ поцѣловались третій разъ. Тотъ, который былъ въ полубубкѣ, подошелъ къ столу, выпилъ стоявшій на столѣ бокаль, взялъ за руку маленькаго и дурнаго, и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, все-таки скажу... Надо и можно! быть откровеннымъ съ тобой, потому что я тебя люблю... Ты вѣдь любишь ее? Я всегда это думалъ... да?

— Да, отвѣчалъ пріятель, еще кротче улыбаясь.

— И можетъ-быть...

— Пожалуйте, свѣчи тушить приказано, сказалъ заспанный лакей, слушавшій послѣдній разговоръ и соображавшій, почему это господа всегда говорятъ все одно и тоже.—Счетъ за кѣмъ записать прикажете? За вами-съ? прибавилъ онъ обращаясь къ высокому, впередъ зная къ кому обратиться.

— За мной, сказалъ высокій.—Сколько?

— Двадцать шесть рублей.

Высокій задумался на мгновенье, но ничего не сказалъ, и положилъ счетъ въ карманъ.

А у двухъ разговаривающихъ шло свое.

— Прощай, ты отличный малый! сказалъ господинъ маленькій и дурной съ кроткими глазами.

Слезы навернулись на глаза обоимъ. Они вышли на крыльцо.

— Ахъ, да! сказалъ отъѣзжающій, краснѣя и обращаясь къ высокому: — счетъ Шевалье ты устроишь, и тогда напиши мнѣ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ высокій, надѣвая перчатки.— Какъ я тебѣ завидую! прибавилъ онъ совершенно неожиданно, когда они вышли на крыльцо.

Отъѣзжающій сѣлъ въ сани, закутался въ шубу и сказалъ: „Ну что жь! поѣдемъ“, и даже подвинулся въ саняхъ, чтобы дать мѣсто тому, который сказалъ, что ему завидуетъ; голосъ его дрожалъ.

Провожавшій сказалъ:—Прощай Митя, дай тебѣ Богъ...— Онъ ничего не желалъ, кромѣ только того, чтобы тотъ уѣхалъ поскорѣе, и потому не могъ договорить чего онъ желалъ.

Они помолчали. Еще разъ, сказалъ кто-то: „прощай.“ Кто-то сказалъ: „пошелъ!“ И ямщикъ тронулъ.

— Елизаръ, подавай! крикнулъ одинъ изъ провожавшихъ.

Извозчики и кучеръ зашевелились, зачмокали и задергали вожжами. Замерзшая карета завизжала по снѣгу.

— Славный малый этот Оленинъ, сказалъ одинъ изъ провожавшихъ.— Но что за охота ѣхать на Кавказъ и юнкеромъ? Я бы полтинника не взялъ. Ты будешь завтра обѣдать въ клубъ?

— Буду.

И провожавшіе разъѣхались.

Отъѣзжавшему казалось тепло, жарко отъ шубы. Онъ сѣлъ на дво саней, распахнулся, и ямская взъерошенная тройка потащила изъ темной улицы въ улицу мимо какихъ-то не виданныхъ имъ домовъ. Оленину казалось, что только отъѣзжающіе ѣздить по этимъ улицамъ. Кругомъ было темно, безмолвно, уныло, а въ душѣ было такъ полно воспоминаній, любви, сожалѣній и пріятныхъ давившихъ слезъ...

II.

„Люблю! Очень люблю! Славные! Хорошо!“ твердилъ онъ, и ему хотѣлось плакать. Но отчего ему хотѣлось плакать? Кто были славные? кого онъ очень любилъ? Онъ не зналъ хорошенько. Иногда онъ вглядывался въ какой-нибудь домъ и удивлялся, зачѣмъ онъ такъ странно выстроенъ; иногда удивлялся, зачѣмъ ямщикъ и Ванюша, которые такъ чужды ему, находятся такъ близко отъ него, и вмѣстѣ съ нимъ трясутся и покачиваются отъ порыва пристяжныхъ, натягивающихъ мерзлыя постромки, и снова говорилъ: „Славные, люблю,“ и разъ даже сказалъ: „Какъ хватить! Отлично!“ И самъ удивился, къ чему онъ это сказалъ, и спросилъ себя: „Ужь не пьянъ ли я?“ Правда, онъ выпилъ на свою долю бутылки двѣ вина, но не одно вино производило это дѣйствіе на Оленина. Ему вспоминались всѣ задушевные, какъ ему казалось, слова дружбы, стыдливо, какъ будто нечаянно, высказанныя ему передъ отъѣздомъ. Вспоминались пожатія рукъ, взгляды, молчанія, звукъ голоса сказавшаго: *прощай, Митя!* когда онъ уже сидѣлъ въ саняхъ. Вспоминалась своя собственная рѣшительная откровенность. И все это для него имѣло трогательное значеніе. Передъ отъѣздомъ не только друзья, родные, не только равнодушные, но не симпатичные, недоброжелательные люди, всѣ какъ будто вдругъ сговорились сильнѣе полюбить его, простить какъ предъ исповѣдью или смертью. „Можетъ-быть мнѣ не вернуться съ Кавказа,“ думалъ онъ. И ему казалось, что онъ любитъ своихъ друзей, и еще любитъ

кого-то. И ему было жалко себя. Но не любовь къ друзьямъ такъ размягчила и подняла его душу, что онъ не удерживалъ безсмысленныхъ словъ, которыя говорились сами собой,—и не любовь къ женщинѣ (онъ никогда еще не любилъ) привела его въ это состояніе. Любовь къ самому себѣ, горячая, полная надеждъ, молодая любовь ко всему что только было хорошаго въ его душѣ (а ему казалось теперь, что только одно хорошее было въ немъ), заставляла его плакать и бормотать несвязныя слова.

Оленинъ былъ юноша нигдѣ не кончившій курса, нигдѣ не служившій (только числившійся въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ), промотавшій половину своего состоянія, и до двадцати четырехъ лѣтъ не избравшій еще себѣ никакой карьеры и никогда ничего не дѣлавшій. Онъ былъ то что называется „молодой человекъ“ въ московскомъ обществѣ.

Въ восемнадцать лѣтъ Оленинъ былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди сороковыхъ годовъ, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. Для него не было никакихъ ни физическихъ, ни моральныхъ оковъ; онъ все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ. Но, не признавая ничего, онъ не только не былъ мрачнымъ, скучающимъ и резонирующимъ юношей, а напротивъ увлекался постоянно. Онъ рѣшилъ, что любви нѣтъ, и всякій разъ присутствіе молодой и красивой женщины заставляло его замирать. Онъ давно зналъ, что почести и званіе вздоръ, но чувствовалъ невольное удовольствіе, когда на балѣ подходилъ къ нему князь Сергій и говорилъ ласковыя рѣчи. Но отдавался онъ всеѣмъ своимъ увлеченіямъ лишь на столько, на сколько они не связывали его. Какъ только отдавшись одному стремленію, онъ начиналъ чують приближеніе труда и борьбы, мелочной борьбы съ жизнью, онъ инстинктивно торопился оторваться отъ чувства или дѣла, и возстановить свою свободу. Такъ онъ начиналъ свѣтскую жизнь, службу, хозяйство, музыку, которой одно время думалъ посвятить себя, и даже любовь къ женщинамъ, въ которую онъ не вѣрилъ. Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, куда положить всю эту силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человекѣ,—на искусство ли, на науку ли, на любовь ли къ женщинѣ, или на практическую дѣятельность,—не силу ума,

сердца, образованія, а тотъ не повторяющійся порывъ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть сдѣлать изъ себя все что онъ хочетъ и какъ ему кажется, и изъ всего міра все что ему хочется. Правда, бываютъ люди лишеныя этого порыва, которые, сразу входя въ жизнь, надѣваются на себя первый попавшійся комутъ и честно работаютъ въ немъ до конца жизни. Но Оленинъ слишкомъ сильно сознавалъ въ себѣ присутствіе этого всемогущаго бога молодости, эту способность превратиться въ одно желаніе, въ одну мысль, способность захотѣть и сдѣлать, способность броситься головой внизъ въ бездонную пропасть, не зная за что, не зная зачѣмъ. Онъ носилъ въ себѣ это сознаніе, былъ гордъ имъ и, самъ не зная этого, былъ счастливъ имъ. Онъ любилъ до сихъ поръ только себя одного и не могъ не любить, потому что ждалъ отъ себя одного хорошаго и не успѣлъ еще разочароваться въ самомъ себѣ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ находился въ томъ счастливомъ молодомъ настроеніи духа, когда сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ, что все это было не то,—что все прежнее было случайно и незначительно,—что онъ прежде не хотѣлъ жить *хорошенько*,—но что теперь съ выѣздомъ его изъ Москвы, начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастье.

Какъ всегда бываетъ въ дальней дорогѣ, на первыхъ двухъ-трехъ станціяхъ воображеніе остается въ томъ мѣстѣ откуда ѣдешь, и потомъ вдругъ, съ первымъ утромъ встрѣченнымъ въ дорогѣ, переносится къ цѣли путешествія, и тамъ уже строить замки будущаго. Такъ случилось и съ Оленинымъ.

Выѣхавъ за городъ и оглядѣвъ снѣжныя поля, онъ порадовался тому, что онъ одинъ среди этихъ полей, завернулся въ шубу, опустилсѣ на дно саней, успокоился, и задремалъ. Прощанье съ пріятелями растрогало его, и ему стала вспоминаться вся послѣдняя зима, проведенная имъ въ Москвѣ, и образы этого прошедшаго, перебиваемые неясными мыслями и упреками, стали непрошено возникать въ его воображеніи.

Ему вспомнился этотъ провожавшій его пріятель и его отношенія къ дѣвушкѣ, о которой они говорили. Дѣвушка эта была богата. „Какимъ образомъ онъ могъ любить ее, не смотря на то, что она меня любила?“ думалъ онъ, и нехорошія погрѣзнія пришли ему въ голову. „Много есть нечестности въ людяхъ, какъ подумаешь. А отчего жъ я еще не люблю бива-

самомъ дѣлѣ?“ представился ему вопросъ. „Все говорятъ мнѣ, что я не любилъ. Неужели я нравственный урокъ?“ И онъ сталъ вспоминать свои увлеченія. Вспомнилъ онъ первое время своей свѣтской жизни и сестру одного изъ своихъ друзей, съ которою онъ проводилъ вечера, за столомъ при лампѣ, освѣщавшей ея тонкіе пальцы за работою и низъ красиваго тонкаго лица, и вспомнились ему эти разговоры, тянувшіеся какъ „живъ-живъ курилка“, и общую неловкость, и стѣсненіе, и постоянное чувство возмущенія противъ этой натянутости. Какой-то голодъ все говорилъ: *не то, не то*, и точно вышло не то. Потомъ вспомнился ему балъ и мазурка съ красивою Д. „Какъ я былъ влюбленъ въ эту ночь, какъ былъ счастливъ! И какъ мнѣ больно и досадно было, когда я на другой день утромъ проснулся и почувствовалъ, что я свободенъ! Что же она, любовь, не приходитъ? не вяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ?“ думалъ онъ. „Нѣтъ, нѣтъ любви! Сосѣдка барыня, говорившая одинаково мнѣ, и Дубровину, и предводителю, что любить звѣзды, была также *не то*.“ И вотъ ему вспоминается его хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ, и опять не на чемъ съ радостію остановиться въ этихъ воспоминаніяхъ. „Долго они будутъ говорить о моемъ отъѣздѣ?“ приходитъ ему въ голову. Но кто это они? — онъ не знаетъ, и вслѣдъ за этимъ приходитъ ему мысль, заставляющая его морщиться и произносить неясные звуки: это воспоминаніе о мосеѣ Капельѣ и 678 рубляхъ, которые онъ остался долженъ портному, — и онъ вспоминаетъ слова, которыми онъ упрашивалъ портнаго подождать еще годъ, и выраженіе недоумѣнія и покорности судьбѣ появившееся на лицѣ портнаго. „Ахъ, Боже мой, Боже мой!“ повторяетъ онъ щурясь и стараясь отогнать несносную мысль. „Однако она меня несмотря на то любила,“ думаетъ онъ о дѣвушкѣ, про которую шла рѣчь при прощаньи. „Да коли я бы на ней женился, у меня бы не было долговъ, а теперь я остался долженъ Васильеву.“ И представляется ему послѣдній вечеръ игры съ г. Васильевымъ въ клубѣ, куда онъ поѣхалъ прямо отъ нея, и вспоминаются униженныя просьбы играть еще, и его холодные отказы. „Годъ экономіи, и все это будетъ заплачено, и чортъ ихъ возьми...“ Но несмотря на эту увѣренность, онъ снова начинаетъ считать оставшіеся долги, ихъ сроки и предполагаемое время уплаты. „А вѣдь я еще остался долженъ Морелю, кромѣ Шевалье,“ вспоминалось ему; и

представляется вся ночь, въ которой онъ ему задолжалъ столюко. Это была попойка съ цыганами, которую затѣлаи прїѣзжіе изъ Петербурга. Сашка Б***, флигель-адъютантъ, и князь Д***, и этотъ важный старикъ... „И почему они такъ довольны собой, эти господа, подумалъ онъ, и на какомъ основаніи составляютъ они особый кружокъ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, другимъ очень лестно участвовать. Неужели за то, что они флигель-адъютанты? Вѣдь это ужасно, какими глупыми и подлыми они считаютъ другихъ! Я показалъ имъ напротивъ, что нисколько не желаю сближаться съ ними. Однако, я думаю, Андрей управляющій очень былъ бы озадаченъ, что я на ты съ такимъ господиномъ, какъ Сашка Б***, полковникомъ и флигель-адъютантомъ... Да и никто не выпилъ больше меня въ этотъ вечеръ; я выучилъ цыганъ новой пѣсни, и всѣ саужали. Хоть и много глупостей я дѣлалъ, а все-таки я очень, очень хорошій молодой человекъ,“ думаетъ онъ.

Утро застало Оленина на третьей станціи. Онъ напился чаю, переложилъ съ Ванюшей самъ узлы и чемоданы, и усѣлся между ними благоразумно, прямо и акуратно, зная гдѣ что у него находится,—гдѣ деньги и сколько ихъ, гдѣ видѣ, и подорожная, и шоссейная росписка,—и все это ему показалось такъ практично устроено, что стало весело, и дальняя дорога представилась въ видѣ продолжительной прогулки.

Въ продолженіи утра и середины дня, онъ весь былъ погруженъ въ ариѳметическіе разчеты: сколько онъ проѣхалъ верстъ, сколько остается до первой станціи, сколько до перваго города, до обѣда, до чая, до Ставрополя, и какую часть всей дороги составляетъ проѣханное. При этомъ онъ разчитывалъ тоже: сколько у него денегъ, сколько останется, сколько нужно для уплаты всѣхъ долговъ, и какую часть всего дохода будетъ онъ проживать въ мѣсяцъ. Къ вечеру, напившись чаю, онъ расчитывалъ что до Ставрополя оставалось $\frac{7}{11}$ всей дороги, долговъ оставалось всего на семь мѣсяцевъ экономіи и на $\frac{1}{6}$ всего состоянія,—и, успокоившись, онъ укутался, спустился въ санн, и снова задремалъ. Воображеніе его теперь уже было въ будущемъ, на Кавказѣ. Всѣ мечты о будущемъ соединялись съ образами Амалать-бековъ, Черкешенокъ, горъ, обрывовъ, страшныхъ потоковъ и опасностей. Все это представляется смутно, неясно; но слава, заманивая, и смерть, утѣшая, составляютъ интересъ этого будущаго. То съ рачительною храбростію и удивляющею всѣхъ силой онъ ему

еть и покоряеть безчисленное множество горцевъ; то онъ самъ горець, и съ ними вмѣстѣ отстаиваетъ противъ Русскихъ свою независимость. Какъ только представляются подробности, то въ подробностяхъ этихъ участвуютъ старыя московскія лица. Самка Б*** тутъ вмѣстѣ съ Русскими и съ горцами воюеть противъ него. Даже, неизвестно какъ, портной москве Капель принимаетъ участіе въ торжествѣ побѣдителя. Ежели при этомъ вспоминаются старыя уиженія, слабости, ошибки, то воспоминаніе о нихъ только пріятно. Ясно, что тамъ, среди горъ, потоковъ, Черкешенокъ и опасностей, эти ошибки не могутъ повторяться. Ужь разъ исповѣдался въ нихъ передъ самимъ собою, и кончено. Есть еще одна, самая дорогая мечта, которая пригнѣшивалась ко всякой мысли молодого человѣка о будущемъ. Это мечта о женщинѣ. И тамъ она, между горъ, представляется воображенію въ видѣ Черкешенки-рабыни, съ стройнымъ станомъ, длинною косою и покорными глубокими глазами. Ему представляется въ горахъ уединенная хижина, и у порога она, дожидаящаяся его въ то время, какъ онъ усталый, покрытый пылью, кровью, славой, возвращается къ ней, и ему чудятся ея поцѣлуи, ея плечи, ея сладкій голось, ея покорность. Она прелестна, но она необразованна, дика, груба. Въ длинные зимніе вечера, онъ начинаетъ воспитывать ее. Она умна, понятлива, даровита, и быстро усвоиваетъ себѣ всѣ необходимыя знанія. Отчего же? Она очень легко можетъ выучить языки, читать произведенія французской литературы, понимать ихъ. *Notre dame de Paris*, напримѣръ, должно ей понравиться. Она можетъ и говорить по-французски. Въ гостиной она можетъ имѣть больше природнаго достоинства чѣмъ дама самаго высшаго общества. Она можетъ пѣть, просто, сильно и страстно. „Ахъ, какой вздоръ!“ говоритъ онъ самъ себѣ. А тутъ пріѣхали на какую-то станцію, и надо перелѣзть изъ саней въ сани и давать на водку. Но онъ снова ищетъ воображеніемъ того вздора, который онъ оставилъ, и ему представляются опять Черкешенки, слава, возвращеніе въ Россію, флигель-адъютантство, прелестная жена. „Но вѣдь любви нѣтъ,“ говоритъ онъ самъ себѣ. Почести—вздоръ. А шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей?... А завоеванный край, давшій мнѣ больше богатства чѣмъ мнѣ нужно на всю жизнь? Впрочемъ нехорошо будетъ одному воспользоваться этимъ богатствомъ. Нужно раздать его. Кому только? Шестьсотъ семьдесятъ

восемь рублей Капелю, а тамъ видно будетъ...“ И уже совсѣмъ смутная видѣнія застилаютъ мысль, и только голосъ Ванюши и чувство прекращеннаго движенія, нарушаютъ здоровый, молодой сонъ, и самъ не помня, перелѣзаетъ онъ въ другія сани на новой станціи, и ѣдетъ далѣе.

На другое утро то же самое, тѣ же станціи, тѣ же чаи, тѣ же движушіеся крупы лошадей, тѣ же короткіе разговоры съ Ванюшей, тѣ же неясныя мечты и дремоты по вечерамъ, и усталый, здоровый, молодой сонъ въ продолженіе ночи.

III.

Чѣмъ далѣе уѣзжалъ Оленинъ, отъ центра Россіи, тѣмъ далѣе казались отъ него всѣ его воспоминанія, и чѣмъ ближе подѣзжалъ къ Кавказу, тѣмъ отраднѣе становилось ему на душѣ. Уѣхать совсѣмъ, и никогда не пріѣзжать назадъ, не показываться въ общество, приходило ему иногда въ голову. „А эти люди, которыхъ я здѣсь вижу, — *не люди*; никто изъ нихъ меня не знаетъ, и никто, никогда, не можетъ быть въ Москвѣ въ томъ обществѣ, гдѣ я былъ, и узнать о моемъ прошедшемъ. И никто изъ того общества не узнаетъ что я дѣлалъ, живя между этими людьми.“ И совершенно новое для него чувство свободы отъ всего прошедшаго охватывало его между этими грубыми существами, которыхъ онъ встрѣчалъ по дорогѣ, и которыхъ не признавалъ людьми наравнѣ съ своими московскими знакомыми. Чѣмъ грубѣе былъ народъ, чѣмъ меньше было признаковъ цивилизаціи, тѣмъ свободнѣе онъ чувствовалъ себя. Ставрополь, чрезъ который онъ долженъ былъ проѣзжать, огорчилъ его. Вывѣски, даже французскія вывѣски, дамы въ коляскѣ, извозчики стоявшіе на площади, бульваръ и господинъ въ шинели и шляпѣ, проходившій по бульвару и оглядѣвшій проѣзжихъ, — болѣе подѣйствовали на него. Можетъ-быть, эти люди знаютъ кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, и ему опять вспомнились клубъ, портной, карты, свѣтъ... Отъ Ставрополя за то все уже было удовлетворительно: дико, и сверхъ того красиво и воинственно. И Оленину все становилось веселѣе и веселѣе. Всѣ казакѣ, ямщики, смотрителя, казались ему простыми существами, съ которыми ему можно было просто шутить, бесѣдовать, не соображая кто къ какому разряду принадлежитъ. Всѣ принимали къ роду человѣческому, который былъ весь безсознательно милъ Оленину, и всѣ дружелюбно относились къ нему.

Еще въ Землѣ Войска Донскаго перемѣнили сани на телѣгу; а за Ставрополемъ уже стало такъ тепло, что Оленинъ ѣхалъ безъ шубы. Была уже весна,—неожиданная, веселая весна для Оленина. Ночью уже не пускали изъ станицъ, и вечеромъ говорили что опасно. Ванюша сталъ потрушивать, и ружье заряженное лежало на перекладной. Оленинъ сталъ еще веселѣе. На одной станицѣ, смотритель разказалъ недавно случившееся, страшное убійство на дорогѣ. Стали встрѣчаться вооруженные люди. „Вотъ оно гдѣ начинается!“ говорилъ себѣ Оленинъ и все ждалъ вида снѣговыхъ горъ, про которыя много говорили ему. Одинъ разъ, передъ вечеромъ, Нагаецъ ямщикъ плетью указалъ изъ-за тучъ на горы. Оленинъ съ жадностью сталъ вглядываться, но было пасмурно, и облака до половины застилали горы. Оленину видѣлось что-то сѣрое, бѣлое, курчавое, и какъ онъ ни старался, онъ не могъ найти ничего хорошаго въ видѣ горъ, про которыя онъ столько читалъ и слышалъ. Онъ подумалъ, что горы и облака имѣютъ совершенно одинаковый видъ, и что особенная красота снѣговыхъ горъ, о которыя ему толковали, есть такая же выдумка какъ музыка Баха и любовь къ женщинамъ, въ которыя онъ не вѣрилъ, и онъ пересталъ дожидаться горъ. Но на другой день, рано утромъ, онъ проснулся отъ свѣжести въ своей перекладной, и равнодушно взглянулъ направо. Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ, шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто-бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями, и причудливую, отчетливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между нихъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

— Что это? Что это такое? спросилъ онъ у ямщика.

— А горы, отвѣчалъ равнодушно Нагаецъ.

— И я то же давно на нихъ смотрю, оказалъ Ванюша:—вотъ хорошо-то! Дѣма не повѣрять.

На быстромъ движеніи тройки по ровной дорогѣ, горы, казалось, бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала, горы только увидели Оленина, потомъ обрадовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту, не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо

изъ степи, выростающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту, и почувствовалъ горы. Съ этой минуты все что только онъ видѣлъ, все что онъ ощущалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспомина- ния, стыдъ и раскаянiе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли, и не возвращались болѣе. „Теперь началось,“ какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали видѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ,—все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо, и вспомнить горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу, и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чаклахъ равномерно поматы- ваются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣ- дыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Соляде всходитъ и блещетъ на видѣющемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, жен- щины ходятъ красивыя, женщины молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила и молодость а горы...

IV.

Вся часть Терской линiи, по которой расположены гребен- скiя станицы, около 80 верстъ длины, носитъ на себѣ одина- ковый характеръ, и по мѣстности, и по населенiю. Терекъ, отдѣ- ляющiй казаковъ отъ горцевъ, течетъ мутно и быстро, но уже широко и спокойно, постоянно нанося сѣроватый песокъ на узкiй, заросшiй камышомъ, правый берегъ, и подмывая обры- вистый, хотя и не высокiй, лѣвый берегъ съ его корнями сто- лѣтнихъ дубовъ, гнiющихъ чинарѣ и молодого подроста. По правому берегу расположены мирныя, но еще безпокойныя аулы; вдоль по лѣвому берегу, въ полуверстѣ отъ воды, на разстоянiи семи и восьми верстъ одна отъ другой, расположены станицы. Въ старину большая часть этихъ станицъ были на самомъ бе- регу; но Терекъ, каждый годъ отклоняясь къ сѣверу отъ горъ, подмывалъ ихъ, и теперь видны только густо-заросшiя старыя городища, сады, груши, лычи и раины, переплетенныя ежевич- никомъ и одичавшимъ виноградникомъ. Никто уже не живетъ тамъ, и только видны по песку слѣды оленей, бирюковъ ¹, зай-

¹ Волковъ.

цевъ и фазановъ, полюбившихъ эти мѣста. Отъ станицы до станицы идетъ дорога, прорубленная въ лѣсу на пушечный выстрѣлъ. По дорогѣ расположены кордоны, въ которыхъ стоятъ казаки; между кордонами, на вышкахъ, находятся часовые. Только узкая, саженей въ триста, полоса лѣсистой плодородной земли, составляетъ владѣнiя казаковъ. На сѣверъ отъ нихъ начинаются песчаные буруны Нагайской или Моздокской степи идущей далеко на сѣверъ и сливающейся, Богъ знаетъ гдѣ, съ Трухменскими, Астраханскими и Киргизъ-Кайсацкими степями. На югъ за Тереконъ—Большая Чечня, Кочкалосовскiй хребетъ, Черныя горы, еще какой-то хребетъ, и наконецъ сѣвжныя горы, которыя только видны, но въ которыхъ никто, никогда, еще не былъ. На этой-то плодородной, лѣсистой и богатой растительностью полосѣ, живетъ съ незапамятныхъ временъ воинственное, красивое и богатое, старовѣрческое, русское населенiе, называемое гребенскими казаками.

Очень, очень давно предки ихъ, старовѣры, бѣжали изъ Россiи и поселились за Тереконъ, между Чеченцами на Гребнѣ, первомъ хребтѣ лѣсистыхъ горъ Большой Чечни. Живя между Чеченцами, казаки перероднились съ ними и усвоили себѣ обычаи, образъ жизни и нравы горцевъ; но удержали и тамъ, во всей прежней чистотѣ, русскiй языкъ и старую вѣру. Преданiе, еще до сихъ поръ свѣжее между казаками, говоритъ, что царь Иванъ Грозный призжалъ на Терекъ, вызывалъ съ Гребня къ своему лицу стариковъ, дарилъ имъ землю по сю сторону рѣки, увѣщевалъ жить въ дружбѣ и обѣщалъ не принуждать ихъ ни къ подданству, ни къ перемѣнѣ вѣры. Еще до сихъ поръ казацкiе роды считаются родствомъ съ чеченскими, и любовь къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ составляютъ главныя черты ихъ характера. Влiянiе Россiи выражается только съ невыгодной стороны стѣсненiемъ въ выборахъ, снятiемъ колоколовъ, и войсками, которыя стоятъ и проходятъ тамъ. Казакъ, по влеченiю, менѣе ненавидитъ джигита-горца, который убилъ его брата, чѣмъ солдата, который стоитъ у него, чтобы защищать его станицу, но который закурилъ табакомъ его хату. Онъ уважаетъ врага-горца, но презираетъ чужаго для него и угнетателя солдата. Собственно русскiй мужикъ для казака есть какое-то чуждое, дикое и презрѣнное существо, котораго обращикъ онъ видалъ въ заходящихъ торгашахъ и переселенцахъ Малороссiянахъ, которыхъ казаки презрительно называютъ шаповалами. Щегольство въ оде-

ждѣ состоитъ въ подражаніи Черкесу. Лучшее оружіе добывается отъ горца, лучшія лошади покупаются и крадутся у нихъ же. Молодежь казакъ щеголяетъ знаніемъ татарскаго языка, и разгулявшись, даже съ своимъ братомъ говоритъ по-татарски. Несмотря на то, этотъ христіанскій народецъ, закинутый въ уголокъ земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считаетъ себя на высокой степени развитія и признаетъ человѣкомъ только одного казака; на все же остальное смотритъ съ презрѣніемъ. Казакъ большую часть времени проводитъ на кордонахъ, въ походахъ, на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ почти никогда не работаетъ дома. Пребываніе его въ станицѣ есть исключеніе изъ правила, и тогда онъ гуляетъ. Вино у казаковъ у всѣхъ свое, и пьянство есть не столько общая всѣмъ склонность, сколько обрядъ, неисполненіе котораго сочлось бы за отступничество. На женщину казакъ смотритъ какъ на орудіе своего благосостоянія; дѣлать только позволяетъ гулять, бабу же заставляетъ съ молодости и до глубокой старости работать для себя, и смотреть на женщину съ восточнымъ требованіемъ покорности и труда. Вслѣдствіе такого взгляда, женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получаетъ, какъ вообще на Востокѣ, безъ сравненія большее чѣмъ на Западѣ вліяніе и вѣсь въ домашнемъ быту. Удаленіе ея отъ общественной жизни и привычка къ мужской тяжелой работѣ даютъ ей тѣмъ большій вѣсь и силу въ домашнемъ быту. Казакъ, который при постороннихъ считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить съ своею бабой, невольно чувствуетъ ея превосходство оставаясь съ ней съ глазу на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство приобрѣтено ею, и держится только ея трудами и заботами. Хотя онъ и твердо убѣжденъ, что трудъ постыденъ для казака и приличенъ только работнику Нагайцу и женщинѣ, онъ смутно чувствуетъ, что все чѣмъ онъ пользуется и называетъ своимъ есть произведеніе этого труда, и что во власти женщины, матери или жены, которую онъ считаетъ своею холодкой, лишить его всего чѣмъ онъ пользуется. Кромѣ того, постоянный, мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданныя ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женщинѣ, и поразительно развили въ ней физическую силу, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера. Женщины большею частію и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ.

Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Казачки носятъ одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешметъ и чуваки; но платки завязываютъ по-русски. Щегольство, чистота и изящество въ одеждѣ и убранствѣ хатъ составляютъ привычку и необходимость ихъ жизни. Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, женщины, и особенно дѣвки, пользуются совершенною свободою. Станица Новомлисская считалась коремъ гребенскаго казачества. Въ ней, болѣе чѣмъ въ другихъ, сохранились нравы старыхъ Гребенцовъ, и женщины этой станицы изстари славилась своею красотой по всему Кавказу. Средства жизни казаковъ составляютъ виноградные и фруктовые сады, бахчи съ арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посѣвы кукурузы и проса, и военная добыча.

Новомлисская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей чрезъ станицу — рѣка; съ другой, зелѣютъ виноградные, фруктовые сады, и виднѣются песчаные буруны (наносные пески) Нагайской степи. Станица обнесена землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Въѣзжаютъ изъ станицы и въѣзжаютъ въ нее высокими на столбахъ воротами, съ небольшою, крытою камышомъ, крышкою, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шашкѣ и ружьѣ, иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ, фрунтъ проходящему офицеру. Подъ крышкою воротъ, на бѣлой дощечкѣ, черною краскою, написано домовъ 266, мужскаго пола душъ 897, женскаго пола 1012. Дома казаковъ всѣ подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Всѣ ежели не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прилѣплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми, большими окнами многихъ домовъ, за огородами, поднимаются выше хатъ темнозеленыя раины, нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, и тутъ же нагло блестящіе желтые подсолнухи и вьющіяся лозы травянокъ и винограда. На широкой площади виднѣются три лавочки съ

красныхъ товаровъ, сѣмечкомъ, стручками и пряниками; и за высокою оградой, изъ-за ряда старыхъ раицъ, видѣется, длиннѣе и выше всѣхъ другихъ, домъ полковаго командира со створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда мало видѣется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ: на кордонахъ и въ походѣ; старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами на работѣ въ садахъ и огородахъ. Только сошныя старыя, малыя и большыя остаются дома.

V.

Быль тотъ особенный вечеръ, какой бываетъ только на Кавказѣ. Солнце зашло за горы, но было еще свѣтло. Заря охватывала треть неба, и на свѣтѣ зари рѣзко отдѣлялись бѣло-матовыя громады горъ. Воздухъ былъ рѣдокъ, неподвиженъ и звученъ. Длинная, въ нѣсколько верстъ, тѣнь ложилась отъ горъ на степи. Въ степи, за рѣкой, по дорогамъ, вездѣ было пусто. Если рѣдко-рѣдко гдѣ покажутся верховыя, то уже казаки съ кордона и Чеченцы изъ аула, съ удивленіемъ и любопытствомъ, смотрятъ на верховыхъ и стараются догадаться, кто могутъ быть эти недобрыя люди. Какъ вечеръ, такъ люди, изъ страха другъ передъ другомъ, жмутся къ жильямъ, и только звѣрь и птица, не боясь человѣка, свободно рыщутъ по этой пустынѣ. Изъ садовъ спѣшатъ съ веселымъ говоромъ, до захода солнца, казачки, привязывавшія плети. И въ садахъ становится пусто, какъ и во всей окрестности; но станица въ эту пору вечера особенно оживляется. Со всѣхъ сторонъ подвигается пѣшкомъ, верхомъ и на скрипучихъ арбахъ, народъ къ станицѣ. Дѣвки, въ подоткнутыхъ рубахахъ, съ хворостинами, весело болтая, бѣгутъ къ воротамъ на встрѣчу скотины, которая толпится въ облакѣ пыли и комаровъ, приведенныхъ ею за собой изъ степи. Сытыя коровы и буйволы разбредаются по улицамъ, и казачки въ цвѣтныхъ бешметахъ снуютъ между ними. Слышенъ ихъ рѣзкій говоръ, веселый смѣхъ и визги, перебиваемые ревомъ скотины. Тамъ казакъ въ оружіи верхомъ, выпросившійся съ кордона, подъѣзжаетъ къ хатѣ, и перегибаясь къ окну, постукиваетъ въ него, и вслѣдъ за стукомъ показывается красивая молодая голова казачки, и слышатся улыбающіяся ласковыя рѣчи. Тамъ скуластый, оборванный работникъ Нагаецъ, пріѣхавъ съ камышомъ изъ степи, поворачиваетъ скрипящую арбу на чистомъ

широкомъ дворѣ всаула, и скидаетъ ярмо съ мотающихъ головами быковъ, и перекликается по-татарски съ хозяиномъ. Около лужи, занимающей почти всю улицу, и мимо которой столько дѣтъ проходятъ люди, съ трудомъ дѣвпась по заборамъ, пробирается босая казачка съ вязанкой дровъ за спиной, высоко поднимая рубаху надъ бѣлыми ногами, и возвращающійся казакъ охотникъ, шутя кричитъ: „выше подними срамяца“, и цѣлится въ нее, и казачка опускаетъ рубаху, и роняетъ дрова. Старикъ казакъ, съ засученными штанами и раскрытою свдою грудью, возвращаясь съ рыбной ловли, несетъ черезъ плечо въ санеткѣ,¹ еще бьющихся серебристыхъ шамаекъ, и чтобъ ближе пройти, дѣзетъ черезъ проломанный заборъ со сѣда, и отдираетъ отъ забора зацѣпившійся зипунъ. Тамъ баба тащитъ сухой сукъ, и слышатся удары топора за угломъ. Визжать казачата, гоняющіе кубари на улицахъ вездѣ гдѣ вышло ровное мѣсто. Черезъ заборы, чтобы не обходить, перелѣзаютъ бабы. Изъ всѣхъ трубъ поднимается душистый дымъ кизяка. На каждомъ дворѣ слышится усиленная хлопотня, предшествующая тишинѣ ночи.

Бабука Улитка, жена хорунжаго и школьнаго учителя, также какъ и другія, вышла къ воротамъ своего двора, и ожидаетъ скотину, которую по улицѣ гонить ея дѣвка Марьянка. Она не успѣла еще отворить плетня, какъ громадная буйволица, провожаемая комарами, мыча, проламывается сквозь ворота; за ней медленно идутъ сытыя коровы, большими глазами признавая хозяйку и хвостомъ мѣрно хлеща себя по бокамъ. Стройная красавица Марьянка проходитъ въ ворота, и бросая хворостину, закидываетъ плетень, и со всѣхъ рѣзвыхъ ногъ бросается разбивать и загонять на дворѣ скотину. „Разуйся, чортова дѣвка,“ кричитъ мать: „чуваки-то² всѣ истоптала.“ Марьяна нисколько не оскорбляется названіемъ чортовой дѣвки, и принимаетъ эти слова за ласку, и весело продолжаетъ свое дѣло. Лицо Марьяны закрыто обязанымъ платкомъ; на ней розовая рубаха и зеленый бешметъ. Она скрывается подъ навѣсомъ двора, вслѣдъ за жирною крупною скотиной, и только слышится изъ кѣтки ея голосъ, нѣжно уговаривающій буйволицу: „Не постоитъ! Эка ты! Ну тебя, ну матушка!...“ Вскорѣ приходитъ дѣвка съ старухой

¹ Наметку.

² Чуваки—обувь.

изъ закуты въ *избушку*¹, и обѣ везутъ два большіе горшка молока, подои нынѣшняго дня. Изъ глиняной трубы избушка скоро поднимается дымъ кизака, молоко передѣывается въ кабакъ; дѣвка разжигаетъ огонь, а старуха выходитъ къ воротамъ. Сумерки охватили уже станицу. По всему воздуху разлитъ запахъ овоща, скотины и душистаго дыма кизака. У воротъ и по улицамъ, вездѣ перебѣгаютъ казачки, вѣсущія въ рукахъ зажженные тряпки. На дворѣ слышно пытки и спокойная жвачка опроставшейся скотины, и только женскіе и дѣтскіе голоса перекликаются по дворамъ и улицамъ. Въ будни рѣдко когда слышится мужской пьяный голосъ.

Одна изъ казачекъ, старая, высокая, мужественная женщина, съ противоположнаго двора, подходитъ къ бабулкѣ Улиткѣ просить огня; въ рукѣ у нея тряпка.

— Что бабука, убралась? говоритъ она.

— Дѣвка топить. Аль огоньку надо? говоритъ бабука Улитка:—гордая, тебѣ что можетъ услужить?

Обѣ казачки идутъ въ хату; грубыя руки, не привыкшія къ мелкимъ предметамъ, съ дрожаніемъ сдираютъ крышку съ драгоценной коробочки со спичками, которыя составляютъ рѣдкость на Кавказѣ. Пришедшая мужественная казачка садится на приступокъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поболтать.

— Что твой-то, мать, въ школѣ? спрашиваетъ пришедшая.

— Все ребятъ учить, мать. Писалъ, къ празднику будетъ, говоритъ хорунжика.

— Человѣкъ умный вѣдь; въ пользу все.

— Извѣстно, въ пользу.

— А мой Лукаша на кордонѣ, а домой не пускаютъ, говоритъ пришедшая, несмотря на то что хорунжика давно это знаетъ. Ей нужно поговорить про своего Лукашу, котораго она только собрала въ казаки и котораго она хочетъ женить на Марьянѣ, хорунжевой дочери.

— На кордонѣ и стоитъ?

— Стоитъ, мать. Съ праздника не бывалъ. Намедни съ Омушкинымъ рубахи послала. Говоритъ ничего, начальство одобряетъ. У нихъ, баить, опять абрековъ ищутъ. Лукаша, говоритъ, весель, ничего.

¹ Избушкой у казаковъ называется низенькій, холодный срубецъ, гдѣ кипятится и сберегается молочный скопъ.

— Ну и слава Богу, говорить хорунжика.—Урванъ одно слово.

Лукашка прозванъ *урваномъ* за молодечество, за то что казачонка вытаскалъ изъ воды, *урвалъ*. И хорунжика помянула про это, чтобы съ своей стороны сказать пріятное Лукашкиной матери.

— Благодарю Бога, мать, сынъ хорошій, молодецъ, всѣ одобряютъ, говорить Лукашкина мать:—только бы женить его, и померла бы спокойно.

— Что жь, дѣвокъ мало ли по станицѣ? отвѣчаетъ хитрая хорунжика, корявыми руками старательно надѣвая крышку на коробочку со спичками.

— Много, мать, много, замѣчаетъ Лукашкина мать и качаетъ головой:—твоя дѣвка, Марьянушка-то, твоя вотъ дѣвка, такъ по полку поискать.

Хорунжика знаетъ намѣреніе Лукашкиной матери, и хотя Лукашка ей кажется хорошимъ казакомъ, она отклоняется отъ этого разговора, во первыхъ потому что она хорунжика и богачка, а Лукашка—сынъ простаго казака, сирота. Вовторыхъ, потому что не хочется ей скоро разстаться съ дочерью. Главное же, потому что приличіе того требуетъ.

— Что жь, Марьянушка подростеть, также дѣвка будетъ, говорить она сдержанно и скромно.

— Пришло сватовъ, пришло, дай сады уберемъ, твоей милости кланяться придется, говорить Лукашкина мать.—Ильъ Васильевичу кланяться придется.

— Что Илясъ! гордо говорить хорунжика:—со мной говорить надо. На все свое время.

Лукашкина мать, по строгому лицу хорунжика, видитъ, что дальше говорить неудобно, зажигаетъ спичкой тряпку, и приподнимаясь говорить:—не оставь, мать, помни эти слова. Пойду, топить надо, прибавляетъ она.

Переходя черезъ улицу и размахивая въ вытянутой рукѣ зажевленную тряпку, она встрѣчаетъ Марьянку, которая кланяется ей.

„Крала дѣвка, работница дѣвка,“ думаетъ она, глядя на красавицу. „Куда ей расти! Замужъ пора, да въ хорошій домъ, замужъ за Лукашку.“

У бабуки же Улитки своя забота, и она какъ сидѣла на порогѣ, такъ и остается, и о чемъ-то трудно думаетъ, до тѣхъ поръ пока дѣвка не позвала ея.

VI.

Мужское населеніе станицы живетъ въ походахъ и на кордонахъ, или постахъ, какъ называютъ казакъ. Тотъ самый Лукатка *урема*, про котораго говорили старухи въ станицѣ, передъ вечеромъ, стоялъ на вышкѣ Нижне-Протоцкаго поста. Нижне-Протоцкій постъ—на самомъ берегу Терека. Облокотившись на перильцы вышки, онъ щурясь поглядывалъ то на даль за Терекомъ, то внизъ на товарищей казаконъ, и изрѣдка заговаривалъ съ ними. Солнце уже приближалось къ сѣвговому хребту, бывшему надъ курчавыми облаками. Облака, волнуясь у его подошвы, принимали болѣе и болѣе темныя тѣни. Въ воздухѣ разливалась вечерняя прозрачность. Изъ заросшаго дикаго лѣса тянуло свѣжестью, но около поста еще было жарко. Голоса разговаривавшихъ казаконъ звучнѣе раздавались и стояли въ воздухѣ. Коричневый быстрый Терекъ, отчетливѣе отдѣлялся отъ неподвижныхъ береговъ, всюю своею подвигающеюся массой. Онъ начиналъ сбывать, и кое-гдѣ мокрый песокъ бурлялъ на берегахъ и на отмеляхъ. Прямо противъ кордона, на томъ берегу, все было пусто; только низкіе, безконечные и пустынные камыши тянулись до самыхъ горъ. Не много въ сторонѣ видѣлись на низкомъ берегу глиняные дома, плоскія крыши и воронкообразныя трубы чеченскаго аула. Зоркіе глаза казакъ, стоявшаго на вышкѣ, слѣдили въ вечернемъ дымѣ мирнаго аула за движущимися фигурами издалика видѣвшихся Чеченонъ, въ синихъ и красныхъ одеждахъ.

Несмотря на то, что казакъ каждый часъ ожидали переправы и нападенія *абрековъ*¹ съ татарской стороны, особенно въ маѣ мѣсяцѣ, когда лѣсъ по Тереку такъ густъ, что пѣшему трудно пролѣзть чрезъ него, а рѣка такъ мелка, что кое-гдѣ можно переѣзжать ее въ бродъ и несмотря на то что дня два тому назадъ *прібѣгалъ*² отъ полковаго командира казакъ³ съ *цыдулкой*⁴, въ которой значилось, что

¹ Абрекомъ называется не мирной Чеченецъ, съ цѣлю воровства или грабежа переправившійся на русскую сторону Терека.

² Прибѣгалъ, значитъ на казачьемъ нарѣчьи, пріѣзжалъ верхомъ.

³ Цыдулой называется циркуляръ рассылаемый по постамъ.

по полученнымъ чрезъ лазутчиковъ свѣдѣнiямъ, партiя изъ восемь человекъ намѣрена переправиться черезъ Терекъ, и потому предписывается наблюдать особую осторожность,— на кордонѣ не соблюдалось особенной осторожности. Казаки какъ дома, безъ осѣдланыхъ лошадей, безъ оружія, занимались кто рыбною ловлей, кто пьянствомъ, кто охотою. Только лошадь дежурнаго, осѣдланная, ходила въ треногѣ по тернамъ около лѣса, и только часовой казакъ былъ въ черкескѣ, ружьѣ и шашкѣ. Урядникъ, высокій, худощавый казакъ, съ чрезвычайно длинною спиною и маленькими ногами и руками, въ одномъ разстегнутомъ бешметѣ, сидѣлъ на завалинѣ избы, и съ выраженіемъ начальнической лѣни и скуки, закрывъ глаза, переваливалъ голову съ руки на руку. Пожилой казакъ, съ широкою, еѣдоватою, черною бородою, въ одной подпоясанной чернымъ ремнемъ рубахѣ, лежалъ у самой воды, и лѣнливо смотрѣлъ на однообразный, бурлившій и заворачивающій Терекъ. Другіе, также измученные жаромъ, полураздѣтые, кто полоскалъ бѣлье въ Терекѣ, кто вязалъ уздечку, кто лежалъ на землѣ, мурлыкая пѣсню на горячемъ пескѣ берега. Одинъ изъ казаковъ съ худымъ и черно-загорѣлымъ лицомъ, видимо мертвецки пьяный, лежалъ навзничъ у одной изъ стѣнъ избы, часа два тому назадъ бывшей въ тѣни, но на которую теперь прямо падали жгучіе косые лучи.

Лукашка, стоявшій на вышкѣ, былъ высокій, красивый малый, лѣтъ двадцати, очень похожій на мать. Лицо и все сложеніе его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. Несмотря на то, что онъ недавно былъ *сбранъ* въ строевые, по широкому выраженію его лица и спокойной увѣренности позы, видно было, что онъ уже успѣлъ принять свойственную казакамъ и вообще людямъ постоянно носящимъ оружіе, воинственную и нѣсколько гордую осанку, что онъ казакъ и знаетъ себѣ цѣну не ниже настоящей. Широкая черкеска была кое-гдѣ порвана, шапка была заломлена назадъ по-чеченски, ноговицы спущены ниже коленъ. Одежа его была небогатая, но она сидѣла на немъ съ тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоитъ въ подражаніи чеченскимъ джигитамъ. На настоящемъ джигитѣ все всегда широко, оборванно, небрежно; одно оружіе богато. Но надѣто, подпоясано и пригнуто это оборванное платье и оружіе однимъ извѣстнымъ образомъ, кото-

дана дается не каждому, и который сразу бросается въ глаза казаку или горцу. Лукашка имѣлъ этотъ видъ джигита. Заложивъ руки за пашку и щуря глаза, онъ все вглядывался въ дальній путь. Порознь черты лица его были не хороши, но взглянувъ сразу на его статное сложеніе и чернобровое, умное лицо, всакій невольно сказалъ бы: „молодецъ малый!“

— Бабъ-то, бабъ-то въ аулѣ что высыпало! сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, лѣниво раскрывая яркіе бѣлые зубы и не обращая ни къ кому въ особенности.

Назарка, лежавшій внизу, тотчасъ же торопливо поднялъ голову, и замѣтилъ:

— За водой должно идти.

— Изъ ружья бы пугнуть, сказалъ Лукашка, посмѣиваясь:— то-то бы переполошились!

— Не донесетъ.

— Вона! Мое черезъ перенесетъ. Вотъ дай срокъ, ихъ праздникъ будетъ, пойду къ Гирей-хану въ гости, обузу¹ пить, сказалъ Лукашка, сердито отмахиваясь отъ липнувшихъ къ нему комаровъ.

Шорохъ въ чащѣ обратилъ вниманіе казаковъ. Пестрый лягавый ублюдокъ, отыскивая слѣдъ и усилеио махая обѣзаннымъ хвостомъ, подбѣгалъ къ кордону. Лукашка узналъ собаку сосѣда охотника, дяди Ерешки, и вслѣдъ за ней разглядѣвъ въ чащѣ подвигавшуюся фигуру самого охотника.

Дядя Ерешка былъ огромнаго роста казакъ, съ сѣдою какъ лунь, широкою бородой, и такими широкими плечами и грудью, что въ лѣсу, гдѣ не съ кѣмъ было сравнить его, онъ казался не высокимъ: такъ соразмѣрны были всѣ его сильныя члены. На немъ былъ оборванный, подоткнутый зипунъ, на ногахъ обвязанныя веревочками по оучамъ, оленьи *порини*², и растрепанная бѣлая шапчонка. За спиной онъ несъ чрезъ одно плечо *кобылку*³ и мѣшокъ съ курочкой и копчикомъ, для приманки ястреба; чрезъ другое плечо онъ несъ на ремнѣ дикую убитую кошку; на спинѣ, за поясомъ, заткнуты были мѣшочекъ съ пулями, порохомъ и хлѣбомъ, конскій хвостъ, чтобъ отмахиваться отъ комаровъ, большой кинжалъ съ прорванными ножнами, испачканными старою

¹ Татарское пиво изъ пшена.

² Обувь изъ невыдѣланной кожи надѣваемая только размоченная.

³ Орудіе для того, чтобъ подкрадываться подъ фазановъ

кровью, и два убитые фазана. Взглянувъ на кордонъ, онъ остановился.

— Гей, Лямъ! крикнулъ онъ на собаку такимъ залихватнымъ басомъ, что далеко въ лѣсу отозвалось эхо, и перекинувъ на плечо огромное пистолное ружье, называемое у казаковъ *флинтой*, приподнялъ шапку.

— Здорово днєвали, добрые люди! Гей! обратился онъ къ казакамъ тѣмъ же сильнымъ и веселымъ голосомъ, безъ всякаго усиля, но такъ громко, какъ будто кричалъ кому-нибудь на другую сторону рѣки.

— Здорово, дядя! Здорово! весело отозвались, съ разныхъ сторонъ, молодые голоса казаковъ.

— Чтò видали? Сказывай! прокричалъ дядя Ерощка, отирая рукавомъ черкески потъ съ краснаго широкаго лица.

— Слышь, дядя! Какой ястребъ во-тутъ на чинарѣ живетъ! Какъ вечеръ, такъ и вьется, сказалъ Назарка, подмигивая глазомъ и подергивая плечомъ и ногою.

— Ну, ты! недовѣрчиво сказалъ старикъ.

— Право, дядя, ты *посиди*¹, подтвердилъ Назарка, поспѣваясь.

Казаки засмѣялись.

Шутникъ не видалъ никакого ястреба; но у молодыхъ казаковъ на кордонѣ давно вошло въ обычай дразнить и обманывать дядю Ерощку всякїй разъ, какъ онъ приходилъ къ нимъ.

— Э, дуракъ, только брехать! проговорилъ Лукашка съ вышки на Назарку.

Назарка тотчасъ же замоакъ.

— Надо *посидѣть*. *Посидѣть*, отозвался старикъ, къ великому удовольствїю всѣхъ казаковъ.—А свиней видали?

— Легко ли! Свиней смотрѣть! сказалъ урядникъ, очень довольный случаю развлечься, переваливаясь и обѣими руками почесывая свою длинную спину. — Тутъ абрековъ ловить, а не свиней надо. Ты ничего не слышалъ дядя, а? прибавилъ онъ, безъ причины щурясь и открывая бѣлые сплошные зубы.

— Абрековъ-то? проговорилъ старикъ:—нѣ, не слышалъ. А что чихирь есть? Дай испить, добрый человекъ. Измаялся, право. Я тебѣ, вотъ дай срокъ, свѣжинки принесу, право принесу. Поднеси, прибавилъ онъ.

¹ Посидѣть значитъ караулить звѣря.

— Ты что жь *посидѣть*, что ли, хочешь? спросилъ урядникъ, какъ будто не разсѣивая что сказалъ тотъ.

— Хотѣлъ *ночку посидѣть*, отвѣчалъ дядя Ерощка:— може къ празднику и дастъ Богъ, *замордую* что; тогда и тебѣ дамъ; право!

— Дядя? Ау! Дядя, рѣзко крикнулъ сверху Лука, обращая на себя вниманіе, и всѣ казаки оглянулись на Лукашку:— Ты къ верхнему протоку сходи, тамъ табунъ важный ходитъ. Я не вру. Пра! Намеднишь нашъ казакъ одного стрѣлилъ. Правду говорю, прибавилъ онъ, поправляя за спиной винтовку и такимъ голосомъ, что видно было, что онъ не смѣется.

— Э, Лукашка Урванъ здѣсь! сказалъ старикъ, взглядывая кверху.— Кое мѣсто стрѣлилъ?

— А ты и не видалъ! Маленькій видно, сказалъ Лукашка.— У самой у канавы дядя, прибавилъ онъ серіозно, встряхивая головой.— Шли мы такъ-то по канавѣ, какъ онъ затрещитъ, а у меня ружье въ чашлѣ было. Илаяска какъ *лопнетъ*....¹ Да я тебѣ покажу, дядя, кое мѣсто; не далече. Вотъ дай срокъ. Я, братъ, всѣ его дорожки знаю. Дядя Мосевъ! прибавилъ онъ рѣшительно и почти повелительно уряднику:— пора смѣнять!— и подобравъ ружье, не дожидаясь приказанія, сталъ сходить съ вышки.

— Сходи! сказалъ уже послѣ урядникъ, оглядываясь вокругъ себя.— Твои часы, что ли, Гурка? Иди! И то довокъ сталъ Лукашка твой, прибавилъ урядникъ, обращаясь къ старику.— Все какъ ты ходитъ, дома не посидитъ; намедни убилъ одного.

VII.

Солнце уже скрылось, и ночныя тѣни быстро надвигались со стороны лѣса. Казаки кончили свои занятія около кордона, и собирались къ ужину въ избу. Только старикъ, все еще ожидая ястреба и подергивая привязаннаго за ногу копчика, оставался подъ чинарой. Ястребъ сидѣлъ на деревѣ, но не спускался на курочку. Лукашка не торопливо улаживалъ, въ самой чащѣ терновъ, на фазаньей тропкѣ, петли для ловли фазановъ и пѣлъ одну пѣсню за другою. Не смотря на высокій ростъ и большія руки, видно было, что всякая работа, крупная и мелкая, спорилась въ рукахъ Лукашки.

¹ Лопнетъ—выстрѣлитъ на казачьемъ языкѣ.

— Гей, Лука! слышался ему, недалеко изъ чащи, пронзительно звучный голосъ Назарки.—Казакѣ ужинать пошли.

Назарка, съ живымъ фазаномъ подъ мышкой, продираясь черезъ терны, выдѣзъ на тропинку.

— О! сказалъ Лукашка замолкая: — гдѣ пѣтуха-то взялъ! Должно мой пружокъ¹...

Назарка былъ однихъ лѣтъ съ Лукашкой, и тоже съ весны только поступилъ въ строевые.

Онъ былъ малый некрасивый, худенькій, мозглявый, съ визгливымъ голосомъ, который такъ и звенѣлъ въ ушахъ. Они были сосѣди и товарищи съ Лукою. Лукашка сидѣлъ по татарски на травѣ и улаживалъ петли.

— Не знаю чей? Должно твой.

— За ямой что ль у чинары? Мой и есть, вчера поставилъ.

Лукашка всталъ и посмотрѣлъ пойманнаго фазана. Погладивъ рукой по темносизой головѣ, которую пѣтухъ испуганно вытягивалъ, закатывая глаза, онъ взялъ его въ руки.

— Нынче пилавъ сдѣлаемъ; ты поди зарѣжь да оцципи.

— Чтожь, сами съѣдимъ, или уряднику отдать?

— Будеть съ него.

— Боюсь я ихъ рѣзать, сказалъ Назарка.

— Давай сюда.

Лукашка досталъ ножичекъ изъ-подъ кинжала, и быстро дернулъ имъ. Пѣтухъ встрепенулся, но не успѣлъ расправить крылья, какъ уже окровавленная голова загнулась и забилась.

— Вотъ такъ-то дѣлай! проговорилъ Лукашка, бросая пѣтуха.—Жирный пилавъ будетъ.

Назарка вздрогнулъ глядя на пѣтуха,—А слышь, Лука, опять насъ въ *секретъ* пошлетъ чортъ-то, прибавилъ онъ, поднимая фазана и подъ чортомъ разумѣя урядника.—Омушкина за чихиремъ усладе, его чередъ былъ. Котору ночь ходимъ! Только на насъ и выѣзжаетъ.

Лукашка, посвистывая, пошелъ по кордону.—Захвати бичевку-то! крикнулъ онъ.

— Назарка повиновался.

— Я ему нынче скажу, право скажу, продолжалъ Назарка Скажемъ не пойдемъ, измучились, да и все тутъ. Скажи право, онъ тебя послушаетъ. А то что это!

— Въ нашель о чемъ толковать! сказалъ Лукашка, видимо

¹ Снаки, которыя ставятъ для ловли фазановъ.

думая о другомъ:—драви-то! Добро бы изъ станицы на ночь выгнали, обидно бы было. Тамъ погуляешь, а тутъ что? Что на кордонѣ, что въ секретѣ, все одно. Эка ты!...

— А въ станицу придешь?

— На праздникъ пойду.

— Сказывалъ Гурка, твоя Дунайка съ Омушкинымъ гулетъ, вдругъ сказалъ Назарка.

— А чортъ съ ней: отвѣчалъ Лукашка, осканивая сплошныя бѣлые зубы, но не сѣбѣясь.—Развѣ я другой не найду.

— Какъ сказывалъ Гурка-то: пришелъ, говорить, онъ къ ней, а мука явтъ. Омушкинъ сидитъ, пироги ѣсть. Онъ посидѣлъ, да и пошелъ; подѣ окномъ, слышитъ, она и говоритъ: „ушелъ чортъ-то. Что, родной, пирожка не ѣшь? А спать, говорить, ложо не ходи.“ А онъ и говоритъ изъ подѣ окна: „славно.“

— Врешь!

— Право, ей-Богу.

Лукашка помолчалъ. — А другаго нашла; чортъ съ ней: цѣвокъ мало ли? Она мнѣ и то постыла.

— Вотъ ты чортъ какой! сказалъ Назарка.—Ты бы къ Марьянкѣ хоруживой подѣхалъ. Что она ни съ кѣмъ не гулетъ?

Лукашка нахмурился.—Что Марьянка! все одно, сказалъ онъ.

— Да вотъ сукъся-ка...

— А ты что думаешь? Да мало ли ихъ по станицѣ?

И Лукашка опять засвисталъ и пошелъ къ кордону, обрывая листья съ сучьевъ. Проходя по кустамъ, онъ вдругъ остановился, замѣтивъ гладкое деревцо, вынулъ изъ-подъ кинжала ножикъ и вырѣзалъ.—То-то шомполъ будетъ, сказалъ онъ свистя въ воздухѣ прутомъ.

Казаки сидѣли за ужиномъ въ мазаныхъ сѣняхъ кордона, на земляномъ полу, вокругъ низкаго татарскаго столика, когда рѣчь зашла о чередѣ въ *секретъ*:—Кому жь нынче идти? крикнулъ одинъ изъ казаковъ, обращаясь къ уряднику въ отворенную дверь хаты.

— Да кому идти? отозвался урядникъ.—Дядя Бурлакъ ходилъ, Омушкинъ ходилъ, сказалъ онъ не совсѣмъ увѣренно.—Идите вы, что ли? Ты да Назаръ, обратился онъ къ Лукѣ,—да Ергушовъ пойдетъ; авось проспался.

— Ты-то не просыпаешься, такъ ему какъ же! сказалъ Назарка въ подголоса.

Казаки засмѣялись.

Ергушовъ былъ тотъ самый казакъ, который пьяный спалъ у избы. Онъ только что, протирая глаза, ввалился въ сѣни.

Лукашка въ это время, вставъ, справлялъ ружье.

— Да скорѣй идите; поужинайте и идите, сказалъ урядникъ. И не ожидая выраженія согласія, урядникъ затворилъ дверь, видимо мало надѣясь на послушаніе казаковъ.—Кабы не приказано было, я бы не послалъ, а то гляди, сотникъ набѣжитъ. И то, говорятъ, восемь человекъ абрековъ переправилось.

— Чтожь идти надо, говорилъ Ергушовъ:—порядокъ! Нельзя время такое. Я говорю идти надо.

Лукашка между тѣмъ, держа обѣими руками передо ртомъ большой кусокъ фазана, и поглядывая то на урядника, то на Назарку, казалось, былъ совершенно равнодушенъ къ тому что происходило, и смѣялся надъ обоими. Казаки еще не успѣли убраться въ секретъ, когда дядя Ершкя, до ночи напрасно просидѣвшій подъ чинарой, вошелъ въ темныя сѣни.

— Ну ребята, загудѣвъ въ низкихъ сѣняхъ его бась, покрывавшій всѣ голоса,—вотъ и я съ вами пойду. Вы на Чеченцевъ, а я на свиней сидѣть буду.

VIII.

Было уже совсѣмъ темно, когда дядя Ершкя и трое казаковъ съ кордона, въ буркахъ и съ ружьями за плечами, пошли вдоль по Тереку на мѣсто назначенное для секрета. Назарка вовсе не хотѣлъ идти, но Лука крикнулъ на него, и они живо собрались. Пройдя молча нѣсколько шаговъ, казаки свернули съ канавы, и по чуть-замѣтной тропиакѣ въ камышахъ подошли къ Тереку. У берега лежало толстое черное бревно, выкинутое водой, и камышъ вокругъ бревна былъ свѣжо примять.

— Здѣсь что ль сидѣть? сказалъ Назарка.

— А то чего жь! сказалъ Лукашка:—садись здѣсь, а я живо приду, только дядѣ укажу.

— Самое тутъ хорошее мѣсто: насъ не видать, а намъ видно, сказалъ Ергушовъ:—тутъ и сидѣть; самое первое мѣсто.

Назарка съ Ергушовымъ, разостлавъ бурки, расположились за бревномъ, а Лукашка пошелъ дальше съ дядей Ершкюй.

— Вотъ тутъ не далече, дядя, сказалъ Лукашка, не слышно ступая впередъ старика:—я укажу гдѣ прошли. Я, братъ, одинъ знаю.

— Укажь: ты молодець урванъ, также шопотомъ отвѣчалъ старикъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Лукашка остановился, нагнулся надъ лужицей и свиснулъ. — Вотъ гдѣ путь прошли, видишь чтоль? чуть слышно сказалъ онъ, указывая на свѣжій слѣдъ.

— Спаси тебя Христось, отвѣчалъ старикъ:—*карга* за канавой въ *котлубани*¹ будетъ, прибавилъ онъ.—Я посижу, а ты ступай.

Лукашка вскинулъ выше бурку, и одинъ пошелъ назадъ по берегу, быстро поглядывая то на лѣво на стѣну камышей, то на Терекъ, бурлившій подлѣ подъ берегомъ. „Вѣдь то же караулить или поззеть гдѣ-нибудь“, подумалъ онъ про Чеченца. Вдругъ сильный шорохъ и плесканье въ водѣ заставили его вздрогнуть и схватиться за винтовку. Изъ-подъ берега, отдуваясь, выскочилъ кабанъ, и черная фигура, отделившись на мгновенье отъ глянцовой поверхности воды, скрылась въ камышахъ. Лука быстро выхватилъ ружье, приложился, но не успѣлъ выстрѣлить: кабанъ уже скрылся въ чащѣ. Плюнувъ съ досады, онъ пошелъ дальше. Подходя къ мѣсту секрета, онъ снова приостановился и слегка свиснулъ. Свистокъ откликнулся, и онъ подошелъ къ товарищамъ.

Назарка, свернувшись, уже спалъ. Ергушовъ сидѣлъ поджавъ подъ себя ноги, и не много посторонился чтобы дать мѣсто Лукашкѣ.

— Какъ сидѣть весело, право мѣсто хорошее, сказалъ онъ. Проводилъ?

— Указалъ, отвѣчалъ Лукашка, разстилая бурку.—А сейчасъ какого здороваго кабана у самой воды стронулъ. Должно тотъ самый! Ты небось слышалъ какъ затрепалъ?

— Слышалъ, какъ затрепалъ звѣрь. Я сейчасъ узналъ, что звѣрь. Такъ и думаю: Лукашка звѣря спугнулъ, сказалъ Ергушовъ, завертываясь въ бурку.—Я теперь засну, прибавилъ онъ:—ты разбуди послѣ пѣтуховъ; потому, порядокъ надо. Я засну, поспимъ; а тамъ ты заснешь, я посижу; такъ-то.

— Я и спать, спасибо, не хочу, отвѣтилъ Лукашка.

¹ „Котлубанью“ называется яма, иногда просто лужа, въ которой мажется кабанъ, натирая себя „кааганъ“, толстую хрящеватую шкуру.

Ночь была темная, теплая и безвѣтренная. Только съ одной стороны небосклона свѣтились звѣзды; другая и большая часть неба, отъ горъ, была заволочена одною большою тучей. Черная туча, сливаясь съ горами, безъ вѣтра, медленно подвигалась дальше и дальше, рѣзко отдѣляясь своими изогнутыми краями отъ глубокаго звѣзднаго неба. Только впереди казаку видѣлся Терекъ и даль; сзади и съ боковъ, его окружала стѣна камышей. Камыши изрѣдка, какъ будто безъ причины, начинали колебаться и шуршать другъ о друга. Снизу, колеблющіяся махапки казались пушистыми вѣтвями деревъ на свѣтломъ краю неба. У самыхъ ногъ спереди былъ берегъ, подъ которымъ бурлилъ потокъ. Дальше гляцовитая движущаяся масса коричневой воды однообразно рябила около отмелей и берега. Еще дальше,—и вода, и берегъ, и туча, все сливалось въ непроницаемый мракъ. По поверхности воды тянулись черныя тѣни, которыя привычный глазъ казака признавалъ за проносимыя сверху каряги. Только изрѣдка зарница, отражаясь въ водѣ, какъ въ черномъ зеркалѣ, обозначала черту противоположнаго отлогаго берега. Равногѣрные ночные звуки, шуршанье камышинъ, храпѣнье казаковъ, жужжанье комаровъ и теченье воды прерывались изрѣдка то дальнимъ выстрѣломъ, то будканьемъ отваливагося берега, то всплескомъ большой рыбы, то трескомъ звѣря по дикому заросшему лѣсу. Разъ сова пролетѣла вдоль по Тереку, задѣвая ровно черезъ два взмаха крыломъ о крыло. Надъ самою головой казаковъ она поворотила къ лѣсу, и подлетая къ дереву, не черезъ разъ, а уже съ каждымъ взмахомъ задѣвала крыломъ о крыло, и потомъ долго копошилась, усаживаясь на старой чинарѣ. При всякомъ такомъ неожиданномъ звукѣ, слухъ не спавшаго казака усиленно напрягался, глаза щурились, и онъ неторопливо ощупывалъ винтовку.

Прошла большая часть ночи. Черная туча, протянувшись на западъ изъ-за своихъ разорванныхъ краевъ, открыла чистое звѣздное небо, и перевернутый золотистый рогъ мѣсяца красно засвѣтился надъ горами. Стало прохватывать холодомъ. Назарка проснулся, поговорилъ и опять заснулъ. Лукашка соскучился, всталъ, досталъ ножикъ изъ-подъ кинжала и началъ строгать палочку на шомполъ. Въ головѣ его бродили мысли о томъ, какъ тамъ въ горахъ живутъ Чеченцы, какъ ходятъ молодцы на эту сторону, какъ не боятся они казаковъ, и какъ могутъ переправиться въ другомъ мѣстѣ. И онъ высо-

ывался и глядѣлъ вдоль рѣки, но ни чего не было видно. Изрѣдка поглядывая на рѣку и дальній берегъ, слабо отдѣлившійся отъ воды при робкомъ свѣтѣ мѣсяца, онъ уже пересталъ думать о Чеченцахъ, и только ждалъ времени будить товарищей и идти въ станицу. Въ станицѣ ему представлялась Дунька, его *душенька*, какъ называютъ казаки любовницъ, и онъ съ досадою думалъ о ней. Признаки утра: серебристый туманъ забѣлѣлъ надъ водой, и молодые орлы, не далеко отъ него, пронзительно засвистали и захлопали крыльями. Наконецъ, вскрикъ перваго пѣтуха донесся далеко изъ станицы, вслѣдъ за тѣмъ другой протяжный пѣтушиный крикъ; на который отозвались другіе голоса.

„Пора будить,“ подумалъ Лукашка, кончивъ шомполь, и почувствовавъ что глаза его отяжелѣли. Обернувшись къ товарищамъ, онъ разглядѣлъ кому какія принадлежали ноги; но вдругъ ему показалось, что плеснуло что-то на той сторонѣ Терека, и онъ еще разъ оглянулся на свѣтающій горизонтъ горъ, подъ перевернутымъ серпомъ, на черту того берега, на Терекъ, и на отчетливо видѣвшіяся теперь, плывущія по немъ карчи. Ему показалось, что онъ движется, а Терекъ съ карчами не подвиженъ; но это продолжалось только мгновеніе. Онъ опять сталъ вглядываться. Одна большая черная карча, съ сукомъ, особенно обратила его вниманіе. Какъ-то странно, не перекачиваясь и не крутясь, плыла эта карча по самой серединѣ. Ему даже показалось, что она плыла не по теченію, а перебивала Терекъ на отмель. Лукашка, вытянувъ шею, началъ пристально слѣдить за ней. Карча подплыла къ мели, остановилась и странно зашевелилась. Лукашкѣ замерещилось, что показалась рука изъ-подъ карчи. „Вотъ какъ абрека одинъ убыю!“ подумалъ онъ, схватился за ружье, неторопливо, но быстро разставилъ подсошки, положилъ на нихъ ружье, не слышно, придерживавъ, взвелъ курокъ, и притаивъ дыханіе, сталъ дѣлится, все всматриваясь. „Будить не стану,“ думалъ онъ. Однако сердце застучало у него въ груди такъ сильно, что онъ остановился и прислушался. Карча вдругъ бултыхнула и снова поплыла, перебивая воду, къ нашему берегу. „Не пропустить бы!“ подумалъ онъ, и вотъ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца, ему мелькнула татарская голова впереди карчи. Онъ навелъ ружьемъ прямо на голову. Она ему показалась совсемъ близко, на концѣ ствола. Онъ глянулъ черезъ. „Онъ и есть абрекъ,“ подумалъ онъ радостно, и вдругъ порывисто

вскочивъ на колѣни, снова повелъ ружьемъ, высмотрѣлъ цѣль, которая чуть видѣлась на концѣ длинной винтовки, и по казачьей, съ дѣтства усвоенной привычкѣ, проговоривъ: „Отцу и Сыну“, пожалъ шпашечку спуска. Блеснувшая молнія на мгновеніе освѣтила камыши и воду. Рѣзкій, отрывистый звукъ выстрѣла разнесся по рѣкѣ, и гдѣ-то далеко перешелъ въ грохотъ. Карча уже поплыла не поперекъ рѣки, а внизъ по теченью, крутясь и колыхаясь.

— Держи, я говорю! закричалъ Ергушовъ, ощупывая винтовку и приподнимаясь изъ-за чурбана.

— Молчи чортъ! стиснувъ зубы, прошенталъ на него Лука: — абреки!

— Кого стрѣлилъ? спрашивалъ Назарка: — кого стрѣлилъ, Лукашка?

Лукашка ничего не отвѣчалъ. Онъ заряжалъ ружье и слѣдилъ за уплывающею карчей. Не подалеку остановилась она на отмели, и изъ-за нея показалось что-то большое, покачиваясь на водѣ.

— Чего стрѣлилъ? Что не сказываешь? повторили казаки.

— Абреки! сказываютъ тебѣ, повторилъ Лука.

— Будетъ брехать-то! Али такъ вышло ружье-то?...

— Абрека убилъ! Вотъ что стрѣлилъ! проговорилъ сорвавшимся отъ волненія голосомъ: Лукашка, вскакивая на ноги, — Человѣкъ плывъ... сказалъ онъ, указывая на отмель. — И его убилъ. Глянь-ка сюда.

— Будетъ врать-то, повторялъ Ергушовъ, протирая глаза.

— Чего будетъ? Вотъ, гляди! Гляди сюда, сказалъ Лукашка, схватывая его за плеча и пригибая къ себѣ съ такою силой, что Ергушовъ охнулъ.

Ергушовъ посмотрѣлъ по тому направленію, куда указывалъ Лука, и разсмотрѣвъ тѣло, вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Эна! Я тебѣ говорю, другіе будутъ, вѣрно тебѣ говорю, сказалъ онъ тихо, и сталъ осматривать ружье. — Это передовой плывъ; либо ужъ здѣсь, либо не далече на той сторонѣ; я тебѣ вѣрно говорю.

Лукашка распоясался и сталъ скидывать черкеску.

— Куда ты, дуракъ? крикнулъ Ергушовъ: — сунься только, ни за что пропадешь, я тебѣ вѣрно говорю. Коли убилъ, не уйдетъ. Дай натруску порошку подсыпать. У тебя есть? Назаръ! ты ступай живо на кордонъ, да не по берегу ходи: убьютъ, вѣрно говорю.

— Такъ я одинъ и пошелъ! Ступай самъ, сказалъ сердито Назарка.

Лукашка, снявъ черкеску, подошелъ къ берегу.

— Не лаяй говорить, проговорилъ Ергушовъ, подсыпая порохъ на полку ружья.—Вишь не шелохнется, ужъ я вижу. До утра не далече, дай съ кордона прибѣгутъ. Ступай Назаръ; эка робѣешь! Не робѣй, я говорю.

— Лука, а, Лука! говорилъ Назарка:—да ты скажи, какъ бѣшь.

Лука раздумалъ тотчасъ же лѣзть въ воду.

— Ступайте на кордонъ живо, а я посижу. Да казакамъ велите въ развѣздъ послать. Коли на этой сторонѣ.... ловить надо!

— Я говорю уйдутъ, сказалъ Ергушовъ поднимаясь,—ловить надо, вѣрно.

И Ергушовъ съ Назаркой встали, и перекрестившись, пошли къ кордону, но не берегомъ, а ломаясь черезъ терны и пролѣзая на лѣсную дорожку.

— Ну, смотри Лука, не шелохнись, проговорилъ Ергушовъ, —а то тоже здѣсь срѣжутъ тебя. Ты смотри не зѣвай, я говорю.

— Иди, знаю, проговорилъ Лука, и осмотрѣвъ ружье, сѣлъ опять за чурбанъ.

Лукашка сидѣлъ одинъ, смотрѣлъ на отмель и прислушиваясь не слыхатъ ли казаковъ; но до кордона было далеко, а его мучило нетерпѣнье; онъ такъ и думалъ, что вотъ уйдутъ тѣ абреки, которые шли съ убитымъ. Какъ на кабана, который ушелъ вечеромъ, досадно было ему на абрековъ, которые уйдутъ теперь. Онъ поглядывалъ то вокругъ себя, то на тотъ берегъ, ожидая, вотъ, вотъ увидать еще человѣка; и прищавивъ подсошки, готовъ былъ стрѣлять. О томъ, чтобы его убили, ему и въ голову не приходило.

IX.

Уже начинало свѣтать. Все чечекское гѣло, остановившееся и чуть колыхавшееся на отмели, было теперь ясно видно. Вдуръ, не вдалекѣ отъ казака, затрещалъ камышъ, слышались шаги и зашевелились махалки камыша. Казакъ взвелъ на второй взводъ и проговорилъ: „Отцу и Сыну“. Вслѣдъ за щелканьемъ курка шаги затихли.

— Гей, казаки! Дядю не убей, слышался спокойный бас и раздвигая камыши, дядя Ерощка вплоть подошелъ къ нему.

— Чуть чуть не убилъ тебя, ей Богу! сказалъ Лукашка.

— Что стрѣлилъ? спросилъ старикъ.

Звучный голосъ старика, раздавшійся въ лѣсу и внизъ на рѣкѣ, вдругъ уничтожилъ ночную тишину и таинственность окружавшую казака. Какъ будто вдругъ свѣтлѣй и виднѣе стало.

— Ты вотъ ничего не видалъ дядя, а я убилъ звѣря, сказалъ Лукашка, спуская курокъ и вставая неестественно спокойно.

Старикъ, уже не спуская съ глазъ, смотрѣлъ на ясно теперь бѣлѣвшуюся спину, около которой рябилъ Терекъ.

— Съ карчей на спицѣ плывъ. Я его высмотрѣлъ, да какъ.... Глянь-ко сюда! Во! Въ порткахъ синихъ, ружье никакъ.... Видишь что ль? говорилъ Лука.

— Чего не видать! съ сердцемъ сказалъ старикъ, и что-то серьезное и строгое выразилось въ лицѣ старика. — Джигита убилъ, сказалъ онъ какъ будто съ сожалѣниемъ.

— Сидѣлъ такъ-то я, гляжу, что чернѣетъ съ той стороны? Я еще тамъ его высмотрѣлъ, точно человекъ подошелъ и упалъ. Что за диво! А карча, здоровая карча плыветъ, да не вдоль плыветъ, а поперекъ перебиваетъ. Глядь, а изъ подъ нея голова показывается. Что за чудо? Повелъ я, изъ камышато мнѣ и не видно; привсталъ, а онъ услышалъ вѣрно бестія, да на отмель и выползъ, оглядываетъ. Врешь, думаю, не уйдешь. Только выползъ, оглядываетъ. (Охъ, глотку завалило чѣмъ-то!) Я ружье изготовилъ, не шелохнусь, выжидаю. Постоялъ, постоялъ, опять и поплылъ, да какъ наплылъ на мѣсяцъ, то такъ ажъ спина видна. „Отду и Сыну и Святому Духу.“ Глядь изъ-за дыма, а онъ и барахтается. Застоналъ, али почудилось мнѣ? Ну, слава Тебѣ Господи, думаю, убилъ! А какъ на отмель вынесло, все наружу стало, хочетъ встать, да и нѣтъ силы-то. Побился, побился и легъ. Чисто, все видать. Вишь не шелохнется, должно издохъ. Казаки на кордонъ побѣжали, какъ бы другіе не ушли!

— Такъ и поймалъ! сказалъ старикъ.—Далече, братъ, теперь....—И онъ опять печально покачалъ головою. Въ это время, пѣшіе и конные казаки съ громкимъ говоромъ и трескомъ сучьевъ слышались по берегу.—Ведутъ каюкъ, что ли? крикнулъ

Лука.—Молодецъ Лука! тащи на берегъ, кричалъ одинъ изъ казаковъ. Лукашка, не дожидаясь каюка, сталъ раздѣваться, не спуская глазъ съ добычи.

— Погоди, каюкъ Назарка ведетъ, кричалъ урядникъ.

— Дуракъ! Живой, можетъ! Притворился! Кинжалъ возьми, прокричалъ другой казакъ.

— Толкуй! крикнулъ Лука, скидывая портки. Онъ живо раздѣся, перекрестился, и подпрыгнувъ, со всплескомъ вскочилъ въ воду, обмокнулся, и въ размахку кидая бѣлыми руками, и высоко поднимая спину изъ воды, и отдувая поперекъ теченія, сталъ перебивать Терекъ къ отмели. Толпа казаковъ звонко, въ нѣсколько голосовъ, говорила на берегу. Трое конныхъ поѣхали въ объѣздъ. Каюкъ показался изъ-за поворота. Лукашка поднялся на отмели, нагнулся надъ тѣломъ, ворохнулъ его раза два. „Какъ есть мертвый!“ прокричалъ оттуда рѣзкій голосъ Луки.

Чеченецъ былъ убитъ въ голову. На немъ были синія портки, рубаха, черкеска, ружье и кинжалъ, привязанныя на спину. Сверхъ всего былъ привязанъ большой сукъ, который и обманулъ сначала Лукашку.

— Вотъ такъ сазанъ попался! сказалъ одинъ изъ собравшихся кружкомъ казаковъ, въ то время какъ вытащенное изъ каюка чеченское тѣло, приминая траву, легло на берегъ.

— Да и желтой же какой! сказалъ другой.

— Гдѣ искать поѣхали наши? они небось всѣ на той сторонѣ. Кабы не передовой былъ, такъ не такъ бы плылъ. Одному зачѣмъ плыть? сказалъ третій.

— То-то ловкой должно, впередъ всѣхъ выискался. Самый видно джигитъ! насмѣшливо сказалъ Лукашка, выжимая мокрое платье у берега и безпрестанно вздрагивая.—Борода крашена, подстрижена.

— И зипунъ въ мѣшечкѣ на спину приладилъ. Оно и плыть ему легче отъ нея, сказалъ кто-то.

— Слышь Лукашка! сказалъ урядникъ, державшій въ рукахъ кинжалъ и ружье снятые съ убитаго.—Ты кинжалъ себѣ возьми и зипунъ возьми, а за ружье, приди, я тебѣ три монета дамъ. Вишь оно и съ свищомъ, прибавилъ онъ, пуская дуть въ дуло:—такъ мнѣ на память лестно.

Лукашка ничего не отвѣтилъ, ему видимо досадно было это вопрошанничество; но онъ зналъ, что этого не миновать.

— Вишь чортъ какой! сказалъ онъ хмурясь и бросая на

земь чеченскій зипунъ:—хоть бы зипунъ хорошій былъ, а то байгушъ.

— Годится за дровами ходить, сказалъ другой казакъ.

— Мосевъ! я домой схожу, сказалъ Лукашка, видимо ужъ забывъ свою досаду, и желая употребить въ пользу подарокъ начальнику.

— Иди, что жь!

— Оттащи его за кордонъ ребята, обратился урядникъ къ казакамъ, все осматривая ружье. — Да шалашикъ отъ солнца надъ нимъ сдѣлать надо. Може изъ горъ выкупать будутъ.

— Еще не жарко, сказалъ кто-то.

— А чакалка изорветъ! Это развѣ хорошо? Замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

— Караулъ поставимъ, а то выкупать придуть; не хорошо коли порветъ.

— Ну Лукашка, какъ хочешь; ведро ребятамъ поставишь, прибавилъ урядникъ весело.

— Ужь какъ водится, подхватили казаки. — Вишь счастье Богъ далъ, ничего не видавши абрека убилъ.

— Покупай кинжалъ и зипунъ. Давай денегъ больше. И портки продамъ. Богъ съ тобой, говорилъ Лука. — Мнѣ не налѣзуть: поджарый чортъ былъ.

Одинъ казакъ купилъ зипунъ за *монетъ*. За кинжалъ далъ другой два ведра.

— Пей ребята, ведро ставлю, сказалъ Лука,—самъ изъ станицы привезу.

— А портки дѣвкамъ на платки изрѣжь, сказалъ Назарка. Казаки загрохотали.

— Будетъ вамъ смѣяться, повторилъ урядникъ:—оттащи тѣло-то. Что пакость такую у избы положили..

— Что стали? Тащи его сюда ребята! повелительно крикнулъ Лукашка казакамъ, которые не охотно брались за тѣло, и казаки исполнили его приказаніе, точно онъ былъ начальникъ. Протащивъ тѣло нѣсколько шаговъ, казаки опустили ноги, которыя, безжизненно вздрогнувъ, опустились, и разступившись, постояли молча нѣсколько времени. Назарка подошелъ къ тѣлу и поправилъ подвернувшуюся голову такъ чтобы видѣть кровавую круглую рану надъ вискомъ и лицо убитаго. „Вишь замѣтку какую сдѣлалъ! въ самые мозги!“ проговорилъ онъ: „не пропадетъ, хозяева узнаютъ.“ Никто ничего не отвѣтилъ, и снова тихій ангелъ пролетѣлъ надъ казаками.

Солнце уже поднялось, и раздробленными лучами освѣщало росистую зелень. Терекъ бурлилъ не подалеку въ проснувшемся лѣсу; встрѣчая утро, со всѣхъ сторонъ, перекликались фазаны. Казаки молча и неподвижно стояли вокругъ убитаго и смотрѣли на него. Коричневое тѣло, въ однихъ потемнѣвшихъ, мокрыхъ, синихъ порткахъ, станутыхъ пояскомъ на впадомъ животѣ, было стройно и красиво. Мускулистая руки лежали прямо, вдоль реберъ. Синеватая, свѣжевыбритая круглая голова, съ запекшеюся раной съ боку, была откинута. Гладкій, загорѣлый лобъ рѣзко отдѣлялся отъ бритаго мѣста. Стеклянно открытые глаза, съ низко остановившимися зрачками, смотрѣли вверхъ, казалось, мимо всего. На тонкихъ губахъ, растянутыхъ въ края и выставившихся изъ-за красныхъ подстриженныхъ усовъ, казалось оставилась добродушная, тонкая усмѣшка. На маленькихъ костяхъ рукъ, поросшихъ рыжими волосами, пальцы были загнуты внутрь и ногти выкрашены краснымъ. Лукашка все еще не одѣвался, онъ былъ мокрымъ, шея его была красна, и глаза его блестѣли больше обыкновеннаго; широкія скулы вздрагивали; отъ бѣлаго, здороваго тѣла шелъ чуть замѣтный паръ на утреннемъ свѣжемъ воздухѣ.

— Тоже человекъ былъ! проговорилъ онъ, видимо любясь мертвецомъ.

— Да, попался бы ему, спуска бы не далъ, отозвался одинъ изъ казаковъ.

Тихій ангелъ отлетѣлъ. Казаки зашевелились, заговорили. Двое пошли рубить кусты для шалаша. Другіе побрѣли къ кордону. Лука съ Назаркой побѣжали собираться въ станицу.

Спустя полчаса, черезъ густой лѣсъ отдѣлявшій Терекъ отъ станицы, Лукашка съ Назаркой почти бѣгомъ шли домой, не переставая разговаривать.

— Ты ей не сказывай смотри, что я прислалъ; а поди посмотри, мужъ дома что ли? говорилъ Лука рѣзкимъ голосомъ.

— А я къ Ямкѣ пойду,—погуляемъ, чтоль? спрашивалъ покорный Назаръ.

— Ужь когда же гулять-то, что не нынѣ, отвѣчалъ Лука.

Придя въ станицу, казаки выпили и завалились спать до вечера.

X.

На третій день послѣ описаннаго событія, двѣ роты казачьаго пѣхотнаго полка пришли стоять въ Новомлинскую станицу. Отпряженный ротный обозъ уже стоялъ на площади. Кашевары, вырывъ яму и притащивъ съ разныхъ дворовъ плохо лежавшія чурки, уже варили кашу. Фельдфебеля разчитывали людей. Фурштаты забивали кольца для коновязи. Квартирьеры, какъ домашніе люди, сновали по улицамъ и переулкамъ, указывая квартиры офицерамъ и солдатамъ. Тутъ были зеленые ящики выстроенные во фронтъ. Тутъ были артельные повозки и лошади. Тутъ были котлы, въ которыхъ варилась каша. Тутъ былъ и капитанъ, и поручикъ, и Онисимъ Михайловичъ фельдфебель. И находилось все это въ той самой станицѣ, гдѣ, слышно было, приказано стоять ротамъ; слѣдовательно, роты были дома. Зачѣмъ стоять тутъ? Кто такіе это казаки? Нравится ли имъ, что будутъ стоять у нихъ? Раскольники они или нѣтъ? До этого нѣтъ дѣла. Распущенные отъ разчета, изнуренные и запыленные солдаты, шумно и беспорядочно, какъ усаживающійся рой, разсыпаются по площадямъ и улицамъ; рѣшительно не замѣчая нерасположенія казаковъ, по двое, по трое, съ веселымъ говоромъ и позвякивая ружьями, входятъ въ хаты, развѣшиваютъ амуницію, разбираютъ мѣшечки и пошучиваютъ съ бабами. Къ любимому солдатскому мѣсту, къ кашѣ, собирается большая группа, и съ трубочками въ зубахъ, солдатки поглядывая то на дымъ, не замѣтно поднимающійся въ жаркое небо и сгущающійся въ вышинѣ, какъ бѣлое облако, то на огонь костра, какъ расплавленное стекло дрожащій въ чистомъ воздухѣ, острять и потѣшаются надъ казаками и казачками за то, что они живутъ совсѣмъ не такъ, какъ Русскіе. По всѣмъ дворамъ виднѣются солдаты и слышенъ ихъ хохоть, слышны ожесточенные и пронзительные крики казачекъ, защищающихъ свои дома, не дающихъ воды и посуды. Мальчишки и дѣвчонки, прижимаясь къ матерямъ и другъ къ другу, съ испуганнымъ удивленіемъ, слѣдятъ за всѣми движеніями невиданныхъ еще ими армейскихъ, и на почтительномъ разстояніи бѣгаютъ за ними. Старые казаки выходятъ изъ хатъ, садятся на завалинкахъ, и мрачно и молчаливо смотрятъ на

люпотню солдатъ, какъ будто махнувъ рукой на все и не повинная что изъ этого можетъ выйдти.

Оленину, который уже три мѣсяца какъ былъ зачисленъ офицеромъ въ кавказскій полкъ, была отведена квартира въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ ставицѣ, у хорунжаго Иаи Васильевича, то-есть у бабуки Улты.

— Что это будетъ такое, Дмитрій Андреевичъ? говорилъ запыхавшійся Ванюша Оленину, который верхомъ въ черкескѣ, на купленномъ въ Грозной кабардинцѣ, весело, послѣ пяти-часоваго перехода, вѣзжалъ на дворъ отведенной квартиры.

— А что Иванъ Васильичъ? спросилъ онъ поддабривая лошадь и весело глядя на вспотѣвшаго, со спутанными волосами и разстроеннымъ лицомъ, Ванюшу, который прѣхалъ съ обозомъ и разбираалъ вещи.

Оленинъ на видъ казался совсѣмъ другимъ челоувкомъ. вмѣсто бритыхъ скулъ, у него были молодые усы и борода. вмѣсто истасканнаго ночью жизнью желтоватаго лица,—на щекахъ, на лбу, за ушами, былъ красный, здоровой загаръ. вмѣсто чистаго, новаго чернаго фрака, была бѣлая, грязная съ широкими складками черкеска и оружіе. вмѣсто свѣжихъ крахмальныхъ воротничковъ, красный воротъ канаусоваго бешмета, который стягивалъ загорѣлую шею. Онъ былъ одѣтъ по-черкесски, но плохо; всякій узналъ бы въ немъ Русскаго, а не джигита. Все было такъ, да не такъ. Несмотря на то, вся наружность его дышала здоровьемъ, веселостью и самоудовольствомъ.

— Вамъ вотъ смѣшно, сказалъ Ванюша:—авы подите-ка сами поговорите съ этимъ народомъ, не даютъ тебѣ хода, да и шабашъ. Слова такъ и того не добьешься. — Ванюша сердито бросилъ къ порогу желѣзное ведро. — Не Русскіе какіе-то.

— Да ты бы станичнаго начальника спросилъ?

— Да вѣдь я ихъ мѣстоположенія не знаю, обиженно отвѣчалъ Ванюша.

— Ктожь тебя такъ обижаетъ? спросилъ Оленинъ, оглядываясь кругомъ.

— Чортъ ихъ знаетъ! Тьфу! Хозяина настоящаго нѣту, на какую-то *кригу* *, говорятъ, пошелъ. А старуха такая дьяволь,

* „Кригой“ называется мѣсто у берега, огороженное плетнемъ для ловли рыбы.

что упаси Господи, отвѣчалъ Ванюша, хватаясь за голову. Какъ тутъ жить будетъ, я ужь не знаю. Хуже Татаръ, ей Богу. Даромъ что тоже христіане считаются. На что Татаринъ, и тотъ благороднѣй. „На кругу пошелъ!“ Какую кругу выдумали, неизвѣстно! заключилъ Ванюша и отвернулся.

— Что? не такъ какъ у насъ на дворнѣ? сказалъ Оленинъ, подтрунивая и не слѣзая съ лошади.

— Лошадь-то пожалуйте, сказалъ Ванюша, видимо озадаченный новымъ для него порядкомъ, но покоряясь своей судьбѣ.

— Такъ Татаринъ благороднѣй? А, Ванюша? повторилъ Оленинъ, слѣзая съ лошади и хлопая по сѣдлу.

— Да, вотъ вы смѣитесь тутъ! Вамъ смѣшно! проговорилъ Ванюша сердитымъ голосомъ.

— Постой, не сердись Иванъ Васильичъ, отвѣчалъ Оленинъ, продолжая улыбаться.— Дай вотъ я пойду къ хозяйкамъ, посмотри все улажу. Еще какъ заживемъ славно! Ты не волнуйся только.

Ванюша не отвѣчалъ, а только прищуривъ глаза, презрительно посмотрѣлъ вслѣдъ барину, и покачалъ головой. Ванюша смотрѣлъ на Оленина только какъ на барина. Оленинъ смотрѣлъ на Ванюшу только какъ на слугу. И они оба очень удивились бы, ежели бы кто-нибудь сказалъ имъ, что они друзья. А они были друзья, сами того не зная. Ванюша былъ взятъ въ домъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда и Оленину было столько же. Когда Оленину было пятнадцать лѣтъ, онъ одно время занимался обученіемъ Ванюши и выучилъ его читать по-французски, чѣмъ Ванюша пренебрежительно гордился. И теперь Ванюша, въ минуты хорошаго расположенія духа, отпускалъ французскія слова, и при этомъ всегда глупо смѣялся.

Оленинъ вбѣжалъ на крыльцо хаты и толкнулъ дверь въ сѣни. Марьянка въ одной розовой рубахѣ, какъ обыкновенно дома ходятъ казачки, испуганно отскочила отъ двери, и прижавшись къ стѣнѣ, закрыла нижнюю часть лица широкимъ рукавомъ татарской рубахи. Отворивъ дальше дверь, Оленинъ увидѣлъ въ полусвѣтѣ всю высокую и стройную фигуру молодой казачки. Съ быстрымъ и жаднымъ любопытствомъ молодости, онъ невольно замѣтилъ сильныя и дѣтственныя формы, обозначившіяся подъ тонкою ситцевою рубахой, и прекрасныя черныя глаза, съ дѣтскимъ ужасомъ и дикимъ любопытствомъ устремленные на него. „Вотъ

она! подумалъ Оленинъ. „Да еще много такихъ будетъ, вслѣдъ за тѣмъ пришло ему въ голову,“ и онъ отворилъ другую дверь въ хату. Старая бабука Улитка, также въ одной рубахѣ, согнувшись, задомъ къ нему, выметала полъ.

— Здравствуй матушка! Вотъ я о квартирѣ пришелъ... началъ онъ.

Казачка, не разгибаясь, обернула къ нему строгое, но еще красивое лицо.

— Что пришелъ? Насмѣяться хочешь? А? Я-те насмѣюсь! Черная на тебя немочь! закричала она, искоса глядя на пришедшаго изъ-подъ насупленныхъ бровей.

Оленинъ сначала думалъ, что изнуренное храброе кавказское воинство, котораго онъ былъ членомъ, будетъ принято вездѣ, особенно казаками-товарищами по войнѣ, съ радостью, и потому такой приемъ озадачилъ его. Не смущаясь однако, онъ хотѣлъ объяснить, что онъ намѣренъ платить за квартиру; но старуха не дала договорить ему.

— Чего пришелъ? Каку надо болячку? Скобленое твое рыло! Вотъ дай срокъ, хозяинъ придетъ, онъ тебѣ покажетъ мѣсто. Не нужно мнѣ твоихъ денегъ поганыхъ. Легко ли, не видали! Табачищемъ домъ загадить, да деньгами платить хочетъ. Эку болячку не видали! Разстрѣли тебѣ въ животы сердце!... прозвительно кричала она, перебивая Оленина.

„Видно Ванюша правъ!“ подумалъ Оленинъ:—„Татаринъ благороднѣ“,—и провожаемый бранью бабуки Улитки, вышелъ изъ хаты. Въ то время какъ онъ выходилъ, Марьяна, какъ была въ одной розовой рубахѣ, но уже до самыхъ глазъ повязанная бѣлымъ платкомъ, неожиданно шмыгнула мимо его изъ сѣней. Быстро постукивая по сходцамъ босыми ногами, она сбѣжала съ крыльца, приостановилась, порывисто оглянулась смѣющимися глазами на молодого человѣка, и скрылась за угломъ хаты.

Твердая, молодая походка, дикій взглядъ блестящихъ глазъ изъ-подъ бѣлаго платка и стройность сильнаго сложенія красавицы еще сильнѣе поразили теперь Оленина. „Должно-быть она,“ подумалъ онъ. И еще менѣе думая о квартирѣ и все оглядываясь на Марьянку, онъ подошелъ къ Ванюшѣ.

— Вишь и дѣвка такая же дикая! сказалъ Ванюша, еще возившійся у повозки, но нѣсколько развеселившійся:—ровно кобылка табунная. *Лафамъ!* прибавилъ онъ громкимъ и торжественнымъ голосомъ и захохоталъ.

XI.

Въ вечеру хозяинъ вернулся съ рыбной ловли, и узнавъ что ему будутъ платить за квартиру, усмиривъ свою бабу и удовлетворивъ требованіямъ Ванюши.

На новой квартирѣ все устроилось. Хозяева перешли въ теплую, а юнкеру, за три монета въ мѣсяць, отдали холодную хату. Оленинъ поѣлъ и заснулъ. Проснувшись передъ вечеромъ, онъ умылся, обчистился, пообедалъ, и закуривъ папироску, сѣлъ у окна, выходившаго на улицу. Жаръ свалилъ. Косая тѣнь хаты, съ вырѣзнымъ князькомъ, сталась черезъ пыльную улицу, загибаясь даже на низу другаго дома. Камышевая крутая крыша противоположнаго дома блестяла въ лучахъ спускающагося солнца. Воздухъ свѣжѣлъ. Въ станицѣ было тихо. Солдаты размѣстились и поприехали. Стадо еще не прогоняли, и народъ еще не возвращался съ работъ.

Квартира Оленина была почти на краю станицы. Изрѣдка, гдѣ-то далеко за Тереконъ, въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ пришелъ Оленинъ, раздавались глухіе выстрѣлы,—въ Чечнѣ или на кумыцкой плоскости. Оленину было очень хорошо послѣ трехмѣсячной бивачной жизни. На умытомъ лицѣ онъ чувствовалъ свѣжесть, на сильномъ тѣлѣ—непривычную послѣ похода чистоту, во всѣхъ отдохнувшихъ членахъ—спокойствіе и силу. Въ душѣ у него тоже было свѣжо и ясно. Онъ вспоминалъ походъ, миновавшую опасность. Вспоминалъ, что въ опасности онъ велъ себя хорошо, что онъ не хуже другихъ, и принять въ товарищество храбрыхъ кавказцевъ. Московскія воспоминанія ужъ были Богъ знаетъ гдѣ. Старая жизнь была стерта, и началась новая, совсѣмъ новая жизнь, въ которой еще не было ошибокъ. Онъ могъ здѣсь, какъ новый человекъ между новыми людьми, заслужить новое, хорошее о себѣ мнѣніе. Онъ испытывалъ молодое чувство безпричинной радости жизни, и посматривая то въ окно на мальчишекъ, гонявшихъ кубари въ тѣни около дома, то въ свою новую прибранную квартирку, думалъ о томъ, какъ онъ пріятно устроится въ этой новой для него станичной жизни. Посматривалъ онъ еще на горы и небо, и ко всѣмъ его воспоминаніямъ и мечтамъ примѣшивалось строгое чув-

ство величавой природы. Жизнь его началась не такъ какъ онъ ожидалъ, увѣзая изъ Москвы, но неожиданно хорошо. Горы, горы, горы, чуялись во всемъ что онъ думалъ и чувствовалъ.

— Сучку поцѣловалъ! кувшинъ облизалъ! Дядя Ерощка сучку поцѣловалъ! закричали вдругъ казачата, гонявшіе кубару подъ окномъ, обращаясь къ проулку.— Сучку поцѣловалъ! Кинжалъ пропиалъ! кричали мальчишки, тѣсясь и отступая.

Крики эти обращались къ дядѣ Ерощкѣ, который съ ружьемъ за плечами и фазанами за поясомъ возвращался съ охоты.

— Мой грѣхъ ребята! мой грѣхъ! приговаривалъ онъ, боіко размахивая руками и поглядывая въ окна хатъ по обѣ стороны улицы.— Сучку пропиалъ, мой грѣхъ! повторилъ онъ, видимо сердясь, но притворяясь, что ему все равно.

Олегина удивило обращеніе мальчишекъ съ старымъ охотникомъ, а еще болѣе поразило выразительное, умное лицо и сила сложенія человека, котораго называли дядей Ерощкой.

— Дядушка! казакъ! обратился онъ къ нему.— Подойди-ка сюда.

Старикъ взглянулъ въ окно и остановился.

— Здравствуй, добрый человекъ, сказалъ онъ, приподнимая надъ коротко-обстриженною головою свою шапочку.

— Здравствуй, добрый человекъ, отвѣчалъ Оленинъ.— Что это тебѣ мальчишки кричатъ?

Дядя Ерощка подошелъ къ окну.— А дразнить меня, старика. Это ничего. Я люблю. Пускай радуются надъ дядей, сказалъ онъ съ тѣми твердыми и пѣвучими интонаціями, съ которыми говорятъ старые и почтенные люди.— Ты начальникъ армейскихъ, что ли?

— Нѣтъ, я юнкеръ. А гдѣ это фазановъ убилъ? спросилъ Оленинъ.

— Въ лѣсу три курочки замордовавъ, отвѣчалъ старикъ, поворачивая къ окну свою широкую спину, на которой заткнутыя головками за поясомъ, пятная кровью черкеску, висѣли три фазанки.— Али ты не видывалъ? спросилъ онъ.— Коли хочешь, возьми себѣ парочку. На!— И онъ подалъ въ окно двухъ фазановъ.— А что, ты охотникъ? спросилъ онъ.

— Охотникъ. Я въ походѣ самъ убилъ четырехъ.

— Четырехъ? Много! насмѣшливо сказалъ старикъ.— А пятаца ты? Чихирь пьешь?

— Отчего жь? и выпить люблю.

— Э, да ты я вижу молодець! Мы съ тобой кунаки будемъ, сказалъ дядя Ерощка.

— Заходи, сказалъ Оленинъ.—Вотъ и чихирю выпьемъ.

— И то зайдти, сказалъ старикъ.—Фазановъ-то возьми.

По лицу старика видно было, что юнкеръ понравился ему, и онъ сейчасъ понялъ, что у юнкера можно даромъ выпить, и потому можно подарить ему пару фазановъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ хаты, показалась фигура дяди Ерощки. Тутъ только Оленинъ замѣтилъ всю громадность и силу сложенія этого человѣка, несмотря на то, что красно-коричневое лицо его, съ совершенно бѣлою окладистою бородой, было все изрыто старческими, могучими, трудовыми морщинами. Мышцы ногъ, рукъ и плечь были такъ полны и бочковаты, какъ бываютъ только у молодого человѣка. На головѣ его, изъ-подъ короткихъ волосъ, видны были глубокіе, зажившіе шрамы. Жиллистая, толстая шея, была какъ у быка покрыта кѣтчатými складками. Корявыя руки были сбиты и исцарапаны. Онъ легко и ловко перешагнулъ черезъ порогъ, освободился отъ ружья, поставилъ его въ уголъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ и оцѣнилъ сложенные въ хатѣ пожитки, и вывернутыми ногами въ поршняхъ, не топя, вышелъ на средину комнаты. Съ нимъ вмѣстѣ проникъ въ комнату сильный, но не непріятный, смѣшанный запахъ чихирю, водки, пороху и запекшейся крови.

Дядя Ерощка поклонился образамъ, расправилъ бороду, и подойдя къ Оленину, подаль ему свою черную толстую руку.

— *Кошкильды!* сказалъ онъ. — Это по-татарски значить: здравія желаемъ, миръ вамъ, по-ихнему.

— *Кошкильды!* Я знаю, отвѣчалъ Оленинъ, подавая ему руку.

— Э, не знаешь, не знаешь порядковъ! Дуракъ! сказалъ дядя Ерощка, укоризненно качая головой.—Коли тебѣ *кошкильды* говорятъ, ты скажи: *алла рази бо сунъ*, спаси Богъ. Такъ-то отецъ мой, а не *кошкильды*. Я тебя всему научу. Такъ-то былъ у насъ Илья Мосеичъ, вашъ Русскій, такъ мы съ нимъ кунаки были. Молодець былъ. Пьяница, воръ, охотникъ, ужь какой охотникъ! Я его всему научилъ.

— Чему жъ ты меня научишь? спросилъ Оленинъ, все болѣе и болѣе заинтересовываясь старикомъ.

— На охоту тебя поведу, рыбу ловить научу, Чеченцевъ покажу, душеньку хочешь, и ту доставлю. Вотъ я какой чело-

мнѣ Я шутникъ!—И старикъ засмѣялся.—Я сяду, отецъ мой, и устану. Карга? прибавилъ онъ вопросительно.

— А карга что значить? спросилъ Оленинъ.

— А это значить: *хорошо* по-грузински. А я такъ говорю; поговорка моя, слово любимое: карга; карга, такъ и говорю, значить *шутю*. Да что, отецъ мой, чихирю-то вели поднести. Солдатъ драбантъ есть у тебя? Есть? Иванъ! закричалъ старикъ.—Вѣдь у васъ что ни солдатъ, то Иванъ. Твой Иванъ, что ли?

— И то Иванъ. Ванюша! Возьми пожалуйста у хозяевъ чихиря, и принеси сюда.

— Все одно, что Ванюша, что Иванъ. Отчего у васъ, у солдатъ, все Иваны? Иванъ! повторилъ старикъ.—Ты спроси, батюшка, изъ начатой бочки. У нихъ первый чихирь въ станицѣ. Да больше тридцати копѣекъ за осьмуху, смотри, не давай; а то она вѣдьма, рада... Нашъ народъ анаемскій, глупый народъ, продолжалъ дядя Ерощка, доверчивымъ тономъ когда Ванюша вышелъ:—они васъ не за людей считаютъ. Ты для нихъ хуже Татарина. Мирскіе, молъ, Русскіе. А по моему, хоть ты и солдатъ, а все человекъ, тоже душу въ себѣ имѣешь. Такъ ли я сужу? Илья Мосенчъ солдатъ былъ, а какой золото человекъ былъ! Такъ ли, отецъ мой? За то-то меня наши и не любятъ; а мнѣ все равно. Я человекъ веселый, я всѣхъ люблю, я, Ерощка! Такъ-то, отецъ мой!

И старикъ ласково потрепалъ по плечу молодаго человека.

ХІІ.

Ванюша, между тѣмъ, успѣвшій уладить свое хозяйство и даже обрившійся у ротнаго цырюльника и выпустившій панталоны изъ сапогъ, въ знакъ того что рота стоитъ на просторныхъ квартирахъ, находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Онъ внимательно, но недоброжелательно поглядывалъ на Ерощку какъ на дикаго невиданнаго звѣря, покачалъ головой на запачканный имъ полъ, и взявъ изъ-подъ лавки двѣ пустыя бутылки, отправился къ хозяевамъ.

— Здравствуйте, любезенькія, сказалъ онъ, рѣшившись быть особенно кроткимъ.—Баринъ велѣлъ чихирю купить; налейте, добряшки.

Старуха ничего не отвѣтила. Дѣвка, стоя передъ маленькимъ

татарскимъ зеркальцемъ, убирала платкомъ голову; она молча оглянулась на Ванюшу.

— Я деньги заплачу, почтенныя, сказалъ Ванюша, потряхивая въ карманѣ мѣдными.—Вы будьте добрыя, и мы добрыми будемъ, такъ-то лучше, прибавилъ онъ.

— Много ли? отрывисто спросила старуха.

— Осьмушку.

— Поди родная, нацѣди имъ, сказала бабушка Улита, обращаясь къ дочери.—Изъ начатой налей, желанная.

Дѣвка взяла ключи и графинъ, и вмѣстѣ съ Ванюшей вышла изъ хаты.

— Скажи пожалуста: кто это такая женщина? спросилъ офицеръ, указывая на Марьянку, которая въ это время проходила мимо окна.

Старикъ подмигнулъ и толкнулъ локтемъ молодаго человѣка.

— Постои, проговорилъ онъ, и высунулся въ окно.—Кх! Кх! закашлялъ и замычалъ онъ.—Марьянушка! А, няюк! Марьянка! Полюби меня, душенька! Я шутникъ, прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь къ Оленину.

Дѣвка, не оборачивая головы, ровно и сильно размахивая руками, шла мимо окна тою особенною, щеголеватую, молодецкою походкою, которою ходятъ казачки. Она только медленно повела на старика своими черными, отвѣнными глазами.

— Полюби меня, будешь счастливая! закричалъ Ершкя и подмигивая, вопросительно взглянулъ на офицера.—Я молодецъ, я шутникъ, прибавилъ онъ.—Королева дѣвка? А!

— Красавица, сказалъ Оленинъ.—Позови ее сюда.

— Ни, ни! проговорилъ старикъ.—Эту сватають за Лукашку Лука—казакъ молодецъ, джигитъ, намерднись абрека убилъ. Я тебя лучше найду. Такую добуду, что вся въ шелку, да въ серебрѣ ходить будетъ. Ужь сказалъ, сдѣлаю; красавицу до стану.

— Старикъ, а что говоришь, сказалъ Оленинъ:—вѣдь это грѣхъ!

— Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? рѣшительно отвѣчалъ старикъ.—На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все Онъ, батюшка, сдѣлалъ. Такъ на хорошую дѣвку смо-

грѣтъ не грѣхъ. На то она сдѣлана, чтобъ ее любить, да на нее радоваться. Такъ-то я сужу, добрый человекъ.

Пройдя черезъ дворъ и войдя въ темную, прохладную кѣтъ заставленную бочками, Марьяна съ привычною молитвой подошла къ бочкѣ и опустила въ нее ливеръ. Ванюша, стоя въ дверяхъ, улыбался глядя на нее. Ему ужасно смѣшно казалось, что на ней одна рубаха, обтянута сзади и подпернута спереди, и еще смѣшнѣе то, что на шеѣ висѣли полтинники. Онъ думалъ, что это не по-русски, и что у нихъ, въ дворѣ, то-то смѣху было бы, кабы такую дѣвку увидали. „*La fille collez se tre бѣе* для разнообразія,“ думалъ онъ, — скажу теперь барину.“

— Что зазастыть-то чортъ! вдругъ крикнула дѣвка.— Подалъ бы графинъ-то.

Надѣдивъ полный графинъ холоднымъ краснымъ виномъ, Марьяна подала его Ванюшѣ.

— Мамукѣ деньги отдай, сказала она, отталкивая руку Ванюши съ деньгами.

Ванюша усмѣхнулся.

— Отчего вы такія сердитыя, миленькія, сказалъ онъ, добродушно переминаясь въ то время, какъ дѣвка закрывала бочку.

Она засмѣялась.

— А вы развѣ добрые?

— Мы съ господиномъ очень добрые, убѣдительно отвѣчалъ Ванюша.— Мы такіе добрые, что гдѣ ни жили, вездѣ намъ хозяева наши благодарны оставались. Потому благородный человекъ.

Дѣвка пріостановилась слушая.

— А что онъ женатый, твой панъ-то? спросила она.

— Нѣтъ! Нашъ баринъ молодой и не женатый. Потому господа благородные никогда молоды жениться не могутъ, поучительно возразилъ Ванюша.

— Легко ли! Какой буivolъ развѣлся, а жениться молодъ! Онъ у васъ у всѣхъ начальникъ? спросила она.

— Господинъ мой юнкеръ, значить еще не офицеръ. А званіе-то имѣетъ себѣ больше генерала—большаго лица. Потому что не только нашъ полковникъ, а самъ царь его знаетъ, гордо объяснилъ Ванюша.— Мы не такіе, какъ другая армейская голь, а нашъ папенька самъ сенаторъ; тысячу, больше, душъ мужиковъ себѣ имѣлъ и намъ по тысячѣ присылаютъ. Потому

насъ всегда и любятъ. А то пожалуй и капитанъ, да денегъ нѣтъ. Что проку-то?..

— Иди, запру, прервала дѣвка.

Ванюша принесъ вино и объявилъ Оленину, что *ла филь се тре жули*, и тотчасъ же съ глупымъ хохотомъ ушелъ.

XIII.

Между тѣмъ на площади пробили зорю. Народъ возвратился съ работъ. Въ воротахъ замычало стадо, толпясь въ пыльномъ золотистомъ облакѣ. И дѣвки, и бабы засуетились по улицамъ и дворамъ, убирая скотину. Солнце скрылось совсѣмъ за далекимъ снѣжнымъ хребтомъ. Одна голубоватая тѣнь разостлалась по землѣ и небу. Надъ потемнѣвшими садами чуть замѣтно заглялись звѣзды, и звуки понемногу затихали въ станицѣ. Убравъ скотину, казачки выходили на углы улицъ, и пощелкивая сѣмя, усаживались на завалинкахъ. Къ одному изъ такихъ кружковъ, подоивъ двухъ коровъ и буйволицу, присоединилась и Марьянка.

Кружокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ бабъ и дѣвокъ съ однимъ старымъ казакомъ.

Рѣчь шла объ убитомъ абрекѣ. Казакъ разказывалъ, бабы разспрашивали.

— А награда, я чай, большая ему будетъ? говорила казачка.

— А то какже? Баютъ, крестъ вышлютъ.

— Мосевъ и то хотѣлъ его обидѣть. Ружье отнял, да начальство въ Кизлярѣ узнало.

— То-то подлая душа, Мосевъ-то.

— Сказывали, пришелъ Лукашка-то, сказала одна дѣвка.

— У Ямки (Ямка была холостая распутная казачка, державшая шинокъ) съ Назаркой гуляютъ. Сказываютъ полведра выпили.

— Эко Урвану счастье! сказалъ кто-то.—Прямо что Урванъ. Да что! малый хорошъ. Куда ловокъ! Справедливый малый. Такой же отецъ былъ, батяка Кирьякъ; въ отца весь. Какъ его убили, вся станица по немъ выла. — Вонъ они идутъ никакъ, продолжала говорившая, указывая на казаковъ, подвигавшихся къ нимъ по улицѣ. — Ергушовъ-то поспѣлъ съ ними, Вишь пьяница!

Лукашка съ Назаркой и Ергушовымъ, выпивъ полведра, шли къ дѣвкамъ. Они всѣ трое, въ особенности старый казакъ, были красивѣе обыкновеннаго. Ергушовъ пошатывался, и все, громко смѣясь, толкалъ подъ бока Назарку.

— Что, скурехи, пѣсень не играете! крикнулъ онъ на дѣвкъ.—Я говорю, играйте на наше гулянье.

— Здорово дневали? Здорово дневали? слышались пригѣтствія.

— Что играть? развѣ праздникъ? сказала баба.—Ты надулся, и играй.

Ергушовъ захохоталъ и толкнулъ Назарку:—Играй ты, что ль! И я заиграю, я довокъ, я говорю.

— Что красавицы заснули? сказалъ Назарка.—Мы съ кордона *помолить*¹ пришли. Вотъ Лукашку *помолили*.

Лукашка, подойдя къ кружку, медленно приподнялъ папаху и оставовился противъ дѣвкъ. Широкія скулы и шея были у него красивы. Онъ стоялъ и говорилъ тихо, степенно; но въ этой медленности и степенности движеній было больше оживленности и силы чѣмъ въ болтовнѣ и суетнѣ Назарки. Онъ напоминалъ разыгравшагося жеребца, который, взвивъ хвостъ и фыркнувъ, остановился какъ вкопанный всѣми ногами. Лукашка тихо стоялъ передъ дѣвками; глаза его смѣялись; онъ говорилъ мало, поглядывая то на пьяныхъ товарищей, то на дѣвкъ. Когда Марьяна подошла къ углу, онъ ровнымъ, неторопливымъ движеніемъ, приподнялъ шапку, посторонился, и снова сталъ противъ нея, слегка отставивъ ногу, заложивъ большіе пальцы за поясъ и поигрывая кинжаломъ. Марьяна, въ отвѣтъ на его поклонъ, медленно нагнула голову, усѣлась на завалинкѣ и достала изъ-за пазухи сѣмя, Лукашка, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Марьяну, и целкая сѣмя, поплевывалъ. Всѣ затихли, когда подошла Марьяна.

— Что же? надолго пришли? спросила казачка, прерывая молчанье.

— До утра, степенно отвѣчалъ Лукашка.

— Да что жь, дай Богъ тебѣ интересъ хорошій, сказалъ казакъ:—я радъ, сейчасъ говорю.

— И я говорю, подхватилъ пьяный Ергушовъ смѣясь.—Гостей-то что! прибавилъ онъ, указывая на проходившаго солдата.—Водка хороша солдатская, люблю!

¹ „Помолить“ на казачьемъ языкѣ значитъ за виномъ-поздравить кого-нибудь или пожелать счастья вообще; употребляется въ смыслѣ выпить.

— Трехъ дьяволовъ къ намъ пригнали, сказала одна изъ казачекъ.—Ужъ дѣдука въ станичное ходилъ; да ничего, бають, сдѣлать нельзя.

— Ага! Аль горе узнала? сказалъ Ергушовъ.

— Табачищемъ закурили небось? спросила другая казачка.— Да кури на дворѣ, сколько хощь, а въ хату не пустимъ. Хощь станичный приходи, не *пустю*. Обокрадутъ еще. Вишь онъ, небось, чортовъ сынъ къ себѣ не поставилъ, станичный-то.

— Не любишь! опять сказалъ Ергушовъ.

— А то бають еще, дѣвкамъ постелю стлать велѣно для солдатовъ и чихиремъ съ медомъ поить, сказалъ Назарка, отставляя ногу какъ Лукашка, и также какъ онъ сбивая на затылокъ папаху.

Ергушовъ разразился хохотомъ, и ухвативъ, обнявъ дѣвку, которая ближе сидѣла къ нему:—Вѣрно, говорю.

— Ну смола! запищала дѣвка:—бабѣ скажу.

— Говори! закричалъ онъ.—И впрямь Назарка правду бають; цыдула была, вѣдь онъ грамотный. Вѣрно.—И онъ принялся обнимать другую дѣвку по порядку.

— Что пристаешь, сволочь? смѣясь запищала румяная круглолицая Устенъка, замахиваясь на него.

Казакъ посторонился и чуть не упалъ.

— Вишь, говорятъ, у дѣвокъ силы нѣту: убила было со-всѣмъ.

— Ну, смола, чортъ тебя принесъ къ кордону! проговорила Устенъка, и отвернувшись отъ него, снова фыркнула со смѣху.—Проспалъ было абрека-то? Вотъ онъ бы тебя срѣзалъ, и лучше бѣ было.

— Завыла бы небось! засмѣялся Назарка.

— Такъ тебѣ и завою!

— Вишь ей и горя нѣтъ. Завыла бы? Назарка, а? говорилъ Ергушовъ.

Лукашка все время молча глядѣлъ на Марьянку. Взглядъ его видимо смущалъ дѣвку.

— А что, Марьянка, слышь, начальника у васъ поставили? сказалъ онъ, подвигаясь къ ней.

Марьяна, какъ всегда, не съ разу отвѣчала, и медленно подыала глаза на казаковъ. Лукашка смѣялся глазами, какъ будто что-то особенное, независимое отъ разговора, происходило въ это время между имъ и дѣвкой.

— Да, имъ хорошо какъ двѣ хаты есть, вмѣшалась за

Марьяну старуха:—а вотъ къ Омушкинымъ тоже ихняго изчальника отвели, такъ, бають, весь уголь добромъ загородилъ, а съ своею семьей дѣваться некуда. Слыхано ли дѣло, дѣлую орду въ станицу пригнали! Что будешь дѣлать! сказала она.—И каку черную немочь они тутъ работать будутъ!

— Сказываютъ, мостъ на Тереку строить будутъ, сказала одна дѣвка.

— А мяѣ сказывали, промолвилъ Назарка, подходя къ Устерькѣ,—яму рыть будутъ, дѣвокъ сажать за то, что ребята молодыхъ не любятъ.—И опять онъ сдѣлалъ любимое козѣно, вслѣдъ за которымъ всѣ захохотали, а Ергушовъ тотчасъ же сталъ обнимать старую казачку, пропустивъ Марьянку, слѣдовавшую по порядку.

— Что жъ Марьянку не обнимаешь? Всѣхъ бы по порядку, сказалъ Назарка.

— Нѣ, моя старая слаще, кричалъ казакъ, цѣлуя отбивавшуюся, старуху.

— Задушить, кричала она смѣясь.

Мѣрный топоть шаговъ на концѣ улицы прервалъ хохоть. Три солдата въ шинеляхъ, съ ружьями на плечо, шли въ ногу на свѣту къ ротному яцику. Ефрейторъ, старый кавалеръ, сердито глянувъ на казаковъ, провелъ солдатъ такъ что Лукашка съ Назаркой, стоявшіе на самой дорогѣ, должны были посторониться. Назарка отступилъ, но Лукашка, только прищурившись, оборотилъ голову и широкую спину, и не тронулся съ мѣста.

— Люди стоятъ, обойди, проговорилъ онъ, только искоса и презрительно кивнувъ на солдатъ.

Солдаты молча прошли мимо, мѣрно отбивая шагъ по пыльной дорогѣ.

Марьяна засмѣялась, и за ней всѣ дѣвки.

— Эки нарядые ребята! сказалъ Назарка.—Ровно уставщика дляннополье,—и онъ промаршировалъ по дорогѣ, переразаявая ихъ.

Всѣ опять разразились хохотомъ.

Лукашка медленно подошелъ къ Марьянѣ.

— А начальникъ у васъ гдѣ стоитъ? спросилъ онъ.

Марьяна подумала.

— Въ новую хату пустили, сказала она.

— Что онъ старый или молодой? спросилъ Лукашка, подсаживаясь къ дѣвкѣ.

— А я развѣ спрашивала, отвѣчала дѣвка.— За чихиремъ ему ходила, видѣла съ дядей Ерешкой въ окнѣ сидить, рыжий какой-то. А добра цѣлую арбу подну привезли.

И она опустила глаза.

— Ужь какъ я радъ, что пришлось съ кордона выпроситься! сказалъ Лукашка, ближе придвигаясь на завалинкѣ къ дѣвкѣ, и все глядя ей въ глаза.

— Что жь надолго пришелъ? спросила Марьяна слегка улыбаясь.

— До утра. Дай свѣчекъ, прибавилъ онъ, протягивая руку.

Марьяна совсѣмъ улыбнулась и открыла воротъ рубахи.— Всѣ не бери, сказала она.

— Право все о тебѣ скучился, ей-Богу, сказалъ сдержанно спокойнымъ шепотомъ Лукѣ, доставая свѣчки изъ-за пазухи дѣвки, и еще ближе пригнувшись къ ней, сталъ шепотомъ говорить что-то, смѣясь глазами.

— Не приду, сказано, вдругъ громко сказала Марьяна, отклоняясь отъ него.

— Право..... Что я тебѣ сказать хотѣлъ, прошепталъ Лукашка:—ей Богу! Приходи, Машенька.

Марьянка отрицательно покачала головой, но улыбалась.

— Нянюка Марьянка! А, нянюка! Мамука ужинать зоветь, прокричалъ, подбѣгая къ казачкамъ, маленькій братъ Марьяны.

— Сейчасъ приду, отвѣчала дѣвка:—ты иди, батюшка, иди одинъ; сейчасъ приду.

Лукашка всталъ и приподнял папаху.

— Видно и мнѣ домой пойдти, дѣло-то лучше будетъ, сказалъ онъ, притворяясь небрежнымъ, но едва сдерживая улыбку, и скрылся за угломъ дома.

Между тѣмъ ночь уже совсѣмъ опустилась надъ станцией. Яркія звѣзды высыпали на темномъ небѣ. По улицамъ было темно и пусто. Назарка остался съ казачками на завалинкѣ, и слышался ихъ хохоть. А Лукашка, отойдя тихимъ шагомъ отъ дѣвокъ, какъ кошка пригнулся, и вдругъ несмышно побѣжалъ, придерживая мотавшіяся кинжалъ, не домой, а по направленію къ дому хорунжаго. Пробѣжавъ двѣ улицы и завернувъ въ переулокъ, онъ подобралъ черкеску и сѣлъ на земь въ тѣни забора. „Ишь хорунжика!“ думалъ онъ про Марьяну: „и не пошутить, чортъ! Дай срокъ.“

Шаги приближавшейся женщины развлекли его. Онъ сталъ

вслушиваться и засмѣялся самъ съ собою. Марьяна, опустивъ голову, шла скорыми и ровными шагами прямо на него, востукивая хворостиной по кольцамъ забора. Лукашка продолжался. Марьяна вздрогнула, и приостановилась.

— Вишь чортъ проклятый! Напугалъ меня. Не пошелъ же домой, сказала она, и громко засмѣялась.

Лукашка обнялъ одною рукой дѣвку, а другою взялъ ее за ягодицу.—Что я тебѣ сказать хотѣлъ... ей Богу!.. голосъ его дрожалъ и прерывался.

— Какіе разговоры нашелъ по ночамъ, отвѣчала Марьяна.— Мамука ждетъ, а ты къ своей душевкѣ поди.

И освободившись отъ его руки, она отбѣжала нѣсколько шаговъ. Дойдя до плетня своего двора, она остановилась и оборотилась къ казаку, который бѣжалъ съ ней рядомъ, продолжая уговаривать ее подождать на часокъ.

— Ну, что сказать хотѣлъ, полуночникъ!—И она опять засмѣялась.

— Ты не смѣйся надо мной, Марьяна! Ей Богу! Что жь, что у меня душевѣнка есть? А чортъ ее возьми! Только слово скажи, ужь такъ любить буду—что хошь, то и сдѣлаю. Вонъ онъ! (И онъ погрѣмѣлъ деньгами въ карманѣ.) Теперь заживемъ. Люди радуются, а я что? Не вижу отъ тебя радости никакой, Марьянушка!

Дѣвка ничего не отвѣчала, стояла передъ нимъ, и быстрыми движеніями пальцевъ, на мелкіе куски ломала хворостиаку.

Лукашка вдругъ стиснулъ кулаки и зубы.

— Да и что все ждать да ждать! Я ли тебя не люблю, матушка! Что хочешь надо мной дѣлай, вдругъ сказалъ онъ, злобно хмурясь и схватилъ ее за обѣ руки.

Марьяна не измѣнила спокойнаго выраженія лица и голоса.

— Ты не куражься, Лукашка, а слушай ты мои слова, отвѣчала она, не вырывая рукъ, но отдаляя отъ себя казака.— Извѣстно я дѣвка, а ты меня слушай. Воля не моя, а коли ты меня любишь, я тебѣ вотъ что скажу. Ты руки-то пусти, я сама скажу. Замужъ пойду, а глупости отъ меня никакой не дождешься, сказала Марьяна, не отворачивая лица.

— Что замужъ пойдешь? Замужъ—не наша власть. Ты сама полюби, Марьянушка, говорилъ Лукашка, вдругъ изъ мрачнаго и рынаго сдѣлавшись опять кроткимъ, покорнымъ и нѣжнымъ, улыбаясь и близко глядя въ ея глаза.

Марьяна прижалась къ нему, и крѣпко поцѣловала его въ губы.

— Братецъ! прошептала она, порывисто прижимая его къ себѣ. Потомъ вдругъ вырвавшись побѣжала, и не оборачиваясь, повернула въ ворота своего дома.

Не смотря на просьбы козака подождать еще минутку, послушать что онъ ей скажетъ, Марьяна не останавливалась.

— Иди! Увидать! проговорила она.—Вонъ и то кажись постоялецъ нашъ, чортъ, по двору ходитъ.

„Хорунжиха!“ думалъ себѣ Лукашка: „Замужъ пойдетъ! Замужъ само собой, а ты полюби меня.“

Онъ засталъ Назарку у Ямки, и съ нимъ вмѣстѣ погулявъ, пошелъ къ Дуняшкѣ, и несмотря на ея невѣрность, ночевалъ у нея.

XIV.

Дѣйствительно, Оленинъ ходилъ по двору въ то время какъ Марьяна прошла въ ворота, и слышалъ какъ она сказала: „постоялецъ-то чортъ ходитъ.“ Весь этотъ вечеръ провелъ онъ съ дядей Ершкой на крыльцѣ своей новой квартиры. Онъ велѣлъ вынести столъ, самоваръ, вино, зажженную свѣчу, и за стаканомъ чая и сигары, слушалъ разказы старика, усѣвшагося у его ногъ на приступочкѣ. Несмотря на то, что воздухъ былъ тихъ, свѣча пыла и огонь метался въ разные стороны, освѣщая то столбикъ крылечка, то столъ и посуду, то бѣлую, стриженую голову старика. Ночныя бабочки вились, и сыпля пыль съ крылышекъ, билась по столу и въ стаканѣхъ, то влетали въ огонь свѣчи, то исчезали въ черномъ воздухѣ, внѣ освѣщеннаго круга. Оленинъ выпилъ съ Ершкой вдвоемъ пять бутылокъ чихиря. Ершка всякій разъ, наливая стаканы, подносила одинъ Оленину, здороваясь съ нимъ, и говорилъ безъ усталости. Онъ разказывалъ про старое житье казаковъ, про своего батюшку *широкаго*, который одинъ, на свинѣ, приносилъ кабанью тушу въ десять пудъ, и выпивалъ въ одинъ присѣвъ два ведра чихирию. Разказалъ про свое ремечко и своего *нялю*¹ Гирчика, съ которымъ онъ изъ-за Терреку во время чумы бурки переправлялъ. Разказалъ про охоту, на которой онъ въ одно утро двухъ оленей убилъ. Разказалъ про свою *душеньку*, которая за нимъ по ночамъ на кордонѣ бѣгала. И все это такъ краснорѣчиво и живописно разказывалось, что Оленинъ не замѣчалъ какъ проходило время.

¹ „Нялей“ называется въ прямомъ смыслѣ всегда старшая сестра, а въ перелосномъ „дядей“ называется другъ.

— Такъ-то, отецъ ты мой, говорилъ онъ,—не засталъ ты меня въ мое золотое времечко, я бы тебѣ все показалъ. Нынче Ерощка кувшинъ облизалъ, а то Ерощка по всему полку грехлъ. У кого первый конь, у кого шашка гурда,¹ къ кому выйти пойдти, съ кѣмъ погулять? Кого въ горы послать, Ахметъ-ама убить? все Ерощка. Кого дѣвки любятъ? все Ерощка отвѣчалъ. Потому что я настоящій джигитъ былъ. Пьяница, воръ табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ; на всѣ руки былъ. Нынче ужъ и казаковъ такихъ нѣту. Глядѣть скверно. Отъ земли вотъ (Ерощка указалъ на аршинъ отъ земли); сапоги дурацкіе надѣнетъ, все на нихъ смотреть; только и радости. Или пьянъ надуется; да и напьется не какъ человѣкъ, а такъ что-то. А я кто былъ? Я былъ Ерощка воръ; меня, мало по ставицамъ, въ горахъ-то знали. Кунаки-князья пріѣзжали. Я бывало со всѣми кунакъ. Татаринъ—Татаринъ; Армяшка—Армяшка; солдатъ—солдатъ; офицеръ—офицеръ. Мнѣ все равно, только бы пьяница былъ. Ты, говоритъ, очиститься долженъ отъ міра сообщенья: съ солдатомъ не пей, съ Татаринкомъ не ѣшь.

— Кто это говорить? спросилъ Оленинъ.

— А уставщики наши. А мулу или кадія татарскаго послушай. Онъ говоритъ: „вы невѣрные гяуры, зачѣмъ свинью ѣдите?“ Значить, всякій свой законъ держитъ. А по моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и лопаешь. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь, прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Что фальшь? спросилъ Оленинъ.

— Да что уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, въ Червленой, войсковой старшина—кунакъ мнѣ былъ. Молодецъ былъ, какъ и я, такой же. Убили его въ Чечняхъ. Такъ онъ говорилъ, что это все уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, говоритъ, трава выростетъ на могилкѣ, вотъ и все. (Старикъ засмѣялся.) Отчаянный былъ!

— А сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Оленинъ.

— А Богъ е знаетъ! Годовъ семьдесятъ есть. Какъ у васъ

¹ Шашки и кияжалы, дороже всего цѣнимые на Кавказѣ, называются по мастеру—Гурда.

царица была, я уже не маховъкій былъ. Вотъ ты и считай, много ли будетъ. Годовъ семьдесятъ будетъ?

— Будетъ. А ты еще молодецъ.

— Что же, благодарю Бога, я здоровъ, всѣмъ здоровъ; только баба вѣдьма испортила....

— Какъ?

— Да такъ испортила....

— Такъ какъ умрешь, трава выростетъ? повторилъ Оленинъ.

Ерошка видимо не хотѣлъ ясно выразить свою мысль. Онъ помолчалъ немного.

— А ты какъ думалъ? Цей! закричалъ онъ улыбаясь и поднося вино.

XV.

— Такъ о чемъ бишь я говорилъ? продолжалъ онъ, припоминая.—Такъ вотъ я какой человекъ! Я охотникъ. Противъ меня другаго охотника по полку нѣту. Я тебѣ всякаго звѣря, всяку птицу найду и укажу; и что и гдѣ, все знаю. У меня и собаки есть, и два ружья есть, и сѣти, и кобылка, и ястребъ, все есть, благодарю Бога. Коли ты настоящій охотникъ, не хвастаешь, я тебѣ все покажу. Я какой человекъ? Слѣдъ найду; ужь я его знаю, звѣря, и знаю, гдѣ ему лечь, и куда пить или валяться придетъ. Лопазикъ¹ сдѣлаю, и сижу ночь, караулю. Что дома-то сидѣты! Только нагрѣшишь, пьянъ надуешься. Еще бабы тутъ придутъ, тары да бары; мальчишки кричатъ; угоришь еще. То ли дѣло на зорькѣ выйдешь, мѣстечко выберешь, камышъ прижмешь, сядешь и сидишь, добрый молодецъ, дожидаясь. Все-то ты знаешь что въ лѣсу дѣлается. На небо взглянешь? Звѣздочки ходятъ, разсматриваешь по нимъ, гляди, времени много ли. Кругомъ поглядишь? Лѣсъ шедыхается, все ждетъ вотъ-вотъ затрещитъ, придетъ кабанъ мазаться. Слушаешь, какъ тамъ орлы молодые запищать, пѣтухи ли въ станицѣ откликнутся или гуси. Гуси такъ до полночи, значить. И все это я знаю. А то какъ ружье гдѣ далече ударить, мысли придутъ. Подумаешь: кто это стрѣлялъ? Казакъ, также какъ я, звѣря выждалъ, и попалъ ли онъ его, или такъ только испортилъ, и пойдетъ сердечный по камышу кровь мазать, такъ даромъ. Не люблю, охъ! не люблю! Зачѣмъ звѣря испортилъ?

¹ „Лопазикъ“ называется мѣсто для сидѣнья на столбахъ или деревьахъ.

Дуракъ! Дуракъ! Или думаешь себѣ: „Можетъ абрѣкъ како-го казачонка глупаго убилъ.“ Все это въ головѣ у тебя хлѣтъ. А то разѣ, сидѣлъ я на водѣ, смотрю зыбка съ верху плыветъ. Вовсе цѣлая; только край отломанъ. То-то мысли пришли. Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти солдаты въ аулъ пришли, Чеченокъ побрала, ребеночка убилъ какой чортъ: взялъ за ножки, да объ уголь. Развѣ не дѣлать такъ-то? Эхъ, души нѣтъ въ людяхъ! И такія мысли пришли, жалко стало. Думаю: зыбку бросили и бабу угнали, домъ сожгли, а джигитъ взялъ ружье, на нашу сторону пошелъ грабить. Все сидишь, думаешь. Да какъ заслышишь, по чащѣ табунокъ ломится, такъ и застучитъ въ тебѣ что. Матушки, подойдите. Обнюхаютъ, думаешь себѣ; сидишь недрогнешься, а сердце: дунь! дунь! дунь! Такъ тебя и подкидываетъ. Нынче весной такъ-то подошелъ табуна важный, зачернѣлся. „Отцу и Сыну....“ ужь хотѣлъ стрѣлить. Какъ она фыркнетъ на своихъ на поросятъ. „Бѣда моль дѣтки: человекъ сидитъ“, и затрещали всѣ прочь по кустамъ. Такъ такъ бы кажется зубомъ съѣлъ ее.

— Какъ же это свинья поросятамъ сказала, что человекъ сидитъ? спросилъ Оленинъ.

— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ звѣрь-то. Нѣтъ, онъ умнѣй человекъ, даромъ что свинья называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ примѣръ возьми; человекъ по слѣду пройдетъ не замѣтитъ, а свинья какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отдауетъ и прочь; значитъ, умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свинья, а все она не хуже тебя; такая же тварь Божія. Эхъ-ма! Глупъ человекъ, глупъ, глупъ человекъ! повторилъ нѣсколько разъ старикъ, и опустивъ голову, задумался.

Оленинъ тоже задумался, и спустившись съ крыльца, заложивъ руки за спину, молча сталъ ходить по двору.

Очнувшись, Ерощка поднялъ голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колыхавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.

— Дура, дура! заговорилъ онъ.—Куда летишь? Дура! Дура! Онъ приподнялся, и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ.

— Сгорить, дурочка, вотъ сюда лети, мѣста много, при-

говаривалъ онъ нѣжвымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать ее за крылышки и выпустить. Сама себя губишь, а я тебя жажду.

Онъ долго сидѣлъ болтая и попивая изъ бутылки. А нинъ ходилъ взадъ и впередъ по двору. Вдругъ шопотъ воротами поразилъ его. Неволю притаивъ дыханіе, онъ слышалъ женскій смѣхъ, мужской голосъ и звукъ пощипыванія. Нарочно шурша по травѣ ногами, онъ отошелъ на другую сторону двора. Но черезъ нѣсколько времени плетень зашуршалъ. Казакъ, въ темной черкескѣ и бѣломъ *курпелѣ* на шапкѣ (это былъ Лука), прошелъ вдоль забора, а высокая женщина бѣломъ платкѣ прошла мимо Оленина. Ни мнѣ до тебя, ни тебѣ до меня, нѣтъ никакого дѣла, казалося сказала ему рѣшистая походка Марьянки. Онъ проводилъ ее глазами до крыльца хозяйской хаты, замѣтилъ даже черезъ окно, какъ она спускается по ступенкамъ и сѣла на лавку. И вдругъ чувство тоски одиночества, какихъ-то неясныхъ желаній и надеждъ, и какой-то никому-то зависти охватили душу молодого человѣка.

Послѣдніе огни потухли въ хатахъ. Послѣдніе звуки затихли въ станицѣ. И плетни, и бѣлѣвшая на дворахъ скотина, крыши домовъ, и стройныя раины, все казалося спать здоровымъ, тихимъ, трудовымъ сномъ. Только звенящія непрерывныя звуки лягушекъ долетали изъ сырой дали до напряженного слуха. На востокъ звѣзды становились рѣже и, казалося, расплывались въ усиливавшемся свѣтѣ. Надъ головой онъ высыпали все глубже и чаще. Старикъ, облокотивъ голову на руку, задремалъ. Пѣтухъ вскрикнулъ на противоположномъ дворѣ. А Оленинъ все ходилъ и ходилъ, о чемъ-то думая. Звукъ пѣсни въ нѣсколько голосовъ долетѣлъ до его слуха. Онъ подошелъ къ забору и сталъ прислушиваться. Молодые голоса казаковъ заливались веселою пѣсней; и изъ всѣхъ рѣзкою силой выдавался одинъ молодой голосъ.

— Это знаешь кто поетъ? сказалъ старикъ очнувшись. — Это Лукашка джигитъ. Онъ Чеченца убилъ; то-то и радуется. И чему радуется, дуракъ, дуракъ!

— А ты убивалъ людей? спросилъ Оленинъ.

Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя, и близко придвинулъ свое лицо къ лицу Оленина.

— Чортъ! закричалъ онъ на него. — Чтò спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудроно, охъ, мудроно! Про-

цай отецъ мой, и емыть и пьянъ, сказалъ онъ вставая.—Завтра на охоту приходить?

— Приходи.

— Смотри раньше вставать, а проспипь—штрафъ.

— Небось раньше тебя встану, отвѣчалъ Оленикъ.

Старикъ пошелъ. Пѣсня замолкла. Послышались шаги и веселый говоръ. Немного погода, раздалась опять пѣсня, но дальше, и громкій голосъ Ерощки присоединялся къ прежнимъ голосамъ. „Что за люди, что за жизнь!“ подумалъ Оленикъ, вздохнулъ, и одинъ вернулся въ свою хату.

XVI.

Дядя Ерощка былъ заштатный и одимокій казакъ; жена его, дѣтъ двадцать тому назадъ, выкрестившись въ православныя, сбѣжала отъ него и вышла замужъ за русскаго фельдфебеля; дѣтей у него не было. Онъ не хвасталъ, разказывалъ про себя, что былъ встарину первый молодецъ въ станицѣ. Его всѣ звали по полку за его старинное молодечество. Не одно убійство и Чеченцевъ, и Русскихъ было у него на душѣ. Онъ и въ горы ходилъ, и у Русскихъ воровалъ, и въ острогѣ два раза сидѣлъ. Большая часть его жизни проходила на охотѣ въ дѣсу, гдѣ онъ питался по суткамъ однимъ кускомъ хлѣба и ничего не пилъ кромѣ воды. За то въ станицѣ онъ гулялъ съ утра до вечера. Вернувшись отъ Оленина, онъ заснулъ часа на два, и еще до свѣта проснувшись, лежалъ на своей кровати и обдумывалъ челоуѣка, котораго онъ вчера узналъ. Простота Оленина очень понравилась ему (простота въ томъ смыслѣ, что ему не жалѣли вина). И самъ Оленикъ понравился ему. Ошудивлялся почему Русскіе всѣ *просты* и богаты, и отчего они ничего не знаютъ, а всѣ ученые. Онъ обдумывалъ самъ съ собою и эти вопросы, и то чегѣ бы выпросить себѣ у Оленина. Хата дяди Ерощки была довольно большая и не старая, но замѣтно было въ ней отсутствіе женщины. Вопреки обычной казакѣвъ заботливости о чистотѣ, горница вся была загажена и въ величайшемъ безпорядкѣ. На столѣ были брошены: окровавленный *шпуръ*, половина слобной лепешки, и рядомъ съ ней ошипанная и разорванная галка для прикармливанія ястреба. На *макахъ*, разбросанные, лежали поршни, ружье, кинжалъ,

мѣшечекъ, мокрое платье и тряпки. Въ углу, въ кадучкѣ съ грязною вонючею водой, размокали другіе поршми; тутъ же стояла винтовка и кобылка. На полу была брошена сѣть, нѣсколько убитыхъ фазановъ, а около стола гуляла, постукивая по грязному полу, привязанная за ногу курочка. Въ нетопленной печкѣ стоялъ черепочекъ, наполненный какою-то молочною жидкостью. На печкѣ висжалъ копчикъ, старавшійся сорваться съ веревки, и ливялый ястребъ смиро сидѣлъ на краю, искоса поглядывая на курочку и изрѣдка съ права на лѣво перегибая голову. Самъ дядя Ерощка лежалъ навзничъ на коротенькой кровати, устроенной между стѣной и печкой, въ одной рубашкѣ, и задралъ сильныя ноги на печку, колупалъ толстымъ пальцемъ струны на рукахъ, изцарапанныхъ ястребомъ, котораго онъ вынашивалъ безъ перчатки. Во всей комнатѣ, и особенно около самаго старика, воздухъ былъ пропитанъ тѣмъ сильнымъ, не непріятнымъ, смѣшаннымъ запахомъ, который сопутствовалъ старику.

— *Уйде-ла, дядя?* (то-есть, дома, дядя?) слышался ему изъ окна рѣзкій голосъ, который онъ тотчасъ призналъ за голосъ сосѣда Лукашки.

— *Уйде, уйде, уйде!* Дома, заходи! закричалъ старикъ.— Сосѣдъ Марка, Лука Марка, что къ дядѣ пришелъ? Аль на кордонъ?

Ястребъ встрепенулся отъ крика хозяина и захопалъ крыльями, порываясь на своей привязи.

Старикъ любилъ Лукашку, и лишь одного его исключалъ изъ презрѣнія ко всему молодому поколѣнію казаковъ. Кромѣ того, Лукашка и его мать, какъ сосѣди, нерѣдко давали старику вина, каймачку и т. п. изъ хозяйственныхъ произведеній, которыхъ не было у Ерощки. Дядя Ерощка, всю жизнь свою увлекавшійся, всегда практически объяснялъ овои побужденія: „Что жъ? люди достаточные,“ говорилъ онъ самъ себѣ. „Я имъ свѣжяки дамъ, курочку, а и они дядо не забываютъ: пирожка и лепешки принесутъ другой разъ...“

— Здорово, Марка! Я тебѣ радъ, весело прокричалъ старикъ, и быстрымъ движеніемъ скинулъ босыя ноги съ кровати, вскочилъ, сдѣлалъ шага два по скрипучему полу, посмотрѣлъ на свои вывернутыя ноги, и вдругъ ему смѣшно стало на свои ноги: онъ усмѣхнулся, топнулъ разъ босою пяткой, еще разъ, и сдѣлалъ *выходку*.— Ловко что ль? спросилъ онъ, блестя ма-

ленькими глазами.—Лукашка чуть усмѣхнулся.—Что, аль на кордонъ? сказалъ старикъ.

—Тебѣ чихирю принесъ, дядя, что на кордонѣ обѣщаль.

—Спаси тебя Христось, проговорилъ старикъ; поднялъ валившіяся на полу чамбары и бешметъ, надѣлъ ихъ, затянулъ ремешъ, полилъ воды изъ черенка на руки, отеръ ихъ о старья чамбары, кусочкомъ гребешка расправилъ бороду, и сталъ передъ Лукашкой.—Готовъ! сказалъ онъ.

Лукашка достала чануру, отеръ, налилъ вина, и сѣвъ на скамейку, поднесъ дядѣ.

—Будь здоровъ! Отцу и Сыну! сказалъ старикъ, съ торжественностію принимая вино.—Чтобы тебѣ получить что жезель, чтобы тебѣ молодцомъ быть, крестъ выслужить!

Лукашка тоже съ молитвою отпилъ вина, и поставилъ его на столъ. Старикъ всталъ, принесъ сушеную рыбу, положилъ на порогъ, разбилъ ее палкой, чтобъ она была мягче, и положивъ ее своими заскорузлыми руками на свою единственную, синюю тарелку, подалъ на столъ.

—У меня все есть, и закуска есть, благодарю Бога, сказалъ онъ гордо.—Ну что Мосевъ? спросилъ старикъ.

Лукашка разказалъ, какъ урядникъ отнял у него ружье, видимо желая знать мнѣніе старика.

—За ружьемъ не стой, сказалъ старикъ:—ружья не дашь, награды не будетъ.

—Да что, дядя! Какая награда, говорятъ, малолѣтку?¹ А ружье важное, крымское, восемьдесятъ монетовъ стоитъ.

—Э, брось! Такъ-то я заспорилъ съ сотникомъ: коня у меня просилъ. Дай говорить коня, въ хорунжіи представляю. Я не дамъ, такъ и не вышло.

—Да что, дядя! Вотъ коня купить надо, а бають, за рѣвкой меньше пятидесяти монетовъ не возьмешь. Матушка вина еще не продала.

—Эхъ! мы не тужили, сказалъ старикъ:—когда дядя Ерощка въ твои года былъ, онъ ужъ табуны у Нагайцевъ воровалъ, да за Терекъ перегонялъ. Бывало важнаго коня за штофъ водки али за бурку отдаешь.

—Что же, дешево отдавали? сказалъ Лукашка.

¹ Малолѣтками называются казаки не начавшіе еще дѣйствительной конной службы.

— Дуракъ, дуракъ, Марка! презрительно сказалъ старикъ.— Нельзя, на то воруюшь чтобы не скупымъ быть. А вы, я чай, и не видали какъ коней-то гоняють. Что молчишь?

— Да что говорить, дядя? сказалъ Лукашка.— Не такіе мы видно люди.

— Дуракъ, дуракъ, Марка! Не такіе люди! отвѣчалъ старикъ, передразнивая молодого казака.— Не тотъ я былъ казакъ въ твои годы.

— Да что же? спросилъ Лукашка.

Старикъ презрительно покачалъ головой.

— Дядя Ерощка *протѣ* былъ, ничего не жалѣлъ. За то у меня вся Чечня кунаки были. Приѣдетъ ко мнѣ какой кунакъ, водкой пьянаго напою, ублажу, съ собой спать положу, а къ нему поѣду подарокъ, *пейкешъ*, свезу. Такъ-то люди дѣлають, а не то что какъ теперь: только и забавы у ребятъ что сѣмя грызуть, да шелуху плюють, презрительно заключилъ старикъ, представляя въ лицахъ какъ грызуть сѣмя и плюють шелуху нынѣшніе казаки.

— Это я знаю, сказалъ Лукашка.— Это такъ!

— Хочешь быть молодцомъ, такъ будь джигитъ, а не мужикъ. А то и мужикъ лошадь купить, денежки отвалить и лошадь возьметъ.

Они помолчали.

— Да вѣдь и такъ скучно, дядя, въ станицѣ или на кордонѣ; а разгуляться поѣхать некуда. Все народъ робкій. Вотъ хоть бы Назаръ. Намедни въ аулѣ были; такъ Гирей-ханъ въ Ногаи звалъ за конями, никто не поѣхалъ; а одному какъ же?

— А дядя чтѣ? Ты думаешь я засохъ! Нѣтъ, я не засохъ. Давай коня, сейчасъ въ Ногаи поѣду.

— Чтѣ пустое говорить? сказалъ Лука:— ты скажи какъ съ Гирей-ханомъ быть? Говорить, только проведи коня до Терека, а тамъ хоть косякъ цѣлый давай, мѣсто найду. Вѣдь тоже гололобий, вѣрить мудрено.

— Гирей-хану вѣрить можно, его весь родъ—люди хорошіе; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я тебя худу не научу: вели ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а поѣдешь съ нимъ, все пистолетъ наготовѣ держи. Пуще всего, какъ лошадей дѣлать станешь. Разъ меня такъ-то убилъ было одинъ Чеченецъ: я съ него просилъ по десяти монетовъ за лошадь. Вѣрить, вѣрь, и безъ ружья спать не ложись.

Лукашка внимательно слушалъ старика.

— А что, дядя? Сказывали, у тебя разрывъ трава есть, молвишь онъ, помолчавъ.

— Разрыва нѣтъ, а тебя научу, такъ и быть: малый хорошъ, старика не забываешь. Научить что ль?

— Научи, дядя.

— Черепаху знаешь? Вѣдь она чортъ, черепаха-то.

— Какъ не знать!

— Найди ты ея гнѣздо и оплети плетешокъ кругомъ, чтобъ ей пройти нельзя. Вотъ она придетъ, покружитъ и сейчасъ назадъ; найдетъ разрывъ траву, принесетъ, плетень раззорить. Вотъ ты и поспѣвай на другое утро, и смотри: гдѣ разломано, тутъ и разрывъ трава лежитъ. Бери и носи куда хочешь. Не будетъ тебѣ ни замка, ни закладки.

— Да ты пыталъ что ль, дядя?

— Пытать не пыталъ, а сказывали хорошіе люди. У меня только и заговора было, что прочту „здравствуйтя“, какъ на коня садиться. Никто не убили.

— Какая такая „здравствуйтя“, дядя?

— А ты не знаешь? Эхъ народъ! То-то дядю спроси. Ну слухай, говори за мной:

Здравствуйтя живучи въ Сіону.

Се царь твой.

Мы сядемъ на кони.

Софоніе вопіе,

Захаріе глаголе.

Отче Мандрыче

Человѣко-вѣко-любче.

— Вѣко-вѣко-любче, повторилъ старикъ.— Знаешь? Ну, скажи! Лукашка засмѣялся.

— Да что, дядя, развѣ отъ этого тебя не убили? Може такъ.

— Умны стали вы. Ты все выучи, да скажи. Отъ того худа не будетъ. Ну пропѣлъ „Мандрыче“, да и правъ,—и старикъ самъ засмѣялся.— А ты въ Ногац, Лука, не ѣзди, вотъ что!

— А что?

— Не то время, не тотъ вы народъ, дермо казакѣ вы стали. Да и Русскихъ вонъ что нагнали! Засудятъ. Право, брось. Куда вамъ! Вотъ мы съ Гирчикомъ бывало....

И старикъ началъ было разказывать свои безконечныя исторіи. Но Лукашка глянулъ въ окно.

— Вовсе свѣтло, дядя, перебилъ онъ его.— Пора, заходи когда.

— Спаси Христось, а я къ армейскому пойдю, пообѣщаль на охоту свести; человекъ хорошъ, кажись.

XVII.

Отъ Ерошки Лукашка зашелъ домой. Когда онъ вернулся, сырой росистый туманъ поднялся отъ земли и окуталъ станцию. Не видная скотина начинала шевелиться съ разныхъ концовъ. Чаще и напряженнѣе переключались пѣтухи. Въ воздухѣ становилось прозрачно, и народъ начиналъ подниматься. Подойдя вплотъ, Лукашка разсмотрѣлъ мокрый отъ тумана заборъ своего двора, крылецо хаты и отворенную клѣть. На дворѣ слышался въ туманѣ звукъ топора по дровамъ. Лукашка прошелъ въ хату. Мать его встала, и стоя передъ печью, бросала въ нее дрова. На кровати еще спала сестра дѣвочка.

— Что, Лукаша, нагулялся? сказала мать тихо.—Гдѣ былъ ночь-то?

— Въ станциѣ былъ, не охотно отвѣчалъ сынъ, доставая винтовку изъ чахла и осматривая ее.

Мать покачала головой.

Подсыпавъ пороху на полку, Лукашка досталъ мѣшочекъ, вынулъ нѣсколько пустыхъ хозырей и сталъ насыпать заряды, тщательно затыкая ихъ пулькой завернутою въ тряпочкѣ. Повыдергавъ зубомъ заткнутые хозыри и осмотрѣвъ ихъ, онъ положилъ мѣшокъ.

— А что, матушка, я тебѣ говорилъ торбы починить: починила, что ль? сказалъ онъ.

— Какже? Нѣмая чинила что-то вечеромъ. Аль пора на кордонъ-то? Не видала я тебя вовсе.

— Вотъ только уберусь, и идти надо, отвѣчалъ Лукашка, увязывая порохъ.—А нѣмая гдѣ? Аль вышла?

— Должно дрова рубить. Все о тебѣ сокрушалась. Ужь не увижу, говорить, я его вовсе. Такъ-то рукой на лицо покажетъ, щелкнетъ, да къ сердцу и прижметъ руки, жалко-моль. Пойдти позвать, что ль? Объ абректъ-то все поняла.

— Позови, сказалъ Лукашка.—Да сало тамъ у меня было, принеси сюда. Шашку смазать надо.

Старуха вышла, и черезъ нѣсколько минутъ, по скрипящимъ сходцамъ, вошла въ хату нѣмая сестра Лукашки. Она была шестью годами старше брата и чрезвычайно была бы

положа на него, если бы не общее всёми гаухонѣмымъ тупое и грубо-перемѣнчивое лицо. Одежду ея составляла грубая рубаха въ заплатяхъ; ноги были босы и испачканы; на головѣ старый синій платокъ. Шея, руки и лицо были жилисты какъ у мужика. Видно было и по одеждѣ и по всему, что она постоянно несла трудную мужскую работу. Она внесла вазанку дровъ и бросила ее у печи. Потомъ подошла къ брату, съ радостною улыбкой, сморщившею все ея лицо, тронула его за плечо, и начала руками, лицомъ и всёми тѣломъ дѣлать ему быстрые знаки.

— Хорошо, хорошо! Молодецъ Стенка! отвѣчалъ братъ, кивая головой:—все припасла, починила, молодецъ! Вотъ тебѣ за то!—и доставъ изъ кармана два пряника, онъ подаль ей.

Лицо нѣмой покраснѣло, и она дико загудѣла отъ радости. Схвативъ пряники, она еще быстрѣй стала дѣлать знаки, часто указывая въ одну сторону и проводя толстымъ пальцемъ по бровямъ и лицу. Лукашка понималъ ее, и все кивалъ, слегка улыбаясь. Она говорила, что братъ дѣвкамъ давалъ бы закуску, говорила, что дѣвки его любятъ, и что одна дѣвка Марьянка лучше всѣхъ, и та любить его. Марьянку она обозначала указывая быстро на сторону ея двора, на свои брови, лицо, чмокая и качая головой. „Любить“ показывала она прижимая руку къ груди, цѣлуя свою руку и будто обнимая что-то. Мать вернулась въ хату, и узнавъ о чемъ говорила нѣмая, улыбнулась и покачала головой. Нѣмая показала ей пряники, и снова прогудѣла отъ радости.

— Я Улитѣ говорила намереди, что сватать пришло, сказала мать:—приняла мои слова хорошо.

Лукашка молча посмотрѣлъ на мать.

— Да что, матушка? Вино надо везть. Коня нужно.

— Повезу когда время будетъ; бочки справлю, сказала мать, видимо не желая чтобы сынъ вмѣшивался въ хозяйственные дѣла.—Ты какъ пойдешь, сказала старуха сыну,—такъ возьми въ сѣняхъ мѣшочекъ. У людей заняла, тебѣ на кордонъ припасла. Али въ *саквы*¹ положить?

— Ладно отвѣчалъ Лукашка:—а коли изъ-за рѣчки Гирейханъ прѣдетъ, ты его на кордонъ пришли, а то теперь долго не отпустить. До него дѣло есть.

¹ „Саквы“ называются переметныя сумки которыя казаки возятъ съ собою.

Онъ сталъ собираться.

— Пришлю, Лукаша, пришлю. Чтожь у Ямки все и гуляла? стало, сказала старуха.—То-то я ночью вставала къ скотинѣ, слушала, ровно твой голосъ пѣсни игралъ.

Лукашка не отвѣчалъ. Вышелъ въ сѣни, перекинулъ черезъ плечо сумки, подоткнулъ зипунъ, взялъ ружье и остановился на порогѣ.

— Прощай матушка, сказалъ онъ матери.—Ты боченокъ съ Назаркой пришли, припирая за собой ворота:—ребятамъ обѣщался; онъ зайдетъ.

— Спаси тебя Христосъ, Лукаша! Богъ съ тобой! Пришлю, иль новой бочки пришлю, отвѣчала старуха, подходя къ забору.— Да слушай что, прибавила она, перегнувшись черезъ заборъ.

Казакъ остановился.

— Ты здѣсь погулялъ, ну слава Богу! Какъ молодому человѣку не веселиться? Ну, и Богъ счастье далъ. Это хорошо. А тамъ-то ужь смотри сынокъ, не того... Пуще всего начальника ублажай, нельзя! А я и вина продамъ, денегъ припасу коня купить, и дѣвку высватаю.

— Ладно, ладно! отвѣчалъ сынъ хмурясь.

Нѣмая крикнула, чтобъ обратить на себя его вниманіе. Показала голову и руку, что значило: бритая голова, Чеченецъ. Потомъ, нахмуривъ брови, показала видъ, что прицѣливается изъ ружья, вскрикнула и зашла скоро, качая головой. Она говорила, чтобы Лукашка еще убилъ Чеченца.

Лукашка понялъ, усмѣхнулся, и скорыми легкими шагами, придерживая ружье за спиной подъ буркой, скрылся въ густомъ туманѣ.

Молчи поговявъ у воротъ, старуха вернулась въ избушку, и тотчасъ же принялась за работу.

XVIII.

Лукашка пошелъ на кордонъ, а дядя Ерощка въ то же время свиснулъ собакъ, и перелѣзши черезъ плетень, задами обошелъ до квартиры Оленина (идя на охоту, онъ не любилъ встрѣчаться съ бабами). Оленинъ еще спалъ, и даже Ванюша, проснувшись, но еще не вставая, поглядывалъ вокругъ себя и соображалъ пора или не пора, когда дядя Ерощка, съ ружьемъ за плечами и во всемъ охотничьемъ уборѣ, отворилъ дверь.

— Паюкъ! Закричалъ онъ своимъ густымъ голосомъ.—Тре-
вга! Чеченцы пришли! Иванъ! Самоваръ барину ставь. А
ты вставай! Живо! кричалъ старикъ.—Такъ-то у насъ, добрый
человѣкъ. Вотъ ужъ и двѣки встали. Въ окно глянь-ка, глянь-
ка, за водою идетъ, а ты спишь.

Оленинъ проснулся, и вскочилъ. И такъ свѣжо, весело ему
стало при видѣ старика и звукѣ его голоса!

— Живо! Живо, Ванюша! закричалъ онъ.

— Такъ-то ты на охоту ходишь! Люди завтракать, а ты
спишь. Лямъ! Куда? крикнулъ онъ на собаку.—Ружье-то готово
чтоль? кричалъ старикъ, точно цѣлая толпа народа была въ избѣ.

— Ну провинился, нечего дѣлать. Порохъ, Ванюша! Пыжи!
говорялъ Оленинъ.

— Штрафъ! кричалъ старикъ.

— *Дю те вулеву?* говорилъ Ванюша ухмыляясь.

— Ты не нашъ! не по нашему допочешь, чортъ! кричалъ на
него старикъ, оскаливая корешки своихъ зубовъ.

— Для перваго раза прощается, шутилъ Оленинъ, натяги-
вая большіе сапоги.

— Прощается для перваго раза, отвѣчалъ Ерощка:—а дру-
гой разъ проспичь, ведро чихиря штрафу. Какъ обогрѣется,
не застанешь оленя-то.

— Да хоть и застанешь, такъ онъ умнѣй насъ, сказалъ Оле-
нинъ, повторяя слова старика, сказанныя вечеромъ:—его не
обманешь.

— Да ты смѣйся! Вотъ убей, тогда и поговори. Ну живо!
Смогри, вонъ и хозяинъ къ тебѣ идетъ, сказалъ Ерощка,
глядѣвшій въ окно.—Вишь убрался, новый зипунъ надѣлъ,
чтобы ты видѣлъ, что онъ офицеръ есть. Эхъ! народъ, народъ!

Дѣйствительно, Ванюша объявилъ, что хозяинъ желаетъ
видѣть барина. *Ларѣсанъ*, сказалъ онъ глубокомысленно,
предупреждая барина о значеніи визита хорунжаго. Вслѣдъ
затѣмъ, самъ хорунжій, въ новой черкескѣ, съ офицерскими
погонами на плечахъ, въ чищеныхъ сапогахъ,—рѣдкость
у казаковъ,—съ улыбкой на лицѣ, раскачиваясь вошелъ въ
комнату и поздравилъ съ пріѣздомъ.

— Хорунжій, Илья Васильевичъ, былъ казакъ образован-
ный, побывавшій въ Россіи, школьный учитель и, главное,
благородный. Онъ хотѣлъ казаться *благороднымъ*; но не-
волью, подъ напущеннымъ на себя, уродливымъ лоскомъ
вертявости, самоувѣренности и безобразной рѣчи, чув-

становался тотъ же дядя Ерощка. Это видно было и по его загорѣлому лицу, и по рукамъ, и по красноватому носу. Оленивъ попросилъ его садиться.

— Здравствуй, батюшка Илья Васильевичъ! сказалъ Ерощка, вставая, и какъ показалось Оленину, пронически низко кланяясь.

— Здорово, дядя! Ужь ты тутъ? отвѣчалъ хорунжій, небрежно кивая ему головой.

Хорунжій былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ сѣдою, клинообразною бородкой, сухой, тонкій и красивый, и еще очень свѣжій для своихъ сорока лѣтъ. Придя къ Оленину, онъ видимо боялся, чтобы его не приняли за обыкновеннаго казака, и желалъ дать ему сразу почувствовать свое значеніе.

— Это нашъ *Нилародъ египетскій*, сказалъ онъ, съ самодовольною улыбкой обращаясь къ Оленину и указывая на старика. — *Довеуз предъ господиномъ*. Первый у насъ на всякія руки. Изволили ужь узнать?

Дядя Ерощка, глядя на свои ноги обутыя въ мокрые поршни, раздумчиво покачивалъ головой, какъ бы удивляясь ловкости и учености хорунжаго, и повторялъ про себя: „*Нилародъ гуцкій!* Чего не выдумаетъ?“

— Да вотъ на охоту хотимъ идти, сказалъ Оленивъ.

— Такъ-съ точно, замѣтилъ хорунжій:— а у меня дѣльце есть къ вамъ.

— Чтò прикажете?

— Какъ вы есть благородный человѣкъ, началъ хорунжій,— и какъ я себя могу понимать, что мы тоже имѣемъ званіе офицера, и потому постепенно можемъ всегда страктоваться, какъ и всѣ благородные люди. (Онъ пріостановился и съ улыбкой взглянулъ на старика и офицера.) Но ежели бы вы имѣли желаніе, по согласію моему, такъ какъ моя жена есть женщина глупая въ нашемъ сословіи, не могла въ настоящее время вполне вразумить ваши слова вчерашняго числа. Потому квартира моя для полковаго адъютанта могла ходить безъ конюшни за шесть монетовъ, а задаромъ я всегда, какъ благородный человѣкъ, могу удалить отъ себя. А такъ какъ вамъ желается, то я, какъ самъ офицерскаго званія, могу во всемъ согласиться лично съ вами, и какъ житель здѣшняго края не то какъ бы по нашему обычаю, а во всемъ могу соблюсти условія....

— Чисто говорить, пробормоталъ старикъ.

Хорунжій говорилъ еще долго въ томъ же родѣ. Изъ всего

этого Оленинъ не безъ нѣкотораго труда могъ понять желаніе хорунжаго брать по шести рублей серебромъ за квартиру въ мѣсяцъ. Онъ съ охотою согласился, и предложилъ своему гостю стаканъ чаю. Хорунжій отказался.

— По нашему глупому обряду, сказалъ онъ, — мы считаемъ какъ бы за грѣхъ употреблять изъ мірскаго стакана. Оно хотя, по образованію моему, я бы могъ понимать, но жена моя по слабости человѣческой...

— Что жь, прикажите чаю?

— Если позволите, я свой стаканъ принесу, *особливый*, отвѣчалъ хорунжій, и вышелъ на крыльцо. — Стаканъ подай! крикнулъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и загорѣлая молодая рука, въ розовомъ рукавѣ, высунулась съ стаканомъ изъ двери. Хорунжій подошелъ, взялъ стаканъ и пошенталъ что-то съ дочерью. Оленинъ налилъ чаю хорунжему въ *особливый*, Ершкѣ въ *мірской* стаканъ.

— Однако, не желаю васъ задерживать, сказалъ хорунжій, обжигаясь и допивая свой стаканъ. — Я какъ есть тоже имѣю сильную охоту до рыбной ловли, и здѣсь только на побывкѣ, какъ бы на рекреациіи отъ должности. Также имѣю желаніе испытать счастье, не попадутся ли и на мою долю *дары Терека*. Надѣюсь, вы и меня посѣтите когда-нибудь испить *родительскаго*, по нашему станичному обычаю, прибавилъ онъ.

Хорунжій откланялся, пожалъ руку Оленину и вышелъ. Покуда собирался Оленинъ, онъ слышалъ повелительный и толковый голосъ хорунжаго, отдававшаго приказанія домашнимъ. А черезъ нѣсколько минутъ, Оленинъ видѣлъ какъ хорунжій, въ засученныхъ до колѣнъ штанахъ и въ оборванномъ бешметѣ, съ сѣтью на плечѣ, прошелъ мимо его окна.

— Шутъ же, сказалъ дядя Ершкѣ, допивавшій свой чай изъ мірскаго стакана. — Что же, неужели ты ему такъ и будешь платить шесть монетовъ? Слыхано ли дѣло! Лучшую хату въ станицѣ за два монета отдадутъ. Эка бестія! Да я тебѣ свою за три монета отдамъ.

— Нѣтъ, ужъ я здѣсь останусь, сказалъ Оленинъ.

— Шесть монетовъ! Видно деньги-то дурашныя. Э-эхъ! отвѣчалъ старикъ. — Чихирю дай, Иванъ!

Закусивъ и выпивъ водки на дорогу, Оленинъ съ старикомъ вышли вмѣстѣ на улицу часу въ восьмомъ утра.

Въ воротахъ они наткнулись на запряженную арбу. Объя-

занная до глазъ бѣлымъ платкомъ, въ бешметъ сзержъ рубахи, въ сапогахъ и съ длинною хворостиной въ рукахъ, Марьяна тащила быковъ за привязанную къ ихъ рогамъ веревку.

— Мамушка! проговорилъ старикъ, дѣлая видъ, что хочетъ схватить ее.

Марьянка замахнулась на него хворостиной и весело взглянула на обоихъ своими прекрасными глазами.

Оленину сдѣлалось еще веселѣе.

— Ну идемъ, идемъ! сказалъ онъ, вскидывая ружье на плечо и чувствуя на себѣ взглядъ дѣвки.

— Ги! Ги! прозвучалъ за нимъ голосъ Марьяны, и вслѣдъ за тѣмъ заскрипѣла тронувшаяся арба.

Покуда дорога шла задами станицы, по выгонамъ, Ерощка разговаривалъ. Онъ не могъ забыть хорунжаго, и все бранилъ его.

— Да за что же ты такъ сердисься на него? спросилъ Оленинъ.

— Скупой! Не люблю, отвѣчалъ старикъ.—Издохнетъ, все останется. Для кого копить? Два дома построилъ. Садъ другою у брата оттягалъ. Вѣдь тоже и по бумажнымъ дѣламъ какая собака! Изъ другихъ станицъ пріѣзжаютъ къ нему бумаги писать. Какъ напишетъ, такъ какъ разъ и выйдетъ. Въ самый разъ сдѣлаетъ. Да кому копить-то? Всего одинъ мальчишка, да дѣвка; замужъ отдастъ, ни кого не будетъ.

— Такъ на приданое и копить, сказалъ Оленинъ.

— Какое приданое? Дѣвку берутъ, дѣвка важная. Да вѣдь такой чортъ, что и отдать-то еще за богатаго хочетъ. Калымъ большой содрать хочетъ. Лука есть казакъ, сосѣдъ мнѣ и племянникъ, молодецъ малый, что Чеченца убилъ, давно ужъ сватаетъ; такъ все не отдаетъ. То, другое, да третье; дѣвка молода, говоритъ. А я знаю что думаетъ. Хочетъ чтобы поклонялись. Нынче что сраму было за дѣвку за эту. А все Лукашкѣ высватаютъ. Потому первый казакъ въ станицѣ, джигитъ, абрека убилъ, крестъ дадутъ.

— А что это? Я вчера какъ по двору ходилъ, видѣлъ дѣвка хозяйская съ какимъ-то казакомъ цѣловалась, сказалъ Оленинъ.

— Хвастаешь, крикнулъ старикъ, останавливаясь.

— Ей Богу! сказалъ Оленинъ.

— Баба чортъ, раздумывая, сказалъ Ерощка.—А какой казакъ?

— Я не видалъ какой.

— Ну, курней какой на шапкѣ? бѣлый?

— Да.

— А зипунъ красный? Съ тебя, такой же?

— Нѣтъ побольше.

— Онъ и есть. — Ерощка захохоталъ. — Онъ и есть, Марка мой. Овъ Лукашка. Я его Марка зову, *шутю*. Онъ самый. Люблю! Такой-то и я былъ, отецъ мой. Что на нихъ смотрѣть-то? Бываю съ матерью, съ невѣсткой, спить *душенька*-то моя, а я всевѣзу. Бывало, жила она высоко; мать вѣдьма была, чортъ: страсть не любила меня. Приду бывало съ *няней* (другъ значить), Гирчикомъ звали. Приду подъ окно, ему на плеча взлѣзу, окно подниму, да и ошариваю. Она тутъ на лавкѣ спала. Разъ такъ-то взбудилъ ее. Она какъ взахается! Меня не узнала. Кто это? А мнѣ говорить нельзя. Ужь было мать заворошилась. Я шапку снялъ, да въ мурло ей и сунулъ: такъ сразу узнала по рубцу что на шапкѣ былъ. Выскочила. Бывало, ничего-то не нужно. И каймаку тебѣ, и винограду, всего натащить, прибавилъ Ерощка, объяснявшій все практически. — Да не одна была. Житье бывало.

— А теперь чтожь?

— А вотъ пойдемъ за собакой, фазана на дерево посадишь, тогда стрѣлай.

— Ты бы за Марьянкой поволочился?

— Ты смотри на собакъ-то. Вечеромъ докажу, сказалъ старикъ, указывая на своего любимца Ляма.

Они замолкли.

Пройдя шаговъ сто въ разговарахъ, старикъ опять остановился и указалъ на хворостинку, которая лежала черезъ дорогу.

— Ты это что думаешь? сказалъ онъ. — Ты думаешь это такъ? Нѣтъ. Это палка дурно лежить.

— Чѣмъ же дурно?

Онъ усмѣхнулся. — Ничего не знаешь. Ты слушай меня. Когда такъ палка лежить, ты черезъ нее не шагай, а или обойди, или скинь такъ-то съ дороги, да молитву прочти: „Отцу и Сыну и Святому Духу“ и иди съ Богомъ. Ничего не случается. Такъ-то старики еще меня учили.

— Ну что за вздоръ! сказалъ Оленинъ. — Ты разкажи лучше про Марьяну. Что жъ она гуляетъ съ Лукашкой?

— Ши! Теперь молчи, опять шепотомъ, перервалъ старикъ

этотъ разговоръ: — только слушай. Кругомъ вотъ лѣсомъ пойдемъ.

И старикъ, не слышно ступая въ своихъ поршняхъ, пошелъ впередъ по узкой дорожкѣ, входившей въ густой, дикой, заросшій лѣсъ. Онъ нѣсколько разъ, морщась, оглядываясь на Оленина, который шуршалъ и стучалъ своими большими сапогами и неосторожно неся ружье, нѣсколько разъ цѣплялъ за вѣтки деревъ, разросшихся по дорогѣ.

— Не шуми, тише иди, солдатъ! сердито шепотомъ говорилъ онъ ему.

Чувствовалось въ воздухѣ, что солнце встало. Туманъ расходился, но еще закрывалъ вершины лѣса. Лѣсъ казался страшно высокимъ. При каждомъ шагѣ впередъ, мѣстность измѣнялась. Чтò казалось деревомъ, то оказывалось кустомъ; камышинка казалась деревомъ.

XIX.

Туманъ частью поднимался, открывая мокрыя камышевыя крыши, частью превращался въ росу, увлажая дорогу и траву около заборовъ. Дымъ вездѣ валилъ изъ трубъ. Народъ выходилъ изъ станицъ, кто на работы, кто на рѣку, кто на кордоны. Охотники шли рядомъ по сырой, поросшей травой дорогѣ. Собаки, махая хвостами, и оглядываясь на хозяина бѣжали по сторонамъ. Миріады комаровъ вились въ воздухѣ и преслѣдовали охотниковъ, покрывая ихъ спины, глаза и руки. Пахло травой и лѣсною сыростью. Оленинъ безпрестанно оглядывался на арбу, въ которой сидѣла Марьянка, и хворостинной подгоняла быковъ. Было тихо. Звуки станицы, слышныя прежде, теперь уже не доходили до охотниковъ; только собаки трещали по тернамъ, и изрѣдка откликались птицы. Оленинъ зналъ, что въ лѣсу опасно, что абреки всегда скрываются въ этихъ мѣстахъ. Онъ зналъ тоже, что въ лѣсу для пѣшехода ружье есть сильная защита. Не то чтобъ ему было страшно; но онъ чувствовалъ, что другому на его мѣстѣ могло быть страшно; и съ особеннымъ напряженіемъ вглядываясь въ туманный, сырой лѣсъ, вслушиваясь въ рѣдкіе слабые звуки, перехватывалъ ружье и испытывалъ пріятное и новое для него чувство. Дядя Ерощка, идя впереди, при каждой лужѣ, на которой были двойчатые слѣды звѣря, останавливался, и внимательно раз-

глядывая, указывалъ ихъ Оленину. Онъ почти не говорилъ; только изрѣдка и шепотомъ дѣлалъ свои замѣчанія. Дорога, по которой они шли, была когда-то проѣзжена арбой и давно заросла травой. Карагачевый и чинаровый лѣсъ съ обѣихъ сторонъ былъ такъ густъ и заросль, что ничего нельзя было видѣть черезъ него. Почти каждое дерево было обвито сверху до низу дикимъ виноградникомъ; внизу густо росъ темный терновникъ. Каждая маленькая полянка вся заросла ежевичникомъ и камышомъ съ сѣрыми колеблющимися махалками. Мѣстами большія звѣриныя, и маленькія, какъ тунелю, фазаныя тропы сходили съ дороги въ чащу лѣса. Сила растительности этого не пробитаго скотомъ лѣса на каждомъ шагу поражала Оленина, который не видалъ еще ничего подобнаго. Этотъ лѣсъ, опасность, старикъ съ своимъ таинственнымъ шепотомъ, Марьянка съ своимъ мужественнымъ стройнымъ станомъ, и горы,—все это казалось сномъ Оленину.

— Фазана посадилъ, прошептавъ старикъ, оглядываясь и надвигая себѣ на лицо шапку.—Мурло-то закрой: фазанъ.—Онъ сердито махнулъ на Оленина и полѣлъ дальше, почти на четверекакахъ.—Мурла человѣчьяго не любитъ.

Оленинъ еще былъ сзади, когда старикъ остановился и сталъ оглядывать дерево. Пѣтухъ *тордокнулъ* съ дерева на собаку лаявшую на него, и Оленинъ увидалъ фазана. Но въ то же время раздался выстрѣлъ, какъ изъ пушки, изъ здоровеннаго ружья Ерощки, и пѣтухъ вспорхнулъ, теряя перья, и упалъ на землю. Подходя къ старику, Оленинъ спугнулъ другаго. Выпроставъ ружье, онъ повелъ и ударилъ. Фазанъ взвился коломъ къ верху, и потомъ, какъ камень, цѣпляясь за вѣтки, упалъ въ чащу.

— Молодецъ! смѣясь, прокричалъ старикъ, не умѣвшій стрѣлять въ лѣтъ.

Подобравъ фазановъ, они пошли дальше. Оленинъ, возбужденный движеніемъ и похвалой, все заговаривалъ съ старикомъ.

— Стой! Сюда пойдемъ, перебилъ его старикъ:—вчера тутъ оленій сѣдъ видалъ.

Свернувъ въ чащу и пройдя шаговъ триста, они выбрались на полянку поросшую камышомъ, и мѣстами залитую водой. Оленинъ все отставалъ отъ стараго охотника, и дядя Ерощка, шагахъ въ двадцати впереди его, нагнулся, значительно кивая

и махая ему рукой. Добравшись до него, Оленинъ увидалъ слѣдъ ноги человѣка, на который ему указывалъ старикъ.

— Видишь?

— Вижу. Чтожь? оказалъ Оленинъ, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе:—человѣка слѣдъ.

Невольна въ головѣ его мелькнула мысль о Куперовомъ Пай-файндерѣ и абрекахъ, а глядя на таинственность, съ которою шелъ старикъ, онъ не рѣшался спросить, и былъ въ сомнѣніи: опасность или охота причиняла эту таинственность.

— Нѣ, это мой слѣдъ, просто отвѣтилъ старикъ, и указалъ траву, подъ которою былъ виденъ чуть замѣтный слѣдъ звѣря.

Старикъ пошелъ дальше. Оленинъ не отставалъ отъ него. Пройдя шаговъ двадцать и спускаясь къ низу, они пришли в чащу къ разлапистой грушѣ, подъ которою земля была черна и оставался свѣжій звѣриный пометъ.

Обвитое виноградникомъ мѣсто было похоже на крытую уютную бесѣдку, темную и прохладную.

— Утромъ тутъ былъ, вздохнувъ, сказалъ старикъ:—видать догово отпотѣло свѣжо.

Вдругъ страшный трескъ послышался въ лѣсу, шагахъ въ десяти отъ нихъ. Оба вздрогнули и схватились за ружья, но ничего не видно было; только слышно было какъ ломались сучья. Равномѣрный, быстрый топотъ галопы послышался на мгновенье, изъ треска перешелъ въ гулъ, все дальше, дальше, шире и шире разносившійся по тихому лѣсу. Что-то какъ бы оборвалось въ сердцѣ Оленина. Онъ тщетно всматривался въ зеленую чащу, и наконецъ оглянулся на старика. Дядя Ерощка, прижавъ ружье къ груди, стоялъ неподвижно; шапка его была сбита назадъ, глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ, и открытый ротъ, изъ котораго злобно выставлялись сѣдненные желтые зубы, замеръ въ своемъ положеніи. „Рогалы!“ проговорилъ онъ. И отчаянно бросивъ на землю ружье, сталъ дергать себя за сѣдую бороду. „Тутъ стоялъ! Съ дорожки подойти бы! Дуракъ! Дуракъ!“ и онъ злобно ухватилъ себя за бороду. „Дуракъ! свинья!“ твердилъ онъ, больно дергая себя за бороду. Надъ лѣсомъ въ туманѣ, какъ будто пролетало что-то; все дальше и дальше, шире и шире, гудѣлъ бѣгъ поднятаго оленя...

Ужь сумерками Оленинъ вернулся съ старикомъ, усталый, голодный и сильный. Обѣдъ былъ готовъ. Онъ поѣлъ, вынулъ съ

старикомъ, такъ что ему стало тепло и весело, и вышелъ на крылечко. Опять передъ глазами подымались горы на закатѣ. Опять старикъ разказывалъ свои безконечныя исторіи про охоту, про абрековъ, про душенекъ, про беззаботное, лгзое житье. Опять Марьяна красавица входила, выходила и переходила черезъ дворъ. Подъ рубахой обозначалось могучее дѣвственное тѣло красавицы.

XX.

На другой день Олень въ безъ старика пошелъ одинъ на то мѣсто, гдѣ онъ съ старикомъ спугнулъ оленя. Чѣмъ обходить въ ворота, онъ перелѣзъ, какъ и всѣ дѣлали въ стаицѣ, черезъ ограду колючекъ. И еще не успѣлъ отодрать колючекъ, зацѣпившихся ему за черкеску, какъ собака его, побѣжавшая впередъ, подняла уже двухъ фазановъ. Только что онъ вошелъ въ терны, какъ стали, что ни шагъ, подниматься фазаны. (Старикъ не показалъ ему вчера этого мѣста, чтобы приберечь его для охоты съ кобылкой). Олень убилъ пять штукъ фазановъ изъ двѣнадцати выстрѣловъ, и лазая за ними по тернамъ, измучился такъ, что потъ лилъ съ него градомъ. Онъ отозвалъ собаку, спустилъ курки, положилъ пули на дробь, и отмахиваясь отъ комаровъ рукавами черкески, тихонько пошелъ ко вчерашнему мѣсту. Однако нельзя было удержатъ собаку, на самой дорогѣ набѣгавшей на слѣды, и онъ убилъ еще пару фазановъ, такъ что задержавшись за ними, онъ только къ полдню сталъ узнавать вчерашнее мѣсто.

День былъ совершенно ясный, тихій, жаркій. Утренняя свѣжесть даже въ лѣсу пересохла, и мириады комаровъ буквально облѣпляли лицо, спину и руки. Собака сдѣлалась сивою изъ черной: спина ея вся была покрыта комарами. Черкеска, черезъ которую они пропускали свои жалы, стала такою же. Олень готовъ былъ бѣжать отъ комаровъ; ему ужъ казалось, что лѣтомъ и жить нельзя въ стаицѣ. Онъ уже шелъ домой; но вспоминая, что живутъ же люди, рѣшился вытерпѣть и сталъ отдавать себя на съѣденіе. И, странное дѣло, къ полдню это ощущеніе стало ему даже пріятно. Ему показалось даже, что ежели бы не было этой окружающей его со всѣхъ сторонъ комариной атмосферы, этого комаринаго тѣста, которое подъ рукой размазывалось по потному лицу, и этого безпокойнаго зуда по всему тѣлу, то здѣшній лѣсъ потерялъ бы для него свой характеръ

и свою прелесть. Эти мириады насѣкомыхъ такъ шли къ этой дикой, до безобразія богатой растительности, къ этой безднѣ звѣрей и птицъ, наполняющихъ лѣсъ, къ этой темной зелени, къ этому пахучему, жаркому воздуху, къ этимъ канавкамъ мутной воды, вездѣ просачивающейся изъ Терека и бульбулькующей гдѣ-нибудь подъ нависшими листьями, что ему стало пріятно именно то что прежде казалось ужаснымъ и нестерпимымъ. Обойдя то мѣсто, гдѣ вчера онъ нашелъ звѣря, и ничего не встрѣтивъ, онъ захотѣлъ отдохнуть. Солнце стояло прямо надъ лѣсомъ, и безпрестанно, въ отвѣсъ, доставало ему спину и голову, когда онъ выходилъ въ поляну или дорогу. Семь тяжелыхъ фазановъ до боли оттягивали ему поясницу. Онъ отыскалъ вчерашніе слѣды оленя, подобрался подъ кустъ въ чащу, въ то самое мѣсто, гдѣ вчера лежалъ олень, и улегся у его логова. Онъ осмотрѣлъ кругомъ себя темную зелень, осмотрѣлъ потное мѣсто, вчерашній пометъ, отпечатокъ копыней оленя, клочокъ чернозема оторванный оленемъ, и свои вчерашніе слѣды. Ему было прохладно, уютно; ни о чемъ онъ не думалъ, ничего не желалъ. И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастья и любви ко всему, что онъ, по старой, дѣтской привычкѣ, сталъ креститься и благодарить кого-то. Ему вдругъ съ особенною ясностью пришло въ голову, что вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное отъ всѣхъ существо, лежу теперь одинъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень, старый олень, красивый, никогда можетъ-быть не видавшій человѣка, и въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ никогда никто изъ людей не сидѣлъ и того не думалъ. Сижу, а вокругъ меня стоятъ молодыя и старыя деревья, и одно изъ нихъ обвито плетями дикаго винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя другъ друга, и чуютъ можетъ-быть убитыхъ братьевъ. Онъ пощупалъ своихъ фазановъ, осмотрѣлъ ихъ и отеръ тепло-окровавленную руку о черкеску. Чуютъ, можетъ-быть чакалки, и съ недовольными лицами пробираются въ другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоятъ въ воздухѣ и жужжатъ комары: одинъ, два, три, четыре, сто, тысяча, миллионъ комаровъ, и всѣ они что-нибудь и зачѣмъ-нибудь жужжатъ около меня, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ. Ему ясно представилось что думаютъ и жужжатъ комары. Сюда, сюда, ребята! Вотъ кого

можно вѣсть, жужжать они, и облѣпляютъ его. И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой же фазанъ или олень, какъ тѣ, которые живутъ теперь вокругъ него: „Такъ же какъ они, какъ дядя Ерощка, поживу, умру. И правду онъ говорить: „только трава вырастетъ.“

„Да что же, что трава вырастетъ? думалъ онъ дальше: все надо жить, надо быть счастливымъ; потому что я только одного желаю—счастія. Все равно что бы я ни былъ: такой же звѣрь какъ и всѣ, на которомъ трава вырастетъ, и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единого Божества: все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какже надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?“ И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣчивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ все себя такимъ же счастливымъ, какъ и прежде. „Отчего я счастливъ, и зачѣмъ я жилъ прежде?“ подумалъ онъ. „Какъ я былъ требователемъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастія!“ И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. „Счастіе вотъ что, сказалъ онъ самъ себѣ, счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!“ Онъ такъ обрадовался и взвизгивалъ, открывъ эту, какъ ему показалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. „Вѣдь ничего для себя не нужно, все думалъ онъ, отчего же не жить для другихъ?“ Онъ взялъ ружье, и съ намѣреніемъ скорѣе вернуться домой, чтобъ об-

думать все это и найти случай сдѣлать добро, вышелъ изъ чащи. Выбравшись на поляну, онъ оглянулся: солнца уже не было видно, за вершинами деревъ становилось прохладнѣе, и мѣстность показалась ему совершенно незнакома и не похожа на ту, которая окружала станицу. Все вдругъ перемѣнилось, и погода, и характеръ лѣса: небо завлакивало тучами, вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ деревъ, кругомъ виднѣлись только камышъ и перестоялый, поломанный лѣсъ. Онъ сталъ кликать собаку, которая отбѣжала отъ него за какимъ-то звѣремъ, и голосъ его отозвался ему пустынно. И вдругъ ему стало страшно жутко. Онъ сталъ трусить. Пришли въ голову абреки, убійства, про которыя ему разказывали, и онъ ждалъ вотъ-вотъ выскочить изъ каждаго куста Чеченецъ, и ему придется защищать жизнь, и умирать или трусить. Онъ вспомнилъ и о Богѣ, и о будущей жизни такъ какъ не вспоминалъ этого давно. А кругомъ была та же мрачная, строгая, дикая природа. „И стоитъ ли того чтобы жить для себя, думалъ онъ, когда вотъ-вотъ умрешь, и умрешь не сдѣлавъ ничего добраго, и такъ что никто не узнаетъ.“ Онъ пошелъ по тому направленію, гдѣ предполагалъ станицу. Объ охотѣ онъ уже не думалъ, чувствовалъ убійственную усталость, и особенно внимательно, почти съ ужасомъ, оглядывалъ каждый кустъ и дерево, ожидая ежеминутно разчета съ жизнью. Покружившись довольно долго, онъ выбрался на канаву, по которой текла песчаная, холодная вода изъ Терека, и чтобы больше не плутать рѣшилъ пойти по ней. Онъ шелъ, самъ не зная куда выведетъ его канава. Вдругъ сзади его затрещали камыши. Онъ вздрогнулъ и схватился за ружье. Ему стало стыдно себя; зарывшая собака, тяжело дыша, бросилась въ холодную воду канавы, и стала лакать ея.

Онъ напился вмѣстѣ съ нею, и пошелъ по тому направленію, куда она тянула, полагая, что она выведетъ его въ станицу. Но не смотря на товарищество собаки, вокругъ ему все казалось еще мрачнѣе. Лѣсъ темнѣлъ, вѣтеръ сильнѣе и сильнѣе разыгрывался въ вершинахъ старыхъ поломанныхъ деревьевъ. Какія-то большія птицы съ визгомъ вились около гнѣздъ этихъ деревьевъ. Растительность становилась бѣднѣе, чаще попадался шушукующій камышъ и голыя, песчанья полянки, избитыя звѣриными слѣдами. Къ гулу вѣтра присоединялся еще какой-то не веселый, однообразный гулъ. Во

обще на душѣ становилось пасмурно. Онъ оцупалъ сзади фазановъ и одного не нашель. Фазанъ оторвался и пропалъ, и только окровавленная шейка и головка торчали за поясомъ. Ему стало такъ страшно, какъ никогда. Онъ сталъ молиться Богу, и одного только боялся, что умереть не сдѣлавъ ничего доброго, хорошаго; а ему такъ хотѣлось жить, жить, чтобы совершить подвигъ самоотверженія.

XXI.

Вдругъ какъ солнце просіяло въ его душѣ. Онъ услышалъ звуки русскаго говора, услышалъ быстрое и равномерное теченіе Терека, и шага черезъ два, передъ нимъ открылась коричневая, продвигающаяся поверхность рѣки, съ бурнымъ, мокрымъ пескомъ на берегахъ и отмеляхъ, дальняя степь, вышка кордона отдѣлявшаяся надъ водой, осѣдланная лошадь, въ тревогѣ ходившая по тернамъ, и горы. Красное солнце вышло въ мгновеніе изъ-за тучи, и послѣдними лучами весело блеснуло вдоль по рѣкѣ, по камышамъ, на вышку и на казакъ собравшихся кучкой, между которыми Лукашка невольно своею бодрою фигурой обратилъ вниманіе Оленина.

Оленинъ почувствовалъ себя опять, безъ всякой видимой причины, совершенно счастливымъ. Онъ зашелъ въ Нижнепротоцкій постъ, на Терекъ, противъ мирнаго аула на той сторонѣ. Онъ поздоровался съ казаками, но еще не найдя предлога сдѣлать кому-либо добро, вошелъ въ избу. И въ избѣ не представилось случая. Казаки приняли его холодно. Онъ вошелъ въ мазанку, и закурилъ папиросу. Казаки мало обратили вниманія на Оленина, впервыхъ за то что онъ курилъ папироску, вовторыхъ оттого что у нихъ было другое развлеченіе въ этотъ вечеръ. Изъ горъ пріѣхали съ лазутчикомъ немирные Чеченцы, родные убитаго абрека, выкупать тѣло. Ждали изъ станицы казачье начальство. Братъ убитаго, высокій, стройный, съ подстриженною и выкрашенною красною бородой, не смотря на то что былъ въ оборваннѣйшей черкескѣ и папахѣ, былъ спокоенъ и величавъ какъ царь. Онъ былъ очень похожъ лицомъ на убитаго абрека. Никого онъ не удостоивалъ взглядомъ, ни разу не взглянулъ на убитаго, и сидя въ тѣни на корточкахъ, только сплевывалъ куря трубочку, и изрѣдка издавалъ нѣсколько повелительныхъ гортанныхъ звуковъ, которымъ почтительно внималъ его спут-

никъ. Видно было, что это джигитъ, который уже не разъ видалъ Русскихъ совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, и что теперь ничто въ Русскихъ не только не удивляло, но и не занимало его. Оленья подошелъ было къ убитому и сталъ смотрѣть на него, но братъ, спокойно - презрительно взглянувъ выше бровей на Оленя, отрывисто и сердито сказалъ что-то. Лазутчикъ поспѣшилъ закрыть черкеской лицъ убитаго. Оленья поразила величественность и строгость выраженія на лицѣ джигита; онъ заговорилъ было съ нимъ, спрашивая, изъ какого онъ аула, но Чеченецъ чуть глянулъ на него, презрительно сплюнулъ и отвернулся. Оленья такъ удивился тому что горецъ не интересовался имъ, что равнодушіе его объяснилъ себѣ только глупостью или непониманіемъ языка. Онъ обратился къ его товарищу. Товарищъ, лазутчикъ и переводчикъ, былъ такой же оборванный, но черный, а не рыжій, вертлявый, съ бѣлѣйшими зубами и сверкающими черными глазами. Лазутчикъ охотно вступилъ въ разговоръ, и попросилъ папироску.

— Ихъ пять братьевъ, разказывалъ лазутчикъ на своемъ ломаномъ, полурусскомъ языкѣ:—вотъ ужъ это третьяго брата Русскіе бьютъ, только два остались; онъ джигитъ, очень джигитъ, говорилъ лазутчикъ, указывая на Чеченца. — Когда убили Ахмедъ-хана (такъ звали убитаго абрека), онъ на той сторонѣ въ камышахъ сидѣлъ; онъ все видѣлъ какъ его въ каюкъ клали и какъ на берегъ привезли. Онъ до ночи сидѣлъ; хотѣлъ старика застрѣлить, да другіе не пустили.

Лукашка подошелъ къ разговаривающимъ и подсѣлъ.

— А изъ какого аула? спросилъ онъ.

— Вонъ, въ тѣхъ горахъ, отвѣчалъ лазутчикъ, указывая за Терекъ, въ голубоватое туманное ущелье:—Суюкъ-су знаешь? Верстъ десять за нимъ будетъ.

— Въ Суюкъ-су Гирей-хана знаешь? спросилъ Лукашка, видимо гордясь этимъ знакомствомъ:—кунакъ мнѣ.

— Сосѣдъ мнѣ, отвѣчалъ лазутчикъ.

— Молодецъ! и Лукашка, видимо очень заинтересованный, заговорилъ по-татарски съ переводчикомъ.

Скоро пріѣхали верхомъ сотникъ и станичный со свитою двухъ казаковъ. Сотникъ, изъ новыхъ казачьихъ офицеровъ, поздоровался съ казаками; но ему не крикнулъ никто въ отвѣтъ, какъ армейскіе: „здравія желаемъ, ваше благородіе“, и только кое-кто отвѣтилъ простымъ поклономъ. Нѣкоторые, и Лукашка въ томъ числѣ, встали и вытянулись.

Урядникъ донесъ, что на посту всеі обстоитъ благополучно. Все это смѣшно показалось Оленину; точно эти казаки играли въ солдаты. Но форменность скоро перешла въ простыя отношенія; и сотникъ, который былъ такой же ловкій казакъ какъ и другіе, сталъ бойко говорить по-татарски съ переводчикомъ. Написали какую-то бумагу, отдали ее лазутчику, у него взяли деньги и приступили къ тѣлу.

— Гавриловъ Лука который у васъ? проговорилъ сотникъ. Лукашка снялъ шапку и подошелъ.

— О тебѣ я послалъ рапортъ полковому. Что выйдетъ не знаю, я написалъ къ кресту, въ урядники рано. Ты грамотенъ?

— Никакъ нѣтъ.

— А какой молодецъ изъ себя! сказалъ сотникъ, продолжая играть въ начальника.— Накройся. Онъ чухъ Гавриловыхъ? Широкаго что ль?

— Племянникъ, отвѣчалъ урядникъ.

— Знаю, знаю. Ну берись, пособи имъ, обратился онъ къ казакамъ.

Лукашкино лицо такъ и свѣтилось радостью, и казалось красивѣе обыкновеннаго. Отойдя отъ урядника и накрывшись, онъ снова подѣлъ къ Оленину.

Когда тѣло отнесено было въ каюкъ, Чеченецъ-братъ подошелъ къ берегу. Казаки невольно разступились, чтобы дать ему дорогу. Онъ сильною ногой оттолкнулся отъ берега, и вскочилъ въ лодку. Тутъ онъ въ первый разъ, какъ Оленинъ замѣтилъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ казаковъ и опять что-то отрывисто спросилъ у товарища. Товарищъ отвѣтилъ что-то, и указалъ на Лукашку. Чеченецъ взглянулъ на него и медленно отвернувшись, сталъ смотрѣть на тотъ берегъ. Не ненависть, а холодное презрѣніе выразилось въ этомъ взглядѣ. Онъ еще сказалъ что-то.

— Что онъ сказалъ? спросилъ Оленинъ у вертляваго переводчика.

— Твоя наша бьетъ, наша ваша коробчить. Все одна хурда хурда, сказалъ лазутчикъ, видимо обманывая, засмѣялся, оскаливъ свои бѣлые зубы, и вскочилъ въ каюкъ.

Братъ убитаго сидѣлъ не шевелясь, и пристально глядѣлъ на тотъ берегъ. Онъ такъ ненавидѣлъ и презиралъ, что ему даже любопытнаго ничего тутъ не было. Лазутчикъ, стоя на концѣ каюка, переноса весло то на ту, то на другую сторону,

ловко правилъ, и говорилъ безъ умолку. Наускось перебивая теченіе, каюкъ становился меньше и меньше, голоса долетали чуть слышно, и наконецъ, въ глазахъ, они пристали къ тому берегу, гдѣ стояли ихъ лошади. Тамъ они вынесли тѣло, несмотря на то, что шарахалась лошадь, положили его черезъ сѣдло, сѣди на коней и шагомъ поѣхали по дорогѣ мимо аула, изъ котораго толпа народа вышла смотрѣть на нихъ. Казаки же на этой сторонѣ были чрезвычайно довольны и веселы. Со всѣхъ сторонъ слышались смѣхъ и шуточки. Сотникъ съ станичнымъ пошли угоститься въ мазанку. Лукашка съ веселымъ лицомъ, которому тщетно старался онъ придать степенный видъ, сидѣлъ подлѣ Оленина, опершись локтями на колѣна и строгая палочку.

— Чтò это вы курите? сказалъ онъ, какъ будто съ любопытствомъ:—развѣ хорошо?

— Онъ видимо сказалъ это только потому что замѣчалъ, что Оленину неловко и что онъ одинокъ среди казаковъ.

— Такъ привыкъ, отвѣчалъ Оленинъ:—а что?

— Гм! Коли бы нашъ братъ курить сталъ, бѣда! Вонъ вѣдь не далеко горы-то, сказалъ Лукашка, указывая въ ущелье,—а не дождешь!.. Какъ же вы домой одни пойдете: темно. Я васъ провожу коли хотите, сказалъ Лукашка:—вы попросите у урядника.

„Какой молодець“, подумалъ Оленинъ, глядя на веселое лицо казака. Онъ вспомнилъ про Марьянку, и про поцѣлуй, который онъ подслушалъ за воротами, и ему стало жалко Лукашку, жалко его необразованіе. „Что за вздоръ и путаница?“ думалъ онъ, человѣкъ убилъ другаго, и счастливъ, доволенъ, какъ будто сдѣлалъ самое прекрасное дѣло. Не ужели ни что не говорить ему, что тутъ нѣтъ причины для большой радости? „Что счастье не въ томъ, чтобы убивать, а въ томъ чтобы жертвовать собой?“

— Ну, не попадайся ему теперь братъ, сказалъ одинъ изъ казаковъ, провожавшихъ каюкъ, обращаясь къ Лукашкѣ:—слыхалъ какъ про тебя спросилъ?

Лукашка поднялъ голову.

— Крестникъ-то? сказалъ Лукашка, разумѣя подъ этимъ словомъ чеченца.

— Крестникъ-то не встанеть, а рыжіи братецъ-то крестовый.

— Пускай Бога молить, что самъ цѣль ушелъ, сказалъ Лукашка смѣясь.

— Чемужь ты радуешься? сказалъ Оленинъ Лукашкѣ. — Какъ бы твоего брата убили, развѣ бы ты радовался?

Глаза казака смѣялись, глядя на Оленина. Онъ казалось понялъ все что тотъ хотѣлъ сказать ему но стоялъ выше такихъ соображеній.

— А что жь? И не безъ того! Развѣ нашего брата не бьютъ?

XXII.

Сотникъ съ станичными уѣхали; а Оленинъ, для того чтобы сдѣлать удовольствіе Лукашкѣ и чтобы не идти одному по темному лѣсу, попросилъ отпустить Лукашку, и урядникъ отпустилъ его. Оленинъ думалъ, что Лукашкѣ хочется видѣть Марьянку, и вообще былъ радъ товариществу такого пріятнаго на видъ и разговорчиваго казака. Лукашка и Марьянка невольно соединялись въ его воображеніи, и онъ находилъ удовольствіе думать о нихъ. „Онъ любитъ Марьяну, думалъ себѣ Оленинъ, а я бы могъ любить ее.“ И какос-то сильное и новое для него чувство умиленія овладѣвало имъ, въ то время какъ они шли домой по темному лѣсу. Лукашкѣ тоже было весело на душѣ. Что-то похожее на любовь чувствовалось между этими двумя столь различными молодыми людьми. Всякій разъ какъ они взглядывали другъ на друга, имъ хотѣлось смѣяться.

— Тебѣ въ какія ворота? спросилъ Оленинъ.

— Въ среднія. Да я васъ провожу до болота. Тамъ ужъ вы не бойтесь ничего.

Оленинъ засмѣялся. — Да развѣ я боюсь? Ступай назадъ, благодарствую. Я одинъ дойду.

— Ничего! А мнѣ чтожь дѣлать? Какъ вамъ не бояться? и мы боимся, сказалъ Лукашка, тоже смѣясь и успокоивая его самолюбіе.

— Ты ко мнѣ зайди. Поговоримъ, выпьемъ, а утромъ ступай.

— Развѣ я мѣста не найду, гдѣ ночку почевать, засмѣялся Лукашка, — да урядникъ просилъ притти.

— Я вчера слышалъ, ты пѣсни пѣлъ и еще тебя видѣлъ....

— Всѣ люди...—И Лука покачалъ головой.

— Что ты женишься—правда? спросилъ Оленинъ.

— Матужка женить хочетъ. Да еще и коня нѣтъ.

— Ты не строевой?

— Гдѣ жь? Только собрался. Еще коня нѣтъ, а раздобыть-ся не гдѣ. Оттого и не женятъ.

— А сколько конь стоитъ?

— Торговали намереніи одного за рѣкой, такъ шестьдесятъ монетовъ не берутъ, а конь нагайскій.

— Пойдешь ты ко мнѣ въ драбанты (въ походъ драбантъ есть нѣчто въ родѣ вѣстового, которыхъ давали офицерамъ)? Я тебя выхлопочу и коня тебѣ подарю, вдругъ сказалъ Оленинъ.—Право. У меня два, мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно? смѣясь сказалъ Лукашка.—Что вамъ дарить? Мы разживемся, Богъ дастъ.

— Право! Или не пойдешь въ драбанты? сказалъ Оленинъ радуясь тому, что ему пришло въ голову подарить коня Лукашкѣ. Ему однако отчего-то неловко и совѣстно было. Онъ искалъ и не зналъ что сказать.

Лукашка первый прервалъ молчаніе.

— Что, у васъ въ Россіи домъ есть свой? спросилъ онъ.

Оленинъ не могъ удержаться, чтобы не разказать, что у него не только одинъ домъ, но и нѣсколько домовъ есть.

— Хорошій домъ? больше нашихъ? добродушно спросилъ Лукашка.

— Много больше, въ десять разъ; въ три яруса, разказывалъ Оленинъ.

— А кони есть такіе какъ у насъ?

— У меня сто головъ лошадей, да по триста, по четыреста рублей, только не такіе какъ ваши. Серебромъ триста! Рысистые, знаешь... А все я здѣшнихъ лучше люблю.

— Что жь вы сюда пріѣхали, волей или неволей? спросилъ Лукашка, все какъ будто посмѣиваясь.—Вотъ вы гдѣ заплутались, прибавилъ онъ, указывая на дорожку, мимо которой они проходили:—вамъ бы надо вправо.

— Такъ, по своей охотѣ, отвѣчалъ Оленинъ,—хотѣлось по-смотретьъ ваши мѣста, въ походахъ походить.

— Сходилъ бы въ походъ нынче, сказалъ Лука.—Ишь чакалки воютъ, прибавилъ онъ прислушиваясь.

— Да что тебѣ не страшно, что ты человѣка убилъ? спросилъ Оленинъ.

— Чего жь бояться? А сходилъ бы въ походъ! повторилъ Лукашка.—Такъ мнѣ хочется, такъ мнѣ хочется...

— Можетъ-быть пойдемъ вмѣстѣ. Наша рота пойдетъ передъ праздникомъ и ваша сотня тоже.

— И охота вамъ сюда ѣхать! Домъ есть, кони есть и холопы есть. Я бы гулялъ да гулялъ. Что вы чинь какой имѣете?

— Я юнкеръ, а теперъ представлень.

— Ну, коли не хвастаете, что житье у васъ такое, я изъ дома никуда бы не уѣхалъ. Да я и такъ никуда бы не уѣхалъ. Хорошо у насъ жить?

— Да. Очень хорошо, сказалъ Оленинъ.

Ужь было совсѣмъ темно, когда они, разговаривая такимъ образомъ, подходили къ станицѣ. Еще ихъ окружалъ темный мракъ лѣса. Вѣтеръ высоко гудѣлъ въ вершинахъ. Чакалки, казалось, подлѣ нихъ вдругъ завывали, хохотали и шакали; а впереди, въ станицѣ, уже слышался женскій говоръ, лай собакъ, ясно обозначались профили хатъ, свѣтились огни, и тянуло запахомъ, особеннымъ запахомъ дыма кизяка. Такъ и чувствовалось Оленину, особенно въ этотъ вечеръ, что тутъ въ станицѣ его домъ, его семья, все его счастье, и что никогда ни гдѣ онъ не жилъ и жить не будетъ такъ счастливо, какъ въ этой станицѣ. Онъ такъ любилъ всѣхъ и особенно Лукашку въ этотъ вечеръ! Придя домой, Оленинъ, къ великому удивленію Лукашки, самъ вывелъ изъ клетки, купленную имъ въ Грозной—не ту на которой онъ всегда ѣздилъ,—но другую не дурную, хотя и немолодую лошадь, и отдалъ ему.

— За что вамъ меня дарить? сказалъ Лукашка:—я вамъ еще не услужилъ ничѣмъ.

— Право, мнѣ ничего не стоитъ, отвѣчалъ Оленинъ:—возьми и ты мнѣ подарить что... Вотъ и въ походъ пойдемъ.

Лука смутился. — Ну чтожь это? Развѣ конь малаго стоитъ, говорилъ онъ не глядя на лошадь.

— Возьми же, возьми! Коли ты не возьмешь, ты меня обидишь. Ванюша, отведи къ нему сѣраго.

Лукашка взялъ за поводъ.—Ну, благодарствуй. Вотъ, не душно, не гадино...

Оленинъ былъ счастливъ какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ.— Привяжи ее здѣсь. Она хорошая лошадь, я въ Грозной купилъ, а скачетъ лихо. Ванюша, дай намъ чихирю. Пойдемъ въ хату.

Подали вино. Лукашка сѣлъ, и взялъ чепуру.—Богъ дастъ и я вамъ отслужу, сказалъ онъ, допивая вино.—Какъ звать-то тебя?

— Дмитрій Андреичъ.

— Ну, Митрій Андреичъ, спаси тебя Богъ. Кунаки будемъ. Теперь приходи къ намъ когда. Хоть и не богатые мы люди, а все, кунаки, угостимъ. Я и матушкѣ прикажу, коли чего нужно, каймаку или винограду. А коли на кордонъ придешь, я тебѣ слуга, на охоту, за рѣку ли, куда хочешь. Вотъ намереніи не зналъ: какого кабана убилъ! Такъ по казакамъ роздалъ, а то бы тебѣ принесъ.

— Хорошо, благодарствуй. Ты ее только не запрягай, а то она не ѣздила.

— Какъ коня запрягать! А вотъ еще я тебѣ скажу, повизивъ голосъ, сказала Лукашка:—коли хочешь, маѣ кунакъ есть, Гирей-ханъ; звалъ на дорогу засѣсть, гдѣ изъ горъ ѣздить, такъ вмѣстѣ поѣдемъ. Ужь я тебя не выдамъ, твой мюридъ буду.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, когда-нибудь.

Лукашка, казалось, совершенно успокоился и понялъ отношенія Оленина къ нему. Его спокойствіе и простота обращенія удивили Оленина и были даже немного непріятны ему. Они долго бесѣдовали, и уже поздно Лукашка, не пьяный (онъ никогда не бывалъ пьянъ), но много выпивши, пожалъ Оленину руку, вышелъ отъ него.

Оленинъ выглянулъ въ окно посмотрѣть что онъ будетъ дѣлать выйдя отъ него. Лукашка шелъ тихо, опутивъ голову внизъ. Потомъ, выведя коня за ворота, вдругъ встряхнулъ головой, какъ кошка вскочилъ на него, перекинулъ поводъ недоуздка, и гикнувъ, закатился вдоль по улицѣ. Оленинъ думалъ, что онъ пойдетъ подѣлиться своею радостью съ Марьянкой; но несмотря на то, что Лука этого не сдѣлалъ, ему было такъ хорошо на душѣ, какъ никогда въ мірѣ. Онъ какъ мальчикъ радовался и не могъ удержаться, чтобы не разказать Ванюшѣ не только то, что онъ подарилъ лошадь Лукѣ, но и зачѣмъ подарилъ, и всю свою новую теорію счастья. Ванюша не одобрилъ этой теоріи и объявилъ, что *ларжанъ ильняна*, и потому все это пустяки.

Лукашка забѣжалъ домой, соскочилъ съ коня и отдалъ его матери, наказавъ, пустить его въ казачій табунъ; самъ же онъ въ ту же ночь долженъ былъ вернуться на кордонъ. Нѣмая взялась свести коня, и знаками показывала, что она какъ увидитъ челоуѣка, который подарилъ лошадь, такъ и поклонится ему въ ноги. Старуха только покачала головой на разказъ сына, и въ душѣ порѣшила, что Лу-

Лукашка украсть лошадь, и потому приказала вѣмой вести коня въ табунъ еще до свѣта.

Лукашка пошелъ одинъ на кордонъ и все раздумывалъ о поступкѣ Оленина. Хотя конь и нехорошъ былъ по его мнѣнью, однако стоилъ по крайней мѣрѣ сорокъ *монетовъ*, и Лукашка былъ очень радъ подарку. Но зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ подарокъ, этого онъ не могъ понять, и потому не испытывалъ ни мажѣйшаго чувства благодарности. Напротивъ, въ головѣ его бродили неясныя подозрѣнныя въ дурныхъ умыслахъ юнкера. Въ чемъ состояли эти умыслы, онъ не могъ дать себѣ отчета, но и допустить мысль, что такъ ни за что, по добротѣ, незнакомый человекъ, подарилъ ему лошадь въ сорокъ *монетовъ*, ему казалось невозможно. Коли бы пьяный былъ, тогда бы еще понятно было: хотѣлъ покуражиться. Но юнкеръ былъ трезвъ, а потому вѣрно хотѣлъ подкупить его на какое-нибудь дурное дѣло. „Ну да врешь!“ думалъ Лукашка. „Конь-то у меня, а тамъ видно будетъ. Я самъ малый не промахъ. Еще кто кого проведетъ! Посмотримъ!“ думалъ онъ, испытывая потребность быть на-сторожѣ противъ Оленина, и потому возбуждая въ себѣ къ нему недоброжелательное чувство. Онъ никому не разказывалъ, какъ ему достался конь. Однимъ говорилъ, что купилъ; отъ другихъ отдѣлывался уклончивымъ отвѣтомъ. Однако въ станицѣ скоро узнали правду. Мать Лукашки, Марьяна, Илья Васильевичъ и другіе казаки, узнавшіе о безпричинномъ подаркѣ Оленина, пришли въ недоумѣніе и стали опасаться юнкера. Несмотря на такія опасенія, поступокъ этотъ возбудилъ въ нихъ большое уваженіе къ *простотѣ* и богатству Оленина.

— Слышь, Лукашкѣ коня въ пятьдесятъ монетовъ бросилъ юнкеръ-то, что у Ильи Васильича стоитъ, говорилъ одинъ.— Богачь!

— Слыхалъ, отвѣчалъ другой глубокомысленно. — Должно услужилъ ему. Поглядимъ, поглядимъ, что изъ него будетъ. Эко Урвану счастье.

— Экой народъ продувной изъ юнкирей, бѣда! говорилъ третій:— какъ разъ подождетъ или что.

XXIII.

Жизнь Оленина шла однообразно, ровно. Съ начальствомъ и товарищами, онъ имѣлъ мало дѣла. Положеніе богатаго юнкера на Кавказѣ особенно выгодно въ этомъ отношеніи. На работы и на ученіе его не посылали. За экспедицію онъ былъ представленъ въ офицеры, а до того времени оставляли его въ покоѣ. Офицеры считали его аристократомъ, и потому держали себя въ отношеніи къ нему съ достоинствомъ. Картежная игра и офицерскіе кутежи съ пѣсевичками, которые онъ испыталъ въ отрядѣ, казались ему непривлекательными, и онъ съ своей стороны тоже удалялся офицерскаго общества и офицерской жизни въ станицѣ. Офицерская жизнь въ станицахъ давно уже имѣетъ свой опредѣленный складъ. Какъ каждый юнкеръ или офицеръ въ крѣпости регулярно пьетъ портеръ, играетъ въ штосъ, толкуетъ о наградахъ за экспедицію, такъ въ станицѣ регулярно пьетъ съ хозяевами чихирь, угощаетъ дѣвокъ закусками и медомъ, волочится за казачками, въ которыхъ влюбляется; иногда и женится. Оленинъ жилъ всегда своеобразно, и имѣлъ бессознательное отвращеніе къ битымъ дорожкамъ. И здѣсь, также, не пошелъ онъ по избитой колѣѣ жизни кавказскаго офицера.

Само собой сдѣлалось, что онъ просыпался вмѣстѣ съ свѣтомъ. Напившись чаю и полюбовавшись съ своего крылечка на горы, на утро и на Марьянку, онъ надѣвалъ оборванный зипунъ изъ воловьей шкуры, размоченную обувь называемую поршнями, подпоясывалъ кинжалъ, бралъ ружье, мѣшечекъ съ закуской и табакомъ, звалъ за собой собаку, и отправлялся часу въ шестомъ утра въ дѣсь за станицу. Часу въ седьмомъ вечера, онъ возвращался усталымъ, голоднымъ, съ пятаю, шестью фазанами за поясомъ, иногда съ звѣремъ, съ нетронутымъ мѣшечкомъ, въ которомъ лежали закуска и папиросы. Если бы мысли въ головѣ лежали также какъ папиросы въ мѣшкѣ, то можно было бы видѣть, что за всѣ эти четырнадцать часовъ ни одна мысль не пошевелилась въ немъ. Онъ приходилъ домой морально свѣжій, сильный и совершенно счастливый. Онъ не могъ бы сказать о чемъ онъ думалъ все это время. Не то мысли, не то воспоминанія, не то мечты бродили въ его голо-

въ,—бродили отрывки всего этого. Опомнитесь, спросить: о чемъ онъ думаетъ? И застаесть себя или казакомъ работающимъ въ садахъ съ казачкою женою, или абрекомъ въ горахъ, или кабаномъ убѣгающимъ отъ себя же самого. И все прислушивается, глядывается, и ждетъ фазана, кабана или оленя.

Вечеромъ ужь непременно сидитъ у него дядя Ерощка. Ванюша приноситъ осьмуху чихиря, и они тихо бесѣдуютъ, напиваются, и оба довольные расходятся спать. На-завтра опять охота, опять здоровая усталость, опять за бесѣдой также напиваются, и опять счастливы. Иногда въ праздникъ или въ день отдыха, онъ цѣлый день проводить дома. Тогда главнымъ занятіемъ была Марьянка, за каждымъ движеніемъ которой, самъ того не замѣчая, онъ жадно слѣдилъ изъ своихъ оконъ или съ своего крыльца. Онъ смотрѣлъ на Марьянку и любилъ ее (какъ ему казалось) также какъ любилъ красоту горъ и неба, и не думалъ входить ни въ какія отношенія къ ней. Ему казалось, что между имъ и ею не можетъ существовать ни тѣхъ отношеній, которыя возможны между ею и казакомъ Лукашкой, ни еще менѣе тѣхъ, которыя возможны между богатымъ офицеромъ и казачкою дѣвкою. Ему казалось, что ежели бы онъ попытался сдѣлать то что дѣлали его товарищи, то онъ бы промѣнялъ свое, полное наслажденіе, созерцаніе, на бездну мученій, разочарованій и раскаяній. Притомъ же, въ отношеніи къ этой женщинѣ, онъ уже сдѣлалъ подвигъ самоотверженія, доставившій ему столько наслажденія; а главное, почему-то онъ боялся Марьянки и ни за что бы не рѣшился сказать ей слово шуточной любви.

Однажды лѣтомъ Оленинъ не пошелъ на охоту и сидѣлъ дома. Совершенно неожиданно вошелъ къ нему его московскій знакомый, очень молодой человѣкъ, котораго онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ:

— Ахъ, mon cher, мой дорогой, какъ я обрадовался, узнавъ, что вы здѣсь! началъ онъ на московскомъ-французскомъ языкѣ и такъ продолжалъ, пересыпая свою рѣчь французскими словами.—Мнѣ говорятъ: „Оленинъ“. Какой Оленинъ? Я такъ обрадовался... Вотъ привела судьба свидѣться. Ну, какъ вы? что? зачѣмъ?

И князь Бѣлецкій разказалъ всю свою исторію: какъ онъ поступилъ на-время въ этотъ полкъ, какъ главнокомандующій

звалъ его въ адъютанты, и какъ онъ послѣ похода поступить къ нему, несмотря на то, что вовсе этимъ не интересуется.

— „Служа здѣсь, въ этой труппѣ, надо по крайней мѣрѣ сдѣлать карьеру... крестъ... чинъ... въ гвардію переведутъ. Все это необходимо, хоть не для меня, но для родныхъ, для знакомыхъ. Князь меня принялъ очень хорошо; онъ очень порядочный человекъ, говорилъ Бѣлецкій, не умолкая.—За экспедицію представленъ къ Аннѣ. А теперь проживу здѣсь до похода. Здѣсь отлично. Какія женщины! Ну, а вы какъ живете? Мнѣ говорилъ нашъ капитанъ — знаете, Старцевъ: доброе, глупое существо... онъ говорилъ, что вы ужаснымъ дикаремъ живете, ни съ кѣмъ не видите. Я понимаю, что вамъ не хочется сближаться съ здѣшними офицерами. Я радъ, теперь мы съ вами будемъ видѣться. Я тутъ остановился у урядника. Какая тамъ дѣвочка, Устенъка! Я вамъ скажу, прелесть!

И еще и еще сыпались французскія и русскія слова изъ того міра, который, какъ думалъ Оленинъ, былъ покинутъ имъ навсегда. Общее мнѣніе о Бѣлецкомъ было то, что онъ милый и добродушный малый. Можетъ-быть онъ и дѣйствительно былъ такой; но Оленину онъ показался, несмотря на его добродушное хорошенькое лицо, чрезвычайно непріятель. Такъ и пахло отъ него всею тою гадостью, отъ которой онъ отрекся. Досаднѣе же всего ему было то, что онъ не могъ, рѣшительно не былъ въ силахъ, рѣзко оттолкнуть отъ себя этого человека изъ того міра, какъ будто этотъ старый бывший его міръ имѣлъ на него неотразимыя права. Онъ злился на Бѣлецкаго и на себя, и противъ своей воли вставлялъ французскія фразы въ свой разговоръ, интересовался главнокомандующимъ и московскими знакомыми, и на основаніи того, что они оба, въ казачьей станицѣ, говорили на французскомъ діалектѣ, съ презрѣніемъ относился о товарищахъ-офицерахъ, о казакахъ, и дружески обошелся съ Бѣлецкимъ, обѣщаясь бывать у него и приглашая заходить къ нему. Самъ Оленинъ однако не ходилъ къ Бѣлецкому. Ванюша одобрилъ Бѣлецкаго, сказавъ, что это настоящій баринъ.

Бѣлецкій сразу вошелъ въ обычную жизнь богатаго казачскаго офицера въ станицѣ. На глазахъ Оленина, онъ въ одинъ мѣсяцъ сталъ какъ бы старожиломъ станицы: онъ подпаивалъ стариковъ, дѣлалъ вечеринки, и самъ ходилъ на вече-

ряки къ дѣвкамъ, хвастался побѣдами и даже дошелъ до того, что дѣвки и бабы прозвали его почему-то дѣдушкой, а казаки, ясно опредѣлившіе себѣ этого человѣка любившаго вино и женщинъ, привыкли къ нему, и даже полюбили его больше чѣмъ Оленина, который былъ для нихъ загадкой.

XXIV.

Было 5 часовъ утра. Ванюша раздувалъ голенищемъ самоваръ на крыльцѣ хаты. Оленинъ уже ухалъ верхомъ купаться на Терекъ. (Онъ недавно выдумалъ себѣ новое удовольствіе купать въ Терекѣ лошадь). Хозяйка была въ своей *мэбушкѣ*, изъ трубы которой поднимался черный густой дымъ растапливавшейся печи; дѣвка въ клетѣ допла буйволицу. „Не постоитъ проклятая!“ слышался оттуда ея нетерпѣливый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздавался равномерный звукъ доенія. На улицѣ около дома посышался бойкій шагъ лошади, и Оленинъ *охленью*, на красивомъ, невысокомъ, глянцевито-мокромъ, темно-сѣромъ конѣ, подъѣхалъ къ воротамъ. Красивая голова Марьяны, повязанная однимъ краснымъ платкомъ (называемымъ сорочкой), высунулась изъ клетки и снова скрылась. На Оленинѣ была красная канусовая рубаха, бѣлая черкеска, стянутая ремнемъ съ кинжаломъ, и высокая шапка. Онъ нѣсколько изысканно сидѣлъ на мокрой спинѣ сытой лошади, и придерживая ружье за спиной, нагнулся, чтобъ отворить ворота. Волоса его еще были мокры, лицо сіяло молодостью и здоровьемъ. Онъ думалъ, что онъ хорошъ, ловокъ и похожъ на джигита; но это было несправедливо. На взглядъ всякаго опытнаго Кавказца, онъ все-таки былъ солдатъ. Замѣтивъ высунувшуюся голову дѣвки, онъ особенно бойко пригнулся, откинулъ плетень воротъ; и поддержавъ поводья, взмахнувъ плетью, въѣхалъ на дворъ. „Готовъ чай, Ванюша?“ крикнулъ онъ весело, не глядя на дверь клетки; онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ поджимая задъ, спрашивая поводья и содрогаясь каждымъ мускуломъ, красивый конь, готовый со всѣхъ ногъ перескочить черезъ заборъ, отбивалъ шагъ по засохшей глинѣ двора. „*Се пре!*“ отвѣчалъ Ванюша. Оленину казалось, что красивая голова Марьяны все еще смотритъ изъ клетки, но онъ не оглянулся на нее. Соскочивъ съ лошади,

Оленинъ зацѣпилъ ружьемъ за крылечко, сдѣлавъ неловкое движеніе и испуганно оглянулся на клетъ, въ которой никого не было видно и слышались тѣ же равномерные звуки доенья.

Войдя въ хату, онъ черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда на крылечко, и съ книгой и трубкой за стаканомъ чаю, ушелъ въ сторонѣ необлитою еще косыми лучами утра. Онъ никуда не собирался до обѣда въ этотъ день, и намѣревался писать давно откладывавшіяся письма; но почему-то жадко было ему оставить свое мѣстечко на крыльцѣ, и какъ въ тюрьму не хотѣлось вернуться въ хату. Хозяйка вытопила печь, дѣвка угнала скотину, и вернувшись, стала собирать и лѣпить кизяки по забору. Оленинъ читалъ, но ничего не понималъ изъ того что было написано въ раскрытой передъ нимъ книгѣ. Онъ безпрестанно отрывалъ отъ нея глаза, и смотрѣлъ на двигавшуюся передъ нимъ сильную молодую женщину. Заходила ли эта женщина въ сырую утреннюю тѣнь падавшую отъ дома, выходила ли она на средину двора освѣщеннаго радостнымъ молодымъ свѣтомъ, и вся стройная фигура ея въ яркой одеждѣ блистала на солнцѣ и клала черную тѣнь, — онъ одинаково боялся потерять хоть одно изъ ея движеній. Его радовало видѣть какъ свободно и граціозно сгибался ея станъ, какъ розовая рубаха, составлявшая всю ея одежду, драпировалась на груди и вдоль стройныхъ ногъ; какъ выпрямлялся ея станъ, и подъ ея стянутою рубахою твердо обозначались черты дышащей груди; какъ узкая ступня обутая въ красныя старыя черевуки, не перемѣняя формы, становилась на землю; какъ сильныя руки, съ засученными рукавами, напрягая мускулы, будто сердито бросали лопатой, и какъ глубокіе черные глаза взглядывали иногда на него. Хотя и хмурились тонкія брови, но въ глазахъ выражалось удовольствіе и чувство своей красоты.

— Что Оленинъ, ужъ вы давно встали? сказалъ Бѣлецкій, въ кавказскомъ офицерскомъ сюртукѣ, входя на дворъ и обращаясь къ Оленину.

— А, Бѣлецкій! отозвался Оленинъ, протягивая руку: — какъ вы такъ рано?

— Что дѣлать! Выгнали. У меня нынче балъ. Марьяна, ты вѣдь придешь къ Устенкѣ? обратился онъ къ дѣвкѣ.

Оленинъ удивился какъ могъ Бѣлецкій такъ просто обращаться къ этой женщинѣ. Но Марьяна, какъ будто не слы-

гавъ, нагнула голову, и перекинувъ на плечо лопату, своею бойкою мужскою походкой пошла къ избушкѣ.

— Стыдится, нянюка, стыдится, проговорилъ ей вслѣдъ Бѣлецкій, — васъ стыдится, — и весело улыбаясь взбѣжалъ на крыльцо.

— Какъ балъ у васъ? Кто васъ выгналъ?

— У Устерьки, у моей хозяйки, балъ, и вы приглашены. Балъ, то-есть, пирогъ и собраніе дѣвокъ.

— Да что жь мы-то будемъ дѣлать?

Бѣлецкій хитро улыбнулся, и подмигнувъ, показалъ головой на *избушку*, въ которой скрылась Марьяна.

Оленинъ пожалъ плечами и покраснѣлъ.

— Ей Богу, вы странный человѣкъ! сказалъ онъ.

— Ну, рассказывайте!

Оленинъ нахмурился. Бѣлецкій замѣтилъ это, и искаательно улыбнулся. — Да какъ же, помилуйте, сказалъ онъ, — живете въ одномъ домѣ, и такая славная дѣвка, отличная дѣвочка, совершенная красавица...

— Удивительная красавица! Я не видывалъ такихъ женщинъ, сказалъ Оленинъ.

— Ну, такъ что же? совершенно ничего не понимая, спросилъ Бѣлецкій.

— Оно можетъ-быть странно, отвѣчалъ Оленинъ, — но отчего мнѣ не говорить того что есть? Съ тѣхъ поръ какъ я живу здѣсь, для меня какъ будто не существуетъ женщинъ. И такъ хорошо, право! Ну да и что можетъ быть общаго между нами и этими женщинами? Ерощка — другое дѣло; съ нимъ у васъ общая страсть — охота.

— Ну, вотъ! Что общаго? А что общаго между мной и Амаліей Ивановной? То же самое. Скажете, что грязненьки онъ, ну это другое дѣло. *A la guerre comme à la guerre!*

— Да я Амалію Ивановну не зналъ и никогда не умѣлъ съ ними обращаться, отвѣчалъ Оленинъ. — Но тѣхъ нельзя уважать, а этихъ я уважаю.

— Ну и уважайте! Ктожь вамъ мѣшаетъ?

Оленинъ не отвѣчалъ. Ему видимо хотѣлось договорить то что онъ началъ. Оно было ему слѣшкомъ къ сердцу.

— Я знаю, что я составляю исключеніе. (Онъ видимо былъ смущенъ.) Но жизнь моя устроилась такъ, что я не вижу не только никакой потребности измѣнять свои правила, но я бы не могъ жить здѣсь, не говорю уже жить такъ счастливо какъ

живу, ежели бы я жилъ по вашему. И потомъ, я совсѣмъ другого щу, другое вижу въ нихъ чѣмъ вы.

Бѣлецкій недовѣрчиво поднялъ брови.—Все таки приходите ко мнѣ вечеркомъ, и Марьяна будетъ, я васъ познакомя. Приходите пожалуста. Ну, скучно будетъ, вы уйдете. Придете?

— Я бы пришелъ; но по правдѣ вамъ скажу, я боюсь серьезно увлечься

— О, о, о! закричалъ Бѣлецкій.—Приходите только, я васъ успокою. Придете? Честное слово?

— Я бы пришелъ, но право я не понимаю что мы будемъ дѣлать, какую роль мы будемъ играть.

— Пожалуста, я васъ прошу. Придете?

— Да, приду, можетъ-быть, сказалъ Оленинъ.

— Помилуйте, прелестныя женщины какъ ни гдѣ, и жить монахомъ! что за охота? Изъ чего портить себѣ жизнь, и не пользоваться тѣмъ что есть? Слышали вы, наша рота въ Воздвиженскую пойдетъ.

— Едва ли? Мнѣ говорили, что 8-я рота пойдетъ, сказалъ Оленинъ.

— Нѣтъ, я получилъ письмо отъ адъютанта. Онъ пишетъ, что князь будетъ самъ въ походѣ. Я радъ, мы съ нимъ увидимся. Ужъ мнѣ начинается надоѣдать здѣсь.

— Говорятъ, что въ набѣгъ скоро.

— Не слыхалъ; а слыхалъ, что Криновицыну за набѣгъ-то Анна вышла. Онъ ждалъ поручика, сказалъ Бѣлецкій смѣясь.—Вотъ попался-то. Онъ въ штабъ поѣхалъ....

Стало смеркаться, и Оленинъ началъ думать о вечеринкѣ. Приглашеніе мучило его. Ему хотѣлось идти, но странно, дико и немного страшно было подумать о томъ что тамъ будетъ. Онъ зналъ, что ни казаковъ, ни старухъ, ни кого, кромѣ дѣвокъ, не должно быть тамъ. Что такое будетъ? Какъ вести себя? Что говорить? Что онъ будутъ говорить? Какія отношенія между нимъ и этими дикими казачьими дѣвками? Бѣлецкій разказывалъ про такія странныя, циническія и вмѣстѣ строгія отношенія.... Ему странно было думать, что онъ будетъ тамъ въ одной хатѣ съ Марьяной и, можетъ-быть, ему придется говорить съ ней. Ему это казалось невозможнымъ, когда онъ вспоминалъ ея величавую осанку. Бѣлецкій же разказывалъ, что все это такъ просто. Неужели Бѣлецкій и съ Марьяной будетъ также обращаться? Это интересно, думалъ онъ. Нѣтъ лучше не ходить. Все это

гадко, пошло, а главное ни къ чему. Но опять его мучилъ вопросъ: какъ это все будетъ? И его какъ будто связывало динное слово. Онъ пошелъ не рѣшившись ни на что, но дошелъ до Бѣлецкаго и вошелъ къ нему.

Хата, въ которой жилъ Бѣлецкій, была такая же какъ и хата Оленина. Она стояла на столбахъ въ два аршина отъ земли, и состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой, въ которую вошелъ Оленинъ по крутой лѣсенкѣ, лежали пуховики, ковры, одѣяла, подушки на казачій манеръ, красиво и изящно прибранные другъ къ другу у одной лицевой стѣны. Тутъ же, на боковыхъ стѣнахъ, висѣли мѣдные тазы и оружіе; подъ лавкой лежали арбузы и тыквы. Во второй комнатѣ была большая печь, столъ, лавки и старовѣрческія иконы. Здѣсь помѣщался Бѣлецкій съ своею складною кроватью, вьючными чемоданами, съ коврикомъ, на которомъ висѣло оружіе, и съ разставленными на столѣ туалетными вещами и портретами. Шелковый халатъ былъ брошенъ на лавкѣ. Самъ Бѣлецкій, хорошенькій, чистенькій, лежалъ въ одномъ бѣльѣ на кровати и читалъ *Les Trois Mousquetaires*.

Бѣлецкій вскочилъ.—Вотъ видите, какъ я устроился. Славно? Ну, хорошо что пришли. Ужъ у нихъ идетъ работа страшная. Вы знаете изъ чего дѣлается пирогъ? Изъ тѣста съ свиной и виноградомъ. Да не въ томъ сила. Посмотрите-ка что тамъ кипитъ!

Дѣйствительно, выглянувъ въ окно, они увидѣли необыкновенную суетню въ хозяйской хатѣ. Дѣвки, то съ тѣмъ, то съ другимъ, выбѣгали изъ сѣней и вбѣгали обратно.—Скоро ли? крикнулъ Бѣлецкій.

— Сейчасъ! Аль проголодался, дѣдушка? и изъ хаты послышался звонкій хохотъ.

Устенъка, пухленькая, румянькая, хорошенькая, съ засученными рукавами, вбѣжала въ хату Оленина за тарелками.

— Ну ты! Вотъ, тарелки разобью, завизжала она на Бѣлецкаго.—Ты бы шелъ подсоблять, прокричала она, смѣясь на Оленина.—Да *закусокъ*-то ¹ дѣвкамъ припаси.

— А Марьяка пришла? спросилъ Бѣлецкій.

— А то какже! Она тѣста принесла.

— Вы знаете ли, сказалъ Бѣлецкій,—что ежели бы одѣтъ эту Устенъку, да подчистить, походить немножко, она была

¹ *Закусками* называются пряники и конфеты.

бы лучше всѣхъ нашихъ красавицъ. Видѣли вы казачку Борщеву? Она вышла замужъ за полковника. Прелесть какая dignité! Откуда что взялось...

— Я не видалъ Борщевой, а по мнѣ лучше этого наряда ничего быть не можетъ.

— Ахъ, я такъ умѣю примириться со всякою жизнью! сказалъ Бѣлецкій, весело вздыхая:—пойду, посмотрю что у нихъ.

Онъ накинулъ халатъ и побѣжалъ.—А вы озаботьтесь закусками! крикнулъ онъ.

Оленинъ послалъ деньщика за пряниками и медомъ, и такъ ему вдругъ гадко показалось давать деньги, будто онъ подкупалъ кого-то, что онъ ничего опредѣленнаго не отвѣтилъ на вопросъ деньщика: „сколько купить мятныхъ, сколько медовыхъ?“

— Какъ знаешь.

— На всѣ-съ? значительно спросилъ старшій солдатъ.—Мятныя дороже. По шестнадцати продавали.

— На всѣ, на всѣ, сказалъ Оленинъ и сѣлъ къ окну, самъ удивляясь, почему у него сердце стучало такъ какъ будто онъ на что-то важное и нехорошее готовился.

Онъ слышалъ какъ въ дѣвичьей хатѣ поднялся крикъ и визгъ когда вошелъ туда Бѣлецкій, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ какъ съ визгомъ, возней и смѣхомъ, онъ выскочилъ оттуда, и сбѣжалъ съ лѣсенки.

— Выгнали, сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Устенъка вошла въ хату и торжественно пригласила гостей, объявивъ, что все готово.

Когда они вошли въ хату, все дѣйствительно было готово, и Устенъка управляла пуховики въ стѣнѣ. На столѣ, накрытомъ не соразмѣрно малою салфеткой, стоялъ графинъ съ чихиремъ и сушеная рыба. Въ хатѣ пахло тестомъ и виноградомъ. Человѣкъ шесть дѣвокъ, въ нарядныхъ бешметахъ и не обвязанныя платками какъ обыкновенно, жалась въ углу за ечкою, шептались, смѣялись и фыркали.

— Просимъ покорно моего ангела помолить, сказала Устенъка приглашая гостей къ столу.

Оленинъ въ толпѣ дѣвокъ, которыя всѣ безъ исключенія были красивы, разсмотрѣлъ Марьянку, и ему больно и досадно стало, что онъ сходится съ нею въ такихъ пошлыхъ и неловкихъ условіяхъ. Онъ чувствовалъ себя глупымъ и неловкимъ, и рѣшился дѣлать то же что дѣлалъ Бѣлецкій. Бѣ-

медкій вѣсколько торжественно, но самоувѣренно и развязно подошелъ къ столу, выпилъ стаканъ вина за здоровье Устенки и пригласилъ другихъ сдѣлать то же. Устенка объявила, что дѣвки не пьютъ.

— Съ медомъ бы можно, сказалъ чей-то голосъ изъ толпы дѣвокъ.

Кликнули деньщика, только что вернувшагося изъ лавочки съ медомъ и закусками. Деньщикъ, изъ-подлюбя, не то съ завистью, не то съ презрѣніемъ, оглядѣвъ гулявшихъ по его мѣнѣи господъ, старательно и добросовѣстно передалъ завернутые въ сѣрую бумагу кусокъ меда и пряники, и сталъ было распространяться о цѣнѣ и сдачѣ; но Бѣлецкій прогналъ его.

Размѣшавъ медъ въ налитыхъ стаканахъ чихиря и роскошно раскинувъ три фунта пряниковъ по столу, Бѣлецкій вытащилъ дѣвокъ силой изъ ихъ угла, усадилъ за столъ, и принялся одѣлать ихъ пряниками. Оленинъ невольно замѣтилъ какъ загорѣлая, но небольшая рука Марьянки захватила два круглые мятныя и одинъ коричневый пряникъ, не зная что съ ними дѣлать. Бесѣда шла неловкая и неприятная, не смотря на развязность Устенки и Бѣлецкаго и желаніе ихъ развеселить компанію. Оленинъ мялся, придумывалъ что бы сказать, чувствовалъ, что внушаетъ любопытство, можетъ быть вызываетъ насмѣшку и сообщаетъ другимъ свою застѣнчивость. Онъ краснѣлъ, и ему казалось, что въ особености Марьянѣ было не ловко. „Вѣрно они ждуть, что мы дадимъ имъ денегъ“, думалъ онъ. „Какъ это мы будемъ давать? И какъ бы поскорѣе дать и уйти!“

XXV.

— Какъ же ты своего постояльца не знаешь? сказалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянкѣ.

— Какъ же его знать, когда къ намъ никогда не ходитъ? сказала Марьяна, взглянувъ на Оленина.

Оленинъ испугался чего-то, вспыхнулъ, и самъ не зная что говорить, сказалъ:—Я твоей матери боюсь. Она меня такъ разбранила въ первый разъ, какъ я зашелъ къ вамъ.

Марьянка захохотала.—А ты и испугался? сказала она, взглянула на него и отвернулась:

Тутъ въ первый разъ Оленинъ увидалъ все лицо краса-

вицы, а прежде онъ видалъ ее обязанною до глазъ платкомъ. Не даромъ она считалась первою красавицей въ столицѣ. Устенъка была хорошенькая дѣвочка, маленькая, полненькая, румяная, съ веселыми карими глазками, съ вѣчною улыбкой на красныхъ губкахъ, вѣчно смѣющаяся и болтающая. Марьяна, напротивъ, была отнюдь не *хорошенькая*, но *красавица*. Черты ея лица могли показаться слѣшкомъ мужественными и почти грубыми, ежели бы не этотъ большой стройный ростъ и могучая грудь и плечи, и главное— ежели бы не это строгое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе длинныхъ черныхъ глазъ, окруженныхъ темною тѣнью подъ черными бровями, и ласковое выраженіе рта и улыбки. Она улыбалась рѣдко, но за то ея улыбка всегда поражала. Отъ нея вѣяло дѣвственною силой и здоровьемъ. Всѣ дѣвки были красивы, но и сами онъ, и Бѣлецкій, и деньщикъ вошедшій съ пряниками, всѣ невольно смотрѣли на Марьяну, и обращаясь къ дѣвкамъ, обращались къ ней. Она гордо и весело царицей казалась между другими.

Бѣлецкій, стараясь поддерживать приличіе вечеринки, не переставая болталъ, заставлялъ дѣвокъ подносить чихирь, возился съ ними, и безпрестанно дѣлалъ Оленину неприличныя замѣчанія по-французски о красотѣ Марьянки, называя ее „ваша“, *la vôtre*, и приглашая его дѣлать тоже что онъ самъ. Оленину становилось тяжеле и тяжеле. Онъ придумалъ предлогъ, чтобы выйти и убѣжать, когда Бѣлецкій провозгласилъ, что императрица Устенъка должна подносить чихирь съ поцѣлуньями. Она согласилась, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ей на тарелку клали деньги, какъ это дѣлается на свадьбахъ. „И чортъ меня занесъ на эту отвратительную пирушку!“ сказалъ про себя Оленинъ, и вставъ, хотѣлъ уйдти.

— Куда вы?

— Я пойду табакъ принесу, сказалъ онъ, намѣреваясь бѣжать, но Бѣлецкій ухватилъ его за руку:

— У меня есть деньги, сказалъ онъ ему, по-французски.

„Нельзя уйдти, тутъ надо платить,“ подумалъ Оленинъ, и ему стало такъ дасадно на свою неловкость. „Неужели я не могу то же дѣлать, что и Бѣлецкій? Не надо было идти, но разъ пришелъ, не надо портить ихъ удовольствія. Надо пить по казацки,“ и взявъ чалупу (деревянную чашку, вмѣщающую въ себѣ стакановъ восемь), налилъ вина и выпилъ почти всю. Дѣвки съ недоумѣніемъ и почти съ испугомъ смотрѣли на

его, когда онъ пилъ. Это имъ казалось странно и неприлично. Устенка поднесла имъ еще по стакану и поцѣловалась съ обоими.—Вотъ дѣвки загуляемъ, сказала она, встряхивая на тарелкѣ четыре монета, которые положили они.

Оленину уже не было неловко. Онъ разговорился.

— Ну, теперь ты, Марьяна, поднеси съ поцѣлуемъ, сказалъ Бѣлецкій, схватывая ее за руку.

— Да, я тебя такъ поцѣлую! сказала она, шутя замахнувшись на него.

— Дѣдушку и безъ денегъ поцѣловать можно, подхватила другая дѣвка.

— Вотъ умница! сказалъ Бѣлецкій, и поцѣловалъ отбивавшуюся дѣвку.—Нѣтъ, ты поднеси, настаивалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянѣ.—Постояльцу поднеси.

И взявъ ее за руку, онъ подвелъ ее къ лавкѣ и посадилъ рядомъ съ Оленинымъ.

— Какова красавица! сказалъ онъ, поворачивая ея голову въ профиль.

Марьяна не отбивалась, а гордо улыбаясь, повела на Оленина своими длинными глазами.

— Красавица дѣвка, повторилъ Бѣлецкій.

„Какова я красавица!“ повторилъ, казалось, взгляды Марьяны. Оленинъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ что онъ дѣлалъ, обнялъ Марьяну и хотѣлъ поцѣловать ее. Она вдругъ вырвалась, столкнула съ ногъ Бѣлецкаго и крышку со стола, и отскочила къ печи. Начался крикъ, хохотъ. Бѣлецкій шепталъ что-то дѣвкамъ, и вдругъ всѣ онѣ выбѣжали изъ избы въ сѣни и заперли дверь.

— За что же ты Бѣлецкаго поцѣловала, а меня не хочешь? спросилъ Оленинъ.

— А такъ, не хочу и все, отвѣчала она, вздергивая нижнюю губой и бровью.—Онъ дѣдушка, прибавила она, улыбаясь. Она подошла къ двери и стала стучать въ нее.—Что заперлись, черти?

— Что жь, пускай они тамъ, а мы здѣсь, сказалъ Оленинъ, приближаясь къ ней.

Она нахмурилась и строго отвела его отъ себя рукой. И вновь такъ величественно хороша показалась она Оленину, что онъ опомнился, и ему стыдно стало за то что онъ дѣлаетъ. Онъ подошелъ къ двери и сталъ дергать ее.

— Бѣлецкій, отойдите! Что за глупыя шутки?

Марьяна опять засмѣялась своимъ свѣтымъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Ай, боишься меня? сказала она.

— Да вѣдь ты такая же сердитая, какъ мать.

— А ты бы больше съ Ершкой сидѣла, такъ тебя дѣвки за это и любить бы стали.—И она улыбалась, глядя прямо и близко въ его глаза.

Онъ не зналъ что говорить.—А еслибъ я къ вамъ ходилъ?.. сказалъ онъ нечаянно.

— Другое бы было, проговорила она, встряхнувъ головой.

Въ это время Бѣлецкій, толкнувъ отворилъ дверь, и Марьяна отскочила на Оленина, такъ что бедромъ ударилась о его ногу.

„Все пустяки что я прежде думалъ: и любовь, и самоотверженіе, и Лукашка. Одно есть счастье: кто счастливъ, тотъ и правъ,“ мелькнуло въ головѣ Оленина, и съ неожиданною для себя силой, онъ схватилъ и поцѣловалъ красавицу Марьянку въ високъ и щеку. Марьяна не разсердилась, а только громко захохотала, и выбѣжала къ другимъ дѣвкамъ.

Вечеринка тѣмъ и кончилась. Старуха, Устенкина мать, вернувшись съ работы, разругала и разогнала всѣхъ дѣвокъ.

XXVI.

„Да, думалъ Оленинъ, возвращаясь домой, стоило бы мнѣ не много дать себѣ повода, я бы могъ безумно влюбиться въ эту казачку.“ Онъ легъ спать съ этими мыслями, но думалъ, что все это пройдетъ, и онъ вернется къ старой жизни.

Но старая жизнь не вернулась. Отношенія его къ Марьянкѣ стали другія. Стѣна, раздѣлявшая ихъ прежде, была разрушена. Оленинъ уже здоровался съ нею каждый разъ какъ встрѣчался.

Хозяинъ, пріѣхавъ получить деньги за квартиру и узнавъ о богатствѣ и щедрости Оленина, пригласилъ его къ себѣ. Старуха ласково принимала его, и со дня вечеринки Оленинъ часто по вечерамъ заходилъ къ хозяевамъ и сиживалъ у нихъ до ночи. Онъ, казалось, постарому продолжалъ жить въ станицѣ, но въ душѣ у него все перевернулось. День онъ проводилъ въ лѣсу, а часовъ въ восемь, какъ смеркалось, заходилъ къ хозяевамъ, одинъ или съ дядей Ершкой. Хозяева ужъ такъ привыкли къ нему, что удивались когда его не было.

Платилъ онъ за вино хорошо, и человѣкъ былъ смирный. Ванюша приносилъ ему чай; онъ садился въ уголь къ печи; старуха, не стѣсняясь, дѣлала свое дѣло, и они бесѣдовали за чаемъ и за чихиремъ о казачьихъ дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о Россіи, про которую Оленинъ разказывалъ, а они спрашивали. Иногда онъ бралъ книгу и читалъ про себя. Марьяна, какъ дикая коза, поджавъ ноги, сидѣла на печи или въ темномъ углу. Она не принимала участія въ разговорѣ, но Оленинъ видѣлъ ея глаза, лицо, слышалъ ея движенія, пощелкиванье стѣмечекъ, и чувствовалъ, что она слушаетъ всѣмъ существомъ своимъ, когда онъ говорилъ, и чувствовалъ ея присутствіе, когда онъ молча читалъ. Иногда ему казалось, что ея глаза устремлены на него, и встрѣчаясь съ ихъ блескомъ, онъ невольно замолкалъ и смотрѣлъ на нее. Тогда она сейчасъ же пряталась, а онъ, притворяясь, что очень занятъ разговоромъ съ старухой, прислушивался къ ея дыханію, ко всѣмъ ея движеніямъ, и снова дожидаясь ея взгляда. При другихъ она была большею частію весела и ласкова съ нимъ, а наединѣ дика и груба. Иногда онъ приходилъ къ нимъ, когда Марьяна еще не возвращалась съ улицы: вдругъ слышатся ея сильныя шаги, и мелькнетъ въ отворенной двери ея голубая ситцевая рубаха. Выйдетъ она на середину хаты, увидитъ его, — и глаза ея чуть замѣтно, ласково улыбнутся, и ему станетъ весело и страшно.

Онъ ничего не искалъ, не желалъ отъ нея, а съ каждымъ днемъ ея присутствіе становилось для него все болѣе и болѣе необходимою.

Оленинъ такъ вжился въ станичную жизнь, что прошедшее показалось ему чѣмъ-то совершенно чуждымъ, а будущее, особенно внѣ того міра, въ которомъ онъ жилъ, вовсе не занимало его. Получая письма изъ дома, отъ родныхъ и пріятелей, онъ оскорблялся тѣмъ, что о немъ видимо сокрушались какъ о погибшемъ человѣкѣ, тогда какъ онъ, въ своей станицѣ, считалъ погибшими всѣхъ тѣхъ, кто не велъ такую жизнь какъ онъ. Онъ былъ убѣжденъ, что никогда не будетъ раскаиваться въ томъ, что оторвался отъ прежней жизни, и такъ уединенно и своеобразно устроился въ своей станицѣ. Въ походахъ, въ крѣпостяхъ, ему было хорошо; но только здѣсь, только изъ-подъ крылышка дяди Ершкы, изъ всего лѣса, изъ своей хаты на краю станицы, и въ особеннѣе при воспоминаніи о Марьянкѣ и Лукашкѣ, ему ясна

казалась вся та ложь, въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыразимо гадка и смѣшна. Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе и болѣе свободнымъ, и болѣе человѣкомъ. Со всѣмъ иначе, чѣмъ онъ воображалъ, представился ему Кавказъ. Онъ не нашелъ здѣсь ничего похожаго на всѣ свои мечты и на всѣ слышанныя и читанныя имъ описанія Кавказа. „Никакихъ здѣсь нѣтъ бурокъ, стремнинъ, Амалать-бековъ, героевъ и злодѣевъ,“ думалъ онъ: „люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются, и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ“... И отъ того люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серьезно приходила мысль бросить все, присоединиться къ казакамъ, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ,—только не на Марьянѣ, которую онъ уступалъ Лукашкѣ,—и жить съ дядей Ерешкой, ходить съ нимъ на охоту и на рыбную ловлю, и съ казаками въ походы. „Что жъ я не дѣлаю этого? Чего жъ я жду?“ спрашивалъ онъ себя. И онъ подбивалъ себя, онъ стыдилъ себя: „Или я боюсь сдѣлать то что самъ нахожу разумнымъ и справедливымъ? Развѣ желаніе быть простымъ казакомъ, жить близко къ природѣ, ни кому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ, развѣ мечтать объ этомъ глупѣе чѣмъ мечтать о томъ, о чемъ я мечталъ прежде,—быть, напримѣръ, министромъ, быть полковымъ командиромъ?“ Но какой-то голосъ говорилъ ему, чтобъ онъ подождать и не рѣшался. Его удерживало смутное сознаніе, что онъ не можетъ жить вполне жизнью Ерешки и Лукашки, потому что у него есть другое счастье,—его удерживала мысль о томъ, что счастье, состоитъ въ самоотверженіи. Поступокъ его съ Лукашкой не переставалъ радовать его. Онъ постоянно искалъ случая жертвовать собой для другихъ, но случаи эти не представлялись. Иногда онъ забывалъ этотъ вновь открытый имъ рецептъ счастья, и считалъ себя способнымъ слиться съ жизнью дяди Ерешки; но потомъ вдругъ опоминался и тотчасъ же хватался за мысль сознательнаго самоотверженія, и на основаніи ея спокойно и гордо смотрѣлъ на всѣхъ людей и на чужое счастье.

XXVII.

Лукашка, передъ уборкой винограда, верхомъ, заѣхалъ къ Оленину. Онъ еще болѣе смотрѣлъ молодцомъ чѣмъ обыкновенно.

— Ну что же ты, женишься? спросилъ Оленинъ, весело встрѣчая его.

Лукашка не отвѣчалъ прямо.— Вотъ коня вашего промѣнялъ за рѣкой. Ужь и конь! Кабардинскій ловъ-тавро¹. Я охотникъ.

Они осмотрѣли новаго коня, проджигитовали по двору. Конь действительно былъ необыкновенно хорошъ: гнѣдой, широкій и длинный меренъ съ глянцевитою шерстью, пушистымъ хвостомъ и нѣжною, тонкою породистою гривой и холкой. Онъ былъ сытъ такъ, что на спинѣ его *только спать ложись*, какъ выразился Лукашка. Копыты, глаза, оскаль, все это было изящно и рѣзко выражено какъ бываетъ только у лошадей самой чистой крови. Оленинъ не могъ не любоваться конемъ. Онъ еще не встрѣчалъ на Кавказѣ такого красавца.

— А ѣзда-то, говорилъ Лукашка, трепля его по шеѣ:— проѣзъ какой! А умный! Такъ и бѣгаетъ за хозяиномъ.

— Много ли придачи далъ? спрашивалъ Оленинъ.

— Да не считалъ, улыбаясь отвѣчалъ Лукашка,—отъ кунака досталъ.

— Чудо, красавица лошадь! Что возьмешь за нее? спросилъ Оленинъ.

— Давали полтора ста монетовъ, а вамъ такъ отдамъ, сказалъ Лукашка весело. — Только скажите, отдамъ. Разсѣдлаю и беру. Мнѣ какого-нибудь давай служить.

— Нѣтъ, ни за что.

— Ну, такъ вотъ я вамъ *пешкеиш* привезъ,—и Лукашка распоясался, и снялъ одинъ изъ двухъ кинжаловъ, которые висѣли у него на ремнѣ.— За рѣкой досталъ.

— Ну спасибо.

— А виноградъ матушка обѣщала сама принести.

¹ Тавро заводъ кабардинскихъ лошадей Лова считается однимъ изъ лучшихъ на Кавказѣ.

— Не нужно, еще сочтемся. Вѣдь я не стану же давать тебѣ деньги за кинжалъ.

— Какъ можно, кунаки! Меня такъ-то за рѣкой Гирей-ханъ привелъ въ саклю, говоритъ: выбирай любое. Вотъ я эту шапку и взялъ. Такой у насъ законъ.

Они вошли въ хату, и выпили.

— Что жъ ты поживешь здѣсь? спросилъ Оленинъ.

— Нѣтъ я проститься пришелъ. Меня теперь съ кордона услали въ сотню за Тереконъ. Нынче ѣду съ Назаромъ, съ товарищемъ.

— А свадьба когда же?

— Вотъ скоро прѣвду, говоръ будетъ, да и опять на службу, неохотно отвѣчалъ Лука.

— Какъ же такъ невѣсту не увидишь?

— Да такъ же! Что на нее смотрѣть-то? Вы какъ въ походѣ будете, спросите у насъ въ сотнѣ Лукашку широкаго. И кабановъ тамъ что! Я двухъ убилъ. Я васъ свожу.

— Ну, прощай! Спаси тебя Христоръ.

Лукашка слѣзъ на коня, и не заѣхавъ къ Марьянкѣ, выѣхалъ, джигитуя на улицу, гдѣ уже ждалъ его Назарка.

— А что? Не заѣдемъ? спросилъ Назарка, подмигивая на ту сторону, гдѣ жила Ямка.

— Вона! сказалъ Лукашка:—на! веди къ ней коня, а коли я долго не приду, ты коню сѣна дай. Къ утру все въ сотнѣ буду.

— Что, юнкиръ не подарилъ чего еще?

— Нѣ! Спасибо отдалъ его кинжаломъ, а то коня было просить сталь, сказалъ Лукашка, слѣзая съ лошади и отдавая ее Назаркѣ.

Подъ самымъ окномъ Оленина, шмыгнувъ онъ на дворъ и подошелъ къ окну хозяйской хаты. Было ужъ совсѣмъ темно. Марьянка въ одной рубахѣ чесала косу, собираясь спать.

— Это я, прошепталъ казакъ.

Лицо Марьянки было строго равнодушно; но оно вдругъ ожило, какъ только она услышала свое имя. Она подняла окно, и испуганно и радостно высунулась въ него.

— Чего? Чего надо? заговорила она.

— Отложи, проговорилъ Лукашка.—Пусти меня на минуточку. Ужъ какъ наскучило мнѣ! Страсть!

Онъ въ окно обнялъ ея голову и поцѣловалъ.—Право, отложи.

— Что говоришь пустое! Сказано, не пущу. Что жъ надолого?

Онъ не отвѣчалъ, и только цѣловалъ ее. И она не спрашивала больше.

— Вишь, и обнять-то въ окно не достанешь хорошенько, назъ Лукашка.

— Марьянушка! слышался голосъ старухи:—съ кѣмъ ты? Лукашка скинулъ шапку, чтобы по ней не примѣтили его, и враспѣлъ подъ окно.

— Иди скорѣй, пропентала Марьяна.

— Лукашка заходилъ, отвѣчала она матери:—батаку спрашивалъ.

— Что жь? пошли его сюда.

— Ушелъ, говоритъ некогда.

Дѣйствительно, Лукашка быстрыми шагами, согнувшись, выбѣжалъ подъ окнами на дворъ и побѣжалъ къ Ямкѣ; только слышалъ Оленинъ и видѣлъ его. Выпивъ чапуры двѣ чихиря, они выѣхали съ Назаркой за станицу. Ночь была теплая, темная и тихая. Они ѣхали молча, только слышались шаги коней. Лукашка запѣлъ было пѣсню про казака Мингала, но не допѣвъ перваго стиха, затихъ и обратился къ Назаркѣ.

— Вѣдь не пустила, сказалъ онъ.

— О! отозвался Назарка:—я зналъ, что не пустить. Чтò мнѣ Ялка сказывала: юнкирь къ нимъ ходить сталъ. Дядя Ерощка хваталъ, что онъ съ юнкиря флинтку за Марьянку взялъ.

— Брешеть онъ, чортъ! сердито сказалъ Лукашка:—не такая дѣвка. А то я ему старому чорту бока-то отомну,—и онъ запѣлъ свою любимую пѣсню.

Изъ села было Измайлова

Изъ любимаго садочка сударева,

Тамъ ясець соколъ изъ садичка выметывалъ,

За нимъ скоро выѣзживалъ младъ охотничекъ,

Малалъ онъ яснаго сокола на праву руку.

Отвѣтъ держать ясець соколъ:

„Не умѣлъ ты меля держать въ золотой кѣткѣ

И на правой рукѣ не умѣлъ держать,

Теперь я полечу на сине море;

Убью я себѣ бѣлаго лебедя

Наклююся я мяса сладкаго, „лебединаго.“

XXVIII.

У хозяевъ былъ стговоръ. Лукашка пріѣхалъ въ станицу, но не зашелъ къ Оленину. И Оленинъ не пошелъ на стговоръ по приглашенію хорунжаго. Ему было грустно, какъ не было еще ни разу

съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ станицѣ. Онъ видѣлъ и Лукашка, нарядный, съ матерью, прошелъ передъ вечеромъ хозяевамъ, и его мучила мысль: за что Лукашка такъ холоденъ къ нему? Оленинъ заперся въ свою хату и сталъ писать дневникъ.

„Много, я передумалъ и много измѣнился въ это послѣднее время, писалъ Оленинъ, и дошелъ до того что написано азбучкѣ. Для того чтобы быть счастливымъ, надо одно— любить, и любить съ самоотверженіемъ, любить всѣхъ и все, и кидывать на всѣ стороны паутину любви: кто попадетъ того и брать. Такъ я поймалъ Ванюшу, дяду Ерощку, Лукашку, Марьянку.“

Въ то время какъ Оленинъ дописывалъ это, къ нему вошелъ дядя Ерощка.

Ерощка былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Вѣдняяхъ, зайдя къ нему вечеромъ, Оленинъ засталъ его на дворѣ передъ кабаньей тушей, которую онъ, съ счастливымъ и гордымъ лицомъ, ловко снималъ маленькимъ ножичкомъ. Собаки и между ними любимецъ Лямъ, лежали около и слегка помахивали хвостами, глядя на его дѣло. Мальчишки съ уваженіемъ смотрѣли на него черезъ заборъ, и даже не дразнили какъ обыкновенно. Бабы-сосѣдки, вообще не слишкомъ ласковыя къ нему, здоровались съ нимъ и несли ему, кто чихиря кувшинчикъ, кто кашмаку, кто мучицы. На другое утро Ерощка сидѣлъ у себя въ клятѣ, весь въ крови, и отпускалъ по фунтамъ свѣжину: кому за деньги, кому за вино. На лицѣ его написано было: „Богъ далъ счастье, убилъ звѣря; теперь дядя нуженъ сталъ.“ Вслѣдствіе этого, разумеется, онъ запылъ, и не выходя изъ станицы пылъ уже четвертый день. Кромѣ того, онъ пылъ на сговорѣ.

Дядя Ерощка пришелъ изъ хозяйской хаты къ Оленину мертвецки пьяный, съ краснымъ лицомъ, растрепанною бородой, но въ новомъ красномъ бешметѣ, обшитомъ галунами, и съ балалайкой изъ трявянки, которую онъ принесъ изъ-за рѣчки. Онъ давно уже обѣщаль Оленину это удовольствіе и былъ въ духѣ. Увидавъ, что Оленинъ пишетъ, онъ огорчился.

— Пиши, пиши, отецъ мой, сказалъ онъ шепотомъ, какъ будто предполагая, что какой-нибудь духъ сидитъ между имъ и бумагой, и боясь спугнуть его, безъ шума, потихоньку стѣлъ на полъ. Когда дядя Ерощка бывалъ пьянъ, любимое положеніе его бывало на полу. Оленинъ оглянулся, велѣлъ по-

дать вина и продолжалъ писать. Ерощкѣ было скучно пить одному; ему хотѣлось поговорить.

— У хозяевъ на сговорѣ былъ. Да что, пивиньи! Не хочу! Пришелъ къ тебѣ.

— А балабайка откуда у тебя? спросилъ Оленинъ, и продолжалъ писать

— За рѣкой былъ, отецъ мой, балабайку досталъ, сказалъ онъ такъ же тихо.—Я мастеръ играть: татарскую, казацкую, господскую, солдатскую, какую хошь.

Оленинъ еще разъ взглянулъ на него, усмѣхнулся и продолжалъ писать.

Улыбка эта ободрила старика.

— Ну брось, отецъ ты мой! Брось! сказалъ онъ вдругъ рѣшительно.—Ну! обидѣли тебя:—брось ихъ, плюнь! Ну что пишешь, пишешь! что толку?

И онъ передразнивалъ Оленина, постукивая своими толстыми пальцами по полу и изогнувъ свою толстую рожу въ презрительную гримасу.—Что кляузы писать? Гуляй лучше, будь молодецъ!

О писанинѣ въ его головѣ не умѣщалось другаго понятія кромѣ какъ о вредной кляузѣ.

Оленинъ расхохотался. Ерощка тоже. Онъ вскочилъ съ пола и принялся показывать свое искусство въ игрѣ на балабайкѣ и пѣть татарскія пѣсни.

— Что писать, добрый человекъ! Ты вотъ послушай лучше, я тебѣ спою. Сдохнешь, тогда пѣсни не услышишь. Гуляй!

Сначала онъ спѣлъ своего сочиненія пѣсню, съ припляскою:

„А ди-ди-ди-ди-ди-ди
А гдѣ его видѣли?
На базарѣ въ лавкѣ,
Продаетъ булавки.

Потомъ онъ спѣлъ пѣсню, которой научилъ его бывший другъ его, фельдфебель:

Въ понедѣльникъ я влюбился,
Весь озорникъ прострадалъ,
Въ среду въ любви открылся,
Въ четвертокъ отвѣту ждалъ.
Въ пятницу пришло рѣшенье,
Чтобъ не ждать ивъ утѣшенья.
А во свѣтаю субботу,
Жисть окончить предпринялъ;

Но храя души спасенье,
Я раздумалъ въ воскресенье.

И опять:

А ди-ди-ди-ди-ди-ли,
А гдѣ его видѣли?

Потомъ подмигивая, подергивая плечами, и выплясывая.
спѣлъ:

Подѣлаю, обойму,
Алой легкой перьевью,
Надеженькой назову.
— Надеженька ты моя,
Вѣрно ль любишь ты меня?

И такъ разгулялся, что лихо подыгрывая, сдѣлалъ молодецкую выходку, и пошелъ одинъ плясать по комнатѣ.

Пѣсни: *ди-ди-ли* и тому подобныя, *господскія*, онъ спѣлъ только для Оленина; но потомъ, выпивъ еще стакана три чихиря, онъ вспомнилъ старину и запѣлъ настоящія казацкія и татарскія пѣсни. Въ серединѣ одной любимой его пѣсни, голосъ его вдругъ задрожалъ, и онъ замолкъ, только продолжая бречать по струнамъ балабайки.

— Ахъ, другъ ты мой! сказалъ онъ.

Оленинъ оглянулся на странный звукъ его голоса: старикъ плакалъ. Слезы стояли въ его глазахъ, и одна текла по щекѣ.

— Прошло ты мое времечко, не воротись, всхлипывая проговорилъ онъ, и замолкъ. — Пей, что не пьешь! вдругъ крикнулъ онъ своимъ оглушающимъ голосомъ, не отирая слезъ.

Особенно трогательна была для него одна тавлинская пѣсня. Словъ въ ней было мало, но вся прелесть ея заключалась въ печальномъ припѣвѣ: „Ай! дай! далалай!“ Ерощка перевелъ слова пѣсни: „Молодецъ погналъ баранту изъ аула въ горы. Русскіе пришли, зажгли аулъ, всѣхъ мужчинъ перебили, всѣхъ бабъ въ плѣнъ побрали. Молодецъ пришелъ изъ горъ: гдѣ былъ аулъ, тамъ пустое мѣсто; матери нѣтъ, братьевъ нѣтъ, дома нѣтъ; одно дерево осталось. Молодецъ сѣлъ подъ дерево, и заплакалъ. Одинъ, какъ ты, одинъ остался, и запѣлъ молодецъ: ай дай! далалай!“ И этотъ завывающій, за душу хватающій припѣвъ, старикъ повторилъ нѣсколько разъ.

Допѣвая послѣдній припѣвъ, Ерощка схватилъ вдругъ со стѣны ружье, торопливо выбѣжалъ на дворъ и выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ вверхъ. И опять еще печальнѣе запѣлъ: „Ай! дай! далалай а-а!“ и замолкъ.

Оленинъ, выйдя за нимъ на крыльцо, молча глядѣлъ въ темное, звѣздное небо по тому направленію, гдѣ блеснули выстрѣлы. Въ домѣ у хозяевъ были огни, слышались голоса. На дворѣ, дѣвки толпились у крыльца и оконъ, и перебѣгали изъ *избушки* въ сѣни. Нѣсколько казаковъ выскочили изъ сѣней, и не выдержали, заикали, вторя окончанію пѣсни и выстрѣламъ дяди Ерощки.

— Что жъ ты не на сговорѣ? спросилъ Оленинъ.

— Богъ съ ними, Богъ съ ними! проговорилъ старикъ, котораго видимо чѣмъ-нибудь тамъ обидѣли.— Не люблю, не люблю! Эхъ, народъ! Пойдемъ въ хату! Они сами по себѣ, мы сами по себѣ гуляемъ.

Оленинъ вернулся въ хату.—А что Лукашка весель? Не найдеть онъ ко мнѣ? спросилъ онъ.

— Что, Лукашка! Ему наврали, что я тебѣ дѣвку подвожу, сказалъ старикъ шепотомъ.—А что дѣвка? Будетъ наша, коли захотимъ: денегъ дай больше, и наша! Я тебѣ сдѣлаю, право.

— Нѣтъ, дядя, деньги ничего не сдѣлаютъ, коли не любить. Лучше не говори про это.

— Нелюбимые мы съ тобой сироты! вдругъ сказалъ дядя Ерощка, и опять заплакалъ.

Оленинъ выпилъ болѣе обыкновеннаго, слушая разказы старика. „Такъ вотъ теперь Лукашка мой счастливъ,“ думалъ онъ; но ему было грустно. Старикъ напился въ этотъ вечеръ до того что повалился на полъ, и Ванюша долженъ былъ призвать себѣ на помощь солдатъ, и отплевываясь, вытаскать его. Онъ былъ такъ озлобленъ на старика за его дурное поведеніе, что уже ничего не сказалъ по-французски.

XXIX.

Былъ августъ мѣсяцъ. Нѣсколько дней сряду не было ни облачка на небѣ; солнце пекало невыносимо, и съ утра дулъ теплый вѣтеръ, поднимая въ бурунахъ и по дорогѣ облака горячаго песку, и разнося его по воздуху, черезъ камыши, деревья и станицы. Трава и листья на деревьяхъ были покрыты пылью; дороги и солончаки были обнажены, и звучно тверды. Вода давно сбыла въ Терекъ, и быстро сбѣгала и сохла по канавамъ. Въ прудѣ, около станицы, оголялись истоптанные скотиной иловатые берега пруда, и цѣлый день слышны были въ водѣ всплески и крики дѣвокъ и мальчишекъ. Въ сте-

ни уже засыхали буруны и камыши, и скотина, мыча днемъ, убѣгала въ поля. Звѣрь откочевывалъ въ дальніе камыши и въ горы за Терекъ. Комары и мошки тучами стояли надъ низами и станицами. Снѣговья горы закрывались сѣрымъ туманомъ. Воздухъ былъ рѣдокъ и смраденъ. Абреки, слышно было, переправились черезъ обмелѣвшую рѣку и рыскали по сю сторону. Солнце каждый вечеръ садилось въ горячее красное зарево. Было время самое рабочее. Все населеніе станицъ кишѣло на арбузныхъ бахчахъ и въ виноградникахъ. Сады глухо заросли вьющеюся зеленью, и прохладною густою тѣнью. Вездѣ чернѣли изъ-за широкихъ просвѣчивающихъ листьевъ спѣлыя тяжелыя кисти. По пыльной дорогѣ ведущей къ сѣдамъ, тянулись скрипучія арбы, вѣрхомъ наложенныя чернымъ виноградомъ. На пыльной дорогѣ, измятыя колесами, валялись кисти. Мальчишки и дѣвчонки, въ испачканныхъ винограднымъ сокомъ рубашонкахъ, съ кистями въ рукахъ и во рту, бѣгали за матерями. На дорогѣ безпрестанно попадались оборванные работники, неся на сильныхъ плечахъ плетушки винограда. Обвязанныя до глазъ платками, *мамуки* вели быковъ, запряженныхъ въ высоко-наложенные виноградомъ арбы. Солдаты, встрѣчая арбу, просили у казачекъ винограда, и казачка, на ходу взлѣзая на арбу, брала охапку винограда и сыпала ее въ полу солдата. На нѣкоторыхъ дворахъ уже жали виноградъ. Запахъ чапры наполнялъ воздухъ. Кровяныя красныя корыта видѣлись подъ навѣсами, и Нагайцы работники, съ засученными ногами и окрашенными укрями, видѣлись по дворамъ. Свиньи, фыркая, лопали выжимку и валялись въ нихъ. Плоскія крыши *избушекъ* были сплошь уложены черными янтарными кистями, которыя вяли на солнцѣ. Вороны и сороки, подбирая зерна, жались около крышъ и перепархивали съ мѣста на мѣсто.

Плоды годовыхъ трудовъ весело собирались, и нынѣшній годъ плоды были необычайно обильны и хороши.

Въ тѣнистыхъ зеленыхъ садахъ, среди моря виноградника, со всѣхъ сторонъ слышались, смѣхъ, пѣсни, веселье, женскіе голоса, и мелькали яркія цвѣтныя одежды женщинъ.

Въ самый полдень, Марьяна сидѣла въ своемъ саду въ тѣни персикового дерева, и изъ-подъ отпряженной арбы вынимала обѣдъ для своего семейства. Противъ нея, на разостланой попонѣ, сидѣлъ хорунжій, вернувшійся изъ школы, и мылъ руки изъ кувшинчика. Мальчишка, ея братъ, только что прибѣ-

лавшій изъ пруда, отираясь рукавами, безпокойно поглядывалъ на сестру и мать, въ ожиданіи обѣда, и тяжело переводилъ дыханіе. Старуха мать, засучивъ сильныя загорѣлыя руки, раскладывала виноградъ, сушеную рыбу, каймакъ и хлѣбъ на низенькомъ кругломъ татарскомъ столикѣ. Хорунжіі, отеревъ руки, снявъ шапку, перекрестился и придвинулся къ столу. Мальчишка схватился за кувшинъ и жадно принялся пить. Мать и дочь, поджавъ ноги, сѣли къ столу. И въ тѣни пекло невыносимо. Въ воздухѣ надъ садомъ стоялъ смрадъ. Теплый сильный вѣтеръ, проходившій сквозь вѣтви, не приносилъ прохлады, а только однообразно гулъ вершины разсыпанныхъ по садамъ, грушевыхъ, персиковыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Хорунжіі, еще разъ помолвившись, досталъ изъ-за спины закрытый винограднымъ листомъ кувшинчикъ съ чихиремъ, и выпивъ изъ горлышка, подалъ старухѣ. Хорунжіі былъ въ одной рубахѣ, разстегнутой на шеѣ и открывавшей мускулистую мохнатую грудь. Тонкое, хитрое лицо его было весело. Ни въ позѣ, ни въ говорѣ его, не проглядывало его обычной политичности; онъ былъ веселъ и натураленъ.

— А къ вечеру кончимъ за *лапазомъ* край? сказалъ онъ, утирая мокрую бороду.

— Уберемся, отвѣчала старуха, — только бы погода не задержала. Демкины еще половины не убрали, прибавила она. — Ода Устенъка работаетъ, убивается.

— Гдѣ же имъ! гордо сказалъ старикъ.

— На, испей Марьянушка! сказала старуха, подавая кувшинъ двѣкъ. — Вотъ, Богъ дастъ, будетъ чѣмъ свадьбу сыграть, сказала старуха.

— Дѣло впереди, сказалъ хорунжіі, слегка нахмурившись. Дѣвка опустила голову.

— Да что жь не говоришь? сказала старуха: — дѣло покончили, ужь и время недалече.

— Не загадывай, опять сказалъ хорунжіі. — Теперь убираться надо.

— Видалъ коня-то новаго у Лукашки? спросила старуха: — что Митрій-то Андреичъ подарилъ, того ужь нѣтъ; онъ вымѣнялъ.

— Нѣтъ, не видалъ. А говорилъ я съ холопомъ постояльцевымъ нынче, сказалъ хорунжіі: — говоритъ, опять получили тысячу рублей.

— Богачъ, одно слово, подтвердила старуха.

Все семейство было весело и довольно.

Работа подвигалась успѣшно. Винограду было больше, и онъ былъ лучше чѣмъ они сами ожидали.

Марьяна, пообѣдавъ, подложила быкамъ травы, свернула свои бешметъ подъ головы, и легла подъ арбой на примятую, сочную траву. На ней была одна красная *сорочка*, то-есть шелковая платокъ на головѣ, и голубая, полинялая, ситцевая рубаха; но ей было невыносимо жарко. Лицо ея горѣло, ноги не находили мѣста, глаза были подернуты влагой сна и усталости; губы невольно открывались, и грудь дышала тяжело и высоко.

Рабочая пора уже началась двѣ недѣли тому назадъ, и тяжелая, непрестанная работа занимала всю жизнь молодой дѣвки. Раннимъ утромъ, на зарѣ, она вскакивала, обмывала лицо холодною водою, укутывалась платкомъ, и босикомъ бѣжала къ скотинѣ. Наскоро обувалась, надѣвала бешметъ, и взявъ въ узелокъ хлѣба, запрягала быковъ, и на цѣлый день увязала въ сады. Тамъ только часокъ отдыхала, рѣзала, таскала плетушки, и вечеромъ, веселая и не усталая, таща быковъ за веревку и погоняя ихъ длинною хворостиной, возвращалась въ станцу. Убравъ скотину сумерками, захвативъ свѣчечекъ въ широкой рукавъ рубахи, она выходила на уголь посмѣяться съ дѣвками. Но только потухала заря, она уже шла въ хату, и поужинавъ въ темной *избушкѣ* съ отцомъ, матерью и братишкой, беззаботная, здоровая, входила въ хату, садилась на печь и въ полудремотѣ слушала разговоръ постояльца. Какъ только онъ уходилъ, она бросалась на постель и до утра засыпала неробуднымъ, спокойнымъ сномъ. На другой день было то же. Лукашку она не видала съ самаго дня сговора и спокойно ждала времени свадьбы. Къ постояльцу она привыкла, и съ удовольствіемъ чувствовала на себѣ его пристальные взгляды.

XXX.

Несмотря на то, что отъ жару некуда было дѣваться, что комары роями вились въ прохладной тѣни арбы, и что мальчишка, ворочаясь, толкалъ ее, Марьяна натянула себѣ на голову платокъ и ужъ засыпала, какъ вдругъ Устенъка, сосѣдка, прибѣжала къ ней, и вырнувъ подъ арбу, легла съ ней рядомъ.

— Ну, спать, дѣвки! спать! говорила Устенъка, укладываясь подъ арбой. — Стой, сказала она, вскакивая: — такъ не ладно.

Она вскочила, нарвала зеленыхъ вѣтокъ, и съ двухъ сторонъ привѣсила къ колесамъ арбы, еще сверху накинувъ бешметомъ.

— Ты пусти, закричала она мальчишкѣ, подлѣзая опять подъ арбу: — развѣ казакамъ мѣсто съ дѣвками? Ступай!

Оставшись подъ арбой одна съ подругой, Устенька вдругъ обхватила ее обѣими руками, и прижималась къ ней, начала дѣловато Марьяну въ щеки и шею.

— Миленькіи! братецъ! приговаривала она, заливаясь своимъ тоненькимъ отчетливымъ смѣхомъ.

— Видишь, у дѣдушки научилась, отвѣчала Марьяна отбиваясь.— Ну, брось!

И онъ обѣ такъ расхохотались, что мать крикнула на нихъ.

— Ахъ завидно? шепотомъ сказала Устенька.

— Что врешь! Давай спать. Ну, зачѣмъ пришла?

Но Устенька не унималась: — А что я тебѣ скажу, такъ ну!

Марьяна приподнялась на локоть и поправила сбившійся платокъ. — Ну, что скажешь?

— Про твоего постояльца я что знаю.

— Нечего знать, отвѣчала Марьяна.

— Ахъ, ты плутъ дѣвка! сказала Устенька, толкая ее локтемъ и смѣясь.— Ничего не разкажешь. Ходить къ вамъ?

— Ходить. Такъ что жъ! сказала Марьяна, и вдругъ покраснѣла.

— Вотъ я дѣвка простая, я всѣмъ разкажу. Что мнѣ прятаться, говорила Устенька, и веселое румяное лицо приняло задумчивое выраженіе.— Развѣ я кому дурно дѣлаю? Люблю его, да и все тутъ!

— Дѣдушку-то чтоль?

— Ну да.

— А грѣхъ! возразила Марьяна.

— Ахъ, Машенька! Когда же и гулять, какъ не на дѣвичьей волѣ? За казака пойду, рожать стану, нужду узнаю. Вотъ ты поди замужъ за Лукашку, тогда и въ мысль радость не пойдетъ, дѣти пойдутъ, да работа.

— Что жъ? Другимъ и замужемъ жить хорошо. Все равно! спокойно отвѣчала Марьяна.

— Да ты разкажи хоть разъ, что у васъ съ Лукашкой было?

— Да что было? Сваталь. Батюшка на годъ отложилъ; а вынче сговорили, осенью отдадутъ.

— Да онъ что тебѣ говорилъ?

Марьяна улыбнулась.

— Извѣстно что говорилъ. Говорилъ, что любить. Все просилъ въ сады съ нимъ пойдти.

— Вишь смола какой! Вѣдь ты не пошла, чай. А онъ какой теперь молодецъ сталъ! Первый джигитъ. Все и въ оотѣхъ гуляетъ. Намеднись прѣѣжалъ нашъ Курка, говоритъ: коня какого вымѣнялъ! А все чай по тебѣ скушаетъ. А еще что онъ говорилъ? спросила Марьяну Устенъка.

— Все тебѣ знать надо, засмѣялась Марьяна.—Разъ на конѣ ночью прѣѣхалъ къ окну, пьяный. Просился.

— Что жь не пустила?

— А то пустить! Я разъ слово сказала, и будетъ! Твердо какъ камень, серьезно отвѣчала Марьяна.

— А молодецъ! Только захоти, никакая дѣвка имъ не побрезгаетъ.

— Пускай къ другимъ ходитъ, гордо отвѣтила Марьяна.

— Не жалѣешь ты его?

— Жалѣю, а глупости не сдѣлаю. Это дурно.

Устенъка вдругъ упала головой на грудь подругѣ, обхватила ее руками и вся затряслась отъ давившаго ее смѣха.— Глупая ты дура! проговорила она запыхавшись:—счастья себѣ не хочешь,—и опять принялась щекотать Марьяну.

— Ай, брось! говорила Марьяна, вскрикивая сквозь смѣхъ.—Лазутку раздавила.

— Вашъ черти разыгрались, не умаялись, послышался опять изъ-за арбы сонный голосъ старухи.

— Счастья не хочешь, повторила Устенъка шопотомъ и вставая.—А счастлива ты ей Богу! Какъ тебя любятъ? Ты корявая такая, а тебя любятъ. Эхъ, кабы я да на твоёмъ мѣстѣ была, я бы постояльца вашего такъ окрутила! Посмотрѣла я на него, какъ у насъ были, такъ кажется и смѣхъ бы онъ тебя глазами. Мой *дѣдушка*, и тотъ, чего мнѣ не надавалъ! А вашъ, слышь, изъ Русскихъ богачъ первый. Его деньщикъ сказывалъ, что у нихъ свои холопы есть.

Марьяна привстала, и задумавшись, улыбулась.

— Что онъ мнѣ разъ сказалъ постоялецъ-то, проговорила она, перекусывая травинку.—Говоритъ: я бы хотѣлъ казакомъ Лукашкой быть, или твоимъ братишкой Лазуткой. Къ чему это онъ такъ сказалъ?

— А такъ вретъ что на умъ взбрело, отвѣчала Устенъка.— Мой-чего не говоритъ! Точно порченый!

— Марьяна бросилась головой на свернутый бешметъ, кинула руку на плечо Устенкѣ и закрыла глаза.

— Нынче хотѣлъ въ сады работать придти; его батюшка звалъ, проговорила она помолчавъ немного, и заснула.

XXXI.

Солнце вышло уже изъ-за груши отъѣвшаей арбу, и косыми лучами, даже сквозь вѣтви переплетенная Устенкой, жгло лица дѣвокъ спавшихъ подъ арбой. Марьяна проснулась и стала убираться платкомъ. Оглядѣвшись кругомъ, она увидала за грушей постояльца, который съ ружьемъ на плечъ, стоялъ и разговаривалъ съ ея отцомъ. Она толкнула Устенку, и молча улыбувшись, указала ей на него.

— Вчера я ходилъ, ни одного не нашелъ, говорилъ Оленинъ, безпокойно поглядывая кругомъ, и изъ-за вѣтокъ не видя Марьяны.

— А вы вонъ къ тому краю, прямо по циркулю пройдите, тамъ въ заброшенномъ саду, пустыремъ прозывается, всегда зайцы находятъ, сказалъ хорунжій, тотчасъ измѣняя свой языкъ.

— Легко ли въ рабочую пору ходить зайцевъ искать! Приходи бы лучше намъ подсобить. Съ дѣвками поработали бы, весело сказала старуха.—Ну дѣвки, вставать! крикнула она.

Марьяна и Устенка шептались и едва удерживались отъ смѣха подъ арбой.

Съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно, что Оленинъ подарилъ коня въ пятьдесятъ монетовъ Лукашкѣ, хозяева его стали ласковѣе; особенно хорунжій, казалось, видѣлъ съ удовольствіемъ его сближеніе съ дочерью.

— Да я не умѣю работать, сказалъ Оленинъ, стараясь не смотрѣть сквозь зеленныя вѣтви подъ арбой, гдѣ онъ замѣтилъ голубую рубаху и красный платокъ Марьяны.

— Приходи, шепталокъ дамъ, отвѣтала старуха.

— По казачьей гостепріимной старинѣ, одна старушечья гаупость, сказалъ хорунжій, объясняя и какъ бы исправляя слова старухи:—въ Россіи, я думаю, не только шепталокъ, сколько аназанныхъ вареній и моченій кушали въ свое удовольствіе.

— Такъ въ заброшенномъ саду есть? спросилъ Оленинъ:—я схожу,—и бросивъ быстрый взглядъ сквозь зеленныя вѣтви, онъ приподнял папалу и скрылся между правильными зелеными рядами виноградника.

Уже солнце спряталось за оградой садовъ и раздробленными лучами блестяло сквозь прозрачныя листья, когда Оленинъ

вернулся въ садъ къ своимъ хозяевамъ. Вѣтеръ стихалъ, и свѣжая прохлада начинала распространяться въ виноградникахъ. Еще издалека, какимъ-то инстинктомъ, Оленинъ узналъ голубую рубаху Марьяны сквозь ряды лозъ, и обрывая ягоды, подошелъ къ ней. Зарывшая собака тоже иногда схватывала, саюнявымъ ртомъ, низко висѣвшую кисть. Раскраснѣвшись, засучивъ рукава и опустивъ платокъ ниже подбородка, Марьянка быстро срѣзала тяжелыя кисти и складывала ихъ въ плетушку. Не выпуская изъ рукъ плети, которую она держала, она остановилась, ласково улыбнулась, и снова принялась за работу. Оленинъ приблизился и перекинулъ ружье за плечи, чтобъ освободить руки. „А твои гдѣ? Богъ помочь! Ты одна?“ хотѣлъ онъ сказать, но не сказалъ ничего и только приподнял папаху. Ему было неловко наединѣ съ Марьянкой, но онъ, какъ будто нарочно мучая себя, подошелъ къ ней.

— Ты такъ бабъ изъ ружья застрѣлишь, сказала Марьяна.

— Нѣтъ, я не стрѣляю.

Они оба помолчали.

— Ты бы подсобилъ.

Онъ досталъ ножичекъ и сталъ молча рѣзать. Доставъ смизу изъ-подъ листьевъ тяжелую фунта въ три сплошную кисть, въ которой всѣ ягоды сплющились одна на другую, не находя себѣ мѣста, онъ показалъ ее Марьянѣ.

— Всѣ рѣзать? Эта не зелена?

— Давай сюда.

Руки ихъ столкнулись. Оленинъ взялъ ее руку, а она улыбаясь глядѣла на него.

— Что ты скоро за мужъ выйдешь? сказалъ онъ.

Она не отвѣчая отвернулась, и повела на него своими строгими глазами.

— Что, ты любишь Лукашку?

— А тебѣ что?

— Мнѣ завидно.

— Легко ли!

— Право, ты такая красавица!

И ему вдругъ стало страшно совѣстно за то что онъ сказалъ. Такъ потло, казалось ему, звучали его слова. Онъ вспыхнулъ, растерялся и взялъ ее за обѣ руки.

— Какая ни есть, да не про тебя! Что смѣяться-то! отвѣчала Марьяна, но взгляды ея говорили, какъ твердо она знала, что онъ не смѣялся.

— Какъ согнаться! Ежели бы ты знала какъ я...

Слова звучали еще пошлѣе, еще не согласнѣе съ тѣмъ что онъ чувствовалъ; но онъ продолжалъ:—Я не знаю, что готовъ за тебя сдѣлать...

— Отстань, смола!

Но ея лицо, ея блестящіе глаза, ея высокая грудь, стройныя ноги говорили совсѣмъ другое. Ему казалось что она понимала какъ было пошло все что онъ говорилъ ей, но стояла выше такихъ соображеній; ему казалось что она давно знала все то что онъ хотѣлъ и не умѣлъ сказать ей. Но хотѣла поспуать какъ онъ это скажетъ ей. И какъ ей не знать, думалъ онъ, когда онъ хотѣлъ сказать ей лишь только все то, что она сама была? Но она не хотѣла понимать, не хотѣла отвѣчать, думалъ онъ.

— Ау! вдругъ посыпалось не далеко за виноградникомъ глосокъ Устенъки, и ея тонкій смѣхъ.

— Приходи, Митрій Андрейчъ, мнѣ подсоблять. Я одна! прокричала она Оленину, высовывая изъ-за листьевъ свое круглое наивное личико.

Оленинъ ничего не отвѣчалъ, и не двигался съ мѣста.

Марьянка продолжала рѣзать, но безпрестанно взглядывала на постояльца. Онъ началъ было говорить что-то, но остановился, вздернулъ плечами, и вскинувъ ружье, скорыми шагами пошелъ изъ сада.

XXXII.

Раза два онъ останавливаясь, прислушиваясь къ звонкому смѣху Марьяны и Устенъки, которыя, сойдясь вмѣстѣ, кричали что-то. Цѣлый вечеръ Оленинъ проходилъ въ лѣсу на охотѣ. Ничего не убивъ, онъ вернулся ужъ сумерками. Пройдя по двору, онъ замѣтилъ отворенную дверь въ хозяйской избушкѣ и видѣвшуюся изъ нея голубую рубаху. Онъ особенно громко каякнулъ Ванюшу, чтобы дать знать о своемъ приходѣ, и сбѣгъ на крыльцѣ на обычное мѣсто. Хозяйка уже вернулась изъ садовъ; она вышла изъ *избушки*, пропала въ свою хату и не позвала его къ себѣ. Марьяна два раза выходила за ворота. Одинъ разъ, въ полусвѣтѣ, ему показалось, что она оглянулась на него. Онъ жадно слѣдилъ глазами за каждымъ ея движеніемъ, но не рѣшился подойти къ ней. Когда она скрылась въ хатѣ, онъ сошелъ съ крыльца и началъ

ходить по двору. Но Марьяна уже не выходила. Цѣлую ночь Оленинъ провелъ безъ сна на дворѣ, прислушиваясь къ каж- дому звуку въ хозяйской хатѣ. Онъ слышалъ какъ съ вечера они говорили, какъ ужинали, какъ вытаскивали пуховики и укладывались спать, слышалъ какъ чему-то засмѣялась Марьяна; слышалъ потомъ какъ все затихло. Хорунжій переговаривалъ что-то шопотомъ съ старухой, и кто-то дышалъ. Онъ зашелъ въ свою хату, Ванюша не раздѣваясь спалъ. Оленинъ по завидовалъ ему, и опять принялся ходить по двору, все ожидая чего-то; но никто не выходилъ, никто не шевелился; только слышалось равномерное дыханіе трсхъ человѣкъ. Онъ зналъ дыханіе Марьяны, и все слушалъ его, и слушалъ стукъ своего сердца. Въ станціѣ все затихло, поздній мѣсяцъ взомель, и стала виднѣе скотина, пыхтѣвшая по дворахъ, ложившаяся, и медленно встававшая. Оленинъ со злобой спрашивалъ себя: „чего мнѣ нужно?“ и не могъ оторваться отъ своей ночи. Вдругъ ясно послышались ему шаги и скрипъ половицы въ хозяйской хатѣ. Онъ бросился къ дверямъ; но опять ничего не было слышно кромѣ равномернаго дыханія, и опять на дворѣ послѣ тяжелаго вздоха, поворачивалась буйволица, вставая на переднія колѣни, потомъ на всѣ ноги, взмахивала хвостомъ, и равномерно шлепало что-то по сухой глянцѣ двора, и опять съ вздохомъ укладывалась она въ мѣсячной мглѣ... Онъ спрашивалъ себя: „что мнѣ дѣлать?“ и рѣшительно собирался идти спать; но опять послышались звуки, и въ воображеніи его возникалъ образъ Марьянки, выходившей на эту мѣсячную туманную ночь, и опять онъ бросался къ окну, и опять слышалъ шаги. Уже передъ свѣтомъ подошелъ онъ къ окну, толкнулъ въ ставень, перебѣжалъ къ двери, и дѣйствительно засадышался вздохъ Марьянки и шага. Онъ взялся за щеколду и постучалъ. Босые, осторожные шаги, чуть скрипя половицами, приближались къ двери. Защевелилась щеколда, скрипнула дверь, пахнуло запахомъ душицы и тыквы, и на порогѣ показалась вся фигура Марьянки. Онъ видѣлъ ее только мгновенье при мѣсячномъ свѣтѣ. Она хлопнула дверь, и что-то прошептавъ, побѣжала легкими шагами назадъ. Оленинъ сталъ стучать слегка, ничто не отзывалось. Онъ перебѣжалъ къ окну, и сталъ слушать. Вдругъ рѣзкій, визгливый мужской голосъ, поразилъ его.

— Славно! сказалъ не высокой казачонокъ, въ бѣлой палаткѣ, близко подходя со двора къ Оленину:— я видѣлъ, славно!

Оленинъ узналъ Назарку и молчалъ, не зная что дѣлать и говорить.

— Славно! Вотъ я въ станичное пойду, докажу и отцу скажу. Вишь хорунжиха какая! Ей одного мало.

— Чего ты отъ меня хочешь, что тебѣ надо? выговорилъ Оленинъ.

— Ничего, я только въ станичномъ скажу.

Назарка говорилъ очень громко, видимо нарочно. — Вишь ловкій *юнкирь* какой!

Оленинъ дрожалъ и блѣднѣлъ.—Пооди сюда, сюда!—онъ сильно ухватилъ его за руку и отвелъ его къ своей хатѣ. Вѣдь ничего не было, она меня не пустила, и я ничего... Она честная...

— Ну тамъ, разбирать... сказалъ Назарка.

— Да я все равно тебѣ дамъ... Вотъ постой!..

Назарка замолчалъ. Оленинъ вбѣжалъ въ свою хату, и вынесъ казаку десять рублей.

— Вѣдь ничего не было, да все равно я виноватъ, вотъ я и даю! Только ради Бога, чтобы никто не зналъ. Да ничего не было....

— Счастливо оставаться, смѣясь сказалъ Назарка, и вышелъ.

Назарка прѣвѣжалъ въ эту ночь въ станицу, по порученію Лукашки приготовить мѣсто для краденой лошади, и проходя домой по улицѣ, слышалъ звуки шаговъ. Онъ вернулся на другое утро въ сотню, и хвастаясь, разказалъ товарищу какъ онъ ловко добылъ десять *монетовъ*. На другое утро Оленинъ видѣлся съ хозяевами, и никто ничего не зналъ. Съ Марьяной онъ не говорилъ, и она только посмѣивалась гаядя на него. Ночь онъ опять провелъ безъ сна, тѣтено бродя по двору. Слѣдующій день онъ нарочно провелъ на охотѣ, и вечеромъ, чтобы бѣжать отъ себя, ушелъ къ Бѣлецкому. Онъ боялся себя и далъ себѣ слово не заходить больше къ хозяевамъ. На слѣдующую ночь разбудилъ Оленина фельдфебель. Рота тотчасъ же выступила въ набѣгъ. Оленинъ обрадовался этому случаю, и думалъ не вернуться уже болѣе въ станицу.

Набѣгъ продолжался четыре дня. Начальникъ пожелалъ видѣть Оленина, съ которыми онъ былъ въ родствѣ, и предложилъ ему остаться въ штабѣ. Оленинъ отказался. Онъ не могъ жить безъ своей станицы, и просился домой. За набѣгъ ему навѣсили солдатскій крестъ, котораго онъ такъ желалъ прежде. Теперь же онъ былъ совершенно равнодушенъ къ этому кресту, и еще болѣе равнодушенъ къ представленію въ

офицеры, которое все еще не выходило. Онъ безъ оказія проѣхалъ съ Ванюшей на линію, и нѣсколькими часами опередилъ свою роту. Оленинъ весь вечеръ провелъ на крыльцѣ глядя на Марьяну. Всю ночь онъ опять безъ цѣли, безъ мысли, ходилъ по двору.

XXXIII.

На другое утро, Оленинъ проснулся поздно. Хозяевъ уже не было. Онъ не пошелъ на охоту, и то брался за книгу, то выходилъ на крыльцо и опять входилъ въ хату и ложился на постель. Ванюша думала, что онъ боленъ. Передъ вечеромъ Оленинъ рѣшительно всталъ, принялся писать, и писалъ до поздней ночи. Онъ написалъ письмо, но не послалъ его, потому что никто все-таки бы не понималъ того что онъ хотѣлъ сказать, да и не зачѣмъ кому бы то ни было понимать это, кромѣ самого Оленина. Вотъ что онъ писалъ:

„Мнѣ пишутъ изъ Россіи письма соболѣзнованія; боятся, что я погибну, зарывшись въ этой глуши. Говорятъ про меня: онъ загрубеетъ, отъ всего отстанетъ, станетъ пить, и еще чего добраго, женится на казачкѣ. Не даромъ, говорятъ, Ермоловъ сказалъ: кто десять лѣтъ прослужитъ на Кавказѣ, тотъ либо сопьется съ кругу, либо женится на распутной женщинѣ. Какъ страшно! Въ самомъ дѣлѣ, не погубить бы мнѣ себя, тогда какъ на мою долю могло бы выпасть великое счастье стать мужемъ графини Б***, камергеромъ или дворянскимъ предводителемъ. Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете что такое счастье, и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать что я каждый день вижу предъ собой: вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно становится, кто себя губить, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Если бы вы знали, какъ мнѣ мерзaki и жалки вы въ вашемъ оболыденіи! Какъ только представляется мнѣ, вмѣсто моей хаты, моего лѣса и моей любви, эти гостанья, эти женщины съ припеченными волосами, надъ подсунутыми чужими буклями, эти не естественно жеманящіеся губки эти ортаньяныя и изуродованныя, слабыя члены и эти дѣлать гостинныхъ, обязанный быть разговоромъ и не имѣ-

ещій какакихъ правъ на это,—мнѣ становится не выно-
симо гадко. Представляются мнѣ эти тупыя лица, эти бо-
гатая невѣсты съ выраженіемъ лица, говорящимъ: „ниче-
го, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста“; эти уса-
ливанья и пересаживанья, это наглое сводничанье парь, и эта
вѣчная сплетня, притворство; эти правила—кому руку, кому
кавокъ, кому разговоръ, и наконецъ эта вѣчная скука въ
крови, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію (и все
означательно, съ убѣжденіемъ въ необходимости). Поймите
одно, или повѣрьте одному. Надо видѣть и понять что та-
кое правда и красота, и въ прахъ разлетится все что вы го-
ворите и думаете, всё ваши желанья счастья и за меня, и за
себя. Счастье это быть съ природой, видѣть ее, говорить
съ ней. „Еще онъ, избави Боже, женится на простой казачкѣ и
совсѣмъ пропадетъ для свѣта,“ воображаю, говорятъ они
обо мнѣ съ искреннимъ состраданіемъ. А я только одного и
желаю, совсѣмъ пропасть въ вашемъ смыслѣ, желаю жениться
на прстой казачкѣ и не смѣю этого, потому что это было бы
верхъ счастья, котораго я не достоинъ.

„Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ какъ я въ пер-
вый разъ увидалъ казачку Марьяну. Понятія и предраз-
судки того міра, изъ котораго я вышелъ, еще были свѣжи
во мнѣ. Я тогда не вѣрилъ, что могу полюбить эту жен-
щину. Я любовался ею какъ красотою горъ и неба, и
не могъ не любоваться ею, потому что она прекрасна какъ
и онѣ. Потомъ я почувствовалъ, что созерцаніе этой кра-
соты сдѣлалось необходимостію въ моей жизни, и я сталъ
спрашивать себя: недоблю ли я ее; но ничего похожего на то,
какъ я воображалъ это чувство, я не нашелъ въ себѣ. Это
было чувство не похожее ни на тоску одиночества и желаніе
супружества, ни на платоническую, ни еще менѣе на плотскую
любовь, которая я испытывалъ. Мнѣ нужно было видѣть,
слышать ее, знать, что она близко, и я бывалъ не то что сча-
стливъ, а спокоенъ. Послѣ вечеринки, на которой я былъ вмѣ-
стѣ съ нею и прикоснулся къ ней, я почувствовалъ, что ме-
жду мной и этою женщиной существуетъ неразрывная, хотя
и не признанная связь, противъ которой нельзя бороться.
Но я еще боролся; я говорилъ себѣ: неужели можно любить
женщину, которая никогда не пойметъ душевныхъ интере-
совъ моей жизни. Неужели можно любить женщину за одну

красоту, любить женщину-статую? спрашивалъ я себя, а ужъ любилъ ее, хотя еще не вѣрилъ своему чувству.

„Послѣ вечеринки, на которой я въ первый разъ говорилъ съ ней, наши отношенія измѣнились. Прежде она была для меня чуждымъ, но величавымъ предметомъ внѣшней природы; послѣ вечеринки, она стала для меня человекомъ. Я сталъ встрѣчать ее, говорить съ нею, ходить иногда на работы къ ея отцу, и по цѣлымъ вечерамъ просиживать ихъ. И въ этихъ близкихъ сношеніяхъ, она осталась въ моихъ глазахъ все столь же чистою, неприступною и величавою. Она на все и всегда отвѣчала одинаково, спокойно, гордо и весело-равнодушно. Иногда она бывала ласкова, но большею частью каждый взглядъ, каждое слово, каждое движеніе ея выражался это равнодушіе не презрительное, но подавляющее и чарующее. Каждый день, съ притворною улыбкой на губахъ, я старался поддѣлаться подъ что-то, и съ мукою страсти и желаній въ сердцѣ шуточно заговаривалъ съ нею. Она видѣла, что я притворяюсь: но прямо, весело и просто смотрѣла на меня. Мнѣ стало невыносимо это положеніе. Я хотѣлъ не лгать передъ ней, и хотѣлъ сказать все что я думаю, что я чувствую. Я былъ особенно раздраженъ; это было въ садахъ. Я сталъ говорить ей о своей любви такими словами, которыя мнѣ стыдно вспомнить. Стыдно вспомнить, потому что я не долженъ былъ смѣть говорить ей этого, потому что она неизмѣримо выше стояла этихъ словъ и того чувства, которое я хотѣлъ ими выразить. Я замолчалъ, и съ этого дня мое положеніе сдѣлалось невыносимо. Я не хотѣлъ унижаться, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не доросъ до прямыхъ и простыхъ отношеній къ ней. Я съ отчаяніемъ спрашивалъ себя: что же мнѣ дѣлать? Въ нелѣпныхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницею, то своею женою, и съ отвращеніемъ отталкивалъ и ту и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкою было бы ужасно. Это было бы убійство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣшнихъ казачекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзть къ ней въ окно на ночь, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я? Тогда бы другое дѣло, тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть сча-

ставъ. Я пробовалъ отдаваться этой жизни, и еще сильнѣе чувствовалъ свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, не гармоническаго, уродливаго прошедшаго. И мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія сибѣрскія горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня счастливо возможное на свѣтѣ счастье, не для меня эта женщина! Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ, не потому что она ниже меня, напротивъ она не должна понимать меня. Она счастлива; она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія. Ночи я не спалъ, и безъ всякой дѣлы проводилъ подъ ея окнами и не отдавалъ отчета себѣ въ томъ что со мною было. 18-го числа наша рота ходила въ набѣгъ. Я три дня провелъ внѣ станицы. Мнѣ было грустно, и все равно. Въ отрядѣ, пѣсни, карты, попойки, толки о наградахъ, мнѣ были противнѣе обмороженнаго. Я вынче вернулся домой, увидаль ее, свою хату, дядю Ершкю, сибѣрскія горы съ своего крылечка, и такое сильное новое чувство радости охватило меня, что я все понималъ. Я люблю эту женщину настоящею любовью, въ первый и единственный разъ моей жизни. Я знаю что со мной. Я не боюсь унизиться своимъ чувствомъ, не стыжусь своей любви, я гордъ ею. Я не виноватъ, что я полюбилъ. Это сдѣлалось противъ моей воли. Я спасался отъ своей любви въ самоотверженіи, я выдумывалъ себѣ радость въ любви казака Лукашки съ Марьянкой, и только раздражалъ свою любовь и ревность. Это не идальная, такъ-называемая, возвышенная любовь, которую я испытывалъ прежде; не то чувство влеченія, въ которомъ любишь на свою любовь, чувствуешь въ себѣ источникъ своего чувства, и все дѣлаешь самъ. Я испытывалъ и это. Это еще меньшее желаніе наслажденія, это что-то другое. Можетъ-быть я въ ней люблю природу, олицетвореніе всего прекраснаго природы; но я не имѣю своей воли, и чрезъ меня любить ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій, вся природа вдавливаютъ любовь эту въ мою душу, и говорить: люби. Я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ моимъ. Любя ее, я чувствую себя нераздѣльною частью всего счастливаго Божьяго міра. Я писалъ

прежде о своихъ новыхъ убѣжденіяхъ, которыя вынесъ изъ своей одинокой жизни; но ни кто не можетъ знать, какимъ трудомъ выработались они во мнѣ, съ какою радостью созналъ я ихъ, и увидалъ новый, открытый путь въ жизни. Дороже этихъ убѣжденій ничего во мнѣ не было.... Ну.... пришла любовь, и ихъ нѣтъ теперь, нѣтъ и сожалѣнія о нихъ. Даже понять, что я могъ дорожить такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроеніемъ, для меня трудно. Пришла красота, и въ прахъ разсыпала всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣтъ о исчезнувшемъ! Самоотверженіе—все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженнаго несчастія, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью. Жить для другихъ, дѣлать добро! Зачѣмъ? Когда въ душѣ моей одна любовь къ себѣ и одно желаніе—любить ее и жить съ нею, ея жизнью! Не для другихъ, не для Лукашки я теперь желаю счастья. Я не люблю теперь этихъ другихъ. Прежде я бы сказалъ себѣ что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будетъ съ ней, со мной, съ Лукашкой? Теперь мнѣ все равно. Я живу не самъ по себѣ, но есть что-то сильнѣй меня, руководящее мною. Я мучаюсь, но прежде я былъ мертвъ, а теперь только я живу. Нынче я пойду къ нимъ, и все скажу ей.“

XXXIV.

Написавъ это письмо, Оленинъ поздно вечеромъ пошелъ къ хозяйкамъ. Старуха сидѣла на лавкѣ за печью и сучила коконы. Марьяна, съ непокрытыми волосами, шла у свѣчи. Увидавъ Оленина, она вскочила, взяла платокъ и подошла къ печи.

— Что жь, посиди съ нами, Марьянушка, сказала мать.

— Нѣ, я простоголовая.—И она вскочила на печь.

Оленину видно было только ея колѣно и стройная спущенная нога. Онъ угощалъ старуху чаемъ. Старуха угостила гостя каймакомъ, за которымъ послала Марьяну. Но поставивъ тарелку на столъ, Марьяна опять вскочила на печь, и Оленинъ чувствовалъ только ея глаза. Они разговорились о хозяйствѣ. Бабука Улита расходилась, и пришла въ восторгъ гостепріимства. Она принесла Оленину моченаго винограда, лепешку съ виноградомъ, лучшаго вина, и съ тѣмъ особеннымъ, простонароднымъ, грубымъ и гордымъ гостепріимст-

юмъ, которое бываетъ только у людей физическими трудами добывающихъ свой хлѣбъ, принялась угощать Оленина. Старуха, которая сначала такъ поразила Оленина своею грубостью, теперь часто трогала его своею простою нѣжностью въ отношеніи къ дочери.

— Да что Бога гнѣвить, батюшка! Все у насъ есть, слава Богу, и чихирю нажали, и насолили, и продадимъ бочки три винограду, и пить останется. Ты уходить-то погоди. Гулять съ тобой будемъ на свадьбѣ.

— А когда свадьба? спросилъ Оленинъ, чувствуя какъ вся кровь вдругъ хлынула ему къ лицу, и сердце не ровно и мучительно забилось.

За печью зашевелилось и послышалось щелканье свѣчка.

— Да что надо бы на той недѣли сыграть. Мы готовы, отвѣчала старуха просто, спокойно, какъ будто Оленина не было и нѣтъ на свѣтѣ.—Я все для Марьянушки собрала и припасла. Мы хорошо отдадимъ. Да вотъ немного не ладно. Лукашка-то нашъ что-то ужъ загулялъ очень. Совсе загулялъ! Шалить! Намедни прѣзжалъ казакъ изъ сотни, сказывалъ, онъ въ Нагаи ѣздилъ.

— Какъ бы не попался, сказалъ Оленинъ.

— И я говорю: ты Лукаша не шали! Ну, молодой человекъ, извѣстно куражится. Да вѣдь на все время есть. Ну отбилъ, укралъ, абрека убилъ, молодецъ! Ну и смирно бы покаялъ. А то ужъ вовсе скверно.

— Да я его раза два видѣлъ въ отрядѣ, онъ все гуляетъ. Еще лошадь продалъ, сказалъ Оленинъ и оглянулся на печь.

Большіе черные глаза блестя на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то что онъ сказалъ.

— Чтожь! Онъ никому худа не дѣлаетъ, вдругъ сказала Марьяна.—На свои деньги гуляетъ,—и спустивъ ноги, она ес-кочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

Оленинъ слѣдилъ за ней глазами, покуда она была въ хатѣ; потомъ смотрѣлъ на дверь, ждалъ и не понималъ ничего что ему говорила бабука Улита. Черезъ нѣсколько минутъ вошли гости старикъ, братъ бабуки Улиты, съ дядей Ершкой, и вслѣдъ за ними Марьяна съ Устенъкой.

— Здорово днєвали? пропущала Устенъка.—Все гуляешь, обратилась Устенъка къ Оленину.

— Да, гуляю, отвѣчалъ онъ, и ему отчего-то стыдно стало и не ловко.

Онъ хотѣлъ уйти и не могъ. Молчать ему тоже казалось не возможно. Старикъ помогъ ему: онъ попросилъ выпить, и они выпили. Потомъ Оленинъ выпилъ съ Ерошкой. Потомъ еще съ другимъ казакомъ. Потомъ еще съ Ерошкой. И чѣмъ больше пилъ Оленинъ, тѣмъ тяжеле становилось ему на сердцѣ. Но старики разгулялись. Дѣвки обѣ засѣли на печку, и шушукали глядя на нихъ, а они пили до вечера. Оленинъ ничего не говорилъ, и пилъ больше всѣхъ. Казаки что-то кричали. Старуха выгоняла ихъ вонъ и не давала больше чихиря. Дѣвки смѣялись надъ дядей Ерошкой, и ужь было часовъ десять, когда всѣ вышли на крыльцо. Старики сами назвались идти догуливать ночь у Оленина. Устенъка побѣжала домой. Ерошка повелъ казака къ Ванюшѣ. Старуха пошла прибирать въ *избушку*. Марьяна оставалась одна въ хатѣ. Оленинъ чувствовалъ себя свѣжимъ и бодримъ какъ будто онъ сейчасъ проснулся. Онъ все замѣчалъ, и пропустивъ впередъ стариковъ, вернулся въ хату: Марьяна укладывалась спать. Онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ ей сказать что-то, но голосъ оборвался у него. Она сѣла на постель, подобрала подъ себя ноги, отодвинулась отъ него въ самый уголь, и молча, испуганнымъ, дикимъ взглядомъ, смотрѣла на него. Она видимо боялась его. Оленинъ чувствовалъ это. Ему стало жалко и совѣстно за себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ гордое удовольствіе, что возбуждаетъ въ ней хоть это чувство.

— Марьяна! сказалъ онъ.—Неужели ты никогда не сжалиться надо мной? Я не знаю какъ я люблю тебя.

Она отодвинулась еще дальше.

— Вишь вино-то что говорить. Ничего тебѣ не будетъ!

— Нѣтъ не вино. Не выходи за Лукашку. Я жемюсь на тебѣ. „Что же это я говорю? подумалъ онъ въ то самое время, какъ выговаривалъ эти слова. Скажу ли я то же завтра? Скажу, навѣрно скажу и теперь повторю,“ отвѣтилъ ему внутренней голосъ.—Пойдешь за меня?

Она серьезно посмотрѣла на него, и испугъ ея какъ будто прошелъ.

— Марьяна! я съ ума сойду. Я не свой. Что ты велишь, то и сдѣлаю,— и безумно-нѣжныя слова говорились сами собой.

— Ну что брешешь, прервала она его, вдругъ схвативъ за руку, которую онъ протягивалъ къ ней. Но она не оттакивала его руки, а крѣпко сжала ее своими сильными, жесткими пальцами.—Развѣ господа на мамукахъ женятся? Иди!

— Да пойдешь ли? Я все...

— А Лукашку куда дѣнемъ? сказала она смѣясь.

Онъ вырвалъ у нея руку, которую она держала и сильно обьялъ ея молодое тѣло. Но она какъ лань вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбѣжала на крыльцо. Оленья опомнилась, и ужаснулась на себя. Онъ опять показался самъ себѣ невыразимо гадокомъ въ сравненіи съ нею. Но ни минуты не раскаиваясь въ томъ что онъ сказалъ, онъ пошелъ домой, и не взглянувъ на пившихъ у него стариковъ, легъ и заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ давно не спалъ.

XXXV.

На другой день былъ праздникъ. Вечеромъ весь народъ, блестя на заходящемъ солнцѣ праздничнымъ нарядомъ, былъ на улицѣ. Вина было нажато больше обыкновеннаго. Народъ освободился отъ трудовъ. Казаки черезъ мѣсяцъ собирались въ походъ, и во многихъ семействахъ готовились свадьбы.

На площади, передъ станичнымъ правленіемъ и около двухъ лавочекъ,—одной съ закусками и свѣчками, другой съ платками и ситцами,—больше всего стояло народа. На завалинкѣ дома правленія сидѣли и стояли старики, въ сѣрыхъ и черныхъ степенныхъ зипунахъ, безъ галуновъ и украшеній. Старики спокойно, мѣрными голосами, бесѣдовали между собой объ урожаяхъ и молодыхъ ребятахъ, объ общественныхъ дѣлахъ и о старинѣ, ведичаво и равнодушно поглядывая на молодое поколѣніе. Проходя мимо ихъ, бабы и дѣвки приостанавливались и опускали головы. Молодые казаки почтительно уменьшали шагъ, и снимая папахи, держали ихъ нѣкоторое время передъ головою. Старики замолкали. Кто строго, кто ласково, осматривали они проходящихъ, и медленно снимали, и снова надѣвали папахи.

Казачки еще не начинали водить хороводы, а собравшись кружками, въ ярко-цвѣтныхъ бешметахъ и бѣлыхъ платкахъ, обвязывающихъ голову и глаза, сидѣли на землѣ и завалинкахъ хать, въ тѣни отъ косыхъ лучей солнца, и звонко болтали и смѣялись. Мальчишки и дѣвчонки играли въ ланту, зажигая мячъ высоко въ ясное небо, и съ крикомъ и пискомъ бѣгали по площади. Дѣвочки-подростки на другомъ углѣ площади уже водили хороводы, и тоненькими, несмѣлыми голосами пиццали пѣсню. Писаря, льготные и вернушіеся на праздникъ молодые ребята, въ нарядныхъ бѣлыхъ и новыхъ красныхъ черкескахъ, обшитыхъ галунами, съ праздничными,

веселыми лицами, по двое, по трое, взявшись рука съ рукой, ходили отъ одного кружка бабъ и дѣвокъ къ другому, и останавливаясь, шутили и заигрывали съ казачками. Армянинъ лавочникъ, въ синей черкескѣ тонкаго сукна съ галунами, стоялъ у отворенной двери, въ которую виднѣлись ярусы свернутыхъ цвѣтныхъ платковъ, и съ гордостью восточнаго торговца и признаніемъ своей важности ожидалъ покупателей. Два краснобородые, босые Чеченца, пришедшіе изъ-за Терека полюбоваться на праздникъ, сидѣли на корточкахъ дома своего знакома, и небрежно покуривая изъ маленькихъ трубочекъ и поплеывая, перекидывались, глядя на народъ быстрыми гортанными звуками. Изрѣдка несправа солдатъ, въ старой шинели, торопливо проходилъ между неспрыми группами по площади. Кое-гдѣ уже слышались пьяныя пѣсни загулявшихъ казаковъ. Всѣ хаты были заперты, крылечки съ вечера вымыты. Даже старухи были на улицѣ. По сухимъ улицамъ, вездѣ, въ пыли, подъ ногами, валялась шелуха арбузныхъ и тыквенныхъ сѣмечекъ. Въ воздухѣ было тепло и неподвижно, въ ясномъ небѣ голубо и прозрачно, Бѣломатовый хребетъ горъ, виднѣвшійся изъ-за крыши, казался близокъ, и розовѣлъ въ лучахъ заходящаго солнца. Изрѣдка, съ зарѣчной стороны, доносился дальній гулъ пушечнаго выстрѣла. Но надъ станицей, сливаясь, носились разнообразныя, веселыя, праздничныя звуки.

Оленинъ все утро ходилъ по двору, ожидая увидать Марьяну. Но она, убравшись, пошла къ обѣдни въ часовню; потомъ, то сидѣла на завалинѣ съ дѣвками, щелкая сѣмя, то съ товарками же забѣгала домой, и весело, ласково взглядывала на постоляда. Оленинъ боялся заговаривать съ ней шуточно и при другихъ. Онъ хотѣлъ договорить ей вчерашнее, и добиться отъ нея рѣшительнаго отвѣта. Онъ ждалъ опять такой же минуты, какъ вчера вечеромъ; но минута не приходила, а оставаться въ такомъ нерѣшительномъ положеніи онъ не чувствовалъ въ себѣ болѣе силы. Она вышла опять на улицу, и немного погодя, самъ не зная куда, пошелъ и онъ за нею. Онъ миновалъ уголь, гдѣ она сидѣла блестя своимъ атласнымъ, голубымъ бешметомъ, и съ болью въ сердцѣ услышалъ за собою дѣвичій хохотъ.

Хата Бѣлецкаго была на площади. Оленинъ, проходя мимо ея, услышалъ голосъ Бѣлецкаго: „заходите“, и зашелъ.

Поговоривъ они оба сѣли къ окну. Скоро къ нимъ присоединился Ерощка, въ новомъ бешметѣ, и усѣлся подлѣ нихъ на полъ.

— Вотъ это аристократическая кучка, говорилъ Бѣлецкій, указывая папироской на пеструю группу на углу и улыбаясь.—И моя тамъ, видите, въ красномъ. Это обновка. Что же хороходы не начинаются? прокричалъ Бѣлецкій, выглядывая изъ окна. — Вотъ погодите, какъ смеркнется, и мы пойдемъ. Потомъ позовемъ ихъ къ Устенъкѣ. Надо имъ балъ задать.

— И я приду къ Устенъкѣ, сказалъ Оленинъ рѣшительно:—Марьяна будетъ?

— Будетъ, приходите? сказалъ Бѣлецкій, нисколько не удивляясь.—А вѣдь очень красиво, прибавилъ онъ, указывая на пестрыя толпы.

— Да, очень! поддакнулъ Оленинъ, стараясь казаться равнодушнымъ:—на такихъ праздникахъ, прибавилъ онъ,—меня всегда удивляетъ отчего такъ, вслѣдствіе того что нынче напримѣръ пятнадцатое число, вдругъ всѣ люди стали довольны и веселы? На всемъ виденъ праздникъ. И глаза, и лица, и голоса, и движенія, и одежда, и воздухъ, и солнце, все праздничное. А у насъ уже нѣтъ праздниковъ.

— Да, сказалъ Бѣлецкій, не любившій такихъ разсужденій.—А ты что не пьешь, старикъ? обратился онъ къ Ерощкѣ.

Ерощка мигнулъ Оленину на Бѣлецкаго:—Да что, онъ гордый, кунакъ-то твой!

Бѣлецкій поднялъ стаканъ.—*Алла бирды*, сказалъ онъ и выпилъ. (*Алла бирды*, значитъ: Богъ даль; это обыкновенное привѣтствіе, употребляемое кавказцами, когда пьютъ вмѣстѣ.)

— *Сау булз* (будь здоровъ), сказалъ Ерощка, улыбаясь, и выпилъ свой стаканъ.

— Ты говоришь праздникъ! сказалъ онъ Оленину, поднимаясь и глядя въ окно.—Это что за праздникъ! Ты бы посмотрѣлъ какъ въ старину гуляли! Бабы выйдутъ, бывало, одѣнутся въ сарафаны, галунами обшиты. Грудь всю золотыми въ два ряда обвѣшаетъ. На головѣ кокошники золотые носили. Какъ пройдетъ, такъ фр! фр! шумъ подымется. Каждая баба какъ княгиня была. Бывало выйдутъ, табунъ цѣлый, заиграютъ пѣсни, такъ стонъ стоитъ; всю ночь гуляютъ. А казаки бочки выкатятъ на дворъ, засядутъ, всю ночь до разсвѣта пьютъ. А то схватятся рука съ рукой, пойдутъ по станціи лавой. Кого встрѣтятъ, съ собой забираютъ. Да отъ одного къ другому и ходятъ. Другой разъ, три дня гуляютъ. Батюшка бывало придетъ, еще я помню, красный, распухнетъ весь,

безъ шапки, все растеряетъ, придетъ и ляжетъ. Матушка ужъ знаетъ бывало: свѣжей икры и чихирю ему принесетъ опохмѣлиться, а сама бѣжитъ по станицѣ шапку его искать. Такъ двое сутокъ спать! Вотъ какіе люди были! А нынче что?

— Ну а дѣвки-то въ сарафанахъ какъ же? Однѣ гуляли? спросилъ Бѣлецкій.

— Да однѣ! Придутъ бывало казаки, или верхомъ сядутъ, скажутъ пойдѣмъ хороводы разбивать, и пойдутъ, а дѣвки дубье возьмутъ. На масляницѣ бывало, какъ разлетится какой молодець, а онѣ бьютъ, лошадь бьютъ, его бьютъ. Прорветъ стѣну, подхватитъ какую любить и увезетъ. Матушка, душенька, ужъ какъ хочетъ любить. Да и дѣвки жь были! королевны!

XXXVI.

Въ это время, изъ боковой улицы, выѣхали на площадь два всадника. Одинъ изъ нихъ былъ Назарка, другой Лукашка. Лукашка сидѣлъ нѣсколько бокомъ на своемъ сытомъ гнѣдомъ кабардинцѣ, легко ступавшемъ по жесткой дорогѣ, и подкидывавшемъ красивою головою съ глянцевитою тонкою холкой. Ловко прилаженное ружье въ чашлѣ, пистолеть за спиной и свернутая за сѣдломъ бурка доказывали, что Лукашка ѣхалъ не изъ мирнаго и ближняго мѣста. Въ его боковой щегольской посадкѣ, въ небрежномъ движеніи руки, похлопывавшей чуть слышно плетью подъ брюхо лошади, и особенно въ его блестящихъ черныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ гордо, прищуриваясь, вокругъ, выражались сознание силы и самонадѣянность молодости. Видали молодца? казалось говорили его глаза, поглядывая по сторонамъ. Статная лошадь, съ серебрянымъ наборомъ сбруя и оружіе, и самъ красивый казакъ, обратили на себѣ вниманіе всего народа бывшаго на площади. Назарка, худощавый и малорослый, былъ одѣтъ гораздо хуже Лукашки. Проѣзжая мимо стариковъ, Лукашка приостановился и приподнял бѣлую курчавую папаху надъ стриженою черною головою.

— Что много ль нагайскихъ коней угналъ? сказалъ худенькій старичокъ съ нахмуреннымъ мрачнымъ взглядомъ.

— А ты небось считаешь, дѣдука, что спрашиваешь, отвѣчалъ Лукашка, отворачиваясь.

— То-то парня-то съ собой напрасно водишь, проговорилъ старикъ еще мрачнѣе.

— Вишь, чортъ, все знаетъ! проговорилъ про себя Лукашка, а лицо его приняло озабоченное выраженіе; но взглянувъ на уголь, гдѣ стояло много казачекъ, онъ повернулъ къ нимъ лошадь.

— Здорово дневали, дѣвки! крикнулъ онъ сильнымъ заливи-стымъ голосомъ, вдругъ останавливая лошадь.—Состарѣлись безъ меня, вѣдьмы.

И онъ засмѣялся.

— Здорово Лукашка, здорово батяка! слышались веселые голоса.—Денегъ много привезъ? Закусокъ купи дѣвкамъ-то? Надолго пріѣхалъ? И то давно не видали.

— Съ Назаркой на ночку погулять прилетѣли, отвѣчалъ Лукашка, замахиываясь плетью на лошадь, и наѣзжая на дѣвокъ.

— И то Марьянка ужъ забыла тебя совсѣмъ, пропущала Устенъка, толкая локтемъ Марьяну и заливаясь тонкимъ смѣхомъ.

Марьяна отодвинулась отъ лошади, и закинувъ назадъ голову, блестящими большими глазами спокойно взглянула на казака.

— И то давно не бывалъ! Что лошадью топчешь-то? сказала она сухо и отвернулась.

Лукашка казался особенно веселъ. Лицо его сіяло удалюю и радостию. Холодный отвѣтъ Марьяны видимо поразилъ его. Онъ вдругъ нахмурилъ брови.—Становись въ стремя, въ горы увезу, мамочка! вдругъ крикнулъ онъ какъ бы разгоняя дурныя мысли и джигитую между дѣвокъ. Онъ нагнулся къ Марьянѣ:—Поцѣлую, ужъ такъ поцѣлую, что ну!

Марьяна встрѣтилась съ нимъ глазами, и вдругъ покраснѣла. Она отступила.—Ну, тебя совсѣмъ! Ноги отдавишь, сказала она, и опустивъ голову, посмотрѣла на свои стройныя ноги, обтянутыя голубыми чулками со стрѣлками, въ красныхъ, новыхъ чувакахъ, обшитыхъ узенькимъ серебрянымъ галуномъ.

Лукашка обратился къ Устенкѣ, а Марьяна сѣла рядомъ съ казачкой, державшею на рукахъ ребенка. Ребенокъ потянулся къ дѣвкѣ, и пухленькою ручонкой ухватился за нитку шнурковъ, висѣвшихъ на ся синемъ бешметѣ. Марьяна нагнулась къ нему, и искоса поглядѣла на Лукашку. Лукашка въ

это время доставалъ, изъ-подъ черкески, изъ кармана чернаго бешмета, узелокъ съ закусками и съмечками.

— На всѣхъ жертвую, сказала онъ, передавая узелокъ Устенкѣ, и съ улыбкою глянулъ на Марьянку.

Снова замѣшательство выразилось на лицѣ дѣвки. Прекрасные глаза подернулись какъ туманомъ. Она спустила платокъ ниже губъ, и вдругъ припавъ головой къ бѣлому личику ребенка, державшаго ее за монисто, начала жадно цѣловать его. Ребенокъ упирался ручонками въ высокую грудь дѣвки, и кричалъ, открывая беззубый ротикъ.

— Чтò душишь парнишку-то? сказала мать ребенка, отнимая его у ней и разстегивая бешметъ, чтобы дать ему груди.—Лучше бы съ парнемъ здоровкалась.

— Только коня уберу, придемъ съ Назаркой, цѣлую ночь гулять будемъ, сказалъ Лукашка, хлопнувъ плетью лошадь, и поѣхалъ прочь отъ дѣвокъ.

Свернувъ въ-боковую улицу, съ Назаркой вмѣстѣ, они подъѣхали къ двумъ стоявшимъ рядомъ хатамъ.

— Дорвались брать! Скорѣй приходи! крикнулъ Лукашка товарищу, слѣзая у сосѣдняго двора и осторожно проводя коня въ плетенныя ворота своего двора.—Здорово, Степка! обратился онъ къ нѣмой, которая, тоже празнично разряженная, шла съ улицы, чтобы принять коня. И онъ знаками показалъ ей, чтобы она поставила коня къ сѣну и не разсѣдывала его.

Нѣмая загудѣла, зацокала, указывая на коня, и поцѣловала его въ носъ. Это значило, что она любитъ коня, и что конь хорошъ.

— Здорово, матушка! Что, аль на улицу еще не выходила? прокричалъ Лукашка, поддерживая ружье и поднимаясь на крыльцо.

Старуха мать отворила ему дверь.—Вотъ не ждала не гадала, сказала старуха,—а Кирка сказывалъ, ты не будешь.

— Принеси чихирьку, поди, матушка. Ко мнѣ Назарка придетъ, *праздникъ помолимъ*.

— Сейчасъ, Лукаша, сейчасъ, отвѣчала старуха.—Бабы-то наши гуляютъ. Я чай и наша нѣмая ушла.

И захвативъ ключи, она торопливо пошла въ *избушку*.

Назарка, убравъ своего коня и снявъ ружье, вошелъ къ Лукашкѣ.

XXXVI.

— Будь здоровъ, говорилъ Лукашка, принимая отъ матери полную чашку чихиря, и осторожно поднося ее къ нагнутой головѣ.

— Вишь дѣло-то, сказалъ Назарка, — дѣдука бурлакъ что сказалъ: „много ли коней украсть?“ Видно знаетъ.

— Колдунъ! коротко отвѣтилъ Лукашка. — Да это что? прибавилъ онъ, встряхнувъ головой. — Ужь они за рѣвкой. Ищи.

— Все не ладно.

— А что не ладно! Снеси чихирю ему завтра. Такъ-то дѣлать надо, и ничего будетъ. Теперь гулять. Пей! крикнулъ Лукашка, тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ старикъ Ершкя произнесъ это слово. — На улицу гулять пойдемъ, къ дѣвкамъ. Ты стоди меду возьми, или я нѣмую пошлю. До утра гулять будемъ.

Назарка улыбался. — Чтожь, долго побудемъ? сказалъ онъ.

— Дай погуляемъ! Бѣги за водкой! На, деньги!

Назарка послушно побѣжалъ къ Ямкѣ.

Дядя Ершкя и Ергушовъ, какъ хищныя птицы, пронюхавъ гдѣ гулянье, оба пьяные, одинъ за другимъ, ввалились въ хату.

— Давай еще полведра, крикнулъ Лукашка матери, въ отвѣтъ на ихъ здоровканье.

— Ну сказывай чортъ, гдѣ украсть? прокричалъ дядя Ершкя. — Молодецъ! Люблю!

— То-то люблю, отвѣчалъ смѣясь Лукашка. — Дѣвкамъ закуски отъ юнкирей носить. Эхъ, старый!

— Неправда, вотъ и неправда! Эхъ, Марка! (Старикъ расхохотался.) Ужь какъ просилъ меня чортъ энтотъ! Поди, говорить, похлопочи. Flintу давалъ. Нѣтъ, Богъ съ нимъ! Я бы обдѣлалъ, да тебя жалѣю. Ну, сказывай, гдѣ былъ? — И старикъ заговорилъ по-татарски.

Лукашка бойко отвѣчалъ ему.

Ергушовъ, плохо знавшій по-татарски, лишь изрѣдка вставлялъ русскія слова.

— Я говорю коней угналъ. Я твердо знаю, поддакивалъ онъ.

— Прѣхали мы съ Гирейкой, разказывалъ Лукашка. (Что онъ Гирей-хана называлъ Гирейкой, въ томъ было замѣтное для казаковъ молодечество.) — За рѣвкой все храбрился, что онъ

всю степь знаетъ, прямо приведетъ, а выѣхали, ночь темная, спутался мой Гирейка, сталъ елозить, а все толку нѣтъ. Не найдеть аула, да и шабашъ. Правѣи мы видно взяли. Почитай до полуночи искали. Ужь спасибо собаки завыли.

— Дураки, сказалъ дядя Ерощка.—Такъ-то мы, бывало, спутаемся ночью въ степи. Чортъ ихъ разберетъ! Выѣду, бывало, на бугоръ, завою по бирючину, вотъ такъ-то! (Онъ сложилъ руки у рта и завылъ будто стадо волковъ, въ одну ноту.) Какъ разъ собаки откликнутся. Ну, доказывай. Ну, что жь нашли?

— Живо обротали. Назарку было поймали Нагайки-бабы, пра!

— Да, поймали, обиженно сказалъ вернувшійся Назарка.

— Выѣхали, опять Гирейка спутался, вовсе было завелъ въ буруны. Такъ вотъ все кажется что къ Тереку, а вовсе прочь ѣдемъ.

— А ты по звѣздамъ бы смотрѣлъ, сказалъ дядя Ерощка.

— И я говорю, подхватилъ Ергушовъ.

— Да, смотри тутъ, какъ темно все. Ужь я бился, бился! Поймалъ кобылу одну, оброталъ, а своего коня пустил; думаю, вывести. Такъ что же ты думаешь? Какъ фыркнетъ, фыркнетъ, да носомъ по земи... Выскакалъ впередъ, такъ прямо въ станицу и вывелъ. И то спасибо ужь свѣтло вовсе стало; только успѣли въ лѣсу коней схоронить. Нагимъ изъ-за рѣки прѣѣхалъ, взялъ.

Ергушовъ покачалъ головой.—Я и говорю: ловко! А много ль?

— Всѣ тутъ, сказалъ Лукашка, хлопая по карману.

Старуха въ это время вошла въ избу. Лукашка не договорилъ:—Петъ! прокричалъ онъ.

— Такъ-то мы, съ Гирчикомъ, разъ поздно поѣхали... началъ Ерощка.

— Ну, тебя не переслушаешь! сказалъ Лукашка.—А я пойду.

И допивъ вино изъ чанурки, и затянувъ ту же ремень пояса, Лукашка вышелъ на улицу....

XXXVII.

Ужь было темно, когда Лукашка вышелъ на улицу. Осенняя ночь была свѣжа и безвѣтренна. Полный золотой мѣсяцъ выплывалъ изъ-за черныхъ раянъ, поднимающихся на одной сторонѣ площади. Изъ трубъ *избушекъ* шелъ дымъ, и слыва-

съ съ туманомъ, стался надъ станицею. Въ окнахъ кое-гдѣ свѣтились огни. Запахъ кизяка, чапры и тумана былъ разлитъ въ воздухъ. Говоръ, смѣхъ, пѣсни и щелканье сѣмечекъ звучали также смѣшанно, но отчетливѣе чѣмъ днемъ. Бѣлые матки и папахи кучками видѣлись въ темнотѣ около заборовъ и домовъ.

На площади, противъ отворенной и освѣщенной двери лавки, чернѣется и бѣлѣется толпа казаковъ и дѣвокъ, и слышатся громкія пѣсни, смѣхъ и говоръ. Схватившись рука съ рукой, дѣвки кружатся, плавно выступая на пыльной площади. Худоцавая и самая не красивая изъ дѣвокъ запѣваетъ:

Изъ-за лѣсику лѣсу темнаго,

Ай да люлю!

Изъ-за садіку саду зеленого

Вотъ и шли прощали два молодца,

Два молодца, да оба холосты.

Они шли прощали, да становилися,

Они становилися, разбраивалися.

Выходила къ нимъ красна дѣвица,

Выходила къ нимъ, говорила имъ:

Вотъ кому-нибудь изъ васъ достануся.

Доставалася да парню бѣлому,

Парню бѣлому, бѣлокурому.

Онъ бере, беретъ за праву руку,

Онъ веде, ведетъ да вдоль по кругу

Всѣмъ товарищамъ порасхвастался:

Какова, братцы, хозяйшка!

Старухи стоятъ около, прислушиваясь къ пѣснямъ. Мальчишки и дѣвчонки бѣгаютъ кругомъ въ темнотѣ, догоняя другъ друга. Казаки стоятъ кругомъ, затрогивая проходящихъ дѣвокъ, изрѣдка разрывая хороводъ и входя въ него. По темную сторону двери стоятъ Бѣлецкій и Оленинъ въ черкескахъ и папахахъ, и не казачьимъ говоромъ, не громко, но слышно, разговариваютъ между собой, чувствуя, что обращаютъ на себя вниманіе. Рядомъ въ хороводѣ ходятъ толстенькая Устенъка, въ красномъ бешметѣ, и величавая фигура Марьяны, въ новой рубахѣ и бешметѣ. Оленинъ съ Бѣлецкимъ разговаривали о томъ, какъ бы имъ отбить отъ хорозода Марьянку съ Устенъкой. Бѣлецкій думалъ, что Оленинъ хотѣлъ только повеселиться, а Оленинъ ждалъ рѣшенія своей участи. Онъ, во что бы то ни стало,

хотѣлъ нынче же видѣть Марьяну одну, сказать ей все, спросить ее, можетъ ли и хочетъ ли она быть его женою. Несмотря на то, что вопросъ этотъ давно былъ рѣшенъ для него отрицательно, онъ надѣялся, что будетъ въ силахъ разказать ей все что чувствуетъ, и что она пойметъ его.

— Что вы мнѣ раньше не сказали, говорилъ Бѣлецкій:— я бы вамъ устроилъ черезъ Устенку. Вы такой странный!

— Что дѣлать? Когда-нибудь, очень скоро, я вамъ все скажу. Теперь только, ради Бога, устройте чтобъ она пришла къ Устенкѣ.

— Хорошо. Это легко... Что же ты парню бѣлому достанешься Марьянка, а? а не Лукашкѣ, сказалъ Бѣлецкій, для приличія обращаясь сначала къ Марьянкѣ; и не дождавшемуся отвѣта, онъ подошелъ къ Устенкѣ и началъ просить ее привести съ собою Марьянку. Не успѣлъ онъ договорить, какъ зашумѣло заиграла другая пѣсню, и дѣвки потянули другъ дружку. Онѣ пѣли:

Какъ за садомъ за садомъ,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Вдоль улицы въ конецъ.
Онъ во первый разъ иде,
Машетъ правою рукой,
Во другой онъ разъ иде,
Машетъ шляпой пуховой.
А во третій разъ иде
Остывавливается.
Остывавливается, переправливается.
„Я хотѣлъ къ тебѣ пойдти,
Тебѣ милой попѣвать:
Отчего же, моя милая,
Ты не идешь во садъ гулять?
Али ты, моя милая!
Мною чванишься.
Опосая, моя милая,
Успокойшься.
Зашаю сватать,
Буду сватать,
Беру замужъ за себя,
Будешь плакать отъ меня.“
Ужь я знала что сказать,
И не смѣла отвѣчать.
Я не смѣла отвѣчать,
Выходила въ садъ гулять.

Прихожу я въ зеленъ садъ,
 Дружку казнялась.
 „А я, дѣвица, покаюся,
 И платочекъ изъ рукъ твоихъ
 Изволь милая принять,
 Во бѣлыя руки взять.
 Во бѣлыя руки бери,
 Меня дѣвица люби.
 Я не знаю какъ мнѣ быть,
 Чѣмъ мнѣ милую дарить,
 Подарю своей милой,
 Большой шелковой платокъ
 Я за этотъ за платокъ,
 Подѣлаю разъ платокъ.“

Лукашка съ Назаркой, разорвавъ хороводъ, пошли ходить между дѣвками. „Лукашка подтягивалъ рѣзкимъ подголовкомъ, и размахивая руками, ходилъ по серединѣ хоровода. „Что же, выходи какая!“ проговорилъ онъ. Дѣвки толкали Марьянку; она не хотѣла выйдти. Изъ-за пѣсни слышался тонкій смѣхъ, удары, поцѣлуи, шепотъ.

Проходя мимо Оленина, Лукашка ласково кивнулъ ему головой. — Митрій Андреичъ! И ты пришелъ посмотреть? скажешь, онъ.

— Да, рѣшительно и сухо, отвѣчалъ Оленинъ.

Бѣлецкій наклонился на ухо Устенкѣ и сказалъ ей что-то. Она хотѣла отвѣтить, но не умѣла, и проходя во второй разъ сказала:

— Хорошо, придемъ.

— И Марьяна тоже?

Оленинъ нагнулся къ Марьянѣ. — Придешь? Пожалуста, хоть на минуту. Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

— Дѣвки придутъ, и я приду.

— Скажешь мнѣ что я просилъ? спросилъ онъ опять, нагибаясь къ ней. — Ты нынче весела.

Она ужъ уходила отъ него. Онъ пошелъ за ней. — Скажешь?

— Чего сказать?

— Что я третьяго дня спрашивалъ, сказалъ Оленинъ, нагибаясь къ ея уху. — Пойдешь за меня?

Марьяна подумала. — Скажу, отвѣтила она, — нынче скажу.

И въ темнотѣ, глаза ея весело и ласково блеснули на молодого человѣка.

Онъ все шелъ за ней. Ему радостно было наклонитъ ся къ ней поближе.

Но Лукашка, продолжая пѣть, дернулъ ее сильно за руку и вырвалъ изъ хоровода на середину. Оленинъ, успѣвъ только проговорить: „Приходи же къ Устенкѣ“, отошелъ къ своему товарищу. Пѣсня кончилась. Лукашка обтеръ губы, Марьянъ тоже, и они поцѣловались. „Нѣтъ, разъ пятокъ“, говорил Лукашка. Говоръ, смѣхъ, бѣготня, замѣнили плавное движеніе и плавные звуки. Лукашка, который казался уже сильно выпивши, сталъ одѣлать дѣвокъ *закусками*.

— На всѣхъ жертвую, говорилъ онъ съ гордымъ комически-трогательнымъ самодовольствомъ. — А кто къ солдатамъ гулять, выходи изъ хоровода вонъ, прибавилъ онъ вдругъ, злобно глянувъ на Оленина.

Дѣвки хватали у него закуски, и смѣясь, отбивали другъ у друга. Бѣлецкій и Оленинъ отошли къ сторонѣ.

Лукашка, какъ бы стыдясь своей щедрости, снявъ папаху и отирая лобъ рукавомъ, подошелъ къ Марьянкѣ и Устенкѣ.

— *Али ты, моя милая, мною чванишься?* повторилъ онъ слова пѣсни, которую только что пѣли, и обращаясь къ Марьянкѣ:—*мною чванишься?* еще повторилъ онъ сердито.— *Пойдешь замужъ, будешь плакать отъ меня*, прибавилъ онъ, обнимая вѣдствъ Устенку и Марьяну.

Устенка вырвалась, и размахнувшись, ударила его по спинѣ такъ что руку себѣ ушибла.

— Что жь, станете еще водить? спросилъ онъ.

— Какъ дѣвки хотятъ, отвѣчала Устенка, — а я домой пойду, и Марьянка хотѣла къ намъ придти.

Казакъ, продолжая обнимать Марьяну, отвелъ ее отъ толпы къ темному углу дома.

— Не ходи, Машенька, сказалъ онъ,— послѣдній разъ погуляемъ. Иди домой, я къ тебѣ приду.

— Чего мнѣ дома дѣлать? На то праздникъ чтобъ гулять. Къ Устенкѣ пойду, сказала Марьяна.

— Вѣдь все равно, женюсь.

— Ладно, сказала Марьяна,— тамъ видно будетъ.

— Что жь, пойдешь? строго сказалъ Лукашка, и прижавъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ щеку.

— Ну, брось! Что присталъ?—И Марьяна, вырвавшись, отошла отъ него.

— Эхъ, дѣвка!.... Худо будетъ, укоризненно сказалъ Лукашка, остановившись и качая головой. — *Будешь плакать за меня, и отвернувшись отъ нея, крикнулъ на дѣвокъ: —* Ура! что ль!

Марьяну какъ будто испугало и разсердило то что онъ сказалъ. Она остановилась. — Что худо будетъ?

— А то.

— А что?

— А то, что съ постояльцемъ-солдатомъ гуляешь, за то и она разлюбила.

— Захотѣла, разлюбила. Ты мнѣ не отецъ, не мать. Чего хочешь? Кого захочу, того и люблю.

— Такъ, такъ! сказалъ Лукашка:—помни жь!—Онъ подошелъ къ лавкѣ.—Дѣвки! крикнулъ онъ:—что стали? Еще хороводъ играйте. Назарка! бѣги, чихиря неси.

— Что жь, придуть онѣ? спрашивалъ Оленинъ у Бѣлецкаго.

— Сейчасъ придуть, отвѣчалъ Бѣлецкій. — Поидемте, надо приготовить балъ.

XXXVIII.

Ужь поздно ночью, Оленинъ вышелъ изъ хаты Бѣлецкаго, вслѣдъ за Марьяной и Устенкой. Бѣлый платокъ дѣвки бѣлѣлся въ темной улицѣ. Мѣсяцъ, золотясь, спускался къ степи. Серебристый туманъ стоялъ надъ станицей. Все было тихо, огня нигдѣ не было, только слышались шаги удалявшихся женщинъ. Сердце Оленина билось сильно. Разгорѣвшееся лицо освѣжалось на сыромъ воздухѣ. Онъ взглянулъ на небо, оглянулся на хату, изъ которой вышелъ; въ ней потухла свѣча, и онъ снова сталъ всматриваться въ удаляющуюся тѣнь женщинъ. Бѣлый платокъ скрылся въ туманѣ. Ему было страшно оставаться одному; онъ такъ былъ счастливъ! Онъ соскочилъ съ крыльца и побѣжалъ за дѣвками.

— Ну, тебя! Увидить кто! сказала Устенка.

— Ничего!

Оленинъ подбѣжалъ къ Марьянѣ и обнялъ ее. Марьянка не отбивалась.

— Не нацѣловались, сказала Устенка. — Женисься, тогда цѣлуй, а теперь погоди.

— Прощай, Марьяна, завтра я приду къ твоему отцу, самъ скажу. Ты не говори.

— Что мнѣ говорить! отвѣчала Марьяна.

Обѣ дѣвки побѣжали. Оленинъ пошелъ одинъ, вспоминая все что было. Онъ цѣлый вечеръ провелъ съ ней вдвоемъ въ углу, около печки. Устенька ни на минуту не выходила изъ хаты, и возилась съ другими дѣвками и Бѣлецкимъ. Оленинъ шепотомъ говорилъ съ Марьянкой.

— Пойдешь за меня? спрашивалъ онъ ее.

— Обманешь, не возьмешь, отвѣчала она весело и спокойно.

— А любишь ли ты меня? Скажи, ради Бога?

— Отчего же тебя не любить, ты не кривой! отвѣчала Марьяна, смѣясь и сжимая въ своихъ жесткихъ рукахъ его руки.— Какія у тебя руки бѣв-лыя, бѣв-лыя, мягкія, какъ каймакъ, сказала она.

— Я не шучу. Ты скажи, пойдешь ли?

— Отчего же не пойдти, коли батюшка отдастъ?

— Помни жь, я съ ума сойду, ежели ты меня обманешь. Завтра я скажу твоей матери и отцу, сватать приду.

Марьяна вдругъ расхохоталась.

— Что ты?

— Такъ, смѣшно.

— Вѣрно! Я куплю садъ, домъ, запишусь въ казаки....

— Смотри, тогда другихъ бабъ не люби! Я на это сердитая.

Оленинъ съ наслажденіемъ повторялъ въ воображеніи всѣ эти слова. При этихъ воспоминаніяхъ то становилось ему больно, то духъ захватывало отъ счастья. Больно ему было, потому что она все также была спокойна, говоря съ нимъ, какъ и всегда. Ее нисколько, казалось, не волновало это новое положеніе. Она какъ будто не вѣрила ему, и не думала о будущемъ. Ему казалось, что она его любила только въ минуту настоящаго, и что будущаго для нея не было съ нимъ. Счастливъ же онъ былъ потому что всѣ ея слова казались ему правдой, и она соглашалась принадлежать ему. „Да, говорилъ онъ самъ себѣ, только тогда мы пойдемъ другъ друга, когда она вся будетъ моею. Для такой любви нѣтъ словъ, а нужна жизнь, цѣлая жизнь. Завтра все объяснится. Я не могу такъ жить больше, завтра я все скажу ея отцу, Бѣлецкому, всей стаицѣ...“

Лукашка, послѣ двухъ бессонныхъ ночей, такъ много выпилъ на праздникъ, что свалился въ первый разъ съ ногъ, и спалъ у Ямки.

XLIV.

На другой день Оленинъ проснулся раньше обыкновеннаго, и въ первое мгновеніе пробужденія ему пришла мысль о томъ что предстоитъ ему, и онъ съ радостію вспомнилъ ея поцѣлуи, пожатіе жесткихъ рукъ и ея слова: „какія у тебя руки бѣлыя!“ Онъ вскочилъ и хотѣлъ тотчасъ же идти къ хозяйкамъ и просить руки Марьяны. Солнце еще не вставало, и Оленину показалось, что на улицѣ было необыкновенное волненіе: ходили, верхомъ ѣздили и говорили. Онъ накинулъ на себя черкеску и выскочилъ на крыльцо. Хозяйка еще не вставала. Пять человекъ казаковъ ѣхали верхомъ и о чемъ-то шумно разговаривали. Впереди всѣхъ, на своемъ широкомъ кабардинцѣ, ѣхалъ Лукашка. Казаки всѣ говорили, кричали; ничего хорошенько разобрать было нельзя. „Къ верхнему посту выѣзжай!“ кричалъ одинъ. „Сѣдай и догоняй живѣе,“ говорилъ другой. „Съ тѣхъ воротъ ближе выѣзжать.“ „Толкуй тутъ,“ кричалъ Лукашка: „въ среднія ворота ѣхать надо.“ „И то оттуда ближе,“ говорилъ одинъ изъ казаковъ, запыленный и на потной лошади. Лицо у Лукашки было красное, опухшее отъ вчерашней попойки; папача была сдвинута на затылокъ. Онъ кричалъ повелительно, будто былъ начальникъ.

— Что такое? Куда? спросилъ Оленинъ, съ трудомъ обращая на себя вниманіе казаковъ.

— Абрековъ ловить ѣдемъ, засѣли въ бурунахъ. Сейчас ѣдемъ, да все народу мало.

И казаки, продолжая кричать и собираться, проѣхали дальше по улицѣ. Оленину пришло въ голову, что не хорошо будетъ если онъ не поѣдетъ; притомъ онъ думалъ рано вернуться. Онъ одѣлся, зарядилъ пулями ружье, вскочилъ на кое-какъ осѣдланную Ванюшей лошадь и догналъ казаковъ на выѣздѣ изъ станицы. Казаки, спѣшившись, стояли кружкомъ, и наливая чихирю изъ привезеннаго бочонка въ деревянную чашу, подносили другъ другу и молили свою поѣзду. Между ними былъ и молодой франтъ хорунжіи, случайно находившійся въ станицѣ и принявшій начальство надъ собравшимися девятью казаками. Собравшіеся казаки все были радые, и хотя хорунжіи принималъ начальнической видъ, всѣ

слушались только Лукашку. На Оленина казаки не обращали никакого вниманія. И когда всѣ сѣли на лошадей и поѣхали. Оленинъ подѣхалъ къ хорунжему и сталъ распрашивать, о чемъ дѣло, то хорунжій, обыкновенно ласковый, относился к нему съ высоты своего величія. На силу-на-силу Оленин могъ добиться отъ него въ чемъ дѣло. Обѣздъ, посланный для розыска абрековъ, засталъ нѣсколько горцевъ, верстъ восемь отъ станицы, въ бурунахъ. Абреки засѣли въ ямы, стрѣляли и грозили, что не отдадутся живыми. Урядникъ бывший въ обѣздѣ съ двумя казаками, остался тамъ караулить ихъ, и прислалъ одного казака въ станицу звать другихъ на помощь.

Солнце только что начинало подниматься. Верстахъ в трехъ отъ станицы, со всѣхъ сторонъ, открылась степь, и ничего не было видно кромѣ однообразной, печальной, сухой равнины, съ испещреннымъ слѣдами скотины пескомъ, съ поблекшею кое-гдѣ травой, съ низкими камышами въ ложбинахъ, съ рѣдкими чуть проторенными дорожками и съ нагайскими кочевьями, далеко-далеко виднѣвшимся на горизонтѣ. Во всемъ поражало отсутствіе тѣни и суровый тонъ мѣстности. Солнце всходитъ и заходитъ всегда красно въ степи. Когда бываетъ вѣтеръ, то вѣтеръ переноситъ цѣлыя горы песка. Когда тихо, какъ было въ это утро, то тишина, нарушаемая ни движеніемъ, ни звукомъ, особенно поразительна. Въ это утро въ степи было тихо, пасмурно, не смотря на то что солнце поднялось; было какъ-то особенно пустынно и мягко. Воздухъ не шелохнулся; только и слышно было какъ ступали лошади и пофыркивали; да и этотъ звукъ раздавался слабо и тотчасъ же замиралъ.

Казаки ѣхали большею частію молча. Оружіе на казакѣ всегда приложено такъ чтобъ оно не звенѣло и не бречало. Бречащее оружіе — величайшій срамъ для казака. Два казака изъ станицы догнали ихъ по дорогѣ, и перекинулись двумя-тремя словами. Подъ Лукашкой не тоспоткнулась, не то зацѣпилась за траву, и заторопилась лошадь. Это дурная примѣта у казаконъ. Казаки оглянулись и торопливо отвернулись, стараясь не обращать вниманія на это обстоятельство, имѣвшее особенную важность въ настоящую минуту. Лукашка вздернулъ поводья строго нахмурился, стиснулъ зубы и взмахнулъ плетью надъ головой. Добрый кабардинецъ засеменилъ всѣми ногами вдругъ не зная на какую ступить и какъ бы желая на крыльяхъ под

аятся къверху; но Лукашка разъ огрѣлъ его плетью по сытымъ бокамъ, огрѣлъ другой, третій,—и кабардинецъ, оскаливъ зубы и распустивъ хвостъ, фыркая, заходилъ на заднихъ ногахъ, и на нѣсколько шаговъ отдѣлился отъ кучки казаковъ.

— Эхъ, добра лошадь! сказалъ хорунжіи.

Что онъ сказалъ добра лошадь, а не конь, это означало особенную похвалу коню.

— Левъ конь, подтвердилъ одинъ изъ старшихъ казаковъ.

Казаки молча ѣхали, то шагомъ, то рысцою, и только одно это обстоятельство прервало на мгновение тишину и торжественность ихъ движенія.

По всей степи, верстъ на восемь дороги, они встрѣтили живого только одну нагайскую кибитку, которая, будучи поставлена на арбу, медленно двигалась въ верстѣ отъ нихъ. Это былъ Нагаецъ, переѣзжавшій съ своимъ семействомъ съ одного кочевья на другое. Еще встрѣтили они въ одной лощинѣ двухъ оборванныхъ, скуластыхъ нагайскихъ женщинъ, которыя, съ плетушками за спинами, собирали въ нихъ для кизяка навозъ отъ ходившей по степи скотины. Хорунжіи, плохо говорившій по кумыцки, сталъ что-то спрашивать у Нагаецъ; но они не понимали его, и видимо робѣя, переглядывались между собою.

Подъѣхалъ Лукашка, остановилъ лошадь, бойко произнесъ обычное привѣтствіе, и Нагайки видимо обрадовались и заговорили съ нимъ свободно какъ съ своимъ братомъ.

— Ай, ай, конь абрекс! говорили онѣ жалобно, указывая руками по тому направленію, куда ѣхали казаки. Оленинъ понялъ, что онѣ говорили: „много абрековъ“.

Никогда не видавшій подобныхъ дѣлъ, имѣвшій о нихъ понятіе только по разказамъ дяди Ерощки, Оленинъ хотѣлъ не отставать отъ казаковъ и все видѣть. Онъ любовался на казаковъ, приглядывался ко всему, прислушивался, и дѣлалъ свои наблюденія. Хотя онъ и взялъ съ собой шашку и заряженное ружье, но замѣтивъ какъ казаки чуждались его, онъ рѣшился не принимать никакого участія въ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, храбрость его была уже доказана въ отрядѣ, а главное, потому что теперь онъ былъ очень счастливъ.

Вдругъ, вдалекѣ, послышался выстрѣлъ.

Хорунжіи взволновались и стали дѣлать распоряженія какъ казакамъ раздѣлиться и съ какой стороны подъѣзжать. Но казаки, видимо, не обращали никакого вниманія на эти распоряженія, слушали только то что говорилъ Лукашка и смот-

рѣли только на него. Въ лицѣ и фигурѣ. Луки выражалось спокойствіе и торжественность. Онъ велъ проѣздомъ своего кабардинца, за которымъ не поспѣвали шагомъ другія лошади, и щурясь, все вглядывался впередъ.

— Вонъ конный ѣдетъ, сказалъ онъ, сдерживая лошадь и выравниваясь съ другими.

Оленинъ смотрѣлъ во всѣ глаза, но ничего не видѣлъ. Казаки скоро различили двухъ конныхъ, и спокойнымъ шагомъ поѣхали прямо на нихъ.

— Это абреки? спросилъ Оленинъ.

Казаки ничего не отвѣчали на вопросъ, который былъ безсмыслицей на ихъ глазахъ. Абреки были бы дураки, еслибы переправились на эту сторону съ лошадьми.

— Вонъ машетъ батыка Родька никакъ, сказалъ Лукашка, указывая на двухъ конныхъ, которые видѣлись уже ясно.— Вонъ къ намъ поѣхалъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, ясно стало что конные были объѣздные казаки, и урядникъ подѣхалъ къ Лукѣ.

XLV.

— Далече? только спросилъ Лукашка.

Въ это самое время, шагахъ въ тридцати, послышался короткій и сухой выстрѣлъ. Урядникъ слегка улыбнулся.

— Нашъ Гурка въ нихъ палить, сказалъ онъ, указывая головой по направленію выстрѣла.

Проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, они увидали Гурку сидѣвшіаго за песчанымъ бугромъ и заряжавшаго ружье. Гурка отъ скуки перестрѣливался съ абреками, сидѣвшими за другимъ песчанымъ бугромъ. Пулька просвистѣла оттуда. Хоружій былъ блѣденъ и путался. Лукашка слѣзъ съ лошади, кинулъ се казаку и пошелъ къ Гуркѣ. Оленинъ, сдѣлавъ то же самое, и согнувшись, пошелъ за нимъ. Только что они подошли къ стрѣлявшему казаку, какъ двѣ пули просвистѣли надъ ними. Лукашка смѣясь оглянулся на Оленина и пригнулся.

— Еще застрѣлять тебя, Андреичъ, сказалъ онъ.— Ступайка лучше грочъ. Тебѣ тутъ не дѣло.

Но Оленину хотѣлось непременно посмотреть абрековъ. Изъ-за бугра увидалъ онъ, шагахъ въ двухъ стахъ, шапки и ружья. Вдругъ показался дымокъ оттуда, свиснула еще пулька. Абреки сидѣли подъ горой въ болотѣ. Оленина поразило мѣсто, въ которомъ они сидѣли. Мѣсто было такое же какъ

и вся степь, но тѣмъ что абреки сидѣли въ этомъ мѣстѣ, оно какъ будто вдругъ отдѣлилось отъ всего остального и ознаменовалось чѣмъ-то. Оно ему показалось даже именно тѣмъ самымъ мѣстомъ, въ которомъ должны были сидѣть абреки. Лукашка вернулся къ лошади, и Оленинъ пошелъ за нимъ.

— Надо арбу взять съ сѣномъ, сказалъ Лука:— а то перебыютъ. Вонъ за бугромъ стоитъ нагайская арба съ сѣномъ.

Хорунжій выслушалъ его, и урядникъ согласился. Возъ сѣна былъ привезенъ, и казаки, укрываясь имъ, принялись выдвигать на себѣ сѣно. Оленинъ взвѣхалъ на бугоръ, съ котораго ему было все видно. Возъ сѣна двигался; казаки жались за нимъ. Казаки двигались; Чеченцы,—ихъ было девять человекъ,—сидѣли рядомъ, колѣно съ колѣномъ, и нестрѣляли.

Все было тихо. Вдругъ, со стороны Чеченцевъ, раздались странные звуки заунывной пѣсни, похожей на ай-да-ла-лай дяди Ерощки. Чеченцы знали, что имъ не уйти, и чтобъ избавиться отъ искушенія сѣжать, они связались ремнями, колѣно съ колѣномъ, приготовили ружья и заплѣли предсмертную пѣсню.

Казаки съ возомъ сѣна подходили все ближе и ближе, и Оленинъ ежеминутно ждалъ выстрѣловъ; но тишина нарушалась только заунывною пѣснью абрековъ. Вдругъ пѣсня прекратилась, раздался короткій выстрѣлъ, пулька шлепнула о рядку телѣги, слышались чеченскія ругательства и взвизги. Выстрѣлъ раздавался за выстрѣломъ, и пулька за пулькой шлепала по возу. Казаки не стрѣляли и были не дальше пяти шаговъ.

Прошло еще мгновенье, и казаки съ гикомъ выскочили съ обѣихъ сторонъ воза. Лукашка былъ впереди. Оленинъ слышалъ лишь нѣсколько выстрѣловъ, крикъ и стонъ. Онъ видѣлъ дымъ и кровь, какъ ему показалось. Бросивъ лошадь и не помня себя, онъ подбѣжалъ къ казакамъ. Ужасъ застлалъ ему глаза. Онъ ничего не разобралъ, но понялъ только, что все кончилось. Лукашка, блѣдный какъ платокъ, держалъ за руки раненаго Чеченца, и кричалъ: „Не бей его! Живаго возьму!“ Чеченецъ былъ тотъ самый красный, братъ убитаго абрека, который прїѣзжалъ за тѣломъ. Лукашка крутилъ ему руки. Вдругъ Чеченецъ вырвался, и выстрѣлилъ изъ пистолета. Лукашка упалъ. На животѣ у него показалась кровь. Онъ вскочилъ, но опять упалъ, ругаясь по-русски и по-татарски.

Крови на немъ и подъ нимъ становилось больше и больше. Казаки подошли къ нему, и стали распоясывать. Одинъ изъ нихъ, Назарка, прежде чѣмъ взяться за него, долго не могъ вложить шашку въ ножны, попадая не тою стороною. Лезвее шашки было въ крови.

Чеченцы, рыжіе, съ стриженными усами, лежали убитые и изрубленные. Одинъ только, знакомый, весь израненный, тотъ самый, который выстрѣлилъ въ Лукашку, былъ живъ. Онъ, точно подстрѣленный ястребъ, весь въ крови (изъ-подъ праваго глаза текла у него кровь), стиснувъ зубы, блѣдный и мрачный, раздраженными огромными глазами, озираясь во всѣ стороны, сидѣлъ на корточкахъ и держалъ кинжалъ, готовясь еще защищаться. Хорунжіи подошли къ нему, и бокомъ, какъ будто обходя его, быстрымъ движеніемъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ухо. Чеченецъ рванулся, но не успѣлъ и упалъ.

Казаки, запыхавшись, растаскивали убитыхъ и снимали съ нихъ оружіе. Каждый изъ этихъ рыжихъ Чеченцевъ былъ человекъ, у каждаго было свое особенное выраженіе. Лукашку понесли къ арбѣ. Онъ все бранился по-русски и по-татарски. „Врешь руками задушу! Отъ моихъ рукъ не уйдешь! *Ана сени!*“ кричалъ онъ порываясь. Скоро онъ замолкъ отъ слабости.

Оленинъ уѣхалъ домой. Вечеромъ ему сказали, что Лукашка при смерти, но что Татаринъ изъ-за рѣки взялся лѣчить его травami.

Тѣла стаскали къ станичному правленію. Бабы и мальчишки толпились смотрѣть на нихъ.

Оленинъ вернулся сумерками, и долго не могъ опомниться отъ всего что видѣлъ; но къ ночи опять нахлынули на него вчерашнія воспоминанія; онъ выглянулъ въ окно: Марьяна ходила изъ дома въ клѣтъ, убираясь похозяйству. Мать ушла на виноградъ. Отецъ былъ въ правленіи. Оленинъ не дождался, пока она совсѣмъ убралась, и пошелъ къ ней. Она была въ хатѣ и стояла спиной къ нему. Оленинъ думалъ, что она стыдится.

— Марьяна! сказалъ онъ:—а, Марьяна! Можно войти къ тебѣ?

Вдругъ она обернулась. На глазахъ ея были чуть замѣтныя слезы. На лицѣ была красивая печаль. Она посмотрѣла молча и величаво.

Оленинъ повторилъ:—Марьяна! я пришелъ...

— Оставь, сказала она. Лицо ея не измѣнилось, но слезы полились у ней изъ глазъ.

— О чемъ ты? Что ты?

— Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ. — Какаковъ перебили, вотъ что.

— Лукашку? сказалъ Оленинъ.

— Уйди, чего тебѣ надо.

— Марьяна! сказалъ Оленинъ подходя къ ней.

— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

— Марьяна не говори, умолялъ Оленинъ.

— Уйди постылый! крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться, что онъ прежде думалъ о неприступности этой женщины была несомнѣнная правда.

Оленинъ ничего не сказалъ ей, и выбѣжалъ изъ хаты.

XLVI.

Вернувшись домой, онъ часа два неподвижно лежалъ на постели, потомъ отправился къ ротному командиру, и отпросился въ штабъ. Не простившись ни съ кѣмъ, и черезъ Ванюшку расплатившись съ хозяевами, онъ собрался ѣхать въ крѣпость, гдѣ стоялъ полкъ. Одинъ дядя Ерощка провожалъ его. Они выпили, еще выпили, и еще выпили. Такъ же какъ во время его проводовъ изъ Москвы, ямская тройка стояла у подъезда. Но Оленинъ уже не считался, какъ тогда, самъ съ собою и не говорилъ себѣ, что все что онъ думалъ и дѣлалъ здѣсь было *не то*. Онъ уже не обѣщалъ себѣ новой жизни. Онъ любилъ Марьянку больше чѣмъ прежде, и зналъ теперь, что никогда не можетъ быть любимъ ею.

— Ну прощай, отецъ мой, говорилъ дядя Ерощка. — Поидешь въ походъ, будь умнѣй, меня старика послушай. Когда придется въ набѣгъ или гдѣ (вѣдь я старый волкъ, всего видѣлъ), да коли стрѣляютъ, ты въ кучу не ходи, гдѣ народу много. А то все, какъ вашъ братъ оробѣетъ, такъ къ народу и жметса, думаетъ веселѣй въ народѣ. А тутъ хуже всего: по народу-то и цѣлать. Я все бывало отъ народа подальше, одинъ и хожу; вотъ ни разу меня и не ранили. А чего не видать на своемъ вѣку?

— А въ сплнѣ-то у тебя пуля сидитъ, сказалъ Ванюша, убиравшійся въ комнатъ.

— Это казаки баловались, отвѣчалъ Ерощка.

— Какъ казаки? спросилъ Оленинъ.

— Да такъ! Пили. Ванька Ситкинъ казакъ былъ, разгулялся, да какъ бацнетъ прямо мнѣ въ это мѣсто изъ пистолета, угодилъ.

— Чтожь, больно было? спросилъ Оленинъ.—Ванюша, скоро ли? прибавилъ онъ.

— Эхъ! Куда спѣшишь! Дай разкажу... Да какъ треснулъ } онъ
меня, пуля кость-то не пробила, тутъ и осталась. Я и говорю:
ты вѣдь меня убилъ, братецъ мой. А? Чтò ты со мной сдѣлалъ?
Я съ тобой такъ не разстанусь. Ты мнѣ ведро поставишь.

— Чтò жь больно было? опять спросилъ Оленинъ, почти не слушая разказа.

— Дай докажу. Ведро поставилъ. Выпили. А кровь все льетъ. Всю избу прилилъ кровью-то. Дѣдука Бурлакъ и говоритъ: „Вѣдь малый-то издохнетъ. Давай еще штофъ сладкой, а то мы тебя засудимъ.“ Притащили еще. Дули, дули...

— Да чтожь больно ли было тебѣ? опять спросилъ Оленинъ.

— Какое больно! Не перебивай, не люблю. Дай докажу. Дули, дули, гуляли до утра, такъ и заснулъ на печи, пьяный. Утромъ проснулся, не разогнешься никакъ.

— Очень больно было? повторилъ Оленинъ, полагая, что теперь онъ добился наконецъ отвѣта на свой вопросъ.

— Развѣ я тебѣ говорю, что больно! Не больно, а разогнуть-ся нельзя, ходить не давало.

— Ну и зажило? сказалъ Оленинъ, даже не смѣясь: такъ ему было тяжело на сердцѣ.

— Зажило, да пулька все тутъ. Вотъ пощупай.

И онъ, заворотивъ рубаху, показалъ свою здоровенную спину, на которой около кости каталась пулька.

— Вишь ты, такъ и катается, говорилъ онъ, видимо утѣшаясь этою пулкой какъ игрушкой.—Вотъ къ заду перекатилась.

— Что, будетъ ли живъ Лукашка? спросилъ Оленинъ.

— А Богъ его знаетъ! Дохтура нѣтъ. Поѣхали.

— Откуда же привезутъ, изъ Грозной? спросилъ Оленинъ.

— Нѣ, отецъ мой, вашихъ-то русскихъ, я бы давно перевѣшалъ кабы царь былъ. Только рѣзать и умѣютъ. Такъ-то нашего казака Баклашева не человѣкомъ сдѣлали, ногу отрѣзали. Стало, дураки. На чтò теперь Баклашевъ годится? Нѣтъ, отецъ мой, въ горахъ дохтура есть настоящіе. Такъ-то Горчика, *яню* моего, въ походѣ ранили въ это мѣсто въ грудь, такъ дохтура ваши отказались, а изъ горъ пріѣхалъ Саубъ, вылѣчилъ. Травы, отецъ мой, знаютъ.

— Ну, помяо вздоръ говорить, сказала Оленинъ.—Я лучше изъ штаба лѣкаря пришаю.

— Вздоръ! передразнилъ старикъ.—Дуракъ, дуракъ! Вздоръ! Лѣкаря пришаю! Да кабы ваши лѣчили, такъ казаки да Чеченцы къ вамъ бы лѣчиться ѣздили, а то ваши офицеры, да докторники изъ горъ дохтуровъ выписываютъ. У васъ фальшь, одна все фальшь.

Оленинъ не сталъ отвѣчать. Онъ слишкомъ былъ согласенъ, что все было фальшь въ томъ мѣрѣ, въ которомъ онъ жилъ и въ который возвращался.

— Что жь Лукашка? Ты былъ у него? спросилъ онъ.

— Да лежитъ какъ мертвый. Ни ѣсть, ни пьеть, только водку и принимаетъ душа. Ну, водку пьеть, ничего. А то жаль малго. Хорошъ малый былъ, джигить какъ я. Такъ-то я умиралъ разъ: ужь выли, старухи, выли. Жаръ въ головѣ стоялъ. Подъ святые меня сперли. Такъ-то лежу, а надо мной на печкѣ все такіе, вотъ такіе маленькіе барабанчики все, да такъ-то отжариваютъ зорю. Крикну на нихъ, они еще пуще отдираютъ. (Старикъ засмѣялся.) Привели ко мнѣ блѣбы уставщика, хоронить меня хотѣли, бають: онъ *мирчился*, съ бабами гулялъ, души губилъ, скоромился, въ балаалайку игралъ. Покайся, говорятъ. Я и сталъ каяться. Грѣшенъ, говорю. Чтò ни скажетъ пошь, а я говорю все грѣшенъ. Онъ про балаалайку спрашивать и сталъ. И въ томъ грѣшенъ, говорю. Гдѣ жь она проклятая, говоритъ, у тебя, ты покажь, да ее разбей. А я говорю, у меня и нѣтъ ее. А самъ ее въ *избушкѣ* въ сѣтъ запряталъ; знаю, что не найдуть. Такъ и бросили меня. Такъ отдохъ же. Какъ пошелъ въ балаалайку чесать... Такъ чтò биль я говорилъ, продолжалъ онъ,—ты меня слушай, отъ народа-то подальше ходи, а то такъ дурно убьютъ. Я тебя жалю, право. Ты пьяница, я тебя люблю. А то ваша братья все на бугры ѣздить любятъ. Такъ-то у насъ одинъ жилъ, изъ Россіи пріѣхалъ, все на бугоръ ѣздилъ, какъ-то чудно *холколъ* бугоръ называлъ. Какъ завидитъ бугорокъ, такъ и поскачетъ. Поскакалъ такъ-то разъ. Выскакалъ и радъ. А Чеченецъ его стрѣлилъ, да и убилъ. Эхъ, ловко съ подсошекъ стрѣляютъ Чеченцы! Ловчѣй меня есть. Не люблю какъ такъ дурно убьютъ. Смотрю я бывало на солдатъ на вашихъ, дивлюся. То-то глупости! Идутъ сердечные всѣ въ кучѣ, да еще красные воротники нашьютъ. Тутъ какъ не попасть! Убьютъ одного, упадетъ, поволокутъ сердечнаго, другой пойдетъ. То-то глупость! повторилъ старикъ, покачивая головой.—Чтобы

въ стороны разойдтись, да по одному. Такъ честно и иди. Вѣдь онъ тебя не узнаеть. Такъ-то ты дѣлай.

— Ну, спасибо! Прощай, дядя! Богъ дастъ, увидимся, сказалъ Оленинъ, вставая и направляясь къ сѣнямъ.

Старикъ сидѣлъ на полу и не вставалъ.

— Такъ развѣ прощуются, дуракъ! дуракъ! заговорилъ онъ. — Эхъ-ма, какой народъ сталъ! Компанію водили, водили годъ цѣлый: прощай, да и ушелъ. Вѣдь я тебя люблю, я тебя какъ жалю! Такой ты горькій, все одинъ, все одинъ. *Нелюбимый* ты какой-то! Другой разъ, не сплю, подумаю о тебѣ, такъ-то жалю. Какъ пѣсня поется:

„Мудреко, родимый братецъ,
На чужой сторонѣ жить!“

Такъ-то и ты.

— Ну, прощай, сказалъ опять Оленинъ.

Старикъ всталъ и подалъ ему руку; онъ пожалъ ее и хотѣлъ ити.

— Мурло-то, мурло-то давай сюда.

Старикъ взялъ его обѣими толстыми руками за голову, поцѣловалъ три раза мокрыми усами и губами, и заплакалъ.

— Я тебя люблю, прощай!

Оленинъ сѣлъ въ телѣгу.

— Что жъ, такъ и увѣжаешь! Хоть подари чтò на память, отецъ мой. Флишту-то подари. Куды тебѣ двѣ, говорилъ старикъ, всхлипывая отъ искреннихъ слезъ.

Оленинъ досталъ ружье и отдалъ ему.

— Чтò передавали этому старику, ворчалъ Ванюша:— все мало! Попрошайка старый. Все необстоятельный народъ, проговорилъ онъ, увертываясь въ пальто и усаживаясь на передкѣ.

— Молчи, швинья! крикнулъ старикъ, смѣясь. — Вишь, скупой!

Марьяна вышла изъ кѣтки, равнодушно взглянула на тройку, и поклонившись, прошла въ хату.

— *Ла филь!* сказалъ Ванюша, подмигнувъ и глупо захотавъ.

— Пошелъ! сердито крикнулъ Оленинъ.

— Прощай, отецъ! Прощай, буду помнить тебя, кричалъ Еротка.

Оленинъ оглянулся. Дядя Еротка разговаривалъ съ Марьянкой, видимо, о своихъ дѣлахъ, и ни старикъ, ни дѣвка не смотрѣли на него.

Графъ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

О НѢКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ ДЕНЕЖНАГО ОБРАЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРОМЫШЛЕННОСТЮ, ТОРГОВЛЕЮ И
КРЕДИТОМЪ.

Ниже будутъ изложены нѣкоторыя наблюденія сдѣланныя нами въ 1862 году относительно нашего *денежнаго обращенія* и тѣ общіе выводы, которые, по нашему убѣжденію, могутъ быть сдѣланы на основаніи этихъ наблюденій. При этомъ мы должны будемъ коснуться нашихъ коммерческихъ, промышленныхъ и кредитныхъ обстоятельствъ, на сколько они находятся въ непосредственной связи съ главнымъ предметомъ этихъ изслѣдованій и насколько позволяютъ собранныя нами свѣдѣнія. Наши наблюденія преимущественно сосредоточены въ области украинскаго армарочнаго торгова, то-есть въ губерніяхъ: Курской, Харьковской и Полтавской¹, и отчасти также въ Москвѣ, какъ центрѣ мануфактурной и коммерческой дѣятельности сѣверной, промышленной полосы Россіи, и центрѣ внутренняго денежнаго и кредитнаго обращенія. Такимъ образомъ, сообщаемъ

¹ Въ особенности изъ армарокъ: Коренной (близъ Курска), въ первой половинѣ іюля; Ильинской (въ Полтавѣ), во второй половинѣ іюля; и Успенской (въ Харьковѣ), во второй половинѣ августа.

мы нами свѣдѣнія преимущественно почерпнуты изъ того коммерческаго движенія, которое, отправляясь изъ сѣверной мануфактурной полосы, охватываетъ всю нашу Украину. Это обстоятельство не можетъ однако, по нашему мнѣнiю, придать какой-либо совершенно исключительный характеръ описываемымъ нами явленiямъ, и не препятствуетъ сдѣлать нѣкоторые общiе выводы по вопросамъ денежнаго обращенiя и народнаго хозяйства. Ибо, *вопервыхъ*, область нашихъ наблюденiй уже сама по себѣ, по своему пространству, весьма обширна, и то коммерческое движенiе, посреди котораго мы находились, состоящее въ размѣнѣ между нашею сѣверною, мануфактурною полосой и южною, земледѣльческою, едва ли не главная отрасль нашей внутренней торговли. *Восторыхъ*, мануфактурная производительность сѣверной полосы непосредственно зависитъ отъ украинскаго рынка ², и этотъ рынокъ преимущественно обуславливаетъ собою направление капиталовъ и народнаго труда во всемъ нашемъ отечествѣ. *Втретьихъ*, украинскiй рынокъ находится въ тѣсной связи съ нашею иностранною торговлею на юго-западной, южной и отчасти юго-восточной границахъ. *Вчетвертыхъ*, свѣдѣнiя наши, хотя и *преимущественно*, однако *неисключительно*, собраны въ этой области; мы старались пользоваться свѣдѣнiями собранными другими въ другихъ мѣстностяхъ Россiи. Наконецъ, *пятыхъ*, мы не думаемъ, чтобы тѣ общiе факты, которые главнымъ образомъ положены въ основанiе настоящаго труда, могли имѣть направление кореннымъ образомъ различное въ разныхъ областяхъ Россiи. Извѣстiя, печатно и изъ другихъ источниковъ доходящiя до насъ изъ разныхъ краевъ Россiи, подкрѣпляютъ это наше убѣжденiе. Во всякомъ случаѣ, мы постоянно имѣли въ виду извѣстные намъ факты, собранные другими наблюдателями, тѣмъ болѣе когда они не согласовались съ нашими собственными наблюденiями ¹. Впрочемъ, сообщаемыя нами

¹ Этотъ рынокъ обнимаетъ собою главнымъ образомъ губернiи: Курскую, Черниговскую, Воронежскую, Полтавскую, Екатеринославскую и Харьковскую. Харьковъ—главный центръ этого рынка.

² Когда въ нашемъ изложенiи мы не будемъ называть мѣстность, къ которой относится сообщаемые факты, то при этомъ должно разумѣть выше нами обозначенную украинскую область. Гдѣ мы не будемъ обозначать источниковъ нашихъ свѣдѣнiй, тамъ, значитъ, они почерпнуты изъ собственныхъ нашихъ наблюденiй

сдѣлія могутъ быть пополняемы и опровергаемы свѣдѣніями изъ другихъ мѣстностей Россіи, нами не посѣдѣнныхъ, чего мы отъ всей души желаемъ, нисколько не считая непогрѣшимыми и собственныя наши наблюденія.

Во всемъ нашемъ изложеніи мы будемъ постоянно стараться идти отъ фактовъ къ общимъ выводамъ, чтобы, по возможности безъ всякой предвзятой мысли, провѣрить всемірныя истины науки нашимъ домашнимъ опытомъ. Но сообщая факты, мы должны будемъ безпрестанно входить въ разсужденія, и даже весьма пространныя; безъ нихъ, факты сами по себѣ не имѣли бы никакого смысла на почвѣ такой науки какъ экономическая. Въмѣстѣ съ тѣмъ, порядокъ изложенія и чрезвычайная сложность всѣхъ явленій относящихся къ денежному обращенію заставляютъ насъ разсмотрѣть отдѣльно разныя его стороны, и сосредоточить около каждой изъ нихъ особую категорію фактовъ и выводовъ. Мы могли это сдѣлать, потому что каждое изъ разныхъ ненормальныхъ условій денежной системы, дѣйствительно, влечетъ за собою преимущественно извѣстный рядъ болѣзненныхъ явленій въ народномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ мы разсмотримъ отдѣльно послѣдствія: 1) неразмѣнности кредитныхъ билетовъ и насильственнаго ихъ курса; 2) излишества ихъ въ народномъ обращеніи; и 3) самой цѣли выпуска ихъ въ обращеніе, то-есть для покрытія государственныхъ расходовъ.

Разсмотрѣніе этихъ трехъ недостатковъ нашего денежнаго обращенія дастъ намъ возможность ближе вникнуть въ послѣдствія различныхъ государственныхъ мѣръ принятыхъ къ ихъ отвращенію: 1) открытія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету въ государственномъ банкѣ; 2) прекращенія самаго выпуска ихъ иначе какъ въ обивъ на золото и серебро; и 3) выпуска кредитныхъ билетовъ въ обращеніе черезъ посредство государственнаго банка. Соотвѣтственно такому раздѣленію нашего изслѣдованія на три части, безпроцентныя кредитныя бумаги будутъ постепенно разсматриваемы въ троякомъ ихъ значеніи: 1) какъ узаконенная государственная монета; 2) какъ представитель цѣнности и орудіе оборота; и 3) какъ кредитная бумага. Хотя, вслѣдствіе принятаго нами раздѣленія, у насъ составились

три особыя группы явленій, а также и вопросовъ преимущественно относящихся къ каждой изъ трехъ сторонъ нежнаго обращенія; однако, само собою разумѣется, эти явленія и вопросы находятся въ самой тѣсной между собою зависимости, и всѣ вмѣстѣ взятыя составляютъ одно явленіе жизни и одинъ вопросъ. Отрѣшая по необходимости одни отношенія этого явленія отъ другихъ, чтобы потеряться въ безграничной сложности этихъ отношеній мы должны будемъ, въ заключеніе, связать всѣ наши отдѣльныя изысканія въ одно цѣлое. Но это цѣлое можетъ получить для насъ смыслъ только по разсмотрѣніи каждой его части порознь.

I. Колебанія денежной единицы и открытіе разнѣна кредитныхъ билетовъ.

Въ 1858 году ¹ правительство вріостановило во всѣхъ казначействахъ установленный закономъ разнѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, по нарицательной ихъ цѣнѣ. Съ этого времени до 1-го мая 1862 г. разнѣнъ не былъ открываемъ, и кредитные билеты пользовались у насъ, что называется, *насилъственнымъ* курсомъ, то-есть несмотря на неразнѣнность ихъ, они, какъ государственная монета, продолжали имѣть по закону хожденіе наравнѣ съ звонкою монетою, и приемъ ихъ по платежамъ какъ въ казну, такъ и между частными лицами, по нарицательной цѣнѣ, былъ обязателенъ ².

¹ Этимъ годомъ обозначается большею частию прекращеніе разнѣна во всѣхъ печатныхъ источникахъ и между прочимъ во всеподданнѣйшей запискѣ г. министра финансовъ, 2 ноября 1862 г. Сколько намъ извѣстно, не было принято никакой общей по этому предмету мѣры, а были рядъ разновременныхъ административныхъ, совѣсныхъ, распоряженій, которыми разнѣнъ былъ мѣсколько разъ, начиная съ восточной войны, то суживаемъ, то расширяемъ, и совершенно прекращемъ въ 1857 г. По нашимъ изысканіямъ, относительно начала лажа и спекуляціи на звонкую монету, изложеннымъ ниже, совершенное прекращеніе разнѣна должно отнести къ снвному началу 1857 г., до котораго не было у насъ вовсе лажа.

² Мы означемъ *насилъственный* курсъ бумажныхъ денегъ отъ обязательнаго, или узаконеннаго; первый есть соединеніе втораго съ неразнѣнностью.

Высочайшимъ указомъ 25 апрѣля 1862 г. принята мѣра первостепенной важности относительно нашего денежнаго обращенія: открыть размѣнъ кредитныхъ билетовъ въ государственномъ банкѣ на золото и серебро по курсу объявленному съ 1-го мая: 570 к. за полуимперіалъ и 110¹/₂ к. за цѣковый, а съ 1 августа по 560 к. за полуимперіалъ и по 108 к. за цѣковый. Важность этой мѣры, съ точки зрѣнія теоріи денежнаго обращенія, была очевидна; ибо для каждаго, сколько-нибудь знакомаго съ условіями нормальной денежной системы, было несомнѣнно, что свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ въ государственномъ банкѣ, хотя бы по курсу ниже нарицательной ихъ цѣвы относительно звонкой монеты, долженъ совершенно измѣнить характеръ народнаго денежнаго обращенія, никакъ не подчиняющагося строгости насильственнаго курса какой-нибудь монеты.

Во всей Европѣ, гдѣ уже начинали зорко слѣдить за погрѣшеніями въ нашемъ денежномъ обращеніи и громко возмущать недостатки нашей денежной системы, — мѣра эта была оцѣнена по всей справедливости, и главные органы финансовой литературы тотчасъ взвѣсили важныя послѣдствія ея для нашего государственнаго кредита и народнаго хозяйства. Но что можно было предвидѣть въ теоріи, то любопытно было прослѣдить въ самой дѣйствительности, тѣмъ болѣе что теорія можетъ достигнуть только общій характеръ явленія, а всѣ его частности и видоизмѣненія зависятъ отъ безчисленныхъ обстоятельствъ мѣста и времени, и ихъ можно узнать только изъ опыта.

Когда мы въ разныхъ посѣщеныхъ нами мѣстахъ начинали спрашивать: *какія замѣчаются въ нашемъ денежномъ обращеніи послѣдствія открытагося размѣна?* — то мы получали отъ всѣхъ, даже отъ прямыхъ участниковъ нашихъ торговыхъ оборотовъ и ежечасныхъ свидѣтелей разныхъ денежныхъ операцій, неизмѣнный отвѣтъ: *никакихъ послѣдствій*. За этимъ отвѣтомъ тотчасъ слѣдовали жалобы на застои въ торговлѣ, безденежье и исчезновеніе звонкой монеты, неизмѣнно повторяющіяся на всѣхъ концахъ Россіи въ послѣднее время. Тщетно было обращаться съ нашимъ вопросомъ къ прямымъ участникамъ самаго дѣла, то-есть къ *торговцамъ деньгами*, къ такъ-называемымъ

мѣняламъ и столешиникамъ ¹; безмолвіе посаѣднихъ можетъ на первыхъ порахъ привести въ уныніе самаго неутомимаго изсаѣдователя, а уклончивые и иной разъ до наглости лукавые отвѣты могутъ отнять охоту отъ продоженія усилій, начатыхъ съ самою добросовѣстною цѣлю ².

¹ *Столешиниками* называютъ въ Украйнѣ мѣняль, которые торгуютъ монетою за столиками, большею частію на площадяхъ. Названіе: *мѣняло*, совершенно неизвѣстно въ Украйнѣ, начиная съ Курской губерніи.

² На вопросъ сдѣланный нами одному мѣняль (къ столу котораго мы подошли безъ всякаго предварительнаго съ нимъ знакомства) на Коренной ярмаркѣ: почему полумперіалы понизились въ цѣнѣ, и между прочимъ весьма быстро, въ теченіи двухъ дней, передъ концомъ ярмарки?—онъ отвѣчалъ: потому что ихъ очень мало въ продажѣ. Не смотря на всѣ наши убѣжденія, что товаръ никогда не можетъ упасть въ цѣнѣ вслѣдствіе уменьшенія количества его у продавцовъ, и что послѣднее обстоятельство напротивъ производитъ обыкновенно вздорожаніе товара, нашъ собесѣдникъ упорно стоялъ на своемъ и доказывалъ намъ., что полумперіаловъ осталось у мѣняль такъ мало къ концу ярмарки, что они спускали ихъ, по какой бы то ни было цѣнѣ. Этотъ случай можетъ послужить примѣромъ какъ бесполезно у насъ собраніе свидѣній подобнымъ способомъ, то-есть чрезъ прямые и открытые распросы, безъ всякаго предварительнаго знакомства съ лицами, отъ которыхъ желаешь получить какія-нибудь свидѣнія. А между тѣмъ большая часть нашихъ официальныхъ статистическихъ свидѣній сходна съ приведеннымъ выше отвѣтомъ мѣнялы. У насъ невозможно производить изсаѣдованіе общественныхъ вопросовъ простымъ обращеніемъ изсаѣдователя ко всѣмъ прикосновеннымъ къ вопросу лицамъ, подобно тому какъ это дѣлается въ другихъ странахъ, гдѣ заинтересованныя лица свыклись съ публичными изсаѣдованіями и знаютъ пользу, которую они приносятъ разрѣшенію государственныхъ и ученыхъ вопросовъ. У насъ еще незнакомы изсаѣдованія возбуждаемыя единственно интересомъ дѣла и направляемыя единственно къ раскрытію истины, со всѣхъ ея сторонъ, а не къ полученію нужныхъ отвѣтовъ и къ достиженію тѣхъ или другихъ личныхъ цѣлей. Поэтому всякаго рода изысканія въ кругу нашихъ общественныхъ вопросовъ приходится производить домашнимъ порядкомъ, чрезъ личные связи, знакомства и взаимныя частныя одоженія, приходится трудиться на удачу, и долго охотиться за какою-нибудь случайною находкой. Этотъ способъ, единственно возможный у насъ, требуетъ чрезвычайнаго много времени для каждаго изысканія. Впрочемъ, замѣтимъ здѣсь кѣтому, наши торговцы деньгами, или мѣнялы, самые неподатливые на распросы люди, и мы немногаго бы добились, еслибъ обстоятельства не свели насъ съ коммерческими людьми, оказавшими самую искреннюю готовность содѣйствовать нашимъ занятіямъ. Многія особенности нашего быта и самаго характера нашихъ торговцевъ деньгами, а также и предрасудки относительно этого промысла, существующіе не только у насъ, но отчасти и вездѣ,—околожили этотъ

При этихъ неудачныхъ попыткахъ добиться толку, при этихъ отрицательныхъ отвѣтахъ, безмолвіи и поаѣтшемъ равнодушіи людей прямо заинтересованныхъ въ событіи, — можно было подумать, что это событіе исчезло безъ слѣда посреди совершенно иныхъ заботъ нашего практическаго міра, и что не понимая живыхъ интересовъ дѣйствительности, чуждые ей въ нашихъ отвлеченныхъ умствованіяхъ, мы преувеличивали важность событія. Но не разединеніе теоріи съ практикой, даже не упорство въ безмолвіи и не равнодушныя общественной среды были причиною того, что вопросъ нашъ оставался безъ отвѣта. Дальнѣйшія наши усилія къ той же цѣли, но иначе направленные, были болѣе успѣшны. Дѣло въ томъ, что общій вопросъ нужно было раздѣлить на нѣсколько частныхъ вопросовъ и затѣмъ не только спрашивать, но и самому наблюдать тѣ факты, въ которыхъ должны были проявиться послѣдствія занимавшаго насъ случая. Иначе и быть не можетъ. Общій вопросъ имѣетъ значеніе только для мыслителя, а не для человѣка практически въ немъ заинтересованнаго, который большею частію чувствуетъ и знаетъ только частные случаи вопроса, а не общую его формулу. Это въ особенности относится къ нашему коммерческому міру, который вообще слишкомъ чуждъ сознательнаго анализа экономическихъ вопросовъ, да и весьма недоувѣрчивъ къ людямъ являющимся съ разспросами. Вслѣдствіе многихъ особенностей нашего народнаго воспитанія, наши практическія сферы, если заражаются идеями, то гораздо легче идеями *непрактическими* чѣмъ практическими. Но не говоря уже о свойствахъ общественной среды, самыя свойства предмета подобнаго денежному обращенію

промыселъ и занимающихся имъ людей какимъ-то особеннымъ сумракомъ и таинственностью. Для обоюдной пользы какъ этихъ, людей такъ и публики, желательно чтобъ исчезъ тотъ странный предразсудокъ въ понятіяхъ общества, по которому торговля монетою какъ будто заключаетъ въ себѣ что-то нравственно отличное отъ всякаго другаго промысла, и непремѣнно сопряжена съ плутнями. Къ сожалѣнію, сами торговцы деньгами окружаютъ свои занятія такою таинственностью, что заставляютъ публику дѣлать на этотъ счетъ всякаго рода предположенія. Но эта таинственность отчасти и вынуждена вслѣдствіе разныхъ административныхъ преслѣдованій, не рѣдко случающихся у насъ, противъ торговли деньгами.

не таковы, чтобы можно было ожидать прямого и замѣтельнаго отвѣта. Явленія денежнаго обращенія примѣшиваются ко всѣмъ фактовъ промышленной жизни, но не составляютъ какихъ-либо отдѣльныхъ спеціальныхъ фактовъ, и потому за причины и движущія силы денежныхъ явленій всегда легко могутъ быть приняты причины и силы совершенно другихъ явленій. Такъ цѣны столько же зависятъ отъ условій денежнаго обращенія, какъ и отъ всѣхъ условій производства, торговли и кредита. Поэтому, когда монета бываетъ даже главною причиною какихъ-либо измѣненій въ цѣнахъ, практическіе люди гораздо болѣе расположены искать этой причины въ самомъ товарѣ, который находится въ ихъ рукахъ, котораго свойства имъ извѣстны, нежели въ деньгахъ, которыхъ свойства и законы имъ совершенно невѣдомы. Недуги денежнаго обращенія такъ же трудно сознаются самими людьми страдающими отъ этого недуга, какъ трудно убѣждается человекъ, неожиданно получившій въ свое распоряженіе массу бумажныхъ денегъ, что эта масса не только не обогатитъ, но окончателно раззоритъ его. Поэтому приговоръ, не рѣдко произносимый въ разныхъ слояхъ публики, что никакихъ послѣдствій операціи размѣна у насъ *не оказывается*, не долженъ никого вводить въ заблужденіе.

Послѣ этихъ замѣчаній, излишнихъ какъ намъ кажется, мы возвратимся къ нашему предмету и сообщимъ наши наблюденія сперва относительно явленій предшествовавшихъ размѣну, а потомъ относительно явленій послѣдовавшихъ за этою мѣрою.

Хожденіе кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ звонкою монетою (то-есть отдача частными лицами, во взаимныхъ платежахъ, полуимперіала за 5 р. 15 к. и цѣлковаго за 1 р. кредитными билетами) было, какъ всякій знаетъ, только воображаемое, а не дѣйствительное. Не однимъ, однако, всѣми замѣченнымъ фактомъ исчезновенія звонкой монеты изъ обращенія въ послѣдніе годы не допускалось хожденіе кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ звонкою монетою. Были факты болѣе положительнаго и болѣе рѣшительнаго характера. Вопервыхъ, у насъ, въ частныхъ сдѣлкахъ, цѣны на звонкую монету, сравнительно съ кредитными

билетами, стояли выше цѣвъ установленныхъ закономъ. Эти цѣвы въ послѣднее время даже публиковались въ газетахъ, по биржевымъ свѣдѣніямъ. Не только частныя извѣстія, но точныя свѣдѣнія со всѣхъ нашихъ рынковъ, — не только биржевыхъ, портовыхъ и столичныхъ, — но даже съ рынковъ весьма удаленныхъ отъ главныхъ коммерческихъ центровъ, доказываютъ, что цѣвы на звонкую монету въ частныхъ сдѣлкахъ никогда въ послѣдніе годы не совпадали съ узаконенною цѣвою, что они измѣнялись, и что звонкая монета принималась при расчетахъ, въ частныхъ сдѣлкахъ, по этимъ измѣнявшимся, *колеблющимся*, цѣвамъ. Всѣ собственныя наши наблюденія не только на коммерческихъ пунктахъ, но даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, удостоверяють въ этомъ фактѣ, если только можетъ быть здѣсь какое-нибудь сомнѣніе. Положительное воспрещеніе закономъ всякихъ сдѣлокъ заключенныхъ съ условіемъ приема звонкой монеты по цѣвамъ *вольнымъ*, и совершенная необезпеченность правъ собственности возникающихъ изъ подобныхъ сдѣлокъ, затмѣвали полную очевидность этого факта. Этого мало: вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, тотъ фактъ, что звонкая монета исчезла, получилъ преобладаніе надъ фактомъ вздорожанія звонкой монеты сравнительно съ кредитными билетами ¹.

Тѣмъ не менѣе, существовали и *вольныя* рыночныя, или курсовыя цѣвы на *звонкую монету*. Золотая и серебряная монета была отдаваема и принимаема въ частныхъ сдѣлкахъ по цѣвамъ, которыя, сравнительно съ кредитными билетами, превышали цѣву установленную закономъ или нарицательную, то есть, другими словами, звонкая монета имѣла *лажъ* сравнительно съ кредитными билетами ². Всѣ наши изысканія не только

¹ Единственная форма, въ которой сдѣлки на звонкую монету могли совершаться законнымъ образомъ, и потому не лишались покровительства закона, были *сохранныя записки*, которыя и были весьма употребительны для воспрещенныхъ срочныхъ сдѣлокъ на звонкую монету. Всякая иная форма не защищала кредитора отъ нарушенія условія со стороны должника.

² *Лажемъ* называется вообще разница въ цѣвъ существующей въ народномъ обращеніи на какую-нибудь монету, сравнительно съ цѣвою установленною для нея закономъ.

подтвердили повсемѣстность этого факта въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, но и раскрыли внутри Россіи цѣлый послѣдовательный рядъ явленій, сюда относящихся, какъ увидимъ ниже. Вывѣтъ съ лажемъ, во внутреннемъ денежномъ обращеніи репомѣрно поднялась международная цѣна на нашу звонкую монету, то-есть, иностранный вексельный курсъ. При переводѣ нашихъ денегъ за границу, цѣна нашего рубля на иностранныхъ биржахъ или въ векселяхъ, по которымъ онъ тамъ уплачивался, была гораздо выше относительной цѣны этого рубля на иностранную монету (то-есть, по содержащемуся въ немъ драгоцѣнному металлу) съ добавочными расходами на перевозку этого рубля въ натурѣ. Это послѣднее обстоятельство и доказывало, что иностранный вексельный курсъ измѣнялся или возвышался *не единственно* подѣ влияніемъ пропорціи векселей одной страны относительно векселей другой или обстоятельствъ международной торговли. Если можетъ-быть сомнѣніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи, то оно должно разсѣяться какъ скоро становится извѣстнымъ одновременное съ высокимъ вексельнымъ курсомъ существованіе внутренняго лажа.

Самое существованіе внутренняго лажа, въ которомъ почти никто не сомнѣвается, еще не такъ важно для цѣны нашихъ изсѣдованій. Для насъ болѣе важны условія, границы и движеніе этого факта.

Всѣ свѣдѣнія, какія намъ самимъ удалось собрать и какія намъ извѣстны изъ другихъ источниковъ, свидѣтельствуютъ, что вздорожаніе *вольныхъ* цѣвъ звонкой монеты, сверхъ цѣвъ узаконенной, обнаружилось у насъ рѣшительнымъ образомъ только въ послѣднія шесть лѣтъ, и до конца 1856 или начала 1857 г. постоянного лажа во внутреннемъ обращеніи у насъ не было. Въ этомъ положительно убѣждаетъ насъ тотъ фактъ, почерпнутый нами изъ самыхъ непосредственныхъ источниковъ, что за шесть лѣтъ перелѣ симъ у насъ не было систематической спекуляціи на звонкую монету или на лажъ (какъ увидимъ ниже). Сверхъ этого мы приобрѣли убѣжденіе, что не смотря на безпрестанныя колебанія и мѣстные различія вольныхъ цѣвъ на звонкую монету, онѣ однако постоянно въ эти шесть лѣтъ возвышались, и въ общей сложности были самыя высшія въ 1862 г.

не задолго до указа 25 апрѣля. Таковъ общій результатъ свѣдѣній о цѣнахъ звонкой монеты на биржахъ С.-Петербургской, Московской, Одесской, въ большихъ ярмарочныхъ центрахъ, каковъ Харьковъ, и даже на второстепенныхъ коммерческихъ пунктахъ.

Такимъ образомъ, въ 1862 г., цѣна полумперіала на кредитные билеты въ 5 руб. была довольно обыкновенная, и мы принимаемъ общій уровень даже въ этомъ году въ 14% и даже почти въ 15% (то-есть серебряный рубль 114—115 кредитными билетами.) Были цѣны и ниже, но были и гораздо выше, ибо случалось что полумперіальъ продавался по 6 р. 10 к. и 6 р. 20 к.

Вопросъ о размѣрѣ вольныхъ цѣнъ, или курсовъ, на звонкую монету въ 1862 г., *предшествовавшихъ* открытію развѣна въ государственномъ банкѣ, весьма важенъ, какъ увидимъ ниже. Объ этихъ цѣнахъ ходятъ весьма различныя мнѣнія, и разногласіе кажется намъ весьма естественнымъ. Кромѣ неясности этихъ цѣнъ и чрезвычайныхъ колебаній ихъ, есть еще одна особенная причина разногласія и шаткости сужденій объ этомъ предметѣ. На звонкую монету были у насъ, какъ на всякій товаръ, *разныя категоріи цѣнъ*, которыя никакъ не слѣдуетъ между собою смѣшивать и изъ которыхъ надо избрать какую-нибудь одну, чтобы говорить о цѣнахъ и сравнивать ихъ между собою; такъ были, какъ будетъ объяснено ниже, *покупныя и продажныя, гуртовныя и розничныя цѣны* на звонкую монету. Всѣ эти цѣны весьма между собою не сходны, и это даетъ поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. За норму цѣнъ звонкой монеты въ народномъ обращеніи необходимо брать ея *продажныя цѣны*, то-есть, тѣ цѣны, по которымъ публика получала монету отъ торговцевъ. Такъ мы и будемъ дѣлать, и такъ вообще дѣлается въ сужденіяхъ о цѣнѣ на всякій товаръ. Эти продажныя цѣны значительно отличались отъ покупныхъ, по которымъ наприимѣръ мѣняли брали монету у публики. Но, кромѣ этого различія въ цѣнахъ, есть еще другія. Всѣмъ извѣстно наприимѣръ, что когда можно было получить 5 штукъ полумперіаловъ въ мѣняльной лавкѣ за 5 р. 80 к., это еще не значило, что можно было тутъ же получить по этой цѣнѣ 100 штукъ; можетъ-быть, чтобы достать 100 штукъ

нужно было заплатить по 5 р. 90 к. Далѣе, еслибы потребовалось 1000 штукъ и пришлось бы заказывать ихъ, отыскавъ настоящихъ торговцевъ этой специальности, то можетъ быть въ такой значительной сдѣлкѣ и при обѣщаніи имѣть всегда дѣло съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, можно было бы торговать червонцы и гораздо дешевле, чѣмъ обошлась пять штукъ купленныхъ въ лавкѣ, и т. д. Мы знаемъ, что главные московскіе заготовители звонкой монеты продавали ее своимъ обычнымъ покупателямъ (сибирскимъ купцамъ) въ апрѣлѣ 1862 г. по 114 за серебряный рубль (въ золотѣ и серебрѣ) и сами покупали на рынкахъ весьма отдаленныхъ отъ Москвы (въ Екатеринбургской губерніи на Егорьевской ярмаркѣ въ Елисаветградѣ) по $112\frac{1}{2}\%$. Эту цѣну монеты, въ самой нормальной сдѣлкѣ, мы и беремъ за основаніе нашихъ сужденій. Итакъ, не смотря на значительныя и безпрестанныя колебанія цѣнъ звонкой монеты, онѣ постоянно возрастали въ послѣднія шесть лѣтъ до изданія указа 14 апрѣля. Чрезвычайную колеблемость торговыхъ цѣнъ на звонкую монету, какъ товара, должно приписать какъ общимъ причинамъ непостоянства и неправильности у насъ цѣнъ на всѣ безъ изъятія предметы, такъ и особеннымъ условіямъ этого товара, препятствовавшимъ открытому торгу и не допускавшимъ совершенно открытаго лажа на монету. Характеръ торгова былъ именно таковъ (какъ мы увидимъ ниже), что ему были особенно свойственны цѣны случайныя и исключительныя, чрезвычайно разнившіяся отъ общихъ нормъ и общаго движенія цѣнъ. Благодаря этой случайности цѣнъ, люди знавшіе только сдѣлки, въ которыхъ состоялись именно эти цѣны, легко могли ошибиться относительно общаго движенія цѣнъ, и думать, что цѣны падаютъ, когда въ общемъ своемъ ходѣ онѣ возрастали. Весь механизмъ операцій на звонкую монету былъ таковъ, что въ нихъ всего менѣе могли преобладать такъ-называемыя *ходячія* или открытыя цѣны, по которымъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время можетъ быть продаваема или покупаема звонкая монета. Такимъ образомъ получимперіалы могли быть приняты въ платежъ за товаръ между двумя купцами по 5 р. 90 к., тогда какъ наканунѣ другими лицами они могли быть куплены по 6 р.; цѣнаковые

могли быть приобрѣтены спекулянтѣмъ за 110 к. кредитными билетами у помѣщика или крестьянина, не болѣе какъ въ десяти верстахъ разстоянія отъ города или биржи, гдѣ въ то же самое время столешники покупали дѣловые за 114 и т. д. ¹. *Негласность* торговли деньгами и исключительное положеніе ея *вне закона* (то-есть въ всякой охраны суда и полиціи ²) препятствовали пониженію ходячихъ и открытыхъ цѣвъ, составляющихъ принадлежность всякой другой торговли, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно покровительствовали недобросовѣстности и даже положительному обману. Люди недобросовѣстные и безчестные, пользуясь легкомысліемъ и невѣжествомъ, часто получали и сбывали товаръ по самымъ *несообразнымъ* цѣнамъ. Кромѣ наконецъ воиъ указанныхъ причинъ, производившихъ чрезвычайное разнообразіе въ цѣнахъ на звонкую монету, въ общемъ движеніи цѣвъ были рѣзкія отклоненія, происходившія уже не въ отдѣльныхъ случаяхъ, а на цѣлыхъ пространствахъ Имперіи и въ теченіи продолжительныхъ періодовъ времени. Такъ напримѣръ выселеніе изъ Крыма въ 1860 г. Татаръ, закупавшихъ звонкую монету, причинило внезапное вздорожаніе золота на всеиъ югѣ. Послѣ этого исключительнаго вздорожанія, о которомъ мы въ особенности много слышали, цѣна на золото естественно должна была временно понизиться. Точно также могли дѣйствовать исключительныя, независимыя

¹ Кромѣ упомянутыхъ выше причинъ непостоянства и неправильности въ движеніи цѣвъ на монету, здѣсь должно мимоходомъ упомянуть и о *низкомъ* уровнѣ экономического образованія массъ, въ особенности проявляющагося въ торгѣ *монетою*, въ этой отрасли торговли наиболѣе требующей специальныхъ и техническихъ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, укажемъ на одинъ фактъ замѣченный нами еще въ 1859 г. въ Ярославской губ. По выпускѣ низкопробной серебряной монеты, нашлись въ деревняхъ люди, которые повѣрили слухамъ, что старая полнпробная монета будетъ вскорѣ объявлена правительствомъ изъятою изъ обращенія, и нашлись крестьяне сбывавшіе эту монету съ уступкою даже *противъ нарицательной цѣны* ея на кредитные билеты, то-есть дешевле новой низкопробной монеты.

² Торговая деньгами не только не пользовалась общимъ покровительствомъ закона, но даже бывала предметомъ *противозаконныхъ стѣсненій* и преслѣдованій; такъ, напримѣръ, извѣстны случаи, въ которыхъ *нѣзаконныя* лавки были закрываемы по произволу *мѣстныхъ властей*, безъ всякаго законнаго основанія.

отъ лажа требованія звонкой монеты за границу для покрытiя иностранныхъ долговъ, частныхъ и государственныхъ, или для приплаты за ввозъ иностранныхъ товаровъ¹.

Несмотря однако на всѣ колебанiя, быструю измѣнчивость, мѣстное разнообразiе и многочисленныя случайныя исключенiя, цѣны на звонкую монету, по отношенiю къ кредитнымъ билетамъ, въ общей сложности возрастали, и въ 1862 г. лажь достигъ того общаго уровня, который мы приблизительно приняли въ 14—15%. Случайныя мѣстныя и временныя причины, коммерческой обманъ и коммерческая неразвитость публики могутъ производить только мѣстныя и временныя измѣненiя въ цѣнахъ на товаръ; въ общемъ же своемъ движенiи онѣ подчиняются общимъ причинамъ. То же самое было и относительно цѣнъ на звонкую монету или лажь; онѣ были созданы одною общою причиною, которой дѣйствiе могло только видоизмѣняться отъ обстоятельствъ мѣста и времени, но въ общемъ своемъ направленiи лажь не зависитъ ни отъ какихъ обстоятельствъ. На эту общую причину мы уже отчасти указали; въ послѣдствiи мы рассмотримъ ее поближе.

Теперь, по необходимости, возникаетъ вопросъ: *какия же были эти сдѣлки*, въ которыхъ существовали вольныя цѣны на звонкую монету, когда цѣна ея была опредѣлена закономъ? Сдѣлки эти неисчислимы и самыхъ разнообразныхъ видовъ.

Во первыхъ, звонкая монета передается изъ рукъ въ руки, какъ орудiе расплаты, по всѣмъ вообще коммерческимъ сдѣлкамъ, не имѣвшимъ спеціальной цѣли приобрѣтенiя именно звонкой монеты, и по всѣмъ вообще платежамъ, условленнымъ и исчисленнымъ на деньги, безъ опредѣленiя вида денегъ. Во всѣхъ этихъ сдѣлкахъ и платежахъ, составляющихъ собственно денежное обращенiе, звонкая монета являлась лишь случайнымъ образомъ. Какъ способъ расплаты, какъ деньги или монета, она была вытѣснена изъ обращенiя кредитными билетами, которые и сдѣлались у насъ монетою исключительно употребительною. Денежною единицею сталъ идеальный такъ-называемый серебряный рубль въ кредитныхъ билетахъ, который принимался

¹ Объ этомъ будетъ ниже.

за дѣйствительный серебряный рубль по всѣмъ платежамъ въ казну и которымъ выгоднѣе было чѣмъ звонкою монетою производить всѣ платежи также и между частными лицами. Когда звонкая монета случайнымъ образомъ переходила изъ рукъ въ руки въ качествѣ денегъ, она большею частію цѣнилась выше нарицательной своей цѣны, то-есть, имѣла курсъ, хотя могли быть, и дѣйствительно бывали, случаи отдачи звонкой монеты по узаконенной цѣнѣ. Но обращеніе ея въ качествѣ денегъ было вообще, какъ всѣмъ извѣстно, слѣшкомъ ничтожно. Невозможность открытаго публичнаго лажна на звонкую монету, преслѣдуемаго закономъ, препятствовала ея публичному обращенію. Сверхъ того, лажъ, по своей измѣнчивости, при отсутствіи публичныхъ курсовъ на золото и серебро, дѣлалъ звонкую монету весьма неудобною для денежнаго обращенія. Невозможно было въ каждомъ случаѣ купли и продажи условливаться, кромѣ цѣны товара, еще о цѣнѣ денегъ, въ особенности въ розничной торговлѣ, составляющей главную артерію публичнаго денежнаго обращенія. Потому звонкая монета, какъ способъ платежей, служила преимущественно и почти исключительно въ сдѣлкахъ по оптовой торговлѣ, вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ денежныхъ расчетовъ, крупнымъ и домашнимъ (то-есть не въ открытыхъ лавкахъ и заведеніяхъ), когда можно и удобно было заключить особое условіе о цѣнѣ звонкой монеты сравнительно съ кредитными билетами. Звонкая монета получила у насъ такимъ образомъ характеръ *товара*, то-есть, цѣнности измѣняющейся по отношенію къ постоянной опредѣленной закономъ цѣнности *денегъ*, единицею которыхъ служили кредитные билеты. На нарицательную цѣну послѣднихъ и числялись цѣны всѣхъ безъ изъятія предметовъ, всѣ коммерческія операціи, всѣ имущества и всѣ платежи обезпеченные силою закона. Это обстоятельство превращенія звонкой монеты въ *товаръ* имѣетъ первостепенную важность. Что звонкая монета была у насъ *товаромъ*, это не есть только логическій выводъ изъ всего предыдущаго, но понятіе весьма у насъ распространенное. Практическіе люди неоднократно высказывали намъ, что звонкая монета была у насъ *товаромъ*, и даже съ похвалою выставляли это явленіе, какъ бы создающее новую отрасль торговли и народного богатства.

Какъ только возникли колебанія въ цѣнѣ звонкой монеты, какъ только она сдѣлалась товаромъ, она уж могла служить самостоятельнымъ предметомъ коммерческихъ сдѣлокъ, и потому:

Восторыхъ, вольныя цѣны на звонкую монету появлялись въ сдѣлкахъ нарочно рассчитанныхъ и заключенныхъ для *приобрѣтенія собственно звонкой монеты* какъ товара. Такихъ сдѣлокъ было у насъ много, не говоря уже о покупкахъ и продажахъ монеты въ мѣняльныхъ лавкахъ. Все полученныя нами свѣдѣнія о такихъ сдѣлкахъ и прямыя показанія лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, свидѣтельствуютъ что операціи по *приобрѣтенію и продажѣ звонкой монеты* были у насъ чрезвычайно распространены, гораздо болѣе чѣмъ даже можно было предполагать, и что въ нихъ участвовало множество лицъ, независимо отъ своихъ обычныхъ промысловъ и занятій. „Кто не искалъ золота и серебра?“ говорили намъ повсюду, гдѣ ни приходилось намъ касаться этого предмета. Въ производствѣ такихъ операцій намъ часто сознавались люди, которые, казалось, были совершенно имъ чужды по роду своихъ занятій. Лица, стоявшія въ всякихъ коммерческихъ дѣлѣ, старались воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы *приобрѣсти звонкую монету*, и потомъ выгадать что-нибудь на ея цѣнѣ. Можно даже сказать, что люди посвятившіе себя обширнымъ коммерческимъ оборотамъ, то-есть товарнымъ, такъ-называемые *первостатейные купцы и негоціанты* (но не банкиры¹⁾, еще менѣе прочихъ занимались этимъ промысломъ. Притѣхъ чрезвычайныхъ колебаній и измѣнчивости цѣнъ, о которыхъ мы говорили выше, риски по сдѣлкамъ на звонкую монету были весьма велики для людей не занимавшихся спеціально этою торговлею, а случайно въ нее вовлеченныхъ. Между многими извѣстными намъ случаями мы укажемъ на одинъ примѣръ: одинъ гуртовой купецъ получалъ въ 1857 г. отъ своего покупателя въ Войскѣ Довскомъ полуимперіалы, въ платежъ за товаръ, по 5 р. 35 к., и былъ очень доволенъ, что выторговалъ ихъ за эту цѣну, ибо полуимперіалы *приобрѣтались* въ то время уже

¹ Банкиры были, кажется, весьма не чужды этимъ операціямъ.

выше этой цѣны; послѣ того онъ долженъ былъ переѣхать по своимъ дѣламъ въ другую мѣстность, гдѣ полуимперіалы повизались до 5 р. 25 к., и вынужденный сдѣлать ушатку, онъ, не имѣя другой наличности, долженъ былъ спустить свои полуимперіалы по 5 р. 25 к. Но какъ цѣны на звонкую монету, въ общемъ своемъ движеніи, стремились къ повышенію, то всякій, кто не занимался спеціально спекуляціями на звонкую монету, былъ болѣе расположенъ къ приобрѣтенію и *сбереженію* звонкой монеты нежели къ операціямъ на нее; копленіе звонкой монеты казалось дѣломъ самымъ вѣрнымъ и выгоднымъ для людей не посвященныхъ въ таинства этого товара. „Кто не придерживалъ у себя звонкой монеты?“ говорили намъ также повсемѣстно. Это придерживаніе, хотя бы оно происходило и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ по отношенію къ цѣлой массѣ народонаселенія, можетъ составить весьма значительную сумму, отвлеченную отъ публичнаго обращенія. Сбереженіемъ и накопленіемъ звонкой монеты занимались люди всѣхъ классовъ общества: крестьяне, купцы, помѣщики, чиновники и пр. Но точно также личныя обстоятельства заставляли каждого весьма часто утрачивать эти сбереженія, и этимъ пользовалась *спекуляция*.

Теперь переходимъ къ послѣдней категоріи сдѣлокъ на звонкую монету. Чрезвычайныя колебанія и разнообразіе цѣнъ на звонкую монету породили цѣлый рядъ уже не случайныхъ, а *систематическихъ* спекуляціонныхъ операцій на этотъ товаръ, и потому:

Втретьихъ, вольныя цѣны на звонкую монету оказывались не только въ случайной, но и въ систематической спекуляціи.

Главнымъ центромъ этой систематической спекуляціи была Москва, а пространствомъ ея операцій была едва ли не вся Россія. Спекуляція успѣла, въ послѣднія шесть лѣтъ, организовать весьма правильно, на подобіе другихъ отраслей торговли, и представляетъ собою цѣлый механизмъ особаго рода. Здѣсь, также какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности и торговли, было раздѣленіе труда и цѣлый рядъ операцій, начиная отъ самаго производства то-

вара до комиссіоннаго оптоваго и банкирскаго торга. Въ общихъ чертахъ, этотъ механизмъ торга звонкою монетою таковъ, московскіе торговцы (большою частію серебряники) скупаютъ звонкую монету изнутри Россіи чрезъ мѣстныхъ торговцевъ, большою частію мѣняль и столешниковъ. Эти послѣдніе скупаютъ товаръ у публика, частію прямо въ своихъ постоянныхъ и временныхъ (ярмарочныхъ) лавкахъ, за своими столами въ городахъ и мѣстечкахъ, частію чрезъ множество мелкихъ агентовъ (въ Украинѣ и Западной Россіи большою частію чрезъ Евреевъ), которые уже лично обходятъ всѣ сельскія захолустья, высматриваютъ монету, обшариваютъ и обметають всѣ углы. Вотъ эти-то послѣдніе скупщики ищутъ преимущественно *случайныхъ* продавцовъ металла, и связываютъ систематическій торгъ звонкою монетою со второю описанною нами категоріею случайныхъ сдѣлокъ; они-то, въ особенности, пользуются исключительными обстоятельствами людей имѣющихъ мелкія сбереженія и вынуждаемыхъ сбывать ихъ, и они-то, при своемъ безпрестанномъ личномъ обращеніи со всѣми классами народа и преимущественно съ низшими, стараются изо всѣхъ силъ *обивать* цѣны, и не упускають ни одного *исключительнаго* случая къ приобрѣтенію товара. Довольствуясь весьма ничтожнымъ *нормальнымъ* вознагражденіемъ за свои услуги отъ гуртовщиковъ, на которыхъ ставятъ товаръ, и ловко захватывая всякую случайную добычу съ исключительными барышами, разбѣганную по безчисленнымъ уголкамъ Россіи, они служатъ для механизма систематической спекуляціи тѣмъ всасывающимъ орудіемъ, который собираетъ мелкія, ничтожныя накопленія металла въ ручки, рѣки и массы, текуція къ главнымъ внутреннимъ и вѣдшимъ центрамъ торга, къ Москвѣ, къ пергамъ, къ нашимъ азіатскимъ и европейскимъ границамъ. Отчасти выполняютъ эту роль и мѣнялы и столешники, пользуясь тѣмъ что проходитъ мимо ихъ лавокъ и столовъ; но они не обладаютъ тою подвижностью и не имѣютъ въ своемъ распоряженіи тѣхъ приманокъ и орудій для выметанія звонкой монеты изъ всѣхъ угловъ, какими располагають мелкіе бродячіе торговцы. Въ рукахъ этихъ послѣднихъ есть безчисленное множество такихъ орудій; они

обращаются, напримѣръ, къ сельскимъ ростовщикамъ изъ крестьянъ, или сами получаютъ звонкую монету чрезъ обмѣнъ на разные прихотливыя крестьянскія вещицы, чрезъ выдачу въ кредитъ хлѣба (такъ дѣйствуютъ Евреи въ западной и южной Россіи) и проч. Всѣмъ торгомъ на мѣстахъ распоражаются у московскихъ гуртовщиковъ и оптовыхъ спекулянтовъ особые прикащики, настоящіе знатоки у насъ этого дѣла; они назначаются по одному на цѣлый коммерческій районъ (напримѣръ, одинъ на Украину, другой на западную Россію), развѣзжаютъ по ярмаркамъ, слѣдятъ за дѣйствіями мелочныхъ торговцевъ; иногда сами лично закупаютъ товаръ, собираютъ его отъ своихъ агентовъ, пересылаютъ и перевозятъ въ Москву, и ведутъ дѣятельную коммерческую переписку, чрезъ почту и телеграфы, съ своими довѣрителями и агентами. Въ Москвѣ товаръ собирается уже въ нѣсколькихъ рукахъ, сортируется, обмѣивается и распределяется, согласно своему назначенію, и даже въ Москвѣ (какъ и въ Петербургѣ) прежде чѣмъ идти по своему окончателъному назначенію, едва ли не проходитъ еще чрезъ одну инстанцію, то-есть, сосредоточивается еще въ меньшемъ количествѣ рукъ, занимающихся уже самыми крупными операціями на монету при высшихъ финансовыхъ соображеніяхъ по употребленію собранныхъ запасовъ, движенію и переводу монеты на разные коммерческіе центры, уже не одной Россіи, а Европы и Азіи. Къ сожалѣнію, эти вышія и международныя денежныя операціи извѣстны намъ только въ общихъ чертахъ, и не могли быть также тщательно изучены нами изъ *первыхъ источниковъ*, какъ внутренніе обороты. Въ числѣ операторовъ по торговлѣ звонкою монетою важное мѣсто занимаютъ, какъ можно предполагать по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, *переплавщики* звонкой монеты. Этотъ промыселъ былъ весьма выгоденъ и не былъ сопряженъ ни съ какимъ коммерческимъ рискомъ, подобно прочимъ вѣтвямъ торга звонкою монетою. Переплавщики брали свои вѣрные проценты за переплавъ (отъ 2% до 4%); у нихъ запасались благородными металлами серебряники, исключая однако первостепенныхъ нашихъ мастеровъ, каковы Сазиковъ и Губкинь, которые закупали матеріалъ за границей. Кромѣ переплава, при-

явшаго у насъ, какъ кажется, въ послѣдніе года огромныя размѣры, звонкая монета собиралась въ Москвѣ для продажи купцамъ торгующимъ съ Азіей, преимущественно кахтинскимъ, и для отправленія за границу.

Размѣры всего описываемаго нами торга звонкою монетою были весьма обширны. Чтобы судить о величинѣ капиталовъ, дѣйствовавшихъ здѣсь, и запасовъ звонкой монеты, высасываемой спекуляціею изъ внутренности Россіи, достаточно сказать, что одинъ изъ главныхъ московскихъ домовъ закупалъ въ послѣднія шесть лѣтъ въ Украинѣ ежегодно до 400.000 ¹ золота и серебра, а всего въ шесть лѣтъ закупилъ до 2½ милліоновъ.

Эта цифра, достовѣрно намъ извѣстная, еще не позволяетъ опредѣлить, даже приблизительно, все то количество звонкой монеты, которое ежегодно закупалось спекуляціею; но она даетъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ этихъ операций. Замѣчательно, что эти операціи, какъ намъ положительно извѣстно, производились только въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, то-есть, съ 1856 г., а до этого времени ими никто не занимался, ибо звонкая монета была, какъ намъ объясняли, *въ изобиліи*. Въ Южной Россіи, кромѣ русской монеты, обращалось даже много иностранной. Это обстоятельство служить для насъ положительнымъ доказательствомъ, что до 1856—57 г. звонкая монета не могла быть предметомъ спекуляціи, то-есть, что на нее не было постоянного спроса, что она обращалась *наравнѣ съ бумажною монетою*, и потому *не была товаромъ*.

Каждая категорія торговцевъ, на описанной нами лѣстницѣ, разумѣется пользовалась извѣстнымъ барышомъ на свой товаръ, то-есть, покупала его дешевле чѣмъ продавала, и даже на звонкую монету росъ, переходя изъ рукъ въ руки, съ низшей ступени на высшую, отъ мелкихъ скупщиковъ до первостатейныхъ негоціантовъ. Такъ первыя гуртовья (московскія) руки покупали, въ апрѣлѣ 1862

¹ Вотъ приблизительно въ какой постепенности сѣдуютъ украинскія ярмарки по количеству звонкой монеты свозившейся съ нихъ въ Москву: главное мѣсто занимаетъ Ильинская (въ Полтавѣ), потомъ Крещенская въ (Харьковѣ); за ними сѣдуютъ: Успенская, Кролевецкая, Вознесенская, Масальская, Покровская, Елисаветградская, Введенская и Коренная.

года (и именно на Елисаветградской ярмаркѣ, въ Екатеринославской губерніи), полуимперіалы и цѣлковыя по 112½ (то-есть 112½ к. кредитныхъ билетовъ на 100 к. звонкой монеты, по нарицательной цѣнѣ тѣхъ и другихъ), и продавали, преимущественно для Кяхты, за 114. Лица, которые продавали эту звонкую монету гуртовщикамъ, разумеется должны были заплатить за нее дешевле 112½, и такимъ образомъ первоначальные владѣльцы должны были продать, вѣроятно, не свыше 110. Изъ этого видно, что на каждой ступени операций по торговлѣ деньгами, цѣна звонкой монеты была различная, начиная отъ первоначальныхъ производителей металлическихъ запасовъ, то-есть сберегателей и копителей мелкихъ суммъ въ массѣ народонаселенія, и постепенно возрастая до торговцевъ, продающихъ ее потребителямъ. Въ приведенномъ случаѣ, потребители были кяхтинскіе купцы, покупающіе звонкую монету въ большихъ массахъ; но запасы звонкой монеты могли переходить къ потребителямъ и малыми количествами, то-есть, снова раздробляясь и исходя къ потребителямъ опять чрезъ мѣняльныя лавки и столешниковъ (какъ это и дѣлалось въ Москвѣ, гдѣ гуртовщики имѣютъ лавки и для раздробительной продажи ¹⁾). Здѣсь судьба звонкой монеты была та же, какъ и всякаго другаго товара: цѣны ея росли отъ первоначальныхъ производителей, то-есть, сберегателей и копителей мелкихъ запасовъ звонкой монеты, до торговцевъ передающихъ товаръ непосредственно въ руки потребителей. На каждой ступени, цѣны увеличивались добавочнымъ процентомъ или вознаграж-

¹ Мѣнялы и столешники принимаютъ и отускаютъ монету въ одно и то же время по разнымъ цѣнамъ, смотря потому у кого, кому и въ какихъ количествахъ они покупаютъ и продаютъ, то-есть смотря потому съ какою категоріею участниковъ торга они имѣютъ дѣло: съ производителями, торговцами того или другаго разряда, или потребителями. Известно, что всего дешевле покупаютъ они у людей пришедшихъ съ одною или нѣсколькими монетами, залежавшимися почему-нибудь въ ихъ карманѣ, и не имѣющихъ понятія о торговлѣ деньгами (эти-то люди именно и есть производители по этой статьѣ), и всего дороже продаютъ они людямъ, которымъ понадобилась звонкая монета въ небольшомъ количествѣ для личнаго употребленія или израсходованія. Но мѣнялы и столешники имѣютъ дѣло и съ продавцами, и съ покупщиками монеты иного рода; для нихъ и цѣны другія.

денеиъ за услугу каждаго участника торга, вознагражденіемъ за трудъ (собиранія, распредѣленія, сортировки, оцѣнки, перевозки и т. д.), за рискъ и за проценты на капиталъ затраченный въ операціи. Дѣйствительно, самая большая разница въ цѣнѣ звонкой монеты оказывается въ тѣхъ цѣнахъ, по которымъ покупаютъ у публики и продаютъ публикѣ мѣнялы и столешники, и у ихъ прилавка встрѣчаются двѣ крайнія оконечности всего торга: закупъ товара у первоначальныхъ производителей и продажа потребителямъ ¹. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что столешники принимаютъ напримѣръ полумперіалъ въ 5.40 р. и тутъ же его отпускаютъ въ 5.60 и даже 5.70; они должны брать въ свою пользу эту разницу, непонятную, по своей величинѣ, только для людей вообще не понимающихъ механизма торговли и образованія цѣнъ на товары.

Когда мы говорили о цѣнахъ на звонкую монету ¹, то мы брали цѣны, по которымъ она обходилась потребителямъ или публикѣ, и по которымъ можетъ получить ее каждый желающій. Обстоятельства этого не слѣдуетъ упускать изъ виду при сужденіяхъ о нашемъ денежномъ обращеніи, какъ мы впрочемъ уже говорили выше и что яснѣе увидимъ ниже.

Теперь спрашивается: спекуляція, пользовавшаяся колебаніями цѣнъ на звонкую монету, имѣла ли сама на нихъ вліяніе? Разумѣется имѣла, но никакъ не въ томъ объемѣ, какъ это могутъ думать люди разсуждающіе объ экономическихъ явленіяхъ только по самымъ наружнымъ ихъ признакамъ. Напримѣръ, въ Украинѣ, постоянно говорилось про одного значительнаго торговца звонкою монетою, что онъ *ставитъ цѣны на золото и серебро*. Но гораздо болѣе эконо-

¹ Соединеніе гуртовой и розничной продажи въ однихъ рукахъ встрѣчается у насъ во всѣхъ отрасляхъ торговли.

² Когда говорится о цѣнѣ звонкой монеты, то слѣдуетъ разумѣть собственно золотую и крупную серебряную монету, т. е. цѣковые и отчасти полтинники, которые большею частію такъ также какъ и цѣковые. Четвертаки цѣнились всегда нѣсколько ниже. А двугривенные, пятиалтынные и гривенники цѣнились скорѣе какъ мелочь, какъ разменная монета, нежели какъ монета въ настоящемъ смыслѣ слова. Доказательствомъ этому служитъ то, что мелкая монета, если и пользуется даже, то безъ всякаго различія полнопробной отъ низкопробной монеты. Этотъ даже есть собственно плата за промѣнъ одного сорта денегъ на другой; онъ существуетъ вездѣ и всегда, независимо отъ даже на монету.

ическаго смысла скрывается въ извѣстномъ народномъ изреченіи: *Богъ строитъ цѣны*. Такъ и съ цѣнами на нашъ товаръ. Онѣ зависѣли отъ непреложной силы вещей, отъ раскрытія естественнаго экономическаго закона въ условіяхъ нашего денежнаго обращенія, которое можно было потрясти насильственнымъ курсомъ бумажныхъ денегъ, но безусловно подчинить этому курсу было невозможно. Прекращеніе размѣна и узаконенный курсъ кредитныхъ билетовъ созидал вольный курсъ звонкой монеты и даже на нее въ сравненіи съ кредитными билетами. Этимъ мы, впрочемъ, насколько не отрицаемъ мѣстнаго и временнаго вліянія на цѣны; наша торговля звонкою монетою именно была такою, въ которой всего легче могли возникать временныя и мѣстныя монополіи, самовластное распоряженіе цѣнами и вообще такъ-называемое *кулачество*. Всѣ тѣ коммерческія явленія, которыми сопровождается неправильное развитіе торговли, замѣчаются у насъ по всѣмъ ея отраслямъ; здѣсь же они находили особенно благоприятныя для себя условія. Но не должно забывать и выгодныхъ для народнаго хозяйства послѣдствій спекуляціи. Всякая спекуляція, и въ особенности спекуляція обширная, дѣйствующая большими капиталами, усиливала конкуренцію скупщиковъ, парализовала владычество мѣстныхъ торговцевъ и обманъ въ средѣ массы непосвященной въ тайны цѣны, и наконецъ содѣйствовала образованію до нѣкоторой степени *ходячихъ*, открытыхъ цѣнъ и курса звонкой монеты, весьма важнаго условія правильности всякой торговли. Корень зла собственно былъ не въ спекуляціи, а въ сущности самаго дѣла, ее породившаго.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе вещей застигнутое указомъ 25 апрѣля объ открытіи размѣна въ государственномъ банкѣ: состояніе и движеніе цѣнъ звонкой монеты, то-есть, отношеніе дѣйствительныхъ, вольныхъ ея цѣнъ къ узаконенной цѣнѣ или денежной единицѣ, выраженной въ кредитныхъ билетахъ, и таково съ тѣмъ вмѣстѣ было развитіе торговли деньгами. Мы нарочно дали такъ много мѣста этой части нашего изложенія, ибо тѣмъ яснѣе и короче можетъ быть отвѣтъ на первоначально поставленный нами вопросъ, къ которому мы теперь и возвращаемся:

какія послѣдствія имѣло въ нашемъ денежномъ обращеніи открытіе размѣна 1-го мая 1862 г.?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы быть легко *выведенъ*, на основаніи общихъ экономическихъ началъ, изъ самыхъ обстоятельствъ предшествовавшихъ размѣну и теперь намъ извѣстныхъ; но для насъ нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ чисто теоретическимъ способамъ изслѣдованія вопроса, ибо мы именно застали обстоятельства цѣны и торгозвонкой монеты внутри Россіи по открытіи размѣна и были самоличными наблюдателями этихъ явленій. Поэтому, оставляя пока въ сторонѣ общія начала, постараемся прослѣдить дѣйствіе размѣна въ самихъ явленіяхъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ нашемъ денежномъ обращеніи, имѣя преимущественно въ виду двѣ его стороны, нами достаточно описанныя: *цѣны на звонкую монету сравнительно съ кредитными билетами и спекуляцію на эти цѣны*.

Прежде всего замѣтимъ, что самое *объявленіе курса* звонкой монеты, при размѣнѣ ея въ государственномъ банкѣ на кредитные билеты, *выше ея нарицательной цѣны* сравнительно съ нарицательною цѣною кредитныхъ билетовъ, вовсе не было, какъ это очевидно изъ всего вышесказаннаго, какою-либо новостью въ нашемъ денежномъ обращеніи; это было публичнымъ заявленіемъ и признаніемъ *факта давно существовавшаго* (именно гдѣ теченіи шести лѣтъ). Если мы считаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь объ этомъ, то только въ виду нѣкоторыхъ толковъ въ нашей публикѣ, что означенная мѣра правительства *создала курсъ, или лажъ звонкой монеты*, дотолѣ будто бы не существовавшій. Все положеніе вещей до открытія размѣна доказываетъ совершенную неосновательность этого мнѣнія. И такъ, въ открытіи размѣна чрезъ государственный банкъ, самый курсъ звонкой монеты выше нарицательной ея цѣны, въ сравненіи съ кредитными билетами, не заключалъ въ себѣ *ничего новаго*. Новое заключалось въ другихъ обстоятельствахъ этой мѣры; потому на нихъ мы и обратимъ особенное вниманіе, чтобы разобрать послѣдствія самой мѣры.

Вопервыхъ, курсъ звонкой монеты (110½) въ размѣнѣ государственнаго банка былъ ниже существовавшихъ до размѣна вольныхъ курсовъ, какъ мы старались доказать

это выше. Разница курса государственнаго банка и вольныхъ цѣвъ звонкой монеты на кредитные билеты была даже, какъ мы это видѣли, довольно значительная, и именно $3\frac{1}{2}\%$ — $4\frac{1}{2}\%$.

Здѣсь мы обратимъ вниманіе на одно особенное обстоятельство. Почему многимъ могло казаться, что курсъ объявленный для размѣна въ государственномъ банкѣ—выше существовавшихъ вольныхъ курсовъ, что онъ, какъ говорилъ, *слишкомъ высокъ?*

По свѣдѣніямъ полученнымъ нами изъ разныхъ мѣстъ, и въ томъ числѣ изъ Одессы, видно, что вслѣдъ за изданіемъ указа 14 апрѣля 1862 г. ¹, возвѣстившаго открытіе размѣна, распространился слухъ, что размѣнъ будетъ открытъ по весьма низкому курсу и даже по нарицательной цѣвѣ звонкой монеты а кредитныхъ билетовъ. Цѣвы на звонкую монету быстро упали, а потомъ, вслѣдъ за указомъ 25 апрѣля, опять быстро поднялись, но уже не до прежняго своего курса 114—115 (цифра принятая нами за общій уровень курсовъ до размѣна), а до $110\frac{1}{2}$.

Вслѣдствіе этого временнаго пониженія цѣвъ, онѣ дѣйствительно, въ моментъ обнародованія указа 25 го апрѣля, были нѣсколько ниже курса государственнаго банка; дѣйствительно, мы знаемъ, что на нѣкоторыхъ биржахъ курсъ полуимперіала стоялъ въ то время 560 ¹, и думаемъ, что такъ могло быть на всѣхъ биржахъ. Слухи объ этой мѣрѣ подѣйствовали на цѣвы сильнѣе чѣмъ самое исполненіе ея. Поэтому, послѣдствія размѣна начались собственно до его открытія. Но пониженіе курса до размѣна было не болѣе какъ одно изъ тѣхъ колебаній его, какихъ, какъ мы уже видѣли, было чрезвычайно много въ теченіи всего періода прекращенія размѣна: существенны однако не самыя колебанія курсовъ, а ихъ общее движеніе, ихъ *наклонность* къ повышенію или пониженію, могущая проявляться посреди самыхъ разнообразныхъ колебаній. Время предшествовавшее изданію указа 25 апрѣля и непосредственно слѣдовавшее за его обнародованіемъ есть

¹ Указъ о заключеніи займа.

² Такъ на С.-Петербургской биржѣ, гдѣ вообще курсы были, сколько намъ извѣстно, во весь періодъ даже, ниже курсовъ другихъ биржъ.

эпоха самыхъ быстрыхъ и многочисленныхъ колебаній въ исторіи нашихъ курсовъ, вслѣдствіе самыхъ разнорѣчивыхъ слуховъ и толковъ объ ожидаемыхъ мѣрахъ правительства по денежной системѣ¹.

Изъ раскрытаго нами обстоятельства видно, что понятіе *о слишкомъ высокомъ курсѣ*, съ котораго будто бы начать размѣнъ 1-го мая, то-есть высокомъ сравнительно съ преобладавшими вольными курсами, можетъ быть сколько-нибудь оправдано только сравненіемъ курса государственнаго банка съ курсами, непосредственно предшествовавшими размѣну. Но возможно ли брать эти курсы за основаніе сужденій объ относительной высотѣ курса государственнаго банка?

Эти временно низкіе курсы не могутъ служить основаніемъ для подобныхъ сужденій, не только потому что они представляли мгновенное колебаніе посреди неуклоннаго возрастанія цѣнъ въ теченіи шести лѣтъ, но еще болѣе потому что это пониженіе цѣнъ было вызвано ожиданіемъ размѣна, и никоимъ образомъ не можетъ дать понятія о томъ каковы были бы курсы безъ этого событія.

Вопросъ объ относительной высотѣ курса, съ котораго былъ начать размѣнъ, имѣетъ значеніе не въ одномъ только интересѣ опроверженія мнѣнія, въ то время господствовавшего, что слабое востребованіе звонкой монеты изъ государственнаго банка происходитъ единственно отъ слишкомъ высокаго курса размѣна. Вопросъ этотъ имѣетъ иное значеніе, болѣе важное чѣмъ интересъ минуты, теперь уже прошедшей. Отъ вопроса объ относительной высотѣ курса, съ котораго былъ начать размѣнъ, то-есть 110¹/₂, значительно зависитъ, какъ мы увидимъ ниже, оцѣнка дальнѣйшихъ послѣдствій размѣна и тотъ или другой взглядъ на всю эту мѣру и ея будущность.

¹ Замѣчаютъ опять и явленія совершенно противоположныя показаннымъ выше. Въ нѣкоторыхъ глухихъ коммерческихъ мѣстахъ распространяется, съ издавленіемъ указа 25 апрѣля, слухи, что правительство намѣрено объявить государственное банкротство. Мы знаемъ, что вслѣдствіе подобныхъ смутныхъ слуховъ лажъ изъ звонкую монету въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возросъ кепомѣрно и потомъ съ открытіемъ размѣна упалъ. Говоря о цѣнахъ на звонкую монету, мы имѣемъ въ виду главныя наши рынки, которые при томъ, въ общихъ результатахъ движенія цѣнъ, все-таки подчиняютъ себя глухимъ мѣстамъ, какъ и было въ настоящемъ случаѣ.

Теперь уже для всѣхъ очевидное, послѣдствіе открытія размѣна есть то, что *вольныя цѣны на звонкую монету подчинились курсу государственнаго банка. Какъ до открытія размѣна вольныя курсы звонкой монеты постепенно возрастали, такъ съ открытіемъ размѣна они постепенно стали упадать.* Фактъ этотъ достаточно всѣмъ извѣстенъ, но извѣстенъ онъ лишь въ своей общности, а не въ разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его, и, по нашему мнѣнію, довольно важныхъ, чтобы судить о вліяніи принятой мѣры и ея значеніи.

Собравными нами на мѣстахъ свѣдѣніями не изчерпывается, конечно, все движеніе цѣнъ на звонкую монету; однако мы полагаемъ, что въ нихъ заключается достаточно указаній на нѣкоторыя весьма существенныя свойства этого движенія, и мы извлечемъ изъ нихъ особенно характеристическія данныя.

По открытіи размѣна, первый денежный рынокъ ¹, который мы видѣли, была ² Коренная ярмарка, съ 8 по 15 іюля. Здѣсь, за мѣняльными столиками ³, стояли слѣдующія цѣны звонкой монеты на кредитные билеты:

Продавался (публикѣ) полуимперіаль	5 р. 70 к.
— — — цѣлковый.	1 — 10 ¹ / ₂ —
Покупался (у публикѣ) полуимперіаль	5 — 50 —
— — — цѣлковый.	1 — 9 — (*)

¹ Наблюденія въ мѣстахъ, гдѣ, что называется, нѣтъ никакихъ цѣнъ на звонкую монету, то-есть гдѣ только случайныя цѣны не могутъ служить ни для какихъ общихъ соображеній.

² Ярмарка эта для денежнаго обращенія представляетъ интересъ той связи, которая здѣсь существуетъ между украинскими торгами и великороссійскими.

³ Мы будемъ вездѣ приводить цѣны мѣнлазъ и столешниковъ, какъ естественныя у насъ публичныя, или сколько-нибудь ходячія цѣны. Но эти цѣны — не настоящія ходячія, ибо разнятся почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Эти торговцы пользуются въ каждомъ случаѣ личными обстоятельствами продавца или покупателя, то-есть торгуются, и потому вообще всячески избѣгаютъ сообщать свои открытыя цѣны. Въ особенности торгуются Евреи, и болѣе всего Еврейки. Ничего не можеть быть труднѣе узнать цѣны столешниковъ. Для этого нѣтъ другаго средства, какъ удостовѣриться въ нихъ собственными опытами, что въ и вынуждены были сдѣлать. Все сказанное принимается въ особенности къ покупнымъ цѣнамъ.

⁴ Показывая здѣсь разницу въ цѣнѣ золота и серебра встрѣчается у насъ очень часто, и болѣею частію въ пользу серебра, которое вообще цѣнится у насъ дороже золота. Этотъ поговорочный законъ на серебряную

Къ концу ярмарки ¹, вслѣдствіе слабаго требованія на звонкую монету, цѣны быстро понизились, и потомъ, въ послѣдній день, снова поднялись до прежняго уровня. Это послѣднее возвышеніе, намъ кажется, произошло вслѣдствіе быстрого сбыта на ярмаркѣ, по пониженнымъ цѣнамъ, всѣхъ наличныхъ, весьма необширныхъ, запасовъ.

Мѣсяцъ спустя послѣ Троицкой ярмарки (въ Харьковѣ), цѣны въ районѣ украинскаго рынка понизились, и въ одномъ изъ коммерческихъ его пунктовъ (Бѣлгородѣ) были:

Продажныя цѣны полуимперіала.	5 р. 45 к.
— — цѣлковаго.	1 — 8 —
Покупныя цѣны полуимперіала.	5 — 40 —
— — цѣлковаго.	1 — 6 —

Къ концу мѣсяца, на Ильинской ярмаркѣ въ Полтавѣ, гдѣ производятся громадныя денежныя и кредитныя обороты, цѣны сильно колебались, но никакъ не поднимались — продажныя выше 110¹/₂, а покупныя выше 106.

Приближаясь къ 1 августа, цѣны вообще стали быстрее повышаться; продажныя доходили до 106, но большею частію были: полуимперіалъ 5 р. 65 к., или 109, и 5 р. 60 к., или 108; цѣлковый — 108 и 109. Покупныя цѣны были чрезвычайно измѣнчивы, въ особенности подъ вліяніемъ Евреевъ, почти исключительныхъ торговцевъ деньгами въ Полтавѣ. Большею частію, покупныя цѣны были къ концу ярмарки (при продажныхъ 108 и 109):

Полуимперіалы 5 р. 50 к.
Цѣлковые 107

На этой ярмаркѣ охотно несли въ отдѣленіе государственнаго банка звонкую монету по курсу 1 августа, то есть 108, и ея поступило достаточно по векселямъ ².

монету, сравнительно съ золотомъ (относительно нарицательной или законной цѣны той и другой), происходятъ какъ отъ большаго у насъ требованія серебряной монеты для азіятскаго торга чѣмъ золотой, такъ и вообще отъ всемірнаго издорожанія серебра сравнительно съ золотомъ, противъ отношенія цѣнности одного къ другому, опредѣленнаго закономъ. Вопросъ о лажѣ серебра, сравнительно съ золотомъ, не имѣетъ никакого отношенія къ лажу звонкой монеты, сравнительно съ бумажными деньгами, и потому мы не будемъ усложнять имъ нашего изложенія.

¹ Эта ярмарка идетъ очень горячо и быстро.

² Въ комторахъ государственнаго банка не было открываемо размѣна, но звонкая монета принималась въ платежи по курсамъ перваго наступающаго періода, по республиканскому росписанію.

Въ Харьковѣ, во время Успенской ярмарки, въ половинѣ августа, продажныя цѣны были вообще $108\frac{1}{2}$, покупныя полуимперіалъ—5 р. 52 к. (107), цѣловые—106.

И здѣсь были платежи въ банкъ звонкою монетою по курсу объявленному для 1 сентября.

Итакъ, согласно съ этими данными, мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія относительно движенія цѣнъ послѣ открытія размѣна.

Пониженіе вольныхъ цѣнъ на звонкую монету идетъ строго параллельно пониженію курсовъ, объявленныхъ государственнымъ банкомъ, становясь ежедневно болѣе ощутительнымъ и рѣшительнымъ съ приведеніемъ въ дѣйствіе общаго правительства. Такимъ образомъ, 1 августа въ движеніи цѣнъ было самымъ рѣшительнымъ моментомъ послѣ первыхъ слуховъ о размѣнѣ. Мы не только видимъ это на самыхъ фактахъ движенія цѣнъ, но мы это знаемъ изъ собственнаго признанія спекулянтовъ и банкировъ, ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ телеграммъ изъ Петербурга о дѣйствительномъ выполненіи обѣщанія относительно размѣна по курсу 108, чему многіе не довѣряли.

Съ этимъ общимъ движеніемъ цѣнъ, какъ главнымъ и наиболѣе выдающимся явленіемъ, связаны другія, какъ будто побочныя и случайныя, но тѣмъ не менѣе весьма характеристическія, отличающіяся отъ обыкновеннаго пониженія цѣнъ на всякій другой товаръ.

Пониженіе цѣнъ сопряжено, какъ мы видѣли, съ колебаніями; но эти колебанія, во первыхъ, гораздо чувствительнѣе въ покупныхъ нежели продажныхъ цѣнахъ на звонкую монету, то-есть, въ цѣнахъ, по которымъ покупаютъ торговцы этого товара, нежели по которымъ они продаютъ.

Восторжхъ, высшимъ предѣломъ колебаній служатъ безусловно курсы государственнаго банка, отъ которыхъ вольныя цѣны отступаютъ лишь внизъ, но никогда вверхъ; продажныя цѣны почти совпадаютъ съ курсомъ объявляемымъ отъ государственнаго банка на каждый текущій періодъ, и уклоняются отъ него рѣдко, болѣею частію къ концу періода, когда онѣ понижаются до курса объявляемаго на наступающій періодъ.

Встрѣжхъ, разница между продажными и покупными цѣнами, гдѣ бываетъ, постоянно уменьшается.

Вникнемъ теперь въ эти явленія, и постараемся отдать себѣ въ нихъ отчетъ.

Простой фактъ паденія вольныхъ продажныхъ цѣнъ на звонкую монету и постепеннаго пониженія ихъ, соответственно курсамъ государственнаго банка, объясняется бы весьма просто: такое явленіе сходно съ послѣдствіемъ продажи всякаго товара по цѣнамъ пониженнымъ противъ цѣнъ существовавшихъ на рынкѣ. Никто не станетъ покупать товаръ дороже у одного торговца, когда тотъ же самый товаръ можно купить дешевле у другаго. Однако вліяніе разнѣна на цѣны звонкой монеты не ограничивалось единственно такимъ пониженіемъ цѣнъ. Мы уже видѣли, что пониженіе цѣнъ сопровождалось многими явленіями, чуждыми обыкновенному удешевленію какого-нибудь товара. Еслибы вліяніе разнѣна ограничивалось удешевленіемъ товара по цѣнамъ пониженнымъ, то между продажными цѣнами на монету и курсами государственнаго банка въ каждомъ данномъ мѣстѣ должна бы быть разница на сумму расхода по перевозкѣ или выпискѣ монеты изъ С.-Петербурга, гдѣ исключительно производится разнѣна; и на сумму этихъ расходовъ, такъ или иначе опредѣляемыхъ, цѣны на монету въ этомъ мѣстѣ должны были бы стоять выше курсовъ государственнаго банка. Такъ бываетъ со всякимъ другимъ товаромъ въ подобномъ случаѣ, если только этотъ товаръ можетъ быть также легко перевозимъ какъ звонкая монета. Между тѣмъ вездѣ, гдѣ мы наблюдали продажныя цѣны на монету, онѣ не только никогда не стояли выше курсовъ государственнаго банка, но напротивъ того большею частію стояли ниже. Курсы государственнаго банка сдѣлались тахішимъ для вольныхъ курсовъ. Въ то же самое время падали повсемѣстно и покупныя цѣны. Когда мы удивлялись, что есть охотники отдавать мѣняламъ монету за кредитные билеты гораздо дешевле нежели они могутъ отдать ее въ государственномъ банкѣ за тѣ же кредитные билеты, то мѣнялы отвѣчали намъ, „что для этого нужно ѣхать въ Петербургъ, что это чегонибудь да стоить“; когда же мы спрашивали ихъ: „какъ они могутъ продавать монету по такимъ низкимъ цѣнамъ, сравнительно съ прежними цѣнами?“ они отвѣчали: „что же будемъ дѣлать, когда по этимъ цѣнамъ вы-

дать золото и серебро въ государственномъ банкѣ? Та-
 кіе отвѣты для всякаго другаго товара были бы бессмыс-
 ленны и доказывали бы, что торговцы или не понимаютъ
 своего дѣла или были съ нами не искренни. Но тутъ не
 было ни того, ни другаго; мѣняамъ говорили намъ сущую
 правду. Ихъ слова изображаютъ настоящую сущность ихъ
 дѣла, которое совершенно отлично отъ всякаго другаго
 рода торговли. „У насъ отняли хлѣбъ этимъ размѣномъ,“
 говорили они намъ. И дѣйствительно, открытіе размѣна угро-
 зило уничтожить самый промыселъ торговцевъ денегъ, ибо
 размѣнъ уничтожаетъ самый предметъ этого промысла, то-
 есть, *значеніе звонкой монеты, какъ товара*. Описывая обсто-
 ятельства бывшія до размѣна, мы видѣли, что звонкая монета
 сдѣлалась товаромъ, и совершенно свыкался съ этимъ по-
 нятіемъ *монеты-товара*. Поэтому мы и могли, и должны
 были сравнить размѣнъ съ предложеніемъ неограничен-
 ныхъ запасовъ товара по пониженнымъ цѣнамъ; но по-
 слѣдствія размѣна оказываются иными нежели послѣдствія
 простой конкуренціи новыхъ запасовъ товара по цѣнамъ
 пониженнымъ, ибо самый размѣнъ кредитныхъ билетовъ
 на звонкую монету и обратно, есть, по самой своей
 сущности, не продажа звонкой монеты, а вѣчто совершенно
 другое. При продажѣ новыхъ запасовъ товара по цѣнамъ
 пониженнымъ, спросъ на товаръ не только чрезъ это не
 ослабѣваетъ, а даже усиливается, ибо чѣмъ дешевле то-
 варъ, тѣмъ сбытъ его болѣе возрастаетъ и рынокъ расши-
 рается. На нашъ же товаръ спросъ не только не увели-
 чился съ пониженіемъ цѣнъ, но напротивъ того быстро
 сталъ ослабѣвать и почти вовсе исчезать; въ этомъ-то
 особомъ обстоятельстве и заключается отлччіе нашего
 товара отъ всякаго другаго, и отъ него завистли всѣ
 замѣченныя нами особыя обстоятельства, сопровождав-
 шія пониженіе цѣнъ на него. „Прежде всѣ искали золо-
 та и серебра, а теперь когда его стали выдавать, ни-
 кто о немъ не думаетъ,“ говорили намъ повсемѣстно,
 одни понимая въ чемъ дѣло, другіе вовсе не понимая и
 пожимая плечами. Этотъ фактъ всеобщій, и онъ былъ оче-
 виденъ для насъ въ разныхъ коммерческихъ случаяхъ, ко-
 торыхъ мы были свидѣтелями. Такъ, во всѣхъ гуртовыхъ
 сдѣлкахъ, купцы рѣшительно избѣгали полученій звонкою

монетою, хотя она и была предлагаема имъ по курсу пониженному противъ курса государственнаго банка; на Коренной ярмаркѣ не охотно брали полуимперіалы въ платежъ за товары въ 5 р. 65 к.; на Ильинской отказывались брать ихъ даже въ 5 р. 60 к., не смотря на то что курсъ государственнаго банка былъ въ то время 5 р. 70 к., и сами купцы вносили полуимперіалы въ мѣстное отдѣленіе банка по курсу 5 р. 60 к. Намъ объясняли на наши вопросы, что полученія звонкою монетою не выгодно, что какъ деньги она не удобна, а какъ товаръ ее больше не спрашиваютъ,—что она *перестаетъ быть товаромъ*. Дѣйствительно, намъ повсемѣстно говорили про звонкую монету, что товаромъ она была до открытія размѣна. Дѣло въ томъ, что съ удешевленіемъ всякаго товара, сущность его какъ товара, то-есть, какъ предмета удовлетворяющаго какой-либо потребности, не измѣняется, напротивъ того удешевленіе товара влечетъ за собою удовлетвореніе посредствомъ него бѣльшаго количества потребностей, для которыхъ прежде служили другіе, болѣе дешевые товары. Поэтому спросъ на всякій товаръ, съ удешевленіемъ его не только не упадаетъ, а возрастаетъ, и затѣмъ расширяется рынокъ для продажи товара и коммерческія операціи по приобрѣтенію и продажѣ. Ничего этого не было съ торгомъ звонкою монетою; ибо съ открытіемъ размѣна, измѣнилась самая сущность *потребности въ ней какъ товара*, обуславливавшая всѣ операціи на монету и все движеніе цѣнъ на нее. Всѣ замѣченныя нами явленія послѣ открытія размѣна не могутъ быть объяснены иначе какъ кореннымъ измѣненіемъ происшедшимъ въ самой этой *потребности*, создававшей спросъ на монету, который постоянно возросталъ до размѣна и внезапно ослабѣлъ и почти исчезъ съ его открытіемъ. А такимъ внезапнымъ паденіемъ спроса объясняются и всѣ особенности сопровождавшія пониженіе цѣнъ на монету.

Въ чемъ же заключалась эта могущественная *потребность*, превратившая въ теченіи шести лѣтъ звонкую монету изъ денегъ, изъ орудія мѣны, въ товаръ, въ предметъ особой отрасли торговли и спекуляціи, и почему эта потребность измѣнилась или лучше стала исчезать въ Россіи послѣ открытія размѣна?

Описывая положеніе вещей до размына, мы уже отчасти коснулись обстоятельствъ, вытѣснившихъ звонкую монету изъ денежнаго обращенія и сдѣлавшихъ изъ нея предметъ особыхъ коммерческихъ операций и спекуляцій; теперь мы должны ближе вникнуть въ эти обстоятельства, чтобы уразумѣть въ чемъ они измѣнились. Мы уже знаемъ на какое употребленіе шла звонкая монета исчезнувшая у насъ изъ обращенія: на сбереженіе и накопленіе, на переплавъ, и на вывозъ. Всѣ эти различные виды употребленія звонкой монеты производили спросъ на нее. Надо даже полагать, что влеченіе къ такому употребленію монеты въ теченіи шести лѣтъ повсемѣстно усиливалось у насъ, ибо спросъ и цѣны на монету постоянно возрастали; и на оборотъ, если теперь цѣны на монету стали упадать и спросъ на нее какъ на товаръ почти вовсе исчезъ, то надо полагать, что ослабѣло или даже исчезло въ людяхъ самое влеченіе къ различнымъ вышеупомянутымъ видамъ употребленія монеты. Почему же это такъ произошло? Всѣ эти различные виды употребленія монеты, и сбереженіе, и переплавъ, и вывозъ, столько же возможны теперь какъ были прежде; положительное истощеніе въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ существующихъ у насъ запасовъ монеты, свидѣтельствуемое всѣми торговцами и спекулянтами денегъ, и постоянный отливъ ея за границу, должны были бы, казалось, даже усилить нынѣ спросъ на нее и возвысить ея цѣнность. Между тѣмъ случилось совершенно противное явленіе. Невозможно искать причинъ этого явленія въ какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствахъ, измѣнившихъ, независимо отъ размына, годность монеты для всѣхъ бывшихъ у насъ видовъ ея употребленія: сбереженія, переплава и вывоза, или въ обстоятельствахъ сдѣлавшихъ всѣ эти виды употребленія менѣе возможными или выгодными теперь чѣмъ прежде. Относительно сбереженія и переплава никто въ этомъ и не сомнѣвается; но относительно вывоза монеты за границу многіе указываютъ на особая причина, будто бы оказавшаяся въ 1862 году. Люди имѣющіе особый, искажательный взглядъ на экономическіе вопросы, объясняютъ, что вывозъ звонкой монеты за границу прекратился вслѣдствіе измѣнившагося въ нашу пользу такъ-называемаго торговаго баланса, а вмѣстѣ съ тѣмъ

ослабѣлъ будто бы и спросъ на монету, и упали ея курсы въ Россіи. Мы бы не считали нужнымъ останавливаться на подобномъ взглядѣ, еслибъ онъ не былъ у насъ довольно распространенъ и не прокрадывался даже въ спеціальныя финансовыя органы, — въ изданіи которыхъ участвуютъ люди посвятившіе себя изученію экономическихъ вопросовъ ¹. Однако самое простое разсужденіе можетъ доказать неосновательность такого взгляда. Никакой самый выгодный ² балансъ по иностранной торговлѣ, или излишекъ вывоза передъ ввозомъ, не въ силахъ самъ по себѣ уменьшить или прекратить вывозъ звонкой монеты, когда вывозъ дѣлается выгоднымъ, какъ онъ былъ у насъ въ послѣднія шесть лѣтъ. Звонкая монета можетъ быть вывозима не для одной только приплаты за излишекъ ввоза иностранныхъ товаровъ передъ вывозомъ отечественныхъ товаровъ. Предположимъ самый крайній предѣлъ выгоднаго отношенія вывоза къ ввозу, то-есть, предположимъ, что вовсе нѣтъ ввоза иностранныхъ товаровъ, и тогда звонкая монета, если она не можетъ идти въ обмѣнъ на иностранныя товары, можетъ быть вывозима за границу для помѣщенія въ иностранныя кредитныя бумаги, государственныхъ фондахъ и векселяхъ. Такъ и было у насъ. Независимо отъ приплаты по иностранному балансу, монета уходила изъ внутренняго денежнаго обращенія для помѣщенія за границей. Напротивъ того, дороговизна монеты въ Россіи должна была бы, казалось, побудить къ ея ввозу, который въ формѣ помѣщенія въ русскія кредитныя бумаги возможенъ даже безъ всякаго вѣвоза русскія товаровъ, еслибъ они дѣйствительно были вовсе не нужны иностранцамъ. Между тѣмъ мы видимъ совершенно противоположныя явленія: монета уходитъ изъ Россіи за границу въ то самое время, когда она постоянно дѣлается въ Россіи дороже, и даже начинаетъ ввозиться въ Россію именно когда она дѣлается дешевле.

Всѣмъ извѣстно паденіе нашихъ иностранныхъ вексельныхъ курсовъ до 1862 года и возвышеніе ихъ въ

¹ См. Народное Богатство 1862 г. № 23.

² Выгодный—въ смыслѣ придаваемомъ этому слову людьми имѣющими подобный взглядъ на экономическіе вопросы.

этомъ году. Вексельный курсъ точно также измѣнился въ нашу пользу послѣ открытія разнѣна, какъ послѣ него понизились цѣны звонкой монеты внутри Россіи. Въ этой мѣрѣ правительства должны мы искать ключа къ объясненію всѣхъ новыхъ и какъ бы противорѣчивыхъ явленій въ нашемъ денежномъ обращеніи, также какъ прекращеніемъ разнѣна объясняются всѣ предыдущія явленія, и тщетно стали бы мы искать объясненія въ какихъ-либо другихъ независимыхъ отъ разнѣна обстоятельствахъ. Разнѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету въ государственномъ банкѣ кореннымъ образомъ измѣнилъ самую потребность, создавшую спросъ на монету какъ на товаръ, а за тѣмъ и кореннымъ образомъ измѣнилъ значеніе монеты какъ товара, обращая ее къ первоначальному ея значенію монеты, или денегъ.

Дѣйствительной потребности въ употребленіи звонкой монеты на сбереженіе, переплавъ и вывозъ было у насъ въ послѣднія шесть лѣтъ никакъ не болѣе чѣмъ въ 1862, или, лучше, ея и тогда было также мало какъ и теперь. Эта потребность была создана и поддерживалась искусственно прекращеніемъ разнѣна или насильственнымъ курсомъ кредитныхъ билетовъ. Безъ этого особаго обстоятельства не можетъ быть никакихъ выгодъ къ тому употребленію звонкой монеты какое ей давалось; очевидно, что само по себѣ накопленіе и храненіе капиталовъ въ видѣ монеты и неудобно, и невыгодно; точно также гораздо удобнѣе и выгоднѣе употреблять для издѣлій слитки металла нежели монету; наконецъ, нѣтъ никакой выгоды вывозить звонкую монету изъ Россіи для снабженія всемірныхъ рынковъ, гораздо болѣе обильныхъ монетою чѣмъ Россія. На послѣднее, какъ мы уже и сказали, возражаютъ, что звонкая монета была вывозима вслѣдствіе необходимости приплаты за иностранные товары, ввозъ которыхъ постоянно превышалъ въ послѣдніе года вывозъ нашихъ товаровъ, и который въ нынѣшнемъ году значительно уменьшился. Въ этомъ такъ-называемомъ невыгодномъ балансѣ видятъ исключительную причину вывоза звонкой монеты и паденія нашего иностраннаго вексельнаго курса. Нисколько не отрицая временныхъ отливовъ монеты и временнаго вздорожанія векселей на иностранныя биржи,

подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ отношеній иностранной торговли, — чего отрицать невозможно, — и допуская даже, что эти отношенія, также какъ и обязательные и необязательные платежи русскими деньгами за границей, могутъ ухудшать или улучшать обстоятельства вексельнаго курса и усиливать или ослаблять вывозъ монеты за границу ¹, мы не можемъ видѣть въ этихъ обстоятельствахъ коренной причины *постояннаго* возвышенія иностраннаго вексельнаго курса ² и одновременнаго съ нимъ возвышенія внутреннихъ цѣнъ на звонкую монету при обмѣнѣ ея на кредитные билеты.

Когда говорятъ о международномъ балансѣ, какъ о единственной причинѣ возвышенія цѣнности денегъ и исчезновенія ихъ изъ обращенія, и когда говорятъ о денежной приплатѣ по балансу, какъ о единственномъ способѣ вывоза денегъ, то совершенно забываютъ о другомъ каналѣ для перехода денегъ изъ одной страны въ другую, — именно помѣщенію денегъ въ видѣ капитала, или о переводѣ капиталовъ изъ одной страны въ другую. Для этого, какъ мы уже сказали, нѣтъ никакой надобности въ вывозѣ товаровъ изъ одной страны въ другую; капиталы могутъ быть помѣщаемы въ странѣ, изъ которой не вывозится товара ни на одинъ рубль. Еслибы Россія дѣйствительно нуждалась въ звонкой монетѣ, то высота роста капиталовъ въ Россіи, сравнительно съ Европою, и дороговизна у насъ звонкой монеты должны были бы привлечь къ намъ звонкую монету посредствомъ перевода сюда иностранныхъ капиталовъ. Но для перехода иностранныхъ капиталовъ необходимо прежде всего одно условіе: *прочность денежной единицы*, а ея то и не было въ Россіи во время прекращенія размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, или насильственнаго ихъ курса.

¹ Въ выѣшнемъ году ввозъ иностранныхъ товаровъ, дѣйствительно, уменьшился (хлопокъ), но вѣсть съ тѣмъ наша азіятская торговля потребовала большаго вывоза звонкой монеты чѣмъ прежде, и иностранные платежи русскими деньгами также увеличились.

² Если иностранный вексельный курсъ возвысился нѣсколько мѣтъ чѣмъ внутренній курсъ звонкой монеты, или даже, то это единственно потому что первый былъ искусственно поддерживаемъ посредствомъ прavitельственной покупки иностранныхъ векселей.

Насильственный курсъ кредитныхъ билетов лишаетъ все наше денежное обращеніе прочной *монетной единицы*, какою можетъ быть только звонкая монета или известное количество драгоцѣннаго металла, составляющаго всемірную дѣйствительную, а не воображаемую цѣнность. Хожденіе кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ звонкою монетою было обезпечено закономъ; приемъ рубля въ кредитныхъ билетахъ наравнѣ съ рублемъ въ серебряной или золотой монетѣ, во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ и платежахъ, былъ обязателенъ по закону. Такой обязательный курсъ какого-нибудь денежнаго знака можетъ быть допущенъ безъ разстройства всего денежнаго обращенія лишь при постоянномъ размѣнѣ его на звонкую монету, которую онъ представляетъ и безъ которой онъ не имѣетъ никакой цѣнности. Между тѣмъ излишніе выпуски кредитныхъ билетовъ, сверхъ потребностей обращенія, переполнили рынокъ деньгами, уронили ихъ цѣну, размѣнъ былъ прекращенъ и образовался, какъ мы видѣли, даже на звонкую монету. Собственно не звонкая монета возвышалась въ цѣнѣ, а падали кредитные билеты, которые между тѣмъ по закону должны были приниматься наравнѣ съ звонкою монетою. Колебались и падали въ цѣнѣ кредитные билеты; при обмѣнѣ на нихъ дорожали всѣ товары, въ томъ числѣ и звонкая монета. Монета какъ способъ платежа, какъ орудіе мѣны, цѣнилась ниже своего достоинства; всякая сдѣлка и всякое обязательство, въ которыхъ звонкая монета принималась бы по настоящей своей цѣнѣ, а не по установленной закономъ, то-есть, низшей, не была охраняема государственною властію. Поэтому каждый владѣлецъ звонкой монеты вынужденъ былъ, — чтобы не потерпѣть убытка, — предпочесть употребленіе монеты, какъ товара, употребленію ея какъ денегъ; ибо какъ товаръ монета цѣнилась выше чѣмъ какъ деньги, какъ орудіе платежа. Вотъ коренная причина вытѣкавшая монету изъ обращенія и принуждавшая коптить, переплавлять и вывозить ее.

Кредитные билеты, какъ дешевѣйшій видъ денегъ или государственной монеты, охраняемый закономъ, заступилъ во всѣхъ безъ изыятія платежахъ или въ денежномъ обращеніи мѣсто другаго вида денегъ, *звонкой монеты*. Последняя собственно не возрастала въ цѣнѣ, а сохраняла

свою настоящую цѣну въ сравненіи съ цѣною, къ какой обязывалъ ее въ денежномъ обращеніи узаконенный курсъ кредитныхъ билетовъ. Возвышеніе въ цѣнѣ звонкой монеты лишь *относительно кредитныхъ билетовъ*, а не самой по себѣ (или относительно всѣхъ безъ изъятія товаровъ) никакъ не должно быть упускаемо изъ виду. Звонкая монета возвысилась даже въ цѣнѣ (относительно кредитныхъ билетовъ) гораздо менѣе чѣмъ всѣ прочіе товары, которые, какъ извѣстно, вздорожали на кредитные билеты гораздо болѣе чѣмъ на 14—15%, то-есть болѣе лажа.

Слабое сравнительно со всѣми прочими товарами возвышеніе цѣнъ на звонкую монету въ обмѣнъ на кредитные билеты, или что то же самое, слабое паденіе послѣднихъ относительно звонкой монеты, происходило: 1) отъ всѣхъ затрудненій сопряженныхъ съ продажей звонкой монеты или съ обмѣномъ ея на кредитные билеты по вольнымъ цѣнамъ, а также и съ употребленіемъ монеты, какъ товара (напримѣръ съ переплавомъ); 2) отъ приѣма кредитныхъ билетовъ во всѣхъ платежахъ въ казну, составляющихъ огромную массу платежей во всякой странѣ, а въ Россіи въ особености; 3) отъ всеобщей увѣренности, что размѣнъ кредитныхъ билетовъ лишь приостановленъ, а не вовсе прекращенъ, и рано или поздно будетъ возобновленъ. Ко всему этому сдѣлало бы можеть быть присоединить и продолжительную привычку публики къ бумажнымъ деньгамъ. Всѣ эти обстоятельства, съ одной стороны, поддерживали цѣнность кредитныхъ билетовъ, какъ денегъ, какъ орудія мѣны, сравнительно съ другимъ родомъ этого орудія, звонкою монетой, а съ другой стороны парализировали возвышеніе цѣнъ на звонкую монету, какъ товара. Такимъ образомъ какъ ни возрасталъ у насъ во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ лажъ на звонкую монету, можно положительно сказать, что она цѣнилась въ Россіи низко, и какъ монета, и какъ товаръ: какъ монета, какъ способъ расплаты, какъ охраняемое закономъ основаніе всѣхъ расчетовъ и всѣхъ обязательствъ, она цѣнилась закономъ наравнѣ съ кредитными билетами, цѣнность которыхъ упала и продолжала постепенно падать; какъ товаръ, при продажѣ на кредитные билеты, бывшіе единственнымъ законнымъ мѣриломъ цѣнностей въ Россіи, звонкая монета сравнительно

со всѣми прочими товарами, также цѣвилась дешево. Какъ же послѣ этого удивляться, что звонкая монета исчезла изъ обращенія, отчасти обратившись въ товаръ, посредствомъ накопленія, переплава и передачи изъ однихъ рукъ въ другія въ качествѣ товара, отчасти убѣгая вовсе изъ Россіи, туда, гдѣ она могла сохранить настоящую свою цѣнность, превращаясь въ процентныя кредитныя бумаги или же въ товары, которые сравнительно съ звонкою монетою цѣвились въ Россіи дороже?

Такимъ образомъ, во весь періодъ насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, въ Россіи не только не было на звонкую монету дороговизны, которая непременно привлекала бы къ намъ ввозъ монеты изъ другихъ странъ, а напротивъ того у насъ была дешевизна звонкой монеты. Поэтому самымъ выгоднымъ коммерческимъ дѣломъ въ Россіи для иностранцевъ имѣвшихъ съ нею сношенія было вывозить изъ Россіи звонкую монету, которая какъ государственная монета, какъ деньги или способъ расплаты, обезпеченный государственною властію, цѣвилась во всѣхъ государствахъ Европы дороже чѣмъ въ Россіи, а какъ русскій товаръ (въ обмѣнъ на иностранные товары) цѣвилась въ Россіи дешевле всѣхъ другихъ русскихъ товаровъ; такая наиболѣе выгодная для иностранцевъ операція съ Россіей заставляла ихъ обмѣнивать возможно большее количество иностранныхъ товаровъ на самый дешевый русскій товаръ—металлическія деньги, оставшіяся въ Россіи, и также заставляла обмѣнивать на иностранные товары возможно менѣе всѣхъ прочихъ русскихъ товаровъ, стоившихъ и на русскія деньги (кредитные билеты), и на иностранныя (на звонкую монету, которая бы ввозилась въ Россію какъ деньги) гораздо дороже русской звонкой монеты. Теперь становится понятнымъ почему насильственный курсъ бумажныхъ денегъ искусственно соощрлялъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію и парализировалъ вывозъ, и почему усиленный вывозъ звонкой монеты изъ Россіи и мажмая дороговизна звонкой монеты у насъ не только не происходили отъ такъ-называемаго невыгоднаго нашего баланса, а напротивъ того самъ этотъ балансъ былъ послѣдствіемъ всѣхъ условій нашего денежнаго обращенія, вынуждавшихъ вывозъ звонкой

монеты изъ Россіи. При этихъ условіяхъ, иностранцы¹ должны были стараться возможно скорѣе реализовать или обращать свои товары въ русскую звонкую монету, которая пока была дешевле всѣхъ прочихъ русскихъ товаровъ; но постепенно, несмотря на всѣ преслѣдованія русскаго закона, превратившись въ товаръ, дорожала, ежедневно дѣлалась менѣе выгодною для приобрѣтенія въ Россіи. Выгодамъ операціи по превращенію иностранныхъ товаровъ; въ русскую звонкую монету содѣйствовало и искусственное поддержаніе правительствомъ иностраннаго валютнаго курса, которое парализовало возвышеніе курса звонкой монеты на кредитные билеты, и не могло быть продолжительно. Самымъ невыгоднымъ для иностранцевъ коммерческимъ дѣломъ въ Россіи было оставлять здѣсь на срокъ свои капиталы. Эти послѣдніе оцѣнивались въ Россіи на русскую денежную единицу, цѣнность которой постоянно падала въ сравненіи со всемірною металлическою денежною единицею, и потому реализація этихъ капиталовъ способами защищаемыми русскимъ закономъ, грозила становиться съ каждымъ днемъ менѣе выгодною. Люди менѣе осторожные, а также не желавшіе вдругъ прекратить свои коммерческія связи съ Россіей или довѣрившіе возможности возстановленія цѣнности русскихъ бумажныхъ денегъ, старались ввозить въ Россію какъ можно болѣе иностранныхъ товаровъ, превращая ихъ какъ можно скорѣе въ русскую звонкую монету², или давая Россіи возможно болѣе краткіе кредиты; люди болѣе осторожные или менѣе довѣрившіе попеченіямъ правительства и силамъ государства къ прекращенію насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ и колебаній русской денежной единицы, спѣшили реализовать свои капиталы въ Россіи, и дать имъ помѣщеніе за границей въ прочной иностранной денежной единицѣ. Правительство уже вынуждено было заключать займы внѣшніе, отчасти и внутренніе (4% банковые билеты), съ исчисленіемъ процентовъ и капитала исключительно на звонкую монету; того же права добивались въ-

¹ Подъ иностранцами мы разумѣемъ здѣсь всѣхъ ввозчиковъ товаровъ въ Россію.

² А не то превращая русскіе товары въ иностранную монету, съ тѣмъ чтобъ оставлять ее за границей.

сколько разъ и частныя лица. Продолженіе этого положенія вещей угрожало или прекращеніемъ всякихъ коммерческихъ связей съ иностранными государствами и полнымъ прекращеніемъ внутри Россіи всякихъ кредитныхъ сдѣлокъ, или же необходимостью прекращенія насильственного курса кредитныхъ билетовъ посредствомъ отмены обязательнаго или узаконеннаго ихъ курса во всѣхъ платежахъ между частными лицами и въ казну, то-есть другими словами, посредствомъ государственнаго банкротства. Последнее было бы выгодноѣе перваго, но мы, кажется, можемъ избѣгать того и другаго. Правительство рѣшилось открытіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету возстановить единственное прочное основаніе ихъ дѣйствительной, а не фиктивной цѣнности, и вмѣстѣ постепеннымъ увеличеніемъ количества драгоцѣннаго металла выдаваемого за нарицательную цѣну кредитныхъ билетовъ, или пониженіемъ курсовъ звонкой монеты, возстановить первоначальное отношеніе бумажныхъ денегъ къ звонкой монетѣ или первоначальную цѣнность нашей денежной единицы. Черезъ эту мѣру прекратился насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ, безъ отмены обязательнаго ихъ курса, ибо кредитный билетъ *уже илѣтъ* въ настоящее время для каждаго его владѣльца *извѣстную* металлическую или всемірную цѣнность, и *можетъ илѣтъ* полную означенную на немъ цѣнность, если кредитный билетъ или долговое обязательство, въ которое онъ будетъ превращенъ владѣльцемъ, сохранится въ его рукахъ до возстановленія полной цѣнности кредитнаго билета. Такимъ образомъ, для всѣхъ сдѣлокъ на наличныя деньги, колебанія денежной единицы можно сказать уже не существуютъ съ 1-го мая 1862 г., а для всѣхъ кредитныхъ и срочныхъ сдѣлокъ онѣ прекратятся съ весьма близкимъ возстановленіемъ нарицательной цѣны кредитныхъ билетовъ. При увѣренности въ этомъ возстановленіи и колебаніи денежной единицы сами собою прекращаются для долго-срочныхъ кредитныхъ сдѣлокъ, преимущественно парализованныхъ шаткостью денежной единицы, а соображенія и расчеты по краткосрочнымъ сдѣлкамъ могутъ быть прямо основаны на этихъ колебаніяхъ, принявшихъ

правильный ходъ и напередъ извѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ, *постепенность* возстановленія нарицательной цѣны ассигнаціонной денежной единицы была необходима для предотвращенія слишкомъ крутыхъ потрясеній въ цѣнахъ въсѣхъ товаровъ и во всѣхъ коммерческихъ расчетахъ, основанныхъ на упавшей цѣнности кредитныхъ билетовъ.

Съ такой точки зрѣнія должно судить объ этой важной финансовой мѣрѣ, и только съ такой точки зрѣнія становятся понятными послѣдствія ея, выше нами показанныя, и также становится понятною польза этой мѣры для всего нашего народнаго хозяйства. Казенною продажей золота и серебра по пониженнымъ цѣнамъ, какою можетъ представляться размѣнъ для близорукихъ наблюдателей, не могутъ быть объяснены, какъ мы уже видѣли, приведенные нами факты торга монетою послѣ открытія размѣна. Отнятіемъ хлѣба у мѣняль и денежныхъ спекулянтовъ далеко не исчерпывается государственная польза этой мѣры, направленной не противъ этого промысла, а противъ условій денежнаго обращенія, его породившихъ. Съ другой стороны, благоприятныя явленія въ движеніи звонкой монеты, въ ея даже на внутреннихъ рынкахъ и въ иностранныхъ вексельныхъ курсахъ, обнаружившіяся въ 1862 году, не могутъ быть объяснены, какъ мы также видѣли, измѣненіемъ обстоятельствъ нашей иностранной торговли и отношеніями ввоза и вывоза товаровъ. Эти отношенія такъ-называемаго торговаго баланса гораздо болѣе зависѣли сами отъ колебаній денежной единицы, вынуждавшихъ вывозъ звонкой монеты изъ Россіи и противодѣйствовавшихъ вывозу другихъ отечественныхъ товаровъ. ¹

¹ Если офиціальныи документъ (всеобщаянѣишій докладъ г. министра финансовъ 2 ноября 1862 г.), излагающій нѣкоторые результаты открытія размѣна, заслуживаетъ какого-нибудь упрека, то конечно не за то, что порицается въ немъ однимъ изъ политико-экономическихъ органовъ нашей печати, а за нѣчто совершенно противоположное. (См. *Народное Богатство* № 23, 1862 г.) Мы не только не можемъ, подобно упомянутой газетѣ, упрекнуть этотъ документъ „въ грохотъ восхваленіи плодотворныхъ слѣдствій“, вызванныхъ операціей размѣна, и приписываемыхъ этою газетой разнымъ постороннимъ этой мѣрѣ обстоятельствамъ, въ томъ числѣ и *благоприятному торговому балансу* (?), но готовы были бы даже замѣтить, что офиціальныи документъ не придаетъ открытію размѣна

Какъ насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ изгналъ изъ денежнаго обращенія звонкую монету, произвелъ лажъ на нее, вынудилъ употреблять какъ товаръ, а не какъ деньги, и наконецъ создалъ торгъ и цѣлый рядъ спекуляцій для этого товара, такъ открытіе размѣна отнимаетъ у звонкой монеты характеръ товара и снова превращаетъ ее въ деньги, въ способъ платежа и мѣны. Этимъ объясняется быстрое, почти внезапное прекращеніе спроса на звонкую монету, какъ на товаръ, а чрезъ прекращеніе этого спроса торговля цѣны на звонкую монету внезапно подчинилась въ своемъ движеніи курсамъ государственнаго банка; эти курсы опредѣлили повсемѣстно maximum для продажныхъ цѣнъ, несмотря на разстоянія отъ географическаго пункта размѣна; покупныя цѣны (выражающія собою расчеты покупателей на перепродажу и спекуляцію) пришли въ чрезвычайное волненіе и были совершенно сбиты ¹; и разница между продажными и покупными розничными цѣнами (выражающая собою крайніе предѣлы спекуляціи въ данное время и находящаяся въ прямой пропорціи къ лажу) стала постепенно уменьшаться и приближаться къ простому промѣну денегъ.

достаточно значенія, отчасти объясняя благоприятные его результаты разными побочными причинами, въ томъ числѣ и отношеніемъ ввоза къ вывозу. Скромное указаніе на это послѣднее обстоятельство въ офиціальномъ документѣ, почему-то просмотрѣнное политико-экономическою газетою, которая возводитъ это обстоятельство, вопреки самымъ основнымъ началамъ экономической науки, на степень важной дѣйствующей причины благоприятныхъ результатовъ въ нашемъ денежномъ обращеніи — это скромное указаніе мы не будемъ подвергать придирчивой критикѣ хорошо понимая офиціальныя условія и причины изложенія правительственныхъ бумагъ. Въ оцѣнкѣ финансоваго управленія для насъ гораздо важнѣе принимаемая имъ мѣра нежели литературное ихъ изложеніе, также какъ въ литературѣ гораздо важнѣе правильность высказываемыхъ взглядовъ нежели самая добросовѣстность побужденій. Тѣмъ менѣе можемъ мы извинять неправильность самыхъ основныхъ экономическихъ понятій органа, говорящему, нѣкоторымъ образомъ, во имя экономической науки. Послѣ этого мы уже считаемъ излишнимъ упомянуть здѣсь о взглядахъ на нашъ предметъ, высказываемыхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, систематически распространяющихъ у насъ противонаучныя экономическія понятія.

¹ Замѣчательно, что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ звонкая монета принималась въ платежи конторами государственнаго банка по курсу она продавалась столешникамъ публикою даже ниже этого курса.

Эти явленія доказываютъ, съ одной стороны, довѣріе коммерческаго міра къ предпринятому возстановленію нашей денежной единицы, какъ внутри Россіи, такъ и за границей, съ другой стороны — чрезвычайную хотя вообще безсознательную потребность имѣть прочную денежную единицу ¹, какою можетъ быть только звонкая монета. Наша звонкая монета, вопреки этой потребности, такъ-сказать насильственно была превращена въ товаръ, и потому при первой возможности, данной ей открытіемъ размѣна, вышла на настоящій свой путь: служить орудіемъ мѣны, способомъ расплаты, деньгами имѣющими свою, опредѣленную закономъ, нормальную цѣнность, къ которой прилаживаются въ мѣнѣ всѣ прочія цѣнности. Замѣчательно до какой степени велика эта сила вещей, требующая одной *нормальной цѣнности* для всѣхъ расчетовъ въ коммерческомъ мірѣ: на всѣхъ коммерческихъ пунктахъ, на которыхъ мы находились (въ особенности значительныхъ, какъ Харьковъ), мы замѣчали, что въ розничной торговлѣ звонкая монета охотно принималась и отдавалась по курсамъ государственнаго банка, которые приняли названіе *нормальной цѣны* монеты, и даже въ то время, когда тутъ же у мѣняль были другія цѣны, большею частію ниже. Это обстоятельство также даетъ поводъ говорить, что правительство создало *лажз* на монету; но до открытія размѣна, звонкая монета вовсе не обращалась какъ деньги, а какъ товаръ переходила изъ рукъ въ руки всегда по вольнымъ цѣнамъ (выше нарицательной). Только курсы государственнаго банка, какъ единственнаго государственнаго учрежденія, не обезцѣнивающего звонкую монету, дали ей возможность вступить въ свои права, и нельзя сказать, чтобъ она злоупотребляла ими, когда мы знаемъ каковы были ея настоящія цѣны до размѣна. Напротивъ того, наше денежное обращеніе весьма легко уступило и подчинилось операциі основанной на здоровыхъ экономическихъ началахъ, и нельзя удивляться, что наше народное хозяй-

¹ Здѣсь, какъ уже замѣчено нами, мы совершенно выпускаемъ изъ виду взаимныя отношенія цѣнности между двумя драгоценными металлами, служащими матеріаломъ для монеты. Денежною единицею можетъ быть только одинъ металл и одна монета, какою у насъ *de facto*, хотя и не *de jure*, есть серебряный рубль, или цѣлковый.

ство, въ силу необходимости, стремится перейти отъ *мѣны товара на товаръ*, которая господствовала у насъ при бумажной денежной единицѣ, утратившей свое металлическое основаніе и потому болѣе воображаемой чѣмъ дѣйствительной, — перейти отъ этой неудобной формы мѣны, существующей у необразованныхъ народовъ, къ мѣнѣ денежной, къ продажѣ и куплѣ товаровъ на деньги.

Но всѣмъ извѣстно, что звонкая монета еще не вполне вступила въ обращеніе. Звонкая монета находится какъ бы на полупутѣ своего обращенія въ деньги. Иначе и быть не могло, ибо операція размѣна не удовольствовалась возстановленіемъ для денежной единицы металлическаго основанія, которое равномерно могло быть при объявленномъ разѣ навсегда курсѣ размѣна кредитныхъ билетовъ (даже даже пари), а вознамѣрилась возстановить нарицательную металлическую цѣнность бумажнаго рубля. При такомъ направленіи размѣна, нерѣшительное вступленіе звонкой монеты въ обращеніе не только не доказываетъ недовѣрія къ успѣшному окончанію операціи, а скорѣе напротивъ доказываетъ полное къ ней довѣріе. Никакъ не упуская изъ виду, что размѣнъ вовсе не есть продажа звонкой монеты, и что постепенное пониженіе курсовъ размѣна есть собственно не пониженіе цѣнъ золота и серебра, нисколько не зависящихъ отъ размѣна, а постепенное возвышеніе цѣнности кредитныхъ билетовъ, мы должны убѣдиться, что приобрѣтеніе кредитныхъ билетовъ, а потому и обмѣнъ звонкой монеты на кредитные билеты и употребленіе ея въ платежѣ, дѣлаются съ каждымъ пониженіемъ курса выгоднѣе, и потому всего выгоднѣе будутъ въ эпоху размѣна кредитныхъ билетовъ по нарицательной цѣнѣ. Кто довѣряетъ наступленію этой эпохи, и кто не спекулируетъ на монету, тому выгоднѣе дожидаться употребленія звонкой монеты въ своихъ оборотахъ, когда возстановится цѣнность кредитныхъ билетовъ, которые мы всегда рискуемъ получить въ свои руки, выпустивъ изъ нихъ звонкую монету. Слабое появленіе звонкой монеты въ публичномъ обращеніи также какъ и неохотное полученіе металлическихъ платежей гуртовыми купцами (упомянутое выше) доказываетъ вѣрность нашего взгляда.

Что касается собственно до спекулянтовъ на звонкую монету и вообще до покупателейъ и продавцовъ монеты какъ товара, то для нихъ владѣнiе монетою дѣлается ежедневно менѣе выгоднымъ, и товарный капиталъ ихъ въ монетѣ, съ каждымъ пониженiемъ курсовъ государственнаго банка, теряетъ свою цѣнность. Это очевидно изъ экономическаго значенiя всякаго товара, которое заключается въ измѣнчивости одной цѣнности относительно всѣхъ прочихъ цѣнностей; выгоды всякаго торга основаны на разницѣ цѣнъ товара во времени и въ пространствѣ. Звонкая монета перестаетъ у насъ быть товаромъ, и систематическое пониженiе цѣнъ ея относительно кредитныхъ билетовъ, на шаткости которыхъ была собственно основана спекуляцiя, влечетъ за собою неминуемые убытки для спекулянтовъ. Но и здѣсь намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенiямъ и къ теоретическимъ выводамъ: мы имѣемъ свидѣтельство фактовъ, на которые и будемъ опираться. Съ открытiемъ размѣна, спекуляцiя потерпѣла значительныя и совершенно неожиданныя для нея убытки; кромѣ того что курсъ, по которому долженъ былъ открыться размѣнъ, былъ неизвѣстенъ, и кромѣ того что спекулянты не слишкомъ-то довѣряли возможности размѣна, и даже надѣялись, вслѣдствiе паденiя цѣнъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до размѣна, получить большiе барыши, еслибы цѣны снова возвысились, — независимо отъ всего этого, невозможно было внезапно приостановить ходъ начатыхъ операцiй и изъять изъ этого промысла значительныя затраченныя въ немъ капиталы. Такъ спекулянты, закупивъ монету передъ размѣномъ по 112½, не успѣли продать ее и должны были послѣ открытiя размѣна отдавать за 110½. Главные заказчики монеты для вывоза въ Азiю обратились за нею въ банкъ, гдѣ могли получить ее дешевле. Въ первое время послѣ размѣна, покупщики монеты продолжали спекулировать исключительно на передачу монеты въ банкъ; но неуклонное пониженiе курсовъ государственнымъ банкомъ и слова „не позже такого-то срока такой-то курсъ“ въ опубликованномъ распоряженiи, — слова, сдѣрва не замѣченныя спекулянтами, — нанесли имъ рѣшительный ударъ.

Итакъ, изъ всѣхъ приведе нныхъ нами фактовъ и за-

Ключей можно достаточно убѣдиться: *вопервыхъ*, что колебанія нашей денежной единицы, возникшія изъ *неразличности* или *насилъственного курса* бумажныхъ представителей монеты, сопряжены были съ полнымъ разстройствомъ всего нашего денежнаго обращенія; и *вовторыхъ*, что главная цѣль открытія размѣна—*упроченіе денежной единицы*—уже сопровождается благоприятными послѣдствіями.

Эти благоприятные результаты оказываются вообще въ слѣдующемъ:

1. Лажъ на звонкую монету (или *депреціація* кредитныхъ билетовъ) неуклонно возраставшій въ теченіи шести лѣтъ съ прекращенія размѣна, стали быстро упадать, такъ что лодя до 14—15% передъ открытіемъ размѣна, лажъ (или *депреціація*) внезапно упалъ до 10% съ открытіемъ размѣна (1-го мая 1862 г.), и съ тѣхъ поръ постоянно держится курсовъ государственнаго банка. То же самое замѣчается и въ иностранныхъ вексельныхъ курсахъ, которые въ самое недавнее время (съ декабря 1862) стали, подобно внутреннему лажу, упреждать пониженіе курсовъ государственнаго банка.

2. Лажъ на звонкую монету, подчинившись вполнѣ курсамъ государственнаго банка, сдѣлался недоступенъ для спекуляціи, и звонкая монета, вступая въ опредѣленные, нормальные отношенія къ бумажнымъ деньгамъ, перестаетъ быть товаромъ.

3. Съ открытіемъ размѣна можно было считать единство денежной единицы уже упроченнымъ, еслибы не принятое правительствомъ возстановленіе первоначальной цѣнности кредитнаго рубля.

Эти важные результаты требовали до сихъ поръ, какъ уже извѣстно, назначительныхъ пожертвованій. Всего, въ теченіи перваго полугодія съ открыты размѣна, выдано государственнымъ банкомъ звонкой монеты, въ обмѣнъ на кредитные билеты, болѣе чѣмъ получено, на 11.880.991 р. Цифра эта въ которую поступило изъ 15 мил. ф. стерл. новаго заграничнаго займа лишь 11.198.802 р. 28 к., обозначаетъ денежное пожертвованіе принесенное пока государственнымъ казначействомъ на исправленіе нашей денежной системы. Замѣчательно, что въ 1861 г. совершенно безуспѣшно истрачено государственнымъ казначействомъ, для

той же самой цѣли улучшенія денежнаго обращенія и цѣнности кредитныхъ билетовъ, въ тотъ же самый періодъ времени, 25.608.851 р. (покупкою векселей и прямою выдачею монеты), то-есть, болѣе чѣмъ вдвое. Къ тому же, до 1862 г., звонкая монета выдавалась правительствомъ по нарицательной цѣнѣ кредитныхъ билетовъ, а иностранные векселя покупались имъ выше биржевыхъ курсовъ, и не смотря на это цѣнность кредитныхъ билетовъ постоянно упала; между тѣмъ какъ въ 1862 году, не смотря на то что монета выдавалась, по цѣнѣ кредитныхъ билетовъ, ниже ихъ нарицательной цѣнности, цѣнность ихъ стала быстро возвышаться: соображая это, мы не можемъ не быть поражены разницей въ достигнутыхъ результатахъ. Удивительнаго однако въ этой разницѣ нѣтъ ничего. Не въ денежныхъ пожертвованіяхъ заключается успѣхъ государственныхъ финансовыхъ мѣръ, а въ правильности экономическихъ началъ ими руководящихъ, и въ ихъ соответствіи съ обстоятельствами времени. До 1 мая 1862 г., въ теченіи періода насильственнаго курса кредитныхъ билетовъ, правительственная выдача звонкой монеты не могли имѣть ни малѣйшаго вліянія на цѣнность кредитныхъ билетовъ и на наше денежное обращеніе, съ которымъ онѣ не имѣли ничего общаго, кромѣ только того, что и звонкая монета, и кредитные билеты выпускались въ обращеніе изъ одного и того же вѣдомства. Въ операціи же разнѣна, выдачи звонкой монеты составляютъ совершенно второстепенное обстоятельство при главной цѣли — упрочить *денежную единицу* посредствомъ возстановленія металлическаго основанія кредитныхъ билетовъ. Самыя колоссальныя массы драгоцѣннаго металла имѣли бы тѣ же послѣдствія какъ и 25 милліоновъ выданныхъ въ 1861 г.

Излишне было бы распространяться здѣсь о важности прочной монетной единицы для народнаго и государственнаго хозяйства; это было бы все равно, что говорить о пользѣ изобрѣтенія денегъ. Можетъ-быть и это было бы излишне, въ особенности въ виду тѣхъ экономическихъ понятій, которыя не рѣдко высказываются въ нашей печати. Но не такова цѣль нашего труда, предпринятаго не для развитія теоріи, а для изслѣдованія и объясненія дѣйствительныхъ обстоятельствъ и затрудненій нашего со-

временнаго народнаго хозяйства. Скажемъ здѣсь только то, что болѣзни денежнаго обращенія, хотя и самыя опасныя для народнаго хозяйства, въ которомъ денежное обращеніе есть то же, что обращеніе крови въ животномъ тѣлѣ,—что эти болѣзни, и въ особенности разстройство главнаго корня ихъ, денежной единицы, наименѣе изъ всѣхъ экономическихъ золъ могутъ быть сознательно ощущаемы самими больными. Эти болѣзни сознаются большею частію не въ сущности своей, а въ своихъ гибельныхъ практическихъ послѣдствіяхъ для каждаго дѣйствующаго члена народнаго хозяйства, относимыхъ обыкновенно не къ коренной причинѣ, а къ разнымъ побочнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ.

Такъ и здѣсь: не внутренняя цѣнность ассигнаціоннаго рубля, не прочность денежной единицы занимаютъ у насъ большинство практическихъ умовъ, а вопросъ о количествѣ денегъ, или оборотныхъ способовъ, на недостатокъ которыхъ всѣ жалуются. Вопросъ о *количественныхъ отношеніяхъ денежнаго обращенія* къ потребностямъ промышленности, торговли и кредита, хотя также большею частію неправильно понимаемый въ практическомъ мірѣ, есть безъ сомнѣнія другая, чрезвычайно важная сторона денежнаго обращенія, нарочно оставленная нами въ сторонѣ для ясности изложенія, и находящаяся между тѣмъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о денежной единицѣ или такъ сказать о *качественныхъ отношеніяхъ* денежной системы.

Мы уже замѣтили эту связь, говоря о предположенной въ операціи размѣна, сверхъ упроченія денежной единицы, цѣли — возстановить первоначальную или нарицательную цѣнность кредитныхъ билетовъ. Съ возвышеніемъ этой цѣнности возрастаетъ постепенно масса денегъ находящихся въ нашемъ обращеніи. Извѣстно, что денежнымъ обращеніемъ выносятся не *всякое* количество денегъ и потому успѣхъ или лучше дальнѣйшее развитіе операціи размѣна будетъ мало зависѣть отъ отношеній наличной массы нашихъ денегъ къ потребностямъ обращенія.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

РОМАНСЪ.

Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося въ жизни страданьемъ,
Пламенемъ жгучимъ пахнуло въ крови!

Старыя пѣсни, знакомые звуки,
Сонъ безотвязно больной!
Точно изъ сумрака блѣдныя руки
Призраковъ нѣжныхъ манять за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой!
Добрую няней прильнувъ къ изголовью,
Старая пѣсня звучи надо мной!

Пою! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцвѣтетъ!
Можетъ-быть сердце утихнетъ больное,
И какъ дитя въ колыбели уснетъ.

А. ФЕТЪ.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ СТАВАССЕРЪ.

Есть много художниковъ съ аттестатами и дипломами, но мало между ними избранныхъ. Къ числу художниковъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, художниковъ по призванію, принадлежалъ Петръ Андреевичъ Ставассеръ. Развитие его таланта и вся его жизнь мнѣ хорошо извѣстны. Въ Академіи Художествъ мы росли и воспитывались вмѣстѣ, были товарищами-сверстниками; о дѣтствѣ же и о его домашней жизни вообще я узналъ подробно изъ дневника, который вела старшая сестра покойнаго художника, Катерина Андреевна; сверхъ того, со многими чертами его характера знакомить сохранившееся множество его писемъ изъ-за границы.

I.

Петръ Андреевичъ Ставассеръ родился въ Петербургѣ, 30-го октября 1816 года, отъ гражданскаго чиновника, Андрея Михайловича, и супруги его, урожденной Александровой. Восприемникомъ его при крещеніи былъ, какъ бы въ предзнаменованіе будущаго поприща новорожденнаго, ваятель Мартосъ, ректоръ Академіи Художествъ.

Петя, вспоминаетъ сестра его, былъ здоровелькій, хорошенькій мальчикъ, съ кудрявою бѣлокурою головкой, съ открытымъ лицомъ, добрыми глазами. Онъ былъ чрезвычайно рѣзвъ, и иногда бѣгалъ и игралъ до истощенія силъ:

такъ однажды, на дачѣ, спохватились его, стали искать.... и послѣ долгихъ поисковъ нашли спящимъ въ собачьей конурѣ. Любимою изъ его дѣтскихъ игръ было угощать двухъ младшихъ своихъ братьевъ. Въ эти минуты крошечный хозяинъ совершенно забывалъ о себѣ, и готовъ былъ отдать все. Кормленіе голубей и чижиговъ также было любимымъ его удовольствіемъ. Чувствительность и необыкновенная деликатность обнаруживались у него съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Выходя изъ пансіона, онъ всегда просилъ, чтобъ его провожали, или же старался уйти заблаговременно: ему были противны шумъ, крикъ и не рѣдко драки, которыя бываетъ между мальчиками, по отпуску изъ учебнаго заведенія. Онъ не терпѣлъ ничего грубаго, не могъ говорить неправды. Привязанность его къ матери была удивительная: онъ не отходилъ отъ ея постели, когда она бывала больна. Во всѣхъ его поступкахъ постоянно проглядывала необыкновенная нѣжность и доброта характера. Сложеніе Пети было деликатное, но не слабое. Иногда однако онъ чувствовалъ нервные припадки, чего-то боялся, по ночамъ вскакивалъ, ему чудилось что-нибудь страшное; потомъ насилу могли, бывало, успокоить и уложить его въ постель.

Нравственный складъ малютки, въ послѣдствіи, отозвался въ произведеніяхъ художника.

Еще въ дѣтствѣ оказалась въ немъ способность лѣпить изъ воску. Поступивъ, въ 1827 году, въ Академію Художествъ на десятомъ году, онъ съ трудомъ привыкалъ къ ученической жизни, къ переходамъ по длиннымъ холоднымъ корридорамъ и къ грубой пищѣ. Онъ очень скучалъ по домашнимъ, и потому мать, бывало, часто навѣщала его. Скучали впрочемъ и всѣ его одноклассники, осужденные прѣмѣнять теплый, семейный кровъ на строгій и непривычный порядокъ академической жизни. Нужно было вставать лѣтомъ и зимой въ 5 часовъ утра; затѣмъ, въ 6 часовъ, быть на молитвѣ; послѣ молитвы довольствоваться ломтемъ ситнаго хлѣба съ кисленькимъ кваскомъ или съ водою. О чаѣ и помину не было; только въ 1830 году желудки наши согрѣвались, въ предупрежденіе холеры, сбитнемъ. Въ 7 часовъ утра отво-

дали насъ въ учебные классы; въ 9 часовъ была перемена учебнаго предмета. Залы классовъ, окрашенные въ сѣрую краску, съ своими черными столами и скамьями, заводили на насъ большое уныніе. Привожу это отнюдь не въ укоръ тогдашнему правленію Академіи; всѣмъ ей обязанные, мы питаемъ къ ней полную благодарность, и лишь рисуемъ картину тогдашняго ученическаго быта.

Въ 11 часовъ былъ обѣдъ, а въ часъ мы были опять въ учебныхъ классахъ. Отъ 3 до 5 рекреція; въ 5 рисовальные классы; въ 7 ужинъ; въ 9—въ постель. Жутко намъ было ходить по морознымъ корридорамъ, въ однихъ мундирчикахъ, безъ шапокъ; спускаться къ обѣду и ужину изъ третьяго этажа такого колоссальнаго зданія какъ Академія въ нижній, и возвращаться оттуда по жестокому морозу. Такъ ходили мы и въ баню, черезъ дворъ; да еще бывало, какъ только не досмотритъ надзиратель, нѣкоторые удалцы выбѣгали изъ бани нагишомъ, чтобы поваляться по снѣгу, и потомъ снова броситься на банный полкъ. Замѣчательно однако, что при этомъ всѣ мы отличались необыкновеннымъ здоровьемъ и крѣпостью. Можетъ-быть способствовали этому отчасти лѣтнія игры на обширномъ дворѣ, и придуманныя самими нами зимнія гимнастическія упражненія въ комнатахъ, какъ-то: перепрыгиванье съ разбѣга чрезъ высокій столъ дежурнаго гувернера, или чрезъ пять, шесть и болѣе табуретокъ, поставленныхъ въ длину, и т. п.

Такое распредѣленіе часовъ для занятій было лишь въ первое шестилѣтіе курса; въ слѣдующія шесть лѣтъ учебныхъ занятіямъ удѣлялось только четыре часа въ день: все остальное время посвящалось классамъ рисованія и специальнымъ художественнымъ работамъ. Къ занятіямъ науками мы уже были приохочены учителями, — и не все *прошесыжи*, какъ иные надъ нами смѣялись; поэтому насъ уже не приводила въ уныніе обстановка учебныхъ классовъ. Въ залахъ же художественныхъ мы были постоянно, не только въ назначенные часы, при появленіи профессоровъ, но даже въ рекреационные.

Четыре возраста одновременно образовывались тогда въ Академіи, и черезъ каждое трехлѣтіе былъ выпускъ и приемъ. Безграмотныхъ и ничего не читавшихъ положительно

не было между нами и не могло быть; напротивъ, чтеніе дѣльныхъ книгъ было у насъ очень распространено. Случалось не рѣдко, добудеть кто-нибудь замѣчательную книгу на краткій срокъ, и на прodelть всю ночь просиживаютъ чelовѣкъ двадцать и болѣе, слушая чтеніе книги, съ жаждою тѣснясь къ чтецу на кроватяхъ и на полу.

Въ продолженіе шести дней въ недѣлю, Петербургъ для насъ не существовалъ, и никакіе соблазны столичной жизни не мѣшали намъ заниматься нашимъ дѣломъ отъ всей души. Лишь въ праздники мы оставляли Академію, для свиданія съ родными, и то насъ отпускали на короткое время послѣ обѣда до вечера, чтобы мы не выбивались изъ колеи правильной жизни. Обутые, одѣтые, накормленные, надѣленные всѣми художественными матеріалами съ избыткомъ, ученики Академіи трудились съ любовью; кипѣло между ними соревнованіе, учились они и между собою, взаимно; проускамъ и протекціи, какъ внутри Академіи, такъ и извнѣ, мѣста не было; любили литературу, издавали свою домашнюю *художественную газету*, предъ каждымъ первымъ числомъ мѣсяца, не и спали нѣсколько ночей къ ряду, изготовляя работы къ экзаменамъ. И все это кипучее юное шество, одушевленное любовью къ искусству, полное надеждъ и благородныхъ стремленій, связывалось между собою на всю жизнь, мало сказать товариществомъ, а вѣрнѣе—братствомъ.

Но возвратимся къ Ставассеру.

Въ Академіи онъ особенно подружился съ Степаномъ Деладвезомъ, острымъ Французикомъ, и съ тѣхъ поръ дружба ихъ не измѣнялась до конца жизни. Ставассеръ и Деладвезъ дѣлили между собою скуку. Все имъ не нравилось: зябко, не со всѣмъ свѣтло, нѣтъ кофея, булочекъ. И вотъ они рѣшились бѣжать изъ Академіи, и уже начали сушить сухари и готовить веревочную лѣстницу, чтобы спуститься по ней изъ окна. Этотъ побѣгъ очень занималъ ихъ и озабочивалъ; но когда, наконецъ, пришлось спустить изъ окна лѣстницу, у нихъ родился вопросъ: да куда же убѣжимъ мы? что если насъ поймутъ? что будетъ потомъ? И затѣмъ лѣстница была припрятана, и сухари сѣдены.

¹ Въ послѣдствіи живописецъ.

Первыя попавшіяся въ руки Петъ деньги были употреблены имъ на покупку пары пистолетовъ,—и что же онъ съ ними дѣлалъ? Придя домой на воскресенье, онъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, возьметъ ихъ бывало, развинтить, разобретъ по частямъ, и потомъ опять все приладитъ. Эта операція, часто повторявшаяся, очень занимала ихъ. Игра смертоноснымъ оружіемъ имѣла соотношеніе съ обнаружившимся въ послѣдствіи запальчивымъ нравомъ Деладвеза: въ 1848 году, въ Римѣ, Деладвезъ и ходилъ съ дѣйствительно заряженными пистолетами. Но едва ли пистолеты находились въ какомъ-нибудь соотношеніи съ мягкимъ и миролюбивымъ характеромъ Ставассера.

Позже, съ лѣтами, рѣзвость и разсѣянность Ставассера убавилась ему заниматься какъ слѣдуетъ, и когда слухи объ этомъ дошли до старшей его сестры, она чрезвычайно огорчилась. Родные посовѣтовали ей написать къ брату письмо, и Екатерина Андреевна постаралась представить, въ самыхъ ужасныхъ выраженіяхъ, страшную будущность, которая готовилась ему, если онъ будетъ худо учиться. Чувствительный мальчикъ, прочитавъ это письмо, до того разстроился, что чуть не захворалъ. При свиданіи съ сестрой, онъ сказалъ, что впредь употребитъ всѣ силы, чтобы не огорчать ни ея, ни родителей, и сдержалъ слово. Первый рисунокъ, созданный фантазіею Ставассера, былъ посвященъ любимой сестрѣ, и хранится у нея понынѣ.

Послѣ четырехъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ пребыванія Ставассера въ Академіи, произведены были въ ней преобразованія¹, и весь возрастъ, состоявшій изъ пятидесяти человѣкъ (въ томъ числѣ Ставассеръ) былъ исключенъ. Это очень

¹ Много укорозъ доставалось въ ту пору профессору батальной живописи, А. И. Зауервейду, отъ изгнанныхъ учениковъ и ихъ родныхъ, до которыхъ дошли слухи, что новыя порядки, приложимые можетъ быть въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, но не въ Петербургѣ, были введены по настоянію этого профессора.

Однимъ изъ уволенныхъ въ то время учениковъ, Резановъ (нынѣ профессоръ архитектуры при Академіи художествъ), возвратился изъ Академіи къ своему дядѣ Соловьеву, гофъ-фурьеру. Соловьевъ отправилъ племянника обратно въ Академію, съ письмомъ къ инспектору Академіи, въ которомъ уведомлялъ его, что Резановъ былъ опредѣленъ въ то заведеніе покойнымъ своимъ отцомъ, и что онъ, Соловьевъ, будучи обремененъ боль-

огорчило всѣхъ, и ропталъ на это весь Петербургъ. Небогаты родители Ставассера были въ отчаяннѣи, тѣмъ болѣе что сынъ ихъ началъ уже вполне сознавать свое призваніе. Къ счастью матери молодого ваятеля пришла мысль обратиться къ И. П. Мартосу, крестному отцу развивавшагося художника. Ректоръ Академіи горячо вступился за Ставассера, и обратилъ особенное вниманіе профессоровъ на его рисунки. Такъ, чрезъ содѣйствіе Мартоса и еще одной дамы (къ сожалѣнію, имя ея намъ неизвѣстно), зарождавшійся ваятель былъ вновь принятъ въ Академію.

Первое время Ставассеръ думалъ, однако, сдѣлаться архитекторомъ (вѣроятно по постороннимъ совѣтамъ и внушеніямъ: *болѣе хлѣбное искусство*, говорили тогда, да и нынѣ говорятъ многіе); но когда предоставлено было каждому учащемуся избрать, на остальныя шесть лѣтъ, специальное изученіе того или другаго искусства, Петя отдался ваянію. Профессоромъ его былъ незабвенный Самуиль Ивановичъ Гальбергъ, который, замѣтивъ въ немъ способности, обратилъ на него особенное вниманіе. Ученикъ съ первыхъ минутъ полюбилъ наставника всѣмъ сердцемъ. Въ это самое время совершилась чудная перемѣна въ характерѣ Ставассера: до того рѣзвый, разсѣянный, онъ сталъ задумчивъ, молчаливъ, скромнѣе (въ пятнадцать лѣтъ). Причину такой перемѣны въ молодомъ художникѣ можно прямо отнести къ вліянію на него благороднѣйшаго и образованнѣйшаго изъ наставниковъ, какіе когда-либо были въ нашей Академіи.

шимъ семействомъ, не можетъ принять на свою отвѣтственность исключеннаго изъ Академіи, ни за что ни про что, даровитаго мальчика. „Тогда мы отдадимъ его въ каторжники!“ отвѣчалъ инспекторъ.—„Не посмѣете,“ слова писалъ Соловьевъ: „Резаювъ сынъ оберъ-офицера.“—И точно не посмѣли. Резаювъ былъ принятъ на академической счетъ.

Позже мы за достовѣрное узнали, что и Орасъ Вернетъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, много способствовалъ отиѣнъ прежнихъ академическихъ порядковъ. Итакъ, знаменитый французскій художникъ, побывавъ у насъ налетомъ, помогъ рушиться глубоко осмысленному и освященному временемъ учрежденію, не будучи знакомъ ни съ нашимъ казначействомъ, ни съ условіями петербургской жизни. Слѣдствіемъ этого было совершенное уничтоженіе научнаго образованія для юныхъ художниковъ въ нашей Академіи, и уже только въ президентствѣ Великой Княгини Маріи Николаевны, науки снова водворились въ нашемъ разсудкѣ художествъ.

До сей поры Петя росъ, замѣчаетъ сестра его, тихо; но тутъ началъ вдругъ подниматься и вообще развиваться быстро, и прибавимъ, развиваться красавцемъ. Въ то же время сблизился съ товарищемъ своимъ Курвуазье (родомъ Швейцарецъ, женившійся въ послѣдствіи на его сестрѣ), котораго онъ полюбилъ безотчетно. Вообще, привязанности Ставассера были искренни и глубоки; онъ не умѣлъ любить слегка, и потому, какъ избраннымъ друзьямъ своимъ, такъ и искусству, онъ былъ преданъ всею душой. Чувствительность его и нѣжность иногда самому ему бросались въ глаза, и онъ высказывалъ сожалѣніе, что характеръ его женоподобенъ. Товарищи горячо любили Ставассера, и всегда охотно принимали отъ него замѣчанія относительно работъ: онъ имѣлъ особенную способность сказать въ глаза правду, не обижая.

Въ Ставассерѣ была сильна также любовь къ музыкѣ, и еще въ бытность свою въ Академіи, онъ началъ учиться на виолончели. Страсть къ музыкѣ заставила его особенно сблизиться съ однимъ изъ товарищей, П***, хорошо игравшимъ на скрипкѣ¹. Между ними завязалась дружба, но не надолго. П***, страстный и пламенный во всемъ, завидуя привязанности Ставассера къ Деладвезу, вздумалъ какъ-то отвести о послѣднемъ невыгодно. Ставассеръ разбранилъ П***, замѣтивъ ему неблагородство его поступка, и совершенно охладѣлъ къ тому поэтическому настроенію, которое П*** любилъ-таки выставлять на показъ.

Около того времени, посадили за что-то Курвуазье въ карцеръ. Ставассеръ, желая облегчить участь своего друга, провелъ ночь въ корридорѣ, у дверей карцера. Всѣ мы смотрѣли на триумвиратъ дружбы Ставассера, Деладвеза и Курвуазье съ какимъ-то благоговѣніемъ.

При возмужалости, любимую забавой Ставассера было катанье въ лодкѣ, по взморью, въ особенности въ бурную

¹ П***, родомъ Грекъ, не кончалъ курса въ Решильевскомъ лицѣ; страсть къ живописи привела его въ Академію, гдѣ онъ приобрѣлъ нашу общую симпатію; хорошо знакомый съ древнимъ греческимъ языкомъ, онъ восторженно знакомилъ насъ, въ изустномъ переводѣ, съ поэтами и прозаиками древней Греціи, что преимущественно дѣлалось по ночамъ, и спальня обращалась въ аудиторію. Чудное было время!

погоду. Это крайне тревожило его родныхъ; но вида какими преданными товарищами окруженъ ихъ Петя, они, скрѣпя сердце, соглашались на его забаву. Случалось, отменяли мѣшали лодкѣ причалить къ берегу; тогда всѣ выскакивали изъ лодки, и шли по водѣ, но никогда не допускали до этого своего любимца Петю, зная какъ онъ расположенъ къ простудѣ; буквально, его носили на рукахъ. Какъ-то до слуха родителей Ставассера дошло, что нѣсколько молодыхъ Англичанъ, катаясь въ бурное время по Невѣ, въ гичкѣ, были запрокинуты вѣтромъ и утонули; тогда матушка Пети взяла съ него слово кататься не иначе какъ въ тихую погоду, и онъ свято блюлъ это слово.

Опасная болѣзнь одного изъ товарищей приковала Ставассера и неразлучнаго съ нимъ Деладвеза къ постели больного. Они не отходили отъ нея ни днемъ, ни ночью. Но докторъ запретилъ имъ не только это пристальное сидѣнiе у постели больного, а даже вообще быть у него въ комнатѣ болѣе получаса (больной страдалъ сильнѣйшею чахоткой). Смерть этого близкаго товарища страшно подействовала на Ставассера; онъ сильно горевалъ и о немъ, и о его родителяхъ, находившихся въ Николаевѣ.

Успѣхи Ставассера въ рисованьи становились замѣтнѣе; но по скромности и по недоувѣрчивости къ себѣ, онъ не говорилъ объ этомъ домашнимъ. Первые нумера на экзаменахъ нѣсколько разъ получалъ Деладвезъ, и всѣ ожидали, что онъ, безъ сомнѣнiя, первый удостоится медали. Между друзьями былъ уговоръ: кто прежде получить медаль, тотъ долженъ, ничего заранѣе не говоря въ семействѣ, заявить свое торжество подачею на столъ, во время обѣда, бутылки шампанскаго. Повѣренною въ этомъ дѣлѣ была няня, жившая въ семействѣ Ставассера много лѣтъ, и ставшая въ немъ какъ бы родственнымъ лицомъ. Сказано, сдѣлано. Сидимъ мы, говоритъ Екатерина Андреевна, и обѣдаемъ; но въ концѣ обѣда замѣчаемъ особенную веселость въ Деладвезѣ. Петя также былъ довольно веселъ; лицо же перваго сіяло какимъ-то особеннымъ торжествомъ. Это заставило всѣхъ добиваться, что бы это значило? Наконецъ няня тихонько подала Петѣ бутылку шампанскаго, и онъ сталъ наливать. Тутъ всѣ родные вскрикнули: „медаль, медаль!“ и глаза всѣхъ обратились къ Деладвезу. Начались

поздравленія, но онъ, указывая на Петю, сказалъ: „поздравьте его, получилъ медаль онъ, а не я!“

Эта была первая медаль (малая серебряная), полученная Ставассеромъ, за рисованіе съ натуры; потомъ онъ получилъ такую же за лѣпку въ натурномъ классѣ; далѣе, за то же удостоился большой серебряной, и кромѣ того былъ награжденъ, въ 1837 году, большою серебряною медалью, за изваяніе круглой фигурки „отдыхающаго юноши“, фигурки которая исполнена была граціи и отличалась необыкновенною пріятностью лѣпки. Президентъ Академіи, А. Н. Оленивъ, обѣщалъ Ставассеру представить эту фигуру императору, какъ образцовое произведеніе, и отдалъ приказаніе отлить ее изъ бронзы. Въ 1838 году 1-го мая, молодой ваятель получилъ большую серебряную медаль, за рисованіе съ натуры; а въ сентябрѣ того же года, малую золотую медаль, за барельефъ изображающій Давида играющаго предъ Сауломъ. Въ 1839 году, въ сентябрѣ, за статую очаровательнаго *Рыбачка удающаго рыбу*, получилъ большую золотую медаль, и за особенно удачное въ ней выраженіе лица, удостоился еще золотой медали „за экспрессию“. Никто изъ учениковъ Академіи, начиная съ ея основанія, не получалъ столько медалей какъ Ставассеръ, — и всѣ онѣ были присуждены ему профессорами единогласно. К. П. Брюлловъ провидѣлъ въ немъ отацнаго художника. Когда онъ впервые увидѣлъ его лѣпную работу въ натурномъ классѣ, то обратился къ дежурнымъ профессорамъ, Егорову и Гальбергу, сказалъ: „Поберегите этого мальчика, онъ принесетъ честь Академіи.“

1839 года, мая 10-го дня, скончался С. И. Гальбергъ, и смерть его горько отозвалась въ сердцѣ Ставассера. Онъ потерялъ наставника въ такую пору, когда такъ необходимы были ему совѣты (въ это время статуя *Рыбачокъ* только что была начата). К. П. Брюлловъ утѣшалъ его, заходилъ къ нему въ мастерскую, обѣщалъ руководить его сколько возможно, и быть для него не наставникомъ, а другомъ. Часто, бесѣдуя съ Ставассеромъ о покойномъ Гальбергѣ, и видя горестъ Пети, знаменитый живописецъ говорилъ ему: „Плачьте, плачьте о немъ! Какъ вамъ ни жаль его, но вы еще слишкомъ молоды, чтобы вполне понять,

кого вы потеряли. Это былъ свѣтильникъ, который бросалъ свѣтъ на все; онъ имѣлъ истинныя понятія обо всемъ.“

Гальбергъ очень любилъ Ставассера,—да и кто могъ не любить его? Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ окончанія его послѣдней программы (*Рыбачка*) и хотѣлъ, чтобы лучший его ученикъ, тотчасъ по выпускѣ изъ Академіи, уѣхалъ въ Италію.

Успѣхъ статуи *Рыбачка* уже заставилъ многихъ обратить особенное вниманіе на художника, и много говорить о немъ. „Похвалы его произведенію, говоритъ сестра покойнаго, доходили до насъ отъ постороннихъ лицъ; отъ самаго же Пети мы ничего не слышали; а между тѣмъ мастерская его часто наполнялась любителями желавшими полюбоваться его не оконченнымъ, но съ каждымъ днемъ оживавшимъ *Рыбачкомъ*; и онъ, досадуя иногда что у него этими посвѣщеніями отнимаютъ много времени, очень удивлялся: зачѣмъ эти господа вздумали прѣзжать въ его мастерскую и смотрѣть на неоконченную статую?“ „О, съ какою любовью и какимъ удовольствіемъ,“ продолжаетъ Катерина Андреевна, въ своемъ дневникѣ, „дѣлалъ онъ своего *Рыбачка*! Иногда на минутку явится домой, чтобы только освѣжиться и разказать о ходѣ своей работы.— Не повѣрите, какъ странно! часто говорилъ онъ: — „вчера работалъ, и мнѣ казалось хорошо; а посмотришь сегодня, никуда не годится, надо передѣлать!“

Моделью для этой статуи служилъ Ставассеру первоначально ученикъ академіи Карлони, а потомъ младшій братъ скульптора, Александръ, красавецъ собой, прекрасно сложенный ¹.

1839 года, сентября 19-го, былъ выпускной экзаменъ. „Петя“, говоритъ Катерина Андреевна, „не приходилъ домой. 20-го числа, рано утромъ, мы получили письмо

¹ Александръ Андреевичъ Ставассеръ первоначально учился архитектурѣ такъ же въ Академіи; потомъ перешелъ въ строительное училище называвшееся Толлеускимъ, откуда, по отличномъ окончаніи курса, былъ помѣщенъ на службу въ Нижній Новгородъ архитекторомъ. Любимый начальствомъ, духовенствомъ и подчиненными, со всеми прекрасными данными къ жизни, онъ сдѣлался жертвою холеры въ 1848 году, 23 апрѣля. Это былъ первый ударъ, нанесенный родителямъ Ставассера,—и не успѣли еще они осушить слезы по этой потерѣ, какъ въ скорѣе пришло извѣстіе о смерти Петра Андреевича въ Римѣ.

отъ А. П. К., въ которомъ онъ писалъ: „Спѣшу порадовать васъ пріятною вѣсточкой о Петрѣ Андреевичѣ, которая вѣроятно до васъ еще не дошла; а именно: въ совѣтъ Академіи присуждали награды ученикамъ, и когда дошла очередь до Петра Андреевича, то рѣшительно всѣ единодушно признали его работу превосходною; утверждали, что до сихъ поръ ни одинъ воспитанникъ Академіи не представлялъ ничего подобнаго, что это произведеніе сдѣлало бы честь любому профессору. И потому, не разсуждали уже о томъ, заслуживаетъ ли онъ большой золотой медали, а придумывали только, какую бы можно было ему дать сверхъ того награду, которая отличала бы его отъ сверстниковъ скульпторовъ, такъ же заслуживавшихъ большія золотыя медали¹, и наконецъ рѣшили дать ему, сверхъ большой золотой, другую золотую—за экспрессию. Подобную награду, со времени существованія Академіи, получили только Карлъ Брюлловъ и скульпторъ Теребеневъ. Поздравляю васъ всѣхъ и прошу поздравить отъ меня счастливца.“

„Какая радость и счастье въ семьѣ!“ пишетъ въ своемъ дневникѣ Катерина Андреевна, 20 сентября, 1839 года. „Когда пришелъ Петенька, папаша обнялъ его и, цѣлуя въ голову, могъ только сказать, сквозь слезы: останься навсегда такимъ добрымъ сыномъ и братомъ, какимъ ты былъ до сихъ поръ! Похваламъ и поздравленіямъ не было конца. Всѣ, кто только встрѣчалъ Петю, поздравляли и цѣловали его.“

„Въ день выпуска изъ Академіи, 23-го сентября, мы были на хорахъ конференцъ-залы, продолжаетъ Екатерина Андреевна, прямо противъ античной галлерей, гдѣ стояла толпа. При имени Ставассера, толпа зашевелилась, раздался говоръ, и выпускные воспитанники, стоявшіе тутъ

¹ Сверстниками Ставассера были скульпторы: Антонъ Андреевичъ Ивановъ, Константинъ Михайловичъ Климченко и пишущій эти строки. Мы создавали всю силу таланта Ставассера и соревновали ему; но первенство постоянно принадлежало Петру Андреевичу. Зависти и интригамъ никогда не было мѣста между нами, тѣмъ болѣе что необычайная скромность, мягкость души, привѣтливость и всегдашняя готовность служить товарищу, никогда не измѣняли Ставассеру. Такими достоинствами онъ могъ бы обезоружить и самого недоброжелательнаго соперника, еслибы такой попалъ въ нашъ кругъ.

же, сторонились, чтобы дать мѣсто брату войти въ конференцъ-залу. Когда онъ вошелъ, глаза всѣхъ устремились на него; скромно, но съ достоинствомъ и граціей, поклонился онъ собранію, и подошелъ къ столу, гдѣ конференцъ-секретарь, В. И. Григоровичъ, объявилъ ему, что онъ награжденъ за превосходные успѣхи въ скульптурѣ, пятью серебряными и тремя золотыми медалями.“

Ставассеръ такимъ молодцомъ вошелъ въ конференцъ-залъ, что Карлъ Брюлловъ говорилъ послѣ: „Нужно бы ему дать еще полмедали за его выходы!“

День этотъ праздновался въ семействѣ Ставассера, куда вечеромъ пріѣхалъ и К. П. Брюлловъ, съ нѣкоторыми молодыми художниками, отъ живописца П. С. Петровскаго, тоже получившаго большую золотую медаль. Брюлловъ бросился поздравлять и цѣловать мать и отца Ставассера, и когда всѣ родные стали благодарить его за участіе, которое онъ принималъ въ любимомъ ими Петѣ, послѣ смерти незабвеннаго Гаальберга, Брюлловъ сказалъ: „Онъ заслужилъ это. Онъ самъ себя обязавъ за свои успѣхи; его работа не ученическая, но профессорская. Въ совѣтъ говорили и спорили, что онъ можетъ-быть въ жизнь свою не сдѣлаетъ ничего лучше этого, а я говорю: сдѣлаетъ, непременно сдѣлаетъ лучше!“ Видя кругомъ общій неподдѣльный восторгъ, Брюлловъ прослезился и сказалъ, указывая на свою грудь: „какъ тѣсно тутъ, какъ мало простора!“ Обратившись къ матушкѣ Ставассера, онъ прибавилъ: „Вы имѣете добраго, прекраснаго сына,“ и когда послѣдняя съ улыбкой взглянула на Петю, Брюлловъ обратился къ нему: „отъ васъ зависитъ, молвилъ онъ, продать эту улыбку на устахъ матери, и если она когда-нибудь измѣнится, я готовъ буду убить васъ. Вы дѣйствительно имѣете прекраснаго сына, продолжалъ Брюлловъ, обращаясь къ матери; но сохраните, сберегите его, научите смотрѣть на міръ съ истинной точки зрѣнія, чтобы онъ не дѣлалъ такихъ ошибокъ, которыя дорого стоятъ, чтобы онъ имѣлъ чистую совѣсть, чтобы никакой упрекъ не тревожилъ его; тогда эта чистота видна будетъ и въ его произведеніяхъ. Помните, говорилъ Брюлловъ, болѣе и болѣе воодушевляясь и уже обращаясь ко всѣмъ роднымъ,—и ввѣшайте вашему брату, что энтузіазмъ есть

основаніе искусства, а энтузіазмъ не можетъ быть безъ спокойнаго духа и чистой совѣсти. Видите, какой миръ, какое блаженство въ вашей семьѣ! Я никогда не забуду этого небеснаго вечера.“¹

Государь Императоръ посѣтилъ академическую выставку 1839 года: *Рыбачокъ* Ставассера понравился ему болѣе всего прочаго, и Государь повторилъ это при выходѣ.

II.

Дѣйствительно, *Рыбачокъ* Ставассера представляетъ собою рѣдкое явленіе не только въ русскомъ ваяніи, но и въ европейскомъ. Съ простотою идеи, которая, благодаря искусству художника, получила необыкновенный интересъ, соединяется и простота въ положеніи фигуры,—такая простота, что красивый и ловкій мальчикъ, кажется, и не можетъ иначе удить рыбу. Ставассеръ не задавался изображеніями Нарциса, Париса, и т. п. Онъ хорошо понималъ, что всѣ скульпторы, которые берутся за подобные сюжеты, неизбежно должны, при отыскиваніи тончайшихъ извилинъ античной формы, какія встрѣчаются въ статуяхъ Антиноя и Аполлона, впасть въ сухость подражательности или представить глазамъ зрителя натурщика Тараса, вмѣсто Париса, или, подъ кличкою Нарциса, представить намъ окошко съ голодающаго мастераго мальчишки, который можетъ, споткнувшись, шлепнуться въ дождевую лужу, но не упадетъ въ кристальный источникъ, залюбовавшись собственною красотою, какъ бы ни принуждала его къ тому фантазія художника. Въ искусствахъ уже однимъ выборомъ предметовъ достаточно опредѣляется талантъ артиста; но странно, что иногда сами руководители въ художествахъ задаютъ начинающимъ такіе типы красоты, съ которыми едва ладили Торвальдсенъ и Канова. Молодой человѣкъ способенъ только оцупью копировать натуру, а отъ него требуютъ уже соединенія идеальныхъ формъ. Почему бы, кажется, не воспользоваться, въ этомъ случаѣ, мыслью Ставассера, и не давать сюжетомъ что-нибудь приблизительное къ *Рыбачку*? Такого рода задачи, право, не такъ легки,

¹ Разговоръ Брюллова передается почти слово въ слово.

какъ съ перваго взгляда кажутся; въ рѣшеніи ихъ должны высказаться даръ, понятія и умѣніе художника, высказаться еще съ большею силой, нежели въ прискучившихъ всѣмъ миеологическихъ фигурахъ. Самая новизна сюжетовъ даетъ болѣе простора и свободы художнику; ему не нужно изгонять изъ своей памяти всѣхъ произведенныхъ на свѣтъ Парисовъ, Амуровъ, Нарцисовъ, чтобы какъ-нибудь не повторить кого-нибудь изъ нихъ. Но возвратимся къ *Рыбачку*. Вниманіе мальчика выражено во всей его фигурѣ; устремленное на удочку, оно дышитъ во всѣхъ суставчикахъ юности, и завершается въ слегка-закушенной нижней губѣ. Скульпторъ не побоялся, при сильномъ наклонѣ статуи, выдвинуть правую руку впередъ и продлить ея линію удочкою. Взгляните на статую съ любой стороны: она отвсюду прекрасна и граціозна, и всѣ ея линіи полны выраженія, которое особенно сосредоточивается въ миловидномъ, чарующемъ лицѣ и ротикѣ,—сосредоточивается безъ всякой утрировки, въ самую мѣру, самымъ изящнымъ образомъ. Одна поклонница скульптуры замѣтила при мнѣ: „Такъ и хочется поцѣловать этого *Рыбачка*; но боишься помѣшать ему: онъ такъ занятъ своими рыбками.“ Статуя эта отличается въ то же время особенно пріятною (несколько впрочемъ не кокетливою) лѣвкою.

Такой бы статуѣ слѣдовало быть на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ; но къ сожалѣнію, она остается до сей поры въ алебастрѣ¹ и знакома только Петербургу. Да, не нашлось до сей поры ни одного русскаго любителя, который пожелалъ бы имѣть этого очаровательнаго *Рыбачка* изъ мрамора! А въ то же время привозятъ къ намъ изъ-за границы фабричнаго достоинства изваянія Еввы, Венеры, Амура, и т. п.

¹ Лишь недавно поручено Академіею скульптору Бродскому исполнить изъ мрамора, въ Италіи, превосходное колоссальное изваяніе императрицы Екатерины II-й, Гальберга. Мимоходомъ сказать, многіе ли изъ Русскихъ знаютъ объ этомъ образцовомъ произведеніи?

Замѣчательна однако смѣлость г. Бродскаго. Онъ спрашивалъ у совѣта Академіи разрѣшенія поправить лицо въ этой статуѣ! На это, безъ сомнѣнія, послѣдовалъ отказъ. Если художникъ, возвратившійся изъ Италіи, такъ относится къ прекраснѣйшему произведенію Гальберга, то чего ожидать искусству отъ другихъ?

Знавшіе хорошо Ставассера говорили о немъ: „Кажется, онъ пойдетъ по стопамъ своего наставника Гальберга; но дай Богъ ему быть счастливѣе; иначе онъ, съ своимъ характеромъ, погибнетъ.“

К. П. Брюлловъ очень часто посѣщалъ семейство Ставассера, и всегда оставлялъ въ немъ пріятное впечатлѣніе своими сужденіями объ искусствѣ и разказами объ Италіи. Онъ постоянно торопилъ Петю отъѣздомъ въ Римъ. „Я хорошо знаю, говорилъ онъ, что вы будете дѣлать въ Римѣ чрезъ три года; знаю даже, что будете чувствовать и думать. Будьте, прибавлялъ онъ, въ двадцать лѣтъ сорокалѣтнимъ, а въ сорокъ двадцатилѣтнимъ.“

По выпускѣ изъ Академіи, Ставассеръ, вмѣстѣ съ Антономъ Андреевичемъ Ивановымъ, исполнилъ памятникъ Сильвестру Феодосевичу Щедрину, въ Сорренто, по эскизу, оставшемуся послѣ смерти Гальберга. По эскизу же посафдяго, онъ произвелъ барельефъ для церкви Академіи: *Ангелъ возмущающій воду*. Эту работу онъ впрочемъ исполнялъ не охотно. Вмѣстѣ съ Антономъ Андреевичемъ Ивановымъ, онъ дѣлалъ потомъ (на конкурсъ) эскизъ фронтона для Исаакіевского собора: *Св. Исаакій благословляетъ императора Феодосія*. Эскизъ этотъ, хотя самъ художникъ и не былъ имъ доволенъ, заслужилъ одобреніе опытныхъ художниковъ, въ числѣ которыхъ были Брюлловъ и Шебуевъ. Президентъ Оленинъ былъ отъ него въ восхищеніи ¹.

Эскизы конкурентовъ были выставлены въ Эрмитажѣ. Витали получилъ 16 голосовъ, а Ставассеръ 14. Повидному, одинъ изъ четырехъ фронтоновъ долженъ былъ остаться за Ставассеромъ и Ивановымъ, тѣмъ болѣе что Императоръ и Государь Наслѣдникъ остались эскизомъ молодыхъ ваятелей вполнѣ довольны. Шебуевъ, возвратясь съ конкурса, тотчасъ же послалъ за Ставассеромъ, и поздравилъ его съ стотысячною работою. Петръ Андреевичъ былъ этому радъ и не радъ вмѣстѣ: съ одной стороны, его восхищала мысль обезпечить свое семейство, съ другой—

¹ Алексѣй же Николаевичъ Оленинъ испросилъ позволеніе у Государя и на то, чтобы къ конкурсу допущены были Ставассеръ, Ивановъ, Климентко и пишущій эти строки.

печалила отсрочка давно-желанной поѣздки въ Италію. Впрочемъ, Ставассеръ, поблагодаривъ почтеннаго Шебуева за участіе, мало и надѣялся на возможность исполнить фронтоны. „Я тогда только вполнѣ этому повѣрю, говорилъ онъ, когда у меня будетъ въ рукахъ задатокъ.“

„Желаю вамъ отъ души получить эту работу, говорилъ Брюлловъ Петру Андреевичу: но у насъ предпочтеніе иностранцамъ еще очень велико, и Монферранъ далъ себѣ слово не допустить ни одного Русскаго къ производству фронтоновъ.“

Слова Брюллова оправдались: Монферранъ принялся хлопотать за своего бездарнаго соотечественника Лемера ¹, и Ставассеръ съ Ивановымъ фронтона не получили ².

Въ это время графъ П. А. Зубовъ неотступно просилъ Ставассера сдѣлать бюстъ съ миниатюрнаго портрета, снятаго съ его жены уже по смерти. Художникъ сначала отказывался, сомнѣваясь въ успѣхѣ, тѣмъ болѣе что не была снята маска. „Увидѣвъ вашего *Рыбачка*, я полюбилъ васъ,“ говорилъ графъ Петръ Андреевичъ: „я ѣду въ Италію, буду въ Римѣ и буду говорить о васъ Торвальдсену.“ Ему удалось наконецъ уговорить Ставассера.

Графъ Зубовъ привозилъ въ мастерскую своихъ дѣтей, чтобы Ставассеръ могъ видѣть то въ одномъ, то въ другомъ сходство ихъ съ матерью; описывалъ ему черты и характеръ графини, и по окончаніи бюста остался вполнѣ доволенъ работой. А художникъ обрадованъ былъ и одобреніемъ Брюллова, который нашелъ, что бюстъ сдѣланъ такъ хорошо, какъ бы онъ могъ быть сдѣланъ только съ натуры.

На 1841 году Ставассеръ долженъ былъ также остаться

¹ Бездарность свою Лемеръ доказалъ не одними фронтонами для Исакиевского собора: фронтоны его, сдѣланный прежде для парижской церкви Св. Магдалины, представляетъ страшное безобразіе и дикія понятія о скульптурѣ. У него фигуры, срѣзанныя до пояса, торчатъ изъ пилы въ острыхъ боковыхъ углахъ фронтона.

² Одновременно съ Ставассеромъ и Ивановымъ, на тотъ же конкурсъ дѣлали эскизы фронтона, съ другимъ содержаніемъ, Климченко и авторъ этой біографіи. Между всеми нами четверыми было такое условіе: чей бы фронтоны ни былъ избранъ, мы стали бы работать вмѣстѣ, дѣля плату на равныя части, дабы выиграть время и скорѣе отправиться въ Италію.

въ Петербургъ, чтобъ исполнить колоссальную статую Кло, для памятника Карамзину, въ Симбирскѣ¹.

А. Н. Оленивъ обращался къ молодымъ ваятелямъ съ словами: „старайтесь ничего не измѣнять противъ эскизовъ; что сдѣлано Гальбергомъ — сдѣлано вѣрно и превосходно; вы вѣроятно не захотите, чтобы мысль покойнаго профессора была худо выполнена“. Однако нѣкоторые изъ опытныхъ художниковъ осуждали Гальберга: зачѣмъ онъ поставилъ на пьедесталъ Кло, а не самого Карамзина? Впрочемъ, это предпочтеніе Кло, надо полагать, было сдѣлано по какому-нибудь постороннему настоянію, и доказательствомъ тому служатъ два прекрасные глиняные эскизы статуй Карамзина, сдѣланные рукою Гальберга и составляющіе теперь собственность пишущаго эти строки.

Въ 1841 же году, Монферранъ нѣсколько разъ приглашалъ къ себѣ Ставассера; но тотъ столько же разъ отказывался отъ приглашенія. Наконецъ, скульпторъ, хотя и противъ своего желанія, вынужденъ былъ посѣтить Монферрана. Архитекторъ Исакиевскаго собора, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, изъявлялъ сожалѣніе, что фронтоны отдаютъ не Ставассеру, тогда какъ работа представленная имъ на конкурсъ была вполне достойна одобренія. Монферранъ прибавилъ, что очень радъ вознаграждать Петра Андреевича въ замѣнъ этой работы другою. Но Ставассеръ объявилъ Монферрану, что онъ теперь уже рѣшительно ни для какихъ работъ не останется въ Петербургѣ, и что отъѣзда своего въ Италію онъ болѣе не намѣренъ откладывать, хотя бы его осыпали золотомъ.

Работая бюстъ младшей своей сестры, красавицы Маріи, Ставассеръ былъ очень весело настроенъ, шутилъ, не позволялъ ей сидѣть смиренно, какъ будто не съ нея дѣлался

¹ Памятникъ этотъ и памятникъ Державину, въ Казани, остались послѣ смерти Гальберга высочайше утвержденными въ эскизахъ. Исполняли же, въ памятникъ Карамзина, статую Кло — Ставассеръ, вмѣстѣ съ Ивановымъ; барельефъ, изображающій Карамзина, читающаго императору Александру I-му *Исторію Государства Россійскаго*, и колоссальный бюстъ исторіографа исполнялъ пишущій эти строки; а барельефъ, представляющій Карамзина на смертномъ одрѣ, при аллегорическомъ изображеніи коварныхъ щедротъ, излитыхъ на семейство исторіографа, работалъ Климентко. Имъ же, вмѣстѣ со мною, былъ исполненъ памятникъ Державину. Оба памятника отливалъ изъ бронзы баронъ П. К. Клодтъ.

бюсть. Когда бюсть становился уже схожъ, Ставассеръ, время работы, вдругъ дѣлалъ изъ него иногда то птичью голову, то морду какого-нибудь животнаго. Разумѣется кругомъ раздавались сожалѣнія, что такая прекрасная работа испорчена, и художникъ быстро исправлялъ ее.

Къ этому времени относится исполненный Ставассеромъ бюсть г-жи Бекъ. Около того же времени, онъ сдѣлалъ бюсть (съ маски) малютки князя С. П. Голицына.

Тогда же провѣся слухъ, что, по какимъ то причинамъ отсылка пансіонеровъ Академіи за границу отменяется. Новость эта сильно опечалила Ставассера; но вскорѣ онъ былъ утѣшенъ извѣстіемъ объ утвержденіи отъѣзда его въ Италію. „Вы не повѣрите что я почувствовалъ,“ говорилъ онъ своимъ роднымъ, услыхавъ объ этомъ. „Надо бы было кажется, радоваться; а меня встревожило какое-то тяжелое чувство, кровь бросилась въ голову, и я чуть не упалъ съ лѣсовъ! (Онъ оканчивалъ въ то время статую Клію.) Цѣлый вечеръ голова точно горѣла!“ Ужь не было ли это предчувствіемъ, что ему никогда болѣе не увидать ни родныхъ, ни родины?

Какъ Ставассеръ былъ требователенъ въ отношеніи къ себѣ, такъ требователенъ онъ былъ и къ своему брату Александру, архитектору.

— Да помилуй, говаривалъ ему этотъ послѣдній:— я получаю за программы первые номера, а ты все мною недоволенъ.

— Я хорошо знаю, что ты могъ бы сдѣлать еще лучше замѣчалъ ему Петръ Андреевичъ:— а теперешняя твоя работа показываетъ, что ты еще не вполне любишь свое искусство!

По отъѣздѣ скульптора за границу, братъ полюбилъ его еще горячѣе, и съ уваженіемъ вспоминалъ о его требовательности.

Когда Ставассеръ взглядывалъ на своего *Рыбачка*, онъ былъ уже положительно доволенъ имъ, и говорилъ: „Еслибы мнѣ пришлось вырубать его изъ мрамора, не то бы я изъ него теперь сдѣлалъ!“

Это замѣчательное произведеніе, исполненное жизни и прелестью, привлекало къ нему особенное расположеніе художниковъ. Такъ А. А. Тонъ совѣтовалъ Ставассеру взять съ собой въ Римъ экземпляръ *Рыбачка*, и поставить его тамъ въ своей

мастерской. „Эта статуя, говорилъ онъ, приведетъ тамошнихъ художниковъ въ восторгъ. Я до сихъ поръ не былъ любителемъ скульптуры, прибавилъ Тонъ, но увидавъ вашего Рыбачка, полюбилъ ее.“ Баронъ П. К. Клаудтъ всегда любилъ какъ талантъ, такъ и прекрасное сердце Ставассера. „Ему ничего не значитъ, говорилъ онъ, сдѣлать то, о чемъ другой долженъ думать и думать.“ Съ появленіемъ же статуи, баронъ Клаудтъ полюбилъ молодого художника еще болѣе. А какъ любили его Шебуевъ и Брюлловъ, читателямъ уже извѣстно.

Я уже говорилъ о дружественныхъ отношеніяхъ, которые связывали воспитанниковъ Академіи въ совершенное братство. Это продолжалось на всю жизнь. Послѣ общихъ трудовъ, и самое веселье между ними было всегда общее. Въ лѣтнюю пору предпринимались ими пѣшія прогулки, преимущественно въ живописное мѣстѣе гр. Шувалова, Парголово. Въ этихъ прогулкахъ участвовалъ и Ставассеръ, постоянно оберегаемый отъ сырости и другихъ невзгодъ всеми товарищами. Партія челоѣкъ въ двадцать пять обыкновенно отправлялась въ субботу вечеромъ изъ города и шла за заставу, не прямою дорогою, а обходными путями, представлявшими большее раздолье и просторъ. Рощи, огороды, лѣса, поля, оглашались пѣснями; на Поклонной горѣ, откуда широко открывается живописная мѣстность при закатѣ солнца, пѣлись стройно и восторженно духовные концерты Бортияскаго (бывшаго ученика Академіи Художествъ), проѣзжавшіе на дачи въ Парголово нерѣдко останавливались и заслушивались пѣвцовъ¹.

Ставассеръ, еще въ первые годы своего ученія въ Академіи, по совѣту своего отца, желавшаго чтобы сынъ лучше усвоилъ себѣ молитвы, сдѣлался пѣвчимъ. При его вѣрномъ слухѣ и хорошемъ голосѣ, ему было это легко; но ему часто мѣшало участвовать въ хорѣ простудный кашель, которому былъ подверженъ онъ почти каждую зиму. „Какъ теперь вижу,“ говоритъ Катерина Андреевна, „Петю, когда онъ стоитъ бывало на клиросѣ, сложивъ руки на крестъ, чуть-чуть склонивъ

¹ Нашъ академическій хоръ былъ обучаемъ Граккомъ, учителемъ леканговъ и альтоговъ въ придворной пѣвческой капеллѣ, и хоръ былъ такъ великъ, что мы очень удовлетворительно пѣвали и двухорные концерты Бортияскаго. Послѣ 1839 года это въ Академіи прекратилось.

на бокъ голову,—эту милую, кудрявую головку, которую мы всегда такъ любовались!“¹

Петръ Андреевичъ не оставлялъ и игры на виолончели: онъ продолжалъ ею заниматься и въ Римѣ. Не рѣдко однако онъ приходилъ въ отчаяніе, что не можетъ играть такъ какъ бы хотѣлось, и какъ напримѣръ игралъ на скрипкѣ М. Н. Воробьевъ (пейзажистъ). Убѣдившись однако, что желаемого совершенства въ игрѣ онъ могъ бы достигнуть только тогда, когда бы исключительно посвятилъ ей все свое время, онъ оставилъ музыку, и отдался единственно скульптурѣ. Но музыка всегда производила на него сильное впечатлѣніе. Въ одномъ знакомомъ домѣ онъ сталъ было заглядываться на красоту статной дѣвушки, но разъ услышавъ ея игру на фортепіано, игру совершенно безчувственную, Петръ Андреевичъ оттолкнулся отъ нея рѣшительно.

Товарищи и многіе художники напутствовали въ Италію Ставассера, Иванова (Антон) и Эппингера (архитектора) прощальнымъ обѣдомъ, который былъ данъ въ обширной квартирѣ художника Травина. Отборные музыканты князя Юсупова играли во время обѣда. На обѣдѣ присутствовалъ и Карлъ Брюлловъ. При возгласеніи тостовъ, Брюлловъ сказалъ, между прочимъ: „Господа отъѣзжающіе, особенно Ставассеръ, не будьте слѣпыми подражателями Микель Анджело и Рафаэля. Старайтесь научиться у нихъ лишь хорошему!“ Стихи, написанные однимъ изъ художниковъ, на прощанье отъѣзжавшимъ, были пропѣты хоромъ. Добрыя пожеланія, привѣтствія, веселые крики, звуки музыки наполняли залу. Когда торжество пріутихло, Брюлловъ заговорилъ о своемъ намѣреніи поселиться въ Малороссіи. Ставассеръ разсмѣялся.

— Васъ это удивляетъ замѣтилъ Брюлловъ: — не смѣйтесь; я не городской житель; мнѣ здѣсь надоѣдаютъ, мѣшаютъ, и я долженъ иногда принимать къ себѣ тѣхъ, кого бы не хотѣлъ видѣть. А тамъ я построю себѣ мастерскую, и посмотрите, какія работы стану присылать сюда!

— Ужъ вамъ надо сдѣлаться настоящимъ помѣщикомъ, замѣ-

¹ Брюлловъ непременно хотѣлъ помѣстить голову Ставассера въ одну изъ своихъ картинъ.

тилъ съ усмѣшкою Ставассеръ,—завести куръ, свиней, коровъ! Я понимаю, что вамъ непріятно здѣсь; но никогда не повѣрю, чтобы вы могли ужиться въ деревнѣ, въ однообразіи, въ уединеніи. Съ вашимъ характеромъ это невозможно. Вы не можете долго оставаться на одномъ мѣстѣ.

Но Брюлловъ уже не слушалъ его: онъ началъ фантазировать какъ въ 48 часовъ онъ будетъ летать изъ Малороссіи въ Одессу; еще 48 часовъ — и онъ въ Константинополь, а тамъ въ Анконѣ, а потомъ и въ Римѣ.

— Вотъ хорошо, еслибы вы въ Римъ пріѣхали! подхватилъ Ставассеръ.

— Пріѣду, пріѣду непременно! утверждалъ Карлъ Брюлловъ!

И дѣйствительно пріѣхалъ—сложить свои кости не вдалекѣ отъ могилы Ставассера.

Ставассеръ, высоко цѣня талантъ Брюллова, съ недоумѣніемъ говаривалъ: „Этотъ человѣкъ можетъ иногда возвыситься до удивительной доброты, и вслѣдъ за тѣмъ пасть ужасно! Я люблю его, какъ художника, люблю слушать его и говорить съ нимъ; но жить съ нимъ не согласился бы ни за что. Не могу понять, какъ нѣкоторые изъ окружающихъ его молодыхъ людей могутъ сносить его обращеніе!“

Наконецъ наступилъ день отъѣзда.

„Когда взяты были билеты на заграничный пароходъ, Петръ Андреевичъ, пишетъ сестра его, дотога загрузилъ, что потерялъ аппетитъ. Онъ говорилъ, что не можетъ слышать равнодушно пароходнаго звонка, который доносился до его квартиры, обращенной къ Невѣ. Часто, разговаривая съ нами, онъ вдругъ выбѣгалъ изъ комнаты, заливаясь слезами. Сильно встревоженный, онъ откладывалъ свои прощальные визиты день за день, надѣясь быть спокойнѣе завтра.

„Насталъ день отъѣзда. Отслужили всею семьей молебень въ церкви; маменька благословила Петю, и надѣла на него образокъ; братъ плакалъ ужасно. Въ то время, съ улицы, послышался погребальный военный маршъ¹. Петя, вслуши-

¹ Родители Ставассера жили на Маломъ Проспектѣ Васильевскаго острова, гдѣ ежедневно возятъ покойниковъ на Смоленское кладбище.

ваясь въ него, сказалъ:—какъ я люблю, какъ мнѣ нравится эта музыка! Рыдая, какъ дитя, цѣловалъ онъ насъ всѣхъ; когда же сталъ обнимать папашу, просилъ у него прощенія, если чѣмъ оскорбилъ его; обратившись къ нянѣ, просилъ ее служить такъ какъ она до сихъ поръ служила. Потомъ онъ помолился, ставъ на колѣни; и наконецъ отправились мы всѣ провожать его до парохода, съ котораго густой дымъ уже клубился и дожился массивною тѣнью на мостовую. Всѣ были встревожены близкою минутой разлуки. Петя говорилъ: „Какъ я всегда любилъ пароходъ, такъ теперь ненавижу его; онъ уноситъ меня далеко отъ васъ, дорогіе мои!“ Товарищи и знакомые отъѣзжавшаго уже ждали на пристани; то тотъ, то другой обнимали и цѣловали его, такъ что братъ не успѣвалъ отвѣчать на всѣ привѣтствія. Карлъ Павловичъ (Брюловъ), крѣпко поцѣловавъ его, сказалъ: „Богъ съ вами! Пора, пора! Вы счастливцы!“

„Въ послѣдній разъ Петя перецѣловалъ насъ и убѣжалъ по трапу; мы сопровождали его молитвами и благословеніями. Брюловъ утѣшалъ насъ и говорилъ: „тяжело вамъ и грустно; но подумайте только о томъ, какъ это все вознаградится!“ Петя кричалъ намъ: „прощайте, прощайте!“ Пароходъ тронулся и унесъ его отъ насъ... навсегда!!

„Долго стояли мы на набережной, долго глядѣли на пароходъ, увозившій съ собой наше сокровище; долго слѣдили мы за нимъ, пока онъ не сталъ казаться уже едва замѣтною точкою. Наконецъ онъ совершенно исчезъ, оставивъ за собой только струю дыма.“

Можно смѣло сказать, что чувства высказанныя здѣсь сестрою художника, волновали и всѣхъ многочисленныхъ друзей Ставассера, бывшихъ на его проводахъ.

„Возвращаясь домой, говоритъ Катерина Андреевна, мы зашли въ квартиру Пети. Все въ ней еще такъ живо напоминало его: виолончель, шлафрокъ, всѣ его вещи. А вмѣстѣ съ тѣмъ страшная пустота! Утѣшеніемъ нашимъ остался его портретъ. Поцѣловавъ его, вмѣсто нашего милаго, дорогаго Пети, мы взяли его съ собой, и съ перваго дня нашей тяжелой разлуки, стали считать дни, и утѣшать себя мыслью о блаженной минутѣ свиданія.“

III.

Нѣтъ надобности приводить здѣсь всѣ письма Петра Андреевича изъ-за границы, наполненные преимущественно похвалами Италиі и всему что ему встрѣчалось прекраснаго: въ этомъ случаѣ, онъ повторилъ собою болѣе или менѣе всѣхъ художниковъ, впервые видѣвшихъ Италию. Но мы не можемъ не указать на тѣ отрывки изъ его переписки, въ которыхъ высказывается самобытный взглядъ художника на искусство и жизнь, также исключительно ему свойственное художественное направленіе, и наконецъ его сердце.

Въ Берлинѣ, который Петръ Андреевичъ называетъ мертвымъ городомъ, онъ былъ въ мастерской Рауха, и работами его не нахвалится. Въ Мюнхенѣ, молодой скульпторъ Степановъ¹, занимавшійся у Шванталера, досталъ Ставассеру и ѣхавшимъ съ нимъ вмѣстѣ Антону Андреевичу Иванову (скульпт.), Андрею Андреевичу Пищалкину (грав.), П. Н. Орлову (живоп.) и Ф. И. Эппингеру (архит.), билеты на праздникъ, который художники, собравшись въ числѣ двухсотъ, давали Торвальдсену, описывая наружность маститаго датскаго ваятеля. Ставассеръ говорить:

¹ Степановъ—бывшій ученикъ академіи, гдѣ онъ не могъ равнодушно видѣть учителей и вмѣстѣ гувернеровъ, чахоточнаго Шведа Галицко, и кѣмцаго Еврея Зибекера. Эти гувернеры-учители безпощадно съѣли учениковъ, будущихъ художниковъ, даже за то что они, въ рекреационное время, рисовали въ альбомы своимъ роднымъ и знакомымъ, вмѣсто того чтобы приготовить уроки изъ французскаго или кѣмцаго языка. Ежедѣльно, въ субботу вечеромъ, послѣ всенощной, прикоснулись цѣлымъ ворохомъ крупныхъ розогъ, и здоровые отставные солдаты полосовали мношество въ рекреационной заатъ, смежной съ спальней, въ которой находились мы, составлявшіе меньшій, первый возрастъ. Раздирающіе крики и вопли наводили на насъ ужасъ и оцѣпенѣніе, и этотъ ужасъ усиливался въ насъ при мысли, что осенью 1830 года, при переходѣ во 2-й возрастъ, и мы должны будемъ перейти въ руки Галицко и Зибекера. Слыша иногда звонкій смѣхъ пятидесяти мальчиковъ, Галицко потиралъ руки и говорилъ не безъ удовольствія: „погодите, ужъ доберусь я до этихъ сорванцевъ!“ Но онъ добрался лишь до Смоленскаго каадища, во время холеры 30 года. По счастью, и Зибекеръ вскорѣ получилъ от-

„Какъ я былъ радъ, что увидѣлъ этого достойнѣйшаго человека, да еще въ такую торжественную минуту! Онъ подходилъ къ намъ два раза мы рекомендовались ему, и я напомнилъ Торвальдсену о Гальбергѣ, сказавъ и о смерти его. Онъ очень сожалѣлъ о Самуилѣ Ивановичѣ. Знаменитый ваятель выпилъ три бокала шампанскаго вмѣстѣ съ нами; онъ звалъ насъ къ себѣ, въ Римъ.“

Въ Римѣ первое полгода Ставассеръ очень скучалъ: это высказывается въ каждомъ его письмѣ.

„Мамочка, пишетъ онъ, я каждый день молю Бога, чтобъ онъ сохранилъ васъ и довелъ меня до того счастья, чтобъ я могъ лелѣять васъ на своихъ рукахъ.“ Въ другомъ письмѣ (отъ 21 декабря 1841 г.), онъ пишетъ: „Ахъ, дорогіе мои! еслибы вы знали, какъ въ Римѣ теперь холодно въ комнатахъ, особенно по утрамъ и вечерамъ! Еслибы не халать, то было бы плохо! Какъ же я вамъ благодаренъ за него, какъ онъ грѣетъ меня! Да и какъ не грѣтъ ему? Снять съ плечь друга, подбитъ мѣхомъ сестринаго салона и подшить золотыми ручками мамочки!“

Порядочную часть своего заграничнаго пенсіона Петръ Андреевичъ оставлялъ родителямъ. Сверхъ того, онъ просилъ ихъ, отъ 9-го марта 1842, чтобъ они получили сполна заработанныя имъ деньги отъ князя Г*** „Дорогіе мои, писалъ онъ, радъ отъ души, что случай привелъ меня сдѣлать

ставку изъ академіи. Однако оба эти палача успѣли забыть и застрашать способности дѣлаго возраста, такъ что замѣчательныхъ художниковъ изъ пятидесяти учениковъ вышло только трое: Бенуа, Ивановъ (скульпторъ) Степановъ, который былъ постояннымъ предметомъ бичеванія, и самъ дѣлалъ все для того, чтобы быть выгнаннымъ изъ академіи, чего и достигъ. При способностяхъ своихъ, благородствѣ характера и отличномъ знаніи русскаго языка, онъ тотчасъ поступилъ преподавателемъ этого языка въ домъ князя К. Страсть къ скульптурѣ не остывала въ немъ, и онъ изваялъ статую *рыбака, вытаскивающаго сеть*, за которую онъ удостоился особеннаго вниманія Великою Княгини Маріи Николаевны и былъ отправленъ въ Мюнхенъ, къ Швайтлеру, для дальнѣйшаго изученія скульптуры. Оттуда, вслѣдствіе своей рѣзкой патриотической выходки въ *биргалль*, между Нѣмцами, онъ былъ отправленъ обратно въ Петербургъ, по настоянію Князя, бывшаго художественнымъ комиссіонеромъ въ Мюнхенѣ (въ посѣдствіи директоромъ русскихъ художниковъ въ Римѣ, послѣ П. И. Кривцова). Послѣ Степановъ повелъ жизнь буйную, и разъ, выйдя изъ дому, въ Петербургъ, уже не возвращался домой. Гдѣ онъ? что онъ? — неизвѣстно.

это. Всю жизнь мою подарю вамъ, если Богъ дастъ мнѣ силы и здоровья!“ Въ этомъ письмѣ онъ еще увѣдомлялъ, что думаетъ начать статую Давида играющаго на гусляхъ, и дѣлаетъ эскизъ Еввы.

Карлъ Брюлловъ постоянно интересовался Ставассеромъ, и при встрѣчахъ съ его родными, всегда спрашивалъ: „Что разбойникъ здоровъ?“ Въмѣстѣ съ тѣмъ, Брюлловъ совѣтовалъ передать ему, чтобъ онъ не слишкомъ засматривался въ Римъ. „При тамошнемъ климатѣ и окружающихъ прелестяхъ, прибавлялъ онъ, можно сдѣлаться такимъ лѣнивцемъ, что бѣда!“

„Павелъ Ивановичъ Кривцовъ¹, писалъ между тѣмъ Ставассеру, убѣждаетъ меня послать что-нибудь на предстоящую петербургскую выставку; но я ему объявилъ, что послать что-нибудь я не могу и не хочу; а порядочной вещи сдѣлать не успѣю.

„Теперь дѣлаю эскизъ Каина, по совершеніи имъ буйства.

„Я посѣщалъ нѣсколько разъ мастерскія Теперани и Бьянеме; видѣлъ у нихъ хорошія вещицы, но все какъ-то не додѣлано и не додумано. Я уже не говорю о сюжетахъ, *миленькихъ, сладенькихъ*, которые они избираютъ; это уже дань угожденія публикѣ. Но вѣдь не слѣдуетъ измѣнять

¹ Павелъ Ивановичъ Кривцовъ былъ первымъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Римѣ, и вмѣстѣ директоромъ русскихъ художниковъ. Вниманіемъ и добротой своею онъ заслужилъ общее уваженіе молодежи, и оставилъ по себѣ безукоризненную память. Онъ постоянно заботился о сближеніи нашихъ художниковъ между собою; приглашалъ ихъ очень часто къ себѣ, въ палатку на Корсо, или во фраскатскую виллу, гдѣ за большими круглыми столами и самоваромъ усаживались наши. Добрѣйшая Елизавета Николаевна, супруга Кривцова, брала на себя трудъ угощать всѣхъ чаемъ, и тутъ же перѣдко, предваренная своимъ мужемъ, примиряла враждовавшихъ. Павелъ Ивановичъ, занятый въ то время игрою въ шахматы съ кѣмъ-нибудь изъ художниковъ, поощрялъ примирительными одобрительными возгласами. Вражда часто возникала между нами вслѣдствіе горячихъ споровъ. Достаточно сказать, что всѣ мы раздѣлялись на два лагера: *брюлистовъ* и *иванитовъ*. Кинучая молодость еще не могла держаться золотой середины, и потому вдавалась въ крайности, и эти-то крайности умѣла сглаживать лишь одна отеческая заботливость добраго Павла Ивановича. Потеря Кривцова тѣмъ болѣе была для насъ чувствительна, что мѣсто его занялъ Киль, невыносимый формалистъ, который былъ бы, кажется, готовъ назначать часы занятій и отдыха самому папѣ.

искусству. Я особенно люблю посѣщать студию Торвальдсена: вотъ тамъ такъ произведенія зрѣлыя, солидныя!“

Въ то время Петръ Андреевичъ ваялъ бюстъ своего товарища Эппингера и статушку *Молящагося Ангелочка*, для князя С. П. Голицына. Ставассеръ очень любилъ дѣтей; они, отвѣчая ему ласками, часто играли на его колѣняхъ, и дѣплялись за пряди его курчавыхъ волосъ. Видно, что онъ имѣлъ не мало случаевъ любоваться дѣтскими движеніями и ихъ граціей; потому-то онъ изобразилъ ихъ такъ прекрасно въ томъ замѣчательномъ произведеніи, которое мы сейчасъ назвали.

Работая надъ этою статушкой, Петръ Андреевичъ смѣючись жаловался на своего неугомоннаго натурщика, а наконецъ и серьезно досадовалъ, заикаваясь производить впредь что-нибудь подобное.

Въ Италіи повсюду окружали нашего художника вымыслы греческой мифологіи. Насупившись, смотрѣли на него невозможныхъ величинъ Геркулесы; помигивали мраморными бровями Юпитеры; заливались смѣхомъ ветрезвенные Бахусы, сивьяны и вакханки; поражали строгою, величавою красотой Минервы и Юноны; появлялись сладострастные сатиры и фавны; плескали въ него водою рѣзвыя наяды; но художникъ, вполне понимавшій красоту этихъ существъ, не могъ забыть своей родной мифологіи, и началъ группу русалокъ.—„Я занятъ, писалъ онъ, эскизами группы русалокъ: одна будетъ у меня лѣтъ девятнадцать, другая четырнадцать. Мысли мои постоянно заняты этими плутовками. Поймаю ли я ихъ? Боюсь, чтобы, погнавшись, не утонуть подобно пустынянику Пушкина.“

Однако, несмотря на это опасеніе, скоро въ мастерской Петра Андреевича въ виллѣ Негри, неподалеку отъ базилики Маріи Маджіоре, явилась глиняная группа двухъ ночныхъ опасныхъ дѣвушекъ сѣверной мифологіи. Фантазія художника помирила русалокъ съ дневнымъ свѣтомъ, вопреки ихъ обычаю показываться только ночью. Ихъ пѣвническая красота невольно очаровывала зрителя дикостью и недоступностью. Но и при блескѣ солнца, эти созданія, съ своими игривыми движеніями, были проникнуты тою чудною таинственностью, которою онъ дышать въ стихахъ Пушкина,—были проникну-

ты. говорю я, потому что группа эта не существуетъ, и прибавляю, что можно позавидовать тѣмъ, кто ее видѣлъ. Трудъ ваятеля въ глинѣ былъ болѣе нежели на половину оконченъ; но кто извѣдаетъ мѣру замысловъ и потаенныя движенія души даровитаго художника? За часъ восхищается онъ своею работою, а потомъ безъ жалости опрокидываетъ уже дышавшую глыбу глины? И кто рѣшится сдѣлать художнику упрекъ въ минуту его недовольства произведеніемъ, которое уже имѣло на себѣ отпечатокъ необыкновеннаго творчества? Художникъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни времени, ни денегъ, и остался вѣренъ своему призванію, не захотѣлъ остановиться, какъ думалъ онъ, на полдорогѣ въ достиженіи предположенной имъ цѣли. А нѣкоторые изъ русскихъ путешественниковъ, не зная всего этого, изъ тупаго, какого-то офиціальнаго участія, скорбѣли, что ихъ соотечественникъ, такой художникъ талантливый, ничего не дѣлаетъ! Указывали они въ примѣръ на дѣятельность итальянскихъ или нѣмецкихъ художниковъ, у которыхъ все занятіе искусствомъ уже обратилось въ умѣніе скоро доставать себѣ всякаго рода работы и такъ искусно сбывать ихъ, что не пропадетъ ни кусочка мрамора, ни малѣйшаго лоскута холста, а все реализуется въ деньги! ¹

Петръ Андреевичъ писалъ отъ 24 декабря 1843 года:

¹ Назову примѣры, которые первые пришли на память: Я видѣлъ въ Санта Санта, въ Неаполѣ, небольшую надгробную статую, работы Тегерани, изображающую сидящаго ангела, съ трубою въ рукѣ, готоваго, по гласу Бога, воззвать мертвыхъ на судъ. Вещь прекрасная, которая будучи поставлена между гробовъ, производитъ необычайный эффектъ. Въ мастерской Тегерани, въ Римѣ, статуя эта, въ колоссальномъ видѣ изъ мрамора, получила перелѣмы въ ногахъ. Это повредило ея достоинству, но сберегло скуды въ карманѣ художника: онъ поджалъ ноги фигурѣ, для того чтобы довадьствоваться мраморомъ меньшаго размѣра противъ первоначально приготовленной модели.

Другой примѣръ: скульптору Тадолини сардинское правительство заказало колоссальную мраморную статую во внутреннюю нишу базилики Св. Петра; и онъ, разчитывая на назначенное высокое помѣщеніе статуи, сдѣлалъ ее безъ спины. Сардинское правительство объявило на скульптура претензію; употребивъ значительную сумму денегъ, оно желало сдѣлать приношеніе, достойное знаменитаго храма. Затѣялся процессъ и... о, Фемида! въсы твои покривилъ свою лозкостью Тадолини, и выигралъ процессъ!

„Группу, о которой я вамъ сообщалъ, я сломалъ, и началъ русалку—одну, которая приведена уже въ порядокъ. Вы вѣрно браните меня? Я и самъ себя браню, но не за то что уничтожилъ группу, а за то что слишкомъ поторопился начать ее. Въ уничтоженной группѣ одна изъ русалокъ имѣла посадку переслащенную,—и потому болѣе походила на вакханку; въ русалкѣ же долженъ быть характеръ привлекательный, но вмѣстѣ уклончивый, обманчивый, тогда какъ вакханки не обманывали тѣхъ, кого манили къ себѣ. Вся бѣда, что я слишкомъ увлекся заманчивымъ выраженіемъ характера этихъ обманщицъ, и недостаточно обратилъ вниманіе на ихъ группировку, которая вышла болѣе живописна нежели скульптурна. ¹ Я, сколько могъ, старался поправить эту ошибку; но было уже поздно. Потомъ я сочинилъ новую группу, совсѣмъ иначе; но положилъ однако дѣлать одну фигуру, испытавъ что значитъ работать съ женскихъ моделей.“

Русалка Ставассера, слегка касаясь пня дерева пальцами лѣвой руки и отряхая правую рукою локонъ волосъ, въ полунаклонномъ движеніи, тихо опускается въ воду, вѣроятно для того чтобъ очутиться на озеркѣ, въ Петергофѣ, и спугнуть тамъ *Рыбачка* ². Но нѣтъ, она не скроется отъ нашихъ глазъ, и мы, обязанные искусству художника, будемъ любоваться ею! Длинная, густая и влажная коса красиво стелется по спинѣ миеологической красавицы нашихъ водъ, а лукавые глаза, кажется, высматриваютъ жертву, которая должна умереть подъ щекотаньемъ ея предестныхъ гибкихъ пальцевъ.

Вскорѣ Императоръ заказалъ Ставассеру „русалку“ изъ мрамора.

¹ Постараюсь объяснить разницу, которую полагалъ Ставассеръ между группировками живописною и скульптурною. Скульптура полагаетъ условіемъ группъ и статуй, чтобъ крайнія линіи ихъ очертаній, были игривы и разнообразны, изображая со всѣхъ сторонъ избранный сюжетъ. Ставассеръ, взявъ свою группу, имѣлъ въ ней не много выгодныхъ, игривыхъ сторонъ, почему весь интересъ сосредоточился въ одной главной, передней сторонѣ произведенія, а это полагается условіемъ лишь для живописи, гдѣ зритель созерцаетъ произведеніе съ одной точки зрѣнія. Этимъ и объясняется выраженное художникомъ недовольство своею группой.

² *Рыбачокъ* Ставассера, отлитый изъ бронзы, помѣщенъ на прекрасномъ островкѣ въ Петергофѣ.

В. И. Григоровичъ, по возвращеніи своемъ изъ путешествія по Италіи, разказывалъ о Петрѣ Андреевичѣ его домашнимъ, сообщая съ мельчайшими подробностями всѣ малыя черты его характера и восхищаясь имъ. „Вашъ Петька,“ говорилъ онъ, „просто голубчикъ, душка; здоровъ, веселъ, попомнѣлъ. А какъ похорошѣлъ! Въ черномъ бархатномъ сюртучкѣ особеннаго покроя, рукава узкіе съ разръзами, подбитые цвѣтнымъ атласомъ, въ тонкомъ бѣльѣ, цвѣтной платокъ на шеѣ, сѣрая шляпа съ широкими полями, окладистая борода.... ну, просто прелесть!“¹

Извѣщеніе о совершившемся бракѣ Курвуазье съ сестрою ваятеля расшевелило его любящую душу.

„Когда я получилъ письмо отъ вая, писалъ онъ, я заплакалъ отъ радости. Ты счастливъ Саша; ты женился во время. Когда же, какъ не теперь, наслаждаться любовью? Меня часто беретъ раздумье, отчего я не могу располагать своею судьбой? То ли бы дѣло взять молоденькую жонку — вотъ жизнь! Ужь какъ бы я любилъ ее! Скажу тебѣ, Сашура, что съ нѣкотораго времени меня ужасно тревожитъ какое-то грустное чувство: мнѣ не достаетъ любви, а я не могу безъ нея существовать. Первое время, когда я пріѣхалъ въ Римъ, мнѣ такъ понравилась здѣсь жизнь художниковъ! Я полюбилъ ее, и полагалъ, что никогда не женюсь; но теперь думаю совсѣмъ иначе. Ты пожалуй скажешь: люби свое искусство. Я и самъ себя твержу это, — и люблю его; но эта любовь какъ-то мало согрѣваетъ. При томъ же красавица скульптура мнѣ не дается, какъ бы мнѣ хотѣлось; она принадлежитъ Грекамъ, и остается вѣчною имъ по гробъ ихъ; а нашему брату до нея далеко какъ до луны.“

Лишь высшее пониманіе и тонкое чувство античной скульптуры могли вызвать такія строки у Ставассера. Тутъ невольно вспоминается и его самотребовательность въ избранномъ имъ искусствѣ. По пріѣздѣ въ Римъ и осмотрѣ Ватикана и Капитолія, онъ, поникнувъ головой, былъ грустенъ при запавшей въ душу его мысли,

¹ Любимый женихъ безъ исключенія, Ставассеръ и отъ сторожа при академической скульптурной мастерской имѣлъ аттестацію такую: „Молодецъ Петръ Андреевичъ, говорилъ отставной солдатъ Цыдура, „съ барникомъ — барникъ, съ мужикомъ — мужикъ. Вѣкъ его не забуду!“

что трудно и очень трудно сдѣлать что-нибудь замѣчательное въ скульптурѣ послѣ древнихъ Грековъ.

„Я занятъ теперь,—писалъ Ставассеръ отъ 5-го апрѣля 1845 года,—эскизами для работъ къ храму Спаса въ Москвѣ, которыя поручаетъ намъ К. А. Тонъ. ¹ На мою долю дѣлались десять колоссальныхъ ангеловъ надъ арками, барельефъ, почти въ четыре сажени длиною: *Давидъ вручаетъ чертежъ храма Соломону*. Я отъ души былъ бы радъ, еслибъ эти работы довелось намъ, какъ обѣщаетъ К. А. Тонъ, производить въ Римѣ, побывавъ, безъ сомнѣнія, передъ тѣмъ въ Петербургѣ. Я здоровъ, живу чудесно, такъ привыкъ къ Риму, какъ будто проведъ въ немъ лѣтъ десять, какъ будто родился въ немъ. Теперь я предполагаю сдѣлать фигурку гладиатора съ тигромъ. Я думаю, тебѣ Катенька, покажется страннымъ такой рѣзкій переходъ отъ нѣжнаго къ сильному; но мнѣ очень желательно выполнить эту задачу и показать, что я могу производить не одни женскія фигуры. Для этого я намѣреваюсь вскорѣ ѣхать въ Африку и тамъ полюбоваться нубійскимъ племенемъ; оттуда поѣду и въ Иерусалимъ. Объ этомъ послѣднемъ моемъ желаніи вы знали еще въ Петербургѣ.“

Мы видѣли, что Ставассеръ задумывалъ много сюжетовъ для своихъ статуй. Однако талантъ художника не выдержалъ противъ искушеній греческой мифологіи, и задумчивыя роцци римскихъ виалъ, ихъ таинственные гроты, ихъ журчащія обаятельною музыкой фонтаны и купы зонтообразныхъ липъ, въ тѣни которыхъ чудятся игривому воображенію веселые и шаловливые фавны, нимфы и сатиры, усилили обольщеніе, и пылкая фантазія ваятеля, гдѣ-то въ мшистомъ гротѣ, поймала и приласкала прелестную молоденькую нимфу. Художникъ охотно бы могъ-быть, и самъ повязалъ сандалію на ногъ этой нимфы, но онъ допустилъ маленькаго сатира оказать ей эту услугу, а этотъ не замедлилъ преловко помѣститься у ея ногъ, и засмотрѣвшись на ея красоту, остался съ приподнятыми на воздухъ руками, держащими повязки сандаліи. Эта очаровательная группа принесла художнику извѣстность въ Римѣ и имя отличнаго скульптора. Онъ встрѣ-

¹ Въ томъ числѣ Антону Иванову, Климчекъ и мнѣ.

тлса съ миеами Грековъ въ эпоху своего поднаго развитіа, въ лучшую пору своей дѣятельности. Въ это время уже нечего было бояться за него; онъ передалъ многое характерно, вѣрно, ново и со всею граціей, приличною из-бравному предмету. Но эта грація была не та, за которою чѣмъ шибче другіе художники гонятся, тѣмъ далѣе отъ ней уходятъ, — а грація врожденная, присутствовавшая постоянно во всѣхъ работахъ ваятеля, неотлучная спутница его дарованія, являвшаяся къ нему каждый разъ какъ его модель взлѣзала на деревянный помостъ. Эта грація составляетъ отличительное свойство фантазіи нашего скульптора. Силою своего таланта и истинно художественнымъ образованіемъ онъ оградилъ себя отъ раболѣпнаго подражанія антикамъ и знаменитостямъ новѣйшей скульптуры. У него образовался свой художническій взглядъ, и вотъ почему произведенія его нисколько не похожи на произведенія другихъ художниковъ, даже не напоминаютъ ихъ. Вотъ почему, глядя на его прелестную нимфу, не хочется разстаться съ ней: она вышла изъ-подъ рукъ Ставассера, не розою распустившеюся вполнѣ, уже почти готовою обронить свои лепестки, какъ выходитъ она у другихъ скульптуровъ; у Ставассера она является зрителю какъ бы распуколкою розы въ то мгновение, когда она только что раскрыла всю свою прелесть и разливаетъ вокругъ себя вѣжное благоуханіе. Дѣвственность, свѣжесть округлостей и грація отличаютъ *нимфу* Ставассера. Какая непринужденность въ ея постановкѣ, какая пріятность въ поворотѣ головы, рукъ, спивки и этой неподобной ножки, поставленной художникомъ, въ такомъ счастливомъ контрастѣ, на мохнату ю лядвію сатира! И какъ хорошъ этихъ сатуръ, остановленный въ своемъ дѣйствіи созерцаніемъ красоты! Нимфа держитъ въ правой рукѣ другую савдаію и, кажется, наслаждается восторгомъ, порожденнымъ ею въ лѣсномъ божкѣ. Сатуръ любитъ ея; но при малѣйшемъ нескромномъ движеніи его, вѣтъ сомнѣнія, она, легкая и гибкая, выскользнетъ изъ его рукъ. А между тѣмъ, онъ, кажется, замышляетъ, прильнуть своими выпуклыми губами къ этой обворожительной ножкѣ. Но не безпокойтесь, этого не будетъ; — а не будетъ потому что Ставассеръ, всегда вѣрный чистотѣ высокаго искусства, не хотѣлъ этого.

Ни въ одномъ изъ произведеній Ставассера не представляется дѣйствія конченнаго. Всегда, при созданіи своей фантазіи, открываетъ онъ обширное поле для фантазіи самого зрителя. Вотъ еще отличительное свойство этого скульптора! И это не было слѣдствіемъ вліянія теорій и толковъ Муації, Винкельмана, Балмана и другихъ; это было свойствомъ самой природы художника, естественнымъ тактомъ, внутреннимъ голосомъ его дарованія. Это была его собственная, лично ему принадлежащая теорія.

Какъ ни весело бывало присутствовать въ мастерскихъ Гибсона, Бьявеме, Вайта, Теперани, Имгофа, Вольфа Бенсона и другихъ; но особенно весело было въ мастерской нашего ваятеля, потому что здѣсь не было и тѣни черствости и заученности, а все было исполнено жизни и дыханія. И не пристрастіе, не увлеченіе заставляютъ меня говорить такъ; это былъ голосъ самихъ художниковъ, изъ которыхъ лучшіе приходили любоваться *Нимфою* нашего ваятеля. Заодно только можно было бы упрекнуть его въ этой группѣ: за недостаточную выработку фигуры сатира, но этотъ недостатокъ теряется въ достоинствахъ произведенія.

IV.

Мы коснемся теперь домашнихъ мелочей въ жизни нашего ваятеля.

При перемѣнѣ мастерской, Петру Андреевичу совѣты дали братъ студию на Тибръ, говоря, что тамъ *aria cattiva*—то-есть дурной, лихорадочный воздухъ. Но онъ, не обративъ на это вниманія, устроился тамъ, и въ послѣдствіи самъ жаловался на неудобства и вообще на невыносимую трудность жить въ Римѣ лѣтомъ. Въ страшные жары онъ буквально не могъ выходить изъ дому и посѣщать свои мастерскую: онъ принужденъ былъ сидѣть дома съ затворенными ставнями. „Удушливый вѣтеръ, *scirocco*, жаръ писалъ Ставассеръ, расслабляютъ и уничтожаютъ меня. Счастливицы—пейзажисты! Мастерская ихъ въ горахъ, подлѣтвями каменныхъ дубовъ или вблизи озеръ, подлѣ кучими ивами. Только нашъ братъ, скульпторъ, обреченъ жариться здѣсь, въ раскаленной печи! А какъ оставить работу? кому поручить ухаживать за нею? Право, лѣтомъ

всегда жалѣю, что я не ландшафтистъ ¹. Какъ-то я позволилъ себѣ поѣхать на короткое время въ Альбано и Ариччи, и оставилъ надсмотръ за работой, казалось, порядочному челоѣку; но по возвращеніи не мало досадовалъ, потому что нашелъ работу испорченною.“ ²

Отъ 9 декабря 1845 года Ставассеръ писалъ: „Завтра ѣдутъ въ Римъ нашего Государя. Какъ его ждали! Полтора мѣсяца только и разговоровъ было о его пріѣздѣ. Но мнѣ теперь каждый день визиты, все князья да графы. Русскіихъ здѣсь гибель, Римъ просто сдѣлался Петербургомъ. Въ моей мастерской на лицо: три бюста ³, одинъ мраморный *Молящійся ангелочекъ*, мраморная *Гусалка* и группа *Нимфы съ Сатуромъ*. Есть еще нѣсколько эскизовъ, оловянно большихъ, вотъ и все. Что у меня за натурщица! Это сама нимфа ⁴. Четырнадцать лѣтъ, и сложена восхитительно; но работая съ нею, нужно имѣть очень много терпѣнія, потому что прекапризная и прелѣивая дѣвушка.“ Р. С. „Бѣдный папаша, онъ такъ слабъ... Когда придетъ то время, что я смогу успокоить моихъ старичковъ. Вѣдь е шутка была всѣхъ насъ поднять. Авось Богъ дастъ, то время придетъ скоро, и когда я въ состояніи буду это строить, буду совершенно счастливъ.“

¹ Дѣйствительно, ландшафтистъ находится въ болѣе выгодномъ и пріятномъ положеніи противъ другихъ художниковъ. Безпрестанная переѣзды имѣтъ знакомить его съ живописными окрестностями, и онъ пользуется всегда хорошимъ воздухомъ. На осла взваливаетъ онъ всѣ принадлежности своей мастерской; горы, облака, лѣсъ, озера, долины служатъ ему натурщиками бесплатно и не нуждаются въ отдыхѣ.

² Для незнакомыхъ съ процедурою ваянія нужно сказать, что модели статуи и барельефовъ дѣлаются изъ глинны, которую ежедневно, по окончаніи работы, окутываютъ мокрыми тряпками; но въ какой степени надо ихъ намачивать, безъ сомнѣнія, знаетъ ближе всѣхъ самъ работающій; но же знакомый съ этимъ своего рода пеленакнємъ, или размочить глину до киселя, или засушить ее, или наконецъ поломаеть и смажетъ оловянные части статуи.

³ Замѣчательные бюсты были знаменитаго генерала Раевского, дѣвицы Бальвалеръ, графа Вьельгорскаго, хотя они и были сдѣланы съ маля и портретовъ. Счастливый художникъ подарилъ многихъ чистыхъ шедеврами радостями, потому что воскресилъ для нихъ облики любимыхъ друзей отошедшихъ въ вѣчность.

⁴ Натурщица Роза была поразительно хороша. Она родилась отъ Римляки и мулата.

Въ письмѣ отъ 16-го января 1846 года: „Государь прѣхалъ въ Римъ съ 12 на 13 декабря, въ 4 часа по полуночи; уѣхалъ съ 17 на 18 въ часъ ночи. Упрямый наш директоръ Киль не хотѣлъ никого изъ насъ слушать затѣялъ выставку русскихъ произведеній. Оно кажется такъ бы и должно было быть; но выслушайте! Живописецъ въ Римѣ немного, историческихъ только два: Михайловъ, который недавно только прѣхалъ, и тотъ теперь въ Неаполь, и Ивановъ, котораго прекрасная картина, по огромности своей, не можетъ быть выставлена. Живописецъ Воробьевъ въ Палермо, при Императрицѣ; Орловъ тамъ же; Фрикке отослалъ свои работы въ Петербургъ. Согласитесь, можно ли сдѣлать выставку? Архитекторы положительно не захотѣли выставлять свои рисунки, намъ рѣшаясь представить ихъ прямо во дворцѣ Государя, что имъ и удалось. Скульпторовъ Киль хотѣлъ заставить нести свои работы; но мы отдѣлались, потому что оконченная статуя Антона Иванова отослана въ Петербургъ; другая, мраморная, не кончена, а третья въ глинѣ, сдѣлать вательно нести нельзя; у Р. статуя также въ глинѣ, нести невозможно. У меня статуя Русалка мраморная только приводится къ концу. Положимъ, ее и можно было бы выставить на выставку; но глиняная группа, которую мы очень хотѣлось показать Государю, не могла же быть выставлена. Спрашивается: какая же выставка могла состояться? и гдѣ же?—въ палатцѣ Фарнезио, гдѣ фрески Рафаэла по стѣнамъ!.. Какая картина можетъ выстоять противъ нихъ? Все это было говорено Килю; но онъ не хотѣлъ слушать. Ему также говорили, что такъ какъ живописныхъ произведеній немного, то они могутъ быть выставлены въ студіи живописца Иванова, дабы избѣгнуть наряданія выставки. Нѣтъ, Киль уперся, и ни шагу назадъ. Нечего дѣлать, вынуждены были послушаться директора; снесли въ сосѣдство къ Рафаэловымъ фрескамъ живописные этюды, составили изъ нихъ кое-какую выставку. Государь былъ приглашенъ на нее. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ быть ею доволенъ, чего мы и ожидали. Что за цѣль была директора, не знаю. Неужели было желаніе съ его стороны уронить насъ во мнѣніи царя! Я былъ очень опечаленъ этимъ событіемъ, какъ и всѣ наши. Сижу въ сту-

ди и думаю: ну, прощай, Нимфа, тебя можетъ быть Государь и не увидитъ! Это было во вторникъ, въ 11 часовъ утра: какъ вдругъ прибѣгаютъ извѣстить меня, что царь сейчасъ будетъ; я чуть не перекувыркнулся отъ радости. Государь былъ чрезвычайно доволенъ. Только что онъ вошелъ, взглянулъ на группу и сказалъ окружающимъ: „voilà c'est autre chose!“¹ (Катюша, не смѣйся, можетъ быть перевру, передавая отзвыы Государя, сказанные по-французски). Хвалилъ онъ меня такъ, что еслибъ я вамъ повторилъ все сказанное Его Величествомъ, вы не повѣрили бы. Заказъ ее мнѣ изъ мрамора, но замѣтилъ: *нельзя ли увеличить немножко въ мраморъ?* Я отвѣчалъ: очень легко, если это будетъ угодно Его Величеству, но я держалъ величину ровно въ натуру, и самый сюжетъ не позволяеть дѣлать больше. Тутъ мою сторону принялъ графъ А. Θ. Ураовъ, и Государь сказалъ: *дѣлай какъ знаешь!* Статуя Русалки ему также понравилась, спросилъ: *для кого?*—По заказу Вашего Величества, чрезъ посредство покойнаго П. И. Кривцова, отвѣтилъ я. Спрашивалъ еще: *Которая же модель тебѣ больше нравилась?* то-есть та ли, которая служила для Русалки, или которая для Нимфы. Я отвѣчалъ, что нравятся обѣ. Царь улыбкунался и замѣтилъ: *должно быть у тебя прекрасныя модели.* Уходя онъ опять посмотрѣлъ на группу, и опять похвалилъ: *Мнѣ очень нравится; старайся, я не ошибся въ тебѣ; смотри, не залѣнься!* Вышедши изъ мастерской, и обратившись къ окружавшимъ, онъ заключилъ словами: *je n'ai rien vu de plus gracieux!*

„Признаюсь откровенно, писалъ Ставассеръ 8-го октября 1846 года, я не могу равнодушно подумать о скоромъ моемъ разставаньи съ Италией, и можетъ-быть навсегда. Я такъ привыкъ къ ней, будто бы въ ней родился². О, какъ привольно въ Римѣ! Художнику, кажется, только и можно жить здѣсь; тутъ онъ рѣшительно у себя дома; хочешь садись посреди улицы и рисуй, никто тебѣ не помѣшаетъ. А какія модели, сколько толковъ объ искус-

¹ Передъ тѣмъ онъ былъ въ мастерской какого-го иностраннаго художника, работами котораго остался недоволенъ.

² „И неумудрено!“ замѣчаетъ сестра его. „Можетъ-быть въ его любви къ Италиі было нѣчто врожденное, потому что бабушка его (мать отца) была крошная итальянка, уроженка Пизы.“

отвахъ, и все на общемъ для всѣхъ азыкъ—итальянскомъ! Чего не встрѣтишь въ церквахъ, музеяхъ, палацкахъ! Къ художникамъ здѣсь такъ привыкли, такъ сжились съ ними, что, кажется, безъ нихъ Римъ не мыслимъ. Такая жизнь, дѣйствительно, есть лучшее поощреніе художникамъ. И Гольбергъ говорилъ, что для нашего брата есть одна исключительная точка на землѣ, это—Римъ...“

„17-го октября я оставилъ Неаполь. По пріѣздѣ въ Римъ дѣла въ студіи сбили меня совершенно съ толку. Глыба мрамора, изъ которой начали рубить группу, оказалась негодною; вышло пятно на ногѣ Нимфы, черное какъ уголь; какъ ни вертели, чтобы какъ-нибудь избѣжать его, невозможно. Пропалъ мраморъ, пропали хлопоты, и работа на 1.300 франковъ. Но главное жалѣю о потерянномъ времени. Мрамора теперь нѣтъ. Когда-то еще привезутъ.“

2 марта 1847 г. пишетъ Ставассеръ: „Сегодня я отправляюсь къ Килью¹ просить денегъ на окончаніе работы. Посмотримъ, что выйдетъ. Вѣроятно онъ скажется большимъ, какъ всегда.“ Далѣе пишетъ онъ, что у него вышли большія непріятности съ директоромъ, такъ что онъ вынужденъ былъ обратиться съ бумагою въ Академію. „Киль, говоритъ Ставассеръ, обращается съ художниками какъ съ солдатами; назначаетъ сроки ихъ работамъ, и т. п.“ Герцогъ Лейхтенбергскій, узнавъ о происшедшемъ, нашелъ жалобу художника справедливою, и академическій совѣтъ прислалъ Килью замѣчаніе.

¹ Киль часто требовалъ отъ насъ невозможнаго, что, конечно, и не исполнялось; и это подавало ему поводъ думать, что мы сообщаемъ дѣлаемъ все наперекоръ ему. Рапорты и жалобы на насъ сыпались во всѣ стороны отъ директора, который, опрокидывая освѣщенные временемъ и необходимостью порядки, хотѣлъ какъ начальникъ поставить на своемъ. Въ римскихъ студіяхъ начинаютъ работать съ 8 часовъ утра, и продолжаютъ занятія до 12; это общій порядокъ и для натурщиковъ, и для натурщицъ; работать долѣе не позволяетъ жаръ; да и желудки вставшихъ рано художниковъ и моделей, требуютъ въ то время своего удовольствія. Въ *mezzo giorno* всѣ остерію и trattoria наполняются проголодавшимися. А Киль вставалъ въ 10 и 11 часовъ, потомъ предавался кейфу, и потомъ уже ѣхалъ навѣщать русскихъ художниковъ въ ихъ мастерскихъ, которыя, естественно, находилъ запертыми. Это приводило его въ гнѣвъ неопытный.

Кляню не являлось даже, что мы прогуливались верховомъ. Ставассеръ, при красотѣ своей, обладалъ и ловкостью, чѣмъ, впрочемъ, не щеголялъ. Не терпя картъ, рѣдко играя на бильярдѣ, онъ предпочиталъ всѣмъ удовольствіямъ верховую ѣзду, и притомъ не въ городѣ, на Corso или Monte Pincio, нѣтъ, а въ Кампаньи, на ея широкомъ просторѣ или же въ горахъ, гдѣ для него было упоеніемъ мчаться на сколько хватало силъ у коня, *перегоняться съ ветромъ*, какъ онъ самъ говаривалъ. Въ лунныя ночи никакія препятствія не существовали для него, когда онъ задумывалъ скакать въ Альбано, Фраскати, Тиволи. Онъ выбиралъ притомъ постоянно скакуновъ самыхъ горячихъ, какихъ было не мало на конюшняхъ Буонафедѣ, на Испанской площади. Забыть не могу ночь, когда на этой же площади, послѣ представленія Фанни Эльслеръ на театрѣ Алиберти, два полковые оркестра гремѣли въ честь знаменитой танцовщицы, передъ балкономъ ея квартиры, при крикахъ художниковъ всѣхъ націй: „fori, fori, al balcone!“ Каждый изъ нихъ звалъ Фанни Эльслеръ въ свое отечество, и каждый разъ при появленіи ея на балконъ, она была осыпаема цвѣтами. Ближайшія улицы и переулки были разбужены этою оваціей, въ которой принимали участіе и почтенные, сѣдовласые художники. Долго бы еще продолжались крики восторга и одобреній, еслибы не явились карабинеры, убѣждавшіе насъ разойтись по домамъ. Кто былъ поскромнѣе, тѣ вошли тутъ же, въ тракторію Скалипады. Противъ же особенно разгоряченныхъ карабинеры употребили жесткость, пустивъ имъ подъ ноги фейерверочныхъ шутихъ. Поднялся гвалтъ, смѣхъ, и вся многочисленная толпа разсыпалась, пожелавъ „*felicissima notte*“ обворожительной Фанни.

Въ первой продолговатой залѣ тракторіи Скалипады, два большіе стола были заняты художниками русскими и англійскими. Веселье было общее. Ставассеръ, переломивъ впечатлѣніями этого вечера, послѣ ужина сталъ просить меня достать тотчасъ верховыхъ лошадей. Я отвѣчалъ, что уже очень поздно, что небо покрывается тучами; но онъ настаивалъ на своемъ желаніи. Зная какъ желанія его были непреодолимы, особенно въ минуты экстагическаго увлеченія, я согласился, и зайдя, тутъ же по сосѣдству, на конюшню Буонафедѣ, убѣди-

тельно просилъ *стальера* на случай, если *tignor Pietro* ~~will~~ придетъ и потребуетъ лошадей, отвѣчать ему, что всѣ лошади разобраны Англичанами, уѣхавшими съ вечера на охоту; при этомъ скудо перешло изъ моего кармана въ карманъ конюха. Возвратившись въ тратторію, я объявилъ Ставассеру о препятствіи для его ночной прогулки; но онъ самъ пошелъ къ Буонафедѣ. Черезъ четверть часа, въ продолженіе которой мы пѣли гимнъ „Боже Царя храни“ (на прежній англійскій мотивъ), а Англичане „God save the Queen“ на своемъ языкѣ, дверь тратторіи распахнулась, и въ промежуткѣ между столами, набойкой, красивой лошади, Париджина въѣхалъ Ставассеръ. „Ура! браво!“ Крики удивленія и веселія перешли въ грохотанье,—и въ награду за молодечество, съ какимъ Ставассеръ въѣхалъ въ портовъ по десяти ступенямъ, тотчасъ же была оторвана и отдана ему половина флага, съ которымъ Фанна Эльслеръ въ тотъ вечеръ танцевала *matelote*, и которымъ завладѣли въ театрѣ англійскіе художники. Париджина, при окружающемъ шумѣ, начала играть и бить копытами; Ставассеру слѣдовало повернуть ее назадъ, но промежутокъ между столами не позволялъ оборотить лошадь. Явился вопросъ: чей столъ убрать, Англичанъ или нашъ? Англичане уступили, говоря, что триумфъ ловкости принадлежитъ въ этомъ случаѣ Русскому. Петръ Андреевичъ въѣхалъ изъ тратторіи, подѣхалъ къ окну и обратился ко мнѣ съ словами: „Рамазавовъ, душно здѣсь, поѣдемъ въ горы! Встрѣтимъ солнце во Фраскати.“ Я не хотѣлъ отпустить Ставассера одного, и спустя немного времени, мы уже скакали за Porta St. Gioane вмѣстѣ. Ночь была темна и свѣжа; лошади охотно домчали насъ до Mezza Strada, гдѣ мы стали стучать кольцомъ въ двери остеріи, чтобы покрѣпить себя виномъ и спрыснуть имъ взмыленныхъ лошадей. Однако дверей намъ не отворили, и мы хотѣли уже ѣхать далѣе, какъ на встрѣчу намъ подошло нѣсколько молодыхъ людей въ сутавахъ, большихъ круглыхъ шляпахъ и съ длинными палками въ рукахъ. Шедшій впереди, постарше прочихъ, сталъ просить насъ достучаться въ остерію. „Мнѣ и моимъ спутникамъ, говорилъ онъ, не позволяетъ этого наше званіе.“ Мы согласились и добились таки, что двери для уставшихъ отвори-

лись. Тутъ же, на воздухѣ, путешественники, благодаря намъ, расположились подкрѣпиться; предложенное ими вино мы выпили и отвѣтили имъ выставкой такого же вина. Но когда Ставассеръ узналъ въ молодыхъ людяхъ іезуитовъ, шедшихъ изъ Фраскатскаго коллегіума въ Римъ, онъ весь вспыхнулъ, и съ словами: „Я отъ іезуитовъ ничего не вкушаю,“ бросилъ на столъ горсть серебряныхъ монетъ и очутился на конѣ. Я послѣдовалъ за нимъ. „Не могу равнодушно видѣть этихъ людей!“ сказалъ онъ мнѣ, поднимая на галопъ свою лошадь.

Въ другой разъ, какъ-то въ воскресенье, мы ѣхали съ нимъ въ Альбано, и также, на половинѣ дороги, остановились для отдыха, привязавъ лошадей поводьями къ дереву. Дворъ и садъ остеріи были наполнены группами празднично нарядившагося народа. Красотою его мы не могли налюбоваться, какъ вдругъ раздались аханья и крики испуга и тревоги... Оказалось, что копыта наши отвязались, и съ страшнымъ ржаніемъ стали грызться между собою. Мы кинулись къ нимъ, но застали разъяренныхъ животныхъ на дыбахъ. Подступъ къ нимъ казался невозможнымъ. Женщины и дѣти повыскакали изъ-за столовъ; а мужчины составили около насъ кругъ любопытныхъ. Мы улучили однако удобную минуту, и бросившись между конями, поймали поводья, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ одинъ мигъ, были уже въ сѣдлахъ. Оглушительные крики одобренія раздались въ народѣ какъ со стороны мужчинъ, такъ и со стороны женщинъ и дѣвушекъ; намъ стали подносить вино и пить наше здровье.

На ежегодномъ художническомъ праздникѣ въ Чербарахъ, Петръ Андреевичъ совершенно срослся съ конемъ и дѣлалъ на немъ чудеса ловкости, за что отъ президента праздника былъ награждаемъ шуточными орденами.¹

Не могу не разказать о Ставассерѣ еще слѣдующаго анекдота, сообщеннаго мнѣ, уже въ Россіи, М. П. Бибиковымъ.

¹ Торвальдсенъ, украшенный орденами многихъ націй, носилъ вмѣстѣ съ нами на груди и римское мѣдное баюкко, съ обозначеніемъ года художническаго праздника въ Чербарахъ, на которомъ онъ впервые участвовалъ.

„Помню, писалъ мнѣ Бибиковъ, разъ, отобѣдавъ у Лепре, Ставассеръ задумалъ предложить мнѣ идти съ домою, на Santa Trinita, не тѣмъ путемъ, которымъ обыкновенно туда ходятъ, а пробраться до Скалупады, черезъ дворики. Эти дворики, увѣрялъ онъ, извѣстны ему какъ свои пять пальцевъ. Я, разумѣется, обрадовался этому предложенію. Вотъ мы и пошли. Изъ своихъ домиковъ *ragioni di casa*, къ крайнему нашему удовольствію, гнали насъ. Ужь зачѣмъ и какъ пробрались мы въ одинъ дворикъ на *via Frattina*, подлѣ Пропаганды, не знаю. Только пробрались,—и видимъ: черноглазка, полунагая дѣвочка, играетъ съ совершенно нагимъ ребенкомъ какъ съ котенкомъ. Она свернула бумажку въ клубокъ, надѣла на ниточку и дразнила имъ загорѣлаго братишку. Картинка, какъ теперь помню, была прелестная, достойная кисти Штеряберга. Полюбовавшись ею издали, мы подошли къ дѣвочкѣ и попросили у ней *фольету* вина. Дѣвочка оставила на наше попеченіе своего братишку, отправилась бѣгомъ за *фольетой* и мигомъ воротилась. „Добрѣйшее, милѣйшее созданіе!“ сказалъ Ставассеръ, потянувъ вино прямо изъ *фольеты*, потому что дѣвочка забыла принести съ собой стаканъ, и передалъ ее мнѣ, то есть не дѣвочку, а *фольету*. Побалагуривъ и вполне утоливъ жажду. Ставассеръ спросилъ дѣвочку, сколько ей надо за вино? „Ужь ты, пожалуста ни гу-гу,“ сказалъ онъ мнѣ: „я хочу заплатить за обоихъ.“ Дѣвочка посмотрѣла ему прямо въ глаза, расхохоталась подъ самымъ его носомъ и сказала, замахавъ руками: „*che! ma niente! volete una altra foglietta?*“¹ Такой отвѣтъ въ устахъ римской бирбачки, признаюсь, удивилъ и обрадовалъ меня, а на Ставассера онъ подѣйствовалъ еще больше. Принявъ серьезный видъ, онъ взялъ руку дѣвочки, пожалъ ее крѣпко и сказалъ:—*Sapete, cara ragazza, cioè io vi stimo*². Мнѣ было смѣшно, а слезы навертывались на глаза. Ставассеръ взялъ изъ рукъ ея клубокъ бумажки, которымъ она дразнила ребенка, вынулъ изъ кармана червонецъ, завернулъ его въ клубокъ и поднесъ ребенку, потомъ взялъ меня подъ руку,

¹ Дѣ? ничего! Хотите еще другую фольету?

² Знаете, милая дѣвушка, я васъ уважаю.

и мы отправились опять куда-то во дворикъ. „А что, Петя, ты вѣрно получилъ вексель изъ посольства?“ спросилъ я Ставассера. „Какой чортъ вексель!“ отвѣчалъ онъ, и расхохотался до слезъ: „я нынче занялъ червонецъ у Автоно.“

Въ 1847 году 26-го іюня было получено домашними стъ Петра Андреевича письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что былъ нездоровъ и что докторъ запретилъ ему ходить въ студию, которая хотя оказалась и суше прежнихъ, но все-таки была сыра, какъ и всѣ скульптурныя мастерскія.

„Мнѣ не хотѣлось писать къ вамъ, продолжаетъ Ставассеръ, не получивъ мрамора, о которомъ я думалъ и день и ночь. Наконецъ получена мною новая очень хорошая глыба, и работа началась. Потеряно времени восемь мѣсяцевъ. Здѣсь иныя дожидаются хорошаго куска по году и болѣе, потому что изъ Каррары посылаютъ его за границу, а въ Римъ присылаютъ бракъ. На начатую прежде группу (изъ не удавшагося мрамора) нашелся охотникъ: прибрѣтаетъ ее князь Голицынъ за 9.000 франковъ. Мраморная Русалка никакъ не можетъ разстаться со мною: и ящикъ былъ уже привезенъ въ студию, и чудесный былъ случай отправки на русскомъ кораблѣ. Располагалъ такъ, а вышло иначе.“

Далѣе, въ этомъ письмѣ, Петръ Андреевичъ жалуется на кашель и несносныя боли въ бокахъ и спиѣ. „Медики слушали мою грудь и нашли, что она довольно крѣпка. Русскій докторъ, Демскій, совѣтовалъ мнѣ вѣхать на одинъ мѣсяць и даже болѣе въ Эмсъ. Мнѣ, признаться вамъ откровенно, этотъ совѣтъ, хотя и полезный, не совсѣмъ нравился, потому что исполненіе его сопряжено съ немалыми издержками. Между прочимъ, Демскій сказалъ мнѣ, чтобъ я не забывалъ петербургскій климатецъ, которымъ долженъ буду вскорѣ дышать; послѣ же эмскихъ водъ, говоритъ онъ, я могу жить не только въ петербургскомъ, но и въ худшемъ климатѣ, если такой существуетъ. 8-го іюня я ѣду въ Эмсъ; тамъ проведу мѣсяца два, по возвращеніи же приѣзжу и сдѣлаю что-нибудь новенькое.“

V.

Немного остается мнѣ еще сказать о тебѣ, благородный художникъ, и сказать это тяжело, потому что не съ жизнію твоею и ея развитіемъ приходится теперь знакомить читателя, а разказать о твоей кончинѣ. Много было пролито по тебѣ слезъ; да проливаются оныя и нынѣ ближайшими къ тебѣ людьми! Миртъ и лавръ осѣняютъ твою могилу, и благоуханіе цвѣтовъ круглый годъ разносится надъ твоимъ прахомъ; такъ благоуханіе твоей любящей души вѣетъ и до сихъ поръ на крѣпко любившихъ и коротко знавшихъ тебя.

Въ 1847 году, въ наводненіе, бывшее въ Римѣ, Петръ Андреевичъ сильно простудился, возвращаясь домой свыше колѣвъ въ водѣ, на что не обратилъ тогда особаго вниманія. Послѣ этого несчастнаго случая, кашель его началъ усиливаться. Эмскія воды нѣсколько справили больнаго.

По возвращеніи изъ Эмса въ Римъ, въ письмѣ отъ 7 декабря 1847 г. Ставассеръ описываетъ свои хлопоты объ отсрочкѣ и продолженіи пенсіона, и разказываетъ о новыхъ невѣжественныхъ поступкахъ съ нимъ Килля. Тутъ же сообщаетъ объ окончаніи бюста Штернберга (съ портрета) и о своихъ опасеніяхъ по случаю приближенія холеры къ Петербургу. Отъ 13 апрѣля 1848 г., онъ увѣдомляетъ, что началъ новую небольшую статью Вакханки. Отъ 6 августа 1848 г. онъ пишетъ къ Курвуазье: „Проклятыя лихорадки надобны... Сама, скажу тебѣ откровенно, что мнѣ очень больно читать, когда ты мнѣ замѣчаешь: зачѣмъ я сижу долго въ Римѣ, что мнѣ это грѣшно, что я долженъ позаботиться о родителяхъ, и т. п. Ты мнѣ напоминаешь это, какъ будто я позабылъ свой долгъ. Еслибъ я могъ, сейчасъ поѣхалъ бы въ Питеръ; меня здѣсь ничто не удерживаетъ, кромѣ работы. Вѣроятно, я не промѣняю на Италію спокойствія моихъ дорогихъ старичковъ. Я буду непременно въ Петербургѣ, но не ранѣе іюня, потому что намѣренъ опять побывать въ Эмсѣ.“

Но въ Эмсѣ побывать ему не удалось, на этотъ разъ, по безденежью. Увѣдомляя объ этомъ отъ 22 декабря 1848

года, Ставассеръ пишетъ между прочимъ: „Мнѣ очень было больно, что я не могу принять участіе въ конкурсѣ на памятникъ И. А. Крылову. Причина этому болѣзнь моя; мнѣ запрещено было заниматься чѣмъ бы то ни было. Я видѣлъ, какъ слабѣю съ каждымъ днемъ, и я рѣшительно узналъ духомъ: никакая идея не приходила мнѣ въ голову.

Отъ 14 іюля 1849 г., Ставассеръ писалъ, что Нимфа съ Сатиромъ давно кончена изъ мрамора, но что смуты помѣшали ея отсылкѣ. „Мы, послѣднее время, такъ привыкли къ пущенымъ выстрѣламъ, пишетъ онъ, что когда ихъ не стало, сдѣлалось какъ-то скучно. Жизнь моя находилась въ опасности три раза. Въ первый разъ, у моста Сикста упало возлѣ меня ядро въ 24 фунта, шагахъ въ пяти разстояніи. Второй разъ, въ 2 часа ночи, Французы изъ-за Porto del Popolo, возлѣ которыхъ я живу, пускали, въ продолженіе полутора часа, бомбы, гранаты и ядра. Трескъ былъ ужасный; я проснулся, высунулся въ окно, вижу: летаютъ, голубушки, какъ звѣзды падучія. Одѣлся, хотѣлъ бѣжать къ Деаадвезу, такъ какъ онъ далеко живетъ отъ этихъ воротъ; но сосѣдь мой не пустилъ меня, говоря, что по улицамъ очень опасно ходить. Онъ пригласилъ меня въ свою лавку, которая въ десяти шагахъ отъ обитаемаго нами дома. Въ одинъ мигъ мы прибѣжали въ лавку; тамъ было безопасно, потому что она подъ сводомъ, который прошибить трудно. Только что мы укрылись, какъ при самомъ входѣ лопнула упавшая граната и ранила прохожаго въ ногу. Въ третій разъ, когда вошли въ Римъ Французы: я сидѣлъ въ кафе, подходитъ ко мнѣ французскій офицеръ и спрашиваетъ весьма учтиво: „гдѣ находится такой-то hôtel?“ (Всѣ выѣски были сняты Римлянами). Я всталъ и провелъ его, потому что спрошенная отель была очень близко. Иду потомъ назадъ и слышу позади себя слова: „Мы тебя замѣтили очень хорошо, ты заплатишь дорого за эту услугу Французу.“ Я сейчасъ смекнулъ, что слова эти относятся ко мнѣ (у Римлянъ было сдѣлано условіе не говорить ни съ однимъ Французомъ, что я узналъ въ послѣдствіи). Обернулся я назадъ, и вижу: стоятъ пятеро ражихъ ребятъ, съ злобными рожами; я пошелъ себѣ, будто бы не появля, что они мнѣ сказали. Смотрю: они идутъ слѣдомъ за мной. Тогда я вернулся и пошелъ въ тратторію Лепре. Въ продолженіе

двухъ часовъ одинъ изъ нихъ караулилъ меня; я смотрѣлъ изъ окна на него, а онъ на меня. Я дождался сумерекъ, пришелъ Деладвезъ, и я разказалъ ему о случившемся. Онъ тотчасъ сбѣгалъ домой и принесъ пару заряженныхъ пистолетовъ. Такимъ образомъ Степа, ставъ моимъ тѣлеснымъ хранилищемъ, проводилъ меня домой. Потомъ я не встрѣчалъ этого Римлянина; но ожесточенная образина его до сихъ поръ мнѣ хорошо помнится. Русскій посолъ, выѣзжая изъ Рима, поручилъ русскихъ художниковъ покровительству виртембергскаго консула, отъ котораго они получали охранные листы. Потомъ вскорѣ русскимъ художникамъ, всѣмъ кромѣ Ставассера и Деладвеза, были даны средства возвратиться въ Россію.

Въ письмѣ къ В. И. Григоровичу, въ Петербургъ, отъ 26 мая 1849 года, Ставассеръ говоритъ о своемъ безденежьи. Онъ объясняетъ, что два года прожилъ на свой счетъ, для окончанія работъ, заказанныхъ государемъ, что постоянно былъ боленъ, что ѣздилъ въ Германію для поправленія здоровья, опять на свой счетъ; а между тѣмъ министръ двора настоятельно предписываетъ ему или возвратиться въ Россію, или избрать себѣ мѣстопробываніемъ Мальту либо Ниццу, и притомъ не считывая на пособіе отъ правительства. Ради всего этого онъ проситъ Григоровича исходатайствовать ему у Академіи заимообразно 1.000 р. серебромъ. Эти деньги были посланы отъ Академіи россійскому послу въ Неаполь, 1849 года 23 іюня.

13 октября 1849 года, Ставассеръ пишетъ уже изъ Милана: „Откровенно признаюсь вамъ, что мнѣ очень не легко было разстаться съ Римомъ,—говорю вамъ какъ художникъ, зная, что вы вполне меня поймете. Получивъ вексель отъ матушки Академіи, по милости добрейшаго Василія Ивановича, которому вѣкъ буду благодаренъ и которому постараюсь отплатить по мѣрѣ силъ моихъ, я отправился въ Неаполь, потому что размѣнять вексель въ Римѣ на монету—значило бы потерять треть суммы, если не болѣе; а съ республиканскими ассигнаціями далеко не уѣдешь.“

Въ Миланѣ Ставассеръ думалъ пребыть не болѣе трехъ дней, а пребылъ болѣе четырехъ недѣль. У него распухла на подбородкѣ железа, и пришлось дѣлать операцію. Запоз-

давъ чрезъ это въ Эмсъ, онъ рѣшился ѣхать въ Ниццу. „Послѣ я весь вашъ!“ писалъ Ставассеръ роднымъ.

Путешествіе въ Ниццу, соединено было съ большимъ горемъ для Ставассера. Онъ вынужденъ былъ сдать работу мраморной группы *Нимфы съ Сатиромъ* (для князя Голицына) на чужія руки именно въ то время, когда его собственный надзоръ былъ нужнѣе чѣмъ когда-нибудь. Хотя я и просилъ, писать онъ, англійскаго скульптора Вайта ¹, Бьясме и Лемуена ² присмотрѣть иногда за моею работой, и хотя они несравненно опытнѣе меня, но я имъ все-таки не могу довѣрить того, что я самъ прочувствовалъ. Нужно быть художникомъ или воплѣтъ понимать искусство, чтобы постичь какую жертву я прінесъ оставивъ Римъ. Тамъ же я оставилъ не совсѣмъ конченную фигуру Вакханки, которую однако сформовалъ.⁴

Впрочемъ доктора Ниццы наши воздухъ этого города слишкомъ раздражительнымъ для Ставассера. Они совѣтовали ему ѣхать въ Пизу, и это было уже рѣшено, какъ вдругъ, въ половинѣ января, Ставассеръ получаетъ отъ своего стараго *аббоцатора* ³, уведомленіе, что работа надъ группою идетъ какъ нельзя хуже, и что присутствіе его въ Римѣ рѣшительно необходимо.

Это побудило Ставассера возвратиться въ Римъ, съ тѣмъ чтобы совершенно сдать студию. „Оставляя Ниццу, писалъ онъ, я ничего не теряю, потому что погода здѣсь прегадкая вотъ уже цѣлый мѣсяць. Я здѣсь скучаю; одинъ постоянно. Ты не удивишься, что я получивъ вчера твое письмо и узнавъ, что мнѣ необходимо быть въ Римѣ, отъ радости чуть не скакалъ на почтовой площади; въ Римѣ же зимой воздухъ прекрасный, особенно для слабогрудыхъ: это слова Циммермана.“

4-го февраля Ставассеръ выѣхалъ изъ Ниццы, а 10-го вечеромъ былъ уже въ Римѣ, и нашелъ, что группа его работалась какъ нельзя хуже. Разбранивъ аббоцатора, скульп-

¹ Вайтъ—замѣчательный ваятель, другъ Гибсона.

² У Лемуена Ставассеръ занималъ мастерскую, въ которой французскій скульптуръ, за старостію лѣтъ, уже не занимался. Статуя его *Медея съ дѣтьми* была пріобрѣтена Мокферрваномъ и находилась у него въ Петербургѣ.

³ Abbozator, обдѣлыватель мрамора.

торъ отказалъ ему и взялъ другаго. Эта непріятность сильно встревожила больного Ставассера, и подѣйствовала на его организмъ. Началъ онъ квартиру на Монте-Пинчю; но и это предестное мѣсто, съ лучшимъ воздухомъ въ Римѣ, уже не помогло ему. „Въ концѣ апрѣля, писалъ онъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ роднымъ, я отправляюсь изъ Рима, и въ началѣ мая надѣюсь быть въ Эмсѣ. Я былъ такъ счастливъ, что моя просьба въ Петербургъ не была оставлена безъ вниманія, и Государь всемилостивѣйше велѣлъ выдать мнѣ 200 червонцевъ на излѣченіе. Мнѣ многіе совѣтуютъ ѣхать на островъ Мадеру, гдѣ находится герцогъ Лейхтенбергскій. Говорятъ, тамъ воздухъ для слабогрудныхъ превосходный; но я на это не рѣшусь, потому что тамъ нужно прожить не менѣе двухъ лѣтъ, чтобы получить полное излѣченіе, а я этого сдѣлать не могу. Вы знаете уже, дорогіе мои, что заставило меня возвратиться въ Римъ... Ну что, еслибы работа моя пришла въ испорченномъ видѣ въ Петербургъ! А вѣдь она должна будетъ стоять рядомъ съ работой Теперани! Скоро, скоро надѣюсь увидѣться съ вами!“

Но не суждено было Ставассеру увидѣть ни родныхъ, ни друзей своихъ, ни родину. Разкажемъ о послѣднихъ дняхъ его словами Деладвеза, заимствуя ихъ изъ писемъ къ Курвуазье.

Отъ 8 апрѣля 1850 г. „Зима здѣсь была такъ сурова, какъ не запомнятъ лѣтъ сорокъ“, пишетъ Деладвезъ. „Потому на Петра Андреевича уже разстроеннаго здоровья, переходъ къ веснѣ весьма вредно подѣйствовалъ. Онъ занемогъ лихорадкою, къ которой присоединилось воспаленіе въ груди, вслѣдствіе ея слабости. Докторъ Ергардъ лихорадку прекратилъ, но Петя такъ слабъ, что ему запрещено даже писать. Ему необходимы прогулки на чистомъ воздухѣ, но дожди и сгоссо мѣшаютъ.“

„Прошло болѣе недѣли, пишетъ Деладвезъ уже отъ 18 апрѣля, а положеніе Петра Андреевича не улучшается. Сегодня я долженъ былъ пригласить доктора Панталеони и составить консилиумъ. Рѣшено было пустить кровь, потому что воспаленіе усиливается, несмотря на то, что нѣсколько разъ ставили пиявки. Больной упалъ духомъ.“

Наконецъ, вотъ письмо отъ 25 апрѣля: „Вчерашнаго числа

24 (12) апрѣля, въ среду, въ 6 часовъ и 35 минутъ утра, милый, бездѣльный нашъ Петя оставилъ насъ!... Поцѣловавъ горячо поданное ему Распятіе, онъ прижалъ его къ сердцу, и съ молитвою на устахъ заснулъ на вѣки...“

Все прошлое встаетъ теперь передъ моими глазами: дѣтство, юность, мечты, товарищество, Италія, надежды... и далекая, безмолвная могила!

„Заснулъ, продолжаетъ Деладвезъ, потому что ни малѣйшаго страданія смерти не осталось на его прекрасномъ и благородномъ лицѣ, и долго, долго я не могъ повѣрить глазамъ своимъ и убѣдить себя, что онъ покинулъ насъ навсегда. Въ противность римскому обычаю, я не позволялъ хоронить его три дня, и это тѣмъ легче было сдѣлать, что на тѣлѣ не показывалось никакихъ признаковъ смерти. Я просилъ доктора освидѣтельствовать трупъ; но, къ несчастію для насъ, я долженъ былъ увѣриться, что Петя не оживетъ.“

„Слѣдствіе предписанія министра двора и по желанію родителей, всѣ вещи, оставшіяся послѣ покойнаго Петра Андреевича, сданы на руки мнѣ, и ими распорядились какъ нельзя лучше. Мраморный бюстъ Штернберга, назначившійся Петей бесплатно для памятника послѣднему (тамъ же, на Монте Тестаччіо), къ сожалѣнію не состоявшагося, положено переслать въ Петербургскую Академію Художествъ.“

Вскорѣ потомъ бюстъ самаго Ставассера, сдѣланный скульпторомъ Симонетти съ маски, по заказу и на счетъ Деладвеза, былъ поднесенъ послѣднимъ также въ даръ Академіи.

„Всѣ здѣсь, кто зналъ покойнаго, продолжаетъ Деладвезъ, жалуютъ о немъ, какъ о родномъ: онъ обладалъ завидною способностію быть всѣми любимымъ. Если онъ не всегда берегъ свое здоровье, это было слѣдствіемъ излишней его доброты и уступчивости безразсуднымъ товарищамъ, изъ которыхъ иные и себя погубили вмѣстѣ съ нимъ¹. Любя меня, какъ можетъ быть никто меня никогда не любилъ,

¹ Это не совсѣмъ справедливо. Я могъ бы въ опроверженіе привести немало случаевъ противнаго. Напомню читателю лишь одинъ: мочную вертлюжку позадку во Фраскати.

онъ иногда уступалъ моимъ просьбамъ, и съ тѣхъ поръ какъ я былъ съ нимъ, онъ сталъ беречь себя болѣе.“

Когда вѣсть о смерти Ставассера дошла въ Москвѣ до меня, я сообщилъ ее, вмѣстѣ съ моимъ крайнимъ сожалѣніемъ живописцу, Михаилу Ивановичу Скотти. „А я такъ менѣе жалѣю о немъ,“ сказалъ мнѣ Скотти. „Онъ гораздо счастливѣе насъ: произвелъ нѣсколько прекрасныхъ вещей, пожилъ вдоволь въ Италіи, пожилъ тамъ подольше нашего, да еще похороненъ подлѣ пирамиды Каія Цестія, въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ. А мы, грѣшные, при всемъ нашемъ желаніи добра искусствамъ, еще Богъ вѣсть гдѣ сложимъ наши кости¹. Такому человѣку, какъ Ставассеръ, только и можно было жить и работать въ Римѣ; а у насъ, въ Сѣверѣ, при холодѣ и утомительной борьбѣ съ мертвящимъ равнодушіемъ, Ставассеръ погибъ бы съ разу. *С волками жить, по волчьи выть.*—Многіе, вѣроятно, совѣтовали бы ему это, изъ желанія ему успѣха; но вѣдь всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что *по волчьи выть* совершенно не было въ натурѣ Ставассера.“

Оканчиваю біографію П. А. Ставассера послѣдними словами его некролога, писаннаго г. Классовскимъ:

„Не только знатоки, но и всѣ люди со вкусомъ не могутъ налюбоваться тѣмъ невыразимымъ чувствомъ красоты, которымъ былъ такъ богатъ нашъ покойный несравненный скульпторъ. Подъ вліяніемъ размышленій о судьбѣ изящныхъ искусствъ въ Россіи, оплакивая уже не существующаго для насъ Ставассера, мы никогда не забудемъ его, какъ человѣка кроткаго, теплаго душою, безкорытнаго въ житейскихъ дѣлахъ, добраго друга, нѣжнаго сына и брата, словомъ человѣка благороднаго во всѣхъ отношеніяхъ, одного изъ тѣхъ, о которыхъ сказалъ Жуковскій:

„Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ,*

„Но съ благодарностію: *были.*“

НИКОЛАЙ РАМАЗАНОВЪ.

¹ М. И. Скотти умеръ, послѣ неизвѣстныхъ страданій, въ Парижѣ, въ 1861 году, и крайне жалѣлъ передъ смертію, что не суждено ему лечь на вѣчный покой между своими, на Монте Тестацчіо; онъ схороненъ на Pèze La Chaise. Любопытная біографія этого художника составляется.

АНГЛІЙСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

ВЪ

СЪВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

North America, by Anthony Trollope. 3lov.

Большинство русской публики знаетъ современнаго англійскаго писателя Антони Троллопа лишь по роману его *Фре-млейскій приходъ* роману дѣйствительно удачному, умному и занимательному, но не принадлежащему къ числу его самыхъ характеристическихъ произведеній. Троллопъ началъ писать уже давно, и довольно долго оставался въ полной неизвѣстности, подобно неутомимому труженнику современной Англїи, своему геніальному сверстнику Теккерею. Популярность его началась съ двухъ романовъ, въ которыхъ онъ, съ зоркостью талантливаго наблюдателя, коснулся предмета, до той поры ни къмъ не тронутаго, а именно—темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ въ жизни англійскаго духовенства, его интересовъ и недостатковъ. Въ этихъ книгахъ авторъ обнаружилъ безошибочную наблюдательность, умъ неспособный на какія-либо уступки общественнымъ предразсудкамъ, а между тѣмъ—странное дѣло!—общественное мнѣніе Англичанъ, такъ

придирчивое ко многому, не только не возстало на несовершенство очерки клерикальных нравовъ, но даже отнеслось къ нимъ очень ласково. Тутъ, положимъ, могло быть дѣло случая, но почти въ то же самое время, еще одинъ романъ Троллопа, *Бертрамы* ¹ (едва ли не лучший изъ его беллетристическихъ твореній), романъ, въ которомъ женщина, влюбленная не въ своего мужа, была героинею, прошелъ съ полнымъ успѣхомъ. Мало того, Антони Троллопъ испробовалъ свой талантъ какъ туристъ, написалъ замѣчательную книгу о Вестъ-Индіи ² и въ книгѣ этой сталъ въ противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ своей родины. Англія, какъ извѣстно всякому, освободила всѣхъ невольниковъ по своимъ колоніямъ съ прямою, энергіею и щедростію, которымъ нельзя не удивляться. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, событія начавшіяся послѣ эманципаціи стали показывать, что выкупъ негровъ, такъ удивлявшій иноземцевъ, былъ совершенъ не совсѣмъ благоразумно, что освобождая расу чуждую, неразвитую, никогда даже не помышлявшую о благахъ свободы, было необходимо озаботиться ея участью въ тѣ переходные годы, когда понудительнаго труда нѣтъ, а потребность къ вольному труду еще не зародилась въ самихъ освобожденныхъ. Плачевное положеніе вестиндскихъ колоній и жестокой кризисъ, въ особенности разразившійся надъ недавно цвѣтущею Ямайкою, ясно доказывали какъ необходимо рядъ постановленій, который воспитывалъ бы и сдерживалъ бы освобожденное населеніе за первые годы, захотилъ бы черное населеніе къ труду, развилъ бы въ немъ стремленіе къ осѣдлости и собственности, и такимъ образомъ избавилъ бы его отъ тяжелой школы, въ которой оно пробѣдствуетъ до той поры, пока жизнь не возьметъ своего и каждый житель Ямайки не станетъ думать о самомъ себѣ, подобно жителю Канады или австралійскихъ колоній.

Въ самое то время когда вопросъ о вестъ-индскомъ кризисѣ приобрѣталъ интересъ щекотливый и горячій, Троллопъ издалъ свое путешествіе. Его книга подтвердила всѣ свѣдѣнія о худомъ положеніи колоній, всѣ обвиненія по поводу выкупа, произведеннаго щедро, но беззаботно, приведеннаго въ исполненіе государственными людьми за тысячи миль отъ са-

¹ *Русскій Вѣстникъ* 1861 года.

² *West-Indies and the Spanish Main.*

нихъ колоній. Вопросъ былъ труденъ, но Троллопъ провелъ его такъ, что всѣ основныя положенія утвердились въ публикѣ, а самъ туристъ не подвергся подозрѣнiю въ какихъ-нибудь заднихъ мысляхъ. И дѣйствительно, первое достоинство Троллопа, какъ писателя, есть умѣнье высказывать самыя жесткія истины такъ что онѣ убѣждаютъ даже азартнаго антагониста, нисколько не бѣся его и не оскорбляя. Желѣзные мускулы подъ мягкою кожею, очень острыя когти подъ бархатною перчаткою — вотъ лучшая характеристика вашего автора. Честный и искренній въ своихъ взглядахъ, правдивый какъ въ мелочахъ, такъ и въ важныхъ выводахъ, онъ, нисколько не смягчая своихъ воззрѣній на вещи міра сего, выкупааетъ ихъ какою-то оригинальною, чуть ли не ему одному принадлежащею философiей. Троллопъ слишкомъ хорошо знаетъ, что яростными изобличеніями не излѣчишь ни человѣческихъ, ни общественныхъ пороковъ. Еще болѣе, нашъ романистъ вѣрить въ то, что въ мірѣ, по выраженію вслукаго поэта, *нѣтъ виноватыхъ*, или вѣрнѣе *нѣтъ сполнѣ виноватыхъ*. Это послѣднее убѣжденіе выражается во всѣхъ его взглядахъ, во всѣхъ его наблюденіяхъ, во всей методѣ изслѣдованій. Всѣ эти особенности давно признаны за Троллопомъ. Онѣ объясняютъ симпатію, которою пользуется его талантъ въ англійскомъ обществѣ, объясняютъ и терпимость, съ какою общество это, столько разъ ополчавшееся на слишкомъ фанатическихъ мыслителей, относится къ идеямъ человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ независимаго, но обладающаго даромъ проводить свои воззрѣнія безъ задорной и поддразнивающей пылкости.

Въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго 1861 года, Антони Троллопъ отправился въ Америку, посѣтилъ Сѣверные и Западныя Штаты, заглянулъ въ Канаду, два раза побывалъ въ Вашингтонѣ, пробывъ нѣсколько времени въ отрядахъ федеральной арміи, вернулся домой весною, и благодаря обычной быстротѣ своей работы, издалъ обширную книгу, которая уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ въ рукахъ у читателей. Книга называется *Сѣверная Америка*, и составляетъ три компактные тома, въ изданіи Таухница. Въ Англiи она имѣла большой успѣхъ, въ Америкѣ ее обругали, но обругали, если можно такъ выразиться, съ искренностью и даже почтительностью. Американецъ самолюбивъ до ребячества; онъ какъ будто пре-

небрегаетъ мнѣніями Европейцевъ, но на самомъ дѣлѣ дорожить этимъ мнѣніемъ до крайности и выходитъ изъ себя, чуть оно къ нему не совсѣмъ ласково. И несмотря на то, онъ уважаетъ правдивое слово, безсознательно отдаетъ почетъ писателю, который говоритъ это слово честно, послѣ добросовѣстныхъ, нелицепріятныхъ наблюденій. Если на мистриссъ Троллопъ¹ и на г. Диккенса² въ Соединенныхъ Штатахъ смотрятъ какъ на враговъ и изверговъ, въ томъ отчасти виновата сама мистриссъ Троллопъ и самъ авторъ *Американскихъ Замятокъ*. Оба сказали много правды, но правды мелкой, потѣшной, да еще и сказали ее съ явнымъ намѣреніемъ повеселить читателя. Одна, въ качествѣ слабой женщины, другой, благодаря сану безжалостнаго юмориста, сочли долгомъ избѣгать въ своихъ наблюденіяхъ всего серьезнаго. За фарсой, паясничаньемъ, а нерѣдко и важнымъ безобразіемъ, какими обильна жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ, они почти пропустили все великое въ этой жизни; за мелкимъ національнымъ соперничествомъ они просмотрѣли ту крѣпкую связь, которая соединяетъ Американца съ Англичаниномъ, мало того, даже дѣлаетъ перваго такъ взыскательнымъ относительно добраго мнѣнія о немъ въ Англіи. Антони Троллопъ оказался чуждымъ недостатковъ, которые повредили и Диккенсу и его матери, а потому книга его, несмотря на все раздраженіе минуты, не взирая на бѣдственный кризисъ, въ какомъ находится Америка, не взирая на множество горькихъ истинъ, въ ней высказанныхъ, не возбудила ярости американскихъ рецензентовъ. О томъ же что американская публика раскупала ее въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и прочла съ жадностью, и говорить нечего.

¹ Мистриссъ Троллопъ (мать Антони Троллопа) въ тридцатыхъ годахъ ѣздила въ Соединенные Штаты и написала книгу, замѣчательную по живости, бойкости и насмѣшливости изложенія. Какъ изображеніе смѣшныхъ сторонъ, мелкой мелкости и хвастливости Американцевъ, записки мистриссъ Троллопъ получили успѣхъ громадный и дали начало тысячѣ шутокъ, сатирическихъ описаній и смѣшныхъ типовъ „янки“, въ послѣдствіи расплодившихся. Можно сказать съ увѣренностью, что въ замѣткахъ этихъ отыщется намекъ на все что только изображалось и изображается каррикатурыю по части населенія Соединенныхъ Штатовъ.

² *American Notes* Диккенса, несмотря на свой успѣхъ, принадлежитъ къ разряду его слабѣйшихъ произведеній. Мелкія юмористическія замѣтки въ ней перемежались съ весьма приторными страницами, а во всемъ замѣчается какой-то недовольный колоритъ заставляющій предполагать, что знаменитый авторъ или хворалъ, или былъ чѣмъ-то огорченъ во время своей поѣздки.

I.

Антони Троллопъ, какъ мы уже сказали, посѣтилъ Соединенные Штаты въ самое интересное и бурное время, послѣ того какъ несчастное буль-ронское сраженіе разрушило всѣ надежды на быстрое окончаніе военныхъ операцій. Исторія Трента, то-есть, незаконное арестованіе гг. Масона и Слейделя случилось при Троллопѣ. Весь Сѣверъ и Западъ былъ покрытъ формирующимися войсками. Общественное мнѣніе Американцевъ, ополчившееся противъ всей Европы, доходило относительно Англійи до враждебной момоманіи. Власть новаго президента принимала диктаторскіе размѣры, періодическая литература находилась подъ двойнымъ гнетомъ, со стороны администраціи и со стороны общественнаго мнѣнія, исполненнаго нетерпимости. Прибавьте къ этому повсюду набѣгающія бѣдствія по торговой части, опасное раздраженіе умовъ въ штатахъ, сопредѣльныхъ югу, наконецъ цѣлый рядъ злоупотребленій, безпрестанно открываемыхъ по части военнаго управленія, и вы поймете, что будь нашъ туристъ заклѣтымъ балагуромъ, сцены, поразившія его по приѣзду въ Соединенные Штаты, неминуемо должны были выкинуть наблюдателя изъ обычной колеи туристовъ, привыкшихъ потѣшаться надъ каррикатурными сторонами своихъ заатлантическихъ соплеменниковъ.

Благодаря важности описываемыхъ явленій, а еще болѣе вслѣдствіе серіознаго настроенія въ самомъ путешественникѣ, книга Троллопа можетъ не понравиться любителямъ легкаго чтенія. Авторъ нашъ—не врагъ шутки; остроуміе его сашкомъ извѣстно; въ самой грустной дѣйствительности оно всегда подмѣтитъ юмористическую струйку: всѣ эти достоинства остались за нимъ и въ настоящемъ сочиненіи. Но ни смѣшить читателя, ни долго останавливаться надъ забавною стороною поѣздки своей, онъ не желаетъ и не можетъ. Онъ сашкомъ любитъ своихъ соплеменниковъ и къ сердцу принимаетъ ихъ бѣдствія. Выкинуть въ причины этихъ бѣдствій, измѣрить всю ихъ огромность, разказать о томъ, какъ они

переносятся, по возможности угадать путь къ ихъ прекращенію, вотъ главная задача наблюдателя, и Троллопъ остается ей вѣренъ.

Рѣдкіи изъ европейскихъ туристовъ, посѣщавшихъ Соединенные Штаты на короткое время, говорить о своей поѣздкѣ безъ насмѣшливости и нѣкотораго озлобленія. Причина тому заключается не въ однихъ дурныхъ особенностяхъ американскаго общества, хвастливаго и часто нескладнаго, какъ все молодое. Въ испытанномъ разочарованіи виноватъ и самъ путешественникъ, съ его европейскими понятіями и ожиданіями. Мы слишкомъ избалованы нашими легкими поѣздками по Европѣ, чудесами *нашей* природы, искусства и долгой государственной жизни. Не взирая на книги, на предостереженія людей бывалыхъ, Америка намъ кажется страной чудесъ, которыя сами просятся на картину и ежечасно представляются восторженному глазу. А между тѣмъ часть Америки, занятая Соединенными Штатами, есть точно страна чудесъ, но чудесъ не нашихъ, не набивающихся передъ восторженными очами и даже не переносящихся на картину. Разительныхъ сценъ природы въ ней не такъ много, и онѣ отдѣлены одна отъ другой непомятными разстояніями. Прелесть остальныхъ мѣстностей заключается въ просторѣ, богатствѣ почвы, шаривѣ рѣкъ, чаще всего въ той громадности размѣровъ, которая часто убиваетъ мелкія красоты и во всякомъ случаѣ не пѣвнуетъ съ перваго раза. Древнихъ величавыхъ строеній, озаренныхъ ореоломъ поэзіи, нѣтъ и не можетъ быть въ Соединенныхъ Штатахъ. Искусства находятся хуже чѣмъ въ періодѣ младенчества; они въ періодѣ рабскаго и аляповатаго подражанія. Наконецъ, въ Сѣверной Америкѣ нѣтъ даже того, что придаетъ прелесть большимъ центрамъ цивилизаціи въ Европѣ, то-есть изящной жизненной обстановки, пышныхъ общественныхъ удовольствій. Самыя проявленія политической жизни въ ней лишены горячаго увлеченія (по крайней мѣрѣ по наружности), и общественное дѣло идетъ безъ малѣйшихъ сценическихъ интермедій, такъ любезныхъ воображенію. Весьма естественно, что посреди всей этой кажущейся безцвѣтности, не всякій туристъ пойметъ свое положеніе и уразумѣетъ путь, слѣдуя по которому, онъ единственно дойдетъ до чудесъ истинныхъ, несомнѣнныхъ и никогда еще имъ не виданныхъ. Гораздо вѣрнѣе случится то, что путешественникъ

останется при своемъ разочарованіи, безъ вниманія будетъ проѣзжать города, какъ бы волшебствомъ возникшіе на недавно еще пустыхъ мѣстностяхъ, не обратитъ взгляда на безконечныя равнины, плодородіе которыхъ далеко превосходить все что только есть въ Европѣ, и даже не остановится надъ фактомъ народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Посреди этого сна съ открытыми глазами, не имѣя ни системы, ни опоры для своихъ наблюденій, предубѣжденный туристъ естественно остановится надъ всякими безобразіями, вздорами, и дрязгами американской жизни. Видя кругомъ себя безпредѣльную самоувѣренность и не сознавъ того, что она при всѣхъ ея смѣшныхъ сторонахъ, опирается на дѣйствительную силу, наблюдатель незамѣтно поддается раздраженію, и окончательно надувшись на все его окружающее, въ двадцатый разъ похваляетъ міру, что гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ есть хвастунъ, невѣжа, шильникъ, грубіанъ, хорошо еще если неотъявленный мерзавецъ.

До своей послѣдней поѣздки, Антонъ Троллопъ уже одинъ разъ былъ въ Соединенныхъ Штатахъ; поэтому онъ не имѣлъ о нихъ фантастическаго представленія, не ожидалъ, что Гудзонова рѣка представитъ собою Рейнъ въ увеличенномъ видѣ, а городъ Нью-Йоркъ поспоритъ съ блистательными увеселеніями Парижа. На мелкія непріятности, неминуемо постигающія Европейца въ этой не совсѣмъ гостепріимной странѣ, нашъ авторъ глядѣлъ или какъ на поводъ къ шуткѣ, или какъ на неизбежное зло, и потерялъ терпѣніе лишь одинъ разъ, когда носильщикъ желѣзной дороги швырнулъ его вещи на каменный полъ станціи и еще раскохотался, узнавъ что иныя изъ нихъ разбились. Затѣмъ все шло благополучно, и скоро интересъ наблюденій доросъ до такой степени, что пересчитывать мелкіе и мизерные эпизоды стало некогда.

Говоря вообще, уже одни переѣзды по землямъ Соединенныхъ Штатовъ представляетъ порядочное испытаніе для излѣченнаго Европейца. Впервыхъ, они огромны и убійственно скучны, какъ всякій долгій переѣздъ по желѣзной дорогѣ. Вагоны въ Америкѣ, какъ извѣстно, всѣ одного класса; стало бытъ объ особливой чистотѣ думать нечего. Дамамъ всегда отдаются лучшія мѣста, что принимается какъ должное, безъ ласковой улыбки и безъ малѣйшаго благодарственнаго жеста.

На пароходахъ не многимъ лучше, а во время поѣздки водою несообщительность, а иногда и невѣжливость Американцевъ нагоняетъ тоску невообразимую. Дамы не говорятъ между собою; мужчины, потупившись, предаются размышленію о своихъ дѣлахъ, или, какъ всѣ люди любящіе молчать, говорятъ не кстату. Во многихъ отношеніяхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ совершенный *enfant terrible*. Онъ чутьемъ угадаетъ, что вы Европейецъ и зальетъ васъ потоками оскорбительнаго хвастовства¹; если ваша жена боится воды, онъ при ней объявитъ, что плаваніе опасно, а капитанъ—горькій пьяница; если вы, падая отъ усталости, стоите въ конторѣ гостиницы и просите свободной комнаты, онъ никакъ не поторопится услужить вамъ, а замучитъ васъ пустыми, неизвѣстно для какой потребности придуманными разговорами.

Вотъ напримѣръ какія юмористическія впечатлѣнія вынесъ нашъ туристъ изъ своей поѣздки по Западнымъ Штатамъ:

„Что за ночь, что за ночь провели мы въ гостиницѣ города Ролла! Всякій человекъ бывавшій въ Америкѣ, хорошо знаетъ, что въ отеляхъ этой страны свободно сходятся и смѣшиваются всѣ классы населенія. И въ Европѣ туристъ можетъ сѣсть за столъ съ своимъ портнымъ либо сапожникомъ, но тамъ и сапожникъ и портной одѣты съ нимъ одинаково, и за столомъ ведутъ себя почти также какъ и онъ. Въ большихъ городахъ старѣйшихъ штатовъ, въ Бостонѣ, Нью-Йоркѣ и Вашингтонѣ европейскіе обычаи вкореняются, и туристъ не будетъ сидѣть за однимъ столомъ около мясника едва вернувшагося съ бойни.... Въ гостиницѣ города Роллы, о которой я началъ разказывать, мы сидѣли до полуночи въ одной общей комнатѣ съ солдатами, фермерами, полевыми рабочими и погонщиками. Тутъ же находился одинъ генералъ, не воен-

¹ „Со всѣмъ тѣмъ однако, замѣчаетъ Троллопъ, и даже при сильномъ раздраженіи противъ Англіи за то время, мнѣ стоило передъ незнакомыми лицами или пассажирами желѣзной дороги, заявить свою національность, и самые жесткіе отзывы объ Англіи прекращались. Въ Соединенныхъ Штатахъ я узналъ много любопытныхъ вещей. Узналъ я, что Вашингтонъ былъ на голову разбитъ подъ Ватерлоо. Узналъ я, что лордъ Пальмерстонъ до того ненавидимъ, что не смѣетъ одинъ выходить на улицу, что лаша вижняя палата ничего не дѣлаетъ, что великобританскій народъ постоянно находится на шагъ отъ голодной смерти, что королева Виктория—чудовище тиранства, жаждущее человеческой крови!! Но всѣ эти дивныя свѣдѣнія излагались безъ всякой цѣли обидѣть меня, какъ Бриггса.“ (Томъ 2, въ *Лазеръ*.)

вый и не приготовляющійся воевать, генераль новаго времени, а генераль доброй старой поры, генераль милиціонный и какъ бы апокрифическій. Онъ овладѣлъ всѣмъ разговоромъ, спорилъ, произносилъ клятвы и ругательства, поносилъ Англію, притомъ объявляя, что пришло время раздавить возстаніе Юга, и что генераль Джимъ Ленъ есть человекъ для того пригодный. Извѣстно, что при всѣхъ подобныхъ бесѣдахъ явствуется, что время дѣйствовать наступило, и что требуемый дѣятель какъ нарочно отысканъ. Пока шелъ разговоръ, погонщики смазывали саломъ свои сапоги, солдаты крапѣли гдѣ попало, фермеры жевали табакъ въ величавомъ молчаніи, а тѣ путники, у которыхъ ноги позамокли дорогой, стащили съ себя башмаки, чулки и развѣсили ихъ просушиваться передъ печкой. Всѣ посѣтителю, само собой разумѣется, за трапезу садились вмѣстѣ: въ часъ принятія пицци надъ самымъ ухомъ вашимъ ударяли въ гонгъ, — нѣчто въ родѣ металлическаго таза. Испуганные звукомъ (не взирая на всю къ нему привычку), вы вскакиваете со стула и помимо воли вашей оказываетесь въ цѣломъ ураганѣ публики, стремглавъ кидаемой въ столовую.“

Великолѣпныя гостиницы Соединенныхъ Штатовъ, славою которыхъ полна вселенная, тоже состоятъ на особливыхъ основаніяхъ, отъ которыхъ Европѣцу приходится жутко. Отъ поспѣшной постройки, а также отъ обилія механическихъ нововведеній выходитъ такъ что изъ крановъ холодной воды льется кипятокъ, изъ крановъ для кипятку не идетъ ничего, а слышится одно пыхтѣніе, вещи поднимаются машиной во все не туда гдѣ ихъ требуютъ; путешественникъ же, окруженный звонками, телеграфными аппаратами и акустическими трубами, напрасно пробуетъ все это по очереди, тщетно призывая безпечную прислугу. Но это бездѣлицы, къ которымъ приладиться не трудно. Гораздо труднѣе приладиться къ хлопотливой и до крайности унылой жизни въ американскихъ гигантскихъ отеляхъ. Въ одной хозяйкѣ, принадлежа къ обществу трезвости, не позволяетъ гостямъ выпить рюмку хереса; въ другой человекъ привыкшій имѣть вино за обѣдомъ, долженъ бѣжать изъ столовой въ залу нижняго этажа и тамъ удовлетворять своей прихоти посреди толпы людей курящихъ, ссорящихся и напивающихся. Въ своемъ номерѣ можно только спать; для чтенія и письма, для газетъ, для вечернихъ собраний, для дамскихъ кружковъ, для водки, для куренія имѣются особли-

выя залы, и во всѣхъ этихъ залахъ скука нестерпимая. Американецъ не сообщителенъ, а такъ какъ отели по большей части заняты семьями людей дѣловыхъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности лишь на время и стало-быть очень занятыхъ, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь общихъ увеселеніяхъ, объ оживленныхъ бесѣдахъ, такъ необходимыхъ для эпикурейца нашей Европы. Ко всему этому слѣдуетъ добавить невѣжливость прислуги, невѣжливость безпрерывно переходящую въ положительную грубость, и вы безъ труда повѣрите, что пышная, оригинальная жизнь въ громадныхъ американскихъ отеляхъ хороша лишь издали.

Невѣжливость низшихъ классовъ сѣверо-американскаго населенія превосходить все что только было о ней писано. Въ строгомъ смыслѣ слова, этимъ порокомъ грѣшить лишь населеніе городское; но Соединенные Штаты наполнены городами, и не всякій туристъ ухитрится подсмотреть, что населеніе сельское, и въ особенности удаленное отъ большихъ центровъ, отличается рѣдкимъ гостепріимствомъ, рѣдкою привѣтливостью къ чужому человѣку. Городская чернь отвратительна, именно тѣми чертами, которыя первыми кидаются въ глаза новому человѣку, между тѣмъ какъ ея лучшіе интересы остаются въ тѣни, требуя долгаго наблюденія. Двѣ причины въ особенностѣ породили эту возмутительную грубость манеръ въ рабочемъ классѣ. Первая изъ нихъ—отсутствіе всякой мягкости въ обращеніи высшихъ классовъ съ своими слугами, работниками и клиентами всякаго рода. Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ ни времени, ни охоты быть ласковымъ. Платя деньги на народное обученіе, на госпитали, на пріюты, на убѣжища старикамъ и инвалидамъ, онъ смѣется надъ благотворительностью личною, которая въ Европѣ такъ смягчаетъ наши нравы. Въ сдѣлкахъ съ рабочимъ человѣкомъ онъ желаетъ вытянуть за свои деньги наибольшую долю работы и вытягиваетъ ее безъ послабленія, безъ пощады, съ грубостью и ругательствами, за которыя впрочемъ ему невозбранно платятъ тою же монетою. Вторая причина грубости низшихъ классовъ заслуживаетъ большаго вниманія. Американскому простолюдину постоянно кажется, что всякій высшій глядитъ на него съ презрѣніемъ и насмѣшкой; поэтому онъ постоянно силится или отплатить за воображаемое презрѣніе, или не допустить до него, заблаговременно отреко-

мендовавшись человѣкомъ свирѣпымъ. Политика эта заставляетъ американскаго слугу швырять вамъ сапоги чуть не въ лицо, поденщика соблазняетъ столкнуть васъ съ тротуара, дворника, у котораго вы спрашиваете названіе улицы, побуждаетъ къ тому, чтобы сперва представиться не слышащимъ вопроса, а потомъ пересыпать свой отвѣтъ грязными словами. Извозчикъ, котораго вы просите ѣхать осторожно, смѣется вамъ въ лицо безъ отвѣта. Говоря о своей кухаркѣ въ третьемъ лицѣ, вы должны звать ее *леди*, а эта леди ведетъ себя съ вашею женой какъ самая дерзкая и злая потаскушка. Вся эта политика, подобна многимъ демократическимъ ребячествамъ, ни мало не содѣйствуетъ умягченію правовъ и вообще дѣлу равенства. Если богатый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ пожелаетъ презирать плебея, то его прихоть не измѣнится ни отъ какихъ заявленій достоинства и ни отъ какого свирѣпства со стороны простолюдина. У него самого горло широко, кулаки наготовѣ, а денегъ несравненно больше чѣмъ у подчиненнаго. Если заявленіе свирѣпства перейдетъ обычныя предѣлы, онъ разобьетъ простолюдину носъ, почти также какъ разобьетъ его и равному при грубости уже слишкомъ чувствительной. Въ Америкѣ передъ чернью робѣютъ лишь журналисты, да иногда чиновники, то-есть лица немногочисленные и не пользующіяся уваженіемъ въ краѣ. Что же касается до капиталистовъ, фермеровъ, фабрикантовъ, и всякихъ спекуляторовъ, то каждый изъ нихъ, подобно Кориолану, скорѣе полѣзетъ на ножъ нежели опуститъ глаза передъ толпою. А такъ какъ эти люди многочисленны, богаты да притомъ и энергичны до крайности, то простой народъ, не достигая никакихъ выгодъ чрезъ свою заносчивость, тѣшится въ волю лишь надъ иностранцами да еще надъ тѣми немногими несчастными личностями, которыхъ жесткая рѣчь можетъ или испугать, или озадачить.

Послѣ этого, далеко неполнаго очерка неприятностей, встрѣчающихъ европейскаго туриста на почвѣ Соединенныхъ Штатовъ, становится яснымъ, что безъ живаго сочувствія къ странѣ имъ посвященной, безъ горячаго желанія изучить ея особенности, да въ добавокъ безъ врожденной зоркости на все не поддающееся легкому наблюденію, — втотъ туристъ стоскуется, и оченъ скоро. Кому случалось, по необходимости, изъ древнихъ, классически знаменитыхъ городовъ Италіи, перѣхать въ какой-нибудь новый городъ, пожалуй хоть въ

Ниццу, тотъ въ маломъ видѣ испытаетъ 'тоску подобнаго рода. Кажется и природа красива, и городъ великъ, и нищія не надоѣдаютъ, и провизія хороша, и жизнь комфортабельна, а между тѣмъ на новомъ мѣстѣ смотрѣть нечего, дѣлать нечего, задумываться не о чемъ¹. Въ Соединенныхъ Штатахъ

¹ „Я посѣтилъ Вашингтонъ во второй разъ, пишетъ Троллопъ, и опять нашелъ столицу Соединенныхъ Штатовъ во власти короля, именуемаго Грязью. Какимъ образомъ избранные люди всего государства (а вашингтонцы считаютъ себя такими людьми) живутъ въ такомъ рабствѣ, — прозедецъ не можетъ себѣ представить! Было бы оскорбительно вывести какіе-нибудь параллели для правительства Штатовъ; но несомнѣнно, что океаны грязи, мѣстою своего расположенія, какъ бы вымывали на подобный намекъ. Между статеъ-секретариатомъ, гдѣ царилъ мистеръ Сьюардъ (хотя съ меньшимъ прежняго блескомъ), и главною квартирою начальника дѣйствующей арміи протекала цѣлая рѣка бураго цвѣта безъ всякихъ путей переправы. Департаментъ военныхъ дѣлъ находился еще въ безобразнѣйшемъ положеніи, несмотря на свою близость къ дому самого президента. Тутъ лежали затопленные поляны и дороги, по которымъ не было ни прохода, ни проѣзда. Что зданіе морскихъ дѣлъ было погребено въ грязи и недоступно для ногъ человѣческихъ, того сѣдовало ожидать, и оно являлось само собою. Площадь передъ помѣщеніемъ президента Линкольна одна содержалась довольно чисто, и я искренно желаю, чтобъ она всегда процвѣтала въ должной опрятности. Но кажется мнѣ, не мѣшало бы президенту подумать объ уничтоженіи грязи по соседству. Его башмаки оставались чисты, и это хорошо, и это дѣлаетъ ему честь; но неужели г. Линкольну пріятно видѣть столько грязи на ногахъ у всѣхъ его окружающихъ личностей? Къ зданію казначейства, напримѣръ, могли пробираться лишь люди хорошо знакомые съ мѣстностью, изучившіе ее посредствомъ долгой практики; остальнымъ пути не было.... Можно себѣ представить положеніе туриста, особенно при неважномъ сезонѣ, въ этомъ городѣ, колоссально задуманномъ, не достроенномъ, не удавшемся, да и избытокъ и нездоровомъ. Въ центральныхъ мѣстностяхъ Вашингтона находятся пространства, по которымъ можно пойдетъ гулять самый невзыскательный изъ нашихъ охотниковъ,—пространства представляющіе одинъ богатистый пустырь, съ топями и провалами....

Послѣ этой картины неудавшагося города обратимся къ очерку жизни въ Нью-Йоркѣ, городѣ не только удавшемся, но считающимся за третій городъ цѣлаго міра (послѣ Лондона и Парижа):

„Несмотря на всѣ извѣщующія и даже почтенныя особенности его, у меня не достаетъ силы примириться съ монархомъ долларомъ, дающимъ Нью-Йорку какъ бы особенную атмосферу. Я пытаюсь всѣми доводами укротить свое отвращеніе къ этой атмосферѣ. Я знаю, что человѣкъ долженъ трудиться. Я говорю себѣ, что всякій человѣкъ не прочь заработать себѣ два доллара вмѣсто одного, насколько не становясь глупымъ существомъ отъ такого стремленія. Богатство всегда идетъ объ руку съ прогрессомъ. Америка обязана великою доле своихъ успѣховъ денежной

даже неудавшіеся города и обширнѣе, и многолюднѣе Ниццы; но тому, кто забрался въ нихъ для бѣглыхъ наблюденій и доступныхъ достопримѣчательностей, они въ десять разъ безцвѣтнѣе. Тутъ нѣтъ даже интереса живой панорамы, и къ отсутствію предметовъ для поверхностнаго наблюденія присоединяется весьма понятное чувство—недовольство своимъ собственнымъ положеніемъ. Посреди кипящей жизни, чувствуешь себя празднымъ; удивляясь ежеминутнымъ проявленіямъ общественной энергіи, сознаешь себя холоднымъ. Путешественники, возвращающіеся изъ Сѣверной Америки, лю-

торадѣ своихъ гражданъ. Все это справедливо, и все-таки воздухъ Нью-Йорка и запахъ долларовъ не подходилъ къ моея природѣ.

Совершенно справедливо то, что человѣкъ любитъ деньги, что многие народы служатъ передъ золотымъ тельцомъ обѣды и вечерами, молебны и заутрени. Но житель Нью-Йорка не знаетъ переходящихъ богослуженій: онъ весь день и всю ночь на кофѣнахъ передъ жертвенникомъ. Здѣсь ежидневно храма постоянно у васъ около носа. Я никогда не проходилъ одишъ по Пятой Улицѣ, безъ того чтобы мысль моя не останавливалась на деньгахъ. Если я шелъ съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, мы говорили о деньгахъ. Я жалѣлъ о томъ, почему всякій изъ встрѣчавшихся мнѣ прохожихъ не носитъ на лбу небольшого ярычка, на которомъ былъ бы отчетливо выписанъ размѣръ его капитала. Все это утомительно, и въ этомъ каждый Европеецъ согласится со мной. Человѣку прилично добывать деньги, прилично даже имѣть охоту къ деньгамъ; повсюду требуется своя *arg celare appet*, и въ котораго рода покровъ набрасывается изъ скромности на купца, которому поклоняются.

Я хорошо знаю, что Нью-Йоркъ изобилуетъ чудесами по части школъ, госпиталей, пріютовъ и такъ далѣе. Знаю я тоже, что граждане Нью-Йорка любятъ деньги не скаредною любовью. Онъ не прячетъ своихъ долларовъ въ старыя чулки и не хранитъ ихъ въ горшкѣ, для услажденія взоровъ. Мало того, онъ презираетъ предпріятія, придуманныя для скупости, съ доходомъ малымъ, но вѣрнымъ. Онъ строитъ ряды палатъ, спекулируетъ на широкую руку, въ торговомъ дѣлѣ даетъ полный размахъ своимъ крыльямъ,—иногда даже размахъ болѣе чѣмъ полный. Во всемъ этомъ я сознаюся, отъ души желая соскочить часть темной крапки, на которую я не поспешилъ. И все-таки... мнѣ тошно жить, слушая лишь одинъ звонъ золота. Скука одолеваетъ меня, когда при мнѣ разсуждаютъ о паяхъ, процентѣ и такъ далѣе. Иностранцу, если онъ, подобно мнѣ, холодеетъ къ паямъ и процентамъ, въ Нью-Йоркѣ придется признать себя латшнимъ и постараться исчезнуть изъ него, не теряя времени. Онъ заходитъ въ банкъ, спрашивается о цѣнѣ своихъ совереновъ, выказываетъ незнаніе курса и чувствуетъ, что становится смѣшнымъ. Его роль подобна роли челоуѣка, который выѣхалъ на охоту въ первый разъ въ жизнь, имѣя сорокъ лѣтъ отъ роду. Ему ясно, что онъ попалъ не туда,—и хочется скорѣе уѣхать. То же было и со мной въ Нью-Йоркѣ, самомъ американскомъ городѣ изъ всѣхъ городовъ Америки.

бять сравнивать себя съ несчастливцами, отправляющимися гулять за городъ и по вѣтрости заглянувшими на какую-нибудь громадную мануфактуру. Машины шумятъ, толпы народа бѣгаютъ какъ угорѣлые, хвастливый хозяинъ водить посетителя по всемъ закоулкамъ, педантъ-машинистъ терзаетъ его непрошеными объясненіями, часы проходятъ, и лучшее время для прогулки потеряно. Жалоба не лишена остроумія и нѣкоторой основательности; но не имѣемъ ли и мы права замѣтить страдальцу-путнику: для чего же онъ заглядывалъ на мануфактуру, не интересуясь ею и не имѣя охоты вникать во все то что ему показывали или объясняли?

Покончивъ съ изложеніемъ темныхъ сторонъ жизни европейскаго путешественника въ Соединенныхъ Штатахъ, перейдемъ къ очерку тѣхъ особенностей, которыя, при достаточной способности къ наблюденію, не только вознаграждать собою зоркаго человѣка, но какъ бы перенесуть его въ новый міръ, о самомъ существованіи котораго онъ имѣлъ лишь смутное понятіе. Для уразумѣнія этихъ особенностей, живая книга Троллона окажется отличнымъ путеводителемъ.

II

Первое чудо поражающее наблюдателя, внимательно всмотрѣвшагося въ бытъ и нравы населенія Соединенныхъ Штатовъ, есть изумительная энергія Американца на поприщѣ промышленной дѣятельности. Не обинуясь мы зовемъ ее чудомъ, ибо энергія, замѣчаемая въ населеніи самыхъ могущественныхъ государствъ Европы, не можетъ идти съ нею въ сравненіе. Тутъ всѣ мотивы иные, всѣ результаты имѣютъ въ себѣ нѣчто небывалое. Каждого новаго человѣка поражаютъ эти громадные предпріятія: города, въ десять лѣтъ отъ своего основанія достигающіе неслыханныхъ размѣровъ, пустыни превращающіяся въ цветущее поле, милліоны людей быстро обогащающихся, быстро лишаящихся состоянія, и съ новою ревностью идущихъ на трудъ для пріобрѣтенія богатства и независимости. За первыми минутами удивленія обыкновенно слѣдуетъ приговоръ на европейскій манеръ, совѣты и осужденія, предостереженія или приговоры; а затѣмъ обыкновенно случается такъ что наблюдатель утомится одними и тѣми же

явленіями, и бросившись на какую-нибудь оригинальную мечу, не усмотритъ и тѣни величія въ томъ что само по себѣ, взятое помимо другихъ чудесъ Америки, достойно привлечь къ себѣ полное вниманіе современныхъ мыслителей. Граждане Соединенныхъ Штатовъ, до такой страшной степени наполненные житейскими помыслами, такъ благоговѣюще передъ богомъ-долларомъ, въ то же время словно не живутъ для себя, а совершаютъ какую-то таинственную задачу, имъ завѣщанную свыше. Судьба дала имъ пространство великолѣпной земли и какъ бы повелѣла имъ не успокоиваться до той поры, покуда все это непомѣрное пространство не будетъ захвачено цивилизаціей. И Американцы выполняютъ ея повелѣнія такъ что еслибъ ихъ всѣхъ ждала лютаѣ казнь за малѣйшее къ нему невниманіе, они не могли бы усилить свою энергію. Весь строй ихъ жизни сложился подъ такимъ условіемъ, и мы должны помнить это каждую минуту, ибо безъ того житель Соединенныхъ Штатовъ будетъ казаться существомъ непонятнымъ, фантастическимъ или безумнымъ. Мѣрять Американца на европейскій аршинъ также не возможно, какъ примѣнять мѣру обыкновенныхъ нашихъ генераловъ къ личностямъ Кортеса, Писарро и другихъ *конкистадоровъ* старой Испаніи. Конкистадоры сами не отдавали себѣ отчета въ томъ, какую задачу они совершаютъ, для чего переплываютъ моря на дрянныхъ судахъ, для чего кидаются съ сотней товарищей на десятки тысячъ чуждыхъ воиновъ. По большей части они были людьми жадными или набожными. Они вѣрили, что совершаютъ свои подвиги во благо католицизма или для золота; но мы признаемъ теперь, что помимо ихъ воли, помимо ихъ сознанія, ихъ вела чья-то рука, для цѣлей совершенно особенныхъ и скрытыхъ во мракѣ. Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, въ своей некрасивой сферѣ, безъ ослабительныхъ видѣній и кровавыхъ боевъ, безъ кольчуги и шлема съ перомъ, есть конкистадоръ болѣе прочный нежели всѣ Писарро и Кортесы. На безобразной мануфактурѣ съ превысокою трубой, въ едва разчищенномъ лѣсу, близъ краснокожихъ Индѣйцевъ, на плодоносныхъ, но зараженныхъ миазмами прирѣчныхъ равнинахъ, онъ истинный боець, чело-вѣкъ судьбы, исполнитель чего-то небывалаго. Вся обстановка жизни, всѣ условія края сложились для него такъ что

онъ и не можетъ, и не желаетъ сдѣлать ни шагу въ сторону отъ дороги, разъ ему указанной.

И по стремленіямъ своимъ, и по идеаламъ, человѣкъ съ американскою энергіей совершенно разнится отъ европейскаго дѣятеля изъ разряда самыхъ смѣлыхъ и практическихъ. Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, наживъ богатство, раскидываетъ его безъ сожалѣнія, въ завѣщаніи отдастъ его на школы или музеи, дѣтямъ выдѣляетъ чтò придется, и дѣти, помня, что ихъ отецъ изъ ничего добылъ себѣ огромное состояніе, нисколько не огорчаются тѣмъ, что онъ поставилъ ихъ въ необходимость сдѣлать тоже. Деньги Американецъ любить, но лишается ихъ безъ тоски и отчаянія, не падая духомъ, нисколько не охлаждая въ своей предприимчивости. Онъ охотникъ до комфорта, любитъ жить просторно, вѣсть отлично, но въ немъ нѣтъ и тѣни того пристрастія къ своему углу, къ своимъ полямъ, къ своимъ вещамъ, того пристрастія, которое дѣлаетъ Европейца осмотрительнымъ при всякомъ шагѣ въ будущее.

„Американецъ, говоритъ Тролонъ, не прочь поглядѣть на красивое мѣстоположеніе, но ему все равно, жить ли около этой мѣстности или на гнуснѣйшей печальной равнинѣ. Никогда онъ не привязывается къ своему саду или вообще владѣнію; продать его, сбыть съ рукъ кому ни попало, для него ничего не значить. Красота лѣса не существуетъ для Американца. Истинному фермеру Соединенныхъ Штатовъ каждое дерево есть врагъ, которое слѣдуетъ повергнуть на землю, оголить, закопать въ яму, превратить въ пепель, разметать по вѣтру, все это съ наименьшимъ трудомъ и таковыми же издержками.“

Хладнокровіе, съ которымъ Американецъ переноситъ невзгоды всякаго рода, даетъ Тролону пищу для многихъ мастерскихъ очерковъ, въ которыхъ его обычный тихій юморъ переищивается съ чувствомъ истинной симпатіи. „Когда я былъ въ Луизвиллѣ, пишетъ онъ, рѣка Огіо выходила изъ береговъ. Я посѣтилъ два предмѣстія, въ которыхъ наводненіе надѣлало множество всякихъ бѣдъ. Въ одномъ изъ нихъ. Шиппингъ-Портъ, женщины и дѣти сидѣли по чердакамъ и мезонинамъ, между тѣмъ какъ мужчины, на челнокахъ и доскахъ ловили дрова и всякую деревянную дрань, для топива на зиму. Чрезвычайно грустно было глядѣть на эти ряды

штопленныя строенія, но я не слышалъ ни одной жалобы. Никто не рвалъ на себѣ волосы, не скрежеталъ зубами, не велелъ себя воплемъ и горькою слезой. Жители оставшіеся безъ дѣла стояли маленькими кучками на высокихъ мѣстахъ и глядѣли на прибывавшую воду, какъ будто бы на явленіе не касавшееся ихъ нисколько. Когда домъ Американца сносится водою, домовладелецъ спокойно строитъ себѣ новый, точно такъ какъ покупаетъ онъ себѣ новое платье, чуть старое износилось. Но горевать и плакаться по поводу исчезнутаго дома или износившагося платья онъ не намѣренъ, и вѣрное не найдется въ свѣтѣ людей болѣе безстрастныхъ передъ бѣдствіемъ. Такъ же молчаливо и невозмутимо переносятъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ мелкія непріятности жизни. На желѣзной дорогѣ около Питсбурга, рассказываетъ нашъ туристъ, съ нашимъ поѣздомъ случилось поврежденіе и намъ пришлось простоять на мѣстѣ около четырехъ часовъ. Ни кондукторы, ни рабочіе около машины не выказали никакой суетливости. Что до пассажировъ, то нельзя было безъ увеселенія глядѣть на то, какъ они приняли непріятную остановку. Въ Англіи четырехчасовая задержка причинила бы брань, сѣтованія и во всякомъ случаѣ явныя проявленія досады со всякими непріятностями. Здѣсь же никто не сказалъ ни одного слова. Малое число пассажировъ, помоложе, вышли и поглядѣли на сломанное колесо; но огромное большинство осталось на мѣстахъ, пожевало табаку и расположилось поспать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ Американецъ не въ примѣръ терпѣливѣе Англичанина. Никто не произнесъ, не говорю уже жалобъ, ни даже выраженія удовольствія или благодарности судьбѣ за то, что случай поврежденія не повелъ къ опасности.—Мнѣ дали отпускъ на десять дней, говорилъ солдатъ, сидѣвшій около меня въ вагонѣ:—я опоздалъ на нѣсколько поѣздовъ, начиная съ Вашингтона; а теперь, прибывши домой, успѣю только повернуться и опять уѣхать. Но бѣднякъ вовсе не казался огорченнымъ, даже говорилъ эти слова вовсе не въ видѣ жалобы, а какъ доказательство тому, что ему не выпадаетъ удачи во время ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ. И тамъ опоздалъ, и здѣсь время пропало, и въ Питсбургѣ отдохнуть не придется. Но онъ и въ мысляхъ не держалъ ничего похожаго на сѣтованіе.

Такимъ образомъ, не страшась нищеты въ ея мрачномъ видѣ, Американецъ ведетъ всѣ свои предпріятія съ

энергіей возможно лишь на его родинѣ. Мы дивимъ великимъ побѣдамъ американской цивилизаціи, но что удивляться еще болѣе, надо видѣть и изучать ея неудачи. Не всѣ новые города Соединенныхъ Штатовъ процвѣтаютъ, не всѣ пустыни края покорны земледѣлію, не всѣ гигантскія выдумки Американца увѣнчиваются успѣхомъ. Но повсюду цѣлыя массы людей боролись за успѣхъ повсюду ихъ усилія, хотя бы и не дали ожидаемаго результата подготовили дорогу новымъ дѣателямъ. Американца упрямляютъ въ неразумной предприимчивости, и точно, вы всюду видите ея слѣды въ худонаселенныхъ огромныхъ зданіяхъ въ желѣзныхъ дорогахъ, не приносящихъ дохода, въ поселеніяхъ, раскинутыхъ по мѣстностямъ нездоровымъ или не благодарнымъ. Но нельзя еще кричать про неразуміе. Передъ нами не развалины бесплодныхъ дерзкихъ аферъ, многотрудные слѣды пионеровъ цивилизаціи. На эти пустыри на эти нездоровыя мѣстности, приходила масса завоевателей сдѣлала что могла, легла тутъ костями или понесла разореніе, а за ней придетъ другая толпа, и довершитъ начатое. Къ тому же, развѣ плачутся люди, отъ него пострадавшіе? Или они становаются въ тягость обществу? Или видъ ихъ печальныхъ лицъ намъ надоѣдаетъ? Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ. Уцѣлѣвшій пионеръ бодро хватается за новое дѣло, разорившійся завоеватель со смѣлостью придумываетъ рядъ иныхъ предпріятій, — и бывшая неудача не только не тяготѣетъ надъ ними, но даже считается за славную неудачу. Вотъ разгадка тому изумлявшему Европейцевъ факту, что въ Соединенныхъ Штатахъ денежная несостоятельность предприимчиваго гражданина считается обычнымъ дѣломъ, и энергическій человекъ, нѣсколько разъ оказывавшійся банкротомъ, находитъ деньги и товарищей на случай новыхъ предпріятій. Уважать отъявленнаго банкрота, какая казалось бы безнравственность! И точно, въ Америкѣ множество людей нѣсколько разъ лишавшихся всего состоянія, пользуются не только добрымъ именемъ, но и почетомъ отъ согражданъ. Они банкроты, — но не наши европейскіе банкроты. Они лишились всего не на бесплодномъ для общества дѣлѣ, не на бездушнѣй спекуляціи: ихъ увлекла смѣлость замысла, увлекла въ борьбу не по силамъ. Оттого ихъ не только не презираютъ, но хватаются за нихъ вездѣ, гдѣ нуженъ смѣлый умъ и пламенная инициатива. Энергиче-

ская начинающая молодежь группируется около такихъ людей съ особливою охотою, какъ около смѣлыхъ руководителей, на дѣлѣ прошедшихъ ту школу, которую и имъ извѣдать придется.

Вглядываясь въ изумительную дѣятельность Американцевъ, по части заселенія, воздѣлыванія и оживленія громадной страны, доставшейся имъ на долю, мы безъ труда различаемъ, въ несмѣтной массѣ этихъ людей, отдѣльныя боевыя линіи. Впереди всѣхъ идетъ авангардъ цивилизаціи, ея піонеры, люди до того смѣлые, что жизнь безъ риска для нихъ тошнѣе смерти. Эти люди уже занимали насъ собою. Они селятся около границъ, вырубаютъ лѣса, засѣваютъ хлѣбомъ степи, строятъ новые города, проводятъ небывалые пути сообщенія, пускаютъ пароходы по едва-исслѣдованнымъ рѣкамъ. Часть ихъ погибаетъ или лишается состоянія, другая находитъ успѣхъ превышающій самую смѣлую фантазію, а потомъ, наживъ груды золота, несетъ ихъ на новое дѣло столь же рискованное.

Кстати, приведемъ здѣсь нѣсколько замѣтокъ нашего автора, высказанныхъ имъ по поводу Западныхъ Штатовъ, и относящихся преимущественно къ этимъ піонерамъ.

„Говорятъ, что *честность есть лучшая политика*. При своихъ хорошихъ чертахъ, эта доктрина не совсѣмъ усладительна для нашей человѣческой природы. Смуту совѣтуютъ не надувать Джонса, не потому что добродѣтель сама по себѣ прекрасна, но потому, что ведя свои дѣла честно, Смитъ, *à la longue*, накопитъ больше денегъ чѣмъ онъ получилъ бы, разъ сплутовавши со Джонсомъ. Я не назову такой морали необычайно возвышенною,—но увь!—даже эта мораль высока для пограничныхъ людей Запада! Ихъ герои—Клейвъ и Варренъ Гестингсъ, Кортесъ и Коломбъ. Всѣхъ четырехъ мы признаемъ пограничными людьми, двухъ послѣднихъ назовемъ даже царями пограничныхъ людей. Но едва ли который изъ этихъ знаменитыхъ людей держался правилъ строгой честности. „Сэръ, пограничному человѣку надо быть ловкимъ!“ И во фразѣ этой, такъ часто повторяемой, таится объясненіе многимъ дѣламъ, которыя совершаются между людьми, оставившими за собою Старый Свѣтъ и его правила.

„Говорить ли о флибустьерствахъ, *аннексаціяхъ* (присоединеніяхъ земель), о *стираніи дикихъ племенъ съ лица земли*? Всего этого было не мало; но кто станетъ отвергать что въ ре-

зультатъ все-таки оказывался прогрессъ человѣчества? Божескій законъ ведетъ человѣка впередъ непопятными путями. Когда Иаковъ, при помощи Ревекки, обманулъ своего старшаго брата, онъ поступилъ *весьма ловко*, въ пограничномъ смыслѣ. Исавъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, *стертъ съ лица земли*, и дивиться, почему громъ небесный не разразился надъ головой Иакова и Ревекки. А между тѣмъ Иаковъ, не взирая на ловкость, оказался избранникомъ. Можетъ-быть наступитъ пора, когда истинная прямота будетъ признана за лучшую политику даже пограничными людьми. Я только могу заявить, что этотъ день не пришелъ еще, и кажется весьма отдаленнымъ...

„Гражданинъ Запада самъ работаетъ горячо и требуетъ горячей работы за свои деньги. Я бы хотѣлъ, чтобы наши лондонскіе каменщики, требующіе десяти-часовой платы за десяти-часовую работу, поглядѣли на то, какъ здѣсь люди трудятся. Американецъ не желаетъ знать рабочихъ часовъ. На человѣка онъ смотритъ такъ, какъ наши дамы глядятъ на лошадь: лошадь никогда не устаетъ, и человѣкъ не устаетъ тоже. Здѣсь, къ удивленію моему, я видѣлъ и самъ слышалъ какъ рабочихъ торопятъ, ругаютъ и понукаютъ до того что англійскій простолудинъ не выдержалъ бы подобнаго обращенія. На Западѣ, бѣднѣйшій Ирландецъ ѣстъ мясо каждый день, но и работа съ него требуется такая, что часто приходится ему вздыхать о своей землянкѣ на родинѣ. Вкусенъ хлѣбъ добытый въ потѣ лица, но когда потъ льется градомъ, пріобрѣтенный имъ хлѣбъ чуть ли не горекъ. Безъ понуканія ничего не сдѣлаешь, говорилъ мнѣ одинъ подрядчикъ, указывая на партію людей, работавшихъ (по моему разумѣнію) изо всей силы,—они сами это знаютъ, и безъ понуканья имъ не ловко; словно недостаетъ чего-то.“

„Но все это еще не худшая сторона дѣла. Заработная плата здѣсь высока (въ Западныхъ Штатахъ, полевой рабочей имѣетъ въ мѣсяцъ около 15 долларовъ и пищу, городской по доллару въ день). Пища и вообще жизнь дешевле чѣмъ въ Англіи. Но плата не всегда доходитъ до людей, и примѣры рабочихъ страдающихъ отъ раззоренія или *ловкости* наемщиковъ—безчисленны. Въ Старомъ Свѣтѣ многіе люди раззоряются и плутуютъ, но у насъ и нравы, и порядокъ платежей, застраховываютъ бѣдный классъ рабочихъ людей отъ

неисправной получки денегъ. У насъ гнусно и подло, и невыносимо низко лишить бѣднаго поденщика его копѣйки. Говоря о человѣкѣ дошедшемъ до послѣдней степени несостоятельности, мы выражаемся, что онъ *даже не платитъ своей прачкѣ*. На американскомъ Западѣ нѣтъ различія между прачкой и славнымъ портнымъ, бѣднымъ слугою и достаточнымъ торговцемъ. На американскомъ Западѣ поденщики работаютъ въ кредитъ, не настаиваютъ на немедленныхъ расчетахъ, не нуждаются тотчасъ же во всякомъ заработанномъ шиллингѣ, и наемщики, сами приучившіе ихъ къ тому, имѣютъ всю возможность для надуванія. Все это я высказывалъ одному западному джентльмену, упоминая даже о прачкѣ, приведенной выше.—У насъ рабочему звать не приходится, отвѣтилъ этотъ джентльменъ:—около границъ и простой рабочій долженъ быть ловокъ. Коли онъ не ловокъ, лучше ему пробраться назадъ къ Востоку, можетъ-быть даже въ Европу.“

За авангардомъ идетъ вторая боевая линія, какъ масса линейныхъ кораблей двигается слѣдомъ за передовыми легкими судами. Тутъ ужъ дѣло не въ піонерствѣ, а въ закрѣпленіи завоеваннаго или въ прочномъ захватѣ того что завоевано лишь на половину. Кто смѣлѣе, тотъ идетъ туда, гдѣ борьба кипитъ еще во всей силѣ; кто старѣе или осторожнѣе, тотъ идетъ по слѣду піонеровъ счастливыхъ. Американецъ предпріятія вполне безплоднаго не придумаетъ, и почти всегда случается такъ, что неудача авангарда пролагаетъ лишь путь для успѣха первой боевой линіи. Опасные пункты указаны; первая неудача служитъ за предостереженіе, а все уже совершенное піонерами становится пособіемъ для ихъ послѣдователей. Такой-то новый городъ, положимъ, не удался. Огромные дома поглотили весь капиталъ основателей, мѣстность нездоровая, желѣзной дороги не чѣмъ достроить. Піонеры кинули дѣло, и бросились въ новыя предпріятія. Но вторая линія находитъ въ неудавшемся городѣ дома за безцѣнокъ, припасенный матеріалъ для желѣзной дороги, начало работъ по осушенію мѣстности. Денегъ у нея больше, дешевое приобрѣтеніе всего брошеннаго облегчаетъ задачу, и вотъ пошли новыя работы, съ успѣхомъ всегда почти удовлетворительнымъ. Бываетъ по временамъ, что приходится бороться съ трудностями почти

неодолимыми; но и тутъ дѣло кончается тѣмъ, что подкрѣпленіе приходитъ за подкрѣпленіемъ, и новые бойцы являютъ на мѣсто усталыхъ. Сколько людей похоронено на болотистыхъ равнинахъ по рѣкѣ Миссиссипи, сколько капиталовъ перелопалось тамъ гдѣ теперь стоятъ цвѣтущіе городскіе центры западной хлѣбной торговли! Городъ Кауръ, полужимъ, и до сей поры какая-то недостроившаяся развалина; но за то другіе города, направо и налево, начинавшіеся какъ онъ, считаютъ въ себѣ до сотни тысячъ жителей.

За боевою линіей, про которую мы сейчасъ говорили и которая сама состоитъ изъ нѣсколькихъ особливыхъ линій, остается масса дѣятелей менѣе энергическихъ. Это переселившіеся Европейцы, или люди уже слишкомъ стары для горячей работы, или особы привыкшія довольствоваться обычнымъ теченіемъ жизни, безъ ошняющихъ ощущеній риска. Тутъ уже передъ нами арьергардъ, изъ котораго впрочемъ, все молодое, подрастая, такъ и рвется въ пионеры. Но ошибется наблюдатель, который даже въ этомъ разрядѣ американскихъ гражданъ не отличить особливаго энергическаго оттѣнка. Воздухъ Соединенныхъ Штатовъ пересоздаетъ эмигранта; даже въ лѣтяевъ вселяетъ онъ нѣчто порывистое. Посреди полного затишья, безъ видовъ на обогащеніе, гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ мечется туда и сюда, и не можетъ жить безъ новинокъ. Трактирщикъ изобрѣтаетъ какую-нибудь машину для разливанія водки, содержатель отеля придумываетъ хитрый механизмъ для возвѣщенія обѣденнаго часа, владѣтель дома устраиваетъ чтобъ его поднимали машиной въ шестой этажъ, портной усиливается чтобы панталоны составляли одно цѣлое съ жилетомъ и фраккомъ: нововведеніе оказывается дрянью, и онъ рѣшаетъ, что въ противоположность старому штаны должны состоять изъ трехъ частей совершенно отдѣльныхъ. Рутины не держится никто, рутина всякому ненавистнѣе трупа. Вѣчный рядъ замысловъ, хотя бы и пустѣйшихъ, вѣчныя заботы, хотя бы о дрянн, дѣлаютъ то, что апатическихъ Американцевъ еще никто не встрѣчалъ. Житель Штатовъ, въ свои свободныя минуты, кажется погруженнымъ въ постоянную задумчивость, но эта кажущаяся вялость скрываетъ одно изъ двухъ: или онъ обдумываетъ какой-нибудь дѣловой планъ, или убѣгался утромъ до того что не можетъ уже ни разговаривать, ни шевелиться.

Послѣ всего сейчасъ сказаннаго о гражданахъ Соединенныхъ Штатовъ, не трудно сообразить, что страна, наполненная такимъ народомъ, должна имѣть множество совершенно своеобразныхъ особенностей. Штаты, уже давно вступившіе въ Союзъ, и въ особенности области, когда-то прозывавшіяся Новою Англіею, на столько заселены и благоустроены, что представляютъ уже немного поприща для тѣхъ пионеровъ цивилизаціи, о которыхъ мы говорили выше съ особенною подробностью. Они уже сложились по европейскому образцу и удивляютъ наблюдателя лишь тѣмъ, что достигли такого необыкновеннаго развитія въ періодъ времени необыкновенно краткій. Въ нихъ уже не кипитъ вѣчной борьбы человѣка съ дѣвственной природой; а энергія населенія, разъ вступивши въ извѣстное, обстоятельствами определенное русло, представляетъ наблюдателю менѣе поразительныхъ эпизодовъ. За то штаты западные (и особливо дальне-западные) могутъ назваться обѣтованнымъ краемъ для того, кто пріѣхалъ въ Америку не пустымъ зѣвакой. Въ этихъ штатахъ богатства природы неисчислимы, а чудеса человѣческаго труда превосходятъ все когда-либо созданное самою пылкою фантазіей. Эффектныхъ феноменовъ природы вы найдете въ нихъ не такъ много. Великолѣпныхъ полудикихъ героевъ, въ родѣ изображенныхъ намъ перомъ Купера, отыщемъ мы развѣ гдѣ-нибудь по сосѣдству съ Индѣйцами. Но повсюду окажутся степи обращенныя въ плодороднѣйшія поля, великія рѣки покрытыя судами, съ колоссальными городами на важнѣйшихъ пунктахъ; повсюду найдете вы человѣка трудящагося за десятерыхъ и въ добавокъ еще какъ-то вдохновенно трудящагося.

„Мы не имѣемъ никакого понятія, пишетъ Троллопъ, не можемъ даже вообразить того, до какихъ размѣровъ доходить обиліе хлѣбовъ во многихъ земледѣльческихъ штатахъ, напримѣръ въ Иллинойсѣ. Лучшей земли для посѣвовъ нѣтъ на поверхности вселенной, и этой земли не зачѣмъ расчищать, потому что безмѣрные равнины пересѣкаютъ край и тянутся повсюду. Почва такъ плодородна, что обиліе хлѣба производитъ небрежность въ обращеніи съ нимъ. Въ Миннесотѣ, я видѣлъ мѣшки пшеницы брошенными на дорогѣ, видѣлъ поля не убранными по неимѣнію времени. Цѣны, нынѣ довольно высокія по случаю военныхъ заготовленій, все еще

баснословно низки въ сравненіи съ нашими. За октябрь 1861 года, въ Иллинойсѣ кукуруза стоила въ девять разъ дешевле чѣмъ въ Ливерпуль, и когда окажется возможность сократить расходы по перевозкѣ хлѣба въ Европу, Западъ Соединенныхъ Штатовъ станетъ кормильцемъ Старога Свѣта. Его земледѣльческіе ресурсы неисчислимы, не взирая на слабое населеніе; съ его быстрымъ умноженіемъ, они растутъ такъ же быстро. Въ долинахъ по Миссиссипи и ея притокамъ видишь сплошныя поля пшеницы и кукурузы объемомъ по тысячѣ акровъ. Я слышалъ про одного фермера, ежегодно засѣвающаго 10.000 акровъ. Иногда кукуруза родится въ такомъ изобиліи, что лущить ее становится убыточнымъ по сравненію съ цѣной зеренъ, и тогда нелущенные кочни идутъ на топливо! Когда въ Чикаго и Боффало я увидѣлъ хлѣбныя магазины, и взобрался на машины (elevators), которыми мѣшки зеренъ поднимаются на верхъ, я увидѣлъ рѣки пшеницы, льющіяся съ судовъ на суда, съ чановъ желѣзной дороги на вершины магазиновъ, ибо эти рѣки текутъ снизу вверхъ, посредствомъ машинъ такъ же легко, какъ сверху внизъ. Хлѣбъ измѣрялся мѣрою въ сорокъ обыкновенныхъ мѣръ (bushels) такъ же легко и скоро какъ у насъ отвѣшивается унція сыру. Здѣсь Богъ приготовилъ продовольственные запасы для будущихъ милліоновъ людей восточнаго и западнаго міра.¹

„Сельскій житель въ Америкѣ, пишетъ нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, и особенно житель странъ еще малозаселенныхъ (settler), ведетъ тяжелую жизнь, но онъ богатъ своего рода романтизмомъ, поэтическимъ чувствомъ, и болѣе всего сознаниемъ мужественнаго достоинства. Зайдите въ его домъ, и вы найдете хозяина небритымъ, въ старыхъ синихъ штанахъ и такой же фланелевой рубахѣ безъ верхняго платья и жилета; очень часто увидите вы на его лицѣ слѣды изнуренія и лихорадки, но онъ съ достоинствомъ встрѣтитъ васъ и заговоритъ съ вами такъ развязно, какъ самый просвѣщенный хозяинъ посреди своей библіотеки. Тутъ уже вы забудете о противно - демократическихъ замашкахъ городской прислуги: передъ вами человѣкъ не нуждающійся въ заявленіи своего человѣческаго достоинства. Онъ въ своемъ домѣ, у себя на порогѣ, въ его вѣжливости и гостепримствѣ нѣтъ ничего

¹ Том. II. *Ceres American.*

похожаго на угодливостъ европейскаго поселяннина, къ которому невзначай зашла какая-нибудь народолюбивая дама. Онъ самъ завоевалъ себѣ полную независимость, и это сказывается во всей его манерѣ, въ каждомъ его взглядѣ. Въ его жилищѣ вы непременно найдете газету, книгу, какой-нибудь другой признакъ развитости, рѣдко встрѣчающійся у европейскихъ простолюдиновъ. Дѣла его не всегда идутъ хорошо. Дѣти его хворы, на блѣдномъ лицѣ его жены вы читаете, что жизнь этихъ людей коротка. Но надъ всѣмъ этимъ царить и красуется сознаніе независимости, слѣды трудовъ предпринятыхъ не понапрасну. И не понапрасну поселяне Соединенныхъ Штатовъ такъ привязаны къ своему быту. „Я хорошо знаю, говорила мнѣ одна бѣдная женщина, что значитъ голодать и хворать, и работать до тѣхъ поръ, что кости разболѣются. И я опять готова взяться за старое: дайте мнѣ два акра расчищенной земли, мали на двѣ отъ всякаго поселенія, и я стану на нихъ работать съ моими дѣтьми, и буду счастлива.“¹

На Западѣ иной годъ стоить четверти столѣтія, а десяти лѣтъ бываетъ довольно на то, чтобы пустынная территория обратилась въ край знаменитый какъ по обилію, такъ и по промышленной дѣятельности. Но этого еще мало. Удивляясь энергіи западныхъ пионеровъ цивилизаціи, мы въ то же время примѣчаемъ у нихъ способность къ самоуправленію, доходящую до того что во многихъ штатахъ мѣстной администраціи просто дѣлать нечего. Штаты Запада заселены слабо, изобилуютъ пустынями, каждый годъ эмиграція спускаетъ въ нихъ массу людей, если не положительно дурныхъ, то бѣдныхъ и жадныхъ къ выгодѣ,—а несмотря на то, всюду царствуетъ спокойствіе и порядокъ, собственность ограждена; столкновенія между людьми, противныя духу настоящей цивилизаціи, почти не мыслимы. По конституціи Соединенныхъ Штатовъ, вашингтонское или центральное правительство совершенно не вмѣшивается въ хозяйственныя дѣла отдѣльныхъ провинцій. Каждый штатъ управляется своими мѣстными правителями (governors), своими провинціальными собраніями; но на Западѣ эти домашніе руководители не могутъ назвать своей службы ни очень трудною, ни даже, къ сожалѣнію, очень почетною. Частная инициатива

¹ Том. II. *Окрестности Мичиганскаго озера.*

дѣлаетъ все, частыя агломерациі независимыхъ людей забываются о томъ, чтобъ имъ не мѣшали жить и трудиться. Затѣмъ, въ мелкихъ случаяхъ столкновеній, каждый оберегаетъ себя самъ. Въ большей части отдѣльныхъ штатовъ дѣла доходятъ до того, что правительственныя и законодательныя должности, не представляя никакой приманки дѣльнымъ людямъ, достаются на долю особъ иногда нечестныхъ, и почти всегда ничтожныхъ¹. Дѣльный и занятой гражданинъ не ищетъ этихъ должностей: содержаніе, ими доставляемое, саашкомъ скромно, вліянія онѣ не даютъ никакого. Еслибы не кратковременные сроки службы, въ мѣстныхъ правителяхъ и членахъ провинціальныхъ палатъ оказывался бы просто недостатокъ. Мало того, что лучшіе изъ Американцевъ сами не жаждутъ участвовать въ общей администраціи своего штата, но и на людей несогласныхъ съ этимъ взглядомъ глядятъ они какъ на людей едва заслуживающихъ уваженія. Слова: „чиновникъ“, „политикъ“, „администраторъ“ на Сѣверѣ только непопулярны, а на Западѣ они имѣютъ просто презрительное значеніе. Ими опредѣляется классъ пустослововъ, иногда безвредныхъ, а иногда стѣснительныхъ, — чудаковъ, постоянно слѣдящихъ за журавлемъ въ небѣ, — лѣвтяевъ, предпочитающихъ грошъ, въ видѣ казеннаго жалованья, доллару выработанному мужественною работою.

Эта удивительная способность обходиться безъ всякой административной опеки объясняется особыми обстоятельствами и экономическими условіями края. Но болѣе всего объясняется она степенью народнаго образованія въ Америкѣ. Неграмотный человекъ можетъ назваться въ Соединенныхъ Штатахъ рѣдкостью. Книга, издаваемая въ Англіи въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ, въ Америкѣ печатается не тремя, а тридцатью тысячами. Сочиненія, въ Европѣ доступныя лишь образованнѣйшему классу читателей, здѣсь распространены въ массѣ. Количество учащихся въ каждомъ городѣ таково, что и приравняться къ нему невозможно, и этого мало: кругъ предметовъ, преподаваемыхъ по народнымъ школамъ, несравненно обширнѣе чѣмъ въ Европѣ. Количество школъ, коллегій, библіотекъ, музеевъ осно-

¹ Что и было бѣдою при настоящемъ кризисѣ, о чемъ будетъ сказано въ послѣдствіи.

важныхъ частными лицами на собственные средства, чрезвычайно велико; капиталы, жертвуемые или завѣщаемые на дѣло народнаго образованія, составляютъ огромную цифру, нѣкъмъ не сосчитанную. Помимо частныхъ и случайныхъ средствъ, всякій гражданинъ платитъ извѣстныя подати на первоначальныя школы, платитъ ихъ безропотно и даже съ охотой. По этой части административныя власти городовъ и отдѣльныхъ штатовъ заслуживаютъ полной похвалы. Правительство центральное тутъ ни при чемъ; эти власти одни завѣдываютъ народнымъ образованіемъ. Очень часто преподаваніе въ народныхъ школахъ доходитъ до смѣшной роскоши, вызывающей шутки у туристовъ: такъ иногда анатомія читается мальчикамъ, едва выучившимся грамотѣ, а дочери горничныхъ и швей изучаютъ курсы подробной римской исторіи. Впрочемъ эти странности отчасти объясняются тѣмъ что въ Америкѣ дѣти, уступая европейскимъ относительно физическаго развитія, отличаются умственнымъ развитіемъ преждевременнымъ и даже какъ будто болѣзненнымъ.¹

Американцы счастливы тѣмъ, что они „начали дѣло съ начала“, по выраженію нашего путешественника. Едва сложившись въ государство, ихъ родина начала глядѣть на дѣло воспитанія какъ на дѣло порядка и будущности. Нѣ-

¹ „Здѣсь (въ Бостонѣ), какъ и въ Нью-Йоркѣ, пишетъ нашъ авторъ, я былъ весьма пораженъ обиліемъ познаній, всюду распространенныхъ, и посѣщая школы, весьма часто чувствовалъ себя какъ будто бы посреди юныхъ браминовъ, экзаменуемыхъ въ богословіи. Когда маленькій мальчикъ сталъ объяснять въ моемъ присутствіи роль выполняемую каждою костью въ движеніяхъ нашего тѣла, я могъ только, съ чувствомъ искренняго смиренія, преклонять мою голову. Ничему подобному не учили насъ въ нашихъ родныхъ школахъ! Въ одной женской школѣ, посѣщенной мною, дѣвицамъ читали Мильтона, и дѣвочки тщательно обсуждали, что разумѣетъ поэтъ, описывая дьявола сидящимъ въ лужѣ (pool), ибо лужа есть нѣчто малое и едва ли способное вмѣстить его гигантскую персону. Примесены были лексиконы и объяснено затѣмъ что „pool“ происходитъ отъ слова „palus“ (болото) и такъ какъ болото можетъ раскидываться на большомъ пространствѣ, то и картина поэта не заключаетъ въ себѣ ничего невѣрнаго. Потому дѣвочки излагали свой взглядъ на теорію Люцифера.

„Лучше царемъ быть въ аду, чѣмъ на небѣ другимъ подчиняться!“
 Всѣ они говорили очень толково и такъ хладнокровно, какъ будто бы сидѣли у себя дома, занимаясь мѣткой носовыхъ платковъ.“ (Том. II. Народное Образованіе.)

которые изъ штатовъ включили въ текстъ своихъ отдѣльныхъ конституцій обязательство „образовывать юношество за цѣну для всѣхъ доступную“; другіе не связали себя писаннымъ текстомъ, считая сказанное обязательство аксіомой, о которой и заявлять не зачѣмъ. Подати въ пользу народнаго просвѣщенія велики, но никто на нихъ не ропталъ и не ропщетъ; ихъ размѣры росли вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго благосостоянія, ихъ необходимость всѣми признана. Прибавьте къ этому, что Соединенные Штаты никогда въ годы начинанія, не имѣли въ себѣ большихъ массъ невѣжественнаго населенія, что ихъ граждане, при легкомъ добываніи средствъ къ жизни, имѣли то, что рѣдкость для нашихъ бѣдныхъ классовъ, то-есть *досугъ*, что вообще весь край почти столѣтіе наслаждался внутреннимъ спокойствіемъ и не несъ всѣхъ тѣхъ налоговъ, которые тяготѣютъ на европейскихкихъ государствахъ имѣющихъ за своими плечами долгую и трудную исторію, и находящихся между собою въ запутанныхъ и напряженныхъ отношеніяхъ,—и успѣхи народнаго образованія въ Сѣверной Америкѣ легко объяснятся.

Нѣкоторыя статистическія цифры, изъ приводимыхъ Тролопомъ, говорятъ краснорѣчивѣе самаго хвалебнаго дисирамба. Въ 1857 году, въ Бостонѣ, на 180.000 населенія, приходилось до 24.000 учащихся въ публичныхъ школахъ. Расходы по этимъ школамъ простирались до 70.000 фунтовъ стерлинговъ. За свободное воспитаніе въ трехъ высшихъ школахъ города съ учащихся взимается плата, но въ остальныхъ или не взимается ничего, или требуется сумма ничтожная. По тому же разчету за 1857 годъ оказывается, что въ Нью-Йоркѣ, имѣющемъ 650.000 жителей, учащихся въ публичныхъ школахъ оказывалось 135.000. А въ эту огромную цифру, само собой разумѣется, не входятъ дѣти богатыхъ семействъ, воспитывающіяся дома, дѣти горожанъ, учащіяся по два, по пяти и по десяти, въ квартирахъ частныхъ учителей или учительницъ. Нельзя сказать, чтобы высшія коллегіи и вообще мѣста для утонченнаго образованія въ Америкѣ ушли далеко, точно такъ же какъ и общій уровень познаній въ высшихъ классахъ американскаго общества. Но воспитаніе среднихъ классовъ и вообще народа далеко превышаетъ все что въ этомъ отношеніи видимъ мы въ Старомъ Свѣтѣ. Здѣсь ученики остолюдины любятъ чтеніе, посвѣщаетъ библиотеки

и музеи, ¹ сидитъ за газетою, имѣетъ понятіе о ходѣ дѣлъ общественныхъ, городскихъ и т. д.

Можно подумать что вслѣдствіе умственной развитости американскаго населенія и обилія простолюдиновъ, слѣдящихъ за политикою, это населеніе неспокойно, или по крайней мѣрѣ склонно соваться въ дѣла общественнаго управленія. Припоминая шумливую чернь въ большихъ городахъ Союза и порядочное количество политико - скандальныхъ исторій по разнымъ штатамъ, Европеецъ всегда готовъ смотрѣть на Американца какъ на безпокойнаго демагога. Но Европеецъ жестоко ошибается, и послѣ книги Треллопа ему придется отказаться отъ своихъ предрасудковъ. Американскій гражданинъ, и простолюдинъ въ особенности, только на словахъ кажется горячимъ политикомъ; на самомъ же дѣлѣ онъ не только не свирѣлъ въ политическомъ отношеніи, но скорѣе слишкомъ пассивенъ, и даже склоненъ къ тому

¹ Я осматривалъ публичную бібліотеку, большею частію своихъ богатствъ обязанную пожертвованіямъ мистера Бетса, извѣстнаго по своимъ отношеніямъ къ дому г. Бернгаръ и К^о. За исключеніемъ малага числа изданій очень рѣдкихъ, всѣ книги выдаются для чтенія или на домъ каждому обитателю Бостона, бесплатно. Раздача книгъ большею частію производится мальчишкамъ и дѣвочкамъ, которые за ними заходятъ отъ имени своихъ родителей; книга выдается тому чей адресъ извѣстенъ; за лицо новое обыкновенно ручается одинъ изъ извѣстныхъ уже посѣтителей. Для чтенія періодическихъ изданій имѣется особая зала, въ которую доступъ открытъ для всякаго. За порядкомъ въ залахъ и выдачею книгъ смотритъ до двадцати лицъ, мужчинъ и женщинъ. Когда я спросилъ, часто ли пропадаютъ книги, бібліотекаръ сообщилъ мнѣ, что умышленнаго *отжигленія* книги никогда не случается, что иногда простолюдины, при переездахъ на квартиры теряютъ взятое сочиненіе; но случаи эти рѣдки, а ущербъ ими причиняемый покрывается мелкими пенями за передержку книгъ противъ положеннаго на то срока. Я очень хорошо знаю, что *couleur de rose* всегда въ большомъ ходу при осмотрѣ бібліотекъ туристами. Настоящій случай не былъ исключеніемъ. Всѣ отзывы свѣдѣтельствовали о благосостояніи учрежденія. Библіотекарши казались очень хорошенькими и умными (и всѣ носили очки, сколько я припомню), главный начальникъ любилъ свое дѣло, зала для чтенія была полна, простой народъ изъявлялъ охоту къ серьезнымъ и назидательнымъ книгамъ, — мои собственныя творенія постоянно требовались... Оно такъ водится вездѣ, но никакая розовая оттѣнокъ не уничтожитъ того факта, что въ Бостонѣ есть богатая бібліотека, изъ которой всѣ книги бесплатно даются всякому, кто желаетъ читать и считать нужнымъ имѣть въ рукахъ книгу.* (Тож. II. Бостонъ.)

чтобы давать властямъ просторъ, можетъ-быть излишній. Наполеонъ III и Франція Наполеона III крайне популярны въ Америкѣ. Всѣ диктаторскія замашки Линкольна и Сьюарда переносились не только съ терпѣнiемъ, но даже безъ протестацій или выраженiй неудовольствiя. Неслыханныя злоупотребленiя военныхъ начальниковъ не возбуждали бурь въ общественномъ мнѣнiи. Когда правительство рѣшило вопросъ о гг. Масонѣ и Слейделлѣ совершенно наперекоръ общественному мнѣнiю, вся масса гражданъ подчинилась рѣшенiю, безъ всякихъ вспышекъ, и даже безъ бранныхъ возгласовъ. „Намъ нужна сильная рука, сэръ. Покуда не будетъ сильной руки въ Вашингтонѣ, этотъ кризисъ не кончится!“

Какимъ же путемъ этотъ развитый и избалованный народъ, ежегодно усиливавшiйся массами вольнолюбивыхъ эмигрантовъ изъ Европы, дошелъ до такой пассивности, даже до сознанiя того, что ему нужна „сильная рука“ въ тяжелую пору кризиса? Отвѣтъ будетъ коротокъ: чрезъ слишкомъ малое значенiе исполнительной и законодательной власти для хода дѣлъ внутри государства. Въ Соединенныхъ Штатахъ всякому здоровому человѣку много работы и выгодъ; вашингтонское же правительство, по смыслу конституцiи, а еще болѣе по положенiю дѣла, не можетъ дать ему ни болѣшихъ правъ, ни болѣшихъ льготъ противъ тѣхъ какими онъ пользуется. Администрацiя отдѣльныхъ штатовъ, разложивъ подати въ интересахъ воспитанiя, призрѣнiя убогихъ и кой-какихъ хозяйственныхъ предметовъ, не считала себя въ правѣ вмешиваться въ дальнѣйшiя дѣла, да и самое населенiе не видитъ въ томъ нужды¹. Такъ шли дѣла въ теченiе почти цѣлаго столѣтiя, шли на удивленiе свѣту, и дѣйствительно стоили удивленiя; но когда миръ нарушился и подошелъ кризисъ, ихъ темная сторона стала обнаруживаться

¹ Достаточно припомнить большинство бурныхъ и какъ будто политическихъ случаевъ по разнымъ штатамъ, чтобы убѣдиться, что кажды изъ нихъ имѣлъ начало въ причинахъ мѣстныхъ и совершенно домашнихъ. Такъ жители известной мѣстности колотили аболиционистскаго проповѣдника; въ другомъ городѣ аболиционисты колотили защитника невольничества. Въ Канзасѣ фермеры, жившие вольными трудомъ, дрались съ негровладельцами. Въ иномъ городѣ происходила уличная смута за то, что народъ желалъ бить мужа тиранившего свою жену, а въ другомъ морисскiе эмисары, слишкомъ азартно прославлявшие свои порядки, произвели споръ, а за нимъ потасовку.

Люди въ конгрессѣ, министерствахъ и стоящіе во главѣ управленія по штатамъ, оказывавшіеся сносными при ясномъ горизонтѣ, потерялись и выказали свою негодность подъ бурю, а новыхъ взять было не откуда. Всѣ живыя силы края, поглощенная промышленною дѣятельностію и взрослія на той идеѣ, что дѣло политики и управленія есть достояніе людей посредственныхъ, съ достоинствами мелкихъ клерковъ, оказались внѣ правительства, не подготовленными къ государственной дѣятельности. Общественное мнѣніе, слѣдившее за внутреннею политикою изъ дилеттантства, оказалось порывистымъ, измѣнчивымъ и ненадежнымъ. Государство, при началѣ тяжкой войны, увидѣло себя безъ военныхъ людей, при трудностяхъ административныхъ — безъ надежныхъ администраторовъ. Цѣлые десятки лѣтъ все клонилось къ тому, чтобы такъ сказать обезлюдить и центральное, и мѣстное правительство, и отбить отъ участія въ немъ людей выдающихся изъ общаго уровня. Всякій новый президентъ неминуемо перемѣнялъ весь персоналъ не только высшаго управленія, но и самыхъ низменныхъ присутственныхъ мѣстъ. Содержаніе министровъ, сенаторовъ, президентовъ каждаго штата, могло назваться скуднымъ. Члены конгресса, съ ихъ крошечнымъ жалованьемъ, не имѣли ни достоинства сопряженнаго съ почетными даровыми должностями, ни обезпеченной жизни за свои труды, часто весьма тяжелые. Въ свѣтѣ, на человѣка служащаго или засѣдающаго въ палатѣ глядѣли холодно какъ на мелкаго наемщика. Мудрено ли, что посаѣ всего этого лучшіе въ обществѣ люди уклонялись отъ политической дѣятельности, и что тяжелая пора застала въ Вашингтонѣ (да и во главѣ отдѣльныхъ штатовъ) не энергическихъ вождей народа, а толпу растерявшихся конторщиковъ? Мудрено ли, что не находя возможности опираться на такихъ помощниковъ, новый президентъ поспѣшилъ хватиться за извѣстное въ подобныхъ казусахъ средство, то-есть за диктатуру, и что народъ не только одобрилъ всѣ его распоряженія, отличавшіяся какою-нибудь энергіей, но даже сталъ находить, что диктатура должна быть еще гораздо строже?

III.

Кто виновать въ междуусобной войнѣ раздражающей теперь Соединенные Штаты, откуда она произошла и можно ли было предупредить ее какими-нибудь соглашеніями?

Глядя на войну съ точки зрѣнія легальной и строго-конституціонной, никто не усомнится сложить всю тягость обвиненія на южные штаты (иначе называемые *gulf-states*), и преимущественно на штатъ Южной Каролины, первымъ поднявшій кровавое знамя отложенія (*secession*). Конфедераты знаютъ это очень хорошо, знаютъ такъ, что и не пытаются ограждать свои воззрѣнія въ отношеніи строго-легальномъ. Текстъ конституціи извѣстенъ всякому; двусмысленностей въ немъ нѣтъ. Ни одной изъ областей, вступавшихъ въ федерацію, не предоставлялось права расторгать свои съ нею связи или выходить изъ государства, какъ отходить компаньйономъ отъ надѣвшею ему торговой компаніи. Исторія подкрѣпляетъ примѣромъ смыслъ конституціи: въ 1832 году, при президентѣ Джексопѣ, та же Южная Каролина, раздраженная новымъ тарифомъ (весьма несправедливымъ и въ скорости оставленнымъ), въ пылу негодованія, угрожала отпасть отъ Соединенныхъ Штатовъ. Когунъ, представитель мятежной идеи въ конгрессѣ и герой Юга, былъ излагателемъ ея претензій, угрозъ и домогательствъ. При самомъ началѣ опаснаго движенія, генераль Джексопъ двинулъ войска къ границамъ непокорнаго штата, Когуну же объявилъ съ кладнокровіемъ, что повѣситъ его при первой открытой агитаціи въ пользу отпаденія. Такимъ образомъ несогласіе было раздавлено въ самомъ началѣ, Джексопъ собралъ дань хвалы за мудрость и энергію, между тѣмъ какъ изъ всѣхъ защитниковъ Когунъ и Южной Каролины ни одинъ не рѣшился одобрить ихъ образъ дѣйствій въ смыслѣ конституціи и законности.

Но, какъ всякій читатель согласится безъ труда, ни буква конституціи, ни самая идея законности не составляютъ еще всего въ государствѣ юномъ, вступившемъ въ разрядъ само-

стоятельныхъ государствъ чрезъ насильственное отпаденіе отъ метрополиі. Поэтому вопросъ о происхожденіи войны извѣщается, и съ оставленіемъ въ тѣни его легальнаго значенія, долженъ быть скорѣе поставленъ такимъ образомъ: южные штаты не были ли чѣмъ-нибудь приведены въ необходимость отложиться отъ Союза, не оказывалось ли въ строѣ самого государства чего-нибудь такого, что дѣлало бы необходимымъ полное и по возможности поспѣшное расторженіе условій прежней конституціи?

На этомъ пунктѣ мнѣнія расходятся; но, какъ нашему автору кажется, расходятся больше потому, что споръ ведется не искренно. Южные Штаты, упорно умалчивая о главной причинѣ несогласія, выставляютъ цѣлый рядъ жалобъ, претензій, обвиненій, и пытаются увѣрить свѣтъ, что послѣ притѣсненій, перенесенныхъ ими отъ Сѣвера, дальнѣйшая жизнь вмѣстѣ стала невозможна. Эти притѣсненія, если можно назвать притѣсненіями нѣкоторыя постановленія неудобныя для той или другой мѣстности въ Штатахъ, такъ невелики, съ ними такъ возможно было бороться путемъ печати и на трибунѣ, что лить за нихъ кровь и разрушать Союзъ могъ бы только какой-нибудь безумецъ-деспотъ. Нѣкоторыя статьи тарифа наносили ущербъ Югу; но депутаты самого же Юга въ свое время стояли за эти самыя, нынѣ такъ проклинаемые ими пункты. Самый тарифъ не разъ подвергался колебаніямъ то въ ту, то въ другую сторону, и въ немъ не было ничего неподвижнаго; ничто въ немъ не отстаивалось съ особеннымъ упорствомъ. Затѣмъ Югъ указываетъ на раззорительныя и тяжелыя подробности въ законахъ о прибрежномъ судоходствѣ; но впервыхъ, эти подробности шли цѣлью размножить хорошихъ моряковъ для флота—дѣло общаго блага; во вторыхъ, отъ нихъ терпѣли и Пенсильванія, и Иллинойсъ, и Нью-Йоркъ за одно съ Южною Каролиной. Гораздо вѣрнѣе изложеніе третьей претензіи,—претензіи по поводу слишкомъ знаменитаго закона о бѣглыхъ невольникахъ. Законъ общій для цѣлаго государства, законъ постановленный вашигтонскимъ конгрессомъ, положительно говоритъ, что невольники бѣжавшіе изъ штатовъ невольничьихъ въ штаты свободныя, должны быть излавливаемы и выдаваемы обратно. Но въ Сѣверной Америкѣ, какъ извѣстно, каждый штатъ имѣетъ свое законодательное собраніе для собственныхъ дѣлъ,

и эти-то собранія, по всѣмъ почти вольнымъ штатамъ, явно идуть наперекоръ закону, утвержденному въ Вашингтонѣ. „Ловите сами своихъ невольниковъ“, объявили вольные штаты штатамъ рабовладѣльческимъ. Мы не намѣрены ловить ихъ, за васъ, и можемъ обѣщать лишь одно: офиціальнымъ путемъ мы не станемъ задерживать вашихъ поисковъ. Что до преградъ неофиціальныхъ и частныхъ, то это не наше дѣло: вѣдайтесь сами съ кѣмъ хотите и какъ хотите.“¹ Отвѣты такого рода конечно не могутъ нравиться Южнымъ Штатамъ. „Къ чему же, говорятъ они въ свою очередь, ведутъ постановленія конгресса, если во всякомъ штатѣ ихъ измѣняютъ по своему? Какой гарантіи можно ожидать отъ правительства, которое издавъ законъ, не наказываетъ всякихъ отъ него отклоненій?“

Притязанія и протесты возбужденные въ Южанахъ слабымъ исполненіемъ закона о бѣглыхъ невольникахъ важны не сами по себѣ, а какъ поводъ къ тысячѣ горячихъ, даже изступленныхъ жалобъ, изъ которыхъ, наперекоръ всей ловкости южнаго гражданина, отчасти открывается настоящая причина междусобія. „Наша жизнь испорчена пропагандой, идущей съ сѣвера и запада. Наши добрыя намѣренія откровенно невольниковъ вмѣняются намъ въ ничто, и по необходимости не могутъ имѣть должнаго хода. Мы и наши семьи не имѣемъ покойнаго сна, потому что злодѣи шумятъ и раздражаютъ нашихъ негровъ. Аболиціонисты разказываютъ и печатаютъ о насъ оскорбительныя клеветы. Мистриссъ Бичеръ-Стоу клеветаетъ на насъ предъ лицомъ вселенной. Между людьми, которые зовутъ себя нашими согражданами, миллионы желаютъ нашего раззоренія и жаждутъ поднять у насъ *жакерію*. Съ этими людьми мы не можемъ жить, и чѣмъ скорѣй мы съ ними разойдемся, тѣмъ лучше.“

Тутъ-то и находится ключъ къ вопросу о происхожденіи войны. Ея причина — невольничество. Югъ не высказываетъ этого открыто; Сѣверъ дѣлаетъ то же, щадя

¹ Троллопъ говоритъ, что оппозиція отдѣльныхъ штатовъ (вольныхъ) закону о бѣглыхъ невольникахъ не причиняетъ большаго ущерба рабовладѣльцамъ Юга. Ему сообщали, что напришѣръ Южная Королина терпѣть не болѣе пяти негровъ въ годъ чрезъ бездѣйствіе сѣверныхъ властей. Весьма помяну, что тутъ причиной раздраженія не денежные потери, а столкловеніе принциповъ.

закотавность рабовладѣльческихъ областей, оставшихся въ-р-ыми Союзу. Невольничество, столько лѣтъ терпимое безъ какихъ мѣръ къ его постепенному прекращенію или, по-крайней мѣрѣ, ограниченію, достигло такого объема, что отразилось на всемъ бытѣ Южныхъ Штатовъ, обусловило собой всѣ его интересы, наложило особенную печать на частную жизнь гражданъ и сдѣлало ихъ какъ бы членомъ отдѣльной семьи, враждебной общему государственному со-ставу, къ которому она принадлежала.

Въ книгѣ своей, нашъ авторъ мастерски изображаетъ всю огромность несогласія между Южаниномъ и жителемъ Сѣ-верныхъ Штатовъ. „Объ стороны“, говоритъ онъ, „раско-мтса между собою почти во всемъ, въ чемъ одинъ человѣкъ можетъ расходиться съ человѣкомъ себѣ подобнымъ. Во время нашихъ междоусобныхъ войнъ, каждый Англичанинъ (это можно смѣло сказать) по своему заботился объ Англій. И стремленія, и битвы обуславливались вопросами о разной формѣ правленія, но каждая партія оставалась *равно англій-скою*. Въ Соединенныхъ Штатахъ, къ ненависти политиче-ской присоединилась ненависть отдѣльныхъ группъ и какъ бы національностей. Житель Юга желаетъ принадлежать къ отдѣльному народу, порвать всѣ связи съ Новою Англійей. Онъ готовъ быть чѣмъ угодно, лишь бы не гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ. По его словамъ, онъ разнится отъ Сѣверянина и привычками, и воспитаніемъ, и убѣжденіями, и способностями, и даже своими добрыми и худыми каче-ствами. Добродѣтели сѣвернаго жителя не его добродѣтели, по-роки Сѣверянина не его пороки. Житель Юга хорошо зна-етъ до чего дошла Мексика, какъ низко упали республики Центральной Америки; но даже перспектива этого униженія для него слаще чѣмъ доля славы подъ звѣзднымъ знаменемъ Союза. Пусть Англичанинъ вообразить себѣ, каково показа-лось бы ему полное подчиненіе Франціи, ея законамъ и ея правительству, и только тогда пойметъ онъ съ какими чув-ствами южный джентльменъ помышляетъ о возможности воз-вращенія къ прежнимъ порядкамъ. Со стороны Сѣверянина чувство также сильно. Онъ во всемъ разнится съ Южани-номъ, но объ отпаденіи Юга слышать не хочетъ. Его народ-ная гордость связана съ территоріальною огромностью ро-дины. Онъ жаждетъ новыхъ земель и всюду распространяетъ

свое владычество. Онъ удивилъ вселенную своими успѣхами; онъ не можетъ нарадоваться своею славой, для которой всей Америки кажется недостаточно. И ему сузиться въ границахъ? Ему быть отдѣленнымъ отъ Океана и великихъ рѣкъ? Ему отказаться отъ своихъ величавыхъ замысловъ, при насмѣшкахъ завистливаго свѣта? Крайнее несходство Сѣверянъ и жителей Юга въ нравахъ, привычкахъ, идеалахъ, добрыхъ и скверныхъ сторонахъ характера давно уже ни для кого не тайна. Уже много лѣтъ тому какъ Союзъ распался на двѣ отдѣльныя національности, и невольничество, причинившее это нравственное распаденіе, въ то же самое время сдѣлалось причиной непрерывныхъ столкновеній между двумя народами, и въ политическомъ, и въ социальномъ, и въ литературномъ, и въ торговомъ отношеніяхъ. Многіе европейскіе публицисты силятся видѣть въ сѣверныхъ гражданахъ какихъ-то крестоносцевъ свободы. Это совершенно вздоръ, ибо пламенной пропаганды Сѣверъ не дѣлаетъ, а съ неграми, какъ это давно извѣстно, обходится довольно скверно. Дѣло не въ крестовыхъ походахъ и не въ пропагандѣ, а въ томъ, что рабовладѣльческая область никогда не сольется въ одно цѣлое съ областью, гдѣ трудъ свободенъ, и въ томъ, что гражданинъ первой, поставленный въ необходимость вести дѣла съ гражданиномъ, не признающимъ рабства за святое учрежденіе, непременно войдетъ съ нимъ въ цѣлый рядъ невыносимыхъ столкновеній. Югъ это зналъ, и неотступно готовился къ отпаденію, еще при генералѣ Джексонѣ и сенаторѣ Когунѣ, даже задолго до нихъ. Сѣверъ, съ своей стороны, тоже понималъ дѣло, только съ тою разницей, что увлекаемый своимъ пристрастіемъ къ территоріальному величію, до послѣдней минуты надѣялся удержать Югъ путемъ сдѣлокъ и уступокъ. Онъ уступалъ не изъ умѣренности, онъ уступалъ со злобой и бѣшенствомъ, онъ ожесточался при всякомъ компромиссѣ; скрежеща зубами, онъ воздерживался отъ ударовъ „домашнему учрежденію“; но иныхъ мѣръ ему не оставалось, онъ рѣшался терпѣть горе у себя дома лишь бы не терять обширныхъ областей и не разстаться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производилось на вселенную прогрессомъ и судьбами Соединенныхъ Штатовъ.“

Югъ мастерски пользовался опасеніями Сѣвера и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производилось и въ общественномъ мнѣніи,

и въ конгрессѣ чрезъ одну угрозу *отпаденія*. Скрѣпленный однимъ общимъ интересомъ, поставленный въ необходимость ежечасной осторожности, онъ быстро созрѣлъ для политической борьбы, и вслѣдствіе того, цѣлые десятки лѣтъ пользовался великою силою какъ въ конгрессѣ, такъ и въ администраціи. Всякій знаетъ изъ какой партіи были всѣ послѣдніе президенты Соединенныхъ Штатовъ до Линкольна, и какія постановленія въ пользу невольничества, еще въ пятидесятыхъ годахъ, выходили отъ вашингтонскихъ законодателей. Но въ пятидесятыхъ же годахъ, въ періодъ полного политическаго преобладанія южной партіи, стали выказываться несомнѣнные признаки того, что близокъ крутой поворотъ въ другую сторону. Западные Штаты усилились и территоріей, и населеніемъ, и вліяніемъ въ конгрессѣ.

Изъ всѣхъ лицъ, писавшихъ о настоящемъ американскомъ кризисѣ, одинъ лишь Троллопъ, сколько намъ помнится, съ отчетливостію указалъ на значеніе Западныхъ Штатовъ въ дѣлѣ соперничества съ Югомъ. Въ политическихъ борьбахъ Западъ нетерпѣливѣе и упорнѣе Сѣвера, и тому двѣ причины. Впервыхъ, онъ полонъ европейскими эмигрантами, свободными отъ многихъ предрасудковъ Сѣвера, не раздѣляющими его уступчивости передъ плотною фалангой южныхъ политиковъ, и на рабство взирающихъ со всѣмъ ужасомъ жителя Европы, вскормленнаго враждою къ этой язвѣ. Ввторыхъ, житель Запада на почвѣ своего роднаго, едва развивающагося и заселяющагося штата, прямо сталкивался съ рабствомъ, которое становилось на его дорогѣ и требовало для себя не одной лишь терпимости, но полного преобладанія. Рабовладѣльцы не только вносили свою заразу въ новый край, но чрезъ своихъ представителей въ Вашингтонѣ прямо требовали, чтобы въ такомъ-то и въ такомъ-то новомъ штатѣ невольничество было допущено, со всѣми его послѣдствіями и гарантіями¹. И домогательства эти удавались, благодаря мастерству южныхъ депутатовъ, благодаря отсутствію единодушія въ Сѣверянахъ, благодаря вліянію президентовъ, всегда стоявшихъ за южную политику. Изъ новыхъ штатовъ, не далѣе какъ въ 1845 году Флорида и

¹ Для лицъ, желающихъ ознакомиться съ ходомъ борьбы, о которой теперь говорится, рекомендуемъ небольшою, но превосходный трудъ Р. Чамберса „О невольничествѣ въ Соединенныхъ Штатахъ.“

Техасъ поступили въ составъ Союза какъ штаты рабовладѣльческіе. Но этотъ годъ былъ послѣднимъ годомъ полнаго униженія; въ 1846 году штатъ Iowa* былъ уже принятъ вольнымъ штатомъ. Съ той поры до послѣднихъ годовъ Висконсинъ, Калифорнія, Миннезота и Канзасъ поступили въ составъ Союза *штатами вольными*, послѣдній не безъ междоусобной драки и кровопролитія въ своихъ предѣлахъ. Всѣ усилія президентовъ Пирса и Бьюканана не могли тому воспрепятствовать. Если такъ случилось при президентахъ южной партіи, то чего же было ожидать при Линкольнѣ?

Чѣмъ долѣ длилась парламентская борьба, періодически возобновляющаяся при принятіи каждаго новаго штата въ составъ Союза, тѣмъ болѣе убѣждался Югъ не только въ положительной враждебности Запада, но и въ его способности на борьбу за принципы. Аболиціонисты (противники невольничества) на Сѣверѣ не только никогда не представляли изъ себя сплоченной политической партіи, но своими раздорами, своею *книжностью*, крайностію своихъ воззрѣній, служили дѣлу временныхъ интересовъ Юга. Эти люди, за исключеніемъ весьма немногихъ личностей, проникнутыхъ истинно-христіянскими стремленіями, въ борьбѣ съ рабствомъ видѣли лишь предлогъ къ отчаяннымъ переворотамъ, къ жакеріи, къ внутреннимъ смутамъ, и Южане мастерски пользовались ихъ яростными декламаціями. Въ тридцатыхъ, сороковыхъ, даже въ началѣ пятидесятихъ годахъ, аболиціонизмъ и аболиціонисты были въ Соединенныхъ Штатахъ предметомъ такого же почти презрѣнія, какое навлекаютъ на себя чартисты и крайніе демагоги въ Англіи. Этому много содѣйствовали происки Юга, но надо признаться, что сами аболиціонисты Сѣвера тутъ были виноваты во многомъ. Они хотѣли роберспьерствовать, проповѣдывать терроръ въ государствѣ не имѣющемъ голодной черни, въ обществѣ увлеченномъ интересами самыми житейскими, самыми практическими. Югъ только радовался и пожиналъ плоды ихъ неразумія. Доходило до того, что на Сѣверѣ всякій аболиціонистъ считался *человѣкомъ дурнаго тона*, и это страшное названіе служило какъ бы клеймомъ позора въ молодомъ и себялюбивомъ обществѣ. Аболиціонистскихъ стремленій стыдились, какъ чего-то фантазерскаго, высиженнаго въ четырехъ стѣнахъ, недостойнаго серіозныхъ людей и серіознаго обсужденія. Но покуда Югъ радовался и разчитывалъ на свою

фалангу единодушныхъ законодателей, и сенатъ, и палата народныхъ представителей, наполнялись людьми изъ новыхъ штатовъ Запада. Новые аболіціонисты выступили на сцену, настоящіе противники, никакъ не декламаторы, не Мараты Сѣвера. Западные враги рабства изучали его не по книгамъ и газетамъ. Они видѣли его на дѣлѣ, сталкивались съ нимъ на своихъ новыхъ территорияхъ, давали ему отпоръ у себя дома (даже оружіемъ, какъ напримѣръ въ Канзасѣ). Они были проникнуты идеею о несовмѣстности невольничества съ мирнымъ развитіемъ государства. Своею жизнію они не противорѣчили принципамъ, ими провозглашеннымъ. Для нихъ негръ не былъ, какъ напримѣръ для нью-йоркскаго радикала, существомъ чужимъ и презрѣннымъ. Они считали его ребенкомъ, не предполагали въ немъ способностей для работы на конгрессѣ; но во всемъ остальномъ смотрѣли на него какъ на человѣка, а напоръ европейскихъ возрѣвѣвшихъ, вторгающихся на западъ съ безчисленною массою эмигрантовъ, долженъ былъ современемъ истребить и послѣдніе предразсудки по поводу чернаго племени.

Мы сказали уже что 1846 годъ (годъ принятія Іовы въ число вольныхъ штатовъ) должно считать рубежомъ, съ котораго начинается постепенное ослабленіе въ политическомъ преобладаніи Южныхъ Штатовъ. Съ допущеніемъ нѣсколькихъ новыхъ, и опять-таки вольныхъ штатовъ въ составъ Союза, отпоръ сдѣлался сильнѣе прежняго, особенно въ сенатѣ, котораго значеніе въ конституціи государства весьма важно¹. Нѣсколько лѣтъ партія Южныхъ Штатовъ ратовало съ тѣмъ неукротимымъ упорствомъ, которое служило предвѣстіемъ упорства настоящей войны. Но съ пятидесятихъ годовъ слово *отпаденіе* стало повторяться чаще прежняго, уже не какъ угроза, послѣ которой Сѣверъ на время становился уступчивѣе, а какъ выраженіе необходимости и начало будущей политики. Все это не могло успокоить умовъ, еще менѣе разстроить политическое единодушіе Запада, который какъ бы въ отместку, стоялъ за недопущеніе рабства въ новые штаты, придавая аболіціонистскимъ стремленіямъ ту

¹ Каждый штатъ Союза даетъ въ сенатъ *двухъ членовъ* (по выбору представителей), *каково бы ни было его населеніе*. Такимъ образомъ Іова, Канзасъ, Висконсинъ и другія области въ сенатѣ имѣютъ голосъ равный съ голосомъ Лузіяны, Георгіи, Виргініи и т. д.

практичность, которой онъ до той поры не имѣлъ. Наконецъ раздоръ и несовмѣстность южной политики съ политикою Сѣвера и Запада дошли до того, что Южане удерживались отъ отпаденія лишь тою долею власти, которою сами пользовались, потому что всѣ послѣдніе президенты, до Бьюканана включительно, поддерживали Югъ гдѣ могли, чѣмъ могли и какъ могли. Но это-то президентское пристрастіе и ускорило развязку. На послѣднихъ выборахъ, для Юга весь вопросъ сталъ вопросомъ о томъ: „отпадать или не отпадать отъ Союза“. Всѣ знаютъ, какъ этотъ вопросъ разыгрался.

Но не всѣ европейскіе читатели знаютъ, что покуда онъ разыгрывался, и что даже послѣ его разрѣшенія, до самаго вступленія президента Линкольна въ его должность¹, бывшій президентъ Бьюкананъ велъ себя, какъ измѣнникъ Союзу. Троллопъ прямо называетъ его такимъ именемъ и приводитъ тому доказательства, которыя всякій можетъ провѣрить и по другимъ источникамъ. „Можно различно судить,“ говоритъ нашъ авторъ, „о томъ имѣлъ ли Югъ право отложиться отъ Союза, но едва ли можетъ быть два различныя мнѣнія о томъ что президентъ Соединенныхъ Штатовъ, дававшій присягу на вѣрность конституціи, не имѣлъ права, въ теченіи своей службы, всѣми мѣрами способствовать дѣлу отпаденія. Еслибы Вашингтонъ, во время возстанія американскихъ колоній, былъ англійскимъ губернаторомъ Виргиніи, еслибы Кромвель былъ министромъ Карла I, а Гарибальди маршаломъ въ войскѣ короля неаполитанскаго, имя измѣнниковъ осталось бы за ними по общему приговору. Джефферсона Девиса я не вправѣ звать измѣнникомъ, но Бьюкананъ, должностное лицо, состоявшее на правительственномъ содержаніи — есть измѣнникъ несомнѣнный. При его управленіи и съ его содѣйствіемъ открылось возмущеніе южныхъ областей противъ государства. По его распоряженію и по распоряженіямъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, оружіе и корабли, войска и деньги были отправляемы съ пунктовъ, гдѣ они могли понадобиться въ случаѣ грозящаго возстанія, и отправляемы именно туда, гдѣ все это могло служить дѣлу отпаденія. Это такъ извѣстно всѣмъ, что даже во время ска-

¹ По конституціи Сѣверныхъ Штатовъ, новый президентъ вступаетъ въ должность черезъ четыре мѣсяца послѣ дня, въ который его избраніе признано несомнѣннымъ.

знаныхъ операцій, Бьюканана не разъ предостерегали и выставляли ему на видъ какія бѣдствія готовятся для страны чрезъ его поступки. „Бѣдствія произойдутъ не при мнѣ, они случатся не въ мое время,“ таковъ былъ отвѣтъ президента¹.

Теперь попробуемъ свести, въ нѣсколькихъ краткихъ выводахъ, заключенія изъ всего нами разказаннаго о происхожденіи войны. Въ отношеніи легальномъ и конституціонномъ, отпавшіе штаты Юга никакъ не могутъ оправдать себя, но такъ же мало могутъ оправдывать себя и штаты Новой Англіи, отпадавшіе отъ метрополиі при Вашингтонѣ. По вопросу о томъ, могъ ли ужиться Югъ съ Сѣверомъ, а особенно съ Западомъ, Троллопъ даетъ отвѣтъ отрицательный. Невольничество на Югѣ достигло такихъ размѣровъ, что Южные Штаты стали государствомъ на особенныхъ правахъ, совершенно не подходящимъ къ общему строю союзнаго правительства. Дурно это или хорошо, вопросъ не въ томъ, фактъ несомнѣненъ, и его не сдвинешь никакими сожалѣніями. Не имѣя охоты идти по одному пути съ Сѣверомъ и Западомъ, Югъ весьма естественно желаетъ жить отдѣльною жизнью, и оградить свои домашнія дѣла отъ всякаго посторонняго въ нихъ вмѣшательства. Онъ давно готовился къ разрыву и совершилъ его, чуть исчезла послѣдняя связь скрѣплявшая его съ Союзомъ, то-есть президентство людей расположенныхъ къ Югу. Разрывъ былъ произведенъ внезапно; безъ всякой попытки серіозныхъ переговоровъ, со злобой и ненавистью.

Остается разсмотрѣть еще вопросъ о томъ, можно ли было избѣгнуть войны. Здѣсь мы заранѣе оградимъ себя отъ далекихъ соображеній и будемъ говорить лишь о возможности избѣгнуть войны за періодъ послѣдняго кризиса. О томъ, что корень грядущаго зла можно было вырвать при Вашингтонѣ, когда количество негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ не превышало нѣсколькихъ тысячъ, мы разсуждать не намѣрены. Не намѣрены мы

¹ Это жестокое обвиненіе можетъ показаться голословнымъ, но не надо забывать, что Троллопъ писалъ его въ началѣ 1863 года, имѣя подъ рукой газетныя статьи, документы и памфлеты наполненные фактами, обличавшими Бьюканана. Свѣдѣнія объ отправкѣ денегъ, кораблей, пересылкѣ суммъ и т. д. были передъ глазами у всякаго; ихъ и теперь не трудно отыскать въ старыхъ газетахъ.

толковать и о томъ, почему, при Джефферсонѣ или Джексопѣ, граждане южныхъ штатовъ не только не принимали хотя бы медленныхъ постепенныхъ мѣръ къ измѣненію положенія своихъ невольниковъ, но даже не признавали никакой надобности въ этихъ мѣрахъ. Мы беремъ Югъ съ его 4.000.000 рабовъ, за послѣдніе мѣсяцы президентства Бьюканана и первые Линкольна. Эта одна цифра невольниковъ, говоритъ ясно, что Югъ былъ увлекаемъ своею судьбою. При президентѣ невраждебномъ аболиціонизму (въ умѣренномъ смыслѣ и съ постепенностью), Южане не могли ждать для себя ничего кромѣ терпимости, постоянно нарушаемой интересами Сѣвера и вольнолюбивыми тенденціями Запада. Въ сенатѣ Югъ имѣлъ постоянное меньшинство; въ другой палатѣ компактная фаланга его не имѣла и тѣни прежней силы. Надеждъ на возвращеніе прежняго вліянія какъ въ правительствѣ, такъ и въ палатахъ, не оставалось никакихъ. Своимъ значеніемъ, какъ части могучаго государства, Югъ не дорожилъ нисколько. Что же могъ онъ уступить, еслибы даже и готовъ былъ на уступки? На какой почвѣ произвести компромиссъ, даже еслибы на то была охота? Для Юга не было середины между подчиненіемъ Сѣверу и отпаденіемъ: перваго онъ не хотѣлъ ни за что въ мѣръ, ко второму онъ готовился десятки лѣтъ, и совершенно свыкъся съ нимъ въ своихъ мысляхъ.

Отъ Сѣвера, при его всѣмъ извѣстной страсти къ территоріальному величію Соединенныхъ Штатовъ, казалось можно было бы ожидать готовности къ уступкамъ. Но въ чемъ могъ онъ уступить Югу, просто не предъявлявшему никакихъ желаній, кромѣ желанія немедленно отдѣлаться? Въ чемъ могъ уступить Сѣверъ, до этой поры уступавшій такъ часто? Произвести новые выборы въ президенты и избрать Южанина? Заявить въ конгрессѣ, что рабство есть святое учрежденіе? Провести рядъ постановленій, которыя показали бы, что Сѣверъ намѣренъ оставаться покорнымъ слугою южныхъ представителей, какъ это было лѣтъ за двадцать? Да какой же изъ государственныхъ людей согласился бы принять инициативу чего-нибудь подобнаго? И общественное мнѣніе, особенно на Западѣ, не возсталоли бы съ неодолимою силой даже при одномъ подозрѣніи чего-нибудь подобнаго?

„Все это справедливо,“ говорятъ многіе европейскіе публицисты, „никто не можетъ требовать отъ Сѣвера новыхъ

ниженій. Но мы имѣли право ждать отъ него иной, болѣе широкой политики. Правительство Соединенныхъ Штатовъ должно было, помня свое происхожденіе, не возставать противъ отпаденія Южныхъ Штатовъ, а предоставить имъ полную свободу, и съ равнодушіемъ оттолкнуть отъ себя край зачумленный рабствомъ. Южане, отторгаясь отъ просвѣщенной и всѣми уважаемой націи, замыкаясь отъ цивилизаціи и делая свою гангрену, сами себя наказывали, а весь Союзъ, развязавшись съ ними, могъ только выиграть какъ въ единствѣ, такъ и въ безопасности. Еслибы даже этого и не было, то Сѣверъ все-таки долженъ былъ видѣть, что потоками крови не воротить отпавшихъ согражданъ." Это умозрѣніе прекрасно, но, къ сожалѣнію, слишкомъ пахнетъ книгами и спертымъ кабинетнымъ воздухомъ. Требовать отъ общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобъ оно глядѣло на отложеніе Юга съ мирно-философской точки зрѣнія, не можетъ даже спокойнѣйшій изъ квакеровъ. Несмѣтныя массы энергическаго народа глядятъ на Южанъ какъ на бунтовщиковъ, требуютъ ихъ покоренія и до сей минуты не жалѣютъ никакихъ жертвъ для достиженія этой цѣли. Сверхъ того, при началѣ распри, и народъ, и правительство Соединенныхъ Штатовъ, были чистосердечно убѣждены, что идея отпаденія есть *идея меньшинства* южныхъ гражданъ. До сихъ поръ это убѣжденіе утратило лишь часть своей силы. И оно совершенно понятно при томъ давнемъ разединеніи, которымъ скрывалось отъ Сѣвера истинное состояніе умовъ на Югѣ, при фанатическомъ патріотизмѣ гражданъ Сѣвера и Запада, вслѣдствіе котораго самая мысль объ отпаденіи отъ великой родины представляется имъ не иначе какъ въ видѣ чудовищно-исключительнаго явленія.

Это еще не все. Дѣла сложились такъ, что всякое мирное воззрѣніе на отлагающійся Югъ могло лишь вести къ невообразимымъ затрудненіямъ. Гдѣ кончались претензіи Юга и на какомъ пунктѣ Сѣверъ могъ остановить свою философскую терпимость? Разрѣшивъ Южной Каролинѣ и Георгіи дѣлать съ собой что угодно, правительство Штатовъ очутилось бы опять передъ вопросомъ объ отпаденіи другихъ областей, до той поры довольно преданныхъ. Виргинія и Мерилендъ въ свою очередь пожелали бы отпасть отъ Союза; торжествующіе Южане открыли бы въ нихъ сильную пропа-

ганду. Съ Виргиніей и Мерилендомъ Вашингтонъ былъ бы потерявъ. Пускай себѣ, скажутъ, пускай себѣ, — если жители этихъ мѣстъ желаютъ отдѣлиться. Пускай себѣ отойдутъ прочь и Виргинія, и Мерилендъ, и Вашингтонъ съ округомъ Колумбіей, и Миссури, и Кентукки, вынѣ вѣрные конституціи. Но лишиться этихъ штатовъ, значитъ не только уступить проускамъ меньшинства (на этотъ разъ несомнѣннаго), не только ослабить Союзъ и отдѣлить себя отъ большихъ рѣкъ, — этого мало: въ названныхъ штатахъ рабы далеко не такъ многочисленны какъ на дальнемъ Югѣ; рабовладѣльцы въ нихъ не такъ азартны, и сверхъ того отовсюду окружены вольнымъ населеніемъ; язва не укоренилась, лѣченіе ея удобнѣе, желаніе отъ нея избавиться довольно сильно: неужели же на все это махнуть рукой, и отступая отъ законовъ цивилизаціи, свергнуть названные штаты въ южную конфедерацію, которая поспѣшитъ закрѣпить въ нихъ рабство и развести въ нихъ сотни тысячъ негровъ?

Остается привести послѣдній аргументъ тому, что Сѣверъ не имѣлъ никакой возможности выбора между войною и миромъ. Переговариваться хладнокровно можно лишь съ такимъ противникомъ, который самъ не прочь вступить въ переговоры, или по крайней мѣрѣ изъявлять готовность выслушать васъ; если же онъ лѣзетъ впередъ съ ножомъ въ рукѣ, то надо защищаться отъ него, а не философствовать. Черезъ захватъ союзныхъ военныхъ припасовъ, разсылку революціонныхъ комиссаровъ въ сопредѣльные штаты, отказъ въ податяхъ и цинья дѣла, начатыя задолго до открытія настоящей войны, Югъ загородилъ всѣ пути къ мирному обсужденію своихъ претензій. Бомбардированіе форта Самтера было послѣднимъ вызовомъ обществу мнѣнію Сѣвера и Запада. Мечъ былъ обнаженъ, и ножны его отброшены.

А. ДРУЖИНИНЪ.

Т Е О Р І Я

НАЦІОНАЛЬНОСТИ

ВЪ

МЕЖДУНАРОДНОМЪ ПРАВѢ.

Въ послѣднее время очень часто слышится мнѣніе о необходимости новой теоріи международнаго права. Указывая на современныя намъ стремленія, какъ на протестъ противъ существующаго общества государствъ, одни желали бы преобразовать это общество на началахъ политическихъ и нравственныхъ, другіе на началахъ естественныхъ, каковы національность и природныя границы.

По убѣжденію многихъ, начало національности составляетъ отличительную черту и мотивъ всей политической жизни нашего вѣка, подобно тому, какъ религіознымъ движеніемъ характеризовался шестнадцатый вѣкъ и философскимъ восемнадцатый. Каждое племя, думаютъ сторонники національности, неудержимо стремится къ политической самостоятельности и не успокоится до тѣхъ поръ пока не достигнетъ своей цѣли; поэтому, чѣмъ скорѣе будутъ признаны всѣ наці-

¹ Статья эта, составляла содержаніе рѣчи, произнесенной 12-го января въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета.

ональности, тѣмъ ближе будемъ мы къ осуществленію идеала общежитія; чѣмъ скорѣе націи получаютъ самостоятельность, тѣмъ вѣрнѣе будетъ обезпеченъ всеобщій миръ.

Но дѣйствительно ли политическія права національностей способны разрѣшить всѣ задачи, возникающія въ международномъ союзѣ, и обезпечить мирное развитіе за каждымъ изъ его членовъ?

Національность, какъ политическій принципъ, является не впервые. Она проходитъ чрезъ всю исторію народовъ и сохраняетъ всегда одинъ и тотъ же характеръ — господства и борьбы. Выраженіемъ ея, въ самой отдаленной древности, были касты; въ позднѣйшее время — наследственные сословія. Съ перваго раза племя получало сознаніе о себѣ какъ объ избранномъ народѣ, которому назначены великія судьбы и даны особыя высокія свойства. Нѣтъ ни одного народа, который не высказалъ бы убѣжденія въ своемъ превосходствѣ надъ другими и не ставилъ бы себѣ въ іерархіи племенъ на первомъ мѣстѣ. Китаецъ съ полною увѣренностію считаетъ свое отечество срединною имперіей, около которой сосредоточивается весь міръ; древнія касты приписываютъ себѣ божественное происхожденіе. Меньшинство, пользуясь силою, господствуетъ нерѣдко надъ большинствомъ, по праву своей національности; въ его рукахъ сосредоточивается власть и религія; оно опредѣляетъ мѣру правоспособности народовъ подчиненныхъ.

Внутри cadaго государства мы можемъ слѣдить за процессомъ борьбы національностей, которая разрѣшалась всегда въ пользу свободы и равноправности. Національность являлась боевымъ началомъ, знаменемъ сопротивленія или гнета, и по мѣрѣ того какъ ослаблялся этотъ гнетъ, національная исключительность теряла свою силу. Крѣпкою внутреннею свободой, государство находило въ ней опору своей независимости и не боялось допустить въ среду свою чужое племя. Политическое начало являлось преобладающимъ, и отодвигало на второй планъ начало племенное. Съ замиреніемъ внутренней борьбы между національными слоями, право гражданства распространялось на большее число лицъ. Такъ было въ Римѣ при Гракхахъ, когда плебеи, политически уравненные съ патриціями, перенесли право римскаго гражданства на другія племена. Правда, эта новая, искусственная,

политическая національность носитъ въ первое время характеръ прежней, *естественной*; народная гордость, чувство превосходства надъ другими, попрежнему служатъ выраженіемъ патриотизма; признаніе правъ совершалось путемъ подчиненія. Тѣмъ не менѣе, почти всемірный характеръ римскаго владычества имѣлъ послѣдствіемъ юридическое уравненіе развохарактерныхъ племенъ. Печать Рима легла на его отдаленныя провинціи; латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ и получилъ новую форму въ языкахъ романскихъ.

Но процессъ соединенія національностей еще не кончился, и въ средніе вѣка христіанская церковь продолжала его силою своего вселенскаго характера. Переселеніе народовъ выдвинуло такъ много племенныхъ особенностей, что онѣ съ перваго раза смѣшались между собою въ государствахъ и могли группироваться только въ небольшихъ общинахъ и городахъ, сохраняя свои обычаи, преданія и иногда особыя права.

Церковь, служившая основой единства, стала выше національностей и даже приняла языкъ, не принадлежащій ни одной изъ нихъ. Мало того: двигателемъ борьбы стало не племенное господство, а религіозныя идеи или жажда добычи и разрушенія.

Нападеніе на Римъ, крестовые походы, наконецъ реформація, были вызваны не національными стремленіями: подъ одно и то же знамя становились члены разныхъ народовъ; единоплеменники мѣрялись силами подъ враждебными знаменами. Рыцарство не знало племеннаго различія; вожди набирали своихъ дружинниковъ, не справляясь съ ихъ народностью. Власть приобрѣталась силою,—чѣмъ объясняется отсутствіе національныхъ династій,—явленіе, повторявшееся потомъ не разъ и сохранившееся до нашего времени.

Национальность сказала только въ наследственной аристократіи, которая сама образовалась первоначально не по принципу крови. Высшіе классы стали отдѣльною національностью только внутри своего государства; они были ближе къ иностранной аристократіи чѣмъ къ низшимъ классамъ своего отечества. Въ XVII вѣкѣ это высказалось особенно наглядно. Дворянство и духовенство во всѣхъ странахъ примыкали къ своимъ центрамъ. Высшее дворянство на европейскомъ материкѣ, въ подражаніе двору, приняло и языкъ, и

обычаи Франціи, гдѣ блестящій король служилъ образцомъ для всѣхъ; духовенство тяготѣло къ Риму.

Французская революція, провозгласившая права человѣка отвлеченно, отнеслась враждебно къ идеѣ народности. Последніе отпрыски этой идеи во Франціи пали подъ ударами Конвента. Революція все приводила къ отвлеченному единству; уничтожать мѣстныя нарѣчія, по словамъ Барера, значило *revolutionner la langue*. Проектъ аббата Грегуара о кодексѣ международнаго права не былъ принятъ; войны республики имѣли характеръ завоеванія, и императоръ, олицетворявшій революцію, продолжалъ ея дѣло.

Въ Германіи выступило тогда впервые, въ полной силѣ чувство народности и патріотизма. Наука обратилась къ изученію народнаго быта; подъ гнетомъ опасности высшіе классы старались прижаться къ низшимъ. Фихте, доказывавшій прежде, что достойно человѣчества стремиться только къ общечеловѣческой свободѣ и видѣвшій въ національности ограниченіе человѣческаго духа, Фихте въ своихъ „рѣчахъ къ нѣмецкому народу“ искалъ надежды ко спасенію только въ сознаніи національности. Высшія сословія забыли о различіи происхожденія, и сались съ народомъ. Понадобился боевой кличъ,—и имъ послужила національность. Опытъ увѣнчался успѣхомъ. Вдохновенный патріотическимъ чувствомъ, подъ звуки патріотическихъ пѣсень, побуждаемый возваніями государей, народъ устремился къ сверженію французскаго ига. Национальность была признана, какъ новая сила, какъ союзникъ противъ завоевателя.

Разъ всколыхавшись, народное чувство не могло успоиться скоро. Девизъ, избранный противъ Франціи, повторялся потомъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ освобожденіи. Вызванный въ минуту опасности, испробовавшій свои силы на дѣлѣ, принципъ національности сталъ возводить себя въ теорію. По существу своему, будучи орудіемъ господства, выразившись въ этой формѣ въ исторіи, національность стала теперь знаменемъ освобожденія. Вѣнскій конгрессъ былъ реакціею въ этомъ смыслѣ. Руководствуясь мыслью о равновѣсіи и о наградахъ за жертвы, понесенныя въ общеевропейской борьбѣ, дипломатія указала ясно на то, что она придавала національности не племенной, а политической характеръ. Для нея народъ былъ выраженіемъ государства, а не племени.

Собственно съ этого времени вопросъ о національности перешелъ въ сферу международного права. Поборники ея стали противниками дипломатіи; въ чаши новаго международного права, они приветствуютъ всякое движеніе національности какъ зарю лучшаго будущаго, и требуютъ безусловнаго ея признанія.

Таково, въ общемъ очеркѣ, значеніе національности въ общей исторіи человечества. Въ исторіи мы замѣчаемъ постоянное повтореніе извѣстнаго рода фактовъ. Исключительная національность служила орудіемъ господства и вражды. Всѣ великія міровыя событія совершались не во имя простой, племенной національности. Главная роль въ нихъ выпала на долю тѣхъ народовъ, которые представляютъ собою слияніе различныхъ племенъ, претворяя все разнообразіе особенностей въ одномъ общемъ организмѣ. Такимъ характеромъ отличаются и всѣ историческіе языки. За исключеніемъ Китая и Японіи, почти нигдѣ государственныя границы не совпадаютъ съ племенными; онѣ или шире или уже послѣднихъ.

Эти факты должны быть приняты въ основаніе политическаго значенія національностей и въ государственной, и въ международной сферѣ.

Большая часть писателей, изучавшихъ вопросъ о національности, ограничивались исключительно положеніемъ разноплеменнаго государства, и относили этотъ вопросъ къ политикѣ¹. И примѣры прошедшаго, и общее ученіе о государствѣ приводятъ къ одному выводу. Национальности примиряются свободою и самоуправленіемъ; онѣ становятся во враждебное отношеніе вслѣдствіе гнета, преслѣдованій, униженія. Тогда весь антагонизмъ, который лежитъ въ существѣ національности, высказывается въ полной силѣ и можетъ повести къ распаденію государства. Опытъ доказалъ, что свободныя учрежденія страны, политическая равноправность народностей всегда вѣрно ведутъ къ ихъ сближенію. Въ Англіи весьма скоро исчезло различіе между Саксами и Норманнами; Шотландцы не отличаютъ себя отъ

¹ Самое полное эклектическое изложеніе предмета въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Робертъ Моель въ его статьѣ „Die Nationalitätsfrage“ См. R. Mohl, „Staatsrecht, Völkerrecht und Politik“. Tübingen, 1862. II. 333—372.

Англичанъ; въ Швейцаріи нѣтъ антагонизма между національностями; Австрія вступила на новый политическій путь, который обѣщаетъ ей лучшіе результаты. Предоставляя времени и вліянію государственныхъ учрежденій сплотить различныя народности въ одно цѣлое, правительство лучше всего достигаетъ цѣли, если не вызываетъ борьбы, и не подновляетъ рѣзкихъ граней народности. Другая политика поведетъ всегда къ противоположнымъ послѣдствіямъ, мѣшая мирному сліянію племенъ.

Что касается до сферы международной, то значеніе національности опредѣляется въ ней взаимными отношеніями государствъ и ихъ силою. Всѣ идеальныя построенія международного союза оказываются несостоятельными, потому что они противорѣчатъ тому или другому изъ этихъ условій. Посмотримъ теперь въ какомъ отношеніи къ нимъ стоитъ національность.

Движеніе новой цивилизаціи сгладило угловатости различныхъ народностей, и возбудило въ нихъ единство интересовъ, единство воззрѣній; всякое новое изобрѣтеніе и новое орудіе гражданственности становится достояніемъ всѣхъ, и призываетъ всѣ народы къ участію. Национальности останутся выраженіемъ особенныхъ духовныхъ свойствъ; но нѣтъ сомнѣній, что путемъ взаимнаго вліянія и заимствованія народы получаютъ болѣе общій типъ. Даже и теперь изслѣдователи народныхъ нравовъ принуждены искать ихъ вдали отъ центровъ общежитія и большихъ европейскихъ дорогъ. „Все что дѣйствительно ведетъ къ смѣшенію національностей и къ соединенію ихъ особенностей въ одно цѣлое, составляетъ благо для человѣчества.“¹

Все, чѣмъ въ древности поддерживалась отдѣльность народовъ, теперь потеряло свою силу. Такъ, религія языческая была достояніемъ одного государства и народа, *res ligans*, политической связью; право и законъ охраняли только тѣхъ, кого они соединяли. Эту исключительность религіозную смѣнила вѣротерпимость, и не только члены одного племени, но даже члены одной семьи нерѣдко исповѣдываютъ различную вѣру. Далѣе, языкъ, какъ выраженіе поня-

¹ J. Stuart Mill. „On representative government“. Lond., 1861, p. 300.

тій и взглядовъ на жизнь, также потерялъ свое разъединяющее мнѣніе съ тѣхъ поръ, какъ одна и та же истина или одно и то же заблужденіе быстро обходятъ весь міръ и выражаются во всѣхъ языкахъ. Языкъ испытываетъ на себѣ вліяніе общей цивилизаціи и нѣкоторымъ образомъ принаравливается къ ней. Мѣстные говоры не выдерживаютъ соприкосновенія съ великимъ историческимъ языкомъ и входятъ въ него какъ составной элементъ.¹

Итакъ, возбуждать національныя особенности на прежнемъ основаніи значитъ идти наперекоръ началу общенія народовъ. Религія и языкъ могутъ сближать членовъ различныхъ государствъ, но не производятъ между ними вражду.

Къ этому присоединяются матеріальныя интересы, которые имѣютъ большое значеніе. Желѣзныя дороги и телеграфы, обмѣнъ продуктовъ, свободная торговля, столь желанная для всѣхъ, связываютъ народы и ставятъ ихъ во взаимную зависимость. Передъ этими двигателями гражданственности чувство національности должно умолкнуть. Наконецъ, географическія условія часто противорѣчатъ племеннымъ раздѣленіямъ. Трудно сказать вообще, гдѣ должны быть проведены естественныя границы государства; но всякій согласится, что онѣ идутъ не по линіи народностей. Въ исторіи мы замѣчаемъ постоянное стремленіе государствъ пробиться къ морю, найти выходъ для сближенія съ отдаленными частями свѣта, и это стремленіе такъ сильно, что оно не можетъ быть удовлетворено иначе какъ приобрѣтеніемъ всего теченія рѣки или приморскаго порта. Государство, чувствующее потребность общенія, не остановится передъ тѣмъ, что на пути его встрѣтится чужая народность, и будетъ стараться о ея подчиненіи. Съ другой стороны, племя, раздѣленное естественными преградами, напрасно будетъ пытаться образовать изъ себя одно цѣлое: Баски, поселившіеся на противоположныхъ склонахъ Пиринеевъ,

¹ Впрочемъ языкъ самъ по себѣ не составляетъ національности. Языкъ есть одинъ изъ способовъ сохранять національность; но она заключается не въ языкѣ, а въ самостоятельномъ развитіи, которое различіемъ языка въ настоящее время менѣе обезпечено чѣмъ когда-нибудь. Этушецъ, *Der Einfluss der herrschenden Ideen*. Leipzig, 1854. I 141. Замѣчено, что послѣдними, говорившими на вымершемъ языкѣ, были всегда женщины, жизнь которыхъ сосредоточена преимущественно въ семьѣ.

естественно должны были отойти частью къ Франціи, частью къ Испаніи; то же повторилось и съ Савойцами, именно въ ту минуту, когда Италіяны съ такимъ энтузіазмомъ подняли знамя національности. Еще труднѣе было бы установить отдѣльную политическую форму для каждой національности, тамъ гдѣ онѣ перемѣшались географически, какъ напримѣръ въ Венгріи. Даже самые горячіе защитники народныхъ границъ отказываются провести ихъ здѣсь, и соглашаются на пожертвованіе своимъ идеаломъ.

Но и помимо этихъ условій, для общенія государствъ, и слѣдовательно для всеобщаго мира, весьма важно, чтобы не только національности, но и государства отказались отъ своей исключительности. Въ этомъ случаѣ, племенные сочувствія могутъ послужить основаніемъ связи. Мы видимъ, что они дѣлали возможною болѣе тѣсную федерацію и создавали общую систему политики. Конечно, это самое обстоятельство иногда служитъ поводомъ къ враждѣ, какъ напримѣръ въ вопросѣ голштинскомъ. Но трудно рѣшить, что стоитъ на первомъ планѣ въ приведенномъ примѣрѣ—вопросъ ли національный, или желаніе приобрести побережье моря. На нашихъ глазахъ совершается теперь, въ Америкѣ, ожесточенная междуусобная борьба, поднятая вовсе не во имя національности, а изъ экономическихъ, политическихъ, нравственныхъ интересовъ. Уже самый фактъ междуусобій говоритъ противъ того значенія, которое придаютъ національности въ дѣлѣ общаго замиренія. Едва ли не самыя кровавыя войны были тѣ, въ которыхъ врагами были единоплеменники.

Можетъ-быть,—и это предположеніе имѣетъ свое основаніе,—при совпаденіи національныхъ и политическихъ границъ, въ обществѣ государствъ не доставало бы того движенія, которое оживляетъ его. Лица измѣняютъ подданство, натурализуются, не считая этого измѣною крови; живя подъ одними законами, сознавая себя членами одного цѣлаго, различныя племена имѣютъ болѣе случаевъ взаимнаго вліянія, отчего безспорно выигрываетъ идея общечеловѣческаго. Напротивъ, при совпаденіи границъ, каждое государство обособлялось бы рѣзко и становилось бы легче во враждебныя отношенія къ сосѣду.

Международный союзъ есть продуктъ политической жизни, а не племенныхъ столкновеній. Безъ политической связи не мыслимо никакое общество, и племена, не выработавшія го-

сударственного начала или оказавшіяся неспособными къ нему, исчезли безъ слѣда.¹ Кельты, устранившіе безстрашный Римъ, прошедшіе до Малой Азіи, не внесли ничего въ общую сокровищницу гражданственности. Только въ политической формѣ своей народъ является членомъ великаго общества государствъ, гдѣ полное равенство такъ же не достижимо, какъ и для людей въ отдѣльномъ государствѣ. Отвлеченное стремленіе къ этому равенству нарушило бы существующій фактъ общности и сдѣлало бы его невозможнымъ. Национальныя притязанія всегда содержатъ въ себѣ мысль о господствѣ, и потому они часто бываютъ лишены всякой мѣры. Для нихъ нѣтъ иного разрѣшенія кромѣ войны, и никакой посредникъ не въ состояніи былъ бы разрѣшить всѣ племенные тяжбы, которыя возникаютъ на различныхъ основаніяхъ. Национальность выставляется всегда титуломъ права, когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи и господствѣ прямою или косвенною; но не было примѣра, чтобы поднять былъ вопросъ о ней, когда требуется уступка.² Невозможно представить себѣ, чтобы національность послужила основою общаго мира. „Слово, которое служитъ призывомъ на брань, говоритъ венгерскій публицистъ, никогда не сдѣлается формулою мира; пусть успокоятся умы, и тогда изъ стремленій настоящаго можетъ выйдти такое положеніе дѣлъ, которымъ удовлетворено будетъ человѣчество.“ Международное общеніе, основанное долгою исторіей, продуктъ великихъ событій и многообразныхъ вліяній, поколебалось бы въ своихъ основахъ, еслибы, испровергая все прошлое, предпринять перестройку его по какому-либо одностороннему, логическому масштабу. Укрѣпленіе связи, примиреніе существующихъ интересовъ, — вотъ къ чему ведетъ цивилизація; свобода во всѣхъ ея проявленіяхъ, уваженіе къ праву

¹ C. Frantz Vorschule zur Physiologie der Staaten. Berlin. 1857. p. 86. Ohne politische Organisation hat die Nationalität keine Kraft; sie zerfließt nach allen Seiten.

² Графъ Рачинскій: L'Allemagne et le droit des nationalités. Paris. 1861. p. 12. „A côté du sentiment patriotique précis qui sert à définir les peuples, nous avons vu naître chez les Allemands l'idée informe et matérialiste de la race“. Этотъ упрекъ Нѣмцамъ можно бы обратить и ко многимъ соотечественникамъ автора. Ср. Порошкинъ: Une nationalité contestée. Paris. 1862.

³ Eötvös. Der Einfluss etc I. 153.

лица и его гарантіи служатъ основою общежитія, а не вражда, которая неминуемо возникнетъ при появленіи нова неяснаго титула отношеній.

Но каковы бы ни были притязанія національностей, ихъ политическія права, какъ и всѣ права такого рода, требуютъ силъ. Въ существѣ своемъ всякое право есть выраженіе силы; въ международномъ союзѣ это высказывается болѣе наглядно¹. Каждое государство старается оградить свою независимость собственными средствами, въ самомъ себѣ,—и то что иногда принимается какъ стремленіе національное есть въ сущности стремленіе къ прочному обезпеченію политическаго организма. Какъ бы ни были велики гарантіи представляемыя общежитіемъ они важны на столько, на сколько даютъ просторъ самостоятельности и возможность достигнуть независимости. Къ государству начало это прилагается вполне.

Съ этой точки зрѣнія, національность получаетъ иное значеніе. Сама по себѣ, она не есть государство, а только матеріалъ для политической организаціи; но отъ свойствъ этого матеріала зависитъ прочность и сила зданія. Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ сплоченнѣе народъ, чѣмъ болѣе точекъ соприкосновенія между частными лицами и властью, чѣмъ крѣпче эта взаимная связь, тѣмъ вѣрнѣе обезпечено спокойствіе государства внутри, тѣмъ вѣрнѣе обезпеченъ отпоръ, которымъ можетъ оно встрѣтить всякое нападеніе извнѣ. Вышъ замѣчено, что для мирнаго общежитія принадлежность одной народности къ разнымъ государствамъ представляетъ весьма много удобствъ. Но эти удобства существуютъ только подъ условіемъ мирнаго отношенія народностей, когда различкія черты гражданственности, ни религія, ни преданія не ставятъ между ними непреодолимыхъ преградъ. Если жъ внутри государства происходитъ разладъ народностей, то оно неминуемо повлечетъ за собою обезсиленіе политическаго организма. Турція, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, предоставленная самой себѣ, не въ состояніи была бы выдержать борьбы ни съ однимъ государствомъ, которое числительно слабѣе ея. Но и въ время мира политическое общество теряетъ свой вѣсъ и значе-

¹ Froebel, Theorie der Politik, Wien, I. 22. „Право и могущество не случайно, а по самой сущности своей, находятъ въ связи между собой. Сила, будучи признакомъ, превращается въ право, а признакомъ право превращается въ силу: въ первомъ случаѣ фактъ становится принципомъ, во второмъ—принципъ фактомъ.“

не въ международномъ союзѣ, если колеблется его внутренняя крѣпость. Мы видимъ примѣры того, какъ здоровый организмъ государства, его свободныя учрежденія, ставятъ его на степень первоклассной державы, даютъ ему вліяніе, и какъ наоборотъ распавшіяся внутреннія связи низводятъ когда-то сильныя страны на низшую степень международнаго значенія.

Итакъ, сплошная, однородная или амальгамированная національность есть одно изъ существенныхъ условій силы государства. Когда весь народъ говоритъ и дѣйствуетъ какъ одинъ чело-вѣкъ, когда всѣ интересы его совпадаютъ, тогда легко обозначается то что называютъ обыкновенно національною политикою, и правительство твердымъ шагомъ можетъ идти къ ея осуществленію. Чувство патриотизма служитъ для народа мотивомъ пожертвованій; оно собираетъ государство въ органическое цѣлое, которое отъ внѣшнихъ ударовъ крѣпнетъ еще болѣе. Иное положеніе государства, гдѣ правительство постоянно должно считаться съ разнообразными интересами, уравновѣшивать ихъ или требовать взаимныхъ жертвъ. Противорѣчія и трудности встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагѣ; они становятся еще глубже и неразрѣшимѣе, если власть, въ страхѣ за свое существованіе, прибѣгаетъ къ опасной мѣрѣ возбужденія одной части народонаселенія противъ другой. Политическій индифферентизмъ, отсутствіе чувства тѣсной связи общихъ интересовъ, лишаютъ государство той свѣжести и бодрости силъ, той увѣренности въ дѣлѣ, которыя для него необходимы. Когда замираетъ патриотизмъ, хотя бы мѣстный, и общество теряется въ отвлеченіяхъ, тогда тускнѣетъ и изглаживается его политическая жизнь. „Греки, говоритъ одинъ писатель, оставались свободнымъ народомъ, пока существовало между ними національное соперничество; каждое государство имѣло свой центръ патриотизма, но всѣ они готовы были соединиться противъ общаго врага: потеря этого чувства общей связи и общихъ обязанностей совпадаетъ съ покореніемъ Грековъ Римлянами; они разсѣлялись по Европѣ, когда одѣлались по преимуществу космополитами древняго міра“. ¹ То же можно сказать и объ Италіи въ XVIII

¹ The Progress of Nations. London, 1861, г. 429. Этимиъ доказываетъ необходимость для Австріи поддерживать мѣстный патриотизмъ, такъ какъ она держится на исторіи. Эту мысль она развиваетъ въ своемъ сочи-

вѣкъ. Вотъ почему совершенно естественно стремленіе государствъ слить въ одно цѣлое разнообразныя элементы своего народонаселенія, — стремленіе, которое можетъ увѣнчаться успѣхомъ въ долгій періодъ времени и при благоприятныхъ политическихъ условіяхъ. Такъ сложилась не одна историческая народность, нравственною силою достигшая нравственнаго союза.

Но въ этомъ великомъ процессѣ могутъ встрѣтиться непреодолимые препятствія. Они состоятъ не въ языкѣ, не въ религіи, не въ крови, а въ историческихъ преданіяхъ народности, поддерживающихъ и укрѣпляющихъ ея особенную личность.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ новою силою. Въ самомъ дѣлѣ, вѣра въ великое будущее, въ высокое предназначеніе, получаетъ твердую почву въ прошедшемъ. Подъ звуки народныхъ пѣсень о подвигахъ предковъ воспитывается сознаніе о мощной натурѣ племени; народныя легенды о славномъ быломъ зараждаютъ въ душѣ мысль о поддержаніи стародавней славы; гдѣтопись государственнаго строенія и подвиговъ гражданственности даетъ крѣпкую увѣренность въ дальнѣйшихъ успѣхахъ на томъ же пути; наконецъ сказаніе объ испытанныхъ невзгодахъ и бѣдствіяхъ закаляетъ на новую борьбу. Въ своемъ прошедшемъ народъ черпаетъ силы, собирающія его вокругъ одного знамени; это здоровый консерватизмъ съ уваженіемъ и любовью относящійся къ прожитому, во имя того что предстоитъ пережить. Исторія становится здѣсь правомъ, по скольку она даетъ силу. Только такія историческія права могутъ придать національности политическій характеръ. Къ нимъ обращаются правительства, когда нужно возбудить и оживить патриотическое чувство на борьбу; на нихъ основываются и теоретическія построенія.¹ Народность чувствуетъ себя живымъ цѣлымъ и выставляетъ часто свое прошедшее какъ юридическую хартію, какъ дипломъ на самостоятельность.

Какъ разрѣшить столкновеніе въ этомъ случаѣ между преданіями исторіи и новою исторіею, въ которую та или другая народность утратила свою самостоятельность? Конечно.

mein: Die Garantien der Macht und Einheit Oesterreichs. Leipzig, 1859, p. 77—79.

¹ M. Deloche, Du principe des nationalités. Paris, 1860. Vegetzi-Rucalla, Che cosa e nazione. Torino, 1854.

все здѣсь зависитъ отъ отношенія между двумя правами, вызванными на борьбу, исходъ которой даетъ силу тому или другому.

Если вѣковыя историческія преданія глубоко вкоренены въ народѣ, если они поддерживаютъ постоянно особенность одной части государства и неудержимо влекутъ ее къ возстановленію прошлаго, то они окажутся постоянно раздѣляющимъ элементомъ политическаго организма, истощающимъ его силы. Тогда для государства выгоднѣе отдѣлится отъ себя то что составляетъ для него источникъ слабости. Всякое упорство въ поддержаніи прежней связи будетъ напрасною потерей силъ. Напротивъ, кажущееся пожертвованіе въ такомъ случаѣ вознаградится скоро; сила государства обновится съ избыткомъ; общество станетъ крѣпче и свободнѣе.

Таково ли положеніе національности отдѣляющей? Для нея наступаетъ рѣшительная критическая минута въ жизни. Великія событія требуютъ великихъ силъ и великихъ дѣятелей. Не довольно еще въ порывѣ увлеченія разрушить существующее; восторгъ первой минуты свободы утихнетъ передъ зрѣлою мыслію о томъ, какъ пользоваться и упрочить эту свободу. Необходимо, чтобы народъ имѣлъ ясное сознаніе о своей способности къ политической организаціи; иначе вмѣсто свободы его ждетъ новое иго тяжеле прежняго. Спокойная увѣренность и сознаніе силъ для жизни составляютъ необходимое ея условіе; безъ этого, отвлеченныя стремленія не получаютъ своего дѣйствительнаго выраженія, и останутся на степени порывовъ, способныхъ только возбуждать общество, а не удовлетворить его требованіямъ. Вотъ почему Манчини, впервые положившій національность въ основу международного права,¹ не ограничиваетъ ее естественными и историческими условіями, общностью территоріи, происхожденія и языка. „Эти элементы, говоритъ онъ, составляютъ бездушное тѣло, способное къ жизни, но еще безъ ея духа. Въ чемъ же можетъ состоять этотъ живой духъ, это божественное завершеніе народнаго бытія, это начало видимаго существованія націи? Его составляетъ сознаніе національности, чувство, которое она имѣетъ о самой себѣ и которое дѣлаетъ ее способною сложиться внутри и проявить себя

¹ Mancini, Della nazionalità come fondamento del diritto delle genti. Torino. 1851. p. 50.

внѣ.“ Только съ такимъ сознаніемъ можно домогаться отдѣльной политической жизни.

Мы приходимъ слѣдовательно опять къ выраженію силы, какъ основанію международнаго права. Безъ этой силы, существованіе каждаго государства будетъ шатко. Международная опека не руководствуется симпатіями; она отзывается только на голосъ собственныхъ интересовъ и уважаетъ только силу совершившагося факта, не обращая вниманія ни на благородство первыхъ порывовъ, ни на первыя блестящія грезы.

Таково послѣднее слово международнаго права. Оно признаетъ всякій сильный фактъ и требуетъ совершеннolвтія народнаго. Кто хочетъ признанія, у того спрашивается его право на признаніе—не въ буквѣ старыхъ документовъ, а въ живой силѣ настоящаго. „Моментъ перехода отъ обычнаго состоянія къ новому, замѣчаетъ Этвель, для народовъ какъ и для отдѣльныхъ лицъ, всегда труденъ; есть одно средство сократить его: нужно признать существующее и имѣть въ виду, что будущее вытекаетъ не изъ прошедшаго, а только изъ настоящаго, и что поэтому исходнымъ пунктомъ для насъ въ дальнѣйшихъ стремленіяхъ должны служить отношенія настоящаго.“¹ Право претендентовъ на самостоятельность то же что и право претендентовъ на престолъ; ихъ послѣдствія одни и тѣ же.

Но говоря о силѣ, какъ основѣ международнаго права, мы должны имѣть въ виду отличие ея отъ насилія. Послѣднее не совмѣстимо съ свободою, и выражается въ формѣ вмѣшательства. Не допуская развитія живой силы, подавляя ее, поддерживая искусственно цѣлость государства, вмѣшательство становится на сторонѣ безсилія противъ дѣйствительной силы и слѣдовательно нарушаетъ законъ международной жизни. Можетъ-быть это безсиліе выгодно для того или другаго государства, но въ международномъ быту оно оказывается всегда вреднымъ, потому что препятствуетъ правильному ходу мирнаго развитія. Какъ внутри государства всякая излишняя административная централизація и вмѣшательство парализируютъ тѣ силы, которыя лежатъ въ обществѣ, такъ и вмѣшательство международное становится насиліемъ, не даетъ вполнѣ выразиться „совер-

¹ Eötvös, Die Garantien, p. 209.

жившемуся факту.“ Все равно, будетъ ли внимательство направлено противъ національности или противъ другихъ элементовъ государственной жизни, оно всегда окажется насиліемъ. Точно также насиліемъ окажется дѣйствіе государства, когда оно, видя невозможность саянія разнородныхъ элементовъ народонаселенія, станетъ сдерживать его механически, однимъ внѣшнимъ гнетомъ.

Таковы общія начала международного права въ приложеніи къ національности. Не отвергая ея значенія, какъ матеріала для политическаго творчества, мы не можемъ признать исключительно за нею силу этого творчества. Если призвать безусловно политическія права за національнію, то можетъ-быть съ большимъ основаніемъ слѣдовало бы признать эти права за религіозными вѣрованіями¹ и всякими элементами политической жизни. Мы не находимъ ни у одного изъ писателей, даже съ особенною настойчивостью выставляющихъ принципъ національности, чтобъ они безусловно признавали ея политическія права. Всегда національность дополнялась какими-либо другими условіями: историческими преданіями, территоріальными требованіями, религіозными вѣрованіями и т. п. Никогда мыслители, желавшіе всеобщаго мира, не искали осуществленія его въ принципѣ племенной національности.² Проповѣдникамъ согласія и взаимной любви было чуждо понятіе о такомъ началѣ, которое служитъ орудіемъ господства и вражды. Перестраивать государства, передѣлывать карту Европы на такомъ неопредѣленномъ основаніи, вызывающемъ на борьбу, значитъ утверждать надолго всеобщій раздоръ.

Поэтому напрасно графъ Маміани назвалъ свое изслѣдованіе о народѣ и его самодержавіи (*sovranità*) *новымъ правомъ Европы*.³ Хотя это сочиненіе по преимуществу относится къ государственному праву, но авторъ отчасти коснулся и права международного. По его мнѣнію, только добровольное присоединеніе одной національности къ другой,

¹ Джонъ Стюартъ Милль дѣйствительно доказываетъ, что мормонны имѣютъ право политической независимости даже на чужой территоріи. *On Liberty*, London, 1859, p. 265.

² Доказательствомъ служатъ всѣ проекты вѣчнаго мира и между прочимъ сочиненіе Прудона: *La guerre et la paix*.

³ Т. Mamiani, *D'un nuovo diritto europeo*. Torino. Ср. обоемъ стр. 40 и 258.

въ общемъ политическомъ организмѣ, обязательно для нея; въ противномъ случаѣ народъ можетъ, по своему выбору, или основать особенное государство, или сдѣлаться частію государства уже существующаго. Но на какой части народа остановиться въ этомъ случаѣ? И какимъ непрерывнымъ колебаніямъ подверглась бы политическая жизнь государствъ, еслибъ ихъ границы не имѣли ничего прочнаго и зависѣли отъ произвола и вліянія нѣсколькихъ лицъ? Государства допускаютъ перемѣну подданства и натурализацію; но международный союзъ пришелъ бы въ состояніе анархіи, еслибы легко разрывалась политическая связь государствъ, и желаніе нѣсколькихъ признавалось силою. Всегда легко найти внѣшнія формы, которыя польстятъ народному самолюбію и прикроютъ собою иныя цѣли. Всѣмъ извѣстно, какимъ путемъ совершались присоединенія, *аннексаціи*, въ которыхъ рѣшеніе предоставлялось всеобщей подачѣ голосовъ, и какъ легко было орудовать этою мнимою силою. Но, рано или поздно, скажутся истинныя потребности политической жизни, и государства станутъ группироваться на основаніи всѣхъ сложныхъ и многообразныхъ условій и потребностей, которымъ они должны удовлетворять.

Такимъ образомъ, исключительное начало національности не въ состояніи удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ международное общечитіе. Оно не даетъ само по себѣ силы, а является силою только въ политической формѣ; оно не ведетъ къ миру, а служитъ причиною раздора. Племенная національность не была основою стараго права и не можетъ быть принята въ основу теоріи новаго права. И прежде, и теперь, правительство и отдѣльныя лица обращаются къ національности, когда имъ нуженъ боевой кличъ, когда дѣло идетъ о борьбѣ, о возбужденіи силъ. Но такія исключительныя положенія въ народной жизни могутъ быть только временныя. Нормальныя отношенія государства не могутъ основываться на нихъ. Признавая національность однимъ изъ существенныхъ элементовъ политической жизни, наука международного права никакъ не можетъ принять этотъ элементъ въ смыслъ исходнаго пункта для своихъ построеній и своей теоріи.

М. КАПУСТИНЪ.

СИБИРСКАЯ ТАЙГА.

(П. В. Чебыкину.)

Есть убѣжденіе, что Сибирь, хотя страна и холодная, но зато богатая, что это наше русское Эльдorado, гдѣ смѣлаго искателя ждетъ и счастье и богатство. Поддавшись этому обольстительному убѣжденію, я полетѣлъ туда искать счастья, и для перваго дебюта поступилъ *довѣреннымъ* на службу въ одну богатую золотопромышленную компанію, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о сибирской жизни, ни о людяхъ, съ которыми приводилось мнѣ имѣть дѣло, ни о золотопромышленности, къ которой предназначалъ себя. На новомъ поприщѣ, первый шагъ мой былъ, командировка въ *тайгу*, въ партію, назначенную для развѣдки приисковъ. Въ этой партіи, состоящей изъ пятидесяти человекъ рабочихъ, кромѣ меня, уже находились двое опытныхъ, знающихъ дѣло, довѣренныхъ, подъ начальство которыхъ я и долженъ былъ поступить.

I.

16-го апрѣля, 1859 года, оставивъ главный приискъ нашей компаніи, въ сопровожденіи конюха, который велъ лошадь навьюченную моими пожитками, рано утромъ, я отправился на Б—скій приискъ, гдѣ была расположена партія. Погода была самая веселая: шелъ дождь, снѣгъ таялъ и ручьями бѣжалъ съ горъ, ледъ на рѣкѣ синѣлъ, въ воздухѣ былъ разлитъ тотъ неудовимый ароматъ, который составляетъ всю прелесть весенней погоды. Дорога была ужасная. Мы пробирались почти шагомъ, то по берегу быстрой рѣки, то по вершинѣ крутой

горы. Мѣстами дорога шла или по обрыву, или спускалась въ ложбину, или пересѣкала ручей, превратившійся отъ весеннихъ водъ въ порядочную рѣчку. Грязь—чуть не по брюхо лошади, глубокія выбоины, камни и пни: повидимому, на въ какомъ экипажѣ нельзя было бы проѣхать по этой дорогѣ. Однако золотопромышленники ухитряются и тутъ ѣздить на двухколесныхъ кабриолеткахъ. Видно и здѣсь русское *авось* помогаетъ!

Послѣ трехчасоваго путешествія (хотя проѣхали всего пять верстѣ) мы стали подъѣзжать къ прииску. Чтобы попасть на мѣсто, гдѣ была расположена партія, мы должны были своротить съ дороги и спуститься, чуть-чуть не по отвѣсному склону горы, на поляну, гдѣ стояли балаганы. Путь былъ не легкій. Лошади проступались въ подтаявшемъ, рыхломъ снѣгу, который въ иныхъ мѣстахъ, лежа огромными сугробами, закрывалъ пни, камни и колоды, и наши лошади безпрестанно спотыкались на нихъ. Здѣсь малѣйшая неловкость грозила паденіемъ.

— Ну, слава Богу, вотъ и пріѣхали! вдругъ громко проговорилъ безмолвный доселѣ конюхъ.

— Развѣ здѣсь партія?

— А вотъ, только выѣдемъ изъ лѣска, тутъ и есть! отвѣчалъ онъ, вѣзжая въ такую трущобу, что я, слѣдуя за нимъ, никакъ не могъ понять, какимъ это образомъ проберемся мы чрезъ такую чащу.

Однако все обошлось благополучно, кромѣ только того что одна пола моего войлочнаго пальто осталась на суку, да шальная вѣтвь, не ловко спущенная конюхомъ, едва не сбила съ меня шапку. Наконецъ, мы выѣхали на довольно большую поляну, лежащую подъ крутыми, обрывистыми, почти перпендикулярными утесами хлористоваго сланца, съ густымъ лѣсомъ на вершинѣ. Четыре большіе балагана, построенные изъ жердей и покрытые толстымъ слоемъ хвои и вѣтвей, составляли временное жилище рабочихъ. Пятый, не очень большой балаганъ, выстроенный у самаго берега рѣчки, былъ назначенъ для довѣренныхъ. Близъ него помѣщалась кухня, то-есть на вѣтвяхъ двухъ деревъ была утверждена толстая перекладина, и на ней висѣли два большіе котла, да нѣсколько маленькихъ, въ которыхъ варились солонина. У этой кухни хлопоталъ грязный, закопченный

работникъ, выбранный артелью въ кашевары. Видъ кругомъ былъ самый пустынный. Всюду видѣлись лишь высокіе горные хребты, или покрытые густымъ лѣсомъ, или бѣлѣющіе своими снѣжными вершинами. Только въ одномъ мѣстѣ горы какъ будто раздвигались и выпускали изъ себя рѣку, покрытую уже посидѣвшимъ льдомъ. Рѣка, сдѣлавъ передъ поляною крутой поворотъ, исчезала въ густомъ лѣсу. Картина была дикая, и не представлялось ни одной точки, на которой можно бы было съ отрадой остановить взоръ. Звонъ маленькихъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, которые по сибирскому обыквенію привѣшиваются на шею лошадей, частью изъ щегольства, частью для отогнанія съ пути *звѣря* (такъ въ Сибири называютъ медвѣдя), оторвалъ кашевара отъ его занятія. Онъ обернулся, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на приближавшихся всадниковъ. Нашъ шумный пріѣздъ вызвалъ изъ балагана, гдѣ помѣщались служащіе, еще и другую фигуру. Оттуда вышелъ человекъ высокаго роста, плечистый, довольно красивый, одѣтый въ дубленый полушубокъ, длинные таежные сапоги и въ высокую армянскую шапку. На видъ ему нельзя было дать болѣе сорока лѣтъ, хотя ему, какъ я узналъ послѣ, было далеко за пятьдесятъ. Конюхъ сообщалъ, что это довѣренный, Дмитрій Яковлевицъ К — нъ. Я слѣзъ съ лошади. Мы раскланялись, и я объяснилъ ему съ какою цѣлію приславъ въ ихъ партію. Онъ выслушалъ меня холодно.

— Ну, учитесь, учитесь! Ступайте пожалуй смотрѣть, какъ работаютъ. Пойдемте вмѣстѣ; кстати я иду на шурфы.

Я воспользовался его приглашеніемъ, и мы отправились. Тропинка была узкая, и мы должны были идти другъ за другомъ: онъ впередъ, я за нимъ. Храня глубокое молчаніе, подошли мы скоро къ мѣсту работъ. Онъ производился только на одномъ шурфѣ, по случаю большаго притока воды. Половина людей работала у шурфа; другая отдыхала, сидя у разведеннаго огня. Въ толпѣ рабочихъ, одѣтыхъ въ лохмотья, я примѣтилъ человека лѣтъ восьмидесяти, стоявшаго у шурфа и пристально смотрѣвшаго въ его глубину. На совершенно посѣдѣвшей головѣ этого человека была надѣта какая-то странная шапка, не то монашескій клобукъ, не то скуфейка; теплое пальто покрывало его тѣло, а носъ освѣщенъ былъ серебряными очками. Я спросилъ моего спут-

ника: „кто это?“ и получилъ въ отвѣтъ, что это Александръ Мартыновичъ А—евъ, другой довѣренный компаніи.

Дмитрій Яковлевичъ К—нъ, какъ я уже сказалъ, былъ мушкетеръ за пятьдесятъ, высокій, стройный и крѣпко сложенный. Лицо его, чрезвычайно хорошо сохранившееся, было еще очень красиво; большіе, черные, блестящіе глаза выражали силу воли и энергію. Занимаясь почти съ малолѣтства золотопромышленностію, онъ отличался неутомимѣйшею дѣятельностію при поискахъ, знаніемъ тайги и дѣла, привычкою переносить всѣ неудобства таежной жизни со всѣми ея невзгодами и лишеніями. Никто лучше его не умѣлъ отыскать какую-нибудь ничтожную рѣчку въ лабиринтѣ сибирскихъ рѣкъ и горъ, добраться до ней кратчайшимъ путемъ, заявить площадь въ мѣстности, гдѣ показалось золото, поставить столбъ подъ носомъ у другой партіи, обмануть довѣренняго чужой компаніи и ложною рекогносцировкой отправить его въ противоположную сторону. Какъ истый Сибирякъ, онъ имѣлъ свой взглядъ на вещи, и будучи въ сущности весьма честнымъ человѣкомъ, былъ убѣжденъ, что въ дѣлѣ золотопромышленности всѣ средства позволительны, лишь бы они вели къ прямой цѣли: отысканію золота. Онъ былъ вовсе не образованъ, едва умѣлъ читать, мало говорилъ, за то много дѣлалъ. Онъ былъ грубъ, необщителенъ, и не очень любимъ рабочими за ту суровость и строгость, съ которыми требовалъ точнаго исполненія ихъ работъ. Тѣ изъ золотопромышленниковъ, которымъ, по мѣстному выраженію, онъ успѣлъ насолить, то-есть либо отнялъ площадь, либо какъ-нибудь обманулъ, сильно бранили его за глаза, что однако не мѣшало всѣмъ считать его дѣльнымъ человѣкомъ и стараться всѣми мѣрами перетянуть къ себѣ на службу.

Другой довѣренный, Александръ Мартыновичъ А—евъ, былъ человѣкъ совсѣмъ другаго рода. Случайно заброшенный въ Сибирь, онъ принадлежалъ къ числу такъ-называемыхъ „несчастныхъ“, или попросту, ссыльныхъ. Нѣкогда, еще при покойномъ Лазаревѣ, служилъ онъ во флотѣ, отличался въ турецкую кампанію, былъ штурманомъ, и потомъ, за какое-то преступленіе, былъ подвергнутъ военному суду, разжалованъ и сосланъ безъ срока въ каторжную работу. Потомъ участь его была облегчена, и онъ приписанъ въ число поселенцевъ. Не берусь сообщить читателю, что за преступленіе совершилъ Александръ Мартыновичъ, хотя онъ много разъ, съ чрезвы-

чайною охотой и съ подробностями, разказывалъ этотъ эпизодъ своей жизни. Каждый разъ въ его разказѣ была такая обивчивость и столько противорѣчій, что никакъ нельзя было составить ничего цѣлаго. Вообще видно было, что и дѣта, и тяжелый опытъ его жизни, имѣли сильное вліяніе на его умственные способности. Его мысли были всегда въ какомъ-то хаосѣ. Изъ всего, что онъ зналъ и видѣлъ,—а видѣлъ онъ много, посѣтивъ въ молодости много странъ — онъ вынесъ очень смутныя воспоминанія, и въ своихъ разказахъ перепутывалъ и перемѣшивалъ разныя происшествія. Попавъ въ Сибирь, онъ какъ-то сумѣлъ приобрести довѣренность нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, былъ управляющимъ, ходилъ въ розыскныя партіи и ознакомился съ Тайгой и ея жизнью. Но пристально вглядываясь въ его дѣйствія, прислушиваясь къ его словамъ, сейчасъ же можно было видѣть разницу между нимъ и К—мъ. Одинъ, не хвастаясь, не выставляясь, былъ что называется мастеръ своего дѣла. Другой, безпрестанно повѣствуя о своихъ подвигахъ и на сушѣ, и на морѣ, о своихъ походахъ въ Тайгу, при дѣлѣ являлся человѣкомъ болѣе говорящимъ чѣмъ знающимъ, безъ той энергіи, которая видна была въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ К—на.

И вотъ, подъ руководствомъ этихъ-то господъ, имѣвшихъ передо мной огромныя преимущества знанія, соединеннаго съ опытностію, я долженъ былъ начать свое новое поприще.

Я сказалъ, что къ мѣсту работъ мы подошли въ то время, когда половина людей отдыхала у разведеннаго огня. Зная изъ разчетныхъ листковъ, которые я привезъ съ собой, что эта партія, въ которой считается до пятидесяти человѣкъ, состоитъ по большей части изъ ссыльно-поселенцевъ, и что мнѣ придется прожить съ ними все дѣто, я нетерпѣливо желалъ поближе познакомиться съ моими будущими сотрудниками. Первый взглядъ на эту разнохарактерную, оборванную толпу произвелъ во мнѣ грустное и болѣзненное чувство. Въ кружку людей, сидѣвшихъ у огня, шелъ повидимому оживленный разговоръ. Слышался хохотъ и голоса спорящихъ. Я подошелъ къ огню, сѣлъ на колоду и сталъ прислушиваться. Предметомъ ссоры были два съ азартомъ спорившіе между собой рабочіе, которыхъ товарищи, для своей потѣхи, поджигали къ продолженію спора.

— Ужь какъ я примусь за дѣло, такъ и комаръ носу не подточить!.... Тебѣ и во снѣ не видать!

— Чтобъ тебя язвило!.... отвѣчалъ товарищъ, пустивъ въ него цѣлую кучу самыхъ отвратительныхъ ругательствъ.— Да хватитъ ли въ твоей башкѣ мозгу?

— Ахъ, ты варнакъ, такой, сакот!...—И пошла потѣха.

Незнакомый еще съ языкомъ и особыми выраженіями сибирскихъ рабочихъ, я долго не могъ понять о чемъ идетъ рѣчь.... Каково же было мое изумленіе, когда наконецъ я узналъ, что рѣчь идетъ о ловкости, съ которою одинъ лучше другаго сумѣетъ обдѣлать дѣльце, скрыть слѣды, и обмануть кого угодно. Пораженный и удивленный темой разговора, я пристально сталъ всматриваться въ фигуры спорившихъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, худой, рыжій мужикъ, лѣтъ сорока, съ сѣрыми плутовскими глазами, съ худощавымъ лицомъ, обрамленномъ рѣдкими рыжими бакенбардами и такою же клинообразною бородой, съ острымъ носомъ и тонкими губами. Онъ былъ въ какомъ-то кафтанѣ, у котораго не доставало цѣлой полы, въ синей лабдой рубахѣ, такихъ же шароварахъ, покрытыхъ заплатками, и въ бараньей истертой шапкѣ. Звали его Тимошей Юткевичъ. Выглядывалъ онъ истиннымъ плутомъ, способнымъ на все. Другой былъ маленькій, вертлявый, гладко обстриженный, съ узенькими глазами, курносый и рябой. Одежа его была не лучше одежды товарища, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что бродни и шаровары были густо покрыты грязью. Окружающая группа тоже не могла развеселить взоръ: измученныя, измученныя лица, оборванная одежда, наглость въ разговорѣ и обращеніи.

Среди самаго разгара спора, вдругъ съ шурфа закричали: „снѣга! снѣга!“ И вся толпа, шумя, толкаясь и бранясь, бросилась къ шурфу. На оставленное мѣсто подошли другіе работники и расположились также какъ и первые. Одни принялись отыскивать свободные чайники; другіе пошамъ за водой; иные, набивъ трубочки, закурили махорку. Вообще эти рабочіе походили на прежнихъ; только они менѣ шумѣли и кричали. Видно было, что люди эти, сильно утомившись на тяжелой работѣ, не пришли еще въ себя. Но вотъ, мало-по-малу, усталость прошла, и прежніе разговоры, шутки и остроты, съ примѣсью отвратительной брани, посыпались со всѣхъ сторонъ.

Около пяти часовъ вечера, рабочіе кончили свой урокъ и отправились на отдыхъ. Балаганы наши были такъ близко другъ отъ друга и постройка ихъ была такъ эфирна, что изъ одного балагана можно было слышать все что говорилось въ другомъ. Поужинавъ, рабочіе развели огни, и усѣлись въ своихъ балаганахъ. Уже темнѣло; и при красноватомъ свѣтѣ пяти большахъ костровъ, среди лѣсу, вблизи рѣки, подъ громадными, мрачными утесами, нашъ бивакъ представлялъ довольно красивую, оживленную, но дикую картину. Утомленные товарищи мои уснули, не обращая никакого вниманія на шумъ, смѣхъ и говоръ рабочихъ. Но я не спалъ; любопытство мучило меня. Хотѣлось поближе и поскорѣе познакомиться съ людьми.

Выйдя изъ своего балагана, я зашелъ въ ближайшій. Вотъ какая картина представилась мнѣ: у огня расположились человѣкъ десять; нѣкоторые грѣлись, иные курили трубки, такъ характеристически прозванныя носогрѣйками; другіе чинили свои платья; одинъ, снявъ съ себя рубашку и набросивъ на плеча изорванный *олякъ*, какъ-то подозрительно разсматривалъ свою одежду; двое спали, а одинъ рабочій, сидя важко по близости огня, на толстомъ полнѣиъ разказывалъ, для потѣхи компаніи, сказку о походеиіяхъ какого-то солдата. Такая картина, конечно съ нѣкоторыми отгнѣнами въ подробностяхъ, представлялась во всѣхъ балаганахъ. Въ одномъ сказка замѣнялась похвальбами въ томъ, кто что лучше своровалъ, и *опростоволосившійся*, какъ они выражались, подвергался дружному смѣху всей компаніи. Когда я вошелъ, предметомъ насмѣшки служилъ ссыльный Малороссъ съ глуповатою физиономіей, по фамиліи Черненко, сосланный за покражу пары воловъ.

— Эхъ, ты простофиля, простофиля! говорилъ ему смѣясь парель лѣтъ двадцати пяти, небольшого роста, шадровитый, съ пугловскими сѣрыми глазами:—эхъ, ты, простофиля! Волвъ схоронить не умѣлъ! Я и табунъ лошадей согналъ, да и то съ рукъ сошло.

— А вже здись... возразилъ Черненко.

— Эхъ ты дура! Важное дѣло, что здѣсь! За то такое дѣло обдѣлалъ, продолжалъ онъ,—что тебя бы, олуха, за него плетьюгами угостили, а я только розогъ отвѣдалъ.

Какъ новичокъ, я былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ и

слышаннымъ. Однако, въ послѣдствіи, присмотрѣвшись прислушавшись ко всему что дѣлалось вокругъ меня, я, добно моимъ товарищамъ, уже равнодушно слышалъ всѣ выходы и видѣлъ всѣ эти сцены. Мало того, люди эти, которымъ сперва я возымѣлъ чуть-чуть не отвращеніе, томъ пробудили во мнѣ совсѣмъ иное чувство. Сдѣлавши черезъ мѣсяць ихъ начальникомъ, одинъ среди этихъ работниковъ, собранныхъ сюда чуть не со всѣхъ концовъ и шей Руси, изъ которыхъ многіе очень хорошо извѣда на практикѣ какъ лучше и вѣрнѣе всадить ножъ, какъ выломать замокъ, обмануть, ограбить, я прожилъ въ двѣ пять мѣсяцевъ, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ слова участія и состраданія. Я полюбилъ душой этихъ людей, такъ справедливо называемыхъ *несчастными*. За то и рѣбочіе мои не остались въ долгу. Они отъ всей души платили мнѣ тѣмъ же, предупреждая всѣ мои желанія, работая усердно и слушаясь во всемъ. Я даже достигъ того, что они чисто сердечно, съ полною откровенностію, разказывали мнѣ грустные эпизоды изъ своей прошлой, часто преступной жизни.

Сидя въ балаганѣ, я часто думалъ, какъ легко написать приговоръ: *сослать въ Сибирь на поселеніе*, и этимъ самымъ рѣшить навсегда участь человѣка, оторвать его отъ родины, семьи, всего милаго и дорогаго, бросить въ другую сферу, къ другимъ людямъ, въ инныя условія и положенія жизни! Три слова, — и человѣку уже нѣтъ возврата въ тотъ уголокъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ свѣтъ Божій и узналъ первыя радости жизни. Грустно, — потому что рѣшеніе: *сослать въ Сибирь*, одинаково гремитъ и надъ головой мелкаго ворышки, не сумѣвшаго скрыть свое небольшое воровство, и надъ бродягой, не помнящимъ родства (когда онъ негоденъ въ арестантскія роты) и, быть-можетъ, отяготившимъ жизнь свою не однимъ, ловко скрытымъ, преступленіемъ, и надъ человѣкомъ идущимъ въ Сибирь по прихотливой волѣ помѣщика или по несовсѣмъ-то чистой волѣ своего общества. Конечно, въ Россіи, всѣ эти люди подвергаются разныхъ степеней наказаніямъ, и часто на жилистой рукѣ видишь роковую букву Б; но въ Сибири они терпятъ одинаковую участь. И бродягѣ, и ворышкѣ, и сосланному по чьей-либо волѣ — одинъ удѣлъ: бѣдность, безпріютность, трудовая жизнь и вѣчная разлука съ родиной, съ семь-

со всѣмъ что дорого и близко человѣческому сердцу. Имъ кажется (да впрочемъ и сами ссыльные сознаютъ это), что именно безнадежность возврата на родину отнимаетъ у нихъ много энергии и портитъ людей, которые, еще не успѣвъ терпѣть въ порокъ и развратъ, при другихъ условіяхъ, гдѣ бы еще выйдти на добрый путь.

Тюрьмы у насъ (особенно уѣздныя) не могутъ похвастать своимъ устройствомъ. Люди, попавшіе туда по какому то ни было случаю, не могутъ быть строго распределены по родамъ преступленій. Здѣсь соблюдается только раздѣленіе по вѣдомствамъ и званіямъ. Часто, въ одну меру сажаютъ арестанты, подозрѣваемые въ разнородныхъ преступленіяхъ, съ соблюденіемъ лишь того, чтобы гвстѣ не сидѣли соучастники по одному и тому же дѣлу. то же дѣлаетъ вся эта разнохарактерная компанія въ тѣни долгихъ дней своего заключенія?

Да ничего. Работать въ острогѣ нельзя. Арестантамъ не дозволяется имѣть никакихъ орудій. Правда, ихъ занимаютъ работами на острожномъ дворѣ, но на это употребляется лишь небольшое число заключенныхъ, и то на короткое время. Времени же остается много, особенно въ длинные зимніе вечера. Каждый можетъ мечтать, если склоненъ къ меланхолическимъ, ходить изъ угла въ уголъ, если любитъ движеніе, говорить, если любитъ болтать, спать, если можетъ постоянно спать въ теченіи многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ своего заключенія. Однако арестанты не унываютъ; они умѣютъ разнообразить свою жизнь. По увѣренію моихъ рабочихъ, въ острогахъ въ большомъ ходу азартныя игры, несмотря даже на бдительный надзоръ. Если нѣтъ картъ (тамъ гдѣ смотрятъ очень строго), то водится жюлька, нѣчто въ родѣ дѣтской юлы. „Въ острогѣ все можно дѣлать, говорили мои рабочие, было бы только чѣмъ подмазать конвойнаго; а то все удетъ шито да крыто“. Но любимое занятіе и препровоженіе времени въ острогѣ—разговоры. Арестанты, заключенные въ одной камерѣ, скоро сближаются между собою. Каждый, съ большею или меньшею искренностью, открываетъ товарищамъ свою душу, въ увѣренности, что имъ не выдадутъ; каждый сообщаетъ свои опасенія, надежды, планы на будущее. Здѣсь, общими силами, обдумываются и обсуживаются пути и средства къ спасенію, какъ ловче

увернуться отъ уликъ, какъ избавиться отъ наказанія, обману судей и слѣдователей. Здѣсь же бывалые даютъ новичкамъ наставленія какъ жить въ послѣдствіи, что дѣлать, что принимать.

Въ моей партіи былъ одинъ очень умный работникъ Иванъ, какъ значилось въ его билетѣ. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати девяти, ловкій, расторопный и чрезвычайно смѣтливый. Одѣвался онъ чище другихъ, и во многомъ отличался отъ своихъ собратьевъ. Я часто удивлялся его сужденіямъ, всегда здравымъ и толковымъ. Однажды, взявъ у меня почитать разказы Щедрина, онъ сдѣлалъ объ одномъ изъ нихъ такое мѣткое критическое замѣчаніе, что я невольно спросилъ его:—Гдѣ ты нахитался такихъ премудростей, Иванъ?

— Эхъ, сударь, отвѣчалъ онъ улыбаясь.—вѣдь я и самъ былъ въ университетѣ, да еще и всѣ факультеты прошелъ. Шестнадцать остроговъ выучать уму-разуму! Да и видѣлъ же я много. И даромъ поболтался по бѣлому свѣту.

Онъ былъ правъ. Острогъ, точно, школа; но такая въ которую если попадетъ даже и не совсѣмъ испорченный человѣкъ, да если, по несчастію, просидитъ тамъ нѣсколько времени въ пріятномъ обществѣ своихъ товарищей, то навѣрное выйдетъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, много болѣе просвѣщеннымъ противъ прежняго. Кто занимался юридическою практикой, производилъ слѣдствія и наблюдалъ за заключеннымъ тотъ согласится въ этомъ со мной. Простолоудинъ нашъ пущего всего боится острога. Я думаю, всякій практикъ видалъ, какъ одно слово: острогъ, заставляетъ человѣка блѣднѣть и трептаться. Посмотрите же на него въ тюремной камерѣ! Онъ уже не тотъ; онъ, что называется, отерпѣлся. Но вотъ онъ вышелъ. Стыдъ и страхъ совсѣмъ потеряны; движенія бойкія и развязны, и онъ уже рисуется передъ толпой, особенно послѣ наказанія.

Оставленные въ подозрѣніи, эти люди часто возвращаются на мѣста жительства. Острожный опытъ, дѣлаетъ человека только осторожнѣе и скрытнѣе, научаетъ его всякимъ уверткамъ и обманамъ. А трудно ли остаться въ подозрѣніи, особенно если нѣтъ очень сильныхъ уликъ? Стоить только запереться да не сбиться при допросахъ. Въ этихъ случаяхъ отвѣтъ извѣстный: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“

Одинъ арестантъ, воротившись послѣ допроса въ свою камеру, на вопросъ своихъ товарищей: „Ну что? Какъ дѣло?“ отвѣтилъ: „Слава Богу, оправдался братцы! Во всемъ заперся.“

Спросите много арестанта неожиданно при допросѣ: „А какъ тебя зовутъ?“ онъ пожалуй, не обдумавшись, отвѣтитъ: „Звать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, хотя прежде и объявилъ свое имя.

Одна изъ величайшихъ язвъ острожной жизни—тѣ люди, которые, шутка сказать, забыли бездѣлицу: свое имя, происхожденіе и мѣсто жительства. Я говорю о бродягахъ, не помнящихъ родства, на которыхъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы обратить побольше вниманія. Подъ этою маскою часто скрываются величайшіе злодѣи, умѣвшіе ловко скрыть быть-можетъ не одно преступленіе и прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду и мѣдные трубы. Сколько людей не совѣсть еще испорченныхъ можетъ испортить до конца одинъ такой бызалець, и чѣмъ онъ опытиѣе, чѣмъ наглѣе и краснорѣчивѣе умѣетъ разказывать о своихъ походахъ, тѣмъ, конечно и опаснѣе.

Какъ бы то ни было, острожная жизнь—только фундаментъ дальнѣйшей порчи. Кончилось дѣло. Приговоръ подписанъ, объявленъ и частію приведенъ въ исполненіе. Осталось еще одно—пересылка въ Сибирь. Арестанта привели въ губернское правленіе, тамъ его одѣли, обули, выдали кормовыя деньги, и сдали конвойнымъ. Все готово! Съ Богомъ въ дальнюю дорогу! И вотъ идетъ партія по Владиміркѣ. Впереди конвой; за нимъ окованные по рукамъ и ногамъ, съ позорными клеймами на лицахъ, идутъ каторжники; далѣе, скованные по-парно на длинномъ желѣзномъ прутѣ, ссыльно-поселенцы; за тѣмъ женщины, иногда съ дѣтьми, и даже съ грудными младенцами на рукахъ. Въ заключеніе тянутся подводы съ багажемъ и больными, окруженные конвоемъ. Вглядитесь въ эти лица: на нихъ тупость, безчувственность. Равнодушіе ли это? Покорность ли судьбѣ или ожесточеніе? Богъ вѣсть. Партія подходитъ къ селу. Ударилъ барабанъ, и все оживилось въ деревнѣ. На встрѣчу спѣшитъ народъ, бѣгутъ торгаши, чтобы продать что-нибудь изъ своихъ домашнихъ произведеній, бѣгутъ любопытные поглазѣть на несчастныхъ, бѣгутъ и такіе, которые хотятъ подать что-нибудь именемъ Христа. Иногда партія начинается громко, не то пѣть, не то кри-

чать, взывая о милосердіи. Это, значить, добрый партіонный позволилъ партіи просить въ голосъ, чтобы собрать побольше подаванія.

Иному арестанту, назначенному на жительство въ отдаленныя мѣста, приходится путешествовать болѣе года; партія идетъ медленно, дѣлая каждый день по станціи съ дневками. Сколько въ это время приведется испытать разнообразныхъ ощущеній и наслушаться всякихъ наставленій! Если въ острогѣ общество было разнообразно, то въ партіи оно еще разнообразнѣе. Кого-кого тутъ вѣтъ! Здѣсь собрались представители чуть не со всѣхъ концовъ нашей матушки Руси, люди всѣхъ званій и племенъ. Есть съ кѣмъ познакомиться, свести дружбу. Если въ острогѣ было много празднаго времени, то теперь его еще болѣе,—и какое веселіе! Утромъ прогулка, вечеромъ разговоры, игра въ карты, жульку и кости, а подь часъ вино и даже женщины! Чего еще лучше! Даютъ подаваніе, даютъ кормовыя, у другаго есть и свои деньжонки. За деньги, все можно получить, все можно сдѣлать, и дѣйствительно, все получается и все дѣлается, особенно если конвойные добры, партія тиха, арестанты не дѣлаютъ буйствъ, и никто не показываетъ наклонности къ побѣгу. Сами арестанты, видя въ этомъ свою выгоду, заботятся о порядкѣ не менѣе конвойныхъ. „Мы и сами не хуже солдата“, говорилъ мнѣ одинъ рабочій, „смотримъ за своимъ братомъ, чтобы дурости какой не вышло. Имъ противъ насъ не усмотрѣтъ. Гдѣ ужъ! Коли конвойные добры, небось не напалимъ, даромъ что у насъ все есть, и ножъ про случай, и все прочее. Отъ хорошихъ и сбѣжать никто не могъ, не позволимъ. А коли кто заартачится, пожалуй, и сами выдадимъ. Ужъ тамъ, пришелъ на мѣсто, аль у худыхъ конвойныхъ, ну пожалуй, дѣлай что хошь. Какова пора и сами поможемъ. А у хорошихъ, вѣтъ, братъ, шалишь, никакъ не могъ. Разъ, намъ будетъ худо, скрутятъ, воли не будетъ; а второе, и конвой зане напрасно подведешь; ну и сзади которые будутъ идти, и тѣмъ худо будетъ. Значить, и не рука! Опять же и строгостію съ насъ ничего не возьмешь. Примѣромъ, строгъ начальникъ, поприжметъ насъ. Ну что жъ, ничего! Ему же хуже будетъ. Мы и сами поприжмемся, ничего не дадимъ; ничего не возьметъ, вотъ самъ и потеряетъ! А небось, отъ партіи порядкомъ перепадаетъ. Хорошимъ-то конвойнымъ и могоарычъ достается; вѣдь у нихъ же и хлѣбушка купишь, и молочка, и лошадку наймешь; смотришь, у кон-

войнаго-то и денжонки въ карманѣ забрякали. И мнѣ хорошо, да и ему ладно! Отъ подавнїя-то вѣдь у насъ много остается, такъ для чего не подѣлиться съ добрымъ человѣкомъ? Ну, тамъ, вздумаютъ кости аль карты отобрать: чтожь, бери на здоровье. Мы безъ этого обойдемся. Мы *животное* въ конѣ пустимъ. Ну тутъ, братъ, ничего не возьмешь. Смахнетъ конвойный, а мы за другихъ примемся. Вѣдь этого добра не занимать стать! Надоѣстъ конвойному, отойдетъ да плюнетъ, а мы играемъ себѣ, да надъ нимъ же еще посмѣиваемся. Что, моль, взялъ? Такъ-то! А то вотъ опять въ разговоры пустимся, али пѣсню затынемъ. Вѣдь языкъ на то и данъ, чтобы говорить; воли рукамъ только не давай. Тутъ и самъ этапный ничего не возьметъ, не то чтобы конвойный. Стой да молчи, а хошь такъ слушай. А вѣдь и доки же бываютъ въ партіи! Другой такъ тебя ублажить, что животики надорвешь отъ смѣху-то. А иной такъ красно да складно говоритъ, что вотъ все бы слушалъ. Нѣтъ, хорошо въ партіи, закончилъ мой рабочій,—больно хорошо. А какъ бабы еще есть, ну такъ развеселье! И не вышелъ бы! Больно хорошо!“

Въ теченіе всего этого долгаго пути, большая часть арестантовъ и не думаетъ о томъ, что за будущность предстоитъ имъ. И долгое пребываніе въ острогѣ, и долгое путешествіе приучили человѣка къ праздности. Омъ отвыкъ отъ всякаго положительнаго труда. Достигнувъ своего назначенія, долго, очень долго, ссыльный не можетъ приняться за что-нибудь дѣльное. Иной и совсѣмъ никогда не примется, а будетъ искать путей болѣе легкихъ чѣмъ работа. Да и плоды работы предназначаются не къ обезпеченію будущности, а совсѣмъ на другія цѣли. Кто былъ въ Сибири на приусакахъ, тотъ хорошо знаетъ, о чемъ въ теченіи трудового лѣта мечтаетъ большая часть работниковъ-поселенцевъ. Не о томъ, какъ бы скопить деньги на черный день, а о томъ, какъ на выработанныя деньги они будутъ кутить дня три въ Енисейскѣ, по выходѣ изъ тайги.

Но и послѣ этого иной человѣкъ могъ бы еще исправиться, сдѣлаться полезнымъ членомъ новаго общества, еслибы его встрѣтила надежда на лучшую участь и хоть какое-нибудь обезпеченіе. Къ несчастію, этого-то и нѣтъ. Поселенецъ, среди незнакомыхъ людей и обычаевъ, въ чужомъ краѣ, съ первыхъ же минутъ становится и неприютнымъ, и безпомощнымъ человѣкомъ. Водвореніе производится очень просто.

Привели партію ссыльныхъ назначенныхъ въ какую-нибудь губернію на поселеніе, положимъ хоть въ Енисейскую. Тотчасъ по приходѣ въ губернскій городъ, ихъ запираютъ въ острогъ; за тѣмъ, распредѣливъ въ какую волость сколько нужно отправить людей, передаютъ извѣстное число конвойнымъ, которые разводятъ ихъ по волостямъ. Счастливы тѣ, кто сразу попадетъ въ работники, кто знаетъ какое-нибудь ремесло, или кто сберегъ отъ пути хоть сколько-нибудь денегъ. Эти еще какъ-нибудь обойдутся хоть на первыхъ порахъ. Но что дѣлать остальнымъ? Изыскивать средства къ жизни, не слишкомъ разбирая пути.... Большинство такъ и дѣлаетъ, а разъ попавъ на дурную дорогу, трудно вернуться. Отъ мѣстныхъ же жителей поселенецъ помощи не получить, да онъ и не ждетъ ея. Вотъ какъ о мѣстныхъ крестьянахъ отзываются ссыльные:

— Подлецы же эти Челдоны (такъ называютъ они туземцевъ). Льда въ крещеніе у нихъ не выпросишь, говорилъ мнѣ одинъ изъ рабочихъ. — Коли знаетъ, что у тебя гроша нѣтъ за душой, такъ онъ рыло отъ тебя воротитъ. А какъ пронюхаетъ, что деньги есть, такъ мелкимъ бѣсомъ начнетъ разсыпаться. И землякъ-то я, и другъ, и пріятель! А какой у дьявола я ему землякъ? Развѣ что по одной землѣ ходимъ! Въ передній уголъ посадить, все удовольствіе доставить. А ты ему только водки покупай, да его же еще подчуй. Не останется, проклятый, пока всего не вытянетъ. А поди-ка, попроси у него хоть грошъ, когда денегъ нѣтъ, такъ онъ те дверь покажетъ. Такіе архаровцы! Чтобъ ихъ язвило!...

— Зачѣмъ же вы угощаете ихъ, когда знаете, что они вамъ не заплатятъ тѣмъ же?

— Ну вотъ поди же! И знаешь ихъ хорошо, да часъ найдетъ и надуютъ. Вѣдь зарокъ дашь, что молъ это въ послѣдній разъ. Глядишь, подвернется какой-нибудь бестія, да опять ты и надуетъ. Чтобъ имъ пусто было!

II.

Я уже сказалъ, что составъ нашей партіи былъ самый разнообразный. Въ ней были и Великоруссы (этихъ бóльшая часть), и Малоруссы; были два Черкеса, нѣсколько Литвиновъ, Чухонцевъ и черноморскихъ казаковъ; были даже и такіе, о которыхъ нельзя было сказать, къ какой народности они при-

надлежать. Напримеръ, одинъ рабочій, Алексѣй Шиманскій, бывшій у меня промывальщикомъ, выглядывалъ совершенно въ Цыганомъ по своимъ ухваткамъ и разговору. Самъ же онъ выдавалъ себя за чисто Русскаго, за крестьянина Владимирской губерніи. Были и смиренные и буйные; были и умные, и дураки набитые. Словомъ, чего хочешь, того получишь. Пораженный на первыхъ порахъ ихъ цинизмомъ и видимою безнравственностью, а отчасти и пріѣхавъ уже съ предубѣжденіемъ противъ этихъ людей, я въ первое время чувствовалъ себя какъ-то не ловко и на все смотрѣлъ подозрительно. Мнѣ даже казалось, что самыя жилища наши не слишкомъ безопасны отъ злыхъ умысловъ, и что неблагоприятно жить среди этихъ людей такъ беззаботно, какъ жили мои товарищи. Въ этихъ мысляхъ, меня еще болѣе укрѣпляло обращеніе съ ними рабочихъ. Они постоянно говорили въ глаза дерзости К—ну, и хотя слушали его, но всякое приказаніе исполняли не иначе какъ съ громкою бранью. Презрительно выслушивали они приказаніе А—ва и осыпали его градомъ насмѣшекъ, которыя были вдесятеро хуже брани. На меня не обращали ни малѣйшаго вниманія, и если я дѣлалъ какое-нибудь замѣчаніе, то мнѣ отвѣчали съ обидною снисходительностью, точно желая сказать: „Ну полно! Куда ты лѣзешь? Не тебѣ учить насъ!“

Однажды, вечеромъ, товарищъ мой К—нъ, вынувъ бумажникъ и пересчитавъ деньги, бросилъ его, безъ всякой осторожности, въ уголъ балагана, и оставилъ тамъ, ничѣмъ не закрывъ его.

— Что вы такъ бросаете деньги? спросилъ я.
 — А что? хладнокровно спросилъ К—нъ.
 — Да долго ли до грѣха? За нашъ на! одъ поручиться нельзя.
 — И, батюшка! отвѣчалъ онъ засмѣявшись. — Этого не украдутъ, не бойтесь. Деньги въ тайгѣ не нужны. Что въ нихъ толку? Первое ихъ мало, изъ такой бездѣлицы не стоить и рукъ марать; а второе, куда жь съ ними дѣваться? Украдутъ, я и виду, пожалуй, не подамъ; а придетъ время, партію обыщу, да если найду у кого, такъ тотъ у меня только держись. Развѣ одно: сбѣжить. Нѣтъ, не выгодно. Заработка лишится, да и времени до разчета еще много. Вотъ тогда, пожалуй что и украдутъ... Нѣтъ, за деньги не бойтесь, успокоительно продолжалъ К—нъ. — Вотъ водка,

аль пашпортъ, ну это нужно крѣпче держать. Это вещи соблазнительныя. Плохо лежать, такъ *слямзятъ*, проклятые, не убережешься. Тутъ не долго и до бѣды. Каковъ часть, да каковъ гусь подвернется.

Одинъ случай особенно сблизилъ меня съ нашими рабочими.

Сдѣлавъ раза два замѣчанія относительно работъ, и видя, что на нихъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія, я рѣшился впередъ не вмѣшиваться въ занятія рабочихъ, пока не выучусь дѣлу основательно и не пригляжусь къ шурфовкѣ. А какъ насъ, при одномъ и томъ же, весьма не мудреномъ дѣлѣ, было трое, то у меня, сверхъ занятій, оставалось много свободнаго времени. Поэтому, отправляясь на работы, я бралъ съ собой книгу.

Одинъ разъ, сидя на колодѣ, у огня, и углубившись въ чтеніе, я не замѣтилъ какъ подошелъ ко мнѣ рабочій Иванъ, и сѣлъ подлѣ.

— Чтò это вы читаете, сударь? спросилъ онъ:—церковную али гражданскую книгу?

— *Отечественныя Записки*, отвѣчалъ я.—Ты, я думаю, не слышалъ о такой книгѣ?

— Гдѣ слыжать? Не слыжалъ! А должно-быть любопытная книга. Какъ ни поглядишь, все-то вы читаете.

— Да, любопытная.

— Чтò же тутъ? Мудреное аль такъ шутки пишутъ?

— Всего есть.

— Вотъ бы почитать. Да вѣдь поди-ка, не поймешь ничего....—Онъ закурилъ трубку и продолжалъ:—А чтò, сударь, у васъ можно попросить книгъ-то.... Дадите?

— Пожалуй. Да когда жъ ты будешь читать?

— Ну найдемъ время. Времени-то много.

— Хорошо. Къ вечеру я тебѣ выберу книгу и принесу.

— Вотъ за это много благодарствуемъ.

Выбравъ нѣсколько номеровъ *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ были помѣщены разказы Даля, я вечеромъ отправился въ балаганъ къ Ивану. Повидимому, онъ предупредилъ своихъ товарищей о моемъ обѣщаніи, потому что едва я вошелъ, какъ многіе радостно вскрикнули:—А вотъ и барицъ съ книгами!...

— Ну вотъ и книги, любезный, сказалъ я Ивану,—читай!

— Покорно благодарю, сударь, отвѣчалъ Иванъ, затягивая дратвой подошву бродней, которые онъ чинилъ.

— Ты, братъ, занятъ?

— Да вотъ обутики пообносились, починить нужно. А что же здѣсь читать-то, сударь? Все по порядку, аль вы укажете? спросилъ онъ, оставивъ свою работу и разсматривая поданный ему номеръ *Отечественныхъ Записокъ*.

— Я покажу тебѣ что читать. Вотъ напримѣръ это. — И я раскрылъ ему разказъ Даля: *Смерть*.

— Должно-быть хорошо-съ, да жаль читать-то теперь некогда. Развѣ опосля? продолжалъ Иванъ.

— Брось бродни-то, Ванюха, отозвался одинъ изъ рабочихъ. — Ну ихъ! Ты бы почиталь, мы бы послушали.

— Охочь больно! Не бось, за меня не поработаешь. Завтра-то самъ въ обуви пойдешь, а мнѣ босикомъ что ли?

— Не почитать ли мнѣ для васъ, ребята? спросилъ я.

Многіе рабочіе подняли съ изумленіемъ на меня глаза. Имъ не вѣрилось, какъ это начальникъ ихъ, и вызвался позабавить ихъ.

— Много были бы благодарны, если бы ваша милость была, сказали многіе. — Да какъ же утруждать-то васъ?

— Ничего, я почитаю съ охотой. Вы занимайтесь своимъ дѣломъ, да слушайте. Только ребята устройте мѣста чтобы можно было сидѣть у огонька.

— Сейчасъ, сейчасъ, заговорили рабочіе, вскакивая съ своихъ мѣстъ, и бросаясь въ разныя стороны.

Принесли дровъ, чурбаковъ для сидѣнія, притащили мху, положили его на чурбаки, покрыли озямами, и сдѣлали что-то въ родѣ мягкой постели.

— Ну вотъ и покойно, милости просимъ! Можно и сѣсть, и лечь, какъ будетъ угодно.

Мы усѣлись. Каждый занялся своимъ дѣломъ, а я принялся за чтеніе разказа *Смерть*. Въ это время пришли и изъ другихъ балагановъ нѣсколько человѣкъ, которые, тоже молча, заняли мѣста.

— Ну молодецъ! Вотъ умеръ, такъ умеръ! сказалъ одинъ, когда я кончилъ чтеніе. — Господи ты, Боже мой! чего это не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ?

— Славно же и расписали его, замѣтилъ другой.

— Ловко! Оказія какъ это складно пишутъ!

— Хотите ребята, я вамъ еще что-нибудь прочту?

— Мы бы слушать-то рады. И на томъ спасибо, что одно прочтали. Да поди-ка вы устали?

— Ничего не усталъ, слушайте.

И я опять принялся за чтеніе.

Вдругъ въ балаганъ ввалился одинъ рабочій съ громкими пѣснями. Слушатели мои пришли въ страшное негодованіе, и сейчасъ же принудили его замолчать. Въ этотъ же вечеръ они не шутя, разсердились и на К—на.

— Что это вы дѣлаете, сказалъ онъ входя въ балаганъ.— Читаете? Охота же вамъ трудить себя? Правда, и есть для кого! Думаете, будутъ они вамъ благодарны, али поймутъ! Ждите!

— Не бось только ты и понимаешь, отвѣчалъ съ нѣкоторою досадою одинъ изъ рабочихъ.

— Вишь какой выискался ученый! На поди! подхватилъ другой.

— Что не бось умнѣй насъ? Захотимъ такъ еще и тебя за поясъ заткнемъ.

— А знаешь ты поговорку, проговорилъ Иванъ,—у мужика кафтанъ сѣръ, да умъ-то не чортъ съѣлъ.

Насилу, насилу унялъ я расхолодившихся рабочихъ, которые успокоились лишь тогда, когда К—нъ усѣлся возлѣ меня, а я сталъ продолжать чтеніе. Однако люди долго еще, послѣ этого, косо глядѣли на К—на.

Такъ-то отыскалось и полезное, и пріятное занятіе. Эти литературные вечера скоро сблизили и привязали насъ другъ къ другу. Я узналъ ближе моихъ рабочихъ, и вскорѣ мои предубѣжденія разсѣялись.

Нѣсколько вечеровъ сряду, читалъ я въ одномъ и томъ же балаганѣ. Однажды, придя утромъ на работы, я подошелъ къ артели, которая была изъ другаго балагана.

— За что ты сердишься на насъ? неожиданно сказалъ мнѣ одинъ изъ рабочихъ.

— Кто? я сержусь? не безъ удивленія спросилъ я. — Ты ошибаешься, другъ.

— А коли не сердишься, такъ что же читать все ходишь къ однимъ, а насъ обходишь? Аль думаешь, что тѣ умнѣе?

— Да развѣ вы этимъ обижаетесь?

— Еще бы? Будто мы и не люди! Подитко, не хуже другихъ. А тѣ и чужарятся. Думаютъ, что коли самъ-то отличается, такъ умнѣй ихъ и въ партіи нѣтъ.

— Нѣтъ, ребята, я вами не пренебрегаю, а думалъ, что это все равно.

— Да вишь, оно не равно.

— Если вы хотите, сегодня же вечеромъ непременно приду къ вамъ.

— Приходи, сдѣлай милость, приходи. Мы те устроимъ не хуже другихъ. Пожалуста приходи, не забудь мотри.

Вечеромъ, они устроили для меня прекрасное помѣщеніе. Съ тѣхъ поръ, въ каждомъ балаганѣ, въ ожиданіи, когда придетъ *самъ съ книгой*, готовы были чурбаки для сидѣнья и дрова для костра.

Съ прииска я достала сочиненія Пушкина, Жуковского, Дала, Тургенева, Кольцова, и другихъ книгъ. Сказки Пушкина, баллады Жуковского и *Конекъ-Горбунокъ*, составляли у насъ легкое чтеніе. Въ нѣкоторыхъ разказахъ Щедрина рабочіе находили сходство съ своею прежнею жизнью. За то Дала и Тургеневъ часто заставляли ихъ призадумываться. Многія пѣсни Кольцова были выучены наизусть. Словомъ, все шло хорошо.

Черезъ мѣсяцъ, сдѣлавшись начальникомъ партіи, и разставшись съ моими товарищами К—мъ и А—мъ, я перебрался на другую систему приисковъ, верстъ за полтораста отъ главнаго прииска на рѣку Н—бу. Въ моихъ отношеніяхъ къ рабочимъ ничего не измѣнилось, и вскорѣ они доказали мнѣ свою привязанность. Вотъ какъ было дѣло.

Мы вели жизнь кочевую, такъ какъ цѣль нашей командировки была развѣдка приисковъ, давно уже заявленныхъ. Перехода съ мѣста на мѣсто, я обыкновенно, какъ для того чтобъ имѣть возможность, заниматься, такъ и изъ желанія пользоваться въ тайгѣ хоть нѣкоторымъ комфортомъ, на всякой новой мѣстности строилъ себѣ, вмѣсто берестянаго балагана, небольшую избушку. Постройка эта оканчивалась быстро, и незатѣливый домикъ, при дружномъ содѣйствіи пятидесяти человѣкъ, выросъ въ одинъ день. Однажды случилось, что перебравшись съ одного мѣста на другое, мы не могли достать по близости годнаго дѣса на тесъ, и моя избенка осталась къ ночи покрытою только на половину. Какъ на грѣхъ, въ этотъ же вечеръ, съ главнаго прииска прислали мнѣ три ведра спирта, для раздачи порцій людямъ. Давъ рабочимъ по чаркѣ, я велѣлъ нарядчику завязать бочонокъ, приложить печать и поставить подъ мою кровать. Вечеръ прошелъ благополучно,

обыкновеннымъ порядкомъ, за исключеніемъ лишь того, что рабочіе мои были нѣсколько веселѣе обыкновеннаго. Чарка спирта, видимо, подѣйствовала на изнуренныхъ рабочихъ, которые давно уже не пили этого откупнаго нектара.

Въ четыре часа утра, я, по своему обыкновению, взявъ чайникъ, чай и сахаръ, отправился на работы. Осмотрѣвъ и повѣривъ всѣ ли приказанія исполнены, я подошелъ къ одному изъ шурфовъ, у котораго пылалъ яркій огонь, усѣлся и принялся готовить для себя китайскую траву.

Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ рабочихъ.

— Я къ тебѣ, сударь, заговорилъ онъ какъ-то тихо и нерѣшительно.—Артель меня послала къ твоей милости.

Я посмотрѣлъ на него. Меня поразила робость и смущеніе, которыя были ясно видны на его красивомъ лицѣ.

— Что тебѣ нужно, Максимъ? спросилъ я.

— Да меня послала къ тебѣ артель, продолжалъ Максимъ, видимо превозмогая себя, и ободряемый приближеніемъ другихъ рабочихъ, тоже нѣсколько смущенныхъ.—Ты прогони отъ насъ Егора Грузина, или, тамъ, что хошь съ нимъ дѣлай а только здѣсь не оставляй.

Егоръ Грузинъ былъ малый лѣтъ двадцати восьми, красивый, бойкій, лучший работникъ и первый въ цѣлой партіи запѣвало.

— Что вы ребята? За что? Вѣдь онъ лучший работникъ въ своей артели. Самы знаете.

— Знать-то мы знаемъ, да Богъ съ нимъ! Ты ужь его, какъ хошь, прогони, продолжалъ депутатъ,—а то какъ бы съ нимъ грѣха не нажить.

— Какого грѣха? Что вы братцы?

— Да что тутъ долго толковать? отозвался нарядчикъ:—они, сударь, и мнѣ говорили о томъ же, и просили, чтобъ я доложилъ вашей милости: они говорятъ, что Грузинъ былъ сегодня у васъ въ балаганѣ и укралъ водки.

— Не можетъ быть!

— Мы знаемъ заподлицно, отозвался одинъ изъ толпы.—Сегодня цѣлую ночь онъ изъ чайника съ Денисомъ, да съ Грубовымъ спиртъ тянулъ. А гдѣ его у лѣшаго здѣсь въ тайгѣ возьмешь? Только у тебя и есть.

— Да ты его самъ спроси, сказалъ другой рабочій, — небось, не запрется.

Во время этого разговора, съ шурфовъ подошла почти вся партія, кромѣ только той артели, въ которой работалъ Грузинъ.

— Да ты спроси самъ, а насъ въ грѣхъ не вводи. Намъ его не нужно, Богъ съ нимъ! слышалось въ толпѣ.

Я позвалъ Грузина. Онъ бойко и развязно явился въ кружокъ съ ломомъ въ рукѣ, поклонился мнѣ и какъ-то укоризненно обвелъ глазами толпу. Нарядчикъ тотчасъ же подошелъ къ нему.

— Даѣ-ка ломъ-то, Егорушка, сказалъ онъ, беря это оружіе изъ рукъ Грузина. Тотъ отдалъ безпрекословно, и только улыбнулся, посмотрѣвъ на нарядчика.

— Говорять, любезный другъ, сказалъ я,—что ты былъ сегодня у меня въ балаганѣ и взялъ водки. Правда ли это?

— Помилуйте, какъ это можно?... заговорилъ было Грузинъ, но толпа не дала ему кончить.

— Чтò запираешься! Говори ужь правду! Нечего врать! заговорили рабочіе.

— Полно, Егорушка, сказалъ артельный кашеваръ, выдвигаясь изъ толпы.—Говори лучше по-божески. Чтò врать-то? Себя не губи, да и насъ въ грѣхъ не вводи. Баринъ проститъ, мы попросимъ. Ужь коли ты выдали, значить, самъ знаешь, не резонтъ запираяться. Опять же рассуди почему и выдали-то.

— Егоръ, спросилъ я, чтò это значить? Говори, правда ли? Онъ стоялъ потупившись и молчалъ. Казалось въ немъ происходила борьба. Вдругъ онъ поднялъ голову, молодецки встряхнулъ волосами и укоризненнымъ взоромъ обвелъ толпу.

— Эхъ вы братцы, братцы! тихо заговорилъ онъ:—выдали! Ну, да! продолжалъ онъ, махнувъ рукой и какъ бы съ ожесточеніемъ:—былъ у васъ, водку укралъ, два чайника налилъ и ночью все выпилъ.

— Зачѣмъ же ты сдѣлалъ это? спросилъ я Егора:—вѣдь ты знаешь, что я никогда не отказываю, если только есть водка. Ну хотѣлъ выпить, пришелъ бы, попросилъ!

— Правда-то правда. Ну да чтò дѣлать? Такъ случилось!

— Ты не будешь болѣе дѣлать такихъ штукъ?

Егоръ молчалъ.

— Чтò же не отвѣчаешь? Послушай: это твоя первая вина, и я прощу тебя условіемъ, чтобы ты велъ себя хорошо. Ступай теперь къ своему мѣсту.

Грузинъ поклонился и хотѣлъ было идти, даже улыбка появилась на его блѣдныхъ губахъ; но рабочіе не выпустили его изъ кружка.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала толпа:—отсылай Грузина на приискъ, отсылай! Мы съ нимъ вмѣстѣ быть не хотимъ. Отсылай, безпремѣнно отсылай, или мы сами уйдемъ.

— Полноте, ребята, успокоивалъ я,—ну одинъ разъ парень подурачился, такъ и быть! Онъ исправится. А главное, не будетъ водки, не будетъ и грѣха.

— Нѣтъ, сударь, какъ угодно, а вы отошлите его на приискъ, сказалъ кашеваръ.—Какъ бы намъ грѣха не нажать. Вы спроситетко, съ чѣмъ онъ былъ у васъ.

Грузинъ съ злобой посмотрѣлъ на говорившаго.

— Съ чѣмъ я былъ? проворчалъ онъ, стиснувъ зубы.

— Ну, да, скажитко, съ чѣмъ ты былъ?

Я съ разу-то и не догадался, въ чемъ дѣло.

— Чтò злишься? продолжалъ кашеваръ.—Сердить да не силенъ, вотъ чтò! Насъ братъ вѣдь много. Ты скажитка барину, съ чѣмъ ты былъ? настаивалъ онъ.

Смутная мысль мелькнула у меня въ головѣ.

— Неужели, Грузинъ, ты приходилъ ко мнѣ съ ножомъ? спросилъ я не безъ волненія.

Онъ молчалъ.

— Да говори же, братецъ. Все равно, продолжалъ я,—дѣло прошлое...

— Да какъ же иначе? тихо отвѣчалъ онъ.

— Для чего жь тебѣ былъ нуженъ ножъ?

— Какъ для чего? Извѣстно для безопасности. Вѣдь всяко бываетъ.

— И ты бы рѣшился зарѣзать меня? спросилъ я.

Онъ не отвѣчалъ ни слова, но сверкающіе глаза, стиснутые зубы и блѣдное лицо показывали, что при случаѣ, человѣкъ этотъ, не задумавшись, всадилъ бы ножъ въ горло.

Теперь мнѣ стало понятно, зачѣмъ нарядчикъ отобралъ домъ изъ его рукъ, и почему толпа требовала такъ настойчиво его удаленія. Понялъ также я и то, что только крѣпкій сонъ спасъ меня отъ грозившей опасности, и что по какому-то счастливому обстоятельству спавшая у меня въ ногахъ очень чуткая собака не залаяла, когда Грузинъ, пробравшись въ избу, изволилъ распорядиться водкой. Оставить подобнаго человѣка въ партію было опасно. Онъ былъ

золь на рабочихъ, и Богъ знаетъ на что могъ бы рѣшиться. Я велѣлъ ему сейчасъ же собираться въ дорогу, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда отправить его на главный приискъ.

Грузинъ поклонился и хладнокровно пошелъ къ своему балагану. За нимъ, для наблюденія, отправились нарядчикъ и одинъ изъ рабочихъ. Партія успокоилась, разошлась по мѣстамъ, и работа пошла обычнымъ порядкомъ.

Потеря Грузина была особенно чувствительна для той артели, въ которой онъ работалъ. Для своихъ товарищей Грузинъ, по веселому живому характеру, былъ человѣкъ незаменимый; его шутки и прибаутки сокращали длинные часы тяжелой работы. Артель его состояла изъ шести человѣкъ молодыхъ парней, между которыми были двое работниковъ, на которыхъ нельзя было ни въ чемъ полагаться. Это были его соучастники, Денисъ и Грубовъ, люди буйные, вѣчно всѣмъ недовольные и постоянно ссорившіеся со всѣми. Они давно наскучили какъ мнѣ, такъ и цѣлой партіи. Вотъ эти-то люди вздумали ходатайствовать за Грузина, но совершенно особеннымъ манеромъ.

Еще осталось часа два до обѣда, а обѣдъ у насъ въ тайгѣ былъ часовъ въ 11 утра.

Варугъ я вижу, что на шурфѣ, гдѣ работали товарищи Грузина, всѣ люди выходятъ вонъ и складываютъ въ кучу свои инструменты. За тѣмъ вся артель подошла ко мнѣ.

— Что вамъ нужно, ребята? спросилъ я.

— Вы отсылаете Грузина на приискъ? отвѣчалъ довольно грубо Денисъ, становясь впереди артели. Подлѣ него сталъ Грубовъ; остальные находились въ некоторомъ отдаленіи.

— Отсылаю.

— Когда же?

— Сегодня послѣ обѣда.

— Оставьте его.

— Нельзя, да и вся партія этого не хочетъ.

— Что вамъ смотрѣть на партію? Мало ли чего захотятъ? Вы только слово скажите, онъ и останется.

— Да я и самъ не хочу, чтобъ онъ былъ здѣсь. Пусть идетъ.

— Если вы пошлете Грузина на приискъ, мы работать не станемъ. Вотъ и все.

— Мы такъ рѣшили, прибавилъ Грубовъ.

— Ну такъ что же! отвѣчалъ я:—если не будете работать, такъ сегодня же уйдете на приискъ.

— Да вѣдь мы не одни, насъ шестеро, улыбнувшись отвѣчалъ Денисъ.— Всѣхъ не ушлете, много будетъ. Что объ васъ подумаютъ?

— Хоть бы васъ было двадцать, сейчасъ же всѣхъ вышлю. Вы не желаете работать, а хотите идти на приискъ? продолжалъ я, обращаясь, помимо Грубова и Дениса, къ остальнымъ рабочимъ.

Тѣ, предоставивъ дѣло своимъ вождямъ, не приготовленные къ этому вопросу, видимо замялись. Денисъ поспѣшилъ на выручку.

— Извѣстно хотятъ, коли пришли къ вамъ. Что и спрашивать?

— Не съ тобой говорить, строго сказалъ я.— Ну что же, вы хотите идти?

— Хотимъ, былъ отвѣтъ.

— Хорошо, ступайте. Ей, Дубровинъ! Сведи ихъ въ балаганъ и дай нарядчику. Вели отобрать инструменты и всѣ казенныя вещи. Да чтобъ она были черезъ два часа готовы къ отправкѣ. Ступайте, готовьтесь. Ну, что стоите?

Работники тихо пошли за Дубровинымъ. Они видимо смутились, вовсе не ожидая подобнаго рѣшенія. Цѣль ихъ была только испугать меня: мнѣ приходилось вдругъ послать на приискъ семь человѣкъ; этимъ я ослаблялъ партію, и могъ навлечь на себя подозрѣніе, что не умѣю обращаться съ людьми. Но они ошиблись въ расчетѣ, и рѣшеніе мое было имъ не по нутру. Особенно солоно пришлось имъ за обѣдомъ отъ остальныхъ рабочихъ, которые, зная цѣль ихъ заговора и видя ошибку, не скупились на насмѣшки.

Грузинъ, получивъ отъ меня въ главную контору, бумагу въ которой ничего не было сказано о его подвигѣ, былъ веселъ, шутилъ и смѣялся. Работники были съ нимъ ласковы, а о прошломъ не было и помину. Грубовъ и Денисъ не унывали; они, повидимому, надѣялись, что я измѣню свое рѣшеніе, и на шутки и насмѣшки рабочихъ, отвѣчали грубостями и бранью. Остальные четверо были печальмы, задумчивы и ничего не говорили.

Досада Дениса и Грубова еще болѣе увеличилась, когда послѣ обѣда рабочіе, точно съ какимъ-то удовольствіемъ, начали помогать имъ укладываться. Оба они выходили изъ себя, а толпа хохотала. Дѣло едва не дошло до драки.

Наконецъ наступилъ часъ разлуки. Грузинъ ласково про-

стался съ своими товарищами, даже съ кашеваромъ и наладчикомъ. Люди отвѣчали ему тѣмъ же, и разставались съ нимъ какъ будто съ сожалѣніемъ.

— Ну, прощай Егорушка! Прощай, голубчикъ! слышалось повсюду.

— Прощайте, ребята! не поминайте лихомъ, сказалъ Егоръ, и съ котомкой за плечами подошелъ ко мнѣ. — Прощайте, сударь, сказалъ онъ, снимая шапку. — Извините, что я огорчалъ васъ. Ну, простите! Худо сдѣлалъ, знаю. И не хотѣлось бы мнѣ идти на приискъ, да что дѣлать!

— Зачѣмъ же дѣлалъ, когда знаешь, что худо?

— Да что ужъ? Такъ видно и умереть придется. Видите, сударь, воровать съ-измала рука наторѣла. Знаю, что вы бы не отказали.... Поди-ка, и на прощаньи чарочкой-то не обидите..... А краденая все какъ будто слаще.

Я улыбнулся неожиданному заключенію его рѣчи, и велѣлъ подать стаканъ водки.

Грузинъ держалъ стаканъ въ рукѣ, когда подошли остальные шестеро, но безъ котомокъ. Егоръ посмотрѣлъ на нихъ съ улыбкой.

— Ну, что скажете, дурачье, неожиданно заговорилъ онъ, обращаясь къ пришедшимъ. — Прощаться пришли? Молодцы, право, молодцы! Жаль меня стало..... Ай, да ребята! Вотъ спасибо! — И онъ засмѣялся. — Эхъ, вы болваны, болваны! Что я вамъ, братъ аль свать? Чего разжалобились? То ль здѣсь не житье? Ну, да ладно! пойдете, пойдете, дѣточки! Живо представлю.

Толпа рабочихъ, окружавшая Грузина, захохотала. Денисъ и Грубовъ разсердились.

— Эхъ ты, чортовъ зубоскаль. Чтобъ тебя язвило! отвѣчалъ ему съ злобой Грубовъ, сжимая кулаки: — мы за него, а онъ вонъ какъ поетъ.

— Варнакъ проклятый, сказалъ Денисъ: — дружества въ тебѣ нѣтъ.

— Да вѣдь я не просилъ тебя хлопотать, отвѣчалъ Грузинъ: — вчера вмѣстѣ пили. Кончили и ладно. Молчали бы, благо остались. А то нѣтъ! туда же за мной! Ну, да ладно, ладно! Пойдете, доставлю въ цѣлости и сохранности. За ваше здоровье, прибавилъ онъ комически, кланяясь Грубову и Денису. — Дай Богъ намъ счастливаго пути, ладу да согласія.

Толпа снова захохотала; Грубовъ и Денисъ пуце разсердились.

— Да нѣтъ же, шалишь, зубоскаль проклятый, отвѣчалъ Денисъ,—не удастся тебѣ смѣяться надъ нами. Мы всѣ сюда пришли извиниться, что за дурака вступились; другой разъ умнѣе будемъ. Простите сударь нашъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—виноваты! Болѣе не будемъ, простите!

То же подтвердилъ Грубовъ. Прочіе молча кланялись.

— Такъ вы уже передумали идти? спросилъ я, обращаясь, помимо Дениса и Грубова, къ рабочимъ.

— Простите, виноваты, не отсылайте нашъ, слышалось отъ нихъ.

— А за чѣмъ же вы такъ сдѣлали?

— Да вотъ, они подбили, отвѣчали рабочіе, кланяясь и показывая на своихъ депутатовъ.

— Ну, хорошо! Я васъ прощаю, съ условіемъ впрочемъ, что впредь подобной штуки не будетъ, сказалъ я, обращаясь къ четыремъ рабочимъ, и тѣ поклонились:—Теперь ступайте по своимъ мѣстамъ. А вы, Денисъ и Грубовъ, отправляйтесь на приискъ. Вы мнѣ не нужны.

— За чтò же? Мы не хотимъ, не пойдемъ! отвѣчали они.

— Вы сейчасъ же отправитесь! Берите ваши котомки, и маршъ въ дорогу. Если же котомки ваши не готовы, то я васъ вышлю и безъ нихъ, а конюхъ привезетъ ихъ послѣзавтра, вмѣстѣ съ письмомъ о вашемъ поведеніи. Ступайте!

— Ну, пойдѣте, пойдѣте, дѣточки! Такъ мнѣ будетъ веселѣй, подсмѣивался Грузинъ:—гуртомъ дешевле станетъ.

Толпа смѣялась.

— Чтòбъ тебѣ лопнуть, зубоскаль, варнакъ! заговорили Грубовъ и Денисъ удаляясь.

Долго еще слышалась ихъ брань, и хохотъ рабочихъ. Нѣсколько разъ приходили они просить прощенія, но несмотря на всѣ просьбы и убѣжденія, Грубовъ, Денисъ и Грузинъ въ тотъ же день, въ сопровожденіи конюха, который долженъ былъ довести ихъ до перваго зимовья, отправились на главный приискъ.

Въ этотъ вечеръ, общимъ предметомъ разговоровъ былъ поступокъ Грузина и поведеніе партіи въ отношеніи къ нему.

— Ну, иначе, счастливо прошло, говорилъ Дубровинъ.

— Да не всякому же довѣренному и выдадутъ своего. Случись-ка такая оказія съ К—мъ, не сказали бы.

— Отчего же?

— Да такъ, собачливъ больно! Опять же опасно. Онъ бы, пожалуй, на приискъ отписалъ; вотъ бы и худо было.

— Однако если бы Грузинъ зарѣзалъ меня или другаго, вамъ бы худо было.

— Кто говорить? Кабы онъ ножъ въ дѣло пустилъ, ну бѣда бы! Тогда, извѣстно, бѣги аль что другое дѣлай. Ну да Богъ мшовалъ! Одначе выдали же. А прошло бы такъ съ К—мъ, какъ съ тобой, не сказали бы. Вишь строгъ больно К—нъ; у него, кажись, ничего и христіанскаго-то нѣтъ. Отъ него, братъ, ласковаго слова не услышишь: все только и глядитъ, какъ бы облаять да обругать. Человѣкъ-то у него, что твоя скотина, все единственно.

— Ну да вѣдь это все до поры до времени, замѣтилъ другой; — попадется же.

— У насъ счетъ коротокъ. Въ лѣсу и расправа въ кусту, подхватилъ одинъ рабочій:—нѣтъ, нѣтъ, а тамъ и сами пощупаемъ, каковы то-есть ребра.

— Слыхалъ ты, какъ выучили въ прошломъ году на приискѣ довѣреннаго С—ва?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Хошь, мы те расскажем?

— Пожалуйста.

— Ну, такъ вотъ этотъ С—въ больно ужъ ярый и гордый парень. Нашего брата знать не хочетъ, за ничто считаетъ. Да окромя того, и драться больно охочъ; такъ и норовить по зубамъ съѣздить. Это все бы ничего; кабы онъ дѣло зналъ, все бы сносно, а то ни бельмеса не смыслить; все за нарядчика держится, а насъ коритъ. Что вы, говорить, такіе-сякіе; вы, говорить, мошенники, дѣлай что велятъ, рассуждать не смѣй. Я, говорить, старшій. Довѣренный, значить, самъ хозяинъ. Вотъ и надоѣлъ онъ намъ. Стали ребята поговаривать, какъ бы это его поучить, то-есть такъ маленько поугаты. Сидитъ это онъ разъ у стѣны въ разрѣзѣ, сидитъ да трубочку курить. А дѣло-то было подъ вечеръ. Вдругъ, сверху, надъ самую его головой и сорвисъ глыбина, да и покатись прямо на него. Не много, не много, тутъ бы ему и карачунъ. Да какъ-то, на ту пору, счастливъ былъ, перелетѣла черезъ него. Знать за что-то зацѣпилась; только ногу немного помзла.

— А случайно упала эта глыбина?

— Не то чтобъ больно случайно, а такъ. Былъ, вишь ты,

я близко и видѣлъ,—что грѣха таить?—пришли, это, двое, да ее и отшибли. Почитай и всё это видѣли, иначе не ска-
зали же.

— Такъ и не нашли виновныхъ?

— Эка ты ловкій! Нашли! Гдѣ тамъ? Руки, ноги никто не оставилъ. А мы всё по мѣстамъ были, самъ С—въ видѣлъ. Поспрашивали, спрашивали, да такъ и бросили.

— Что жь послѣ этого С—въ?

— Да что? Не унялся, еще хуже сдѣлался. Нагайкой завелся, такой аспидъ! Ко всѣмъ сталъ приставать, да придирааться; значить, во всѣхъ враговъ видѣлъ. Ну опять проучили. Пришелъ это онъ одинъ разъ въ забой, сталъ браниться да приставать. Надоѣлъ всѣмъ. Ну, ладно! Повернулся онъ, то-есть идти хотѣлъ. Вдругъ какъ въ забой-то закричать, да заукаютъ! Онъ и шагу не отошелъ, какъ въ него начали кидать камни, гальку, землю, и все что ни попало. Адъ поднялся такой, что ну да на! Обернулся С—въ, хотѣлъ, значить, поглядѣть, кто въ него бросаетъ, а тутъ одинъ и угодилъ ему грязью, да прямо въ рожу. Ну и заслѣпилъ. Тутъ бы ему плохо пришлось, да на шумъ казакъ подвернулся. Выручилъ.

— Ну, что же, и тутъ не оказалось виноватыхъ?

— Не оказалось. Мы, молъ, работали, на своихъ мѣстахъ были, и урка выработана; а развѣ кто сверху бросалъ, такъ о томъ неизвѣстны. Такъ и отдѣлались.

— А ты былъ тогда въ забой?

— Какъ же? Былъ.

— Бросалъ?

— Да что-то не припомню....

— Гдѣ же теперь этотъ С—въ? Я о немъ не слыжалъ.

— Перешелъ въ другую компанію, да и тамъ, слышь, не по-счастливилось. Тамъ еще хуже: съ разрѣза сбросили. Шибко расшибся, да цѣлое лѣто и пролежалъ.

— Однако, вотъ К—на вы хоть и не любили, а съ нимъ ничего такого не случилось.

— То особъ статья. Этотъ точно собака; ужь онъ тя облаетъ, оборветъ, да за то парень простота. Опять, онъ те слово, а ты и самому отвѣтишь: ничего. Въ зубы онъ те не лѣзить, и въ казачью не тянетъ, самъ не заносится, не попрекаетъ. Да вѣдь и то сказать, дѣло-то онъ знаетъ. Собаку съѣлъ. Съ такимъ довѣреннымъ и работать вольготнѣй. Споро все идетъ. А брань не камень, на вороту не виснетъ.

— Ну да опять же, сказалъ другой рабочій, — съ нимъ и денегъ много выработаешь. Заработокъ хорошъ. Все хватить чарки на двѣ лишнихъ. Вотъ и ладно.

— Ну, на этотъ счетъ лучше Т—ва нѣтъ. Коли нанялся къ нему, такъ знай, что съ деньгами выйдешь.

— Только собака человекъ, замѣтилъ рабочій.

— Что правда, то правда! Такого собаки поискать. Этотъ не въ примѣръ хуже К—на. Главное, хозяинъ: что ты съ нимъ подѣлаешь? Съ нимъ, братъ, не много разговоришься; у него расправа коротка. Аль въ казачью, аль вопъ съ приска съ пустыми руками. За то на расчеты куда хорошъ!

— Да у него, братъ, и не обидно. Достается всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Служащихъ-то не лучше насъ ругаетъ; небось, онъ ихъ по головкѣ не гладитъ. Какъ пойдетъ по своему толковать: ту, ту, ту, да очки поправлять, такъ только держись.

— Ну, парни! бывалъ я у него на прискахъ, сказалъ одинъ изъ рабочихъ:—вотъ ужь разъ потѣшилъ. Животики надорвалъ отъ смѣху, какъ это онъ довѣреннаго изъ-подъ кровати за ноги вытаскилъ.

— Что ты? спросили другіе.

— Право слово! Да что потомъ и хохоту было! Вишь, просящими служаціе, что самъ куда-то уѣхалъ. Вотъ и пришли они, этакъ, передъ обѣдомъ, въ свои комнаты, покурить да позакусить, а до конца работъ еще часа два оставалось. Т—въ не больно-то любитъ, чтобъ у него съ работъ уходили. Пошелъ я за обѣдомъ, на ту пору въ прислугахъ былъ, а Т—въ, какъ на грѣхъ, тѣмъ же часомъ и воротись, да прямо по работамъ и отправься. Видитъ, нѣтъ служащихъ; онъ къ нимъ въ казарму. Тѣ, какъ только увидали его, такъ и дали стрѣчка, кто куда повыскакалъ. Остался одинъ. Бѣжать-то, вишь, ему нельзя было: онъ сапоги снялъ, да хотѣлъ перебутъся. Думалъ, думалъ, куда дѣваться: взялъ да подъ кровать и залѣзъ. Лежитъ. Пришелъ Т—въ. Что твоя собака комнаты обнюхалъ. Слышитъ табакомъ пахнетъ, ну и дымно больно; значитъ были люди, да ушли. На ту пору прихожу я съ миской. „Что, говорить, здѣсь были довѣренныя?“ Не знаю, молъ, сударь, въ кухнѣ былъ никого не видѣлъ... „Ну, ну, ну! Врешь каналья“, а самъ все оглядываетъ, да обнюхиваетъ. Вотъ и увидѣлъ онъ, торчатъ изъ-подъ кровати ноги. „А, говорить, такъ вотъ гдѣ, говорить, голубчикъ, ну-ка вылезай,“ да за ногу и потянулъ... Что тому дѣлать? Полѣзъ онъ изъ-подъ кровати

задомъ, а Т...въ стоитъ да палкой его и тычетъ, да все приговариваетъ: „ай да довѣренный, славный довѣренный! А какъ-то, говорить, дѣло идетъ.“ А тотъ выльзть не можетъ: и стыдно-то ему, и неловко. Ужь потомъ онъ ему голову-то мылилъ, мылилъ! Не приведи ты, Господи, какъ досталось! Пришелъ это онъ въ разрѣвъ, красный какъ ракъ, а тамъ хоту-то, хоту-то...

— Ну что жь онъ сдѣлалъ съ довѣреннымъ?

— Да ничего. Слышь, потомъ еще и награду далъ. Вотъ человекъ!

Наши шурфовки шли неудачно. Уже много было пробито шурфовъ, а золота все не отыскивалось. Это уже становилось досадно.

— Ну, сударь, у насъ сегодня непременно золото пойдетъ, въ одно утро сказалъ мнѣ промывальщикъ.

— Эту пѣсню я, братъ, давно слышу, да все толку нѣтъ.

— Сегодня безпремѣнно будетъ, увѣренно отвѣчалъ промывальщикъ.—*Самъ приходилъ ночью.*

— Кто такой? спросилъ я.

— Какъ кто? Извѣстно, хозяинъ!

— Какой хозяинъ? Ничего не понимаю.

— Эхъ, баринъ! Развѣ не знаешь, что у присковъ есть хозяинъ? Духъ, значить. Вотъ онъ сегодня приходилъ сюда, мы его съ Дубровинымъ въ очю видѣли.

— Это что за вздоръ?

— Ты, вѣдь, не вѣришь! Ну, гляди, золото найдемъ. Безпремѣнно найдемъ? Да вѣдь какъ же я и видѣлъ его! Чудное дѣло! Это мы съ Дубровинымъ поздно ночью вышли изъ балагана; вдругъ, смотримъ, точно у ваггерта кто-то копошится. Я и говорю Дубровину: кто это, мошь, тамъ? Не знаю, говорить. Подумали рабочій какой ни есть вышелъ. Немного погодя, смотримъ, а отъ ваггерта идетъ къ намъ человекъ въ рубахѣ, штанахъ, шляпѣ, какъ есть Русскій. Въ одной рукѣ у него ведро, а въ другой щетка, да гребокъ. Близехонько прошелъ мимо насъ. Мы еще посмотрѣли: незнакомый, какъ есть, незнакомый. Насъ страхъ розобралъ. Пршелъ онъ мимо, да въ кусты, а тамъ и пропалъ. Право слово!... Вы, сударь, не вѣрите... А вотъ ужо увидите.

Дѣйствительно, къ обѣду въ шурфѣ показалось золото. Промывальщикъ торжествовалъ.

— Ну что, сударь? Теперь, небось, вѣрите, что горный не даромъ приходилъ.

— Штукаръ же, братъ, вашъ горный. Что же онъ добрый или злой духъ?

— Добрый, очень добрый. Пакости никогда не дѣлаетъ и за не хочетъ. Слышали, что онъ сдѣлалъ у М—а на приискахъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А вотъ видите ли, тамъ ортами работали. Иначе золото взять нельзя. Слышать это разъ рабочіе, что изъ сосѣдней орты кричить нарядчикъ: „выходи, ребята, наверхъ!“ Было еще рано; рабочіе и подумали, что они ослышались. Остались, да и работаютъ себѣ. Вдругъ кричить имъ въ другой разъ и тѣмъ же голосомъ: „говорятъ вамъ, выходи наверхъ!“ Слышали это всѣ. Оглянулись, никого нѣтъ. Окликнули нарядчика по имени, не отзывается. Ну, подумали, значить не нашъ, коли не отзывается; стали опять работать. Вдругъ въ третій разъ закричалъ того громче, да таково сердито: „вамъ ли говорить, бери инструменты да ступай скорѣе вонъ.“ Показалось это въ диковину рабочимъ, никого нѣтъ, а имъ велѣть уходить. Ну въ этотъ разъ послушались, взяли да и ушли. Только что она вышла, какъ вдругъ сзади ихъ земля-то и обвалилась. Остался еще; всѣхъ бы придушило.

— Да быть можетъ нарядчикъ самъ видѣлъ, что дѣло плохо, вотъ и велѣлъ выйти.

— То-то и есть! Шутка-то и вышла мудреная! Вышли рабочіе; обыкновенно, ихъ и спрашиваютъ: „кто велѣлъ работы бросить?“ Говорятъ, нарядчикъ Александръ Яковлевъ. Хватились его, а онъ лежитъ пьянехонекъ. Диву дались тогда. Кому же быть какъ не горному?

— Мудреная штука!

— Да вотъ же опять, у Р — ва, тоже шурфовала партія. Шурфовали, шурфовали: нѣтъ золота да и только. Что ты будешь дѣлать? Бросить и приискъ-то хотѣли. Вотъ разъ рабочіе копаютъ шурфъ: глядь, а по прииску идетъ самъ хозяинъ, то-есть Р—въ, одинъ-одинехонекъ. Подошелъ къ нимъ, поздоровался, какъ слѣдъ; тѣ поклонились. Ну, что, ребята, спрашиваетъ, какво золото? Да нѣтъ, говорить. Ступайте, говорить, я вамъ мѣсто покажу. Бери инструменты. Извѣстно: взяли, пошли. Отвелъ онъ ихъ съ полверсты выше. Вотъ здѣсь, говорить, закладывайте. Заложилъ. Хозяинъ посмотрѣлъ, да и ушелъ себѣ. Въ ту пору

при партіи былъ одинъ нарядчикъ, а довѣренный куда-то въ гости уѣхалъ. Пріѣзжаетъ онъ это на другой день. Видитъ не тамъ работы стоятъ гдѣ слѣдовало, взбѣсился. Чтò, говорить, это значить, кто приказалъ? Такъ и такъ, говорятъ, хозяинъ велѣлъ. Чтò вы врете? Да хозяинъ еще позавчера уѣхалъ въ Енисейскъ. Не знаемъ, говорятъ, а только онъ самъ здѣсь былъ и работы показалъ. Сталъ это довѣренный ругаться; думалъ, что его обманываютъ, хотѣлъ было и работы остановить. А въ ту пору пробу нарядчикъ взялъ: промыли, оказалось золото... Ну, чтò, баринъ скажешь, кто жь былъ замѣсто хозяина. А? какъ думаешь?

— Не знаю.

— То-то же не знаю!

Однако этотъ визитъ горнаго духа казался мнѣ очень подозрительнымъ. Я думалъ, нѣтъ ли обмана со стороны промывальщика? Не подсыпалъ ли онъ золота въ шурфъ, изъ желанія ободрить меня и приохотить къ шурфовкѣ, замѣтивъ, что я начинаю скучать отъ бесполезной и неудачной работы? Не высказывая ему этой мысли, я вздумалъ повѣрить дѣйствительно ли золото показалось? И вотъ, когда Шуманскаго не было, я самъ спустился въ глубину шурфа, самъ наложилъ пробы въ ведра, при мнѣ унесли ихъ на ваггерть, и я промылъ нѣсколько пробъ своими руками. Во всѣхъ оказалось золото; сомнѣніе разсѣялось. Мало того, къ вечеру попались два порядочные самородка.

Промывальщикъ замѣтилъ мое недовѣріе.

— Ну, сударь, увѣрились, что золото есть? спросилъ онъ.

— Увѣрился.

— То-то же! Я вѣдь не солгу, да и горный не даромъ приходилъ. А вѣдь вы не вѣрили?

— Точно, братъ не вѣрилъ.

— Думали, что я подсыпалъ?

— Думалъ.

— Эхъ, сударь! Если бъ я васъ захотѣлъ обманывать, такъ давно бы обманулъ. Хочу, золото будетъ; не хочу, спущу такъ что вы и не увидите.

— Ну ужъ будто за тобой и углядѣть нельзя? Спустишь, подыму хвосты, найду.

— Ничего не найдете. Хотите, для примѣра, промою?

— Пожалуй.

— Ну кладите счетомъ золотины.

Я положилъ въ ведро восемь золотиъ. Въ первый разъ Шиманскій вымылъ именно столько, а во второй разъ золота не оказалось. Я поднялъ хвосты, золота не было.

— Ну что, сударь, есть золото?

— Нѣтъ. Гдѣ же оно?

— А вотъ,—и онъ поднявъ ногу, снялъ съ подошвы своихъ бродней кусокъ раздавленной мясики: въ ней были всѣ восемь золотиъ. Конечно, онъ могъ это сдѣлать только съ такимъ новичкомъ, какъ я.

— Когда жь ты успѣлъ стянуть?

— А когда пробивалъ. Видите, не усмотрѣли, а кажется глупы въ оба. Да то ли еще можно сдѣлать? Я вамъ разкажу вотъ какую штуку. У Ло—на, на приискѣ былъ старый промывальщикъ, ловкій такой что чудо. Тотъ разъ объ закладъ ударился, что украдетъ съ важгерта самородокъ, и укралъ. Да еще какъ? Трое смотрѣли!

— Это какъ же?

— Да вотъ также! Сами вызвали его на это; стали говорить, что замѣтятъ. А онъ говоритъ: нѣтъ, коли хотите, не то что золото спущу, а самородокъ стяну и того не увидите. И уговорились они, коли не замѣтятъ какъ онъ спуститъ, такъ три рубля дадутъ, да стаканъ водки. Хорошо. Положили тоже счетомъ золотины, небольшой самородокъ бросили. Сталъ онъ мыть, тѣ въ оба смотрѣли. Моетъ себѣ промывальщикъ и къ важгерту не наклонится. Промыль, сталъ отбивать. Присѣлъ на важгертъ, отбилъ. Золотины тутъ, а самородка нѣтъ! Довѣренныя были васъ догадливы: покажи, говорятъ, бродни. Показалъ: нѣтъ. Ну постой, говорятъ, мы хвосты подыдемъ. Какъ молъ, знаете; ваше дѣло. Стали они подымать хвосты, а промывальщикъ попросилъ у другаго товарища табачку. Понохиваетъ, да посмѣивается. Ну промыли и хвосты, — нѣтъ самородка. Оказія! куда дѣвался? Бились, бились не могли найдти. Ну что говорить, наши? Нѣтъ. Значить, я выигралъ? Выигралъ. Ну такъ деньги давайте. Дали что обѣщали. Ну, теперь, говорятъ, гдѣ же самородокъ, покажи? А вонъ, говорить, у него въ табатеркѣ. Да и показываетъ на товарища у котораго табакъ-то нюхалъ. Тамъ и наши. Вотъ поди жь ты!

— Да, ловко. Какъ же такому плуту мыть позволяютъ! Онъ пожалуй вздумаетъ, да все золото будетъ спускать.

— Нѣтъ зачѣмъ же? Оно выгоднѣе какъ больше золота

промоешь, больше заработокъ. Прежде, такъ пожалуй дол промывальщикъ бывало стянеть порядкомъ и деньгу живеть; а теперь нѣтъ. А то вотъ -еще разъ съ М-тоже подшутили. Хвасталъ все старикъ, что его не надуу что онъ все самъ знаетъ да видитъ. Ну и ладно. Разъ пошелъ онъ это къ вахгертамъ, да и сѣлъ, а возлѣ себя банкъ съ золотомъ положилъ и говорить смѣхомъ (добрѣйшая бы душа): „вы, говорить, смотрите, мошенники, мойте хорошенъ самъ буду за вами смотрѣть. Золота не спущать, всякую золотину осмотрю, ни одной не прогляжу.“ Улыбается это крайній-то промывальщикъ. „Помилуйте говорить, за чѣмъ спущать Заподинно будемъ мыть какъ передъ Богомъ.“ Ну и моютъ Сидитъ старикъ да смотритъ. Балагуритъ еще. Промыли золото, подсушили; въ банку нужно ссыпать. Старикъ хватилъ банки-то и нѣтъ. Туда-сюда; нѣтъ, какъ нѣтъ; а ужъ там фунтовъ пятнадцать золота было. „Чего сударь ищите?“ говоритъ крайній-то промывальщикъ, а самъ посмѣивается. „Да золото“, говорить. „Вотъ, когда хватились! Сами и водите видѣть: промыли начисто, только банку пожалуйте.“ „Ахъ вы, говорить, черти, дьяволы, головорѣзы: банку-то украли!“ „Неужто!“ говорить промывальщикъ, и самъ будучи удивляется: „а вѣдь еще, ваше почтеніе, говорили, что золото не проглядите?“ „Что, братъ, дѣлать! Проглядѣлъ. Ну говорить, бестіи, перехитрили, отдайте же.“ „Да мы, говорятъ, знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ кто взял“, а самъ смѣются. Потомъ стали съ него же за золото выкупъ просить: коли, говорятъ, денегъ да водки дашь, представимъ. Засмѣялся старикъ; иначе видить дѣлать нечего, денежки отсчиталъ, и банку назадъ получилъ. Ни единой золотинки изъ нея не вынули. А такъ, значить, пошутили. Потомъ старика самому любо стало, что его такъ надули. Славный былъ старикъ.

— Кто жь у него укралъ банку?

— Кто? извѣстно промывальщику. Вотъ какой народъ!

(До слѣд. №.)

К. ЗОЛОТИЛОВЪ.

Ц В Ъ Т Ы

И

НАСЪКОМЫЯ

A vous, troupe légère,
Qui d'aile passagère
Par le monde volez,
Et d'un riant murmure
L'ombrageuse verdure
Douxement esbranlez...

I.

Быстрая сѣверная весна переходитъ въ лѣто. Еще дѣвья не утратили дѣвственной свѣжести своей молодой листвы; еще не перестали цвѣсти калина и шиповникъ, но уже, на пригрѣтыхъ солнцемъ пригоркахъ, кое-гдѣ лѣбуютъ первыя ягоды земляники. Ужъ озимыя поля подернулись матовою дымкой подвижныхъ колосьевъ, и при малѣйшемъ вѣтеркѣ надъ ихъ переливчатыми волнами носятся легкія облака серебристой пыли, носится тонкій лѣтній запахъ цвѣтущей ржи. Нескошенные дуга убраны всею разнообразною роскошью іюньской флоры. Еще питательныя соки, быстро слагающіеся изъ воздуха и весенней влаги подъ потоками лучей едва сходящаго съ неба солнца, не сосредоточились въ темныхъ, невзрачныхъ сѣменахъ, въ подземныхъ корневищахъ, въ запасъ на будущее лѣто. Еще они не оставили мягкихъ листьевъ, вѣжныхъ лепестковъ,

и каждое растеніе, каждая травка, зеленая и свѣтъ съ ногъ до головы, красуется своими первыми, самыми яркими цвѣтками и длиннымъ рядомъ еще не распустившихся почекъ. Роскошно и густо, листъ надъ листомъ, себѣ около стебля, и цвѣтокъ возлѣ цвѣтка разстилаетъ провизанная солицемъ, брачная одежда земли.... И на вершинахъ воздушныхъ колосьевъ, и въ изумрудной тѣнѣ широкихъ листьевъ, и вокругъ каждого цвѣтка, то и слѣдуя другъ друга, то вдругъ рассыпаясь въ разныя стороны, то собираясь длинными веревочками, кружатся, свѣтлая трепещущими крыльями, мотыльки и стрекозы, жуки и мухи, нарядные и свѣжіе, какъ юнѣшкіе цвѣтки. Они только что вылупились, блестящіе и сильные, изъ тѣснаго куколочки, гдѣ въ гаухомъ полусвѣтѣ медленно слагались и новые, дивные органы. И бодро, и радостно вдыхаютъ о упоительный воздухъ, проникающій во всѣ суставы и изысканную тѣлу, и быстро бьютъ своими, только-что пріобрѣтенными крыльями, съ которыхъ дожди и непогода, взаимная борьба еще не стерла ни вѣчнаго пушка, ни дивнаго металлическаго блеска, ни бархатной чешуи, отливавшей радугою. Настала для нихъ, наконецъ, долго отсроченная пора полного существованія, пора свободы и любви. А между тѣмъ, чуждыя брачныхъ наслажденій, хлопотливая пчелы, уже съ первыхъ сомнительныхъ дней весны заботливо обыскивающія каждую распустившуюся почку, всѣ засыпанная цвѣточною пылью, съ дѣловой поспѣшностью перелетаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, продолжая все тотъ же неусыпный трудъ, въ пользу чужаго потомства.

Счастливы тотъ, кто въ эту пору кипучей жизни пригороды, вдали отъ городской пыли и городской суеты, можетъ присматриваться и прислушиваться къ волшебному радостному строю этихъ мимолетныхъ явленій, кто можетъ освѣжиться въ этомъ потокѣ молодости, жизни и красоты, чей глазъ не притупленъ, чей духъ не отуманенъ, кто въ силахъ отрѣшиться отъ своего маленькаго я, и весь погружиться въ широкія волны бытія, со всѣхъ сторонъ набѣгающія на него. Какою тишиною и силою повѣтъ на него изъ этого стройнаго, роскошнаго міра! Какъ примирится онъ и съ жизнью, и съ собою!

Но вдвойнѣ счастливъ тотъ, кого досугъ и склонность

ривели къ болѣе близкому, болѣе подробному знакомству въ этомъ стройномъ міромъ, столь обяательнымъ и для неосвященнаго наблюдателя, любующагося лишь его поверхностнымъ блескомъ, его общему, вѣшной красотой. Для того, то не довольствуется этимъ первымъ могучимъ впечатлѣніемъ, кто съ любовью вглядывается въ отдѣльныя черты той картины и захочетъ уяснить себѣ ихъ взаимную связь, на волшебнѣо расширяется и углубляется, съ каждымъ шагомъ раскрывая безконечныя, чудесныя перспективы. Уже и темное сознаніе стройной законности успокаиваетъ его душу, не безотчетное обаяніе величія и красоты ласкаетъ ее. Съ ясностію дня, съ неотразимою силою убѣжденія, раскрывается передъ нимъ величавое сдѣланіе разумныхъ, необъятно плодотворныхъ законовъ, которыхъ малая частица, доступная его разумѣнію, повергаетъ его въ гау-оное, радостное благоговѣніе. Онъ чувствуетъ ничтожность своихъ познаній, своихъ способностей, передъ безграничною областью, въ которую онъ вступилъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ присутствіе безконечнаго, благотворнаго разума во всемъ чего касается его мысль, его наблюденіе, и радостно сознаетъ свое сродство съ этимъ вечнымъ, безковечнымъ разумомъ. Въ твердой увѣренности, что каждый шагъ тѣснѣе приобщитъ его къ безграничной сферѣ, составляющей истинную родину его души, онъ идетъ впередъ, и все безконечнѣе становится путь передъ нимъ, и все яснѣе сознаетъ онъ свое неразрывное единство съ тою безконечностію. Безпрестанно, съ возрастающею силою, слышится ему мистическій призывъ поэта:

Die Geisterwelt ist nicht verschlossen:
Dein Sinn ist zu, dein Herz ist todt—
Auf, Schüler, bade, unverdrossen
Die ird'sche Brust im Morgenroth!

Если вы, мой благосклонный читатель, удивляетесь, что я заговорилъ такъ восторженно и торжественно по поводу весеннихъ травокъ и летучихъ гостей, посѣщающихъ ихъ пестрые цвѣтки,—не смѣйтесь этому восторгу, но послѣдуйте за мною, и я постараюсь оправдать его передъ вами.

Сядемъ въ высокую цвѣтущую траву. Заглянемъ поглубже въ эту пеструю чащу стебельковъ, цвѣтовъ и листьевъ: постараемся разсмотрѣть въ отдѣльности каждое изъ растеньицъ, тѣснящихся вокругъ насъ.

Какъ много ихъ соединено на каждомъ малѣйшемъ клочкѣ земли! Между цвѣтущими травами, кое-гдѣ еще стояща давно опереженная въ ростѣ, съ поблеклыми листьями, зрѣющими сѣменами, травы равней весны; рядомъ съ ними уже поднимаютъ свои сочные, едальные ростки, травы по началу лѣта. А растенія, стоящія теперь въ полномъ цвѣту какъ перекрещиваются ихъ листья, какъ переплетаются ихъ стебли, тѣсясь вверхъ, къ простору и свѣту! Какъ каждый промежуточекъ, между выемчатыми и разрывными листьями, пронизываются воздушныя метелочки злаковъ, какъ цвѣпляются по всѣмъ верхушкамъ тонкія яряца полныхъ викъ и вычниковъ! Даже внизу, у самой земли, куда едва проникаетъ свѣтъ солнца, стекаются и вѣтвятся изъ рудныя ниточки мелкихъ мховъ, пытаются поднимать заглушенныя сѣянки разныхъ травъ и деревьевъ. Безъ кипучая, полная жизнь, но жизнь сдержанная, замкнутая въ тѣсныя предѣлы собственнымъ своимъ избыткомъ. И даромъ достались каждой изъ этихъ травокъ ея мѣстечко на солнцѣ, ея частичка земли. Она завоевала ихъ, заглушивъ сотни другихъ растеньицъ, вмѣстѣ съ нею вознившихъ изъ сѣмечекъ, въ первый теплый весенній день. Да и теперь у ея ногъ еще теплится жизнь въ десяткахъ мелкихъ былинкокъ, готовыхъ замѣнить ее какъ только ослабнетъ въ ней жизненная дѣятельность; а подъ нею, на самой почвѣ, еще покоятся тысячи корней и подземныхъ стеблей, таящихъ въ себѣ зародыши жизни, такой же полой, такой же могучей, только выжидающей случая, чтобы быстро обнаружиться. Не увлекайтесь спокойнымъ, привольнымъ видомъ ея свѣжихъ листьевъ, ея красивыхъ цвѣтовъ; не полагайтесь на ея вѣчную неподвижность: ея жизнь есть борьба. И не только другія растенія постоянно тѣснятъ ее, оспариваютъ ей свѣтъ, мѣсто и пищу: противъ нея въ заговорѣ цѣлый рядъ разнообразныхъ животныхъ. Ея корни подтачиваютъ ядовитыя гусеницы; ея молодые ростки гложутъ разнообразныя улитки; мириады листовыхъ вшей облѣпываютъ ея молодые листья и почки, высасывая изъ нихъ сокъ; множество быстро-летучихъ, прожорливыхъ кащкомыхъ питаются ея листвою, ея цвѣтами. Ея зимующіе корни, ея питательныя сѣмена, служатъ пищей цѣлой вереницѣ животныхъ — полевымъ мышамъ, птицамъ.

мелкимъ жукамъ; ее непрерывно косятъ и травятъ; ее убиваютъ ранніе осенніе холода, захватывающіе землю еще не покрытую снѣгомъ; ее губятъ весенніе морозы, внезапно уничтожающіе все что выманили изъ - подъ земли первые теплые дни марта и апрѣля.

Что же спасаетъ нѣжную, неподвижную травку отъ окончательнаго разрушенія? Почему ея потомство съ каждымъ годомъ также обильно украшаетъ наши луга, также пышно распускаетъ свои безчисленные цвѣтки? Гдѣ защита отъ всѣхъ этихъ враговъ?

Въ самомъ избыткѣ опасностей, въ самомъ обиліи враговъ, въ самой гибели миллионѣвъ, не выдержавшихъ съ ними неровной борьбы.

Я сказалъ миллионѣвъ, и это не гипербола. Мы обыкновенно отдаемъ себѣ мало отчета въ количествѣ живыхъ существъ, которыя погибаютъ, не достигши полнаго развитія. Мы можемъ принять, что въ теченіе времени доступныхъ нашему наблюденію, въ каждой мѣстности, ежегодно живетъ приблизительно одинаковое число представителей каждаго вида, что это число подвергается колебаніямъ, но не измѣняется постоянно въ какомъ-нибудь направленіи, если человекъ не станетъ прямо или косвенно останавливать или поощрять размноженіе животныхъ или растений этого вида. Никто не станетъ утверждать, чтобы количество воробьевъ или одуванчиковъ, березъ или тополей замѣтно возрасло въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія. А между тѣмъ, Линней разчиталъ, что однолѣтнее растеніе, производящее по два сѣмечка въ годъ, по прошествіи двадцати лѣтъ оставило бы потомство болѣе чѣмъ въ миллионъ растений¹, если бы каждый изъ потомковъ достигъ своего полнаго развитія. Но случай, предположенный Линнеемъ, не существуетъ въ природѣ. Нѣтъ растенія, которое производило бы по два сѣмечка въ годъ. Количество сѣменъ всегда несравненно больше, и кромѣ того большинство растеній одарено множествомъ иныхъ способовъ размноженія. Ежегодное количество сѣменъ каждаго папоротника, каждаго мха, не можетъ быть выражено иначе какъ миллионами.

¹ 1.048.376.

Растеній, производящихъ ежегодно тысячи сѣменъ, чрезвычайно много. Вспомните маковую головку; вспомните цвѣтущій отъ весны до осени одуванчикъ; вспомните количество шишекъ покрывающихъ къ осени рослую елку; вспомните груды пушистыхъ сѣменъ сыплющихся съ каждаго тополя, съ каждой осины, на дорожки нашихъ садовъ.

Если мы повторимъ исчисленіе Линнея, взявъ исходною точкой число тысячъ, то это число въ двадцать лѣтъ возрасло бы до количества, котораго мы не могли бы выразить, покрывъ цифрами всю эту строку. Но такія громадныя числа, пугая наше воображеніе, не возбуждаютъ въ немъ никакого опредѣленнаго представленія. Выразимся нагляднѣе. Маковая головка самой умѣренной величины содержитъ отъ 2.500 до 3.000 сѣменъ. Каждое маковое растеніе производитъ нѣсколько головокъ. Но положимъ, что изъ всѣхъ этихъ сѣменъ возшла только тысяча, и что каждое изъ этихъ растеній въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній произведетъ такое же потомство. Удѣлимъ каждому растенію скромный клочокъ земли въ четыре квадратныхъ вершка. Первое поколѣніе (въ тысячу растеній) въ такомъ случаѣ заняло бы пространство приблизительно въ четыре квадратныхъ аршина; второе—не много менѣе $\frac{3}{4}$ десятины; третье—нѣсколько болѣе семисотъ десятинь; четвертое умстилось бы только въ половину на Ионическихъ островахъ; пятое не нашло бы себѣ мѣста въ Европейской Россіи; лишь двѣнадцатая часть шестаго могла бы втѣсниться на поверхность земнаго шара, елибѣ она вся была покрыта сушею... Я не нахожу наглядныхъ выраженій, чтобы представить громадность слѣдующихъ поколѣній. Достаточно сказать, что девятнадцатое произвело бы такое количество сѣменъ, которое, будучи сплочено въ одну массу, простиралось бы во всѣ стороны отъ земли далѣе Веги, той блестящей звѣзды, которая озаряетъ наши лѣтнія ночи, и до которой ядро, пущенное изъ пушки, и постоянно сохраняющее свою первоначальную быстроту, долетѣло бы не прежде какъ черезъ шестнадцать милліоновъ лѣтъ.

Сравните это головокружительное возрастаніе чиселъ съ относительнымъ постоянствомъ, которое представляетъ намъ природа. Не былъ ли я правъ, сказавъ, что за жизнью

каждаго живаго существа кроется гибель милліоновъ? Съ каждымъ поколѣніемъ гибнуть эти милліоны, гибнуть на разныхъ степеняхъ развитія, гибнуть въ зачаткахъ, гибнуть въ возможности....

Отчего же осуществились именно тѣ изъ этихъ возможностей, которымъ соответствуютъ окружающія насъ живыя существа? Отчего выжили именно тѣ растенія, которыя такъ роскошно цвѣтутъ на нашихъ лугахъ? Что спасло ихъ отъ общаго разрушенія? Какою привилегіей пользуются они передъ погибающими братьями? Видно не совсемъ они безпомощны передъ враждебными вліяніями, со всѣхъ сторонъ напорающими на нихъ. Видно за ихъ изящною, характеристическою наружностію кроется какая-нибудь необычайная сила, видно тѣ рѣзкія и тонкія черты организаціи, по которымъ ботаникъ соединяетъ въ одну неразрывную группу, въ одинъ видъ особи, разбѣянные отъ Камчатки до Лондона, подчасъ отъ Москвы до Сиднея, эти типическія особенности, на которыхъ основаны всѣ наши классификаціи, не только нужны для порядка нашихъ гербаріевъ, но пригодны на что-нибудь и самому растенію?

Но полно, такъ ли? Не слѣпая ли игра случая опредѣляетъ жизнь и смерть этихъ мелкихъ, ничтожныхъ существъ? Есть ли намъ надобность обращаться къ инымъ соображеніямъ, кромѣ приведенныхъ чиселъ? Сколько мѣста на землѣ, столько и растеній, а за тѣмъ нѣтъ нужды, какое сѣмечко не дозрѣваетъ, какое поѣдается птицею, какое погибаетъ при прозябеніи, какое развивается въ полное растеніе!

Обратимся къ опыту. Соберемъ сѣмена съ полевой аютовой глазки, посѣемъ ихъ въ хорошую почву, защитимъ ихъ отъ стужи и засухи, отъ вредныхъ насѣкомыхъ, отъ улитокъ и звѣрей. Передъ нашими глазами разовьется ровная, однообразная семья. При первомъ взглядѣ, вы не отличите растеньице отъ растеньица, какъ при поверхностномъ знакомствѣ, въ типической семьѣ человеческой, иногда съ трудомъ различаете многочисленныхъ братьевъ. Но всмотритесь хорошенько, и вы замѣтите, что одинъ кустикъ порославе, у другаго листья пошире, на третьемъ цвѣткѣ подымаются на болѣе высокіхъ

ложкахъ, у четвертаго лиловый оттъвокъ верхнихъ лепестковъ потемнѣе, у пятаго темныя жилки почаще: легкія, сдвигающіеся, ускользящія различія, которыя даже строгій ботаникъ считаетъ несущественными. Соберите сѣмена съ этихъ растеньицъ, посѣйте ихъ съ тѣми предосторожностями и повторите то же самое для нѣсколькихъ поколѣній. Съ каждымъ посѣвомъ все опредѣленнѣе, все рѣзче будутъ выказываться тѣ особенности, которыя возникли въ первомъ посѣвѣ, и къ нимъ будутъ присоединяться новыя. Форма лепестковъ и листьевъ, прилистниковъ и чашечки, величина и окраска цвѣтка, станутъ разнообразиться все болѣе и болѣе. Первоначальный типъ разобьется на тысячу игривыхъ, переизвивающихся оттъвоковъ. Продолжайте, и вы дойдете съ одной стороны до экземпляровъ съ крошечными, едва видными лепестками,—съ другой до тѣхъ великолѣпныхъ растений съ огромными, бархатными, расписными цвѣтами, которыя такъ цвѣтятся любителями садоводства.

Но за тѣмъ, предоставьте вашу коллекцію самой себѣ. Перестаньте охранять ее отъ атмосферныхъ вліяній, отъ сорныхъ травъ, отъ вредныхъ животныхъ. Тотчасъ въ ней станетъ свирѣпствовать страшная смертность. Она вся погибнетъ въ одно, много въ два поколѣнія. Только въ одномъ случаѣ могутъ выжить нѣкоторые изъ ея членовъ, а именно, если между множествомъ уклонныхъ формъ сохранилась форма типическая, форма первоначальная дикаго родича. Если выживутъ нѣсколько экземпляровъ, то непременно самыя близкіе къ этой формѣ и изъ ихъ потомства выживутъ лишь тѣ экземпляры, которые подходятъ къ ней еще ближе.

Вы видите, что даже второстепенные признаки,—признаки несущественныя въ глазахъ ботаника-систематика,—очень существенны для растенія, что съ ними связана для него возможность существованія, что ими опредѣляются въ каждомъ поколѣніи тѣ немногіе избранные, которымъ суждено выжить и оставить по себѣ потомство.

Это быстрое исчезновеніе уклонныхъ формъ подъ свободнымъ вліяніемъ природныхъ условій обыкновенно объясняется нѣсколько иначе. Долго утверждали, и многіе утверждаютъ до сихъ поръ, что въ природѣ существуетъ

стремленіе къ сохраненію созданныхъ ею типическихъ формъ, что это стремленіе обнаруживается въ потомствѣ видоизмѣнившагося родича возвращеніемъ къ первоначальному, прародительскому типу. Это возвращеніе имѣетъ свою долю справедливости. Взгляните на обширную коллекцію фамилльныхъ портретовъ: вы почти постоянно найдете, между давно умершими прадѣдушками и прабабушками, лица поразительно схожія съ нынѣ-живущими членами семьи, подчасъ гораздо болѣе схожія съ ними чѣмъ предки болѣе близкіе, чѣмъ самые ихъ родители. Обратите вниманіе на столь многочисленныя въ Россіи семьи германскаго, польскаго, татарскаго, армянскаго, еврейскаго происхожденія: длинный рядъ поколѣній среди новыхъ условій быта, безпрестанная примѣсь славянской крови значительно ступезали, подчасъ изгладили въ ихъ типѣ рѣзкія черты первоначальной народности. Но въ каждомъ поколѣніи проглядываются стѣбланныя лица, въ которыхъ вдругъ, съ поразительною отчетливостію, снова выступаютъ эти черты, обнаруживается полное возвращеніе къ прадѣдовскому типу. Однакоже, какъ ни поразительны, какъ ни многочисленны эти явленія, они не должны отвлекать нашего вниманія отъ другаго гораздо болѣе общаго, болѣе очевиднаго факта, а именно, отъ преобладающаго сходства дѣтей съ своими родителями. Въ общей сложности, мы ближе сходствуемъ съ своими отцами чѣмъ съ дѣдами, ближе съ дѣдами чѣмъ съ прадѣдами. И это очень естественно: въ насъ борются и взвѣшиваются вліянія двухъ родителей, четырехъ дѣдовъ, восьми прадѣдовъ и такъ далѣе. Не только типическія, нормальныя особенности, но даже самыя рѣзкія уродства, какъ напримѣръ присутствіе лишняго пальца на рукѣ, передаются прямымъ потомкамъ, но не всѣмъ, потому что ихъ повторенію препятствуетъ вліяніе другаго нормальнаго родича, и съ каждымъ поколѣніемъ они, по этой причинѣ, постепенно сглаживаются и наконецъ исчезаютъ. Итакъ намъ нѣтъ надобности предполагать особую силу, возвращающую уклонныя формы къ первоначальному типу: это возвращеніе вполнѣ объясняется болѣе частою гибелью уклонныхъ формъ отъ вѣдшихъ вліаній, и постояннымъ смѣшеніемъ немногихъ выжившихъ представителей ихъ, съ представителями формы нормальной.

Блистательнымъ доказательствомъ справедливости такого воззрѣнія служить вся практика садоводовъ и заводчиковъ, — практика, лишь въ новѣйшее время сдѣлавшаяся вполне сознательною. Она именно основана на устраненіи тѣхъ двухъ причинъ, по которымъ, при естественныхъ условіяхъ, типическія формы постоянно берутъ верхъ надъ уклонными. Дѣйствительно, наши домашнія животныя, наши садовые и огородныя растенія всё безъ изъятія представляютъ намъ значительныя отступленія отъ первоначальнаго природнаго типа. Мы требуемъ отъ нашего скота, отъ нашихъ домашнихъ птицъ такого количества мяса и жира, шерсти и пуха, какого не имѣютъ ихъ дикіе родичи; мы цѣнимъ разводимыя нами растенія за такой объемъ, такія свойства плодовъ и корней, за такой блескъ и разнообразіе цвѣтовъ, какого не представляютъ скромные ихъ братья, растущіе въ лѣсахъ и лугахъ разныхъ странъ земнаго шара. Какъ же поступаемъ мы, чтобы добыть эти уклонныя формы и сохранить ихъ вопреки природнымъ вліяніямъ, стремящимся ихъ уничтожить?

Вопервыхъ, мы разводимъ животныхъ и растенія въ большихъ количествахъ, тщательно устраняя всё вредныя вліянія, могущія погубить отдѣльныя, менѣе сильныя особи; мы облегчаемъ для нихъ борьбу съ ихъ многочисленными врагами, борьбу за существованіе. Черезъ это мы сохраняемъ множество уклонныхъ формъ, которыя безъ того безвозвратно погибли бы въ самомъ началѣ своего развитія; мы устраняемъ одну изъ тѣхъ причинъ, которыя, при естественныхъ условіяхъ, охраняютъ типическое однообразіе вида.

Вовторыхъ, мы изъ множества разнообразныхъ отгѣнковъ, на которые разбивается типическая форма при такомъ искусственномъ разведеніи, выбираемъ и заставляемъ плодиться именно тѣ, которыя по чему-нибудь представляютъ намъ болѣе выгоду. Изъ животныхъ, смотря по нашимъ потребностямъ, мы выбираемъ тѣхъ, которыя отличаются либо болѣею силой, либо болѣею количествомъ мяса, либо болѣе пушистою шерстью; изъ овощей тѣ, чьихъ питательныя части, корень ли, листья ли, или плодъ, представляютъ наибольшій объемъ, самый пріятный вкусъ. Повторяя этотъ выборъ въ теченіи многихъ поколѣній, мы придаемъ этимъ особенностямъ все болѣе и

болѣе прочности, потому что въ каждомъ поколѣннн прочностъ этихъ признаковъ усиливается вліяніемъ новаго ряда предковъ. Изъ множества кандидатовъ на существованіе, представляемыхъ извѣстнымъ количествомъ растеній или животныхъ при каждомъ поколѣннн, мы сохраняемъ въ живыхъ не тѣхъ, которые соединяютъ въ себѣ всѣ условія успѣшной борьбы съ губительными вліяніями вѣшняго міра, а тѣхъ, которые чѣмъ-нибудь удовлетворяютъ нашимъ потребностямъ, угождаютъ нашимъ вкусамъ. Изъ ряда тысячъ возможностей, которыя возникаютъ ежечасно въ естественномъ ходѣ природы, мы выхватываемъ и осуществляемъ не тѣ, которыя осуществила бы сама природа, но тѣ, которыя намъ полезнѣе, и обеспечиваемъ ихъ дальнѣйшее существованіе строгимъ отдѣленіемъ отъ представителей формы типической. Такимъ образомъ, мы устраняемъ вторую причину, обуславливающую, при естественныхъ условіяхъ, возвращеніе уклонныхъ формъ къ первоначальному типу, устраняемъ безпрестанное смѣшеніе этихъ формъ съ болѣе распространенною типическою формою.

Этими двумя способами—сохраненіемъ, по возможности въ чѣлости, обширныхъ поколѣннй органическихъ существъ, и тщательнымъ выборомъ изъ ихъ среды особей одаренныхъ опредѣленными особенностями, для произведенія новыхъ поколѣннй, достигимъ повтореніемъ этого выбора, человѣкъ создалъ всѣ породы домашнихъ растеній и животныхъ, постоянно окружающія его и сдѣлавшіяся для него необходимыми условіями существованія. Часто эти породы до того измѣнились отъ вѣковаго дѣйствія человѣка, что мы не можемъ болѣе доискаться ихъ естественныхъ родичей; таковы между животными: собака, корова, курица; между растеніями: рожь, овесъ, огурецъ, табакъ. Почти постоянно, домашнія породы отличаются отъ дикихъ родичей признаками столь же рѣзкими, какъ признаки, отличающіе естественные виды.

Но этимъ не ограничивается вліяніе человѣка на порабощаемыя имъ органическія существа. Онъ не только по производству усиливаетъ или развиваетъ въ нихъ тотъ или другой признакъ, не только увѣковѣчиваетъ самыя рѣдкія уклоненія, которыя безъ него безвозвратно погибли бы. Онъ по прихоти своей тасуетъ эти признаки, производитъ между

ними сочетанія небываема въ природѣ. Искусно подбирая родичей, оръ получаетъ отъ нихъ потомство, часто соединяющее признаки, постоянно раздѣленные въ природѣ. Надобно ему одноцвѣтные породы нашихъ розъ, георгинъ, гвоздикъ и левкоевъ, и оръ, перенося пыльцу одного цвѣтка на рыльце другого, иначе окрашеннаго, получаетъ изъ его сѣмь новыя разновидности съ разнообразно испещренными и разрисованными цвѣтками. Не удовлетворяютъ его прихотямъ причудливо разнообразныя формы многочисленныхъ видовъ кактуса—и оръ заставляетъ пурпурный цвѣтокъ красиваго кактуса (*Cereus speciosissimus* DC.) распускаться на плоскихъ листовидныхъ стебляхъ кактуса розоваго (*Phyllocactus phyllantoides* DC.)¹. Породы рога таго скота, подъ руками англійскихъ заводчиковъ, стали представлять всевозможные оттѣнки въ сочетаніяхъ всѣхъ качествъ, которыя требуются отъ него взыскательнымъ сельскимъ хозяиномъ—количества мяса и жира, мышечной силы, молочности, быстроты въ развитіи. Но и этого мало: челоуѣку удалось сочетать въ одномъ существѣ признаки животныхъ, рѣзко отличающихся между собою, единогласно относимыхъ къ разнымъ видамъ. Южная Америка торгуетъ мѣхами, соединяющими тонкость и длину козьей шерсти съ мягкостію и пушистостію бараньей. Эти такъ-называемые *pelones* получаютъ отъ животныхъ, происшедшихъ отъ смѣшенія козъ съ баранами. Искусный спекуляторъ, г. Ру, въ Ангудемѣ, ежегодно продаетъ до тысячи животныхъ съ очень вкуснымъ мясомъ, которыхъ оръ называетъ ле-порридами. Они произошли отъ смѣшенія зайца съ кроликомъ. Одному искусному рыбоводу уже почти удалось подобное смѣшеніе между налимомъ и лососемъ².

Конечно, не всѣ естественныя виды въ равной степени поддаются такому измѣняющему вліянію челоуѣка; не всѣ производятъ въ равномъ изобиліи рѣзкія отклоненія, не всѣ одинаково легко плодятся при тѣхъ искусственныхъ условіяхъ, въ которыя мы ихъ переносимъ. Но разница тутъ только въ степени. То, что съ однимъ животнымъ или расте-

¹ Гибридъ, извѣстный подъ названіемъ *Cereus Ackermannii*.

² Этотъ интересный опытъ удался г. Фраасу. Рыбешки, происшедшія отъ этого смѣшенія, выключались изъ яйца, но прожили очень долгого.

нѣмъ не удастся намъ черезъ десятки, удастся черезъ сотни поколѣній, удастся, когда мы будемъ имѣть возможность разводять разомъ огромныя массы экземпляровъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности положить предѣловъ власти человѣка надъ природою. Съ конца прошлаго столѣтія, послѣ великолѣпныхъ опытовъ Кельрейтера надъ искусственнымъ опыленіемъ растеній, послѣ удивительныхъ результатовъ, достигнутыхъ Беквелемъ въ усовершенствованіи животныхъ породъ, съ каждымъ днемъ все яснѣе и полнѣе сбываются предсказанія Бекона:

„И мы имѣемъ обширныя и разнообразныя сады.... и въ этихъ садахъ, мы своимъ искусствомъ заставляемъ цвѣты и плоды развиваться ранѣе и позже чѣмъ въ урочное время; заставляемъ ихъ также размножаться быстрѣе чѣмъ въ природномъ состояніи. Мы придаемъ деревьямъ и травамъ размѣры больше естественныхъ, ихъ плоды становятся крупнѣе и слаще, и они отличаются вкусомъ, запахомъ, цвѣтомъ и формою отъ плодовъ своего вида... Также производимъ мы новыя, невѣдомыя растенія, отличныя отъ обыкновенныхъ, и одинъ видъ растенія превращаемъ въ другой.

„Имѣемъ мы также ограды и звѣрняцы для звѣрей и птицъ всѣхъ родовъ... И заставляемъ мы ихъ искусственно принимать размѣры больше естественныхъ, и наоборотъ, уменьшаемъ ихъ ростъ; кромѣ того, мы иныя животныя дѣлаемъ болѣе плодовитыми чѣмъ назначено имъ природою, другія же бесплодными, и неспособными къ размноженію. Мы также разнообразно видоизмѣняемъ ихъ цвѣтъ, ихъ видъ, ихъ характеръ. А еще устраиваемъ мы совокупленія и смѣшенія между животными разныхъ видовъ, и отъ этого происходятъ виды новыя и не бесплодныя, какъ обыкновенно думаютъ.“¹

Всѣ эти чудеса, которыми смѣлый философъ разукрасилъ свою фантастическую Атлантиду, нынѣ совершаются во-кругъ насъ. Не въ правѣ ли мы гордиться этими великолѣпными результатами? Не въ правѣ ли мы самодовольно сравнивать тѣсный кругъ, въ который природа замкнула свои виды, съ тѣмъ безконечнымъ просторомъ, который мы

¹ *Novus Atlas*. Lugd. Batav. 1648. pp. 70—72.

дали имъ; типическое однообразіе дикихъ животныхъ и растений съ тѣмъ играющимъ разнообразіемъ формъ, съ тою роскошью различій и оттѣнковъ, которую мы вызвали въ ихъ поработанномъ потомствѣ? Не выше ли, не совершеннѣе ли душистая столбчатая роза чѣмъ скромный лѣсной шиповникъ? Не богаче ли стала флора земнаго шара отъ неистощимаго изобилія новыхъ, предестныхъ формъ, ежегодно возникающихъ, въ нашихъ садахъ и теплицахъ, въ аристократическихъ семьяхъ бегоній и фуксій, азалей и глоксиній? А драгоценные англійскіе быки и свиньи, а благородные англійскіе скакуны, а умные понтеры, развѣ мы не можемъ поставить ихъ наравнѣ и выше ихъ бѣдныхъ родственниковъ, не пользовавшихся просвѣщеннымъ покровительствомъ челоѣка?

Подождемъ гордиться; не станемъ дѣлать поспѣшныхъ, преждевременныхъ заключеній. Всмотримся поближе въ то что сдѣлалъ челоѣкъ, и въ то что постоянно творить природа; не увлекаясь наружностію, сравнимъ результаты вѣчныхъ законовъ бытія съ результатами нашихъ полезныхъ усилій, нашихъ изящныхъ прихотей: а потомъ посмотримъ, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ.

Всѣ наши великолѣпныя искусственныя породы, какъ ни стараемся мы упрочить ихъ продолженіе, пользуются лишь временнымъ, условнымъ существованіемъ. Только самый тщательный уходъ спасаетъ ихъ отъ гибели въ столкновеніи съ условіями внѣшней природы, только строгое отдѣленіе отъ особой формы типической ограждаетъ ихъ отъ постепеннаго возвращенія къ этой формѣ вслѣдствіе безпрестаннаго смѣшенія. Спросите заводчиковъ, какихъ трудовъ стоить имъ сохраненіе тѣхъ высокихъ породъ рогатаго скота, овецъ, свиней, которыя составляютъ гордость новѣйшаго скотоводства. Спросите садовниковъ, какого тщательнаго ухода требуетъ избранная коллекція аютиныхъ глазокъ, вербенъ или флоксовъ. Всѣ эти искусственныя виды и разновидности до того нѣжны, что не только свободнаго доступа природныхъ вліяній, но малѣйшаго упущенія въ присмотрѣ за ними достаточно чтобы пресѣчь ихъ существованіе. На нихъ дѣйствуютъ особенно губительно всѣ тѣ природныя силы, съ которыми успѣшно борются виды естественныя. Колебанія температуры, животныя и растительныя паразиты, качество и количество пищи

реагируютъ на нихъ несравненно сильнѣе чѣмъ на ихъ дикихъ братьевъ. Наконецъ они мало плодовиты и ихъ размноженіе сопряжено съ особенными трудностями.

А виды естественные? Ихъ существованіе такъ же прочно, какъ шатко существованіе видовъ искусственныхъ. Ничего успѣе челоуѣка не можетъ искоренить ихъ. Сорныя травы, эти естественныя враги челоуѣка, ежегодно истребляемые имъ въ огромномъ количествѣ, ежегодно возраждаются вокругъ насъ. Вредныя наѣкомыя, несмотря на всѣ наши убійственныя средства противъ нихъ, не уменьшаются въ количествѣ. Даже самыя рѣдкія растенія, попадающіяся въ данной мѣстности отдѣльными, разбросанными экземплярами, отстаиваютъ свое скромное мѣстечко, среди богатой, многочисленной флоры. Уничтоженныя, по видимому, челоуѣкомъ, они снова являются, часто черезъ двадцать, тридцать лѣтъ. Вообще челоуѣку до сихъ поръ не удалось уничтожить ни одного естественнаго вида, и не удалось удрочить существованіе ни одной изъ формъ, созданныхъ имъ искусственно.

Отчего же это различіе? Какими преимуществами пользуются естественные виды? Что спасаетъ ихъ отъ многочисленныхъ враговъ? Какая таинственная связь существуетъ между такими ничтожными признаками, какъ напримѣръ форма и колоритъ лепестковъ, и способностію растенія къ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ? Какую защиту находятъ они въ этомъ видовомъ типѣ, такъ легко измѣняющемся подъ нашими руками, такъ неизмѣнно сохраняемомъ природою среди множества частныхъ уклоненій?

II.

Посмотримъ вокругъ себя. Мы заговорились о предметахъ общихъ и слишкомъ надолго отвлеклись отъ разнообразныхъ травокъ, со всѣхъ сторонъ обступающихъ насъ. Взгляните, съ какою тонкою, нѣжною отчетливостію выражается въ каждой изъ нихъ особый, своеобразный характеръ, какъ форма листьевъ, ихъ расположеніе, то частое, то рѣдкое, самый прихотливый изгибъ ихъ очертаній, углы полъ которыми вѣтвятся стебли и отгибаются отъ нихъ листья, придаютъ каждой изъ нихъ своеобытную физиономію. А цвѣтки? При постоянной симметріи, при безпрестанно

повторяющихся въ ихъ лепесткахъ и тычинкахъ числахъ, четыре, пять, шесть,—какое разнообразіе въ соотношеніи этихъ частей, въ ихъ размѣрахъ, положеніи и формахъ? А насккомья, блестящую толпою кружащіяся вокругъ нихъ? Сколько въ каждомъ изъ нихъ самостоятельной граціи, сколько оригинальности въ рѣзкомъ очертаніи органовъ, въ ловкихъ приѣмахъ, въ быстрыхъ движеніяхъ! Недаромъ есть люди, посвящающіе всю свою жизнь занятіямъ цвѣтами или насккомыми, не съ цѣлю изучить глубокія тайны ихъ жизни, а только изъ любви къ безконечному разнообразію ихъ изящныхъ формъ, такъ тѣсно связанныхъ между собою, такъ тонко отличающихся одна отъ другой.

Но полная красота этихъ созданій обнаруживается вполне лишь въ яркій июньскій день, когда жизнь кипитъ въ животныхъ и растеніяхъ, когда мы можемъ подсмотреть, какъ каждое насккомое посѣщаетъ предназначенное ему растеніе, какъ искусно и живо высасываетъ оно изъ него сокъ, какая гармонія контрастовъ и созвучій связываетъ и въ этой мелкой сферѣ два великія царства природы. Вотъ легкая мушка свѣла на отогнутый край лиловаго колокольчика: цвѣтокъ слегка покачулся, и изъ его два выкатилась блестящая капля сахаристой влаги. Воздушная посѣтительница жадно пьетъ сверкающій нектаръ, безъ чаши, безъ сосуда, сохраняющій между ея пушистыми лапками форму хрустального шара, какъ тотъ хрустальный шаръ, который чистая жена брамина каждое утро своими руками почерпала изъ священныхъ волнъ Гангеса. Вотъ быстрая, миниатюрная оса съ узко-перехваченнымъ кольчатымъ тѣломъ, налетѣла на цвѣтокъ болотнаго геранія, издали свѣтящійся моднымъ цвѣтомъ *solferino*. Цѣпка ухватилась она за основанія лепестковъ, подогнула свой эластическій животикъ, и заботливо качая усиками, съ смѣлостью опытнаго закройщика, своими острыми челюстями вырѣзываетъ изъ серединки самаго бархатнаго лепестка широкій кружочекъ. Нѣсколько секундъ, и она уже кончила свое дѣло, ухватила въ переднія лапки свою драгоценную добычу, и взвилась высоко надъ нашими головами; лишь пурпурная точка мелькаетъ и тонетъ въ синевѣ безоблачнаго неба. Подождемъ немного, и она вернется. Много ей нужно этой великолѣпной ткани, чтобъ обить уютное гнѣздышко, которое она готовитъ своему будущему потомству.

Не ставемъ отрывать нашихъ взоровъ отъ неважной прелести этихъ явленій. Не ставемъ думать, что она только легкая пища для нашего празднаго воображенія: за этою красотой кроются глубокія тайны, величавые законы природы. Эта красота—блескъ истины, какъ сказалъ некогда Платонъ.

Среди множества цвѣтовъ, поднимающихъ свои пестрые флажки надъ зеленымъ ковромъ дуга, сосредоточимъ наше вниманіе на одномъ. Онъ, быть-можетъ, уже извѣстенъ вамъ подъ народнымъ названіемъ кукушкиныхъ слезокъ¹. Прямо, какъ стрѣлка, подымается его лиловый колосъ, составленный изъ красивыхъ цвѣтковъ, тѣсною спиралью насаженныхъ на сочномъ стержнѣ. Разсмотримъ повнимательнѣе одинъ изъ этихъ цвѣточковъ. Много въ немъ общаго съ другими извѣстными вамъ цвѣтками, но много своеобразнаго и страннаго. При первомъ взглядѣ онъ напоминаетъ вамъ старыя знакомыя,—лиліи, нарциссы и касатики нашихъ садовъ, и это первое впечатлѣніе не обманываетъ васъ. Дѣйствительно, кукушкины слезки принадлежатъ къ одной обширной группѣ съ этими растеніями—группѣ, обнимающей кромѣ того много растительныхъ семействъ, каковы пальмы, бананы, злаки и т. д. Эта группа—растенія односѣменодольныя, характеризуется тѣмъ, что при прозябаніи семени, молодое растеніе развивается одинъ листокъ, а не два разомъ, стоящіе одинъ противъ другаго, какъ наши деревья, кустарники и множество нашихъ травъ, которыя по этому относятся къ отдѣлу двусѣменодольныхъ. Кромѣ этого рѣзкаго, но быстро-преходящаго признака, растенія этихъ двухъ отдѣловъ, отличаются одни отъ другихъ множествомъ признаковъ, внутреннихъ и вѣшнихъ, придающихъ каждой группѣ совершенно особую физиономію. Изъ этихъ признаковъ всего болѣе бросаются въ глаза слѣдующіе: Жилки на листьяхъ односѣменодольныхъ растеній расположены параллельно, и самая форма листа проще, чѣмъ въ листьяхъ двусѣменодольныхъ растеній, представляющихъ намъ сложное сплетеніе безпрестанно развѣтвляющихся жилокъ. Вспомните листъ ржи, гяцинта, банана, и сравните его съ листьями розы, клена, ясени. Другой рѣзкій признакъ заключается въ числѣ цвѣтовыхъ частей.

¹ *Orchis maculata.*

У большей части односѣменодольныхъ растеній это число есть 3, или кратное тремъ—такъ у лиліи, у гиацинта, цвѣтовая оболочка состоитъ изъ шести лепестковъ, расположенныхъ двумя рядами, по три лепестка; внутри ихъ расположено два кружка тычинокъ, каждый изъ трехъ; наконецъ въ самой серединѣ цвѣтка помѣщается пестикъ, состоящій также изъ трехъ сросшихся органовъ. Этотъ тройственный типъ цвѣтка односѣменодольныхъ растеній, вмѣстѣ съ остроконечною формою лепестковъ, такъ существенно опредѣляетъ его физиономію, что сохраненъ даже въ геральдическомъ символѣ, въ искаженномъ изображеніи лиліи, красовавшемся въ гербѣ французскихъ королей. Никогда, между односѣменодольными растеніями не встрѣчается въ цвѣткѣ пятерной типъ, столь распространенный между двусѣменодольными: вспомните шиповникъ, гвоздику, незабудку. Четверной типъ, по которому построены, напримеръ, цвѣты капусты, сирени, встрѣчается въ обѣихъ группахъ, хотя и рѣже.

Но возвратимся къ нашимъ кукушкинымъ слезкамъ. То, что въ нихъ напомнило вамъ наши садовыя луковичныя растенія, именно и есть тройственный типъ цвѣтка. Онъ также представляетъ намъ два поперебѣнные ряда лепестковъ, состоящіе каждый изъ трехъ такихъ органовъ. Однакоже всматриваясь въ него, вы скоро убѣдитесь, что онъ многимъ отличается отъ цвѣтка этихъ дальнихъ своихъ родственниковъ. Цвѣтокъ кукушкиныхъ слезокъ, хотя вполнѣ симметрическій, не представляетъ намъ той лучистой, звѣздовидной правильности, которая свойственна нарциссамъ и лиліямъ, свойственна большинству цвѣтовъ окружающихъ насъ, и дѣлаетъ ихъ вѣчными образцами нашихъ узоровъ, нашихъ золотыхъ издѣлій и архитектурныхъ украшеній. Эти правильные лучистые цвѣтки могутъ быть раздѣлены на двѣ равныя половины каждою линіей, проходящею по средней жилкѣ каждаго лепестка, каждою линіей, проведенною черезъ центръ цвѣтка и промежутокъ двухъ лепестковъ. Цвѣтокъ же кукушкиныхъ слезокъ, и всѣхъ растеній принадлежащихъ, какъ онъ, къ обширному семейству орхидей, можетъ быть раздѣленъ на двѣ равныя половины, лишь одною вертикальною линіей, проходящею по среднимъ жилкамъ нижняго и верхняго лепестка, иными словами, правая и лѣвая сторона цвѣтка орхидей равны,

лю верхняя и нижняя часть его не равны между собою, точь въ точь какъ въ тѣлѣ челоѣка, въ тѣлѣ всѣхъ позвоночныхъ и насѣкомыхъ. Цвѣтокъ съ такимъ расположеніемъ частей, цвѣтокъ неправильный, какъ называютъ его ботаники, встрѣчается не только у орхидей, но и у множества другихъ растеній, извѣстныхъ вамъ: таковы цвѣтки фиалокъ, анютиныхъ глазокъ, мяты, риттершпора, пеларіума. Но нигдѣ эта неправильность не выражается въ такихъ причудливыхъ и разнообразныхъ формахъ, какъ у орхидей. Тутъ она главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что нижній лепестокъ, принадлежащій ко внутреннему ряду, такъ называемая *губка*, развитъ сильнѣе всѣхъ прочихъ, часто расщепленъ на три лопасти и украшенъ самыми разнообразными бугорками и отростками. Между этими отростками особенно важень одинъ; это такъ-называемый *шпорецъ*: полая трубочка, съ замкнутымъ дномъ, открывающаяся внутри цвѣтка, у основанія губки. На днѣ этого шпорца обыкновенно отдѣляется сахаристая влага, привлекающая насѣкомыхъ.

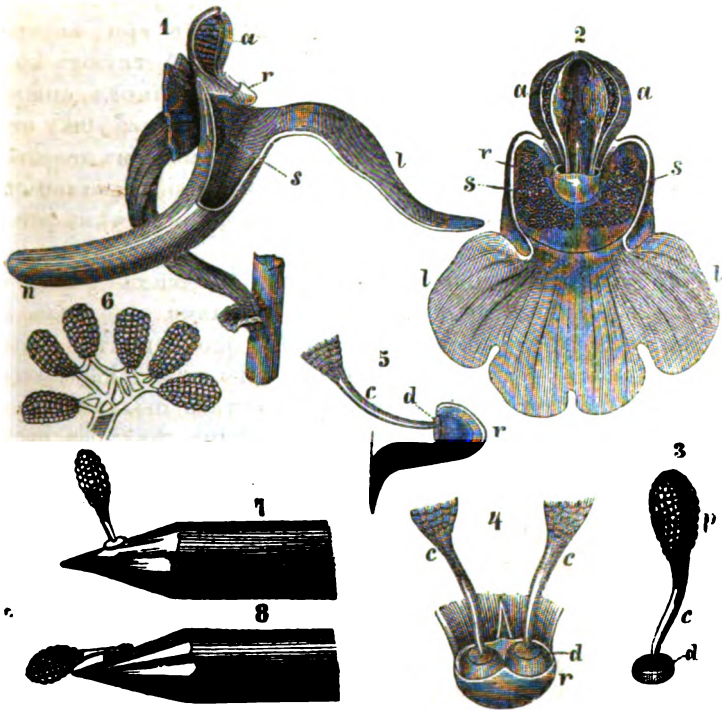
Но и прочіе лепестки, хотя менѣе причудливыя чѣмъ губка, своею разнообразною формой, своими оригинальными изгибами, содѣйствуютъ странному впечатлѣнію, которое производитъ на насъ цвѣтокъ орхидей. Въ каждомъ родѣ, въ каждомъ видѣ этого семейства, эти элементы соединяются въ своеобразное цѣлое, представляющее особую, типическую физиономію. Описать эти формы невозможно: ботаники напрасно ищутъ сравненія съ раковинами, насѣкомыми, птицами, даже челоѣкомъ, чтобы дать о нихъ наглядное понятіе. Прибавьте къ этому всю гамму красокъ, отъ яркаго, глубокаго пурпура до нѣжной лазури, отъ темно-коричневаго до свѣжной бѣлизны, отъ ослѣпительно-чистыхъ тоновъ призматическаго спектра до неопредѣленныхъ оттѣнковъ черепахи и раковинъ, и всѣ возможныя сочетанія этихъ красокъ между собою; прибавьте для тропическихъ формъ, часто значительные размѣры цвѣтка и упоительный запахъ, и вы поймете почему коллекція живыхъ орхидей есть сокровище, о которомъ мечтаетъ всякій истинный любитель цвѣтовъ. Нигдѣ, быть-можетъ, какъ въ этомъ прелестномъ семействѣ, не выразилась такъ ярко творческая сила природы, ея разнообразіе въ предѣлахъ строгаго единства. Шестъ лепестковъ, постоянно

расположенныхъ однимъ и тѣмъ же образомъ, и на эту пистую тему создано неисчислимое количество самыхъ блестящихъ, самыхъ неожиданныхъ вариаций, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый характеръ. Передъ этимъ чedomъ блѣднѣютъ контрапунктная ухищренія самыхъ извѣстныхъ музыкантовъ, блѣднѣетъ даже толстый томъ почтеннаго Себастьяна Баха *Die Kunst der Fuge*, состоящій весь изъ видоизмѣненій, извращеній, и разныхъ перекрестковъ одного и того же музыкальнаго мотива.

Но не одна цвѣтовая оболочка орхидей отличается такимъ разительнымъ своеобразиемъ. Еще глубже, еще характеристичнѣе, отступленія отъ общаго, правильнаго типа представляемая намъ внутренними, существенными частями цвѣтка,—частями, служащими къ воспроизведенію растенія. Въ огромномъ большинствѣ растеній, центръ цвѣтка занятъ однимъ или нѣсколькими пестиками, органамъ которыхъ вздутое основаніе, завязь, есть зачатокъ будущаго плода, которыхъ свободный кончикъ снабженъ бархатною пуговкой, рыльцемъ, часто сидящимъ непосредственно на завязи, еще чаще отдѣленнымъ отъ нея тоненькою ножкою, столбикомъ. Между пестикомъ и лепестками въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ, въ числѣ обыкновенно соотвѣтствующемъ числу прочихъ цвѣтовыхъ частей, помещаются тычинки, тоненькія виточки, оканчивающіяся мѣшечкомъ, наполненнымъ цвѣточною пылью или пыльцою,—пыльниками. Эта-то пыль, попадая на рыльце, вызываетъ развитіе плода. Изъ каждаго зернышка пыльца выступаетъ нѣжная трубочка, и опускаясь сквозь полый столбикъ до завязи, оплодотворяетъ въ ней зачатки будущихъ сѣмянъ.

У орхидей же всѣ эти органы, обыкновенно рѣзко отдѣленные между собою, сплочены въ одно тѣло, въ такъ называемый столбъ, который въ свою очередь своимъ основаниемъ спаянъ съ основаніемъ губки. Взгляните на цвѣтокъ нашихъ кукушкиныхъ слезокъ. Насупротивъ губки надъ отверстіемъ, ведущимъ въ ея шпорецъ, возвышается какъ бы маленькая будочка. (Фиг. I. 2). Внутри этой будочки, направо и налево, ея стѣнка представляетъ бархатныя пятна; эти пятна—рыльца, сообщающіяся съ длинною, закрученною завязью, находящеюся подъ лепестками и отдѣляющею цвѣтокъ отъ стержня. Фруктовъ будки—не что иное

акъ пыльникъ. Вы на немъ увидите двѣ перпендикулярныя жважины, сквозь которыя проглядываетъ пыльца, наполняющая два его гвѣздышка. У нижняго кончика пыльника вы кромѣ того замѣчаете выдающійся внизъ и впередъ гупой носикъ, кончикъ котораго такимъ образомъ приходится противъ самаго входа въ шпорець и раздѣляетъ входъ будочки на двѣ арки, въ глубинахъ которыхъ виднѣются рыльца. (См. фиг. I. 2. г.).

I *Orchis mascula*.

а. Пыльникъ.	п. Шпорець.
г. Носикъ.	р. Пыльцевая масса.
в. Рыльце.	с. Ножка пыльцевой массы.
л. Губка.	д. Липкій кружочекъ.

1. Цвѣтокъ съ боку. Всѣ лепестки удалены, кромѣ губки, половина которой срезана вмѣстѣ съ частью основанія шпорца. 2. Цвѣтокъ спереди. Всѣ лепестки удалены, кромѣ губки. 3. Пыльцевая масса, въ которой можно отличить пыльцевыя кожки, ножку и липкій кружочекъ. 4. Кружки и ножки обѣихъ пыльцевыхъ массъ, еще прикрѣпленныхъ къ носику; нижній край трещины сдвинутъ внизъ. 5. Разрѣзъ носика показывающій способъ прикрѣпленія къ нему пыльцевой массы. 6. Пыльцевыя кожки, соединенныя глущими пятнышками липкаго вещества. 7. Пыльцевая масса, прилипшая къ карандашу, тотчасъ по вынесеніи изъ цвѣтка. 8. Она же, послѣ изгиба.

Какъ ни разительно различіе между цвѣткомъ, построеннымъ такимъ образомъ, и правильнымъ цвѣткомъ лилии или нарцисса, но, въ сущности, на первый можно смотрѣть какъ на видоизмѣненіе послѣдняго. Дѣйствительно, тщательныя изслѣдованія анатоміи и развитія цвѣтка орхидеи и наблюденія надъ прокidyвающимися въ немъ иными уродливостями показали, что въ немъ присутствуютъ зачаткѣ всѣ тѣ органы, изъ которыхъ составленъ напримѣръ цвѣтокъ лиліи. Но изъ трехъ рылецъ одно претерпѣло въ упомянутый нами носикъ; всѣ три внутреннія тычинки не доразвилась, и остатки содѣйствуютъ къ утолщенію столба¹. Изъ трехъ наружныхъ тычинокъ, лишь одна развиваетъ свой пыльникъ, составляющій макушку столба. Двѣ прочія срастаются, слияются съ нижнимъ лепесткомъ, отчего онъ и превращается въ широкую, трехлопастную губку, болѣе тѣсно связанную съ столбомъ чѣмъ всѣ прочіе лепестки.

Но этихъ странныхъ отступленій, этихъ разнообразныхъ слияній между отдѣльными органами еще мало. Цвѣтокъ орхидей представляетъ другія особенности, болѣе существенныя, болѣе значительныя. Пыльца, заключающаяся въ гнѣздышкахъ единственнаго развитаго пыльника, не сыпается мелкимъ, летучимъ порошкомъ, какъ въ прочихъ растеніяхъ. Она вся сплочена въ одну булавовидную массу чрезвычайно липкимъ веществомъ, которое не даетъ ни одному зернышку выпасть изъ пыльника. Кромѣ того эта пыльцевая масса суживается къ низу въ упругую, твердую ножку, которая кончикомъ плотно прикрѣпляется къ выдающемуся подъ пыльникомъ носику. (Фиг. I. 3, 4) Слово все устроено въ этомъ цвѣткѣ такъ чтобы пыльца ни коимъ образомъ не попала на рыльце. Какъ же произойдетъ опыленіе? Посмотримъ.

Вотъ около насъ другой колосъ кукушкиныхъ слезокъ. Станемъ смотрѣть на него, не сводя глазъ. Уже солнце поднялось высоко; знойный воздухъ неподвиженъ: слышно лишь жужжаніе тысячи насѣкомыхъ. Вотъ хлопотливая пчелка, не обращая вниманія на наше присутствіе, во

¹ У нѣкоторыхъ орхидей, двѣ изъ нихъ (верхнія) развиваются вполне. Такъ въ *calceolaria* (*Cypripedium calceolus*).

лиже подбирается къ намъ, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ. Вотъ она налетѣла на наши кукушкины слезки. Вотъ хватилась она передними лапками за широкую губку много изъ цвѣтковъ, и слегка покачиваясь на этомъ воздушномъ балконѣ, погружаетъ свою головку въ глубину цвѣтка, чтобы достать своимъ хоботкомъ до дна шпорца, гдѣ кроется капля душистаго нектара. Вотъ она, высосавши сокъ изъ одного цвѣтка, переходитъ на другой; вотъ она уже на третьемъ. Но подымая изъ него свою головку, она останавливается въ недоумѣніи. Что случилось съ нею? Пригнемся поближе. Посмотрите, на самой серединѣ ея два, одинъ возлѣ другаго, приклеены два золотистые рожка. Она нетерпѣливо мотаетъ головкою, выворачиваетъ ее направо и налево на своей тонкой и гибкой шейкѣ, старается сбросить неожиданное украшеніе своими проворными зубчатыми лапками. Все напрасно. Рога словно приросли къ ея головѣ, и она улетаетъ съ очень недовольною физиономіей.

Вы догадались, что ко лбу нашей пчелки прилѣпились пыльцевыя массы. Но это еще требуетъ нѣкотораго объясненія. Я сказалъ вамъ, что пыльцевыя массы прикрѣплены къ носику. Какъ же перешли онѣ на головку пчелы? Дѣло въ томъ, что носикъ лишь на поверхности своей состоитъ изъ плотной ткани. Вся его внутренность наполнена полужидкою, чрезвычайно липкою массой. Въ то время, какъ распускается цвѣтокъ, плотная оболочка носика разрывается поперечною, извилистою трещиной. Въ то же время вѣкругъ точки прикрѣпленія пыльцевой массы образуется круговидная трещина, такъ что каждая пыльцевая масса оказывается прикрѣпленною кончикомъ своей ножки къ маленькому, отдѣльному кружочку. (См. фиг. I. 3, 4.) Когда пчела погружаетъ свою голову въ отверстіе шпорца, она неминуемо должна коснуться лбомъ до носика, заграждающаго это отверстіе. При этомъ она сдвигаетъ внизъ край расщепившейся оболочки носика, и упирается въ лежащее подъ ней липкое вещество. Это липкое вещество образуетъ внутри носика двѣ округлыя капли, на которыхъ лежатъ кружки съ прикрѣпленными къ нимъ пыльцевыми массами; оно же прикрѣпляетъ къ ея лбу золотыя рожки, которыми она такъ недовольна. Это вещество имѣетъ свойство твердѣть почти

мгновенно на воздухъ, и поѣтому пчелѣ такъ трудно отдѣлаться отъ непрошеннаго украшенія.

Но что же далѣе? Пчела будетъ посѣщать другіе цвѣтки кукушкиныхъ слезокъ. Она точно также будетъ садиться на губку и погружать свою голову въ зіяющее у ея основанія отверстіе шпорца. При этомъ, не такъ ли, пыльцевыя массы, прямо насаженныя на ея лбу, будутъ снова прикладываться къ своему прежнему мѣсту, къ гнѣздышкамъ пыльника? Не тутъ-то было. Пыльцевыя массы не даромъ прилипли къ пчелѣ. Онѣ попадутъ именно туда, куда это нужно: на рыльце. Намъ не угнаться за нашею пчелою, но мы можемъ тотчасъ, посредствомъ простаго опыта, объяснить себѣ, какъ это произойдетъ. Погрузимъ какое-нибудь острое тѣло, напримѣръ кончикъ карандаша, въ отверстіе шпорца, и бережно вынемъ его оттуда. На немъ, точно также какъ на головкѣ пчелы, будетъ сидѣть пыльцевая масса, прикрѣпившаяся къ нему своимъ липкимъ кружочкомъ. (См. фиг. I. 7.) Но подождемъ нѣсколько секундъ. Ссыхаясь на воздухъ, кружочекъ съжмется известнымъ образомъ, и вслѣдствіе этого вся насаженная на немъ пыльцевая масса станетъ медленно нагибаться къ кончику карандаша, пока описавши дугу въ 90 градусовъ, не станетъ съ нимъ параллельною, и все это движеніе происходитъ въ теченіе тридцати секундъ. (См. фиг. I. 8.) Теперь погрузите снова кончикъ карандаша въ глубину цвѣтка: какъ и слѣдовало ожидать по относительному положенію пыльника и рыльца—пыльцевая масса прямо упрется въ это послѣднее—и оставитъ на его липкой поверхности часть своей пыльцы.

То же самое, конечно, случилось съ пыльцевыми массами, прилипшими къ головкѣ нашей пчелы. Пока она успѣла долетѣть до другаго колоса кукушкиныхъ слезокъ, онѣ приняли положеніе, удобное для опыленія,—и теперь она разноситъ оплодотворяющія крупинки отъ колоса къ колосу, оставляя на каждомъ рыльцѣ малую ихъ частицу, малую, но содержащую огромное количество крупинокъ, количество, соответствующее огромному количеству сѣменныхъ зачатковъ, заключенныхъ въ завязи.

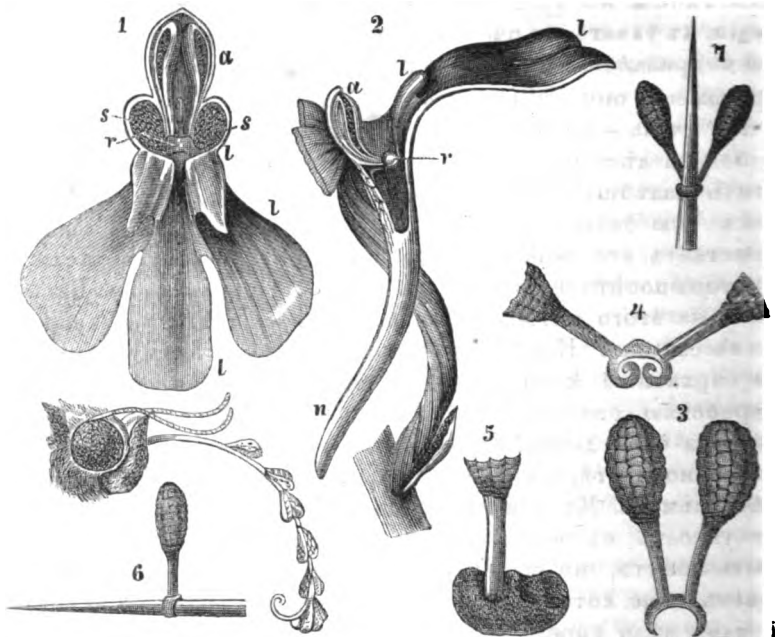
Вы видите, что не даромъ причудливая форма цвѣтка, не даромъ его симметрія, напоминающая тѣло животнаго, не даромъ чудное сліяніе и видоизмѣненіе органовъ, не даромъ

ихъ типиче кое расположеніе. Все это прилажено къ организаціи, къ ухваткамъ пчелы, такъ же точно, такъ же отчетливо, какъ прилажены другъ къ другу органы нашего тѣла, какъ прилажены они къ нашимъ жизненнымъ направленіямъ.

Но пчела — грубый, хлопотливый работникъ, принимающійся за дѣло съ аляповатю поспѣшностію. Боясь упустить малѣйшую капельку меда, она засовываетъ въ цвѣтокъ всю свою крупную голову, — не мудрено, что къ ней пристаеъ все липкое, находящееся внутри цвѣтка. Есть у цвѣтовъ посѣтители болѣе нѣжные, болѣе воздушные. Взгляните на этого мотылька, садящагося на цвѣтокъ кукушкиныхъ слезокъ. Какъ лѣгко ухватился онъ тонкими лапками за бархатный край лепестка, съ какою фразатовскою чопорностію, онъ, не нагибая головы, запускаетъ въ глубину шпорца свой длинный хоботокъ, тонкій, какъ волосокъ, и медленно пьетъ, сохраняя все время видъ безукоризненнаго джентльмена. Къ нему конечно ничево не прилипнетъ, онъ не унесетъ съ собою ни пылинки. Да, изъ этого цвѣтка, быть-можетъ, но есть другіе цвѣтки, которые онъ посѣщаетъ чаще, которыхъ медъ, вѣроятно, ему болѣе по вкусу — и тамъ дѣло иное.

Однѣ изъ такихъ цвѣтковъ ¹ — близкій родственникъ нашихъ кукушкиныхъ слезокъ, распространенъ по всей средней Европѣ. Этотъ цвѣтокъ въ общемъ расположеніи частей совершенно сходится съ нашими кукушкиными слезками, но притомъ во многихъ частностяхъ рѣзко отличается отъ него. Его губка у основанія имѣетъ два бугорка, между которыми остается узкая скважина. (См. фиг. II. 1.) Длинный носикъ, помѣщенный у основанія пыльника, почти прикасается къ губкѣ, такъ что между бугорками и носикомъ остается лишь самое мелкое отверстие, ведущее ко входу въ шпорецъ. (См. фиг. II. 2.) Далѣе, рыльца расположены не прямо подъ гнѣздышками пыльника, какъ у кукушкиныхъ слезокъ, но нѣсколько раздвинуты въ обѣ стороны. Наконецъ, пыльцевыя массы прикрѣплены не къ отдѣльнымъ кружкамъ, но къ тонкой поперечной полоскѣ, выдѣляющейя посредствомъ двухъ трещинъ изъ

¹ *Orchis pyramidalis* L.

II. *Orchis pyramidalis*.

а. Пыльникъ.

зз. Рыльце.

н. Губка.

п. Шпорецъ.

р. Носикъ.

1. Цвѣтокъ спереди. Всѣ лепестки удалены, кромѣ губки. 2. Цвѣтокъ съ боку. Губка разрѣзана вдоль, и часть основанія шпорца отрѣзана. 3. Пыльцевыя массы, прикрѣпленныя къ липкой сѣдлообразной полоскѣ. 4. Она же, послѣ изгиба полоски. 5. Полоска сверху выпрямленная насильно. 6. Пыльцевая масса, вынутая изъ цвѣтка посредствомъ иголки, которую охватила липкая полоска. 7. Она же, послѣ изгиба.

оболочки носика въ то время какъ распускается цвѣтокъ. Вслѣдствіе такого строенія цвѣтка, мотылекъ, садящійся на губку, не можетъ всунуть своего хоботка въ шпорецъ иначе какъ между двумя бугорками губки, сквозь трещину, противъ которой выдается носикъ. Хоботокъ не можетъ не коснуться этого носика, причемъ липкая полоска, съ прикрѣпленными къ ней пыльцевыми массами, какъ сѣдло, охватываетъ хоботокъ, присыхаетъ къ нему, и вмѣстѣ съ нимъ выносятся наружу. Эта полоска, точно также, какъ липкій кружокъ кукушкиныхъ слезокъ, быстро ссыхается, и отъ этого еще круче оборачивается около хоботка насѣ-

комаго. (См. фиг. II. 6, 7.) Отъ этого пыльцевая массы, первоначально стоящія параллельно вверхъ, отклоняются въ обѣ стороны, разгибаются, и при посѣщеніи мотылькомъ другаго цвѣтка, приходятся прямо противъ рылецъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пыльника.

Весь этотъ механизмъ построенъ съ такою тонкою точностію, что человѣческій волосъ, вдѣтый въ цвѣтокъ, почти постоянно выноситъ на себѣ сѣдлообразную полоску съ двумя сидящими на ней пыльниками, что у бабочекъ во время цвѣтенія этого растенія иногда находятъ на хоботкѣ до семи плотно приклеенныхъ паръ пыльниковъ!

Я не хочу утомлять васъ, рассказывая вамъ такъ же подробно о другихъ цвѣточкахъ того же семейства. Всѣ они, или по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые были тщательно изсѣдованы, представляютъ намъ подобныя, но безконечно разнообразныя механизмы, которыми производится прикрѣпленіе пыльника къ посѣщающему ихъ насѣкомому. Здѣсь ¹ совершенно замкнутый цвѣтокъ открываетъ на короткое время маленькое окошечко, чтобы дать доступъ насѣкомымъ, тутъ ² изъ носика брызжетъ липкая влага, приклеивающая пыльники къ головкамъ мелкихъ мухъ, тамъ ³ при малѣйшемъ прикосновеніи къ столбу, вся пыльцевая масса съ значительною силой вылетаетъ изъ гнѣздышка, и влѣпывается въ неосторожнаго посѣтителя. Вездѣ изумительныя приспособленія, полная гармонія между организаціею цвѣтка и между формами и движеніями животнаго, вездѣ совершенная невозможность опыленія безъ его содѣйствія. Стоить только покрыть тонкимъ газомъ одну изъ нашихъ полевыхъ орхидей, и на ней не разовьется ни одного сѣмени. Великолѣпныя тропическія орхидеи нашихъ теплицъ остаются вѣчно безплодными, если искусная рука садовника не перенесетъ ихъ пыльцы на рылецъ. Какой-нибудь богатый любитель могъ бы доставить себѣ наслажденіе населить свою орхидейную теплицу великолѣпными тропическими насѣкомыми, и наблюдать за дивною игрой взаимодѣйствій, связыва-

¹ *Cephalanthera*.

² *Liliera bifolia*.

³ *Catasetum saccatum*.

ющихъ ихъ съ огромными, душистыми цвѣтами, такъ роскошно распускающимися и подъ нашимъ холоднымъ небомъ. Сколько изящныхъ тайнъ скрывается въ фантастическихъ изгибахъ цвѣтка Ставгопеи, въ зловѣщей пасти цвѣтковъ Мегаклиніа, постоянно качающаго своею темною губкой! Разказы путешественниковъ, по большей части слишкомъ подавленныхъ изобиліемъ новыхъ формъ, чтобы подвергнуть каждую изъ нихъ долгому, тщательному наблюденію, только раздражаютъ наше любопытство. Такъ Друммондъ на берегахъ Суенъ-Ривера наблюдалъ орхидею¹, у которой столбъ имѣетъ видъ лодочки, а губка крышечки, въ точности къ ней прилаженной. Какъ только наѣзкомое садится на губку, она быстро прихлопывается къ столбу и захватываетъ въ плѣнь неосторожнаго посѣтителя. Замѣчательно, что многія орхидеи той же мѣстности представляютъ подобныя движенія. По всей вѣроятности, этому свойству соответствуетъ какая-нибудь особенность въ строеніи или ухваткахъ тамошнихъ наѣзкомыхъ.

И какъ ревниво охраняется природою это соотвѣтствіе между строеніемъ растенія и строеніемъ животнаго! Орхидеи—растенія многолѣтнія, преимущественно размножающіяся почками, которыя образуются на ихъ шишковатомъ корнѣ. Размноженіе посредствомъ сѣмянъ, при которомъ преимущественно происходятъ отступленія отъ родительскаго типа, чередуются у нихъ съ длиннымъ рядомъ безсѣмянныхъ, бесполохъ размноженій этого рода. Да и когда настаетъ размноженіе черезъ сѣмена, съ какою осторожностію приступаетъ къ нему природа! Изъ какого огромнаго количества зародышей избираетъ она тотъ, которому суждено достигнуть полнаго развитія и оставить по себѣ потомство! По исчисленію Дарвина, каждое растеніе кукушкиныхъ слезокъ производитъ ежегодно болѣе ста восьмидесяти тысячъ сѣмянъ, количество, которое при ничѣмъ не сдержанномъ размноженіи, черезъ четыре поколѣнія могло бы покрыть всю сушу земнаго шара. Если мы примемъ въ соображеніе распространеніе другаго способа размноженія у орхидей, мы прямо можемъ сказать, что изъ милліона произведенныхъ ими сѣмянъ, едва ли одно служитъ къ

¹ *Caleana nigrita*.

продолженію вида. За то мы можемъ ручаться, что развившееся изъ него и оставившее по себѣ потомство растение вполне прилажено къ окружающей его средѣ, вполне вооружено для борьбы съ ея губительными вліяніями, разрушившими сотни тысячъ его братьевъ. Такія же соображенія возбуждаетъ въ насъ и способъ размноженія насѣкомыхъ: и они производятъ баснословныя количества яицъ, изъ которыхъ происходятъ лишь крайне немногія особи, предназначенныя къ продолженію вида. Насъ убѣждаютъ въ этомъ и прямое наблюденіе надъ количествомъ яицъ, и всѣмъ извѣстные случаи появленія какого-нибудь насѣкомаго въ ужасающихъ количествахъ, при ненормальномъ распредѣленіи годовой температуры. Эти мириады, обыкновенно погибающія въ зачаткѣ, достигаютъ полнаго или половиннаго развитія, благодаря отсутствію одной изъ причинъ — засухи ли, холода ли или влаги, которая обыкновенно пресекаютъ ихъ существованіе. Но имъ не суждено оставить по себѣ потомство. Годовыя колебанія температуры ничтожны въ сравненіи съ постоянствомъ той системы жизненныхъ условій, съ которыми имъ приходится бороться. На слѣдующій годъ все приходитъ въ прежній порядокъ. Выживаютъ лишь немногія избранныя. Мудрено ли послѣ этого, что эти избранныя насѣкомыя прилажены къ окружающимъ ихъ избраннымъ растеніямъ въ такомъ совершенствѣ, что въ тѣхъ и другихъ самые мелкіе, самые измѣнчивые признаки сохраняютъ то взаимное приспособленіе, на которомъ было основано существованіе ихъ родичей и предковъ?

Но не думайте, чтобъ одни орхидеи представляли намъ такую тѣсную связь съ міромъ насѣкомыхъ, такую зависимость своего размноженія отъ этихъ повидимому случайныхъ посѣтителей. Другое обширное семейство растеній — семейство ласточниковъ, во всемъ прочемъ глубоко разнящееся отъ орхидей, сходится съ ними въ свойствахъ пыльцы, въ невозможности перенесенія ея на рыльце безъ участія мелкихъ мушекъ, привлеченныхъ изобильнымъ медомъ, выделяемомъ цвѣтами этихъ растеній. Да и между растеніями съ разсыпчатою пыльцой есть множество такихъ, которыя опыляются лишь при содѣйствіи насѣкомыхъ. Такое содѣйствіе бываетъ необходимымъ въ двухъ случаяхъ:

вопервыхъ, когда, по самому строенію цвѣтка, пыльца, высыпаясь изъ распадающагося пыльника, не можетъ попасть на рыльце. Такое строеніе представляетъ намъ цвѣтокъ анютиныхъ глазокъ, въ которомъ склеенныя между собою пыльники тѣсно охватываютъ своими кончиками загнутыя въвысь столбикъ, такъ что пыльца, высыпаящаяся изъ трещины на внутренней ихъ поверхности, остается заключенная какъ бы въ корнетъ, который разрываютъ шмели, высасывая медъ изъ цвѣтка. Въ огромномъ ряду другихъ растений, невозможность самостоятельнаго опыленія зависитъ отъ неодновременнаго развитія тычинокъ и пестика въ одномъ и томъ же цвѣткѣ. Тутъ пыльникъ распадается и высыпаетъ свою пыльцу прежде чѣмъ рыльце сдѣлалось способнымъ принять ее; или, наоборотъ, пыльникъ распадается въ такое время, когда рыльце уже утратило способность къ опыленію. Такое отношеніе между воспроизводительными органами называютъ *дихогамію*, и оно, вѣроятно, гораздо болѣе распространено чѣмъ обыкновенно думаютъ. Примѣромъ такого отношенія можетъ служить намъ Иванъ-чай¹. Его розовые цвѣты, расположенные длинными, красивыми кистями, лишь тогда распускаютъ свои четыре рыльца, образующія бархатный крестикъ на концѣ столбика, когда пыльники уже высыпали всю свою пыльцу. Но растеніе это растетъ общественно. Къ тому же, на одной и той же кисти встрѣчаются цвѣтки всѣхъ возможныхъ степеней развитія. Поэтому опыленіе легко происходитъ при посредствѣ шмелей и пчелъ, толпами перелетающихъ съ одного цвѣтка на другой. Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи мексиканское растеніице того же семейства, нерѣдкое въ нашихъ садахъ². Его неправильный цвѣточекъ содержитъ лишь двѣ тычинки, расположенныя снизу и сверху пестика. Но нижняя тычинка не развиваетъ своего пыльника, а вмѣсто того, принимаетъ свойства лепестка съ лопатовиднымъ кончикомъ. Края этой лопаточки загнуты къверху и плотно охватываютъ и замыкаютъ столбикъ съ его рыльцемъ и единственную тычинку, производящую пыльцу. Такъ

¹ *Epilobium angustifolium*.

² *Lopezia racemosa*.

какъ тычинки и рыльца развиваются неодновременно, то можно было бы думать, что опыленіе невозможно. Но при малѣйшемъ прикосновеніи, лопаточка, какъ пружинка, отскакиваетъ ввысь, потрясая пыльникомъ, изъ котораго вылетаетъ облачко пыльды. Мнѣ случилось видѣть, какъ это внезапное движеніе вызывалось насѣкомыми, которыя потомъ лезли, всё напудренные пыльдой.

Итакъ, посѣщеніе насѣкомыми такъ же важно для существованія этихъ растений, составляетъ такое же необходимое звено въ цѣпи ихъ жизненныхъ явленій, какъ и всякій физиологическій процессъ, происходящій въ нихъ самихъ; и въ той же мѣрѣ необходимо для насѣкомыхъ цвѣтніе растений, необходима опредѣленная форма ихъ цвѣтковъ, позволяющая каждому изъ нихъ, смотря по формѣ и азимуту своего хоботка, достигать нектара, скрытаго въ глубинѣ того или другаго цвѣтка.

Но, спросите вы, какое же значеніе этой тѣсной связи, этой сложной зависимости? Не могло ли бы дѣло устроиться гораздо проще? Къ чему природа затруднила самый необходимый актъ въ жизни растений такимъ хитрымъ механизмомъ, такими причудливыми условіями!

Значеніе этихъ соотношеній громадно. Коснемся тутъ же къ некоторымъ изъ послѣдствій, вытекающихъ изъ нихъ.

Вопервыхъ, безпрестаннымъ скрещиваніемъ разныхъ растений одного вида между собою, безпрестаннымъ переносомъ пыльды съ одного цвѣтка на цвѣтокъ другаго растенія постоянно уничтожаются, нейтрализуются тысячи мелкихъ отступленій, безпрестанно возникающихъ отъ случайныхъ вліяній, и которыя приобрѣли бы прочность и постоянство, еслибы каждый цвѣтокъ опылялся собственною пыльдой. Черезъ это сохраняется видовой типъ, тождество совокупности особенностей, свойственныхъ виду, особенностей, въ силу которыхъ естественные виды способны бороться противъ своихъ многочисленныхъ враговъ, способны противустоять губительнымъ вліяніямъ органическаго и неорганическаго міра.

Вовторыхъ, перенесеніе пыльды съ одного растенія на другое значительно усиливаетъ плодовитость растенія и обезпечиваетъ здоровье его потомства. Извѣстно, что скрещиванія между животными одного помета отличаются мало-

плодностію и слабымъ здоровьемъ приплода. Извѣстно, что всѣ образованные народы признали противоестественныя браки между братьями и сестрами. Наша церковь идетъ далѣе и воспрещаетъ браки до седьмага колѣна. Новѣйшія изслѣдованія вполнѣ доказываютъ мудрость ея постановленій по этому предмету. Одинъ французскій врачъ недавно изъ огромнаго количества статистическихъ данныхъ вывелъ любопытное заключеніе, что многія врожденныя болѣзни, каковы идіотизмъ, глухота и т. д. поражаютъ преимущественно дѣтей рожденныхъ въ бракахъ между близкими родственникамъ допускаемыхъ католическою церковью. Растенія можно бы считать за исключеніе изъ этого общаго правила. В нихъ мы въ одномъ цвѣткѣ находимъ сочетаніе обоихъ половъ, такъ-называемый гермафродитизмъ. Но благодаря участию насѣкомыхъ, этотъ гермафродитизмъ не ведетъ къ постоянному кровосмѣшенію, которое для растеній имѣетъ такія же послѣдствія, какъ для животныхъ. Дѣйствительно опыты доказали, что завязь, искусственно оплодотворенная пылью изъ другаго цвѣтка, производитъ большее количество сѣменъ и сѣмена болѣе здоровыя, чѣмъ при опыленіи пылью того же цвѣтка. Мало того, плодовитость усиливается, когда между обоими родичами существуетъ легкое различіе, различіе менѣе глубокое чѣмъ то, которое служитъ основаніемъ для установленія вида, словомъ когда родичи принадлежатъ къ двумъ близкимъ разновидностямъ. Интереснымъ примѣромъ могутъ служить намъ разные виды примулы: какъ наши луговые барашки ¹, такъ и китайскія примулы ², украшающія въ теченіе всей зимы наши оранжереи своими розовыми и бѣлыми цвѣтами. Каждый изъ этихъ видовъ представляетъ намъ по двѣ разновидности, отличающіяся не очень видными, но очень постоянными признаками, изъ которыхъ главный заключается въ длинѣ пестика, значительно превышающей длину тычинокъ въ одной разновидности, между тѣмъ какъ въ другой тычиночки гораздо длиннѣе пестика. По наблюденіямъ Дарвина плодовитость каждой изъ этихъ разновидностей значительно усиливается, если ея пестикъ опыляется пылью другою

¹ *Primula officinalis* Jacq.

² *Primula sinensis* Lindb.

разновидности, что и происходит безпрестанно при помощи насѣкомыхъ. Мы тутъ имѣемъ порядъ собою точно такое же явленіе, какъ то, которое представляютъ браки между Европейцами и неграми. Известно, что эти браки отличаются плодовитостію, и по свидѣтельству самыхъ до-сто-вѣрныхъ путешественниковъ, физической силой и даровитостію приплода. Такія явленія придаютъ особенный вѣсъ общепринятому мнѣнію о превосходствѣ смѣшанныхъ человѣческихъ породъ надъ чистыми. Они утверждаютъ насъ въ убѣжденіи, что въ растеніи, точно такъ же какъ въ животномъ, несмотря на частое соединеніе обоихъ по-люсовъ въ одной особи, нѣтъ полного, настоящаго гермафродитизма.

Таковы два важныя послѣдствія, вытекающія для растений изъ тѣсной связи, въ которой они находятся съ животными. Мы скоро увидимъ, что есть и другія, еще болѣе важныя. Но для того чтобы вполне оцѣнить ихъ, нужно посмотрѣть на предметъ съ болѣе общей точки зрѣнія.

Дѣйствительно, соотношенія, связывающія растенія съ насѣкомыми, составляютъ лишь одно звено въ томъ сложномъ лабиринтѣ взаимодѣйствій, который охватываетъ всю флору и фауну данной мѣстности. Не только важный актъ опыленія, но и всѣ другіе процессы растительной жизни связаны прямо или косвенно съ жизнью животныхъ. Сѣмена разносятся не только вѣтромъ и теченіемъ водъ, но и птицами поѣдающими ихъ; травоядными звѣрями уносящими ихъ въ своей шерсти. Многіе плоды, многія сѣмена прямо приспособлены къ этому способу распространенія, снабжены разнообразными крючками и цѣпкими иглами. Другія сѣмена даже должны пройти черезъ желудокъ животного, чтобы сдѣлаться способными къ прозябанію. Такъ липкія ягоды омелы, чужеяднаго растенія, растущаго на вѣткахъ яблонь, грушъ и другихъ деревьевъ, не могутъ попасть иначе на новое дерево, какъ съ изверженіемъ птицъ, поѣдающихъ эти ягоды; и сѣмена, подвергшіяся дѣйствию пищеваго канала, преимущественно способны къ прозябанію. Чтобы составить себѣ понятіе о важности той роли, которую играютъ птицы въ разнесеніи сѣменъ, стоить просмотрѣть интересную монографію

римскаго ботаника Себастьяни о флорѣ Колизея¹. Изъ двухсотъ шестидесяти одного видовъ, найденныхъ имъ на этихъ громадныхъ развалинахъ, бѣольшая половина имѣеть такія сѣмена, которыя ни коимъ образомъ не могли быть занесены вѣтромъ на значительную высоту, на которой находятся эти растенія. Не менѣе тѣсно связано существованіе растеній съ существованіемъ многочисленныхъ животныхъ, которымъ они служатъ пищей, или точнѣе, съ существованіемъ тѣхъ хищниковъ, тѣхъ паразитовъ, вообще тѣхъ губительныхъ вліяній, которыя уменьшаютъ количество травоядныхъ животныхъ. Дарвинъ приводитъ нѣсколько пикантныхъ примѣровъ такой сложной связи органическихъ существъ между собою. Такъ, флора Парагвая сохранила свой первобытный характеръ, не была вытѣснена, какъ прочія южно-американскія флоры, сорными травами завезенными изъ Европы, благодаря крошечной мушкѣ, которая кладетъ свои яйца въ пупокъ новорожденныхъ телятъ и этимъ препятствуетъ размноженію рогатаго скота; между тѣмъ какъ въ прочихъ странахъ южной Америки, европейскій скотъ одичалъ и развелся въ огромномъ количествѣ, причѣмъ онъ уничтожилъ на значительныхъ протяженіяхъ нѣжныя туземныя растенія, которыхъ мѣсто заняли европейскіе дѣдовники и артишоки. Еще куріознѣе слѣдующій примѣръ. Количество аютяныхъ глазокъ и краснаго клевера находится въ прямой зависимости отъ количества кошекъ въ данной мѣстности, и это по слѣдующей причинѣ: аютины глазки и клеверъ опыляются не иначе, какъ при содѣйствіи шмелей; главный врагъ, шмелей—полевая мышь, поѣдающія ихъ гнѣзда и въ свою очередь служащая пищей кошкамъ.

Я долженъ ограничиться немногими примѣрами и бѣглыми намеками по этому предмету, въ сущности охватывающему биологію всѣхъ живыхъ существъ. Но сказаннаго достаточно, чтобъ оправдать слѣдующее положеніе. Каждое живое существо, животное или растеніе, находится въ непосредственной или посредственной зависимости отъ всѣхъ живыхъ существъ, обитающихъ въ данной мѣстности, каждое можетъ быть

¹ Enumeratio plantarum sponte nascentium in ruderibus amphitheatri Flavii, auctore Antonio Sebastiani, Romae, 1815.

рассматриваемо какъ центръ, вокругъ котораго группируются всѣ прочія. Организациа каждого живаго существа вполне прилажена къ этимъ взаимнымъ соотношеніямъ. Въ ней заключаются и элементы, служащіе для сохраненія вида, и элементы, служащіе прочимъ живымъ существамъ. Изъ этихъ необходимыхъ элементовъ слагается видовой типъ растенія и животнаго. Этотъ типъ строго сохраняется наслѣдственно, потому что всякое отступленіе, какъ невольное прилаженное къ вѣдшимъ условіямъ, органическимъ и неорганическимъ обречено, на гибель или на бесплодіе. И такъ держится этотъ дивный строй, это глубокое, необходимое сцѣпленіе жизненныхъ явленій, оказывающееся нашему бессознательному взгляду въ красотѣ и гармоніи видимаго міра. Бдительнымъ стражемъ надъ этимъ величавымъ строемъ стоитъ неумолимая смерть, и пресѣкаетъ въ корнѣ все недоразвитое, все уклонное, все несозвучное съ общою гармоніей. Она регуляторъ и вѣнецъ всего этого дивнаго механизма, она главный дѣятель въ сохраненіи жизни.

Вы видите, что напрасно смущаются многіе тѣмъ зрѣлищемъ постоянной борьбы страшнаго разрушенія, которая представляетъ природа. Эта борьба—сама жизнь, это разрушеніе плодотворно, эта ненасытная смерть, упускающая такъ мало жертвъ, не мрачная, неразумная сила, а свѣтлый источникъ красоты и согласія. Мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ повторить слова поэта:

Тебя изъ тьмы не изведу я,
О смерть, и дѣтскою мечтой
Гробовый станъ тебѣ дарю,
Не оплачу тебя косою.

Ты дочь верховнаго ээира,
Ты лучезарная краса,
Въ твоихъ рукахъ оазисъ міра,
А не губящая коса.

Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ размовься дикихъ силъ,
Въ твое хранилье Всемогущій
Его порядокъ поручилъ.

И ты летаешь надъ твореньемъ
Согласье прямъ его лія,
Своимъ прохладнымъ дуновеньемъ
Смирля буйство бытія...

III.

Но этимъ сохраненіемъ органическихъ формъ въ ихъ типической особности, въ ихъ гармоническомъ взаимодействіи, не ограничивается великая роль смерти въ природѣ! Она не только охраняетъ эти формы отъ безплодныхъ, неразумныхъ видоизмѣненій и уклоненій, которыхъ возможность дана въ каждомъ поколѣніи. Она же, на сколько можемъ мы проникнуть въ эти глубокія тайны бытія, созидаетъ эти формы, налагаетъ на нихъ печать видовой индивидуальности, прилаживаетъ ихъ одну къ другой и къ великому строю неорганическихъ явленій, возводитъ земную природу по той необозримой лѣстницѣ постепенныхъ усовершенствованій, которой первыя ступени тераются въ баснословной дали прошедшаго, за безбрежнымъ океаномъ силурскихъ временъ, которой вершина скрыта отъ насъ непроницаемою завѣсой будущаго... Но это требуетъ обстоятельнаго объясненія.

Органическій міръ, міръ животныхъ и растений, столь тѣсно связанный по организаціи и жизни всѣхъ его членовъ, столь зависимый въ каждомъ изъ своихъ представителей отъ совокупности всѣхъ прочихъ, не менѣе тѣсно связанъ съ другимъ кругомъ явленій, не менѣе зависимъ отъ тѣхъ общихъ неорганическихъ вліяній, которыя мы называемъ географическими, метеорическими, климатическими. Теплота и влага атмосферы, распредѣленіе водъ между материками, высота надъ уровнемъ моря, полагаютъ неопределимыя грани распространенію отдѣльныхъ формъ, отдѣльныхъ группъ органическаго міра, и тѣмъ обуславливаютъ безконечное разнообразіе флоры и фауны отъ вѣчныхъ льдовъ полюса до жаркаго пояса тропиковъ, отъ приморскихъ лимановъ до заоблачныхъ альпійскихъ вершинъ, отъ одинокихъ островковъ разбросанныхъ по пустынямъ океана, до громадныхъ материковъ, распространяющихъ свои разнообразныя разчлененія по всѣмъ широтамъ земнаго шара. Повсюду жизнь, но жизнь разнообраз-

ная, вполне прилаженная къ этимъ разнороднымъ условіямъ. Сѣверныя звѣри покрыты пушистою шерстью и подвержены зимней спячкѣ; животныя тропическія, змѣи и аллигаторы, подвержены спячкѣ лѣтней. Альпійскія растенія, почерпающія лишь мало пищи изъ разрѣженной атмосферы, сокращаютъ до крайнихъ предѣловъ длину своихъ развѣтвленій, размѣры своихъ листьевъ. Цѣлыя обширныя семейства жуковъ лишены на одинокихъ островахъ крыльевъ, которыя подвергли бы ихъ опасности быть занесенными вѣтрами въ море. Растенія полярныя одарены свойствомъ завершать изумительно быстро свой вегетативный періодъ, замкнутый въ тѣсные предѣлы краткаго лѣта. Растенія влажныхъ тропическихъ лѣсовъ круглый годъ развиваютъ новыя листья, новыя вѣтви. Всѣ эти особенности и тысячи другихъ глубоко запечатлѣны на каждомъ видѣ, и передаются насѣдственно, столь же строго охраняемая неминуемою гибелью малѣйшаго уклоненія, какъ и особенности, служащія къ взаимодѣйствию живыхъ существъ. Малѣйшее измѣненіе этихъ условій, къ которымъ такъ отчетливо прилажены органическія формы, повлекло бы за собою смерть большей части растеній и животныхъ, населяющихъ данную мѣстность.

Да такихъ измѣненій, повидимому, и не происходитъ. Климатическія и географическія условія зиждутся на основахъ, которыя мы привыкли считать неизблемыми и неизмѣняемыми, на вѣчномъ строѣ нашей солнечной системы, на вѣковомъ распредѣленіи морей и суши. Никому и въ голову не приходитъ, чтобы время обращенія земли около солнца могло бы измѣниться на секунду, чтобы наше московское лѣто могло сдѣлаться короче или длиннѣе для нашихъ потомковъ чѣмъ оно было для нашихъ предковъ, чтобы среди обширныхъ степей южной Россіи могъ вырасти горный хребетъ, подобный Кавказу, чтобы Англія могла слиться съ материкомъ Европы, чтобы Германія могла захватиться моремъ, среди котораго, какъ малкіе острова, возвышались бы Гарцъ и Зибенгебирге. Быть - можетъ, вы даже удивляетесь, что я намекаю на такія чудовищныя предположенія въ виду восхитительнаго однообразія, которое представляютъ среднія числа, выводимыя изъ длинныхъ рядовъ метеорологическихъ наблюденій, въ виду

постояннаго пароходнаго сообщенія между Дувромъ и Кале, въ виду несравненной гладкости нашихъ южныхъ степей, въ виду несмѣтнаго множества герцогствъ и княжествъ, собирающихся собраться въ единую Германію, вѣчную и нераздѣльную? Быть-можетъ, вамъ не безызвѣстны результаты многочисленныхъ, остроумныхъ изслѣдованій, основанныхъ на тщательномъ сравненіи текстовъ Книги Бытія, Гомера, Геродота, гіероглифическихъ надписей и изображеній на древнѣйшихъ египетскихъ храмахъ, изслѣдованій, доказавшихъ побѣдоносно, что все осталось на своемъ мѣстѣ съ самыхъ стародавнихъ временъ, и что климатъ Средиземнаго бассейна, въ послѣднія тридцать столѣтій, не измѣнился ни на волосъ?

Все это такъ,—но геологія свидѣтельствуетъ о временахъ, когда на мѣстѣ теперешняго европейскаго материка разстилалось обширное море, усѣянное рѣдкими островами, о временахъ, когда между Америкою и Европою находился громадный материкъ, оставившій по себѣ лишь немногіе острова разбѣянные по Океану, да темныя преданія о баснословной Атлантидѣ. Она свидѣтельствуетъ о долгомъ рядѣ измѣненій, происшедшихъ въ очертаніяхъ морей и суши на пространствѣ нынѣ занятомъ Европою; о временахъ, когда Англія была соединена съ Франціей, объ относительно недавнемъ времени, когда альпійскій хребетъ еще не воздвигалъ громадной преграды между югомъ и центромъ Европы, когда вся нынѣшняя Россія была покрыта волнами сѣвернаго Океана. Всѣ эти измѣненія земной поверхности, въ сокращенной перспективѣ неизмѣримо далекаго прошлаго, кажутся намъ внезапными переворотами, какъ плоскія волны на поверхности суши издали кажутся намъ отвѣсными горами. Но чѣмъ тщательнѣе изслѣдуются геологическіе памятники этихъ громадныхъ измѣненій, тѣмъ яснѣе оказывается, что множество изъ нихъ совершились вслѣдствіе процессовъ медленныхъ, едва замѣтныхъ, дѣйствовавшихъ въ теченіи неизмѣримо долгихъ временъ, продолжающихъ дѣйствовать и до сихъ поръ. Не говоря уже о рѣзкихъ измѣненіяхъ, происходящихъ въ очертаніи земной поверхности въ вулканическихъ округахъ Неаполя и Мексики; не говоря о внезапно-возникающихъ при землетрясеніяхъ островахъ и горахъ, мы въ разныхъ полосахъ земнаго шара

можемъ убѣдиться въ непостоянствѣ тѣхъ географическихъ моментовъ, которые на первый взглядъ кажутся намъ неизмѣнными. Весь восточный берегъ Южной Америки медленно подымается надъ уровнемъ Океана. Вся Швеція, за исключеніемъ Сканіи, которая погружается въ море, поднимается надъ уровнемъ Ботническаго залива, приблизительно на три фута въ столѣтіе. Дао Адриатическаго моря, несмотря на огромныя массы ила, приносимыя По и Адиджемъ, постепенно понижается. Венеція медленно тонетъ въ водахъ. Когда, въ 1722 году, наши нужнымъ возвысить на полтора фута мостовую площади Св. Марка, подъ нею, на глубинѣ пяти футовъ, и на три фута ниже уровня моря, наши другую древнюю мостовую. Триестъ и весь берегъ Далмаціи представляетъ намъ подобныя указанія. У южнаго конца острова Порожницы, на двѣ моря видѣется цѣлый рядъ саркофаговъ. Той же участи подвергается низменный берегъ Голландіи, лишь сложною системою плотинъ защищаемый отъ потопленія. То же самое происходитъ съ берегомъ Гренландіи. Всѣ эти процессы, которыхъ общій результатъ ничтоженъ въ теченіи краткаго мгновенія, называемого нами историческою эпохою, работаютъ надъ измѣненіемъ распредѣленія на землѣ морей и суши, какъ работали они и въ прежнія геологическія эпохи, и медленное ихъ дѣйствіе, черезъ тысячи вѣковъ, произведетъ такія же разительныя послѣдствія, какъ тѣ, которыя произвели они въ прошломъ.

Въ тѣсной, необходимой связи съ этими преобразованіями земной поверхности находятся преобразованія климата и всѣхъ жизненныхъ условій. Очертанія материковъ и морей глубоко видоизмѣняютъ распредѣленіе тепла и влаги, главнымъ образомъ обусловленные широтою мѣстности, ея отношеніемъ къ лучамъ согрѣвающей землю солнца. Стоить только сравнить климатъ южнаго и сѣвернаго полушарія земли, чтобъ убѣдиться въ этой зависимости метеорологическихъ явленій отъ географическихъ вліяній. Такъ подъ широтою 45 градусовъ, сѣверное полушаріе представляетъ намъ умѣренный климатъ Йоркшира и мѣстами богатую растительность сѣверной Германіи и средней Россіи, южное же вѣчае сѣнга острова Георгіи. Подъ 55 градусомъ широты, Европа представляетъ рѣзкую сѣнгу

теплаго лѣта и холодной зимы, а Огненная Земля—однообразно-сырой и умѣренно-холодный климатъ, обуславливающий совершенно своеобразную фаору и фауну, съ отчасти тропическимъ характеромъ—вѣчно-зелѣныя лиственныйя лѣса, въ которыхъ попугаи и колибри порхаютъ по фуксіямъ и древовиднымъ вероникамъ. Это различіе, обусловленное океаническимъ характеромъ южнаго полушарія и соединеніемъ главной массы материковъ въ сѣверномъ, могло бы быть еще значительнѣе при иномъ распредѣленіи моря и суши, и огромныя климатическія измѣненія, о которыхъ свидѣтельствуетъ геологія, въ значительной мѣрѣ объяснимы тѣми различными формами и протяженіями, которыя принимали материки въ разныя геологическія эпохи.

Но существуютъ и другія, постоянно дѣйствующія причины, долженствующія, въ теченіи вѣковъ, измѣнять климатъ различныхъ точекъ земной поверхности. Изъ нихъ главная есть передвиженіе земнаго перигелія, имѣющее слѣдствіемъ измѣненіе въ относительной длинѣ зимы и лѣта, измѣненіе періодическое и противоположное въ обоихъ полушаріяхъ земли. Въ силу этой причины, въ 1284 г. по Р. Х. въ нашемъ сѣверномъ полушаріи теплое время года, то-есть весна и лѣто вмѣстѣ взятыя, были слишкомъ на семь дней длиннѣе, чѣмъ холодное время года, или осень съ зимою. Въ то же время, въ южномъ полушаріи холодное время года на столько-же было длиннѣе теплаго. Это отношеніе между длиною времени года измѣняется такъ медленно, что лишь въ 11.685 году по Р. Х. оно извратится, и въ нашемъ полушаріи настанетъ тотъ порядокъ вещей, который въ 1284 году существовалъ въ южномъ полушаріи. Поэтому мы теперь еще пользуемся лѣтомъ великаго цикла 20.802 годовъ, въ который завершается весь кругъ этихъ измѣненій. Трудно опредѣлить въ точности степень вліянія этихъ вѣковыхъ колебаній на климатъ отдѣльныхъ точекъ земнаго шара. Но нельзя сомнѣваться, что это вліяніе значительно, какъ вліяніе всѣхъ причинъ, дѣйствующихъ долгое время въ одномъ направленіи. По мѣсяцю Адемара, зима этого великаго года на столько различается отъ его лѣта, что массы льда, накопляющіяся у зимняго полюса и тающія съ наступленіемъ теплаго періода, должны производить громадныя наводненія. Къ послѣднему

изъ этихъ катаклизмовъ онъ относитъ преданія о потопахъ, сохранившіяся у вѣсѣхъ народовъ сѣвернаго полушарія. Во всякомъ случаѣ очевидно, что эти колебанія въ дѣль времени года, разнообразно слагаясь съ прочими причинами измѣнявшими климатъ земной поверхности, то содѣйствуя имъ, то ослабляя ихъ вліаніе, должны были вносить новыя осложненія въ систему жизненныхъ условій, которая господствовала на землѣ въ разные періоды ея развитія.

Наконецъ, существуетъ еще одна причина, дѣйствующая неизмѣримо медленно, но долженствующая, въ теченіи миліоновъ вѣковъ, измѣнить въ самыхъ основахъ условія жизни на землѣ. Это—постоянное паденіе на нее аеролитовъ, безпрестанное увеличеніе ея массы, хотя бы на самыя незначительныя количества. Трудно представить себѣ всѣ послѣдствія этого процесса, который долженъ современемъ измѣнить все равновѣсіе нашей солнечной системы. Его безконечная медленность до сихъ поръ не позволяетъ даже опредѣлить его мѣру, и поэтому астрономы съ полнымъ правомъ пренебрегаютъ имъ. Многіе высокіе умы, въ томъ числѣ Лейбницъ, даже а priori отвергаютъ возможность измѣненія въ строѣ нашей солнечной системы, какъ несогласимую съ мудростью Творца. Но иное гласитъ общій строй природныхъ явленій. Не въ вѣчномъ покоѣ раскрывается передъ нами ихъ безконечная, разумная гармонія, а въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчномъ развитіи....

Какимъ же образомъ отразились и отражаются на живыхъ существахъ эти измѣненія земной поверхности, эти постепенныя осложненія жизненныхъ условій? Отвѣтъ казался легкимъ, пока вѣрили во внезапность и конвульсивность этихъ переворотовъ, пока вѣрили во внутреннюю, присущую каждому виду силу, не дающую ему уклоняться надолго отъ опредѣленнаго типа, возвращающую къ нему всякое случайное уклоненіе. Живыя существа, такъ думали и до сихъ поръ думаютъ многіе натуралисты, погибали всѣ до одного въ страшныхъ катаклизмахъ, измѣнявшихъ видъ земной поверхности. Затѣмъ настаивало новое твореніе, являлись новыя животныя и растенія, вполне приспособенныя къ новымъ условіямъ, и послѣ долгаго періода полнаго покоя, въ

теченіи котораго они сохранялись совершенно неизмѣнными, наставляя новый, разрушительный перешоротъ, и все дѣло начиналось сызнова. Въ подтвержденіе этой гипотезы предлагаема сильный аргументъ. Тѣ горныя породы, которыя образовались путемъ осажденія изъ водъ, представляютъ намъ рѣзко разграниченные слои, залегающіе одинъ на другой, и въ каждомъ слое, соответствующемъ отдѣльной эпохѣ въ жизни нашей планеты, мы находимъ въ окаменѣлостяхъ и въ отпечаткахъ сады совершенно особой группы животныхъ и растений, совершенно своеобразной флоры и фауны. Но сила этого аргумента значительно ослабляется слѣдующими простыми соображеніями. Во-первыхъ та доля твердой земной коры, которая до сихъ поръ изслѣдована геологами, бесконечно мала въ сравненіи со всемъ слоемъ осадочныхъ породъ, покрывающихъ поверхность суши и дно морей. Во-вторыхъ, при постоянномъ измѣненіи очертаній суши и моря, условія, при которыхъ образуются осадочныя породы, не могли дѣйствовать непрерывно на однихъ и тѣхъ же точкахъ. Между временемъ образованія двухъ слоевъ, залегающихъ непосредственно одинъ надъ другимъ, часто должны были пройти не вѣка, а сотни тысячелѣтій. Возсоздать изъ отрывочныхъ данныхъ, представляемыхъ изслѣдованными до сихъ поръ осадочными пластами, всю исторію нашей планеты, было бы крайне неосторожно и преждевременно.

Къ тому же, вѣра въ громадные, всеразрушающіе катаклизмы, введенная въ моду французскими учеными, сильно поколебалась усиліями англійскихъ геологовъ и главнымъ образомъ Лейбелля. Многія явленія въ строеніяхъ земной коры, которыя считались доказательствомъ этихъ катаклизмовъ, объясняются гораздо полнѣе и проще дѣйствіемъ тѣхъ причинъ, которыя постоянно и въ нынѣшнее время вліяютъ на земную поверхность. Точно также поколебалась и вѣра въ самотѣную, внутреннюю, безусловную неизмѣняемость вида. Наблюденія надъ естественными уклопеніями, вселенная практика новѣйшаго садоводства и скотоводства, основанная на выборѣ, сохраненіи и усиленіи такихъ уклопеній, наконецъ сравненіе количества особей выживающихъ и производящихъ потомство съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое гибнетъ въ зачаткѣ, все это

приводить къ убѣжденію, что рѣзкая типичность видовъ зависитъ не отъ внутренней силы, опредѣляющей ихъ типъ, а отъ сложной системы наружныхъ вліяній, пресѣкающихъ безчисленныя уклопенія, возникающія безпрестанно, но безсилныя въ борьбѣ съ этими вліяніями, къ которымъ приложена лишь типическая форма.

Наконецъ, самое овойство флоръ и фаунъ, смѣнявшася на земной поверхности въ теченіи долгихъ геологическихъ эпохъ, самый порядокъ, въ которомъ онѣ смѣдуютъ одна за другою, должны возбуждать сильныя сомнѣнія насчетъ ихъ рѣзкой раздѣльности, насчетъ ихъ полной независимости одной отъ другой. Дѣйствительно, эта послѣдовательность представляетъ намъ зрѣлище, съ которымъ трудно согласима гипотеза безпрестанныхъ перерывовъ жизни на землѣ. Группы животныхъ и растений, свойственныя каждой геологической эпохѣ, имѣютъ всего болѣе сродства съ группами эпохи предыдущей и послѣдующей, такъ что ихъ совокупность составляетъ цѣпь не менѣе полную и связную чѣмъ наши данныя о геологическихъ эпохахъ вообще. Но этого мало, каждая эпоха относится не одинаково къ эпохѣ предыдущей и къ эпохѣ послѣдующей. Чѣмъ древнѣе эпоха, тѣмъ малочисленнѣе, проще, общѣ группы живыхъ существъ; съ каждою новою эпохою, эти группы умножаются, разчленяются и обособляются. Признаки, прежде соединенныя въ одномъ видѣ или родѣ, распределяются по цѣлымъ семействамъ. Признаки одного отряда распространяются на цѣлый классъ, въ свою очередь распаляющійся на новые отряды. Организациа дѣлается разнообразнѣе, сложнѣе и тоньше, а между тѣмъ сохраняются общія основныя черты, свойственныя прежнимъ, простѣйшимъ существамъ.

Болѣе того: ископаемыя флоры и фауны новѣйшихъ геологическихъ эпохъ представляютъ намъ географическое распредѣленіе, явно приближающееся къ нынѣшнему; третичныя флоры и фауны, обособляясь по мѣстностямъ, постепенно приближаются къ тому характеру, который представляютъ намъ нынѣ растительное и животное царство въ отдѣльныхъ полосахъ земнаго шара. Всѣ эти обстоятельства давно наводили на мысль, что всѣ флоры и фауны, послѣдовательно населявшія земной шаръ, связаны между собою

потомственно, что онѣ отдѣльныя звенья въ громадномъ ряду поколѣній постепенно измѣлялись и развѣтвлялись сообразно измѣненію и осложненію вѣдшихъ условій. Еще Ливней намекалъ, что разновидности могутъ при случаѣ развиться въ виды и роды. Еще Малье (въ 1768 году) утверждалъ, что всѣ позвоночныя происходятъ въ прямой линіи отъ рыбъ и водныхъ ящеровъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, и остроумно указалъ на хвостъ наземныхъ животныхъ этого класса, какъ на свидѣтельство ихъ морскаго происхожденія. Еще Ламаркъ въ концѣ прошлаго столѣтія высказалъ убѣжденіе, что всѣ виды не разграничены рѣзко между собою, но переходятъ другъ въ друга незамѣтными отгѣнками. Въ нынѣшнемъ столѣтіи было сдѣлано много попытокъ, чтобы объяснить возможность такого перехода органическихъ формъ одна въ другую, какой мы должны принять, если признаемъ потомственную связь нынѣшней фауны и флоры съ фаунами и флорами отжившими. Всѣ эти попытки сводятся къ двумъ главнымъ возрѣніямъ. Первое, давшее поводъ къ ожесточенному спору между Кювье и Жоффруа-Сентъ-Илеромъ, его главнымъ представителемъ, заключается въ томъ, что измѣненіе во вѣдшихъ условіяхъ производитъ въ организаціи и въ образѣ жизни животныхъ и растений измѣненія, которыя передаются наследственно. Нельзя отвергать такого вліянія вѣдшихъ условій. Его существованіе подтверждается многочисленными примѣрами въ обоихъ царствахъ органическаго міра. Приведемъ нѣкоторые изъ самыхъ рѣзкихъ. Жабы, развивающіяся изъ яицъ, сложившихся не въ водѣ, а въ влажной атмосферѣ, вылупиваются изъ яйца не въ видѣ безногаго головастика, а въ видѣ готовой, четвероногой жабы. Зачатки паисени, которая есть не что иное, какъ мелкій грибокъ, попадая въ сахаристую жидкость, развиваются не въ плесень, а въ такъ-называемый грибокъ броженія. Альпійскія растенія, смотря по высотѣ надъ уровнемъ моря, въ которой они развиваются, представляютъ намъ въ большей или меньшей степени сжатый, мелколиственный складъ, и въ значительной мѣрѣ утрачиваютъ его, когда ихъ переносятъ въ равнину. Притомъ растенія одного и того же вида, происшедшія отъ сѣмянъ, собранныхъ на значительной высотѣ, легче выдер-

живають сѣверные климаты чѣмъ растенія, собранныя на высотахъ менѣе значительныхъ. Этотъ фактъ рѣзко обнаружился при попыткахъ акклиматизаціи, въ Европѣ, гималайскихъ рододендроновъ и хвойныхъ деревьевъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще множество. Но какъ ни увлекательна теорія, основанная на этихъ фактахъ, какъ она ни кажется приложимою, въ особенности къ животнымъ, у которыхъ, вслѣдствіе измѣненія вѣдшихъ условій болѣе употребляются, и черезъ это, болѣе развиваются извѣстные органы, она недостаточна для того чтобъ объяснить то громадное различіе, которое существуетъ между нынѣ живущими животными и растеніями и ихъ доисторическими предшественниками. Она не въ силахъ объяснить намъ появленіе новыхъ органовъ, не въ силахъ дать отчетъ въ такихъ превращеніяхъ, каковы переходъ плавательнаго пера въ крыло или въ лапу,—превращеніяхъ, которыя мы должны допустить вмѣстѣ съ генеалогическою связью нашихъ животныхъ съ животными ископаемыми. Въ особенности неприменима она къ растеніямъ лишенымъ способности измѣнять свой образъ жизни по вѣдшимъ условіямъ, въ той мѣрѣ какъ на то способны животныя.

Недостаточность этой теоріи вызвала другую, которая всего опредѣлительнѣе выразилась въ книгѣ, надѣлавшей много шума въ свое время въ *Vestiges of Creation*. Незвѣстный авторъ этого сочиненія полагаетъ, что жизнь каждаго вида, какъ и жизнь каждой особи, распадается на возрасты, что въ ней есть эпохи (совпадающія съ границами геологическихъ эпохъ), въ которыя потомство вдругъ пріобрѣтаетъ новыя свойства, выстую организацію чѣмъ его родичи. Это приложение теоріи внезапныхъ катаклизмовъ къ жизни органическихъ существъ есть собственно лишь общее выраженіе для нашего незнанія относительно ихъ исторіи, и истина его буквального смысла не подтверждается до сихъ поръ ни однимъ извѣстнымъ намъ фактомъ.

До новѣйшаго времени, эти двѣ теоріи въ различныхъ отгѣнкахъ и сочетаніяхъ, управляли воззрѣніями всѣхъ тѣхъ естествоиспытателей, которые признавали потомственную связь органическихъ существъ, населявшихъ землю

въ послѣдовательныя геологическія эпохи, признавали именно средство всѣхъ животныхъ и растений, которыя организація представляетъ намъ болѣе или менѣе близкую аналогію, причемъ ихъ противники, разумѣется, съ усмѣхою пользовались указанными нами слабыми сторонами этихъ теорій. Лишь года два тому назадъ Чарльсъ Дарвинъ въ одной изъ самыхъ блистательныхъ книгъ ¹ когда-либо написанныхъ по части естественныхъ наукъ, изложилъ рядъ соображеній и данныхъ, повидимому вполне доказывающихъ и объясняющихъ потомственную связь органическихъ существъ между собою и ихъ дивное приспособленіе другъ къ другу и къ міру неорганическому. Я говорю *повидимому* потому что Дарвинъ еще не обнаружилъ всего фактическаго матеріала, на которомъ основано его воззрѣніе; главнымъ же образомъ потому что огромный кругъ явленій охватываемый его теоріею, до сихъ поръ извѣстенъ намъ слишкомъ отрывочно. Но можемъ сказать смѣло, что въ области наукъ объ организмахъ никогда не было создано теоріи столь строго обдуманной и тонко развитой, столь полно и стройно отдающей отчетъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ явленіяхъ.

Главною исходною точкою для теоріи Дарвина служитъ

¹ Charles Darwin, *On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life.* London 1860. Въ этой великолѣпной книгѣ, Дарвинъ излагаетъ въ подробностяхъ свою теорію, приводя на каждой страницѣ интересные примѣры тѣхъ явленій, на которыхъ она построена, и общаетъ со временемъ обнаруживать весь фактическій матеріалъ, на которомъ основаны его воззрѣнія. Къ исполненію этого общанія онъ приступилъ изданіемъ интересной монографіи объ орхидеяхъ.

Я постарался въ этомъ легкомъ очеркѣ познакомить русскую публику съ главными чертами теоріи Дарвина, но долженъ предупредить читателей, что сжатое изложеніе и богатое содержаніе его довольно объемистой книги не позволили мнѣ передать и сотой доли тѣхъ остроумныхъ соображеній и плодотворныхъ взглядовъ, которые онъ развиваетъ на каждой страницѣ своего сочиненія. Поэтому главная цѣль этого очерка—обратить вниманіе читателей на самую книгу Дарвина „О происхожденіи видовъ“. Ея чтеніе доставитъ истинное наслажденіе и глубокое поученіе всякому, кто интересуется естественными науками. Эта книга переведена на нѣмецкій языкъ извѣстнымъ зоологомъ Бронномъ, и въ настоящее время переводится на русскій языкъ и будетъ издана книгопродавцемъ А. И. Глазуновымъ въ Москвѣ.

тотъ общій, многозначительный фактъ, на который мы уже обратили вниманіе въ началѣ нашей бесѣды. Изъ многочисленнаго потомства всякаго поколѣнія органическихъ существъ выживаетъ лишь малѣйшая доля, выживаютъ лишь тѣ представители, которые вполне и до послѣдней подробности приспособлены ко всему строю вѣтшей природы, органической и неорганической, и при этомъ гибнутъ безчисленные зачатки, безчисленныя возможности иныхъ поколѣній. Этимъ обстоятельствомъ, при постоянствѣ вѣтшихъ условій, сдерживается присущая каждой типической формѣ способность разбиваться, развѣтвляться на безконечныя отѣвки и разновидности. Природа поступаетъ тутъ какъ искусный заводчикъ, дорожащій чистотою крови въ своемъ стаѣ. Она строго подбираетъ въ каждомъ поколѣніи тѣ особи, которыя она предназначаетъ для продолженія племени: поэтому Дарвинъ и назвалъ этотъ процессъ „естественнымъ подборомъ родичей“ (natural selection). Результаты этого естественнаго подбора безконечно превышаютъ точностію и прочностію наши искусственныя операціи того же рода, потому что природа подбираетъ своихъ производителей изъ громаднаго числа особей, и подбираетъ ихъ не по какому-нибудь несущественному признаку, какъ то дѣлаетъ человекъ, но по совокупности признаковъ, обезпечивающихъ жизнь органическихъ существъ, дающихъ имъ возможность остаться побѣдителями въ борьбѣ за существованіе. Этимъ подборомъ обуславливается постоянство органическихъ формъ, постоянство вида при неизмѣняемыхъ вѣтшихъ условіяхъ.

Но въ то же время ясно, что въ силу этого самаго подбора, при малѣйшемъ измѣненіи вѣтшихъ условій должно произойти и измѣненіе въ типѣ органическихъ существъ. Дѣйствительно, тутъ выборъ падетъ на тѣ особи, которыя болѣе приспособлены къ новымъ жизненнымъ условіямъ чѣмъ къ прежнимъ: онѣ именно станутъ родоначальниками новыхъ поколѣній; осуществится одна изъ безчисленныхъ возможностей, погибавшихъ при прежнемъ порядкѣ вещей. Всякое малѣйшее отклоненіе, всякая малѣйшая особенность въ организаціи, выгодная органическому существу при новыхъ вѣтшихъ вліяніяхъ, сохранится и усилится въ теченіе поколѣній по той же причинѣ, по которой сохраня-

ласть прежняя типическая форма. Совокупность этихъ особенностей составить новый типъ, столь же ревниво охраняемый самою новыиъ жизненными условіи, какъ охранялся типъ прежній. Но мы знаемъ, что, съ появленіи органической жизни на нашей планетѣ, жизненные условія постоянно измѣнялись, усложнялись и разнообразились. Отсюда постепенное измѣненіе, усложненіе и развѣтвленіе органическихъ группъ; отсюда тотъ процессъ усовершенствованія органическихъ формъ, о которомъ свидѣтельствуетъ геологія для прошлыхъ временъ, которому мы не можемъ себѣ представить предѣла въ будущемъ, потому что тѣ же мировыя силы, которыя постоянно измѣняли поверхность земнаго шара, продолжаютъ дѣйствовать и до сихъ поръ. Но не одни климатическія условія измѣнялись для каждаго палеона въ теченіи геологическихъ вѣковъ: измѣнялась и органическая обстановка—вся система окружающихъ растеній и животныхъ, съ которою, какъ мы видѣли, такъ тѣсно связана жизнь каждаго органическаго существа. И это измѣненіе имѣло вліяніе на развитіе органическихъ типовъ: въ каждомъ поколѣніи выжидали и размножались тѣ особи, которыхъ организація наиболее была приспособлена къ этому необходимому взаимодействию. Поэтому всякое усложненіе, всякое усовершенствованіе въ организаціи, въ инстинктахъ каждаго живаго существа, вызванное усложненіемъ вѣншихъ условій, въ свою очередь вызывало новыя усовершенствованія во всѣхъ организмахъ связанныхъ своими жизненными процессами съ этимъ живымъ существомъ. Отсюда возникли этимъ путемъ, и въ теченіе миллионныхъ столѣтій сложились тѣ дивныя приспособленія, связывающія самыя разнородныя органическія существа, эти гармоническія сочетанія, изъ которыхъ состоитъ природа, этотъ общій, величавый строй, эта вѣчная, несказанная красота и цѣлесообразность ея явленій....

Конечно, эта теорія опирается отчасти на разрядъ явленій, до сихъ поръ необъясненныхъ, явленій, которыя мы по глубокому невѣдѣнію ихъ причинъ, называемъ случайными. Она основана на безпрестанномъ появленіи въ потомствѣ органическихъ существъ, отклоненій отъ типа родичей, отклоненій подчасъ очень значительныхъ, большею частію едва замѣтныхъ, но способныхъ, въ теченіи поко-

лѣвій, усилиться и упрочиться, какъ мы это видимъ при искусственномъ образованіи породъ, уклоненій лишь потому не поражающихъ насъ въ естественныхъ произведеніяхъ органическихъ царствъ, что они быстро пресѣкаются, быстро гибнутъ въ борьбѣ за существованіе. Но это не отнимаетъ у теоріи Дарвина ея великаго значенія. Появленіе этихъ уклоненій — фактъ до того общій, что мы въ правѣ выводить изъ него общія послѣдствія. Будущему времени предстоитъ разрѣшить трудный вопросъ о таинственныхъ вліяніяхъ, запечатлѣвающихъ особымъ характеромъ отдѣльныя особи происшедшія отъ однихъ и тѣхъ же родичей, вліяніяхъ, дающихъ первый толчокъ тому развѣтвленію и обособленію типовъ, на которомъ основана исторія органической жизни на землѣ, основаны стройныя распределенія нынѣ живущихъ организмовъ на подчиненныя другъ другу группы, которыя мы стараемся выразить своими подраздѣленіями на классы, семейства, роды, виды.....

Но мы опять отвлеклись далеко отъ пестрыхъ цвѣтковъ, окружающихъ насъ, отъ легкихъ насѣкомыхъ, сверкающихъ на полуденныхъ лучахъ юньскаго солнца. Что же дѣлать, если изящная игра взаимодѣйствій, связывающихъ эти недолговѣчныя созданія, связана, въ свою очередь, съ исторіею вселенной, не съ тою исторіею, которую обыкновенно называютъ этимъ именемъ, но исторіею, считающей свои вѣка милліонами, оставившей намъ свои памятники въ очертаніи океановъ и суши, въ хребтахъ Кавказа и Гималаи. Маленькія мѣрки, которыми мы привыкли измѣрять времена, исчезаютъ передъ тѣми громадными періодами, которые прошли прежде чѣмъ правильнѣй типическій цвѣтокъ одноствѣнодолынаго растенія, отдаленнаго предка нашихъ кукушкиныхъ слезокъ, перешелъ въ теперешнюю причудливую форму, — отпечатокъ тѣла насѣкомаго, отпечатавшійся и на немъ, и все-таки сохранившій общій типъ своего класса. Когда мы смотримъ на пестрый покровъ земли, точно такъ же, какъ когда мы глядимъ на звѣздное небо — мы видимъ неодновременное. Рядомъ съ формами, возникшими лишь при послѣднихъ видоизмѣненіяхъ земной поверхности, при послѣднихъ осложненіяхъ жизненныхъ условій, мы видимъ формы, сохранившія типъ, сложившіяся въ давнія геологическія эпохи, и мало измѣнившіяся съ тѣхъ

поръ. Въ теперешней, разнообразной, богатой контрастами природѣ есть мѣсто для тѣхъ и для другихъ. Рядомъ съ глубоко-измѣненными орхидеями цвѣтутъ амариллисы и мардиасы, близкія воспроизведенія ихъ общихъ предковъ. Сохранились и нѣкоторые переходы—орхидеи съ разсыпчатою пылью, встрѣчающіяся и на нашихъ лугахъ. Флора Новой Голландіи, цѣлкомъ перешедшая въ наше время изъ давно-минувшей далы, представляетъ намъ только такія орхидеи. Намъ нѣтъ надобности рыться въ пластахъ земной коры, чтобы вспомнить тѣсную связь настоящей органической жизни съ ея прошедшимъ. Намъ нѣтъ надобности обозрѣвать всю флору и фауну земнаго шара, чтобы признать тѣ различныя соотношенія, тѣ разнообразныя степени сродства, которыя связываютъ между собою всѣ животныя и растенія. И на каждомъ шагѣ обнаруживается передъ нами новое звено безконечной цѣпи ихъ взаимодѣйствій, корелящихся въ безконечности прошлаго, намекающихъ намъ на стройное будущее.

Итакъ, не станемъ проходить равнодушно мимо мелкихъ чудесъ, совершающихся у нашихъ ногъ, въ коврѣ нашихъ луговъ, въ прозрачной тѣни нашихъ лѣсовъ. Будемъ ловить краткія, но упительныя минуты нашего быстрого лѣта, когда жизнь кипитъ, спѣша завершить свой кругооборотъ до длиннаго покоя зимы. Каждый день, каждый часъ доставитъ намъ не только новыя наслажденія, но и важныя поученія.

Не въ отвлеченныхъ формулахъ, а въ воплощенныхъ образахъ представутъ передъ нами тѣ вѣчные законы бытія, общіе воимъ его сферамъ, по которымъ все существующее совершенствуется, гармонически расчленяясь и осложняясь, законы, въ видѣ темныхъ чааіи присущіе нашему ограниченному духу, нашему неполному сознанію, но вѣчными и яркими чертами запечатлѣнными въ созданіяхъ того всеобъемлющаго духа, котораго мы вѣчно и тщетно сидимся увидѣть лицомъ къ лицу.

С. РАЧИНСКІЙ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА МУРАВЬЕВА

О ВОЙНѢ

1855 ГОДА ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.¹

Николай Николаевичъ Муравьевъ разрѣшилъ мнѣ помѣстить, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, два полученныя отъ него отрывка изъ его густа о кампаніи 1855 года въ Азіятской Турціи. Въ одномъ изъ этихъ краткихъ отрывковъ изложенъ общій планъ кампаніи, а въ другомъ указаны непосредственныя причины штурма. По настоящее время въ печати появлялось еще мало свѣдѣній какъ объ общемъ ходѣ этой кампаніи, такъ и о главнѣйшихъ эпизодахъ ея, а потому предполагаю, что помѣщаемыя здѣсь отрывки, независимо отъ интереса, послужатъ къ уясненію и правильной оцѣнкѣ минувшихъ событій.

Статья моя *Блокада Карса* помѣщенная въ первой книжкѣ *Сборника офицеровъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба*, была окончена въ мѣ 1861 года. Соображенія побудившія къ штурму Карса изложены мною нѣсколько иначе, такъ какъ я не могъ тогда воспользоваться помѣщаемыми здѣсь отрывками, которые были мнѣ переданы Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ только осенью прошедшаго года.

М. ЧЕРКЕСОВЪ.

I. Планъ кампаніи генерала Муравьева².

Можно было предвидѣть, что послѣ пораженій, понесенныхъ Турками въ 1853 и 1854 годахъ, они не отважатся выйдти въ поле и вступить съ нами въ бой на открытыхъ равнинахъ, прилегающихъ къ Карсу, гдѣ многочисленная кавалерія

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* 1862 года, № 1.

² Изъ I главы.

наша давала намъ значительный перевѣсъ. Надобно было поразить непріятеля въ самомъ убѣжищѣ его. Для покоренія Карса представлялось два способа: немедленный приступъ или правильная осада. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, предпринять штурмъ значительно усиленной Англичанами крѣпости, охраняемой гарнизономъ едва ли не многочисленнѣйшимъ нападающихъ, было бы неосновательно. Известно, что Турки упорно дерутся за валами. При удачномъ даже приступѣ, уронъ нашъ былъ бы столь значителенъ, что надоело лишилъ бы насъ возможности къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; но успѣхъ приступа вначалѣ кампаніи былъ очень сомнителенъ, и потому слѣдовало отложить его до того времени, когда истощились бы всѣ имѣвшіяся въ виду средства къ покоренію крѣпости инымъ образомъ; покорить же ее въ томъ году было необходимо.

Правильной осады также нельзя было предпринимать. Тому препятствовала мѣстность, недостатокъ въ осадной артиллеріи и необходимость избѣгать изнурительныхъ для войска трудовъ, съ осадю сопряженныхъ. Но всего болѣе должно было остерегаться, чтобы не связать себя работами и приготовленіями, которыя лишили бы осаждающихъ подвижности, тогда какъ подвижность, сохраняющая въ войскѣ бодрость, даетъ способъ дѣйствовать наступательно противъ непріятеля, коего мы могли ожидать появленія съ разныхъ сторонъ и даже въ тылу. Последнее соображеніе было въ связи съ колебаніемъ Персіи и съ появившимся въ то время слухами о высадкѣ Англичанъ въ Персидскомъ заливѣ. Слухи эти можетъ-быть распространялись умышленно, но съ такою положительностью, что указывали даже мѣсто высадки и первое направленіе высаднаго войска; называли и торговцевъ, возвратившихся въ Персію изъ окрестностей Бассоры, которые были будто свидѣтелями сдѣланныхъ тамъ заказовъ продовольствія для 28.000 человекъ.

По симъ причинамъ, генераль Муравьевъ предположилъ держать крѣпость въ блокадѣ сколь можно долѣе, прерывая непріятелю всѣ вышнія сообщенія и въ то же время овладевая продовольствіемъ, которое Турки спѣшили свозить изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ оно было заготовлено зимою. Симъ способомъ достигались двѣ цѣли: стѣсненіе гарнизона и сохраненіе блокирующаго войска постоянно въ такой готовности,

чтобъ оно могло во всякое время перенестись массою, куда бы надобность ни потребовала.

Однако же, по обширности внѣшнихъ укрѣпленій Карса, циркумвалаціонная линія нашей блокады должна была имѣть около пятидесяти верстъ протяженія: со стороны Александрополя, по маловодной и опустошенной въ прошедшемъ году равнинѣ; съ противоположной же стороны, по гористому мѣстоположенію, намъ еще неизвѣстному, по ущельямъ коего неприятель имѣлъ сообщенія свои съ Батумомъ и Эрзрумомъ, естественнымъ путемъ, чрезъ Пенякъ и Ольту.

Для избѣжанія, во время блокады, какой-либо неудачи, въ мѣстахъ, находившихся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главныхъ силъ, надобно было прежде всего изсѣдовать окрестности Карса.

Для устраниенія всякаго вліянія турецкаго начальства въ сѣдѣщихъ городахъ и уѣздахъ, на довольно большое разстояніе отъ Карса, надобно было занять сіи мѣста.

Для увеличенія нуждъ гарнизона, надобно было разыскать, и лишить его главныхъ продовольственныхъ запасовъ, которыхъ не успѣли еще свезти въ крѣпость.

Наконецъ, надобно было отбросить корпусъ Вели-паши, усилившійся до двѣнадцати тысячъ, съ тридцатью орудіями, занимавшій дорогу отъ Баязида къ Эрзруму и угрожавшій лѣвому флангу и даже тылу блокирующаго войска.

Эти четыре предмета предположено было исполнить въ теченіи лѣта, и если между тѣмъ временемъ Карсъ еще не сдѣлся бы отъ голода, то приступить къ штурму не прежде какъ въ позднюю осень, когда гарнизонъ, изнуренный нуждами всякаго рода и подавленный духомъ, показалъ бы признаки дѣйствительнаго ослабленія; между тѣмъ блокирующее войско, пребывая въ здоровыхъ мѣстахъ, пользуясь просторомъ и изобиліемъ всякаго рода, ежедневно усиливалось бы вновь ожидавшимися подкрѣпленіями.

Для достиженія сего, главнокомандующій предположилъ:

Первое. Ставъ на главномъ сообщеніи Карса съ Эрзрумомъ, до полнаго еще обложенія крѣпости, обогнуть ее кольцомъ, посредствомъ движенія сильныхъ конныхъ отрядовъ съ артиллеріею, что должно было навести уныніе на неприятеля, стѣсняя его сообщенія окольными путями съ Эрзрумомъ.

Второе. Занять и оставить за собою крѣпость Ардеганъ и городъ Кагызманъ. Черезъ Ардеганъ неприятель сообщался

съ Базумомъ и съ Аджаріею, гдѣ былъ всегдашній притонъ воинственныхъ прибрежныхъ племенъ, усилившихъ толпищами своими карскій гарнизонъ. Черезъ Ардеганъ также шли торговые пути и стража та изобиловала хлѣбомъ; самая Ардеганская крѣпость, окруженная съ прошлаго года земляными укрѣпленіями, могла еще быть занята непріателемъ или вооруженными жителями, и оказать намъ сопротивленіе. Кагызманъ, цвѣтущій городокъ, заключающій въ себѣ до 800 домовъ, изъ коихъ пятая доля армянскихъ, лежитъ на берегу Аракса и имѣетъ по положенію своему значеніе между племенами Курдовъ, кочующихъ на покостяхъ Агри-Дага. Мѣсто сіе, равно изобилующее продовольствіемъ, будучи въ нашихъ рукахъ, оградило бы отъ вторженія Курдовъ лежаціе ниже по теченію Аракса соляные промыслы, какъ наши Кульпинскіе, такъ и находящіеся въ Карскомъ пашалыкѣ и принадлежавшіе еще Туркамъ. Въ Кагызманѣ соединяются трудные горные пути, ведущіе въ долину Восточнаго Евфрата и вверхъ по Араксу къ селенію Кёрни-Кёвъ, лежащему на дорогѣ къ Эрзруму.

Третье. Лишить непріателя продовольственныхъ запасовъ, сложенныхъ по пути къ Эрзруму. О громадности этихъ запасовъ давно носились слухи. Главный складъ ихъ указывали въ селеніи Энги-Кёвъ, котораго на картѣ не значилось, что Турки не полагали возможнымъ для насъ сдѣлать такой дальній поискъ за хребтомъ Сагаулуга, пока они занимали Карсъ.

Четвертое. Неожиданнымъ и быстрымъ движеніемъ, совокупно съ баязидскимъ отрядомъ, напасть на Вели-пашу.

Симъ планомъ, получившимъ въ послѣдствіи подробнѣйшее развитіе, генераль Муравьевъ ограничился на первыхъ порахъ.

II.

Причины штурма.

Въ подобныхъ осмотрахъ мѣстности и соображеніяхъ, при постоянныхъ занятіяхъ для большаго стѣсненія анатолійской арміи, проходило время, приближая насъ къ поздней эпохѣ года, въ которую главнокомандующій предполагалъ штурмовать Карсъ, когда въ первой половинѣ сентября мѣсяца послѣдовали,

одно за другимъ, тревожныя извѣстія, побудившія его измѣнить первоначальный планъ кампаніи. Сперва высадившаяся армія Омеръ-паши угрожала Ахалцыху и Кутаису и навела страхъ на самый Тифлисъ. Съ другой стороны, корпусъ Вели-паши усиливался въ Эрзрумѣ новыми наборами. Войско это могло явиться на вершинахъ Саганлуга и угрожать нашему тылу, по крайней мѣрѣ воспрепятствовать заготовленію сѣна, производившемуся въ запасъ на зиму, и оставить насъ вовсе безъ топлива. Вели-паша могъ проникнуть также въ Ольту, и оттуда покуситься на освѣженіе карскаго гарнизона,—обстоятельства, которыя крайне развлекли бы силы наши, и дали бы поводъ анатолійской арміи пытаться на вылазку или къ уходу изъ крѣпости. Противъ сихъ случайностей принимались еще мѣры; но когда внезапно послышалась, сперва загадочная, пальба, густымъ дымомъ увѣнчавшая Карскую цитадель, когда въ тотъ же вечеръ узнали черезъ перебѣжчиковъ, что въ Карсѣ торжествуютъ паденіе Севастополя, и когда, спустя два дня послѣ того, освѣдомились изъ газетъ о семъ горестномъ событіи,—тогда поколебались первоначальныя рѣшенія, тогда казалось, что не слѣдовало болѣе держаться плана начертаннаго при иныхъ обстоятельствахъ. Военныя дѣйствія за Кавказомъ должны были связываться съ событіями происходившими въ Крыму, и если походомъ къ Эрзруму вызвана уже была изъ Крыма на берегъ кавказскихъ владѣній нашихъ армія Омеръ-паши, то въ настоящее время надобно было оказать вящую помощь братьямъ нашимъ, подвизавшимся на Крымскомъ полуостровѣ, порадовать ихъ, Россію и Государя, безотлагательнымъ покореніемъ Карса, послѣ чего съ частью войскъ занять Эрзрумъ, а съ другою обратившись въ Мингрелію, втопить Омеръ-пашу съ его арміею въ морѣ.

Еслибы палъ подъ приступомъ Карсѣ, и свершилось бы затѣмъ все предположенное по измѣнившемуся плану кампаніи, то не только бы не осудили предпріятія сего, но отнесли бы его къ разряду смѣлыхъ и лучшихъ военныхъ соображеній. Вся война могла принять иной оборотъ, коего послѣдствія еще болѣе оправдывали бы предпріятіе. Но подъ непроницаемою завѣсой закрыта будущность отъ смертныхъ, и потому не взирая на то, что условія въ пользу успѣха перевѣшивали случайности, которыя могли повредить предпріятію, не могло быть полнаго ручательства въ удачѣ

Не менѣе того, въ тогдашней войнѣ .и при подобныхъ обстоятельствахъ, главному начальнику не слѣдовало уклоняться отъ гнета ответственности, ему предстоявшей. Чужды опасенія сіи тамъ, гдѣ дѣйствіями руководить не домогательство славы, а священная любовь къ родинѣ. Видимое изнеможеніе непріятеля, бодрое состояніе войскъ нашихъ, духъ оживлявшій ихъ, негодованіе порожденное паденіемъ Севастополя, желаніе отмстить врагу и всеобщій порывъ къ бою, служили въ то время лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ,—и приступъ Карса былъ рѣшенъ въ мысляхъ генерала Муравьева.

ХОЛОСТАЯ ЖИЗНЬ ✓

Р А З К А З Ъ.

(Посвящается благосклонному моему читателю и старому другу
Г. Ф. Головачеву.)

I.

Вечерело. Жаркое июльское солнце садилось за высокими деревьями окружавшими господскую усадьбу богатаго села Миловки, и его веселые лучи озарили грустную картину. Въ маленькомъ флигелькѣ, который небольшимъ цвѣтникомъ отдѣлялся отъ главнаго строенія, старушка, лѣтъ шестьдесятъ, блѣдная и изнеможенная, лежала на кровати. Въ углу, на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, возвышалась, передъ образомъ Спасителя, большая чаша съ водой; возлѣ нея лежалъ золотой крестъ, и стояла тарелка съ крупнымъ желтымъ пескомъ. Собранныя въ кучу и еще дымившіяся церковныя свѣчи доказывали, что обрядъ соборованія только что совершился. Мальчикъ, лѣтъ восьми, стоявшій за кроватью, стараясь заглушить свои рыданія, прижимая къ лицу уже мокрый отъ слезъ платокъ.

— Аняушка, тихо произнесла умирающая.

Ребенокъ побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ горничныя собирались угостить священника чаемъ.

— Аннушка, проговорилъ онъ сквозь слезы:—няня зоветь.

Молодая дѣвушка поставила поспѣшно на столъ чашку, которую держала въ рукахъ, и послѣдовала за нимъ.

— Подай-ка мнѣ образъ Спасителя, сказала прерывающимся голосомъ умирающая:—мнѣ хочется вотъ его благословить.

Дѣвушка подала ей образъ.

— Помолитесь-ка баринъ, да приложите, шепнула она ребенку.

Когда она поставила образъ опять на столъ, мальчикъ, еще больше напуганный новою церемоніей, значенія которой онъ не понималъ, бросился, рыдая, на шею старушки.

— Няня! няня! вскрикнулъ онъ рыдая: — не умирай, пожалуста!

И онъ припалъ лицомъ къ ея подушкѣ.

— На кого я тебя покидаю, сиротинка! сказала едва внятно бѣдная няня:—хоть бы въ ту же пору взять тебя съ собой въ сырую землю.

И горячая слеза упала на его наклоненную головку.

— Иванъ Александровичъ, да полноте, мой батюшка, начала Аннушка,—вы бы лучше за нянюшку Богу помолитесь. А что плакать-то? Пойдемте со мной; можетъ онъ и уснуть. Посмотрите-ка, что я вамъ дамъ: какіе крендели Онисимъ къ чаю испекъ, съ миндалемъ! Вы только поглядите.

Но онъ отъ всего отказывался и не отходилъ отъ своей няни. Позднимъ вечеромъ сонъ одолѣлъ его, и онъ уснулъ, сидя у ея ногъ. Его отнесли въ постельку, и онъ спалъ еще на другой день, когда старушка, одѣтая въ свое праздничное платье, лежала уже на столѣ.

Мальчикъ былъ неутѣшенъ: няня была его единственною привязанностью. Его мать умерла на третій день послѣ родовъ. Отецъ его, Александръ Александровичъ Кремницкій, оплакивая любимую жену, нисколько не занимался имъ, и почти даже не видалъ его. Ваня былъ предоставленъ попеченію няни, которая привязалась къ нему всею любовью, вскормленною бессонными и безотрадными ночами проведенными у его кровати. Золотушный, хилый, щедушный ребенокъ росъ болѣзненно и развивался туго. Кремницкій гордился старшими дѣтьми, которыя были и красивы, и даровиты, и стыдился невзрачнаго, ограниченнаго,

везокаго мальчика. „Да уйди ты къ нянѣ“, говорилъ онъ ему часто, при появленіи гостей; и ребенокъ сталъ наконецъ бояться чужихъ лицъ, и не дожидаясь приказанія, убѣгалъ въ свой флигель, какъ скоро экипажъ останавливался у подъѣзда. „А ты опять ко маѣ, горемычный“, говорила старуха со слезами на глазахъ, и она цѣловала его, лакомила, и разказывала ему сказки. Мальчикъ не сознавалъ горечи своего положенія: онъ не могъ быть привязанъ къ отцу, который не любилъ его, ни къ сестрѣ, которая была восемью годами старше его, занималась съ своею гувернанткой большую часть дня, и мало видѣла его, ни къ обоимъ братьямъ, которые обижали его въ играхъ, и дѣтская была для него не мѣстомъ ссылки, а напротивъ какимъ-то волшебнымъ краемъ, гдѣ няня, какъ добрая фея, исполняла его прихоти.

Все семейство пришло поклониться праху умершей. Когда паннихида отошла, Кремницкій подозвалъ Аннушку.

— Теперь Ваня на твоей отвѣтственности, сказалъ онъ,— и на тебѣ строго взыщется всякій недосмотръ.

— Будьте покойны-сь, Александръ Александровичъ, отвѣчала она.

— Да гдѣ онъ теперь?

— Въ той комнатѣ-сь.

Онъ вошелъ въ ту комнату. Мальчикъ, блѣдный и исхудалый, сидѣлъ въ углу, опустивъ голову на грудь. Отецъ подошелъ къ нему и потрепалъ его по щекѣ:

— Вотъ теперь Аннушка будетъ за тобой ходить, сказалъ онъ:— а какъ поѣдутъ въ городъ, я прикажу тебѣ игрушекъ купить.

Ребенокъ зарыдалъ.

— Ну, ну, полно, говорилъ отецъ, глядя его по головѣ, — поведи его погулять, продолжалъ онъ, обращаясь къ Аннушкѣ.

Вечеромъ, когда всѣ разошлись по мѣстамъ, Маша, старшая изъ дѣтей Кремницкаго, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, пришла въ свою комнату, сѣла у открытаго окна, и задумалась объ умершей старушкѣ. Ей вспомнился, какъ тяжелый сонъ, день смерти матери, и только что родившійся Ваня, которымъ она забавлялась тогда, какъ куклой. Часто она приходила къ нему во флигель съ своею гувернанткой, и смотрѣла какъ няня убаюкивала малютку подъ свой заунывный напѣвъ. Но ребенокъ подросъ, и Маша, привыкнувъ къ мысли, что

онъ у няни, никогда не задумывалась надъ его одиночествомъ. Въ эту минуту ей въ первый разъ пришло въ голову, что она никогда не заставляла отца въ его дѣтской, что она сама, и другіе ея братья пользуются родительскою любовью и попеченіемъ, между тѣмъ какъ Ваня растетъ круглымъ сиротой. Но теперь, умерла старушка, замѣнявшая ему все на свѣтѣ, и кто же приголубить его? Что-то похожее на угрызеніе совѣсти стѣснило сердце молодой дѣвушки. Она поспѣшно встала, накинула наскоро шаль, вышла, пробѣжала черезъ широкій дворъ, и отворила, не переводя духа, дверь маленькаго флигеля.

Первая комната была пуста; во второй, тускло освѣщенной церковною свѣчой, тѣло старушки лежало на столѣ, и дьячокъ бормоталъ псалтырь. Маша перекрестилась, прошла на цыпочкахъ въ маленькій корридоръ, и очутилась въ темной комнатѣ Вани.

— Аннушка, Аннушка, это ты? вскрикнулъ мальчикъ, испуганнымъ голосомъ.

— Ваня, это я, мой ангелъ, отвѣчала она, подходя къ его кроваткѣ и цѣлуя его. Ребенокъ уцѣпился за нее и притянулъ ее къ себѣ; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Не уходи отъ меня, говорилъ онъ,—мнѣ страшно.

Маша старалась успокоить его.

— Гдѣ же Аннушка? спросила она.

— Не знаю, она куда-то ушла и сказала, что придетъ, а мнѣ велѣла спать.

Она зажгла свѣчу и окинула комнату бѣглымъ взоромъ. У пустаго угла, изъ котораго была уже вынесена кровать бѣдной няни, Аннушка приготовила на сундукъ свою собственную постель, платья ребенка валялись на полу, на столѣ стояла чашка остывшаго супа и лежалъ ломоть бѣлаго хлѣба. Ваня и не дотронулся до своего ужина. Вообще въ комнатѣ былъ страшный беспорядокъ.

— Встань, и пойдемъ ко мнѣ, сказала Маша.

Онъ одѣлся, и они вышли въ комнату, гдѣ лежало тѣло умершей. Ребенокъ горько заплакалъ и прижался къ сестрѣ. У ней брызнули слезы; она стала на колѣни и обвила его рукой.

— Ваня, сказала она вполголоса, — ты знаешь, какъ она тебя любила. Богъ ее взялъ, но я буду тебя также любить.

Онъ продолжалъ плакать, прижимая голову къ ея плечу.

— Помолитесь за нее, мой ангелъ, начала она оплть,—и пойдемъ.

И Маша, стоя на кофъняхъ, повторила въ сердцѣ свой обѣтъ передъ Богомъ, передъ тѣнью матери и прахомъ бѣдной старушки.

Окончивъ молитву, она сняла шаль, окутала въ нее ребенка, взяла его за руку, увела къ себѣ, и уложивъ его въ свою кровать, сидѣла подлѣ него, пока онъ не заснулъ. Тогда она положила подушку на диванъ и легла, но не смыкала глазъ почти всю ночь. Новая будущность открывалась передъ ней: незнакомое, почти материнское чувство, вкрадывалось въ ея сердце. Въ шестнадцать лѣтъ всякое чувство принимаетъ характеръ страсти. Молодая дѣвушка прислушивалась къ тихому дыханію Вани, и повторяла себѣ, что ей суждено искупить передъ нимъ вину отца, что она посвятитъ себя его воспитанію, что онъ будетъ ея созданиемъ. Она рѣшила, что на другой же день переговорить съ отцомъ; она обдумала заранее каждое свое слово, предусмотрѣла всѣ возраженія Александра Александровича. Вставши рано, она одѣлась, вышла на цыпочкахъ изъ комнаты, чтобы не разбудить ребенка, и вошла въ спальню отца.

Онъ уже всталъ и сидѣлъ съ трубкой въ рукахъ за чашкой чая.

— Батюшка, сказала Маша, съ нѣкоторою торжественностію,—позвольте мнѣ переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ. Она приступила очень бодро къ объясненію; но вдругъ сконфузилась и остановилась, понимая, что ея слова звучатъ невольнымъ упрекомъ въ ухахъ отца. Ей казалось ночью, что она поведетъ бесѣду совершенно иначе, тѣмъ болѣе что она разчитывала на возраженія, которыхъ Александръ Александровичъ не сдѣлалъ. Онъ немного сконфузился, всталъ, прошелся по комнатѣ, и остановился передъ дочерью.

— Ты предупредила мое желаніе, Маша, сказалъ онъ.—Ваня такой хилый, и я не хотѣлъ посадить его за ученіе, пока его организмъ не окрѣпнетъ, потому и оставилъ его на полной свободѣ, подлѣ надзоромъ няни, которая неслась неусыпно о его здоровьѣ. До сихъ поръ это только и нужно было, но теперь пора подумать и о другомъ. Я хотѣлъ поручить его гувернеру старшихъ его братьевъ, но если ты берешь его такъ охотно подлѣ свою опеку, такъ тѣмъ лучше: тебѣ это будетъ пріятное и доброе занятіе, ему женскій уходъ теперь

всего лучше. Пора, пора приняться серьезно за его воспитаніе, и спасибо тебѣ, что ты мнѣ облегчаешь эту заботу.

Такимъ образомъ дѣло было устроено. На другой день схоронили старушку. Ваня очень плакалъ; но горе его было не продолжительно, какъ и всякое дѣтское горе, тѣмъ болѣе что Маша употребила всѣ усилія чтобы развлечь его. Она перевела его въ комнату рядомъ съ своею, принялась сама убирать ее. Онъ съ восторгомъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, пока переносили мебель, и былъ вполне счастливъ, придерживая гардины, которыя сестра навѣшивала на окна, или подавая ей принесенные изъ его флигеля образа, которые она разставляла въ кіотъ, и надо прибавить, что всѣ эти хлопоты радовали Машу не менѣе самаго мальчика.

Онъ привязался къ ней очень скоро. Маша играла съ нимъ, водила его гулять, и раздѣляла съ гувернеромъ его старшихъ братьевъ надзоръ за его уроками. Отецъ вмѣнялъ себѣ иногда въ обязанность спросить у Вани его тетрадь или заставить его прочесть нѣсколько строкъ по складамъ. Ребенокъ краснѣлъ и конфузился, но отецъ одобрялъ его: „Смѣлайся,“ говорилъ онъ, „чего ты боишься?“ Онъ слушалъ разсѣянно, и однако похваливалъ, къ великой радости Маши, которая была увѣрена, что отецъ хвалитъ сознательно. Случалось также, что когда дѣти ссорились въ играхъ, то онъ возвышалъ голосъ на старшихъ, которыя обижали Ваню. Отецъ уже не прогонялъ его при появленіи гостей, и даже выхвалялъ его съ какою-то аффектаціей въ ущербъ прочимъ дѣтямъ, понимая очень хорошо, что онъ повредить имъ не можетъ. Когда посѣтители удивлялись ихъ способностямъ или красотѣ, онъ говорилъ, сдерживая самодовольную улыбку, и стараясь принять равнодушный видъ.

— А сказать вамъ правду? Все это меня нисколько не радуетъ, потому что я знаю какъ это не прочно. Скороспѣлки не надежны, да и дѣтскую природу мудрено разгадать. Вотъ этотъ у меня и невзраченъ, и мѣшковать, а посмотрите, какъ онъ изподтишка и сообразитъ скорѣй тѣхъ, и схитритъ сумѣетъ. Не кладите ему пальца въ ротъ! Насчетъ умственныхъ способностей я на него гораздо больше разчитываю чѣмъ на нихъ.

Спальня старшихъ сыновей примыкала къ гостиной, и служила также классной. Разъ какой-то сосѣдъ пріѣхалъ объ-

ать къ Кремницкому, и слыша, что въ соседней комнатѣ идетъ урокъ, пожелалъ присутствовать при немъ. Въ эту минуту Ваня читалъ довольно бѣгло главу изъ Ветхаго Заветъа.

— Отлично, замѣтилъ гость, — а расскажите-ка, — продолжалъ онъ, — закрывая книгу, — что вы читали? Какъ звали сыновей Ноя?

— Симъ, Хамъ и Иафетъ, отвѣчалъ Ваня.

— Прекрасно! Ну, а кто же былъ ихъ отецъ? продолжалъ онъ, подмигивая лукаво Кремницкому.

Старшіе дѣти громко захохотали, но Ваня покраснѣлъ, вступился, и слезы навернулись на его глазахъ. Александръ Александровичъ вспыхнулъ: смущеніе ребенка и его растерянный видъ предвѣщали слишкомъ знакомый отвѣтъ: *не знаю*. Кремницкій быстро подошелъ къ нему и потрепалъ по плечу.

— А! мы никакъ обидѣлись! воскликнулъ онъ: — какъ смѣли намъ задать такой вопросъ, точно мы и въ самомъ дѣлѣ можемъ надъ такимъ вопросомъ задуматься! Самолюбіе-то у насъ не по дѣтамъ и не по росту развито; вотъ что! Ну! бѣги скорѣй въ садъ, недотрога, продолжалъ онъ, видя какъ съ беспокойствомъ устремился на него удивленный взоръ Вани. — Вонъ тамъ, по аллеѣ, идетъ сестра: поди Расскажи ей какъ тебя оскорбили. Она тебя утѣшитъ.

Мама не всегда понимала чувство своего отца къ Ванѣ; но сама она не ошибалась въ ребенкѣ. Она видѣла, что, какъ говорится, онъ ничѣмъ не возьметъ, и эта мысль привязывала ее къ нему все болѣе и болѣе. Молодая дѣвушка понимала, что немногіе будутъ его любить, и тѣмъ нѣжнѣе любила его. Что касается до него, онъ видѣлъ въ ней свое провидѣніе, и любилъ ее безъ ума.

Года черезъ два послѣ перемѣны, совершившейся въ судьбѣ Вани, страшный ударъ постигъ несчастнаго отца. Его старшіе сыновья умерли оба, на одной недѣлѣ, отъ заразной болѣзни. Отчаянію его не было границъ. Мама забывала свое собственное горе, и не отходила отъ него. Медленно тянулись и дни, и бессонныя ночи. За порывами отчаянія настало тупое, неотвязчивое страданіе. Отецъ и дочь проводили вмѣстѣ тяжелые и безмолвные часы, лишь изрѣдка прерываемые неуспѣшными попытками Маши начать разговоръ, который не клеился. Разъ, въ темный осенній вечеръ, пока мелкій дождь стучалъ въ окна и вѣтеръ гудѣлъ заунывно, они сидѣли задумчиво въ опустѣлой гостиной.

Молодая дѣвушка держала въ рукахъ работу и глядѣла съ благопокойствомъ на отца, между тѣмъ какъ онъ смотрѣлъ то лихо на запертую дверь, изъ-за которой еще не давно раздавался звонкій смѣхъ и веселые дѣтскіе голоса. Ваня, пріютившись въ углу, разсматривалъ картинки. Вдругъ онъ всталъ и подошелъ къ сестрѣ за какимъ-то объясненіемъ. Отецъ вздрогнулъ при звукѣ его шаговъ, обернулся къ дочери и сказалъ ей смущеннымъ голосомъ: „De grâces ешше nez cet enfant.“

Мама поблѣднѣла. Она встала, взяла мальчика за руку и увела его. Черезъ часъ, когда она возвратилась въ гостиную съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, Александръ Александровичъ въ сильномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ.

— Послушай, Мама, сказалъ онъ,—я дѣйствительно кругомъ виноватъ передъ этимъ ребенкомъ, и эта мысль меня самого измучила, да я не въ силахъ совладѣть съ собой, и бываю минуты, когда я просто не могу его видѣть. Но ради Бога не огорчайся, онъ отъ этого не пострадаетъ. Какъ скоро мы пріѣдемъ въ Москву, возьми ему гувернера, найми учителей, не жалѣй ничего ни для его воспитанія, ни для удовольствій. Распоряжайся всѣмъ. Забѣни меня; помоги мнѣ искупить вину, отъ которой я страдаю болѣе чѣмъ кто-нибудь, и въ которой ежеминутно упрекаю себя.

Слезы катились по щекамъ Маши. Она молча поцѣловала руку отца, понимая, что было бы одинаково бесполезно пытаться усладить его горе или успокоить его совѣсть.

По пріѣздѣ въ Москву, она взяла на себя управленіе домомъ, и пригласила одного добраго и честнаго Нѣмца раздѣлать съ ней заботы о воспитаніи Вани. Она устроила такъ, чтобъ отецъ видѣлъ его какъ можно рѣже, разчитывая, съ большимъ тактомъ, что его присутствіе можетъ только раздражать слишкомъ свѣжія раны въ сердцѣ Александра Александровича. Время не истребляетъ иныхъ страданій, но придаетъ имъ другой характеръ. Кремницкій, оплакивая красивыхъ, даровитыхъ сыновей, не могъ простить этому жалкому существу его бесполезнаго существованія. Ему казалось, что онъ живетъ жизнью своихъ братьевъ, что онъ отнялъ ее у нихъ. Но мало-по-малу горечь его страданія превратилась въ болѣе тихую грусть. Сознаніе своей несправедливости воз-

удало въ немъ иногда сильное чувство состраданія къ этому ребенку, котораго онъ отталкивалъ отъ себя со дня его рожденія. Не рѣдко также доброе сердце Вани трогало его, и наконецъ онъ видимо смягчился въ отношеніи къ нему.

II.

Въ ясное майское утро, Ваня, или скорѣе двадцатилѣтній Иванъ Александровичъ, подвязывалъ кусты розановъ и жасмина, которые украшали небольшой садъ, разбитый у московскаго дома его отца. Молодой человѣкъ былъ большой хотникъ до цвѣтовъ. Окончивъ свою работу, онъ обошелъ цумбы и самодовольно улыбнулся. „Пойду, позову сестру, подумаю, пусть она на нихъ полюбуется“.

И онъ отправился домой, но только что вошелъ въ длинный коридоръ, раздѣлявшій надвое старинный домъ, звуки итальянской аріи долетѣли до его слуха. Онъ не понималъ музыки, но она производила на него сильное впечатлѣніе, и вызвала часто слезы изъ его глазъ. Пораженный этими звуками, онъ остановился; голосъ продолжалъ пѣть. Наконецъ Иванъ Александровичъ рѣшился дойти на цыпочкахъ до конца коридора, вошелъ въ отворенную дверь залы, и оставался, какъ окаменѣлый, у порога. Молодая дѣвушка сидѣла за фортепіано. Ему показалось, что онъ никогда еще не видалъ такой красавицы. Она сидѣла къ нему профилемъ и не замѣтила его. Ея личико выглядывало такъ миловидно изъ-подъ массы черныхъ букодь, которые были взбиты, по модѣ, на обѣ стороны лба; тюлевая пелеринка позволяла Ивану Александровичу любоваться бѣлизной шеи молодой красавицы, а коротенькое платье ея миниатюрною южкою, обутой въ розовый башмачекъ, и перевязанной крестъ на крестъ узенькими ленточками. Онъ стоялъ у двери ни живъ, ни мертвъ, слушалъ и глядѣлъ, и ему казалось, что онъ могъ бы простоять такъ цѣлую вѣчность. Марья Александровна слѣдила за музыкой, перевертывая нотные листы. Она видѣла его, и обернулась къ нему, поблагодаривши пѣвицу, тогда та умолкла.

— Позвольте мнѣ представить вамъ моего брата, который наслаждался все это время вашимъ пѣніемъ и любовался вашею красотой, княжна, сказала она.

Иванъ Александровичъ сгорѣлъ. Онъ подошелъ и неодолимо поклонился. Но его смущеніе понравилось красавицѣ.

— Если вы любите музыку, сказала она, — *c'est une sympathie entre nous.*

— Я... я слишкомъ счастливъ... пробормоталъ онъ, и очнулся.

Красавица улыбнулась, и какъ настоящая свѣтская дама, ободрила его, направивъ разговоръ такъ чтобъ онъ могъ принять въ немъ участіе, и предлагая ему вопросы, на которые онъ могъ отвѣчать безъ особеннаго умственнаго напряженія. Она спрашивала у него, занимается ли онъ музыкой и почему не занимается, если любить ее, и слышалъ ли когда-то артиста, или знаетъ ли такую-то арію. Наконецъ она выглянула въ дверь балкона.

— Какъ! У васъ садъ, замѣтила она.—Въ городѣ это рѣдко. Можно погулять?

Иванъ Александровичъ бросился къ балкону, и отъ изумленія усердія отворилъ дверь съ такимъ трескомъ, что разбилъ стекло.

„Какой медвѣдь!“ подумала княжна, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

Она взяла подъ руку Марью Александровну и сошла въ садъ. Иванъ Александровичъ шелъ рядомъ съ сестрой, и думалъ себѣ голову сказать молодой дѣвушкѣ что-нибудь интересное.

— Княжна, рѣшился онъ наконецъ спросить,—какіе вы любите цвѣты?

— Всѣ, отвѣчала она,—я люблю все что блеститъ.

Онъ принялся опустошать клумбы, и повторяя себѣ отчаяніемъ: „но что жь я ей скажу, когда буду подавать букетъ?“ Однако, повернувъ умомъ, онъ придумалъ какой-то комплиментъ; только среди фразы голосъ и храбрость одолевъ, наивно измѣнили ему.

— *Que dites vous?* спросила княжна.

Онъ покраснѣлъ и ограничился слѣдующею фразой:

— Ихъ надо поставить въ воду.

Она приняла букетъ съ самою милою улыбкой, и начала спрашивать какъ разводить цвѣты и ходить за ними. Иванъ Александровичъ ободрился совершенно; къ концу довольно долгой прогулки онъ сталъ говорить, почти уже не краснѣя, и былъ вполне очарованъ.

Возвратясь домой, они усѣлись около стола, и молодая дѣвушка машинально открыла лежавшую передъ ней книгу. та книга была *Юрій Милославскій* недавно вышедшій въ свѣтъ. Княжна прочла слѣдующую надпись на заглавномъ листѣ: „Марья Александровна Валецкой, отъ автора“.

— Какъ! Вы знаете Загоскина? воскликнула она.

— Да. Мы его коротко знаемъ.

— Въ такомъ случаѣ я не отстану отъ васъ, пока вы меня не познакомите съ нимъ. Я просто имъ брежу, съ тѣхъ поръ какъ прочла *Юрія Милославскаго*. Когда папа объявилъ мнѣ мой, что мы переселяемся сюда изъ Петербурга, первая моя мысль была, что я увижу Загоскина, и вообразите, что въ сущъ поръ мнѣ никакъ не удавалось его встрѣтить!

— У насъ будетъ маленькій вечеръ на дняхъ, отвѣчала Марья Александровна.—Я разчитываю на васъ, и представляю мнѣ Михаила Николаевича.

— Какъ я вамъ буду благодарна! Чтò за прелесть всѣ его прои, и какъ у него самый народъ облагороженъ! Загоскинъ, это нашъ Валтеръ Скоттъ. Но папа собирается, кажется, ѣхать, продолжала она, вставая поспѣшно, и заглядывая въ отворенную дверь сосѣдней комнаты. — До свиданія.

Она стала надѣвать перчатки, а Иванъ Александровичъ глядѣлся на ея маленькія и красивыя ручки, и подумалъ: „Какому счастливцу суждено поцѣловать ихъ?“

Князь Б. и его дочь считались дальнимъ родствомъ съ мужемъ Марьи Александровны. Когда для нея наступила пора ѣздить въ свѣтъ, отецъ повѣрилъ ее покровительству близкой родственницы. Молодая дѣвушка плясала и веселилась какъ веселились наши матери въ своей молодости и какъ мы веселиться уже не умѣемъ. Въ свѣтъ она имѣла успѣхъ, и скоро вышла замужъ. Давши слово Валецкому, она взяла съ него въ свою очередь обѣщаніе, что онъ не разлучитъ ея съ отцомъ и братомъ. Ея счастье озарило новымъ свѣтомъ грустную жизнь Кремницкаго. Старикъ какъ будто ожилъ. Онъ привалялся всею душой къ доброму и умному зятю. Валецкій, съ своей стороны, полюбилъ тестя, и особенно полюбилъ Яню. Вліяніе и бесѣды молодого человѣка, въ которомъ мальчикъ видѣлъ и товарища и старшаго брата, развили только возможно его скудныя способности, но далеко не настолько, чтобъ онъ могли льстить самолюбію отца. Въ двадцать лѣтъ Иванъ Александровичъ былъ добрый и при-

вѣтливый юноша. Природа одарила его сердцемъ любящимъ и честнымъ, но сознание своей ограниченности дѣлало застѣчивымъ и неловкимъ. Онъ былъ молчаливъ, конфузился, краснѣлъ и потиралъ руками, когда съ нимъ заговаривали посторонніе. Наружность его была далеко не красива: бѣлые курые свои волосы онъ стригъ подъ гребенку, роста бы не высокаго и довольно толстъ. Его черты были вовсе миловидны, но голубые глаза глядѣли такъ ласково, и такъ доброта высказывалась въ выраженіи физиономіи, что съ вѣнчалъ съ перваго взгляда и довѣрчивость, и дружеское расположеніе.

Но эти чувства не удовлетворяютъ потребностямъ молодости, которая не проходитъ ни для кого даромъ; Иванъ Александровичу суждено было испытать сердечныя волненія. Сестра его, вышедши замужъ, не оставила круга своихъ знакомыхъ, который еще увеличился родственниками и знакомыми ея мужа. У нея бывали вечера, на которыхъ присутствовалъ и старикъ Кремницкій: онъ садился за карточный столъ или вступалъ съ кѣмъ-нибудь въ горячій политическій споръ. Молодой человѣкъ удалялся, по возможности, отъ общества, и большею частью уходилъ въ свою комнату, когда гости начинали съѣзжаться.

Но впечатлѣніе, произведенное на него молодою княжною было такъ сильно, что измѣнило всѣ его привычки. Онъ вѣдѣлъ ее нѣсколько разъ до назначеннаго вечера, и рѣшился даже ѣхать къ ней съ сестрой. Она была такъ мила, умѣла съ такимъ тактомъ ободрить его когда онъ конфузился, что онъ сталъ развязенъ и почти разговорчивъ съ ней. Во всемъ его существѣ совершился неожиданный переворотъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, что бы его ни окружало, ему все слышался голосъ княжны, все мерещились ея черныя глаза, и ночью онъ все спалъ ему. „Какое было бы счастье, погибнуть за нее?“ думалъ онъ. „Отчего она отъ меня не потребуетъ какой-нибудь большой жертвы? Я былъ бы на все готовъ?“

Наканунѣ вечера, котораго княжна ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ, ему попался случайно конфетный билетикъ съ надписью, которая ему очень понравилась:

„Твой взоръ, какъ мечъ, прозвиль мнѣ душу,
Разбила сердце ты мое!“

И вдругъ въ его головѣ мелькнула дерзкая мысль поднести княжнѣ эти два стиха, но онъ самъ испугался своей смѣлости, и хотѣлъ уже изорвать билетикъ. Какой-то злой демонъ остановилъ его. Однако Иванъ Александровичъ не вполнѣ поддавался его оболъщеніямъ, и повторилъ себѣ, кладя билетикъ на столъ: „нѣтъ, это невозможно, она навѣрное разсердится“.

Но онъ легъ спать все съ тою же мыслию. Коварный бѣсъ мучалъ его, стараясь поколебать всѣ благоразумныя опасенія, которыя противились исполненію его намѣренія, и представляла такъ живо его воображенію ласковый взглядъ и одобрительную улыбку княжны. Онъ даже напомнилъ ему, что въ какомъ-то романѣ г-жи де-Жанлисъ влюбленный герой подноситъ своей красавицѣ подобное объясненіе въ букетъ, и любовь его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Наконецъ Иванъ Александровичъ всталъ, зажегъ свѣчу, перечелъ стихи, которые зналъ наизусть, оглядѣлъ билетикъ со всѣхъ сторонъ, задумался, потомъ улыбнулся и махнулъ энергически рукой: онъ рѣшился.

Еще однако вздумалось посоветоваться съ сестрой, — но какъ ей признаться въ своей любви? Кромѣ того, она могла воспротивиться его намѣренію, и онъ, какъ всѣ трусы, предлогать разъ свою робость, билъ на пропалую и боялся, чтобы кто-нибудь не поколебалъ его храбрости.

На другой день, какъ только начали освѣщать комнаты, онъ явился въ гостиную, напомаженный и раздушенный, и таилъ у дверей, съ огромнымъ букетомъ въ рукахъ. Букетъ открылъ его сердечную тайну: между цвѣтовъ, таился, свернутый въ трубочку, конфетный билетикъ.

Княжна пріѣхала рано: она была особенно хороша, и особенно позаботилась въ этотъ день о туалетѣ.

За букетъ она вознаградила своего обожателя ласковымъ взглядомъ своихъ бархатныхъ глазъ, и начала весело разговаривать съ нимъ. Сердце его билось отъ радости и отъ тревожнаго ожиданія; онъ не спускалъ съ нея взора, а она шутила и смѣялась, но все поглядывала на дверь, и думала: „я гдѣрена что узнаю его.“ Гости начинали сѣзжаться.

„Загоскинъ! Загоскинъ!“ повторили вдругъ нѣсколько голосовъ, и всѣ взоры обратились на только что вошедшаго, и высокаго роста, черноволосаго мужчину. Онъ былъ довольно

плотно сложены; въ его широкомъ лицѣ, въ румяныхъ щечкахъ и кругломъ подбородкѣ съ глубокою выемкой было мало изящнаго, но самое симпатичное добродушіе высказывалось въ его улыбкѣ и сіяло въ его взглядѣ, сквозь стекла черепныхъ очковъ. Имъ бредили тогда многіе, и имя его гремѣло во всѣхъ углахъ Россіи. Успѣхъ не избаловалъ его: онъ выслушивалъ съ какимъ-то наивнымъ, ребяческимъ самодовольствомъ всѣ восторженные похвалы, которыя раздавались около него, но по быстрымъ и свободнымъ его движеніямъ и по увѣренности немного тяжелой походки, виденъ былъ человѣкъ привыкшій къ общему поклоненію, и знавшій себѣ цѣну.

— Позвольте мнѣ представить васъ одной изъ самыхъ горячихъ вашихъ поклонницъ, Михаилъ Николаевичъ,—сказала Марья Александровна подводя его къ княжнѣ.

Загоскинъ былъ всегда поклонникомъ красоты, и славился въ молодости своею любезностью съ женщинами. Этой любезности онъ не утратилъ до послѣдней минуты своей жизни, и хотя онъ сохранилъ ее въ классической формѣ двадцатыхъ годовъ, женщины предпочитали его часто современнымъ львамъ.

— Я никогда не цѣнилъ такъ высоко, какъ въ эту минуту, мой маленькій талантъ,—отвѣчалъ онъ, раскланиваясь передъ молодою красавицей.

Она сѣлъ возлѣ нея, и они разговорились о его романѣ, о его ненависти къ Французамъ, и о высокомъ характерѣ русскаго народа,—вѣчный конекъ добраго Загоскина,—и онъ умѣлъ, въ этомъ разговорѣ, дѣлать безпрестанные намеки на красоту своей собесѣдницы, которая слушала его, краснѣя отъ удовольствія.

— Я всегда проклиналъ этотъ безобразный костюмъ, которымъ мы обязаны Франціи,—сказалъ онъ,—но вы меня мните съ нимъ, княжна. Мнѣ теперь пришло въ голову: что еслибы вы заплели и распустили по плечамъ вашу великолѣпную косу, и надѣли сарафанъ? Да мы бы просто всѣ перѣзались.

— Вы рѣшили вопросъ, который меня занималъ эти послѣдніе дни, отвѣчала она, кокетливо улыбаясь! У княгини В. будетъ *bal costumé*, и я была въ большомъ затрудненіи на счетъ моего наряда. Если вы думаете, что русское платье мнѣ будетъ къ лицу, я завтра же закажу себѣ сарафанъ.

— Вот как женщины жестоки! замѣтилъ Загоскинъ.

Иванъ Александровичъ слушалъ этотъ разговоръ, и каждое слово вливало новую отраву въ его душу. Онъ понималъ, какая разница между любезностью, которою молодая дѣвушка дарила его, и чувствомъ, которое проглядывало теперь въ его взоръ и звукъ ея голоса. Онъ заплатилъ бы цѣной жизни за уголье говорить блестящія фразы, которыя доставались такъ легко литератору. Онъ ловилъ каждое его слово, и старался вдохновиться имъ, чтобы сказать въ свою очередь что-нибудь подобное.

— Михаилъ Николаичъ! рѣшите нашъ споръ, воскликнулъ вдругъ чей-то голосъ, съ другаго конца комнаты.

Онъ всталъ, примолвивъ: — Но вы мнѣ позвольте возвратиться,—и подошелъ къ группѣ спорящихъ мужчинъ.

Иванъ Александровичъ сѣлъ на его мѣсто.

Тайный голосъ шепталъ ему, что онъ совершаетъ величайшую нечеловѣчность; но неотразимая сила влекла его къ молодой княжнѣ. Она посмотрѣла на него съ едва скрытою досадою: онъ занялъ единственное порожнее мѣсто, которое было возлѣ нея. Иванъ Александровичъ сидѣлъ молча, передергивая свои перчатки, а ей и въ голову не приходило на этотъ разъ вывести его изъ затруднительнаго положенія; напротивъ того: „Пускай онъ помолчитъ и поскушаетъ,“ думала она:—„авось догадается что надо уйти;“ но онъ рѣшился наконецъ на смѣдную фразу:

— Какъ я несчастливъ, что я не литераторъ!

— О чемъ же вы стали бы писать? спросила она разсѣянно.

— Я бы сталъ писать.... о женщинахъ.

— А, а! Что же бы вы о нихъ сказали?

— Я бы сказалъ, что женщины.... что онѣ ангелы....

— Кто же вамъ мѣшаетъ написать это и теперь? Это васъ не утомить.

Онъ покраснѣлъ до ушей.

— Я бы желалъ быть литераторомъ, началъ онъ опять,—потому что всѣ дамы любятъ литераторовъ.

— Что вы хотите сказать? спросила она взглянувъ на него.

Онъ ни какъ не подозрѣвалъ, что она способна на такой сухой, на такой недобрый взглядъ, и окончательно расстерялся.

— Я не хотѣлъ намекать... но мнѣ казалось, насчетъ Михаила Николаевича... сказалъ онъ зачинаясь.

Но самъ Михаилъ Николаевичъ, порѣшивъ споръ, на который былъ приглашенъ въ качествѣ судьи, возвращаясь къ виллѣ. Княжна встала на встрѣчу ему.

— Здѣсь невыносимо жарко, сказала она, взявъ съ собою няго столика свой букетъ и платокъ.—Сядемте къ открытому окну. Хотите?

И они сѣли къ окну, въ двухъ шагахъ отъ бѣднаго молодого человѣка. Голова его кружилась; говоръ и шумъ вечера звучали въ его ушахъ чѣмъ-то страшнымъ и заобъщнымъ. Но среди этого хаоса, голоса Загоскина и княжны долетали до него ясно и пронзительно.

— Еслибы не было на свѣтѣ цвѣтовъ и женщинъ, или скорѣе женщинъ и цвѣтовъ, говорилъ литераторъ, наклонясь къ букету своей собесѣдницы:—кто бы согласился жить?

— *Accptez les, comme un tribut de mon admiration*, отвѣчала она, подавая ему букетъ.

— Розаны становятся иногда дороже лавровъ, замѣтилъ Михаилъ Николаевичъ, цѣлуя ея маленькую руку, и принимая цвѣты.

Въ эту минуту свернутый въ трубочку билетикъ упалъ на ея колѣни. Она развернула его, прочла и засмѣялась.

— *Vous avez trouv  un serpent sous ces fleurs?* спросилъ Загоскинъ, который, не смотря на свою ненависть къ Франціи, часто примѣшивалъ къ своей рѣчи французскія фразы.

— *Chut!* сказала она понизивъ голосъ, и показала ему глазами на Ивана Александровича.

Бѣдный молодой человѣкъ не слушалъ дальше. Онъ всталъ и дошелъ, шатаясь, до своей комнаты. Тутъ онъ заперъ за собой дверь, сорвалъ гагстукъ, который душилъ его, и громко зарыдалъ. Всю ночь онъ не раздѣвался и ходилъ по комнатѣ или присаживался въ изнеможеніи на кровать, и черезъ нѣсколько минутъ принимался опять ходить неровнымъ и безпокойнымъ шагомъ. Ему вспомнилось, будто въ неясномъ бреду, съ какою радостію онъ вышелъ изъ этой комнаты нѣсколько часовъ тому назадъ. Розовые листики и отрѣзанные концы стебельковъ букета, который онъ составлялъ съ такою любовію, лежали еще на столѣ. Онъ глядѣлъ бессмысленно на нихъ и повторялъ машинально:

„Твой взгляд, какъ мечъ, пронзаетъ мнѣ душу;
Разбила сердце ты мое.“

И вдругъ, послѣдній смѣхъ княжны раздавался въ его ушахъ, сухой ея взглядъ обдавалъ его могильнымъ холодомъ, и онъ возвращался къ полному сознанию своего положенія.

На другой день онъ сказался больнымъ, чтобъ имѣть право сидѣть въ своей комнатѣ, а вскорѣ и дѣйствительно занемогъ. Обнаружились довольно серьезныя признаки нервнаго потрясенія; однако молодость взяла свое. Онъ выздоравливалъ, но чувствовала, что что-то безвозвратно оборвалось въ его сердцѣ.

Красивой княжны онъ больше не видалъ. Онъ замѣтно мѣнялся въ лицѣ, когда случайно называли ее при немъ. Робость и сосредоточенность его характера усилились. Женщинъ онъ сталъ систематически избѣгать. Когда образъ княжны утратилъ уже, подъ вліяніемъ времени, свою прелесть въ его воспоминаніи, сердце его билось, можетъ-быть, не разъ при видѣ женскаго образа; но воспоминаніе о грустномъ исходѣ его романа начинало преслѣдовать его съ новою силой, и онъ заглушалъ въ себѣ всѣ порывы молодости и всѣ стремленія къ жизни. Не одну бессонную ночь провелъ онъ въ своей одинокой комнатѣ, и не одна горячая слеза, никѣмъ не видимая, навертывалась на его рѣсницахъ.

Одна Марья Александровна подозрѣвала отчасти, что онъ не охотно мирится съ своею отшельническою жизнью, но уважала его тайну, и ни разу не позволила себѣ нескромнаго вопроса. Что касается до него, ему не разъ приходила мысль облегчить свою душу въ откровенной бесѣдѣ съ сестрой, и въ инныя минуты онъ былъ даже способенъ преодолѣть свою робость; но боязнь огорчить молодую женщину постоянно сдерживала его порывы.

III.

Много прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, и много воды утекло. Мудрено въ этой наморщенной старушкѣ, играющей съ красноречивымъ ребенкомъ, узнать красивую Машу. Но жизнь не прошла для нея даромъ. Ее окружаютъ сынъ и хорошенькая негѣтка, которая уже обрадовала ее внукомъ. И посѣдѣвшій Иванъ Александровичъ не разставался съ ней; онъ попрежнему видѣлъ въ ней старшую, воспитавшую его сестру, и не дѣлалъ

ли шага безъ ея совѣта. „Какъ-то ты останешься безъ меня, мое дитяtko?“ спрашивала она иногда смѣясь. „Ну полно, сестра! Какія ты странныя слова говоришь!“ отвѣчалъ онъ обыкновенно. Однако, ей часто приходилось вступать съ нимъ въ споръ.

— Вотъ добрая-то душа, говорилъ онъ иногда о какомъ-нибудь молодцѣ, который бралъ у него постоянно денегъ взаймы и надъ нимъ же подсмѣивался.

— А ты почему знаешь? спрашивала умная старушка, давно понимавшая изъ-за чего бьется добрая душа.

— Какъ, почему знаю? Да чтожь онъ сдѣлалъ дурнаго?

— Онъ тебѣ этого разказывать не станетъ. Да во всякомъ случаѣ, что же онъ хорошаго-то сдѣлалъ?

— Вотъ ты право, сестра, какая! Дурнаго не дѣлаетъ, такъ должно быть хорошии человекъ.

— А скажите, дядя, спрашивалъ Валецкій:—что этотъ хорошии человекъ отдалъ вамъ свой долгъ?

Иванъ Александровичъ не отвѣчалъ. Онъ не любилъ внимательства молодаго человекъ въ такіе разговоры. Старшая сестра могла спорить съ нимъ и доказывать ему, что онъ виноватъ; но онъ оскорблялся, когда послѣднее слово оставалось за племянникомъ, который еще такъ недавно (всего лѣтъ около тридцати) ползалъ на глазахъ у него.

— Дядя, или вы не слышали? спрашивалъ опять Валецкій:—отдалъ онъ вамъ долгъ?

— Отдалъ, отвѣчалъ отрывисто Иванъ Александровичъ.

— Вотъ какъ! Что же вы не сказали?

— Что мнѣ разказывать-то? Изъ чего я тебѣ докладывать стану?

И понимая, что врядъ ли побѣда останется на его сторонѣ, онъ торопился уйти въ свою комнату.

— А вѣдь ты разсердилъ дядю, говорила Марья Александровна.

— Намъ не долго помириться, отвѣчалъ молодой человекъ, и отправлялся въ комнату старика.

— Чего тебѣ? спрашивалъ тотъ сердитымъ голосомъ.

— Это вамъ не стыдно, дядя, что вы на меня разсердились. Если я виноватъ передъ вами, накажите меня лучше. Прикажете?—я стану въ этотъ уголъ, изъ котораго вы меня такъ часто выручали, когда я былъ ребенкомъ. Но видно я дожилъ до чернаго дня...

И Марья Александровна улыбалась, потому что, въ отвѣтъ на эти слова, до нея долеталъ добродушный смѣхъ старика.

Когда, лишившись уже отца, она овдовѣла еще въ молодости, Иванъ Александровичъ обнаружилъ тактъ, въ которомъ природа часто отказываетъ людямъ умнымъ, и которому теплота душевная научаетъ и ограниченныхъ людей. Онъ не пытался утѣшать сестру, но страдалъ съ ней и за нее, угадывалъ ея желанія и слѣдилъ за ней тѣмъ взглядомъ исполненнымъ самоотверженія и преданности, который собака устремляетъ иногда на хозяина. Онъ ей приводилъ часто ея сына, пятилѣтняго Сашу, и былъ вполне счастливъ, когда она улыбалась болтовнѣ ребенка и его радостнымъ возгласамъ. Потому Иванъ Александровичъ, принужденный заниматься хозяйствомъ, оставленнымъ безъ присмотра, сталъ приходиться къ ней за совѣтами, и она поемногу втянулась опять въ ту колею, изъ которой вырвало ее горе.

А тутъ подошло время заняться посерьознѣе [Сашей, и она начала учить его читать. Радость, съ которою она слѣдила за его успѣхами, часто наводила Ивана Александровича на мысль о его одинокой жизни. Но въ этой мысли онъ упрекалъ себя какъ въ преступленіи: „Или мнѣ завидно, что у бѣдной сестры осталось это утѣшеніе?“ говорилъ онъ себѣ:— „и мнѣ этотъ ребенокъ не близокъ? Развѣ я его не люблю какъ своего собственнаго?“ И онъ старался заглушить голосъ, который говорилъ ему, что этотъ ребенокъ все-таки не будетъ любить его, какъ любилъ бы отца.

Но годы быстро проходили: мальчикъ сдѣлался молодымъ человѣкомъ; для него жизнь текла нормально, и принесла ему въ свое время и юношескія мечтанія, и грезы, и счастливую любовь. На глазахъ Ивана Александровича совершилось полное развитіе этой молодой жизни; онъ слѣдилъ за ней съ любовью, потому что былъ очень привязанъ къ племяннику; но ему не разъ приходило въ голову, что и онъ былъ когда-то молодъ, что и онъ имѣлъ право на всѣ эти свѣтлыя ощущенія, и сердце его болѣзненно сжималось, хотя долгіе годы прошли надъ его воспоминаніями. Всѣ его любящія способности обратились на семейныя привязанности. Сказавъ себѣ однажды, что счастье для него невозможно, онъ привыкъ жить радостями другихъ и оплакивать чужое горе какъ свое собственное. Но его личныя наслажденія были весьма ограниченны. Онъ любилъ разводить цвѣты и раскладывать grand'

patience. Общество оны избѣгалъ, и въ чтеніи находилъ мало удовольствія. Случалось иногда, что Валецкій приносилъ вновь вышедшую книгу и читалъ ее вслухъ. Повѣсти Иванъ Александровичъ слушалъ охотно и прерывалъ часто чтеніе своимъ смѣхомъ или восклицаніями: „Экое канальство! Даже до слезъ прошибло!“ Но серьезныхъ статей оны не слушалъ. „Ужъ больно хитро,“ говорилъ оны:—„а я и съ молодю разумникомъ не былъ.“

Наконецъ, молодой человекъ объявилъ о своемъ намѣреніи жениться. День его свадьбы былъ великимъ днемъ въ жизни Ивана Александровича. Глядя на сіяющее лицо, съ которымъ оны завязывалъ свой бѣлый галстукъ и надѣвалъ свѣтлыя перчатки, можно было подумать, что оны самъ станетъ подъ вѣнецъ. Его новая племянница была милая и добрая женщина, которая скоро привязалась и къ свекрови, и къ дядѣ. Она старалась развеселять старика разными фарсами, когда оны задумывался, тормошила и баловала его какъ ребенка.

Но вотъ появилась въ домѣ дѣтская кроватка, и Иванъ Александровичъ зажилъ счастьемъ стариковъ, и всѣ грустныя воспоминанія умолкли въ его душѣ. Оны любитъ на молодую чету и нянчается внука. „Дай-ка мнѣ его няня“, говоритъ оны:—„или ты думаешь, что я его не убаюкаю?“ И оны беретъ его на колѣни и напѣваетъ какую-нибудь старинную пѣсню, потомъ кладетъ соннаго ребенка въ постельку, и приходитъ по нѣсколько разъ на цыпочкахъ посмотреть, не проснулся ли оны. „А посмотри-ка, Соня, вѣдь оны меня узнаетъ,“ говоритъ оны, смѣясь племянницѣ:—„ей Богу знаетъ! Какъ я только войду, такъ оны ко мнѣ и потянется. Славный будетъ мальчикъ!“

Весело и привольно жилось имъ въ ихъ мирномъ уголкѣ. Старики оспаривали у молодыхъ людей право баловать ребенка, который росъ на общую радость. Но это семейное счастье было помрачено совершенно неожиданно: молодая женщина занемогла, и доктора совѣтовали ей, какъ вѣрное средство для поправленія здоровья, путешествіе за границу. Это извѣстіе сильно поразило Марью Александровну и ея брата. Въ ихъ годы всякая разлука кажется вѣчною. Валецкій и его жена, понимая какую пустоту ихъ отъѣздъ оставитъ въ домѣ, рѣшили не брать съ собой ребенка, чтобы старики не совсѣмъ осиротѣли. Марья Александровна старалась преодо-

ить себя, но горе Ивана Александровича выразалось со всею наивностью дѣтскаго горя. Молодая племянница, съ испанно-женскимъ тактомъ, нашла средство утѣшить его сколько было возможно.

— У меня до васъ просьба, дядя, сказала она ему однажды, когда въ его комнату.—Сережу пора уже посадить за указку; намелька одя не усмотритъ за нимъ, а постороннему намъ бы не хотѣлось повѣрить его. Мы разчитывали на васъ: не возьметесь ли вы учить его грамотѣ?

Лицо Ивана Александровича просіяло. Его въ первый разъ призывали играть роль, въ первый разъ кто-нибудь на него разчитывалъ, и онъ былъ кому-нибудь нуженъ.

— Какъ не взяться! воскликнулъ онъ.—Повѣрь мнѣ только своего молодца, Сомя. Я его читать, писать и считать выучу. Когда вы возвратитесь, онъ у меня просто профессоромъ будетъ.

И въ тотъ же день онъ приготовилъ азбуку, чернилъ, бумагу, и заранѣе начиналъ перьевъ.

Проводивъ за границу молодыхъ людей, онъ принялся нехелденно за уроки, которые сдѣлались для него неустойчивымъ источникомъ наслажденія. Ученикъ знаетъ свой урокъ, и учитель торжествовалъ; ребенокъ лѣнился, и тутъ была хорошая сторона.

Мы должны сознаться, что добрый, незлобивый Иванъ Александровичъ испыталъ безсознательное удовольствіе имѣть право сказать ребенку, что оставить его безъ пирожного. Онъ въ первый разъ понималъ прелесть власти. Своихъ угрозъ онъ никогда не приводилъ въ исполненіе, и находилъ двойное удовольствіе въ прощеніи: вопервыхъ, оно удовлетворяло его доброму сердцу и привязанности его къ ребенку, а вовторыхъ—доставляло ему опять возможность показать свою власть: ему одному было предоставлено право наказывать Сережу и прощать его. Это возвышало старика въ собственныхъ глазахъ, и онъ часто повторялъ, съ самодовольнымъ видомъ десятилѣтняго мальчика, которому няня поручила годоваго брата: „Воспитывать ребенка не шуточное дѣло!“

Своимъ урокамъ онъ придавалъ важность государственнаго дѣла, и завелъ съ Валецкимъ и его женой длинную переписку, въ которой разказывалъ имъ, съ мельчайшими подробностями, объ успѣхахъ ихъ сына въ чтеніи и чистописаніи.

— А ты бы у насъ спросила, бабушка, говорилъ онъ иногда,

сидя по утру за чайнымъ столомъ:—что-то съ нами будетъ, если мы урокъ не твердо знаемъ?

— Дѣдушка пирожного не дастъ, отвѣчалъ бодро Сережа, очень хорошо знавшій, что онъ безъ пирожного не останется.

— Не дамъ, не дамъ! Вѣдь я, братъ, баловать не люблю. Вчера ужъ я тебя, такъ и быть, простила, а если ты сегодня опять напишешь криво да косо, такъ воть увидишь!.. А какое нынче пирожное-то бабушка заказала!

Лѣто они проводили въ деревнѣ. Иванъ Александровичъ ходилъ гулять съ Сережей, рассказывалъ ему сказки, слышанныя имъ когда-то отъ няни, игралъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и покупалъ ему разныя бездѣлушки. Сережа пожелалъ имѣть собственный садикъ. Иванъ Александровичъ разбилъ его, и насадилъ цвѣтами. Дѣдъ и внукъ подымались рано, и отправлялись въ садъ съ своими лопатами и граблями.

Ихъ провожала хорошенькая дѣвушка, Тавюша, приставленная къ Сережѣ. Она помогала имъ полоть и поливать цвѣты. Часто, нагнувшись надъ клумбой, она пѣла звучную пѣсню, или рассказывала о томъ, что подъ осинавиномъ мѣсто не чисто, и что разъ дядя Матвей шелъ вечеромъ около опушки лѣса, и его вдругъ окликнулъ окаянный. Они отправлялись также втроемъ собирать къ обѣду или для варенья малину и клубнику.

— Посмотри-ка, Сережа, воскликнулъ разъ Иванъ Александровичъ сидѣвшій между грядокъ, и подымая надъ головой вѣточку, на которой висѣло нѣсколько тяжелыхъ и красныхъ ягодъ:—посмотри-ка, что я нашелъ. Скушай ихъ, такъ и быть. Ну, бѣги сюда, скорѣй!

Пока мальчикъ опускалъ осторожно на землю собранную имъ въ огромный лопухъ клубнику, Тавюша высунула голову изъ-за куста шиповника, росшаго между грядокъ, и нагнулась къ вѣткѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, какія славныя, баринъ! сказала она улыбаясь.

Иванъ Александровичъ поднялъ глаза и заглядѣлся на нее невольно. Ея бѣлокурая головка отдѣлялась на темной зелени шиповника, молодая кровь живо струилась подъ тонкою кожей, щеки разгорѣлись, и передъ ея полными алыми губами блѣднѣли ягоды, которыми она любовалась. Иванъ Александровичъ улыбнулся, и почти бессознательнымъ движеніемъ поднесъ вѣтку къ ея полураскрытому роту. Она раскра-

сидела еще больше и отбросилась быстро назад. Иванъ Александровичъ также покраснѣлъ и сконфузился, и когда Сережа воскликнулъ, подбѣгая къ нему: „Ну дай же, дѣвушка“, онъ несмотрѣлъ на него, и спросилъ разсѣянно: „Чего тебѣ?“

Когда настала осень, семейство начало собираться въ Москву. Дня за три до отъѣзда, Марья Александровна, сидя въ своей комнатѣ и укладывая свою шкатулку, толковала съ братомъ о какихъ-то хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Танюша, стоя передъ ней, держала образъ Александра Невскаго, которымъ старикъ Кремницкій благословилъ, умирая, внука. Къ этому образу все семейство и прислуга питали большую вѣру, и на дорогу Марья Александровна клала его обыкновенно въ свою шкатулку. Танюша, подавая его баринѣ, перекрестилась набожно, и въ ту минуту какъ приложилась къ золотой ризѣ, слеза блеснула въ ея глазахъ, и она замѣтно поблѣднѣла.

— Чтò съ тобой, Танюша? спросила Марья Александровна:— иль ты не здорова?

— Матушка, Марья Александровна, отвѣчала молодая дѣвушка,—явите Божескую милость, позвольте мнѣ здѣсь остаться: можетъ я здѣсь скорѣй поправлюсь.

Старушка хотѣла возразить, что напротивъ въ Москвѣ можно будетъ посоветоваться съ докторомъ, а въ случаѣ необходимости и лечь въ больницу, но она еще не успѣла вымолвить слова, какъ взоръ ея случайно остановился на блѣдномъ и сконфуженномъ лицѣ брата. Она смѣкнула тотчасъ въ чемъ дѣло, отвѣчала:

— Оставайся, пожалуй. Ты, точно, здѣсь немного отдохнешь, а то цѣлый день бѣгаешь за Сережей.

Танюша поцѣловала молча ея руку, и вышла.

На д; угой день Марья Александровна, желая воспользоваться яснымъ осеннимъ утромъ, вышла погулять, и уставъ отъ долгой ходьбы, сѣла въ бесѣдкѣ выстроенной на концѣ сада. Вдругъ, за стѣной, раздался голосъ Танюши:

— Ужъ мнѣ еще пуще, какъ вы это говорите, баринъ! Нешто мнѣ самой-то легко? Вотъ какъ вздумаю, что вы послѣзавтра уѣдете, словно сердце оборвется.

— Да ты не плачь, Танюша, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ,—а лучше послушайся меня. Вѣдь ты знаешь какъ я

тебя люблю; я худого тебѣ не посоветую. Побдѣнь съ явни; тамъ это дѣло гораздо легче будетъ устроить.

— Да чтожь мнѣ дѣлать, если у меня, дура, не хватаетъ. Я, просто, на барыню взглянуть не смѣю, какъ впрочемъ какъ я ими всегда обласкана была за мое сиротство. Онѣ меня изъ всѣхъ дѣвушекъ любили. Нѣтъ, ужъ я лучше останусь. Меня какъ-нибудь крестная мать прикроетъ. Она такая добрая.

Марья Александровна тихо удалилась. Въ ея воображеніи промелькнула вся безцвѣтная жизнь ея брата. „Онъ до пятидесяти-пяти лѣтъ жилъ для другихъ, подумала она, молодости онъ не зналъ. Пусть хоть на старости поживетъ немного. Я его знаю: на пустую прихоть онъ не способенъ, а если привяжется, то не на шутку,“ и въ тотъ же вечеръ она сказала Ивану Александровичу:

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову, Жан: Соня уже давно говорила, что хорошо бы обсадить прудъ ветелками, да разбить клумбу передъ балкономъ. Чтобы намъ заняться этимъ до возвращенія нашихъ? Да вѣдь садовнику этого не поручишь. На его вкусъ положиться мудрено. Если ты не боишься осени въ деревнѣ, тебѣ можно бы здѣсь остаться, благо ты любишь это занятіе.

Иванъ Александровичъ ухватился радостно за эту мысль, и семейство отправилось въ путь безъ него.

Оставшись одинъ въ Миловкѣ, онъ приказалъ запретить домъ и переселился во флигель, гдѣ жилъ когда-то съ няней. Этотъ флигель былъ раздѣленъ на двое, и въ одной половинѣ помѣстилась Танюша, которой было офиціально поручено разливать чай барину и смотрѣть за его бѣльемъ. Въ этомъ маленькомъ уголкѣ Иванъ Александровичъ проводилъ золотые дни. Танюша была такъ хороша, и она такъ его любила! Въ длинные осенніе вечера онъ курилъ трубку, лежа на диванѣ, или раскладывалъ grand' patience, а молодая дѣвушка вязала чулокъ и пѣла пѣсню, или болтала безъ умолку. Съ отъѣздомъ Марьи Александровны, которая казалась ей живымъ упрекомъ, вся ея веселость возвратилась, и она вполнѣ свыклась съ своимъ положеніемъ. Танюша была любознательна, и заводила часто серіозный разговоръ.

— Знаете что, баринъ, говорила она, опуская вязанье на колѣни, и втыкая праздную спицу въ свою роскошную косу:— иной разъ сижу одна и все думаю...

— О чемъ же ты думаешь?

— Мало ли о чемъ! Да вотъ, хотъ примѣромъ сказать, мнѣ часто въ голову приходитъ: куда какъ земля-то должна быть велика. Что если цѣлый годъ идти все прямо, все прямо, доблешь до конца?

— Да конца-то нѣтъ. Вѣдь земля круглая.

— Круглая! Что вы, баринъ? Чтожь поката нигдѣ не видать?

Иванъ Александровичъ старался припомнить свои географическія свѣдѣнія, и былъ радъ блеснуть передъ Танюшей учеными объясненіями. Она слушала его съ большимъ вниманіемъ:

— Вотъ господа-то все знаютъ, замѣчала она. — Если бы я была барыней, я бы кажется всему выучилась. Я помню, какъ лѣтось я съ Сергѣемъ Александровичемъ въ гостиную играю, а молодой баринъ вслухъ читалъ, какъ барышнямъ крестьянку переодѣвался. Такъ хорошо! А то еще Артемъ книжку гдѣ-то досталъ, и читалъ намъ въ застольной: вѣдь онъ тоже славно читаетъ, ни въ словѣ не запнется. Такъ тамъ, я помню, есть пьеска Пушкина:

Заукъ ушмый фортепьяла,
Выражай мою тоску;
Я люблю хоша гурана,
Услади душу мою.

— Любишь ты меня? спрашивалъ вдругъ Иванъ Александровичъ.

— А то нѣтъ? отвѣчала она смѣясь.

Или Танюша желала знать отчего Арапы черные.

— У нихъ очень жарко, говорилъ Иванъ Александровичъ, они такіе отъ солнца бываютъ.

— Ужь и отъ солнца? Вѣдь вотъ и мы лѣтомъ-то загараемъ, да все же не на ту стать. Я одного подъ Новинскимъ видѣла, такъ точно чортъ какой. Отчего же это такъ?

— Ну ужь, стало-быть, такъ родятся, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ:—а вотъ мы бѣлыми родимся.

— Развѣ что такъ родятся, говорила она совершенно удовлетворенная этимъ объясненіемъ.

Танюша была большая лакомка, и Иванъ Александровичъ часто приказывалъ принести варенье: изъ подвала; онъ любилъ видѣть радостное выраженіе ея лица, когда она облизыва-

лась заранѣе, выкладывая на блюдечко вишни или крупныя персики.

— Чудо! говорила она, принимаясь вотъ.—Хорошо господамъ-то жить, какъ подумаешь. Все въ свое удовольствіе живутъ.

— А знаешь, Танюша, спросилъ ее разъ Иванъ Александровичъ,—что есть такія края, гдѣ персики растутъ въ лѣсахъ?

— Неужто? А я все думала, что они только въ анжерезахъ растутъ.

— Да откуда жь ихъ взяли, чтобъ въ оранжерею-то пересадить?

— Какъ откуда? Посадятъ косточку, вотъ дерево и вырастетъ.

Иногда по вечерамъ къ нимъ приходила Фекла Фоминишна, Танюшина крестная мать, и они втроемъ играли въ дурачки. Въ воскресенье они оти авлялись къ обѣдни, но не вмѣстѣ. Танюша приходила послѣ барина, и становилась подалше отъ него, а онъ боялся и случайно взглянуть на нее.

По возвращеніи изъ церкви, она накрывала столъ бѣлою скатертью, ея крестная мать приносила тщательно вычищенный самоваръ и ставила передъ Иваномъ Александровичемъ дымящуюся кулебяку, до которой онъ былъ большой охотникъ.

— Какая ты мастерица пироги печь, Фекла Фоминишна! говорилъ онъ.

— Для кого же намъ и стараться то, коли не для вашей милости, батюшка, отвѣчала старушка:—кушайте на здоровье.

— А къ Рождеству, баринъ, говорила Танюша, — мы вась будемъ угощать свѣжими яичками. У матушки куры раньше всѣхъ несутся. А какія онѣ хорошенькія! П смышленныя такія! Какъ меня знаютъ! Такъ ко мнѣ и бѣгутъ. Вотъ какъ накушаетесь чаю, пойдите ихъ посмотрѣть, и хлѣбца имъ отнесемъ.

И они отправлялись къ курямъ. Танюша кормила ихъ изъ своихъ рукъ, гладила, и звала поименно.

— Посмотрите-ка, баринъ, какая жучка-то хорошенькая! говорила она, показывая на черную курочку:—а вотъ и пестровка. Клюбите, клубите, продолжала она, а къ Рождеству нанесите намъ яичекъ: я своего барина угостить хочу.

И Иванъ Александровичъ любовался ею и кормилъ ея куръ. А потомъ Танюша завелась собачкой, которою забавлялась какъ ребенокъ.

— Ну-ка, ударьте меня, Иванъ Александровичъ, говорила она, держа ее на колышкахъ. — Посмотрите, что Амиска-то дѣлаетъ.

Онъ теребилъ ее за рукавъ, и Амиска бросался на него съ лаемъ. Танюша смѣялась, и Иванъ Александровичъ смѣялся съ ней. Такъ проходили дни, и старику казалось, что нѣтъ на землѣ человѣка блаженнѣе его. И о немъ, наконецъ, вспомнило счастье! Въ своихъ письмахъ къ сестрѣ онъ находилъ часто довольно неловкія причины, чтобы продать свое житье въ деревнѣ. Но ему было всегда совѣстно, при мыслѣ, что онъ ее обманываетъ, и онъ часто задумывался надъ своимъ письмомъ.

— Ну что вамъ огрустнулось, баринъ? спрашивала его Танюша. — Ужь какъ я не люблю, когда вы эти письма пишете! Вотъ я всѣ ваши перья побросаю и чернила вылью. Что вы такъ смотрите, словно бѣда какая случилась? Или я вамъ ужь прискучила, и вы меня разлюбили?

Иванъ Александровичъ улыбался ей въ отвѣтъ, ласкалъ ее, храбро запечатывалъ свое письмо, и продолжалъ наслаждаться жизнью.

Марья Александровна, зная его коротко, понимала, что онъ конфузится передъ ней, и сама помогала ему выйдти изъ затруднительнаго положенія, придумывая для него мнимыя занятія, которыя могли служить ему предлогомъ оставаться въ Миловкѣ. Она успокоивала также его совѣсть на счетъ Сережи, говоря, что она должна, по справедливости, заботиться объ его урокахъ, какъ скоро Иванъ Александровичъ взялъ на себя всѣ хозяйственныя хлопоты, и уведомила сына и невестку, что старикъ согласился по ея просьбѣ на этотъ обмѣнъ занятій.

Разъ, въ морозный декабрьскій вечеръ, Марья Александровна собиралась уже ложиться, какъ ея горничная подала ей письмо, прибавивъ, что обозъ пришелъ изъ Миловки. Иванъ Александровичъ писалъ нѣсколько самыхъ нескладныхъ строкъ, въ которыхъ увѣрялъ, что онъ совершенно здоровъ, и просилъ сестру о немъ не беспокоиться. Онъ прибавлялъ, что его все задерживаютъ въ деревнѣ, и что онъ не знаетъ, когда ему можно будетъ собраться въ Москву.

И тонъ письма, и нетвердый почеркъ сильно обезпокоили старушку. Горничная, убирая ея платье, спросила у нея:

— Извольте вамъ братецъ писать, что Танюша-то умерла?

— Умерла! воскликнула она.

— Какъ жаль! Въ самый сочельникъ. Староста рассказываетъ, что баринъ очень тоже тосковалъ. Какъ же это они вамъ писать не извольте?

— Какъ не тосковать! отвѣчала Марья Александровна, утирая слезу и прикидываясь, что не понимаетъ намека:—она была такая славная, и мы ее всѣ очень любили.

Анисья повертѣла въ рукахъ платье, которое держала, и начала опять запинаясь:

— Она, разумѣется, согрѣшила какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами; да ужь и муки-то какія приняла за свою вину!

— Передо мной она ни въ чемъ не согрѣшила; а передъ Богомъ кто не виноватъ? Довольно всакому думать и о своихъ грѣхахъ.

Анисья замолчала, понимая, по сухому тону этихъ словъ, что ей не удастся дать разговору оборотъ, котораго она желала.

Марья Александровна долго не могла заснуть. Она много плакала и молилась. На другой день, какъ только проснулась, она приказала позвать къ себѣ Настасью Яковлевну.

Богда Марья Александровна выходила замужъ, Настасья Яковлевна шла за ней въ приданое. Она уже давно отказалась отъ всякой опредѣленной должности, и была почетнымъ лицомъ въ домѣ. До преклонныхъ лѣтъ она сохранила слѣды замѣчательной красоты, и слывалась строгою и благочестивою жизнью. Всѣ ее любили и уважали, и сами господа называли ее не иначе какъ по имени и отчеству; прислуга держала себя почтительно при ней, хотя она ни на кого не жаловалась барынь, и даже никого не осуждала: „Намъ одинъ судья Господь Богъ“, говорила она всегда: „и если мы кого осуждаемъ, значить его вину на себя брать“. Она не ѣла мяса, и ходила ежедневно къ обѣднѣ. Было что-то характерное въ ея важной и медленной походкѣ, въ серьезномъ и спокойномъ выраженіи лица.

— Настасья Яковлевна! сказала Марья Александровна, когда она вошла въ ея комнату:—слышала ли ты, что бѣдная Танюша умерла?

— Царство ей небесное, матушка, отвѣчала она крестясь:—я сегодня за ея упокой подавала.

Валецкая немного помолчала.

— Она кажется умерла въ родахъ? спросила она наконецъ.

- Точно такъ-съ.
- Я бы хотѣла взять ребенка къ себѣ.
- Да гдѣ она мертвого родила, матушка; ихъ въ одинъ гробъ и положили.
- Бѣдная Ташюша! сказала Марья Александровна. „Бѣдный братъ!“ подумала она.
- Еще вѣчего не прикажете? спросила Настасья Яковлевна.
- Вотъ что: разпроси ты, пожалуйста, старосту, только разспроси его отъ себя, о братѣ. Я боюсь за его здоровье. Да ужъ ты мнѣ всю правду скажи. Если онъ, сохрани Богъ, умираетъ, его нельзя такъ одного оставить.
- Всю правду, матушка, какъ передъ Богомъ.

Я даже и сама спрашивала, потому тоже не была покойна на ихъ счетъ. Они, слава Богу, здоровы: Господь Богъ подкрѣпляетъ, только ужъ разумѣется, большое огорченіе приняли.

Марья Александровна стала думать о томъ, какъ бы вызвать брата въ Москву, и принялась писать къ нему самую ублажительную письма. Но онъ отвѣчалъ, что не можетъ оставить свои занятія, а иногда обходилъ совершеннымъ момчанинскъ вопросъ о своемъ возвращеніи. Наконецъ она написала къ своему сельскому священнику, что она не покойна на счетъ здоровья брата, и просила уведомить ее какъ Иванъ Александровичъ себя чувствуетъ, и не скучаетъ ли въ деревнѣ, и получила слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивая Государыня Марья Александровна!

„Получивши ваше письмо, поставлю себѣ долгомъ отвѣчать на оное, что Иванъ Александровичъ находится въ вождьменномъ здравіи, но духомъ онъ дѣйствительно тоскуетъ въ уединеніи, хотя и подкрѣпляетъ себя постоянно молитвой, присутствуя ежедневно при божественной литургіи.

„Пожелавши вамъ также вождьдѣльнаго здравія и всякаго благополучія, пребываю вамъ вѣрный богомолецъ.“

Старушка подождала мѣсяцъ послѣ полученія грустнаго извѣстія, подождала другой, и придумала, какъ послѣднее средство, заставить Сережу написать къ дѣдушкѣ самое краснорѣчивое посланіе.

А что же бѣдный Иванъ Александровичъ? Заглянемъ въ уголокъ, гдѣ ему еще недавно такъ весело жилось. Холодное зимнее утро уже проглянуло въ его замерзлыя окна. Бѣдный и искудальный старикъ покидаетъ постель. Онъ постарѣлъ

десятью годами, и уже никогда не разсвѣтаетъ своимъ добродушнымъ свѣтомъ. Вотъ ударили къ обѣду. Иванъ Александровичъ спѣшитъ одѣваться, и идетъ въ церковь. По окончаніи службы, онъ отправляется, съ лопатой въ рукахъ, на могилу Тамюши, и разгребаеъ свѣгъ покрашенный ея ночью. Потомъ онъ идетъ въ тепличку, рветъ цвѣты, и отнесши ихъ на погостъ, на дорогую могилку, возвращается домой. Около свѣей посмышались шаги: Амиска бѣжитъ къ порогу, царапается лапой въ дверь, обнюхиваетъ, и съ жалобнымъ воемъ бѣжитъ назадъ къ старику.

— Ужь не дожждаться намъ ее, Амиска, говорилъ Иванъ Александровичъ, глядя собачонку, и слеза катилась по его щекѣ. Входитъ Фека Фоминишна съ самоваромъ въ рукахъ. Она видѣла въ окошко, что баринъ пришелъ домой, и спѣшитъ напоить его чаемъ. Уже поздно, а у Ивана Александровича еще маковой росинки не было во рту. Напившись чаю, онъ встаетъ:

— Ну, пойдѣмъ-ка, Фека Фоминишна, покормить ея курочекъ, говорить онъ.

Послѣ обѣда онъ отдыхаетъ, потомъ Фоминишна разливаетъ ему опять чай, и проводитъ съ нимъ остатокъ вечера въ вѣчныхъ толкахъ о Тамюшѣ.

Грустно и медленно протекають дни за днями; но Ивану Александровичу дорогъ этотъ уголокъ, полный дорогихъ для него воспоминаній, и сердце его сжимается при мысли покинуть его когда-нибудь. Но получивъ письмо Сережи, въ которомъ ребенокъ умолялъ его возвратиться и говорилъ, что и бабушка сильно о немъ тоскуетъ и часто хвораетъ, старикъ задумался. Онъ положилъ письмо на столъ и началъ ходить молча по комнатѣ.

— Иль вамъ барыня что-нибудь такое писать изволила, батюшка, что вы словно встревожились? спросила Фека Фоминишна.

— Она меня вызываетъ въ Москву, а я вздумать не могу, какъ отсюда выѣду. У меня одно теперь и осталось утѣшеніе, продолжалъ онъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ,—помолиться на ея могилкѣ. Тамъ меня тоска одолаветъ.

— А вы бы, батюшка, изволили отписать, что мнѣ, молъ, не отъ кого уѣхать. Хозяйствомъ заняться надо.

— Не могу я, Фоминишна, не могу этого сдѣлать противъ сестры. Она мнѣ не то что сестра, а просто мать родная.

Да не что, мнѣ самому-то ея не жаль. Она, моя голубушка, очень обо мнѣ тоскуетъ, и часто хвораетъ, Сережа пишетъ. Двадцать нечего, надо вѣхать, а тамъ что Богъ дастъ.

И онъ собрался въ дорогу. Въ день отъѣзда, когда повозку подвезли къ крыльцу флигеля, Иванъ Александровичъ приказалъ своему камердинеру все укладывать.

— Я немощко пройдуся, Павелъ, сказалъ онъ,—а ты безъ меня все устрой. Я скоро буду назадъ.

Онъ пошелъ на погостъ. На колыняхъ, передъ могилой Ташюши, онъ долго плакалъ. Сердце бѣднаго старика разбилось въ этомъ послѣднемъ прощаніи: ему казалось, что онъ разстается съ ней еще разъ. Когда онъ возвратился, всѣ дворовые, собравшіеся проводить барина, толпились на крыльцѣ. Павелъ принималъ изъ рукъ Ѳомишины узлы съ съѣстною провизіей и укладывалъ ихъ въ повозку. Наконецъ онъ соскочилъ съ облучка, примолвивъ: „готово-съ“.

Иванъ Александровичъ сталъ прощаться со всѣми. Цѣлуясь съ Ѳомишиной, которая получила уже заранѣе его инструкціи, онъ сказалъ ей въ полголоса:

— Такъ, пожалуста, Ѳомишишна, чтобы все тамъ было въ порядкѣ....

— Будьте покойны, батюшка, отвѣчала она, кланяясь ему. Когда онъ сѣлъ въ повозку, она подала ему Амшкку.

— Ну, съ Богомъ, трогай! крикнулъ Павелъ, усаживаясь рядомъ съ барининомъ.

Всѣ перекрестились и сняли шапки, примолвивъ: „Дай Богъ въ добрый часъ“. Повозка сѣхала со двора.

Проѣхавъ версты двѣ, Иванъ Александровичъ приказалъ остановиться на холмикѣ, вышелъ и поклонился въ послѣдній разъ Миловской церкви, которая возвышала свою золотую верхушку надъ обнаженными деревьями. Всю дорогу старикъ былъ молчаливъ и печаленъ. На другой день, вечеромъ онъ вѣхалъ въ Москву. Марья Александровна была еще на ногахъ и вышла поспѣшно къ нему на встрѣчу, услышавъ на дворѣ звукъ бубенчиковъ и скрипъ полозьевъ по промерз-лому снѣгу. Увидя его, она чуть не заплакала.

— Какъ ты переѣвился, мой другъ! сказала она:—ужь полно здоровъ ли ты?

— Ничего, ничего! Это я только такъ, съ дороги, усталъ, да прозябъ немощко и проголодался, говорилъ онъ, цѣлуя ея руку.—Ты бы приказала что-нибудь дать мнѣ поужинать.

За ужиномъ, видя что онъ избѣгаетъ говорить о себѣ, она стала ему разказывать о Сережѣ, который все ждалъ его и очень обрадуется завтра, узнавъ что онъ пріѣхалъ, и о письмахъ полученныхъ ею отъ своихъ, которые возвратятся вътомъ. Иванъ Александровичъ слушалъ довольно разсѣянно. сдѣлалъ самъ два-три вопроса, и ушелъ наконецъ къ себѣ, сказавъ что онъ усталъ съ дороги.

На другой день утромъ, Марья Александровна вышла въ залу, и начала разливать чай въ ожиданіи брата. Изъ полуотворенной двери его комнаты она услышала голосъ Сережи:

— Ахъ, дѣдушка, какой у тебя крестикъ на шеѣ! Покажи-ка. Я помню, у Танюши есть точно такой же.

— Оставь, оставь, говорилъ Иванъ Александровичъ.

— Нѣтъ! Покажи.

— Ну, полно шалить. Ты мнѣ мѣшаешь одѣваться.

— Дѣдушка, а гдѣ Танюша?

Отвѣта не было.

— А, дѣдушка?

— Вотъ чтò, поди-ка ты, да узнай встала ли бабушка. Я варенья привезъ изъ Миловки: она тебѣ дастъ за чаемъ. И я тотчасъ приду.

— А ты съ Сережей ладишь лучше меня, сказала Марья Александровна, подавая ему стаканъ чаю.—Онъ съ тобою дѣлаетъ несравненно больше успѣховъ. Возьми его пожалуста опять на свое попеченіе.

— Чтò жь, очень радъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь.—Дай мнѣ только немножко оглядѣться, а тамъ и примемся за дѣло.

Но дѣло не пошло на ладъ. Иванъ Александровичъ не могъ слѣдить за урокомъ. Мальчикъ бралъ книгу и начиналъ читать, а старикъ задумывался, и взоръ его устремлялся неподвижно на какой-нибудь предметъ. Сережа скоро понялъ, что такое расположеніе духа дѣдушки онъ можетъ употребить въ свою пользу, и прочитавъ нѣсколько строкъ, спрашивалъ у него.

— Дѣдушка, чтò жь довольно? А, дѣдушка?

Иванъ Александровичъ оборачивался къ нему.

— Довольно? повторялъ Сережа.

— Да ты много ли прочелъ?

— Ужь я, дѣдушка, много прочелъ.

— Ну такъ довольно.

Ребенокъ, съ эгоизмомъ свойственнымъ его возрасту, отдался отъ старика, когда старикъ пересталъ выдумывать для него новыя игры и разказывать ему веселыя сказки. Марья Александровна употребляла всѣ старанія чтобы развлечь брата, и все безуспѣшно. Онъ былъ одинаково неспособенъ поддерживать разговоръ или чѣмъ-нибудь заняться. Тоска одолевала его, какъ онъ предвидѣлъ, и онъ не могъ найти себѣ мѣста. Ему нечѣмъ было наполнить день. Утромъ онъ отправлялся къ обѣднѣ, но не могъ молиться нигдѣ съ такимъ усердіемъ, какъ въ Миловской церкви, у которой покоилась Танюша. „Осиротѣла безъ меня ея могилка“, думалъ онъ. „Я чай ее совсѣмъ снѣгомъ занесло. Гдѣ же Фоминишнѣ усмотрѣть?“ И о Фоминишнѣ онъ тосковалъ: съ ней онъ могъ душу отвести, а теперь не съ кѣмъ было и вспомнить о Танюшѣ. Онъ повималъ, что сестра знала его исторію, тѣмъ болѣе что она никогда не произносила при немъ имени молодой дѣвушки; но когда онъ только думалъ о возможности заговорить о ней съ Марьей Александровной, кровь бросалась ему въ лицо. Большую часть дня онъ проводилъ лежа на своемъ диванѣ, и глядѣлъ безъ цѣли куда попало.

— Да что съ тобой? Голова чтоль болитъ? спрашивала Марья Александровна.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ онъ, — усталъ немного.

И дѣйствительно, силы его начали видимо измѣняться ему: походка его становилась все медленнѣе; возвращаясь отъ обѣдни, онъ едва стоялъ на ногахъ, и скоро кончилъ тѣмъ, что не могъ встать съ постели, хотя не жаловался ни на какую боль. Марья Александровна, испуганная не на шутку, пригласила доктора, и просила его сказать ей откровенно какъ онъ находитъ ея брата. Медикъ сознался, что въ сущности нѣтъ положительной болѣзни, но врядъ ли истощенныя силы могутъ возвратиться. „Онъ испыталъ, вѣроятно, какое-нибудь нравственное потрясеніе,“ заключилъ онъ.

Иванъ Александровичъ сознавалъ свое положеніе. Старааясь успокоить сестру, онъ пожелалъ пріобщиться; по уходѣ священника онъ объявилъ, что хочетъ уснуть, заперся въ своей комнатѣ, написалъ слабою рукой письмо, которое запечаталъ, и поставивъ на пакетѣ имя Марьи Александровны, позвалъ Настасью Яковлевну.

— Послушай, Настасья Яковлевна, сказалъ онъ, — я чув-

ствую, что мнѣ не встать. Обицай мнѣ, что какъ скоро я умру, ты отдашь это письмо сестрѣ.

— Отчаиваться нечего, батюшка, отвѣчала Настасья Яковлева, — Богъ дастъ, вы поправитесь, а впрочемъ все во власти Господней, и если что случится, будьте покойны, а вашу волю исполню.

Съ этой минуты больной видимо успокоился, какъ будто у него камень сняли съ сердца. Онъ словно повеселѣлъ, и былъ особенно нѣженъ съ сестрой и внукомъ. Разъ, Марья Александровна сидѣла у его кровати, и онъ съ любовью глядѣлъ на нее:

— Пора спать, сказалъ онъ вдругъ, — меня сонъ клонитъ. Благослови меня, сестра.

Сердце у нея словно оборвалось. Она нагнулась къ нему, и благословила его дрожащею рукой.

— Послушай, началъ онъ опять, отрывистымъ и тихимъ голосомъ, — я письмо написалъ... Настасья Яковлева тебѣ отдастъ... Ты, ради самаго Бога, все исполни.

Слабый румянецъ покрылъ его блѣдныя щеки, и онъ закрылъ глаза. Старушка съ замирающимъ сердцемъ стала прислушиваться къ его дыханью, которое становилось все слабѣе, и наконецъ остановилось.

Часа черезъ два Настасья Яковлева вручила Марьѣ Александровнѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„Милый мой другъ и сестра Марья Александровна, — рѣшаюсь къ тебѣ написать, потому что переговорить съ тобой духа не имѣю. Ты вѣрно сама знаешь насчетъ Таяюши... Ты ее не осуждай, ради Бога. Я же ее въ грѣхъ ввелъ, она отъ меня, бѣдняжка, и въ сырую землю пошла. Меня ее смертію Господь наказать хотѣлъ, за то что я, на старости лѣтъ, не побоялся и не постыдился грѣха. Помяни и ее, когда будешь молиться за мою грѣшную душу.

„Ты мнѣ, мой другъ, была матерью родною, съ той самой минуты какъ увела меня изъ нянина флигеля, и я, умирая, хочу тебя за то поблагодарить. А теперь исполни мою послѣднюю просьбу: похорони меня въ Мидовкѣ, около церкви, подъ большимъ дубомъ. Ѳекла Ѳомишишна укажетъ мѣсто. Да пусть меня положатъ съ этимъ мѣднымъ крестикомъ, что у меня на шеѣ.

„Еще у меня есть до тебя просьба: я положилъ Ѳеклѣ Ѳомишишнѣ 25 рублей жалованья. Выдавай ихъ пожалуйста.

„Обо мнѣ не сокрушайся, прошу тебя. Еслибы не тебя было жаль, мнѣ бы отрадно было умирать. Но у тебя, слава Богу, есть на кого порадоваться. Тебѣ Богъ далъ много утѣшеній въ жизни.

„Прощай, мой другъ. И тебя и всѣхъ твоихъ крѣпко обнимаю, и благословляю отъ всей души, и на томъ свѣтѣ буду за васъ молить Господа Бога.

„Братъ твой, и вѣрный другъ
И. К.

„P. S. Возьми, пожалуйста, Амишку къ себѣ.“

Его предсмертныя желанія были свято исполнены. Онъ похороненъ въ Миловкѣ, рядомъ съ Танюшей. На обѣихъ могилахъ лежить одна мраморная плита. Кругомъ посажены кустарники и цвѣты. Лѣтомъ, Марья Александровна приходитъ часто на погостъ съ Сережей, и пока старушка, на колѣняхъ, творить тихую молитву со слезами на глазахъ, ребенокъ кладетъ свѣжіе вѣнки на могилу дѣдушки.

Т. ТОЛЫЧОВА.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

I. Кому слѣдуетъ гласно обсуждать возникающіе вопросы новой земледѣльческой дѣятельности.

Вотъ и еще земледѣльческій годъ, канувшій въ вѣчность. Онъ отошелъ въ нее, тихій, безмолвный, безсловесный, преданный своей тяжелой, земляной, кротовой работѣ. Даже и этотъ послѣдній эпитетъ не вполне выражаетъ ея безслѣдность. Работа крота быть-можетъ на много лѣтъ обозначается рядомъ насыпей, а трудъ земледѣльца съ концомъ сезона исчезаетъ безслѣдно. Какъ весной было голое поле,—такъ и осенью осталась та же голая степь. Какая разница тотъ же годъ на литературномъ, политическомъ или социальномъ поприщѣ? Тутъ диковинокъ не перечесть, и всѣ онѣ на виду, на глазахъ у всѣхъ! Но всѣ эти дикія явленія остаются чужды нашей смиренно-земной дѣятельности.

— Чтò же у нихъ тамъ? скажете вы. — Застой, неподвижность, равнодушіе?

Не беспокойтесь. Крестьянское дѣло, затронувъ всѣхъ, всѣхъ тронуло съ мѣста. Все говоритъ, дѣйствуетъ, мечется, лѣзетъ изъ кожи. Работа—общій и едва ли не исключительный помыселъ. Рабочій—единственно модный человѣкъ. Онъ—герой нашего времени, и знаетъ это хорошо. За нимъ

скачутъ во всѣ стороны, и его стараются завербовать всеми средствами: кто паромъ подъ скотинку, кто земелькой подъ яровое, кто четвертью ржи до новины, кто водкой и наконецъ чистыми деньгами. Ясно, что при подобной дѣятельности, землевладѣльческое дѣло становится постояннымъ предметомъ разговоровъ, соображеній, плановъ и т. д. Чтò у кого болить, тотъ про то и говорить. Откуда же то странное явленіе, что землевладѣльческое дѣло, за нѣкоторыми исключеніями, не заявляетъ себя въ печати, въ которой между тѣмъ подняты всѣ другіе вопросы? Я не говорю здѣсь о какомъ-либо вопросѣ сословномъ, какъ напримѣръ дворянскомъ, въ противоположность крестьянскому. Рѣчь идетъ о чисто землевладѣльческой или, пожалуй, земледѣльческой дѣятельности. Подумаешь, что первостепенный вопросъ о рабочей силѣ у насъ—никого не интересуесть? Согласитесь, этого быть не можетъ. Не потому только что это было бы позорно, а просто потому что не естественно. Почему же молчатъ землевладѣльцы?

Говоря о землевладѣльцахъ, я имѣю въ виду общіе интересы обѣихъ, пока еще недоумѣвающихъ, сторонъ: дворянъ и крестьянъ. Тѣ и другіе пока единственные землевладѣльцы въ Россіи, и послѣдніе, съ каждою, можно сказать, минутой, яснѣе и яснѣе понимая все благо совершившагося преобразования, все болѣе и болѣе зрѣютъ для нравственной солидарности съ другимъ классомъ землевладѣльцевъ. Но, говоря о печатномъ обсужденіи землевладѣльческихъ интересовъ, поневолѣ должно подъ землевладѣльцами почти исключительно разумѣть дворянъ. Стало-быть дѣло стало не за умнѣемъ писать, а также и не за отвагою. Откуда же препятствія? Со стороны журналовъ? Но неужели лично заинтересованная сторона не нашла бы у себя средствъ для особаго органа? Допустить этого нельзя, а между тѣмъ таинственное молчаніе продолжается.

Дѣло въ томъ что большинство крупныхъ землевладѣльцевъ служить, и потому поставлено въ невозможность не только писать о собственномъ дѣлѣ, но и разумѣть его основательно. Нельзя требовать, чтобы человекъ и служилъ гдѣ-нибудь въ Мадридѣ, и основательно слѣдилъ за своимъ дѣломъ въ Самарѣ. А если нельзя утверждать, что всѣ крупные землевладѣльцы непремѣнно на службѣ, то отъ этого не легче: они все-таки не живутъ по деревнямъ, и волей неволей плохіе судьи въ собственномъ дѣлѣ. Кому же писать?

Остаются средніе и мелкіе землевладѣльцы. Что касается до крупныхъ, то кромѣ замѣчнаго нами явленія, въ этой средѣ, какъ и вездѣ, наша русская жизнь любитъ подчасъ необъяснимое. Извѣстно воспитательное вліяніе среды на человѣка. Понятно, почему Италиянецъ знаетъ толкъ въ статуяхъ, а Черкесъ въ лошадяхъ. А у насъ не диво землевладѣлецъ первой величины, который, въ теченіи одного часа, на одномъ концѣ кабинетнаго стола, приходитъ въ негодованіе надъ деревенскими счетами, отражающими въ себѣ неизбѣжныя послѣдствія общихъ экономическихъ реформъ, и углубляется за тѣмъ, на другомъ концѣ того же стола, въ выборъ и сортировку журнальныхъ статей съ социалистическимъ оттѣнкомъ. У насъ бываютъ еще социалисты воспитанные въ преданіяхъ откупа. Не наше дѣло порицать или оправдывать подобныхъ господъ, но невольнo обращаешься къ нимъ мысленно съ вопросомъ: господа! если вы дѣйствительно такъ далеко отошли нравственно отъ своей среды, почему не разрываете вы окончательно всѣхъ матеріальныхъ съ нею связей? Подобный актъ съ вашей стороны былъ бы натурамъ, а теперь вы только плохіе дѣятели и самые некомпетентные судьи собственнаго дѣла.

О мелкихъ землевладѣльцахъ, въ дѣлѣ публичнаго обсужденія земледѣльческихъ вопросовъ, нечего много распространяться. Къ несчастію, не многимъ изъ нихъ, остающимся въ первобытной средѣ, удалось воспользоваться необходимою степенью общаго образованія, и кромѣ того самая дѣятельность ихъ, по тѣснотѣ своего круга, исключаетъ всѣ нововведенія сопряженныя съ матеріальными пожертвованіями. Остается, сравнительно, самый многочисленный кругъ среднихъ землевладѣльцевъ, и здѣсь-то людямъ съ общимъ образованіемъ слѣдовало бы не отказываться отъ гласнаго обсужденія землевладѣльческихъ вопросовъ, болѣе или менѣе удовлетворительное разъясненіе и рѣшеніе которыхъ такъ тѣсно связано съ общимъ благосостояніемъ.

У средневѣковыхъ Нѣмцевъ, человѣкъ, поставленный внѣ покровительства закона, назывался *vogelfrei*. Это не римскій *capite minor* и не русскій опальный. Надъ подобнымъ человѣкомъ всякій могъ тѣшиться, какъ ему угодно. Было время, когда присяжный русскій литераторъ тѣшился подобнымъ образомъ надъ помѣщикомъ. Но и въ то время, нельзя

было смотрѣть на это иначе какъ на дѣтскую забаву, уже по тому что бѣльшая часть производительной почвы находится въ рукахъ этого класса, и нельзя никакими риторскими воркованіями зашептать эту жизненную силу, какъ невозможно заклинаніями заставить самую мелкую звѣзду поздать хотя на мигъ противъ календаря. А какъ ведетъ себя присяжный русскій литераторъ въ настоящее время, объ томъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

II. Литераторъ.

Казалось бы, въ минуту благодѣтельныхъ преобразованій и на зарѣ новыхъ, не менѣе живительныхъ, когда каждая русская рудъ вздыхаетъ свободнѣе, и каждая десная въ народѣ поднимается для крестнаго знаменія, литераторъ станеть уяснять каждому человѣку его грядущій путь. Ни чуть не бывало! Вотъ вы, напримѣръ, на отдаленномъ концѣ Россіи, отклонились отъ всѣхъ партій и предались какому-либо спеціальному занятію, — положимъ земледѣлію. Всякое нововведеніе имѣетъ для васъ прямое и важное значеніе только въ приложеніи къ вашему дѣлу. Вы спасены, вы укрыты отъ юаненія мелкихъ страстей и самолюбія? Вы спокойны. Ни чуть не бывало! Приходить почта—вы скрываете періодическія изданія и бросаете бѣглый взглядъ на ихъ страницы. Конечно! Вы непременно наткнетесь на такія диковинки, что вамъ сдѣлается вдругъ и грустно, и смѣшно, и стыдно, и противно. Передъ вами выступаетъ вашъ собесѣдникъ, русскій литераторъ, во всей красотѣ своего безобразія.

Было бы странно отъ органа общественнаго самосознанія требовать пассивнаго безмолвія передъ тѣмъ или другимъ нововведеніемъ. Но обсуживать и судачить свысока—два дѣла разныя. Литераторъ (слава Богу, нѣтъ правила безъ исключенія) считаетъ своимъ присяжнымъ долгомъ отвѣчать на всякій вопросъ: veto. Васъ коробитъ это дѣтское veto, и вы только благодарите Провидѣніе, что дѣла идутъ своимъ прямымъ ходомъ. Какъ выраженіе сознательной косности, veto литератора еще не оскорбляло бы нравственнаго чувства; но оно возмутительно своимъ притокомъ, — струею демократизма, въ самомъ циническомъ значеніи этого слова. Надобно сказать, въ нашемъ простомъ народѣ нѣтъ ни малѣйшихъ при-

знаковъ этой струи. Это тотъ мотивъ, который въ парадскомъ театрѣ для черни заставляетъ блузниковъ выгнать чисто-одѣтаго человѣка изъ партера огрызками яблокъ. Только этою струей можно иногда объяснять въ литераторѣ то упорное непониманіе самыхъ простыхъ вещей, о которомъ резонанство ребенка еще не можетъ дать надлежащаго понятія. На примѣръ въ отношеніяхъ между нанимаемыми и нанимающимъ рекомендуется ли первымъ точность въ исполненіи договора уваженіе къ хозяевамъ, а послѣднимъ свисходительность, челоуѣколюбіе къ первымъ,—кажется, чего бы яснѣе и проще? Но литераторъ (какой бы онъ былъ литераторъ, еслибъ онъ понималъ такія простыя вещи?) разомъ становится въ ораторскую позу и восклицаетъ: „А еще стремятся къ уравненію сословныхъ правъ? Отчего же не рекомендовать того же тѣмъ и другимъ?“ Литераторъ обязанъ не видѣть, что тутъ дѣло идетъ не о сословіяхъ, а о положеніяхъ, изъ которыхъ вытекають отношенія лицъ. А между тѣмъ извѣстный вопросъ „Почему курица на улицѣ, а не улица на курицѣ,“ безъ сомнѣнія, придуманъ остроумнымъ мальчикомъ на смѣхъ,—и намъ нашлось достаточно тупоумнаго, чтобы задать такой вопросъ серьезно.

Дорожаютъ ли квартиры, литераторъ тотчасъ хватается крупнаго домовладѣльца, и цѣлые годы хлопочетъ только о томъ, подъ какимъ бы соусомъ почернѣе подать его читателямъ. О томъ же, что по законамъ естественнымъ ни одно вещь нельзя продать по произвольной цѣнѣ, и что на повышение и пониженіе цѣнъ вліяють тысячи причинъ, литераторъ знать не хочетъ: онъ литераторъ.

Фантазія древнихъ не даромъ избрала эмблемой мудрости сову, которая только тогда поднимается на своихъ беззвучныхъ крыльяхъ для ночныхъ поисковъ, когда смолкаетъ и замираетъ день съ его жизненнымъ блескомъ и шумомъ. Глаза науки какъ и глаза совы, не созданы для того чтобы видѣть днемъ, а для того чтобы въ ночи, мрачной для всѣхъ, отыскивать свою добычу. Витая въ своемъ безмолвномъ мірѣ, наука, по существу своему, не можетъ заботиться о томъ, какое приложеніе получить ея открытіе въ жизни общей. Наука существуетъ для науки, какъ благо для блага, истина для истины. Но какое до этого дѣло литератору? Ему не нравится извѣстный выводъ науки, онъ съ размаху прибавляетъ къ не-

ить: *скарденая*, и радостно плещетъ въ своемъ шумномъ *пестѣ*.

Возникаетъ ли, вслѣдствіе распространяющагося круга вольнаго дѣятельности, вопросъ объ измѣненіи паспортной системы, во избѣжаніе разныхъ неурядицъ, вмѣсто того чтобъ судить дѣло со всѣхъ сторонъ, литераторъ восклицаетъ: „Помилуйте! къ чему это? это вздоръ! это все пустяки!“ Заходитъ въ рѣчь о штрафахъ за порубки и поправки, безъ чего земля бы было окончательно невозможно при новомъ порядкѣ вещей, у литератора уже готова фраза: „*Эхъ господи! laissez passer, laissez faire!*“ Это напоминаетъ тѣхъ мужиковъ, которые говорятъ помѣщику: „Помилуйте батюшка! на что намъ новое положеніе! Мы вашей милости будемъ работать, какъ работали. Какіе намъ уроки?“ — Какъ? По старому? Стало-быть, и число дней, и подводы по старому? Нѣтъ, кормилецъ! Какіе подводы и дни? Это по новому, ужъ работа — по старому.“ Зайдетъ ли рѣчь о важности изученія древнихъ изящныхъ произведеній, и тутъ раздастся голосъ: „По чистотѣ формъ и новыя не уступать старымъ (тутъ и Пушкинъ пригодится), а по ширинѣ идей новыя созданія превосходятъ старыя. Что касается гибкости и стройности мышленія, то этого результата можно, съ меньшимъ усиленіемъ, достичь и другими путями.“ Что ужъ тутъ значить *ширина идей*, одному Богу извѣстно, а на дѣлѣ это выходитъ мочальный хвостъ, который, для назиданія, прицѣпляютъ къ произведенію. Этотъ мочальный хвостъ литературы потянулся у насъ по всѣмъ отраслямъ искусства и даже жизни. Мы ничего знать не хотимъ. Намъ давай поучительную музыку, таковую же поэзію, живопись, скульптуру,—словомъ все поучительное. Одна хореографія отстала. Не думаю, чтобы новѣйшій канканъ былъ особенно поучителенъ.... Винавать, винавать! Вотъ непростительный промахъ. Къ канкану-то, напротивъ, и сводятся всѣ современныя искусства, съ тою разницею, что всѣ остальные обязаны говорить о томъ, чего не слѣдуетъ дѣлать, а канканъ въ очію показываетъ что именно требуется. Гоньба за мочальнымъ хвостомъ производится до того усердно и добросовѣстно, что въ драмѣ, въ статуѣ, въ картинѣ, нѣтъ уже ни драмы ни статуи, ни картины, а торжествуетъ одинъ мочальный хвостъ съ кислымъ запахомъ рогожи.

Недавно посчастливилось мнѣ выиграть въ художественной лотерей масляную картину. Подписано: *Шерудъ*. Картины тутъ положительно никакой нѣтъ, а есть только гіероглифы, которыми художникъ хотѣлъ выразить известную тенденцію. Въ гіероглифическомъ лѣсу стоитъ гіероглифъ дровень съ запряженною въ него лошадыю. Надо догадаться, что произошла порубка. Это уясняется гіероглифическими фигурами на первомъ планѣ. Мужики на козляныхъ, и ихъ бьетъ какой-то отвлеченный охотникъ съ ружьемъ за плечами. По другую ихъ сторону, размахивающая руками крестьянская фигура, тоже, должно-быть, бьетъ одного изъ мужиковъ, хотя ни по движенію корпуса, ни по лицу, нельзя истолковать что собственно дѣлаетъ фигура? Задачей художника, очевидно, не было создать картину требующую, какъ всякое произведеніе свободнаго искусства, уловленія момента, самобытно играющаго своею жизнію. Все это трудно; для этого нуженъ талантъ и чувство красоты. Кромѣ того, необходимо все выразить въ соотвѣтственной формѣ; новый, подчасъ тяжкій трудъ. Это дѣлали Теньеры, Остады, Вуверманы и подобные имъ вошляки. Теперь ничего подобнаго не нужно. Надо только гіероглифически изображать воровъ да каторжныхъ, ставя ихъ по возможности въ романтически-интересное положеніе, и задача искусства разрѣшена. До какой степени творцу купленной мною картины дорого было исключительно гіероглифическое изображеніе мысли, можно видѣть изъ ничтожнаго обстоятельства. Чтобы бить воровъ, надо сперва захватить ихъ въ распахъ. Кто же могъ это сдѣлать? Алексѣй сторожъ? Но самому ему бить или вязать воровъ, какъ это всегда бываетъ на дѣлѣ, если сторожъ еще не обжился и не привыкъ продавать лѣсъ за водку, было бы не народно; сторожъ самъ мужикъ. Нужно, чтобы бьющій былъ главнымъ образомъ баринъ или управляющій, словомъ—человѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Какъ же онъ зашелъ зимой въ лѣсъ? Ходилъ на охоту. Значитъ, требуется надѣть на него сумку и ружье. Что же онъ кладетъ зимой въ сумку? Мало ли что? Однако что? Рябчиковъ. Да они идуть на пищакъ только въ концѣ февраля. Тутъ и изображенъ конецъ февраля, а если хотите—начало марта. Изъ чего же это видно? А шифервейсу-то сколько! Это—снѣгъ, значитъ зима; мѣсяцы же, кто ихъ разберетъ? Стало-быть у охотника за плечами обыкновенное

герское ружье. Подобно всѣмъ желчнымъ людямъ, какъ видите, онъ на картинѣ художавъ, и потому его фигура съ ружьемъ идѣтымъ почти поперекъ, должна представлять перекосившійся крестъ. Отчего же надъ лѣвымъ плечомъ виденъ стволъ ружья, а подъ правою рукой нѣтъ и признака приклада? Въ томъ-то и дѣло: въ картинѣ, возсоздающей дѣйствительность, нужно все необходимое въ дѣйствительности. Есть стволъ, давай и прикладъ. А въ героглифѣ ничего этого не нужно: вѣдь ружье только объяснительный знакъ. По стволу можно догадаться, что этому господину быть тутъ слѣдуетъ, и довольно. Картины нѣтъ; за то мочальный хвостъ тутъ такъкомъ, и я могу, у себя въ'комнатѣ, повѣсить картинный героглифъ съ слѣдующею сентенціей: „Не должно драться съ лѣсу.“ Или быть-можетъ такой: „Ворамъ, одѣтымъ въ дураки, не должно мѣшать въ ихъ ремеслѣ.“ Правда, я могъ бы эти сентенціи изобразить хорошимъ почеркомъ на бумагѣ, но тогда онѣ никого не приводили бы въ негодование, какъ профанация искусства; а профанация-то именно и требуется.

Нѣтъ, въ какой микроскопъ ни разсматривай Гомера, Рафаэля, Бетговена, Гете, Пушкина, ни хвоста, ни мочалы не тыщешь. А намъ нуженъ хвостъ и нужно оправдать его. Какъ же быть? Очень просто: долой авторитеты! Всѣ эти геніи него въ своемъ дѣлѣ не смыслили.

Однако, подумайте! Сколько было варваровъ, и съ чубами, и съ хвостами, которые, волна за волной, пронеслись надъ образованнымъ міромъ и ломали не по вашему. То была сила, которой свидѣлствуютъ цѣлыя области засыпанныя обломками. А вы? Какая вы сила? Кто вамъ это сказалъ? И что же однако? Эта грубая разрушительная сила разсыпалась прахомъ,

„Свалилась ветхой чешуей.
Творенье гелія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.“

Это ужасно! Черезъ какихъ-нибудь двѣсти лѣтъ, ваши болѣе или менѣе зазорныя статейки будутъ забыты, а тотъ же мужакъ, которому вы тщетно старались привязать мочальный хвостъ, будетъ знать своего Пушкина, и „народная гропа“ къ его памятнику не заростетъ.

Но желая какъ можно скорѣе перейти къ специальнымъ вопро-

самъ статьи, я, кстату или не кстату, рѣшаюся обратиться къ вамъ, г. литераторъ, съ слѣдующею рѣчью. Если положеніе помѣщиковъ, дававшее имъ еще въ недавнее время возможность притѣснять подчиненное имъ сословіе, служило объясненіемъ всѣхъ Оксанъ вырываемыхъ изъ семей и Ванекъ колотимыхъ барами, завладѣвшихъ нашею литературой; то теперь—противъ кого направлены всѣ подобныя выходки? Браните и помѣщика, если онъ вамъ попадется подъ руку, но браните его какъ человѣка, потому что бранить его какъ помѣщика, въ настоящее время, не только бессмысленно, но и невыносимо скучно. Долго ли еще пережевывать эту жвачку? Если нелѣпо признавать талантъ въ человѣкѣ во имя его сіятельнаго титула, то не менѣе смѣшно возносить на пьедесталъ бездарность только въ честь ея происхожденія изъ дворянскихъ. Дѣло землевладѣльцевъ было всегда и вездѣ дѣломъ великимъ. А теперь оно болѣе чѣмъ когда-либо важно и значительно для всего государственнаго организма. Пора и нашей отсталой литературѣ вспомнить это, и отнестись къ нему безъ задора бессмысленной и нелѣпой вражды.

III. Равенство передъ закономъ.

Мы только что имѣли случай коснуться вопроса объ уравненіи, къ которому очевидно стремится наше законодательство. Но никакое уравненіе не въ силахъ сгладить естественнаго различія общественныхъ отношеній между отдѣльными лицами. Идеаль равенства именно и заключается въ соблюденіи полной справедливости среди возможнаго колебанія отношеній. Сегодня я нанимаю, завтра меня нанимають, и справедливость требуетъ, чтобъ я удовлетворялъ требованіямъ закона и въ томъ, и въ другомъ положеніи.

Въ уясненіе вопроса приведу два факта изъ собственнаго опыта. Для нечитавшихъ моихъ прошлогоднихъ статей о вольнонаемномъ трудѣ¹ скажу, что на хуторѣ моемъ, не одинъ рабочій не нанимается, не представивъ увольнительнаго вида отъ своего начальства и не давъ руки на подписку печатнаго условія съ моею конторой, гдѣ онъ получаетъ двойную бирку для отгѣты забираемыхъ денегъ. Въ концѣ

¹ Русскій Вѣстникъ 1862 года №№ 3 и 5.

ноября 1861 года явился дюжіи, краснощекии и прекрасно одѣтый рабочии, Василии, изъявляя согласіе наняться на годъ за 40 р., съ условіемъ получить при наемкѣ 20 р. задатку.

— Ну, Василии! ты знаешь, что я не нанимаю безъ увольненій отъ мѣстнаго начальства.

— Эфто, батюшка, намъ не важность.

— Такъ принеси свидѣтельство, тогда подпишемъ контрактъ, и получишь задатокъ.

Черезъ два дня Василии явился со свидѣтельствомъ, за подписью старшины, съ приложеніемъ волостной печати. Условіе съ конторой тотчасъ было написано, и оставалось вручить 20 р. Отѣзжая въ Москву, я спросилъ Василия, не можетъ ли онъ обождать задатка нѣсколько дней, и получивъ согласіе, поручилъ прикащику выдать ему деньги. Въ Москвѣ получаю увѣдомленіе, что Василии, на третій день по моемъ отѣздѣ, взятъ у насъ со двора земскою полиціей, за то что нанявшись уже къ подрядчику на желѣзную дорогу, онъ получилъ отъ него 20 р. сер. задатку. Къ счастью, отъ насъ задатокъ не былъ ему выданъ. Контрактъ съ моею конторой и свидѣтельство волостнаго старшины, за казенною печатью, еще по сей день у меня. При свиданіи съ знакомымъ членомъ губернскаго присутствія, я показывалъ ему документы, настаивая на принятіи какихъ-либо мѣръ для предотвращенія на будущее время подобнаго беззаконнаго джесвидѣтельства со стороны старшины (случайно не нашего мирового участка). Изъ заявленія моего ничего не вышло.

Этотъ фактъ невольно приводитъ мнѣ на память другой. Въ пятидесятыхъ годахъ, въ должности полковаго адъютанта, я былъ на высочайшемъ смотру. Многосложная бумажная отчетность, продолжительныя конныя ученія, осмотръ ординарцевъ и уборныхъ унтеръ-офицеровъ во дворецъ, церковныя парады и репетиціи занимали почти всѣ часы сутокъ, такъ что спать доставалось съ часъ послѣ обѣда, да съ 12 до 2-хъ ночи. Тутъ приносилось изъ дивизионнаго штаба такъ называемое словесное приказаніе въ нѣсколько листовъ, которое тотчасъ же нужно было диктовать циркулярно эскадроннымъ писарямъ, украсивъ и значительно дополнивъ подробными распоряженіями полковаго командира. Можно себѣ представить какъ за то дороги были два ночные часа сна. Но судьба и въ нихъ мнѣ отказала. Въ полку у насъ служилъ юнкеромъ сынъ значительнаго и богатаго польскаго помѣ-

щика. Юнкера этого, по просьбѣ отца, на дняхъ перевелъ другой, одного съ нашимъ оружія, полкъ. Въ первую же по прїѣздѣ государя, когда я, сбросивъ мундиръ, упалъ кровать, слуга доложилъ о какомъ-то баринѣ, и въ комнату вошелъ полный, почтенный господинъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ. По фамиліи я узналъ отца юнкера. Господинъ не позволялъ мнѣ встать съ постели, извинился позднемъ посѣщеніи, и взявъ стулъ, сѣлъ у моей кровати. Послѣ долгихъ прелюдій, онъ сталъ убѣдительно просить, чтобъ я сыну его выдалъ билетъ на Волынь.

— Извините, милостивый государь, этого и полковой командиръ, въ настоящее время, сдѣлать не въ правѣ. Къ тому сынъ вашъ теперь не нашего полка.

— Знаю, господинъ адъютантъ. Но войдите въ наше положеніе: сыну необходимо побывать дома, а новый полковой командиръ еще не знаетъ его со стороны его нравственности; но я надѣюсь, что сынъ мой успѣлъ зарекомендовать себя въ вашихъ глазахъ.

— Еслибы требовалось моего чистаго довѣрія, я бы на минуту не задумался. Но нужна моя офиціальная подпись съ приложеніемъ казенной печати, и на это, какъ я уже объяснялъ вамъ, я никакого права не имѣю. Ну, если съ стороны вашимъ что-нибудь случится, окажется офиціальная прикосновенность къ слѣдственному дѣлу?

— Помилуйте, мы дворяне, люди чести!

— Въ этомъ я вполне увѣренъ, но....

Но тутъ вошелъ слуга со словами: „Словесное приказаніе изъ дивизіи“.

— Извините! Надо на службу. Давай одѣваться!

На слѣдующую ночь повторилось то же; на третью буквально то же. Не знаю какъ бы я теперь постарался избавиться отъ любезнаго гостя, но тогда я ни за что не рѣшался оскорбить его невниманіемъ. Между тѣмъ онъ пыталъ меня лютою пыткой и все-таки не получилъ незаконной бумаги. Попадись юнкеръ съ моею незаконною подписью, никакая сила не избавила бы меня отъ суда и приговора, вслѣдствіе котораго меня на вѣкъ лишили бы возможности дѣлать подлоги. Я бы пропалъ за одно превышеніе власти, а вотъ съ волею старшины подлогъ какъ съ гуся вода. Гдѣ же тутъ равенство передъ закономъ?

Тою же осенью, передъ отъѣздомъ моимъ, сосѣдній крестьянъ

изъ привелъ въ контору восемнадцатилѣтняго, женатаго мала-
) Семена, въ годовые рабочіе, за 38 р., и получилъ задатку 20.
 а другой же день я увидаль Семена на работѣ. Онъ какъ-то
 спокойно ворочался, и черные глазки его бѣгали какъ звѣр-
 я. Было ясно по всему, что экономія не приобрѣла въ немъ
 капитальнаго рабочаго. Чтѣ жь? подумаль я. Гдѣ же наби-
 ть все молодцовъ? Годъ какъ-нибудь дотянетъ. Между тѣмъ,
 пррезъ недѣлю, прикащикъ донесъ мнѣ, что рабочіе обижаются
 работой новаго товарища. И лошадь ему запряги, и возъ утя-
 ги веревкой; словомъ сказать, ему надо дядекъ. Это дѣй-
 ствительно неприятно для исправныхъ рабочихъ. Но чѣмъ
 юмочь бѣдѣ? Я проворчалъ что-то, и въ скорости уѣхаль въ
 Москву.

Въ февралѣ, первое чтѣ я услыхаль по возвращеніи были
 жалобы на Семена: мало того что ничего не дѣлаеть, но, какъ
 и попросится домой, прогуляетъ три, четыре дня и даже недѣ-
 лю. Такихъ прогуловъ за нимъ въ конторѣ насчитался цѣ-
 лый мѣсяцъ, и въ настоящую минуту не было его на хуторѣ
 уже съ недѣлю. „Нѣтъ, подумаль я, такъ невозможно этому
 дѣлу продолжаться,“—и тотчасъ поѣхаль къ мировому посред-
 нику объяснить всѣ обстоятельства. Посредникъ принялъ
 самое живое участіе въ моей просьбѣ, записаль ее въ книгу,
 и сталъ разчитывать сколько слѣдуетъ Семену за прожитое
 время. „Я самъ нанимаю по восьми рублей въ зиму,“ замѣ-
 тиль онъ: „а такъ какъ Семень прогулялъ цѣлый мѣсяцъ, то
 ему слѣдуетъ получить семь, а вамъ изъ задатка приходится
 обратно тринадцать.“ Зная, какъ трудно получать въ подоб-
 номъ случаѣ деньги обратно, и настаивая на взысканіи, глав-
 нымъ образомъ, для примѣра, я просилъ посредника взыскать
 только одиннадцать рублей; а вернувшись домой, велѣлъ объ-
 явить Семену, что онъ мнѣ болѣе не нуженъ, и что посред-
 никъ требуетъ его. Семень исчезъ. Прошло болѣе мѣсяца, а
 денегъ я не получаль. Между тѣмъ Семень, нанявшійся (вѣ-
 роятно ли это?) за восемь рублей серебромъ на лѣто у со-
 сѣднаго мужика, попался хозяину съ украденными у него же
 хомутами. Поблагодаривъ судьбу, избавившую меня отъ даль-
 нѣйшей практики Семена, я тѣмъ не менѣ рѣшилъ, во
 чтѣ бы ни стало, добиться слѣдующихъ мнѣ въ возвратъ де-
 негъ, и часто обращался за этимъ къ посреднику. Передаю
 одинъ изъ нашихъ разговоровъ.

— Когда же я получу эти несчастныя деньги?

— Я давно сдѣлалъ должное распоряженіе. Самы знаете, какая затруднительная съ этимъ возня. Вѣроятно, онъ уже на новомъ мѣстѣ забралъ деньги, слѣдовательно и новаго хозяина поставилъ въ подобное вашему положеніе. Я приуказалъ сельскому старостѣ отдать его въ третье мѣсто, и полученнымъ задаткомъ удовлетворить прежнихъ нанIMATEЛЕЙ.

— Это легче приказать чѣмъ выполнить. Если до васъ дошелъ слухъ о новыхъ продѣлкахъ Семена, то вѣроятно, и вы нанIMATEЛИ въ округѣ знаете про нихъ. Кто же согласится нанять его теперь, да еще и денегъ дать впередъ? Скажите откровенно, какую цѣну дадите вы рабочему съ подобною рекомендаціей?

— Откровенно признаюсь, не только не дамъ, не возьму ничего, чтобы принять его въ имѣніе. Однакоже вы понимаете необходимость *какъ-нибудь* уладить это дѣло?

— Совершенно понимаю, и мы постараемся *какъ-нибудь* его уладить. Позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Предположимъ, что я отказался бы уплатить рабочему заслуженнымъ по договору деньги, и онъ пошелъ бы къ вамъ на меня жаловаться, какъ бы вы поступили?

— Очень просто. Распорядился бы, чтобы деньги эти не премѣнно были съ васъ взысканы въ пользу рабочаго.

— Но могло бы случиться, что у меня не нашлось бы никакихъ денегъ?

— Все равно. Земская полиція продала бы вашу лошадь, корову, овцу, и все-таки удовлетворила бы законное требованіе рабочаго.

— Все это совершенно законно и справедливо, но позвольте мнѣ сдѣлать послѣднее замѣчаніе. Вы нашъ общій судья Рабочій и я въ двухъ данныхъ случаяхъ предстоимъ передъ судомъ вашимъ въ совершенно одинаковомъ положеніи. Считаете ли вы насъ равноправными? Если считаете, то откуда являются двѣ мѣры и двое вѣсовъ?

Но этотъ разговоръ нашъ прекратился. Справедливость требуетъ добавить, во первыхъ, что посредникъ черезъ два мѣсяца препроводилъ ко мнѣ 11 р. сер. и слѣдовательно *какъ-нибудь* уладилъ дѣло. Вовторыхъ—разговоръ нашъ происходилъ весной, а лѣтомъ обнародованъ циркуляръ возлагающій на начальниковъ губерній заботу о неуклонномъ исполненіи

рабочими договоромъ. Циркуляръ этотъ принесъ уже пользу дѣлу, и подаетъ надежду, что законодательство опредѣлитъ хотя главныя отношенія между нанимателями и нанимаемыми, и что положительный законъ избавитъ всѣхъ отъ тяжелой необходимости улаживать эти дѣла—*какъ-нибудь*.

IV. Гуси съ гусенятами.

Когда Колумбъ поставилъ свое яйцо, всѣ присутствовавшіе наши, что это слишкомъ просто, хотя за минуту находили, что это было бы слишкомъ хитро. Притча эта будетъ повторяться вѣчно, и преимущественно между людьми непривыкшими близко подходить къ дѣлу. Такіе люди не хотятъ понять, что самыя простыя вещи вмѣстѣ и самыя трудныя. Мы уже имѣли случай говорить о модномъ въ наше время вопросѣ касательно народности или ненародности той или другой мѣры, того или другаго закона. Признаемся откровенно, вопросъ этотъ, понятный въ отношеніи къ прошедшему и настоящему, рѣшительно непонятенъ въ отношеніи къ будущему. Если меня спросятъ, народны ли въ Орловской губерніи квасъ, кичка и полушубокъ? Я не запнусь отвѣчать положительно; но если спросятъ: народны ли кохинка, пѣтухъ-браманутра и присяжные? Я рѣшительно стану въ тупикъ. Спросите мужика на косьбѣ, давно ли онъ коситъ рожь и овесъ съ помощью тѣхъ грабель, которыя привязываютъ къ ручкѣ косы и называютъ *крюкомъ*, и давно ли ему бабы выносятъ на работу картофель? Онъ посмотритъ на васъ какъ на шутника, и отвѣтитъ: „испоконъ вѣку“. Онъ скажетъ, что нельзя косить рослаго хлѣба безъ крюка, и будетъ совершенно правъ. А вы знаете, что и крюкъ, и картофель введены очень недавно. Намъ становой разказывалъ, что лѣтъ восемь тому назадъ въ одномъ имѣніи поставили первую въ округѣ молотильную машину. По неопытности рабочихъ, случились два три членоповрежденія, и барщина на отрѣзъ отказалась работать при машинѣ. А вотъ теперь молотильныя машины сдѣлались не только общимъ достояніемъ, но необходимымъ помощникомъ молотыбы, и становому приходилось усмирять барщину, которая отказывалась молотить за неимѣніемъ въ хозяйствѣ молотильной машины.

Въ настоящее время, все земледѣльческое населеніе Россіи

занято приложеніемъ къ практикѣ новыхъ постановленій и потрѣбахъ. И этотъ вопросъ не ушелъ отъ точки зрѣнія народности. Не рѣшаясь на рѣзкій приговоръ въ дѣлѣ грабующаго, постараясь по крайней мѣрѣ разумнѣю разъяснить себѣ этотъ вопросъ. Порядокъ долженъ быть сохраненъ во что бы то ни стало. Но можно сохранять его и новыми, и старыми мѣрами, либо штрафомъ, либо палкой. Вѣрить ли народъ въ дѣйствительность первой мѣры? Вѣрить и выражаетъ эту вѣру по словицѣ: „не бей дубиной, а бей полтиной“. Мало того, народъ до такой степени убѣжденъ въ радикальности новой мѣры противъ зла, съ которымъ онъ сроднился и которымъ дорожить, что вы каждый день можете слышать возгласы да послѣ этого намъ и жить нельзя, послѣ этого надо умирать. Итакъ, въ настоящее время, понятіе о дѣйствительности штрафовъ народно, а только самая мѣра не народна. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ. Прошлою весной я нанялъ двухъ пастуховъ. Старога отставнаго солдата и такъ-называемаго подпаса, малаго лѣтъ тринадцати или четырнадцати, приведеннаго отцомъ. Старикъ оказался совершенно хилымъ, а малый отъявленнымъ лѣнтяемъ, нерадивцемъ и сквернословомъ, нерѣдко смущавшимъ спокойствіе остальныхъ рабочихъ. Значительные задатки были, съ самой весны, по грустнымъ условіямъ нашего дѣла, выданы тому и другому, и худо ли, хорошо ли, приходилось до поздней осени перебиваться съ такими хранителями скота. Замѣчу мимоходомъ: старшему пастуху платится въ лѣто рублей 25. Одинъ изъ нашихъ соседей, вздумавъ отказать среди лѣта неисправному пастуху, послалъ разыскивать новаго по всей округѣ, и нашелъ только одного, который за вторую половину лѣта запросилъ 50 р. Ясно, что этотъ послѣдній былъ уже не пастухъ, а человѣкъ зажиточный, который сказалъ себѣ: „ужь если дадутъ 50 р. то я свое дѣло брошу, и наймусь.“

Вотъ краснорѣчивое доказательство тому, что рабочія руки у насъ бываютъ разбираемы на расхватъ безъ остатка! Не упустимъ изъ вида, что всѣ рабочіе отправившіеся въ прошломъ году изъ нашихъ краевъ на заработки въ южныя губерніи, вернулись домой по случаю тамошней засухи и неурожаевъ.

Но возвращаюсь къ пастухамъ. Вслѣдствіе неожиданной вражды коровъ къ лошадямъ, вражды, кончившейся значитель-

ыми жертвами, я отдѣлилъ табунъ отъ рогатаго скота, и оба ястуха, по взаимному условію, стали чередоваться у отдѣляемыхъ стадъ. Не говорю о старикѣ: онъ дѣлалъ что могъ, и осенью я вынужденъ былъ за совершенною негодностью перемѣнить его; но здоровый и сильный малый все лѣто отличался такими выходками, которыя и самаго хладнокровнаго хозяина вывели бы изъ терпѣнія. То лошадьми, то коровами онъ перепуталъ и стравилъ нѣсколько десятинъ лучшаго моего овса, несмотря ни на какія увѣщанія вытравилъ до земли осеннюю отаву клевера (вслѣдствіе чего, можетъ-быть, къ веснѣ онъ совершенно вымерзнетъ), и наконецъ, разщипалъ, обезобразилъ и стравилъ значительное количество сѣна, сложеннаго скирдами. Вслѣдствіе жалобъ моихъ на подпаса, сдѣлано было съ него взысканіе мировымъ посредникомъ въ видѣ пяти ударовъ розгами; но это не помогло. Еще до общаго Положенія о потравахъ, въ нашемъ округѣ установленъ былъ штрафъ, одинаковый за всякое пришлое животное, отъ птицы до свиньи. Штрафъ этотъ былъ неизмѣнный 20 к. с. съ головы. Потравы, причиненныя мнѣ подпаскомъ, очевидно, не могли подходить подъ этотъ штрафъ, а требовали бы, по своей значительности, особой оцѣнки. Но въ этомъ, какъ и въ большей части подобныхъ случаевъ, доходить, по выраженію крестьянъ, до большаго—слишкомъ тяжело; а потому по вопросу о штрафахъ, болѣе прилагается теорія устрашенія чѣмъ теорія возмездія. Какъ бы то ни было, къ концу осени, отцу малю приходилось дополучить рублей пять, и посредникъ уполномочилъ меня не додавать ему одного рубля, въ видѣ штрафа.

Не могу умолчать объ одномъ довольно характеристическомъ эпизодѣ съ тѣмъ же подпаскомъ. Рискаю болѣе или мене потерпѣть потраву собственныхъ хлѣбовъ, я, во избѣжаніе еще непріятнѣйшихъ столкновеній съ сосѣдями, при наемкѣ полагаю неперемѣннымъ условіемъ: ни подъ какимъ видомъ не выпускать моего скота за чужой рубежъ, и сторожу лично быть въ отвѣтъ за причиненные тамъ убытки. Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ слышу, что подпасокъ распустилъ нашъ табунъ по ржаному, сосѣдскому полю, покрытому копнами, стравилъ и растежалъ три копны, и пойманъ сторожемъ на мѣстѣ преступленія. Улика была на

лицо; повтому сторожъ не задержалъ ни одной лошади, а на слѣдующее утро отецъ подпaska явился ко мнѣ:

— Что тебѣ надо?

— Да вотъ мальчиш'ка мой вчера грѣшнымъ дѣломъ stravилъ у О—ва три копны ржи.

— Такъ что жь? Какое мнѣ до этого дѣло? Вы травили, вы и раздѣлывайтесь.

— Вѣстимо, кормилецъ, нашъ грѣхъ. То-то я къ вашей милости! Пожалуйте деньжонокъ. Вѣдь сторожъ, того, говорить, привези-поставь новыя копны, а эти себѣ возьми. Съ малаго-то что взять? Оттаскалъ его за виски, да что ты подѣлаешь? Виски-то понадралъ, а колосьевъ-то не вставишь. Да гдѣ ихъ теперь разваживать копны-то? Надобѣтъ деньги отдать.

„Экой исправный сторожъ!“ подумалъ я: „видно у нихъ тамъ большой порядокъ, когда за семь верстъ отъ усадьбы копна не пропадай.“

— Да вѣдь, любезный другъ, твой малый еще не зажилъ и того что уже забрано тобой.

— Явите божескую милость! (И на колѣни.) Мы вашей милости заслушаемъ...

Ну какъ тутъ не дать? Далъ.

Вечеромъ того же дня спрашиваю.

— Что? кончили наши-то со столожемъ?

— Кончили.

— Какъ?

— Да старикъ купилъ два штофа водки; оба пьяны напились, и только.

— У О—ва стало-быть отъ этой водки копны-то обрastуть, что ли?

— Стало-быть обрastуть.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Москву, мнѣ пришлось снова философствовать съ отцомъ подпaska. Наканунѣ отъѣзда докладываютъ о его приходѣ. Выхожу въ переднюю. Онъ бухъ на колѣни.

— Что тебѣ надо? Да встань ты сперва, а то и говорить съ тобой не стану. Что тебѣ надо?

— Не встану, отецъ мой.... Не встану, кормилецъ.

— Да что такое?

— Да вотъ, батюшка! Сынишка-то, потрава-то... Такъ сдѣлай божескую милость! Вѣдь завтра ѣдешь въ Москву.

Я было въ суетѣ и забылъ о рублѣ штрафа, который былъ назначенъ посредникомъ. Да и что было помнить-то? Какое можетъ быть удовлетвореніе въ рублѣ серебромъ при убыткѣ на сотню рублей.

— Послушай, любезный! Ты ставилъ своего сына ко мнѣ съ тѣмъ чтобы беречь мое добро, а ты самъ знаешь, сколько онъ мнѣ надѣлалъ убытку. Чья же это вина? Еслибъ я тебѣ неисправно платилъ или не давалъ твоему парню чего-нибудь по условію, а то теперь чтожь я могу сдѣлать? Ты знаешь, я и тебѣ говорилъ, и посреднику жаловался. Что жь проку-то?

— Да ты бы его батюшка, за виски, да вотъ какъ! А мало того, кнутаомъ бы его. Я бъ тебѣ въ ножки поклонился. Я на этомъ не щу. Спасибо доброму человѣку, что поучилъ.

— Да я съ тебя денегъ не возьму, чтобы бить твоего сына. Это твое дѣло его учить, а не мое. Вѣдь вамъ же съ нимъ хуже будетъ. Вотъ на будущій годъ, кто его, такого негодя, возьметъ въ работники?

— Вѣстимо, батюшка, что такъ. Да ты уже яви божескую милость, не вели прикащику вычитать дѣлковаго.

Надобно было избавиться отъ гнусныхъ валяній въ ногахъ, надобно было согласиться и на эту уступку. Вотъ вамъ и народный взглядъ на денежные штрафы! Взглядъ далеко не частный, а общій, для объясненія котораго не нужно особенной философіи. Дѣло просто. Всѣмъ намъ необходимо получить вѣру въ непокупность и неумолимость закона. Коль скоро человѣкъ, надѣлавшій вамъ оскорбленій или убытковъ, у васъ въ рукахъ, то вы можете на мѣствѣ съ нимъ расправиться, а если вы передаете дѣло возмездія въ другія руки, то съ той уже минуты страдальцемъ дѣлается не виновный, а обвинитель. Что же, однако, дѣлать? Что должно слѣдовать въ жизни изъ такого воззрѣнія?

Впрочемъ посмотримъ, не бываютъ ли случаи, когда штрафы встрѣчаютъ большую симпатію въ нашемъ крестьянствѣ?

Содержатели постоянныхъ дворовъ на Крестахъ (въ верстѣ по прямому направленію отъ моей усадьбы), какъ всѣ русскіе дворники, большіе охотники водить домашнихъ животныхъ, не соображаясь съ пастбищами. Земли у нихъ тольکو подъ усадьбами и огородами. Отсюда прямое слѣдствіе: скотъ и птица ихъ вѣчно таскаются по чужимъ дачамъ, которыми

окружены ихъ дворы. Надо замѣтить, что этихъ дворовъ не мало, и содержатели люди очень достаточные, имѣющіе возможность сообща держать исправнаго пастуха; но имъ кажется удобнѣе пускать скотъ на волю Божию; а что изъ того выйдетъ, до того имъ нѣтъ дѣла. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до новаго порядка вещей. Прошлою весной работалъ у меня подрядчикъ Алексѣй съ плотничьею артелью. Въ условіи нашемъ не было обозначено окончательнаго срока работамъ, что и вынуждало меня частенько навѣдываться, каково-то онѣ подвигаются. Самъ Алексѣй — малый что называется *себѣ на умъ* и, какъ большая часть подобныхъ типовъ, — не послѣдній балагуръ. Отъ него-то, между прочимъ, узналъ я, что онъ нанялъ десятиль десятъ прекраснаго лугу, примыкающаго къ нашему лѣску и находящагося, какъ и наша дача, въ ближайшемъ соседствѣ съ Крестами. Сѣнокосъ былъ нанятъ дѣйствительно очень выгодно; тѣмъ не менѣе я не могъ не высказать Алексѣю сомнѣнія насчетъ безопасности нанятаго имъ клада.

— Что будешь дѣлать, батюшка? Хоть и далеко отъ насъ, а я ужъ посажу на лѣто своего старика.

Дѣйствительно послѣ Вешняго Николы, я нерѣдко видалъ его отца у опушки лѣса, и невольно присматривался къ этому оригинальному типу. Въ околodкѣ онъ успѣлъ, заслуженно или незаслуженно, приобрести репутацію знахаря, умѣющаго разчистить колодець, укрѣпить плотину и т. п. (кажется, гораздо болѣе на словахъ чѣмъ на дѣлѣ). Тѣмъ не менѣе, въ своей странной сборной одеждѣ, съ внушительнымъ выраженіемъ лица и съ длинной дубинкой въ рукахъ, онъ казался созданнымъ въ степные сторожа, и напоминалъ собою стариковъ-сторожей по степнымъ малороссійскимъ баштанамъ (огородамъ).

Однажды утромъ, выйдя въ молодой садъ, гдѣ садовникъ хлопоталъ около прививковъ, я увидѣлъ на прилегающей къ саду пшеничной зелени шесть гусей съ цѣлою вереницей гусенятъ, весело пощипывавшихъ пшеницу и направлявшихъ шествіе отъ Крестовъ къ намъ. Надобно было всячески избавиться отъ подобныхъ посѣтителей, и садовникъ, по указанію моему, направилъ ихъ въ водосточную канаву, русломъ которой все стадо въ самое короткое время добралось до пруда въ саду. Кликнувъ

мальчика, я поручилъ ему не выпускать гусей на берегъ, а садовника послалъ на Кресты сказать хозяевамъ гусей, чтобъ они немедленно явились за своею собственностію. Отдать гусей даромъ было невозможно. Къ чему же была бы вся эта возня? Надо было взять штрафъ. Но какой? Въ настоящее время, какъ мы уже замѣтили выше, мѣра штрафныхъ взысканій—очередной земледѣльческій вопросъ. Въ теоріи разрѣшить его весьма легко. Слѣдуетъ возвести штрафъ до чувствительныхъ размѣровъ для нарушителей порядка, а съ другой надобно, чтобы штрафъ былъ сподрученъ для взысканія. Мы говоримъ здѣсь только о появленіи животныхъ на чужой дачѣ, независимо отъ побоевъ и потравъ, оцѣнка которыхъ, равно какъ и слѣдующее за нихъ взысканіе, идетъ своимъ особымъ порядкомъ. Итакъ, въ теоріи, стоить только найти среднюю пропорціональную цифру возможно большей и возможно меньшей пеня, и дѣло сдѣлано. Нормою той и другой величины можетъ служить самая цѣнность животного. Но на практикѣ такой вопросъ, какъ это въ настоящее время и дѣлается, можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи мѣстныхъ данныхъ, ибо нерѣдко то что дорого въ одномъ уѣздѣ, ни по чемъ въ другомъ: двадцать копѣекъ, произвольно назначенныя нашимъ посредникомъ, были въ большей части случаевъ мѣрой спасительною. Но мѣра эта, очевидно, не могла бы стать положительнымъ закономъ. Возможно ли и справедливо ли, чтобы почти безвредная утка, стоящая вся въ нашей сторонѣ 15 к. сер., оплачивалась двадцатью копѣйками, заодно съ свиньей, стоящей пять р. сер., или прожорливую и неуловимую крестьянскую лошадью, стоящую 60 р. с.? Все эти вопросы, о которыхъ въ настоящее время идутъ пренія между специалистами, приходилось мнѣ разрѣшать въ первый разъ на практикѣ въ приложеніи къ гусямъ. Прежде всего, я твердо рѣшился во что бы то ни стало не отдавать гусей даромъ, хотя бы пришлось отправлять ихъ на подводѣ за пятнадцать верстъ къ посреднику, которому тоже отъ нихъ радости мало, потому что надо было ихъ до времени кормить и беречь. Словомъ сказать, я рѣшился уязвить дворниковъ также больно, какъ они неоднократно уязвляли меня своими *животами*. По буквѣ посредничьяго положенія, мнѣ слѣдовало получить за 20 гусенятъ и 6 гусынь по 20 к. с. за голову: всего 5 р. 20 к. сер. Возможно ли это, когда все стадо не стоило и половины этой суммы, къ тому же

и не успѣло причинить почти никакого вреда зелени? Я сдѣлался адвокатомъ дворниковъ, и вспомнилъ классическое: *partus sequitur ventrem* (плодъ сѣдуетъ за утробой). Тотчасъ же гусенята превратились на судъ моему въ простые атрибуты гусыни. Итакъ сѣдowało только получить за 6 головъ 1 р. 20 к.; но и тутъ адвокатъ воскликнулъ, что весной гусыня едва стоитъ 20 к. сер., и что дѣло этимъ путемъ пожалуй дойдетъ до комическаго посыланія поводу къ посреднику. Какъ же быть? Назначу по гривеннику. Всего, за 6 головъ — 60 к. сер. И дешево и сердито! И дѣйствительно, все еще сердито. Столичные жители, привыкшіе считать деньги значительными кушамъ, не повѣрятъ, что въ настоящемъ случаѣ и 60 к. сердито. Тутъ вдругъ, уже у моего адвоката, мелькнула мысль: Весной, во всякомъ дворѣ, несутся куры, и хотя въ продажѣ свѣжія яйца ходятъ по гривеннику десятокъ, однако всякій хозяинъ гораздо легче разстанется съ этимъ десяткомъ чѣмъ съ гривенникомъ.

— Скажи имъ, чтобы за шесть гусей несли шестьдесятъ яицъ, и что безъ этого нечего имъ и ходить.

Черезъ полчаса, двое малыхъ въ красныхъ рубахахъ, какъ-то переминаясь, стали приближаться къ садовой канавѣ.

— Что вамъ надо?

— Да вотъ гуси-то.

— А шестьдесятъ яицъ привесли? (У ребятъ ничего не было въ рукахъ.) Нечего съ вами и толковать.

— Да это, батюшка, и гуси-то не наши.

— Не ваши? Такъ нечего разговаривать. Ты пройди-ка къ пруду, обратился я къ старшему, — да взгляни, можетъ и твой гусь найдется. Черезъ часъ ихъ тутъ не будетъ: такъ и скажи своимъ.

Мы подошли къ пруду.

— А гуси-то всѣ наши-и-и! заплывъ старшій. — Сдѣлайте милость, и пр.

— Я тебѣ сказалъ, черезъ часъ ихъ тутъ не будетъ. Да можетъ-быть они вамъ не нужны; а то бы ты сейчасъ привесъ шестьдесятъ яицъ.

— Побѣгу.

Немного времени спустя, поваръ принялъ счетомъ шестьдесятъ яицъ; мальчикъ погналъ гусей домой, а я вышелъ изъ сада на постройку. Алексѣй тесалъ браво. Отецъ его, опер-

пись на дубинку, стоялъ надъ нимъ съ обычнымъ внушительнымъ выраженіемъ лица; другіе плотники Алексеевой артели неподдаеку тоже готовили дѣсь.

— Вишь мошенники, едѣси! замѣтилъ Алексѣй, когда я наступилъ ногой на обдѣлываемую имъ балку.—Какими сиротами прикидываются, какъ съ нихъ приходится! Ужь дай вамъ Богъ добраго здоровья, что хоть вы ихъ проучили, а то вѣдь за дѣто-то они бы насъ раззорили.

— Раззорили бы, раззорили! добавилъ внушительно старикъ отецъ, еще ниже опуская сѣдыя брови.

Итакъ вотъ новая народная точка зрѣнія, къ которой мы будемъ имѣть случай подойти поближе.

V. Желѣзные вилы.

Если Алексѣй плотникъ — типъ говоруна-философа, то Семень Скочкинъ — типъ говоруна добродѣтельно-сиротливаго. Это весьма распространенный типъ русскаго мужика, и надо отдать ему должную справедливость — самый несносный. Перваго можно еще чѣмъ-нибудь унять, ну хоть отвернуться и уйти, а добродѣтельно-сиротливый говорунокъ сумѣетъ проникнуть къ вамъ въ кабинетъ, въ гостиную, въ спальню, и даже залѣзть своимъ кислосладенькимъ голоскомъ подъ черепъ. Какой резонъ ему не представляйте, хоть на смѣхъ скажите: „надо тебя повѣсить“, онъ клянется, что устами вашими сама мудрость вѣщаетъ, и вслѣдъ за тѣмъ снова затягиваетъ свою однообразную ноту. Добродѣтельнаго Семена я знаю уже два года. Два года онъ отдаетъ сына своего Филиппа къ намъ въ работнику, и признаюсь, каждый разъ, когда вижу во дворѣ черную свитку, подвязанную новымъ краснымъ кушакомъ, не могу не почувствовать тайнаго трепета. Въ первый еще годъ мнѣ пришлось познакомиться съ его неотразимымъ краснорѣчіемъ, буквально à propos de bottes. Сынъ его, Филиппъ, отвозя мою рожь на мельницу, помѣнялся сапогами съ сыномъ мельника. Тотъ и другой надѣли вымѣненные сапоги, и казалось бы дѣло съ концомъ... Нѣтъ, Семень нашель, что мельникъ обманулъ его сына, и сталъ сверлить мнѣ уши тоненькимъ голоскомъ, настаивая, чтобъ я черезъ владѣльца мельницы подѣйствовалъ на мельника съ цѣлю новаго размѣна

сапогами. Можетъ-быть, промѣнь былъ дѣйствительно невыгоденъ для его сына, но легко понять всю неловкость и даже незаконность моего вмѣшательства въ подобное дѣло. Не стану приводить всѣхъ моихъ доводовъ и всѣхъ „*явите Божескую милость*“ пропѣтыхъ на всѣ возможные солодково-сиротливые тоны. Кончилось тѣмъ, что я вынужденъ былъ выручать эти сапоги, какъ Жарь-Птицу.

Филиппъ дѣйствительно смирный и добродушный, хотя и не отличный работникъ. Время подходило подъ исходъ перваго срочнаго найма. Является черная свитка, подвязанная краснымъ кушакомъ, отецъ Филиппа, Семень Скочкинъ.

— Чтò тебѣ надо?

— Къ вашей милости.

— Чтò же?

— Да вотъ, батюшка, парнишка срокъ доживаетъ, такъ я того.....

— Чтò?

— Такъ какъ мы худа не дѣлали, жили по честности, какъ долгъ велить...

— Я Филиппомъ доволенъ. Да къ чему ты все это говоришь? Еслибъ онъ чтò сдѣлалъ, я бы жаловался.

— Какъ же, батюшка! Кто себѣ худо готовить, тотъ долженъ за то и въ отвѣтъ быть. А мы кажется вашей милости, какъ отцу родному старались, и худа никакого не сдѣлали.

— Ну да говори, въ чемъ дѣло? Мнѣ некогда.

— А вотъ прошу у вашей милости отпустить парнишку-то. Теперь мясождъ, такъ я ему невѣсту обыскалъ. Какъ мы вашей милости честно отслужили, такъ можетъ и на будущій годъ Богъ приведетъ.

— Очень радъ. Но вѣдь Филиппъ еще не зажилъ забранныхъ за этотъ годъ денегъ?.

— То-то я у вашей милости хотѣлъ деньжонокъ попросить. Вѣдь надо парнишка-то женить.

Не буду въ подробности разказывать дальнѣйшаго хода этого дѣла. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что онъ деньги взялъ, а сына не женилъ, хотя я и распорядился такъ чтобы деньги мои не пропали добродѣтельнымъ образомъ. Эта тема развивается почти безъ вариаций каждый годъ, мѣсяца за два до *отъѣзды* Филиппа. Кромѣ томительной жалости, она замѣчательна какъ образчикъ извѣстнаго крестьянскаго крас-

порѣчія, столь знакомаго деревенскимъ старожиламъ, главный приемъ котораго заключается въ просьбѣ дегтю при желаніи получить овса. Волей-неволей я имѣлъ возможность съ извѣстныхъ сторонъ познакомиться съ личностью Семена; но одно обстоятельство дорисовало его прошлымъ лѣтомъ окончательно.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней меня не было дома. По возвращеніи моемъ, прикащикъ объявилъ слѣдующее:

Дней пять тому назадъ рабочіе возили съ коннаго двора удобреніе. У молодаго малаго, Ивана, за отлучкой одного изъ рабочихъ, были двѣ подводы, изъ которыхъ одна съ молодою лошадыю. Эту подводу, для уравненія труда, рабочимъ приходилось накладывать сообща. Послѣ завтрака, когда они снова принялись за дѣло, и очередь дошла до общей подводы, общими усиліями накидали ее верхомъ. Иванъ нашелъ нужнымъ сказать: „довольно“. Игривая молодежь, отвѣчая со смѣхомъ, что желаетъ испробовать силу и досужество лошади, продолжала подкидывать вилку за вилкой. Иванъ настоятельно требовалъ, чтобъ они отстали, говоря, что за лошадь отвѣчаетъ онъ. Смѣхъ пуце — и вилка за вилкой! Иванъ принялся гоняться за проказниками, перевернувъ вилы желѣзными зубцами къ себѣ и стараясь хватить обидчиковъ деревянною рукояткой. Одни убѣгаютъ, другіе въ это время подбавляютъ клади на возъ. Иванъ вышелъ изъ себя. На этотъ разъ убѣгающимъ оказался Филиппъ. Иванъ не вытерпѣлъ и верхомъ пустилъ въ него рукояткой. Тяжесть желѣзныхъ зубцовъ заставила вилы описать на воздухѣ параболу, и втыкаясь въ землю, одинъ изъ зубцовъ случайно вонзился убѣгавшему Филиппу въ правую ступню, немного ниже подъема.

Совершенно потерявшійся Иванъ подбѣжалъ и выхватилъ вилу, а неменѣ испуганный Филиппъ, при видѣ крови, брызнувшей ключомъ, крикнулъ: „Что ты со мной сдѣлалъ, разбойникъ? Ты меня зарѣзалъ,“ и ударомъ кулака въ лицо сшибъ съ ногъ своего противника.

— Гдѣ же теперь Филиппъ?

— Лежитъ въ рабочей избѣ.

Я тотчасъ же отправился въ рабочую, и нашелъ Филиппа сидѣвшимъ на лавкѣ.

— Покажи ногу.

Рана, повидимому, была не опасна; остріе не повредило

кости. Кровотеченіе уняло тотчасъ же примочкой арники съ холодною водою; тѣмъ не менѣе рана не заживала, и ступня кругомъ имѣла раздраженный, стеклянный видъ. Съ перваго же дня отецъ Филиппа соглашался на мировую съ отцомъ Ивана, требуя 20 р. с. Далеко не зажиточный отвѣтчикъ не въ силахъ былъ заплатить такихъ денегъ. Съ весны онъ получалъ 15 р. задатку на покупку овса, а вслѣдъ за тѣмъ, какъ милости, вымолилъ еще 15 на покупку лошади, въ замѣнъ послѣдней, только что украденной у него въ губернскомъ городѣ. Ивану оставалось получить 8 р. Все это было объяснено прикащикомъ Семену еще до моего пріѣзда, но онъ и слушать ничего не хотѣлъ, и желая настоять на сочиненномъ имъ самимъ штрафѣ, ежедневно давалъ сыну прикладывать къ ранѣ какую-то разстраляющую дрянъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорили, и это обстоятельство объясняло мнѣ раздраженный видъ ступни. Я былъ убѣжденъ, что Семенъ непременно явится ко мнѣ съ жалобой. Быть судьей въ этомъ дѣлѣ я не могъ. Убѣждать Семена, значило тратить время понапрасну. Что же дѣлать? Надо было дать дѣлу какой-нибудь толчокъ, тѣмъ болѣе что Иванъ, какъ мнѣ сказали, третій день почти хлѣба не ѣстъ, продолжая исправно ходить на работу. Предвидя нападеніе со стороны Семена, я велѣлъ собрать въ обѣденное время всѣхъ рабочихъ, и вышелъ къ нимъ. Никогда не забуду несчастнаго выраженія лица и всей фигуры Ивана. Онъ имѣлъ видъ осужденнаго и примирившагося съ своею участью человѣка. Только зная богатырскій аппетитъ русскаго крестьянина во время работъ, можно составить себѣ понятіе о явномъ упадкѣ силъ работника, трудившагося трое сутокъ почти безъ пищи. Не будь онъ въ такомъ нервномъ состояніи, онъ вѣрно, на первый же день, былъ бы не въ силахъ шевельнуться. Признаюсь, мнѣ стало искренно жаль бѣдняка, и захотѣлось какъ-нибудь выручить его изъ бѣды. Рабочіе, присутствовавшіе при происшествіи, буквально передали мнѣ все, какъ я разказалъ выше, и прибавили, что Иванъ не имѣлъ никакого намѣренія ранить Филиппа желѣзомъ.

Черезъ полчаса по отпускѣ рабочихъ, предчувствіе сбылось. Явился Семенъ съ слезливымъ разказомъ происшествія, которому онъ старался придать важный уголовный характеръ.

— Все это хорошо, но чего же ты наконецъ хочешь?

— Я, батюшка, ничего не хочу. Какъ мы вашей милости служили, и худа никакого не дѣлали, а кто худо сдѣлаетъ, тому и въ отвѣтъ состоятъ, я имъ самъ, по простотѣ, говорю: вы молъ лучше до большаго не доводите; не доводите, молъ, лучше до большаго, а помиритесь. Такъ нѣтъ. Онъ мнѣ ничего. Я хотъ бы ихъ рѣчи послушалъ. Такъ ничего.

— Да вѣдь это потому, что ты съ нихъ требуешь двадцать рублей. Самъ подумай, гдѣ же имъ (ты знаешь у нихъ недавно лошадь украли) взять столько денегъ?

— А зачѣмъ было до этого доводить? Мы тутъ не причиною. Мы какъ худа никакого не дѣлали, такъ по дѣломъ вору и мука.

— Да вѣдь ты же знаешь самъ, что это вышло не съ сердца, а нечаянно?

— Нечаянно, точно нечаянно. Я и говорю имъ: эхъ, не доводите, молъ, до большаго, а то вѣдь оно вонъ куда пойдетъ! Можетъ парень-то вѣкъ не работникъ. Я ужъ вашу милость трудить хотѣлъ, отпустите Фильку-то ко двору. Что же ему тутъ лежать безъ дѣла?

— Нѣтъ, ты объ этомъ не проси. У тебя его лѣчить не будутъ, а тутъ лѣчить будутъ. Пусть полежитъ здѣсь, а ты лучше помирись съ Ивановымъ отцомъ, да только не проси чего онъ дать не можетъ.

— Мы значить, какъ никакого худа не дѣлали, по Божьи жили, то значить всякъ долженъ по худымъ дѣламъ въ отвѣтъ быть.

— Ну, братъ, я думалъ ты ко мнѣ за дѣломъ, а ты пришелъ ласы точить. Мнѣ некогда. Ступай ищи себѣ расправы помимо меня. Я хотѣлъ тебѣ доброе слово сказать, а ты все свое. Ступай.

— Мы къ вашей милости. Вотъ что: какъ вы насъ разсудите, такъ тому дѣлу и быть.

— Вотъ это хорошо. Ну, слушай. Къ кому ты пойдешь? Къ посреднику? Мнѣ кажется онъ въ это дѣло не войдетъ. Это не его часть. Къ становому? Ну какъ ему васъ разсудить? Штрафъ это мы съ тобой выдумали; а какой въ законѣ за это денежный штрафъ? Надо наказать Ивана, ну и покажутъ, да ты гнешь съ него деньги получить, а тебѣ ка-

кая корысть, что ему дадутъ двадцать пять розогъ. Тамъ или нѣтъ?

— Такъ, батюшка, истинная правда. Такъ какъ мы худъ никакого....

— Но этимъ не кончится. Если становой по правдѣ разсудить, то надо и твоего Фильку наказать. Онъ первый началъ на работѣ дурачиться, да потомъ и смѣлъ хватилъ Ивана въ ухо. Вотъ и судъ весь. А впрочемъ попробуй.

— Какъ ваша милость разсудить, такъ не замай и будетъ.

— Прекрасно. Я разсуждаю такъ. Пусть Ивановъ отецъ тебѣ заплатитъ три рубля. Хоть и это ему тяжело, но что жь дѣлать когда грѣхъ случился?

— Какъ же можно, батюшка? Значитъ мое дѣло такъ за три рубля и пропасть должно?

Съ тѣмъ онъ отъ меня и ушелъ. Признаюсь, меня мучила неопредѣленность положенія Ивана. Думалъ я помочь ему собственными деньгами, но мысль скомпрометировать себя въ глазахъ всѣхъ удержала меня. Часа въ три мнѣ пришли сказать, что они кончили. Отецъ Ивана пришелъ просить 6 р. Съ него взяли 3 р. деньгами, да поштофа водки—2 р. 50 к. И такъ главнымъ наказаннымъ остался я; мнѣ предстояло имѣть до поздней осени дѣло съ рабочимъ которому слѣдуетъ всего на все 2 р. с. Вечеромъ, при закатѣ солнца, выйдя на прудъ, я увидѣлъ двѣ фигуры отцовъ-соперниковъ, стоявшихъ рядомъ въ интереснѣйшихъ позахъ. У обоихъ руки были сложены крестомъ по-наполеоновски, а лица съ выраженіемъ римскихъ сенаторовъ обращались къ закату. Видно было, что оба уже вкусили отъ даровъ Вакха и находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

VI. Значеніе среднихъ землевладѣльцевъ въ дѣлѣ общаго прогресса.

Въ майской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* на стр. 71 ѿ, въ статьѣ г. Павла Небольсина читаемъ слѣдующее:

„Выше сказано, что крестьянамъ нечему было научиться отъ помѣщиковъ. Дѣйствительно, *самъ управитель*, со словъ котораго написана у меня эта страница, подтверждаетъ, что помѣщичьи усадьбы не имѣли никакого дѣльнаго, хозяйствен-

ного преимущества передъ крестьянскими. Вотъ его слова, какъ итогъ долготѣхнхъ наблюдений. Помѣщики, вмѣсто того чтобы хозяйственно хозяйничать, заводятъ конопляники, огороды, воздушные сады, приносящіе общую пользу, или по крайней мѣрѣ, чтобъ умненько хлѣбъ съять и воздѣлывать землю, утучивъ ее приличнымъ образомъ, ограничивались тѣмъ, что ширили, во всѣ стороны, пашни. Они не заботились о навозѣ, не вѣрили въ землеудобрительность другихъ средствъ, не старались объ улучшеніи скота и увеличеніи его численности, а главнѣйшею задачею поставляли ни къ чему не ведущія и вовсе не сообразныя со средствами и потребностями прихоти и роскошь. Бывало, у помѣщика, жотъ съ голоду крыши у мужиковъ обдираетъ, а землевладелецъ сгоняетъ крестьянъ строить въ саду храмъ славы, да триумфальныя ворота! У иного хорошенькой лошадежки вѣтъ, чтобы на работу выѣхать или обозъ въ городъ отправить, а цѣлый мѣсяцъ день-деньской пытитъ у него на усадьбѣ за очисткою дорожекъ въ его на англійскій манеръ разведенномъ саду. Вся дворня чуть не съ голоду умираетъ и бьетъ бакалуши въ совершенномъ бездѣйствіи, а тутъ рядомъ съ нею и теплицы, и оранжереи, и грунтовые сараи. И часто пречасто сырой, водянистый, но вырощенный у себя дрянной арбузикъ куда какъ дороже обходился того, который можно бы выписать по почтѣ, прямо изъ Милутиныхъ лавокъ. Но теперь прошла пора азіатскаго барства; мы это осенью же увидимъ, прибавилъ управитель. А примѣта проста! Барыни наши, помяните мое слово, меньше варенья въ нынѣшнемъ году наварятъ.“

Сколько капитальныхъ обвиненій въ этихъ немногихъ строкахъ! И всѣ онѣ не справедливы и не основательны. Тѣмъ не менѣе спасибо и за нихъ. Такими обвиненіями дѣло подвигается впередъ. Оно выходитъ на жизненную арену изъ-за неприступныхъ окоповъ литературныхъ отвлеченностей. Это уже не тѣ неопредѣленныя фразы, противъ которыхъ возражать нельзя, а если можно, то такими же пустыми общими мѣстами. Господинъ Небольсинъ, какъ писатель серьезный, чувствуетъ бесплодность общихъ мѣстъ, и прямо указываетъ на то чего не дѣлаютъ и что должны бы дѣлать помѣщики. Разсмотримъ же, хотя поверхностно, эти обвиненія. *Самъ управитель*, со словъ котораго Небольсинъ исписываетъ страницу, подтверждаетъ, что крестьянамъ нечему хорошему было

научиться отъ помѣщиковъ. Капитальная фраза эта, хотя тоже совершенно общая, совершенно несправедлива. Была бы только охота да возможность, крестьянину всегда было, есть и вѣроятно еще больше будетъ въ послѣдствіи, чему поучиться у помѣщика. Что касается до меня лично, то при вѣздѣ въ усадьбу небогатаго, но мало-мальски образованнаго помѣщика, матеріальнымъ средствамъ котораго не позавидуетъ и самый скромный горожанинъ,—при вѣздѣ въ подобную усадьбу, я каждый разъ не могу подавить въ себѣ невольно чувства недовѣрія къ дѣйствительности. Мнѣ все кажется, что я все это во снѣ вижу. Нашъ братъ, ружейный охотникъ, которому приходится за лѣто извѣздить до 1.000 верстъ по всѣмъ возможнымъ проселкамъ и закоулкамъ, оставившаяся гдѣ попало, пойметъ это лучше всякаго. Куда бы васъ, кромѣ помѣщичьяго дома, ни закинула судьба на ночь, вы вездѣ мученикъ. Всюду одно и то же. Духота, зловоніе самое разнообразное и убійственное, мухи, блохи, клопы, комары, ни признака человѣческой постели, нечистота, доходящая до величія, ни за какія деньги чистаго куска чего бы то ни было. Всюду дуетъ и течетъ, и ни малѣйшей попытки принять противъ этого мѣры. Страшный зной, и никакой потребности посадить подъ окномъ деревцо. Совершенно отсутствіе чувства красоты, ни одного цвѣтка, и если на огородѣ красуются подсолнухи, то единственно затѣмъ чтобъ осенью можно было щелкать его сѣмечки. Вы скажете. бѣдность. Но почему же, въ уѣздныхъ городахъ, у зажиточныхъ людей, осушающихъ по нѣскольку самоваровъ въ день,—то же самое? Тотъ же разительный запахъ прогорклаго деревяннаго масла и невычищенной квашни, та же невозможность достать чистой посуды или пищи, за исключеніемъ вѣчныхъ яицъ. Проездивъ недѣлю такимъ образомъ, вы и сами убѣждаетесь въ невозможности достать здѣсь или завести что-либо порядочное. Нѣтъ, думаете вы, нужна еще тысяча лѣтъ, — и съ этими мыслями вдругъ вѣзжаете въ помѣщичью, хотя и соломою крытую, усадьбу. Все зелено и привѣтливо. Видно, что здѣсь на степи дорожатъ каждою вѣткой. Тамъ старыя ивы нагнулись надъ прудомъ, здѣсь молодые тополи въ переронку тянутся вверхъ, а въ сторонкѣ гдѣ-нибудь виденъ древесный питомничекъ. Передъ балкончикомъ пестрый партеръ, и всюду чистыя дорожки, по которымъ ежедневная утренняя роса не мочитъ ногъ и не портитъ обуви.

Вы входите въ домъ, насѣкомыхъ нѣтъ, зловонія нѣтъ; все чисто, все прибрано къ мѣсту. Васъ встрѣчаетъ небогато, но мило одѣтая хозяйка; фортепiano и ноты показываютъ, что она худо ли, хорошо ли. играетъ. Между тѣмъ хозяйинъ, загорѣлый и усталый, возвращается съ работъ. Столъ накрываютъ чистѣйшею скатертью, — гордость домовитой хозяйки. Супъ безъ всякихъ убійственныхъ запаховъ и — о роскошь! — кусокъ сочнаго ростбифа со стаканомъ хорошаго вина. Можетъ-быть этого вина и не большой запасы, но оно есть, и радушно предлагается гостю. Вечеромъ, вы засыпаете на мягкой свѣжей постели. Развѣ это не волшебство? Утромъ, вамъ предлагаютъ до подставы, хотя старомодный, но все-таки покойный экипажъ; хомуты чѣлы и смазаны. Мы беремъ въ примѣръ небогатыхъ помещиковъ. Правда, все видѣнное вами стоило хозяевамъ немощныхъ хлопотъ и усилій. Хозяйка, быть-можетъ, не только не въ состоянii выписывать арбузовъ изъ Милютиныхъ лавокъ, а даже купить цвѣточныхъ сѣменъ для своего партера. Но у нея есть добрыя сосѣдки, и она имъ скажетъ: „берите у меня сколько угодно сѣменъ резеды и корней георгинъ, я въ нынѣшнемъ году отвела множество отводковъ, а мнѣ одолжите астръ.“ Однимъ словомъ, вы слышите тутъ присутствiе чувства красоты, безъ котораго жизнь сводится на кормленiе гончихъ въ душно-зловонной псарнѣ. И все-таки господинъ управитель думаетъ, что крестьянамъ не чему поучиться у помещиковъ. Но кто же подвинулъ наше сельское хозяйство и на ту невысокую ступень, на которой она, по разнымъ обстоятельствамъ, находится въ настоящее время? Кто развелъ высокiя породы коровъ, овецъ, лошадей и всевозможныхъ растенiй? Спросите у хлѣбныхъ торговцевъ, чьимъ хлѣбомъ они торгуютъ, чья шерсть идетъ на фабрику и въ продажу? Изъ чьихъ садовъ фрукты поступаютъ въ лавки? Крестьяне даже и не умѣютъ ходить за садомъ и не чувствуютъ въ этомъ потребности. Помѣщики, по мнѣнiю г. управителя, не разводятъ воздушныхъ садовъ. Кто же ихъ разводитъ когда, кромѣ помѣщичьихъ, за ничтожными исключенiями, нѣтъ садовъ?

Покончивъ съ этимъ общимъ положенiемъ, рассмотримъ болѣе опредѣленные и прямыя обвиненiя. Чтò значать слова: „умменько сѣять хлѣбъ?“ Значить ли это въ извѣстныхъ случаяхъ воздѣлывать землю, утучняя ее приличнымъ образомъ

или ширить во всѣ стороны пашни? Ширить пашни, значитъ распахать дѣвственную землю, новь. До сихъ поръ никакая искусственно-удобренная почва не можетъ состязаться съ новою. Уже по одному этому всякій хозяинъ, желающій „умненько“ хозяйничать, при выборѣ изъ двухъ десятинъ, оставитъ навозную и возьметъ новь. „Умненько“ значитъ въ хозяйствѣ: „выгодно.“ Наше сельское хозяйство продолжаетъ двигаться на прежнихъ основаніяхъ, съ тою разницей, что прежде было трудно съ точностію опредѣлить цѣнность труда, а теперь онъ самъ ежедневно выражается мѣриломъ цѣнности, деньгами. Только по этой причинѣ возьмемъ примѣръ изъ вольнонаемнаго хозяйства. Въ нашей сторонѣ, если можно купить навозу (часто этого сдѣлать нельзя ни за какія деньги), то не дешевле 15 р. с. за 360 возовъ,—количество не доставляющее еще сильнаго удобренія. Да вывести его на десятину стоить тѣже 15 р. с.; да раскидать и запахать его—около 2 р. с.; итого, удобреніе стоить 32 р. с. А распахать дугъ, на которомъ нѣтъ пней, стоить не дороже 10 р. с. Спрашивается: кто бы поступилъ умненько, тотъ ли кто, какъ обвиняемый помѣщикъ, расширилъ бы пашни, или тотъ кто, по совѣту г. управителя, сталъ бы тратить непроизводительно 22 р. с. на удобреніе каждой десятины. Вотъ таковы-то, большею частію, всѣ ораторскіе возгласы передъ судомъ самихъ фактовъ.

Не менѣе практична слѣдующая затѣмъ фраза въ устахъ г. управителя. „Бывало, у помѣщика, скотъ съ голоду крыши у мужиковъ обдираетъ, а землевладѣлецъ сгоняетъ крестьянъ строить въ саду храмъ славы, да триумфальныя ворота!“ Фраза, какъ видите, оканчивается знакомъ восклицанія. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, какіе злодѣи эти неразумные помѣщики! А вотъ я на своемъ вѣку много видывалъ помѣщичьихъ садовъ, съ бесѣдками, воротами и калитками, но не встрѣтилъ ни одного храма славы и никакихъ триумфальныхъ воротъ. Допустимъ однако же, что г. управитель былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе меня: пусть онъ, какъ знатокъ сельскаго хозяйства, объяснитъ, какая связь между положеніями: „скотъ крыши обдираетъ“ и „владѣлецъ строитъ храмъ славы“? По нашему простому, *нелитературному* пониманію вещей, фраза эта вяжется не болѣе слѣдующей: у чловѣка всѣ женщины въ домѣ чулки вяжутъ, а онъ все книги читаетъ, да яичницу съ перцемъ ѣстъ. Если бы фраза была составлена такъ: „скотъ прошлую зиму крышу обдираетъ, а онъ ны-

нѣшнюю осенью не даетъ времени убрать хлѣбъ съ полей и погнавъ его подъ дождемъ“, — мы поняли бы ее; а то, воля ваша, она звучитъ *литературно*. Какой вредъ можетъ причинить мнѳологическая постройка храма славы скоту, который, ободравъ зимою крыши, давно уже поправился на подножномъ корму? Также логична и практична часть *а*, противопоставляющая, съ одной стороны, нещѣніе хорошенькой лошаденки цѣлому міру пыхтящему за очисткой дорожекъ, а съ другой—голодающую и бьющую баклуши дворню оранжереямъ. Дорожки чистятся въ маѣ, когда у добраго хозяина весеннія работы кончены, и тамъ, гдѣ міръ пыхтитъ болѣе одного дня надъ дорожками, не дворня бьетъ баклуши, а г. управляющій, завѣдывающій работами, хотя чѣмъ долѣе пѣшій міръ будетъ въ это время на работѣ, тѣмъ болѣе будутъ отгуливаться на досугѣ, на пару и по выгонамъ, всякія лошадки, и хорошенькія, и плохенькія. Объ арбузѣ изъ Милютиныхъ лавокъ *по почти*, почти и говорить не стоить. Парникъ, въ которомъ должно родиться отъ 25 до 50 хорошихъ арбузовъ, можетъ стоить, считая всѣ издержки, рублей 15. Следовательно, 37 арбузовъ обойдется по 40 к. за штуку, а въ Милютиныхъ лавкахъ надо дать за нихъ около 40 р. с. Но практическій г. управитель упустилъ изъ вида два обстоятельства. Нерѣдко помѣщикъ живетъ въ 200 верстахъ отъ ближайшей почтовой конторы, которая по закону не принимаетъ никакихъ жидкостей, и вѣрно ни у одного изъ нихъ не хватило бы охоты лакомиться арбузами, вхавшими мѣсяць или два на перекладныхъ. Вотъ и сужденія г. управителя, оглашенныя печатью. Не удивительно, что хозяйства иныхъ отсутствующихъ владѣльцевъ не подвигаются впередъ, если надзоръ за ними порученъ управителямъ, пьющимъ такія превратныя понятія о самыхъ элементарныхъ основаніяхъ хозяйства. Нѣтъ, не такимъ безмысленно-бездушнымъ существомъ вижу я, особенно въ настоящее время, средняго землевладѣльца. Я вижу его напрягающимъ послѣднія умственныя и физическія силы, чтобы на заколебавшейся почвѣ устоять, во имя просвѣщенія, которое онъ желаетъ сдѣлать достояніемъ своихъ дѣтей, и наконецъ во имя любви къ своему дѣлу. Вижу его устанавливающимъ и улаживающимъ новыя машины и орудія, почти безъ всякихъ къ тому средствъ; вижу его по цѣлымъ днямъ перебѣгающимъ отъ барометра къ спѣснымъ полевымъ работамъ,

съ лопатой въ рукахъ въ саду, и даже на скирдѣ непосредственно-наблюдающимъ за прочною и добросовѣстною кладкой его, а въ минуты отдыха за книгой или журналомъ. Все это невыдумка праздной фантазiи, а дѣло, на которое я могу вокругъ себя указывать пальцами. Какъ бы ни былъ скуденъ у него годовой прибытокъ, у хозяйки дома всегда найдется и добрый совѣтъ, и даровое лѣкарство для пришедшаго больного. Конечно, есть и между помѣщиками не мало людей, которымъ дика и машины, и новыя отношенiя; но мы говоримъ про общiй потокъ, а не про лежащiе на днѣ русла камни. Косность бываетъ и въ литературѣ и въ наукѣ; такова воля судьбы.

Честной дѣятельности землевладѣльцевъ съ каждымъ шагомъ открывается обширное и благодатное поле. Надобно только, чтобы они все болѣе и болѣе проникались сознаниемъ важности своей задачи. Невозможно повѣрить, чтобы добросовѣстный и сознательный трудъ не принесъ наконецъ своихъ плодовъ, и чтобы добрый примѣръ остался безъ влiянiя на массу народонаселенiя. Можно порицать дурныя дѣла злыхъ и неразвитыхъ людей, сожалѣть объ ошибкахъ заблуждающихся; но слѣпо враждовать въ настоящее время противъ землевладѣльцевъ, значить желать косности, безысходнаго мрака, отсутствiя всякаго идеала въ жизни. А это тяжкое проклятiе. Не дай того Богъ свободному народу!

А. ФЕТЬ.

ОТЗЫВЫ И ЗАМѢТКИ

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

Въ политическомъ мѣрѣ нѣтъ ничего обманчивѣе общихъ правилъ и отвлеченныхъ формулъ. Самы по себѣ они мертвы и двусмысленны; въ своей отвлеченности, онѣ могутъ безразлично относиться къ случаямъ противоположнымъ, и двѣ враждебныя стороны могутъ весьма часто, съ одинаковымъ правомъ, ставить одинъ и тотъ же девизъ на своемъ знамени. А потому-то и нельзя судить о явленіяхъ жизни на основаніи какихъ-нибудь отвлеченныхъ сентенцій. Въ дѣйствительности, все до безконечности опредѣленно и индивидуально; все въ ней требуетъ особой точки зрѣнія и особой оцѣнки, и наши понятія будутъ годны для такой оцѣнки лишь по мѣрѣ своей способности приблизиться къ факту и освоиться со всѣми его особенностями. Безъ этой способности наши понятія будутъ все тоже что открытыя, но не зрячія глаза.

Въ Европѣ, за послѣднее время, особенно часто и громко говорилось о правахъ народности и принципѣ невмѣшательства. И права народности, и принципъ невмѣшательства — очень хорошія понятія, заслуживающія почетнаго мѣста въ мѣрѣ идей. Ничего нельзя возразить противъ нихъ, и остается только пожелать, чтобъ они приобрѣтали все большую силу и ясность въ умахъ. Но иное дѣло признавать какое-либо

правило, и иное дѣло употреблять его для оцѣнки данныхъ явленій. Иное дѣло понятіе, и иное дѣло сужденіе. Понятія у насъ могутъ быть прекрасныя, но сужденія у насъ могутъ выходить никуда не годныя; а чтобы наши сужденія были годны, для этого мало имѣть прекрасныя понятія, для этого необходимо, чтобы наши прекрасныя понятія соответствовали факту. Дважды два, безъ всякаго сомнѣнія, даютъ четыре; но если въ томъ счетѣ, который подають намъ событія, окажутся другія цифры, то сколько бы мы ни твердили несомнѣнную истину: дважды два четыре, никакого толку не выйдетъ, а чтобы вышелъ толкъ, надобно исчислить данныя цифры, и въ нихъ что сложить, а что вычесть.

Вопросъ о правахъ народности былъ возбужденъ и поднятъ въ послѣднее время преимущественно италіанскимъ дѣломъ. Кому не извѣстны обстоятельства, среди которыхъ разыгрывалось это дѣло? Кому не извѣстно что способствовало его успѣху, и чему оно было обязано всеобщимъ сочувствіемъ? По поводу этого дѣла, съ особою энергіей, повторялось еще ученіе о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла независимаго государства. Такъ какъ эти ученія сами по себѣ очень основательны, и такъ какъ общественное мнѣніе вездѣ симпатически относилось къ италіанскому дѣлу, то всѣ заявленія этихъ принциповъ по поводу италіанскаго дѣла были встрѣчаемы живѣйшимъ одобреніемъ. Императоръ ли Наполеонъ III, или министръ ея британскаго величества ссылался по этому дѣлу на права народностей или на теорію невмѣшательства, эффектъ всегда былъ очень хорошій, хотя весьма нерѣдко одно и то же мудрое правило провозглашалось съ противоположныхъ сторонъ и въ противоположномъ смыслѣ.

Но теорія невмѣшательства не препятствовала западнымъ державамъ вмѣшиваться очень дѣятельно въ ходъ италіанскаго дѣла; принципъ народности не помѣшалъ Франціи присоединить къ себѣ Ниццу, которая, по этому принципу, точно также принадлежитъ Италіи, какъ принадлежитъ ей Венеція. Права народностей и принципъ невмѣшательства напрасно стучатся теперь въ ворота Рима: французскія войска не очищаютъ вѣчнаго города. Теорія невмѣшательства не препятствуетъ Англіи управлять турецкими дѣлами и заирать въ свои руки греческую революцію; права народностей не помѣшали ей пристукнуть турецкихъ Славянъ, когда

они подняли было голову—не только во имя народности, но съ жалобами на всевозможныя угнетенія. Черногорцы не были ни подданными, ни даже данниками султана, а тотъ же самый британскій министръ, который наканунѣ торжественно провозглашалъ принципъ народностей, трактовалъ Черногорцевъ какъ мятежниковъ. Корабли съ волонтерами и боевыми припасами отправлялись изъ англійскихъ портовъ въ Италію, когда тамъ кипѣла борьба, и никто не придавалъ этому важности; а вотъ теперь идутъ горячіе толки о томъ, по какому праву попали въ Сербію ружья съ тульскимъ клеймомъ. Значить, сила не въ общихъ учевіяхъ, а въ ихъ примѣненіи. Значить, сила заключается въ индивидуальности каждаго факта, въ его обстоятельствахъ, въ его особенностяхъ. Англійское правительство находило умѣстнымъ припомнить теорію невмѣшательства и права народностей по отношенію къ италіянскому дѣлу; оно находитъ неумѣстнымъ припоминать эти теоріи въ турецкомъ вопросѣ, точно также какъ и Франція считаетъ это неумѣстнымъ по отношенію къ римскому дѣлу. Въ какой мѣрѣ умѣстно одно, а неумѣстно другое, объ этомъ можно судить такъ или иначе; очевидно только то, что сила состоитъ не въ общихъ аксіомахъ, а въ оцѣнкѣ факта и въ интересахъ и побужденіяхъ, руководящихъ этою оцѣнкой. Уважительны или неуважительны эти интересы и побужденія, но ихъ непременно нужно принять къ свѣдѣнію, съ ними непременно нужно счесться, потому что въ нихъ заключается жизненная сила оцѣнки; а общія сентенціи ничего не значатъ и пѣвлютъ только глупцовъ, которые смотрятъ на вещи выпученными, но не зрячими глазами.

Не говорите Англичанину о правахъ народностей въ Индіи: онъ сочтетъ васъ сумашедшимъ, точно также какъ Французъ сочтетъ васъ таковымъ же, если вы заговорите ему о правахъ народностей въ Алжиріи. Они не станутъ и возражать вамъ. Но вы немного выиграете, если вздумаете поведи съ Англичаниномъ рѣчь о возстановленіи кельтической народности въ Ирландіи, или съ Французомъ о возможности независимаго политическаго существованія того же племени въ Бретани. Напрасно стали бы вы развивать теорію правъ принадлежащихъ каждой народности на самостоятельное существованіе: никто не сталъ бы васъ слушать, и вамъ бы

замѣтили, что вы говорите вещи совершенно невозможныя. Вамъ скажутъ, что вы примѣняете свою теорію безтолкова, что теорія эта хороша сама по себѣ, но никакъ не можетъ быть примѣняема къ случаямъ вами взятымъ, что не всякая народность можетъ претендовать на самостоятельное политическое существованіе, и что произошелъ бы самый бессмысленный хаосъ, если бы вдругъ заявили на дѣлѣ такія притязанія. Вамъ скажутъ, что права имѣеть только та народность, которая доказала ихъ своею исторіей, и имѣеть хранить и поддерживать ихъ; вамъ скажутъ, что права заключаются не въ буквѣ, не въ словѣ, не въ фразѣ, а въ дѣйствительности, въ существующихъ условіяхъ и отношеніяхъ, въ данномъ сочетаніи жизненныхъ силъ. Вамъ скажутъ, что дѣйствительность служить не только самую лучшую, но и единственною повѣркой дѣйствительныхъ правъ; что же касается до постороннихъ сочувствій и приговоровъ, то они ничего не рѣшаютъ, пока эта повѣрка не состоялась. Общественное мнѣніе будетъ принимать ту или другую сторону по разнымъ побужденіямъ и интересамъ, нерѣдко не имѣющимъ никакого отношенія къ вопросу о правахъ народностей. Если у человѣка, котораго мы не любимъ, возникнетъ споръ съ другимъ, и если основанія спора намъ еще мало извѣстны; то мы невольно будемъ принимать сторону его противника. Какъ отдѣльные люди, такъ народы и государства могутъ быть предметомъ симпатій и антипатій, и точно также, въ случаѣ спора между двумя народностями, общественное мнѣніе можетъ принимать сторону той или другой, смотря по своему настроенію, независимо отъ сущности возникшаго спора. Иногда причиною предубѣжденія бываетъ самое могущество торжествующей народности, и общественное мнѣніе склонится своимъ сочувствіемъ къ сторонѣ слабѣйшей, даже къ самому несбыточному и отчаянному дѣлу. Въ то время какъ Англія боролась съ кровавымъ возмущеніемъ сипаевъ въ Индіи развѣ европейская журналистика не вопіяла о правахъ народностей, не оглашалась криками сочувствія къ этимъ жертвамъ коварнаго и могущественнаго Альбіона? Развѣ общественное мнѣніе, напримѣръ во Франціи, не готово было рукоплескать всякому успѣху индѣйскихъ мятежниковъ, даже неистовству ихъ возмездію? Если бы можно было вообразить себѣ какую-нибудь серіозную попытку въ Ирландіи отложиться отъ Великобританіи, развѣ во Франціи не стали бы радоваться всякому, хотя бы мнимому, успѣху такого отчаяннаго дѣла, не

тази бы оглашать землю и небо воплями негодованія при несомнѣнномъ торжествѣ Великобританіи, не стали бы бабанивать на всѣ лады ученіе о правахъ народностей? Но тотъ шумъ не произвелъ бы никакого впечатлѣнія въ самой Англіи; дѣло шло бы своимъ ходомъ, и ни одинъ Англичанинъ не далъ бы никакого значенія всѣмъ этимъ крикамъ и воплямъ, точно также какъ теперь Янки въ Сѣверной Америкѣ ни мало не смущается мнѣніями Англичанъ о его кровопролитной распрѣ съ отложившимися штатами; онъ не конфузится слыша изъ-за моря неблагоприятныя сужденія; онъ огрызается на своихъ порицателей, и на каждое жесткое слово шлетъ десять, двадцать еще болѣе жесткихъ, а между тѣмъ продолжаетъ свое дѣло, и бьется до истощенія силъ, чтобы возвратить отпавшія части своего государства.

Всякій знаетъ, что на всякое дѣло можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія, и что противоположные интересы будутъ относиться противоположнымъ образомъ къ одному и тому же дѣлу. Англичанинъ и не разчитываетъ на сочувствіе Француза, и Французъ въ свою очередь не разчитываетъ на сочувствіе Англичанина въ своихъ успѣхахъ или неудачахъ. И тотъ, и другой сумѣютъ вычестъ изъ постороннихъ сочувствій или несочувствій именно то что есть въ нихъ посторонняго; и тотъ, и другой постараются прежде понять свое дѣло собственнымъ умомъ, оцѣнить и взвѣсить его собственнымъ чувствомъ; ни тотъ, ни другой не станутъ конфузливо прислушиваться къ чужимъ мнѣніямъ, для того чтобы опредѣлить по намъ образъ своихъ дѣйствій; и тотъ, и другой будутъ дѣйствовать изъ полноты собственныхъ силъ, интересовъ и побужденій. Возможное ли дѣло, чтобы въ случаѣ борьбы или кризиса тотъ или другой сталъ мѣрить себя чужимъ аршиномъ или, помилуй Богъ, аршиномъ своего противника?

Въ этой непрерывной борьбѣ за существованіе, которую мы называемъ жизнью, называемъ также исторіей, всякое дѣло имѣетъ и защитниковъ, и противниковъ. Еслибы не было защитниковъ, то не было бы и дѣла; еслибы не было противниковъ, то оно не могло бы заявить себя и показать свою силу, свои права на существованіе и развитіе. Посреди этой борьбы, называемой жизнью и исторіей, всѣ права относительны и всѣ интересы односторонни. Если есть защитники, то есть и противники; если есть противники, то должны

быть и защитники. И у противниковъ, и у защитниковъ есть свои болѣе или менѣе уважительные интересы, свои болѣе или менѣе уважительныя права; жизнь и исторія покажутъ, чья сила сильнѣе, чьи права правѣе. Но среди борьбы, ни кто не можетъ стоять за обѣ стороны, или не стоять ни за одну. Кто не хочетъ участвовать въ борьбѣ, тотъ уходитъ съ поля,—а на полѣ битвы всякій долженъ быть или защитникомъ, или противникомъ.

Какая надобность Англичанину или Французу доискиваться истины въ спорѣ между Русскими и Поляками? Посторонній наблюдатель будетъ судить дѣло, руководимый не мотивами дѣла, а своими личными сочувствіями, или своими интересами, если они какъ-нибудь замѣшаны въ чужомъ спорѣ. Очень естественно, что ни Англичанинъ, ни Французъ, не пламенѣютъ усердіемъ къ интересамъ Россіи, и не были бы огорчены, еслибы русское дѣло въ чемъ-нибудь потеряло ущербъ. Еще недавно Европа, съ недоувѣріемъ и страхомъ, оглядывалась на сѣверный колоссъ; еще недавно опасалась она его военного деспотизма. Теперь эти опасенія приутихли, Россія перестала быть пугаломъ; но пока никому еще особенно не нужно ея могущество, никто особенно не сталъ бы скорбѣть отъ невзгоды, которая приключилась бы ей извнѣ или внутри. Никто со стороны не задаетъ себѣ серіознаго вопроса: эта сила, такъ тяжко и такъ медленно слагавшаяся въ сѣверо-восточныхъ пустыняхъ Европы,—истинная ли это сила, или метеоръ возникшій случайно, призракъ, который долженъ исчезнуть? Никто не обязанъ и никто не можетъ принимать къ сердцу русское дѣло, страдать за него, надѣяться за него, умирать за него,—никто, кромѣ русскаго человѣка. Нигдѣ наше историческое призваніе, наша народность, наши судьбы, наши страданія и торжества, не могутъ быть почувствованы со всею энергіей жизни, какъ здѣсь, въ самой Россіи, въ насъ самихъ. У всякаго дѣла два конца, всякое дѣло имѣетъ и защитниковъ и противниковъ, и ни въ комъ русское дѣло не можетъ имѣть себѣ защитниковъ, какъ въ самихъ Русскихъ, хотя противниковъ оно можетъ имѣть въ изобиліи повсюду.

Вопросъ о Польшѣ есть столько же русское, какъ и польское дѣло. Вопросъ о Польшѣ былъ всегда и вопросомъ о Россіи. Между этими двумя соплеменными народностями исторія издавна поставила роковой вопросъ о жизни и смерти. Оба государства были не просто соперниками, но врагами, кото-

рыне не могли существовать рядомъ, врагами до конца. Между ними вопросъ былъ уже не о томъ, кому первенствовать или кому быть могущественнѣе: вопросъ между ними былъ о томъ, кому изъ нихъ существовать. Независимая Польша не могла ужиться рядомъ съ самостоятельной Россіей. Сдѣлки были невозможны: или та или другая должна была отказаться отъ политической самостоятельности отъ притязанія на могущество самостоятельной державы. И не Россія, а прежде Польша почувствовала силу этого роковаго вопроса; она первая начала эту историческую борьбу, и было время, когда исчезла Россія, и наступило другое, когда исчезла Польша. Навсегда ли удержать силу этотъ роковой вопросъ, или наступитъ время, когда при могущественной и крѣпкой Россіи можетъ жить и процвѣтать самостоятельная Польша? Объ этомъ можно размышлять на досугъ, но въ минуту кризиса, посреди борьбы, Поляку естественно отстаивать польское дѣло, а Русскому естественно отстаивать русское дѣло. Польша утратила свою самостоятельность, но она не примирилась съ своею судьбой; польское чувство протестуетъ противъ этого рѣшенія, чувство своей народности еще живо и крѣпко въ Полякѣ; оно всасывается съ молокомъ; оно ревниво охраняется и поддерживается; оно питается и усиливается страданіями. Утративъ политическую самостоятельность, Полякъ не отказался отъ своей народности, и онъ рвется изъ своего плѣна, и не хочетъ мириться ни съ какою будущностью, если она не обѣщаетъ ему возстановленія старой Польши, со всѣми ея притязаніями. Ему недостаточно простой независимости, онъ хочетъ преобладанія; ему недостаточно освободиться отъ чужаго господства, онъ хочетъ уничтоженія своего восторжествовавшего противника. Ему недостаточно быть Полякомъ; онъ хочетъ, чтобъ и Русскій сталъ Полякомъ, или убрался за Уральскій хребетъ. Онъ отрекается отъ соплеменности съ нами, превращаетъ въ призракъ исторію, и на мѣстѣ нынѣшней Россіи не хочетъ видѣть никого, кромѣ Поляковъ и вырожденцевъ Чудъ или Татаръ. Что не Польша, то татарство, то должно быть сослано въ Сибирь, и на мѣстѣ нынѣшней могущественной Россіи должна стать могущественная Польша по Кіевъ, по Смоленскъ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Винить ли, осуждать ли польскаго патріота за такія притязанія? Что толку винить и осуждать! Логическіе аргументы ни къ чему не

ведутъ въ подобномъ спорѣ; никакое краснорѣчіе не можетъ помочь его разрѣшенію; въ подобномъ спорѣ могутъ говорить только событія, только они обладаютъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ и неотразимою логикой. Въ подобномъ спорѣ рѣшаютъ не слова, а факты, и факты рѣшили. Но какъ бы то ни было, разумны или неразумны польскія притязанія. Они понятны и естественны въ Полякѣ. Осуждайте и оспаривайте ихъ, оспаривайте и словомъ и дѣломъ; но согласитесь, что даже въ крайностяхъ, даже въ безуміи своемъ, польскій патриотизмъ все-таки есть дѣло естественное въ Полякѣ. Событія рѣшили, но Полякъ подаетъ на аппелляцію, онъ не теряетъ надежды и утѣшаетъ себя сочувствіями постороннихъ, не разбирая, много ли толку въ этихъ сочувствіяхъ, и точно ли въ нихъ есть сочувствіе къ нему, или только неприязнь къ его противнику. Ему рукоплещутъ, о немъ скорбятъ; но въ самомъ-то дѣлѣ только онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ можетъ чувствовать призывъ своей народности. Ему нечего прибѣгать къ разнымъ теоріямъ; ему нечего толковать о правахъ народностей и о разныхъ другихъ истинахъ: ему достаточно назваться Полякомъ, чтобы всякій могъ понять чего онъ хочетъ или чего бы долженъ хотѣть. Благоразуміе и опытъ могутъ научить его лучше и вѣрнѣе понимать интересы своей народности, и дѣйствовать съ большимъ смысломъ и съ большею для нея пользою. Но на истинныхъ или ложныхъ путяхъ, Полякъ — естественный защитникъ своего дѣла. За отсутствіемъ Поляка, кто же возьмется быть Полякомъ?

Такъ бы казалось. Но рѣкъ не до конца прогнѣвался на Польшу. Онъ поразилъ ее, но онъ же и судилъ ей рѣдкое счастье: на противной сторонѣ, въ самомъ разгарѣ битвы, Полякъ находитъ себѣ союзниковъ, которые готовы подписать, не разбирая, всѣ его условія. На русской сторонѣ находитъ онъ людей, которые съ трогательнымъ великодушіемъ готовы привести ему въ жертву интересы своей родины, цѣлостность и политическое значеніе своего народа, находитъ людей, готовыхъ изъ чести послужить ему послушными орудіями, — людей готовыхъ съ энтузіазмомъ повторить все что скажутъ недруги русскаго имени, все что можетъ обезславить и опозорить русское дѣло, все что можетъ возвеличить и украсить противную сторону, — людей готовыхъ быть Поляками не мѣнѣе, если не болѣе чѣмъ сами Поляки.

19 февраля, въ самый день востествовiя на престолъ нынѣ царствующаго Императора и вмѣстѣ въ годовщину освобожденiя столькихъ миллионовъ народа отъ крѣпостной зависимости, разбрасывалось въ Москвѣ новое издѣлие нашей подземной печати. Мы было думади, что эта забава уже надобѣла нашимъ прогрессистамъ, но вотъ передъ нами новая прокламацiя со штемпелемъ *Земля и Воля*. Авторы этого подметнаго листка, говоря отъ лица русскаго народа, взываютъ къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ въ Польшѣ, убѣждая ихъ покинуть свои знамена и обратить свое оружье противъ своего отечества. Такого поступка нельзя было бы ожидать даже отъ нашихъ прогрессистовъ. Это еще хуже пожаровъ. Но надобно думать, что прокламацiя эта, какъ и многое другое, есть дѣло эмиссаровъ польской революцiи, хотя нашему народному чувству оскорбительно и больно, что наши враги такъ низко думаютъ о насъ, разчитывая на успѣхъ подобной продавки. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, русскiй народъ подалъ поводъ къ такому презрительному мнѣнiю о себѣ? Какъ бы то ни было, фактъ передъ глазами: значить, есть что-нибудь у насъ оправдывающее такую тактику нашихъ враговъ; есть, стало-быть, къ стыду нашему, такiе элементы у насъ, на которые могутъ они разчитывать, и которые своимъ существованiемъ клеветуютъ на свою родину. Польскiе агитаторы образовали у насъ домашнихъ революционеровъ, и презирая ихъ въ душѣ, умѣютъ ими пользоваться, а эти пророки и герои Русской земли (какъ польскiе агитаторы чествуютъ ихъ, льстя ихъ глупости), сами не подозрѣваютъ, чьихъ рукъ они созданiе. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, откуда бы они могли выйдти у насъ, къ чему могли бы они примкнуть, на чемъ бы они могли держаться? Что глупости у насъ довольно, въ томъ, конечно, нѣтъ сомнѣнiя. Но одного этого качества было бы недостаточно чтобы сгруппировать людей, возбудить ихъ къ дѣйствию, поселить въ нихъ убѣжденiе, будто они (ни съ того, ни съ сего) дѣйствуютъ во благо своего народа и отъ его имени, въ то время какъ они позорятъ его и посягаютъ на всѣ основы его историческаго существованiя. Почему всѣ эти нелѣпности высказывались у насъ тономъ нѣкотораго убѣжденiя и энтузиазма въ то самое время, когда русскiй народъ возрождался къ новой жизни, когда каждый Русскiй долженъ былъ стоять на своемъ посту, честно испол-

няя свой долгъ? Нѣтъ, для этого одной глупости мало! Нужно было, чтобы къ туземной глупости присоединилось какое-нибудь чужое вліяніе, чтобы какая-нибудь ловкая рука поддержала это оболъщениіе, дала этимъ невольностямъ опору, гаванизировала эту гниль. Рука эта нашла; она дѣйствовала искусно; она дѣйствуетъ и теперь; но результаты обманули ее. Наши враги перехитрили; они слишкомъ увлеклись своимъ презрѣніемъ къ русскому народу. Они дѣйствовали обманомъ на слабыя головы, но за то и сами жестоко обманулись. Считая Россію не только „больнымъ, ослабленнымъ колоссомъ“, но разлагающимся трупомъ, они затѣяли свою кровавую шутку. Они въ самомъ дѣлѣ вообразили, что наши войска разбѣгутся, или станутъ подъ ихъ знамена, какъ имъ сказали ихъ друзья. Они понадѣялись на разныя прокламаціи и адреса, будто бы отъ русской арміи, и понадѣявшись, подали сигналъ къ возстанію. Кто же виною этихъ прискорбныхъ событій, которыхъ театромъ стала теперь Польша?

Авторы упомянутого выше подметнаго листка упрекаютъ правительство тою кровью, которая теперь проливается. Но, кто бы они ни были, Поляки или Русскіе, пусть они подумаютъ: ближайшею виной этой крови были они сами. Если, къ стыду нашему, они дѣйствительно Русскіе, то своимъ презрительнымъ ничтожествомъ они вовлекли польскихъ агитаторовъ въ гибельное для нихъ заблужденіе относительно истинныхъ силъ и чувствъ русскаго народа. Если они Поляки, то сами же они поставили это ничтожество на ноги, и сами обманули себя своимъ собственнымъ произведеніемъ.

Авторы этой прокламаціи не соглашаются на то, чтобы Польша оставалась въ соединеніи съ Россіей. Какое право имѣемъ мы, восклицаютъ они, хозяйничать въ Польшѣ, когда она сама этого не желаетъ? Какое право! Вотъ до какой метафизики восходятъ наши патріоты! Все зло міра сего хотятъ они взыскать съ своего народа. Они не спрашиваютъ, по какому праву дѣлается что-нибудь въ другихъ мѣстахъ. Они не спрашиваютъ, по какому праву Поляки владѣли и теперь хотятъ владѣть областями, искони заселенными русскимъ народомъ, не спрашиваютъ въ какомъ уложеніи написано это право, или какой потентатъ даровалъ его Полякамъ. Этого они не спрашиваютъ, но за то они спрашиваютъ съ великодушнымъ негодованіемъ: зачѣмъ Русскіе владѣютъ Польшей?

Они требуютъ чтобы Россія возвратила Польшѣ ея независимость? Возвратить независимость Польшѣ! Но что такое Польша, гдѣ она начинается, гдѣ оканчивается? Знаютъ ли то сами Поляки? Спросили ли у нихъ объ этомъ наши патриоты? Сообразили ли эти жалкія жертвы своей глупости и лукаго обмана, что обладаніе Царствомъ Польскимъ совсѣмъ не радость для Россіи, что оно было злою необходимостью, какою же какъ и всѣ тѣ пожертвованія, которыя долженъ былъ вынести русскій народъ для совершенія своего историческаго дѣла. Но кто же сказалъ, что польскія притязанія ограничиваются нынѣшнимъ Царствомъ Польскимъ? Всякій здравомыслящій польскій патриотъ, понимающій истинные интересы своей народности, знаетъ что для Царства Польскаго, въ его теперешнихъ размѣрахъ, несравненно лучше оставаться въ связи съ Россіей нежели оторваться отъ нея и быть особымъ государствомъ, ничтожнымъ по объему, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ могущественными державами и лишеннымъ всякой возможности пріобрѣсти европейское значеніе. Отдѣленіе Польши никогда не значило для Поляка только отдѣленіе нынѣшняго Царства Польскаго. Нѣтъ, при одной мысли объ отдѣленіи воскресаютъ притязанія передѣлать исторію, и поставить Польшу на мѣсто Россіи. Вотъ источникъ всѣхъ страданій понесенныхъ польскою народностью, вотъ корень всѣхъ ея золъ! Еслибъ она могла освободиться отъ этихъ притязаній, судьбы ея были бы совсѣмъ иныя, и Россія не имѣла бы надобности держать Польшу вооруженною рукою. Но въ томъ-то и бѣда, что польскій патриотизмъ не отказывается отъ своихъ притязаній: онъ считаетъ Польшей всѣ тѣ исконно-русскія области, гдѣ въ прежнее время, огнемъ и мечомъ и католическою пропагандой, распространялось польское владычество.

Еслибы вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы дать Польшѣ лучшія учрежденія, чтобы предоставить ей полное самоуправленіе и національную администрацію, тогда объясняться было бы легко; тогда всякому Русскому можно было бы отъ души сочувствовать Полякамъ, не становясь измѣнникомъ своему отечеству. Но вопросъ не въ этомъ. Намъ извѣстны желанія лучшихъ изъ польскихъ патриотовъ; мы знаемъ, какой адресъ подавъ былъ отъ имени польскихъ землевладѣльцевъ графомъ Замоискимъ; намъ извѣстно также, о чемъ просили польскіе дворяне въ одной изъ русскихъ губерній, смежныхъ съ Поль-

шею. Пусть иностранные политики изъявляютъ громкое чувство къ польскому дѣлу и осыпаютъ укоризнами Россію. Мы безъ нихъ знаемъ свои недуги и чего не достаетъ намъ, но мы знаемъ также, что съ каждымъ годомъ и съ каждымъ днемъ наше положеніе уясняется, что на нашемъ горизонтѣ показались несомнѣнные признаки лучшаго будущаго. Нѣтъ, борьба наша съ Польшей не есть борьба за политическія начала, это борьба двухъ народностей, и уступить польскому патриотизму въ его притязаніяхъ значитъ подписать смертный приговоръ русскому народу. Пусть же наши недруги изрекаютъ этотъ приговоръ: русскій народъ еще живъ, и сумѣетъ постоять за себя. Если борьба приметъ тѣ размѣры, какіе желалъ бы придать ей польскій патриотизмъ и наши заграничные порицатели, то не найдется ни одного Русскаго, который бы не поспѣшилъ отдать свою жизнь въ этой борьбѣ. Пусть же наши недруги не обольщаютъ себя призраками и не расшевеливаютъ дремлющихъ народныхъ силъ: имъ не послужитъ это къ лучшему, а для насъ эта борьба будетъ послѣднимъ испытаніемъ исторіи, послѣднимъ освященіемъ нашихъ народныхъ судебъ. Легко понять, что собственно значатъ непріязненные намъ манифестаціи вожаковъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ, что значитъ это единогласное осужденіе Россіи и единогласныя привѣтствія Полякамъ, раздающіяся теперь въ британской палатѣ общинъ. Какъ не понять этого? Какъ Англіи не сочувствовать теперь польскому дѣлу, когда есть надежда, что оно можетъ запутать насъ своими затрудненіями, и отдать ей въ руки весь восточный вопросъ, въ которомъ мы съ нею сталкиваемся? Что же касается до искреннихъ желаній лучшей участи польскому народу, то мы раздѣляемъ ихъ съ неменьшею искренностью. Мы отъ всей души желаемъ лучшей участи польскому народу. Но чтобъ эти желанія сбылись, должно не распалать притязаній Поляковъ, а напротивъ успокоивать и умѣрять ихъ. Отъ самихъ Поляковъ зависитъ выборъ между благотворнымъ для обоихъ народовъ согласіемъ и безпощадною борьбою, въ которой они встрѣтятся уже не съ однимъ правительствомъ, но съ цѣлымъ великимъ народомъ.

Гонимаемъ здѣсь статью, которая назначалась нами въ *Moskovskia Vlyostni* (въ № отъ 21 февраля), но ея появленію неожиданно встрѣтилосъ препятствіе. Теперь эти препятствія устранены, и мы получаемъ возможность напечатать ее по крайней мѣрѣ въ *Russkome Vostniky*. Мы оставляемъ ее безъ переимѣны, какъ выраженіе минуты, которая не должна была быть безъ отзыва. Въ этомъ видѣ она послужитъ дополненіемъ къ сказанному выше.

МОСКВА, 20-го февраля.

Недавно въ засѣданіи прусской палаты депутатовъ, по польскому вопросу, министръ президентъ замѣтилъ, между прочимъ слѣдующее: „Наклонность воодушевляться въ пользу чужихъ народностей, хотя бы и въ ущербъ собственному делу отечеству, есть особый видъ политической болѣзни, эпидемическое распространеніе которой ограничивается ною Германіей.“

Министръ-президентъ, къ сожалѣнію, немного ошибся: географическое распространеніе той болѣзни, о которой онъ говоритъ, не ограничивается предѣлами Германіи. Эта зараза коснулась и нѣкоторыхъ Русскихъ, конечно весьма немногихъ и, какъ мы надѣемся, на короткое время. После того какъ русскіе солдаты во многихъ мѣстахъ Царства польскаго подверглись измѣнническому нападенію, когда же продолжаетъ литься русская кровь, въ тотъ самый день, гда Россія празднуетъ вступленіе на престолъ Императора Александра II и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуетъ годовщину освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, тотъ день когда для всей массы бывшихъ дворовыхъ людей ступаетъ прекращеніе обязательныхъ отношеній, какія-то звѣствыя лица, именуя себя Русскими, рассылаютъ свои анонимныя письма, въ которыхъ выражаютъ сочувствіе къ полякамъ и ненависть къ русскому правительству, въ которыхъ они отъ имени цѣлой либеральной Россіи, предоставляютъ независимость Польшѣ, и призываютъ къ русской арміи, чтобъ она измѣннически прекратила борьбу съ Поляками шла противъ правительства. Если эту прокламацію писали польскіе эмиссары, то образъ дѣйствій ихъ болѣе или менѣе понятенъ; но что если эти *честные люди* въ самомъ дѣлѣ Русскіе? Еды это была бы прямая измѣна, измѣна уже не правительству, чѣмъ они хвалятся, но своему народу, своему отечеству, чѣмъ хвалиться нельзя даже и русскому мятежнику,

и за что не похваляли бы его, а стали бы презирать сами Поляки.

Въ тотъ же самый день, прочли мы очень курioзный документъ, напечатанный во французской газетѣ *La Presse*, за подписью г. Эмиля де-Жирардена. Это ни болѣе, ни менѣе какъ письмо французскаго публициста къ русскому монарху въ пользу полного отдѣленія Царства Польскаго. „Въ послѣднее столѣтiе, говоритъ авторъ письма, величiе народа почти исключительно еще измѣрялось пространствомъ завоеванныхъ имъ земель; но уже теперь оно измѣряется тою дѣятельностiю, какую онъ обнаруживаетъ, тѣми богатствами, которыя онъ производитъ, тѣми сбереженiями, которыя онъ накопляетъ, тою свободой, какою онъ обладаетъ, тѣмъ превосходствомъ, какое онъ усвоилъ себѣ въ дѣлѣ разумнiя, науки, искусства, промышленности, торговли. Вчера еще величiе народовъ измѣрялось разрушительною и завоевательною силою; завтра мѣриломъ его станетъ только сила въ производствѣ и въ обмѣнѣ произведенiй; нынѣшнiй же день принадлежитъ дѣлу перерожденiя, которое еще не совершилось: всякое перерожденiе медленно, но оно несомнѣнно совершается. Если это такъ—продолжаетъ медоточивый публицистъ—какая нужда вамъ, государь, имѣть шестью милiонами подданныхъ и полутора тысячами квадратныхъ миль земли больше или меньше, вамъ—властителю самаго обширнаго государства, какое когда-либо существовало, государства распространяющагося въ Европѣ, въ Америкѣ и въ Азiи, равнаго по пространству почти седьмой части земнаго шара, государства едва еще населеннаго и уже насчитывающаго 70 миллионовъ подданныхъ? И въ настоящемъ, и въ будущемъ Ваше Величество безконечно возвеличите себя, обратившись къ Полякамъ съ такою рѣчью; „Хорошо; я даю вамъ чего вы желаете: „управляйтесь сами собою, и, если сумѣете, управляйтесь „хорошо. Изберите для управленiя собою кого пожелаете. Я не навязываю вамъ въ королѣ ни кого-либо изъ „моихъ братьевъ, ни кого-либо изъ моихъ сыновей. Ме- „жду вашимъ королевствомъ и моею имперiей я не воздвигну „никакихъ преградъ, ни военныхъ, ни таможенныхъ. Съ об- „ихъ сторонъ торговля будетъ совершенно свободная: ни „преградъ, ни связей, кромѣ связи благодарности, которая „будетъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ шире отиѣрилъ я вамъ даръ не- „зависимости, которую вы цѣните такъ высоко.“ Государь!

въ тотъ самый день, когда обратитесь вы съ такою рѣчью къ Полякамъ, благодарность ихъ не будетъ имѣть себѣ подобной и поравняется только съ удивленіемъ цѣлаго міра. Вамъ будетъ принадлежать слава, большая чѣмъ слава побѣдъ и завоеваній; вамъ будетъ принадлежать слава указанія державною рукою новаго пути, на которомъ Австрія, вынужденная вашимъ примѣромъ къ освобожденію Венеціанской области, явитъ лишь ту заслугу, что послѣдовала за вами. Освобожденіе народовъ путемъ цивилизаціи такимъ образомъ смѣнило бы собою поработеніе ихъ путемъ войны.“

Нужна немалая доля легкомыслія, отъ котораго несвободны многіе изъ французскихъ публицистовъ, для того чтобы въ настоящую минуту давать подобныя совѣты, не справившись одобрятъ ли ихъ сами Поляки, которые совсѣмъ не того хотятъ о чемъ просить за нихъ г. Эмиль-Жирарденъ. Но какъ могутъ попадать на подобныя же мысли русскіе люди, тѣ самые, которые выдаютъ себя за поборниковъ русскаго народа, которые фантазируютъ, будто бы они составляютъ какой-то центральный народный русскій комитетъ?

Недавно еще сообщали мы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* нашимъ читателямъ полновѣсное свидѣтельство вѣнскаго корреспондента газеты *Times* о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на жителей Вѣны самый легкій намекъ на то, что Австрія принуждена будетъ уступить Венецію Италіи. Такой намекъ приводитъ въ ярость мирныхъ жителей и чуть не сводитъ съ ума военныхъ. Приказаніе очистить Венецію, говорятъ они, повело бы къ военной революціи, такъ какъ ни одинъ монархъ не имѣетъ права отказываться отъ областей, добытыхъ потомъ и кровью народа. Жители Вѣны, какъ видно, не причастны той болѣзни, которая состоитъ въ наклонности воодушевляться въ пользу чуждыхъ народностей, и въ ущербъ своей собственной. И между тѣмъ потеря Австріи, въ случаѣ уступки Венеціи, была бы незначительна въ политическомъ отношеніи, а для уступленной страны была бы дѣйствительнымъ благодѣяніемъ. Австрія, отказавшись отъ Венеціи, теряетъ только одну область, но за то вполне вознаграждается тѣмъ, что однимъ неугомнымъ врагомъ у ней становится меньше, что этотъ врагъ на другой же день можетъ стать вѣрнѣйшимъ другомъ, что ей возможно будетъ сберечь

много людей и денегъ, употребляемыхъ теперь на удержаніе въ покорности Венеціанской области и на отраженіе нападеній со стороны Италіи. Совсѣмъ другое дѣло вопросъ между Россіей и Польшей. Правда, Польша не приноситъ Россіи никакихъ матеріальныхъ выгодъ, и поглощаетъ несравненно больше чѣмъ въ состояніи дать сама. Правда, обладаніе Польшей много вредитъ намъ и въ нравственномъ отношеніи. Но дѣло не въ обладаніи самою Польшей, а въ томъ, чтобы такъ или иначе было обезпечено спокойствіе въ значительной части исконно-русскихъ областей, лежащихъ на западѣ и юго-западѣ нашего отечества; чтобы была обезпечена цѣлость состава Русскаго государства. Какое русское сердце не содрогнется и не сожмется болѣзненно при одной мысли, не говоримъ— о разрушеніи, а только о серіозной опасности, которая стала бы грозить дѣлу тысячелѣтней, исполненной тяжкихъ трудовъ, лишеній и испытаній исторической жизни русскаго народа? До сихъ поръ почти все чѣмъ можетъ дорожить живой народъ приносилось въ жертву одному великому дѣлу— дѣлу собранія Русской земли въ одно цѣлое, дѣлу созиданія этого громаднаго государственнаго тѣла: проливались для этой цѣли потоки крови, гибли цѣлыя поколѣнія; для укрѣпленія единой государственной власти, народъ отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ и вольностей, одушевляемый инстинктивною вѣрой, что за собраніемъ земли Русской не замедлитъ послѣдовать созиданіе ея внутренняго благосостоянія путемъ разумнаго развитія свободы, столь свойственной нашему народному быту. И вдругъ все это великое многотрудное дѣло должно поколебаться, должно подвергнуться опасности, и водвореніе внутренняго благосостоянія и законной свободы должно снова отодвинуться, и снова должны заговорить инстинкты самосохраненія. Больно французскому публицисту мечтать объ узакъ вѣчной благодарности, которыя соединятъ теперешнюю Польшу съ Россіей; но тѣ, которые дѣйствительно знаютъ партію, теперь управляющую польскимъ возстаніемъ, тѣ, которые, хотя бы изъ статей г. Лебедева помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, познакомились съ замыслами вождей польской революціи, тѣ знаютъ очень хорошо, что предавъ Польшу въ руки фанатиковъ-якобинцевъ, Россія нашла бы себѣ не друга, а врага, такого врага, который ежечасно возмущалъ бы ея спокойствіе, съ которымъ пришлось бы вести борьбу не на жи-

вотъ, а на смерть за обладаніе исконно-русскими областями, на нѣкоторое время входившими въ составъ Польскаго королевства, ненавидѣвшими и ненавидящими польское владычество. Если бы польскій патриотизмъ и въ состояніи былъ обуздать яacobинцевъ, то и тогда не миновала бы опасность: явились бы попытки другаго рода завоеваній, знаменемъ которыхъ было бы латинство, вождями—отцы-іезуиты. Имъ ли должно мирволить русское правительство? Не зависитъ ли, напротивъ, все дѣло отъ самой Польши, отъ того, какъ скоро протрезвятся ея политическія стремленія? Если вы уважаете свободу народовъ, если вы дорожите возможностью для каждаго изъ нихъ развиваться самостоятельно, согласно съ собственною своею природою и съ исторически-выработавшимся характеромъ, то почему желаете вы отдать все Царство Польское во власть бессмысленнѣйшей политической партіи, ищущей для себя опоры во лжи и терроризмѣ, и тѣмъ паче какое вы имѣете право приносить нашихъ Бѣлоруссовъ и Малоруссовъ на жертву національно-польскимъ и римско-католическимъ притязаніямъ надменныхъ пановъ и фанатическихъ ксендзовъ? Знаете ли что могло бы быть результатомъ такого образа дѣйствій? О Царствѣ Польскомъ мы говорить не станемъ; мы даже согласимся, что загнанное и забитое Поляками бѣлорусское племя могло бы, дѣйствительно, поддаться, въ ущербъ для самого себя, національно-польской и религіозно-католической пропагандѣ; но въ предѣлахъ населенія Малоруссовъ—въ Подоліи, въ Волынѣ, въ Кіевской губерніи—конечно, не уцѣлѣло бы ни одного Поляка, еслибы только русское правительство не имѣло возможности охранять безопасность всѣхъ классовъ тамошняго населенія. И, наконецъ, что выигралъ бы отъ предполагаемаго усиленія польско-католическихъ элементовъ многочисленный, къ сожалѣнію слишкомъ еще пренебрегаемый нами, все еще загнанный классъ Евреевъ, проживающихъ на западѣ и югозападѣ Россіи, классъ, заслуживающій со стороны Россіи большаго вниманія? Спросите улюблага свѣдущаго Еврея, гдѣ лучше живетъ ему, гдѣ меньше подвергается онъ оскорбленіямъ, въ Новороссіи ли и Малороссіи, среди русскаго населенія, или же въ Виленской и Ковенской губерніяхъ, среди Поляковъ и успѣвшихъ ополчаться Бѣлоруссовъ.

Чѣмъ же, кромѣ безсмысла, объяснить явленія въ родѣ прокламаціи, вчера полученной въ нѣсколькихъ московскихъ

домахъ? Не скроемъ отъ себя, что въ этихъ явленіяхъ скъывается общественная язва, воспитанная нашимъ близкимъ прошедшимъ: привычка смотрѣть на всякое общедѣло, касающееся существенныхъ интересовъ цѣлой Россіи всего русскаго народа, какъ на дѣло, въ которомъ заинтересовано будто бы одно правительство.

Въ заключеніе не можемъ не сказать, что г. фонъ-Бисмаркъ совершенно не правъ въ своихъ нападкахъ на нѣмецкое равнодушіе къ національнымъ интересамъ Германіи. Прусскіе прогрессисты себѣ на умѣ въ своемъ великодушіи къ Польшѣ: оппозиціонные члены очень ясноговорили въ прусской палатѣ депутатовъ, что Пруссія ни за что не уступитъ Полякамъ ни Данцига ни Эльбинга, и ни одной пяди земли, обработанной нѣмецкою предприимчивостью. За такое великодушіе нѣмецкіе прогрессисты утѣшаютъ себя надеждой, что Поляки откажутся, разумѣется въ ихъ пользу, отъ притязаній на наши Остзейскія губерніи. Порицанія г. фонъ-Бисмарка заслужили бы только мы Русскіе, еслибъ остались безотвѣтными передъ подобными претензіями. Но мы не посраимъ себя такою безотвѣтностью. Мы чувствуемъ себя народомъ великимъ и сильнымъ. Мы еще стоимъ за себя, и въ то же время, съ Божію помощію, не забудемъ о долгѣ справедливости къ родственному намъ народу польскому, какъ только польскій патриотизмъ успокоится, отрезвится и войдетъ въ должные предѣлы.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 12 книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, за прошлый годъ, въ статьѣ о Кредитѣ замѣчены слѣдующія опечатки: на стран. 500, въ 17 строкѣ сверху вмѣсто и опустился, слѣдуетъ не опустится; на стран. 526, въ 5 строкѣ снизу, вмѣсто 2⁰/₁₀₀, слѣдуетъ сказать 20⁰/₁₀₀.

НОВЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ВОСТОКУ

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.—ТИШЕНДОРФЪ И СИНАЙСКАЯ БИБЛІЯ.

Domestic Life in Palestine. By Mary Eliza Rogers. London. 1862.
Aus dem heiligen Lande. Von Constantin Tieschendorf. Leipzig. 1862.

Съ каждымъ годомъ умножается число путешественниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, количество книгъ, записокъ и писемъ о путешествіяхъ. Но и въ этомъ родѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ, немногимъ дается золотая середина. Каждому читателю, конечно, приходилось скучать за восторженными описаніями, которыя путешественники такъ часто предлагаютъ публикѣ вмѣсто отчетливаго разказа о томъ что они видѣли замѣчательнаго. Для того чтобы написать пріятную книгу, въ этомъ родѣ, требуется талантъ особаго свойства, и притомъ талантъ обработанный терпѣливыми усиліями. Есть немало людей съ живымъ воображеніемъ, но не всѣ умѣютъ съ нимъ сладить, направить его куда слѣдуетъ, и удержать въ себѣ цѣльный, полный и ясный образъ того что они видѣли, чѣмъ были поражены и восхищались. Воображеніе въ чувствѣ самоуслажденія теряетъ способность владѣть собою и поразившимъ его впечат-

тлвнiемъ: оттого въ эту самую минуту въ человѣкѣ есть то же самое горячее, но неопредѣленное чувство, а когда минута пришла, человѣкъ возстановляетъ въ себѣ ее не *живымъ* образомъ предмета или событiя, а *воспоминанiемъ* объ испытанномъ *чувствѣ*. Оттого, когда желаетъ онъ передать впечатлѣнiя другимъ, онъ передаетъ только *свое* воспоминанiе, *свое* впечатлѣнiе, которое рѣдко можетъ быть понятно и интересно для другихъ: въ стороннихъ людяхъ подобное ощущенiе можетъ быть возбуждено только живымъ образомъ, а для того чтобы представить живой образъ, надо умѣть овладѣть имъ. Это умѣнiе не всякой натурѣ доступно, какъ бы она ни была впечатлительна: воображенiе, какъ и всякая другая способность, можетъ быть сильна и богата, но не можетъ быть плодотворна, покуда находится въ дикомъ состоянiи; и оно тоже требуетъ дисциплины, образованiя, самообладанiя.

Мы нисколько не думаемъ однакоже, что идеальное описанiе и разказа состоитъ здѣсь только въ объективности, что они выйдутъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе будетъ въ нихъ видно отношенiе къ личности того кто описываетъ или разказываетъ. Мы думаемъ совершенно наоборотъ: свое *я* не должно исчезать изъ разказа именно для того чтобы разказъ былъ живъ и вполне удовлетворялъ читателя, но надобно чтобы тѣмъ не было скучное, мелкое и фальшивое *я*. Если оно умѣетъ думать и чувствовать *просто*, оно будетъ и выражаться просто нисколько не лишаясь огня и живости. Припомнимъ здѣсь кстати что говоритъ Кинглекъ въ предисловіи къ своему знаменитому *Eothen*.

„Я намеренъ останавливаться именно на тѣхъ, и только на тѣхъ предметахъ, которые меня самого интересовали. Когда бы еще я проѣзжалъ страну вовсе неизвѣстную, было бы пожалуй недобросовѣстно избѣгать тщательнаго описанiя замѣчательныхъ предметовъ потому только что самъ я при видѣ ихъ не чувствовалъ сильнаго интереса; но если тотъ край, гдѣ путешествуешь, былъ уже во всѣхъ подробностяхъ описанъ другими съ знанiемъ дѣла и даже художественно, то путешественникъ вправѣ ограничиться только тѣмъ что ему полюбілось. Притомъ путешественникъ—не всегда непремѣнно зритель; онъ вспоминаетъ (и какъ еще часто!) свой родимый край; имъ овладѣваетъ такъ часто и самое смирен-

вое, будничное стремленіе — добраться до огня, до пищи, до питья, до тѣни; и если онъ въ своемъ описаніи придаетъ такимъ ощущеніямъ что-нибудь похожее на ту живость, которую они имѣли въ дѣйствительности,—его не сочтутъ надежнымъ наставникомъ. Рѣшившись писать чистую правду о томъ что особенно занимало его, онъ непременно запоетъ длинную пѣсню о себѣ; станетъ разсуждать на цѣлыхъ страницахъ объ огнѣ своего ночнаго привала и уничтожить развалины Бальбека какими-нибудь осьмью, десятью холдными строчками. Но мнѣ кажется, что этотъ эгоизмъ путешественника, при всей своей назойливости, все-таки помогаетъ дать читателю вѣрное понятіе о край. Это самое себялюбіе, эта привычка относить внѣшній міръ къ своему впечатлѣнію, какъ будто вынуждаетъ путешественника соблюдать въ своемъ описаніи правила перспективы: онъ описываетъ вамъ предметы не такъ какъ сущность ихъ представляется въ изученіи, но такъ какъ они ему представлялись. Люди и предметы, которые ближе касались его личности, какъ бы ни были мелки и незначительны, принимаютъ у него на картинѣ большіе размѣры, потому что близко стоятъ къ нему. Онъ вамъ показываетъ своего драгомана и сухощавыя фигуры своихъ Арабовъ, свою палатку, своихъ верблюдовъ, склонившихъ колѣна, свою поклажу на пескѣ, а настоящія чудеса края, города, величественныя развалины, памятники прошедшихъ вѣковъ, отводитъ отъ васъ смутный фонъ на дальнее разстояніе. Вотъ какъ онъ самъ чувствовалъ, и вотъ какъ хочетъ повторить передъ вами сцены и образы стараго міра. Сколько ни слушайте его, вы немного у него найдете статистики; но, можетъ-быть, побывъ съ нимъ, вы сами почувствуете, какъ повемногу передается вамъ реальное представленіе о томъ что онъ видѣлъ на Востокѣ.“

О Востокѣ, о Палестинѣ въ особенности, писано такъ много, что можно потеряться въ каталогѣ сочиненій. Въ массѣ ихъ много таланта, много знанія и учености; но мы говоримъ на этотъ разъ не о руководствахъ, не объ ученыхъ твореніяхъ, а о тѣхъ путешествіяхъ, которымъ читатель придаетъ названіе *приятной* книги, которыя оставляютъ въ читателѣ чувство удовлетвореннаго желанія, которыя онъ любитъ, которыя ему жаль покинуть. Изъ такихъ книгъ особенно памяты намъ двѣ. Одна, которую мы сейчасъ только привели,—книга, которую

мало кто не читалъ изъ людей знакомыхъ съ англійскою литературой,—изящныя письма съ Востока, подъ заглавiемъ: *Eothen* (греческое слово, означающее съ востока). Другая—путешествiе Варбортона, такъ плачевно погибшаго въ 1852 году при крушенiи *Амазонки*, подъ заглавiемъ: *Полулуна и Крестъ* (*Crescent and Cross*). Теперь мы познакомились еще съ одною книгою того же разряда, и намъ вренъ познакомиться съ нею читателя,—съ сочиненiемъ миссъ Роджерсъ *Домашняя Жизнь въ Палестинѣ*.

I.

Миссъ Роджерсъ прiѣхала въ Палестину вмѣстѣ съ своимъ братомъ, британскимъ вице-консуломъ въ Гаифѣ, одномъ изъ приморскихъ городовъ Палестины. Она прожила тамъ вѣсколько лѣтъ, и не на одномъ мѣстѣ, но разъѣзжала по разнымъ городамъ вмѣстѣ съ братомъ, не оставляя его даже и тогда, когда онъ долженъ былъ исполнять дипломатическiя порученiя своего правительства, въ смутное время междуусобныхъ раздоровъ 1855 и 1856 годовъ. Все это дало ей возможность наблюдать именно внутреннюю, домашнюю жизнь всѣхъ классовъ палестинскаго населенiя. Миссъ Роджерсъ была въ непрерывныхъ сношенiяхъ съ людьми всѣхъ сословiй, и эти сношенiя были значительно облегчены для нея знанiемъ арабскаго языка, которому она успѣшила выучиться тотчасъ по прiѣздѣ. Результатомъ всего этого была книга о Палестинѣ, составленная изъ замѣтокъ и записокъ, которыя вела она для себя и для своего семейства,—книга привлекательная, живой и простой разказъ о такихъ предметахъ, съ которыми немногимъ доводилось близко знакомиться. Читатель не встрѣтитъ въ этой книгѣ описанiя знаменитостей и чудесъ Палестины, о которыхъ такъ много уже было писано другими; авторъ съ намѣренiемъ не останавливался на предметахъ общеизвѣстныхъ. За то здѣсь встрѣчаемъ такъ много интересныхъ подробностей обо всемъ что составляетъ внутреннюю жизнь восточнаго общества, что относится къ нравамъ, обычаямъ и внѣшней обстановкѣ быта, что книга представляетъ для читателей всю свѣжесть разказа о неизвѣстномъ мiрѣ; но разказъ, при всемъ своемъ изяществѣ, такъ просто, такъ ощутительно въ немъ отсутствiе всякой претензи, что

читатель легко и свободно движется вмѣстѣ съ авторомъ въ этомъ неизвѣстномъ мірѣ, какъ будто посреди людей и картинъ, знакомыхъ ему съ дѣтства. Всѣ описанія въ книгѣ отличаются необыкновенною реальностью; вы встрѣчаете въ нихъ тѣ самыя подробности, которыя могутъ дать вамъ живое представленіе объ описываемомъ предметѣ и отличительныхъ чертахъ его; передъ читателемъ развертываются живыя картины и движутся живыя лица. Гаифъ, Вилеємъ, Назаретъ, Наблусъ и Іерусалимъ, вотъ главные пункты, около которыхъ сосредоточивается описательный разказъ миссъ Роджерсъ, и между которыми движется живая картина домашней жизни въ Палестинѣ. Описанія природы встрѣчаются у нея нерѣдко и получаютъ особенную живость именно оттого что читатель встрѣчаетъ въ нихъ не изъявленія безотчетнаго восторга, а индивидуальныя черты той или другой мѣстности: впечатлѣнія, производимыя на автора картинами природы, отличаются такою отчетливою ясностью, что читатель почти всюду встрѣчаетъ указанія, напримѣръ, на цвѣты и растенія, которыя замѣтилъ авторъ, любуясь мѣстностью; но этотъ практический приемъ автора нисколько не вредитъ художественной прелести въ его описаніяхъ.

„На Востокъ, говоритъ миссъ Роджерсъ, я могла изучить духъ и бытъ общества на разныхъ ступеняхъ его развитія. Я находила убѣжище въ шатрахъ кочевниковъ, не признающихъ надъ собою закона, и сходилась съ бедуинскими дѣвушками какъ съ сестрами. Мнѣ знакомъ бытъ и тѣхъ мирныхъ племенъ, что живутъ съ патріархальною простотой въ постоянныхъ жилищахъ, окруженныя своими стадами. Мнѣ доводилось жить и съ Феллахами, въ грубой деревнѣ построенной изъ камня и глины, окруженной огородами, садами, полями и пастбищами; я была въ общеніи съ жителями городовъ, съ сильными міра, законодателями и правителями края; въ промежуткахъ, я иногда пользовалась и обществомъ высокообразованныхъ и благородныхъ представителей цивилизованной Европы. И съ кѣмъ бы я ни сходилась, со всякимъ была у меня доля сочувствія, со всякимъ удавалось мнѣ стать въ то простое отношеніе, которое роднитъ съ нами и ближнихъ, и дальнихъ людей въ цѣломъ мірѣ.“

Женщины на Востокъ особенно интересовали миссъ Род-

жерсъ, и книга ея наполнена множествомъ интересныхъ свѣдѣній о домашней жизни женщинъ, и о томъ положеніи, которое занимаютъ онѣ въ мусульманскомъ обществѣ. О гаремахъ и о внутреннемъ устройствѣ домашняго быта женщинъ она сообщаетъ много новаго. Выбираемъ изъ книги нѣсколько страницъ относящихся къ этому предмету.

Сутки въ домъ начальника города Аррабе

Всѣ дома въ городѣ Аррабе (по дорогѣ изъ Гафы въ Наблусъ) казались маленькими крѣпостями: они четверугольные, и плоскія крыши ихъ огорожены во кругъ балюстрадаю. Мы отправились прямо къ дому Могамедъ Бекъ Абдула Гади, губернатора. Домъ его, какъ и всѣ городскіе дома у мусульманъ, дѣлился на двѣ особыя половины: мужчины занимаютъ одну часть, называемую диваномъ; женщины живутъ въ другой части, которая называется гаремомъ. Нижняя часть дома была занята лошадьми и солдатами, и здѣсь помѣстились наши спутники и присауга. Мы взошли по открытой каменной лѣстницѣ, миновали широкій дворъ и вступили въ диванъ,—комнату со сводами, съ большими окнами, дугою, на три стороны; изъ оконъ открывался видъ на долину и на городскія ворота. Глубокіе и низкіе подоконники убраны подушками и коврами. Здѣсь женщины никогда не показываются. Послѣ насъ сказали, что кромѣ меня ни одна женщина не переступала за порогъ этой комнаты. Самого губернатора не было дома, но насъ очень любезно приняли его родственники, и цѣлуя наши руки, сказали намъ: „Нашъ домъ — вашъ домъ, и мы — ваши слуги.“ Они очень удивлялись, что мы путешествуемъ во время такихъ волненій и беспорядковъ въ краѣ. Сказывали, что каждый день въ сосѣдствѣ бывають схватки, и что нѣсколько дней тому назадъ было по крайней мѣрѣ полтораста человѣкъ убитыхъ: угоняють стада, верблюдовъ, безпрестанно останавливають и грабятъ. Еще наканунѣ была стычка около самаго Аррабе, многіе убиты. Объ этомъ разказывали намъ сыновья и племянники губернатора; они сами участвовали въ дѣлѣ.

Младшимъ сыновьямъ, двумъ мальчикамъ лѣтъ десяти или одиннадцати, приказано было проводить меня въ гаремъ. Они

осторожно вели меня по крышѣ, убитой землею, черезъ разныя дворики, комнаты и переходы, покуда не добрались мы до женской половины. Я очутилась въ большой комнатѣ со сводами, съ выбѣденными стѣнами и каменнымъ поломъ; свѣтъ приходилъ въ нее только черезъ отворенную дверь, потому что въ окнахъ здѣсь не бываетъ стеколъ, и они на этотъ разъ закрыты были ставнями отъ дождя. Мои маленькіе проводники, Селимъ и Саидъ, бѣжали впереди и кричали съ восторгомъ: „Выходите! смотрите! Англійская дѣвица идетъ.“ Только что я вошла, какъ меня окружила цѣлая кучка женщинъ въ блестящихъ костюмахъ. Типы ихъ были очень разнообразныя, отъ черной абиссинской невольницы въ пурпуровомъ нарядѣ съ серебромъ, до оливковыхъ и бронзовыхъ Аравитянокъ въ фіолетовомъ цвѣтѣ съ золотомъ.

Онѣ принялись теревить меня будто новую игрушку. Одна за другой цѣловали меня и гладили по лицу; никогда еще не случалось имъ видѣть европейскую женщину; дочь Франковъ, говорили онѣ, ни разу еще не бывала у нихъ въ городѣ.

Онѣ сказали:—Добро пожаловать, сестра наша изъ дальняго края, домъ этотъ твой домъ, и мы твои слуги, — и стали меня разспрашивать съ кѣмъ и какъ и откуда я пріѣхала. На хозяйкахъ были длинныя широкія шаровары изъ цвѣтной шелковой матеріи, короткія и узкія курточки изъ сукна или бархата, вышитыя золотомъ. Прислужницы были въ платьѣ изъ бумажной матеріи, а невольницы — въ красномъ сукнѣ. Онѣ дивились моему простому, длинному темному дорожному платью и моей шляпѣ. Я сказала имъ, что платье у меня намокло и что мнѣ хочется переѣмнить его.

Мальчики побѣжали сказать, чтобы принесли мнѣ чемоданъ: его принесли и поставили у входа въ гаремъ, и оттуда двѣ невольницы взяли его въ комнаты. Лишь только я отверла его, и хозяйки, и прислужницы, и дѣти, наперерывъ принялись разсматривать чтò въ немъ такое. Минуты въ двѣ опорожнили его весь до дна. Мои накидки, утреннія и вечернія платья, ночныя кофты и воротнички, переходили изъ рукъ въ руки: такъ какъ употребленіе всѣхъ этихъ вещей было вовсе неизвѣстно имъ, то онѣ стали примѣрять ихъ на всевозможныя фантастическія манеры. Одна схватила кружевной воротничокъ и пыталась, не безъ вкуса, приладить его себѣ на голову: ей показалось, что это идетъ къ головному убору.

Это очень забавляло меня, но я была вынуждена прекратить ихъ проказы и сказать чтобы положили все назадъ в чемоданъ: тотчасъ же такъ и сдѣлали. Я уже прежде испытала, что арабскія женщины ¹ точно дѣти: онѣ почти всегда въ ту же минуту слушаются, если только скажешь имъ тихонько рѣшительно.

Затѣмъ я переодѣлась въ той же комнатѣ: онѣ сказали, что другой у нихъ нѣтъ. Мнѣ кажется, это выдумали онѣ нарочно чтобы посмотреть что у меня за платье и какъ я его надеваю, потому что ихъ обычай вовсе не таковъ какъ нашъ. Онѣ говорили мнѣ, что я надеваю слишкомъ много платьевъ вмѣстѣ. Сами же онѣ носятъ только рубашку изъ тонкой бумажной матеріи, съ высокимъ воротомъ по мое горло, но съ разрѣзомъ на груди и съ длинными, широкими рукавами. Широкіе шаровары, стянутые вверху и завязанные у талии и ниже колѣна, падаютъ почти до полу граціозными складками; сверху открытая короткая куртка, подпоясанная шалью по талии. Онѣ заботливо отослали просушить у печки мое мокрое платье и устроили для меня на полу удобное сидѣніе на подушкахъ. Одна приготовила и принесла мнѣ сладкаго шербета изъ помѣ-гранатовъ. Другая принесла кофе въ маленькой фарфоровой чашечкѣ вставленной въ другую чашечку, серебряную, прекрасной чеканной работы. Чашечка, по виду и по величинѣ, походила на обыкновенную чашку для яицъ.

Возлѣ меня сѣла Ситъ-Хабиби, и закуривъ наргилѣ, въ отвѣтъ на мои вопросы сказала мнѣ, что она старшая жена Могаммедъ-бека, губернатора въ Аррабе, и показала двухъ остальныхъ женъ его. Затѣмъ, по просьбѣ моей, познакомилась съ тремя женами Сале-бека, губернатора въ Гаифѣ. Онѣ ужасно удивились, когда я сказала имъ, что знаю очень хорошо ихъ мужа Сале-бека и привезла имъ поклоны отъ него. Этого онѣ никакъ не могли понять, потому что не слыхивали какъ можетъ женщина видѣть мужчину, когда онъ не родня ей. Женщина-мусульманка не видитъ даже будущаго своего мужа до дня свадьбы. Одна изъ женъ спросила меня съ подозрительнымъ видомъ, не завелъ ли Сале-бекъ у себя

¹ Авторъ, когда говоритъ вообще о жителяхъ Палестины, называетъ ихъ Арабами: хотя они племя смѣшанное, но сами зовутъ себя Арабами или племенемъ Арабовъ, и арабскій языкъ — ихъ природный.

гарема въ Гаифѣ. Я скоро успокоила ихъ и разсѣяла всѣ ихъ сомнѣнія по этому предмету. Онѣ чрезвычайно интересовались всѣмъ что касается Англичанъ. Вердѣ (это имя значитъ *роза*) спрашивала: „Что твой братъ красивъ? силенъ? Лицо у него хорошее? Въ вашей сторонѣ всѣ люди бѣлы?“ А другая сказала: „Отчего ты ѣдешь въ дорогѣ безъ своихъ женщинъ?“

Отвѣчая на всѣ эти вопросы, я успѣла осмотрѣть комнату. Комната была длинная и низкая, полъ почти сплошь устланъ тонкими плетенками. По стѣнѣ, противъ двери, постанъ былъ узкій матрасъ и покрытъ полотнищемъ тонкаго ковра, въ родѣ тѣхъ, какими устилаютъ лѣстницы. Подушка въ шелковыхъ наволочкахъ, по восточному, лежала на матрасѣ стоя къ стѣнѣ, такъ что образовалось что-то въ родѣ низенькой софы, и по серединѣ ея сидѣла я, а вокругъ меня хозяйки. Противъ насъ, по обѣимъ сторонамъ двери, были такія же сидѣнья или диваны, на которыхъ сидѣли и курили другія женщины и дѣвушки. Въ краю комнаты, налѣво отъ меня, стояли два большіе деревянные сундука, раскрашенные яркою красною краскою, съ мѣдными замками и петлями красиваго рисунка. Позади сундуковъ, въ стѣнѣ, было широкое, большое углубленіе со сводомъ: тамъ свадены были грудой матрасы и стеганья одѣяла; зеркала (изъ Константинополя) въ золоченыхъ рамахъ висѣли по обѣ стороны этого углубленія. По правую руку отъ меня, на другомъ концѣ комнаты, черныя невольницы и прислужницы сидѣли на войлокѣ и нянчились съ дѣтьми и грудными младенцами, которые кричали и ссорились другъ съ другомъ. Онѣ вели между собой суетливую болтовню: только по временамъ изъ нея прорывались восклицанія громче обыкновеннаго. Полъ въ комнатѣ былъ поднятъ дюймовъ на шесть выше площади двора; наравнѣ съ дворомъ оставалось только маленькое пространство около двери, гдѣ женщины, входя въ комнату, снимали свои высокія калоши или башмаки.

Вердѣ и Хабиби сидѣли возлѣ меня и ласково гладили меня по волосамъ и по лицу. Онѣ удивлялись отчего нѣтъ на мнѣ головнаго убора и никакого украшенія на волосахъ. Младшая жена Саае-бека, по имени Гельвѣ (это имя значитъ *сладость*), сидѣла у отворенной двери въ граціозной позѣ. Она смотрѣла такую хорошенькою, лицо у нея было такое открытое и веселое (ей было всего шестнадцать лѣтъ), что я взяла

свой альбомъ срисовать портретъ ея. Когда хозяйки мои увидѣли что я дѣлаю, онѣ очень удивились, потому что никогда не видывали какъ можно срисовывать лицо или что бы то ни было: и точно это противно мусульманскому закону. Онѣ закричали: „О диво Божіе! Вѣдь точно это лицо Гельвѣ, вотъ ея глаза смотрятъ на насъ,—и золотая монетка у ней на шеѣ, и наргилѣ въ рукахъ у нея. О, какое диво!“ И Гельвѣ боязливо подошла посмотреть на рисунокъ, и спросила меня, отчего я ее срисовала, не оттого ли что она всѣхъ лучше. Я отвѣчала ей, что точно также стала бы рисовать всякую, кто бы сидѣлъ около двери, потому что туда солнце свѣтитъ. Тогда и другія стали поочереду садиться на то мѣсто, и я еще сняла два портрета, только Гельвѣ была безъ сравненія лучше всѣхъ. У ней былъ такой сладкій голосъ (а это не часто встрѣчается у арабскихъ женщинъ), манеры у ней были такія простыя и открытыя. На ней были желтые шелковые шаровары, съ черною шелковою прошивкой съ боку, а на голыхъ ногахъ желтыя туфли съ острыми загнутыми кверху носками; черная бархатная курточка, прекрасно вышитая золотымъ снуркомъ, и вмѣсто пояса, также обыкновеннаго, обвязана шалью пурпуроваго краснаго и зеленаго цвѣта. На шеѣ нашивное ожерелье изъ золотыхъ монетъ; на ея хорошенькой головкѣ, кокетливо, на бокъ, была надѣта маленькая шапочка краснаго сукна; а сверху, на шапочкѣ, между золотыми дутыми шариками, висѣла длинная кисть. Голова у нея и красная шапочка, или-*торбушъ*, убраны были нитками изъ жемчуга, изъ золотыхъ монетъ, алмазными и изумрудными кистями и маленькими пучками красныхъ, желтыхъ и фіолетовыхъ неувядающихъ цвѣтовъ, растущихъ на волѣ по горамъ Палестины. Большіе черные глаза, брови густо выкрашенные, рѣсницы натертыя углемъ по краямъ; на груди кое-гдѣ виднѣлись голубыя пятна, на подбородкѣ тоже; на лбу выведена голубая звѣздочка. Всѣ хозяйки были болѣе или менѣе разукрашены въ томъ же родѣ; онѣ изъявляли сильное желаніе также и меня раскрасить и нататуировать.

Я записала у себя въ книжкѣ имена всѣхъ женщинъ, дѣтей ихъ и прислужницъ по-арабски, а описание наряда ихъ по-англійски. Оказалось, что Гельвѣ родомъ изъ Кефръ-Кара;¹

¹ Кефръ-Кара — деревня, въ которой останавливались путешественники по дорогѣ въ Арабе.

она принялась называть мнѣ имена всѣхъ софадитъ деревень. Я объяснила имъ употребленіе своей карты и сказала, что взглянувъ на нее, могу узнать въ какой сторонѣ Сенуръ и другіе города. Онѣ принялись кричать хоромъ: „О, диво Божіе!“, потому что не смѣивали какъ это можетъ быть, чтобы женщина умѣла читать или писать. Онѣ знали, что мужчины умѣютъ: ихъ же сыновья каждый день ходили въ школу, гдѣ ученый дервишъ обучалъ ихъ читать вслухъ Коранъ и писать кое-какъ. Но женщинамъ казалось, что мальчикамъ дана особенная способность учиться и понимать таинство писавной рѣчи. Даже Салимъ и Саидъ, маленькіе проводники мои, удивлялись и говорили: „Машалла! Чужестранка эта умѣетъ писать по-нашему!“

Около трехъ часовъ (по ихъ счету девятый часъ) черныя женщины, въ длинныхъ бѣлыхъ сорочкахъ до полу, принесли обѣдъ. Сначала одна принесла низкую деревянную стойку, отдѣланную штучною работою изъ слоновой кости и изъ перламутра, и поставила на полъ прямо противъ меня. Потомъ другая поставила на нее старинный круглый металлическій подносъ, на которомъ были вырѣзаны по-арабски изреченія изъ Корана. Мнѣ подали длинное полотенце, обшитое золотою нитью. Послѣ этихъ приготовленій я была рада поѣсть, потому что была очень голодна. Подносъ скоро уставили вотъ какими кушаньями: маленькая сковорода съ поджаренными яичами, деревянная чашка съ *леббекомъ*, то-есть съ простоквашей, чашка козьихъ сливокъ, блюдо густаго крахмалистаго киселя въ родѣ бланъ-манже, подслащеннаго розовымъ сахаромъ, съ миндалемъ и фисташками, большое блюдо рису варенаго въ коровьемъ маслѣ и обложеннаго маленькими кусочками жареной баранины, блюдо орѣховъ, сушеныхъ фруктовъ, миндалю и лимонной корки въ сахарѣ.

Возлѣ меня стала черная дѣвушка невольница, въ коротенькихъ красныхъ шароварахъ краснаго сукна и въ красной курткѣ, съ браслетами на рукахъ и на ногахъ; она держала серебряную чашку съ водою наготовѣ для меня, когда я вздумала пить. Нигдѣ не видать было ни ножа, ни даже ложки; не было никакой особенной чашки или посуды, которую я могла бы взять для своего особеннаго употребленія. Я вымыла себѣ руки: надо было брать кушанье изъ котраго-нибудь блюда,—брать широкою тоненькою хлѣбною лепткой, съ виду походившею на кусокъ кожи. Мои хозяйки скоро

увидѣли, что я не умѣю такъ ѣсть, и достали мнѣ большую кухонную деревянную ложку, надъ которою дѣти принялись сгибаться отъ всей души. Я просила хозяйекъ, чтобъ и онѣ со мной ѣли, но онѣ никакъ не хотѣли послушать меня; однакожь позволили Салиму и Саиду ѣсть со мною. Тѣ сейчасъ свернули свои лепешки на подобіе ложки и принялись съ нами за молоко и за яйца; но когда дѣло дошло до рису и до мяса, просто брали то и другое пальцами. Во все время покуда я ѣла, хозяйки стояли все около меня и смотрѣли не нужно ли мнѣ чего.

Когда я кончила, подносъ отняли на средину комнаты, а передо мной поставили большую металлическую лохань съ крышкой; въ крышкѣ было отверстіе. На верху лежалъ кусокъ мыла туземнаго приготовленія; я стала мылить себѣ руки, а мнѣ лили воду изъ какого-то страннаго серебрянаго кувшина, въ родѣ стариннаго кофейника съ длиннымъ тонкимъ, кривымъ горлышкомъ. Струя воды, не перерываясь, падала мнѣ на руки и потомъ стекала черезъ крышку въ лохань. Опять подали мнѣ обшитое полотенце и воды выполоскать ротъ.

Все женщины (то-есть три жены губернатора и три жены брата его Сале-бека) съ дѣтьми сѣли на полу на матеикахъ, вокругъ подноса, и опуская пальцы все вмѣстѣ, то въ то, то въ другое блюдо, скоро покончили простой обѣдъ. Приносили еще два-три блюда съ рисомъ. Кончивъ ѣсть, каждая вставала, умывала руки и полоскала ротъ. Потомъ обнесли крѣпкій кофе безъ сливокъ и безъ сахару. Затѣмъ прислужницы и невольницы собрались около подноса и съели доѣдать остатки съ необыкновенною скоростью и жадностью, такъ что какъ разъ не осталось и слѣдовъ кушанья.

Старшимъ хозяйкамъ подали чубуки (трубки изъ красной глины, на чубукахъ изъ вишневаго или жасминнаго дерева, съ мундштуками изъ чернаго дерева), а остальнымъ два или три наргилѣ, которые и передавались изъ рукъ въ руки по очереди. Гельвѣ, покуривши нѣсколько минутъ, наклонила граціозно головку, положила руку на грудь, приложила себѣ ко лбу гибкую трубку и передала ее сосѣдкѣ: возлѣ нея случилась именно вторая жена ея же мужа, Сале-бека. Такъ переходила трубка отъ одной къ другой, не минуя даже прислужницъ, и всякій разъ повторялось: „Будь тебѣ въ сладость.“ Эта учтивая церемонія строго соблюдается между мусульма-

ами даже въ ближнемъ родствѣ. Мнѣ кажется, что установленныя формы привѣтствій, въ обыкновенномъ обращеніи, помогаютъ до нѣкоторой степени поддерживать миръ и доброе согласіе въ гаремахъ.

Для меня особенно былъ приготовленъ наргилѣ, очень изящнаго вида, величиною почти въ полтора фута. Стклянка его, прекрасно сдѣланная, свѣтилась и блестяла какъ хрусталь. Она была наполнена водой, въ которой сверху плавали розовыя листья. На верху этой стклянки съ длиннымъ горлышкомъ, была массивная серебряная чашка, съ горячими углями и съ персидскимъ табакомъ. Гибкая, змѣеобразная трубка, соединенная съ сосудомъ, обтянута была краснымъ бархатомъ и обвита золотою проволокою; трубка была сажени въ полторы длиной: мундштукъ янтарный, обдѣланный рубинами и бирюзой. Дымъ проходилъ черезъ воду, поднимая пузырьки и приводя въ движеніе розовыя листья, и потомъ тянулся въ длинную трубку. Такъ ароматный дымъ охлаждаеся и очищается прежде чѣмъ доходитъ до моихъ губъ.

Я замѣтила, что женщины стали перешептываться между собою; и вотъ Гельвѣ подошла, села возлѣ меня, и спросила: „Ты замужешь?“ Я сказала: „Нѣтъ“. „Зачѣмъ же ты оставила отца и мать? Развѣ они не добры къ тебѣ?“ Я разказала имъ, какъ они добры, и какъ мать учила меня говорить, читать и писать какъ на родномъ языкѣ, такъ и на чужихъ. Я старалась дать имъ понятіе о томъ, какъ въ Англіи родители воспитываютъ дѣтей.

Верде сказала:—Гораздо лучше выйдти замужъ и жить дома чѣмъ ѣздить по разнымъ мѣстамъ; теперь, въ военное время очень опасно ѣздить, и женщинамъ лучше сидѣть дома.

Ситъ-Сара сказала:—Верде говоритъ правду; отчего ты не выйдешь замужъ?

—Да здѣсь нѣтъ мушьянъ изъ моей стороны, отвѣчала я,—какъ же мнѣ выйдти замужъ?

На это Сара сказала:—Ты говоришь на нашемъ языкѣ, какъ чужестранка, но пріятно тебя слушать. Тебя возьметъ Арабъ. Отчего тебѣ не выйдти замужъ за Араба?

Эти слова очень позабавили меня. Я отвѣчала:—Матери моей здѣсь нѣтъ; некому выбрать мнѣ мужа. Какъ же мнѣ тутъ выйдти замужъ?—Я воображала что по ихъ понятію нечего будетъ отвѣчать на это, но Ситъ-Сара сказала мнѣ:—Я буду тебѣ матерью, я приведу тебя къ мужу. У меня братъ

кади, первый судья въ Наблусѣ; онъ ищетъ себѣ жены: у него только три. Онъ тебя станетъ любить, оттого что ты бѣлая.

Я отвѣчала въ шутку:—Спасибо, мать моя! Какіе же мнѣ теперь дѣлать сборы, и когда я должна быть готова?

Сить-Сара подумала съ минуту, и потомъ спросила:—А сколько верблюдовъ у твоего отца?

— У отца вовсе нѣтъ верблюдовъ. Въ моей сторонѣ всего три или четыре живыхъ верблюда, и держатъ ихъ за диковину, въ особенномъ домѣ въ прекрасномъ саду; ихъ стерегутъ и ходятъ за ними особые сторожа. Есть у насъ еще нѣсколько чучель верблюжьихъ въ большомъ стеклянномъ домѣ.

На это всѣ онѣ громко засмѣялись и закричали:—О, какъ чудно это!

—У твоего отца молодая оливки, продолжала Сара,—много даютъ сбору?

— У отца моего вовсе нѣтъ оливковыхъ деревьевъ.

Этому онѣ еще больше дивились.

— У твоего отца есть золото. Онъ дастъ тебѣ золота и дорогихъ камней и красный сундукъ до верху съ платьями, съ полотенцами, дастъ тебѣ шелковыхъ подушекъ и красную деревянную колыбель и много-много мыла. Братъ мой очень богатъ, онъ дастъ верблюдовъ отцу твоему на твою долю, и золотыхъ монетъ.

Я увидѣла, что онѣ рѣшительно думаютъ будто я говорю серьезно; онѣ захопали въ ладоши, и одна запѣла веселую пѣсню, въ такомъ родѣ: „О, госпожа Маріамъ, дочь дальняго края, живи съ нами, намъ будетъ радость! Тебя станутъ любить больше всѣхъ женщинъ въ домѣ моего брата! Ты будешь ему царицей и первою утѣхой! Твое лицо точно ясный мѣсяцъ, и слова твои цѣнны какъ жемчугъ! О, госпожа Маріамъ, дочь дальняго края, живи съ нами, и намъ будетъ радость!“

Тутъ всѣ женщины встали и сомкнулись въ кругъ, цѣпью схватившись за руки. Сначала стали онѣ тихо двигаться кружкомъ, мѣрною поступью, подъ монотонный напѣвъ; а прислужницы и дѣти, сидя на полу, били въ тактъ руками. Вотъ что онѣ пѣли: „Станемъ пѣть, станемъ плясать; онъ глядитъ на насъ въ рѣшоточку, онъ серебрянымъ дождемъ обольетъ насъ, обольетъ насъ дождемъ золотымъ! Станемъ пѣть,

станемъ плясать, громче, громче, скорѣе, скорѣй! Онъ услышитъ, какъ дружно мы поемъ, какъ мы весело идемъ въ пляскѣ. Станемъ пѣть, станемъ плясать; громче, громче, скорѣй и скорѣй! Онъ серебрянымъ дождемъ обольетъ насъ, обольетъ насъ дождемъ золотымъ!“

И такъ далѣе, все тѣ же слова пѣли онѣ, и пляска становилась все быстрѣе и быстрѣе, но шла все въ тактъ безъ перерыву. Наконецъ онѣ утомились и сѣли. Пока онѣ отдыхали, я имъ разказывала какъ проводила время въ Гаифѣ, и старалась дать имъ понятіе о домашней жизни въ Лондонѣ, какъ можно жить безъ верблюдовъ и безъ оливковыхъ деревьевъ. Онѣ спрашивали, танцуютъ ли въ Англіи, и были поражены, услышавъ, что тамъ мушоны танцуютъ съ женщинами вмѣстѣ.

Солнце ужъ садилось, когда маленькій Селимъ пришелъ сказать, что братъ зоветъ меня, и повелъ меня къ нему. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ со сводами; около него разные эфенди и мусульманскіе владѣльцы. Они стали меня спрашивать, неужели я не боюсь ѣздить въ такомъ краю, гдѣ теперь безпрестанные грабежи и побоища. Я отвѣчала: „Не боюсь; до сихъ поръ я испытала, что въ здѣшнемъ краю всѣ очень привѣтливы къ иностранцамъ.“ На это они сказали: „Да управитъ Аллахъ ровный путь передъ тобою!“

Для мушоновъ принесли въ диванъ ужинать, а я воротилась въ гаремъ. Онъ принялъ веселый, свѣтлый видъ отъ маленькихъ красныхъ глиняныхъ лампъ, разставленныхъ въ нишахъ по стѣнамъ; посреди комнаты, на низкомъ стулѣ, стоялъ большой фонарь. Женщины удивлялись какъ я рѣшилась ходить на мужскую половину. Я объяснила имъ, что въ Англіи таковъ общій обычай, что женщины съ мушонами у насъ постоянно сходятся, что мы гуляемъ, ѣдимъ верхомъ и катаемся всегда безъ покрывала. Онѣ чрезвычайно удивились этому. Я прибавила еще: „нами управляетъ султанша, которую зовутъ Нассарâ (Викторія, побѣда), и ее такъ почитаютъ и любятъ подданные, что когда она показывается на улицѣ, народъ зоветъ громко и радостно: „Боже, сохрани нашу государыню!“ А у нея лицо сіяетъ отъ удовольствія, она ласково смотритъ во всѣ стороны и кланяется одинаково богатому и бѣдному. А въ особенные дни знатные и ученые люди и чиновники допускаются къ ней и

цѣлуютъ у ней руку.“ „О какъ дивно!“ закричали онѣ, и Сара спросила: „Ваша султанша—дѣвушка?“ Я отвѣчала: „Нѣтъ, она замужемъ, а принцъ, ея мужъ, нисколько не вступается въ правленіе.“ Тутъ какъ будто вдругъ все для нихъ объяснилось: мои слова навели ихъ на такую мысль будто въ Англіи всѣмъ управляютъ женщины, и занимаютъ положеніе выше мушницъ. Я не въ силахъ была потомъ совершенно разубѣдить ихъ въ этомъ; онѣ все возражали: „ваша султанша развѣ могла бы удержать власть въ рукахъ своихъ, когда бы она не была сильнѣе и умнѣе мушницъ.“ Одна спросила: „братъ твой, консуль, умѣетъ писать?“ Я старалась дать имъ самое выгодное понятіе о мушцинахъ своей родины, но не думаю, чтобъ успѣла вполнѣ, и онѣ все представляли себѣ нашихъ женщинъ выше и сильнѣе мушницъ.

Ужинъ былъ тотъ же, что и обѣдъ, и въ томъ же порядкѣ; только прибавлено еще блюдо маленькихъ зеленоватыхъ сосисекъ. Онѣ были сдѣланы изъ мяса съ рисомъ, завернуты въ листья, обжарены въ маслѣ, и очень вкусны. Асмѣ, очень красивая дѣвочка, лѣтъ осьми (старшая дочь Сале-бека), и Селимъ ѣли со мною; но хозяйки стояли вокругъ. Я разказывала имъ, какъ въ Англіи сидятъ на стульяхъ, за высокимъ столомъ, и ѣдятъ съ особенныхъ тарелокъ, ножами, вилками и ложками, мушцины вмѣстѣ съ женщинами. Онѣ только повторяли: „О, какъ дивно!“ потому что и не слышивали, какъ можетъ женщина ѣсть въ присутствіи мушцины, хотя бы то былъ мужъ или отецъ ея.

Послѣ ужина стали говорить о войнѣ. Онѣ говорили, какъ боятся за двухъ старшихъ сыновей, которые, всего на шестнадцатомъ или на семнадцатомъ году, должны постоянно быть на войнѣ, въ горахъ, и участвовать во всѣхъ стычкахъ. Оба мальчика не разъ уже бывали слегка ранены, и матери каждый день того и ждали, что услышатъ о ихъ смерти.

Потомъ онѣ запыли пѣсню о губернаторѣ Магоммедѣ, который былъ на ту пору въ отсутствіи изъ города. ¹ Чер-

¹ Иностранцамъ, замѣчаетъ авторъ, очень трудно понимать арабскія пѣсни. Покуда женщины пѣли, я могла уловить почти одинъ только смыслъ и сюжетъ того что пѣлось. Гельвѣ, по просьбѣ моей, объясняла мнѣ слова простою рѣчью и знаками, и уже черезъ годъ, въ Гауфѣ, при помощи ея, я могла выкинуть изъ слова пѣсенъ на столько, чтобы передать ихъ по-англійски.

ныя невольницы стали плясать въ одиночку и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Онѣ тихо и граціозно поднимали руки надъ головой, выгибаясь всѣмъ тѣломъ впередъ; потомъ вдругъ поднимали голову и выпрямлялись во весь ростъ, держа руки высоко. Члены ихъ казались очень гибки, и онѣ, зовидимому, плясали съ наслажденіемъ; но я нашла, что пляска эта не красива и не оживлена. Онѣ пѣли пѣсню также о красавицѣ своего края, у которой *зубы какъ молнія*. Я спѣла, по просьбѣ хозяекъ, нѣсколько англійскихъ пѣсень и показала имъ нѣсколько фигуръ и *на* изъ нашихъ западныхъ танцевъ. Ихъ очень позабавилъ испанскій вальсъ, который я танцовала тихо съ воображаемымъ кавалеромъ: онѣ заклопали въ ладоши и стали мнѣ бить тактъ.

Я очень утомилась и попросила Суть-Сару какъ-нибудь уложить меня. Но она сказала: „Пойдемъ на террасу; дождь прошелъ, звѣзды свѣтятъ. Пойдемъ, о, дочь моя! А комнату сейчасъ уберутъ.“ Мы пробрались на гаремную террасу, вмѣстѣ съ Гельвѣ. Вокругъ, по высотамъ, горѣли сторожевые огни, и чрезъ крупныя отверстія въ оградѣ можно было смотрѣть внизъ и видѣть какъ двигался народъ по улицѣ; слуги шли впереди и несли фонари передъ господами. А въ темнопурпуровой глубинѣ неба сіяли яркія звѣзды.

Меня повели черезъ дворъ въ четверугольную комнату, и представили четвертой, самой молоденькой женѣ губернатора. Прежде того я и не слыхала о ней. Она окружена была своими женщинами и прислужницами, и сидѣла на матрацѣ, обставленномъ поддержками и покрытомъ шелковымъ шитымъ одѣяломъ. Головной уборъ на ней, былъ украшенъ дорогими камнями, розами и неувядающими цвѣтами, а фіолетовая бархатная куртка ея покрыта богатымъ шитьемъ. Щеки были сильно нарумянены и брови выкрашены, рѣсницы только что были натерты углемъ, а руки—*генною*¹. Она вынула изъ-подъ тяжелыхъ одѣялъ маленькую спеленатую фигурку и подала мнѣ на руки. Это былъ новорожденный сынъ ея. Ему было всего семь дней, и отецъ еще не видалъ его. Мать ждала его въ этотъ день и разчитывала, что въ эту ночь въ первый разъ подастъ ему на руки

¹ Генна—растеніе, котораго желтый сокъ употребляется на составленіе краски для женскаго туалета на Востоку.

ребенка, но онъ еще не воротился въ Аррабе. (Раньше недѣлю послѣ родовъ отецъ, по мусульманскому обычаю, не видитъ ни новорожденнаго, ни матери, а восьмой день считается днемъ ликования и поздравленій. По этому случаю обыкновенно нанимають особенныхъ пѣвицъ).

Приготовили мнѣ кофе и подали наргилѣ; но я не долго оставалась съ молодою матерью и ея ребенкомъ, потому что комната была ужасно натоплена, и я едва могла дышать отъ жару. Большая жаровня съ раскаленными угольями стояла у двери; воздухъ и всѣ вещи въ комнатѣ были какъ будто пропитаны тяжелымъ запахомъ мускуса. Даже кофе и дымъ наргилѣ сильно отзывались мускусомъ. Я была очень довольна когда опять очутилась на террасѣ, подъ звѣзднымъ небомъ и на свѣжемъ воздухѣ.

Вернувшись въ большую комнату, я нашла, что ее уже убрали, и очень чисто. Въ одномъ углу положено было пять матрасовъ, одинъ на другомъ, съ красною шелковою подушкой и съ ситцевымъ одѣяломъ стеганнымъ на ватѣ, — постель для меня. Я было обрадовалась, подумавши, что останусь одна въ комнатѣ. Но скоро надежда моя пропала, потому что на полу постлали еще семь постелей, на каждую по одному только матрасу, тоже съ подушкой и со стеганнымъ одѣяломъ. (У мусульманъ, когда хозяинъ хочетъ оказать большую честь своему гостю, ему стелются на ночь нѣсколько матрасовъ слоями, и какова гостю честь, столько и матрасовъ. Пять матрасовъ—уже великая честь; но братъ говорилъ мнѣ, что ему послали было семь.)

Итакъ всѣ мои хозяйки со всѣми дѣтьми, прислужницами и невольницами, должны были спать въ одной комнатѣ со мною! Изъ углубленія въ стѣнѣ вынули двѣ висячія зыбки (*гамакъ*), длиной фута въ три, и привѣсили на веревкахъ къ кольцамъ, вбитымъ въ потолокъ. Зыбки эти сплетены изъ крѣпкихъ пальмовыхъ листовыхъ стеблей и обтянуты толстою парусиною. Сюда положили двоихъ спеленанныхъ ребятъ и привязали, на всякій случай, крестъ-на-крестъ веревкой изъ пальмовыхъ волоконъ, прикрѣпленною къ угламъ висячки; потомъ, въ срединѣ, поднявши кверху четыре конца веревки фута на три, связали ихъ въ узелъ и прикрѣпили къ тѣмъ веревкамъ, на которыхъ висѣла эта колыбель. Такъ четыре угловыя веревки образовали основу, на которой, въ видѣ палатки

ли полога, развѣшенъ былъ кусокъ кисеи для защиты дѣтей отъ москитовъ.

Покуда я раздѣвалась, женщины съ любопытствомъ наблюдали за мной; когда я надѣла ночную кофту, онѣ очень удивились, и всѣ закричали: „Куда ты собираешься идти? Что хочешь дѣлать? Отчего ты надѣла бѣлое платье?“ Самыя они не мѣняютъ платья на ночь, и какъ есть, въ своихъ яркихъ цвѣтныхъ платьяхъ, въ одну минуту готовы были лечь въ постель; но все еще стояли около меня, покуда я не сказала: „Спокойной ночи“; тутъ всѣ онѣ поцѣловали меня и пожелали мнѣ хорошихъ сновъ. Тогда я стала на колѣни; потомъ, не говоря больше ни слова, легла въ постель и обернулась лицомъ къ стѣнѣ, думая о странномъ днѣ, который провела въ этомъ мѣстѣ. Я старалась поскорѣе заснуть, хотя слышала какъ онѣ около меня шептались. Не болѣе пяти минутъ пролежала голова моя на мягкой красной шелковой подушкѣ, какъ я почувствовала, что чья-то рука гладитъ меня по лбу и услышала очень тихій и вѣжливый голосъ: „Са хабиби!“ то-есть, „дорогая моя!“ Я подождала немного, и опять почувствовала какъ чья-то рука гладила меня по лицу. Кто-то поцѣловалъ меня въ лобъ, и я опять услышала тотъ же голосъ: „Маріамъ, поговори съ нами! Поговори, Маріамъ, милая!“ Дольше нельзя было выдержать; я обернулась и увидѣла Гельвѣ, хорошенькую жену Сале-бека: ея лицо наклонилось къ моему лицу. Я сказала: „Что, сладость моя? чего ты хочешь отъ меня?“ Она отвѣчала: „Что такое ты сейчасъ дѣлала, когда становилась на колѣна и закрыла лицо обѣими руками?“ Я сѣла на постель и сказала серьезнымъ тономъ: „Я говорила съ Богомъ, Гельвѣ!“ — „Что ты Ему говорила?“ спросила она. Я отвѣчала: „Я хочу спать, а Богъ никогда не засыпаетъ. Я просила Его, чтобъ Онъ сохранилъ меня, чтобъ Онъ далъ мнѣ уснуть съ мыслью о томъ, что Онъ никогда не засыпаетъ, и проснуться съ мыслью объ Его присутствіи. Я слаба, а Богъ всемогущъ. Я просила Его, чтобъ Онъ меня укрѣпилъ Своею силой.“ Въ это время уже всѣ женщины сѣли около меня на постель, и невольницы тоже подошли и стали кругомъ. Я сказала имъ, что не знаю ихъ языка на столько, чтобы выразить имъ все что у меня на мысли. Но я успѣла уже выучить

наизусть по-арабски молитву Господню, и тихо повторила имъ ее отъ слова до слова. Когда я начала: „Отче нашъ иже еси на небесѣхъ,“ Гельвѣ перервала меня: „Ты говорила вѣдь что отецъ твой въ Лондонѣ?“ Я отвѣчала ей: „У меня два отца, Гельвѣ! Одинъ въ Лондонѣ: онъ не знаетъ что я здѣсь и не узнаетъ пока я не напишу и не разкажу ему; и другой— Отецъ небесный, Онъ всегда со мною, Онъ здѣсь теперь, и видитъ насъ и слышитъ! Онъ и вамъ отецъ тоже. Онъ насъ научаетъ отличать добро отъ зла, если мы Его слушаемъ и Ему повинемся.“

На минуту настало совершенное молчаніе. Всѣ онѣ, казалось, были поражены, какъ-будто почувствовали, что съ ними присутствуетъ какая-то невидимая сила. Наконецъ Гельвѣ спросила: „Ну, что ты еще сказала?“ Я продолжала молитву Господню, и когда дошла до словъ: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь,“ онѣ спросили: „Развѣ ты не умѣешь сама себѣ изготовить хлѣбъ?“ Слова: „Остави намъ долги наши, какъ и мы оставляемъ должникамъ нашимъ“, выходятъ особенно выразительно на арабскомъ языкѣ, и одна изъ старшихъ, женщина суроваго и непреклоннаго вида, услышавши эти слова, сказала: „Неужели ты должна эти слова говорить каждый день?“—какъ будто ей пришло на мысль, что трудно иногда исполнить то о чемъ въ тѣхъ словахъ сказано. Спросили онѣ еще: „Ты мусульманка ли?“ Я отвѣчала: „Я не называюсь мусульманкою. Но я сестра ваша. Тотъ же Богъ, что создалъ васъ, и меня создалъ, Единый Богъ, Богъ всѣхъ людей, Онъ мнѣ Отецъ и вамъ Отецъ.“ Тутъ онѣ спросили, знаю ли я Коранъ, и очень удивились, услышавши, что я читала его. Подали мнѣ четки и сказали: „Знаешь ли ты, что это такое?“ Я повторила имъ медленно и со вниманіемъ самыя значительныя и понятныя свойства Божіи по четкамъ¹.

¹ Въ поясненіе этихъ словъ, приводимъ изъ другаго мѣста въ книгѣ слѣдующій любопытный разказъ:

„Однажды, въ воскресенье, говоритъ авторъ, описывая жизнь свою въ Гауфѣ, мусульманинъ, извѣстный по своей учелости и пользовавшійся общимъ уваженіемъ, просилъ позволенія присутствовать при нашемъ богослуженіи. Мы охотно приняли его, и онъ съ нашимъ служебникомъ (*prayer book*) въ рукахъ, слѣдилъ внимательно за каждымъ словомъ службы, съ необыкновеннымъ интересомъ или, лучше сказать, любопытствомъ. Онъ оставилъ даже на время свои ятарныя четки. Однакожь по окончаніи молитвы четки тотчасъ появились въ рукахъ у него, и быстро задвигались между кра-

Всѣ онѣ закричали въ одинъ голосъ: „Машалла! Англійская дѣвушка — правовѣрная!“ Вокругъ стояли впечатлительныя, воспріимчивыя Абиссинки-невольницы, и онѣ въ одинъ голосъ сказали: „Да она просто ангелъ!“

У мусульманъ, какъ у мужчинъ такъ и у женщинъ, постоянно на устахъ има Божіе, „Аллахъ“; но у нихъ нѣтъ, повидимому, живаго представленія о силѣ Божіей и о присутствіи Божіемъ, нѣтъ сознательной мысли о духовномъ общеніи съ Богомъ. Обыкновенными привѣтствіями при встрѣчѣ и прощаніи служатъ у нихъ трогательныя и прекрасныя слова молитвы и хваленія; поэтическое чутье и восточная натура ихъ помогаютъ имъ прибирать такія слова на каждый случай. Но мнѣ казалось, что эти привѣтствія ихъ все-таки служатъ только, по мѣрѣ надобности, выраженіемъ учтивости, почтенія,

связки и совершенно опрятными пальцами. Мусульманинъ чувствуетъ себя какъ-то неловко, когда у него нѣтъ въ одной рукѣ трубки, а въ другой четокъ.

„Когда всѣ хрістіане вышли, я спросила у него: — Позвольте спросить, превосходительный, для чего у васъ употребляются четки: просто это игрушка, занятіе для пальцевъ, или это служитъ замѣнъ для счета молитвамъ и возгашеніямъ?“

„Окъ, насколько не колеблясь, тотчасъ же объяснилъ мнѣ употребленіе четокъ. Вотъ что сказалъ окъ мнѣ:—Принадлежности или особенныя свойства Божества весьма многообразны; но есть въ ихъ числѣ девяносто девять, которыя всѣ должны знать наизусть и держать въ умѣ постоянно. Вотъ эти четки состоятъ изъ 33 косточекъ, что выходитъ на три поворота 99; по этимъ косточкамъ мы считаемъ свойства Божіи.—Тутъ окъ изложилъ четки у меня изъ рукъ и, перебирая пальцами косточку за косточкой, сталъ повторять съ особенною медленностью и съ важными виденіями:—Богъ создатель—Богъ промыслитель—Богъ всеблагій—Богъ избавитель—Богъ превѣчный—Богъ вседѣсуцій—Богъ вселицицій—Богъ всеимостивый—Богъ всемогущій—Богъ Царь царствующихъ“ — и такъ далѣе, пока четки обернулись у него по пальцамъ три раза; окъ составилъ изъ 33 большихъ ялицеобразныхъ зеренъ темноватаго ястара. Окъ приложилъ на себя трудъ все пояснить мнѣ, замѣтивъ какъ я этимъ интересуюсь.

„Я сказала:—Теперь, когда вы, превосходительный, объяснили мнѣ торжественныя и прекрасныя слова этихъ четокъ, я желаю бы, чтобы никто не произносилъ ихъ скороговоркой и безъ мысли.—Окъ отвѣчалъ:—Правда твоя, сестра моя! Къ Богу надо приближаться съ благоговѣніемъ.—Но я могла замѣтить и на немъ, что ему самому было гораздо труднѣе произносить свойства Божіи съ разстановкой чѣмъ скоро проговорить ихъ, какъ обыкновенно всѣ дѣлаютъ. Помолчалъ немного, окъ сказалъ:—Всакому чловѣку, у кого душа не злая и не аживая, приписано особенно одно изъ этихъ божественныхъ свойствъ, и дѣйствуетъ на

благоволенія или нѣжнаго чувства. Точно такъ какъ старинное англійское: Господь съ тобою! потеряло свое первоначальное значеніе, превратившись въ извѣстное присловье *good-bye*. Мусульманскія возгласенія передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, и во время омовеній, стали теперь просто внѣшними обращеніями къ себѣ, безъ мысли объ отношеніи къ высшей невидимой силѣ. А положенныя по обряду ежедневныя молитвы, которыя мужчины исполняютъ съ такою строгостію, а женщины постоянно опускаютъ,—превратились въ одну формальную обрядность, хотя слова этихъ молитвъ часто поражаютъ высокою красотой.

Если это впечатлѣніе меня не обманываетъ, оно объяснитъ и то, почему такъ поражены были женщины, когда отвѣчая на вопросъ Гельве, я сказала просто и серьезно: „Я говорила съ Богомъ“. Это понятіе имѣ и на мысль не приходило,

жизнь его. Если сосчитать число рожденія каждаго человека съ его именемъ, то можно открыть, какое свойство ему приписано.—Въ видѣ примѣра онъ вычислилъ мое имя, и съ тѣхъ поръ всегда называлъ меня: Маріамъ - заступница. Я спрашивала его, въ какомъ смыслѣ приписывается Богу свойство заступника или посредника. Онъ видѣлъ въ томъ просто выраженіе благости, милосердія, готовность прощать. (Другой мусульманскій учитель говорилъ мнѣ, что это означаетъ милость въ правосудіи Божественномъ). Онъ признавался мнѣ, что не считаетъ важными дѣлами посты, обряды и церемоніи. Онъ былъ такого мнѣнія, что довольно исполнять свой долгъ въ отношеніи къ людямъ и носить въ сердцѣ благодарность къ Богу; но вотъ что сказалъ онъ при этомъ:—Когда бы я не соблюдалъ постовъ и праздниковъ и не совершалъ бы положенныхъ омовеній и молитвъ по три раза въ день, голосъ мой не шѣлъ бы никакого вѣсу въ меджишѣ (въ совѣтѣ), и я потерялъ бы все свое значеніе. — Онъ увѣрялъ меня, что не мало есть просвѣщенныхъ мусульманъ, которые также какъ онъ думаютъ объ этомъ, но таить мысли своего сердца.

„Братъ мой, прибавляетъ авторъ, почти никогда не говорилъ съ мусульманами о религіи, и мнѣ совѣтовалъ быть осторожною въ такихъ рѣчахъ; и я никогда не касалась этого предмета въ разговорѣ ни прямо, ни стороною, развѣ случалось мнѣ встрѣтить человека съ высокими умомъ и понятіями; но и тутъ говорила я речью осторожно, и всегда старалась вести рѣчь такъ, чтобы въ ней слышалась только любезнотельность, но никакъ не учимельство или прозелитизма. И мнѣ постоянно отвѣчали охотно и съ любезностію, хотя и не всегда удовлетворительно. Я видѣла, что вопросы мои не смущаютъ и не задѣваютъ никого, потому что тѣ самые люди, которыхъ я объ этомъ спрашивала, всего охотнѣе потомъ со мной сходались и вступали въ разговоръ, вѣроятно потому что такой разговоръ съ женщиной интересовалъ ихъ самихъ какъ необыкновенное явленіе.“

и онѣ невольно должны были подумать, что я вѣрю, что слова мои дѣйствительно будутъ услышаны. Напротивъ, когда бы я отвѣчала имъ обычною фразой, напримѣръ сказала бы: „я молилась“, или: „я стояла на молитвѣ“, то по всей вѣроятности это далеко не такъ поразило бы ихъ, хотя онѣ и подивились бы, что Френджи тоже Богу молится. Одна изъ женщинъ замѣтила, что ни одинъ народъ, кромѣ мусульманъ, не молится истинному Богу.

Поговоривши съ ними еще нѣсколько времени и отвѣтивши, какъ могла, яснѣе на ихъ серіозные, но робкіе и дѣтскіе вопросы, я еще разъ пожелала имъ спокойной ночи. Онѣ поцѣловали меня и оправали мою подушку. Но, хоть я физически утомилась, духъ мой былъ такъ возбужденъ и заинтересованъ, что я не могла скоро заснуть. Я смотрѣла на женщинъ какъ онѣ лежали подъ пестрыми одѣялами, головой на низкихъ шелковыхъ подушкахъ. Фонарь на табуретѣ посреди комнаты освѣщалъ монеты и камни на ихъ головныхъ уборахъ. Иногда закричитъ ребенокъ: встанетъ мать или невольница убаюкать его, покормить грудью, не вынимая изъ зыбки. Мать подходила, невольница наклоняла къ ней зыбку на нѣсколько минутъ, и потомъ все опять погружалось въ молчаніе. Въ комнатахъ было жарко, воздухъ спертый, и у чиныхъ во время сна разгорались щеки. Наконецъ и я заснула.

Проснувшись утромъ, я увидѣла что всѣ постели ужъ убраны. Гельвѣ и Сара стояли возлѣ моей, какъ будто въ ожиданіи пока я проснусь. Кучка мальчиковъ толпилась у дверей, при блескѣ солнечнаго свѣта, который дверями входилъ въ комнату. Прислужницы и невольницы болтали другъ съ другомъ, убирая матрасы въ кладовое мѣсто. Ребятишки шумѣли и ссорились. На полу сидѣла черная невольница и растирала въ мраморной ступкѣ только что изжаренныя кофейныя зерна; по всей комнатѣ пахло кофейнымъ ароматомъ. Мнѣ показалось, что ступка выдѣлана была изъ старой капители; она была украшена изящною рѣзьбой и походила на древнюю римскую работу. Другая дѣвушка готовила для дѣтей кашку изъ хлѣба, молока, сахару и оливковаго масла.

Гельвѣ, увидѣвъ что я проснулась, отослала мальчиковъ чтобы не загораживали двери, и въ комнату вошло нѣсколько женщинъ закутанныхъ въ бѣлые балахоны (онѣ дожидались на дворѣ за дверьми). Это есѣдки приходили съ

поздравленіемъ къ молодой родильницѣ, у которой я была наканувѣ, и ихъ звали *послушать, какъ говоритъ съ Богомъ англійская дѣвушка.*

Платье мое разглядывали съ большимъ любопытствомъ, и явилось множество совершенно лишнихъ для меня помощницъ въ туалетѣ. Когда я одѣлась, Гельвѣ сказала: „теперь, Маріамъ, милая, говори съ Богомъ, чтобы слышали и эти женщины, наши сосѣдки.“

Я стала на колѣни и сказала: „Богъ Единный, истинный Богъ, всѣмъ Отецъ и всѣмъ Создатель; кто ищетъ Его по правдѣ, по правдѣ найдетъ Его.“ Потомъ, какъ можно короче и проще, я произнесла молитву, чтобы Богъ сохранялъ насъ въ постоянномъ памятованіи о Немъ; чтобы мы ощущали Его присутствіе; чтобы Онъ написалъ законъ Свой у насъ въ сердцахъ и научилъ насъ всѣмъ умомъ и всею волею искать въ чемъ воля Его о насъ, и во всемъ исполнять ее, чтобы далъ намъ духъ и силу любить Его крѣпче и крѣпче вѣрною и благоговѣнною любовію, и со всѣми людьми жить въ мирѣ.

Помолчавъ нѣсколько, я спросила: „Скажете вы аминь на эту молитву?“ Онѣ колебались, но Гельвѣ закричала: *Аминь! Аминь!* и всѣ разомъ повторили это слово вслѣдъ за нею.

Тутъ Сара сказала: „говори еще, о, дочь моя, говори о хлѣбѣ“. И я повторила молитву Господню, и по просьбѣ ихъ объяснила имъ каждое слово (какъ сама разумѣю). Еще задавали онѣ мнѣ нѣсколько очень любопытныхъ и смысленныхъ вопросовъ, и стали просить меня чтобы я навсегда съ ними осталась; но въ то время какъ я пила кофе со сливками и съ горячимъ хлѣбомъ, одинъ изъ мальчиковъ принесъ мнѣ записку отъ брата. Братъ писалъ, чтобы я какъ можно скорѣе шла къ нему въ диванъ, такъ какъ онъ черезъ полчаса готовъ будетъ въ дорогу. Итакъ Сара принесла мнѣ мой дорожный плащъ, который между тѣмъ высушили и расправили. Съ сожалѣніемъ простилась я съ своими друзьями въ гаремѣ. Онѣ твердили мнѣ въ слѣдъ: „Иди въ мирѣ и возвращайся назадъ къ намъ, о, Маріамъ, дорогая наша!“

Миссъ Роджерсъ не уклонялась отъ свиданія и разговоровъ съ мужчинами. Но однажды, когда ей показалось, что свобода ея можетъ показаться соблазнительною для мужчинъ, вотъ какой разговоръ имѣла она съ мужчинами мусульманами о женщинахъ

„Однажды когда собралось къ намъ нѣсколько мусульманъ, друзей нашихъ, я сказала, что хочу предложить имъ важный вопросъ. Сначала я объяснила, что ни обычаи моего края, ни голоса совѣсти не запрещаютъ мнѣ видѣть лицомъ къ лицу кого бы то ни было изъ своихъ ближнихъ. Напротивъ, меня съ дѣтства учили любить каждого и помнить, что всѣ мы одного рода, дѣти Божіи, и сотворены по Его волѣ. Затѣмъ я спросила:—Есть ли у васъ въ священномъ законѣ обязательное правило, которое запрещало бы вамъ видѣть женщинъ не изъ своей семьи и вступать въ обращеніе съ ними? Если такой законъ есть у васъ, я не стану подавать вамъ повода нарушать его, и напротивъ, помогу вамъ его исполнить и не буду къ вамъ показываться.—Они не ожидали моего вопроса, но положительно отвѣчали мнѣ, что у нихъ нѣтъ такого закона, а только правило обычая понуждаетъ ихъ держать взаперти своихъ женщинъ. Могаммедъ-бекъ сказалъ, что ихъ женщины вовсе не годятся для общества, и совсѣмъ не умѣли бы держать себя при постороннихъ. „Еслибы мы дали имъ свободу, онѣ не умѣли бы ею воспользоваться. У нихъ головы деревянные. Онѣ на тебя не похожи. Когда ты говоришь, мы перестаемъ думать, что ты дѣвушка; и намъ кажется, что мы слушаемъ шейха. Жить въ обществѣ, вѣдь для этого надо умѣнье и разумъ. А у нашихъ женъ и дочерей нѣтъ ни того, ни другого. Дай имъ разумъ, тогда и мы дадимъ имъ свободу.“

Въ другой разъ миссъ Роджерсъ говорила о томъ же съ мужемъ своей любимицы Гельвѣ, Сале-бекомъ, который смотрѣлъ на вопросъ о положеніи женщины полуевропейскимъ взглядомъ, оставаясь при всѣхъ условіяхъ своего быта. „Онъ былъ такого мѣрня, говоритъ авторъ, что образованность цѣлой страны много зависитъ отъ характера и положенія женщинъ; у него были либеральныя и просвѣщенныя понятія о благотворномъ значеніи женскаго образованія и свободнаго положенія женщины въ обществѣ; но самъ онъ не зналъ какъ приступить къ преобразованію, и замѣчалъ очень благоразумно, что всякій крутой поворотъ въ этомъ дѣлѣ былъ бы весьма опасенъ и произвелъ бы болѣе зла чѣмъ добра. Объ этомъ предметѣ я сама глубоко и серьезно раз-

мышляла, и нашла, что чрезвычайно трудно придти къ какому-нибудь практическому заключенію.“

Въ книгѣ есть страницы интересныя не только для любознательнаго читателя, но и для специалиста занимающагося изученіемъ Востока. Вотъ, напримѣръ, описаніе арабскаго обычая имѣющаго юридическое значеніе: мистриссъ Финнъ, жена британскаго консула въ Іерусалимѣ, купила часть земли для тамошняго „общества распространенія земледѣлія“ у арабскаго шейха: вотъ какимъ образомъ совершился актъ продажи. Мѣстомъ сдѣлки была контора консульства.

„Мистриссъ Финнъ выступила впередъ, стала между мужчинами и спросила:—Шейхъ, согласенъ ты продать? Шейхъ Сафъ отвѣчалъ:—Я согласенъ продать, миледи; ты согласна ли купить?—На это мистриссъ Финнъ сказала:—Я покупаю, шейхъ! Тогда, заготовленный заранее письменный актъ тутъ же былъ прочтенъ и скрѣпленъ подписью и печатью; и сто пятьдесятъ червонцевъ медленно, монета за монетою, отсчитаны въ руку шейху. Онъ принималъ деньги съ величайшею важною и, повидимому, съ равнодушнымъ видомъ; но другіе, подначальные ему, Арабы смотрѣли на деньги жадными, ястребиными глазами. За тѣмъ, надо было взять въ руку пригоршню мелкой монеты и бросить на полъ. Разумѣется, вся публика бросилась подбирать, и ни одна монета не пропала. Все это дѣлается для того чтобы нельзя было опредѣлить въ точности, какая именно сумма заплачена за имѣніе. Безъ этой предосторожности сдѣлка съ арабскимъ племенемъ можетъ оказаться ничтожною, такъ какъ по правилу покупателей обязанъ возвратитъ имѣніе продавцу или законному собственнику по первому требованію, какъ скоро онъ внесетъ сполна всю сумму заплаченную за имѣніе.“¹

Очень любопытенъ разказъ о потомкахъ древнихъ Самарянъ, которые еще держатся до сихъ поръ въ Наблусѣ (древній Сихемъ), сохраняя во всей строгости свои особенныя вѣрованія и обряды, и ревниво удерживая за собою тотъ характеръ замкнутаго племени, который принадлежалъ ему въ древней Іудеѣ. Посреди разноплеменнаго населенія въ Наблусѣ, Самаряне уживаются со всеми, хотя и не со всеми

¹ Не имѣютъ ли подобнаго значенія тѣ дополнительныя условія о „заполнѣ“, которыя такъ часто встрѣчаются въ старинныхъ русскихъ купчихъ?

одинаково. Европейцы-протестанты благоволятъ къ нимъ и охотно съ ними сходятся, такъ же какъ и христіане православныя, и многіе изъ мусульманъ. Но ближайшіе ихъ сосѣди, Евреи, остаются до сихъ поръ вѣрны слову: „не прикасаются Жидове Самарянамъ.“ Евреи терпѣть не могутъ Самарянъ, обвиняютъ ихъ въ ереси, даже въ идолопоклонствѣ, увѣряютъ, будто они кланяются голубямъ, и избѣгаютъ ихъ всячески. А Самаряне, съ своей стороны, увѣряютъ, что Иудеи оставили законъ Моисеевъ, отступили отъ чистоты въ жизни и въ богослуженіи, и слѣдуютъ Талмуду. Они полагаютъ начало отдѣленія своего отъ Иудеевъ въ эпоху Иліи Первосвященника, который, по мнѣнію ихъ, былъ незаконнымъ похитителемъ власти, потому что былъ изъ чуждаго, не священническаго рода.¹ Мусульмане, съ своей стороны, всегда особенно преслѣдовали Самарянъ, и это преслѣдованіе было, конечно, одною изъ главныхъ причинъ того, что населеніе небольшой общины постоянно уменьшалось. Въ XVII столѣтіи у Самарянъ были еще цвѣтуція поселенія въ Египтѣ, но въ XVIII поселенія эти уже исчезли, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія Набусъ и Яффа были единственными мѣстами поселенія Самарянъ, и въ 1811 году Сильвестръ де-Саси, по собраннмъ свѣдѣніямъ полагалъ всего только 30 семействъ во всемъ населеніи самарянскомъ; а въ 1856 году, вся община состояла изъ 196 человѣкъ. Въ 1842 году Самаряне подвергались сильному гоненію за то что отказались перейти въ мусульманство, и магометанскіе улемы грозили перебить ихъ всѣхъ до одного, на томъ основаніи, что они будто бы не имѣютъ никакой вѣры и даже не признаютъ ни

¹ Извѣстно, что по раззореніи Ассиріянами царства Израильскаго въ области его осталась часть прежнихъ жителей, Ефремова и Малаассіана колѣна, которые смѣшивались съ племенами выселенными туда же изъ Вавилона, Сиріи и Месопотаміи, на мѣсто выведенныхъ изъ родины туземцевъ, и получили потомъ отъ Грековъ названіе Самарянъ, по Самаріи; переселенцы привнесли съ собою обычай и понятія идолопоклонства, такъ что въ самихъ оставшихся на мѣстѣ Израильтянѣхъ запуталось понятіе о еврейскомъ законѣ, и религія ихъ получила потомъ значеніе раскола самарянскаго. Когда, по возвращеніи Иудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, началось строеніе храма, Самаряне тоже хотѣли принять въ немъ участіе; но Иудеи не согласились допустить ихъ, потому что считали ихъ за не чистыхъ и за раскольниковъ; слѣдствіемъ этого были извѣстныя по библейскому разказу пренески Самарянъ помѣщать строенію храма и великая ненависть Иудеевъ и Самарянъ никогда не прекращавшаяся.

одной изъ пяти вдохновенныхъ святыхъ книгъ. Этихъ книгъ, по вѣрованію мусульманъ, пять: Законъ Моисеевъ, Псалмы, Пророки, Евангеліе и Коранъ; только ту вѣру терпятъ мусульмане, которая признаетъ одну изъ этихъ книгъ священною. Самаряне, узнавъ объ этомъ, стали доказывать, что вѣрують въ Пятикнижіе и показывали свою книгу, но мусульмане не хотѣли вѣрить, потому что не понимаютъ по-самарянски. Пришлось обратиться къ главному раввину Іудеевъ іерусалимскихъ, который считается представителемъ и главою іудейскаго закона, и раввинъ далъ отъ себя письменное удостовѣреніе, „что самарянское племя составляетъ отрасль сыновъ Израиля признающихъ истину Торы,“ то-есть Пятикнижія; и тогда только, благодаря этому удостовѣренію, а главное при помощи подарковъ, гоненіе приостановилось. Теперь главную защиту свою Самаряне видятъ въ англійскомъ правительствѣ и въ той силѣ, которую оно имѣетъ на Востоку; они считаютъ себя подъ особымъ покровительствомъ Англичанъ, которыхъ участіемъ съ недавняго времени пользуются. Лордъ Кларендонъ формальными инструкціями поручилъ британскимъ консуламъ въ Палестинѣ защищать Самарянъ, въ случаѣ нужды. Лорду Стратфорду де-Реклифу поручено было особенно ходатайствовать за нихъ передъ Портою. Вслѣдствіе того, англійское имя особенно популярно между Самарянами. Проживая въ Наблусѣ, вмѣстѣ съ братомъ, который посланъ былъ туда для развѣдокъ и наблюдений за смутами тревожившими этотъ край, миссъ Роджерсъ и здѣсь умѣла поставить себя въ свободныя отношенія ко всѣмъ классамъ разноплеменнаго общества. Самаритяне больше всего интересовали ее въ Наблусѣ, и со многими изъ нихъ она видѣлась ежедневно. Почти каждое утро приходилъ къ ней священникъ Амранъ, глава самаритянской общины, котораго она описываетъ умнымъ, ученымъ и вѣжливымъ человѣкомъ, и отъ него-то получала она свѣдѣнія о его племени. Вся община состояла въ то время изъ 196 человѣкъ, а Наблусъ одно только мѣсто, гдѣ живутъ Самаритяне. Въ городѣ они занимаютъ отдѣльный кварталъ.

„Кварталь самарянскій—разказываетъ миссъ Роджерсъ,—состоитъ изъ неправильной группы двухъэтажныхъ домовъ, въ самой населенной части города. Мы шли по узкимъ переулкамъ съ выбѣленными стѣнами, потомъ по кривой, непокрытой, крутой каменной лѣстницѣ, и пришли на откры-

тый дворъ; густое, большое лимонное дерево росло у самой двери; здѣсь сняли мы башмаки: передо мною былъ входъ въ синагогу. Это старинное зданіе со сводомъ, безъ всякихъ украшеній, очень простаго вида. Амранъ представилъ меня главному священнику, старику отцу своему, по имени Селамѣ, тому самому, который въ 1808 году велъ переписку съ барономъ де-Саси. Онъ принялъ меня очень любезно... Сидя на дыновкѣ разостланной на каменномъ полу, я слушала медленную и торжественную рѣчь старика священника. На немъ былъ широкій голубой кафтанъ, съ красною тесьмой по краямъ, а подъ низомъ былъ еще надѣтъ атласный поло-сатый *кумбазъ*, въ родѣ халата: большой тюрбанъ весь бѣлый, и длинная борода тоже вся бѣлая. Онъ обратилъ мое вниманіе на занавѣсь въ синагогѣ: четырехъ-угольное полотнище изъ бѣлой камки, украшенное множествомъ нашивокъ изъ красной, пурпуровой и зеленой матеріи, очень фигурно и изящно расположенныхъ. По его мнѣнію, этой занавѣси было лѣтъ шестьсотъ или семьсотъ, но мнѣ показалось, что развѣ въ половину. Я срисовала себѣ фигуры; потомъ священникъ Амранъ отдернулъ занавѣсь: за нею открылась глубокая ниша, гдѣ хранится свитоки закона. Тутъ всталъ отецъ его, и дрожащими руками вынулъ изъ ниши знаменитый списокъ Торы или Пятикнижіе, который писанъ, по преданію, Ависуемъ, сыномъ Финеаса, сына Елеазарова и внука Ааронова ¹. Онъ хранится въ серебряномъ

¹ Въ другомъ мѣстѣ миссъ Роджерсъ говоритъ объ изслѣдованіяхъ извѣстнаго Левисона въ старинной самарянской письменности. Русское правительство и русскіе ревнители изъ частныхъ людей употребляютъ всѣ усилія для того чтобы разработать восточныя хранилища старинныхъ сирійскихъ рукописей. Имъ удалось выпросить и у Самарянъ нѣсколько драгоценнѣйшихъ списковъ Пятикнижія. Съ одного изъ этихъ списковъ снятъ былъ слѣпокъ и калитграфированъ въ Иерусалимѣ (въ 1861 г.) докторомъ Левисономъ, который ревностно занимается изученіемъ самарянской литературы: онъ дошелъ до того, что можетъ читать не хуже самаго Амрана Левита на старинномъ языкѣ самарянскомъ, который мало кому доступенъ. Вѣроятно, докторъ Левисонъ когда-нибудь обнарудетъ открытыя имъ варианты Моисеева закона по самарянскому и еврейскому тексту: говорятъ, что имъ открыты такіе варианты, которыхъ до сихъ поръ не знали комментаторы.

Изъ позднѣйшихъ извѣстій видно, что докторъ Левисонъ продолжаетъ ревностно заниматься своимъ трудомъ. Въ сочиненіи о Палестинѣ, весьма недавно изданномъ въ Лондонѣ англійскою путешественницей леди Тобинъ (*The Land of Inheritance*) есть любопытный разказъ о разговорѣ,

вызолоченомъ ковчегъ, цилиндрической формы; ковчегъ раскрывается посрединѣ на петляхъ, и на красной атласной пеленѣ, которою онъ покрытъ, вышиты золотомъ еврейскія надписи. Благоговѣнно положилъ старикъ на мѣсто драгоценный списокъ, и потомъ показалъ мнѣ нѣсколько позднѣйшихъ списковъ Пятикнижія, писанныхъ иныя самарянскимъ, другіе арабскими буквами, печатную книгу псалмовъ и гимновъ, нѣсколько толковыхъ книгъ на законъ, разныхъ вѣковъ, исторію самарянской общины отъ Исхода до Магомета, и очень любопытную рукопись, называемую у нихъ книгою Іисуса Навина, которая начинается съ описанія похода соглядатаевъ, посланныхъ Моисеемъ въ Обѣтованную Землю, и оканчивается баснословнымъ описаніемъ жизни и подвиговъ Александра Македонскаго. Повидимому, эта книга у нихъ любимая. Она писана по-арабски, но собственныя имена и нѣкоторыя слова выставлены въ ней на самарянскомъ нарѣчій; мнѣ сказывали, что она сирійскаго, а не еврейскаго происхожденія. Я привезла въ Англію списокъ съ этой замѣчательной книги.“

Самарянская община произвела на миссъ Роджерсъ самое благопріятное впечатлѣніе. Мушны по большей части красивы, высокаго роста, крѣпкаго сложенія и отличаются умомъ, но очень немногіе умѣютъ читать и писать. Женщины скромнаго нрава, а дѣти очень красивы и понятливы, и чрезвычайно живы. Ей сказывали, что Самаряне очень долго живутъ и не подвергаются эпидемическимъ болѣзнямъ, появляющимся иногда въ Наблусѣ. Можетъ-быть причиной этому—простота ихъ жизни и ихъ изысканная опрятность. Обрядо-

который шѣла она съ Левисономъ объ этомъ предметѣ. По словамъ Левисона, въ еврейскихъ спискахъ, сравнительно съ самарянскимъ, вовсе опущены многія поразительныя, по своей ясности, пророчества о пришествіи Мессіи, и одно изъ этихъ пророчествъ слѣдуетъ непосредственно за объявленіемъ закона на горѣ Синайской.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала *Athenaeum* есть извѣстіе о засѣданіи лондонскаго сироегипетскаго общества (13 января 1863 г.), въ которомъ г. Милльсъ читалъ записку о спискѣ съ самарянскаго экземпляра Пятикнижія. Г. Милльсъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ у Самарянъ въ Наблусѣ, въ 1860 году, и видѣлъ самый древній списокъ ихъ закона, хранящійся въ синагогѣ. Списокъ предъявленный имъ собранію снѣтъ съ экземпляра относящагося къ XIV столѣтію. Г. Милльсъ подробно характеризовалъ особенныя принадлежности самарянскихъ списковъ закона и необыкновенную точность, съ которою они дѣлаются.

вый законъ Моисеевъ они соблюдаютъ строго. Три раза въ годъ отправляются они въ торжественной процессіи на вершину горы Гаризинъ, и подымаясь, произносятъ тексты изъ закона; они и до сихъ поръ все также съ гордостью объявляютъ богомольцамъ и путешественникамъ: „Отцы наши въ горѣ сей служаша.“ Гора теперь называется Джебель-Эль-Торъ.

За исключеніемъ Пятикнижія они не признаютъ другихъ книгъ Библіи. Говорятъ, что всѣ остальные книги—поддѣльныя, а 17-ю главу 2 книги Царствъ ¹ считаютъ напраслиной, выдуманною на нихъ врагами-Иудеями, а Иудеи съ своей стороны увѣряютъ, что Самаряне отвергаютъ эту главу, такъ какъ она противъ нихъ свидѣтельствуеть.

Самаряне считаютъ себя чадами Ефрема и Манассіи и увѣряютъ, что священникъ ихъ происходитъ по прямой линіи отъ той отрасли Левіана колѣна, которою совершалось у нихъ богослуженіе непрерывно во всѣ поколѣнія. Священникъ Амранъ съ грустью говорилъ мнѣ: „Увы! у меня нѣтъ сына! Некого мнѣ учить священному языку, некому помогать мнѣ въ богослуженіи, некому наследовать послѣ меня священство. Не дай мнѣ, Боже, быть послѣднимъ въ своемъ родѣ, и оставить народъ свой безъ священника.“

Великое было горе Самарянамъ, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, умеръ послѣдній мужескій представитель рода Ааронова. То былъ послѣдній изъ ихъ наследственныхъ *первосвященниковъ*, и некому стало приносить жертву за народъ. Теперь они должны довольствоваться въ богослуженіи только тѣми обрядами, которые могутъ быть, по закону, совершаемы священникомъ Амраномъ и отцомъ его, представителями колѣна Левіана (см. книгу Числъ, гл. 3 ст. 5 и гл. 18). По смыслу этихъ текстовъ, миссъ Роджерсъ легко могла себѣ представить, каково было отчаяніе Самарянъ, когда они хоронили послѣдняго изъ помазанныхъ сыновъ Аарона, и остались безъ первосвященника и безъ „жертвы о грѣхѣ“ народа.

Въ дни „опрѣсноковъ“ Самаряне живутъ въ кущахъ или палашахъ, на горѣ, развалинъ своего древняго храма. „Въ пятнадцатый день перваго мѣсяца“ цѣлая община, — му-

¹ По нашему расположенію Библіи, 17 глава 4 Книги Царствъ. Здѣсь описано происхожденіе самарянской ереси въ бывшемъ царствѣ Израильскомъ.

щины, женщины и дѣти, кромѣ тѣхъ только, кто на этотъ разъ считается по закону нечистымъ,—всѣ собираются вмѣстѣ священникъ становится на обломкахъ стѣны и читаетъ торжественнымъ и выразительнымъ голосомъ одушевленный разказъ Библии объ Исходѣ. Между тѣмъ заранѣе готовятъ ровъ, футовъ въ десять длиной и фута въ два шириной; во рву раскладываютъ огонь и ставятъ на огонь два котла съ водою. Другой ровъ, въ видѣ колодца, служитъ вмѣсто печи. Сюда приводятъ агнцевъ, сколько нужно для цѣлой общины, обыкновенно семь агнцевъ. На заходѣ солнечномъ, семеро мужчинъ въ бѣлой одеждѣ, берутъ каждый по агнцу и заколаютъ ихъ разомъ, въ одно и то же время, произнося положенныя слова молитвы. Потомъ каждый членъ общины погружаетъ руки въ кровь издыхающей жертвы, и мажетъ себѣ лобъ кровью. Руно обливаютъ кипяткомъ, чтобы шерсть тотчасъ отстала отъ кожи, и обдираютъ жертвы съ большимъ стаганіемъ, тщательно осматривая каждую, нѣтъ ли въ ней порока. Правое плечо и поджилки вырѣзываются и сожигаются на жертвенномъ огнѣ вмѣстѣ съ шерстью. Потомъ сажаютъ семерыхъ агнцевъ на вертелъ и ставятъ въ печь въ вольный духъ; поверхъ печи кладется рѣшетка покрытая дерномъ, чтобы держала жаръ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ заката солнечнаго печь раскрываютъ, и всѣ Самаряне, „опоясавъ чресла своя и съ посохами въ рукахъ“, поспѣшно и съ алчностью ѣдятъ жертвенное мясо. Потомъ заботливо собираютъ всѣ остатки и сожигаютъ въ одной кучѣ, чтобы ничего не осталось на утро.

Праздникъ Кущей также празднуется „въ горѣ сей“. Онъ приходится въ началѣ осени, когда особенно пріятно и прохладно жить въ шалашахъ. Народъ беретъ вѣтви „съ ровныхъ деревьевъ“, напримѣръ дубовыя, строитъ шалаша покрывая ихъ плетевомъ изъ ивяку, гибкихъ пальмовыхъ стеблей, лимонными и апельсинными вѣтвями, оставляя на нихъ и гладкій блестящій листъ и зеленые плоды. Семь дней народъ живетъ здѣсь, радуясь и восхваляя Бога.

Случалось, что Самаряне, къ великому своему горю, бывали принуждены праздновать свои праздники въ другомъ мѣстѣ и тайно, скрываясь отъ фанатическаго преслѣдованія наблусскихъ мусульманъ. Но священникъ Амранъ говорилъ миссъ Роджерсъ: „Теперь мы знаемъ, что за насъ Англичане сказали свое слово,

и ужь не боимся. И въ этотъ годъ, несмотря на междуусобную войну, мы заколемъ пасхальнаго агнца на той горѣ, гдѣ кланялись отцы наши.“

Самаряне составляютъ какъ будто одну семью. Народъ смотритъ на своего наслѣдственнаго священника какъ на отца или вождя свыше поставленнаго, и священникъ, повидимому, знаетъ въ подробности исторію и характеръ каждаго члена своей общины. Онъ и державецъ, и судья, и врачъ, и учитель, и совѣтникъ, и другъ всѣхъ и каждаго. Въ Самарянахъ вовсе не замѣтно сильнаго религіознаго одушевленія, хотя они, конечно, чтятъ благоговѣно свою теологическую систему и все что къ ней относится, и особенно чествуютъ мѣсто древняго храма на горѣ, гдѣ кланялись отцы ихъ; придаютъ важное значеніе обрядамъ и особенно законамъ относящимся до брака, до пищи и до омовеній. Они строго соблюдаютъ субботу, въ смыслѣ матеріальномъ, безъ малѣйшаго признака духовнаго благочестія. Богослуженіе у нихъ шумное, и въ немъ, на взглядъ, не замѣтно даже наружнаго благоговѣнія. Они не избѣгаютъ дружественныхъ и торговыхъ сношеній съ чужестранцами, но ни коимъ образомъ не вступаютъ съ ними въ бракъ. Однако община ихъ не велика, и потому въ бракахъ между собою не рѣдко встрѣчаются у нихъ серіозныя затрудненія. Въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ совѣту священника, и онъ, либо старикъ Селаме, отецъ его, одни имѣютъ власть совершать бракъ: безъ ихъ согласія ни одинъ бракъ состояться не можетъ. „Теперь, говорилъ нашей путешественницѣ священникъ, у насъ гораздо больше жениховъ чѣмъ невѣстъ. Невѣсты наши всѣ малолѣтныя, и это не мало даетъ мнѣ заботы. Почти всѣ наши невѣсты обручены уже въ ту пору когда онѣ говорить еще не умѣли, а какъ имъ будетъ одиннадцать либо двѣнадцать лѣтъ, то и выдаютъ ихъ замужъ.“ Миссъ Роджерсъ приводитъ извѣстные ей случаи браковъ. Одинъ женихъ, обрученный съ невѣстой когда она была еще въ колыбели, долженъ былъ ѣхать въ Европу когда невѣста его пришла въ возрастъ. Священникъ не позволилъ ей ждать, но въ отсутствіе жениха выдалъ ее за другаго, за вдовца, а семилѣтнюю дочь этого вдовца назначилъ въ невѣсты бывшему жениху ея мачихи.

Все интересно въ книгѣ миссъ Роджерсъ, но едва ли не самыми интересными для большинства русскихъ читателей покажутся въ ней тѣ страницы, которыя относятся къ объясненію знакомыхъ каждому библейскихъ сценъ, событій и

текстовъ,—тою обстановкой, посреди которой авторъ вспоминалъ о нихъ съ одушевленіемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій и описаній отличаются такою простотою и изяществомъ и придаютъ такую живость и свѣжесть впечатлѣнію читателя знакомаго съ Библией, что, мы надѣемся, читатели наши не посѣтуютъ на насъ, если мы ихъ выпишемъ.

Вотъ, напримѣръ, описаніе ночи, которую миссъ Роджерсъ провела въ деревнѣ Кофръ-Кара, по дорогѣ въ городъ Аррабе, куда она ѣхала съ своимъ братомъ.

„Въ деревнѣ былъ всего одинъ каменный домъ, и въ этотъ домъ привели насъ. Мы съ радостію сошли съ лошадей прямо въ отворенныхъ дверяхъ, откуда видѣлось пламя огня разложеннаго въ комнатѣ. Весь домъ состоялъ изъ одной высокой комнаты, футовъ въ восемнадцать въ квадратѣ. Потолокъ изъ тяжелыхъ брусьевъ и древесныхъ вѣтвей, закоптѣвшихъ отъ дыму, держался на двухъ широкихъ аркахъ. Стѣны были сложены изъ грубо-обтесанныхъ камней безъ всякой замазки. Въ самыхъ дверяхъ стояли осель и пара воловъ, и я скоро примѣтила, что болѣе трехъ четвертей пространства въ комнатѣ оставлено было для скота; здѣсь былъ полъ земляной, вровень съ землею, отчасти устланный соломой. А насъ заставили подняться по двумъ ступенькамъ на помостъ, устланный обрывками старыхъ ковровъ и рогожъ; тутъ сидѣли три старика очень почтеннаго вида (одинъ слѣпой) и курили. Они встали, поклонились намъ и опять въ молчаніи взялись за свои трубки. На нихъ были широкіе бѣлые тюрбаны и платье темнаго цвѣта. Бороды у нихъ были длинныя, густыя, сѣдыя. Они были босы, потому что оставили свои красныя туфли внизу, у помоста. Шейхъ вынулъ изъ углубленія въ стѣнѣ нѣсколько рогожекъ и подушекъ, и разостлалъ ихъ для насъ на полу. Между тѣмъ привели и развьючили мула, обвѣхъ лошадей нашихъ разсѣдали и привязали въ нижней части комнаты. Шейхъ просилъ нельзя ли оставить тутъ и его воловъ, потому что ночь была сырая. Братъ согласился, но просилъ не приводить еще скота и пристроить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ нашихъ служительскихъ лошадей. Почти на серединѣ помоста ярко горѣлъ огонь на кострѣ изъ полѣньевъ, терновника и смолистаго хвойнаго кустарника. Вровень съ помостомъ, у самаго края, въ камнѣ было выдолблено трое яслей,

каждыя фута въ три. Могаммедъ, нашъ грумъ, наполнилъ эти ясли ячменемъ, и усталыя животныя принялись за свой ужинъ...

„Въ комнатѣ не было для дыму другаго выхода кромѣ отверстія надъ дверями, такъ что съ перваго раза было трудно различить очертанія. Замѣтны были какіе-то странныя, неправильные выступы и ниши, и углубленія, въ которыхъ лежали кучей матрасы и наставлены были кувшины и кухонная посуда. Стѣны, всё закоптѣвшія отъ дыму, обмазаны были глиной.

„....Я начинала засыпать, но большая кошка тихо и осторожно ступила мнѣ на голову и перервала мою тревожную дремоту. Я поднялась и посмотрѣла кругомъ: была полночь, горѣла еще лампа, и при ея свѣтѣ можно было различить въ комнатѣ странныя группы и фигуры. Прежде всего взгляды мой остановился на Африканцѣ-сороходѣ, огромнаго роста. Онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ и прислонившись къ стѣнѣ спиною. Руки у него были сложены, и открытые глаза смотрѣли неподвижнымъ взоромъ; онъ былъ недвижимъ какъ статуя. Отъ бѣлаго тюрбана и отъ блеска открытыхъ глазъ, голова его бросалась въ глаза прежде всѣхъ другихъ предметовъ въ комнатѣ. Братъ мой покойно спалъ на матрасѣ неподалеку отъ меня, а за нимъ Арабъ, секретарь его, храпѣлъ подъ тяжелымъ стеганымъ одѣяломъ. Вооруженный проводникъ нашъ и кавасъ, закутавшись въ плащи и ковры свои, лежали у стѣны, головами на сѣдлахъ, вмѣсто подушекъ. Дальше, погонщикъ муловъ растянулся на нашихъ чемоданахъ, а грумъ нашъ Могаммедъ на кучѣ сѣна, возлѣ лошадей тутъ же привязанныхъ. Въ комнатѣ было душно: воздухъ былъ тяжелъ и пропитанъ табачнымъ дымомъ; ни одного окошка, только пять небольшихъ круглыхъ отверстій надъ дверью. Въ стѣнахъ, два большія овальныя углубленія для матрасовъ, кувшиновъ и т. п., и еще въ дальнемъ концѣ комнаты углубленіе, куда были свалены кучей наши сѣдла и сбруи. Въ каменной стѣнѣ, возлѣ меня, опускающаяся дверь въ хлѣбный амбаръ. Мнѣ было слышно какъ тамъ, за дверью, скребли и возились крысы и мыши, и сѣрая кошка то и дѣло приходила садиться ко мнѣ на подушку. Я поднялась и сѣла; лошадь моя проснулась, заржала и встряхнулась; она пошла бы ходить на привязи и перебудила бы всѣхъ остальныхъ, особенно осла. Грумъ нашъ всталъ; поправилъ свѣтильню, сказалъ

нѣсколько словъ любимой лошади чтобъ ее успокоить, потомъ снова завернулся въ свою верблюжину и растянулся на кучѣ сѣна. Немного спустя, опять водворились вокругъ меня сонъ и молчаніе; но я не могла заснуть. Таинственная фигура чернаго Африканца совершенно приковала меня къ себѣ, долго я не могла отвести отъ него глазъ, а онъ не двигался ни однимъ мускуломъ, не мигнулъ ни разу большими блестящими глазами. Я не могла понять, спитъ онъ или не спитъ, хоть все смотрѣла на него какъ намагнитизированная ¹. Я положила голову на подушку, не переставая думать. Вдругъ поразила меня мысль, что должно-быть въ такомъ точно домѣ Христось родился. Тогда была зима, и по повелѣнію Августа кесаря, Иосифъ, плотникъ изъ рода Давидова, пришелъ изъ Галилеи, изъ города Назарета, въ Иудею, въ градъ Давидовъ называемый Вифлеемомъ, записаться въ списокъ съ Марією, своею обрученною женою.

„Я представила себѣ какъ Иосифъ заботливо искалъ для нея мѣста и пристанища послѣ долгаго пути. Всѣ комнаты для гостей были наполнены народомъ, и не было мѣста въ гостиницѣ. Та часть комнаты, гдѣ настланъ высокій помостъ, вся была ужъ занята пришельцами, которые, подобно имъ, пріѣхали записываться. Но Иосифъ съ Марією могли найдти себѣ убѣжище отъ холода въ нижней части комнаты. Я могла представить себѣ, какъ они помѣстились между скотомъ привязаннымъ къ стѣнѣ, и грѣлись у огня, который недалеко отъ нихъ, на высокомъ помостѣ, разложенъ былъ изъ полѣньевъ и трескучаго терновника. ²

„И когда они были тамъ, наступило время родить ей. И родила сына своего первенца, и спеленала его, и положила его въ ясли.“ А ясли были тутъ же, возлѣ нея, выдолбленныя въ стѣнѣ и наполненныя мягкимъ зимнимъ сѣномъ. Я подняла голову, заглянула въ одни изъ такихъ яслей, и увидѣла какъ было естественно употребить ихъ вмѣсто колыбели для ново-

¹ Послѣ миссъ Роджерсъ узнала, что этотъ человекъ, отъ застарѣлой привычки къ опиуму, спалъ всегда, стоя или сидя, съ открытыми глазами.

² Тернъ въ древности служилъ самымъ употребительнымъ топивомъ въ Палестинѣ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Вѣтхаго Завета; точно также и теперь, говоритъ миссъ Роджерсъ, трескъ сухаго терновника на огнѣ слышится въ этомъ краю повсюду.

рожденнаго младенца. И величина ихъ, и форма, и мягкая подстилка, и близость къ огню, который среди зимы всегда горитъ въ этомъ мѣстѣ, все это должно было тотчасъ же дать эту мысль матери на Востокѣ. Я заснула, воображая всю эту сцену „младенца спеленатаго лежащаго въ ясляхъ“, и какъ Иосифъ съ Маріей радостно сидятъ надъ нимъ и чужеземцы съ пастухами славятъ и благословляютъ его рожденіе.“

Миссъ Роджерсъ не пропускаетъ случая оживить въ памяти читателя ту или другую сцену библейской исторіи, когда ей приходится встрѣчать въ Палестинѣ предметы, которые для нея самой оживляютъ обстановку знакомаго событія. Въ Вилеемѣ, въ домѣ у одного Араба рѣщика, путешественница, описывая молодую мать съ новорожденнымъ ребенкомъ, и другую, старую хозяйку дома, останавливается на покрывалѣ, которое было на одной изъ нихъ.

„На старшей хозяйкѣ была надѣта плотная сорочка изъ синяго холста, и изъ-подъ широкихъ висячихъ рукавовъ видѣлись татуированныя и покрытыя браслетами руки. На головѣ у ней было надѣто длинное, бѣлое, полотняное покрывало; оно падало съ головы на плечи, и покрывало всю ее до босыхъ ногъ граціозными складками. Я подумала, что, конечно, въ такомъ покрывалѣ Руевъ, молодая вдова Моавитянка, за три тысячи лѣтъ назадъ подбиравшая колосья въ этихъ самыхъ поляхъ подъ Вилеемомъ, понесла домой шесть мѣръ ячменя, которыя далъ ей родственникъ ея Воозъ, въ то время сильный и богатый человекъ въ Вилеемѣ Иудейскомъ: „Подай покрывало, которое на тебѣ, и держи его, и когда она держала покрывало, онъ отмѣрилъ ей шесть мѣръ ячменя и возложилъ на нее, и она пошла въ городъ.“ ...Слуги наши пришли съ лошадьми,—продолжаетъ далѣе авторъ,— и мы оставили лавку вилеемскаго рѣщика. Прощальныя слова его: „Миръ Божій съ тобою, мой благодѣтель,“ и отвѣтъ моего брата: „Божіе благословеніе на тебѣ и на домѣ твоёмъ,“ напомнили мнѣ взаимныя привѣтствія Вооза и работниковъ его, которыя много вѣковъ тому назадъ слышались на одномъ изъ этихъ полей¹. У подошвы этого холма, въ

¹ Авторъ часто останавливается на восточныхъ привѣтствіяхъ: они и теперь отличаются тою же простотой и тѣмъ торжественнымъ тономъ, которыми проникнуты бесѣды рѣчи въ Библии. „Иногда, говорить миссъ

эту минуту, мы могли видѣть какъ на поляхъ этихъ работали воды, вымалачивая на току хлѣбныя зѣрна. Мы подходили къ тому самому мѣсту, съ которымъ тамошнее преданіе связываетъ имена Руеи и Вооза; но для меня довольно было и того, что гдѣ-нибудь, въ этой обширной и плодоносной равнинѣ, они встрѣтились, и что Вивелеемъ былъ тотъ самый городъ, въ которомъ Руея радовалась рожденію сына своего первенца, гдѣ горе Ноеммину обратилось въ радость, и „женщины, сосѣдки ея, вмѣстѣ съ нею радовались.“ Вокругъ васъ были небольшія группы мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми; иные смотрѣли за мулами и волами на молотѣхъ; другіе подбирали колосья и пололи траву на сосѣднихъ поляхъ; самыя дѣятельныя суетливо нагружали верблюдовъ мѣшками съ зерномъ. Вглядываясь въ эту картину живой дѣятельности и припоминая всѣ впечатлѣнія того утра, я могла вполне осуществить въ своей мысли прекрасную исторію Руеи.“

Здѣсь же, въ Вивелеемѣ, описывая домъ Араба-хозяина, и устройство матрасовъ и постелей, авторъ дѣлаетъ слѣдующее интересное замѣчаніе: „Такую постель очень удобно могъ взять съ собою капернаумскій больной, когда Христосъ сказалъ ему: Встань, возьми одръ твой и иди въ домъ твой (Марк. гл. 2.). И если дома въ Капернаумѣ въ то время были также построены какъ теперь строятся по большей части городскіе дома въ Палестинѣ, то раскрытіе кровли, о которомъ говоритъ 4-й стихъ той же главы, очень удобно объясняется. Внутренній дворъ въ домѣ бываетъ обыкновенно гораздо обширнѣе окружающихъ его комнатъ, и здѣсь на дворѣ ставятся съ каждой стороны мостки или каменные скамьи, покрытыя коврами и подушками, вмѣсто дивановъ, для сидѣнья днемъ и для спанья ночью. На такой дворъ могъ удалиться Иисусъ отъ напора прибывавшей толпы; и можно себя представить какъ онъ стоялъ тамъ: вокругъ него народъ глядитъ и слушаетъ въ изумленіи, а на диванахъ сидятъ хитрые книжники и смотрятъ презрительно; всѣ за-

Роджеръ, рѣши людей приходившихъ просить покровительства у меня и у моего брата казались мнѣ будто текстами изъ Ветхаго Завета. Одна старуха-мусульманка, съ заботливымъ, изнуреннымъ лицомъ, подошла ко мнѣ, поклонилась, и сказала: „И если я наша благодать предъ лицомъ твоимъ, скажи за меня слово господину моему, твоему брату, чтобы взял сына моего въ службу къ себѣ; скажи, молю тебя, скажи слово за моего сына, ибо онъ одинъ у меня сынъ, и самъ я вдова.“

крыты отъ зноя солнечнаго навѣсомъ изъ рожекъ или парусины; такіе навѣсы обыкновенно вѣшаются на прочномъ ставѣ изъ досокъ и вѣтвей древесныхъ. Когда друзья привезли больного въ домъ гдѣ училъ Христосъ, и „не могли дойти до Него за множествомъ народа“, очень естественно что они взошли на кровельную террасу и раскрыли кровлю двора, то-есть сняли навѣсъ, проломали рѣшетчатый отанъ и спустили внизъ постель, на которой лежалъ ослабленный; разумѣется, еслибы проломали обыкновенную крышу, то деревянные балки, земля и камни, которые обыкновенно насыпаются на потолокъ,—все это провалилось бы внизъ и могло бы придавить народъ въ комнатѣ.“ Кровли палестинскія часто подавали поводъ автору къ интереснымъ и совершенно простымъ сближеніямъ съ извѣстными мѣстами Библии. Такъ въ Иерусалимѣ, говоря о кровельныхъ террасахъ, которыя всегда окружены стѣнкою или парпетомъ, миссъ Роджерсъ указываетъ на связь этого древняго палестинскаго обычая съ словами закона: „Когда ты строишь новый домъ, стави ограду на кровль твоей, чтобы не сотворить убійства въ дому твоёмъ, если кто упадетъ оттуда“. (Второз. XXII. 8.) Вотъ еще интересное мѣсто, которымъ объясняется устройство крышъ на Востокѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя выраженія Библии о птицахъ на кровль, и о травѣ, растущей на крышахъ („на здѣхъ“, по славянскому переводу). Описывая прогулку въ окрестностяхъ Гаифы, авторъ говоритъ: „Мы посмотрѣли внизъ на городъ; на верхушкахъ кровель тысячами сидѣли птички, большею частію воробьиной породы. Плоскія крыши составлены изъ массивныхъ деревянныхъ балокъ, на которыхъ держится частый переплетъ изъ досокъ, жердей и хворостинъ, гладко и крѣпко убитый землею съ мелкими камешками. Въ ожиданіи зимнихъ дождей, кровли были покрыты новымъ слоемъ этого цемента изъ свѣжей земли, взятой съ вольнаго поля и перемѣшанной съ сомою. Свѣжая полевая земля, обильная остатками травъ, ростковъ и дикихъ сѣменъ, естественно привлекала птичекъ, и глядя какъ они тутъ чирикали и прыгали, я поняла настоящій смыслъ выраженія псалмовъ „о птицѣ или воробѣ на кровль“. Дальше авторъ говоритъ еще, описывая весну въ Гаифѣ: „Послѣ обѣда я пошла на горку, гдѣ въ изобиліи цвѣли нарцисы, мѣшаясь съ дикими гиацинтами; съ утеса на утесъ прыгали козлы, наслаждаясь богатымъ пастбищемъ.“

Видъ города совершенно измѣнился: на земляныхъ кровляхъ, недавно насыпанныхъ, проросла свѣжая зеленая трава, такъ что каждая крыша имѣла видъ дерновой площадки; на иныхъ крышахъ даже паслись овцы и козлята. Но эти зеленые кровли рѣдко бываютъ въ состояннн защитить отъ дождя; мы часто слышали какъ сосѣди жаловались, что дождь потоками врывается въ комнаты, и меня самое иногда неожиданно будила ночью такіе сюрпризы. Отъ времени до времени прибавляютъ свѣжей земли и укатываютъ крышу тяжелымъ камнемъ въ родѣ садоваго катка. Такой камень обыкновенно и держатъ всегда на самой крышѣ... Чрезвычайно красиво смотрѣли сады и огорды. Миндальные деревья были все въ цвѣтахъ; лимонныя покрыты плодами. Зимніе дожди миновались: „цвѣты явились на землѣ, время пѣнія приспѣло птицамъ, и гласъ горлицы слышенъ въ землѣ нашей.“ И потомъ еще разъ измѣнился видъ Гауфы; послѣдніе дни, безоблачные и знойные, почти вовсе завялили и сожгли „траву на кровляхъ“, такъ что не осталось зеленого мѣста. Ребята собирали сѣно съ коротенькихъ пожелтѣвшихъ былиннокъ, но мало чего было собрать, потому что травѣ не было времени войти въ ростъ и вынести сѣмя, и сборъ сѣна на кровляхъ имѣлъ видъ простой дѣтской забавы.“ И здѣсь авторъ приводитъ слово псалма 128: „Какъ трава на кровляхъ, которая не бывъ исторгнута, засыхаетъ, которою жнецъ не наполнить руки своей и вяжущій снопы не наполнить горсти.“

Вотъ еще страница изъ описанія похоронъ и обычнаго плача въ домѣ у одного богатаго жителя Гауфы, Сакали, Араба православнаго:

„Калиль, старикъ, отецъ покойнаго, былъ очень огорченъ, а вдова совсѣмъ убита горемъ; горе придавило, ошеломило ее; она не въ силахъ была плакать. „Призовите плакальщицъ и пусть придутъ, и жень искусныхъ—пусть голосятъ. И пусть поспѣшать онѣ и примутъ плачь за васъ, и да изведутъ очи ваши слезы и вѣжды ваши да излиютъ воду.“ (Перев. IX. 18.) И вотъ настали семь дней плача въ домѣ Сакали.

„Я пришла къ плакальщицамъ уже на третій день. Только что вошла я въ домъ, какъ услышала свирѣльщиковъ и людей въ смлтеніи (*сопцы и народъ молящъ*, Матѣ. IX. 24.). Меня привели въ большую, длинную комнату. Съ обѣихъ сторонъ сидѣли рядами женщины; въ срединѣ оставлено было

пустое пространство; тутъ сидѣла вдова и двое младшихъ дѣтей у ея ногъ. Волосы у нея были распущены, голова безъ покрывала, рѣсницы вспухли отъ слезъ, и блѣдное отъ бессонныхъ ночей лицо; казалось, она вдругъ состарѣлась. Платье на ней было разодрано и въ безпорядкѣ; она не ложилась, и не раздѣвалась съ тѣхъ поръ какъ услышала о смерти мужа. Она поцѣловала меня со страстною горячностью, и сказала:—Плачь обо мнѣ; умерь онъ, умерь! Потомъ показывая на дѣтей:—Плачь о нихъ; они сироты безъ отца. Я сѣла около нея. Трехлѣтній ребенокъ приползъ ко мнѣ на колѣни и шепталъ:—Умерь отецъ! потомъ закрылъ себѣ глаза крѣпко, зажалъ ихъ пальчиками и говорилъ:—Вотъ такъ умерь, ничего не видитъ.

„Плачь, который приутихъ было нѣсколько съ моимъ приходомъ, поднялся снова еще сильнѣе. Всѣ женщины были въ самыхъ блестящихъ нарядахъ; всего чаще встрѣчался малиновый шелковый фонъ съ бѣлыми полосами. Много было женщинъ изъ Назарета и изъ деревень. Онѣ сняли покрывала и распустили волосы. По виду онѣ были въ страшномъ волненіи, и у всѣхъ глаза вспухшія, красныя; въ комнатахъ было очень душно, потому что вдова съ главными плакальщицами сидѣла здѣсь безвыходно три дня и двѣ ночи, не давая себѣ ни минуты отдыха; онѣ принимали гостей, приходившихъ плакать вмѣстѣ съ ними. Комната всегда была полна: одни уходили, приходили другіе. При мнѣ было семьдесятъ три плакальщицы, не считая дѣтей, которыя бродили тутъ же безпрестанно.

„Женщины сидѣли на полу, покрытомъ рогожками, въ шесть рядовъ: три ряда направо и три налево. Всѣ онѣ въ тактъ хлопали ладонью или били рукой въ грудь, подъ звуки монотонной мелодіи, которую сами потихоньку пѣли. Первый стихъ начиналъ лѣвый рядъ; заповалой была у нихъ одна знаменитая наемная плакальщица. Имъ отвѣчалъ другой рядъ, правый, еще болѣе низкимъ и жалобнымъ тономъ. Потомъ продолжали первые и т. д. до послѣдняго стиха, который всѣ пѣли хоромъ, и затѣмъ начинались новые стихи тѣмъ же порядкомъ. Послѣ пѣнія всѣ встали и крикнули изъ всѣхъ силъ, производя какіе-то дрожащіе звуки гортанью въ теченіе 3—4 минутъ; а вдова, стоя на колѣняхъ, качалась всѣмъ тѣломъ то впередъ, то назадъ, присоединяясь къ дикому хору слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

„Иныя женщины сѣли послѣ того на полъ въ совершенномъ изнеможеніи, иныя ушли, а новыя гости изъ Акки заняли ихъ мѣсто. Тутъ свирѣящица начала потихоньку ударять въ тамбурина, и все собраніе захопало въ тактъ руками, припѣвая слова пѣсни: „Увы! его нѣтъ! Онъ былъ храбръ, онъ былъ добръ! Увы! нѣтъ его!“ и проч. Встали три женщины съ обнаженными саблями въ рукахъ и стали футовъ на семь, на восемь другъ отъ друга. Онѣ начали пляску, двигаясь медленно и граціозно, опустивъ голову и склоняя къ землѣ свои сабли. Каждая держалась своего круга, не сходясь съ другою. Но мало-по-малу громче становились звуки тамбурина, и хлопанье, и пѣніе; танцовщицы быстрѣе задвигались, закинули головы назадъ, смотря вверхъ страстнымъ взглядомъ, и какъ будто устремляясь къ небу. Онѣ подняли свои сабли и стали махать ими, и по мѣрѣ того какъ разгаралась дикая пляска, блистала яркая сталь, и глаза сверкали новымъ огнемъ. Танцовщицы падали отъ истощенія силъ; тотчасъ другія становились на ихъ мѣсто.

„Все это продолжалось семь дней и семь ночей. Наемныя плакальщицы постоянно наблюдали за тѣмъ чтобы поддерживалось возбужденіе, такъ что пляска смѣнялась плачевнымъ пѣніемъ, и пѣніе пляскою, а промежутки наполнялись дикими истерическими рыданіями и криками. Я пробыла въ комнатѣ около двухъ часовъ, и потомъ смотрѣла нѣсколько разъ на эту сцену изъ верхняго окошка. Я могла замѣтить, что главная заправщица производитъ сильное дѣйствіе на все собраніе; только начинала она голосить какимъ-то особеннымъ, дикимъ тономъ, какъ уже у многихъ показывались слезы и поднимались истерическія движенія. Есть дѣвушки съ какимъ-то болѣзненнымъ расположеніемъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого рода: онѣ славятся тѣмъ, что могутъ по произволу впадать въ припадки неудержимаго рыданія. Настоящія плакальщицы и записныя любительницы, принимающія участіе въ этихъ сценахъ, чувствуютъ себя послѣ того дурно и нѣсколько времени не могутъ оправиться, но простыя гости-дилеттантки, нисколько, повидимому, не страдаютъ отъ усталости или волненія.“

Книга миссъ Роджерсъ такъ интересна, съ первой страницы до послѣдней, что продолжать еще выпуски значило бы переводить цѣлую книгу. Но и того что мы привели, кажется, достаточно для оправданія нашего мнѣнія о книгѣ

передъ читателемъ. Вотъ однакоже еще одна интересная страница:

„Мы шли къ пескамъ черезъ кладбище; солнце ужь сѣло. Позади насъ, въ довольно далекомъ разстоянїи, остался пародъ, гулявшїй около городскихъ воротъ, и курильщики, сидѣвшїе у колодца и у сада: вдругъ увидѣли мы сквозь сумерки, что къ намъ подходитъ какой-то черный человѣкъ массивнаго вида, опоясанный грубою тряпкой; въ рукахъ у него была дубина или, лучше сказать, цѣлый стволъ молодаго дерева, даже не совсѣмъ обрубленный, съ двумя-тремя кривыми вѣтками. Человѣкъ былъ высокаго роста, но дубина была гораздо выше его; онъ шелъ не твердою поступью, и мы скоро признали въ немъ помѣшаннаго Африканца, на котораго недавно еще жаловались губернатору нѣкоторые изъ Европейцевъ, что онъ ходитъ по улицамъ Гауфы почти совсѣмъ голый: вслѣдствїе этихъ жалобъ, его прогнали изъ города. Мы прошли мимо, и онъ пошелъ вслѣдъ за нами, бормоча что-то про себя и издавая странные звуки. Не очень прїятно было имѣть такого спутника. Мы круто повернули лицомъ къ нему и пошли назадъ къ городу: обернулся и онъ, и пошелъ передъ нами. Мы были еще между гробницами: темнота быстро увеличивалась, и кладбище казалось самымъ непрїятнымъ мѣстомъ, самымъ голымъ и безотраднымъ; вокругъ насъ были гробницы всѣхъ вѣковъ, одни вовсе въ развалинахъ, лежавшихъ кучами страннаго безобразнаго вида, другія кое-гдѣ закрыты низкими, темными дубками; мѣстами виднѣлась свѣжая, только-что выбѣленная гробница, и въ темнотѣ свѣтилась будто собственнымъ свѣтомъ. Черный человѣкъ не провожалъ насъ далѣе черты этой смертной обители. Я оглянулась, и увидѣвши его, какъ онъ стоялъ между гробами покачиваясь и помахивая своимъ скипетромъ, не могла не вспомнить какъ описывается въ Евангелїи человѣкъ, котораго встрѣтилъ Христосъ на берегу Галилейскаго озера „уже имяше бѣсы отъ лѣтъ многихъ и въ ризу не облачашеся и во храмъ не живяше, но во гробѣхъ“ (Лук. VIII. 27). Я не считаю бѣднаго помѣшаннаго Африканца за одержимаго бѣсами; но мнѣ казалось очень возможно, что на него вдругъ нападетъ злобный духъ, и я очень была рада, что мы наконецъ очутились далеко отъ него и въ безопасности за городскими воротами.“

II.

Вторая книга, которой заглавіе выписано во главѣ статьи (*Изъ Святой Земли*, Тишендорфа), совсѣмъ не похожа, по содержанію, на первую. Въ той — простая дѣвица, оставляя въ сторонѣ знаменитости и древности края, обращала свое вниманіе исключительно на природу и жителей; а въ этой, ученый лейпцигскій профессоръ Тишендорфъ касается того и другаго только мимоходомъ, и весь свой разказъ посвящаетъ знаменитостямъ и древностямъ Востока и Палестины. Главный предметъ книги, которому остальные части ея служатъ принадлежностью и рамкой, есть знаменитое открытіе, сдѣланное авторомъ въ синайскомъ монастырѣ Св. Екатерины, открытіе, о которомъ до сихъ поръ еще не перестаютъ говорить въ ученомъ мірѣ какъ о послѣднемъ и самомъ драгоценномъ приобрѣтеніи христіанской археологіи. Исторію и значеніе этого открытія самъ авторъ разказалъ уже ученому міру два года тому назадъ въ особой брошюрѣ¹. Теперь онъ разказываетъ ее образованному читателю и присоединяетъ къ ней описаніе своего послѣдняго путешествія по Востоку въ 1859 году и тѣхъ древностей, которыя довелось ему на этотъ разъ вновь увидѣть и подвергнуть новому изслѣдованію.

Обратимся сначала къ этому открытію. Еще въ первой поѣздку свою на Востокъ, въ 1844 году, Тишендорфъ попалъ въ монастырѣ Св. Екатерины на слѣды того сокровища, которое теперь удалось ему вполне приобрѣсть для науки и для Россіи. Роясь въ обширной монастырской бібліотекѣ, отыскалъ онъ въ углу корзину съ обрывками и клочками старыхъ рукописей, которые назначались уже къ уничтоженію. Въ этой корзинѣ, къ великому его изумленію, попалось нѣсколько пергаменныхъ листковъ библейскаго текста, въ которыхъ онъ призналъ сразу списокъ величайшей древности.

¹ *Notitia editionis Codicis Bibliorum Sinaitici auspiciis Imperatoris Alexandri II susceptae. Accedit catalogus codicum nuper ex oriente Petropoli perlatorum.* Lipsiae, 1860.

Часть этихъ листковъ Тишендорфъ выпросилъ у монаховъ, позаботившись о сохраненіи остальныхъ. Эти отрывки привезъ онъ тогда же въ свое отечество; они хранятся и теперь въ библиотекѣ Лейпцигскаго университета, подъ названіемъ: *Codex Frederico-Augustanus*, по имени короля саксонскаго, а литографированный снимокъ съ нихъ изданъ въ Лейпцигѣ. Но остальные листы драгоценной рукописи не давали покоя ученому изслѣдователю. Не успѣвъ достать ихъ перепискою, онъ рѣшился въ 1853 году еще разъ съѣздить за ними въ монастырь, но уже не нашелъ ихъ: по всему вѣроятію надобно было предполагать, что кто-нибудь успѣлъ уже прежде увести ихъ въ Европу; пришлось по необходимости ограничиться тѣмъ, что Тишендорфъ успѣлъ списать въ прежнюю свою поѣздку. Но въ 1859 году онъ отправился въ третій разъ въ тѣ же края, по порученію русскаго правительства, для изслѣдованія христіанскихъ древностей на Востоку, и на этотъ разъ неожиданно отыскалъ сокровище, въ которомъ уже отчаялся. Окончивъ свои занятія въ библиотекѣ Синайскаго монастыря, онъ собрался уже въ обратный путь; но за два дня до отъѣзда случилось ему разговориться о спискахъ Ветхаго Завета, съ монастырскимъ экономомъ. Къ слову экономъ замѣтилъ, что у него есть старый списокъ текста 70 толковниковъ, и досталъ въ углу своей кельи рукопись завернутую въ красное сукно. Развязавъ узелъ, Тишендорфъ съ изумленіемъ и восторгомъ нашелъ въ немъ тѣ самые листы, которые въ 1844 году открылъ онъ въ старой корзинѣ. Всего было здѣсь 346 листовъ большаго формата. Въ рукахъ у счастливаго ученаго находилось сокровище, которому онъ одинъ вполне понималъ цѣну,—почти совсѣмъ полный текстъ Ветхаго Завета, съ Новымъ Заветомъ, Посланиемъ Варнавы и Пастыремъ Ерма. На первый разъ Тишендорфъ не смѣлъ и думать о приобрѣтеніи рукописи: всѣ его желанія ограничивались возможностью списать его; въ монастырѣ не имѣлось для этого средствъ и даже не отъ кого было получить разрѣшеніе на вывозъ драгоценной рукописи изъ монастыря, потому что всѣ монастырскія власти отправились въ Каиръ, чтобъ оттуда ѣхать на выборъ новаго константинопольскаго патріарха. Поспѣшилъ и онъ туда же, и скоро успѣлъ выхлопотать себѣ разрѣшеніе. Рукопись привезли ему изъ монастыря прямо въ Каиръ на почтовомъ дромадерѣ. Ровно два мѣсяца просидѣлъ онъ надъ ней, почти не отрываясь отъ мѣста, наблю-

дая за перепиской, которую приняли на себя въ Каирѣ два отысканные Тишендорфомъ Нѣмца, медикъ и аптекаръ. Переписка сопряжена была съ величайшими затрудненіями и требовала непрерывнаго надзора и указаній. Не говоря уже о трудности разбирать во многихъ мѣстахъ буквы, поблѣвшія отъ времени, величайшая трудность состояла въ восстановленіи всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ первоначальномъ текстѣ были измѣнены позднѣйшими справщиками; а такихъ отмѣтокъ на иной страницѣ приходилось до ста, въ цѣломъ же текстѣ не менѣе 15.000 отмѣтокъ сдѣланныхъ справщиками. Притомъ, рукопись была, какъ видно, въ рукахъ по крайней мѣрѣ шести справщиковъ, работавшихъ надъ нею по крайней мѣрѣ тысячу лѣтъ тому назадъ; каждый изъ нихъ писалъ на свой ладъ, и своимъ почеркомъ, и нерѣдко одинъ исправлялъ то что прежде него написано было другимъ.

Между тѣмъ вѣсть объ открытомъ сокровищѣ привлекала охотниковъ и соревнователей. Въ Синайскій монастырь являлся уже молодой ученый, изъ Англичанъ, спрашивалъ рукопись, и еще не выдавъ ея, уже предлагалъ за нее большія деньги. Но монастырскій игумень отвѣчалъ Тишендорфу, что монастырь готовъ поднести рукопись въ даръ православному императору Александру, но не согласенъ разстаться съ нею за англійское золото. Тишендорфъ разказывалъ далѣе, какъ удалось ему осуществить эту мысль, и осенью, въ 1859-мъ году, привезъ драгоценную рукопись въ Россію. Въ томъ же году начались приготовительныя работы къ великолѣпному изданію ея. Оно окончено, какъ извѣстно, лѣтомъ прошлаго 1862 года, подъ руководствомъ самого Тишендорфа, въ 4-хъ томахъ, in folio, напечатанныхъ in fac-simile, со всею типографскою роскошью, какая только возможна. По общему отзыву, это образцовое *дипломатико-критическое* изданіе ¹.

¹ Заглавіе его: *Biblicorum Codex Sinaiticus Petropolitanus*. Edidit Constantinus Tischendorf. Petropoli. Напечатано всего 300 экземпляровъ, изъ коихъ 200 предполагается разослать въ даръ публичнымъ бібліотекамъ. Въ продажу изданіе это, кажется, не поступало. Англійскій журналъ *Аthenaeum* (31 января 1863 г.) сообщаетъ, что самому Тишендорфу подарено 100 экземпляровъ, и что по порученію его первые 10 экземпляровъ продавались въ Лондонѣ по 25 фунтовъ, а остальные 90 продаются теперь по 34 фунта 10 шилл.

Это великолѣпное изданіе содержитъ въ себѣ, кромѣ текста, предисло-

Чтобы понять важность открытія сдѣланнаго Тисендорфомъ, необходимо припомнить, что возстановленіе библейскаго текста, во всей чистотѣ его, дѣло далеко еще не оконченное. Каждый имѣетъ возможность пользоваться книгами Библіи, оставляющими священный канонъ; но тексты его основаны на спискахъ, а списки эти, особенно списки Новаго Завѣта, требовали тщательной повѣрки; ибо при перепискѣ, начавшейся съ перваго вѣка, первоначальный текстъ подвергался ошибкамъ и искаженіямъ отъ небреженія, невѣжества и непонятливости переписчиковъ. Ошибки были тѣмъ болѣе возможны, что въ древнихъ спискахъ буква ставилась за буквою, безъ пробѣловъ между словами и безъ знаковъ препинанія; притомъ не мало было и такихъ переписчиковъ, которые изъ неумѣстной ревности измѣняли выраженія, дѣлали прибавки и объясненія, и старались согласовать тѣ мѣста, въ которыхъ думали видѣть противорѣчіе. Дѣйствительно, если сравнить всѣ имѣющіеся въ бібліотекахъ старыя греческіе списки Новаго Завѣта между собою и со старыми сирскими, копт-

не автора, комментарий ко всѣмъ вариантамъ старинныхъ списковъ и двадцать одну таблицу съ образцами вариантовъ слатыми en fac-simile. Изготавливается и дешовое изданіе обыкновенными греческими шрифтомъ.

Между тѣмъ въ литературѣ началась полемика о почеркѣ оригинальнаго списка, возбужденная извѣстными Грекомъ Симоидомъ: онъ утверждаетъ, что этотъ списокъ имъ самимъ поддѣланъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но, какъ ни покусаетъ Симоидъ въ подрагахъ, въ этомъ показаніи никто изъ серьезныхъ представителей науки не въ состояніи повѣрить ему: притомъ ему давно уже всѣ перестали вѣрить. Въ русской литературѣ возникла по поводу Синайской Библіи своего рода полемика. Недавно о. архимандритъ Порфирій, жившій довольно долго на Востоку и извѣстный своимъ путешествіемъ на Синай и сочиненіями о синайскихъ древностяхъ, издалъ брошюру, направляемую противъ Тисендорфова открытія, подъ заглавіемъ: *Мнѣніе о синайской рукописи, содержащей въ себѣ Ветхій Заветъ не полный и весь Новый Заветъ, съ посланіемъ Св. Апостола Варнавы и книгою Ермы*. Горячяя критика о. Порфирія направлена не противъ подлинности списка, который онъ прежде Тисендорфа видѣлъ и о которомъ писалъ въ своихъ сочиненіяхъ о Синаѣ. О. Порфирій нападаетъ на него съ другой стороны: онъ называетъ этотъ списокъ еретическимъ, противорѣчащимъ во многихъ мѣстахъ прилугу православною церковію ученію о догматахъ вѣры. Мнѣніе это основано на томъ, что въ синайскомъ списокѣ выпущены нѣкоторые, весьма не малгіе впрочемъ тексты и реченія, которыя содержатся въ каноническомъ текстѣ Новаго Завѣта.

Защитникомъ синайскаго текста противъ нападенія о. Порфирія явился недавно ученый авторъ *Путешествія ко Слтымъ Мстамъ и къ семи церк-*

скими, латинскими, готскими переводами греческаго текста, оказывается въ нихъ такое разнообразіе вариантовъ, что весьма немногo найдешь стиховъ съ твердымъ и согласнымъ текстомъ, но весьма часто на одинъ стихъ приходится по 10 и болѣе вариантовъ. Съ XVI столѣтія появились печатныя книги, но печать не поправила дѣла, потому что печатное изданіе держалося либо одного изъ многихъ списковъ, либо руководствовалося нѣсколькими списками, причемъ выборкою и согласованіемъ текста распоряжались нерѣдко люди вовсе къ этому дѣлу неспособные и не имѣвшіе въ немъ рѣшительнаго авторитета. Сначала при печатаніи выбирали въ руководство тѣ списки, которые, при взаимномъ сравненіи, представляли наименѣе разностей; но въ послѣднее время стала отдавать предпочтеніе исключительно древнѣйшимъ спискамъ, и со второй четверти нынѣшняго столѣтія началась дѣятельная работа очищенія библейскаго текста по древнѣйшимъ спискамъ. Однимъ изъ главныхъ двигателей этого дѣла былъ Тисендорфъ. Съ 1839 года издалъ онъ одно за

самъ Малой Азіи, А. С. Норовъ. Въ началѣ текущаго года онъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: Защита Синайской рукописи Библии отъ нападеній о. архим. Порфирія Успенскаго. Сиб. 1863. Приводя всѣ обвинительныя пункты о. Порфирія, А. С. Норовъ опровергаетъ ихъ, какъ намъ кажется, весьма убѣдительно. Нѣкоторые выпуски текстовъ и словъ, встрѣчаемыя не въ одномъ Синайскомъ, но и во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ, нѣсколько еще не доказываютъ умысленного искаженія текста. Г. Норовъ весьма справедливо замѣчаетъ, что авторитетъ текста каноническаго основывается исключительно на авторитетѣ церкви, а не на авторитетѣ того или другаго списка: это единственно правильная точка зрѣнія. „Ни одинъ изъ существующихъ древнихъ кодексовъ Св. Писанія, говоритъ авторъ, не можетъ быть названъ исключительно каноническимъ, но всѣ эти кодексы имѣли послужили къ основанію текста, принятаго церковію. На Востокѣ не дѣлаютъ строгаго различія въ печатныхъ текстахъ, которые не искажены намѣренно. Римская церковь приняла переводъ Бла. Иеронима, составленный на основаніи разныхъ текстовъ. У насъ въ Россіи принята церковію переводъ славянскій, и тексты, съ которыми онъ болѣе или менѣе согласенъ. Если называть текстъ синайскій еретическимъ, въ которомъ встрѣчаются многія опуски и нѣкоторые пропуски, то должно признать таковыми же всѣ важнѣйшіе кодексы безъ исключенія. Уже одно это соображеніе уничтожаетъ всѣ нападенія о. архим. Порфирія.“ Далѣе сказано: „Тисендорфъ опровергъ кореннымъ образомъ мнѣніе о. архим. Порфирія, относившаго рукопись синайскую къ концу V вѣка, приведя буквально его доводы; но сего не сдѣлалъ о. архимандритъ: онъ не привелъ, въ своихъ нападеніяхъ на рукопись синайскую, опроверженій Тисендорфа, а представилъ публикѣ одни свои доводы.“

другимъ семь исправленныхъ изданій греческаго текста Новаго Заѣта по древнѣйшимъ спискамъ. Въ этой работѣ, руководило имъ, по словамъ его, то убѣжденіе, что въ священномъ текстѣ, составляющемъ основаніе христіанской религіи, ни одно слово, ни одна форма выраженія, ни одинъ оборотъ фразы не должны считаться неважными или не стоящими самаго строгаго изученія. Въ этой критической работѣ онъ имѣлъ въ виду одну цѣль—очистить первоначальный текстъ отъ всѣхъ позднѣйшихъ прибавокъ и искаженій, и возстановить его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ руки священнаго писателя. Главнымъ руководствомъ въ этой работѣ служили до сихъ поръ три списка, относимые къ IV-му и V-му вѣку: знаменитый ватиканскій списокъ, лондонскій, извѣстный подъ названіемъ александрійскаго, и парижскій, или палимпсестъ Ефрема Сирина¹. Но ни одинъ изъ этихъ списковъ не есть полный; парижскій содержитъ въ себѣ только болѣе половины Новаго Заѣта; въ лондонскомъ не достаетъ всего перваго Евангелія и двухъ главъ послѣдняго и почти всего втораго посланія къ Коринѣянамъ; а изъ ватиканскаго, самаго древняго и самаго важнаго списка, потеряно цѣлыхъ четыре посланія, конецъ посланія къ Евреямъ и весь Апокалипсисъ.

И вотъ теперь Тисендорфомъ случайно открытъ такой списокъ, который древностью не уступаетъ ватиканскому и, что всего важнѣе, по содержанію полнѣе всѣхъ древнихъ списковъ (до X вѣка), какіе только донинѣ были извѣстны. Ветхій Заѣтъ въ немъ содержитъ въ себѣ болѣе большую часть книгъ составляющихъ полный канонъ. Не достаетъ почти всѣхъ историческихъ книгъ Ветхаго Заѣта; есть лишь нѣсколько главъ (IX—XI) первой Книги Царствъ. Полныя книги начинаются съ Товита; далѣе слѣдуютъ: Іудеевъ, двѣ книги маккавейскія и пророки; изъ пророковъ не достаетъ Езекииля, Даниила, Амоса, Михея и

¹ Палимпсестомъ называется списокъ, въ которомъ первоначальный текстъ вытертъ на пергаментѣ и замѣненъ другимъ текстомъ: это мѣтко дѣлалось въ древности, по недостатку матеріала для письма. На парижскомъ списокѣ былъ въ V вѣкѣ библейскій текстъ; а въ XII на мѣсто его появился текстъ твореній Ефрема Сирина. Въ 30-хъ годахъ первоначальный текстъ былъ возстановленъ химическими средствами, на что потребовалось не менѣе восьми лѣтъ работы, и въ 1841 году Тисендорфъ разобралъ его весь, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ.

Осіи; далѣе идутъ Псалтирь, всѣ книги Соломоновы, Сирахъ и Іовъ. ¹ Новый Заветъ совершенно полный, и кромѣ того, еще посланіе Варнавы и *Пастыря* Ерма ². Последнее обстоятельство весьма важно: первая половина Варнавина посланія до сихъ поръ была извѣстна только по весьма несовершенному латинскому переводу, а вторая— по позднѣйшимъ, весьма ненадежнымъ греческимъ спискамъ. Подлинный текстъ *Пастыря* считался вовсе утраченнымъ до 1855 года, когда открылъ его Грекъ Симонидъ, приобрѣтшій такую печальную извѣстность поддѣлками старыхъ рукописей; но этотъ текстъ Симонидовъ былъ очень подозрителенъ уже и потому, что былъ въ связи съ крайне подозрительнымъ именемъ: теперь вновь открытый подлинный текстъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію.

По тексту, синайскій списокъ всего ближе подходитъ къ ватиканскому, но во многихъ мѣстахъ разнорѣчитъ съ нимъ

¹ Изъ недостающихъ книгъ, нѣкоторыя (именно нѣсколько главъ 1 кн. Царствъ и 2 кн. Ездры, Товита и Іереміи, и цѣлыя книги Есѣира и Нееміи) содержатся въ саксонскомъ кодексѣ, который слѣдуетъ считать дополненіемъ синайскаго.

² О *Пастырѣ* Ерма и объ исторіи этой книги см. *Правосл. Обзор.* 1861 года, томъ 6. Тамъ же помѣщенъ и переводъ *Пастыря*. Ташендорфъ въ своей книгѣ приводитъ замѣчательный примѣръ для объясненія важности открытыхъ текстовъ Варнавы и Ерма. „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ наукѣ существуетъ много разныхъ мнѣній о томъ, въ какое время писано и стало извѣстно въ Церкви каждое изъ четырехъ Евангелій, а потому для насъ чрезвычайно важны ссылки на текстъ Евангелія, встрѣчаемыя у древнѣйшихъ писателей церковныхъ. Посланіе Варнавы писано въ первой четверти II вѣка,—и въ той части его, которая была извѣстна только по латинскому переводу, давно уже вниманіе ученыхъ изслѣдователей обращено было на слѣдующія слова: „Много званыхъ, но мало избранныхъ.“ Если даже признать, что посланіе это принадлежитъ и не апостолу Варнавѣ, во всякомъ случаѣ приведенныя слова служатъ древнѣйшимъ свидѣтельствомъ о перво-евангеліи, тѣмъ болѣе, что у Варнавы передъ этими словами стоитъ „какъ написано“, то-есть ссылка на писаніе, а не на устную рѣчь или преданіе. При всемъ томъ въ подлинности этихъ словъ сомнѣвались: думали, что эти слова у Варнавы позднѣйшая вставка переводчика... Теперь синайскій текстъ неоспоримо доказываетъ, что приведенныя слова латинскаго перевода принадлежатъ не переводчику, а самому автору, ибо они встрѣчаются и въ оригинальномъ текстѣ. Такимъ образомъ, вопреки ожиданіямъ ученыхъ, трудившихся надъ евангеліями въ отрицательномъ смыслѣ, подтверждается, что Евангеліе отъ Матвея въ первой четверти II вѣка не только существовало, но имѣло каноническое значеніе въ церкви.“

и съ другими списками, и замѣчательно, что многія изъ этихъ разворѣчій относятся именно къ такимъ чтеніямъ, о которыхъ свидѣтельство находится у древнѣйшихъ отцовъ церкви или у первыхъ переводчиковъ Новаго Завета: этимъ, безъ сомнѣнія, утверждается авторитетъ подлинности цѣлаго текста.

Мы сказали, что въ этомъ главномъ пунктѣ, — открытіи рукописи — сосредоточивается описаніе поѣздки Тишендорфа; однакожь и само по себѣ, оно исполнено живаго интереса, особливо для тѣхъ читателей, которымъ не чужды вопросы о древностяхъ Египта и Палестины и близко знакомы имена освященные библейскою исторіей.

Путь нѣмецкаго ученаго начался съ Триеста. Отсюда моремъ достигъ онъ Александрію и Каира, гдѣ начались приготовленія къ синайской экспедиціи. До Суэса доѣхалъ онъ по новооткрытой желѣзной дорогѣ. Перевъздъ отъ Суэса къ Синаю, по пустынѣ, занимаетъ самую обширную главу въ книгѣ, наполненную описаніемъ и критическимъ изслѣдованіемъ мѣстъ, по которымъ пролегалъ путь, и гдѣ преданіе указываетъ пристанище Израильтянъ въ пустынѣ. Авторъ останавливается особенно на вопросѣ о цѣли и значеніи знаменитыхъ синайскихъ надписей на горныхъ утесахъ; но особенно интересно въ этой главѣ изслѣдованіе о *маннѣ*, которая и теперь ежегодно собирается въ одной мѣстности съ тамарисковыхъ сучьевъ, въ видѣ небольшихъ блестящихъ шариковъ или росинокъ медоваго вкуса. Манна показывается только на сучьяхъ, никогда на листьяхъ; на солнцѣ она таетъ и падаетъ на землю, обыкновенно усѣянную сухими листьями. Въ іюнѣ и въ іюлѣ, ее собираютъ съ сучьевъ и съ земли въ кожаные мѣшки. Она очень пріятна на вкусъ, и ѣдятъ ее вмѣсто хлѣба, но въ продажу она рѣдко идетъ, и то по дорогой цѣнѣ, потому что весь сборъ рѣдко бываетъ больше 600 фунтовъ. Тишендорфъ приводитъ свидѣтельство древнихъ и новыхъ писателей объ этомъ замѣчательномъ явленіи, которое свойственно только тамарисковымъ деревьямъ этой мѣстности. Естественная причина этого явленія была загадкой до 1823 года, покуда Эренбергъ не занялся его изслѣдованіемъ: онъ открылъ, что отложеніе медовыхъ росинокъ на тамарисковыхъ сучьяхъ происходитъ отъ маленькихъ насѣкомыхъ особой породы; насѣкомыя прокусываютъ вѣжную оболочку сучьевъ, и затѣмъ, послѣ дождя, изъ скважи-

нокъ, незамѣтныхъ простому глазу, отлагается, круглыми шариками, сгущенный сокъ, образующій манну. Въ этой маннѣ Тишендорфъ, съ своей стороны, признаетъ аналогію съ библейскою манной, тѣмъ болѣе замѣчательную, что и теперѣ манна появляется въ этомъ краю исключительно въ томъ самомъ мѣстѣ (въ пустынѣ Синаѣ, между Елимомъ и Синаемъ) гдѣ она падала по Библейскому сказанію, и именно въ ту самую пору (въ началѣ мая), когда начинала она падать на Израильтянъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ пустыни, хотя и есть тамарисковыя деревья, явленіе это не встрѣчается.

Синайскимъ горамъ посвящена особая глава. Тишендорфъ описываетъ восхожденіе свое на вершину Синайской горы и поразительное величіе картинъ горной природы. Остановившись вмѣстѣ съ авторомъ на вершинѣ Синаѣ и выпишемъ слѣдующую одушевленную страницу.

„Едва ли можно на всемъ земномъ шарѣ найдти картину подобную той, какая здѣсь вокругъ представляется взору. Все кругомъ одна дикая, необыкновенно величественная пустыня утесовъ и камней. Куда ни взглянешь, повсюду горы дикія, странно распавшіяся гранитныя громады и ущелья, и между всѣмъ этимъ взоръ не отыщетъ никакой растительности, ни клочка лѣса, ни поля, ни зеленой равнины, ни даже серебряной ленты ручья. Всѣ до одной черты этой картины суровы, но она потрясаетъ душу своимъ необыкновеннымъ величіемъ. Обернется годовою кругъ—повсюду несетъ онъ съ собою цвѣтъ и увяданіе; здѣсь ничто не цвѣтетъ и ничто не вянетъ; какъ будто бы остановилось здѣсь время, какъ будто все настоящее поглощено здѣсь прошедшимъ, и все движеніе остановилось тутъ на одномъ великомъ міровомъ событіи, и оно одно остается во всей своей цѣлности и святости. Невольно хочется сказать: здѣсь Господь въ громахъ и молніяхъ возвѣстилъ законъ свой, и неумолимое „сотвориши“ и „не сотвориши“ все еще кажется вырѣзано желѣзомъ на этихъ утесахъ. Въ давнія времена благочестивыя руки построили на вершинѣ Синайской двѣ часовни, христіанскую и магометанскую: отъ нихъ остались еще развалины. Но едва ли нуждается здѣсь въ этомъ напоминаніи благоговѣнное чувство: сама гора представляется алтаремъ воздвигнутымъ въ вѣчную память Десницы Вѣчнаго. И точно, къ этой горѣ, въ теченіе тысячелѣтій, стремились безъ числа странники изъ всѣхъ частей свѣта; здѣсь

и всѣ стояли въ созерцаніи, и молились. Здѣсь, не взирая на преграды вѣроисповѣданій, Іудей, христіанинъ и магометанинъ, нашли себѣ общее мѣсто благоговѣнія. Чудное дѣло! олозь закона, облеченнаго суровымъ словомъ повелѣнія и грозы, остался для всѣхъ ясенъ и святъ одинаково; а голосъ небеснаго откровенія любви и радости, голосъ искупленія и исполненія закона, сталъ знакомъ несогласія и развленія между земными племенами.“

По поводу Синайской горы, Тишендорфъ занимается подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса, по которому въ послѣднее время возникало много разногласій, вопроса о томъ, въ томъ ли именно мѣстѣ слѣдуетъ полагать ту гору, на которой, по библейскому разказу, совершилось откровеніе закона Моисею и постановленіе завета съ народомъ Еврейскимъ. Въ производящую строгую повѣрку издавна существующаго редакція объ этой мѣстности текстомъ Библии, словами Иеронима и другихъ позднѣйшихъ писателей, наконецъ сравненіемъ нынѣшней синайской мѣстности съ признаками указанными въ библейскомъ разказѣ. Все это приводитъ къ результату, которымъ вполне подтверждается существующее редакція, и возбужденный споръ получаетъ твердое рѣшеніе.

Очень интересны три главы, въ которыхъ говорится о знаменитыхъ памятникахъ древняго Египта, еще разъ осматрѣнныхъ Тишендорфомъ въ послѣднюю его поѣздку, именно о пирамидахъ и сфинксахъ, о храмѣ Сераписа (Serapeum) въ недавнее время открытомъ знаменитымъ Мариеттомъ, и о древностяхъ Гелиополя. Особенно любопытно описаніе поѣздки къ Мариетту, въ жилище устроенное имъ около своихъ раскопокъ, посреди голыхъ песковъ, на предѣлахъ Сагары. Здѣсь этотъ знаменитый археологъ, съ именемъ котораго связаны открытія важнѣйшихъ памятниковъ египетской древности, сдѣланныя въ послѣднее десятилѣтіе, неутомимо продолжаетъ свои работы въ подземномъ царствѣ. Тишендорфъ ѣздилъ къ нему вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ египтологомъ Бругшемъ, и не трудно себѣ представить, какъ интересна была ихъ общая бесѣда въ подземномъ царствѣ, гдѣ Мариеттъ объяснялъ имъ свои открытія, и показывалъ монументальныя гробницы аписовъ (числомъ 31). Это сокровище пустыни, храмъ Сераписовъ, открытъ Мариеттомъ въ 1851 г., при помощи нѣкоторыхъ указаній, найденныхъ у Страбона, который за 1900 лѣтъ писалъ объ этихъ памятникахъ, въ то

время уже полузасыпанныхъ. По этому случаю, Тишендорфъ сообщаетъ читателю любопытное описаніе Аписова культа, значительно объясняемаго новыми открытіями, и переходитъ къ описанію развалинъ Мемфиса и колоссальной статуи Сезостриса, описанной еще Геродотомъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ высшей степени интересныя страницы съ описаніемъ той подземной галереи Серапеума, гдѣ стоятъ рядами на необъятномъ пространствѣ гробницы ибисовъ, то-есть глиняные сосуды съ ибисовыми муміями; тутъ же объясняется и значеніе этого замѣчательнаго обычая древнихъ Египтянъ. По словамъ Тишендорфа, желающіе заказывали жрецамъ принести жертвы Озирису за умершихъ, и жертва состояла въ томъ, что жрецъ ставилъ въ катакомбы глиняный сосудъ съ ибисовою муміей, болѣе или менѣе богато обдѣланною въ полотняной оболочкѣ, смотря по богатству или щедрости заказывавшаго жертву.

Изъ Александріи Тишендорфъ проѣхалъ въ Яффу, куда прибылъ въ то же время великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою и съ сыномъ: къ свитѣ Его Высочества присоединился и ученый путешественникъ, на пути въ Иерусалимъ. Цѣлая треть книги занята описаніемъ этой интересной поѣздки. Тишендорфъ подробно и отчетливо описываетъ дорогу отъ Яффы до Иерусалима, живописный поѣздъ, въ которомъ онъ участвовалъ, и торжественную народную встрѣчу ожидавшую великаго князя при въѣздѣ въ Иерусалимъ. Въ теченіи десятидневнаго пребыванія Его Высочества въ Иерусалимѣ, Тишендорфъ состоялъ въ его свитѣ и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ посѣщеніи и осмотрѣ святыхъ мѣстъ и древностей: по этому случаю и ему удалось видѣть такія мѣста, куда обыкновенныхъ путешественниковъ не допускаютъ. Свои впечатлѣнія и результаты осмотра передаетъ онъ въ видѣ дневника, который можетъ служить руководителемъ для образованнаго читателя желающаго познакомиться съ топографіей Иерусалима и святыхъ мѣстъ его. Здѣсь, одно за другимъ, какъ въ живой картинѣ, представляются читателю всѣ ветхозавѣтныя и новозавѣтныя мѣста въ самомъ Иерусалимѣ и въ его окрестностяхъ. Мѣста эти знакомы многимъ по описанію прежнихъ путешественниковъ; но нигдѣ не доводилось намъ встрѣчать, въ краткомъ очеркѣ, такого полнаго описанія всѣхъ этихъ мѣстъ: оно тѣмъ болѣе

интересно, что авторъ, останавливаясь на каждомъ важномъ пунктѣ, передаетъ намъ результаты новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій священной топографіи, и въ сомнительныхъ вопросахъ излагаетъ свое мнѣніе. Храмы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и монастыри въ Іерусалимѣ и въ его окрестностяхъ, посвященные великимъ княземъ, входятъ также въ это описаніе. Особенно замѣчательно описаніе знаменитой Омаровой мечети, въ которой весьма немногимъ изъ Европейцевъ удавалось быть. Отдѣльная глава посвящена обзорѣнію храма Воскресенія во всѣхъ подробностяхъ: и здѣсь находимъ то же тщательное изслѣдованіе подлинности мѣстъ и названій, на основаніи твердыхъ историческихъ данныхъ; авторъ не отвергаетъ однакоже и преданій, хотя и разбираетъ ихъ съ критикой. Въ качествѣ ученаго, онъ ничего не принимаетъ въ своемъ изслѣдованіи только на вѣру; но не увлекается отрицательнымъ направленіемъ, которое не менѣе легковѣрія вредитъ исторической истинѣ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ вопросовъ, возбуждавшихъ въ послѣднее время сильную полемику между археологами, — о мѣстности Св. Гроба, — особенно тщательно разобранъ Тишендорфомъ, и онъ не находитъ основательныхъ поводовъ сомнѣваться въ подлинности этого священнаго мѣста.

Изъ Іерусалима путешественникъ вернулся въ Яффу и оттуда моремъ, черезъ Бейрутъ и Ладакію (древняя Лаодикея), проѣхалъ въ Смирну, а изъ Смирны ѣздилъ въ Ефесъ и на островъ Патмосъ. Въ Бейрутѣ описываетъ онъ остатки древняго города, развалины стѣнъ и колонны полузатопленные моремъ, описываетъ и новый городъ, средоточіе европейской торговли съ Сиріей: въ этомъ отношеніи Бейрутъ, по замѣчанію автора, поддерживаетъ значеніе древняго финикійскаго Берита. Но Бейрутъ замѣчателенъ не только въ торговомъ отношеніи: онъ славится и ученостью; въ немъ есть ученое общество съ бібліотекой, есть весьма дѣятельная арабская типографія, которая много уже оказала услугъ арабской литературѣ. Наконецъ, Бейрутъ уже нѣсколько десятилѣтій служитъ центромъ американско-протестантской миссіи, которая имѣла немало успѣха особенно между Маронитами здѣшняго края: ею основана и арабская типографія. Особенно интересно описаніе Патмоса. Жители этого острова (до 4.000) до сихъ поръ чтятъ съ особеннымъ благоговѣніемъ

память апостола Іоанна, и считаютъ свое поселеніе его удѣломъ. Имя апостола встрѣчается во всѣхъ проявленіяхъ религиозной жизни патмосскаго населенія. Пещера, въ которой, по преданію, уединялся онъ и въ которой принялъ откровеніе, превращена въ церковь, гдѣ совершается нѣсколько разъ въ годъ торжественное богослуженіе въ память Іоанна.

На высотахъ надъ городомъ стоитъ древній монастырь Св. Іоанна, основанный въ XI столѣтіи при императорѣ Алексіи Комненѣ. Этотъ монастырь въ нѣкоторомъ смыслѣ господствуетъ надъ всѣмъ островомъ, населеннымъ православными греческой вѣры. Около него сосредоточилось все населеніе, и первыя поселенія мірскихъ людей въ XI и XII столѣтіяхъ состояли въ рѣшительной отъ него зависимости. И теперь на монастырѣ лежитъ обязанность доставлять Портѣ большую часть подати собираемой съ острова. Онъ владѣетъ значительнымъ количествомъ земли какъ на Патмосѣ, такъ и на другихъ островахъ, Самосѣ, Критѣ, Сакторанѣ. Вся монастырская братія, до одного человѣка, отъ епископа до иподіакона — родомъ изъ Патмоса. Каждое семейство на островѣ вмѣняетъ себѣ въ честь и считаетъ за преимущество имѣть въ монастырѣ своего представителя. „Отъ этого между прочимъ, замѣчаетъ Тишендорфъ, происходитъ то, что всѣ семейства живутъ между собою въ тѣсномъ союзѣ, и примыкаютъ другъ къ другу ближе чѣмъ гдѣ-либо. Это тѣмъ необходимо здѣсь, что начальники семействъ нерѣдко отлучаются изъ дому на долгое время по дѣламъ или по службѣ, и на цѣломъ островѣ остаются почти однѣ только женщины. Любимая работа здѣшнихъ женщинъ—вязанье чулковъ, такъ что единственную коммерческую специальность Патмоса составляютъ превосходные нитяные чулки, собственноручной работы Патигнотокъ. Но при этой специальности характеристическая черта Патигнотокъ—привѣтливость и чистота нравовъ. Я не замѣтилъ между ними красавицъ, но пріѣзжаго поражаетъ въ нихъ необыкновенная свѣжесть лица, привлекательность во взглядѣ и какая-то простота въ выраженіи всей фізіономіи.“

Книга Тишендорфа оканчивается разказомъ о переговорахъ въ Константинополь съ церковными властями, касательно пріобрѣтенія для Россіи синайскаго кодекса. Но на послѣднихъ страницахъ помѣщено, особою главой, приложение имѣющее отдѣльный интересъ. Это „Воспоминаніе о поѣздкѣ

великаго князя въ Иерусалимъ и о посѣщеніи его супругою султанскаго гарема.“ Этотъ разказъ, въ которомъ авторъ пользовался, какъ объяснено въ примѣчаніи, свидѣніями непосредственно ему сообщенными, интересенъ особенно потому, что парадный обѣдъ въ гаремѣ, устроенный въ честь супруги русскаго великаго князя, составляетъ безпримѣрное явленіе въ лѣтописяхъ турецкаго двора.

По всей вѣроятности, говорить Тишендорфъ, такое приглашеніе было первымъ съ тѣхъ поръ какъ султанскій гаремъ находится въ Константинополѣ. Только въ 1718 году исключеніе изъ общаго запрета сдѣлано было для леди Монтегю султаномъ Ахмедомъ, изъ личнаго уваженія къ этой замѣчательной женщинѣ; съ тѣхъ поръ ни для кого изъ постороннихъ въ гаремѣ приема не было. Вотъ какъ описываетъ Тишендорфъ, приемъ, сдѣланный великой княгинѣ:

„Въ 6 часовъ пополудни, высокіе посѣтителы отправились въ великолѣпномъ кайкѣ изъ Эмиргіанскаго замка, назначеннаго для ихъ пребыванія, въ роскошный дворецъ Бешикташъ, гдѣ находится резиденція султана. Самъ султанъ ожидалъ ихъ внизу на входной площади; музыканты играли русскій національный гимнъ; Фуадъ-паша съ прочими министрами приняли гостей у пристани. Прямо съ площадки входъ въ залу съ колоннами; куполъ въ ней покрытъ рубиновымъ хрусталемъ, который волшебнымъ свѣтомъ отражается на мраморныхъ ступеняхъ и на блестящихъ бѣлыхъ стѣнахъ залы. Затѣмъ слѣдуетъ огромная, богато и со вкусомъ убранная аудіенцъ-зала, гдѣ былъ собранъ весь дипломатическій корпусъ; здѣсь горѣла тысячами огней великолѣпная люстра, возбуждавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ общее удивленіе въ Парижѣ, гдѣ она была заказана. Отсюда султанъ провелъ великую княгиню съ десятилѣтнимъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, съ графиней Комаровской и г-жою Чичериной въ тронную залу, гдѣ около трона стояли султанши и придворныя дамы. Прежде всего султанъ представилъ сестеръ и дочерей своихъ, кровныхъ султаншъ, потомъ женъ своихъ, которые носятъ званіе *кадынь*, и четверыхъ сыновей. Затѣмъ, указавъ на дверь, онъ сказалъ: *Voici, Madame, le Harem*,—и оставилъ свою гостью. Онъ удалился къ своему обѣду: по правиламъ турецкаго этикета, султанъ всегда обѣдаетъ одинъ, ни одна изъ женъ его ни разу съ нимъ не обѣдала и даже не присутствовала при его обѣдѣ.

По слову султана, снята печать съ таинственной двери и великая княгиня вступила въ гаремъ. Оберъ-гофмейстерша, главная распорядительница въ этомъ святилищѣ¹, шла вперед; за нею султанша-сестра съ великой княгиней. Переводчицами служили двѣ Армянки, отлично знающія и по-турецки, и по-французски. Гостью провели по безчисленнымъ комнатамъ гарема; синія стекла въ окнахъ придавали всѣмъ комнатамъ таинственный видъ. Въ этихъ покояхъ, чисто восточнаго вкуса, собрано было едва ли не все населеніе гарема, состоящее изъ 2.000 женщинъ, въ числѣ которыхъ множество Гречанокъ и Армянокъ; не мудрено, что непривычные гости, глядя на нихъ, могли воображать себя посреди сказочнаго міра. Но и сами они въ этомъ мірѣ казались страннымъ явленіемъ посреди отчужденныхъ отъ всего свѣта любимицъ и невольницъ султана: всѣ онѣ толпою, съ любопытствомъ, тѣснились около высокой гостьи.

„Наконецъ, пришли въ большую великолѣпную залу, и здѣсь взорамъ представилось то чему повѣрить было бы невозможно,—красивый полкъ военныхъ музыкантовъ. Они были въ простыхъ шитыхъ золотомъ мундирахъ и въ бѣлыхъ панталонахъ; на головахъ у нихъ были красные фесы съ золотыми кистями. Въ первую минуту, какъ было не подивиться, что въ святилищѣ гарема явился полкъ солдатъ? Но одно удивленіе смѣнилось другимъ, когда узнали что эти красивые музыканты—переодѣтыя женщины гарема.

„Къ большой музыкальной залѣ примыкала другая малая, гдѣ накрытъ былъ парадный столъ на европейскій манеръ. Великая княгиня заняла мѣсто по правую руку султанши-сестры, а десятилѣтній великій князь—по лѣвую. Справа, возлѣ великой княгини, сѣла первая кадыня, прекрасная Черкешенка: по юному, цвѣтущему ея виду, никакъ нельзя было подумать, что ей почти сорокъ лѣтъ отъ роду. Красота ея выказывалась тѣмъ замѣтнѣе, что между всѣми гаремными женщинами и дѣвушками, кромѣ одной изъ дочерей султана, не было ей соперницъ: многія изъ нихъ давно ужъ пережили первую весну свою. Старая супруга султана, мать Мурадъ-эффенди, старшаго принца, сѣла возлѣ великаго князя. За столомъ сѣдѣли также оберъ-гофмейстерина, четыре дочери

¹ Слово гаремъ значитъ святилищѣ.

султана, и дамы прїѣхавшія съ великою княгиней. Турецкіе туалеты блистали брилліантами; у каждой изъ султаншъ на мизинцѣ блистала огромная солитеръ.

„На оберъ-гофмейстеринѣ лежатъ двѣ важныя обязанности. Ея дѣло управлять всею этимъ маленькимъ государствомъ и наполнять въ немъ всѣ открывающіяся вакансіи. Первое дѣло совсѣмъ не легкое, хоть въ этомъ государствѣ и нѣтъ демократическихъ партій: но эти цвѣтуція кусты такъ близко другъ отъ друга посажены, что вѣтки поминутно сплетаются и ломаются. Другое дѣло, выборъ женъ для султана, разумѣется сопряжено съ важною отвѣтственностью.

„...Во время стола появилось множество женщинъ, которыя носятъ названіе невольницъ, хотя и онѣ отличаются другъ отъ друга чинами въ придворной іерархіи: имъ доступны даже самыя почетныя званія. Всѣ онѣ были въ бѣлыхъ платьяхъ; нѣкоторыя держали на рукахъ грудныхъ дѣтей, конечно для дополненія картины гарема. Любопытство ихъ впрочемъ вовсе не удовлетворялось почтительнымъ отдаленіемъ: одна за другою подходили онѣ къ великой княгинѣ и просили позволенія подоальше посмотреть на нее. Еще безцеремоннѣе подходили онѣ къ русскимъ придворнымъ дамамъ, дотрогиваясь до нихъ пальцами, вѣроятно для того чтобъ оцупать, точно ли онѣ настоящія, живыя.

„За столомъ гаремныя дамы мало-по-малу оживились. Обѣдъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и экзаменомъ для нихъ; цѣлая двѣ недѣли передъ тѣмъ упражнялись онѣ въ искусствѣ обращаться съ ножомъ и вилокъ, что для нихъ вовсе не привычное дѣло. Съ дѣтскою радостію, оборачиваясь назадъ, указывали онѣ прислужницамъ на новыя, блестящія вещи столоваго сервиза. Но экзаменъ кончился рѣшительно неудачей; что ни попадало на вилку, никакъ не могло доходить куда слѣдуетъ, и большею частію падало подъ столъ. При всемъ томъ, несмотря на просьбы, дамы не вдругъ рѣшились отложить въ сторону чужеземное нововведеніе и прияться за свой обычай. Наконецъ рѣшились, и тутъ русскимъ гостямъ пришлось въ свою очередь удивляться ихъ искусству въ употребленіи простыхъ натуральныхъ орудій и сознаться въ своей неспособности. Прислужницы были въ постоянномъ движеніи; онѣ поминутно служили турецкимъ дамамъ всячески: снимали съ нихъ перчатки, обмахивали ихъ вѣерами, мыли имъ руки и пр. Музыка за обѣдомъ удовле-

творима вполнѣ европейской критикѣ; играли, между прочимъ, нумера изъ Моцартовой оперы *Посхищеніе изъ Серала*. Музыка не прекращалась ни на минуту во все время, пока продолжался обѣдъ.

„Давно уже всѣ перестали ѣсть, но обѣдъ еще продолжался, и одно за другимъ появлялись новыя блюда. Наконецъ оберъ-гофмейстерина спросила великую княгиню, не угодно ли кончать обѣдъ. Вопросъ этотъ былъ очень кстати, всѣ встали изъ-за стола и перешли въ большую музыкальную залу. Здѣсь хоръ дѣвушекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, ждалъ уже гостей, чтобъ открыть передъ ними національные танцы.

„Черезъ полчаса пришло извѣстіе, что скоро явится султанъ проводить своихъ высокихъ гостей. (Великій князь въ то же самое время присутствовалъ на парадномъ обѣдѣ въ комнатахъ султана, котораго представлялъ, по обычаю, министръ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-паша, ибо самому султану этикетъ ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ присутствовать на парадномъ обѣдѣ.) Султанъ встрѣтилъ великую княгиню опять въ тронной залѣ, и предложивъ ей руку, провелъ въ аудіенцъ-залу гдѣ между тѣмъ собрались всѣ попрежнему. Самъ онъ проводилъ гостей до нижней площадки.... Черезъ нѣсколько дней онъ приготовилъ для нихъ еще новое, небывалое исключеніе изъ обычныхъ правилъ серала. Ихъ Высочества отправились безъ всякой свиты въ каикъ на „Прѣсныя Воды“ азіятскаго берега. Тамъ ожидалъ ихъ султанъ въ саду передъ кіоскомъ, и онъ былъ безъ всякой свиты. Въ переводчикѣ нужды не было, потому что султанъ вполнѣ владелъ французскою рѣчью. Показавъ гостямъ своимъ во всѣхъ подробностяхъ прелестный дворецъ, который, по словамъ видѣвшихъ его, можно сравнить съ бомбоньеркой, онъ повелъ ихъ къ завтраку. Столъ былъ накрытъ на четыре прибора, и султанъ сѣлъ за него съ своими гостями: конечно въ первый разъ въ жизни случилось ему быть за столомъ въ компанію...“

Этимъ описаніемъ и мы заключаемъ отчетъ свой объ интересной книгѣ Тишендорфа.

К. ПОБѢДНОСЦЕВЪ.

ВОСПИТАНІЕ И СЛУЖБА

Посреди многихъ реформъ, которыя вырабатываются теперь въ нашемъ отечествѣ, весьма важное мѣсто занимаетъ, безспорно, реформа ожидаемая нашими учебными заведеніями. Уже нѣсколько лѣтъ, особенный комитетъ изучаетъ недостатки прежнихъ уставовъ и изыскиваетъ средства исправить ихъ. Два раза этотъ комитетъ офиціально обращался къ людямъ, занимающимся дѣломъ воспитанія, чтобы получить отъ нихъ мнѣнія о занятіяхъ комитета и указанія на тѣ упущенія, которыя могли оказаться въ его трудахъ. Литература, въ свою очередь, приглашена была участвовать въ этомъ дѣлѣ своими замѣчаніями и совѣтами. Какъ не ожидать, что послѣ этого новый уставъ будетъ несравненно лучше соответствовать идеѣ воспитанія и потребностямъ страны нежели всѣ прежніе.

Но предположимъ, что новый уставъ будетъ вполне соответствовать своему назначенію; предположимъ, что онъ будетъ совершенствомъ (а этого предположить нельзя, потому что въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ совершенства); все-таки и тогда дѣло было бы далеко не кончено. Еще нельзя было бы успокоиться и сказать: теперь-то воспитаніе пойдетъ превосходно!

Уставы касаются только внѣшности, формы, администраціи. Разумѣется, форма можетъ имѣть значительное вліяніе на ходъ всего дѣла, она можетъ затруднять дѣйствующія лица, можетъ пособлять дѣлу, можетъ даже наводить на такіе приемы, которые безъ этой формы не были бы употребляемы. Но это еще далеко не все; главное основаніе успѣшности всего хода воспитанія лежитъ глубже,—въ тѣхъ идеяхъ, которыми руководствуется воспитатель, въ тѣхъ понятіяхъ, которыя онъ вноситъ въ свою дѣятельность, — однимъ словомъ, въ самой сущности дѣла, въ его содержаніи; а уставъ не имѣетъ никакихъ средствъ проникнуть въ эту сферу. Уставъ можетъ имѣть въ этомъ отношеніи только отрицательное дѣйствіе: дурно составленный, онъ можетъ мѣшать правильному ходу воспитанія, но, хорошо составленный, онъ не вдохнетъ жизни въ дѣятелей, онъ не дастъ живыхъ началъ для дѣйствій воспитателя; уставъ не можетъ поставить воспитателей въ такія отношенія къ воспитанникамъ, чтобы вліяніе первыхъ было особенно полезно для развитія послѣднихъ. Главное условіе хорошаго результата воспитанія — въ личности участвующихъ въ этомъ дѣлѣ. Не видимъ ли мы часто, что одинъ и тотъ же уставъ даетъ самые различные результаты? Въ уставахъ англійскихъ учебныхъ заведеній то или другое можетъ подвергаться осужденію; но результаты воспитанія тамъ таковы, что ихъ слѣдуетъ пожелать для всякаго заведенія.

Къ несчастію, наше общество много еще должно сдѣлать, чтобы воспитаніе стало у насъ въ этомъ отношеніи на твердыхъ основаніяхъ. У насъ рѣшительно не выработалось никакихъ педагогическихъ понятій. Объ этомъ дѣлѣ или вовсе не говорятъ, или говорятъ на основаніи чисто случайныхъ побужденій. „И о чемъ тутъ толковать,“ говорятъ многіе: „учи такъ чтобы знали, вотъ и все!“ А о развитіи характера, объ укрѣпленіи въ ученикѣ хорошихъ наклонностей и объ ослабленіи дурныхъ, они и думать забыли: „характеръ самъ выработается,“ вотъ ихъ положеніе. Если большинство и соглашается разсуждать о педагогическихъ вопросахъ, какъ о вопросахъ научныхъ то разсуждающіе въ то же время упорно отказываются отъ всякаго научнаго основанія для своихъ положеній. Свои положенія они основываютъ на случайно представившихся имъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и никакъ не хотятъ признать, что педагогическія правила только тогда могутъ получить научный характеръ.

Когда основаны на психологических началах, когда вытекают из изученія постепеннаго развитія тѣлесныхъ и душевныхъ способностей ребенка. Говорятъ ли они о преподаваніи какой-нибудь науки, они смотрятъ на пользу, которую можетъ принести распространеніе познаній изъ этой науки въ обществѣ, на выгоды, которыя въ послѣдствіи можетъ доставить ребенку знаніе этой науки; они говорятъ много совершенно справедливаго о самой наукѣ, о значеніи ея въ обществѣ, о важности ея для человѣка, но ни слова не говорятъ о ребенкѣ, о томъ въ какомъ видѣ познанія изъ этой науки примутся молодой душою ученика, какія способности они затронуть, какое вліяніе могутъ имѣть на нихъ, какое дадутъ имъ направленіе; а именно это, и только это, составляетъ кругъ наукъ педагогическихъ. Говорятъ ли они о нравственномъ развитіи (впрочемъ, объ этомъ они рѣдко говорятъ), они обратятъ вниманіе на необходимость извѣстнаго качества въ нравственномъ человѣкѣ, и вслѣдствіе этого поставятъ правиломъ неуклонно требовать его отъ ребенка; но насколько не обратятъ вниманія на то, какія нравственныя достоинства и какіе недостатки свойственны извѣстному возрасту, когда и какъ извѣстное качество заражается въ душѣ ребенка, и какими средствами можно содѣйствовать правильному его развитію. А не рѣшивъ этихъ вопросовъ, можемъ ли мы ожидать благотворныхъ результатовъ отъ нашей дѣятельности въ воспитаніи? Однимъ словомъ, наши педагогическія разсужденія заимствуютъ свои доказательства, свои положенія, изъ сферы вовсе чуждой воспитанію; въ нихъ принимаются въ соображеніе всѣ постороннія обстоятельства, все что угодно, и забываются только дѣти. Взгляните, какое разнообразіе, какое противорѣчіе во взглядахъ! Часто случается, что между двумя мнѣніями нѣтъ ни одной черты, которая бы показывала, что эти мнѣнія относятся къ одному и тому же кругу понятій. И это очень естественно: принимая въ основаніе своихъ умозаключеній не положенія науки, вытекающія изъ понятій о развитіи души ребенка, а какіе-нибудь случайно представившіеся факты и явленія изъ окружающей жизни, люди необходимо приходятъ къ результатамъ совершенно невѣрнымъ и часто диаметрально противоположнымъ. Одни, напримѣръ, доходятъ до того, что требуютъ полнаго уничтоженія личности ребенка, окружаютъ жизнь

его, во всѣ ея минуты, такими стѣснительными правилами, что ему подавается всякое свободное развитіе воспитанника. Другіе, напротивъ, доходятъ до результатовъ совершенно противоположныхъ: они требуютъ полной свободы для воспитанника, такой свободы, которую опасно предоставить даже и взрослому; требуютъ для него возможности, даже права, дѣлать все что ему вздумается; съ негодованіемъ или съ насмѣшкою отзываются обо всякихъ стѣснительныхъ мѣрахъ; представляютъ наказанія какъ мѣру не только не нужную, но и варварскую, отсталую, средневѣковую. Нельзя и перечислить всѣхъ мнѣній и разнообразныхъ началъ, на которыхъ они основываются: но они рѣшительно не имѣютъ научнаго характера; въ нихъ не обращено ни малѣйшаго вниманія на то, какъ развивается ребенокъ; а это не только главное въ воспитаніи,—это въ немъ *все*.

У насъ такъ сложилось общество, что всѣ, кто имѣетъ какое-нибудь значеніе, непременно *служатъ*; всѣ мы связаны между собою административными отношеніями; всѣ мы находимся другъ къ другу въ отношеніи начальниковъ и подчиненныхъ. Эти административныя отношенія, глубоко провикшія въ жизнь нашего общества, послужили основаніемъ для господствующихъ у насъ педагогическихъ понятій. А между тѣмъ администрація и воспитаніе до такой степени противоположны, что вы не найдете ни малѣйшей общей черты, которую бы можно было провести одинаково тамъ и тутъ. Все въ нихъ, приемы, дѣятельность лицъ, отношенія ихъ, цѣль,—все отъ начала до конца разнородно, и вносить элементы администраціи въ воспитаніе, значитъ извращать дѣло.

Разсмотримъ это поближе: въ службѣ человекъ принимаетъ обязанность дѣлать какое-нибудь дѣло, полезное обществу; если онъ дѣлаетъ это дѣло такъ что дѣйствительно приноситъ пользу, то его начальству нѣтъ надобности знать, какими психологическими процессами доходитъ онъ до своихъ результатовъ: нужны только эти результаты. Въ воспитаніи совершенно напротивъ: дѣло ученика вовсе не приноситъ никакой пользы; все, что онъ сработаетъ, само по себѣ не имѣетъ никакого значенія; оно тутъ же и уничтожится, а если сохранится, то развѣ за тѣмъ чтобы въ послѣдствіи вызвать своего виновника улыбку, съ которою взрослый человекъ смотритъ на дѣтскія работы. Важнѣе всего въ воспи-

таніи тотъ путь, которымъ ученикъ доходитъ до результата; важно то какія у него способности затрогиваются этимъ дѣломъ, какіе приемы употребляетъ онъ для достиженія своей цѣли; продуктъ его работы пропадаетъ, а впечатлѣніе работы остается. Не ясно ли, что та и другая сфера совершенно различны. Въ службѣ избирается дѣло, полезное для общества, и поручается человѣку, который долженъ исполнять его, такъ чтобы выходилъ ожидаемый результатъ; въ воспитаніи избирается дѣло, которое было бы доступно способностямъ ребенка и доставляло бы ему наилучшее упражненіе. Только результатъ работы важенъ въ службѣ; только процессъ работы нуженъ для воспитанія. Посмотримъ далѣе: на службѣ всякій отвѣчаетъ за себя и за свое дѣло; не исполнилъ онъ своего дѣла или исполнилъ дурно — онъ виноватъ, онъ долженъ возместить тотъ вредъ, который причинилъ обществу своимъ нерадѣніемъ или неумѣніемъ; тутъ не принимаются въ соображеніе никакія постороннія причины или объясненія; если нѣтъ достаточно способностей или умѣнія, не берись за дѣло. Совершенно не то въ воспитаніи: здѣсь ученикъ не можетъ отвѣчать за свои поступки; онъ для того и учится, чтобы современемъ быть въ состояніи отвѣчать за нихъ. Кромѣ того, неумѣніе или нерадѣніе его не причиняютъ непосредственно вреда обществу; они вредятъ только ему самому. Не ясно ли опять, что служба и воспитаніе совершенно разнородныя сферы? Тамъ, въ случаѣ упущенія или нерадѣнія, совершенно справедливо является взысканіе, возмездіе; здѣсь же должны быть принимаемы такія мѣры, которыя бы исправляли душу виновнаго, котораго научали бы его быть рачительнѣе, лучше браться за дѣло, правильнѣе дѣйствовать своими способностями; а простымъ взысканіемъ этого сдѣлать нельзя. Пойдемъ далѣе: въ службѣ человѣкъ дѣйствуетъ только своимъ умѣніемъ дѣлать дѣло; всѣ другія его способности, всѣ другія качества его души и сердца вове не касаются службы, и администраціи до нихъ дѣла нѣтъ. Человѣкъ прекрасно дѣлаетъ порученное ему дѣло, и онъ пользуется уваженіемъ на службѣ, возвышается на іерархической лѣстницѣ, и общество старается отплатить ему за ту пользу, которую приноситъ его дѣятельность, не входя въ разбирательство его добродѣтелей или недостатковъ. Въ воспитаніи же ученикъ живетъ всѣмъ своимъ существомъ; малѣйшее движеніе души, всякое влеченіе сердца

входить въ сферу воспитанія, составляетъ въ воспитаніи явленіе существенной важности, на которое должно обращать самое усиленное вниманіе. Въ службѣ люди сходятся вмѣстѣ для одного опредѣленнаго дѣла; въ немъ они помогаютъ другъ другу, внѣ его они могутъ быть чужды одинъ другому. Въ воспитаніи всѣ лица должны быть необходимо связаны тѣсною нравственною связью, чтобы можно было вполнѣ распознать каждую душу во всѣхъ ея проявленіяхъ и направить ее къ предположенной цѣли.

Я думаю, можно безъ конца проводить различіе между службою и воспитаніемъ; но довольно и этихъ немногихъ указаній, чтобы ясно увидѣть, что служебныя понятія рѣшительно не должны входить въ воспитаніе. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, надо сознаться, что эти понятія вошли у насъ въ воспитаніе, и даже пустили очень глубокіе корни. Ясно, что такое направленіе, давное нашему воспитанію понятіями укоренившимися во всѣхъ слояхъ нашего общества, много вредитъ правильному ходу дѣла и во многомъ парализируетъ усилія тѣхъ лицъ, которыя хотѣли бы правильно приняты за дѣло. Я постараюсь указать на нѣкоторые служебныя приемы, которые проникли въ воспитаніе, получили въ немъ право гражданства, кажутся, и во мнѣніи общества, и въ глазахъ правительства, вполнѣ естественными, а между тѣмъ вредятъ правильному ходу воспитанія.

I.

Прежде всего, во всякомъ заведеніи, есть главный воспитатель. И по общему мнѣнію, и по мнѣнію правительства, и по собственному мнѣнію, онъ есть начальникъ заведенія, въ смыслѣ административномъ. Онъ назначается изъ лицъ имѣющихъ значительныя чины, украшенныхъ знаками служебнаго отличія. Его ждутъ въ воспитательномъ заведеніи точно также какъ ждутъ новаго полковаго командира въ полку. Наконецъ пріѣзжаетъ ожидаемое лицо; ему, какъ начальнику, готовится почетный пріемъ. Ему представляются подчиненные ему воспитатели въ полныхъ мундирахъ и ученики въ парадныхъ формахъ. Принятый съ такимъ торжественнымъ заявленіемъ его начальническаго достоинства,

онъ вступаетъ въ должность. Разумѣется, дальнѣйшее развитіе отношеній его къ прочимъ лицамъ много зависитъ отъ его взгляда на дѣло; но какъ устоять противъ общаго потока, особенно когда и самъ онъ видитъ въ себѣ начальника-администратора, и всѣ другіе вполнѣ согласны съ этимъ мнѣніемъ?

Первая мысль ученика, при видѣ своего начальника, есть исполненіе формальнаго, условнаго почета, который непрѣмѣнно требуется отъ каждаго и долженъ требоваться при господствующемъ взглядѣ на воспитаніе; такъ что когда начальникъ входитъ въ комнату, гдѣ находятся ученики, то они не только перестаютъ играть, но даже перестаютъ заниматься дѣломъ. Ученикъ, при начальникѣ, перестаетъ быть тѣмъ что онъ есть, и старается только принять предписанную ему форму. Такимъ образомъ главный воспитатель никогда не можетъ войти въ сферу ученика, и этотъ послѣдній всегда старается стать къ нему своею парадною стороною, чтобы не выказать своихъ тайныхъ помышленій. Когда бы ни вошелъ начальникъ къ своимъ воспитанникамъ, онъ никогда не увидитъ того что дѣлается безъ него. Скажите, есть ли какая возможность этому воспитателю стать въ такія отношенія къ ученикамъ, чтобы нравственное вліяніе его имѣло какое-нибудь участіе въ развитіи способностей и направленіи сердца воспитанника? Административно-начальническія отношенія стоятъ между ними какъ пропасть, и перешагнуть ее—дѣло почти не естественное. Никогда ученикъ не явится къ главному воспитателю съ какимъ-нибудь задумевнымъ словомъ. Ученику позволяется обратиться къ нему лишь съ однимъ словомъ,—словомъ просьбы. На эту просьбу начальникъ отвѣчаетъ безапелляционнымъ короткимъ рѣшеніемъ.

Но начальникъ, отдаленный такимъ образомъ нравственно отъ учениковъ, долженъ однакожь какъ-нибудь участвовать въ воспитаніи. Онъ видитъ учениковъ всегда въ неестественномъ состояніи; онъ видитъ всегда внѣшній порядокъ и напряженныя заботы каждаго ученика, чтобы какъ-нибудь при немъ не выйти изъ этого порядка; онъ не видитъ того что составляетъ необходимое условіе для направленія дѣйствій воспитателя, то-есть открытую душу ученика съ ея добрыми и дурными свойствами. Что же ему дѣлать? Совершенно

естественно, что ему остается только обратить вниманіе на этотъ важнѣйшій порядокъ. Такъ онъ и дѣлаетъ: мѣлѣйшее отклоненіе отъ этого порядка вызываетъ всю его дѣятельность, всѣ его заботы по воспитанію; онъ дѣлаетъ замѣчаніе или даже взысканіе, смотря по степени вины нарушителя. Сверхъ того, заботясь о соблюденіи того же порядка, онъ отдаетъ множество различныхъ приказаній; наприкладъ, въ такомъ-то часу не позволять ученикамъ ходить въ такую-то комнату; въ такое-то время приводить ихъ въ другую, и пр. Такимъ образомъ отношенія между учениками и главными воспитателями выражаются въ формѣ просьбы, съ одной стороны, и выговора и приказанія съ другой. Отношенія чисто служебныя,—но кто же не согласится, что въ нихъ нѣтъ ничего что напоминало бы о воспитаніи? Тутъ не можетъ быть и рѣчи о нравственномъ вліяніи воспитателя на воспитанниковъ. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о направленіи способностей ученика въ хорошую сторону, объ искорененіи въ душѣ его дурныхъ наклонностей,—а безъ этого можетъ ли быть воспитаніе? Тутъ нельзя и думать объ изученіи души воспитанника; тутъ нельзя приложить ни одного педагогическаго приѣма. И наши воспитанники, вслѣдствіе такого административнаго взгляда на воспитаніе, развиваются совершенно случайно, подъ вліяніемъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, только никакъ не подъ вліяніемъ главнаго воспитателя. Нѣкоторые можетъ-быть думаютъ, что въ представленной мною картинѣ слишкомъ много преувеличеній. Соглашусь, что есть воспитатели, которые стараются всѣми мѣрами ослабить вредное вліяніе этого неправильнаго взгляда на воспитаніе; иногда даже отчасти успѣваютъ достигнуть своей цѣли, но все-таки никто не въ силахъ совершенно уничтожить его. Недавно одно изъ такихъ начальствующихъ лицъ публично, въ отчетѣ о ходѣ преподаванія во ввѣренномъ его начальству заведеніи, печатно и изустно предъ многочисленнымъ собраніемъ заявило, что его посвѣщенія вредны для хода воспитанія, что чѣмъ менѣе посвѣщаетъ оно заведеніе, тѣмъ лучше должно идти дѣло. Не есть ли это самое ясное сознаніе неправильности отношеній начальника ко всѣмъ прочимъ лицамъ и безсилія исправить это зло? За то, съ другой стороны, есть много и такихъ, которые принимаютъ этотъ взглядъ за принципъ и всѣми силами стараются развить его. Они окружаютъ себя

во всякое время толпою, ходять всегда по заведенію, окруженные свитою: едва начальникъ явится, къ нему бѣгутъ на встрѣчу младшіе воспитатели, по всему заведенію проносятся слова: „идеть! идеть!“ всѣ ученики готовятся, застегиваютъ пуговицы, подбираютъ съ полу бумажки. И начальникъ проходитъ такимъ образомъ по заведенію съ недоступнымъ для учениковъ величіемъ. Въ иныхъ заведеніяхъ ученикъ не имѣетъ права явиться къ начальнику даже съ просьбою; онъ долженъ прежде объявить свою просьбу дежурному воспитателю, второстепенному начальнику и т. д., и только получивъ позволеніе отъ нихъ, и тщательно осмотрѣнный ими съ ногъ до головы, чтобы въ его костюмѣ не случилось какой-нибудь, хотя бы и ничтожной неисправности, получаетъ возможность предстать предъ особо своего главнаго воспитателя.

Я спрашиваю, зачѣмъ такое лицо находится въ заведеніи? Оно положительно не можетъ принести пользы воспитанію; оно лишено возможности имѣть нравственное ваіаніе на воспитанниковъ и сколько-нибудь сблизиться съ ними. Своимъ положеніемъ подобное начальствующее лицо причиняетъ только вредъ дѣлу: по самому существу своихъ отношеній къ подчиненнымъ, оно обращаетъ вниманіе всѣхъ второстепенныхъ воспитателей и самихъ воспитанниковъ на одну внѣшнюю сторону дѣла, на одинъ внѣшній порядокъ, и отвлекаетъ вниманіе отъ развитія души, отъ главнаго предмета всѣхъ заботъ воспитателя. Это—лицо административное, а не воспитатель. Такими должны быть высшіе сановники, министры и другіе главные начальники. Они должны являться, окруженные всѣми начальническими атрибутами; но они не воспитатели, и ихъ начальническое появленіе не поселяетъ въ воспитанникахъ никакого невѣрнаго понятія.

Нѣкоторые, можетъ-быть, подумаютъ, что я исключаю изъ заведенія главнаго воспитателя: но это будетъ не правда; онъ необходимъ; только значеніе его не то, которое ему приписывается общественными понятіями о воспитаніи. Его обязанности чрезвычайно важны, и онъ можетъ приносить огромную пользу дѣлу воспитанія. Прежде всего онъ долженъ наблюдать, чтобы всякій второстепенный воспитатель исполнялъ свою обязанность, чтобы нигдѣ, ни въ какой части, не было злоупотребленій. Я знаю, что есть такіе люди, которые; увлекшись въ противоположную край-

ность, думаютъ, что всякій воспитатель долженъ быть освобожденъ отъ контроля и дѣйствовать совершенно независимо. Г. Головачевъ, возражая въ *Русской Речи* на одну статью мою, говоритъ, что всякій начальникъ мѣшаетъ учителю, и учитель не долженъ быть стѣсненъ никакимъ наблюдениемъ. Но всякій человекъ, будетъ ли это учитель, или воспитатель, или кто другой, прежде всего есть человекъ; следовательно въ немъ совершенно возможны и отклоненія отъ обязанностей, и злоупотребленія, и всякіе другіе недостатки; и лицо, которое наблюдало бы за каждымъ въ правильномъ исполненіи обязанностей, рѣшительно необходимо. Кроме того, есть у главнаго воспитателя и другое дѣло: приводить дѣйствія воспитателей къ единству, сглаживать рѣзкости въ различіи ихъ мнѣній; однимъ словомъ, онъ долженъ быть центромъ, къ которому сходятся бы всѣ частныя мнѣнія и изъ котораго они распространялись бы въ заведеніи. Но для того чтобы пріобрѣсти такое значеніе, онъ долженъ быть очень близокъ ко всѣмъ своимъ помощникамъ; онъ долженъ вполне знать характеръ и образъ мыслей каждаго изъ нихъ; онъ долженъ быть какъ можно чаще въ дѣлѣ и всегда видѣть его такимъ, каково оно есть, а не въ томъ приглаженномъ видѣ, въ какомъ его обыкновенно представляютъ начальнику. Для этого долженъ быть по возможности совершенно устраненъ административно-начальническій элементъ, и учебное заведеніе должно сложить съ себя свой нынѣшній административный характеръ.

II.

Кромѣ главнаго воспитателя, есть въ заведеніи еще много воспитателей, большею частью разныхъ степеней: одни выше, другіе ниже. Они, какъ подчиненные, должны исполнять приказанія своего начальника, — и поэтому очень естественно, что въ большей части случаевъ они не рѣшаютъ дѣла сами, а обращаются за рѣшеніемъ къ начальникамъ. Но воспитаніе есть такое дѣло, которое, по самому свойству своему, исключаетъ приказанія относящіяся къ сущности дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно отдать такое приказаніе: „пріобрѣтайте нравственное вліяніе на такого-то ученика“, или: „уничтожьте вашимъ нравственнымъ вліяніемъ дурную наклонность ученика“? Въ этомъ случаѣ нельзя

дѣйствовать приказаніемъ; здѣсь надо совѣщаніе, единодушное дѣйствіе всѣхъ воспитателей вмѣстѣ, и притомъ такое дѣйствіе, которое не выражается въ какой-нибудь заранѣе установленной формѣ. Мало того: даже нельзя наглядно увидѣть, исполнено оно или нѣтъ, это чувствуется нравственно. Поэтому, приказанія могутъ касаться только внѣшности, формы. Вслѣдствіе этого неважнаго значенія ихъ для воспитанія, они не вызываютъ возраженій. Въ самомъ дѣлѣ, что вы будете возражать, если начальникъ отдастъ приказаніе, чтобы „завтрашній день надѣть на учениковъ куртки № 2“, или „въ такомъ-то часу не позволять ученикамъ входить въ такую-то комнату“? Не все ли равно та или другая куртка, та или другая комната? Такимъ образомъ эти приказанія исполняются безпрекословно. Начальникъ по точности исполненія этихъ приказаній, судить о достоинствѣ воспитателя; иначе онъ и судить не можетъ. Бываютъ примѣры, что чловѣкъ, по признанію самого начальника, не имѣющій никакихъ педагогическихъ способностей, ни даже понятія о воспитаніи, не только держится при заведеніи, но даже получаетъ похвалы и отличія, только за то что аккуратенъ и исполнительнъ. Итакъ, главное вниманіе воспитателя обращено на то, чтобы исполнять приказанія касающіяся внѣшней, формальной стороны. Это занятіе требуетъ дѣйствительно очень много мелочной дѣятельности, которая утомительна и не представляетъ никакого интереса, какъ и все что касается одной внѣшности. Если воспитатель имѣетъ всѣ качества хорошаго воспитателя, то онъ долженъ много растратить и нравственныхъ, и физическихъ силъ на дѣло несущественное въ воспитаніи, и потому его значеніе уже далеко не можетъ быть такъ важно, какъ бы оно было, еслибы эти служебныя отношенія не поставили его въ необходимость отвѣкаться совершенно въ другую сторону. Но этимъ зло не оканчивается. Въ воспитаніи первое требованіе есть то, чтобы каждый участвующій въ немъ дѣйствовалъ сообразно съ своимъ характеромъ. Вліяніе его на воспитанниковъ только тогда будетъ вполнѣ благотѣльно, когда онъ станетъ передъ ними лучше своею стороною. Отсюда разнообразіе въ приемахъ воспитанія, которые всѣ будутъ хороши, если основаны на правильномъ пониманіи задачи воспитанія. Вслѣдствіе этого, очень естественно ожидать, что приказанія начальника совпадутъ съ характеромъ только немногихъ

воспитателей; очень часто они будутъ противорѣчить характеру того или другаго. Но всѣ должны исполнять ихъ. Отсюда проистекаетъ необходимое слѣдствіе, что приказанія часто исполняются не только неохотно, но и съ неудовольствіемъ. Можно ли ожидать правильнаго воспитанія тамъ, гдѣ воспитатель дѣлаетъ дѣло съ неудовольствіемъ? Но этого мало. Воспитатель принужденный исполнять приказанія противныя его характеру, и исполнять ихъ съ неудовольствіемъ, переходитъ самымъ естественнымъ образомъ къ обвиненію своего начальника въ несправедливости, въ пристрастіи, и чаще всего — въ непониманіи дѣла воспитанія. Подчиненный, не имѣя никакой возможности, ни по свойству самихъ вопросовъ, ни по своимъ служебнымъ отношеніямъ къ начальнику, отстоять своихъ понятій, сверхъ того убѣжденный въ недостаточномъ знаніи дѣла со стороны своего начальника, которому однакожь онъ долженъ повиноваться, доходитъ до полнаго отвращенія къ дѣлу. Находясь при дѣтяхъ, онъ только и думаетъ о томъ, скоро ли часовая стрѣлка возвѣститъ ему освобожденіе отъ дѣла, и скоро ли онъ вырвется изъ этого омута. Кто не сознается, что это явленіе очень обыкновенное? Но и этимъ не ограничивается вредное вліяніе служебныхъ понятій о воспитаніи. Между воспитателями есть такіе, которыхъ характеръ вполнѣ отвѣчаетъ характеру главнаго воспитателя: эти, конечно, сближаются съ нимъ, тогда какъ другіе напротивъ, отдаляются отъ него. Начальникъ, съ своей стороны, становится ближе къ тѣмъ, которые сами становятся ближе къ нему. Это оскорбляетъ другіхъ; въ нихъ усиливается дурное мнѣніе о начальникѣ; рождается дурное мнѣніе о товарищѣ, котораго упрекаютъ въ заискиваньи, даже въ подличаньи. Отсюда партіи и вражда между ними; наконецъ совершенно исчезаетъ единодушіе, а слѣдовательно и единство въ дѣйстви. Досель мнѣ не случалось встрѣчать заведенія, гдѣ бы всѣ воспитатели дѣйствовали единодушно. А я думаю, нѣтъ нужды говорить о томъ, сколько должно терпѣть отъ такихъ враждебныхъ отношеній воспитателей между собою дѣло воспитанія, которое все основано только на нравственномъ дѣйстви, и которое слѣдовательно возможно только тогда, когда нравственное вліяніе одного не парализуется нравственнымъ вліяніемъ другаго. Устраните административныя понятія изъ воспитанія, — этихъ грустныхъ результатовъ не будетъ. Дайте

возможность каждому воспитателю дѣйствовать сообразно съ своимъ характеромъ; устройте, по возможности, частныя сообщенія воспитателей, чтобы приводить къ единству общія усилія; пусть главный воспитатель будетъ не администраторъ-начальникъ, но *primus inter pares*; пусть его главною заботой будетъ примиреніе разныхъ стремленій, и тогда такія ненормальныя явленія будутъ невозможны; тогда каждый воспитатель будетъ участвовать въ дѣлѣ всѣми своими способностями, ни одна его сила не будетъ употреблена противно его характеру, и слѣдовательно не будетъ пропадать даромъ. Если ему и нужно будетъ сдѣлать уступку противному мнѣнію, то это сдѣлается не по приказанію, основанному только на начальнической власти, а по соглашенію, послѣ правильного сопоставленія противоположныхъ мнѣній, или въ силу общаго въ средѣ воспитателей духа.

Точно также, вслѣдствіе административныхъ понятій, по которымъ построено наше воспитаніе, воспитатели стали въ совершенно неправильныя отношенія къ воспитанникамъ. Теперь воспитатель—прежде всего посредникъ между учениками и начальникомъ: онъ передаетъ имъ его приказанія, онъ наблюдаетъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Требуя этого исполненія, онъ преимущественно, а въ очень частыхъ случаяхъ и единственно, имѣетъ въ виду только своего начальника. Ученики инстинктивно понимаютъ, что въ этой заботѣ воспитателя ихъ личность, ихъ нравственная или какая бы то ни было польза стоитъ совершенно на второмъ планѣ. Не естественно ли, что дѣти отклоняются душою отъ такого воспитателя, смотря на него какъ на чиновника, который поступаетъ извѣстнымъ образомъ не потому что такъ думать, а потому что ему приказано такъ поступить? Какое же можетъ быть тутъ нравственное сближеніе?—а безъ этого сближенія не можетъ быть нравственнаго вліянія. Далеѣ, требованія воспитателя касаются преимущественно вѣшной стороны, различныхъ форменныхъ стѣшеній. Природа дѣтская, живая, не разсуждающая, по самому свойству своему, мѣлѣ всего можетъ переносить эти формальныя стѣшенія. Ребенокъ, по самой природѣ своей, съ жаромъ устремляется на всякую встрѣтившуюся мысль, забывая всѣ постороннія обстоятельства. Поэтому, нарушенія этихъ формальныхъ стѣшеній случаются очень часто. Еслибы воспитатель, по собственному убѣжденію, проводилъ ихъ между учениками, то впервыхъ, ихъ было бы меньше, а вовторыхъ, онъ могъ бы

употребить для достиженія этой цѣли нравственныя средства, которыя указала бы ему его педагогическая опытность; и онъ достигалъ бы цѣли съ пользою для учениковъ, нечувствительно дисциплинируя ихъ и постепенно приучая ихъ исполнять приказанія. Но теперь это распоряженіе начальника, которое, во что бы то ни стало, должно быть исполнено сейчасъ же. Вотъ, напримѣръ, ученикъ пишетъ на заданную тему; онъ ошибся, испортилъ страницу: живой мальчикъ, увидѣвъ ошибку, не думая долго, выхватываетъ испорченную страницу, рветъ ее на части, и бросивъ подъ столъ, подъ лавку (куда позволено бросать), принимается передѣлывать свой трудъ. Но вотъ, когда мальчикъ бросаетъ разорванную имъ страницу, два кусочка отдѣлились отъ прочихъ, упали тамъ куда запрещено бросать,—и ученикъ этого не замѣтилъ. При живости мальчика это совершенно естественно, и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей испорченности. А въ эту минуту вошелъ начальникъ; онъ увидѣлъ бумажки, и обратилъ на нихъ вниманіе воспитателя. Я не говорю о тѣхъ начальникахъ, которые начнутъ за это дѣлать строгіе выговоры воспитателю при воспитанникахъ;—я говорю о самомъ лучшемъ, совершенно понимающемъ воспитаніе начальникѣ: ему очень естественно обратить вниманіе на эти бумажки; это неопрятность, отъ которой должно отучать воспитанниковъ. Но при служебныхъ отношеніяхъ, обращеніе вниманія со стороны главнаго начальника есть офиціальное замѣчаніе, котораго подчиненный воспитатель долженъ стараться всѣми силами избѣгать. Такого рода случаи могутъ повторяться на каждомъ шагѣ; безпрестанно воспитатель находится въ опасности совершенно случайно получить такое замѣчаніе. Поэтому естественно, что онъ употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы предотвратить эти случайности, имѣя въ виду не нравственное усовершенствованіе учениковъ, а чисто минутный результатъ; ему нужно только, чтобы теперь не было нарушено извѣстное запрещеніе или приказаніе. Нравственное вліяніе и другія педагогическія мѣры не даютъ результата сейчасъ же; они постепенно приводятъ ученика къ той цѣли, которую предположилъ себѣ воспитатель; а ему нужно сейчасъ же. И вотъ онъ прежде всего начинаетъ наказывать. Но наказанія никакъ не приведутъ его къ желаемому результату: наказанія не измѣняютъ способностей души ученика,

этого можно достигнуть только долгимъ нравственнымъ вліяніемъ. Такъ, напримѣръ, наказаніе не уменьшитъ живости ребенка: когда пройдетъ впечатлѣніе наказанія, онъ точно также будетъ прыгать, какъ прежде; душа его остается точно съ тѣми же качествами, съ которыми была и прежде. Ослабить эту излишнюю живость можно только долгимъ упражненіемъ разсудка, притомъ давая разсудку пищи столько, сколько хватить силъ у него, не требуя ни больше, ни меньше того къ чему способна его природа. Поступая такъ, вы можете надѣяться, современемъ, дать душѣ ребенка направленіе, которое имѣете въ виду. Случается необходимость употребить въ помощь такой дѣятельности и наказаніе; въ этомъ случаѣ наказаніе имѣетъ и значеніе, и смыслъ; а изолированное, не поставленное въ связи съ нравственнымъ вліяніемъ, употребленное независимо отъ соображенія о развитіи души ребенка, оно безсильно и не можетъ нисколько измѣнить его душу. Поэтому, несмотря на наказанія, случаи уклоненій повторяются; наказанія усиливаются, а желанныхъ результатовъ нѣтъ. Такое положеніе естественно раздражаетъ воспитателя; онъ уже вноситъ въ свою дѣятельность досаду, онъ сердится на учениковъ, какъ на причину дѣлаемыхъ ему замѣчаній; и вотъ понемногу онъ приходитъ къ убѣжденію, что ученики его—дурныя, испорченныя дѣти, что они негодны, что ихъ надобно и пр. и пр. Неужели воспитаніе можетъ идти успѣшно при такомъ отношеніи воспитателя къ воспитанникамъ?

Между тѣмъ, съ другой стороны, ученики, подвергаясь наказанію за такіе проступки, въ которыхъ они нисколько не участвовали душою, естественно возмущаются противъ наказанія; они инстинктивно чувствуютъ, что это наказаніе есть только грубая случайность, въ которой не высказывается ни малѣйшаго желанія исправить его. Отсюда выходятъ два послѣдствія: первое то, что наказаніе теряетъ свое нравственное значеніе; между учениками быть наказаннымъ часто не считается стыдомъ, потому что, дѣйствительно, при этихъ служебныхъ понятіяхъ, наказанія имѣютъ чисто случайный характеръ. А второе то, что ученики, которые погорячѣе, повпечатательнѣе, протестуютъ противъ этихъ наказаній. Протестъ этотъ выражается разнообразно: въ насмѣшкѣ надъ наказаніемъ, въ обманѣ, и очень часто прямо въ неповиновеніи; очень часто ученикъ, въ этой борьбѣ, доходитъ

до дерзости. Кто изъ лицъ, которые воспитывали или воспитывались въ общественномъ заведеніи, не помнятъ, какъ въ ребенкѣ постепенно развивается духъ оппозиціи *quand tême* противъ воспитателей? Неужели это воспитаніе? Часто воспитатели присоединяютъ къ наказаніямъ чисто механическія средства удержать учениковъ отъ нарушенія приказанія; напримѣръ, если запрещено входить въ какую-нибудь комнату, то ее запираютъ, или ставятъ у входа солдата съ приказаніемъ никого не пропускать; если не приказано брать какой-нибудь вещи, то ее уносятъ, и проч. Такимъ образомъ, сами воспитатели вричаютъ учениковъ удерживаться отъ какого-нибудь поступка только механическими средствами, только невозможностью сдѣлать, а никакъ не разумною, нравственно направленною волею: неужели это воспитаніе? Вполнѣ естественно, совершенно согласно не только съ дѣтскою природою, но и съ природою человѣка вообще, рождается въ ученикахъ желаніе побѣдить эту механическую невозможность; отсюда всякаго рода обманъ, подкупы, лазеніе черезъ перегородки и пр. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ желаютъ освѣтить комнаты переноснымъ газомъ, потому что это и выгоднѣе, и лучше, и удобнѣе; но не освѣщаютъ. Почему? по очень справедливому опасенію, что ученики изъ шалости, несмотря на всевозможныя запрещенія и механическія средства предотвратить шалость, откроютъ какъ-нибудь кранъ и вообще надѣлаютъ бѣдъ. И съ этими наклонностями, при неспособности владѣть собою, если не виситъ предъ глазами неизбѣжный мечъ наказанія, или когда нѣтъ физической невозможности сдѣлать дурное дѣло, мы выпускаемъ учениковъ въ свѣтъ: исполняемъ ли мы обязанность взятую нами на себя? При такихъ служебныхъ отношеніяхъ, воспитатель никакимъ образомъ не можетъ стать въ правильныя отношенія къ ученикамъ; онъ никакъ не можетъ быть для нихъ тѣмъ чѣмъ онъ долженъ быть. А долженъ онъ прежде всего быть совершенно близокъ къ воспитаннику, такъ чтобы воспитанникъ видѣлъ въ немъ себя самаго надежнаго друга; онъ долженъ принять участіе во всемъ что касается личности воспитанника, чтобы никакая тѣнь не омрачала довѣрія къ нему ученика; чтобы ученикъ смѣло шелъ къ нему со всякою новою мыслию, со всякимъ желаніемъ, со всякимъ горемъ и радостью. Это отношеніе вполнѣ возможно; молодая природа ребенка тре-

буетъ любви; она сейчасъ готова отвѣчать любовью на любовь. А большее развитіе воспитателя, его болѣе сильная, нежели у ребенка, личность, очень скоро можетъ приобрести такой нравственный авторитетъ, что душа ученика легко будетъ вырабатываться подъ его вліяніемъ. Но служебныя отношенія рѣшительно нарушаютъ такую связь. Нѣкоторые воспитатели ведутъ упорную борьбу съ этими препятствующими воспитанію обстоятельствами, и смотря по своей энергіи и дарованіямъ, смотря по дѣйствию другихъ окружающихъ лицъ, иногда успѣваютъ отчасти сообщить своему дѣлу характеръ воспитанія. Но другіе, или уставъ въ этой безконечной борьбѣ, въ которой они не могутъ ожидать себѣ полной побѣды, или вслѣдствіе своего характера и отчасти непониманія истиннаго значенія воспитанія, становятся совершенно въ другія отношенія къ ученикамъ. Такъ нѣкоторые рѣшаются дѣйствовать страхомъ: они стараются поставить себя предъ учениками такъ же, какъ стоитъ главный воспитатель. Гроза окружаетъ его въ глазахъ учениковъ; все при входѣ его трепещетъ; при немъ величайшій порядокъ, и вотъ начальство хвалитъ его; его выставляютъ какъ отличнаго педагога. Но взгляните какой нравственный вредъ причиняетъ онъ ученикамъ: онъ приучаетъ ихъ повиноваться только страху. Но когда удалится этотъ страхъ, что удержитъ ученика отъ дурной склонности? Что помѣшаетъ ей развиться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ долѣе она, не уничтожаемая, сдерживалась въ душѣ ребенка внѣшнею силою страха? Сколько примѣровъ, что ребенокъ тихій, послушный въ заведеніи, гдѣ руководитъ всѣми страхъ, приходя домой, становится грозой своего семейства, особенно если въ семействѣ нѣтъ отца? А когда ученикъ кончитъ курсъ, когда не будетъ уже этого страха, когда онъ самъ будетъ сильнымъ человѣкомъ, или когда дѣло можетъ быть сдѣлано такъ, что никто не узнаетъ о немъ, что удержитъ его отъ всякой мерзости, какая только способна придти въ голову человѣка? Одна случайность, неправда ли? Нечего сказать, твердая опора нравственности дается нами ученику! Другіе воспитатели, напротивъ, принимаются за *captatio benevolentiae*; они позволяютъ ученикамъ все, лишь бы не видавъ начальникъ, такъ что они становятся съ учениками заодно, и вмѣстѣ съ ними ведутъ нечестную, потаенную борьбу съ начальникомъ. И дѣйствительно, ученики, какъ союзники, не выдаютъ

его, и у него совершенный порядокъ передъ начальникомъ, и его хвалятъ, и его считаютъ отличнымъ педагогомъ; а нужно ли говорить о нравственномъ вредѣ учениковъ? Я думаю, вредъ этотъ всякому понятенъ безъ объясненій. Между этими двумя крайностями въ отношеніяхъ воспитателей къ воспитанникамъ есть много степеней; но понятно, что отношенія эти, во всѣхъ пунктахъ, совершенно уклоняются отъ правильныхъ понятій о воспитаніи.

Впрочемъ, я долженъ пояснить, что я виню здѣсь не воспитателей, да это было бы и бесплодное обвиненіе. Я обвиняю тѣ понятія, ту сферу, въ которой живутъ воспитатели. Эту-то сферу, эти понятія, нужно измѣнить, и тогда наблюдать, чтобы не было злоупотребленій. Уставъ 1825 года хотѣлъ сдѣлать нѣчто для самостоятельности учителей, устанавливая педагогическіе совѣты. Но этимъ совѣтамъ было дано слишкомъ малое значеніе; да сверхъ того, имъ же поручена и экономическая и административная власти, а въ этихъ послѣднихъ необходимъ начальникъ; поэтому совѣты и не развились, и не имѣли большаго вліянія на дѣло воспитанія. Нынѣшній проектъ устава нѣсколько яснѣе опредѣляетъ значеніе совѣта, и поэтому нѣсколько болѣе дѣлаетъ для облегченія обязанности учителей; но для воспитателей, попрежнему, онъ ничего не дѣлаетъ; воспитатели и въ немъ, попрежнему, являются мелкими чиновниками, подчиненными, на чисто служебныхъ основаніяхъ, главному воспитателю.

Повторю: одни уставы ничего не сдѣлаютъ; они могутъ только опредѣлить точнѣе внѣшнюю сторону дѣла, а внутреннее существенное дѣло зависитъ отъ тѣхъ понятій о воспитаніи, которыя развиты въ обществѣ. Надобно, чтобы само общество поняло, что школа не есть жизнь, что поэтому не возможно явленія жизни прямо переносить въ школу, что характеръ школы долженъ быть совершенно своеобразенъ. Надобно, чтобы само общество поняло, что ученикъ учится въ школѣ не для того чтобы приобрѣсти познанія, которыя чрезъ двадцать лѣтъ, когда онъ станетъ общественнымъ дѣятелемъ, будутъ ему нужны (ихъ онъ приобрѣсти не въ состояніи; онъ и приобрѣтетъ ихъ тогда, когда они ему будутъ нужны, то-есть, чрезъ двадцать лѣтъ); но что онъ учится для того чтобы современемъ *быть въ состояніи приобрѣтати* тѣ познанія, которыхъ отъ него потребуетъ жизнь. Надобно, чтобы само общество поняло, что нельзя

требовать отъ ребенка высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, и примѣръ высокаго послушанія, а что надобно вести его къ тому, чтобы всѣ хорошія качества его души развились какъ можно болѣе, а дурныя были бы подавлены, и чтобы современемъ онъ могъ подойти какъ можно болѣе къ идеалу истиннаго христіанина. Однимъ словомъ, надобно чтобы само общество поняло, что педагогія есть дѣло самостоятельное, основанное на изученіи развитія души человѣка, и что специализмъ въ дѣлѣ воспитанія, такъ точно какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, состоитъ въ примѣненіи законовъ, выработанныхъ знаніемъ, къ данному случаю, къ даннымъ условіямъ. Только тогда можно надѣяться на устанавленіе правильныхъ отношеній между дѣйствующими при воспитаніи лицами.

III.

Душа ребенка требуетъ сближенія. Съ кѣмъ же сблизиться? Разумѣется съ товарищами. И вотъ между мальчиками образуется тѣсная связь, образуется свое общество, устанавливается особенная общественная жизнь, запечатлѣнная своимъ особеннымъ характеромъ. Я знаю, что во всякомъ обществѣ непременно образуется свой характеръ; слѣдовательно онъ образуется и во всякомъ учебномъ заведеніи, какъ бы оно ни управлялось. Но дѣло въ томъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ, этотъ характеръ образуется рѣшительно безъ всякаго участія, безъ всякаго вліянія воспитателей. Это общество живетъ вдали отъ воспитателей; оно скрывается отъ нихъ, и является передъ ними только въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ. Воспитатели не принимаютъ никакого участія въ образованіи мнѣній, понятій, взглядовъ общества учениковъ; а эти мнѣнія, понятія, взгляды, принимаемые ученикомъ, и образуютъ въ послѣдствіи нравственныя правила въ человѣкѣ. И вотъ въ важнѣйшемъ, существеннѣйшемъ дѣлѣ воспитанія, воспитатели не могутъ принять участія, и дѣло это предоставляется простому случаю. Дѣйствительно, личность воспитателей имѣетъ иногда нѣкоторое вліяніе на образованіе духа этого кружка, но только, такъ сказать, отрицательное вліяніе. Воспитатели развиваютъ въ ученикахъ различныя наклонности, смотря по тѣмъ средствамъ, которыя употребляютъ ученики, ведя съ ними борьбу. Такъ съ чинами ученики борются дерзостью, съ другими обманами и

хитростью, съ третьими безусловною наружною покорностью и т. д. Отъ этого въ однихъ ученикахъ развиваются самонадеянность, въ другихъ одержанная злоба, или лицемеріе и подлость. Но, разумѣется, воспитателямъ нельзя удовольствоваться такимъ страдательнымъ и вреднымъ вліяніемъ. Всякій даровитый, особенно нѣсколько энергической ученикъ, гораздо болѣе имѣетъ въ этомъ случаѣ вліянія нежели всѣ воспитатели вмѣстѣ.

Ученикъ естественно является всегдашнимъ защитникомъ товарища противъ власти, во всякомъ случаѣ. Отсюда постоянная борьба между воспитателями и воспитанниками. Одни всѣми силами стараются найти проступокъ; другіе стараются скрыть его. Одни всѣми силами стараются отыскать виновнаго и подвергнуть его должному наказанію, другіе стараются всѣми подручными средствами дать возможность виновному избѣжать наказанія. Такимъ образомъ общество учениковъ становится въ открытую, постоянную борьбу съ воспитателями. При этихъ отношеніяхъ, какимъ образомъ воспитатель будетъ въ состояніи принимать въ своей дѣятельности какія бы то ни было здравыя педагогическія мѣры, основанныя на единственномъ педагогическомъ средствѣ достигать предположенной цѣли—на нравственномъ вліяніи? Пусть каждый воспитатель пойметъ, что онъ не командиръ, но самый близкій къ воспитанникамъ человекъ, и превосходить ихъ только своею зрѣлостью, бoльшимъ образованіемъ и развитіемъ; пусть главный воспитатель пойметъ, что онъ не командиръ надъ другими воспитателями, а только старшій изъ нихъ, *primus inter pares*, и пусть онъ не стѣсняетъ приказаніями личнаго характера каждаго изъ нихъ, а только наблюдаетъ за ними, и направляетъ ихъ; пусть всякій проступокъ, всякая мысль каждаго воспитателя обсуживаются всѣми его товарищами; — и тогда рѣшительно можно ожидать, что дружное дѣйствіе всѣхъ разомкнетъ враждебно-запертое отъ воспитателей ученическое общество, и понятія воспитателей значительно войдутъ въ образованіе его характера. А теперь при этихъ административныхъ понятіяхъ, при этой разобщенности и враждебномъ характерѣ двухъ отдѣльныхъ корпорацій, воспитателей и воспитанниковъ, очень трудно дать дѣлу другой оборотъ. Нѣтъ заведенія, въ которомъ бы обмануть воспитателя считалось учениками дурнымъ дѣломъ. Если ученикъ обманываетъ товарищей, то его преслѣ-

цуетъ общественное мнѣніе корпораціи учениковъ; а обманъ воспитателя, въ какомъ бы то ни было случаѣ, не только не считается дурнымъ, но напротивъ часто ставится въ похвалу; ловко обманывающій пріобрѣтаетъ даже нѣкоторый авторитетъ; съ нему часто обращаются за помощію; во многихъ случаяхъ выдвигаютъ его впередъ. Это хладнокровіе передъ обманомъ легко можетъ сдѣлаться въ душѣ ребенка началомъ, изъ котораго въ послѣдствіи разовьется хладнокровіе и передъ другими пороками; и современемъ весьма легко можетъ выработаться въ ученикѣ такой взглядъ на вещи, что можно позволить себѣ всякое дѣло, какъ бы оно гнусно ни было, лишь бы оно приводило къ выгоднымъ результатамъ. А въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ страхъ передъ начальствомъ не подавилъ всякое другое чувство въ ребенкѣ, дерзость ученика передъ воспитателемъ—очень обыкновенное явленіе; и дерзость эта, въ какой бы формѣ она ни выражалась, никогда не считается за что-нибудь дурное, не преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ учениковъ. Я не говорю о той дерзости, которая происходитъ въ ребенкѣ отъ неумѣнья владѣть собою, и которая очень естественна въ немъ, и иногда возбуждается не ловкимъ, не педагогическимъ поступкомъ самого воспитателя; я говорю о дерзости, вызванной только корпоративною враждою, когда ученикъ дерзокъ безъ всякаго повода, просто изъ молодечества: и такого рода поступки всегда возбуждаютъ сочувствіе въ товарищахъ, всегда заслуживаютъ въ ихъ глазахъ одобреніе. Такимъ образомъ ученикъ пріучается къ дерзости, наглости, грубости, становится неспособенъ къ сдержанности и соблюденію приличія, которое есть первый, бросающійся въ глаза, признакъ образованнаго человѣка. Ученикъ постепенно привыкаетъ къ грубымъ заявленіямъ своего мнѣнія, и понемногу совсѣмъ отвыкаетъ отъ человѣческаго выраженія своихъ мыслей посредствомъ спокойнаго слова и доказательствъ разсудка. Каждый согласится, что въ нашемъ обществѣ примѣры грубости, къ сожалѣнію, не рѣдкость.

Не стану перечислять всѣхъ грустныхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ для воспитанія изъ этого перенесенія officialныхъ понятій въ школу. Если есть какіе-нибудь хорошіе результаты отъ этой системы, то они исчезаютъ во множествѣ дурнаго.

Есть воспитатели, которые успѣшно борются съ препят-

ствіями. Есть учебныя заведенія, гдѣ дѣло воспитанія идетъ лучше нежели какъ я представилъ. Но я говорю, что система принятая въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, что господствующія въ нихъ педагогическія понятія, непременно должны сопровождаться такими грустными послѣдствіями; я говорю, что если устранить всѣ другія вліянія, то эта система непременно приведетъ къ такимъ и даже къ худшимъ результатамъ. Многіе воспитатели иногда удачно предотвращаютъ ея губительное вліяніе; иногда добрая природа ученика счастливо выходитъ свободною отъ ея вліянія; тысяча другихъ обстоятельствъ могутъ ослаблять ея вредное дѣйствіе; но сама она не только не поддерживаетъ воспитателя въ его трудномъ дѣлѣ, а положительно является самымъ сильнымъ препятствіемъ для него. Противъ этой-то системы я возстаю; ея-то невѣрное построеніе хочу я раскрыть; и тѣмъ сильнѣе возстаю, что недавно, на нашихъ глазахъ, самымъ очевиднымъ образомъ обнаружилась ея несостоятельность.

IV.

Въ недавнее время, на памяти у всѣхъ, эта служебная система съ самою строгою послѣдовательностью проводилась у насъ и въ жизни, и въ воспитаніи. Личность начальника окружалась всѣми атрибутами власти, воспитанники были обставлены безчисленнымъ множествомъ всякаго рода мелкихъ формальныхъ стѣсненій, неисполненіе которыхъ преслѣдовалось съ неумолимою строгостію какъ самые тяжкіе проступки, эти формальности, составляли единственную связь воспитателей съ воспитанниками. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ общество стало проникать сознаніе, что такого рода отношенія ненормальны. Стали слышаться слова: свобода, самостоятельность, уваженіе личности. Формальныя стѣсненія стали уменьшаться; стали болѣе требовать отъ подчиненнаго хорошаго дѣла нежели внѣшней исправности; понемногу стала высказываться личность; стали даже спрашивать мнѣнія людей не высоко поставленныхъ на общественной лѣстницѣ. Это измѣненіе понятій имѣло благотѣльные послѣдствія въ жизни: повсюду живое дѣло, сущность, стала понемногу замѣнять внѣшнюю форму. Эти же измѣнившіяся понятія проникли и въ воспитаніе: безчисленныя формальныя стѣсненія, которыя въ прежнее время составляли всю систему воспитанія,

начали уменьшаться; ученики почувствовали бѣольшую свободу въ своихъ дѣйствіяхъ. За легкими нарушеніями формы уже не слѣдовали строгія наказанія. Но такъ какъ эти формальныя стѣсненія, эти похвалы и наказанія, составляли единственную связь воспитателя съ воспитанниками; то по мѣрѣ того какъ уменьшались стѣсненія и наказанія, уменьшалась и эта связь. Доселѣ воспитатель дѣйствовалъ только авторитетомъ административной власти. Какъ только уменьшились стѣсненія и наказанія, такъ по необходимости умалился и этотъ авторитетъ. Ученики постепенно уходили изъ-подъ власти воспитателей, и все болѣе и болѣе руководились своими собственными понятіями: можно себѣ представить, какіе должны были послѣдовать отсюда результаты! Получивъ вѣдѣшнюю свободу, ученики не видѣли надъ собою никакой власти, ничего такого что ограничивало бы ихъ производъ. Какъ только страхъ уменьшился или исчезъ вовсе, такъ ученики остались безъ всякаго побужденія къ исполненію обязанностей, и стали исполнять только то что имъ нравилось. Трудное для воспитателей было время. Правственнаго вліянія нельзя пріобрѣсти вдругъ; внутреннихъ побужденій нельзя развить въ нѣсколько дней, а прежнія побужденія теряли силу. Воспитателямъ должно было стараться сохранить въ глазахъ учениковъ значеніе прежнихъ мѣръ, и въ то же время слѣдовало проводить новыя понятія, устанавливать новыя отношенія; каждый шагъ должно было строго обдумывать, потому что малѣйшая ошибка могла имѣть пагубныя послѣдствія. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе ли того что въ нихъ было болѣе истинно-педагогическихъ началъ, или просто вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, воспитатели успѣли уберечь учениковъ отъ нецѣлостей и крайностей; но въ другихъ, никакія усилія воспитателей не могли подѣйствовать на увлекшихся дѣтей. „За чѣмъ мнѣ учиться такой-то наукѣ?“ говорилъ одинъ: „она мнѣ никогда не будетъ нужна; я учусь ей чтобы потомъ забыть.“

Впрочемъ я убѣжденъ, что воспитатели, несмотря на всѣ затрудненія вслѣдствіе невѣрности системы принятой въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, устояли бы въ этой борьбѣ и удержали бы воспитанниковъ отъ разныхъ печальныхъ явленій переходнаго состоянія, еслибы не было другихъ причинъ, страшно поддерживавшихъ броженіе

умовъ въ ученикахъ и парализировавшихъ всѣ усилія воспитателей. Этою главною поддержкою всѣхъ неурядицъ въ учебныхъ заведеніяхъ было само общество. Когда въ немъ впервые послышались слова: свобода, самостоятельность, уваженіе къ личности, оно съ увлеченіемъ бросилось на эти звуки; но они были такъ новы, что многимъ ничего подъ ними не представлялось, кромѣ какихъ-то зыбкихъ очерковъ. Многіе не понимали, что свобода состоитъ въ томъ, чтобы каждый былъ стѣсненъ только закономъ, и что слѣдовательно свобода возможна лишь тогда, когда законъ будетъ уважаемъ. Это положеніе такъ ясно, что я не знаю какъ и доказывать его. Кто не исполняетъ закона, тотъ вмѣсто закона ставитъ произволь, чужой или свой, и уничтожаетъ свободу, свою или чужую. Разумѣется, законы должны стремиться къ лучшему; народъ живетъ, и поэтому измѣненія въ его бытѣ и устройствѣ неизбежны. Но, пока общество еще держится на своихъ основаніяхъ, для этихъ измѣненій есть законные пути; имѣто и нужно пользоваться тѣмъ, кто чувствуетъ несостоятельность закона. Все это—старая, истертая аксіома во всякомъ, хотя нѣсколько образованномъ обществѣ, аксіома, о которой уже и не говорятъ, не только не спорятъ. У насъ же эти понятія были такъ новы, что когда одинъ профессоръ высказалъ ихъ на публичной лекціи, то нѣкоторые литераторы, печатно на всю Россію, усумнились такъ ли это. Точно также многіе не понимали, что самостоятельность есть разумное и сознательное исполненіе обязанности, что самостоятельность не мыслима безъ обязанности, и что къ самостоятельности должно готовиться долгимъ и упорнымъ трудомъ надъ собственнымъ усовершенствованіемъ. Не понимали, что уваженіе личности есть признание въ каждомъ человѣкѣ, въ большемъ и маломъ, его человѣческаго достоинства, а также и тѣхъ правъ на уваженіе, которое дало ему общество; что уваженіе личности требуетъ признанія всякаго противнаго мнѣнія, и поэтому исключаетъ всякое грубое заявленіе своего,—всякій крикъ, шумъ, свистъ; что оно во всякомъ случаѣ требуетъ соблюденія принятыхъ формъ общежитія. Не понимали, что свобода, самостоятельность, уваженіе личности, состоятъ не въ разнузданности страстей, а напротивъ въ полномъ самообладаніи, въ ограниченіи своего произвола, въ строгомъ подчиненіи своихъ дѣйствій,—не капризу чьему бы то ни было,—но закону, началамъ нравственнымъ. Вмѣсто этихъ понятій, въ обществѣ носились

какія-то смутныя представленія и громкія слова, манившія воображеніе своею новостью. Пока эти толки ходили между взрослыми людьми, они не могли имѣть никакого вреднаго вліянія: какъ только кто-нибудь хотѣлъ ихъ формулировать, такъ сейчасъ же ясно обнаруживалась вся ихъ безсмыслица. Но не то было, когда эти толки изъ жизни перешли въ учебныя заведенія: юноши съ жаромъ бросились на эти увлекательныя слова, видя въ нихъ освещеніе своего произвола и полное освобожденіе отъ всякихъ ограниченій. Воспитатели старались противодѣйствовать этому увлеченію; но общество вдругъ стало за него. Съ непостижимымъ легкомысліемъ лица, сами болѣе или менѣе честно исполнявшія свои обязанности, поддерживали своимъ одобреніемъ всякое уклоненіе учениковъ, совершенно оправдывая тѣ мотивы, на которые ссылались эти новые дѣятели. Они не видѣли лѣни въ томъ, что ученикъ не хотѣлъ заниматься какою-нибудь наукой; они не видѣли, что только дѣтская заносчивость заставляетъ его поднимать исторію противъ того или другаго воспитателя; они не видѣли, что простое желаніе пошумѣть вызываетъ толпу учениковъ на громкія демонстраціи противъ какого-нибудь постановленія. Всѣ эти качества,—и лѣнь, и заносчивость незрѣлости, и желаніе играть роль и пошумѣть,—все это совершенно естественнo въ юношахъ, которыхъ характеръ еще не сложился; но все это свойства дурныя, которымъ надобно противодѣйствовать, а общество вдругъ начало ихъ поддерживать, и воспитателямъ предстояла двойная борьба. Съ какою-то наивностью принимали за чистое золото все чѣмъ ученики мотивировали свои выходки, не замѣчая, что тѣ изъ нихъ, которые затѣвали эти выходки, переставали учиться, следовательно переставали исполнять свои обязанности. Мало того, что общество поддерживало учениковъ,—оно еще преслѣдовало своимъ мнѣніемъ воспитателей, которые энергически становились противъ вреднаго направленія. Хотя у насъ еще и не вполне сложилось общественное мнѣніе, и оно еще не имѣетъ той силы, которую должно имѣть; однакожь оно все-таки есть, и воспитателю нужно было имѣть много гражданскаго мужества, чтобы вопреки общественному мнѣнію продолжать неуклонно борьбу съ вредными явленіями. Нѣкоторые просто не отваживались на этотъ подвигъ; а тѣ, которые отважились, должны

были имѣть своими противниками не одни дурныя увлеченія учениковъ, свойственныя ихъ возрасту, но еще всю силу общественнаго мнѣнія, которое поддерживало учениковъ и преслѣдовало воспитателей.

Литература наша никогда не отличалась особеннымъ уваженіемъ къ наукѣ и зрѣлостью мысли. У насъ спомощь да рядомъ юноша со школьной скамьи прямо поступаетъ *во глазу русской литературы*; поэтому нисколько не удивительно, что эти новыя понятія, свобода, самостоятельность, уваженіе личности, были также поняты въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ, какъ были они поняты въ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторые изъ литературныхъ дѣятелей, совершенно какъ дѣти, вообразили, что эти слова выражаютъ право всякаго ничѣмъ не стѣснять своей особы. И вотъ, съ непонятнымъ даже въ ребенкѣ легкомысліемъ, принялись они сортировать науки, честить тупоумными людей, заслужившихъ уваженіе цѣлаго міра, и предлагать планы какъ насильственно измѣнить устройство человѣческихъ дѣлъ, точь-въ-точь какъ ребенокъ, вполне убѣжденный что какъ только онъ явится такъ и завоюетъ весь міръ. Разумѣется, всякому серіозному человѣку съ перваго раза бросается въ глаза вся пошлость этихъ гасконадъ. Но дѣти видятъ въ этомъ выраженіе свободы, самостоятельности, благородное сознаніе своего достоинства, проявленіе силы, рѣшающейся бросить дерзкое слово въ людей пользующихся авторитетомъ и уваженіемъ (не замѣчая, что это не болѣе какъ представленіе въ лицахъ извѣстной басни Крылова),—и съ самоулаженіемъ повторяютъ: „нѣтъ болѣе авторитетовъ!“ Если литераторъ, называющій себя передовымъ, не понимаетъ всей безсмыслицы этой фразы, то какъ ожидать, что поймутъ ее дѣти въ школахъ? Какъ разсмотрѣть имъ, сквозь наружный блескъ, всю ея внутреннюю пустоту? Разумѣется, для нихъ трудно уяснить себѣ, что безъ авторитета нельзя учиться, нельзя развиваться, и слѣдовательно нельзя жить; что нѣтъ возможности каждому человѣку личнымъ трудомъ переислѣдовать все то что сдѣлали сотни великихъ людей въ продолженіе многихъ столѣтій; что авторитетъ всюду и всегда играетъ важную роль, что если какой-нибудь искатель приключеній и фанфаронъ скажетъ, что видѣлъ въ морѣ семи-мильную гидру, то этому никто не повѣритъ, а если Гумбольдтъ скажетъ, что видѣлъ какое-

нибудь необыкновенное явленіе природы, то весь ученый міръ обратитъ вниманіе на его показаніе. Если Иванъ Ивановичъ Перерѣвненко скажетъ, что три короля объявили войну царю русскому, то вы надѣ этимъ засмѣетесь, а если это скажетъ Пальмерстонъ въ палатѣ общинъ, то вы объ этомъ призадумаетесь. Мнѣніе чловѣка, доказавшаго передъ цѣлымъ міромъ свои способности, свое умѣніе вести дѣло, много лѣтъ занимавшагося предметомъ, всегда должно стоять несравненно выше мнѣнія какого-нибудь фата, въ первый разъ услышавшаго о немъ. Признаніе авторитета только тогда можетъ быть вредно, когда принимается неразумно и слѣпо. Но всякій желающій чему-нибудь научиться, долженъ обращаться къ тѣмъ, которые извѣстны за лучшихъ мастеровъ дѣла. Если какое-нибудь мнѣніе одного изъ такихъ людей покажется ему не вѣрнымъ, то онъ сперва усумнится въ своихъ силахъ, и задастъ себѣ вопросъ, не оттого ли ему кажется невѣрнымъ чужое мнѣніе, что его собственные познанія еще не довольно обширны и мысль не довольно зрѣла, чтобы дать ему средства вполне понять его; и только послѣ внимательнаго изученія, совершенно ясно увидѣвъ причины и источники ошибочнаго мнѣнія, онъ имѣетъ право не согласиться съ нимъ; а тупоумнымъ назвать никогда не имѣетъ права. Это сдѣлаетъ только тотъ, кто исполненъ смѣшной увѣренности въ своемъ собственномъ авторитетѣ. „Нѣтъ авторитета“ значитъ: „я авторитетъ“. Школьную молодежь пѣвняють эти выходки дурнаго тона, приправленные словами: „это мое убѣжденіе; всякій долженъ имѣть свое убѣжденіе“. А не хотять знать эти литераторы, что убѣжденіе само по себѣ ровно ничего не значитъ, что есть убѣжденія, за которыя сажаютъ въ домъ умалишенныхъ. Важно не убѣжденіе, а тотъ путь, которымъ убѣжденіе выработалось. Убѣжденіе, родившееся такъ, зря, или схваченное со словъ какого-нибудь выскочки, не заслуживаетъ вниманія и свидѣтельствуется только объ умственной ограниченности того, кто его имѣетъ. Убѣжденіе хорошо то, которое выработано изученіемъ, размышленіемъ, опытомъ и провѣркою всѣхъ сопрягающихся мнѣній.

Чувствую, что я слишкомъ заговорился о предметахъ всѣмъ вполне извѣстныхъ, но мнѣ это естественно: въ своей дѣятельности я такъ часто долженъ былъ вести борьбу съ этимъ юношескимъ задоромъ, я такъ близко видѣлъ какое пагубное

вліяніе имѣютъ на дѣтей эти ребяческія увлеченія, проповѣдуемыя soi-disant серіозными журналами, что, вѣроятно, меня извиняетъ, если я, коснувшись этого предмета, очень увлекся. Я видѣлъ какъ тѣ изъ учениковъ, которые послабѣе умомъ, съ жадностію бросались на эти льстивыя восхваленія незнанія и умственной неразвитости, и какъ усиливалась чрезъ это ихъ оппозиція воспитателямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не отклониться отъ воспитателей и не стать на сторону этихъ проповѣдниковъ? Воспитатели говорятъ имъ: „трудитесь, работайте; только трудомъ заслужите вы право надѣяться, что будете въ состояніи сказать мысль, которую будутъ слушать другіе“. Литераторы кричатъ имъ: „вы передовые; вы представители новой мысли!“ Воспитатели говорятъ имъ: „не довѣряйте своему мнѣнію, вы еще такъ мало знаете, такъ мало трудились, что легко можете ошибиться и не замѣтить своей ошибки“. Литераторы говорятъ имъ: „не слушайте другихъ; ваше убѣжденіе выше всего; а то все отстаые, отжившіе“. Воспитатели говорятъ: „прежде всего исполняйте свою обязанность; это должна быть главная забота въ вашей жизни; совершеннѣйшій идеалъ общества есть тотъ, въ которомъ каждый исполняетъ свою обязанность!“ Литераторъ восклицаетъ: „смѣло толкуйте обо всемъ, судите все и всѣхъ; вы послѣ всѣхъ родились, стало-быть вы умнѣе всѣхъ!“ Понятно, какъ школьная молодежь могла увлекаться этимъ ученіемъ. Оно такъ легко, такъ льститъ ихъ дѣтской гордости, и можно себя представить, восколько труднѣе становилась обязанность воспитателя, восколько дѣлалось труднѣе для воспитателя убѣдить въ чемъ-нибудь воспитанника. Бывали примѣры, что воспитатели, пользовавшіеся у воспитанниковъ самымъ сильнымъ авторитетомъ, теряли все свое вліяніе на нихъ, какъ только начинали говорить противъ котораго-нибудь изъ ихъ смѣшныхъ дѣтскихъ увлеченій. Впрочемъ вездѣ, гдѣ воспитатели энергически стали противъ этихъ движеній, дѣло хотя и доходило до нѣкоторыхъ болѣе или менѣе безобразныхъ явленій, однакожь не могло дойти до послѣдней крайности: это явленіе еще болѣе доказываетъ, что еслибъ ученики не имѣли такой сильной поддержки въ неустановившихся понятіяхъ общества и литературы, то переходное состояніе нашихъ учебныхъ заведеній не представило бы, можетъ-быть, ни одного грустнаго факта.

V.

Служебныя понятія, проникнувъ въ воспитаніе, не только испортили отношенія между всѣми участвующими въ немъ лицами, но совершенно исказили и всѣ понятія входящія въ кругъ воспитанія. Воспитаніе имѣеть цѣлю образовати нравственнаго человѣка, который бы въ послѣдствіи могъ быть полезенъ обществу. Стало-быть отъ воспитанія прежде всего требуется нравственнаго развитія ученика, то-есть полного убѣжденія его въ томъ, что всякій человѣкъ долженъ нести на себѣ разныя обязанности въ отношеніи къ обществу, къ семьѣ, къ самому себѣ, къ другимъ лицамъ, и что исполненіе этихъ обязанностей и составляетъ достоинство человѣка, дѣлаетъ его разумнымъ существомъ, даетъ ему значеніе въ общественной жизни. У насъ, дѣйствительно, обращено вниманіе на ту сторону воспитанія, которая извѣстна подъ названіемъ поведенія. Хорошее поведеніе строго требуется у насъ. Баллъ, считающійся удовлетворительнымъ для ученія, не удовлетворителемъ если полученъ за поведеніе; немного дурной баллъ за поведеніе парализируетъ всѣ хорошіе баллы за ученіе. Но вотъ, ученикъ кончилъ курсъ ученія; ему выданъ аттестатъ; изъ поведенія поставленъ высшій баллъ. Означаетъ ли этотъ баллъ, что въ ученикѣ развито сознаніе обязанности и всѣ тѣ умственныя качества, которыя необходимы для разумаго исполненія ея? Баллъ этотъ значить совершенно то же самое, что значать слова: „способенъ и достоинъ“, которыя собственноручно пишетъ начальникъ въ извѣстной графѣ формулярнаго списка своего подчиненнаго, то-есть, что этотъ человѣкъ доселѣ не сдѣлалъ ничего такого, за что бы слѣдовало выгнать его изъ службы, а впередъ, Богъ его знаетъ, можетъ-быть завтра же, онъ окажется виновнымъ въ такомъ преступленіи, за которое надобно сослать его на каторгу. Чтобы не было запрещенныхъ дѣлъ, вотъ чего всѣми средствами добивается воспитатель; а мотивъ, въ силу котораго этихъ дѣлъ нѣтъ, рѣшительно не входитъ въ расчетъ. Но одинъ и тотъ же результатъ можетъ происходить отъ совершенно различныхъ причинъ. Если ученикъ не дѣлаетъ чего-нибудь непопозволеннаго только потому что не имѣеть физической возможности дѣлать, значить ли это, что онъ

хорошо ведетъ себя? Неужели одинаковую рекомендацію должны получить и тѣ, которые не дѣлають дурнаго вслѣдствіе отвращенія отъ дурнаго, и тѣ, которые не дѣлають дурнаго изъ желанія втереться въ милость воспитателя и получить чрезъ это разныя выгоды? Не самое дѣло важно для воспитателя; дѣлъ еще не можетъ дѣлать ученикъ: важно развитіе нравственныхъ понятій въ душѣ ученика; важно отвращеніе отъ дурнаго, важно направленіе къ доброму; важенъ навыкъ ученика въ исполненіи обязанности. Теперь часто случается намъ слышать такіе отзывы: „этотъ ученикъ прекрасно ведетъ себя; только онъ лѣнливъ, небреженъ въ работѣ.“ При нашихъ нынѣшнихъ понятіяхъ о воспитаніи, въ этомъ отзывѣ нисколько не замѣчается противорѣчія. Но взгляды хорошенько: по истиннымъ понятіямъ о нравственности человѣка, „хорошо ведетъ себя“ можетъ значить только одно: „исполняетъ свои обязанности“. Кромѣ этого, „поведеніе“ ничего другаго значить не можетъ. А у ученика есть одна главная обязанность—хорошо учиться. Если ученикъ лѣнится, то, значить, онъ не исполняетъ своей главной обязанности: какимъ же образомъ можно сказать, что онъ „прекрасно ведетъ себя“? Въ чемъ же состоитъ его прекрасное поведеніе? Разумѣется, только въ исполненіи формальныхъ требованій, которыя исполнялись ученикомъ не вслѣдствіе развитаго въ немъ стремленія къ доброму, а вслѣдствіе страха, приманки наградою, можетъ-быть вслѣдствіе флегматическаго темперамента и пр. Можетъ-быть, онъ даже и не исполнялъ этихъ требованій, но только, нарушая ихъ, поступалъ съ такою ловкостью и хитростью, что нарушеніе всегда ускользало отъ вниманія воспитателей. Я спрашиваю теперь: неужели это понятіе, которое въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ соединяется съ словомъ: поведеніе, можетъ какимъ-нибудь образомъ входить въ кругъ воспитанія? Это понятіе чисто служебное: оцѣнивается только внѣшній результатъ; вся забота, всѣ усилія клонятся къ тому, чтобы въ данный моментъ ученикъ не дѣлалъ извѣстнаго рода дѣлъ. По нынѣшнимъ понятіямъ, разница между службою и воспитаніемъ состоитъ только въ томъ, что на службѣ запрещаются такія дѣла, которыя дѣйствительно могутъ причинять вредъ обществу; а въ воспитаніи запрещеніе часто служитъ только дисциплинарною мѣрой.

Чтобъ яснѣе показать, до какой степени служебныя понятія

вторглись въ понятія нашего общества о воспитаніи, приведу недавній примѣръ. Одинъ начальникъ учебнаго округа разослалъ по заведеніямъ, ввѣреннымъ его начальству, циркуляръ, въ которомъ, подъ страхомъ исключенія изъ службы, запрещалъ членамъ педагогическихъ совѣтовъ передавать ученикамъ подробности совѣщаній, происходящихъ на этихъ совѣтахъ. Нѣкоторые журналы возстали противъ этого циркуляра: они видѣли въ немъ рѣзкое нарушеніе принципа гласности, сѣдовательно считали его рѣшительно не современнымъ. И всѣ сочли справедливыми эти укоры. Но представьте такой случай: въ ученикъ, который доселѣ всегда исполнялъ требованія начальства, одинъ изъ воспитателей замѣчаетъ наклонность выслужиться предъ начальниками и утопить товарищей. Въ совѣтѣ разсуждали объ этомъ; рѣшили сперва самымъ тщательнымъ наблюденіемъ убѣдиться, дѣйствительно ли въ ученикѣ есть эти неблагородныя наклонности, и потомъ, если это справедливо, то незамѣтно для ученика привести его въ такое положеніе, чтобъ онъ понялъ все недостоинство своихъ поступковъ. Теперь я спрашиваю: хорошо ли поступить тотъ членъ совѣта, который передастъ это рѣшеніе воспитанникамъ? Вотъ еще примѣръ: въ совѣтѣ разсуждали о томъ, что одинъ превосходный ученикъ слишкомъ самонадѣявъ, слишкомъ много задумалъ о себѣ, и свысока смотритъ на всѣхъ своихъ товарищей. Рѣшено, для исправленія ученика, ставить его, нечувствительно для него самого, въ такое положеніе, чтобъ онъ ясно увидѣлъ, что онъ еще далеко не соответствуетъ собственному мнѣнію о себѣ, и можетъ на каждомъ шагѣ ошибаться. Представьте себѣ что будетъ, если это разсужденіе и это рѣшеніе станетъ извѣстно ученикамъ? Или вслѣдствіе педагогическихъ соображеній, рѣшено дать ученику почувствовать всю тяжесть дурнаго поступка, назначить ему самое тяжелое наказаніе, даже исключеніе изъ заведенія, съ тѣмъ чтобы когда онъ дѣйствительно почувствуетъ свою вину, простить его, взявъ на себя всю отвѣтственность за это снисхожденіе. Неужели не ясно, что открытіе ученику смысла этого наказанія не только совершенно уничтожитъ всякое значеніе этой мѣры, но даже напротивъ сдѣлаетъ ее смѣшною? И, Боже мой, въ педагогическихъ совѣтахъ безпрестанно идутъ такіа разсужденія! Каждый шагъ воспитателя долженъ имѣть *arrêtré-pensée*: ему мало заботиться о томъ, чтобы не сдѣлать

дурнаго, не сказать неправды; онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы каждое его дѣйствіе, каждое его слово, оказало доброе дѣйствіе на нравственную природу ученика. Главное дѣло воспитателя должно быть совершаемо нечувствительно для ученика; воспитатель долженъ не ломать природу, а только слегка направлять ее; необходимъ постоянный, самый строгій надзоръ, но въ то же время надзоръ долженъ быть по возможности не замѣтенъ для ученика: все это азбука воспитанія. „Какъ хочешь“ чаще всего долженъ слышать ученикъ, а въ то же время дѣло должно идти такъ чтобы ученикъ хотѣлъ только хорошаго. Какъ же можно примѣнить къ педагогическимъ совѣтамъ принципъ гласности?

VI.

Служебныя понятія проникли и въ понятія объ ученіи. И здѣсь они оказались также вредными, какъ и въ другихъ частяхъ. Въ ученіи также, у насъ не учитель и ученикъ, а начальникъ и подчиненный: въ ученіи также спрашивается не о томъ, какъ ученикъ дошелъ до какого-нибудь результата, а спрашивается только результатъ. Воспитатель старается только сообщить ученику какое-либо познаніе, а какъ оно будетъ принято умомъ ученика, какія затронетъ способности, какое вліяніе будетъ имѣть на его природу,—эти вопросы считаются лишними и никогда не предлагаются. Всѣ наши экзамены, всѣ программы, требуютъ только нѣкоторыхъ свѣдѣній и ничего болѣе. Мнѣ уже не разъ случалось печатно говорить противъ такого характера ученія, противъ совершеннаго пренебреженія умственнымъ развитіемъ, и потому, чтобы не повторяться, слегка укажу только на нѣкоторыя главныя черты. Когда у насъ разсуждаютъ о томъ, чему и какъ должно учить въ заведеніи, что принимаютъ за исходный пунктъ для разсужденія? Пользу извѣстнаго знанія въ жизни. Говорятъ: вотъ это знаніе очень полезно, слѣдовательно ему нужно учить дѣтей, и говорящіе это совершенно увѣрены, что дѣти, выучивъ что-нибудь въ школѣ, явятся въ жизнь совершенными специалистами въ этомъ дѣлѣ; они совершенно увѣрены, что если ученикъ, въ дѣтствѣ, возьметъ нѣсколько уроковъ, положимъ химіи, то черезъ десять или пятнадцать лѣтъ онъ будетъ отличнымъ сельскимъ

хозяйномъ. А того не хотятъ знать, что всѣ знанія, которыми человѣкъ дѣйствуетъ въ жизни, не могутъ быть усвоены имъ въ дѣтствѣ, что никогда никто не пользуется для дѣла специальными знаніями, прибрѣтенными въ школѣ, но всегда, приступая къ дѣлу, прибрѣтаетъ ихъ вновь. Для ученія дѣтей есть своя цѣль,—никакъ не та, которая представляется взрослому человѣку, когда онъ принимается за изученіе чего бы то ни было. Умственное развитіе, вотъ единственная задача всего ученія въ школѣ; другой цѣли быть не можетъ. Разныя свѣдѣнія сами по себѣ ребенку не нужны; ему нужно прибрѣтеніе знаній только затѣмъ, что оно сильнѣе всего развиваетъ его умственныя способности и лучше всего приготовить его къ тому, чтобы скоро и основательно прибрѣтать въ послѣдствіи тѣ спеціальныя знанія, которыхъ потребуетъ отъ него жизнь. Въ одной педагогической статьѣ, разсуждая о предметахъ которые должны составить гимназическій курсъ, авторъ говорить, что въ высшихъ классахъ гимназіи можно учить и законовѣдѣнію, но только непременно практически¹. Я не стану уже говорить, что педагогія разсуждаетъ не о томъ, чему можно учить,—учить можно всему,—а о томъ, чему должно учить; обращаю только вниманіе на требованіе практическаго изученія законовѣдѣнія въ школѣ. Человѣкъ взрослый, уже окончившій свое воспитаніе, то-есть приготовившій себя къ общественной дѣятельности, на службѣ исключительно и постоянно изучаетъ законовѣдѣніе и только послѣ долгихъ лѣтъ прибрѣтаетъ основательныя практическія познанія въ законовѣдѣніи; а авторъ упомянутой статьи ожидаетъ, что ребенокъ, занимающій три или четыре часа въ недѣлю практическимъ законовѣдѣніемъ, среди множества другихъ занятій, сильно отвлекающихъ его дѣтскій умъ совершенно въ другія сферы, можетъ получить какія-нибудь практическія познанія по юридической части! Все, что учитель будетъ въ состояніи сдѣлать съ ученикомъ, ограничится разборомъ нѣсколькихъ дѣлъ, да притомъ разборомъ только на словахъ: неужели это дастъ практическія знанія?

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть еще объ одной статьѣ, которая также ясно показываетъ, что въ нашихъ толкахъ о воспитаніи всего меньше имѣется въ виду воспитаніе.

¹ Не имѣя подъ руками журнала, въ которомъ помѣщена статья, я не могу привести подлинныхъ словъ, но мысль дѣйствительно такова.

Г. Некрасовъ, возражая на высказанное мною мнѣніе, что изученіе отечественнаго языка нельзя ставить въ основаніе при развитіи умственныхъ способностей, говоритъ (*Моск. Вѣст.* 1860 г. № 241-й) „въ изученіи отечественнаго языка важно, что онъ (ученикъ) будетъ въ состояніи чувствовать самую жизнь народа, понимать осязательнѣе ея исторію, ощущать по языку бѣненіе пульса народной жизни, и такимъ образомъ приобрѣтаетъ живое знаніе, живой взглядъ на языкъ и пр. Неужели можно повѣрить, что это говорится не объ изученіи филологіи въ университетѣ, а о преподаваніи отечественнаго языка въ 3-мъ или 4-мъ классѣ гимназіи? Въ этихъ классахъ нужно приучать еще къ тому, чтобъ ученикъ владевъ фразой, чтобъ онъ могъ связно разказать то чтó прочелъ, чтобъ онъ могъ связно изложить на бумагѣ свои мысли о самомъ общедоступномъ предметѣ, чтобъ онъ букву ѣ ставилъ гдѣ слѣдуетъ; а г. Некрасовъ хочетъ уяснить имъ „самую жизнь народа“, дать имъ ощупать исторію народа и „бѣненіе пульса народной жизни“ въ языкѣ. Да это все такія мудренныя вещи, что съ ними и вполне развитому человѣку не всегда удобно обходиться. Не правда ли, что въ этихъ умозрѣніяхъ забыта бездѣлица,—забыты дѣти, забыты смыслъ и цѣль воспитанія? Дѣти никакъ не въ состояніи узнать настоящимъ образомъ химію, политическую экономію, физиологію, науку языка, и вообще какую бы то ни было науку, потому что всякая наука требуетъ такого сильнаго развитія разсудка и такого обладанія его надъ другими способностями, какого въ дѣтахъ невозможно предполагать. Передавать дѣтямъ науку въ томъ видѣ, въ какомъ требуетъ г. Некрасовъ, значитъ приучать ихъ къ невѣрнымъ представленіямъ, приучать ихъ довольствоваться фразами, которыхъ смыслъ для нихъ не понятенъ, и не обращать всего своего вниманія на дѣло. Цѣль обученія дѣтей не есть знаніе въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова, а другая, и притомъ очень важная, не уступающая по своему значенію никакой другой—развитіе ума. Ученикъ готовится къ тому, чтобы современемъ быть въ состояніи дѣлать занятиемъ наукою; и готовится не затверживаніемъ вѣсконыхъ фактовъ изъ науки, фактовъ, которыми онъ не въ состояніи овладѣть въ ихъ истинномъ смыслѣ, а строгимъ развитіемъ ума, приученіемъ къ точному мышленію, освобожденіемъ разсудка отъ излишняго вліянія воображенія, умѣніемъ отыскивать существенную сторону въ каждомъ случаѣ.

данномъ фактѣ. Достигнуть этого — дѣло трудное, и путь овсѣмъ не тотъ, которымъ человѣкъ идетъ во всякой другой дѣятельности. Посмотрите какъ авторъ той же статьи указываетъ даже необходимость учить дѣтей исторіи языка? Спрашивается, говорить онъ, языкъ имѣеть ли свою исторію, или нѣтъ? Имѣеть. Должна ли быть наука, излагающая его исторію? Должна. Положено ли начало этой науки гдѣ-нибудь? Положено. Указанъ ли методъ для историческаго изученія языка или нѣтъ? Указанъ Гриммомъ. Что же остается? Конечно, трудиться по этому пути въ наукѣ—и только.“ Поставивъ то „и только“, авторъ думаетъ, что онъ вполне доказалъ необходимость преподавать дѣтямъ исторію языка: но „трудиться по этому пути въ наукѣ“, никакъ не значитъ учить дѣтей этой наукѣ. Прочтите бѣольшую часть статей у насъ, тракующихъ объ ученіи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: вы найдете въ нихъ опредѣленія наукъ, важность инакій изъ извѣстной науки для общества; не найдете только сужденія о томъ, какъ эти знанія подѣйствуютъ на дѣтскую голову, какія затронуть въ ней способности, какую возбуждать дѣятельность,—однимъ словомъ, не встрѣтите ни одного педагогическаго положенія.

Новыя переходныя понятія нашего общества, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить, не оставили и этой сферы воспитанія. Но здѣсь я рѣшительно не могу ясно опредѣлить, что представители этихъ понятій понимаютъ подъ словомъ „учиться“. Они, напримѣръ, считаютъ естественнымъ, чтобы ученики криками и рукоплесканіями выражали свое удовольствіе, а свистками и шиканьемъ—неудовольствіе, какъ будто они считаютъ ученіе какимъ-то пріятнымъ препровожденіемъ времени, чѣмъ-то въ родѣ театральнаго представленія; какъ будто воспитатель приходитъ въ учебное заведеніе затѣмъ, чтобы заслужить похвалу отъ учащихся, какъ будто кафедра есть мѣсто для какой-нибудь жалкой *captatio benevolentiae*. Нѣтъ, ученіе есть трудъ самихъ учениковъ; воспитатель только помогаетъ ученику работать, только поддерживаетъ его, а ученикъ все долженъ дѣлать самъ. Какое тутъ удовольствіе или неудовольствіе? Что за театральное представленіе хотятъ эти господа сдѣлать изъ ученія? Сколько ни случалось мнѣ говорить съ лицами, проповѣдующими эти понятія, сколько ни случалось мнѣ читать ихъ разсужденій о дѣлѣ ученія, я никакъ не могъ найти что они понимаютъ подъ словомъ

учиться. Едва коснутся они этого предмета, какъ сейчасъ заговорятъ о такихъ вещахъ, которыя не имѣютъ къ нему никакого отношенія: то о кассахъ или уставахъ, то объ удовольствіи, то о правахъ человѣка, и Богъ знаетъ еще о чемъ, только не говорятъ объ ученіи.

Мнѣ кажется, что совершенное отсутствіе правильныхъ педагогическихъ понятій въ нашемъ обществѣ есть главнѣйшее затрудненіе для воспитателей въ правильномъ веденіи дѣла. Какъ замѣчено выше, однимъ преобразованіемъ устава нельзя помочь этому дѣлу. Необходимо нужно какъ можно большее распространеніе и въ обществѣ, и въ литературѣ, правильныхъ педагогическихъ понятій, основанныхъ на психологическомъ и физиологическомъ изученіи природы ребенка и человѣка. Должно постоянно помнить, что школа и жизнь—сферы совершенно разнородныя, что школа есть совершенно особый міръ, что ея устройство должно быть сообразно съ свойствами природы еще только растущей и зрѣющей. Если вы устраиваете учебную часть, то не забывайте, что у ребенка не тѣ способности, которыя являются у взрослога человѣка; слѣдовательно, наука въ школѣ должна быть не въ томъ видѣ, въ какомъ ею занимаются взрослые. Ребенокъ не можетъ дѣйствовать разсудкомъ такъ, какъ долженъ дѣйствовать гражданинъ; у него сила разсудка не можетъ преобладать надъ другими низшими способностями: соображаясь съ этимъ, опредѣляйте и предметы, которые должны быть преподаваемы, и методъ ихъ преподаванія, и цѣль, съ которою они преподаются. Если вы устраиваете нравственно-воспитательную сторону, то помните, что единственная цѣль воспитанія есть искорененіе въ душѣ ребенка дурныхъ наклонностей и развитіе хорошихъ; что слѣдовательно награда и наказаніе недостаточны для школы, потому что они не въ силахъ измѣнить наклонности души; для этой цѣли нужно орудіе сильнѣе наградъ и наказаній, и это орудіе есть вліяніе сильной и развѣтой души на слабую и неразвѣтую.

А. РОБЕРЪ.

I.

(С. В. Энгельгардтъ.)

Тихонько движется мой конь
По вешнимъ заводямъ луговъ,
И въ этихъ заводахъ огонь
Весеннихъ свѣтитъ облаковъ.

И освѣжительный туманъ
Встаетъ съ оттаявшихъ полей;
Заря и счастье—и обманъ!
Какъ сладки вы душѣ моей!

Какъ нѣжно содрогнулась грудь
Надъ этой тѣнью золотой,
Какъ къ этимъ призракамъ прильнуть
Хочу мгновенною душой!

А. ФЕТЪ.

II.

Чѣмъ тоскѣ, и не знаю, помочь!
Грудь пролады свѣжительной ищеть,
Окна настезь,—уснуть мнѣ невмочь,
А въ саду подѣ окномъ во всю ночь
Соловей разливается-свищеть.

Стройный тополь стоитъ подѣ окномъ.
Листья въ воздухѣ всѣ онѣмѣли.
Точно думы все тѣ же и въ немъ,
Точно судить меня онъ съ пѣвцомъ,
Не проронитъ ни вздоха, ни трели.

На зарѣ только клонитъ ко сну,
Но лишь яркій багрянецъ замѣчу,
Разгорюсь, и опять не усну.
Знать въ послѣдній встрѣчаю весну,
И тебя на землѣ ужь не встрѣчу.

А. ФЕТЬ.

ПОЛИКУШКА

I.

— Какъ изволите приказать, сударыня! Только Дулаовыхъ жалко. Всѣ одинъ къ одному, ребята хорошіе; а коли хоть одного двороваго не поставитъ, не миновать ихнему пдти, говорилъ прикащикъ:—и то теперь всѣ на нихъ указываютъ. Впрочемъ, воля ваша.

И онъ передоложилъ правую руку на лѣвую, держа обѣ передъ животомъ, перегнулъ голову на другую сторону, втянулъ въ себя, чуть не чмокнувъ, тонкія губы, позакатилъ глаза и замолчалъ съ видимымъ намѣреніемъ молчать долго, и слушать безъ возраженій весь тотъ вздоръ, который должна была сказать ему на это барыня.

Это былъ прикащикъ изъ дворовыхъ, бритый, въ длинномъ сюртукѣ (особаго прикащицкаго покроя), который вечеромъ, осенью, стоялъ съ докладомъ передъ своею барыней. Докладъ, по понятіямъ барыни, состоялъ въ томъ чтобы выслушивать отчеты о прошедшихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, и дѣлать распоряженія о будущихъ. По понятіямъ прикащика, Егора Михайловича, докладъ былъ образъ ровнаго стоянія на обѣихъ вывернутыхъ ногахъ въ углу, съ лицомъ обращеннымъ къ дивану, выслушванія всякой неидущей къ дѣлу болтовни и доведенія барыни различными средствами до того чтобъ она скоро

и нетерпѣливо заговорила: „хорошо, хорошо,“ на всѣ предложенія Егора Михайловича.

Теперь дѣло шло о наборѣ. Съ Покровскаго надо было поставить троихъ. Двое были несомнѣнно назначены самою судьбой, по совпадению семейныхъ, нравственныхъ и экономическихъ условій. Относительно ихъ не могло быть колебанія и спора ни со стороны міра, ни со стороны барыни, ни со стороны общественнаго мнѣнія. Третій былъ спорный. Прикащикъ хотѣлъ отстоять тройника Дутлова и поставить семейнаго двороваго Поликушку, имѣвшаго весьма дурную репутацію, неоднократно попадавшагося въ кражѣ мѣшковъ, вожжей и сѣна; барыня же, часто ласкавшая оборванныхъ дѣтей Поликушки, и посредствомъ евангельскихъ внушеній исправлявшая его нравственность, не хотѣла отдавать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она не хотѣла зла и Дутловымъ, которыхъ она не знала и никогда не видала. Но почему-то она никакъ не могла сообразить, а прикащикъ не рѣшался прямо объяснить ей того, что ежели не пойдетъ Поликушка, то пойдетъ Дутловъ. „Да я не хочу несчастья Дутловыхъ,“ говорила она съ чувствомъ. — „Ежели не хотите, то заплатите триста рублей за рекрута,“— вотъ что надо было бы отвѣчать ей на это. Но политика не допускала этого.

Итакъ, Егоръ Михайловичъ устался спокойно, даже прислонился незамѣтно къ притолкѣ, но храня на лицѣ подобострастіе, и сталъ смотрѣть какъ у барыни шевелились губы, какъ подпрыгивалъ рюшъ на ея чепчикѣ вмѣстѣ съ своею тѣнью на стѣнѣ подъ картиной. Но онъ вовсе не находилъ нужнымъ выкатать въ смыслъ ея рѣчей. Барыня говорила долго и много. У него сдѣлалась зѣвотная судорога за ушами; но онъ ловко измѣнилъ это содроганіе въ кашель, закрывшись рукою и притворно крикнувъ. Я недавно видѣлъ какъ лордъ Пальмерстонъ сидѣлъ, накрывшись шляпой, въ то время какъ членъ оппозиціи громилъ министерство, и вдругъ вставъ, трехчасовою рѣчью отвѣчалъ на всѣ пункты противника; я видѣлъ это и не удивлялся, потому что вѣчто подобное я тысячу разъ видѣлъ между Егоромъ Михайловичемъ и его барыней. Боялся ли онъ заснуть или показалось ему, что она ужъ очень увлекается, онъ

переместъ тяжесть своего корпуса съ лѣвой ноги на правую, и началъ сакраментальнымъ вступленіемъ, какъ всегда начиналъ: „Воля ваша, сударыня, только..... только сходка теперь стоитъ у меня передъ конторой, и надо конецъ сдѣлать. Въ приказѣ сказано, до Покрова нужно свезти рекрутъ въ городъ. А изъ крестьянъ на Дутловыхъ показываютъ, да и не на кого больше. А міръ интересу вашего не соблюдаетъ; ему все равно, что мы Дутловыхъ раззоримъ. Вѣдь я знаю какъ они бились. Вотъ съ тѣхъ поръ какъ я управляю, все въ бѣдности жиди. Только-только дождался старикъ меньшаго племянника, теперь ихъ опять раззорить надо. А я, вы изволите знать, о вашей собственности какъ о своей забочусь. Жалко, сударыня, какъ вамъ будетъ угодно! Они мнѣ ни свать, ни братъ, и я съ нихъ ничего не взялъ....“

— Да я и не думала, Егоръ, прервала барыня, и тотчасъ же подумала, что онъ подкупленъ Дутловыми.

„...А только по всему Покровскому лучшій дворъ. Богобоязненные, трудолюбивые мужики. Старикъ тридцать лѣтъ старостой церковнымъ, ни вина не пьетъ, ни словомъ дурнымъ не бранится, въ церковь ходитъ. (Зналъ прикащикъ чѣмъ подкупить.) И главное дѣло, доложу вамъ, у него сыновей только двое, а то племянники. Міръ указываетъ, а по настоящему ему бы надо двойниковый жребій кидать. Другіе и отъ трехъ сыновей подѣлились по своей необходимости, а теперь и правы, а эти за свою добродѣтель должны пострадать.“

Тутъ уже барыня ничего не понимала,—не понимала что значили тутъ „двойниковый жребій“ и „добродѣтель“; она слышала только звуки и наблюдала наковья пуговицы на сюртукѣ прикащика: верхнюю онъ вѣрно рѣже застегивалъ, такъ она и плотно сидѣла, а средняя совсѣмъ оттянулась и висѣла, такъ что давно бы ее пришить надо было. Но, какъ всѣмъ извѣстно, для разговора, особенно дѣловаго, совсѣмъ не нужно понимать того что вамъ говорятъ, а нужно только помнить что самъ хочешь сказать. Такъ и поступала барыня.

— Какъ ты не хочешь понять, Егоръ Михайловъ? сказала она: — я вовсе не желаю, чтобы Дутловъ пошелъ въ солдаты. Кажется, сколько ты меня знаешь, ты можешь

судить, что я все дѣлаю что могу, для того чтобы помочь своимъ крестьянамъ, и не хочу ихъ несчастья. Ты знаешь, что я всѣмъ готова бы пожертвовать, чтобы избавиться отъ этой грустной необходимости, и не отдавать ни Дутлова, ни Хорюшкина. (Не знаю, пришло ли въ голову прикащику, что для того чтобы избавиться отъ этой грустной необходимости не нужно жертвовать *всѣмъ*, а довольно трехъ сотъ рублей; но эта мысль легко могла придти ему.) Одно только скажу тебѣ, что Поликее я ни за что не отдамъ. Когда, послѣ этого дѣла съ часами, онъ самъ признался мнѣ, и плакалъ, и клялся что онъ исправится, я долго говорила съ нимъ и видѣла что онъ тронутъ и искренно раскаялся. („Ну, понесла!“ подумалъ Егоръ Михайловичъ, и сталъ разсматривать варенье, которое у нея было положено въ стаканъ воды: апельсинное или лимонное? „Должно быть съ горечью“, подумалъ онъ.) Съ тѣхъ поръ вотъ семь мѣсяцевъ, а онъ ни разу пьянъ не былъ и ведетъ себя прекрасно. Мнѣ его жена говорила, что онъ другой человекъ сталъ. И какъ же ты хочешь, чтобы я теперь наказала его, когда онъ исправился? Да и развѣ это не безчеловѣчно отдать человекъ, у котораго пять человекъ дѣтей, и онъ одинъ? Нѣтъ, ты мнѣ лучше не говори про это, Егоръ...

И барыня запила изъ стакана.

Егоръ Михайловичъ прослѣдилъ за прохожденіемъ воды черезъ горло, и затѣмъ возразилъ коротко и сухо:

— Такъ Дутлова назначить прикажете?

Барыня всплеснула руками. — Какъ ты не можешь меня понять? Развѣ я желаю несчастья Дутлова, развѣ я имѣю что-нибудь противъ него? Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я все готова сдѣлать для нихъ. (Она взглянула на картину въ углу, но вспомнила, что это не Богъ: „Ну да все равно, не въ томъ дѣло“, подумала она. Опять странно, что она не напала на мысль о трехъ стахъ рубляхъ.) Но что же мнѣ дѣлать? Развѣ я знаю какъ и что? Я не могу этого знать. Ну, я на тебя полагаюсь, ты знаешь чего я хочу. Дѣлай такъ, чтобы всѣ были довольны, по закону. Что жъ дѣлать? Не имъ однимъ? Всѣмъ бываютъ тяжелыя минуты. Только Поликея нельзя отдать. Ты пойми, что это было бы ужасно съ моей стороны.

Она бы еще долѣ говорила,—она такъ олушевилась; но въ это время въ комнату вошла горничная дѣвушка.

— Что ты Дуяша?

— Мужикъ пришелъ, велѣлъ спросить у Егора Михайла, прикажутъ ли дожидаться сходкѣ? сказала Дуяша, и сердито взглянула на Егора Михайловича. („Экой этотъ прикащикъ!“ подумала она: „растревожилъ барыню; теперь опять не дастъ заснуть до втораго часа.“)

— Такъ поди, Егоръ, сказала барыня,—дѣлай какъ лучше.

— Слушаю-сь. (Онъ уже ничего не сказалъ о Дутаовѣ.)

А за деньгами къ садовнику кого прикажете послать?

— Петруша развѣ не приѣзжалъ изъ города?

— Никакъ нѣтъ-сь.

— А Николай не можетъ ли съѣздить?

— Тятенька отъ поясницы лежитъ, сказала Дуяша.

— Не прикажите ли мнѣ самому, завтра съѣздить? спросилъ прикащикъ.

— Нѣтъ, ты здѣсь нуженъ, Егоръ. (Барыня задумалась.)

Сколько денегъ?

— 462 рубля-сь.

— Поликея пошли, сказала барыня, рѣшительно взглянувъ въ лицо Егора Михайлова.

Егоръ Михайловъ, не открывая зубовъ, растянулъ губы, какъ будто улыбался, и не измѣнился въ лицѣ.—Слушаю-сь.

— Пошли его ко мнѣ.

— Слушаю-сь,—и Егоръ Михайловичъ пошелъ въ контору.

II.

Полъ икей, какъ человекъ незначительный и замаранный, да еще изъ другой деревни, не имѣлъ протекціи ни черезъ ключницу, ни черезъ буфетчика, ни черезъ прикащика или горничную, и уголь у него былъ самый плохой, даромъ что онъ былъ самъ-семь съ женой и дѣтьми. Углы еще покойнымъ баринкомъ построены были такъ: въ десяти-аршинной каменной избѣ, въ серединѣ, стояла русская печь, кругомъ былъ коридоръ (какъ звали дворовые), а въ каждомъ углу былъ отгороженный досками уголь. Мѣста, значить, было

немного, особенно въ Поликеевомъ углу, крайнемъ къ двери. Брачное ложе со стеганнымъ одѣяломъ и ситцевыми подушками, люлька съ ребенкомъ, столикъ на трехъ ножкахъ, на которомъ стряпалось, мылось, клалось все домашнее, и работалъ самъ Поликей (онъ былъ коноваль). Кадушки, платья, куры, теленокъ и сами семеро наполняли весь уголъ и не могли бы пошевелиться, ежели бы общая печь не представляла своей четвертой части, на которой ложились и вещи, и люди, да ежели бы еще нельзя было выходить на крыльцо. Оно, пожалуй, и нельзя было: въ октябрѣ холодно, а теплаго платья былъ одинъ тулупъ на всѣхъ семерыхъ; но за то можно было грѣться дѣтямъ бѣгая, а большимъ работая, и тѣмъ и другимъ взявъ на печку, гдѣ было до 40 градусовъ тепла. Оно, кажется, страшно жить въ такихъ условіяхъ, а имъ было ничего: жить можно было. Акулина обмывала, обшивала дѣтей и мужа, пряла, и ткала, и бѣлила свои холсты, варила и пекла въ общей печи, бранилась и сплетничала съ сосѣдями. Мѣсячины доставало не только на дѣтей, но еще и на посылку коровѣ. Дрова вольныя были, кормъ скотинѣ тоже. И сѣнцо изъ конюшни перепадало. Была полоска огорода. Коровенка отелалась; свои куры были. Поликей при конюшнѣ былъ, убиралъ двухъ жеребцовъ, и бросалъ кровь лошадямъ и скотинѣ; разчищалъ копыта, насосы спускалъ и давалъ мази собственного изобрѣтенія, и за это ему дельжовки и припасы перепадали. Господскаго овса тоже оставалось. На деревнѣ былъ мужичокъ, который регулярно въ мѣсяцъ за двѣ мѣрки выдавалъ двадцать фунтовъ баранины. Жить бы можно было, коли бы душевнаго горя не было. А горе было большое всему семейству. Поликей съ молоду былъ въ другой деревнѣ при конномъ заводѣ. Конюшій, къ которому онъ попалъ, былъ первый воръ по всему околадку: его на поселенье сослали. У этого конюшаго Поликей первое ученье прешель, и по молодости лѣтъ такъ къ этимъ пустякамъ привыкъ, что потомъ и радъ бы отстать — не могъ. Человѣкъ онъ былъ молодой, слабый; отца, матери не было, и учать некому было. Поликей любилъ выпить, а не любилъ чтобы гдѣ что плохо лежало. Гужъ ли, сѣделка ли, замокъ ли, шкворень ли, или подороже что, все у Поликея Дядича мѣсто себѣ находило. Вездѣ были люди, которые

вещицы эти принимали и платили за них виномъ или деньгами, по согласію. Заработки эти самыя легкіе, какъ говорить народъ: ни ученья тутъ, ни труда, ничего не надо, и коли разъ испытаешь, другой работы не захочется. Только одно не хорошо въ этихъ заработкахъ: хотя и дешево и не трудно все достается, и жить пріятно бываетъ, да вдругъ отъ злыхъ людей не поладится этотъ промыселъ, и за все разомъ заплатишь, и жизни не радъ будешь.

Такъ-то и съ Поликеемъ случилось. Женился Поликей, и далъ ему Богъ счастье: жена, скотникова дочь, попалась баба здоровая, умная, работающая; дѣтей ему нарожала одивъ другаго лучше. Поликей все своего промысла не оставлялъ, и все шло хорошо. Вдругъ пришла на него неудача, и онъ попался. И попался изъ пустяковъ: у мужика ременные вожжи припряталъ. Нашли, побили, до барыни довели и стали примѣчать. Другой, третій разъ попался. Народъ срамить сталъ, прикащикъ солдатствомъ погрозилъ, барыня выговорила, жена плакать, убиваться стала; совсѣмъ все наыворотъ пошло. Человѣкъ онъ былъ добрый и не дурной, только слабый, выпить любилъ, и такую сильную привычку взялъ къ этому, что никакъ не могъ отстать. Бывало начнетъ ругать его жена, даже бить, какъ онъ пьяный придетъ, а онъ плачетъ. „Несчастный я, говорить, человѣкъ, что мнѣ дѣлать? Лопни мои глаза, брошу, не стану.“ Глядишь, черезъ мѣсяцъ, опять уйдетъ изъ дому, напьется, дня два пропадаетъ. „Откудова-нибудь да онъ деньги беретъ, чтобы гулять,“ разсуждали люди. Последнее дѣло его было съ часами конторскими. Были въ конторѣ старыя, висячіе стѣнные часы; давно ужъ не шли. Пришлось ему одному войти въ отпертую контору: польстился онъ на часы, унесъ и сбывъ въ городъ. Какъ нарочно, случись, что тотъ лавочникъ, которому онъ часы сбывъ, приходился сватомъ одной дворовой, и пришелъ на праздникъ въ деревню, и разказалъ про часы. Стали добираться, точно кому-нибудь это нужно было. Особенно прикащикъ Поликея не любилъ. И нашли. Доложили барынѣ. Барыня призвала Поликея. Онъ сразу упалъ въ ноги, и съ чувствомъ, трогательно, во всемъ признался, какъ его научила жена. Онъ все исполнилъ очень хорошо. Стала его барыня урезонивать, говорила,

говорила, причитала, причитала, и о Богѣ, и о добродѣтели, и о будущей жизни, и о женѣ и дѣтяхъ, и довела его до слезъ. Барыня сказала:

— Я тебя прощаю, только обѣщай ты мнѣ никогда этого впередъ не дѣлать.

— Вѣкъ не буду! Провалиться мнѣ, разорвись моя утроба! говорилъ Поликей, и трогательно плакалъ.

Поликей пришелъ домой, и дома какъ теленокъ ревѣлъ цѣлый день, и на печи лежалъ. Съ тѣхъ поръ ни разу ничего не было замѣчено за Поликеемъ. Только жизнь его стала не веселая; народъ на него какъ на вора смотрѣлъ, и какъ пришло время набора, всѣ стали на него указывать.

Поликей былъ коноваль, какъ уже сказано. Какъ онъ вдругъ сдѣлался коноваломъ, это никому не было извѣстно, и еще меньше ему самому. На конномъ заводѣ, при конюшемъ, сосланномъ на поселенье, онъ не исполнялъ никакой другой должности, кромѣ чистки навоза изъ денниковъ, иногда чистки лошадей и возки воды. Тамъ онъ не могъ выучиться. Потомъ онъ былъ ткачомъ, потомъ работалъ въ саду, чистилъ дорожки; потомъ за наказаніе билъ кирпичъ; потомъ, ходя по оброку, нажимался въ дворники къ купцу. Стало-быть и тутъ не было ему практики. Но въ послѣднее пребываніе его дома, какъ-то повсемногу стала распространяться репутація его необычайнаго, даже въсколькo сверхъ-естественнаго, коновальскаго искусства. Онъ пустилъ кровь, разъ, другой, потомъ повалялъ лошадь и поковырялъ ей что-то въ ляжкѣ, потомъ потребовалъ чтобы завели лошадь въ станокъ и сталъ ей рѣзать стрѣлку до крови, несмотря на то что лошадь билась и даже визжала, и сказалъ, что это значитъ „спущать подкопытную кровь“. Потомъ онъ объяснялъ мужику, что необходимо бросить кровь изъ обѣихъ жилъ, „для большей легости“, и сталъ бить колотушкой по тупому ланцету; потомъ, подъ брюхомъ дворниковой лошади, передернулъ покромку отъ женскаго головнаго платка. Наконецъ сталъ присыпать купоросомъ всякія болячки, мочить изъ склянки, и давать иногда внутрь что вздумается. И чѣмъ больше онъ мучилъ и убивалъ лошадей, тѣмъ больше ему вѣрили, и тѣмъ больше водили къ нему лошадей.

Я чувствую, что нашему брату, господамъ, не совсѣмъ

прилично смѣяться надъ Поликеемъ. Приемы, которые онъ употреблялъ для внушенія довѣрія, тѣ же самыя, которые дѣйствовали на нашихъ отцовъ, на насъ и на нашихъ дѣтей будутъ дѣйствовать. Мужикъ, брюхомъ навалившись на олову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и съ вѣрой и ужасомъ глядящій на значительно-нахмуренное лицо Поликея, и его тонкія, засученныя руки, которыми онъ нарочно жметъ именно то мѣсто, которое болитъ, и смѣло рѣжетъ въ живое тѣло съ затаенною мыслию: „куда кривая вынесетъ“, и показывая видъ, что онъ знаетъ гдѣ кровь, гдѣ матерія, гдѣ сухая, гдѣ мокрая жила, а въ зубахъ—держитъ цѣлительную тряпку или склянку съ купоросомъ, мужикъ этотъ не можетъ представить себѣ, чтобъ у Поликея подвѣлась рука рѣзать не зная. Самъ онъ не могъ бы этого сдѣлать. А какъ скоро разрѣзано, онъ не упрекаетъ себя за то, что далъ напрасно рѣзать. Не знаю какъ вы, а я испытывалъ съ докторомъ, мучившимъ по моей просьбѣ людей близкихъ моему сердцу, точь-въ-точь то же самое. Ландетъ, и таинственная бѣлесовая склянка съ сулемой, и слова: *чильчакъ, почечуй, спущать кровь, матерю* и т. п., развѣ не тѣ же *нервы, ревматизмы, организмы* и т. п.? *Wage ich zu irren und zu träumen!*—это не столько къ поэтамъ относится, сколько къ докторамъ и коноваламъ.

III.

Въ тотъ самый вечеръ какъ сходка, выбирая рекрута, сидѣла у конторы въ холодномъ мракѣ октябрьской ночи, Поликей сидѣлъ на краю кровати у стола и растиралъ на ладонѣ бутылкой лошадиное лѣкарство, котораго онъ и самъ не зналъ. Тутъ были сулема, сѣра, глауберова соль и трава, которую Поликей собиралъ, вообразивъ себѣ какъ-то разъ, что эта трава очень полезна отъ запала, и находя не лишнимъ давать ее и отъ другихъ болѣзней. Дѣти уже лежали: двое на печи, двое на кровати, одинъ въ люлькѣ, у которой сидѣла Акулина за пряжей. Огарокъ, оставшійся отъ господскихъ плохо лежавшихъ свѣчъ, въ деревянномъ подсвѣчникѣ, стоялъ на окнѣ, и чтобы мужъ не

отрывался отъ своего важнаго занятія, Акулина вставала поправлять огарокъ пальцами. Были вольнодумцы, которые считали Поликей пустымъ коноваломъ и пустымъ человекомъ. Другіе, и большинство, считали его нехорошимъ человекомъ, но великимъ мастеромъ своего дѣла. Акулина же, несмотря на то что часто ругала и даже бивала своего мужа, считала его несомнѣнно первымъ коноваломъ и первымъ человекомъ въ свѣтѣ. Поликей высыпалъ въ горсточку какую-то спецію. (Вѣсовъ онъ не употреблялъ, и проницески отзывался о Нѣмцахъ, употребляющихъ вѣсы. „Это, говоритъ онъ, не аптека!“) Поликей прикинулъ свою спецію на рукѣ, и встряхнулъ; но ему показалось мало, и онъ высыпалъ въ десять разъ болѣе. „Всю положу, лучше подниметь,“ сказалъ онъ самъ про себя. Акулина быстро оглянулась на голость властелина, ожидая приказанія; но увидавъ, что дѣло до нея не касается, пожала плечами: „Видишь, дошлый! Откуда берется!“ подумала она, и опять принялась пряхать. Бумажка, изъ которой высыпана была спеція, упала подъ столъ. Акулина не пропустила этого.

— Анютка, крикнула она, — видишь отецъ уронилъ, подними.

Анютка выкинула тоненькія босыя ножоки изъ-подъ капота, покрывавшаго ее, какъ котенокъ слѣзла подъ столъ, и достала бумажку.

— Натѣ, тятенька, сказала она, и юркнула опять въ постель озябшими ножонками.

— Сто толкается, пропищала ея меньшая сестра, сюсюкая и засыпающимъ голосомъ.

— Я васъ! проговорила Акулина, и обѣ головы скрылись подъ капотомъ.

— Три дѣлковыхъ дасть, проговорилъ Поликей, затыкая бутылку, — вытѣчу лошадь. Еще дешево, прибавилъ онъ. — Поломай-ка голову, поди! Акулина, сходи попроси табачку у Никиты. Завтра отдамъ.

И Поликей досталъ изъ штановъ липовый, когда-то выкрашенный чубучокъ, съ сургучомъ вмѣсто мундштука, и сталъ налаживать трубку.

Акулина оставила веретено и вышла, не зацѣпившись, что было очень трудно. Поликей открылъ шкапчикъ, поставилъ бутылку и опрокинулъ въ ротъ пустой штофъ.

къ; но водки не было. Онъ поморщился, но когда жена принесла табакъ, и онъ набилъ трубку, закурилъ и сѣлъ на ковчегъ, лицо его просіяло довольствомъ и гордостью чело­вѣка окончившаго свой дневной трудъ. Думалъ ли онъ о томъ какъ онъ завтра прихватитъ языкъ лошади и вольетъ въ ротъ эту удивительную микстуру, или онъ размышлялъ о томъ, какъ для нужнаго чело­вѣка ни у кого не бываетъ отказа, и что вотъ Никита прислалъ-таки табачку. Ему было хорошо. Вдругъ дверь, висѣвшая на одной петлѣ, откину­лась, и въ уголъ вошла *верховая* дѣвушка, не вторая, а третья, маленькая, которую держали для посылокъ. *Верхъ*, какъ съ­мѣ известно, значитъ барскій домъ, хотя бы онъ былъ и низу. Аксютка, такъ звали дѣвочку, всегда летала какъ уля, и при этомъ руки ея не сгибались, а качались какъ маятники, по мѣрѣ быстроты ея движенія, не вдоль стѣнъ, а передъ корпусомъ; щеки ея всегда были краснѣе ея розоваго платья; языкъ ея шевелился всегда такъ же быстро, какъ и ноги. Она влетѣла въ комнату, и схватившись для чего-то за печку, начала качаться, и какъ будто желая выговорить непременно не болѣе какъ по два, по три слова заразъ, вдругъ, задыхаясь, произнесла слѣдую­щее, обращаясь къ Акулинѣ:

— Барыня велѣла Поликею Ильичу сею минутою притить вверхъ, велѣла... (Она остановилась и тяжело перевела духъ.) Егоръ Михалычъ былъ у барыни, о некрутахъ го­ворили, Поликей Ильича поминали... Авдотья Миколавна велѣла сею минутою притить. Авдотья Миколавна велѣла... (опять вздохъ) сею минутою притить.

Съ полминуты Аксютка посмотрѣла на Поликею, на Акулину, на дѣтей, которыя высунулись изъ-подъ одеяла, схватила скорлупку орѣха, валяющуюся на печи, бросила въ Аяутку, и проговоривъ еще разъ „сею минутою при­тить“, какъ вихрь вылетѣла изъ комнаты, и маятники съ обыкновенною быстротою замотались поперекъ линіи ея бѣга.

Акулина встала опять, и достала мужу сапоги. Сапоги были скверные, прорваные, солдатскіе. Сняла кафтанъ съ печи и подала ему, не глядя на него.

— Ильичъ, рубаху перемѣнять не станешь?

— Нѣ, сказалъ Поликей.

Акулина не взглянула на его лицо ни разу, въ то время

какъ онъ молча обувался и одѣвался, и хорошо сдѣлалъ что не взглянула. Лицо у Поликеева было блѣднѣе, нижняя челюсть дрожала, и въ глазахъ было то плаксивое, покорное и глубоко-несчастное выраженіе, которое бываетъ только у людей добрыхъ, слабыхъ и виноватыхъ. Онъ причесался и хотѣлъ выйдти, жена остановила его и поправила ему тесемку рубахи, висѣвшую на армякѣ, и надѣла на него шапку.

— Что, Поликей Ильичъ, али барыня васъ требуютъ? раздавался голосъ столяровой жены изъ-за перегородки.

Столярова жена только нынче утромъ имѣла съ Акудиной жаркую неприятность за горшокъ щелока, который у ней разлили Поликеевы дѣти, и ей въ первую минуту пріятно было слышать, что Поликеева зовутъ къ барынямъ: должно-быть не за добромъ. При томъ она была тонкая, политичная и язвительная дама. Никто лучше ея не умѣлъ отбрызнуть словомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, она сама про себя думала.

— Должно-быть въ городъ за покупками хотятъ поехать, продолжала она.—Я такъ полагаю, что вѣрнаго человѣка изберутъ, васъ и посылаютъ. Вы мнѣ тогда чайку чашечку купите, Поликей Ильичъ.

Акудина удержала слезы, и губы ея стянулись въ злое выраженіе. Такъ бы и взвспыла она въ паскудные волосы сводочи этой, столяровой жены. Но какъ взглянула она на своихъ дѣтей, и подумала, что они останутся сиротами, а она солдаткой-вдовой, забыла она язвительную столярову жену, закрыла лицо руками, съѣла на постель, и голова ея опустилась на подушки.

— Мамуска, ты меня сплюссила, проворчала сюсюкающая дѣвочка, выдергивая свой салопъ изъ-подъ локтя матери.

— Хоть бы перемерли вы всѣ! На горе народила я васъ! прокричала Акудина и зарыдала на весь уголъ, въ утѣху столяровой женѣ, не забывшей еще про утренній щелокъ.

IV.

Прошло полчаса. Ребенокъ закричалъ, Акудина встала и покормила его. Она ужъ не плакала, но облокотивъ свое еще красивое, худое лицо, уставилась глазами на догоравшуръ

свѣчу и думала о томъ, зачѣмъ она вышла замужъ, зачѣмъ столько солдатъ нужно, и о томъ еще какъ бы ей отплатить столярной жемъ.

Послышались шаги мужа; она отерла слѣды слезъ и встала, чтобы дать ему дорогу. Поликей вошелъ козыремъ, бросилъ шапку на кровать, отдулся и сталъ распоясываться.

— Ну что? Зачѣмъ знала?

— Гм, извѣстно! Поликушка послѣдній человекъ, а какъ дѣло нужно, такъ кого? Поликушку.

— Какое дѣло?

Поликей не торопился отвѣчать; онъ закурилъ трубку, и сплюнулъ.

— Къ купцу за деньгами велѣла вѣхать.

— Деньги везть? спросила Акулина.

Поликей усмѣхнулся и покачалъ головой.—Куды ловка на словахъ! Ты, говорить, былъ на замѣчаньи, что ты не вѣрный человекъ, только я тебѣ вѣрю больше чѣмъ другому кому (Поликей говорилъ громко, затѣмъ чтобы сосѣди слышали). Ты мнѣ обѣщала исправиться, говорить, вотъ тебѣ значить первое доказательство, что я тебѣ вѣрю: съѣзди, говорить, къ купцу, возьми деньги и привези. Я, говорю, сударыня, мы, говорю, всѣ ваши холопы, и должны служить какъ Богу, такъ и вамъ, потому я чувствую себя, что могу все издѣлать для вашего здоровья и отъ должности ни отъ какой не могу отказываться; что прикажете, то и исполню, потому я есть вашъ рабъ. (Онъ опять усмѣхнулся тою особенною улыбкой слабого, добраго и виноватаго человека.) Такъ ты, говорить, сдѣлаешь вѣрно? Ты, говорить, понимаешь ли, что твоя судьба зависитъ отъ этого? Какъ могу не понимать, что я все могу сдѣлать? Коли на меня наговорили, такъ обвинить каждаго можно, а я никогда ничѣмъ, кажется, противу вашего здоровья не могъ и помыслить. Такъ, значить, ее заговорилъ, что совсѣмъ моя барыня мягкая стала. Ты, говорить, мнѣ первый человекъ будешь. (Онъ помолчалъ, и опять та же улыбка остановилась на его лицѣ.) Я очень знаю какъ съ ними говорить. Бывало какъ я еще по оброку ходилъ, какой раскочить! А только дай поговорить съ нимъ, такъ его умаслю, что шелковый станеть.

— И много денегъ? спросила еще Акулина.

— Три полтысячи рублевъ, небрежно отвѣчалъ Полицей. Она покачала головой.

— Когда вѣхать?

— Завтра велѣла. Возьми, говоритъ, лошадь, какую хочешь, зайди въ контору, и ступай съ Богомъ.

— Слава тебѣ, Господи! сказала Акулина, вставая и крестясь.— Помоги тебѣ Богъ, Ильячъ, прибавила она шепотомъ, чтобы не слышали за перегородкой, и придерживала его за рукавъ рубахи.— Ильячъ, слушай меня, Христомъ-Богомъ прошу, какъ поѣдешь, крестъ поцѣлуй, что въ ротъ капли не возьмешь.

— А то пить стану, съ такими деньгами вѣхаша! фыркнулъ онъ.— Ужь какъ тамъ въ фортепьянъ игралъ кто-то, ловко, бѣда! прибавилъ онъ, помолчавъ и усмѣхался.— Должно, барышня. Я такъ-то передъ ней стоялъ, передъ барыней у горки, а барышня тамъ за дверью закатывала. Запустить, запустить, такъ складно подлаживаетъ, что ну! Поигралъ бы я, право. Я бы дошелъ. Какъ разъ бы дошелъ. Я до этихъ дѣловъ ловокъ. Рубаху завтра чистую дай.

И они легли спать счастливые.

V.

Сходка между тѣмъ шумѣла у конторы. Дѣло было нешутное. Мужики почти все были въ сборѣ, и въ то время какъ Егоръ Михайловичъ ходилъ къ барыня, головы накрывались, больше голосовъ стало слышно въ общемъ говорѣ, и голоса стали громче. Стовъ густыхъ голосовъ, изрѣдка перебываемый задыхающею хрипкою, крикливою рѣчью, стоялъ въ воздухѣ, и стонъ этотъ долеталъ какъ звукъ шумящаго моря до окошекъ барыни, которая испытывала при этомъ нервическое безпокойство, похожее на чувство возбуждаемое сильною грозой. Не то страшно, не то неприятно ей было. Все ей казалось, что вотъ-вотъ еще громче и чаще стануть голоса, и случится что-нибудь. Какъ будто нельзя все сдѣлать тихо, мирно, безъ спору, безъ крику, думала она,— по христіанскому, братолюбивому и кроткому закону.

Много голосовъ говорили вдругъ, но громче всехъ кричалъ Федоръ Рѣзунъ, плотникъ. Онъ былъ двойниковый, и нападалъ на Дутловыхъ. Старикъ Дутловъ защищался; онъ

выступилъ впередъ изъ толпы, за которою стоялъ свая, и захлебываясь, широко разводя руками и поддерживая бородку, гнусилъ такъ часто, что самому ему трудно было бы понять что онъ говорилъ. Дѣти и племянники, олодевъ къ молодцу, стояли и жались за нимъ, а старикъ утловъ напоминалъ собою матку въ игрѣ въ *коршуна*. Коршуномъ былъ Рѣзунъ, и не одинъ Рѣзунъ, а всѣ воишки и всѣ одинокіе, почти вся сходка, наступавшая на Дутлова. Дѣло было въ томъ, что Дутлова братъ былъ, въ тридцать тому назадъ, отдавъ въ солдаты, и потому онъ не хотѣлъ быть на очереди съ тройниками, а хотѣлъ, чтобы службу его брата зачли, и его бы сравнивали съ двойниками въ общій жеребій, и изъ нихъ бы ужь взяли третьяго рекрута. Тройниковыхъ было еще четверо, кромѣ Дутлова; но одинъ былъ староста, и его госпожа уволила; изъ другой семьи поставленъ былъ рекрутъ въ прошлый наборъ; изъ остальныхъ двухъ, были назначены двое, и одинъ изъ нихъ даже и не пришелъ на сходку, только баба его грустно стояла позади всѣхъ, смутно ожидая, что какъ-нибудь колесо перевернется на ея счастье; другой же изъ двухъ назначенныхъ, рыжій Романъ, въ оборванномъ армякѣ, хотя и не бѣдный, стоялъ прислонившись у крыльца и наклонивъ голову, все время молчалъ, только изрѣдка внимательно вглядывался въ того, кто заговаривалъ погромче, и опять опускалъ голову. Такъ и вѣяло несчастьемъ отъ всей его фигуры. Старикъ Семень Дутловъ былъ такой человекъ, что всякій немного знавшій его, отдалъ бы ему на сохраненіе сотни и тысячи рублей. Человекъ онъ былъ степенный, богобоязненный, состоятельный; былъ онъ притомъ церковнымъ старостой. Тѣмъ разительнѣе былъ азартъ, въ которомъ онъ находился.

Рѣзунъ плотникъ былъ, напротивъ, человекъ высокій, черный, буйный, пьяный, смѣлый и особенно ловкій въ спорахъ и толкахъ на сходкахъ, на базарахъ, съ работниками, купцами, мужиками или господами. Теперь онъ былъ спокоенъ, язвительнъ, и со всей высоты своего роста, всею силой своего звучнаго голоса и ораторскаго таланта, давилъ захлебывавшагося и выбитаго совершенно изъ своей степенной колеи церковнаго старосту. Участниками въ спорѣ были еще: круглолицый,

моложавый, съ четверугольною головою и курчавою боро-
 кою, коренастый Гараська Копыловъ, одинъ изъ говорю-
 ныхъ сабдующаго за Рѣзуномъ, болѣе молодого поколѣ-
 нія, отличавшійся всегда рѣзкою рѣчью и уже заслужившій
 себѣ вѣсъ на сходкѣ. Потомъ Федоръ Мельничный, желтый,
 худой, длинный, сутуловатый мужикъ, тоже молодой, съ рѣ-
 кими волосами на бородѣ и съ маленькими глазками, всегда
 желчный, мрачный, во всемъ находившій злую сторону и че-
 сто озадачивавшій сходку своими неожиданными и отры-
 вистыми вопросами и замѣчаніями. Оба эти говоруна бы-
 ли на сторонѣ Рѣзуна. Кромѣ того, вмѣшивались ир-
 ѣдка два болтуна, одинъ съ добродушнѣйшею рожей и
 окладистою русою бородою, Храпковъ, все приговаривав-
 шій: „другъ ты мой любезный“ и другой маленькій, съ
 птичьей рожицей, Жидковъ, тоже приговаривавшій ко
 всему: „выходить, братцы мои“, обращавшійся ко всѣмъ и
 говорившій складно, но ни къ селу, ни къ городу. Оба они
 были то за того, то за другаго, но ихъ никто не слушалъ.
 Были и другіе такіе же, но эти двое такъ и смѣшали
 между народомъ, больше всѣхъ кричали, пугая барыня,
 меньше всѣхъ были слушаемы, и одуренные шумомъ и
 крикомъ, вполнѣ предавались удовольствію чесанія языка.
 Было еще много разныхъ характеровъ мирянъ: были мрачные,
 приличные, равнодушные, загнанные; были и бабы позади
 мужиковъ, съ палочками; но про всѣхъ ихъ, Богъ дастъ
 я разкажу въ другой разъ. Толпа же составлялась вообще
 изъ мужиковъ, стоявшихъ на сходкѣ какъ въ церкви и по-
 зади шепотомъ разговаривавшихъ о домашнихъ дѣлахъ,
 о томъ когда въ роцѣ вырѣзки накладывать, или молча
 ожидавшихъ скоро ли кончатъ галдѣть. А то были еще
 богатые, которымъ сходка ничего не можетъ приба-
 вить или убавить въ ихъ благосостояніи. Таковъ былъ
 Ермилъ, съ широкимъ, глянцеовитымъ лицомъ, котораго
 мужики называли толстобрюхимъ за то что онъ былъ
 богатъ. Таковъ былъ еще Старостинъ, на лицѣ кото-
 раго лежало самодовольное выраженіе власти: „Вы, молъ,
 что ни говорите, а меня никто не тронетъ. Четверо
 сыновей, да вотъ никого не отдадутъ.“ Ирѣдка и ихъ
 задирали вольнодумцы какъ Копылъ и Рѣзунъ, и они
 отвѣчали, но спокойно и твердо, съ сознаніемъ своей

прикосновенности. Если Дутловъ походилъ на матку, игрѣ въ коршуна, то парни его не вродѣ напоминали бою птенцовъ: не метались, не пищали, а стояли спокойно позади его. Старшій Игнатъ былъ уже тридцати лѣтъ; второй Василій былъ тоже женатъ, но не годенъ въ круты; третій Илюшка, племянникъ, только что женившись, блѣый, румяный, въ щегольскомъ туалѣ (онъ въ щипкахъ вѣдилъ), стоялъ, поглядывая на народъ, почемъ-то иногда въ затылкѣ подѣ шляпой, какъ будто дѣло е до него касалось, а его-то именно и хотѣли оторвать оршуны.

— Такъ-то и мой дѣдъ въ солдатахъ былъ, говорилъ вѣзунъ,—такъ и я отъ жеребья отказываться стану. Такого, братъ, закона нѣтъ. Прошлый наборъ Михеичева апрѣли, а его дядя еще домой не приходилъ.

— У тебя ни отецъ, ни дядя, царю не служили, въ одно то же время говорилъ Дутловъ,—да и ты-то ни господамъ, ни міру не служилъ, только бражничалъ, да дѣти отъ тебя подѣлались. Что жить съ тобой нельзя, такъ и судишь, на другихъ показываешь, а я сотскимъ десять годовъ ходилъ, старостой ходилъ, два раза горѣлъ, мнѣ никто не помогъ; а за то что въ дворѣ у насъ мирно, да честно, такъ и раззорить меня? Дайте же мнѣ брата назадъ. Онъ лебось тамъ и померъ. Судите по правдѣ, по Божьему, міръ православный, а не такъ, что пьяный сбредетъ, то и слушать.

Въ одаю и то же время Герасимъ говорилъ Дутлову:—Ты на брата указываешь, а его не міромъ отдали, а за его безпутство господа отдали; такъ онъ тебѣ не отговорка.

Еще Герасимъ не договорилъ, какъ мрачно началъ желтый и длинный Федоръ Мельничный, выступая впередъ:—То-то господа отдають кого вздумаютъ, а потомъ міромъ разбирай. Міръ приговорилъ твоему сыну идти, а не хочешь, проси барыню, она може велить мнѣ отъ дѣтей одинокому лобъ забрить. Вотъ-те и законъ, сказалъ онъ желчно. И опять махнувъ рукой, сталъ на прежнее мѣсто.

Рыжій Романъ, у котораго былъ назначенъ сынъ, подхватилъ голову и проговорилъ:—Вотъ такъ, такъ!—и даже вѣлъ съ досады на приступку.

Но это были еще не всѣ голоса, говорившіе вдругъ.

Кромѣ тѣхъ, которые, стоя позади, говорили о своихъ дѣлахъ, и боатуны не забывали своей должности.

— И точно, міръ православный, говорилъ маленькій Жидковъ, повторяя слова Дутлова,—надо судить по христіанству. По христіанству, значить, братцы мои, судить надо.

— Надо по совѣсти судить, другъ ты мой любезный, говорилъ добродушный Храпковъ, повторяя слова Копылова, и дергая Дутлова за тулупъ,—на то господская воля была, а не мірское рѣшеніе.

— Вѣрно! Вошь оно что! говорили другіе.

— Кто пьяный брешеть? возражалъ Рѣзунъ:—ты меня поцалъ, что ли, али сынь твой, что по дорогѣ подбираютъ, меня виномъ укорять станутъ? Что, братцы, надо рѣшеніе сдѣлать. Коли хотите Дутлова миловать, хоть не то двойниковъ, одинокихъ назначайте, а онъ смѣяться намъ будетъ.

— Дутлову идти! Что говорить!

— Извѣстное дѣло! Тройникамъ впередъ надо жеребій брать, заговорили голоса.

— Еще что барыня велить. Егоръ Михалычъ сказывалъ, двороваго поставить хотѣли, сказалъ чей-то голосъ.

Это замѣчаніе задержало немного споръ, но скоро онъ опять загорѣлся, и снова перешелъ въ личности.

Игнатъ, про котораго Рѣзунъ сказалъ, что его подбирали по дорогѣ, сталъ доказывать Рѣзуну, что онъ пилу укралъ у прохожихъ плотниковъ и свою жену чуть до смерти не убилъ пьяный.

Рѣзунъ отвѣчалъ что жену онъ и трезвый и пьяный бьетъ, и все мало, и тѣмъ всѣхъ размѣшилъ. Насчетъ же пилы онъ вдругъ обидѣлся, и приступилъ къ Игнату ближе, и сталъ спрашивать:—Кто укралъ?

— Ты укралъ, смѣло отвѣчалъ здоровенный Игнатъ, подступая къ нему еще ближе.

— Кто укралъ? не ты ли? кричалъ Рѣзунъ.

— Нѣтъ ты! кричалъ Игнатъ.

Послѣ пилы, дѣло дошло до краденной лошади, до мѣшка съ овсомъ, до какой-то полоски огорода на селищахъ, до какого-то мертвого тѣла. И такія страшныя вещи наговорили себѣ оба мужика, что ежели бы сотая доля того въ чемъ они допрекали себя, была правда, ихъ бы сѣдовало обоимъ, по

кову, тотчасъ же въ Сибирь сослать, по крайней мѣрѣ и поселенье.

Дутловъ старикъ между тѣмъ избралъ другой родъ защиты. Ему не нравился крикъ сына; онъ, останавливая его, говорилъ: „Грѣхъ, брось! Тебѣ говорятъ,“ а самъ доказывалъ, что тройники не одни тѣ, у кого три сына вмѣстѣ, и тѣ, которые подѣлились. И онъ указалъ еще на Старогина.

Старостинъ слегка улыбнулся, кракнулъ, и поглядивъ бо-о-оу съ приѣмомъ богатаго мужика, отвѣчалъ, что на то оля господская. Должно заслужилъ его сынъ, коли велѣно го обойдти.

Насчетъ же подѣленныхъ семействъ, Герасимъ тоже разбилъ доводы Дутлова, замѣтивъ, что надо было дѣлаться не позволять, какъ при старомъ баринѣ было, что спустя дѣто по малину не ходять, что, теперъ не оди-оокихъ же отдавать стать.

— Развѣ изъ баловства дѣлались? За что жь ихъ теперъ раззорить въ конецъ? послышались голоса дѣленыхъ, и болтуны пристаи къ этимъ голосамъ.

— А ты купи рекрута, коли не любо. Осилить! сказалъ Рѣзунъ Дутлову.

Дутловъ отчаянно запахнулъ кафтанъ, и сталъ за другихъ мужиковъ.

— Ты мои деньги сосчиталъ видно, проговорилъ онъ злобно.— Вотъ что еще Егоръ Михалычъ скажетъ отъ барина.

VI.

Дѣйствительно, Егоръ Михайловичъ въ это время вышелъ изъ дома. Шапки одна за другой поднялись надъ головами, и по мѣрѣ того какъ подходилъ прикащикъ, одна за другою открывались пѣшивыя, съ середины и спереди, сѣдые, полусѣдые, рыжія, черныя и русыя головы, и понемногу, понемногу, затихали голоса, и наконецъ совершенно затихли. Егоръ Михайловичъ сталъ на крыльцо, и показалъ видъ, что хочетъ говорить. Егоръ Михайловичъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ, съ неудобно всунутыми въ передніе карманы руками, въ фабричной, надвинутой

напередъ фуражкѣ, и стоя твердо разставленными ногами на возвышеніи командующемъ надъ этими поднятymi и обращенными къ нему, большею частью старыми и большею частью красивыми, бородатыми головами, имѣлъ совсѣмъ другой видъ чѣмъ передъ барыней. Онъ былъ величественъ.

— Вотъ, ребята, барыню рѣшеніе: дворовыхъ отдавать ей не угодно, а кого изъ себя вы сами назначите, тотъ и пойдетъ. Нынче намъ троихъ надо. По настоящему два съ половиной, да половина впередъ пойдетъ. Все равно: не мынче, такъ въ другой разъ.

— Известно! Это дѣло! сказали голоса.

— По моему сужденію, продолжалъ Егоръ Михайловичъ, — Хорошкиному и Матюхиному Васкѣ идти, это ужъ самъ Богъ велѣлъ.

— Такъ точно, вѣрно, сказали голоса.

— Третьему надо либо Дутлову, либо изъ двойниковыхъ. Какъ вы скажете?

— Дутлову, заговорили голоса, Дутловы тройники.

И опять понемногу, понемногу — начался крикъ, и опять дѣло дошло какъ-то до пилы, до полоски на селищахъ и до какихъ-то украденныхъ съ барскаго двора веретей. Егоръ Михайловичъ ужъ двадцать лѣтъ управлялъ имѣніемъ, и былъ человекъ умный и опытный. Онъ постоялъ, послушалъ съ четверть часа, и вдругъ велѣлъ всѣмъ молчать, а Дутловымъ кидать жеребій, кому изъ троихъ. Нарѣзали жеребьевъ, Храпковъ сталъ доставать изъ потрясаемой шляпы и вынулъ жеребій Илюшкинъ. Всѣ замолчали.

— Мой что ль? Покажь сюда, сказалъ Илья, оборвавшимся голосомъ.

Всѣ молчали. Егоръ Михайловичъ велѣлъ принести къ завтрашнему дню рекрутскія деньги, по семи копѣекъ съ тягаа, и объявивъ что все кончено, распустилъ сходку. Толпа двинулась, надѣвая шапки за угломъ и гудя говоромъ и шагами. Прикащикъ стоялъ на крыльцѣ, глядя на уходившихъ. Когда молодежь — Дутловы прошли за-уголъ, онъ подошелъ къ себѣ старика, который самъ остановился и вошелъ съ нимъ въ контору.

— Жако мнѣ тебя, старикъ, сказалъ Егоръ Михайловичъ, садясь въ кресло передъ столомъ: — на тебѣ чередъ. Не купишь за племянника, или купишь?

Старикъ, не отвѣчая, значительно взглянулъ на Егора Михайловича.

— Не мимовать, отвѣтилъ Егоръ Михайловичъ на его взглядъ.

— И ради бы купилъ, не изъ чего, Егоръ Михайлычъ. Двѣ лошади въ дѣто ободрали. Женить племянника. Видно судьба наша такая, за то что честно живемъ. Ему хорошо говорить. (Онъ вспомнилъ о Рѣзунѣ.)

Егоръ Михайловичъ потеръ рукой лицо и зѣвнулъ. Ему видно ужъ наскучило, и пора было чай пить.

— Эхъ, старый, не грѣши! сказалъ онъ:—а пощи-ка въ подпольѣ, авось найдешь старенькихъ цѣлковенькихъ четыре сотеаки. Я тебѣ такого охотничка куплю, что чудо. Намедни назывался человекъ одилъ.

— Въ губерни? спросилъ Дутловъ, подъ *губерней* разумѣя городъ.

— Чтò жь, купишь?

— И радъ бы, вотъ передъ Богомъ, да....

Егоръ Михайловичъ строго перервалъ его:

— Ну такъ слушай ты меня, старикъ: чтобъ Илюшка надъ собой чего не сдѣлалъ; какъ пришаю, выче ли, завтра ли, чтобъ сейчасъ и везти. Ты повезешь, ты и отвѣчаешь, а ежели чтò, избави Богъ, надъ нимъ случится, старшаго сына забрѣю. Слышишь?

— Да вельзя ли двойниковыхъ, Егоръ Михайлычъ, вѣдь обидно, сказалъ онъ, помолчавъ:—какъ братъ мой въ солдатахъ померъ, еще сына берутъ: за чтò же на меня напасть такая? заговорилъ онъ, почти плача и готовый удариться въ ноги.

— Ну, ступай, ступай, сказалъ Егоръ Михайловичъ:—ничего вельзя, порядокъ. За Илюшкой смотрѣть; ты отвѣчаешь.

Дутловъ пошелъ домой, задумчиво постукивая лутошкой по колаужкамъ дороги.

VII.

На другой день рано утромъ, передъ крыльцомъ двораго „флигера“, стояла развѣзжая телѣжка (въ которой и прикащикъ ѣзжалъ), запряженная ширококостымъ гнѣдымъ

мереномъ, называемымъ неизвѣстно почему Барабаномъ. Анютка, Поликеева старшая дочь, несмотря на дождь съ крупной и холодный вѣтеръ, босикомъ стояла передъ головою мерена, издалека, съ видимымъ страхомъ, держа его одною рукою за поводъ, другою придерживая на своей головѣ желтозеленую кацавейку, исполнявшую въ семействѣ должность одѣяла, шубы, чепчика, ковра, пальто для Поликея, и еще много другихъ должностей. Въ уголъ происходила возня. Было еще темно; чуть-чуть пробивался утренній свѣтъ дождливаго дня сквозь окно залѣпленное кое-гдѣ бумагой. Акулина, оставивъ на время истряпню въ печи, и дѣтей, изъ которыхъ малые еще не вставали и зябли, такъ какъ одѣяло ихъ было взято для одежды и на мѣсто его былъ данъ имъ головной платокъ матери, — Акулина была занята собираніемъ мужа въ дорогу. Рубаха была чистая. Сапоги, которые, какъ говорится, просили каши, причиняли ей особенную заботу. Впервыхъ, она сняла съ себя толстые, шерстяные, единственные чулки, и дала ихъ мужу; а вовторыхъ, изъ потника, который лежалъ плохо въ конюшнѣ, и который Ильичъ третьяго дня принесъ въ избу, она ухитрилась сдѣлать стельки такимъ образомъ чтобы заткнуть дыры и предохранить отъ сырости Ильичевы ноги. Ильичъ, самъ сидя съ ногами на кровати, былъ занятъ перевертываніемъ кушака такимъ образомъ, чтобъ онъ не имѣлъ вида грязной веревки. А сюсюкающая сердитая дѣвочка въ шубѣ, которая, даже надѣтая ей на голову, все-таки путалась у ней въ ногахъ, была отправлена къ Никитѣ попросить шапки. Возню увеличивали дворовые, приходившіе просить Ильича купить въ городѣ — той иглокъ, той чайку, той деревяннаго маслаца, тому табачку, и сахарцу столаровой жевѣ, успѣвшей уже поставить самоваръ, и чтобы задобрить Ильича, принесшей ему въ кружкѣ напитокъ, который она называла чаемъ. Хотя Никита и отказалъ въ шапкѣ, и надо было привести въ порядокъ свою, то-есть засунуть выбивавшіеся и висѣвшіе изъ ней хлопки и зашить коновальной иглой дыру, хоть сапоги со стельками изъ потника и не влѣзали сначала на ноги, хоть Анютка и промерзла и выпустила было Барабана, и Машка въ шубѣ пошла на ея мѣсто, а потомъ Машка должна была снять шубу, и сама Акулина пошла держать Бара-

баба, — кончилось тѣмъ, что Ильичъ надѣлъ-таки на себя почти все одѣяніе своего семейства, оставивъ только кацавейку и туфли, и убравшись, сѣлъ въ телѣгу, запахнулся, поправилъ сѣно, еще разъ запахнулся, разобралъ вожжи, еще плотнѣе запахнулся, какъ это дѣлаютъ очень степенные люди, и тронулъ.

Мальчишка его, Мишка, выбѣжавшій на крыльцо, потребовалъ, чтобъ его прокатили. Сюсюкающая Маска тоже стала просить, чтобъ ее „пlockали и сто ей тепло и безъ субы“, и Поликей придержалъ Барабана, улыбнулся своею слабою улыбкой, а Акулина подсадила ему дѣтей, и нагнувшись къ нему, шепотомъ проговорила, чтобъ онъ помнилъ клятву и ничего не пилъ дорогой. Поликей провезъ дѣтей до кузни, высадилъ ихъ, опять укутался, опять поправилъ шанку и поѣхалъ одинъ маленькою, степенною рысью, подрагивая на толчкахъ щеками и постукивая ногами по лубку телѣги. Машка же и Мишка съ такою быстротою и съ такимъ визгомъ полетѣли босикомъ къ дому по скользкой горѣ, что забѣжавшая съ деревни на дворню собака, посмотрѣла на нихъ, и вдругъ поджавши хвостъ, съ лаемъ пустилась домой, отчего визгъ Поликеевыхъ наследниковъ еще удесят�ерился.

Погода была скверная, вѣтеръ рѣзалъ лицо, и не то свѣгъ, не то дождь, не то крупа, изрѣдка принимались стегать Ильича по лицу и голымъ рукамъ, которыя онъ пряталъ съ холодными вожжами подъ рукава армяка, и по кожаной крышкѣ хомута, и по старой головѣ Барабана, который прижималъ уши и жмурился.

Потомъ вдругъ переставало, мгновенно разчищалось; ясно видѣлись голубоватая, свѣговая туча, и солнце какъ будто начинало проглядывать, но не рѣшительно и не весело, какъ улыбка самого Поликея. Несмотря на то, Ильичъ былъ погруженъ въ пріятныя мысли. Онъ, котораго на поселеніе сослать хотѣли, которому угрожали солдатствомъ, котораго только лѣвивый не ругалъ и не билъ, котораго всегда тыкали туда, гдѣ похуже, онъ ѣдетъ теперь получать сумму денегъ, и большую сумму, и барыня ему довѣряетъ, и ѣдетъ онъ въ прикащицкой телѣжкѣ на Барабанѣ, на которомъ сама барыня ѣздитъ, ѣдетъ какъ дворникъ какой, съ реманными гужами и вожжами. И Поликей усаживался прямѣе, поправлялъ хлопки въ шанкѣ,

и еще запахивался. Впрочемъ, ежели Ильичъ думалъ, что онъ совершенно похожъ на богатаго дворянка, то онъ заблуждался. Оно, правда, всякій знаетъ, что и отъ десяти тысячъ торговцы въ телѣжкѣ съ ременною упряжью ѣздятъ; только это то, да не то. Ѣдетъ человекъ, съ бородой, въ синемъ ли, черномъ ли кафтанѣ, на сытой лошади, одинъ сидитъ въ ящикѣ: только взглянешь, сыта ли лошадь, самъ сытъ ли, какъ сидитъ, какъ запряжена лошадь, какъ опшкана телѣжка, какъ самъ подпоясанъ, сейчасъ видно, на тысячи ли, на сотни ли мужикъ торгуетъ. Всякій опытный человекъ какъ только бы поглядѣлъ вблизи на Поликея, на его руки, на его лицо, на его недавно отпущенную бороду, на кушакъ, на сѣно брошенное кое-какъ въ ящикъ, на худаго Барабана, на стертые шивы, сейчасъ узналъ бы, что это ѣдетъ холопшка, а не купецъ, не гуртовщикъ, не дворянкъ, не отъ тысячи, ни отъ ста, ни отъ десяти рублей. Но Ильичъ такъ не думалъ, онъ заблуждался и пріятно заблуждался. Три полтысячи рублей повезетъ онъ за своею пазухой. Захочетъ, повернетъ Барабана вмѣсто дома къ Одесту, да и поѣдетъ куда Богъ приведетъ. Только онъ этого не сдѣлаетъ, а вѣрно привезетъ деньги барынкѣ, и будетъ говорить, что и не такія деньги важивали. Поровнявшись съ кабакомъ, Барабанъ сталъ затагивать лѣвую вожжу, останавливаться и приворачивать; но Поликей несмотря на то, что у него были деньги, данная на покупки, свиснулъ Барабана кнутомъ и проѣхалъ. То же самое онъ сдѣлалъ и у другого кабака, и къ полднямъ слѣзъ съ телѣги и отворивъ ворота купеческаго дома, въ которомъ останавливались всѣ барынины люди, провель телѣжку, отпрегъ, приставилъ къ сѣну лошадь, пообедалъ съ купеческими работниками, не преминувъ разказать за какимъ онъ важнымъ дѣломъ пріѣхалъ, и пошелъ, съ письмомъ въ шапкѣ, къ садовнику. Садовникъ, знавшій Поликея, прочтя письмо, съ видимымъ сомнѣніемъ поразспросилъ, точно ли ему вѣрно везти деньги. Ильичъ хотѣлъ обидѣться, но не сумѣлъ, только умыкнулся своею улыбкой. Садовникъ перечелъ еще письмо и отдалъ деньги. Получивъ деньги, Поликей положилъ ихъ за пазуху и пошелъ на квартиру. Ни полпивная, ни питейные дома, ничто не соблазнило его. Онъ испытывалъ пріятное разра-

желе во всемъ существѣ и не разъ останавливался у лавокъ съ искушающими товарами, сапогами, армяками, шапками, ситцами и сѣстными. И постоявъ немощко, отходилъ, съ приятнымъ чувствомъ: могу все купить, да вотъ не сдѣлаю. Онъ прошелъ на базаръ купить что ему вѣрно было, забралъ все; и поторговалъ дубленую шубу, за которую просили двадцать пять рублей. Продавецъ, почему-то глядя на Поликея, не вѣрилъ, чтобы Поликей могъ купить; но Поликей показалъ ему на пазуху, говоря, что всю лавку его купить можетъ, коли захочетъ, и потребовалъ примѣрять шубу, помялъ, потрепалъ ее, подулъ въ мѣхъ, даже провонялъ отъ нея, и наконецъ со вздохомъ снялъ. „Не подходящая цѣна. Коли бы изъ пятнадцати рублей уступилъ,“ сказалъ онъ. Купецъ сердито перекинулъ шубу черезъ столъ, а Поликей вышелъ и въ веселомъ духѣ отправился на квартиру. Поужинавъ, напоивъ Барабана и задавъ ему овса, онъ всталъ на печку, вынулъ конвертъ, долго осматривалъ его и попросилъ грамотнаго дворника прочесть адресъ и слова: „со вложеніемъ тысячи шести сотъ семнадцати рублей ассигнаціями“. Конвертъ былъ сдѣланъ изъ простой бумаги, печати были изъ бурога сургуча съ изображеніемъ якоря: одна большая въ серединѣ, четыре по краямъ; сбоку было капнуто сургучомъ. Ильичъ все это осмотрѣлъ и заучилъ, и даже потрогалъ вострые концы ассигнацій. Какое-то дѣтское удовольствіе испытывалъ онъ зная, что въ его рукахъ находятся такіа деньги. Онъ засунулъ конвертъ въ дыру шапки, шапку положилъ подъ голову и легъ; но и ночью онъ нѣсколько разъ просыпался и щупалъ конвертъ. И всякій разъ, находя конвертъ на мѣстѣ, онъ испытывалъ приятное чувство сознанія, что вотъ онъ, Поликей, осрамленный, забитый, везетъ такіа деньги, и доставитъ ихъ вѣрно,—такъ вѣрно, какъ не доставилъ бы и самъ прикащикъ.

VIII.

Около полуночи и купцовы работники, и Поликей были разбужены стукомъ въ ворота и крикомъ мужиковъ. Это были рекруты, которыхъ привезли изъ Покровскаго. Ихъ было человекъ десять: Хорюшкинъ, Митюшкинъ и Илья (племянникъ Дутлова), двое подставныхъ, староста, ста-

старикъ Дутовъ и подводчики. Въ избѣ горѣлъ ночникъ, кухарка спала на лавкѣ похъ образами. Она вскочила и стала зажигать свѣчу. Поликей тоже проснулся, и перегнувшись съ печи, сталъ смотрѣть на входившихъ мужиковъ. Всѣ входили, крестились и садились на лавки. Всѣ они были совершенно спокойны, такъ что узнать нельзя было, кто кого привезъ въ отдачу. Они здоровались, гутарили, спрашивали похъсть. Правда, нѣкоторые были молчаливы и грустны; за то другіе были необыкновенно веселы, видимо выпивши. Въ томъ числѣ былъ и Илья, до сихъ поръ никогда не пившій.

— Что жь, ребята, ужинать али спать ложиться? спросилъ староста.

— Ужинать, отвѣчалъ Илья, распахнувъ шубу и утѣшись на лавкѣ.—Посылай за водкой.

— Будетъ те водки-то, отвѣчалъ староста мелькомъ, и снова обратился къ другимъ. — Такъ хлѣбца закусите ребята. Что народъ будить?

— Водки дай, повторилъ Илья, ни на кого не глядя, и такимъ голосомъ, что видно было, что онъ не скоро отстанетъ.

Мужики послушались совѣта старосты, достали изъ тѣлѣгъ хлѣбушка, похъли, попросили квасу и полегли кто на полу, кто на печи.

Илья изрѣдка все повторялъ:—Водки дай, я говорю, подай.—Вдругъ онъ увидалъ Поликея: — Ильичъ, а, Ильичъ! Ты здѣсь, другъ любезный? Вѣдь я въ солдаты иду, со всѣмъ распрощался съ матушкой, съ хозяйкой.... Какъ выла! Въ солдаты упекали. Поставь водки.

— Денегъ нѣтъ, отвѣчалъ Поликей.—Еще, Богъ дастъ, затылокъ, прибавилъ Поликей, утѣшая.

— Нѣтъ братъ, какъ береза чистая, никакой болѣзни не видалъ надъ собой. Ужъ какой мнѣ затылокъ? Какихъ еще царю солдатъ надо?

Поликей сталъ разказывать исторію какъ дохтору сиенькую мужикъ далъ, и тѣмъ уводился.

Илья подвинулся къ печи и разговорился.—Нѣтъ, Ильичъ, теперь кончено, и самъ не хочу оставаться. Дядя меня упекъ. Развѣ мы бы не купили за себя? Нѣтъ, сына жалко и денегъ жалко. Меня отдаюгъ... Теперь самъ не хочу. (Онъ

говорилъ тихо, довѣрчиво, подѣ влияніемъ тихой грусти.)
 Одно, матушку жалко; какъ убивалась сердешная! Да и хо-
 яйку: такъ ни за что погубили бабу; теперь пропадетъ;
 солдатка, одно слово. Лучше бы не женить. Зачѣмъ они
 меня женили? Завтра прѣдутъ.

— Да что же васъ такъ рано привезли? спросилъ Полю-
 шей: — то ничего не слышать было, а то вдругъ...

— Вишь боятся, чтобъ я надъ собой чего не сдѣлалъ,
 отвѣчалъ Илюшка улыбаясь. — Небось, ничего не сдѣлаю.
 Я и въ солдатахъ не пропаду, только матушку жалко. За-
 чѣмъ они меня женили? говорилъ онъ тихо и грустно.

Дверь отворилась, крѣпко хлопнула, и вошелъ старикъ
 Дутловъ, отряхая шапку, въ своихъ лаптяхъ, всегда огром-
 ныхъ, точно на ногахъ у него были лодки.

— Аванасій, сказалъ онъ перекрестясь, и обращаясь къ
 дворнику: — вѣтъ ли фонарика, овса всыпать?

Дутловъ не взглянулъ на Илью, и спокойно началъ за-
 жигать огарокъ. Рукавицы и култы были засунуты у него
 за поясомъ, и армякъ аккуратно подпоясанъ; точно онъ съ
 обозомъ прѣхалъ: такъ обычно-просто, мирно и озабочено
 хозяйственнымъ дѣломъ было его трудовое лицо.

Илья, увидавъ дядю, замолкъ, опять мрачно опустилъ глаза
 куда-то на лавку, и заговорилъ обращаясь къ старостѣ:

— Водки дай, Ермила. Вина пить хочу.

Голосъ его былъ злой и мрачный.

— Какое теперь вино? отвѣчалъ староста, хлебая изъ
 чашки: — видишь, люди поѣли да и легли; а ты что буянишь?

Слово „буянишь“ видимо навело его на мысль буянить.

— Староста, я бѣду надѣлаю, коли ты мнѣ водки не дашь.

— Хоть бы ты его урезонилъ, обратился староста къ
 Дутлову, который зажегъ уже фонарь, но видимо остано-
 вился послушать что еще дальше будетъ и искоса, съ со-
 боуздвонаніемъ смотрѣлъ на племянника, какъ будто удив-
 лась его ребячеству.

Илья, потупившись, опять проговорилъ: — Вина дай, бѣду
 надѣлаю.

— Брось, Илья! сказалъ староста кротко: — право брось,
 лучше будетъ.

Но не успѣлъ онъ еще выговорить этихъ словъ, какъ
 Илья вскочилъ, ударилъ кулакомъ въ стекло и закричалъ

во всю мочь: „Не хотите слушать, вотъ вамъ!“ и бросилъ къ другому окну, чтобъ и то разбить.

Ильичъ во мгновеніе ока перекатился два раза и спрятался въ углу печи, такъ что распугавъ всѣхъ таракановъ Староста бросилъ ложку и побѣжалъ къ Ильѣ. Дутловъ медленно поставилъ фонарь, распоясался, пощелкивая языкомъ, покачалъ головой и подошелъ къ Ильѣ, который ужъ возился съ старостой и дворникомъ, не пускавшими его къ окну. Они поймали его за руки и держали, казалось, крѣпко; но какъ только Илья увидѣлъ дядю съ кушакомъ. силы его удесятились, онъ вырвался, и закативъ глаза, подступилъ съ сжатымъ кулакомъ къ Дутлову.

— Убью, не подходи, варваръ! Ты меня загубилъ, ты, съ своими сыновьями разбойниками, ты загубилъ меня. Зачѣмъ меня женили? Не подходи, убью!

Илюшка былъ страшень. Лицо его было багровое, глаза не знали куда дѣваться; все его здоровое, молодое тѣло дрожало какъ въ лихорадкѣ. Онъ, казалось, хотѣлъ и могъ убить всѣхъ троихъ мужиковъ, наступавшихъ на него: — Братниау кровь пьешь, кровопійца.

Что-то сверкнуло на вѣчно-спокойномъ лицѣ Дутлова. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ: „Не хотѣлъ добромъ,“ проговорилъ онъ и вдругъ, откуда взялась энергія, быстрымъ движеніемъ схватилъ онъ племянника, повалился съ нимъ на землю, и съ помощью старосты, началъ крутить ему руки. Минуть съ пять боролись они; наконецъ Дутловъ, съ помощью мужиковъ, всталъ, отдирая руки Ильи отъ своей шубы, въ которую тотъ вцѣпился, — всталъ самъ, потомъ поднялъ Илью, съ связанными назадъ руками, и посадилъ его на лавку въ углу.

— Говорилъ хуже будетъ, сказалъ онъ, задыхаясь еще отъ борьбы и оправая поясокъ рубахи: — что грѣшить? всѣ умирать будемъ. Дай ему подъ голову армякъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ дворнику: — а то голова затечетъ, — и самъ взялъ фонарь, подпоясался веревочкой и вышелъ опять къ лошадямъ.

Илья со спутанными волосами, съ блѣднымъ лицомъ и вздернутою рубахой, оглядывалъ комнату, какъ будто старался вспомнить гдѣ онъ. Дворникъ подбиралъ осколки

теколъ и утыкалъ въ окно подушубокъ, чтобы не дуло. Староста опять сѣлъ за свою чашку.

— Эхъ, Илюха, Илюха! Жалко мнѣ тебя, право. Что жь плаать! Вотъ Хорюшкинъ, тоже женатый; не миновать идуно.

— Отъ злодѣя дяди погибаю, повторилъ Илья съ сухою любовью. — Ему своего жалко.... Матунка говорила, приказикъ приказывалъ купить некрута. Не хочетъ; говорить: не одолѣеть. Развѣ мы съ братомъ мало въ домъ принесли?... Злодѣй оцъ!

Дутловъ вошелъ въ избу, помолился образамъ, раздѣлся и подсѣлъ къ старостѣ. Работница подала ему еще квасу и ложку. Илья замолкъ, и закрывъ глаза, прилегъ на армякъ. Староста молча указалъ на него и покачалъ головой. Дутловъ махнулъ рукой.

— Развѣ не жалко? Брата роднаго сынъ. Мало того что жалко, еще злодѣемъ меня передъ нимъ издѣлали. Вложила ему въ голову его хозяйка, что ль, бабочка хитрая, даромъ что молода, что у насъ деньги такія, что купить некрута осилимъ. Вотъ и укоряетъ меня. А какъ жалко малаго-то!..

— Охъ, малый хорошъ! сказалъ староста.

— Да мочи моей съ нимъ нѣтъ. Завтра Игната пришлю, и хозяйка его пріѣхать хотѣла.

— Присылай-ка, ладно, сказалъ староста, всталъ и пошлъ на печку. — Что деньги? Деньги прахъ.

— Были бы деньги, кто бы пожалѣлъ? проговорилъ купеческій работникъ, поднимая голову.

— Эхъ, деньги, деньги! Много грѣха отъ нихъ, отозвался Дутловъ. — Ничего въ свѣтѣ столько грѣха, какъ эти деньги, и въ Писаніи сказано.

— Все сказано, повторилъ дворникъ. — Такъ-то сказывалъ мнѣ человекъ одинъ: купецъ былъ, денегъ много накопилъ, и ничего оставить не хотѣлъ; такъ свои деньги любилъ, что съ собою въ гробъ унесъ. Сталъ помирать, только велѣлъ подушечку съ собою въ гробъ положить. Не догадался такъ! Потомъ стали искать денегъ сыновья: нѣтъ ничего. Догадался одинъ сынъ, что должно въ подушкѣ деньги были. До царя доходило, позволилъ откопать. Такъ что жь ты думаешь? Открыли, въ подушкѣ ничего нѣтъ, а полонъ козюлями гробъ; такъ и зарыли опять. Вотъ оно что деньги-то дѣлаютъ.

— Извѣстно, грѣха много, оказалъ Дутловъ, всталъ и началъ молиться Богу.

Помолившись, онъ посмотрѣлъ на племянника. Тотъ спалъ. Дутловъ подошелъ, отпустилъ ему кушакъ, и легъ. Другой мужикъ пошелъ спать къ лошадямъ.

IX.

Какъ только все затихло, Поликей, будто виноватый, потихоньку слѣзъ и сталъ убираться. Ему почему-то было жутко почевать здѣсь съ рекрутами. Пѣтухи ужъ перекалились чаще, Барабанъ поѣлъ весь свой овесъ, и тянулся къ поилу. Ильичъ запретъ его, и вывелъ мимо мужичьихъ телѣгъ. Шанка съ содержимымъ была въ цѣлости, и колеса телѣжки снова застучали по подмерзнувшей Покровской дорогѣ. Поликею легче стало только тогда, какъ онъ выѣхалъ за городъ. А то все почему-то ему казалось, что вотъ-вотъ сзади посыллется погоня, остановить его, да на мѣсто Ильи скрутятъ ему назадъ руки, и завтра поведутъ въ ставку. Не то отъ холода, не то отъ страха, морозъ пробѣгалъ у него по спинѣ, и онъ все потрогивалъ и потрогивалъ Барабана. Первый встрѣтившійся ему человекъ былъ попъ въ высокой зимней шапкѣ съ кривымъ работникомъ. Еще жутче стало Поликею. Но за городомъ страхъ этотъ понемногу прошелъ. Барабанъ пошелъ шагомъ, стала виднѣе впереди дорога; Ильичъ снялъ шапку и оцупалъ деньги. „Положить ихъ за пазуху?“ думалъ онъ: „еще распоясываться надо. Вотъ дай подъ изволокъ заду, тамъ собду съ телѣги, уберусь. Шанка крѣпко зашита сверху, а внизъ изъ подкладки не выскочитъ. И сымать шапки до дома не стану.“ Съѣхавъ подъ изволокъ, Барабанъ, по собственной охотѣ, на выносъ выскакалъ въ гору, и Поликей, которому, также какъ и Барабану, хотѣлось скорѣе домой, не препятствовалъ ему въ томъ. Все было въ порядкѣ, по крайней мѣрѣ ему такъ казалось, и онъ предался мечтаніямъ о благодарности госпожи, о пяти цѣлковыхъ, которые она ему дастъ, и о радости своихъ домашнихъ. Онъ снялъ шапку, оцупалъ еще разъ письмо, нахлобучилъ себѣ шапку глубже на голову, и улыбнулся. Плисъ на шапкѣ былъ гнилой, и именно потому что накануне Акулина

арателью зашила его въ прорванномъ мѣстѣ, олъ разлѣлся . другаго конца, и именно то движеніе, которымъ Поли- кей, снявъ шапку, думалъ въ темнотѣ засовать глубже подъ подушку письмо съ деньгами, это самое движеніе распороло подушку и высунуло конвертъ однимъ угломъ изъ-подъ поду- шки. Стало свѣтать, и Поликей, не спавшій всю ночь, задрем- лъ. Надвинувъ шапку и тѣмъ еще больше высунувъ пись- мо, Поликей въ дремотѣ сталъ стучаться головой о грядку. Онъ проснулся около дома. Первымъ движеніемъ его было хватиться за шапку, она сидѣла плотно на головѣ; онъ и не замѣтилъ ее, увѣренный, что конвертъ тутъ. Онъ тронулъ Ба- рабана, поправилъ сѣно, опять принялъ видъ дворника, и живо поглядывая вокругъ себя, затрясся къ дому.

Вотъ кухня, вотъ „флигеръ“, вонъ столярова жена не- стаетъ холосты, вонъ контора, вонъ барынины домъ, въ ко- торомъ сейчасъ Поликей покажетъ, что онъ человѣкъ вѣр- ный и честный, что „наговорить молъ можно на всякаго“ барыня скажетъ: „ну благодарствуй, Поликей, вотъ тебѣ три...“ а можетъ и пять, а можетъ и десять цѣлковыхъ, и выпить еще чаю поднести ему, а може и водочки. Съ холоду бы не мѣшало. На десять цѣлковыхъ и погуляемъ на празд- никъ, и сапоги купимъ, и Никиткѣ, такъ и быть, отдадимъ четыре съ половиной, а то приставать очень началъ... Не отвѣщая шаговъ ста до дома, Поликей запахнулъ еще, поправилъ поясъ, ожерелку, снялъ шапку, поправилъ волосы, не торопясь, сунулъ руку подъ подкладку. Рука заше- елилась въ шапкѣ, быстрѣй, еще быстрѣй, другая всуну- лась туда же; лицо блѣднѣло, блѣднѣло, одна рука проско- чила насквозь... Поликей вскочилъ на козлы, остановилъ лошадей, и началъ оглядывать телегу, сѣно, покупки, щу- лять пазуху, шаровары: денегъ нигдѣ не было.

„Батюшки! Да что же это?! Что все это будетъ!“ заре- вѣлъ онъ, схвативъ себя за волосы.

Но тутъ же вспомнивъ, что его могутъ увидать, повер- нулъ Барабана назадъ, надвинулъ шапку и погналъ удив- леннаго и недовольнаго Барабана назадъ по дорогѣ.

„Терпѣть не могу ѣздить съ Поликеемъ,“ долженъ былъ думать Барабанъ. „Одинъ разъ въ жизни онъ накормилъ и напоилъ меня вовремя, и лишь для того чтобы такъ не- приятно обмануть меня. Какъ я старался бѣжать домой!

Усталъ, а тутъ только-что запахло нашимъ свиномъ, онъ гонитъ меня назадъ.

— Ну, ты одеръ чертовскій! оквозь сазы кричалъ Поликей, вставъ въ телегъ, дергая по Барабанову рту волжамъ и стегая кнутомъ.

Х.

Цѣлый этотъ день никто въ Покровскомъ не видалъ Поликей. Барыня спрашивала нѣсколько разъ послѣ обѣда и Аксютка прилетала къ Акулинѣ; но Акулина говорила что онъ не пріѣзжалъ, что видно купецъ задержалъ на что съ лошадью что-нибудь случилось. „Не захромала ли говорила она: прошлый разъ такъ-то цѣлые сутки вѣдал Максимъ, всю дорогу пѣшкомъ шелъ!“ И Аксютка назавтра жила свои малютки опять къ дому, а Акулина придумывала причины задержки мужа и старалась успокоить себя,—но не успѣвала! У ней тяжело было на сердцѣ, и никакая работа къ завтрашнему празднику не спорилась у ней въ рукахъ. Тѣмъ болѣе она мучилась, что столярова жена увѣряла какъ она сама видѣла: „человѣкъ, точно какъ Ильичъ, подѣхалъ къ прешпекту и потомъ назадъ повернулъ“. Дѣти тоже съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ ждали тятеньку, но по другимъ причинамъ. Аксютка и Машка остались безъ шубы и армяка, дававшихъ имъ возможность, хоть поочередно, выходить на улицу, и потому принуждены были только около дома, въ однихъ платьяхъ дѣлать круги съ усиленною быстротой, чѣмъ не малостѣсняли всѣхъ жителей *флигера*, входившихъ и выходившихъ. Одинъ разъ Машка налетѣла на ноги столяровой жены несшей воду, и хотя впередъ заревѣла, стукнувшись о ея козѣвни, получила однако потасовку за вихры, и еще сильнѣе заплакала. Когда же она не сталкивалась ни съ кѣмъ то прямо влетала въ дверь, и по кадушкѣ влѣзала на печь. Только барыня и Акулина истинно безпокоились собственно о Поликей; дѣти же только о томъ что было на немъ надѣто. А Егоръ Михайловичъ, докладывая барынѣ, на вопросъ ея: „не пріѣзжалъ ли Поликей и гдѣ онъ можетъ быть?“ улыбнулся, отвѣчая: „не могу знать“, и видимо было доволенъ тѣмъ, что предположенія его оправдывались. „Намъ“

ы къ обѣду пріѣхать“. оказалъ онъ значительно. Весь тотъ день въ Покровскомъ никто ничего не зналъ про Поликея; только уже потомъ узналось, что видѣли его мужики сосѣдніе, безъ шапки бѣгавшаго по дорогѣ, и у всѣхъ прашивавшаго: „не находили ли письма?“ Другой человѣкъ видѣлъ его спящимъ на краю дороги, подѣвъ прикрученной лошади съ тѣнѣй. „Еще я подумалъ, говорилъ этотъ человѣкъ, что пьяный, и лошадь дня два не поена, не кормлена: такъ ей бока подвело.“ Акулина не спала всю ночь, все прислушивалась, но и въ ночь Поликея не пріѣзжалъ. Еслибы она была одна, и были бы у ней поваръ и дѣвушка, она была бы еще несчастнѣе; но какъ только пропѣли третьи пѣтухи, и столарова жена поднялась, Акулина должна была встать и приняться за печку. Былъ праздникъ: до свѣта надо было хлѣбы вынуть, квасъ сдѣлать, лепешки испечь, корову подоить, платья и рубахи выгаадить, дѣтей перемыть, воды принести, и сосѣдкѣ не дать всю печку занять. Акулина, не переставая прислушиваться, принялась за эти дѣла. Ужъ разсвѣло, ужъ заблаговѣстили, ужъ дѣти встали, а Поликея все не было. На каууѣ былъ зазимокъ, свѣтъ неровно покрывалъ поля, дорогу и крыши; и нынче, какъ бы для праздника, день былъ красивый, солнечный и морозный, такъ что издалека было и слышно, и видно. Но Акулина, стоя у печи, и съ головой совыалась въ устье, такъ занялась печеньемъ лепешекъ, что не слыхала какъ подѣхалъ Поликея, и только по крику дѣтей узнала, что мужъ пріѣхалъ. Анютка, какъ старшая, насадила голову и сама одѣлась. Она была въ новомъ, розовомъ, ситцевомъ, но мятомъ платьѣ, подаркѣ барыни, которое какъ лубокъ стояло на ней, и кололо глаза сосѣдкамъ; волосы у ней досидились, на нихъ она полъ-огарка вымазала, башмаки были хоть не новые, но тонкіе. Машка была еще въ кацавейкѣ и грязи, и Анютка не подпускала ее къ себѣ близко, чтобы не выпачкала. Машка была на дворѣ, когда отецъ подѣхалъ съ кулькомъ. „Тя-тенька плѣхали“, завизжала она, стремглавъ бросилась въ дверь мимо Анютки, и запачкала ее. Анютка уже не боясь запачкаться, тотчасъ же прибила Машку, а Акулина не могла оторваться отъ своего дѣла. Она только крикнула на дѣтей: „Ну васъ! всѣхъ перепору!“ и огляну-

лась на дверь. Ильичъ, съ кулькомъ въ рукахъ, вошелъ въ сѣни и тотчасъ же пробраался въ свой уголъ. Акулинь неказалось, что онъ былъ блѣденъ, и лицо у него было такое, какъ будто онъ не то плакалъ, не то улыбался; но ей некогда было разобратъ.

— Чтѣ Ильичъ, благополучно? спросила она отъ печи.

Ильичъ что-то пробормоталъ, чего она не поняла.

— Ась? крикнула она.— Былъ у барыни?

Ильичъ, въ своемъ углѣ, сидѣлъ на кровати, дико смотрѣлъ кругомъ себя, и улыбался своею виноватою и глубоко-несчастною улыбкой. Онъ долго ничего не отвѣчалъ.

— А, Ильичъ? Что долго? раздаался голосъ Акулины!

— Я, Акулина, деньги отдалъ барыни, какъ благодарилъ! сказалъ онъ вдругъ, и еще безпокойнѣе сталъ оглядываться и улыбаться. Два предмета особенно останавливали его безпокойные, лихорадочно-открытые глаза: веревки привязанныя къ люлькѣ и ребенокъ. Онъ подошелъ къ люлькѣ, и своими тонкими пальцами торопливо сталъ распутывать узелъ веревки. Потомъ глаза его остановились на ребенкѣ; вотъ тутъ Акулина, съ лепешками на доскѣ, вошла въ уголъ. Ильичъ быстро спряталъ веревку за пазуху и сѣлъ на кровать.

— Чтѣ ты, Ильичъ, какъ будто не по себѣ? сказала Акулина.

— Не спалъ, отвѣчалъ онъ.

Вдругъ за окномъ мелькнуло что-то, и черезъ мгновенье какъ стрѣла влетѣла верхняя дѣвушка Аксютка.

— Барыня велѣла Поликею Ильичу придти сею минутою, сказала она.— Сею минутою велѣла Авдотья Миколавна... сею минутою.

Поликей посмотрѣлъ на Акулину, на дѣвочку.— Сейчасъ! чего еще надо? сказалъ онъ такъ просто, что Акулина успокоилась: можетъ награждать хочеть. — Скажи, сейчасъ приду.“

Онъ всталъ и вышелъ; Акулина же взяла корыто, поставила на лавку, налила воды изъ ведеръ, стоявшихъ у двери, и изъ горячаго котла въ печи, засучила рукава и попробовала воду.

— Иди, Машка, вымою.

Сердитая сюсюкающая дѣвочка заревѣла.— Иди, паршивая, чистую рубаху надѣну. Ну, лмайся! Иди, еще сестру мыть надо.

Поликей между тѣмъ пошелъ не за верховою дѣвухой барынѣ, а совсѣмъ въ другое мѣсто. Въ сѣняхъ подлѣ тѣны была прямая лѣстница, ведущая на чердакъ. Поликей, идя въ сѣни, оглянулся, и не видя никого, нагнувшись, чти бѣгомъ, ловко и скоро взбѣжалъ по этой лѣстницѣ.

— Что-то такое значить, что Поликей не приходитъ, скама нетерпѣливо барыня, обращаясь къ Дуняшѣ, которая всала съ голову:—гдѣ Поликей? Отчего онъ не идетъ?

Аксютка опять полетѣла на дворню и опять влетѣла въ вѣны и потребовала Ильича къ барынѣ.

— Да онъ пошелъ давно, отвѣчала Акулина, которая, вымывъ Машку, въ это время только что посадила въ коыто своего груднаго мальчика и мочила ему, несмотря а его крикъ, его рѣдкіе волосики. Мальчикъ кричалъ, мордился и старался поймать что-то своими безпомощными ручонками. Акулина поддерживала одною большою рукою его пухленькую, всю въ ямочкахъ, мягкую спинку, а другою мыла его. — Посмотри, не заснулъ ли онъ гдѣ, сканала она съ безпокойствомъ оглядываясь.

Столярова жена, въ это время, мечсанная, съ распахнутою грудью, поддерживая юпки, входила на чердакъ достать свое сохнувшее тамъ платье. Вдругъ крикъ ужаса раздался на чердакѣ, и столярова жена, какъ сумашедшая, съ закрытыми глазами, на четверенькахъ, задомъ, и скорѣе кѣтомъ чѣмъ бѣгомъ, слетѣла съ лѣстницы.

— Ильичъ! крикнула она.

Акулина выпустила изъ рукъ ребенка.

— Удавился! проревѣла столярова женѣ.

Акулина, не замѣчая того, что ребенокъ, какъ клубочекъ, перекатился навзничъ, и задравъ ножонки, головой окунулся въ воду, выбѣжала въ сѣни.

— На баакѣ... висить проговорила столярова жена, но остановилась, увидавъ Акулину.

Акулина бросилась на лѣстницу, и прежде чѣмъ успѣла ее удержать, взбѣжала, и съ страшнымъ крикомъ, какъ мертвое тѣло, упала на лѣстницу, и убилась бы, еслибы выбѣжавшій изо вѣнхъ угловъ народъ не успѣлъ поддержать ее.

XI.

Нѣсколько минутъ ничего нельзя было разобрать въ общей суматохѣ. Народу сбѣжалось бездна, всѣ кричали, всѣ говорили, дѣти и старухи плакали, Акулина лежала безъ памяти. Наконецъ мужчины, столяръ и прибѣжавшій прикащикъ, вошли наверхъ, и столярова жена въ двадцатый разъ разказала, „какъ она, ничего не думавши, пошла за пелеринкой, глянула этакимъ манеромъ: вижу человѣкъ стоитъ, посмотрѣла: шапка подлѣ вывернута лежитъ. Глядь, а ноги качаются. Такъ меня холодомъ и обдало. Легко ли, повѣсилася человѣкъ, и я это видѣть должна. Какъ загремлю внизъ, и сама не помню. И чудо какъ меня Богъ спасъ. Истинно Господь помиловалъ. Легко ли! И кручь, и вышина какая! Такъ бы до смерти и убила.“

Люди, всходившіе на верхъ, разказали тоже. Ильичъ висѣлъ на балкѣ, въ одной рубахѣ и порткахъ, на той самой веревкѣ, которую онъ связалъ съ люльки. Шапка его, вывернутая, лежала тутъ же. Армякъ и шуба были сняты, и порядкомъ сложены подлѣ. Ноги доставали до земли, но признаковъ жизни уже не было. Акулина пришла въ себя и рванулась опять на лѣстницу; но ее не пустили. „Мамуска, Семка захлебнулся“, вдругъ запищала сюсюкающая дѣвочка изъ угла. Акулина вырвалась опять и побѣжала въ уголъ. Ребенокъ, не шевелясь, лежалъ навзничъ въ корытѣ, и ножки его не шевелились. Акулина выхватила его, но ребенокъ не дышалъ и не двигался. Акулина бросила его на кровать, подперлась руками и захохотала такимъ громкимъ, звонкимъ и страшнымъ смѣхомъ, что Машка, сначала тоже засмѣявшаяся, зажала уши и съ плачемъ выбѣжала въ сѣни. Народъ валилъ въ уголъ съ воемъ и плачемъ, Ребенка вынесли, стали оттирать; но все было напрасно. Акулина валялась по постели и хохотала, хохотала такъ что страшно становилось воѣмъ, кто только слышалъ этотъ хохотъ. Только теперь, увидавъ эту разнородную толпу женатыхъ стариковъ, дѣтей, столпившихся въ сѣняхъ, можно было понять какая бездна и какой народъ жилъ въ

дворовомъ флигерь. Всѣ суетились, всѣ говорили, многіе плакали, и никто ничего не дѣлалъ. Столярова жена все еще находила людей, не слыжавшихъ ея исторію, и вновь разказывала о томъ, какъ ея вѣжныя чувства были поражены неожиданнымъ видомъ, и какъ Богъ спасъ ее отъ паденія съ дѣвственны. Старичокъ буфетчикъ, въ женской каравейкѣ, разказывалъ какъ при покойномъ баринѣ, женщина въ пруду утопилась. Прикащикъ отправилъ къ ставовому и къ священнику пословъ, и назначилъ караулъ. Верховая дѣвуха Аксютка, съ выкаченными глазами, все смотрѣла въ дыру на чердакъ, и хотя ничего тамъ не видела, не могла оторваться и пойдти къ барынѣ. Агафья Михайловна, бывшая горничная старой барыни, требовала чаю для успокоенія своихъ нервовъ, и плакала. Бабушка Анна, своими практичными, пухлыми и пропитанными деревяннымъ масломъ руками, укладывала маленькаго покойника на столикъ. Женщины стояли около Акулины, и молча смотрѣли на нее. Дѣти, прижавшись въ углахъ, взглядывали на мать и принимались ревѣть, потомъ замолкали, опять взглядывали и еще пуще жались. Мальчишки и мужики толпились у крыльца, и съ испуганными лицами смотрѣли въ дѣра и въ окна, ничего не видя и не понимая, и спрашивая другъ у друга, въ чемъ дѣло. Одинъ говорилъ, что столяръ своей жень топоромъ когу отрубилъ. Другой говорилъ, что прака родила тройню. Третій говорилъ, что поварова кошка взбѣсилась и перекусала народъ. Но истина понемногу распространялась, и наконецъ достигла ушей барыни. И кажется, даже не сумѣли приготовить ее: грубый Егоръ прямо доложилъ ей, и такъ разстроилъ нервы барыни, что она долго послѣ не могла оправиться. Толпа уже начинала успокоиваться; столярова жена поставила самоваръ и заварила чай, причемъ посторонніе, не получая приглашенія, нашли неприличнымъ оставаться долѣе. Мальчишки начинали драться у крыльца. Всѣ ужъ знали въ чемъ дѣло, и крестясь, начинали расходиться, какъ вдругъ послышалось: „барыня, барыня!“ и всѣ опять столпились и сжались, чтобы дать ей дорогу, но всѣ тоже хотѣли видѣть что она будетъ дѣлать. Барыня, блѣдная, заплаканная, вошла въ сѣни черезъ порогъ, въ Акулининъ уголъ. Десятки

головъ жались и смотрѣли у дверей. Одну беременную женщину придавили такъ что она зашлепала, но тотчасъ же воспользовавшись этимъ самымъ обстоятельствомъ, эта женщина выгадала себѣ впереди мѣсто. И какъ было не посмотреть на барыню въ Акулининомъ углу! Это было для дворовыхъ все равно что бенгальскій огонь въ концѣ представленія. Ужъ значить хорошо коли бенгальскій огонь зажегъ, и ужъ значить хорошо коли барыня въ шелку да въ кружевахъ вошла къ Акулинѣ въ уголъ. Барыня подошла къ Акулинѣ и взяла ее за руку; но Акулина вырвала ее. Старые дворовые неодобрительно покачали головами.

— Акулина! сказала барыня.—У тебя дѣти, пожалѣй себя.

Акулина захохотала и поднялась.

— У меня дѣти все серебряныя, все серебряныя... Я бумажекъ не держу, забормотала она скороговоркой.—Я Ильичу говорила, не бери бумажекъ, вотъ тебя и подмазали, подмазали дегтемъ. Дегтемъ съ мыломъ, сударыня. Какія бы парши ни были, сейчасъ соскочутъ.—И опять она захохотала еще пуще.

Барыня обернулась и потребовала фершела съ горчицей. „Воды холодной дайте,“ и она стала сама искать воды; но увидавъ мертвѣго ребенка, передъ которымъ стояла бабушка Анна, барыня отвернулась, и всѣ видѣли какъ она закрылась платкомъ и заплакала. Бабушка же Анна (жалко, что барыня не видала; она бы опѣшила это; для нея и было все это одѣяно) прикрыла ребенка кусочкомъ холста, поправила ему ручку своею пухлой, ловкою рукой, и такъ потрясла головой, такъ вытянула губы и чувствительно прищурила глаза, такъ вздохнула, что всякій могъ видѣть ея прекрасное сердце. Но барыня не видала этого, да и ничего не могла видѣть. Она зарыдала, съ ней одѣялась нервная истерика, и ее вывели подъ руки въ сѣни, и подъ руки отвели домой. „Только-то отъ нея и было,“ подумали многіе и стали расходиться. Акулина все хохотала и говорила вздоръ. Ее вывели въ другую комнату, пустили ей кровь, обложили горчичниками, льду приложили къ головѣ; но она все также ничего не понимала, не плакала, а хохотала и говорила, и дѣлала такія вещи, что добрые люди, которые за ней ухаживали, не могли удерживаться и тоже смѣялись.

XII.

Праздникъ былъ не веселый во дворѣ Покровскаго. Несмотря на то, что день былъ прекрасный, народъ не выходилъ гулять; дѣвки не собирались пѣси пѣть, ребята фабричные, пришедшіе изъ города, не играли ни въ гармонию, ни въ балаалайки, и съ дѣвушками не играли. Всѣ сидѣли по угламъ, и ежели говорили, то говорили тихо, какъ будто кто недобрый былъ тутъ и могъ слышать ихъ. Днемъ все еще было ничего. Но вечеромъ, какъ смерклось, завывли собаки, и тутъ же на бѣду поднялся вѣтеръ и завывъ въ трубы, и такой страхъ нашелъ на всѣхъ жителей двора, что у кого были свѣчи, тѣ зажгли ихъ передъ образомъ; кто былъ одинъ въ *угль*, пошелъ къ сосѣдамъ проситься ночевать, гдѣ полюдѣе, а кому нужно было выйдти въ закуты, не пошелъ и не пожалѣлъ оставить скотину безъ корму на эту ночь. И святую воду, которая у каждаго хранилась въ пузырькѣ, всю въ эту ночь истратили. Многіе даже слышали, какъ въ эту ночь кто-то все ходилъ по чердаку тяжелымъ шагомъ, и кузнецъ видѣлъ какъ змѣй летѣлъ прямо на чердакъ. Въ Поликеевомъ *угль* ни кого не было; дѣти и сумашедшая переведены были въ другія мѣста. Тамъ только покойничекъ-младенецъ лежалъ, да были двѣ старушки и странница, которая, по своему усердію, читала псалтырь, не надъ младенцемъ, а такъ по случаю всего этого несчастія. Такъ пожелала барыня. Старушки эти и странница сами слышали, какъ только-только прочтется каѳизма, такъ задрожитъ на верху балка, и застонетъ кто-то. Прочтуть: „да воскреснетъ Богъ“, опять затихнетъ. Столярова жена позвала куму, и въ эту ночь, не спамши, выпила съ ней весь чай, который запасла себѣ на недѣлю. Онѣ тоже слышали какъ на верху балки трещали, и точно мѣшки падали сверху. Мужики-караульщики придавали храбрости дворовымъ, а то бы они перемерли въ эту ночь со страху. Мужики лежали въ сѣняхъ, на сѣнѣ, и потомъ увѣряли, что слышали тоже чудеса на чердакѣ, хотя въ самую эту ночь препокійно бесѣдовали между собой о

некрутствѣ, жевали хлѣбъ, чесались, и главное, такъ наполнили свѣи особымъ мужицкимъ запахомъ, что столярова жена, проходя мимо ихъ, сплюнула и обругала ихъ мужицкемъ. Какъ бы то ни было, удавленникъ все висѣлъ на чердакѣ, и какъ будто самъ злой духъ, освѣнилъ въ эту ночь *флигерь* огромнымъ крыломъ, показавъ свою власть и ближе чѣмъ когда либо ставъ къ этимъ людямъ. По крайней мѣрѣ, воѣ они чувствовали это. Не знаю, справедливо ли это было. Я даже думаю, что вовсе не справедливо. Я думаю, что еслибы смѣльчакъ, въ эту страшную ночь, взялъ свѣчу или фонарь, и освѣнивъ или даже не освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вошелъ на чердакъ, медленно раздвигая передъ собой огнемъ свѣчи ужасъ ночи и освѣщая бабки, песокъ, боровъ покрытый паутиной и забытыя столяровой женою пелеринки, — добрался до Ильича, и ежели бы, не поддавшись чувству страха, поднялъ фонарь на высоту лица, то онъ увидѣлъ бы знакомое, худощавое тѣло съ ногами, стоящими на землѣ (веревка опусталась), безжизненно согнувшееся на бокъ, съ разстегнутымъ воротомъ рубахи, подъ которою не видно креста, и опущенную на грудь голову, и доброе лицо съ открытыми, не виляющими глазами, и кроткую, виноватую улыбку, и строгое спокойствіе, и тишину на всемъ. Право, столярова жена, прижавшись въ углу своей кровати съ растрепанными волосами и испуганными глазами, разказывающая, что она слышитъ какъ падаютъ мѣшки, гораздо ужаснѣе и страшнѣе Ильича, хотя крестъ его снятъ и лежитъ на балкѣ.

Въ *верху*, то-есть у барыни, такой же ужасъ царствовалъ какъ и во *флигертѣ*. Въ барыниной комнатѣ пахло одеколономъ и лѣкарствомъ. Дуляша грѣла желтый воскъ и дѣлала спускъ. Для чего именно спускъ, я не знаю; но знаю, что спускъ дѣлался всегда, когда барыня была больна. А она теперь разстроилась до нездоровья. Къ Дуляшѣ, для храбрости, пришла ночевать ея тетка. Онѣ всѣ четверо сидѣли въ дѣвичьей, съ дѣвочкой, и тихо разговаривали.

— Кто же за масломъ пойдетъ? сказала Дуляша.

— Ни за что, Авдотья Миколовна не пойду, рѣшительно отвѣчала вторая дѣвуха.

— Полю; съ Аксюткой вмѣстѣ поди.

— Я одна обѣгаю, я ничего не боюсь, сказала Аксютка. Лю тутъ же заробѣла.

— Ну поди, умница, спроси у бабушки Анны, въ ставѣ, и принеси не расплескай, сказала ей Дуляша.

Аксютка подобрала одною рукой подолъ, и хотя вслѣдствіе этого уже не могла махать обѣими руками, заматала одною вдвое сильнѣе, поперекъ линіи своего направленія, и полетѣла. Ей было страшно, и она чувствовала, что ежели бы она увидѣла или услышала что бы то ни было, коть свою мать живую, она бы пропала со страху. Она легла, зажмурившись, по знакомой тропинкѣ.

XIII.

„Барыня спитъ али нѣтъ?“ спросилъ вдругъ подавъ Аксютки густой мужицкій голосъ. Она открыла глаза, которые прежде были зажмурены и увидѣла чью-то фигуру, которая, показалось ей, была выше *флигера*; она взвизгнула и повеселась назадъ, такъ что ея юбка не успѣвала летѣть за ней. Однимъ скачкомъ она была на крыльцѣ, другимъ въ дѣвичьей, и съ дикимъ воплемъ бросилась на постель. Дуляша, тетка ея и другая дѣвушка обмерли со страху; но не успѣли онѣ очнуться, какъ тяжелые, медленные и нервнительные шаги послышались въ сѣняхъ и у двери. Дуляша бросилась къ барынѣ, уронивъ спускъ; вторая горничная спряталась за юбки, висѣвшія на стѣнѣ; тетка, болѣе рѣшительная, хотѣла было придержать дверь, но дверь отворилась, и мужикъ вошелъ въ комнату. Это былъ Дуловъ въ своихъ лодкахъ. Не обращая вниманія на страхъ дѣвушекъ, онъ искалъ глазами иконы, и не найдя маленькаго образа вѣнчаго въ лѣвомъ углу, перекрестился на шкапчикъ съ чашками, положилъ шапку на окно и засунувъ глубоко руку за полушубокъ, точно онъ хотѣлъ почесаться подъ мышкой, досталъ письмо съ пятью бурными печатами, изображавшими якори. Дуляшина тетка схватилась за грудь... Насилу она выговорила:

— Перепугалъ же ты меня Наумычъ! Выговорить не могу сло....ва. Такъ и думала, что конецъ пришелъ.

— Можно ли такъ? проговорила вторая дѣвушка, высываясь изъ-за юпокъ.

— И барыню даже встревожили, сказала Дуняша, выходя изъ двери:—что дѣлешь на дѣвичье крыльцо не спросиши? Настоящій мужикъ!

Дутловъ, не извиняясь, повторилъ, что барыню нужно видѣть.

— Она не здорова, сказала Дуняша.

Въ это время Аксютка фыркнула такимъ неприлично-громкимъ смѣхомъ, что опять должна была спрятать голову въ подушки постели, изъ которыхъ она цѣлый часъ, несмотря на угрозы Дуняши и ея тетки, не могла вынуть ее безъ того чтобы не прыснуть, какъ будто разрывалось что въ ея розовой груди и красныхъ щекахъ. Ей такъ смѣшно казалось, что всѣ перепугались,—и она опять прятала голову, и будто въ конвульсіяхъ елозила башмакомъ и подпрыгивала всѣмъ тѣломъ.

Дутловъ остановился, посмотрѣлъ на нее внимательно, какъ будто желая дать себѣ отчетъ въ томъ что такое съ ней происходитъ, но не разобравъ въ чемъ дѣло, отвернулся и продолжалъ свою рѣчь.

— Значить, какъ есть, очень важное дѣло, сказалъ онъ,—только скажите, что мужикъ письмо съ деньгами принесъ.

— Какія деньги?

Дуняша, прежде чѣмъ доложить, прочла адресъ и спросила Дутлова, гдѣ и какъ онъ принесъ эти деньги, которые Ильячъ долженъ былъ привезти изъ города. Разузнавъ все подробно и вытолкувъ въ сѣни бѣгувью, которая не переставала фыркать, Дуняша пошла къ барынь, но къ удивленію Дутлова, барыня все-таки не приняла его и ничего толкомъ не сказала Дуняшѣ.

— Ничего не знаю и не хочу знать, сказала барыня:—какой мужикъ и какія деньги. Никого я не могу и не хочу видѣть. Пускай онъ оставитъ меня въ покоѣ.

— Что же я буду дѣлать? сказалъ Дутловъ поворачивая конвертъ:—деньги не маленькія. Написано-то что на нихъ? спросилъ онъ Дуняшу, которая снова прочла ему адресъ.

Дутлову какъ будто все что-то не вѣрилось. Онъ надѣялся, что можетъ-быть деньги не барынины, и что не такъ прочли ему адресъ. Но Дуняша подтвердила ему

еще. Онъ вздохнулъ, положилъ за пазуху конвертъ и готовился выйти.

— Видно становому отдать, сказалъ онъ.

— Постой, я еще попытаюсь, скажу, остановила его Дуныша, внимательно прослѣдивъ за исчезновеніемъ конверта въ пазухъ мужика.—Дай сюда письмо.

Дутловъ опять досталъ, однако не тотчасъ передалъ его въ протянутую руку Дуныши.—Скажите, что нашелъ на дорогѣ Дутловъ Семень.

— Да дай сюда.

— Я было думалъ, такъ, письмо; да солдатъ прочелъ, что съ деньгами.

— Да давай же.

— Я и не посмѣлъ домой заходить для того... опять говорилъ Дутловъ, не разставаясь съ драгоценнымъ конвертомъ:—такъ и доложите.

Дуныша взяла конвертъ и еще разъ пошла къ барынямъ.

— Ахъ Боже мой, Дуныша! сказала барыня укорительнымъ голосомъ:—не говори мнѣ про эти деньги. Какъ я вспомню только этого малюточку...

— Мужикъ, сударыня, не знаетъ кому прикажете отдать, опять сказала Дуныша.

Барыня распечатала конвертъ, вздрогнула какъ только увидѣла деньги, и задумалась.

— Страшныя деньги, сколько зла онѣ дѣлаютъ! сказала она.

— Это Дутловъ, сударыня. Прикажете ему идти или изволите выйти къ нему? Цѣлы ли еще деньги-то? спросила Дуныша.

— Не хочу я этихъ денегъ. Это ужасныя деньги. Что онѣ надѣлали? Скажи ему, чтобъ онъ взялъ ихъ себѣ коли захочетъ, сказала вдругъ барыня отыскивая руку Дуныши.— Да, да, да, повторила барыня удивленной Дунышѣ,—пускай совсѣмъ возьметъ себѣ и дѣлаетъ что хочетъ.

— Полторы тысячи рублей, замѣтила Дуныша, слегка улыбаясь какъ съ ребенкомъ.

— Пускай возьметъ всѣ, нетерпѣливо повторила барыня.—Что, ты меня не понимаешь? Эти деньги несчастныя, никогда не говори мнѣ про нихъ. Пускай возьметъ себѣ этотъ мужикъ что нашелъ. Иди, ну иди же!

— Дуняша вышла въ дѣвичью.

— Всѣ ли? спросилъ Дутловъ.

— Да ужь ты самъ сосчитай, сказала Дуняша, подавая ему конвертъ,—тебѣ вѣрно отдать.

Дутловъ положилъ шапку подъ мышку, и пригнувшись, сталъ считать.

— Счетовъ нѣту?

Дутловъ понялъ, что барыня по глупости не умѣетъ считать и велѣла ему это сдѣлать.

— Дома сосчитаешь! Тебѣ! твои деньги! сказала Дуняша сердито.—Не хочу, говорить, ихъ видѣть, отдай тому кто принесъ.

Дутловъ, не разгибаясь, уставился глазами на Дуняшу.

Тетка Дуняшина такъ и всплеснула руками.

— Матушки родимыя! Вотъ далъ Богъ счастья! Матушки родныя!

Вторая горничная не повѣрила.

— Что вы, Авдотья Николаевна, шутите?

— Вотъ-те шутите! Велѣла отдать мужику.... Ну бери деньги да и ступай, сказала Дуняша, не скрывая досады.—Кому горе, а кому счастье.

— Шутка ли, полторы тысячи рублей, сказала тетка.

— Больше, подтвердила Дуняша.—Ну, свѣчку поставишь десятикопѣчную Миколѣ, говорила Дуняша насмѣшливо.—Что, не опомнишься? И добро бы бѣданому! А то у него и своихъ много.

Дутловъ наконецъ понялъ, что это была не шутка, и сталъ собирать и укладывать въ конвертъ деньги, которыми онъ разложилъ было считать; но руки его дрожали, и онъ все взглядывалъ на дѣвушекъ, чтобъ убѣдиться, что это не смѣхъ.

— Вишь не опомнится-радъ, сказала Дуняша, показывая что она все-таки презираетъ и мужика, и деньги.—Дай я тебѣ уложу.

И она хотѣла взять. Но Дутловъ не далъ; онъ скомкалъ деньги, засунулъ ихъ еще глубже, и взялся за шапку.

— Радъ?

— И не знаю что сказать! Вотъ точно...

Онъ не договорилъ, только махнулъ рукой, ухмылялся, чуть не заплакалъ, и вышелъ.

Колокольчикъ зазвонилъ въ комнату барыни.

— Что, отдала?

— Отдала.

— Что же, очень радъ?

— Совсѣмъ какъ сумашедшій сталъ.

— Ахъ, позови его. Я спрошу у него какъ онъ нашелъ.

Позови сюда, я не могу выйти.

Дуняша побѣжала и застала мужика въ снѣгахъ. Онъ не надѣвая шапки вытаснулъ кошелекъ, и перегнувшись, развязывалъ его, а деньги держалъ въ зубахъ. Ему можетъ-быть казалось, что пока деньги не въ кошелѣ, онъ не его. Когда Дуняша позвала его, онъ испугался.

— Что Авдотья... Авдотья Миколоавна. Али назадъ отобратъ хочеть? Хоть бы вы заступились, ей Богу, а я медку вамъ принесу.

— То-то! Приносилъ.

Опять отворилась дверь, и повели мужика къ барынѣ. Не весело ему было. „Охъ, потянетъ назадъ!“ думалъ онъ почему-то, какъ по высокой травѣ подымая всю ногу и стараясь не стучать лаптями, когда проходилъ по комнатамъ. Онъ ничего не понималъ и не видѣлъ что было вокругъ него. Онъ проходилъ мимо зеркала, видѣлъ цвѣты какіе-то, мужикъ какой-то въ лаптяхъ ноги задираетъ, баринъ съ глазочкомъ написанъ, какая-то кадучка зеленая, и что-то бѣлое... Глядь, заговорило это что-то бѣлое; это барыня. Ничего онъ не разобралъ, только глаза выкачивалъ. Онъ не зналъ гдѣ онъ, и все представлялось ему въ туманѣ.

— Это ты, Дутловъ?

— Я-съ, сударыня. Какъ было, такъ и не трогалъ, сказалъ онъ.—Я не радъ, какъ передъ Богомъ! Какъ лошадь замучилъ...

— Ну, твое счастье, сказала она, съ презрительно-доброю улыбкой.—Возьми, возьми себѣ.

Онъ только таращилъ глаза.

— Я рада, что тебѣ досталось. Дай Богъ, чтобы въ прокъ пошло! Что же ты радъ?

— Какъ не радъ! Ужъ такъ-то радъ, матушка! Все за васъ Богу молить буду. Я ужъ такъ радъ, что, слава Богу, что барыня ваша жива. Только и вины моей было.

— Какъ же ты нашелъ?

— Значить, мы для барыни всегда могли стараться по чести, а не то что...

— Ужь онъ совсѣмъ запутался, сударыня, сказала Дуляша.

— Возилъ рекрута племянника, назадъ ѣхалъ, на дорогѣ и нашелъ. Поликей должно нечаянно выронилъ.

— Ну ступай, ступай, голубчикъ. Я рада.

— Такъ радъ, матушка!... говорилъ мужикъ.

Потомъ онъ вспоминалъ, что онъ не поблагодарилъ и не умѣлъ обойтись какъ слѣдовало. Барыня и Дуляша утѣшились, а онъ опять зашагалъ какъ по травѣ, и на силу удерживался чтобы не побѣжать рысью. А то все казалось ему, вотъ-вотъ еще оставитъ и отнимуть...

XIV.

Выбравшись на свѣжій воздухъ, Дутловъ отошелъ съ дороги къ липкамъ, даже распоясаясь, чтобы ловчѣе достать кошель, и сталъ укладывать деньги. Губы его шевелились, вытягиваясь и растягиваясь, хотя онъ и не произносилъ ни одного звука. Уложивъ деньги и подпоясавшись, онъ перекрестился и пошелъ, какъ пьяный колеса по дорожкѣ: такъ онъ былъ занятъ мыслями, хлынувшими ему въ голову. Вдругъ увидѣлъ онъ передъ собой фигуру мужика, шедшаго ему навстрѣчу. Онъ кликнулъ: это былъ Ефимъ, который, съ дубиной, караульщикомъ ходилъ около флагея.

— А, дядя Семень, радостно проговорилъ Ефимка, подходя ближе. (Ефимкѣ жутко было одному.)—Что, свезли рекрутовъ, дядюшка?

— Свезли. Ты что?

— Да тутъ Ильича удушеннаго караулить поставили.

— А онъ гдѣ?

— Вонъ, на чердакѣ, говорятъ, виситъ, отвѣчалъ Ефимка, дубиной показывая въ темнотѣ на крышу флагея.

Дутловъ посматрѣлъ по направленію руки, и хотя ничего не увидалъ, поморщился, прищурился и покачалъ головой.

— Становой пріѣхалъ, сказалъ Ефимка,—оказывалъ кучеръ. Сейчасъ снимать будутъ. То-то страсть ночью, дядюшка. Ни за что не пойду ночью, коли весятъ идти на верхъ. Хоть до смерти убей меня Егоръ Михалычъ, не пойду.

— Грѣхъ-то, грѣхъ-то какой! повторилъ Дутловъ, видимо для приличія, но вовсе не думая о томъ что говорилъ и хотѣлъ идти своею дорогой. Но голосъ Егора Михайловича остановилъ его.

— Эй, караульщикъ, поди сюда, кричалъ Егоръ Михайловичъ съ крыльца.

Ефимка откликнулся.

— Да кто еще тамъ съ тобой мужикъ стоялъ?

— Дутловъ.

— И ты, Семенъ, иди.

Приблизившись Дутловъ разсмотрѣлъ при свѣтѣ фонаря, который несъ кучеръ, Егора Михайловича и низенькаго чиновника въ фуражкѣ съ кокардой и въ шинели: это былъ становой.

— Вотъ и старикъ съ нами поидеть, сказалъ Егоръ Михайловичъ, увидавъ его.

Старика покорило; но дѣлать было нечего.

— А ты, Ефимка, малый молодой, бѣги-ка на чердакъ гдѣ повѣсился, лѣстницу поправить, чтобъ ихъ благородію пройти.

Ефимка, ни за что не хотѣвшій подойти къ флагею, побѣжалъ къ нему, стуча лаптями, какъ бревнами.

Становой высккъ огня и закурилъ трубку. Онъ жилъ въ двухъ верстахъ и былъ только что жестоко распеченъ исправникомъ за пьянство, и потому теперь былъ въ припадкѣ усердія: пріѣхавъ въ десять часовъ вечера, онъ хотѣлъ немедленно осмотрѣть удушенника. Егоръ Михайловичъ спросилъ Дутлова, зачѣмъ онъ здѣсь. Дорогой Дутловъ разказалъ прикащику о найденныхъ деньгахъ и о томъ, что барыня сдѣлала. Дутловъ сказалъ, что онъ пришелъ позволенія Егора Михайловича спросить. Прикащикъ, къ ужасу Дутлова, потребовалъ конвертъ и посмотрѣлъ его. Становой тоже взялъ конвертъ въ руки, и коротко и сухо спросилъ о подробностяхъ.

„Ну, пропали деньги“, подумалъ Дутловъ, и сталъ уже извиняться. Но становой отдалъ ему деньги.

— Вотъ счастье сиволапому! оказалъ онъ.

— Ему на руку, сказалъ Егоръ Михайловичъ:—онъ только племянника въ ставку свезъ; теперь выкупить.

— А! сказалъ становой и пошелъ впередъ.

— Выкупишь что ль Илюшку-то? оказалъ Егоръ Михайловичъ.

— Какъ его выкупить-то? Девегъ хватить ли? А можъ и не время.

— Какъ знаешь, сказалъ прикащикъ, и оба пошли за ставовымъ.

Они подошли къ флагею, въ сѣняхъ котораго воючие караульщики ждали съ фонаремъ. Дутловъ шелъ за ними. Караульщики имѣли виноватый видъ, который могъ отгоситься развѣ только къ произведенному ими запаху, потому что они ничего дурнаго не сдѣлали. Всѣ молчали.

— Гдѣ? спросилъ ставовой.

— Здѣсь, шепотомъ сказалъ Егоръ Михайловичъ.—Ефимка, прибавилъ онъ,—ты малый молодой, пошелъ впередъ съ фонаремъ!

Ефимка, ужъ поправивъ на верху половицу, казалось потерялъ весь страхъ. Шагая черезъ двѣ и три ступени, онъ съ веселымъ лицомъ полѣзъ впередъ, только оглядываясь и освѣщая фонаремъ дорогу ставовому. За ставовымъ шелъ Егоръ Михайловичъ. Когда они скрылись, Дутловъ поставивъ ужъ одну ногу на ступеньку, вздохнулъ и остановился. Прошли минуты двѣ, шаги ихъ затихли на чердакѣ; видно, они подошли къ тѣлу.

— Дядя! тебя зоветъ! крикнулъ Ефимка въ дыру.

Дутловъ полѣзъ. Ставой и Егоръ Михайловичъ видны были при свѣтѣ фонаря только верхнею своею частію за балкой; за ними стоялъ еще кто-то спиной. Это былъ Поликей. Дутловъ перелѣзъ черезъ балку и, крестясь, остановился.

— Поверни-ка его, ребята, сказалъ ставовой.

Никто не тронулся.

— Ефимка, ты малый молодой, сказалъ Егоръ Михайловичъ.

Малый молодой перешагнулъ черезъ балку, и перевернувъ Ильича, сталъ подлѣ, самымъ веселымъ взглядомъ поглядывая то на Ильича, то на начальство, какъ показывающій альбимоску или Юлію Пастрану глядитъ то на публику, то на свою показываемую штуку, и готовый исполнить всѣ желанія зрителей.

— Еще поверни.

Ильичъ еще повернулся, замахалъ слегка руками и похлопъ ногой по песку.

— Берись, снимай.

— Отрубить прикажете, Василий Борисовичъ? сказалъ горь Михайловичъ.— Топоръ подайте, братцы.

Караульщикамъ и Дутлову надо было приказать раза два, гобъ они приступили. Малый же молодой обращался съ Ильичомъ какъ съ бараньей тушей. Наконецъ отрубили еревку, сняли тѣло и покрыли. Становой сказалъ, что завтра прїѣдетъ лѣкарь, и отпустилъ народъ.

XV.

Дутловъ, шевеля губами, пошелъ къ дому. Сначала было ему жутко, но по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ деревнѣ, чувство это проходило, а чувство радости больше и больше проникало ему въ душу. На деревнѣ слышались пѣсни и пьяные голоса. Дутловъ никогда не пилъ, и теперь пошелъ прямо домой. Ужь было поздно какъ онъ вошелъ въ избу. Старуха его спала. Старшій сынъ и внуки спали на печкѣ, второй сынъ въ чуланѣ. Одна Илюшкина баба не спала, и въ грязной, не праздничной рубахѣ, простоволосая, сидѣла на лавкѣ и выла. Она не вышла отворить дядѣ, а только пуще стала выть и приговаривать какъ только онъ вошелъ въ избу. По мнѣнію старухи, она причитала очень складно и хорошо, несмотря на то что, по молодости своей, не могла еще имѣть практики.

Старуха встала и собрала ужинать мужу. Дутловъ прогналъ Илюшкину бабу отъ стола. „Буде, буде!“ сказалъ онъ. Аксивья встала, и прилегли на лавку, не переставала выть. Старуха молча набрала на столъ и потомъ убрала. Старикъ тоже не сказалъ ни одного слова. Помолвившись Богу, онъ рыгнулъ, умылъ руки, и захвативъ съ гвоздя счеты, пошелъ въ чуланъ. Тамъ онъ сначала пошепталъ со старухой, потомъ старуха вышла, а онъ сталъ щелкать щетами, наконецъ стукнулъ крышкой сундука, и полѣзъ въ подполье. Долго возился онъ въ чуланѣ и въ подпольи. Когда онъ вошелъ, въ избѣ уже было темно, лучина не горѣла. Старуха, дѣмъ обыкновенно тихая и неслышная, уже

завалилась на палаты и храпѣла на всю избу. Шумаивая Илюшкина баба тоже спала и несмышно дышала. Она спала на лавкѣ не раздѣвшись, какъ была, и ничего не подосававъ подъ голову. Дутловъ сталъ молиться, потомъ посмотрѣлъ на Илюшкину бабу, покачалъ головой, потушилъ лучину, еще рыгнувъ, полѣзъ на печку и легъ рядою съ мальчишкою внучкою. Въ темнотѣ, онъ покидалъ сверху лапти, и легъ на спину, глядя на переметъ надъ печкой, чуть виднѣвшійся надъ его головой, и прислушиваясь къ тараканамъ, шуршавшимъ по стѣнѣ, ко вздохамъ, храпѣнью, чесанью нога объ ногу и къ звукамъ скотины на дворѣ. Ему долго не спалось; взмогъ мѣсяць, свѣтлѣе стало въ избѣ, ему видно стало въ углу Аксиныю и что-то чего онъ разобрать не могъ: армякъ ли сынъ забылъ, или кадушку бабы поставили, или стоитъ кто-то. Задремавъ онъ или нѣтъ, но только онъ сталъ опять вглядываться... Видно, тотъ мрачный духъ, который навелъ Ильича на страшное дѣло и котораго близость чувствовали дворовые въ эту ночь, видно этотъ духъ досталъ крыломъ и до деревни, до избы Дутлова, гдѣ лежали тѣ деньги, которыя онъ употребилъ на пагубу Ильича. По крайней мѣрѣ, Дутловъ чувствовалъ его тутъ, и Дутлову было не по себѣ. Ни спать, ни встать. Увидѣвъ что-то, чего не могъ онъ опредѣлить, онъ вспомнилъ Илюху съ связанными руками, вспомнилъ лицо Аксиныи и ея складное причитанье, вспомнилъ Ильича съ качающимися кистами рукъ. Вдругъ старику показалось, что кто-то прошелъ мимо окна. „Что это, или ужъ староста повѣщать идетъ?“ подумалъ онъ. „Какъ это онъ отперъ?“ подумалъ старикъ, слыша шаги въ сѣняхъ: „или старуха не заложила, какъ выходила въ сѣнды?“ Собака завyla на задворкѣ, а онъ шелъ по сѣнямъ, какъ потомъ разказывалъ старикъ, какъ будто искалъ двери, прошелъ мимо, сталъ опять ощупывать по стѣнѣ, споткнулся на кадушку, и она загремѣла. И опять онъ сталъ ощупывать, точно скобку искалъ. Вотъ взялся за скобку. У старика дрожь проѣхала по тѣлу. Вотъ дернулъ за скобку, и вошелъ въ человеческомъ образѣ. Дутловъ зналъ уже, что это былъ онъ. Онъ хотѣлъ сотворить крестъ, но не могъ. Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежала скатерть, сдернулъ ее, бросилъ на полъ и полѣзъ на печь. Старикъ узналъ, что онъ былъ въ Ильичовомъ образѣ. Онъ

оскакала, руки бодались. Онъ взлѣзъ на печку, навалился прямо на старика, и началъ душить.

— Мои деньги, выговорилъ Ильичъ.— Отпусти, не буду хотѣть и не могъ сказать Семень.

Ильичъ душилъ его всею тяжестью каменной горы, нагирая ему на грудь. Дутловъ зналъ, что ежели онъ прочтетъ молитву, онъ отпуститъ его, и зналъ какую надо прочесть молитву, но молитва эта не выговаривалась. Внуку спалъ рядомъ съ нимъ. Мальчикъ закричалъ пронзительно и заплакалъ: дѣдъ придавилъ его къ стѣнѣ. Крикъ ребенка освободилъ уста старика. „Да воскреснетъ Богъ“, проговорилъ Дутловъ. Онъ отпустилъ немного. „И расточатся врази...“ шамкалъ Дутловъ. Онъ сошелъ съ печки. Дутловъ слышалъ какъ стукнулъ онъ обѣими ногами о полъ. Дутловъ все читалъ молитвы, которыя были ему извѣстны, читалъ всѣ подъ рядъ. Онъ пошелъ къ двери, миновалъ столъ и такъ стукнулъ дверь, что изба задрожала. Всѣ спали однако, кромѣ дѣда и внука. Дѣдъ читалъ молитвы и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, внуку плакалъ, засыпая, и жался къ дѣду. Все опять затихло. Дѣдъ лежалъ не двигаясь. Пѣтухъ прокричалъ за стѣной подъ ухомъ Дутлова. Онъ слышалъ какъ куры зашевелились, какъ молодой пѣтушокъ попробовалъ закричать вслѣдъ за старымъ, и не сумѣлъ. Что-то зашевелилось по ногамъ старика. Это была кошка: она спрыгнула на мягкія лапки съ печки на землю, и стала мяукать у двери. Дѣдъ всталъ, поднялъ окно; на улицѣ было темно, грязно; передокъ стоялъ тутъ же подъ окномъ. Онъ босикомъ, крестясь, вышелъ на дворъ къ лошадямъ: и тутъ было видно, что *хозяйинъ* приходилъ. Кобыла, стоявшая подъ навѣсомъ у обрѣза, запуталась ногой въ поводъ, просыпала мякину, и поднявъ ногу, закрутивъ голову, ожидала хозяина. Жеребенокъ завалялся въ навозъ. Дѣдъ поднялъ его на ноги, распуталъ кобылу, заложилъ корму и пошелъ въ избу. Старуха поднялась, и зажгла лучину. „Буди ребятъ, сказалъ онъ, въ городъ поѣду“, и зажегши восковую свѣчку отъ образовъ, поѣхалъ съ ней въ подполье. Ужъ не у одного Дутлова, а у всѣхъ сосѣдей зажглись огни, когда онъ вышелъ оттуда. Ребята встали и уже собирались. Бабы входили и выходили съ ведрами и съ чайками молока. Игнатъ запряталъ телѣгу. Второй сынъ

мазалъ другую. Молодайка уже не выла, но убравшись и повязавшись платкомъ, сидѣла въ избѣ на лавкѣ, ожидая времени ѣхать въ городъ проститься съ мужемъ.

Старикъ казался въ особенноти строгъ. Никому онъ не оказалъ ни одного слова, надѣлъ новый кафтанъ, подпоясался, и со всеми Ильичовыми деньгами за пазухой пошелъ къ Егору Михайловичу.

— Ты у меня копайся! крикнулъ онъ на Игната, вертѣшаго колеса на подятой и смазанной оси.—Сейчасъ приду. Чтобы готово было!

Прикащикъ, только что вставъ, пилъ чай, и самъ собрался въ городъ ставить рекрутъ.

— Чтò ты? спросилъ онъ.

— Я, Егоръ Михалычъ, малаго выкупить хочу. Ужь сдѣлайте милость. Вы намедни говорили, что въ городѣ охотника знаете. Научите. Наше дѣло темное.

— Чтò жь, передумалъ?

— Передумалъ, Егоръ Михалычъ: жалко, братиинъ сынъ. Какой ни на есть, все жалко. Грѣха отъ нихъ много, отъ денегъ отъ этихъ. Ужь сдѣлай милость научи, говорилъ онъ, кааяясь въ поясъ.

Егоръ Михайловичъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, глубокомысленно и молча чмокалъ долго губами, и обсудивъ дѣло, написалъ двѣ записки, и разказалъ чтò и какъ надобно дѣлать въ городѣ.

Когда Дутловъ вернулся домой, молодая уже уѣхала съ Игнатовъ, и чалая, брюхастая кобыла, совсѣмъ, запряженная стояла подъ воротами. Онъ выломилъ хворостину изъ забора; запахнувшись, усѣлся въ ящикъ, и погналъ лошадей. Дутловъ гналъ кобылу такъ шибко, что у ней сразу пропало все брюхо, и Дутловъ уже не глядѣлъ на нее, чтобы не разжалобиться. Его мучила мысль, что онъ опоздаетъ какъ-нибудь къ ставкѣ, что Илюха пойдетъ въ солдаты, и чортовы деньги останутся у него на рукахъ.

Не стану подробно описывать всѣхъ похожденій Дутлова въ это утро; скажу только, что ему особенно посчастливилось. У хозяина, которому Егоръ Михайловичъ [далъ записку, былъ совсѣмъ готовый охотникъ, прожившій уже двадцать три цѣлковыхъ и уже одобренный въ Палатѣ. Хозяинъ хотѣлъ взять за него четыреста, а покупщикъ,

щанинъ, ходившій уже третью недѣлю, все просилъ уступить за триста. Дутловъ кончилъ дѣло съ двухъ словъ. Триста съ четвертою возьмешь," сказалъ онъ, протягивая руку, но съ такимъ выраженіемъ, что сейчасъ же было видно, что онъ готовъ еще надбавить. Хозяинъ оттягивалъ руку и продолжалъ просить четырехста. „Не возьмешь съ четвертою?" повторилъ Дутловъ, схватывая лѣвою рукою правую руку хозяина и угрожая хлопнуть по ней своею правою. „Не возьмешь? Ну, Богъ съ тобой!" вдругъ проговорилъ онъ, ударивъ по рукѣ хозяина и сразмаху повернувшись отъ него всѣмъ тѣломъ. „Видно такъ и быть! Берись полсотней. Выправляй фиталецъ. Веди малаго-то. А теперь на задатку. Давъ красненькихъ будетъ, что ль?"

И Дутловъ распоясывался и доставалъ деньги.

Хозяинъ хотя и не отнималъ руки, но все еще какъ будто бы не совсѣмъ соглашался, и не принимая задатку, выговаривалъ магарычи и угощеніе охотнику.

— Не грѣши, повторялъ Дутловъ, суя ему деньги,—умирать будемъ, повторялъ онъ, такимъ кроткимъ, поучительнымъ и увѣреннымъ тономъ, что хозяинъ сказалъ:—Нечего дѣлать,—еще разъ ударилъ по рукѣ и сталъ молиться Богу.—Дай Богъ часть, сказалъ онъ.

Разбудили охотника, который спалъ еще со вчерашняго перепоя, для чего-то осмотрѣли его, и пошли всѣ въ правленіе. Охотникъ былъ веселъ, требовалъ опохмѣлиться рому, на который далъ ему денегъ Дутловъ, и заробѣлъ только въ ту минуту, когда они стали входить въ сѣни присутствія. Долго стояли тутъ въ сѣняхъ старикъ-хозяинъ въ синей сибиркѣ и охотникъ въ коротенькомъ полушубкѣ, съ поднятыми бровями и вытаращенными глазами; долго они тутъ перешептывались, куда-то просились, кого то искали, зачѣмъ-то передъ всякимъ писцомъ снимали шапки, и кланялись, и глубокомысленно выслушивали рѣшеніе, вынесенное знакомымъ хозяину писцомъ. Уже всякая надежда окончить дѣло нынче была оставлена, и охотникъ начиналъ было опять становиться веселѣе и развязнѣе, какъ Дутловъ увидалъ Егора Михайловича, тотчасъ же вцѣпился въ него, и началъ просить и кланяться. Егоръ Михайловичъ помогъ такъ хорошо, что часу въ третьемъ охотника, къ великому его неудовольствію и удивленію, ввели въ присутствіе, поставили

въ ставку, и съ общею почему-то веселостью, начиная от сторожей до предсѣдателя, раздѣли, обрили, одѣли и выпустили за двери, и черезъ пять минутъ Дугаевъ отсчиталъ деньги, получилъ квитанцію, и простившись съ хозяиномъ и охотникомъ, пошелъ на квартиру къ купцу, гдѣ стояли рекруты изъ Покровскаго. Илья съ молодой сидѣла въ углу купцовой кухни, и какъ только вошелъ старикъ, они перестали говорить и уставились на него съ покорнымъ и недоброжелательнымъ выраженіемъ. Какъ всегда, старикъ помолился Богу, распоясался, досталъ какую-то бумагу и позвалъ въ избу старшаго сына Игната и Илюшкину мать, которая была на дворѣ.

— Ты не грѣши, Илюха, сказалъ онъ, подходя къ племяннику.— Вечоръ ты мнѣ такое слово сказалъ.... Развѣ я тебя не жалѣю? Я помню, какъ мнѣ тебя братъ приказывалъ. Кабы была моя сила, развѣ я тебя бы отдалъ? Богъ далъ счастья, я не пожалѣлъ. Вотъ она бумага-то, сказалъ онъ, кладя квитанцію на столъ, и бережно расправляя ее кривыми, не разгибающимися пальцами.

Въ избу вошли со двора, всѣ покровскіе мужики, купцовы работники, и даже посторонній народъ. Всѣ догадывались въ чемъ дѣло; но никто не прерывалъ торжественной рѣчи старика.

— Вотъ она бумажка то! Четыреста цѣлковыхъ отдалъ. Не кори дядю.

Илюха всталъ, но молчалъ, не зная что сказать. Губы его вздрагивали отъ волненія; старуха мать подошла было къ нему, всхлипывая, и хотѣла броситься ему на шею; но старикъ медленно и повелительно отвелъ ее рукою и продолжалъ говорить:

— Ты мнѣ вчера одно слово сказалъ, повторилъ еще разъ старикъ, — ты меня этимъ словомъ какъ ножомъ въ сердце пырнулъ. Твой отецъ мнѣ тебя умираючи приказывалъ, ты мнѣ замѣсто сына роднаго былъ, а коли я тебя чѣмъ обидѣлъ, всѣ мы въ грѣхѣ живемъ. Такъ аи, православные? обратилъ онъ къ стоявшимъ вокругъ мужикамъ.— Вотъ и матушка твоя родная тутъ, и хозяйка твоя молодая, вотъ вамъ фитанецъ. Богъ съ вами, съ деньгами! А меня простите, Христа-ради.

И онъ, заворотивъ полу армяка, медленно опустился на колѣни и поклонился въ ноги Илюшкѣ и его хозяйкѣ. Напрасно удерживали его молодые: не прежде какъ дотронувшись головою до земли, онъ всталъ, и отряхнувшись, сѣлъ на лавку. Илюшкина мать и молодая выли отъ радости; въ толпѣ слышались голоса одобренія. „По правдѣ, по Божьему, такъ-то,“ говорилъ одинъ. „Что деньги? За деньги маляго не купишь“, говорилъ другой. „Радость-то какая,“ говорилъ третій: „справедливый человекъ, одно слово“. Только мужики, назначенные въ рекруты, ничего не говорили, и неслышно вышли на дворъ.

Черезъ два часа двѣ телѣги Дутовыхъ выѣзжали изъ предмѣстья города. Въ первой, запряженной чалою кобылой, съ подведеннымъ животомъ и потною шеей, сидѣлъ старикъ и Игнатъ. Въ задкѣ тряслись связки котелокъ и калачи. Во второй телѣгѣ, которою никто не правилъ, степенно и счастливо сидѣли молодая съ свекровью обвязанная платочками. Молодая держала подъ завѣской штофчикъ. Илюшка, скорчившись задомъ къ лошади, съ покраснѣвшимъ лицомъ, тресся на передкѣ, закусывая калачомъ и не переставая разговаривать. И голоса, и громъ телѣгъ по мостовой, и пофыркиванье лошадей, все сливалось въ одинъ веселый звукъ. Лошади, помахивая хвостами, все прибавляли рыси, чуя направленье къ дому. Прохожіе и проѣзжіе невольно оглядывались на веселую семью.

На самомъ выѣздѣ изъ города, Дутовы стали обгонять партію рекрутовъ. Группа рекрутовъ стояла кружкомъ около питейнаго дома. Одинъ рекрутъ, съ тѣмъ неестественнымъ выраженіемъ, которое даетъ человекъ бритый лобъ, сдвинувъ на затылокъ сѣрую фуражку, бойко трепалъ въ балалайку; другой, безъ шапки, со штофомъ водки въ одной рукѣ, плясалъ въ серединѣ кружка. Игнатъ остановилъ лошадь и сѣлъ чтобы закрутить тяжъ. Всѣ Дутовы стали смотрѣть, съ любопытствомъ, одобреніемъ и веселостию, на плясавшаго человека. Рекрутъ, казалось, не видалъ никого, но чувствовалъ, что дивившаяся на него публика все увеличивается, и это придавало ему силы и ловкости. Рекрутъ плясалъ бойко. Брови его были нахмурены,

румяное лицо его было неподвижно; ротъ остановился на умянкѣ уже давно потерявшей выраженіе. Казалось, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы какъ можно быстрѣй становить одну ногу за другой то на каблукъ, то на носокъ. Иногда онъ вдругъ останавливался, подмигивалъ балабачнику, и тотъ еще бойчѣе начиналъ дребезжать всѣми струнами и даже постукивать по крышкѣ костяжками пальцевъ. Рекрутъ останавливался, но и оставаясь неподвижнымъ, онъ все, казалось, плясалъ. Вдругъ онъ начиналъ медленно двигаться, потряхивая плечами, и вдругъ взвивался кверху, съ разлету садился на корточку, и съ дикимъ визгомъ пускался въ присядку. Мальчишки смѣялись, женщины покачивали головою, мужчины одобрительно улыбались. Старый унтеръ-офицеръ спокойно стоялъ подлѣ пляшущаго, съ видомъ говорящимъ: „вамъ это въ диковинку, а намъ ужъ все это коротко знакомо“. Балабачникъ видимо усталъ, лѣниво оглянулся, сдѣлалъ какой-то фальшивый аккордъ, и вдругъ стукнулъ пальцами о крышку, и пляска кончилась.

— Эй! Алеха! сказалъ балабачникъ плясавшему, указывая на Дутлова:—вонъ крестный-то!

— Гдѣ? Другъ ты мой любезный! закричалъ Алеха, тотъ самый рекрутъ, котораго купилъ Дутловъ,—и, усталыми ногами падая напередъ,—и подымая надъ головою штофъ водки, подвинулся къ телѣгѣ.

— Мишка! Стаканъ! закричалъ онъ.—Хозяинъ! Другъ ты мой любезный! Вотъ радость-то, право!.. вскричалъ онъ, заваливаясь пьяною головою въ телѣгу, и началъ угощать мужиковъ и бабъ водкою. Мужики выпили, бабы отказывались.

— Родные вы мои, чѣмъ мнѣ васъ одарить? восклицалъ Алеха, обнимая старухъ.

Торговка съ закусками стояла въ толпѣ. Алеха увидалъ ее, выхватилъ у ней лотокъ, и весь высыпалъ въ телѣгу.

— Небось, заплачу-у-у, чортъ, завопилъ онъ плачущимъ голосомъ, и тутъ же, вытащивъ изъ шароваръ кисеть съ деньгами, бросилъ его Мишкѣ.

Онъ стоялъ облокотившись на телѣгу, и влажными глазами смотрѣлъ на сидѣвшихъ въ ней.

— Матушка-то которая? спросил он:— Ты что ль? И ей пожертвую.

Он задумался на мгновение и погѣвъ въ карманъ, досталъ новый сложенный платокъ, полотенце, которыми онъ былъ подпоясанъ подъ шинелью, торопливо снялъ съ шеи красный платокъ, скомкалъ все, и сунулъ въ кофѣи старухѣ.

— На тебѣ, жертвую, сказалъ онъ голосомъ, который становился все тише и тише.

— Зачѣмъ? Спасибо родимый! Вишь прѣстный малый какой, говорила старуха, обращаясь къ старику Дутлову подошедшему къ ихъ телѣгѣ.

Алеха совсѣмъ замолкъ, и осовѣдлый, какъ будто засыпая, поникалъ все ниже и ниже головой.

— За васъ иду, за васъ погибаю! проговорилъ онъ. — За то васъ и дарю.

— Я чай тоже матушка есть, сказалъ кто-то изъ толпы: — Прѣстный малой какой! Бѣда!

Алеха поднимая голову:— Матушка есть, сказалъ онъ. Батюшка родимый есть. Всѣ меня отрѣшились. Слушай ты, старая, прибавилъ онъ, хватая Илюшкину старуху за руку. — Я тебя одарилъ. Послушай ты меня, ради Христа. Ступай ты въ село Водное, спроси ты тамъ старуху Никонову, она самая моя матушка родимая, чуешь, и скажи ты старухѣ этой самой, Никоновой старухѣ, съ краю третья изба, колодезь новый... скажи ты ей, что Алеха, сынъ твой... значитъ... Музыканъ! Валяй! крикнулъ онъ.

И онъ опять сталъ плясать, приговаривая, и швырнулъ объ землю штофъ съ оставшеюся водкой.

Игнатъ взлѣвъ на телѣгу и хотѣлъ тронуть. — Прощай, дай Богъ тебѣ!... проговорила старуха, запахивая шубу.

Алеха вдругъ остановился. — Поѣзжайте вы къ дьяволу, закричалъ онъ, угрожая стиснутыми кулаками. — Чтобъ твоей матери....

— Охъ, Господи! проговорила крестясь Илюшкина мать, Игнатъ тронулъ кобылу, и телѣги снова застучали. Алексѣй рекрутъ стоялъ по срединѣ дороги, и стиснувъ кулаки, съ выраженіемъ ярости на лицѣ, ругалъ мужиковъ что было мочи.

— Чтò стали? Пошелъ! Дьяволы, людоѣды! кричалъ онъ. — Не уйдешь, моей руки! Черти! Лапотники!..

Съ этимъ словомъ голосъ его оборвался, и онъ, какъ стоялъ, со всѣхъ ногъ, ударился о землю.

Скоро Дулавы выѣхали въ поле и оглядываясь, уже не видали толпы рекрутъ. Проѣхавъ верстъ пять шагомъ, Игнатъ слѣзъ съ отцовской телѣги, на которой заснул старикъ, и пошелъ рядомъ съ Илюшкиной.

Вдвоемъ выпили они штофчикъ взятыи изъ города. Нежного погода, Илья запѣлъ пѣсни, бабы подтянули ему. Игнатъ весело покрикивалъ на лошадей въ ладъ пѣсни. Быстро на встрѣчу промчалась веселая перекладная. Ямщикъ бойко крикнулъ на лошадей, поравнявшись съ двумя веселыми телѣгами; почтаальфонъ оглянувся, и подмигнулъ на красныя лица мужиковъ и бабъ, съ веселою пѣсней трасшихся въ телѣгъ.

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Въ началѣ 1768 года въ Петербургѣ могли думать, что тяжелое польское дѣло окончено. Репнинъ былъ щедро награжденъ; конфедерація, какъ достигшая своей цѣли, распущена; русскія войска вышли изъ Варшавы, готовились выйдти и изъ королевства, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ были получены въ Варшавѣ извѣстія о безпокойствахъ въ Подоліи. Подкоморій розаньскій, Красинскій, братъ епископа каменецкаго, вмѣстѣ съ Іосифомъ Пулавскимъ, извѣстнымъ адвокатомъ, захватили городъ Баръ, принадлежавшій князю Любомирскому, и подняли тамъ знамя возстанія за вѣру и свободу. Монахъ-фанатикъ, Маркъ, изъ Бердичевского монастыря, съ крестомъ въ рукахъ, ходилъ по седамъ и мѣстечкамъ, проповѣдуя необходимость приступить къ конфедераціи. Въ Галиціи образовалась другая конфедерація подъ предводительствомъ Іоахима Потоцкаго, подчашаго литовскаго; Рожевскій провозгласилъ конфедерацію въ Люблинѣ. Но возстаніе это вовсе не было народнымъ: громкія слова *вѣра и свобода!* не производили впечатлѣнія на массу; трудно было подниматься за вѣру, полагаясь только на слова какого-нибудь отца Марка, не видя, кто и какъ утѣняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта, и пользовалась ею для того чтобы составлять конфедераціи то про-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* 1862 г. № № 4, 5, 6 и 11.

тивъ одного, то противъ другаго, приглашая на помощь чужія войска, а теперь хотѣла поднять конфедерацію для вытѣсненія этихъ войскъ, провозглашая ихъ врагами свободы; но въ чемъ состояла эта враждебность—понять было очень трудно. Кроме недостатка сочувствія въ народѣ, успѣхамъ конфедераціи вредила поспѣшность, съ какою она была провозглашена, неприготовленность средствъ, недостатокъ военныхъ способностей и военной школы въ вождяхъ конфедераціи. Поэтому конфедераты ждали спасенія только отъ чужеземной помощи. Каменецкій епископъ Красинскій обѣгалъ дворы — Дрезденскій, Вѣнскій, Версальскій, проповѣдуя всюду, что Россія хочетъ овладѣть Польшею, — и какая бѣда будетъ отъ этого всей Европѣ! Но болѣе всего защитники вѣры ждали помощи отъ Турокъ.

Несмотря однако на это невыгодное положеніе конфедератовъ, они могли затянуть борьбу съ Россіею, во первыхъ, вслѣдствіе малочисленности русскихъ войскъ въ Польшѣ: страшныхъ притѣснителей вѣры и свободы польской было не болѣе 16.000 во всемъ королевствѣ, причѣмъ особенно мѣшала успѣшному преслѣдованію конфедератовъ недостаткъ въ легкой кавалеріи; вовторыхъ, скорому успокоенію волненія въ Польшѣ помѣшала турецкая война, раздѣлившая русскія силы. 27 марта состоялось сенатское рѣшеніе — просить императрицу всероссійскую, какъ ручательницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Репниязъ двинулъ войска въ разныхъ направленіяхъ, и конфедераты нигдѣ не могли выдержать ихъ напора. Города, занятые конфедератами, Баръ, Бердичевъ, Краковъ, были у нихъ взяты; но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератовъ, которыя разсыпались по странѣ, захватывали казенныя деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовнаго и свѣтскаго человѣка. Награбивши денегъ, шайки эти убѣгали въ Венгрію или Силезію. Страшная смута и рознь господствовали повсюду, братъ не довѣрялъ брату; у каждаго были свои виды, свои интересы, свои интриги, никому не было дѣла до отечества, лишь бы страсть его была удовлетворена, лишь бы частныя его дѣла обдѣлались; одинъ братъ писалъ громоздные манифесты противъ Русскихъ и соединялся съ конфедератами, другой заключалъ контракты съ

Русскими, бралися поставлять въ ихъ магазины хлѣбъ и овощи¹. Между конфедератами, особаго рода удалью отличался ротмистръ Хлебовскій: встрѣтивъ на дорогѣ нищаго, жидъ или такъ какого-нибудь пѣшехода, сейчасъ повѣситъ на первомъ деревѣ, такъ что, говорятъ современники-Поляки², Русскимъ не нужно было проводниковъ: они могли настигать конфедератовъ по тѣламъ повѣшенныхъ. Шайка Игнатія Малчевскаго, старосты Славскаго, полтора года водила за собою Русскихъ; гдѣ могли Русскіе ее настигнуть, всякій разъ били; но шайка не уменьшалась, потому что плата хорошая, корму много и притомъ дароваго, развратъ, полная власть надъ жителями страны, униженіе самыхъ знатныхъ пановъ передъ конфедератами, которые недавно были ихъ слугами—все это тянуло подъ знамена конфедераціи всякую голь, дворовую служню, горожанъ и крестьянъ, которые не хотѣли работать. За одинъ или два часа страху, испытаннаго при встрѣчѣ съ Русскими и въ бѣгствѣ отъ нихъ, достаточною наградой было роскошное гулянье по странѣ, въ одеждѣ защитника вѣры и вольности³. Къ опустошенію страны конфедератами присоединился еще бунтъ гайдамаковъ, который начался такимъ образомъ:

Князя Любомирскіе, маршалокъ великій коронный и братъ его воевода любельскій, заставили третьяго Любомирскаго, слабоумнаго пьяницу, подстоля литовскаго, владѣльца огромныхъ имѣній, передать торжественнымъ актомъ это имѣніе своимъ дѣтямъ, причемъ ему самому и женѣ его выговорена была ежегодно значительная сумма изъ доходовъ. Такъ какъ дѣти Любомирскаго были малолѣтныя, то назначены были опекуны. Но эта сдѣлка не нравилась Сосновскому, писарю литовскому, любовнику княгини Любомирской, обманутому въ надеждѣ составить себѣ состояніе. Онъ сталъ наговаривать княгинѣ, чтобы выкрада мужа изъ Варшавы, и пусть онъ опять приметъ имѣніе въ свое завѣдываніе: тогда она будетъ управлять слабоумнымъ мужемъ и его имѣніемъ, а не фамилія Любомирскаго и не опекуны. Княгиня взбунтовала мужа, выкрада его изъ Варшавы и привезла на контракты въ Львовъ

¹ Денеша саксонскаго посланника Ессена къ своему двору, 7 декабря 1768.

² *Pamiętniki do panowania Augusta III, i pierwszych lat Stanisł. Augusta II*, 73.

³ Тамъ же, стр. 90.

въ 1768 году. Здѣсь люди совѣстливые не входили съ ними въ какія сношенія; но наѣхали игроки изъ Варшавы, обыграли Любомирскаго и заставили заплатить карточный долгъ имѣніями, подъ видомъ покупки. Но покупщики очень хорошо знали, что дѣло не обойдется легко, что опекуны дѣтей Любомирскаго не впустятъ ихъ ни въ одно имѣніе. Надо было найти людей, которые, получивъ полномочіе отъ Любомирскаго, приняли бы на себя обязанность бороться съ опекунами и ввести во владѣніе покупщиковъ. Такіе люди нашлись: два шляхтича, Бобровскій и Воынецкій.

Бобровскій отправился комиссаромъ въ имѣніе Любомирскаго Побереже; но его никто тамъ не хотѣлъ слушать, едва ушелъ поздорову, потому что одинъ изъ опекуновъ, Швейковскій, узнавъ о львовскихъ продѣлкахъ, разослалъ по всѣмъ имѣніямъ приказы, чтобы никто изъ управляющихъ не смѣлъ слушать Бобровскаго и Воынецкаго, какія бы бумаги отъ князя Любомирскаго они ни показывали. Бобровскій, выгнанный изъ Побережа, снесся съ Воынецкимъ, и оба рѣшили ѣхать въ другое имѣніе Любомирскаго, Смиланьщизна, и поднять здѣсь крестьянъ обѣщаніемъ уничтоженія уни. Чтобъ имѣть помощь и съ другой стороны, они отправились въ Баръ къ Пулавскому, маршалку конфедераціи, съ просьбою, чтобы призналъ ихъ совѣтниками конфедераціи и далъ свои бланкеты для написанія разныхъ приказовъ его именемъ, за что обѣщали ему доставить для конфедераціи тысячу вооруженныхъ казаковъ. Пулавскій легко согласился на ихъ желаніе. Получивши бланкеты, Бобровскій и Воынецкій съ торжествомъ поѣхали въ Смилу, укрѣпленный замокъ Любомирскаго. Но ворота заперты, пускать не велѣно; управляющаго Вонжа нѣтъ дома, но отлично распоряжается всѣмъ его жена; въ замкѣ 50 казаковъ гарнизона, пороху и всякихъ запасовъ много: „Мужъ мой не знаетъ никакихъ комиссаровъ князя Любомирскаго, кромѣ опекуновъ молодыхъ князей“, велитъ жена управляющаго отвѣчать Бобровскому и Воынецкому на ихъ требованія отворить замокъ и на ихъ угрозы. Тогда комиссары обращаются къ казакамъ, живущимъ на земляхъ въ имѣніи, и уговариваютъ ихъ атаковать замокъ, но гарнизонные казаки отбиваютъ нападеніе. Бобровскій и Воынецкій придумываютъ средство: велятъ сватать женъ и дѣтей гарнизонныхъ казаковъ и ставить ихъ въ первую линію казаковъ, идущихъ на вторичный штурмъ. Но

средство не помогло: гарнизонные казаки стрѣляютъ, и тѣря на то, что отъ ихъ пуль падаютъ ихъ жены и дѣти. такой страшный грѣхъ, казаки не пошли на штурмъ, и зались повиноваться комиссарамъ. Бобровскій и Воынецкій, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ обѣщали ратовать за православіе, теперь начали имъ грозить, что етъ Барская конфедерація и истребитъ ихъ всѣхъ до го чловѣка, и псы будутъ лизать ихъ кровь за ихъ непоаніе. Угроза не подѣйствовала; казаки не шли штурмозамокъ. Тогда Бобровскій и Воынецкій рѣшились ѣхать Баръ, и чтобъ исполнить обѣщаніе, данное Пулавскому, ли начальнику казаковъ, Тымберскому, ѣхать за ними же со всѣми казаками. Тымберскій не смѣлъ послушаться каза, написаннаго отъ имени маршалка конфедераціи (накетъ Пулавскаго), и повелъ казаковъ въ слѣдъ за коммисами.

Тымберскій былъ чловѣкъ огромнаго роста и толщины, ко ему было ѣхать верхомъ, и коню было тяжко везти; сталъ просить Бобровскаго и Воынецкаго, чтобы позволили ему сойти съ лошади и пересѣсть на телѣгу. Тѣ позволили. Но какъ скоро Тымберскій переселился на телѣгу, зацкіе старшины, сотники, атаманы, есаулы, остановили ее обступили Тымберскаго съ вопросомъ: „Куда насъ ведешь, нъ полковникъ?“—„Приказъ имѣю отъ маршалка конфедераціи Барской, чтобъ явился съ вами въ Баръ,“ отвѣчалъ тѣ. „Если хочешь, панъ полковникъ, отвѣчала старшина, ступай себѣ въ Баръ одинъ“, и обратившись къ казаамъ, крикнули: „Молодцы! За нами, домой въ Смилянщизн!“ И слѣдъ простылъ. Бобровскій, Воынецкій и Тымберскій поскакали одни въ Баръ, боясь за собою погови каацкой.

Вспомнимъ, что Воынецкій грозилъ казакамъ и крестьянамъ смилянскимъ, приходомъ войскъ конфедераціи, которыя истребятъ ихъ всѣхъ. Какъ нарочно, чрезъ нѣсколько дней разнесся слухъ, что идутъ двѣ польскія хоругви, везутъ пойманныхъ на разбоѣ гайдамаковъ, чтобы сажать ихъ на коль на мѣстѣ преступленія въ Смилянщизнѣ. Казаки, боясь, что это войско прислано для ихъ наказанія за покунутіе Бобровскаго и Воынецкаго, стали перебѣгать за рускую границу, за Днѣпръ, подъ Переяславлемъ, гдѣ ихъ

пускали и съ лошадьми, оставляя только оружіе ихъ при рогаткахъ.

Между посаженными на коль гайдамаками находился рочной племянникъ игумена, эконома переяславскаго архіерея; этотъ игумень, раздраженный позорною смертію племянника, сталъ уговаривать бывшихъ въ то время въ Переяславѣ и богомольѣ Запорожцевъ и главнаго между ними Желѣзнякъ, чтобъ они подняли съ Поляками войну за вѣру, потому что Поляки устроили Барскую конфедерацію противъ православной вѣры. Для сильнѣйшаго убѣжденія, игумень показалъ Желѣзняку на пергаментѣ указъ императрицы подниматься противъ Поляковъ за вѣру; титулъ былъ написанъ золотыми буквами, подпись и печать поддѣланы. Желѣзнякъ отвѣчалъ игумену, что съ нѣсколькими сотнями Запорожцевъ онъ не можетъ начать этого дѣла; тогда игумень сказалъ ему: „А вотъ не далеко при рогаткахъ много бѣглыхъ казаковъ, которые убѣжали отъ войскъ конфедераціи, потому что Поляки хотѣли ихъ всѣхъ истребить; уговорись съ этими казаками, и ступайте въ Польшу, рѣжьте Ляховъ и Жидовъ; всѣ крестьяне и казаки будутъ за васъ.“

Желѣзнякъ пошелъ къ казакамъ, показалъ имъ поддѣланный указъ императрицы, и всѣ вмѣстѣ вторгнулись за Днѣпръ поднимая крестьянъ и казаковъ, истребляя Ляховъ и Жидовъ. На деревьяхъ висѣли вмѣстѣ: Полякъ, Жидъ и собака, съ надписью: „Ляхъ, Жидъ, собака—вѣра однака“.

Такъ разказываетъ о происхожденіи гайдамацкаго бунта Полякъ-современникъ, слышавшій подробности отъ людей самыхъ близкихъ къ событію. При началѣ своего разказа онъ говоритъ: „Это дѣло имѣло видъ, какъ будто бы произошло по наущенію русскаго правительства, но въ самомъ дѣлѣ поводы были другіе“¹.

Репнина сильно раздосадовалъ гайдамацкій бунтъ. Онъ указывалъ на переяславскаго архіерея Гервасія и матренинскаго игумена Мелхиседека какъ на „нѣкоторую причину“ возненія, особенно вооружался противъ Мелхиседека извѣстнаго емъ своимъ безпокойнымъ характеромъ; требовалъ, чтобы всѣ православныя польскихъ областей были отданы въ вѣдомство епископа бѣлорусскаго, котораго чрезъ это можно вывести

¹ *Pamiętnik do historii polskiej*, Adama Moszczyńskiego, стр. 126 и слѣд.

изъ нищеты, предосудительной для достоинства православнаго закона ¹.

Бунтъ ширился, обхватилъ Смиланьщизну, грозилъ Умани, принадлежавшей кievскому воеводѣ Потоцкому. У Потоцкаго главнымъ управителемъ здѣсь былъ Младановичъ, а кассиромъ Рогашевскій. Управляющій и кассиръ посылали тайкомъ Жидовъ къ воеводѣ наговаривать другъ на друга. Для разбора, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, Потоцкій отправилъ въ Умань пана Цѣсвльскаго, который разказалъ Младановичу и Рогашевскому, какіе доносы на нихъ были сдѣланы воеводѣ. Тѣ, вмѣсто того чтобы заподозрить другъ друга, заподозрили сотника Гонту, котораго любилъ Потоцкій и поручилъ ему заселеніе слободъ, почему Гонта и ѣздилъ часто къ воеводѣ. Управляющій и кассиръ стали мстить Гонтѣ, потребовали 100 злотыхъ за сотничество, и это въ то время когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству.

Пришло требованіе отъ барской конфедераціи, чтобы выслали въ Баръ всю милицію и казаковъ воеводы кievскаго. Но воевода распорядился иначе: онъ велѣлъ Цѣсвльскому забрать всѣхъ казаковъ и поставить ихъ на степи надъ рѣкою Синюхою, составлявшею границу съ Россією, а къ Пулавскому Потоцкій написалъ, что вмѣсто казаковъ, которые не будутъ охотно биться съ Русскими, онъ приказалъ сформировать изъ шляхты конную и пѣшую милицію и отослать съ трехмѣсячнымъ жалованьемъ и провіантомъ въ Баръ. Цѣсвльскій, Младановичъ и Рогашевскій, чтобы не истощать казны воеводской сформированіемъ милиціи, назначили на этотъ предметъ чрезвычайный поборъ съ казаковъ, и все это когда казацкій бунтъ кипѣлъ по сосѣдству, и уманьскіе казаки стояли въ степи на Синюхѣ подъ начальствомъ сотниковъ—Дуска, Гонты и Яремы, готовые союзники для Желѣзнака.

Одни Жиды чуяли бѣду и явились къ Цѣсвльскому съ представленіями, что надобно остерегаться Гонты, тѣмъ болѣе, что онъ теперь главный: Дуска умеръ въ степи. Жиды говорили, что Гонта навѣрное сносится съ Желѣзнякомъ, что есть слухъ, будто Гонта уже предлагалъ Дуску соединиться съ Желѣзнякомъ, но будто тотъ отвѣчалъ: „семь недѣль будете пановать, а семь лѣтъ будутъ васъ вѣшать и четвертовать“.

¹ Репашъ Павину ²⁰/₃₁ августа 1768 года.

Напуганный Жидами, Цѣсѣльскій послалъ приказъ Гонтѣ немедленно явиться въ Умань. Тотъ прискакалъ и былъ сѣчь же закованъ въ кандалы, а на другой день уже вел его на площадь, подъ висѣлицу. Но съ счастливой руки Хитыницкаго, казацкихъ богатырей все спасали женщины. И тутъ взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: „оставьте въ живыхъ, я за него ручаюсь“. Тронулся Цѣсѣльскій просьбами пани Обуховой и отпустилъ Гонту,—опять въ станъ на Сньюху начальствовать казаками! Жиды увидали, что судьба ихъ въ рукахъ того, кого они подвели было подъ висѣлицу: они наклали брыки сукнами и разными матеріями, собрали денегъ и отвезли Гонтѣ съ поклономъ: „батюшка! защита насъ“. Гонта сказалъ Жидамъ: „Выхлопочите у пана Цѣсѣльскаго приказъ, чтобъ отпустилъ меня противъ Желѣзняка“. Жиды выхлопотали приказъ; но Цѣсѣльскій велѣлъ троимъ полковникамъ принять начальство надъ казаками. Эта мѣра не помогла; на дорогѣ Гонта объявилъ полковникамъ: „можете, ваша милость, ѣхать теперь себѣ прочь, мы въ васъ уже не нуждаемся“. Полковники убрались поскорѣе въ Умань, а Гонта соединился съ Желѣзнякомъ. Скоро вся толпа явилась подъ Уманью, въ ближнемъ лѣсу разостлали коверъ, на которомъ усѣлись Желѣзнякъ съ Гонтою, казаки составили кругъ, и какой-то подъячій читалъ фальшивый манифестъ русской императрицы. Потомъ началась попойка и шла вся ночь.

Въ замкѣ Уманьскомъ уже не было больше Цѣсѣльскаго, онъ исчезъ; главное начальство перешло къ Младановичу. Къ нему явился комендантъ Ленартъ и объявилъ, что пьяные казаки ночуютъ на фольваркѣ и что ихъ ничего не стоить вырѣзать, сдѣлавши вылазку изъ замка. Но Младановичъ никакъ на это не рѣшился: онъ созвалъ Жидовъ, велѣлъ имъ нагрузить брыки дорогими матеріями и везти къ Желѣзняку и Гонтѣ въ подарокъ съ просьбою о капитуляціи. Гонтъ и Желѣзнякъ, пьяные, приняли подарки съ удовольствіемъ, но переговоры отложили до утра.

Дѣйствительно, утромъ на другой день, оба предводителя со всею старшиной подѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми былъ мостъ, переброшенный черезъ глубокій ровъ. Комендантъ Ленартъ велѣлъ зарядить картечью четыре пушки; но Младановичъ и Рогашевскій, увидавши это, закричали: „Что вы дѣлаете? Вы насъ всѣхъ

убите!“ Шляхта полегла на пушкахъ и отогнала артиллеристовъ, а между тѣмъ Младановичъ спѣшилъ окончить переговоры съ Желѣзнякомъ; положили: 1) казаки не будутъ брать католиковъ, шляхту и Поляковъ вообще, имѣнія ихъ не тронуть; 2) въ Жидяхъ и ихъ имѣніи казаки вольны. По заключеніи капитуляціи, всѣ Поляки пошли въ костѣль, а казаки ворвались въ городъ и начали рѣзать Жидовъ; потомъ, когда всѣ Жиды были перерѣзаны, добрались до милиціи, назначенной въ Баръ; покончивъ съ нею, пошли къ костѣлю, и начали вытаскивать оттуда мушкетъ, женщинъ, дѣтей бить; нѣкоторыхъ женщинъ, которыя понравились, взяли за себя замужъ, и дѣтей усыновляли. Младановичъ и Рогачевскій погибли отъ Гонта, весь городъ былъ устанъ трупами, глубокій колодезь на рынкѣ наполнился убитыми дѣтьми. Крестьяне по селамъ въ это время били Жидовъ, вязали оссесоровъ и шляхту, и привозили въ Умань, гдѣ пьяные казаки убивали ихъ.

Послѣ этихъ подвиговъ Гонта провозгласилъ себя воеводою брацлавскимъ, а Желѣзнякъ кievскимъ, и разослали въ разные стороны отряды рѣзать шляхту и Жидовъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ начальствомъ сотника Шила, направился къ Балтѣ, пограничному мѣстечку, которое рѣчка Бодыма отдѣляетъ отъ татарскаго мѣстечка Галты. Балта завилась своими ярмарками, на которыя приводили лошадей, богатый скотъ, овецъ; для закупки лошадей пріѣзжали рекоутеры изъ Пруссіи и Саксоніи. Мѣстечко богато отъ этихъ ярмарокъ; въ немъ жило много Жидовъ, Грековъ, Армявъ, Турокъ и Татаръ; было кого порѣзать гайдамакамъ, было что пограбить. Шила съ своимъ отрядомъ явился въ Балту и началъ тѣмъ, что покололъ всѣхъ Жидовъ; потомъ, проживъ дня четыре спокойно, собралъ свое войско и вывелъ изъ Балты. Увидавъ, что этимъ все кончилось, Турки въ Галтѣ подняли крикъ и вмѣстѣ съ Жидами перешли съ татарской стороны на польскую; одни пошли на гору въ погоню за гайдамаками, другіе начали бить православныхъ, Сербовъ и Русскихъ, грабить товары и зажгли предмѣстіе. Шила, услышавъ, что Турки и Жиды напали на православныхъ, возвратился, прогнавъ непріятелей на татарскую сторону, перешелъ вслѣдъ за ними въ Галту и все здѣсь раззорилъ и пограбилъ. На другой день битва возобновилась нападеніемъ Турокъ, которые опять были прогнаны въ Галту. Послѣ

этого гайдамаки помирились съ Турками, и много отдали имъ назадъ изъ пограбленнаго. Но какъ скоро Шима выступилъ въ другой разъ изъ Балты, Турки и Жиды явились опять въ мѣстечкѣ, начали ругать христіанъ, многихъ пострѣляли и порубили, церкви ограбили. Вслѣдъ за басурманами явились конфедераты и православнымъ стало не легче; каждый день Поляки *ревизовали христіанъ*, били и убивали до смерти. Православные обратились съ просьбою о защитѣ къ русскому полковнику Гурьеву, и въ просьбѣ разказали какъ было дѣло. Просьба оканчивалась такъ: „Конфедераты очень хотятъ, чтобы насъ теперь переловить и погубить; того ради просимъ не оставить насъ и показать намъ жадость, просимъ, намъ бѣднымъ, дать конвой, чтобы мы могли все свое забрать. Къ сему доношенію подписалось цѣлое братство наше купеческое, греческое“¹. Къ этимъ событіямъ въ Балтѣ придрались Турки, чтобы сложить всю вину на Россію и объявить ей войну.

Желѣзнакъ и Гонта были схвачены, по распоряженію генерала Кречетникова; гайдамацкій бунтъ потухъ, но конфедерация продолжалась. „Стараться я, конечно, всячески буду о восстановленіи спокойствія; но къ несчастію не все такъ идетъ какъ желается“², писалъ Репнинъ въ Петербургъ. Чарторыйскіе увидали затруднительное положеніе Россіи, принужденной теперь вести томительную и бесплодную войну, и заговорили иначе; особенно перемѣнили они тонъ, когда началась турецкая война, въ началѣ неудачная для Россіи и раздѣлявшая ея силы. Чарторыйскіе начали заговаривать съ Репнинымъ о необходимости измѣнить постановленія о диссидентахъ и гарантіи. Королю, который до сихъ поръ преклонялся передъ силою Россіи, королю показалось, что въ барской конфедерации высказалась другая сила, сила польской національности: какъ обыкновенно поступаютъ люди съ его характеромъ, онъ испугался этой новой силы, сталъ клясться передъ нею, и также заговорилъ съ Репнинымъ о необходимости, для прекращенія волненій, отступить отъ диссидентскаго дѣла и гарантіи. „Я самъ знаю, писалъ Репнинъ, — что волненія прекратятся, если мы отступимся отъ этихъ

¹ Копія съ доношенія христіанскихъ обывателей Балты Гурьеву отъ 16 июля 1768 г. приложена къ депешѣ Репнина.

² Репнинъ Панину 20/31 августа.

двухъ пунктовъ, но дороже бы сія тишина была куплена нежели она стоить“, и потому онъ „сдѣлалъ королю самый короткій и ясный отказъ“. Прусскій посланникъ Бенуа также обратился къ Чарторыйскимъ съ просьбою, чтобъ они откровенно объявили его государю о способахъ примиренія; но Чарторыйскіе отвѣчали, что ни во что мѣшаться не могутъ, и что судьба республики зависитъ единственно отъ хода событій, отъ того какъ пойдетъ турецкая война ¹.

Для успѣшнаго хода этой войны русскимъ войскамъ необходимо было занять двѣ крѣпости въ польскихъ владѣніяхъ, Замосць и Каменецъ Подольскій, особенно послѣдній, ибо, воюя съ конфедератами и не зная какой оборотъ можетъ еще принять эта война, опасно было оставлять въ тылу у себя такую важную крѣпость, которая могла быть сдана Туркамъ. Замосць находился въ частномъ владѣніи у Замойскаго, который былъ женатъ на сестрѣ королевской; поэтому Репнинъ частнымъ образомъ обратился къ брату короля, оберъ-камергеру Понятовскому, не можетъ ли король написать партикулярно своему родственнику, чтобы тотъ не препятствовалъ русскимъ войскамъ въ занятіи Замосця. Но король, вмѣсто того чтобъ отвѣчать частнымъ же образомъ, собралъ министровъ и объявилъ имъ, что Русскіе хотятъ занять Замосць. Въслѣдствіе этого Репнину была прислана нота, что министерство его величества и республики за долгъ поставяетъ просить не занимать Замосця. Репнинъ не принялъ ноты, отвѣтивъ, что онъ не требовалъ ничего относительно этой крѣпости, а великому канцлеру коронному Млодзѣвскому замѣтилъ, что русскія войска призваны польскимъ правительствомъ для успокоенія страны: на какомъ же основаніи не давать имъ выгодъ, одинакихъ съ выгодами польскихъ войскъ? Когда же Репнинъ сталъ пенять королю, зачѣмъ онъ не сдѣлалъ различія между поступкомъ *конфидентной откровенности* и *министеріальнымъ*, то Станиславъ Августъ прямо сказалъ: „Не сдѣлай я такъ, вѣдь вы бы заняли Замосць.“ Репнинъ отвѣчалъ также прямо, что занятіе Замосця необходимо для безопасности Варшавы въ случаѣ татарскаго набѣга, и что такимъ поступкомъ король не удержитъ его отъ занятія крѣпости: „я ее займу

¹ Репнинъ Панику 5/10 декабря.

хотя бы и съ огнемъ.“—„Это занятіе очень важно, продолжалъ король:—стоитъ только начать.“—„Не разумѣете ли вы Каменца?“ спросилъ Репнинъ.—„Именно,“ отвѣчалъ король. Тутъ Репнинъ сказалъ ему: „Мы изъ Польши въ турецкія границы не выйдемъ, прежде нежели не будемъ имѣть Каменецъ для учрежденія тамъ нашего магазина и пасады: и такъ, если вы хотите, чтобы война шла не у васъ, а въ турецкихъ границахъ, то отдайте намъ Каменецъ.“ Зная, что король уже повидался съ дядюшками, Репнинъ спросилъ его: „Какъ ваше величество теперь съ ними? Разсуждали ли о настоящихъ обстоятельствахъ?“ Король нѣсколько смутился и отвѣчалъ: „Они со мною попрежнему холодны; что же касается настоящихъ обстоятельствъ, то они говорятъ то же, что и вамъ говорили, то-есть, что нужно посредничество чужестранныхъ державъ, и что иначе націю успокоить нельзя. какъ отступить отъ гарантіи и диссидентскаго дѣла, позволить диссидентамъ только свободу вѣроисповѣданія, отнявши доступъ въ судебныя мѣста и въ законодательство.“ „Это лѣкарство хуже болѣзни, и конечно мы его не употребимъ,“ отвѣчалъ Репнинъ: „вамъ, другу Россіи, обязанному ей престоломъ, не годится уничтожать общаго дѣла, вы должны продолжать свою преданность къ Россіи, особенно когда видите, что всѣ стараются свергнуть васъ съ престола, что и на Россію-то всѣ сердятся за то что мы поддерживаемъ васъ на престолѣ.“—„Я бы охотно свое мѣсто оставилъ,“ отвѣчалъ король, еслибы могъ скоро успокоить свое отечество и доставить націю то чего она такъ желаетъ, то-есть уничтоженіе гарантіи и диссидентскаго дѣла.“

Въ совѣтѣ королевскомъ враждебные Россіи голоса явно взяли верхъ: маршалъ коронный, князь Любомирскій и графъ Замойскій отъ своего имени и отъ имени Чарторыйскихъ предложили, что войско правительства польскаго, назначенное подъ начальствомъ Браницкаго дѣйствовать противъ конфедератовъ, должно немедленно распустить по непрѣмнымъ квартирамъ, иначе Русскіе подговорятъ его на свою сторону и употребятъ противъ Турокъ, изъ чего султанъ можетъ заключить, что Польша заодно съ Россіею противъ Турціи. Любомирскій съ товарищами сильно возставааи противъ послѣдняго сенатскаго совѣта, который рѣшилъ просить у Россіи помощи противъ конфедератовъ. Браницкій противился распущенію войска, говорилъ, что это произведетъ

неудовольствіе въ народѣ и возбудить подозрѣніе въ русскомъ правительствѣ; но Замоискій продолжалъ настаивать на распусценіи войска, и требовалъ, чтобъ отнынѣ принята была слѣдующая система: не давать Россіи явныхъ отказовъ, но постоянно находить невозможности въ исполненіи ея требованій, льстить, но ничего не дѣлать; королю нисколько не вмѣшиваться въ настоящія волненія, неидти противъ націи, не вооружаться и противъ Турокъ, но выжидать, какой оборотъ примутъ дѣла. Король во время этихъ споровъ не отворялъ рта, и наконецъ присталъ къ мнѣнію Брауцкаго. Положено не распускать войска, но запрещено ему приближаться къ турецкимъ границамъ, позволено требовать русской помощи и соглашаться съ русскими войсками свои движенія только противъ бунтующихъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ Русскими нигдѣ не быть, чтобы не показывать, что польское правительство заодно съ русскимъ.¹

Вопросъ о Каменцѣ не переставалъ занимать Репнина, потому что императрица предписывала стараться о занятіи Каменца всѣми способами — кромѣ насилія. Зная, что король снова подпалъ вліянію Чарторыйскихъ, Репнинъ обратился къ нимъ, выставляя необходимость занятія Каменца. Чарторыйскіе отвѣчали: „Лучше подвергнуть весь тотъ край совершенному опустошенію чѣмъ подать Туркамъ причину къ объявленію намъ войны, тѣмъ болѣе что еще невѣрно, чтобы Турки обратились къ польскимъ границамъ; да хотя бы и этихъ причинъ не было, то отдать Каменецъ не достойно патриотовъ.“ Репнинъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: „Что по вашему мнѣнію для васъ выгоднѣе, чтобы Россія или Порта взяла верхъ въ настоящей войнѣ? ибо отъ рѣшенія этого вопроса должно зависѣть все ваше поведеніе.“ — „Ни то, ни другое, отвѣчали Чарторыйскіе: — выгода ваша состоитъ въ томъ, чтобы не путаться нисколько въ это дѣло.“ — „Достоинство вашей короны страдаетъ отъ презрительныхъ отзывовъ Порты на вашъ счетъ,“ сказалъ Репнинъ. — „Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ нѣтъ и достоинства, мы все потеряли,“ отвѣчали Чарторыйскіе, и литовскій канцлеръ примолвилъ: „Il vaut mieux ne rien faire, que de faire des riens.“

¹ Репнинъ Павлу 20/21 декабря. „Я все что въ приватномъ совѣтѣ у короля происходило знаю чрезъ весьма вѣрнаго человѣка, который самъ въ томъ находился.“

Репнинъ обратился къ королю. Тѣ же отвѣты, какіе слышалъ и отъ Чарторыйскихъ. Репнинъ представлялъ ему, что онъ глядитъ не своими глазами, и что никогда не предстояло ему такой нужды быть въ самомъ полномъ согласіи съ Россіей, потому что она одна можетъ спасти его отъ паденія, которое ему готовятъ Порта и Франція и большая часть Поляковъ. „Все это я очень хорошо вижу, отвѣчалъ король: —но есть такой періодъ бѣдствій, въ который уже никакая опасность нечувствительна; я теперь именно въ этомъ періодѣ, и потому отдаю свой жребій во власть событіямъ.“ — „Умоляю ваше величество подумать, сказалъ на это Репнинъ: теперь у васъ еще есть хотя малая армія, а въ мартѣ мѣсяцъ и той заплатитъ будемъ нечѣмъ; тогда еслибы вы и захотѣли на что-нибудь рѣшиться и къ намъ приступить, то уже будетъ не съ кѣмъ.“ Король отвѣчалъ на это увѣреніями, что онъ съ своимъ войскомъ не сдѣлаетъ ни шага противъ Русскихъ. Репнинъ этому вполне вѣрилъ, но зналъ, что какъ скоро жалованье прекратится, то весь этотъ сбродъ составитъ новыя разбойничьи шайки. Репнинъ опять спросилъ короля: „можемъ ли мы на васъ надѣяться?“ — „Я, кажется, доказалъ свое усердіе, потерявъ черезъ него весь кредитъ въ своей націи и дошедши до безсилія, которое мнѣ въ виду поставить нельзя,“ отвѣчалъ король. — „Конечно, продолжалъ Репнинъ, прошедшая ваша дружба забыта не будетъ; но надобно ее продолжать, а какъ скоро вы ее прекратите, то и все кончится.“ — „Если ея императорское величество, отвѣчалъ король, дастъ мнѣ возможность быть ей полезнымъ, согласясь отступить совершенно отъ гарантіи и частью отъ диссидентскаго дѣла, дастъ мнѣ черезъ это способы возвратитъ къ себѣ любовь и довѣренность моихъ подданныхъ, то я докажу дѣйствительнымъ образомъ, что нѣтъ человѣка преданнѣе меня ея императорскому величеству; но если она этого не сдѣлаетъ, то я хотя и останусь другомъ, но въ совершенномъ бездѣйствіи и небытіи.“ Репнинъ отвѣчалъ, что императрица не можетъ отступить отъ своихъ правъ и компрометировать свое достоинство. Король повторилъ рѣшительный отказъ относительно сдачи Каменца, и Репнинъ кончилъ разговоръ словами, чтобы король пенялъ во всемъ на себя, а Русскіе будутъ умѣть взять предосторожности, какія имъ нужны¹. Въ другомъ разговорѣ съ Репнинымъ, король

¹ Репнинъ Панину 24 декабря 1768 г. (4 января 1769 г.)

повелъ рѣчь о возможности своего близкаго паденія. Репнинъ замѣтилъ ему, что всегда непріятно съ престола сходить, а согнану быть и стыдно. „Меня конечно не гоняютъ, отвѣчалъ король:—я умру, давши себя застрѣлить въ своемъ дворцѣ, а мѣста своего не покину, буду здѣсь защищаться.“ — „Лучше бы не дожидаться такой крайности, возразилъ Репнинъ:—славѣ было бы умереть въ полѣ, а не въ своей комнатѣ; я самъ пойду къ вамъ въ адъютанты, если только вы примете это мужественное намѣреніе и соедините свои силы съ нашими; слава и счастье сами не приходятъ, а надобно идти къ нимъ навстрѣчу и ихъ искать.“ — „Въ моемъ положеніи нельзя думать о славѣ, отвѣчалъ король:—выше славы поставляю свой долгъ, а долгъ запрещаетъ мнѣ перемѣнить свое поведеніе.“¹

Итакъ рѣшеніе, принятое королемъ и Чарторыйскими, обозначилось ясно: или заставить Россію передѣлать свое дѣло, или оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, дожидаясь, чѣмъ кончится борьба Россіи съ Турціей и конфедератами и какъ будутъ смотрѣть на эту борьбу другія державы, поставить черезъ это Россію въ самое затруднительное положеніе, ибо до сихъ поръ ея уполномоченный въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на польское правительство, а теперь это правительство складывало руки; но, объявляя себя не за Россію, оно тѣмъ самымъ объявляло себя противъ нея. Въ Петербургѣ хорошо понимали затруднительность этого положенія, и, какъ обыкновенно бываетъ, нашлись люди, которые поспѣшили обвинить во всемъ Репнина: не такъ принялся за дѣло, слишкомъ натянулъ, тѣмъ болѣе что въ жалобахъ изъ Польши на деспотизмъ посла не было недостатка. И людямъ, болѣе сдержаннымъ, не спѣшащимъ отсылать въ пустыню козла отпущенія, могло казаться, что, по новымъ обстоятельствамъ, роль Репнина въ Польшѣ должна кончиться, что надобно попробовать, нельзя ли выйдти изъ затруднительнаго положенія путемъ нѣкоторыхъ уступокъ и соглашеній, а для этого нуженъ былъ другой человекъ, которому легче было начать другой образъ дѣйствій чѣмъ Репнину. Репнинъ былъ отозванъ въ іюнь 1769 года; на его мѣсто назначенъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій. Эта перемѣна, какимъ бы путемъ ни дошли до убѣжденія въ ея надобности, была ошибкою.

¹ Репнинъ Павлу 28 января (7 февраля) 1769 г.

Князь Репнинъ былъ именно человѣкъ необходимый въ Польшѣ въ описываемое время. Онъ отлично зналъ страну, зналъ людей и умѣлъ обходиться съ ними. Предъ началомъ каждаго дѣла онъ соображалъ его трудности, могущія произойти неблагопріятныя послѣдствія, и не таилъ ихъ отъ своего правительства; но какъ скоро убѣждался въ необходимости дѣйствовать или получалъ рѣшительное приказаніе изъ Петербурга, то принимался за дѣло, и уже ни шага назадъ, ни малѣйшаго колебанія. Репнина могли ненавидѣть; но его не могли не уважать; при томъ несчастномъ характерѣ, которымъ отличалось большинство польскихъ дѣятелей, именно былъ нуженъ человѣкъ, котораго бы уважали, котораго бы боялись, какъ уважали и боялись Репнина. Это было нужно не для однихъ Поляковъ; началась война такого рода, которая наиболѣе могла способствовать ослабленію дисциплины въ русскомъ войскѣ: толпы конфедератовъ пробѣгали страну разбойничьими шайками, преслѣдователи ихъ могли легко увлечься примѣромъ: если свои поступали такъ, то чужіе и подавно, особенно въ странѣ, гдѣ враждебность къ Русскимъ въ извѣстной части народонаселенія, давившей остальныхъ, высказывалась безпрестанно самымъ мелочнымъ образомъ, наиболѣе раздражающимъ, наиболѣе вызывающимъ къ насилію. Репнинъ не позволилъ бы ни одному русскому отряду подражать конфедератскимъ шайкамъ: ручательствомъ служило его поведеніе относительно генерала Кречетникова, запятнавшаго себя корыстолюбіемъ. Наконецъ Репнинъ обладалъ военнымъ талантомъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было дѣломъ первой важности.

Преемникъ Репнина былъ человѣкъ достойный, но не Репнинъ; да и задача, возложенная на князя Волконскаго, была такъ трудна, что мы никакъ не рѣшимся сложить на него всю вину ея неисполненія. Онъ долженъ былъ дѣйствовать и твердо, и вмѣстѣ мягко; онъ не долженъ былъ позволять никакихъ важныхъ, существенныхъ измѣненій въ томъ что было сдѣлано Репнинымъ, могъ сдѣлать только нѣкоторыя незначительныя уступки. Но какъ скоро показана была готовность къ уступкамъ, то вмѣстѣ показана была слабость, сознаніе затруднительности своего положенія, и это показано было людямъ, которые привыкли преклоняться только предъ силою, которые привыкли поднимать голову выше чѣмъ слѣдовало при первой уступкѣ. Уже на смѣну Репнина смотрѣли какъ

побѣду, видѣли въ этомъ сознаніе слабости со стороны Россіи, и тѣмъ болѣе начали заискивать передъ другою выражаемою силой, которую называли націей; преклоняясь передъ Россіей, оскорбили націю; теперь со стороны Россіи ступчивость, признакъ слабости, а нація высказала свое недовольствіе и обнаружила нѣкоторые признаки силы въ Барской конфедераціи, и потому начали прислуживаться къ націи, думая, что лучшимъ средствомъ прислужиться къ націи было заставить Россію отказаться отъ всего, вытребованнаго ею въ послѣднее время, или, по крайней мѣрѣ, не уступать ей ни въ чемъ. Дѣйствуя такъ, Понятовскій, съ одной стороны, надѣялся пріобрѣсть расположеніе націи; съ другой, былъ увѣренъ, что лично ему нечего опасаться отъ Россіи, которая не могла рѣшиться на сверженіе короля, ею возведеннаго на престолъ. Такимъ образомъ перемѣна лица, перемѣна она, большая мягкость и уступчивость, не вели ни къ чему: надобно было или уступить все чего хотѣли, то-есть отказаться отъ гарантіи и диссидентскаго дѣла, или не уступать ничего. Положеніе Волконскаго, вслѣдствіе этого, было затруднительное и непріятное: во дворцѣ на всѣ его увѣщанія и требованія отвѣчали холоднымъ „нѣтъ“; онъ хлопоталъ объ образованіи новой русской партіи, объ образованіи реконфедераціи; но люди, которые казались ему приверженцами Россіи, были привержены только къ русскимъ деньгамъ; видя, что преемникъ Репнина дѣйствуетъ не по-репински, они видѣли въ этомъ сознаніе въ слабости Россіи, и потому служили двумъ господамъ. Притомъ Волконскій былъ человѣкъ хворый, подагрикъ; наконецъ относительно военныхъ дѣйствій онъ во всемъ положился на генерала Веймарна, а у Веймарна не доставало ни распорядительности, ни твердости для поддержанія дисциплины: онъ зналъ, какъ дурно ведутъ себя нѣкоторые начальники русскихъ отрядовъ, но ограничивался безплодными сожалѣніями.

Волконскій привезъ съ собою въ Варшаву инструкцію относительно требованій короля и Чарторыйскихъ. Впервыхъ, относительно гарантіи онъ могъ обнародовать декларацію, въ которой заключалось точное и полное изъясненіе гарантіи, какъ вовсе не представляющей опасности для польской самостоятельности. Вовторыхъ, относительно диссидентскаго дѣла послу было наказано: „Не входя и не участвуя никакъ въ модификаціи постановленныхъ диссидентамъ преимуществъ,

умалчивать о тѣхъ уступкахъ, которыя иногда они сами между собою уступать согласятся для скорѣйшаго успокоенія и примиренія съ своими соотчичами.“ Въ послѣдствіи Панинъ уяснилъ Волконскому этотъ пунктъ наказа такимъ образомъ: „Надобно, чтобы сами диссиденты добровольно вошли въ точное разсмотрѣніе, стоитъ ли для нихъ собственно сохраненіе всѣхъ на послѣднемъ сеймѣ приобретенныхъ правъ и преимуществъ того, чтобы покупать оное гражданскою въ отечествѣ войной, или же не лучше ли жертвовать добровольно частію выгодъ для возстановленія общей тишины и для обезпеченія другой части тѣхъ самыхъ выгодъ? Со всѣмъ этимъ слава и достоинство ея императорскаго величества не дозволяютъ, чтобы покушеніе о нуждѣ и пользѣ такого поступка было отъ насъ, а надобно, чтобы диссиденты сами на то попали, или же, по крайней мѣрѣ, вашимъ сіятельствомъ чрезъ третьяго весьма нечувствительнымъ и искуснымъ образомъ доведены были, чтобы диссиденты отозвались добровольно къ ея императорскому величеству, королю и правительству съ представленіемъ своего собственнаго желанія принести нѣкоторую часть своихъ преимуществъ въ жертву возстановленію внутренняго покоя.“

Первымъ дѣломъ Волконскаго по пріѣздѣ въ Варшаву было опять поднять вопросъ о Каменцѣ. Панинъ далъ знать еще Репнину о домогательствахъ французскаго посла въ Царѣградѣ, чтобы Турки какъ можно скорѣе овладѣли Каменцомъ для утвержденія себя въ Польшѣ; Панинъ поручилъ Репнину представить королю, что если польское правительство не могло согласиться отдать эту крѣпость подъ защиту русскаго войска, то правило нейтралитета требуетъ необходимо, чтобы Русскіе получили формальное и точное обнадеженіе, что Каменецъ не будетъ отданъ въ руки ихъ непріятелю, а будетъ защищаемъ всѣми силами заодно съ русскими войсками. Обнадеженіе это получилъ уже Волконскій. Новый посолъ вышелъ короля въ совершенной зависимости отъ Чарторыйскихъ, безъ которыхъ онъ ничего не смѣлъ предпринять. Два раза по своему пріѣздѣ Волконскій видѣлся съ королемъ, и оба раза выслушалъ отъ него однѣ рѣчи, что прекратить волненія въ Польшѣ нельзя безъ уступки въ гарантію и диссидентскомъ дѣлѣ, что онъ, король долженъ *менаџировать* націю, для чего необходима означенная уступка. Волконскій отвѣчалъ какъ и Репнинъ, что уступки въ этихъ двухъ пунк-

такъ не будетъ. Несмотря однако на эти старые отвѣты, сейчасъ же стало замѣтно, что дѣла идутъ не по-старому; примасть Подоскій прямо объявилъ Волконскому, что Польша не можетъ быть счастлива имѣя національнаго короля, что Понятовскій ненавидимъ націею и нѣтъ средства успокоить ее безъ его сверженія. Волконскій отвѣчалъ ему, что русское правительство не допуститъ никогда уничтожить собственное свое дѣло; но примасть остался при своемъ мнѣніи. Изъ разговоровъ своихъ съ польскими магнатами Волконскій примѣтилъ, что они не хотятъ ни за что приниматься, въ ожиданіи какъ пойдутъ дѣла у Русскихъ съ Турками; Волконскій далъ также знать въ Петербургъ, что дворъ и министры польскіе чуждаются его, ничего не сообщаютъ, не входятъ ни въ какія соглашенія, желая показать предъ націею, что не имѣютъ ничего общаго съ Россіею ¹.

Но *менажируя* націю и показывая для этого холодность къ Россіи, Понятовскій вовсе не обнаруживалъ холодности къ русскимъ деньгамъ. Мы видѣли, что, несмотря на мнѣніе Любомирскаго и Замойскаго, въ королевскомъ совѣтѣ было рѣшено не распускать войска, находившагося подъ начальствомъ Браницкаго. Теперь это войско выступало въ походъ противъ конфедератовъ, и король, не дававшій знать Волконскому ни о чемъ, въ этомъ случаѣ далъ знать, но вмѣстѣ попросилъ на экспедицію 3.000 червонныхъ. Волконскій далъ деньги; но едва Браницкій дошелъ до Бреста-Литовскаго, какъ получилъ повелѣніе не вступать въ дѣло съ конфедератами и возвратиться назадъ со всѣмъ корпусомъ: Чарторыйскіе и Любомирскій успѣли внушить королю, что движеніе Браницкаго противъ конфедератовъ огорчитъ націю. Станиславъ-Августъ послалъ за Волконскимъ, объявилъ ему объ отозваніи Браницкаго, извинялся, но сказалъ, что не можетъ открыть причины такого поступка ². Браницкій отдалъ назадъ Волконскому 2.400 червонныхъ, а 600 уже были издержаны понапрасну. Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, въ разговорахъ съ Волконскимъ упорнѣе прежняго держался того, что безъ уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ и въ гарантіи никогда ничего сдѣлать нельзя. Волконскій отвѣчалъ свое, что это надобно выбить изъ головы, причемъ замѣтилъ,

¹ Волконскій Папику 11/22 іюля 1769 года.

² Волконскій Папику 26 іюля (7 іюля), 22 іюля (2 августа).

что возмутители собираются въ Ловичъ и около Варшавы Чарторыйскій сказалъ на это, что, можетъ-быть, они составятъ генеральную конфедерацію. „Генеральная конфедерація, возразилъ Волконскій, будетъ противъ короля, слѣдовательно противъ васъ самихъ.“—„Я не знаю, отвѣчалъ Чарторыйскій, что съ нами будетъ: но Польша останется всегда Польшею.“ Король опять обратился къ Волконскому съ предложеніемъ, не лучше ли будетъ, если трактатъ и вся послѣдняя конституція будутъ уничтожены, и составится новая конституція? Волконскій прервалъ его: „Надобно это изъ головы выложить, потому что республика требовала у ея величества гарантіи чрезъ торжественное посольство.“—„Все это было слѣдано силою“, замѣтилъ король. „Неправда, отвѣчалъ Волконскій:—нельзя было силою заставитьъ высылать торжественное посольство ¹.“ И вскорѣ послѣ этого разговора король обратился къ Волконскому съ просьбою, нельзя ли дать денегъ, потому что доходы его забраны конфедератами, и ему почти вѣсть нечего. Волконскій далъ 5.000 червонныхъ и написалъ Панину: „Онъ по истинѣ радъ бы для насъ что-нибудь сдѣлать, но не смѣетъ и не умѣетъ; я никогда не думалъ найти его въ такой слабости, онъ совсѣмъ предался Чарторыйскимъ.“ Изъ Петербурга пришло приказаніе выдать королю еще 5.000 червонныхъ: иначе войско его, не получая жалованья, разбѣжится и увеличитъ собою толпы мятежниковъ ².

Волконскій хлопоталъ, вопервыхъ, о томъ чтобы не допустить конфедератовъ до образованія генеральной конфедераціи, вовторыхъ, о томъ чтобы составить генеральную конфедерацію, которая бы дѣйствовала заодно съ Россіей. Отъ времени до времени являлись къ Волконскому люди съ проектами подобной конфедераціи, но дѣло не шло далѣе проектовъ. Такъ извѣстный намъ графъ Браницкій и коронный кухмистръ Понинскій предложили планъ генеральной конфедераціи для успокоенія Польши при содѣйствіи Россіи, и чтобы *менаџировать націю*, потребовали не измѣненій въ Реннинскомъ трактатѣ, а уступки Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи, когда онѣ будутъ завоеваны Русскими у Турокъ. Панинъ, увѣдомленный объ этомъ, писалъ Волконскому, чтобы

¹ Волконскій Панину 26 іюля (6 августа), 27 іюля (7 августа).

² Панинъ Волконскому 4 сентября.

бещалъ присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи и ободренія благонамѣренныхъ Поляковъ къ генеральной конфедераціи и для побужденія ихъ вступить съ Россіею въ нныя обязательства противъ Турокъ; теперь, заключаетъ Панинъ, нужны Россіи не военныя силы республики, но естественныя и безпрепятственныя выгоды отъ земаи, изъ которыхъ главными должно считать полученіе въ наши руки Кавказа и распоряженіе имъ во все время войны. Что же касается до Молдавіи, то присоединеніе ея къ Россіи не можетъ быть полезно для послѣдней; Молдавія сама собою не въ состояніи защищаться ни противъ кого, и отдаленіе ея отъ нашихъ границъ всегда затруднитъ нашу собственную защиту, тогда какъ очень важно для Россіи, если православное молдавское дворянство, присоединясь къ Польшѣ, выговоритъ себѣ, подъ нашимъ покровительствомъ, всѣ права польскаго дворянства¹.

Несмотря на эти обѣщанія, генеральная конфедерація не образовывалась; король бралъ русскія деньги и ничего не дѣлалъ для Россіи, менажируя націю; первое послѣ короля лицо въ республикѣ, примасъ Подоскій, также бралъ русскія деньги, а мало того что ничего не дѣлалъ для Россіи, интриговалъ еще въ пользу саксонскаго дома, что было противно видамъ Россіи. Россія должна была поддерживать свое вліяніе въ Польшѣ, потому что въ подобной странѣ отказаться отъ вліянія значимо уступить его другому государству, которое стало бы пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Сохраненіе русскаго вліянія въ Польшѣ, по мысли Панина², было необходимо для поддержанія сѣверной системы, безъ которой Россія никогда не могла достигнуть роли державы перваго класса. Для Россіи было нужно, чтобы королемъ въ Польшѣ былъ Пясть; курфирстъ Саксонскій не могъ быть королемъ по разнообразнымъ и часто измѣняющимся интересамъ наследственныхъ его земель, которыя, по своему положенію между Австріей и Пруссіей, и по разнымъ отношеніямъ этихъ государствъ къ Франціи, могли очень часто переходить отъ одного союза къ другому, увлекая за собою Польшу въ ту или другую сторону. По этимъ соображеніямъ, Панинъ писалъ

¹ Панинъ Волковскому 30 сентября.

² Панинъ Волковскому 31 октября.

Волконскому, что примасу надобно производить помѣсячно въ некоторую опредѣленную и умѣренную дачу (потому что расходы въ настоящее время очень велики становятся), но надобно держать его въ желѣзныхъ рукавицахъ, потому что онъ Саксоонецъ душою и сердцемъ.

Чарторыйскіе уже давно объявили, что ничего не предпримутъ, что будутъ ждать какъ пойдетъ война между Россіей и Турціей. Въ августѣ пришло извѣстіе, что русскія дѣла идутъ плохо, что главнокомандующій, князь Голицынъ, принужденъ былъ перейти Днѣстръ,—и Чарторыйскій, воевода русскій, объявилъ Волконскому: „Не какъ послу, но какъ моему старому другу откроюсь чистосердечно, что кто здѣсь будетъ сильнѣе, того сторону мы и примемъ; я отсюда изъ Варшавы не поѣду, а королю себя спасать надобно. вы здѣсь не такъ сильны, чтобы могли насъ защитить.“¹ Чарторыйскіе успѣли сдѣлать первый шагъ впередъ противъ Россіи, оказавшейся въ ихъ глазахъ слабою; они уговорили короля созвать сенатъ, гдѣ было рѣшено отправить пословъ къ русскому и другимъ дворамъ съ объявленіемъ, что послѣдній трактатъ съ Россіей, какъ вынужденный княземъ Репнинымъ, долженъ быть уничтоженъ. Это было 30 сентября. Волконскій отправился къ королю: „Не стыдно ли вашему величеству приписывать насилію князя Репнина все сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, когда вы знаете, что все это одобрено ея императорскимъ величествомъ, да и зачѣмъ же вы сами съ сеймомъ ратификовали это дѣло? Пусть частные люди опасались насилій отъ князя Репнина, который, впрочемъ, не могъ бы ни на что рѣшиться безъ повелѣнія своего двора; но В. В. чего боялись? Вѣдь васъ князь Репнинъ не взялъ бы! Сверхъ того, для чего вы молчали по сию пору; а теперь, когда больше всего надобно бы вамъ быть благодарнымъ Россіи за избавленіе отъ Турокъ и отъ своихъ злодѣевъ, вы съ нею вздумали разрывать!“ Король сначала ничего не отвѣчалъ, стоялъ какъ остоленѣвый; но потомъ, оправившись, началъ увѣрять въ своей преданности къ императрицѣ, что и не думалъ сдѣлать ей что-либо непріятное, но, будучи Полякомъ, долженъ былъ доказать націи свое попеченіе о ея благоденствіи.²

¹ Волконскій Папиу 22 августа (2 сентября).

² Волконскій Папиу 1 (12) октября.

Понятовскій только сначала испугался сильной рѣчи Волконскаго: онъ не привыкъ слышать отъ него такихъ рѣчей; ему, вѣроятно, показалось, что передъ нимъ опять Репнинъ. Но потомъ онъ успокоился; его увѣрили, что 30 сентября онъ совершилъ геройскій поступокъ; онъ сталъ бодръ и веселъ, и когда Волконскій, чрезъ нѣсколько времени, въ другой разъ подошелъ къ нему съ представленіемъ, что Чарторыйскіе ведутъ его къ гибели, то король ничего не отвѣчалъ, улыбнулся и отошелъ прочь. Чарторыйскіе стали громко говорить, что они никогда еще не были на такой твердой ногѣ какъ теперь, и когда кто-то замѣтилъ, что Россія не можетъ быть довольна ихъ поведеніемъ, то воевода русскій отвѣчалъ: „Правда, что первый ударъ можетъ быть для насъ чувствителенъ, но время все успокоитъ.“¹ Волконскій въ раздраженіи, имѣлъ неосторожность истратить послѣдній зарядъ; онъ спросилъ у короля: „надѣется ли онъ остаться на тронѣ хоть недѣлю, если ея императорское величество лишитъ его своей защиты?“ Понятовскій ничего не сказалъ на это, „только пожался“.² Посоль позабылъ правило: не грозить, когда нѣтъ силы или желанія привести угрозу въ исполненіе.

На основаніи сенатскаго рѣшенія 30 сентября, хотѣли отправить князя Огинскаго въ Петербургъ съ протестомъ противъ Репнинскаго трактата; но изъ Петербурга дали знать, что Огинскаго не примутъ. Между тѣмъ король совершенно успокоился послѣ угрозы Волконскаго, потому что не было ничего похожаго на приведеніе ея въ исполненіе; онъ имѣлъ ежедневныя конференціи съ приближенными къ нему людьми, а они, особенно трое: Чарторыйскій (канцлеръ литовскій), маршалъ Любомирскій и вице-канцлеръ Борхъ, публично кричали, что никогда еще Польша и они сами не находились въ лучшемъ состояніи, несмотря на то что Россія начала успѣшно дѣйствовать противъ Турокъ; изъ разныхъ угловъ имъ давали знать, что эти самые успѣхи побудятъ другія европейскія государства вооружиться противъ Россіи. Однажды епископъ куявскій замѣтилъ Борху, что они и себя губятъ, и другихъ въ гибель влекутъ, дѣйствуя явно противъ Россіи, отъ которой одной Польша можетъ ожидать помощи;

¹ Волконскій Панику 12 (23) октября.

² Волконскій Панику 18 (29) ноября.

особенно безразсудно раздражать Россію теперь, когда она взяла верхъ надъ Турками. Борхъ отвѣчалъ, что Россіи бояться нечего; хотя она и побѣдила Турокъ въ эту кампанію, но конечно, будетъ побѣждена въ будущую кампанію; да еслибы этого и не случилось, то вся Европа, чтобы воспрепятствовать усиленію Россіи, вступится за Польшу, особенно Австрія, которая вѣрно не будетъ смотрѣть поджавъ руки на побѣды Русскихъ надъ Турками и вступится за Польшу. Борхъ прибавилъ, что Россія, имѣя силу въ рукахъ, не посмѣетъ однако тронуть ни ихъ лично, ни имѣній ихъ, ибо до сихъ поръ ничего имъ не дѣлаетъ¹.

Среди торжества, которое доставляло королю и его совѣтникамъ увѣренность, что Россія слаба, потому что посолъ императорскій никого не хватаетъ, ничьихъ имѣній не конфискуетъ, а только даетъ деньги, и что вся Европа вступится за Польшу,—среди этого торжества король былъ нѣсколько потревоженъ внушеніями прусскаго посланника Бенуа отъ имени Фридриха II, чтобы Понатовскій не терялъ дружбы россійской императрицы. При первомъ свиданіи съ Волконскимъ Станиславъ Августъ началъ разговоръ словами, что онъ не желаетъ дѣлать ничего противнаго императрицѣ, но не зная о чемъ идетъ дѣло, не можетъ слѣпо предаться Россіи. „Дѣло идетъ о томъ, отвѣчалъ Волконскій,—чтобы удержать васъ на престолѣ и успокоить Польшу; надобно вашему величеству, не теряя времени, подумать о себѣ, оставя злыхъ совѣтниковъ; я не могу изъясняться о мѣрахъ, предпринимаемыхъ нами для избавленія вашего и Польши, прежде чѣмъ вы не отстанете отъ этихъ совѣтниковъ, потому что нѣтъ сомнѣнія насчетъ желанія ихъ умножать замѣшательства. Канцлеръ литовскій безпрестанно пишетъ въ Литву, возмущая ее противъ насъ, а маршалъ коронный (Любомирскій) явно говоритъ, что они не смѣютъ ничего предпринять противъ республики; когда же спросили у него, что онъ разумѣетъ подъ республикой? то онъ отвѣчалъ: Барскую конфедерацію. Борхъ душою Саксонецъ и, въ случаѣ несчастія вашего величества, конечно отъ васъ отречется.“ Король сказалъ на это, что Чарторыйскіе ему родня, и потому отстать отъ нихъ ему нельзя; что онъ не можетъ обѣщать исполнить все чего хочетъ Россія, потому что, можетъ-быть, Россія захочетъ

¹ Волконскій Паничу 27 ноября (8 декабря).

этѣ ниспровергнуть все полезное для Польши, сдѣланное въ то царствованіе; наконецъ, что слухи, дошедшіе до посла о Чарторыйскомъ и Любомирскомъ, ложны. „Дядей своихъ вы ожеге почитать какъ родню“, возразилъ Волконскій, „но не гнушаться ихъ совѣтовъ; ея величество отъ трактата своего и диссидентскаго дѣла никогда не отступитъ, насчетъ гарантіи дѣлаетъ изъясненіе на извѣстномъ основаніи; отнявъ же дважды отъ дядей вашихъ свою высочайшую протекцію, навсегда ихъ ея лишица; они возвысились одною ея милостію, рѣобрѣли кредитъ, богатство и могущество, а послѣ употребили во зло милость ея величества.“—Король спросилъ: Кто же будутъ нашими друзьями? Развѣ Потоцкіе, которые казали вамъ такую неблагодарность?—„Не знаю,“ отвѣчалъ Волконскій, „благодарны или нѣтъ Потоцкіе; но знаю то, что Чарторыйскіе неблагодарны, и что Потоцкими нѣсколько разъ мы жертвовали для возвышенія Чарторыйскихъ.“—Король разгорячился и спросилъ: „Что жъ вы съ Чарторыйскими сдѣлаете? Неужели схватите ихъ какъ Солтыка?“—„Не ручаюсь и за это, если они поведенія своего не перемѣнятъ,“ отвѣчалъ Волконскій. — „Въ такомъ случаѣ лучше схватить и меня,“ сказалъ король.—„Надѣюсь,“ продолжалъ онъ, „что ея императорское величество, по великодушію своему, не принудитъ меня отстать отъ родни.“ Въ этомъ же разговорѣ король упомянулъ, что не дурно было бы взять въ посредники какую-нибудь католическую державу. „Ваше величество вѣрно желаете Францію?“ спросилъ Волконскій.—„Да, ее или Австрію, потому что дѣло идетъ о вѣрѣ“, отвѣчалъ король.—„Зачѣмъ эта медиация,“ покончилъ Волконскій:—„какіе нужны медиаторы между императрицею и вами, котораго она возведетъ на престолъ и удерживаетъ на немъ; медиацию же между Россіею и бунтовщиками, которыхъ вы называете націею, мы принять не можемъ¹.“

Между тѣмъ польскій резидентъ въ Петербургѣ, Псарскій, далъ знать королю, что русскій дворъ намѣренъ совершенно отступить отъ гарантіи, и согласиться на исключеніе диссидентовъ изъ законодательства, если диссиденты сами добровольно пришлютъ о томъ съ просьбою въ Петербургъ. При первомъ свиданіи король показалъ Волконскому депешу Псарскаго. Посолъ отвѣчалъ, что объ отступленіи отъ гарантіи

¹ Волконскій Паничу, 14 (25) декабря.

никакого повелѣнія не имѣть, что гарантію можно только изъяснить чрезъ декларацію или новый пополнительный трактатъ; что же касается диссидентовъ, то думается, что еслибы они сами добровольно пожелали отказаться отъ какихъ-нибудь правъ, то затрудненія въ этомъ со стороны русскаго двора не будетъ. Король, услышавъ о пополнительномъ трактатѣ, пришелъ въ восторгъ, и сказалъ: „Прекрасно надобно работаты!“ Но Волконскій умѣрилъ его восторгъ, замѣтивъ, что прежде всего надобно получить удостовѣреніе, что Чарторыйскіе и прочіе совѣтники королевскіе будутъ устранены отъ содѣйствія, и что впередъ король будетъ раздавать награды не по ихъ представленіямъ, а по совѣту съ нимъ, посломъ „Лучше дамъ себя въ куски изорвать чѣмъ на это соглашусь!“ отвѣчалъ король съ жаромъ.—„Въ такомъ случаѣ“, оказалъ Волконскій, „если нужда дойдетъ до конфедераціи, то мы принуждены будемъ составить ее и безъ вашего величества.“—„Не лишу я своихъ совѣтниковъ довѣренности“, продолжалъ король:—„потому что еслибы я ихъ отъ себя отдалъ, то нація увидала бы, что я ихъ бросаю за ихъ враждебность къ Россіи.“ — „Изъ этого выходитъ“, сказалъ Волконскій,—„что ваше величество и сами стараетесь показать себя врагомъ Россіи; а по моему, ваше величество крѣпче сидѣли бы на тронѣ, еслибы нація увѣрилась, что вы съ нами.“ Король, увидѣвъ, что проговорился, не отвѣчалъ ни слова.

Наступилъ 1770 годъ. Волконскій получилъ наказъ: „Сколько король, по лукавымъ совѣтамъ дядей своихъ, ни будетъ стараться о примиреніи съ матущеюся частію націи, примиренія этого никогда не послѣдуетъ: поэтому въ ожиданіи перемѣнъ въ дѣлахъ, которыя изъ этихъ самыхъ тщетныхъ стараній скорѣе произойти должны, и надобно намъ поступать откровенно короля съ нѣкоторою умѣренностію, дабы не отнимать у него всей надежды на будущее время; въ разсужденіи же возмутителей дѣйствовать всѣми силами, бить ихъ гдѣ только случай представится, не давая имъ нигдѣ утвердиться и составить нѣчто цѣлое и казистое, представляющее корпусъ республики, который бы, по наущенію Франціи и саксонскаго двора, могъ объявить престолъ вакантнымъ. Низверженіе нынѣ царствующаго короля, какъ ни мало надеженъ онъ для имперіи нашей по личному своему характеру.

¹ Волконскій Панину, 27 декабря 1769 г. (7 января 1770 г.).

можетъ однако никоимъ образомъ согласоваться съ славою и интересами нашими, потому что, уступивъ польскій престолъ курфирсту Саксонскому или кому-нибудь другому, подверглись бы мы предъ оубтомъ ложному мнѣнію, что либо северная наша система сама по себѣ несостоятельна, или же это вліяніе наше въ Польшѣ противъ французскаго устоять не могло, по недостатку естественныхъ силъ Россіи, сѣвдсдвательно и по невозможности удѣлать изъ нихъ, во время войны съ Турками, столько, чтобъ они первое одною Россіею возвыгнутое политическое зданіе могли охранить отъ паденія. Но положимъ, что мы сами по неблагодарности короля польскаго, рѣшились лишить его короны и доставить ее кому-нибудь другому: кого же тутъ избрать, чтобы націю была угодеиъ, и интересамъ нашимъ не противенъ, и могъ съ пользою и успѣхомъ способствовать намъ въ примиреніи Польши? Курфирста саксонскаго исключааетъ наша сѣверная система и многіе вслѣдствіе ея заключенные трактаты и торжественныя деклараціи; а всякій другой Пясть соединить въ себѣ всѣ тѣ же, а можетъ-быть большія еще неудобства, какія мы съ нынѣшнимъ королемъ встрѣтили.“ Павиъ прибавлялъ отъ себя: „По моему мнѣнію, мы ничего не потеряемъ, оставляя еще на нѣкоторое время польскія дѣла ихъ собственному безпутному теченію, которое, истощаясь само собою, приблизится къ пункту того перелома, которымъ ваше сіятельство съ лучшимъ успѣхомъ воспользоваться можете.“¹

Но до этого перелома было далеко, и положеніе русскаго посла въ Варшавѣ становилось все тяжелѣе. Въ самомъ началѣ января Полятовскому дали знать изъ Франціи, что тамошнее правительство обѣщаетъ ему помощь, одобряетъ его поведеніе, считаетъ сенатскій декретъ 30 сентября геройскимъ дѣломъ, хвалитъ короля за то что будучи въ рукахъ Россіи, такъ отважно дѣйствуетъ противъ нея. Слабый, легко всѣмъ увлекавшійся король, пришелъ въ восторгъ и публично говорилъ, что почитаетъ этотъ день самымъ счастливымъ въ своей жизни. Вице-канцлеръ Борхъ кричалъ, что теперь-то всѣ видятъ, какіе плоды произвели ихъ тайныя конференціи и чего отъ нихъ можно надѣяться. Волконскій спросилъ у короля, точно ли онъ получилъ письмо изъ Франціи? Тотъ рѣзко и сухо отвѣчалъ, что не получалъ. Станиц-

¹ Памилъ Волконскому 3 апрѣля 1770.

славъ Августъ видимо развивался: прежде онъ смущался, когда русскій посолъ облачалъ его въ чемъ-нибудь, прежде онъ ждался на насиліе Репнина—теперь уже началъ говорить, что Репнинъ его обманывалъ. Жалуясь епископу куявскому на Волконскаго, что тотъ не хочетъ сноситься съ его манистерствомъ, король сказалъ: „Волконскій поступаетъ точно также какъ и Репнинъ, съ тою только разницей, что Репнинъ обманывалъ меня нагло, а Волконскій обманываетъ подъ рукою, скрытно.“ Но въ чемъ состоялъ обманъ, этого король не объяснилъ. Волконскій говорилъ, что Россія возвела Понятовскаго на престолъ: это была правда, а не обманъ; Волконскій говорилъ, что Россія хочетъ поддержать его на престолѣ—и это была правда; король вѣрилъ этому, и какъ этимъ пользовался! Станиславъ Августъ забылъ, что Репнинымъ и Волконскимъ нѣтъ нужды обманывать Понятовскихъ; Понятовскихъ обманываютъ Млодзѣвскіе: великій канцлеръ коронный Млодзѣвскій взялъ у Волконскаго 1.000 червонныхъ и разказывалъ ему, что происходитъ у короля на тайныхъ конференціяхъ.¹

Въ маѣ Волконскій услышалъ, что король разослалъ письма по сенаторамъ по поводу сейма, который должно было созвать въ 1770 году. Волконскій отправился къ королю и выразилъ ему свое удивленіе, что дѣлаются приготовления къ сейму, который, кажется, ни предпринять безъ согласія, ни привести къ концу безъ русскаго содѣйствія нельзя: „Не надѣялся я, прибавилъ Волконскій, что совѣтники вашего величества и тутъ принудятъ васъ отъ насъ скрываться.“—„Я это сдѣлалъ, отвѣчалъ король, не по принужденію отъ совѣтниковъ, но чтобъ узвать мнѣніе сенаторовъ по поводу сейма: всякій хозяинъ воленъ въ своемъ домѣ, хотя и случается, что у него солдаты стоятъ постоемъ; дѣлать все съ вашего согласія значитъ быть у васъ въ подданствѣ.“—„Подданства тутъ нѣтъ никакого, сказалъ на это Волконскій:—намѣреніе ея императорскаго величества состоитъ въ томъ, чтобъ удержать васъ на тронѣ и успокоить Польшу, для этого в войска ея здѣсь находятся; слѣдовательно и омѣрахъ, служащихъ къ достиженію этой цѣли, намъ должно условиваться: если солдаты стоятъ на квартирѣ для безопасности хозяина,

¹ Волконскій Папиу 8 (19) января, 17 (28) февраля, 18 (29) марта.

благоразуміе требуетъ отъ него предупреждать ихъ о своихъ распоряженіяхъ въ домѣ, дабы не произошло какого вреда по незнанію солдатъ, и такія сношенія хозяина съ солдатами нисколько не показываютъ его подданнической зависимости отъ нихъ.“—„Я долженъ съ вами сноситься, сказалъ король,—а вы со мной не сноситесь, когда распоряжаетесь пераціями своихъ войскъ.“—„Очень естественно, отвѣчалъ Волконскій, потому что ваше величество повѣряете все своимъ совѣтникамъ, а изъ нихъ нѣкоторые сносятся съ мятежниками и обо всемъ ихъ увѣдомляютъ.“ (Волконскій разумѣлся дѣлъ Любомирскаго, который переписывался съ конфедератами чрезъ Длускаго, подкоморія люблинскаго).—„Для чего же, спросилъ король, вы не укажете этихъ мятежничьихъ сообщниковъ?“—„Если ихъ указать, отвѣчалъ Волконскій, то удобно и наказать, къ чему время еще не ушло.“¹

Положеніе Волконскаго становилось невыносимымъ: играть въ глазахъ Поляковъ роль Репнина, но безъ смѣлости, рѣшительности и казистости послѣдняго, было не лестно для Волконскаго; ждать, когда безпутное теченіе дѣлъ само приблизится къ пункту перелома и въ этомъ ожиданіи ничего не дѣлать и подвергаться непріятностямъ отъ людей, ободренныхъ такимъ бездѣйствіемъ, которое являлось имъ безсиліемъ,—было слишкомъ тяжело. Волконскій сталъ просить объ отзвѣ; его не отозвали; только позволили на дѣло ѣхать дѣлаться на воды, и въ его отсутствіе мѣсто его занималъ Веймарнъ. По возвращеніи Волконскаго въ Варшаву, осенью 1770 и зимою 1771 года, дѣла не перемѣнились. Наконецъ весною 1771 Волконскій былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Салдернъ, человекъ съ другимъ характеромъ, какъ увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

¹ Волконскій Панику 20 (31) мая.

СМЕРТЬ ЛЮЦІЯ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЛИРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ ТРИ СМЕРТИ.

(Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову.)

Первая часть этой поэмы была написана мною однадцать лѣтъ тому назадъ и еще тогда распространилась въ рукописи подъ разными названіями. Въ однихъ спискахъ ее озаглавили „Выборъ смерти“, въ другихъ: „Три смерти“. Авторъ же имѣлъ въ виду одну поэму въ двухъ частяхъ, съ названіемъ: „Смерть Люція“. Вторая часть не удавалась мнѣ, и я оставилъ ее совсѣмъ, а первую часть напечаталъ съ однимъ изъ помянутыхъ названій. Осенью 1861 года принялся я опять за оставленную идею, и теперь представляю свой трудъ на судъ читателя въ томъ видѣ какъ онъ былъ задуманъ, хотя, конечно, въ этой второй части сказалось многое такое изъ прочитаго авторомъ чѣмъ дается только жизнь и опытомъ.

БЫТІЕ ВЪ ПАЛАТАХЪ ЛЮЦІА, НА ОДНОМЪ ИЗЪ ХОЛ- МОВЪ РИМА.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ДАВУСЪ, дворецкій Люція, и ЮВЕНАЛЪ (около 25 лѣтъ).

ДАВУСЪ.

И двадцать лѣтъ ему служу.
 Весь домъ на мнѣ лежитъ. Слѣжу
 За управленіемъ помѣстій—
 Въдѣ за сто тысячъ тамъ рабовъ!
 Однѣхъ цѣпей для этихъ бестій
 Что надо!... да корми скотовъ!
 Къ тому жь, я славный чтецъ стиховъ,—
 Читаю какъ никто Гомера!...
 Тебѣ не надобно примѣра,
 Ты знаешь!... Ну, и онъ цѣнилъ
 Меня всегда, да вдругъ облаялъ
 Передъ концомъ-то! Такъ честилъ
 Какъ не слыхалъ я и не чаялъ!
 „Ты, говорить, такой, сякой!
 „И плутъ, и съ рабскою душой!
 „Прощаться созвалъ мнѣ полъ-Рима!
 „Льстецовъ, обжоръ, шпіона, мима!
 „Я разумѣлъ однихъ друзей!“
 Друзей!... Да гдѣ ихъ взять? Вотъ Кней
 Сервилій просто отозвался,
 Что не слыхалъ онъ, отродясь,
 Кто этотъ Люцій,—а у насъ
 Почти что день, то обжирался!
 Теперь друзей-то къ намъ позвать—

Ихъ значить просто выдавать.
 Схватился самъ—быть плоху дѣлу,
 Отказъ послалъ къ тебѣ, къ Марцеллу
 И Тациту.

ЮВЕНАЛЬ.

Я не уйду!

Другаго Люція межъ нами,
 Я знаю, вѣкъ я не найду!

ДАВУСЪ.

Онъ добръ-то добръ! На что съ рабами—
 Вѣдь онъ не знаетъ ихъ! горстями
 Имъ сыплетъ золото!... Я жду
 Всегда бѣды! И такъ ужъ двое
 Хотѣли разъ его убить!
 Самъ чуть отбился, а ловить
 Не приказалъ! „Оставь въ покоѣ
 Ихъ, говоритъ: въ другой ужъ разъ
 У нихъ рука бѣ не поднялась....“
 Да я сыщу мерзавцевъ! Право,
 И то сказать, теперь расправа!
 Казнять, казнять людей у насъ,
 Да все казнятъ-то изъ-за вздора....
 А для мошенника и вора
 Просторъ—изволь себѣ гулять!

(Входитъ Люцій.)

ЛЮЦІЙ (къ Давусу).

Когда готово, мнѣ сказать!

(Давусъ уходитъ.)

ЛЮЦІЙ (къ Ювеналу).

Ну милый мой! Теперь сатиръ
 Никто, какъ я, конечно, въ мірѣ
 Такой не можетъ пици дать!
 Мудрецъ, почти что съ сѣдиною,

Со всеобъемлющей душою,—
 Вдругъ размечтался какъ дитя
 И думалъ умереть шутя!
 Увы! Всю жизнь съ толпою шумной,
 Слѣпцами, носимся безумно
 Вкругъ сфинкса мы, покуда „стой!“
 Не прогремитъ надъ головой.
 Тутъ на чудовище и взглянешь—
 Кровь хлынетъ къ сердцу, камнемъ станешь;
 Его глаза блеснутъ огнемъ,
 И только тутъ, передъ концомъ,
 Когда спускается завѣса,
 Поймешь къ чему клонилась пьеса!

ЮВЕНАЛЬ.

Въ какое время мы живемъ!

ЛЮЦІЙ.

Мы вѣчно что-нибудь клянемъ,
 Философъ—роскошь, рабъ—неволю;
 Гдѣ ни послушай—тотъ же стонъ
 У всѣхъ народовъ и племень,
 Про вѣкъ имъ выпавшій на долю,
 Что хуже не было временъ!
 Мы повторяемъ пѣсню ту же.
 Но ты подумалъ ли хоть разъ,
 Чтò въ нашей жизни губить насъ,
 Чѣмъ намъ-то вѣкъ достался хуже?...
 Ты молодецъ. Сила есть въ тебѣ,
 Ты жаждешь въ честной статьъ борьбѣ,
 Готовъ рвануться первый въ пламя,
 Бѣжишь къ вождямъ, бѣжишь къ жрецамъ,
 Бѣжишь подъ древнее ихъ знамя,
 И просишь—дѣла дайте намъ!
 И чтò жь въ отвѣтъ на рвенье наше?
 Ни вождь въ свой долгъ, ни жрецъ въ боговъ—

Давно не вѣрять!

Средь пировъ

Я часто съ поднятою чашей
Стоялъ и словъ не находилъ,
Чтобы придумать тостъ разумный!
А тостъ разумный на пирахъ
То знамя поднятое шумно,
То мысль прочтенная въ сердцахъ!

Когда-то тоже легіоны
Водилъ я наши.... Тамъ Тевтоны,
Которымъ дѣла нѣтъ до насъ,
Какъ намъ до нихъ, съ другимъ народомъ
Столкнулись какъ-то мимоходомъ:
Я посланъ былъ... И что жъ? Рубясь
Въ лѣсахъ, по страшнымъ переходамъ
Людей теряя и губя, —
Изъ-за чего? Вѣдь сумазбродомъ,
Клянуся, я считалъ себя! —
Тріумфа послѣ удостоень! —
Цвѣты на консульскомъ пути! —
И въ Капитолій, храбрый воинъ,
Героемъ долженъ былъ войти!
Хорошъ герой!... И принимали
Меня наборомъ громкихъ фразъ
Въ сенатѣ, чуть что не смѣясь...
Мы всѣ другъ друга понимали!
Всѣ въ свой чередъ тріумфовали!
Когда-то тоже „Римъ спасли“
Тѣмъ что до моря добрали
И въ морѣ раковинъ набрали!...
Что жъ было дѣлать мнѣ? Слѣпцомъ
Идти съ общественнымъ потокомъ?
Что зломъ зовутъ, звать тоже зломъ?
Что всѣ кругомъ зовутъ порокомъ —
Порокомъ звать, хотя бы въ томъ

Ты видѣлъ честь?... Весь вѣкъ лукавить,
 И, вмѣсто праведной хулы,
 Безумство, ложь хвалить и славить,
 Сбирая дань съ своей хвалы?
 И ужь зажить сатрапомъ! Счастье
 Въ тупомъ лишь видѣть сладострасть?...
 Съ Кипридой кончивши потомъ,
 Ужь добивать остатокъ смысла,
 Всѣмъ погрузившись существомъ
 Въ астрологическія числа?
 Наполнить магами свой домъ,
 Ходить къ оракуламъ, къ сивилламъ,
 И все въ чемъ толку больше нѣтъ,
 Чтò гнить должно бы по могиламъ,
 Опять вытаскивать на свѣтъ?
 Но въ этой мглѣ заснуть не можетъ
 Покорно тотъ, хотъ бы хотѣлъ,
 Чей умъ и сердце вѣчно гложетъ
 Святая жажда славныхъ дѣлъ!
 Заснешь и вскочишь вдругъ въ потемкахъ...
 „Нашель, нашель!“ воскликнешь вдругъ,
 Свѣчу зажжешь,—и чтò же вкругъ?
 Опять стоишь ты на обломкахъ!
 Сверкнувшей правды грустный свѣтъ
 Лишь говорить тебѣ съ тоскою
 Что въ роли, созданной тобою,
 Ни нужды нѣтъ, ни смыслу нѣтъ!...
 Потомъ все рѣже эти бури,
 Но и сквозь броню мудреца
 Тебя бичи незримыхъ фурій
 Язвить все будутъ до конца!
 И чуть душой порой воспрянешь,
 Чуть оживишься ты на мигъ
 Въ груди услышишь тотъ же крикъ:
 „И, полно, милый, не обманешь!...“

ЮВЕНАГЪ.

Ахъ, Люцій! Ты—ты все постигъ!
 Ты мнѣ казался полубогомъ
 Всегда, въ которомъ всѣ вѣка
 Слѣдись блистательнымъ итогомъ!
 И на тебѣ лежитъ рука
 Какой-то все мертвящей силы!
 Но что же сдѣлаетъ поэтъ
 Въ такое время? Сколько лѣтъ
 Я декламирую въ честь Силлы,
 Кидаю громы въ Карфагенъ,
 И утѣшаю Поликсенъ,
 И Андромачъ—межъ тѣмъ какъ ядомъ
 Душа полна и желчь кипитъ,
 А за тобой межъ тѣмъ слѣдитъ
 Шпіонъ своимъ змѣинымъ взглядомъ!...
 О, лебедь Мантуи! И онъ,
 Пѣвецъ Тибура вдохновенный!
 Какъ часто ими умиленный,
 Я плакалъ, тихо потрясенъ
 Одной гармоніей пѣвучей
 Стиховъ ихъ сладостныхъ! Весной
 Въ нихъ вѣетъ, юностью кипучей!
 Все, даже скорбь, звучитъ могучей
 Весенней бурей золотой!...
 И подлѣ нихъ моя сатира
 Мнѣ ненавистна и гадка,
 Какъ крикъ всполоха въ шумъ пира,
 Какъ ропотъ злаго старика!

ЛЮЦІЙ.

Да жаль мнѣ васъ! На вашу лиру
 Изъ міра нечему пахнуть,
 Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
 Ей отозваться какъ-нибудь!

У дикихъ Скиѳовъ и Тевтоновъ
 Видалъ ночные я пиры.
 Среди глухихъ лѣсныхъ притоновъ
 Зажгутъ они свои костры,
 Въ кругу усядутся въ долину,
 И пьютъ меды,—а по срединѣ
 Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
 Для насъ, пожалуй, непріятенъ,—
 Но какъ могучъ простой языкъ!
 Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
 И кто тамъ больше былъ поэтъ—
 Пѣвецъ или слушатели сами?
 Но этотъ лѣсъ, и ночь съ кострами,
 И между листьевъ лунный свѣтъ,
 И въ лихорадочной тревогѣ
 Кругомъ косматый этотъ людъ,—
 Все,—даже самые ихъ боги,
 Что въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
 Съ высотъ внимаютъ,—все дышало
 Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
 Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
 То что толпа ему давала!...
 А мы? Куда насъ повлекутъ,
 И что намъ слушатели скажутъ?
 Какія цѣли намъ укажутъ?
 И въ наши пѣсни что вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ.

И Римъ такой же былъ когда-то!
 Такая жь пѣснь и въ немъ жила!
 Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
 Кориолана, Цинцинната!
 Ахъ эти пѣсни! Гдѣ онѣ?
 Уже ль въ надутой болтовнѣ

Теперь у Ливіа бѣ узнали
 Ихъ наши бабки что пѣвали
 Ихъ съ вѣчною прядкою своею,
 Иль старики среди дѣтей
 Подъ тѣнью Ромулова вяза?
 Ты любишь Грековъ, Люцій! Самъ
 Ты полу-Грекъ: отъ нихъ зараза!
 Отъ нихъ погибель вышла къ намъ!

ЛЮЦІЙ.

Нашъ вѣчный споръ!

ЮВЕНАЛЬ.

Нѣтъ, онъ рѣшится!

Я душу Грековъ обнажу!
 Въ комъ римскій духъ еще таится—
 Я кланю кличъ, я разбуджу!
 Онъ содрогнется, онъ проснется...

ЛЮЦІЙ.

Да къ чечевицѣ и вернется!
 Мы вѣкъ за предками брели,
 Давно забывъ куда пошли,
 Съ пути сбивались понемногу—
 И потеряли ужь дорогу!
 Найди ее! кричи vivat!
 Встань поперекъ теченья смѣло,
 И если ты вернешь назадъ
 Необозримый водопадъ,
 Герой, ты выиграешь дѣло!...
 О юность!... Впрочемъ, выступи
 На подвигъ! Если вѣришь,—благо!
 Одно лишь помни, другъ, и знай:
 Сатиры гордая отвага

Тогда лишь будет не мертва,
 Когда ты самъ стоишь высоко!
 Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
 Когда здорова тетива...

(Появляется Давусъ.)

Но вотъ мой Давусъ. Все готово!
 Прощай, мой другъ. Къ моимъ гостямъ
 Ты не ходи... Пускай я самъ
 Плачу за вѣтреное слово!...
 Друзей тамъ тщетно бь ты искалъ!
 Луканъ, Пизонъ, Сенека—пали!
 Марцелль и Тацитъ... я послалъ
 Сказать, чтобъ тѣ не рисковали...
 Кого же Давусъ мой созвалъ,—
 Толпы ханжей, льстецовъ, шпионовъ,
 Весь этотъ гнусный дворъ Нероновъ...
 Ты между нихъ не долженъ быть!
 Мнѣ невозможно отступить.
 Хоть дорожа родствомъ Катоновъ—
 Поиду на зрѣлище я къ нимъ...
 Чтò дѣлать! Эти люди—Римъ!

ЮВЕНАЛЪ.

О, Люцій!

люцій.

Нѣтъ, уйди, прощай,
 Я требую!... *(Обнимаетъ его и уходитъ.)*

ЮВЕНАЛЪ *(уходитъ).*

О tempora, o mores!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПИРЪ ВЪ БРУТОВОЙ ЗАЛѢ ¹.

Великолѣпно-убранная зала: главная въ ней статуя, по правую сторону, огромнаго размѣра, на высокомъ бронзовомъ пьедесталѣ, изображаетъ Брута; множество другихъ, меньшаго размѣра, около стѣнъ. Посрединѣ залы роскошно накрытый столъ, съ ложами вокругъ. Высокіе канделябры на столѣ и на полу, вокругъ стола. Все золото, серебро, слоновая кость. Прямо, противъ зрителя, большая арка въ садъ, гдѣ видны верхи кипарисовъ, небо, море, луна. На право большая ниша, устроенная въ углѣ, къ которому присоединенъ домъ.

(Гости прохаживаются по залѣ. Въ одной группѣ: два ритора, нѣсколько молодыхъ патриціевъ, между ними всадникъ (едетъ готанив) въ блестящемъ костюмѣ, нѣсколько сенаторовъ и проч. Они осматриваютъ статуи и картины.)

1-й РИТОРЪ.

Ну домикъ! да! Изъ всѣхъ угловъ
Глядятъ милльоны! Эка сила!...
Взять серебро съ однихъ столовъ —
И былъ бы домъ, была бы вилла!
Вотъ этотъ маленькій божокъ —
Вѣдь въ немъ помѣстье!... Да, знатокъ
Нашъ Люцій, чуть ли не единый
Изъ кровныхъ римскихъ-то волчатъ,
Кому такъ въ прокъ пошли Аѳины!

2-й РИТОРЪ.

Оставь, любезный, ты картины
И статуи: ихъ не вѣдятъ!

¹ *Брутова зала.* Въ большихъ дворцахъ у древнихъ, залы иногда назывались по имени главной статуи; зала Аполлона, Лаокоона, и пр. Эта статуя была обыкновенно больше всѣхъ и помѣщалась на самомъ высокомъ мѣстѣ, на высокомъ пьедесталѣ, смотря по вышнѣ залы.

Вотъ въ кухняхъ — тамъ чудесь собранье!
 Тамъ все, какъ-есть, естествознанье!
 Одни ужъ запахи кричатъ
 Тебѣ за милю: „Стой прохожій!“

1-я РИТОРЪ.

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи,
 Все съѣшь за одного!

ВСАДНИКЪ.

Ну, да!

Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!

(Входитъ Харидемъ, важная фигура, въ пышной тогѣ. Борода и длинные волосы мелко завиты. Съ нимъ ученики. Риторы бросаются къ нему на встрѣчу, припадаютъ къ груди его и цѣлуютъ. На авансценѣ провинціальный преторъ и квесторъ.)

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Кто этотъ мужъ? глядитъ Платономъ!

КВЕСТОРЪ.

Да, милый, риторы къ нему
 Не даромъ кинулись съ поклономъ.
 Пророчутъ всѣ теперь ему
 Сенеки мѣсто.... это славный
 Философъ Харидемъ! Недавно
 Его трактатъ „Безсмертье Душъ“
 Надѣлалъ шуму. Важный мужъ!
 Мудрецъ по знаньямъ и на дѣлѣ!
 Всю ночь съ лампадою сидитъ;
 Не знаетъ сна онъ и постели,
 И домъ его для всѣхъ открытъ.

(Входитъ, ведомый подъ руки двумя рабами, старый проконсулъ Публий, безъ бороды, черепъ голый. Съ нимъ нѣсколько кліентовъ. Молодые патриціи, сенаторы, бросаются къ нему на встрѣчу, припадаютъ на его грудь и цѣлуютъ.)

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

А! Публий!... Этого мы знаемъ!
И всѣмъ народомъ поминаемъ!
Весь край, злодѣй, въ пять лѣтъ совсѣмъ
Какъ губку, выжалъ!

КВЕСТОРЪ.

Мастеръ дѣла!

ПУБЛИЙ (*увидя Харидема*).Великомудрый Харидемъ! (*Идетъ къ нему*.)ХАРИДЕМЪ (*предупреждая его*).

Здоровье?

ПУБЛИЙ.

Старость одолѣла!

Вотъ всю недѣлю плохо ѣмъ!

А ты, ты все съ ученичками?

ХАРИДЕМЪ (*важно*).

Моя обязанность! Предъ нами
Сегодня жь, тутъ, произойдетъ
Души торжественный излетъ
Изъ тѣла!...

ПУБЛИЙ (*вдругъ вспомнивъ*).

Да! вѣдь онъ умретъ!...

Ты что-нибудь при этомъ скажешь?

Послушаемъ! Я радъ! я радъ!...

Что молодежь-то? а? развратъ?

ХАРИДЕМЪ.

Каковъ наставникъ! что укажешь!...

ПУБЛИЙ (*не слушая его, ко злодѣйцу
другому старому проконсулу*).

А ты откуда? срамецъ!...

(*Общій шопотъ*.)

Миртилль!

(Вся въ почтительной позѣ. Проконсулы и Харидемъ спѣшатъ навстрѣчу и припадаютъ на грудь къ вошедшему евноху Миртиллу, въ блестящей одеждѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.)

ПУБЛІЙ.

Божественный пѣвецъ!

ХАРИДЕМЪ.

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЬ.

Изволилъ

Уснуть и отъ себя уволилъ

Меня сегодня.

ХАРИДЕМЪ.

Подарилъ

Сегодня намъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(квестору).*

А это кто же?

КВЕСТОРЪ.

Тссъ! тише! если только кожей

Ты дорожишь! Евнохъ Миртилль —

Пѣвецъ и мимъ,—да вотъ въ чемъ сила:

Въ ногахъ у кесаря лежитъ

Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ

У ногъ вотъ этого Миртилла.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(въ испугѣ).*

Такъ вотъ оно!...

КВЕСТОРЪ.

Да, да, — оно!

Такъ, въ среднемъ родѣ....

(Гости все прибываютъ. Миртилль, Харидемъ и проконсулы удаляются въ глубинку сцены. Два сенатора подходятъ къ авансценѣ.)

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Онъ ядъ принять давно собрался.
 Да нынче циркъ, а завтра — бѣгъ,
 А тамъ — завзжій риторъ Грекъ,
 Да Лиды, Фрины.... не рѣшался
 И вѣрно радъ, что тутъ помогъ
 Ему Неронъ, назначивъ срокъ.

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Да! онъ не разъ меня обидѣлъ,
 Но человѣка я въ немъ видѣлъ
 Всегда великаго! И вотъ—
 Вдругъ посмотрѣть, какъ онъ умретъ!—
 Вѣдь гладиаторскаго боя—
 Конечно стоить смерть героя!
 Сказать по правдѣ, напередъ
 Я тоже справился какъ стануть
 Смотрѣть на это? Ничего!
 Миртиллъ здѣсь: значить, и не взглянуть!

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ.

ОДИНЪ.

У насъ, вотъ видишь, съ нимъ родство,
 Такъ можетъ-быть.....

ВСАДНИКЪ.

Изъ родоваго?

Не завѣщаетъ ли чего?
 Понятно, братецъ, и не ново!
 Однако—что жь? чего онъ ждетъ?
 Все подано, а самъ неидетъ —
 Вонъ даже рвотное готово!....
 Но между этихъ чашъ одна
 Должна быть съ ядомъ... Гдѣ жь она?
 Вотъ эта вѣрно: золотая,

Съ волчицей крышка... небольшая,
Но.....

(Входитъ Люцій. Въ устремляются къ нему навстрѣчу.)

ПУБЛІЙ.

А! вотъ и нашъ амфитріонъ!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Я такъ смущенъ и огорченъ,
Что скорбь разсудокъ помрачаетъ!

РОДСТВЕННИКЪ.

Я какъ услышалъ, поспѣшилъ....

ХАРИДЕМЪ.

Одно изъ міровыхъ свѣтилъ
Надъ Римомъ нынѣ угасаетъ!

ЛЮЦІЙ.

Благодарю васъ, господа!

Я васъ просилъ, чтобъ навсегда
Окончить жизнь веселымъ пиромъ,
Чтобъ навсегда проститься съ міромъ
Въ бесѣдѣ съ вами, средь всего,
Что украшаетъ лишь его.
Теперь прошу васъ, дайте волю
Своей фантази, уму,
И я скажу—едва ль кому
авиднѣй жребій палъ на долю!

(Даетъ знакъ. Являются невольницы съ золотыми чашами для омовенія рукъ гостямъ. Пожимаются на ложа. Остается нѣсколько пустыхъ мѣстъ.)

Входятъ двое, плохо одѣтые и полупьяные. У одного черная всклокоченная борода и волосы копной. На плечъ мшинокъ, въ рукахъ дубина. Онъ обращается къ пріятелю, говоря съ несовстлѣмъ трезвыиъ въговорлѣ.)

ГОСТЬ.

Ну такъ и есть! вотъ видишь—ужинъ!

(Къ гостямъ.)

Мы, проходя, вдругъ слышимъ духъ
Жаркова, дичи! Ну, мой другъ,
Я говорю, здѣсь будетъ нуженъ
Гостямъ хорошій аппетитъ;
Я захватилъ его съ собою!
Пойдемъ, предложимъ! Кто и сытъ,
Проголодается со мною!

ЛЮЦІЙ.

Прошу,—но кто же?...

ГОСТЬ.

Видишь самъ —

Философы!

ЛЮЦІЙ.

Такимъ гостямъ

Вдвойнѣ я радъ.

ГОСТЬ.

Тѣмъ лучше. Впрочемъ —

Какъ ты тамъ знаешь.... радъ, не радъ,
А глотку мы себѣ промочимъ.

(Осматриваетъ вина.)

Гдѣ тутъ получше-то стоять?

Конечно тамъ, гдѣ самъ хозяинъ.....

(Наливаетъ и поетъ.)

„И онъ пришелъ незванъ, нечаянъ....

И всѣхъ плѣнилъ!“ *(Къ пріятелю, подавая ему вина.)*

Вотъ, ты не шель,

И упирался какъ осель....

Заѣшь теперь.... вонъ смоква, финикъ....

(Къ Люцію.)

Рекомендую! спутникъ мой—
 Изъ архискептиковъ! Я—циникъ!
 Ужь дальше этого нейдетъ
 Умъ человѣческій! По малу
 Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу,—
 И больше некуда впередъ!...
 Мое почтенье!

ПУБЛІЙ *(другому проконсулу, сидящему
 подлѣ него).*

Гость забавный!

Какая челюсть у него!

ПРОКОНСУЛЬ.

Сатиръ! А вѣтъ-то какъ исправно!
 Вонъ похваталъ уже всего!...
 Охъ, аппетитъ!... Ужь стары стали,
 А въ старину и мы ѣдали!

*(По знаку Люція, архимагиръ беретъ со
 стола амфору, чтобы сотворить возліяніе
 богамъ.)*

ЦИНИКЪ *(останавливаетъ его).*

Не тронь! я это пью вино!
 Богамъ, вѣдь, братецъ, все равно!
 И тратить доброе къ чему же?
 Песни, которое похуже!

*(Архимагиръ беретъ другую амфору. Первая
 съѣдена блюдь. Хоръ. Танцовщицы, представ-
 ляя собою двадцать четырехъ часа, пляшутъ,
 кидая цвѣты на пирующихъ, и поютъ:)*

ХОРЪ.

Ловите, ловите
 Часы наслажденья;
 Спѣшите, спѣшите
 Пожить хоть мгновенье!
 Какъ мошки на солнцѣ

Въ эфирѣ роями
 Кружатся и блещутъ,
 Мы, Оры, блистаемъ
 Мгновеніе въ мірѣ!
 Ловите, ловите,
 Не то улетимъ!
 (*Входитъ среднихъ лѣтъ блѣдный и тосчій Патрицій.*)

ПАТРИЦІЙ.

Я слышалъ, Люцій,—говорятъ—
 Ты умираешь? Очень радъ!
 Я общей скорбью самъ страдаю
 И тоже скоро умираю....
 Но выбираю только ядъ.
 О всѣхъ почти самоубійцахъ
 Я перечелъ, и списокъ имъ
 Составилъ на семи страницахъ,—
 Но недоволенъ ни однимъ!
 Я смерти все ищу пріятной....

СКЕПТИКЪ (*цинику*).

Онъ—сумашедшій!

ЦИНИКЪ.

Или шутъ.

СКЕПТИКЪ.

Что такъ они охотно мрутъ?

ЦИНИКЪ.

Богаты очень!

СКЕПТИКЪ.

Непонятно!

ЦИНИКЪ.

А впрочемъ дѣло ясно тутъ....

Вонъ, видишь, подъ глазами пятна!

(*Къ Люцію.*)

Да ты, пріятель въ честь чего
Затѣялъ нынче торжество?

ЛЮЦІЙ.

Я нынче въ полночь умираю:
Такъ кесарь повелѣлъ Неронъ.

ЦИНИКЪ.

Такъ вотъ что!... значить..... понимаю!...

(Пріосанясь.)

Ты—про свободу видѣлъ сонъ!
Циръ значить: ты смотри какіе
Герои мрутъ!... а тѣ... другіе,
Что ихъ морять—того!... Резонъ!
Эхъ, вы, патрици, вельможи!
Туда же рвутся вонъ изъ' кожи!
Свободы вамъ!... Эхъ ты, Катонъ!
Лишь Діогенова свобода
Прямая! Прочее все ложь!
Будь счастливъ тѣмъ что дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жь, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ—мое и ваше!
Бери что хочешь! все твое,
На что глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались—
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,—
Да и не въ мочь пришлось! Уныли,
И ходять высунувъ языкъ!

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦИИ.

Отлично! вѣрно! браво! браво!

ПУБЛІЙ (къ Хариделу).

Онъ—пресмѣшной!

ХАРИДЕМЪ (*торжественно*).

Я не смѣюсь!

Я слезы лью! и какъ, двялюсь,
 Онъ можетъ вамъ служить забавой!
 Онъ рушитъ все, семейство, нравы!
 Какъ отрицанье всякихъ узъ
 Ученье этихъ оборванцевъ
 Опаснѣй всѣхъ республиканцевъ!
 Онъ проповѣдуетъ порокъ,
 И вотъ — ужь юность онъ увлекъ,
 Она вся вторитъ тихомолкомъ!

ЦИНИКЪ.

Молчалъ бы лучше, педагогъ!

ВСАДНИКЪ.

Стравить бы ихъ — лисицу съ волкомъ!

ХАРИДЕМЪ (*къ Миртиллу*).

Ты близокъ къ Кесарю, Миртиллъ!
 Ты слышалъ, что онъ говорилъ?
 Основы нравственности руша,
 Онъ тронъ колеблетъ!

ЦИНИКЪ.

Мы съ тобой

Поспоримъ послѣ, милый мой;
 А ты вотъ сказочку послушай.
 Я всѣхъ потѣшу!... Ты слыхаль—
 Есть островъ Кипръ... ну, знаешь, вина
 Отличныя! Разъ проживалъ
 Тамъ риторъ, славный былъ дѣтина,
 Да нищъ, и голодень, и голъ!
 Одинъ архонтъ его нашель
 И взялъ учить сынишку. Дѣло
 Пошло на ладъ. Вошелъ онъ въ тѣло,
 Въ почетъ въ дому у всѣхъ вошелъ,—

Да какъ-то разъ, конечно въ шутку,
 Такъ цѣловать онъ сталъ малютку,
 Что мать.... открылося, что мать
 Имѣла право ревновать—
 А съ ней вся женская прислуга,
 И поднялись,—пошло писать,—
 Всѣ на него и другъ на друга!

ХАРИДЕМЪ (съ благороднымъ негодованіемъ).

Что жь это, Люцій? Вонъ его!

ПУБЛІЙ.

За что жь? Теперь онъ ничего!
 (Смѣясь:) Вотъ былъ пѣтухъ-то!

ЦИНИКЪ.

Аль завидно?

ПУБЛІЙ.

Да онъ—безцѣнный!

ЛЮЦІЙ.

Что жь потомъ?

ВСАДНИКЪ.

Открылося что-нибудь съ отцомъ?

ЦИНИКЪ.

Отцу-то стало, вишь обидно!

Взревѣлъ что звѣрь! Анъ тотъ бѣжалъ,

Да къ христіанамъ и попалъ...

Вотъ мудрецы, скажу вамъ, тоже!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (задумчиво).

Да, мудрецы!... я разъ сказалъ,

Что это волки въ овчей кожѣ—

И это буду вѣкъ твердить.

КВЕСТОРЪ.

А ихъ ужь велѣно ловить

И въ циркѣ травлю учинить.

АСПИЦІЙ (мрачно).

Все это—временныя мѣры!
 Они работаютъ во мглѣ,
 Повсюду, какъ ручьи въ землѣ,
 И всевозможныя химеры
 Вбиваютъ въ головы рабамъ!
 Чего же ждать, примѣръ имѣя
 Въ Спартакѣ? ¹ И найдти ли намъ
 Другаго Красса и Помпея—
 Чтобы порядокъ поддержать!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ.

Пугать и страхи создавать—
 Чтò въ немъ за страсть—не понимаю!
 Невиннѣйшіе чудаки!...

ПУБЛІЙ.

Кто—христіане? Знаю, знаю!

(Вдругъ одушевляясь.)

Открытые бунтовщики!
 Двоихъ судилъ я всенародно:
 Ишь поклониться не угодно
 Имъ лику кесаря: не богъ,
 Молъ, кесарь!... я внушалъ какъ могъ,
 Хоть я не жрецъ и не ученый...
 И, признаюсь, жаль было ихъ!...
 Но дѣлать нечего—законы!
 И—кожу содрали съ живыхъ!

¹ Въ Римѣ, какъ извѣстно, были частыя возстанія рабовъ; въ короткое время они сбѣгались сотнями тысячъ подъ знамя снѣлаго предводителя. При усмиреніи ихъ въ Сициліи, гдѣ ихъ скопилось до 200.000 и которую они овладѣли, въ 135 до Р. Х., ихъ было распято 20.000. Спартакъ съ 120.000 рабовъ угрожалъ даже самому Риму. Его разбилъ Крассъ при этомъ 6000 рабовъ были распяты по дорогѣ изъ Капуи въ Римъ (въ 71 до Р. Х.). Изъ массы бѣглыхъ рабовъ образовалось страшное разбойничество на Средиземномъ Морѣ; они шѣли до 1000 кораблей и 400 укрѣпленныхъ мѣстъ. Чтобы уничтожить ихъ, Клею Помпею было дано до 120.000 войска, 200 кораблей, и 5000 конницы. Онъ уничтожилъ разбойниковъ (67 до Р. Х.).

ХАРИДЕМЪ (поднимая чашу).

Но кесарь насъ отъ нихъ избавить!
Онъ зла не можетъ поустить!
Душить ихъ надобно, давить!...
Во здравье жь кесаря! Да славить
Его весь міръ!...

(Всѣ встаютъ съ чашами.)

ЦИНИКЪ (взлѣзаетъ на столъ).

Хвалу ему

Что всѣхъ онъ душить васъ и давить!

(Молчаніе. Всѣ переглядываются съ ужасомъ между собою и съ яростію смотрятъ на циника.)

ХАРИДЕМЪ.

Онъ правосуденъ!

ЦИНИКЪ.

Потому

И душить васъ и давить!... Что же
Не пьете?... Бунтъ? На что похоже?
Пить такъ „за кесаря“—ужь простъ
И слишкомъ голъ выходитъ тостъ.
Безъ смысла тостъ все дѣло рушить!...
Кричите жь всѣ: за то что душить....

(Оглядывается вслѣдъ и ѣдетъ.)

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ (нерѣшительно).

За то что душить....

ЦИНИКЪ.

И давить насъ!...

ВСѢ (кромя Люція).

И давить насъ!

ЦИНИКЪ.

Ну пейте жь! Разъ,
Два, три!...

(Общій крикъ: Да здравствуетъ кесарь!)

ЛЮЦІЙ.

Всѣ пьютъ! Невыносимо!

ЦИНИКЪ.

Не поперхнулся ль кто, друзья?
Какъ будто кашель слышу я?...

ЛЮЦІЙ.

А молодецъ!

ЦИНИКЪ.

Граждане Рима!
Теперь, позвольте, пью за васъ!
За васъ, сыновъ достойныхъ Брута!
Вотъ онъ, вотъ статуя его!
Брутъ! Съ пьедестала своего
Возри и радуйся! Минута
Ей-ей торжественна! Ура
Вамъ, мужи чести и добра!

*(Опорожнивъ чашу, циникъ сваливается
на свое мѣсто. Молчаніе.)*

ПУБЛІЙ *(тихо сосѣду).*

Онъ дичь несетъ... и пустословить...
И самъ хохочетъ... Глупъ и пьянь!
И какъ никто не остановитъ!...

(Откашливаясь и громко къ цинику.)

¹ По поводу этого тоста, нѣкоторые мнѣ замѣчали, что никакое общество не можетъ такъ глубоко пасть, чтобы принять его. Оставляя отъ-чуть за меня Тацита и Светонія, я напоминаю только одно—что это то самое общество, которое перенесло напримѣръ, назначеніе лошади Геліо-гобаловой въ сенаторы. Со стороны лучшихъ людей протестъ былъ однимъ самоубійствомъ.

Что жь риторъ твой у христіанъ?

ЦИНИКЪ.

Мой риторъ? Да! Съ нимъ было много...

Но я другимъ ужь развлеченъ!

А ты спроси у педагога!

Я знаю только то, что онъ

Ихъ обокралъ... А какъ ужь скрылся,

Пусть скажетъ этотъ Цицеронъ!

Онъ самъ, быть-можетъ, съ нимъ водился!

ХАРИДЕМЪ (*запальчиво*).

Я не знакомъ съ нимъ!

ЦИНИКЪ.

Иногда

Видалъ, какъ въ зеркало глядѣлся!

ХАРИДЕМЪ.

Лжешь, лжешь безъ всякаго стыда,

Песъ мерзкій!

ЦИНИКЪ.

Что, братъ, завертѣлся?

А самъ наушничать!

ХАРИДЕМЪ.

Хорошъ

Ты самъ, герой добра и чести!

Лизалъ чай руки у вельможъ,

Да понялъ—дерзость лучше лести,

Береть вѣрвѣе?

ЦИНИКЪ (*издѣваясь*).

Ну такъ что жь?

Не я имъ страхи сочиняю!

На ихъ же дудочкѣ играю—

Вольно плясать!... По мнѣ плавать
На ваши тонкости!...

ХАРИДЕМЪ.

Молчать!

Не то (*замахивается тарелкой*).

ЦИНИКЪ (*замахивался дубиной*).

А вотъ!

ВСЪ (*кромя Люціа поднимаютъ тарелки*).

Долой собаку!

ЦИНИКЪ.

Какъ? Чтò? Да слово мнѣ сказать—
И вы тю-тю!... Полѣзли въ драку
За то что тостъ не вкусень былъ?

(*Всѣ остаются неподвижны.*)

ЛЮЦІЙ (*встала съ своего мѣста*).

И это Римляне! Нѣтъ силъ
Терпѣть ихъ долѣ!...

(*Въ саду раздаются звуки тимпановъ, и вакханки вторгаются въ залу.*)

1-й РИТОРЪ.

Охъ, отлегло!... Ну, самъ Кронидъ
Надъ нами сжалился!...

ВСАДНИКЪ.

Паулина, Туллія, Метелла...
Весь цвѣтъ двора!...

(*Вакханки окружаютъ пирующихъ, наливаютъ чаши. Клики, хохотъ, ореліа.*)

ЦИНИКЪ (*бросилъ дубину*).

Мясо живое!

Ко мнѣ, ко мнѣ! эванъ, эвоэ!...

(*Гоняется за женщинами, качаясь изъ стороны въ сторону, прицѣлывая пальцами и напивая.*)

Вакханочки, вакханочки,

Смугляночки, б'яляночки!

Ужель я вамъ не милі?

Я старенькій, я гаденькій,

Да зоть поѣлъ говядинки

И ювость ощутилъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(въ сторону къ Симплицію)*.

Ну тость! И эдакого гада

Терпѣть!

СЕНАТОРЪ СИМПЛИЦІЙ *(разводитъ руками)*.

Что дѣлать? жить вѣдь надо!

АСПИЦІЙ.

Кто жь этотъ цыникъ? Подучень

Былъ Люціемъ или шпіонъ?

СИМПЛИЦІЙ *(пожимая плечами)*.

Все можетъ статья!....

(Посреди кликовъ, спора, пѣсень, хохота, музыки и танцевъ, нѣсколько вакханокъ окружаютъ Люція.)

ОДНА ВАКХАНКА *(отстраняя другихъ)*.

Онъ не любезенъ вовсе съ нами!

Да брось же ты своихъ вралей!

Пойдемъ на воздухъ! Ночь звѣздами

Горить!... Иди, иди скорѣй!

Здѣсь гадость! пьяные! дерутся!

А тамъ прохлада! тишина!

Иди же.... такъ ли расстаются

Съ друзьями?

ЛЮЦІЙ.

Хороша, умна,

И какъ всегда неотразима!

Идемъ!....

ВАКХАНКА.

На память о тебѣ
Я твой аграфъ беру себѣ.
Тебѣ не жаль?

ЛЮЦІЙ.

Всѣ перлы Рима
Къ твоимъ ногамъ!

ВАКХАНКА.

Ты льстець! Скажи
Серьозно, только безо лжи,
Съ чѣмъ для тебя всего труднѣе
Разстаться въ жизни?

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть
Съ мгновеньемъ тамъ въ пустой аллеѣ,
Иль въ гротѣ, гдѣ съ тобою забыть
Могу я жизнь и смерть!

ВАКХАНКА.

Вотъ мило!
И какъ глядеть притомъ умно!

ЛЮЦІЙ.

Ты и всему конецъ!

ВАКХАНКА (*смѣясь*).

Еще!

Еще!... (*Задумчиво.*) А ты вѣдь горячо
Простисься съ жизнью?

ЛЮЦІЙ.

Всеею силою!

ВАКХАНКА.

Гдѣ жь твой аграфъ? Идемъ же въ садъ!

ДРУГИЯ ЖЕНЩИНЫ *(окружая ихъ.)*

А намъ на память не дарятъ?

ЛЮЦІЙ.

Рабъ! драгоценности, каменья,
Принестъ сюда.... все вамъ дарю!

(Къ ней.)

И такъ счастливое мгновенье....

(Рабы берутъ одинъ ящикъ, потомъ приносятъ другой, третій и высыпаютъ на столъ золото, камни, и проч. Всѣ кидаются на нихъ.)

ВАХХАНКА.

Я только, Люцій, посмотрю....

ЛЮЦІЙ.

Изъ рукъ какъ змѣйка ускользнула....

Ее задавятъ тамъ... ой, ой,

Какъ циника она толкнула!

ВЪ ТОЛПѢ (около драгоценностей давка и клики).

Мое! Я прежде взялъ! Разбой!

РИТОРЫ *(переглянувшись между собою).*

Забрать да тягу! и домой!.. *(Пробиваются въ толпу.)*

ПУБЛІЙ *(мгновенье колебавшійся).*

На память внучкѣ развѣ.... *(Протискивается въ толпу.)*

ВЪ ТОЛПѢ.

Стой!

Задавятъ! Да не все ты хапай!

А ты опять съ своею лапой!

(Циникъ, совсѣмъ пьяный, вылетаетъ, вытолкнутый изъ толпы и падаетъ на ложе въ углу комнаты. Въ глубинѣ сценъ появляются Марцеллъ и Луда.)

ЛЮЦІЙ (смотря на даеку).

О боги! Чтò за кутерьма!
Вѣдь это звѣри! тигровъ стадо
Надъ мерзкой падалью!

МАРЦЕЛЪ (едали).

О тьма!

О свѣдь клокомущаго ада!

ЛЮЦІЙ.

Да вы не спорьте! все добро,
Вся эта вила! все здѣсь ваше!
Тащите вазы, кубки, чаши,
Все золото и серебро!

(Къ рабамъ.)

Все открывайте! все ломайте!
Всѣ кладовыя, сундуки!
Всѣ двери настежь! Прочь замки!
И вы себя не забывайте!

(Толпа хватаетъ со стола все чтò можетъ, серебро, чаши и проч., опрокидываетъ канделябры, и оставивъ комнату въ полумракѣ, бѣжитъ за рабами, восклицая:)

Ура! ура! ты, Люцій,—богъ!..

ЛЮЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ! И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!...

ЦИНИКЪ (который тщетно пробовалъ идти за толпою, упадаетъ олажь на ложи и кричитъ).

Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди!... Прелюбопытно!

(Засыпаетъ.)

ЛЮЦІЙ.

О Римъ, о Римъ!... Нѣтъ! жить нельзя!

(Быстро подходитъ къ своему мѣсту и беретъ кубокъ съ отравленнымъ виномъ)

ЛИДА *(бросается къ нему и удерживаетъ)*.

Постой, о Люцій!

ЛЮЦІЙ.

Лида! ты ли?

Марцелъ! Друзья мои, друзья!

О, боги мнѣ не измѣнили!

Вы здѣсь!...

ЛИДА.

Мы здѣсь!... Есть время!.. Ты спасень!

ЛЮЦІЙ.

Спасень?... Но что съ тобою Лида?

Какъ ты блѣдна? Какой нарядъ?

И эта темная хламида,

Покровъ твой бѣлый!... Какъ горятъ

Твои глаза!... Гдѣ ты скрывалась?..

Въ послѣдній разъ передо мной

Ты по ристалищу промчалась

На колесницѣ золотой...

Сама конями управляла,

И оглянулась на меня—

Весельемъ, розами сіяла,

Мнѣ въ даръ улыбку уроня!

ЛИДА.

Съ тѣхъ поръ все, Люцій, измѣнилось,

Вся жизнь моя!.. Да! я нашла

Чего искала, чѣмъ томилась,—

И это счастье принесла

Тебѣ: я христіанка!

ЛЮЦІЙ.

Боги!

Ты? Лида?

ЛИДА.

Жизнь моя была

Полна безумствъ, полна тревоги

Пустой, ничтожной!... Ты умень,

О Люцій!... ты тщету мірскую

Давно постигъ.... Жизнь эта сонъ!....

ЛЮЦІЙ.

Что ты лепечешь?

ЛИДА.

Жизнь иную

Христось открылъ намъ! Онъ велѣлъ

Все бросить!, Жить одной душою!...

ЛЮЦІЙ.

Философъ милый! Что съ тобою?

ЛИДА (съ отчаяньемъ).

Да говори, Марцелль!

ЛЮЦІЙ (съ удивленіемъ).

Марцелль?

ЛИДА.

Онъ—нашъ! христіанинъ!...

ЛЮЦІЙ (серіозно).

Смѣяться

Вы надо мной пришли, друзья?...

ЛИДА.

Нѣтъ, Люцій! Истина скрывается

Не можетъ! Римъ, и міръ, и вся

Вселенная познаетъ Бога,
 Который намъ велитъ любить
 Другъ друга и добро творить.
 И скоро! Намъ теперь ужь много...
 И здѣсь... между рабовъ твоихъ...
 Взгляни, вотъ тутъ стоитъ ихъ трое:
 Они не грабятъ! Нѣтъ! Земное
 Ничто сокровище для нихъ!
 Вотъ тотъ старикъ былъ поднять нами,
 Чуть живъ, избитый... (*къ рабу:*) Ближе, Титъ!

(*Титъ упадаетъ къ ногамъ Люція и плачетъ, склонивъ голову къ его колынямъ.*)

ЛИДА.

Ахъ, Люцій! Язвами покрытъ,
 Онъ не ругался надъ врагами!
 Простилъ и твоему отцу,
 Которымъ взять былъ, и къ кольцу
 Прикованъ.... Часто со слезами
 Онъ вспоминаетъ какъ ходилъ
 Къ нему дитей ты, и любилъ
 Его разказы.... Скинь суровый
 Утѣшенъ былъ, и сталъ шой,
 Младенецъ чистый, полнъ одной
 Святой любовію Христовой!..

ЛЮЦІЙ (*положа руку на голову Тита*).

Мой старый пѣстунъ!

ТИТЪ (*тихо и искренно*).

Обратись,

Дитя мое! Проснись, проснись!
 Свѣтъ возсіялъ! Мы ходимъ въ свѣтъ—
 Мы—неразумные! Мы—дѣти!
 А ты такъ мудръ!

ЛИДА.

Вотъ, Люцій, тутъ
 Вотъ эти двое.... что хотѣли
 Тебя убить.... И только ждутъ
 Чтобъ ты простилъ ихъ.... Неужели
 Ты не простишь?

(Рабы становятся на колѣни въ нѣкоторомъ отдаленіи.)

ЛЮЦІЙ.

Я все успѣлъ
 Давно забыты!... Ну, встаньте! Будетъ!

• РАБЫ (удалась).

Господь тебя не позабудетъ
 Во царствіи своемъ!

ЛЮЦІЙ.

Марцелль!

Марцелль! Какое ослѣпленье!
 Пусть Лида—пылкія мечты!
 Рабы—они рабы!... Но—ты!
 Нѣтъ, я тебя не понимаю!
 Я христіанъ видалъ и знаю.
 Въ ихъ головахъ какой-то сбродъ
 Фантазій дикаго востока,
 Слеза въ глазахъ, и рѣчь пророка,
 И казнь—ихъ счастье!...

МАРЦЕЛЛЬ.

И вотъ
 Насъ это счастье завтра ждетъ!

ЛЮЦІЙ.

Патрицій! Вождь! Стратегикъ славный!
 Марцелль, проведшій жизнь свою

Въ походахъ, въ лагерѣ, въ бою,—
 Одинъ, быть-можетъ, предкамъ равный,
 И вдругъ идетъ—смѣшно сказать!
 Изъ отвлеченнаго понятья,
 Чтобъ доказать, что люди братья,
 Что духъ бессмертенъ—умирать!

МАРЦЕЛЛЬ.

Для вашихъ раторовъ, конечно
 Смѣшно, что люди вдругъ идутъ
 На смерть, какъ армія, безъ смутъ,
 И сами, изъ-за мысли вѣчной!
 Не то еще увидать: сынъ
 Оставитъ мать, братъ кинетъ брата,
 Не будетъ празденъ ни одинъ!
 Мечъ въ міръ внесенъ, и нѣтъ возврата!
 Вѣрь, говорю я не въ бреду.
 Ты знаешь, взглядъ мой въ битвѣ вѣренъ:
 Я зналъ всегда куда иду..
 Для васъ, мой милый, бой потерявъ!
 Когда увидите въ циркѣ Римъ,
 Какъ мы за истину стоимъ,
 Узнать захочетъ что за люди?
 Какая сила въ нихъ живетъ?
 И изъ гонителей и судій,
 Вѣрь, не одинъ къ намъ перейдетъ!
 Со мной самимъ все такъ случилось.
 Въ аренѣ видѣлъ я двухъ дѣвъ;
 Когда на нихъ рванулъ левъ,
 Лицо ихъ свѣтомъ озарилось!
 Я даже вскрикнулъ! А вѣдь кровь
 Видалъ!.. Да, да! Родиться вновь
 Должны мы всѣ!... Когда бывало
 Ъзжалъ изъ стана я сюда,
 Отъ омерзенья и стыда

Душа во мнѣ изнемогала!
 Не разъ я думалъ и тогда—
 Привести свои бы легіоны,
 Да этотъ Римъ раззолоченый
 Весь разнести бы по клочкамъ!
 И разнесли бѣ!... А что же тамъ?
 Потому?... Ты, Люцій, ты купался
 Самъ въ этомъ омутѣ! Шлѣнился
 Искусствомъ, красотою женъ!
 Ты славой предковъ ослѣпленъ!
 Извѣженъ лѣнью и покоемъ,
 И съ Римомъ такъ связалъ себя
 Что быть въ глазахъ его героемъ
 Еще такъ важно для тебя!...
 Не предкамъ вывести насъ изъ грязи!
 Нѣтъ! съ ними порваны всѣ связи!
 Нѣтъ отрекись ото всего
 На чемъ они сооружали
 Величье Рима своего!
 Они лишь въ цѣпи заковали
 Весь этотъ міръ,—и для чего?
 Чтобъ прочнымъ онъ служилъ подножьемъ
 Величью евнуховъ, вралей,
 Со всѣмъ ихъ чванствомъ и безбожьемъ
 Всего боящихся дѣтей!

ЛЮЦІЙ.

Пстой, Марцелль!... Жизнь нынче—бремя!
 Самоубійство въ наши дни —
 Вся наша доблесть, но они
 Пройдутъ! Настанетъ лучше время!
 Поймемъ и глубже примемъ мы
 Тотъ свѣтъ, который дали міру
 Великой Греціи умы...

Давно ль взялися мы за лиру,
Платона знаемъ?

МАРЦЕЛЛЬ.

И объ немъ
Кричимъ и споримъ за виномъ!
ЛЮЦІЙ.

Сначала солнце озаряетъ
Верхушки горъ....

МАРЦЕЛЛЬ.

Гдѣ ледъ сіяетъ!
Жизнь—тутъ, внизу! Нѣтъ, ты сойди
Съ своихъ высотъ! и не гляди
Что тутъ темно порой и тѣсно,
И про Платона неизвѣстно!...

ЛИДА.

Живи для бѣдныхъ и простыхъ!
Иную жизнь въ душѣ пробудишь!
Умалъ себя для блага ихъ, —
И больше ты, и лучше будешь!
И все давно ужь началось!
Вездѣ, вездѣ прошелъ Христосъ!
Смотри отъ моря и до моря
Тебѣ предъ именемъ Христа
Открыты двери! Нѣту горя,
Нигдѣ слеза не пролита,
Чтобъ на другомъ концѣ вселенной
Не отозвались ей сердца!
Забудь величье мудреца!
Смири въ себѣ свой умъ надменный!...

ЛЮЦІЙ.

Великодушныя мечты,
Но все, Марцелль, мечты пустыя! (*Одушевляясь и ур-*
нительно.)

Нѣтъ, не сойду я съ высоты!
 И что за дѣло, что чужіе
 Мнѣ будутъ неучь и глупецъ!
 То, что умомъ я постигаю, —
 Одно мое! И тѣмъ, я знаю,
 Я выше ихъ, простыхъ сердець!
 И если есть душа вселенной,
 Есть божество,—оно во мнѣ,
 Въ моемъ умѣ, и вѣкъ въ войнѣ
 Съ твоей толпой непосвященной!

МАРЦЕЛЪ.

О гордость, гордость!

ЛЮЦІЙ.

Можетъ-быть

Въ угоду имъ я долженъ буду
 Все чѣмъ горжусь я—позабыть!
 Повѣрить жи! повѣрить чуду!...

ЛИДА (перебивал Люція, въ крайней степени одушевленія, говоритъ быстро, не удержи́мымъ потокомъ).

Нѣтъ, Люцій, въ насъ не ложь! Не трать
 Противорѣчій попустому!
 Что могъ Христось равно сказать
 Рабу и нищему простому,
 И мудрецамъ, и богачамъ,
 И чистой дѣвѣ, и несчастной,
 Для всѣхъ одно, для всѣхъ такъ ясно,
 Понятно, близко всѣмъ сердцамя,
 То, Люцій, быть не можетъ ложью!
 Христось зналъ всѣхъ, ко всѣмъ входилъ
 Въ дома, со всѣми говорилъ...
 Онъ пробуждалъ лишь правду Божью
 Что въ насъ жила, во всѣхъ сердцахъ!
 Ко всѣмъ страдающимъ и сирымъ,

Ко всѣмъ убитымъ гордымъ міромъ,
 Одинъ, съ участіемъ въ очахъ,
 Пришелъ Онъ и открылъ объятъ,
 И всѣмъ сказалъ Онъ: всѣ вы братья!
 И всюду съ вами буду Я!
 И всюду, гдѣ Его семья,
 Какъ добрый пастырь между паствы,
 Онъ тамъ—ты чувствуешь—Онъ тамъ!
 Благословляетъ питья, ясты,
 Самъ раздаетъ ихъ бѣднякамъ....
 Въ темницѣ, въ мглѣ, гдѣ только муки
 И ярости былъ вѣчный стонъ,
 Гдѣ тысячи страдаютъ, Онъ
 На всѣхъ распространяетъ руки,
 Всѣхъ утѣшаетъ—и злодѣй,
 Душой смягчается своей!...
 Ахъ, Люціи! выше нѣту счастья
 Какъ вызвать ласкою участъ
 Слезу у тѣхъ кто слезъ не лилъ
 Еще ни разу въ умиленьи!
 Какъ воскъ онъ будетъ, и душой
 Къ тебѣ прильнетъ, и за тобой
 Пойдетъ какъ агнецъ въ путь спасенья,
 Какъ за Христомъ пошелъ ты самъ!
 Но нѣтъ! я чувствую, все блѣдно
 Чтò я скажу, все мало, бѣдно!...
 Послушай! Подъ землею, тамъ,
 У насъ есть храмы.... все аркады!...
 Тамъ цѣлый городъ! все лампы,
 Гробницы!... Много, много слезъ
 За всѣхъ тамъ, Люціи, пролилось!
 Тамъ—наши старцы!... Тѣ видали
 Христа, какъ я тебя, слышали
 Какъ Онъ училъ.... послушай ихъ!

Они слова Христовы знаютъ!
 Все помнятъ, свято сохраняютъ....
 Что за слова, о Люціи!... въ нихъ
 Такая сладость! Упадаютъ
 Они на сердце какъ роса
 На травы! какъ елей на раны!
 Влекутъ, влекутъ на небеса,
 Гдѣ самъ Онъ, славой осіянный,
 Какъ царь вселенной, чистый свѣтъ,
 Насъ ожидаетъ съ пальмою!.. Нѣтъ!
 Узнавъ Его, ты будешь рваться,
 Чтобъ слиться съ нимъ!... Въ немъ потеряться
 Какъ въ океанѣ капля!... Миръ
 Покажется тюрьмою тѣсною,
 Гдѣ ты тоскуешь, нищъ и сиръ,
 По свѣтлой родинѣ небесной,
 И какъ на пиръ пойдешь въ тюрьму,
 На смерть, чтобъ вырваться къ Нему!

ЛЮЦІЯ.

Ахъ Лида, Лида!... Гдѣ ты, Лида?
 Въ какихъ лучахъ твоя душа
 Голубкой рветъ?... Чуть дыша
 Тебя я слушаю... изъ вида
 Теряю.... Какъ ты хороша!
 О да, клянусь! Одна бъ ты нынѣ
 Могла мнѣ дать желанье жить!
 Одна могла бы мнѣ въ пустынѣ
 Путеводительницей быть!
 Да! какъ въ пустынѣ караваны
 За веревницей лебедей
 Идутъ въ невѣдомыя страны
 Искать прохлады и ключей,—
 Я въ слѣдъ пошелъ бы за тобою—
 Хоть любоваться на тебя,

И твоего Христа, душою,
Въ тебѣ, быть-можетъ, люблю!

МАРЦЕЛЛЪ.

О Люцій! женщиной безсильной
Пренебрегали мы! Но Онъ
Дѣла великія обильно
Творить руками слабыхъ женъ!
Иди за ней! Ея устами
Онъ самъ зоветъ тебя! иди!
Мы новобранцы! тамъ—вожди!
Мы смотримъ все еще очами
Земными! Но для тѣхъ мужей
Земли ужъ нѣтъ! Свободно, смѣло,
Надъ бурнымъ моремъ жизни сей
Парить ихъ духъ, какъ голубь бѣлый!
Послушай ихъ!... И Люцій, вотъ—
Смотри—вотъ здѣсь же, въ этомъ залѣ,
Въ подземный городъ нашъ есть ходъ.....

(Отворяетъ потайную дверь въ ниши.)

ЛЮЦІЙ.

Какъ? тайный ходъ? и это знали
Одни рабы?...

ЛИДА.

Изъ всѣхъ домовъ,
Изъ тюремъ, изъ цирковъ, изъ садовъ
У насъ такіе жь ходы!

ЛЮЦІЙ *(смотритъ въ катакомбы).*

Богу!

Тамъ свѣчи.... цѣлые чертоги....
Толпа людей....

МАРЦЕЛЛЪ (*торжественно Люцію, который неподвижно смотритъ в катакомбы*).

Весь Римъ подрывать! .

Подъ старымъ Римомъ, Римъ ужъ новый,
Преобразить его готовый,
Во всеоружіи стоитъ!...
Тамъ нѣтъ рабовъ! тамъ нѣтъ богатыхъ!
Тамъ другъ предъ другомъ всѣ равны!
Тамъ нѣтъ презрѣнныхъ и проклятыхъ!
Тамъ падшіе обновлены!
Тамъ чудеса любви увидишь —
И имъ повѣришь ты!

ЛИДА.

И выйдешь

Потомъ на смерть у насъ въ рядахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
На небо очи устремляя!...
Ты слышишь гимнъ... они поютъ—
Подъ цѣлымъ Римомъ ждуть лишь знака
И отовсюду, вдругъ, изъ мрака
На смерть съ веселиемъ пойдутъ!

ЛЮЦІЙ (*самъ съ собою*).

Весь Римъ подрывать!.... Глазамъ не вѣрю:
На казнь идти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть!
Ужъ тутъ не бунтъ.... (*Къ Марцеллу*.)

Но кто жъ вы, кто вы?

(*Съ строгимъ упрекомъ*.)

Марцеллъ? Вѣдь Римъ готова новый,
Ты губишь старый! Римъ отцовъ!

Созданье дѣлъ ихъ! Центръ вселенной,
 Свѣтило міра.... для презрѣнной
 Толпы безмысленныхъ рабовъ!...
 Рабы!... Марцелль!... Да гдѣ мы? гдѣ мы?
 Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
 Что намъ позоръ, имъ не позоръ!
 Они предъ этими мужами
 Не заливались слезами,
 Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
 И ты, ты смѣешь отказаться
 Ото всего, чѣмъ ты съ пеленъ
 Вспоенъ и вскормленъ! оторваться
 Ото всего съ чѣмъ ты рожденъ!
 Я пью отраву: гражданину
 Одинъ остался долгъ святой....
 Но тѣмъ лишь вызовъ къ внукамъ кину
 И Римъ не кончится со мной!

МАРЦЕЛЛЬ.

Пусть не одни лишь камни Рима,
 А Фивъ, Аѳинъ, Ерусалима
 Повсюду вопіють тебѣ
 Какія слезы тамъ пролиты,
 Какія жертвы тамъ убиты!
 Признай подобнаго себѣ
 Въ угрюмомъ варварѣ, въ рабѣ,
 Люби весь міръ какъ Римъ ты любишь,
 И ты тогда — христіанинъ!...

ЛЮЦІЙ.

Марцелль, Марцелль! вѣдь Римъ одинъ!

МАРЦЕЛЛЬ.

Одинъ! ты тѣмъ его и губишь!
 Одинъ, какъ міръ на раменахъ
 Атланта! міръ неправдъ! Но, время!

Тотъ, Кто одинъ лишь мудръ и благъ,
 Съ него снимаетъ это бремя,
 И горе тѣмъ, кого въ расплохъ
 Найдеть судить грядущій Богъ!...

(Бьетъ полночь.)

ЛЮЦІЙ *(очнувшись).*

Послѣдній срокъ!

МАРЦЕЛЪ.

И нашъ онъ тоже!...

ЛИДА.

Ты гибнешь, Люцій! вѣчный ждетъ
 Тебя огонь!... о Боже! Боже!

ЦИНИКЪ *(который спалъ въ углу на мѣ-
 стѣ, просыпается).*

Хозяинъ умеръ? Полночь бьетъ!

МАРЦЕЛЪ.

Вотъ онъ, твой Римъ, тебя зоветъ!

ЦИНИКЪ *(присстаетъ).*

Да ты въ компаніи.... съ дѣвицей....

Ну, братъ, и видно, что патрицій....

*(Идетъ къ Люцію, но останавливается
 услышавъ раздавшееся изъ катакомбъ
 пѣніе. Взоры всѣхъ обращаются туда.)*

ЛИДА *(восторженно).*

Идутъ! идутъ! желанный часъ!

(Къ Люцію.)

О Люцій! неужель отстанешь

Одинъ, во мракъ, ты отъ насъ!

И міру съ нами не предстанешь
Сказать кто мы?

(Христіане въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнкахъ выходятъ изъ катакомбъ, и не обращая вниманія на присутствующихъ, погруженные въ себя, идутъ къ выходу въ садъ. Они поютъ унисономъ гимнь, который начинается подъ землею и теряется во мракъ сада.)

ЦИНИКЪ.

Да что я? сплю?

Изъ подъ земли выходятъ люди....

Ну, этихъ лицъ я не люблю!

ЛЮЦІЙ.

Всему чужіе... точно къ пиру

Идутъ на смерть они — въ вѣнкахъ!...

Презрѣныя къ мукамъ, къ смерти, къ міру....

И въ комъ же? въ варварахъ! въ рабахъ!

О Римъ! о Римъ!.....

(Смотритъ на христіанъ съ нѣмымъ отчаяніемъ.)

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Будьте, братья, день и ночь готовы къ битвѣ!

Стойте, не гася лампы, на молитвѣ!

Онь подкрадется какъ тать ночью — день судный;

Горе тѣмъ, кто спалъ дотолѣ непробудно!

Вострубятъ въ трубу архангелы святыя,

Встанутъ мертвые, возымутъ страхъ живые.

Потухающія солнца узрятъ въ страхѣ

Тварь земную цѣпенѣющую въ прахѣ.

Узрятъ новый свѣтъ, очамъ невыносимый,

Онь прійдетъ — Судія неумолимый!

И предстанутъ всѣ, рабы и властелины,
И одна всѣмъ будетъ мзда и судъ единый....

Горе обуюннымъ міра славой тлѣнной,
Васъ поглотятъ нѣдра огненной геенны!

Радуйся слезами путь свой окропившій,
Въ суетномъ семъ мірѣ чашу мукъ испившій!

Радуйся пріавшій свѣтъ Христовъ съ любовью,
Вѣчное блаженство испившій кровью....

ЛИДА.

О, Люцій! Этотъ гимнъ святой
Ты слышишь.... Міръ съ его красой
Пройдетъ! Одишь лишь Бога полный,
Христомъ спасенный, вѣчень духъ!...

ЛЮЦІЙ.

О томъ что будетъ, милый другъ,
Мои оракулы безмолвны!

МАРЦЕЛЛЪ.

Итакъ, ты, Люцій, противъ насъ?
Не съ нами?

ЛЮЦІЙ (*рѣшительно и всталъ*).

Противъ, противъ васъ! •

Я Римлянинъ! Я умираю
За Римъ....

МАРЦЕЛЛЪ.

А мы—за міръ!...

ЦИНИКЪ.

Чего?

[За Римъ? За міръ? Ужь тонко, право!

Гдѣ жь смыслъ-то тутъ, скажите, здравой!...
(Къ Лиду.) А ты, дѣвица, за кого?

ЛИДА.

И за тебя, быть-можетъ!...

ЦИНИКЪ.

Браво!

Чтобъ не было обидно!.....

ЛЮЦІЙ.

Нѣтъ, я не вашъ, Марцелль!.....
Все чѣмъ великъ мой духъ, чѣмъ разумъ
Могучъ и свѣтелъ—далъ мнѣ Римъ!
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
Онъ презреть ихъ, какъ, полный имъ,
Я презираю смерть!...

(Выпиваетъ чашу и склоняется на ложке.)

ЦИНИКЪ.

Брр! Кисло!...

ЛИДА *(хлопочетъ около Люція).*

Люцій! Бѣдный Люцій!...

МАРЦЕЛЛЬ *(оипъ себя).*

Безумецъ! Гордъ, упрямъ и слѣпъ!
Искаль, голодный, вѣкъ свой хлѣба,
И хлѣбъ ему приносятъ съ неба,
И онъ бросаетъ этотъ хлѣбъ!..

ЛИДА *(умоляетъ).*

Марцелль! Онъ умираетъ!

МАРЦЕЛЛЬ.

Что же

Мнѣ дѣлать съ нимъ?

ЛЮЦІЙ (слабѣющими голосомъ).

Онъ весь какъ былъ—
Все тотъ же воинъ! Тотъ же пылъ!

МАРЦЕЛЛЪ.

Вѣдь я любилъ тебя!... О Боже!
Когда жь совсѣмъ съ души моей
Ярмо грѣха, ярмо страстей
Ты снимешь!

ЦИНИКЪ.

Изъ чего хлопчуть!?
И вѣдь не плуты не морочуть!...
Не понимаю—хоть убей!

ЛЮЦІЙ.

А мы съ тобой, Марцеллъ, другъ друга
Мы понимаемъ ли?... Я—сынъ
Своихъ отцовъ и вѣка... Знаю
Я только Римъ... Я гражданинъ...
И я... за Римъ свой умираю—
Какъ ты за своего Христа!...
Кто правъ изъ насъ... другіе скажутъ!...
Намъ не узнать ужь... никогда!...
И можетъ-быть... на всѣхъ укажутъ
Какъ на глупцовъ... И изъ чего
Мы хлопотали—также спросятъ
Какъ этотъ циникъ.... (Умираетъ.)

А. МАЙКОВЪ.

ДА ИЛИ НѢТЬ

ПОВѢСТЬ

Анна Семеновна Арнутаина мѣсяца четыре какъ вернулась изъ-за границы въ свое богатое село Крутыя Горки. Въ тотъ вечеръ, съ котораго мы начинаемъ разказъ нашъ, въ ея гостиной нѣтъ никого изъ постороннихъ. Дочь ея, Антонина Александровна, или Нина, какъ звала ее мать, сидѣла за роялемъ. Бетгоуеновы звуки такъ и лились подъ ея прелестными пальчиками. Она немного близорука, и потому, склонясь надъ роялемъ, прищурила свои черные, блестящіе глаза, чтобъ яснѣе видѣть ноты. Хотя Нина играетъ съ большимъ чувствомъ, но выраженіе ея смуглаго, прекраснаго лица довольно пассивно; только изрѣдка вспыхиваетъ легкій румянецъ, и щеки виртуозки напоминаютъ тогда спѣлый, только что сорванный персикъ.

Около камина, на широкомъ бархатномъ диванѣ, сидитъ Анна Семеновна; передъ нею, на столѣ освѣщенномъ большою лампой, лежитъ ея вышиванье, но она не работаетъ; прислонившись къ спинкѣ дивана, она внимательно и задумчиво смотритъ на дочь.

Въ комнату вошелъ слуга, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ большимъ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, и началъ накры-

вать столъ для чая. Нина, какъ ни казалась погруженною въ музыку, въ ту же минуту замѣтила его, сложила ноты, закрыла рояль; молча подошла къ столу и въ разсѣянности начала перебирать принесенные въ серебряной сахарницѣ сахарные крендельки и сухарики микроскопическаго формата. Подали блестящій самоваръ. Нужно замѣтить, что въ домѣ Анны Семеновны все сіяло и блестяло; сама она была олицетворенная аккуратность и не терпѣла въ своемъ домѣ ничего тусклаго.

Нина занялась приготовленіемъ чая.

— Чтѣ жъ ты отвѣтишь завтра Юрію? спросила Анна Семеновна.

— Зачѣмъ же ужъ завтра, папан? Для чего такая поспѣшность?

— Какъ хочешь! Только онъ кажется просить, чтобы ты скорѣе отвѣчала ему.

— Онъ совершенный ребенокъ, и нетерпѣливъ какъ ребенокъ.

— Онъ тебя любитъ, замѣтила Анна Семеновна.— Не всѣ же такъ холодны, какъ ты.

Нина не отвѣчала, и казалось, была совершенно погружена въ приготовленіе чая.

— А можно узнать чтѣ ты ему отвѣтишь, когда будешь наконецъ отвѣчать? опять спросила Анна Семеновна.

Нина улыбнулась.

— Я еще сама не знаю, чтѣ ему отвѣтить, подумаю, сказала она.

— Какъ! Ты до сихъ поръ еще не рѣшилась?

— На чтѣ?

— Сказать ему *да или нѣтъ*, о чемъ онъ такъ тебя просить.

— Какъ вы все скоро хотите, папан!

— Ты называешь скоро три года.

— Развѣ три?

— А сколько же по твоему? Мы вѣдь два года съ половиною были за границей. А онъ еще въ Италіи, какъ только мы туда пріѣхали, сдѣлалъ тебѣ этотъ вопросъ.

— Но, папан, тогда Юрій былъ еще такой ребенокъ, что съ нимъ можно было только играть. Я и отвѣчала ему, что когда онъ будетъ немного благоразумнѣе, я подумаю чтѣ ему отвѣчать.

— И до сихъ поръ не надумалась?

— Потому что онъ все еще ребенокъ...
 — Хорошъ ребенокъ, перебила Анна Семеновна:—ты забыла, что ему двадцать шесть лѣтъ.

— Онъ ребенокъ не лѣтами, а характеромъ, татап.
 — Я этого никогда не находила. Онъ шагу не безпечень много, вотъ и все.

— Какъ хорошо Василиса испекла этотъ разъ сухарики, сказала Нина, откуеывая кренделекъ.—Не правда ли, татап?

— Ты находишь? и Анна Семеновна лукаво улыбнулась.
 Послышался скрипъ саней по замерзшему снѣгу, и лакей оложилъ, что пріѣхала Дарья Андреевна Радомская.

— Вотъ чудо! замѣтила Анна Семеновна:—что это ей вздумалось, да еще такъ поздно? Проси, проси.

Нина вся вспыхнула, выскочила изъ-за стола и съ несвойственной ей живостью бросилась въ переднюю встрѣчать гостью.

— Какая поспѣшность! Вся покраснѣла. Странная дѣвушка! Я никакъ не пойму ее, проговорила Анна Семеновна, провожая глазами дочь.

Нина скоро вернулась въ гостиную вмѣстѣ съ пріѣзжею барыней, женщиной лѣтъ подъ шестьдесятъ, огромнаго роста, плечистою, мускулистою, совершеннымъ гренадеромъ въ юпкѣ. Ея полное, свѣжее, румяное лицо имѣло чрезвычайно веселое и немного насмѣшливое выраженіе. Большіе, свѣтлоглубые глаза весело улыбались, когда она подошла къ хозяйкѣ и громко поцѣловала подставленную ей щеку.

— Вотъ неожиданность! сказала Анна Семеновна.—Какъ это вы вспомнили про насъ, да еще вечеромъ, въ такой морозъ?

— А вотъ постоитъ, все расскажу, отвѣчала гостя, потирая лицо:—я никакъ себѣ носъ отморозила. Посмотри-ка, моя барышня. Ну, морозикъ! Да еще съ вѣтромъ, такъ и хлещетъ!

Нина взяла свѣчу и начала очень заботливо разсматривать носъ Дарьи Андреевны, прищуривая глаза и поднося свѣчу такъ близко къ лицу гостя, что та сказала:

— Да ты, мать моя, кажется, хочешь свѣчой-то мнѣ носъ обогрѣть. Это будетъ похуже морозу.—И она подошла къ зеркалу и начала разсматривать свое лицо.—Нѣтъ, продолжала Дарья Андреевна, —ничего; кожа не больно нѣжная, это мнѣ такъ показалось. А у васъ тепло, славно. Я у васъ переночую, Анна Семеновна; мои кони устали,

да и я прозябла, а вѣдь до Проселокъ еще съ часть вѣзды будетъ,—и обратясь къ вошедшему лакею, она прибавила:—Ты мой голубчикъ, скажи тамъ смотри, чтобы лошадей-то въ конюшню поставили, да сѣна имъ дали побольше.

— Все будетъ сдѣлано, не безпокойтесь Дарья Андреевна, вмѣшалась Анна Семеновна.

— Да смотри, опять сказала Дарья Андреевна,—скажи тамъ у васъ на кухнѣ, чтобы моего Терешку накормили; онъ вѣдь тоже прозябъ сердечный.

— Разумѣется, накормятъ. Сядьте пожалуста, поближе къ камину, вступилась Нина.—Я сейчасъ налью вамъ чаю.

— То-то. Я вѣдь знаю, у васъ ключница-то больно скупа; пожалуй, бѣднаго малаго голоднымъ спать пошлетъ.

Нина засмѣялась.

— Ну скажите же Дарья Андреевна, откуда васъ Богъ принесъ въ такую позднюю пору? Какъ видно, вы не изъ Проселокъ? спросила Анна Семеновна.

— Еще бы изъ Проселокъ! Чтò я за дура, чтобъ по гостямъ развѣзжать, да еще въ такую пору. Я къ вамъ мимо вѣдомъ: въ городѣ была, мать моя, и къ вамъ-то, по правдѣ сказать, заѣхала оттого что ужь продрогла крѣпко.

Анна Семеновна улыбнулась.

— Это любезно, замѣтила Нина.

— Ужь извини, моя барышня, я человекъ не ученый, простой, деревенскій, на любезности не мастерица. Говорю себѣ просто правду, какъ она есть. Я маменьку твою давно знаю, помню какъ она еще въ дѣвицахъ была, и тебя-то я еще вотъ эдакую крохотную видѣла и на рукахъ нашивала, какъ тебя привозили съ моимъ Юриемъ играть. Я всегда рада дорогимъ гостямъ, когда въ Проселки ко мнѣ пожалуете. А сама въ гости вѣздить не охотница. У меня и безъ того дѣла много. Славный чай у васъ, Анна Семеновна, прибавила старуха, прилебывая чай,—душистый какой! Это дорогой; я у себя такого не пью, роскошно больно. Вотъ теперь, правда, купила въ городѣ цвѣточнаго чаю, ну да это не себѣ. А чтò бы ты мнѣ, моя барышня, хлѣбца-то ситнаго домотакъ подать приказала. Этими воздухами сыта не будешь, добавила Дарья Андреевна, показывая на сахарныя печенья.

Нина приказала подать хлѣба.

— Ну вотъ спасибо, это посытнѣе для деревенскаго

лудка. Я таки и проголодалась порядкомъ. А хорошій у васъ вѣкъ пекутъ, Анна Семеновна, очень хорошій.

— Да, зачѣмъ же вы въ городъ ѣздили? спросила Анна Семеновна.

— А вотъ видите ли, голубушка моя, Юрію надо было ныги выслать. Ну, не мужика же послать. Сама и поѣхала. Всегда сама ѣзжу въ городъ, когда ему деньги высылаю; но вѣрнѣе. А ужь денегъ-то ему я не мало выслала. Задолжалъ, пишетъ, и на дорогу нужно. Много онъ въ этотъ годъ денегъ-то промоталъ, пострѣленокъ! Чтò съ нимъ станешь мать? Картинъ тамъ разныхъ понакупилъ. Ужь я журю, журю его, когда ему пишу, да не слушается. Хоть деньги-то его, а не мои, да вѣдь все жаль. Ему же меньше будетъ, какъ промотаетъ.

— А развѣ вы ожидаете его? спросила Анна Семеновна, крадкой бросивъ взглядъ на дочь.

— Да пишетъ, что ужь онъ давно выѣхалъ изъ своей Итали; теперь въ Нѣмчинѣ гдѣ-то, деньги въ Вѣну выслать ездилъ.

Нина покраснѣла, и чтобы скрыть это, нагнулась поднимать вой платокъ, лежавшій преспокойно у нея въ карманѣ.

— Такъ онъ долженъ быть скоро здѣсь? замѣтила Анна Семеновна.

— Богъ его знаетъ! Можетъ еще, и не пріѣдетъ. Ужь сколько разъ обѣщалъ! Напишетъ: вотъ-вотъ буду. Жду его, жду. Все приготавливаю, и цвѣтникъ его любезный уберу, и Барона его велю вымыть и вычесать, да такъ все напрасно и выйдетъ. Вѣдь ужь онъ у меня такой! Въ головѣ сквозной вѣтеръ дуетъ.

— Какой же это цвѣтникъ, который онъ такъ любитъ? опять спросила Анна Семеновна.—Я не помню цвѣтника въ Проселкахъ.

— Вы въ немъ вѣрно никогда и не были. Въ концѣ сада. Онъ еще ребенкомъ всегда въ немъ возился. Самъ и разбивалъ, вотъ еще съ вашею барышней копался въ немъ... Ты ужь вѣрно и забыла его? прибавила Дарья Андреевна, обращаясь къ Нинѣ.

— Про кого? спросила дѣвушка.

— Да про цвѣтникъ-то. Бывало ужь возитесь тамъ, возитесь, руки по локоть въ землѣ. Ты еще акуратнѣе была,— барышня. А ужь онъ все платье обдереть, выпачкаетъ, хоть

каждый день новое надѣвать. Потому ужь вы и не маленькіе были, передь кончиной покойнаго брата, а все, бывало, тамъ сидите. Юрій, какъ былъ дома послѣдній разъ, четыре года тому назадъ, все украшалъ его. Сѣмень заграничныхъ выписалъ. Чудо что за цвѣты! Я каждый годъ сѣмена собираю, и весной сѣю, такъ ужь онъ просилъ.

— Вы предобрая тетушка, исполняете всѣ его прихоти, замятила Анна Семеновна.

— Ну, не больно добрая. Ворчу таки на него частенько. Да оно и слѣдуетъ. Что люблю его, въ томъ не отпираюсь. Онъ у меня одинъ изъ всѣхъ родныхъ остался; на рукахъ моихъ и выросъ. Недовольна я только, что онъ дома не живетъ; все тамъ, за морями да за долами. Пріѣдетъ, какъ залетная птица. Не успѣешь порадоваться имъ, какъ и улетитъ.

— А Юрій Николаичъ превосходно рисуетъ, сказала Анна Семеновна. Недавно на выставкѣ была одна изъ его картинъ. Прелесть какъ хороша!

— Да, да, онъ писалъ, что была на выставкѣ, и хвалили. Потому онъ ее за большіе деньги продалъ. Да проку-то въ этомъ было мало: деньги какъ пришли, такъ и ушли. Отдалъ ихъ такъ, ни за что, ни про что, какому-то приятелю. Ну что съ нимъ станешь дѣлать? Цѣны деньгамъ не знаетъ. Точно миллионеръ какой! Да и не признался бы мнѣ. Да только... — Дарья Андреевна остановилась, и возвращая Антонинѣ Александровнѣ налитую ей чашку, сказала:

— Что это ты мнѣ, мать моя, вмѣсто сахара, никакъ воздуховъ своихъ наложила? Смотри, каша-то какая вышла. Ай барышня! Гдѣ у тебя головка-то?

Анна Семеновна съ лукавою улыбкой взглянула на дочь. Въ чашкѣ, вмѣсто сахара, точно лежало нѣсколько сухариковъ, полуразмокшихъ отъ горячаго чая.

— Извините пожалуйста, Дарья Андреевна, пробормотала сконфуженная Нина, и хотѣла уже вылить чай въ полоскательную чашку, но Дарья Андреевна остановила ее:

— Что ты, что ты! Выбрасывать такія дорогія печенья! Ужь я такъ выпью, ничего. Ты за то мнѣ въ другую чашку, какъ наливать будешь, ничего не накладывай, въ прикуску выпью. Съ дороги, вѣрно, чаю-то такъ пить разохотилась. Да и то правда: прокатить тридцать пять верстъ въ эту метелицу не шутка.

— Такъ какъ же вы узнали, что Юрій Николаичъ отдалъ деньги молодому художнику? спросила Анна Семеновна.

— А вотъ какъ: я все его бранила, что онъ много денегъ разжирить. Онъ видно оправдаться хотѣлъ или похвастать, пишетъ, чтобъ я не гнѣвалась на него, что и его искусство ему доходъ приноситъ, и разказалъ мнѣ, что за картину большаго деньги взялъ, и ему высылать на дорогу не надо; я и рада была. Ну, думаю, тѣмъ лучше; ему же сберегу. А вотъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ, пишетъ и проситъ, чтобы деньги ему таки выслала, а то онъ ихъ вотъ такому-то товарищу за ученье займы отдалъ. Знаю я какъ онъ займы даетъ. Это, значить, на вѣки вѣчные.

— А можетъ-быть онъ просто промоталъ эти деньги, да вамъ сказать не хотѣлъ, смѣясь замѣтила Анна Семеновна.

— Ну, ужь тутъ я голову свою прозакладую, что нѣтъ, темного обиженнымъ тономъ отвѣчала Дарья Андреевна.— Онъ у меня и маленькимъ-то никогда не лгалъ. Онъ хоть и вѣтреная голова, а на обманы, слава Богу, не мастеръ. Да и для чего ему было бы тутъ меня обманывать? Вѣдь деньги его.

Убрали чай. Нина взяла свое рукодѣлье, и сѣла къ столу передъ диваномъ. Дарья Андреевна тоже вытатила изъ кармана чулокъ и принялась вязать.

— Вы и работу съ собой брали? сказала Анна Семеновна.

— Еще бы! Вѣдь я въ городѣ ночевала. Безъ работы скучно было бы вечеръ просидѣть. Да и тороплюсь я, если и вправду онъ пріѣдетъ; хочу чтобы четвертая дюжина носковъ готова была.

— А вы и чулки сами вяжете Юрію Николаичу?

— А еще бы! Кто же ему вязать станетъ? Не все же покупать. Что можно дома сдѣлать, то и слава Богу. Я и покойному брату всегда чулки вязала. Еще покойница невѣстка смѣялась часто, что я все съ чулкомъ сижу. Сама-то она и вязать не умѣла: возьметъ, бывало, да петель мнѣ напускаетъ. Хорошая она была, кроткая женщина, и ужь какъ брата любила, царство ей небесное! Да воспитанія-то была ужь очень нѣжнаго, не деревенскаго. Ни рукодѣлья никакого не знала, ни хозяйства. Вотъ точь-въ-точь ваша барышня.

— А почему же вы думаете, что я не знаю ничего въ хозяйствѣ и даже никакого рукодѣлья?

— Куда тебѣ! Я думаю, ты не знаешь откуда и муку берутъ, изъ которой воздуха ваши пекутся. Да можетъ не знаешь, что въ нихъ и муку-то кладутъ; такъ, думаешь, подули да и готово. А руководѣе? Ну, развѣ это руководѣе, что ты тамъ иглой ковыряешь по кисеѣ? И носъ вишь какъ уткнули. Куды вамъ съ заграничнымъ воспитаніемъ!

Нина засмѣялась.

— Такъ и невѣстка, покойница, ничего не знала. Вотъ на фортопанѣ играть, это ея было дѣло; ну, на это и ты вѣдь мастерица. Смѣялась я надъ ней, какъ она бывало про хозяйство разговорится; она, бѣдная, не обижалась. Я надъ ней смѣюсь, а она и скажетъ своимъ тихимъ голоскомъ: „вы не смѣйтесь, а лучше научите меня, Дороте; я вѣдь тоже хочу быть хозяйкой и помогать вамъ“. Она меня никогда моимъ именемъ не называла, а всегда Дороте, по-французски. Смѣшно мнѣ было, что она меня перекрестила, но послѣ привыкла.

— Наталья Борисовна васъ очень любила и уважала, замѣтила Анна Семеновна.

— Да, бѣдненькая; и я ее какъ дочь любила. Хоть и не многимъ она моложе меня была, да противъ меня совсѣмъ ребенкомъ казалась. И ростомъ мнѣ по поясъ была, такъ что, какъ она занемогла, я часто на рукахъ переносила ее съ кровати на диванъ, а она мнѣ и руку за то поцѣлуетъ, моя голубушка. Да, рано она умерла, рано покинула сына. А братъ, я думала, совсѣмъ съ ума сойдетъ, когда ее похоронили. Онъ бы можетъ и не перенесъ этого горя, еслибы не Юря. А знаете, Анна Семеновна, прибавила она, помолчавъ,—мнѣ часто напоминаетъ покойницу невѣстку, Манечка Голубкова. Такая же бѣленькая, маленькая, да прозрачная. Только у Наташи были глаза черные.

— Нѣтъ, я не нахожу, чтобы Манечка напоминала Наталью Борисовну; совсѣмъ не тѣ черты лица, развѣ ростомъ и бѣлизною.

— А ты, моя барышня, бываешь у Голубковыхъ?

— Да, довольно часто.

— Ну, а какъ?

— Да недѣли три тому назадъ я каталась и заѣзжала къ Манечкѣ.

— Ну, не больно же часто. А жаль, Грачовка не Богъ вѣсть какъ далеко отъ Крутыхъ Горокъ. Манечка добрая дѣвушка, и покойный братъ любилъ ее, говорилъ, что въ ея

изкахъ ангельская душка смотрится. Хоть она тогда ребенкомъ была, а онъ говорилъ, что славная была бы она пачка съ Юриемъ, еслибы не крестною сестрой выходила ему. Нина немного покраснѣла.

— А вѣдь пора бы ужъ и на покой. Я люблю вставать рано, затѣмъ и ложусь рано. А у васъ вѣрно встаютъ, Анна Семеновна, когда мужики обѣдать собираются?

— Нѣтъ, я довольно рано встаю. Вотъ Нина такъ любитъ спать, но все-таки встаетъ раньше обѣда мужиковъ. Впрочемъ, немногимъ раньше, смѣясь добавила Анна Семеновна.

— Ну, а куда же вы меня положите?

— Я сейчасъ велю приготовить вамъ комнату, сказала Нина, вставая.

— Да смотри, не заморозь меня старуху, въ нетопленную комнату.

— Чтò же вы обо мнѣ думаете, Дарья Андревна?

— Да ничего особеннаго не думаю, а вижу, что у тебя въ головѣ сквозной вѣтеръ ходитъ, не лучше моего племянника. Положила мнѣ вмѣсто сахару печенья, да и подчуешь. Ахъ, ты барышня, барышня!

— Можетъ-быть вы бы чего-нибудь закусили? спросила Анна Семеновна.

— Оно бы, пожалуй, не худо. Я привыкла ужинать; да вы-то сами вѣдь не ужинаете?

— Нѣтъ, но для васъ подадутъ, и мы что-нибудь закусимъ, чтобы вамъ не скучно было одной.

— Ну хорошо. Только воздуховъ-то для меня какихъ-нибудь ужъ не приказывайте подавать. Отъ нихъ сыта не будешь, а только аппетитъ раздразнишь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь. Я найду что-нибудь посущенья, сказала Нина выходя изъ комнаты.

„Какъ она ухаживаетъ за тетужкой Юрія,“ подумала Анна Семеновна: „это добрый знакъ.“

Черезъ четверть часа явился ужинъ, и Дарья Андревна, удовлетворивъ свой деревенскій аппетитъ, начала собираться на покой.

— Вы утромъ чай или кофе пьете? спросила Нина, провожая гостью въ ея комнату.

— Все, все пью, моя барышня, отвѣчала Дарья Андревна,

— только не тебѣ придется угощать меня; я вѣдь съ пѣтухами встаю.

— А если и я встану съ пѣтухами?

— Ой-ли?

Придя въ свою комнату, Антолина Александровна, сѣла къ письменному столу, вынула изъ портфеля письмо полученное утромъ, и улыбаясь начала его перечитывать.

„Какъ онъ хорошо пишетъ! Сколько поэзіи!“ думала дѣвушка. „Странный онъ! Въ письмахъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ. Я влюблена въ его письма. А въ него?“ Она задумалась. „Я сама хорошо себя не понимаю,“—разсуждала Нина. „И почему онъ меня любитъ? Любовь ли это? Можетъ-быть это просто воображеніе художника. Воображеніе испарится, и все пройдетъ, поэзія превратится въ прозу. А можетъ-быть онъ называетъ любовью дѣтскую привязанность, привычку часто быть вмѣстѣ? Это было бы грустное, тяжелое разочарованіе! Но разочарованіе въ чемъ?“ вдругъ спросила себя Нина. „Развѣ я въ самомъ дѣлѣ люблю его? Когда мы были дѣтьми, онъ называлъ меня своею невѣстой, но это и тогда сѣрдило меня. Мнѣ видно никогда не нравилась роль невѣсты.“ Нина улыбнулась. „Когда онъ послѣдній разъ былъ здѣсь, онъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня, но тогда я приняла это въ шутку. Въ Венеціи, когда мы встрѣтились, онъ мнѣ повторялъ то же самое и спросилъ: хочу ли я быть его женой. Но въ голосѣ его слышалась скорѣе шутка чѣмъ истина. А между тѣмъ, когда мы уѣхали, онъ писалъ такія страстныя письма. Его письма никогда не бываютъ похожи на его слова. Гдѣ же истина? Неужели въ письмахъ шутка, а истина въ словахъ? Теперь, какъ онъ настоятельно требуетъ отвѣта, какъ умоляетъ! Говорить, что будетъ ждать его въ Вѣнѣ. Если я напишу *да*, онъ пріѣдетъ; напишу *нѣтъ*, онъ останется...“

Антолина Александровна взяла перо, положила передъ собою листокъ почтовой бумаги и опять начала перечитывать письмо.

— Нѣтъ, сказала она громко, бросая перо,—не напишу ничего. Посмотримъ, что тогда онъ сдѣлаетъ. Вѣдь Дарья Андреевна говоритъ, что онъ пріѣдетъ; я хочу его испытать: на что онъ рѣшится, если не получитъ отъ меня никакого отвѣта?

Нина опять задумалась, встала и начала ходить по комнатѣ.

„А маман, что она скажетъ?“ разсуждала Антонина Александровна, начиная раздѣваться. „Это однако скучно! Маман хочетъ, чтобъ я вышла за Юрія, не разбирая, люблю ли я его или нѣтъ.“ Лицо дѣвушки приняло недовольное выраженіе. Она остановилась передъ комодомъ, надъ которымъ висѣло огромное зеркало, положила на комодъ руки и пристально устремила глаза въ стекло. Любовалась ли Антонина Александровна, или она была такъ занята своими мыслями, что вовсе не видала себя, трудно рѣшить. Но она стояла такъ довольно долго, склонивъ головку на руку.

„Ахъ Боже мой! сказала вдругъ Антонина Александровна:—я вѣдь совсѣмъ и забыла, что здѣсь эта старуха, и что мнѣ завтра надо рано встать. Я хочу угодить ей, хоть она и смѣшна немного съ своею деревенскою откровенностью; но Юрій такъ любитъ ее.“ И Нина поспѣшно раздѣлась.

На другой день, когда молодая хозяйка вышла чтобы хлопотать о завтракѣ своей гостью, ей сказали что Дарья Андреевна давнымъ-давно уѣхала.

II.

Было начало мая. Все цвѣло и благоухало въ Проселкахъ. Дарья Андреевна, вставши съ зарею, только-что возвратилась съ полевыхъ работъ, и наскоро напившись чаю, вышла на широкое каменное крыльцо съ навѣсомъ, со всѣхъ сторонъ заросшее жимолостью такъ густо, что въ него съ трудомъ проникали солнечные лучи. Позвавъ двухъ здоровыхъ дѣвокъ, она вмѣстѣ съ ними перетаскала на крыльцо мягкій старомодный диванъ, съ отлогою спинкой, обитый чернымъ сафьяномъ.

— Ну, теперь давайте сюда, голубушки мои, тотъ столъ, что въ большой столовой стоитъ. Вотъ такъ, ладно, спасибо вамъ. Теперь подметите-ка здѣсь чистенько.

И пока дѣвки оканчивали уборку крыльца или балкона, Дарья Андреевна спустилась въ садъ, гдѣ увидѣла на мягкой муравѣ бѣлаго какъ снѣгъ пуделя, лѣниво грѣвшагося на солнцѣ.

— Ну, что ты глухарь? Скоро твой баринъ пріѣдетъ? Или не чуешь? Отъ старости-то и чутье потерялъ.

Собака виляла хвостомъ, но поспѣшила слѣдовать за госпожей и осталась лежать на прежнемъ мѣстѣ. Дарья Андре-

евна прошла дальше, приподнимая вѣтви деревъ, чтобъ онѣ не хлестали ей въ лицо, и дошла до прелестнаго мѣстечка. Это была небольшая зеленая полянка, наглухо закрытая со всѣхъ сторонъ огромными деревьями. Среди густой, мягкой, какъ бархатъ, травы, разбросаны были клумбы самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, недавно высаженныхъ изъ теплицъ, гдѣ они были посажены еще зимой. Многие уже начинали цвѣсть и распространяли упоительный запахъ. Каждую клумбу обвѣгалъ ручеекъ, и съ веселымъ говоромъ продолжалъ катиться съ небольшого пригорка, теряясь въ лѣсу, въ концѣ котораго вливалась въ рѣчку.

Дарья Андреевна заботливо осмотрѣла цвѣты, нѣкоторые полила изъ стоявшей тутъ лейки, выволола кое-какую травку. Войдя обратно въ домъ, она отворила дверь въ большую свѣтлую комнату, съ огромными окнами, служившую кабинетомъ, спальней и вмѣстѣ мастерской ея племяннику; раскрыла всѣ окна, стерла пыль съ мебели, оглядѣла все, и вернулась къ себѣ, чтобы заняться своимъ незатѣпливымъ туалетомъ.

— Марья Егоровна пожаловала, сказала вошедшая дѣвка.

— Прости, прости! Пусть сюда пожалуетъ, заговорила Дарья Андреевна, поспѣшно разчесывая свою косу, едва начинавшую свѣдѣть.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату впорхнула Марья Егоровна, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, маленькая, бѣленькая, прозрачная, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, съ голубенькими глазками. Огромная, темнорусая коса обвивала ея головку. Холстинковое голубое платье туго обхватывало ея почти дѣтскій станъ незнакомый съ корсетами, бѣлая кисейная косынка, обшитая тонкими деревенскими кружевами, перекрещивалась на груди, и длинными концами спускалась назадъ. Черты лица дѣвочки не отличались ни особенною правильностью, ни красотой; но было что-то необыкновенно миловидное въ свѣжемъ личикѣ ребенка, что-то успокоивающее и примиряющее. Она напоминала собою едва распустившійся подснежникъ, и также застѣнчиво склоняла свою головку.

— Здравствуй Манечка, здравствуй Божья птичка! сказала Дарья Андреевна, обнимая свою гостью.

— Я къ вамъ на цѣлый день, Дарья Андреевна заговорила Манечка своимъ мягкимъ голоскомъ.— Отецъ поѣхалъ къ Василевымъ, по какому то дѣлу, ему было жаль оставить меня одну дома, онъ и завезъ меня къ вамъ. Вы не сердитесь?

— Сержусь, сержусь и очень даже крѣпко, ландышъ ты мой! Присядь къ окну, да послушай какъ жаворонокъ поетъ, а я пока приодѣнусь. Некогда до сихъ поръ было.

— Я вамъ помогу.

— Помогай, помогай, голубчикъ, сдѣлай одоженіе. Нарядъ-то у меня больно мудреный. Вишь я щеголиха какая, говорила Дарья Андреевна застегивая свой темный шерстяной капоть.

Когда туалетъ хозяйки былъ оконченъ, она вышла съ Манечкой на широкое крыльцо.

— Какъ вы здѣсь хорошо убрали! замѣтила дѣвушка.— А скоро пріѣдетъ Юрію Николаичъ?

— Да вотъ, на прошлой недѣлѣ я получила опять письмо; пишетъ изъ Варшавы, говоритъ, что скоро домой прикатитъ.

— Вы ради?

— Еще бы не рада. Вѣдь четыре года не видала своего сокола.

Онѣ сѣли на одну изъ ступенекъ крыльца. Манечка вынула привезенную съ собой работу, Дарья Андреевна прилялась за свой чулокъ.

— Ну что же ты все это время дѣлала? Я давно тебя не видала.

— Да, давненько! Я была у васъ съ отцомъ въ прошлое воскресенье. А это время я цвѣты сѣяла въ палисадникѣ, да платьѣ себѣ новое сшила, и обновила его къ вамъ сегодня.

— Ты мастерица, хорошо шьешь. Да, я и забыла тебѣ показать, прибавила Дарья Андреевна, помолчавъ,—какіе у меня ковры хорошіе ткуть теперь мои мастерицы. Первый ужъ готовъ, я Юрію къ кровати положила. Послѣ пойдемъ, покажу; и въ ткацкую поведу тебя, согласишься на моихъ мастерицъ. У меня теперь на той половинѣ дома настоящая фабрика. И кружева плетутъ, полотна ткуть тонкія, не хуже голландскихъ. Ковры съ узорами выдѣлываютъ. Я хочу и тебѣ коврикъ подарить; сама и узоръ выдумала.

— Ахъ, благодарю васъ! Да скажите пожалуйста Дарья Андреевна какъ это вы вездѣ успѣваете сами? И въ деревнѣ сами лѣчите, и травы собираете, и за всѣмъ хозяйствомъ смотрите. Мы еще вчера съ отцомъ про васъ говорили. Онъ удивляется, какъ вы это все хорошо умѣете дѣлать; онъ васъ часто называетъ „бой баба, эта Дарья Андреевна“. Вы вѣдь не сердитесь, что онъ такъ называетъ васъ? спросила Манечка,

заглядывая въ глаза старухѣ и цѣлуя ея жесткую руку, незнакому съ перчатками.

— Чего же я буду сердиться, голубчикъ мой? Тутъ ничего худого нѣтъ. Да и всякій волежъ называть меня по своему.

— Ахъ, Дарья Андревна! Какъ бы мнѣ хотѣлось все такъ умѣть какъ вы! Какъ вы это всему научились? Расскажете мнѣ.

— Да я и не училась. И мудрости-то во всемъ этомъ нѣтъ; была бы охота.

— У меня большая охота все знать какъ вы, да кажется я бы не могла.

— Ну, не то чтобы не могла, а развѣ здоровья твоего и силы бы не хватило. Я, видишь, какая здоровенная; тебя какъ куклу подыму. Да притомъ же я ко всему съ малыхъ лѣтъ привыкла, а ты нѣтъ. Вотъ и разница вся тутъ.

— Вы и молодую такъ все умѣли дѣлать? Расскажите мнѣ, душенька Дарья Андреевна, про вашу молодость, если можно. Я давно хотѣла васъ просить, да не смѣла.

— Секретовъ нѣтъ, Манечка, молодость моя такая не мудреная, ужъ даже черезчуръ не мудреная. Просто родилась, выросла и состарѣлась, вотъ и все.

— А жениховъ развѣ у васъ не было? спросила Манечка, взглядываясь въ лицо старухи.

— Нѣтъ, женихи были; немного, правда; я некрасива была, только бѣла да румяна.

— Отчего же вы замужъ не вышли?

— Да я и сама ужъ теперь хорошо не знаю. Оттого ли, что мнѣ по сердцу никто не приходился, или не хотѣла свою волю на мужнюю промѣнять. А можетъ и оттого что матушка съ отцомъ моимъ несчастна была, я и боялась. Хорошо не умѣю тебѣ причины сказать.

— И не жалѣете? опять спросила Манечка.

— Чего же жалѣть! Мнѣ жить и безъ мужа хорошо, а съ мужемъ можетъ-быть худо было бы, Богъ его знаетъ. Я объ этомъ никогда не думаю. Времени нѣтъ, прибавила съгнѣсь Дарья Андревна. — Проселки всѣ думки мои заняли. Да и жить есть для кого: вѣдь Юрій мнѣ какъ сынъ родной. А что Манечка, спросила старуха помолчавъ, — не пора ли и обѣдать,—и она взглянула на старинные серебряные часы всегда находившіеся при ней.

Въ это время послышался колокольчикъ. Дарья Андреевна

изглянула на дорогу, видѣвшуюся издали. По ней неслась во весь дух почтовая телѣга, взбирая клубами пыль.

— Господи, не Юря ли это? Бѣги, Манечка, въ кухню; скажи, чтобы на всякій случай карасей въ сметанѣ изжарили: онъ ихъ любитъ.

Манечка скрылась.

Дарья Андреевна, блѣдная отъ внутренняго волненія, не спускала глазъ съ дороги.

— Вотъ несется! Владыко мой! Кто бы это? Неужели онъ? И не боится же шею сломать. Ну если это онъ? Господи Боже мой!—И старуха съ мольбой сложила руки, взглянуть на небо. Телѣга тройкой мчалась съ горы къ селу; нельзя было разглядѣть кто на ней сидѣлъ, густое облако пыли покрывало все. — Эхъ, онъ, онъ! бормотала Дарья Андреевна.—Сердце чувствуетъ что онъ.

Манечка давно вернулась, и взобравшись на стулъ, тоже смотрѣла на дорогу. Телѣга въѣхала въ село, и Дарья Андреевна побѣжала на другое крыльцо, выходившее къ селу.

Манечка поспѣшила за ней, но на крыльцо не рѣшилась выйдти и остановилась въ залѣ у окна. Телѣга подкатила къ крыльцу, и изъ нея выскочилъ высокій, стройный мужчина, до того запыленный, что платье, лицо и волосы—все было одного цвѣта. Съ лошадей пѣна падала клубами.

— Тетушка! вскричалъ пріѣзжій, охвативъ шею Дарьи Андреевны, и потомъ долго сжималъ ее въ объятіяхъ.

Старуха не могла промолвить ни слова, съ трудомъ удерживая слезы. Но когда племянникъ высвободилъ ее изъ своихъ объятій, она сказала, стараясь придать своимъ словамъ какъ можно болѣе сердитый тонъ.

— Безсовѣстный! Ну не стыдно ли тебѣ?

— Чтѣ не стыдно, тетушка?

— Да летѣть-то такъ. Ахъ-ты голова, голова вѣтреная! Ну, еслибы телѣга сломалась?

— Полно, тетушка! Зачѣмъ ей ломаться? весело отвѣчалъ Радомскій, и обращаясь къ ямщику, прибавилъ:—Ну, молодецъ! Славно везъ, вотъ тебѣ обѣщанное,—и Радомскій вынулъ изъ кошелька цѣлковый.

— Чтѣ ты, чтѣ ты? Кто же это цѣлковые на водку даетъ? вступилась Дарья Андреевна.

— Неужели же это много, тетушка? Онъ вѣдь меня въ Просеки къ вамъ привезъ. Или вы мнѣ не рады?

Дарья Андреевна махнула рукой.—Ну, ну, плати, ужь нечего съ тобой дѣлать! Каковъ увхаль, такимъ и пріѣхаль, бормотала она качая головой.

— Не жалѣйте, барынька, славно доведъ сынка. Видите, лошади-то всѣ въ мыль.

— Именно сынка, проговорилъ Радомскій, еще разъ обаямая тетку.—Какъ славно въ Проселкахъ! прибавилъ онъ оглядываясь по сторонамъ.—Лучше Италиі; право, тетушка. А что мой цвѣтникъ, садъ, лѣсъ, что мужики? все благоденствуетъ? А мой старый другъ, Баронъ, живъ?—И Юрій Николаевичъ уже собирался бѣжать, чтобъ увидать своихъ старыхъ друзей и осмотрѣть любимыя мѣста.

— Да постой же, постой. Фу, вѣтреная голова! Ни на волосъ не перемѣнился, а пора бы, право, ворчала Дарья Андреевна, взявъ за руку племянника и вводя его въ большой залъ, гдѣ въ раскрытыя окна любопытно заглядывали изъ саду цвѣтушіе кусты бѣлыхъ и лиловыхъ сиреней; отъ одного изъ этихъ кустовъ отдѣлялась хорошенькая головка Манечки, притаившейся у окна.

— Ай какъ хорошо! говорилъ Радомскій озираясь:—и какъ разрослась сирень! Милая тетушка, вы не повѣрите, какъ я радъ, что я наконецъ опять здѣсь, у васъ! И какъ я спѣшилъ, какъ спѣшилъ! Летѣлъ сломя голову отъ самой Варшавы.

— Что ты летѣлъ сломя голову, это-то я очень хорошо видѣла, что ты радъ что пріѣхаль, этому я вѣрю, но что ты спѣшилъ, этого я сказать не могу. Ты ужь чуть ли не два года спѣшилъ домой, да все какъ-то не доѣзжалъ. Я начала ужь думать, что никогда и не доѣдешь.

— Это, право, тетушка, не моя была вина; такія обстоятельства выходили. А гдѣ же Баронъ, живъ? Я его не вижу.

— Онъ вѣрно нѣжится гдѣ-нибудь въ саду, на солнышкѣ, сказала Дарья Андреевна, и отворивъ дверь въ садъ, стала звать собаку.

— Онъ отъ старости совсѣмъ оглохъ, прибавила она.

Радомскій побѣжалъ за теткой, и увидя на крыльцѣ своего пуделя, бросился къ нему, и принялся ласкать и обнимать его, приговаривая: „Баронъ, Барончикъ ты мой.“

Собака узнала своего господина, съ визгомъ прыгала около него и лизала его руки.

— Онъ хоть пыль-то съ тебя немного смоетъ, смѣясь замѣтила Дарья Андреевна.

— Какой же онъ бѣлосвѣжнѣй! Ты видно ожидалъ меня Барончикъ, что такъ нарядился?

— Еще бы онъ былъ грязнѣй, когда его каждый день мотать, промолвила Дарья Андреевна.

— Вы ангелъ доброты, милая тетушка. Обо всемъ, что любить вашъ баловень, вы такъ заботитесь.—И Радомскій поцѣловалъ тетку.—Ну теперь позвольте же мнѣ взглянуть на комнаты, вспомнить старину, прибавилъ онъ, и не дожидаясь отвѣта, вѣжалъ обратно въ домъ, въ сопровожденіи Барона.

— Вотъ неугомонный какой! И посмотрѣть на него не успѣла, говорила Дарья Андреевна, спѣша за племянникомъ. Она нашла его въ кабинетѣ быстро перебирающимъ разныя бездѣлушки, оставленныя имъ четыре года тому назадъ на столѣ.

— Все сохранно, все цѣло, говорилъ Радомскій, потомъ подошелъ къ окну, вспомнилъ о своемъ цвѣтникѣ, и не долго думая, выпрыгнувъ въ садъ и скрылся между деревьями.

Манечка все это время стояла у окна въ залѣ, и ничуть не обижаясь что ея не замѣчаютъ, слѣдила за быстрыми движеніями Юрія Николаевича. Она видѣла, что онъ уѣжалъ въ садъ, и когда Дарья Андреевна вернулась изъ кухни и начала присматривать чтобъ акуратнѣе накрывали на столѣ, Манечка выбѣжала въ садъ и вернулась съ двумя букетами, однимъ изъ сирени, другимъ изъ ландышей, и поставила ихъ на столѣ.

— Вотъ умница! замѣтила Дарья Андреевна:—догадалась! Да какъ скоро ты нарвала ландышей!

— Въ саду ихъ вѣдь много теперь, Дарья Андреевна, я бы и больше нарвала, да боялась, что вернется Юрій Николаичъ, а букеты еще не будутъ на столѣ.

— Жди его теперь. Объ закладъ побьюсь, что онъ обѣжитъ весь садъ, и въ деревню пойдетъ пожалуй.

Дарья Андреевна не ошиблась. Радомскій вернулся не раньше какъ черезъ полчаса.

— Гдѣ же ты пропадалъ? спросила его тетка.

— Какъ же тетушка! На все взглянуть хотѣлось, все посмотреть.

— Много же ты видѣлъ, я думаю, въ полчаса.

— Все-таки взглянулъ на старыхъ друзей. Но за то и усталъ,—и Юрій Николаевичъ бросился на диванъ.

— А ѣсть хочешь?

— Какъ волкъ голоденъ. Скоро обѣдать? Вѣдь и вы, я думаю, не обѣдали.

— Нѣтъ еще, только собирались, какъ ты прикатилъ. Да ты не намѣренъ ли и за столъ сѣсть въ такомъ видѣ? Посмотришь-ка въ зеркало, на что ты похожъ; я и разглядѣть-то тебя еще не могла.

— А что же тетушка?

— Да ты съ ногъ до головы въ пыли.

— Въ самомъ дѣлѣ? промолвилъ Радомскій осматриваясь.— Ну да ничего.

— Фу, да вѣдь и ѣсть то такъ не вкусно будетъ! Пыль въ кушанье попадетъ.

— Такъ приказываете идти умываться.

— Не худо бы было. У тебя тамъ ужъ все готово; если хочешь, возьми ванну; вкуснѣе пообѣдаешь.

Радомскій всталъ очень печально, и бросилъ умоляющій взглядъ на тетку, надѣясь, что она отменитъ свое жестокое приказаніе, и вышелъ.

— А тебя-то, Божья птичка, онъ и не замѣтилъ еще, сказала Дарья Андреевна.— Да и я-то, глупая, не показала ему тебя. Ты зачѣмъ же все пряталась?

— Ничего, Дарья Андреевна, Юрій Николаичъ такъ радъ что возвратился домой. Ему не до чужихъ теперь.

— Какая же ты чужая? Ты ему крестная сестра. Его отецъ вѣдь крестилъ тебя.

— Да я думаю, что Юрій Николаичъ совсѣмъ меня не помнитъ.

— Ну вотъ, ужъ и не помнитъ. Ты вотъ какая маленькая была, когда онъ уѣхалъ, а помнишь же о немъ.

Манечка промолчала.

Радомскій явился къ обѣду умытый и переодевый. Теперь только можно было разглядѣть его. Дарья Андреевна справедливо называла красавчикомъ своего баловня Юрю. Онъ точно былъ очень красивъ.

— Ну вотъ, я и исполнилъ ваше приказаніе, тетушка, и очень благодаренъ вамъ за него. На мнѣ было вѣрно вуда три пыли.

— То-то. Теперь сталъ совсѣмъ другой человекъ.—И Дарья Андреевна съ материнскою гордостью осмотрѣла племянника, обдернула его сѣрую блузу, въ тайнѣ полюбowała

близкою его шею, которую плохо прикрывалъ узенькій, небрежно повязанный, голубой галстукъ.

— Да, я и забыла, прибавила старуха:—ты еще не видалъ Манечки Голубковой, а она вѣдь все время тутъ была. Манечка, а Манечка! Гдѣ же ты, моя пташка?

Манечка вышла изъ сосѣдней комнаты и застѣнчиво подошла къ Дарьѣ Андреевнѣ, которая взяла ее за руку и очень нецеремонно подвела къ племяннику.

— А, Манечка! Да какія же вы большія стали и хорошенькія!—И Юрій Николаевичъ взялъ обѣ руки дѣвушки и, какъ бывало прежде, хотѣлъ ее поцѣловать. Бѣдная Манечка зардѣлась; но Радомскій не замѣтилъ ея смущенія, и братски поцѣловалъ ея алую щечку.

— Чтò же ты, голубчикъ, такъ сконфузилась? спросила Дарья Андреевна:—онъ вѣдь смотритъ на тебя, какъ на сестру, знаетъ тебя маленькою, часто въ колясочкѣ тебя каталъ.

— А посмотри какіе Манечка букеты сдѣлала для твоего пріѣзда.

— Такъ вы меня помните? У васъ, значить, хорошая память! сказалъ Юрій Николаевичъ, садясь за столъ. — Спасибо вамъ, я этого не ожидалъ. Вы тогда вѣдь были такая крошечная.

— Я не была ужъ такъ мала, замѣтила застѣнчиво дѣвушка. Мнѣ былъ двѣнадцатый годъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Вотъ старушка! А теперь вамъ должно быть ужъ очень, очень много лѣтъ.

— Мнѣ скоро семнадцать будетъ.

— Старушка! Ну скажите же мнѣ, старушка, здоровъ ли вашъ батюшка, чтò онъ дѣлаетъ? Все ли, попрежнему, молодцомъ глядитъ?

— Отецъ мой, слава Богу, здоровъ. Онъ сегодня будетъ у васъ; онъ заѣдетъ за мной передъ вечеромъ.

Послѣ обѣда всѣ вышли на садовое крыльцо. Радомскій усѣлся на мягкій диванъ курить и пить кофе, съ удовольствіемъ поглядывая на окрестности, напоминавшія ему его дѣтство и можетъ-быть много милаго прошедшаго. Дарья Андреевна съ чулкомъ помѣстилась на своемъ обычномъ мѣстѣ на ступенькѣ лѣстницы. Манечка пріютилась къ ней.

— А чтò тетушка, расскажите-ка мнѣ про нашихъ сосѣдей, кто остался здѣсь изъ нашихъ помѣщиковъ? Часто ли у васъ бывають гости? заговорилъ Радомскій.

— Гости! какіе же гости? Вотъ ко мнѣ часто ѣздить Егоръ Евстафьевичъ съ Манечкой, это мои любимые гости. Иной разъ завернуть Василевы, старуха Сусликова, Колотухины. Ну, да эти, Богъ съ ними. А то кто же еще? Я вѣдь, голубчикъ мой, не больно гостей люблю, когда одна. Другое дѣло, когда ты дома.

— Кто же еще здѣсь изъ прежнихъ помѣщиковъ? Вѣдь это, кажется, вы не всѣхъ перечли? продолжалъ Радомскій.— Да, вотъ еще знакомые, Арнутины, прибавилъ онъ смотря въ сторону.

— Арнутины здѣсь, въ Крутыхъ Горкахъ. Я и позабыла ихъ называть. Вотъ скоро годъ, какъ вернулись изъ-за границы. Ты, я чай, тамъ съ ними встрѣчался?

— Да, коротко отвѣчалъ Юрій Николаевичъ, и помолчавъ немного, опять спросилъ:—А онѣ у васъ часто бываютъ?

— Гдѣ же часто? Имъ со мной старухой вѣдь скучно. Онѣ барыни модныя.

— А вы, тетушка, часто въ гости ѣздите?

— Какже! Еще бы не часто? Такъ вотъ все и разъѣзжаю.

— У Арнутиныхъ не бываете?

— Вотъ какъ въ городъ зимою ѣздила, такъ на обратномъ пути заѣхала, ночевала у нихъ.

— Что же дѣлаетъ Анна Семеновна? Здорова?

— Здорова. Зачѣмъ ей хворать? Или забота какая? Полная, румяная, не старѣется.

— Какъ же онѣ живутъ? Не скучаютъ въ деревнѣ?

— Не знаю, право, не спрашивала. Я вѣдь не долго-то и пробыла у нихъ.

— А дочь Анны Семеновны? рѣшился наконецъ спросить Радомскій.

— Она все такая же красавица барышня, ласковая, приветливая. Вотъ ты у Манечки спроси; она у нея бываетъ иной разъ.

— Антонина Александровна такая добрая, тихо отозвалась Манечка.

— И она часто къ вамъ ѣздитъ? съ удивленіемъ спросилъ Радомскій.

— Нѣтъ. Зимою раза два была, да весной, какъ онѣ у Дарьи Андревны были съ Анной Семеновной, такъ и къ намъ заѣзжали на минутку.

Радомскій задумался и долго молчалъ.

— Ты можеть-быть усталъ, Юря, съ дороги-то. Не хочешь и отдохнуть? Мы уйдемъ, а ты тутъ прилягъ на диванъ, скакала Дарья Андреевна.

— Нѣтъ, тетушка, благодарю васъ, я лучше пойду похожу. [а я вѣдь еще не поблагодарилъ васъ за цвѣтникъ. Онъ воспитательный!

Юрій закурилъ сигару, и что-то напѣвая, спустился съ лѣстницы. Тетка остановила его.

— Юря, сказала она,—ты писалъ, что картинъ купилъ и сигуръ разныхъ! гдѣ же все это?

— Черезъ нѣсколько дней будетъ все здѣсь.

Солнце уже скрылось за лѣсъ, окружающій Проселки, когда Радомскій вернулся съ своей прогулки. Онъ все еще былъ задумчивъ, разсѣянно брелъ по тропинкѣ сада, не замѣчая какъ вѣтки били ему въ лицо. Но глаза его оживились, когда на крыльцѣ онъ замѣтилъ высокаго, сѣдаго старика, съ большимъ рубцомъ на щекѣ, слѣдомъ раны, когда-то полученной на Кавказѣ.

— Егоръ Евстафьичъ! вскричалъ Радомскій, бросаясь на шею старику.

— Здравствуй, дружище, съ прїѣздомъ, заговорилъ старикъ, обнимая молодаго человека.—Я ужь съ полчаса поджидаю тебя. Ну, насилу-то ты опять вернулся въ родное гнѣздо. А что, радъ, я думаю?

— Очень радъ, Егоръ Евстафьичъ. Какъ ни хорошо тамъ, далеко-то, а все домой тянетъ.

— Плохо видно тянуло, когда и въ четыре года не пригнуло.

Юрій Николаевичъ засмѣялся.

— Да какой ты молодець сталъ! Только такимъ Французомъ смотришь; на Русскаго совсѣмъ не похожъ.

— За то душа все-таки русская.

Дарья Андреевна встала, чтобъ идти готовить чай; Манечка послѣдовала за ней.

— А что много денежекъ порастресь? спросилъ Егоръ Евстафьевичъ.

— Порастресь-таки, да не особенно много; жизнь за границей не дорога.

— А знаешь, я все боялся, что ты привезешь съ собой какую-нибудь заграничную красавицу, Французенку или Итальяночку, кто тебя знаетъ.

— А тетушка-то? смѣясь замѣтилъ Радомскій.

— Ну, да вѣдь я не про такую говорю, чтобы тетушка могла разсердиться. Ты видно тамъ того... избаловался, что о такой подумалъ. Я о женѣ говорю. Не хотѣлось бы, признаться, чтобы ты женился тамъ. Можетъ-быть тамъ и хорошія невѣсты, да только тогда ты бы совсѣмъ дома не жилъ.

— Жениться? тамъ?—Радомскій засмѣялся.—Съ чего это вы взяли Егоръ Евстафичъ? Нѣтъ, если я женюсь, такъ здѣсь на родинѣ. Я хочу, чтобы моя жена любила мою родину.

— Вотъ что! говорятъ, что Итальянки красавицы, я все и боялся, что ты намъ Итальяночку какую-нибудь привезешь.

— Да, изъ Итальянокъ есть красавицы, но для меня онѣ были хороши какъ натурщицы.

— А ты все свои картины пишешь? Не разлюбилъ?

— Я люблю это занятіе еще болѣе чѣмъ прежде, и теперь ужъ не такой дрянной мазулька какъ прежде.

— Это, братецъ мой, хорошо, да дѣло-то не въ этомъ.

— А въ чемъ же, Егоръ Евстафичъ?

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать? И за хозяйство бы пора примяться, да тетушкѣ отставку съ мушкетеромъ дать; она довольно тебѣ послужила, и послужила съ честью.

— Да, я и самъ думалъ взять на себя все управленіе по имѣнію, но вѣдь тетушка еще въ отставку не хочетъ; она безъ дѣла будетъ скучать. Вы знаете, какъ она привыкла къ хлопотамъ.

— Оно пожалуй и такъ, да тебѣ нужно же дѣло дѣлать; не все же въ краскахъ да маслѣ пачкаться.

— По моему, это пачканье хозяйству не мѣшаетъ. А по вашему, Егоръ Евстафичъ, что я долженъ дѣлать?

— Что дѣлать? Гмъ!... Служить, братецъ.

— Служить? Служить бы я и радъ да *прислуживаться тошно*, съ улыбкой отвѣчалъ Радомскій.

— Полно, Юрій Николаичъ, развѣ служить значитъ прислуживаться? Вотъ хоть бы въ нашей губерніи; ну, по выборамъ, напимѣръ, дѣло хорошее и полезное.

— Очень можетъ быть. Да я какъ-то не склоненъ къ этому; въ службѣ, говорятъ, надо кланяться, а моя спина плохо сгибается, не привыкла къ этому упражненію. Притомъ же и бороды жаль, смѣясь сказалъ Радомскій.

— Экое диво, твоя борода! Да тутъ не въ бородѣ дѣло, а

пользѣ отечеству. Вѣдь и отецъ твой служилъ, и безъ боды жилъ.

— Служилъ, но всегда радовался, что Богъ надѣлилъ меня страстью пачкаться въ краскахъ и маслѣ, какъ вы говорите.

— Эхъ, братъ, славный былъ человекъ твой отецъ, и я его очень любилъ, да такой же онъ былъ блажной, какъ и сынокъ. Если не хочешь служить, такъ что же ты дѣлать будешь? Сидѣть сложа руки, да бороду поглаживать.

— И еще руками выпачканными краской да масломъ, не такъ и вы хотите сказать? весело замѣтилъ Радомскій.

— Знаешь что, Юрій Николаичъ? прибавилъ старикъ, подумавъ.— Женись. Пока не женишься, не будетъ тебя никакаго проку.

— Въ этомъ вы совершенно справедливы, и я непременно постараюсь послѣдовать вашему совѣту.

— И выдетъ дѣло! А пока не женишься, все будешь волкомъ смотрѣть. Какъ тебя ни корми Дарья Андревна, а ты все будешь въ лѣсъ норовить. Того и смотри, что опять улепетнешь къ Итальяночкамъ.

— Вы можетъ-быть и правы, задумчиво отвѣчалъ Радомскій.

III.

Въ Крутыхъ Горкахъ еще не знали о прїѣздѣ Радомскаго въ Проселки. Антонина Александровна только что проснулась и сейчасъ же, по своему обыкновенію, отправилась въ купальню.

Освѣжившись, она тихо и, по своему обыкновенію, разсѣянно шла домой, отправивъ впередъ свою горничную. Ея легкая утренняя блуза свободно развѣвалась по вѣтру; мокрые отъ воды волосы волнами лежали на плечахъ.

Солнце довольно высоко взошло на небѣ, и она защищалась отъ его лучей маленькимъ зонтикомъ, который впрочемъ часто находился у нея совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ солнца. Замѣтивъ близъ дороги, въ чащѣ деревъ, ландыши, Нина направилась къ нимъ, сѣла на траву, и забывъ, что Анна Семеновна ждала ее съ завтракомъ, принялась рвать цвѣты. Вдругъ ей показалось, что позади ея кто-то тихо

идеть и наступилъ на сухую вѣтвь; она лѣниво оборотилась и не замѣтя никого, продолжала свое занятіе.

„На утренней росѣ я видѣлъ Персиду,
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣлъ дохнуть...“

пропѣвъ кто-то надъ самою головою Антонины Александровны.

Она вздрогнула, поблѣднѣла и быстро вскочила на ноги. Передъ нею стоялъ Радомскій, весело улыбаясь.

— Вы узнали мой голосъ? спросилъ онъ.

— Откуда вы? спросила Нина.

— Я васъ испугалъ?

— Да.

— Вы очень сердитесь?

— Да откуда вы взялись?

— Я прямо изъ Вѣны, за отвѣтомъ, котораго вы не удостоили мнѣ прислать.

— Сумашедшій!

— Вы совершенно справедливы. А какъ вы хороши, Нина съ этими влажными волосами. Я давно слѣжу за вами, и эти стихи невольно пришли мнѣ на память.

— Да когда вы пріѣхали?

— Вчера. Я не спалъ всю ночь, думалъ о васъ. Знаете, вы мнѣ снились сегодня; вы были такъ хороши; но все не такъ какъ теперь,—и Юрій Николаевичъ взялъ прядь ея волосъ и слегка прикоснулся къ нимъ губами.—И знаете, что вы мнѣ сказали въ эту ночь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вы мнѣ сказали, что вы меня любите.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Увѣряю васъ.

— Какъ же это? Вы говорите, что не спали всю ночь, а между тѣмъ я вамъ снилась. Значитъ, я вамъ снилась на яву.

— И на яву, и во снѣ, вы мнѣ снитесь всегда. Но я заснулъ на разсвѣтѣ и видѣлъ васъ во снѣ.

— Пойдемъ же домой.

— Нѣтъ, пойдите, сядемъ на минуту здѣсь, гдѣ вы сидѣли и собирали ландыши. Кстати, вы ихъ разсыпали, и я ихъ соберу. Вы рады меня видѣть?

— Вы меня испугали. Я не знаю сама, рада ли я. Кажется рада.

— А я такъ знаю.

— Чтò?

— Чтò вы мнѣ рады. Вы поблѣднѣли, когда меня увидѣли.

— Потому что испугалась.

— Нѣтъ, не потому.

— А почему?

— Потому что вы меня любите.

— Какой вздоръ!

— Такъ вы хотите сказать, что вы меня не любите?

— Нѣтъ, не люблю. Впрочемъ, я сама не знаю.

— А когда же вы наконецъ узнаете это?

— И того не знаю.

— Вы удивительно похорошѣли, Нина.

— Будто бы?

— Увѣряю васъ.

— Когда же мы пойдемъ домой? Или вамъ угодно цѣлый день здѣсь просидѣть? Я вѣдь еще не завтракала.

— Любовь, какъ видно, не отнимаетъ у васъ аппетита?

— Какъ видите.

— Такъ и я буду съ вами завтракать?

— Надѣюсь. Вѣдь вы еще не видѣли моей матери?

— Да, это правда, я и забылъ.

— Чрезвычайно вѣжливо: говорить дочери, что вы забыли о матери.

— Это доказываетъ, что я думаю только о васъ.

— Вы ни чуть не измѣнились.

— А вы хотѣли бы, чтобъ я измѣнился.

— Да.

— Въ чемъ же я долженъ мѣняться?

— Во многомъ. Впервыхъ, быть благоразумнѣе.

— Благоразуміе не родилось со мною, потому я и не въ ладу съ нимъ. Благоразуміе и я?— двѣ параллельныя линіи.

— Смотрите, чтобъ и мы съ вами не были параллельными линіями.

— Развѣ вы благоразумны? Этого я никогда не находилъ.

— Жаль. Въ чемъ же, по вашему, я неблагоразумна?

— Впервыхъ въ томъ, что увѣряете себя и меня, что вы меня не любите.

— Только увѣряю? Но довольно. Пойдите домой; татап меня ждетъ. Притомъ же насъ кто-нибудь можетъ здѣсь увидѣть.

— Такъ чтò же?

— Какъ что же? Это не прилично.

— Вы боитесь, чтобы не сказали, что вы меня любите?

— Ну пойдемъ, пойдемъ, я васъ болѣе не слушаю,—и Нина вскочила чтобы идти.

— Ваши волосы еще не высохли, и на воздухѣ гораздо скорѣе высохнутъ чѣмъ въ комнатѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какая удивительная заботливость о моихъ волосахъ! Да, я и не спросила, здорова ли Дарья Андревна?

— Не удивительно, что вы о ней забыли; я же забыть о вашей матушкѣ. А я между тѣмъ ее очень люблю и уважаю. Но какое счастье, что я опять на родинѣ и вижу васъ, Нина.

— Вы меня видали и тамъ.

— Да, но тамъ вы были такая неприступная, постоянно окружена поклонниками. Я и подступиться къ вамъ боялся.

— Однако такъ часто подступались, что иногда мнѣ страшно надоѣдали.

— Позвольте не вѣрять вамъ въ этомъ!

— Какъ хотите; не вѣрьте.

— Скажите, Нина, отчего вы мнѣ ни слова не отвѣчали? Я васъ такъ просилъ объ этомъ!

— Не хотѣла.

— Только эта причина?

— Только.

— Нѣтъ, должна быть еще другая причина.

— Можетъ-быть.

— Какая же?

— Я сама хорошо не знаю.

Они уже подходили къ дому. Радомскій остановилъ ее.

— Скажите, Нина, но откровенно. Есть у васъ здѣсь поклонники?

— Какъ же, очень много! Всѣ сосѣдніе помѣщики...

— И вы скучаете?

— Нѣтъ.

— Точно?

— На что вамъ это?

— Это мнѣ знать необходимо.

Нина пожала плечами.

Въ это время Анна Семеновна увидѣла дочь и Юрія Николаевича, и съ радостнымъ крикомъ поспѣшила къ нимъ на встрѣчу.

— Вотъ неожиданный гость! говорила она.—Откуда? Какъ? Когда вы прѣехали?—И когда Радомскій отвѣтилъ на всѣ вопросы, Анна Семеновна сказала:

— Отчего вы не писали, что прѣдете? Мы ужь всѣ васъ давно и ждать перестали.

— Извините, Анна Семеновна, тетушка меня ожидала и... Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но остановился, и когда Анна Семеновна обернулась къ вошедшей, за какимъ то приказаніемъ, горничной, нагнулся къ Нинѣ и прошепталъ:—И Антонина Александровна тоже.

— Ошибаетесь, проговорила Нина.

Во все время завтрака, Антонина Александровна была страшно разсѣяна и за это сама на себя сердилась. Она налила матери чашку чаю, и когда Анна Семеновна нашла, что онъ слишкомъ крѣпокъ и просила разбавить, Нина долила чай кофеемъ. Она наливала то слишкомъ сладко, то совсѣмъ безъ сахару, и съ досады на себя стала очень не въ духѣ.

Анна Семеновна молча улыбалась. Радомскій же безпощадно трунилъ надъ нею.

Передъ обѣдомъ Анна Семеновна ушла заняться своимъ туалетомъ. Нина съ своимъ гостемъ спустилась въ садъ.

— Ахъ, еслибы вы видѣли, Нина, какъ хорошъ теперь мой цвѣтникъ! сказалъ Радомскій. — А вы знаете отчего я такъ люблю этотъ уголокъ моего сада и такъ забочусь о немъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ вы забыли, что въ дѣтствѣ мы тамъ играли вмѣстѣ. Не вы ли помогали мнѣ разбивать его? Въ немъ же, на той дерновой скамьѣ, я рѣшился въ первый разъ сказать, что я васъ люблю. Вы все это забыли?

— Нѣтъ, я ничего не забыла, но не знала, что вы потому его любите. Я нахожу, что это немного сентиментально, а въ васъ я не предполагала этого качества.

— Вы называете сентиментальностью любить мѣсто, гдѣ мы были счастливы?

— Оба мы были тогда такими дѣтьми.

— Когда я вамъ говорилъ, что люблю васъ, въ тотъ вечеръ мы были дѣтьми?

— Да; по крайней мѣрѣ, вы.

— Такъ, по вашему, я только недавно пересталъ быть малолѣтнимъ? Вы знаете сколько мнѣ лѣтъ?

— Знаю. Все-таки вы были тогда совершенный ребенокъ, и теперь еще часто имъ бываете.

— Въ чемъ же состоитъ мое ребячество?

Нина не отвѣчала, и помолчавъ, спросила:

— Что же вы намѣрены здѣсь дѣлать?

— Я.... сказать что? Я намѣренъ сдѣлаться вашимъ мужемъ, если вы будете на это согласны.

— Скажите пожалуйста! Какое у васъ благое намѣреніе! Ну, а если я не буду согласна, что же тогда?

— Тогда.... я опять уѣду.

— Куда же?

— Самъ не знаю; куда глаза глядятъ.

— И будете стараться забыть меня?

— И буду стараться забыть васъ.

— Ну и прекрасно! Только такъ скоро не уѣжайте. Дарья Андреевна это будетъ слишкомъ горько; она такъ рада, а думаю, васъ видѣть.

— Еще бы! Бѣдная тетушка! А знаете, вѣдь и Антонина Александровна горько будетъ, если я уѣду; и она вѣдь довольна, что я пріѣхалъ.

— Вы самонадѣянны, Юрій.

— Какъ вы хорошо произносите мое имя! Никто такъ хорошо не произноситъ его, какъ вы.

— Я этого не подозрѣвала.

— Вы многого не подозрѣваете. Но скажите мнѣ серьезно, почему вы мнѣ не отвѣчали въ Вѣну? Я васъ такъ умолялъ объ отвѣтъ.

— Потому что не знала что отвѣчать.

— А теперь знаете?

— Нѣтъ.

— Боже мой! Когда же вы наконецъ будете знать?

— Право, не знаю.

— Такъ мнѣ опять надо уѣхать?

И лицо Юрія Николаевича, изъ веселаго и безпечнаго, сдѣлалось вдругъ невыразимо грустнымъ. Нина внимательно взглянула на него: въ ней было замѣтно волненіе. Радомскій взялъ ее за руку, и тихо спросилъ.

— Что же Нина, надо мнѣ уѣхать?

— Нѣтъ, не увѣжайте. Поживите здѣсь. Я, точно, рада васъ видѣть. Поживите здѣсь подольше. Вѣдь вамъ здѣсь хорошо? Я же въ это время привыкну къ вамъ, и тогда отвѣчу да или нѣтъ.

— Такъ вы еще не привыкли ко мнѣ? съ грустью спросилъ Юрій Николаевичъ.—Но вѣдь мы знаемъ другъ друга съ дѣтства; съ дѣтства любимъ другъ друга.

— Да, но я все-таки еще не могла привыкнуть къ мысли быть вашею женой, быть вообще женой кого бы то ни было. И я еще хорошо не знаю, какъ я васъ люблю, любовью ли дѣтства, какъ брата, или иначе. Да и не знаю, какъ вы меня любите, тоже любовью ли дѣтства, воображеніемъ ли художника, или иначе.

— Вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Когда же вы все это узнаете?

— Не знаю, право. Подождите. Будете ждать?

Радомскій задумался.—Буду, отвѣчалъ онъ помолчавъ,—но не слишкомъ долго и не слишкомъ терпѣливо.

— Ну хорошо. Тамъ посмотримъ; а пока не думайте объ отъѣздѣ. Это можете обѣщать?

— О, съ большимъ удовольствіемъ! Я ѣхать не хочу. Мнѣ будетъ очень тяжело увѣхать отсюда. Но все будетъ зависѣть отъ васъ, отъ васъ однихъ, Нина. Вы знаете, чтѣ вы для меня?

— Не надо говорить теперь объ этомъ. Вы мнѣ обѣщали ждать, и я буду покойна.

— Сыграйте мнѣ что-нибудь, я васъ давно не слыхалъ, сказалъ Радомскій, когда они вошли въ домъ.

Нина открыла рояль, и Юрій Николаевичъ, страстно любя музыку, слушалъ Нину всею душой.

Уже поздно вечеромъ онъ вернулся въ Проселки. Дарья Андреевна спала. Но, тѣмъ не менѣе, ея дорогой Юря былъ окруженъ ея заботливостію. Лампа горѣла передъ его кроватью, въ углу на столикѣ ожидалъ его холодный ужинъ и стаканъ стараго вина, которое сберегалось для него, и въ его отсутствіе хранилось какъ святыня.

Юрій Николаевичъ не скоро могъ заснуть. Онъ долго еще сидѣлъ за своимъ столомъ и чертилъ на бумагѣ головку Нины; онъ только тогда легъ, когда она вышла такою, какъ ему хотѣлось.

Не умѣю сказать, скоро ли заснула Антонина Александровна; вѣрно тоже не слишкомъ скоро, потому что заботливый глазъ Анны Семеновны довольно долго видѣлъ огонь въ комнатѣ дочери.

IV.

Послѣ поѣздки своей въ Крутыя Горки, Радомскій нѣсколько дней не выѣзжалъ никуда. Онъ проводилъ время подъ навѣсомъ балкона, лежа на диванѣ, съ заложеными за голову руками. Только подъ вечеръ, когда солнце начинало скрываться за лѣсъ, онъ поднимался и шелъ любоваться переизмененіемъ тѣней.

— Что это ты все валяешься? спросила одинъ разъ Дарья Андреевна, остановившись передъ племянникомъ и внимательно въ него всматриваясь.

— А развѣ это дурно, тетушка? ГГ

— Да и хорошаго-то въ этомъ немного. Или ты скучаешь дома?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не скучаю, я жду свои картины, краски, статуи.

— И ждешь все это лежнемъ такимъ. Должно-быть, скорѣе привезутъ? Мудреная же у тебя мода ожидать, видно заграничная!

Радомскій отъ души расхохотался замѣчанію тетки и вскочилъ съ дивана.

— Что прикажете дѣлать, тетушка? спросилъ онъ:—дайте я счета ваши сведу.

Дарья Андреевна легонько подрала шелковистые кудри племянника, и сказала:

— Счета я безъ тебя свести умѣю. Ты бы лучше поѣхалъ куда-нибудь. У Арнутиныхъ ты былъ, а у Голубковыхъ вѣдь еще не былъ, и ни у кого изъ другихъ сосѣдей.

— Ужь не сегодня, тетушка; сегодня поздно.

— Да, хоть бы ты книжку почиталъ.

Съ этими словами Дарья Андреевна вышла и вернулась съ книгой, которую нашла раскрытою передъ кроватью племянника.

— На вотъ тебѣ и книжка, сказала она:—если самому лѣнь привесть и приказать никому не хочешь...

— Тетушка, душенька! Вы меня ужъ слишкомъ балуете.

— Да я не могу видѣть, когда здоровый человекъ лежитъ цѣлый день задрывъ ноги, да мухъ на потолокъ считаетъ.

— Я не считаю мухъ, а смотрю на ясное небо. Посмотрите, тетушка, какое оно теперь чудное. Видите, вотъ это бѣлое облако, какъ оно хорошо, какъ тихо плыветъ въ воздухъ, точно нѣжится. Солнце скоро позолотитъ его. Неужели вы никогда не любуетесь красотой неба?

— Когда есть время, почему не взглянуть! Все это хорошо. Да книжку-то ты все-таки почитай, веселѣе будетъ.

Радомскій улыбнулся и машинально сталъ перелистывать книгу, но скоро она ему наскучила; онъ опять легъ на диванъ, и сталъ попрежнему слѣдить за прозрачнымъ облакомъ. Не долго однакожь лежалъ Юрій Николаевичъ; какая-то мысль промелькнула въ его головѣ; онъ всталъ, и велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь.

— Вотъ это дѣло, что вздумалъ проѣздиться. Вечеръ не жаркій и разомнешься немножко, сказала Дарья Андреевна, встрѣтивъ племянника на дворѣ, готового сѣсть на лошадь. — Да ты развѣ не одѣнешься? прибавила она, показывая на его помятое, отъ лежанья на диванѣ, старое бархатное пальто. — Вѣдь встрѣтить можешь кого-нибудь. Хоть бы галстукъ надѣлъ. Кто же такимъ неряхой выѣзжаетъ?

— Не гнѣвайтесь, тетушка. Я вѣрно никого теперь не встрѣчу. А то, пожалуй, пока буду одѣваться, и охота пройдетъ.

Сказавъ это, Юрій Николаевичъ вскочилъ на сѣдло и тихо выѣхалъ со двора. Обогнувъ садъ, онъ остановился у крайней стѣны, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву, перепрыгнувъ чрезъ стѣну и скоро очутился въ своемъ цвѣтникѣ. „Ну, еслибъ тетушка застала меня здѣсь,“ думалъ онъ, съ улыбкой поглядывая въ стороны, какъ школьникъ, который боится, чтобъ его не застали за шалостью: „принялась бы спрашивать, зачѣмъ и кому рву цвѣты.“

Юрій Николаевичъ сдѣлалъ большой букетъ, перевязалъ его лентой, сорванной со шляпы, вынулъ изъ кармана записную книжку, выдернулъ изъ нея листокъ бумаги, написалъ нѣсколько словъ, и спрятавъ бумажку въ букетъ, тѣмъ же путемъ вернулся къ лошади и шажкомъ поѣхалъ по дорогѣ къ Крутымъ Горкамъ. Уже совсѣмъ смерклось, когда онъ въѣхалъ въ усадьбу Арнутиныхъ. Оставя лошадь въ деревнѣ, онъ тихо, никѣмъ не замѣченный, пробрался въ садъ. Дамы сидѣли на террасѣ; у нихъ были гости. Юрій Николаевичъ дошелъ

до террасы, постоялъ нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ голосамъ, обогнулъ домъ, взобрался на дерево, подъ самыя окна комнаты Нины, и ухватившись за вѣтвь, склонился къ окну и осторожно положилъ на него свой букетъ. Довольный успѣхомъ, Радомскій возвратился въ деревню, взявъ лошадей и во весь опоръ помчался домой.

Когда въ Крутыхъ Горкахъ разъѣхались гости, и Анна Семеновна, благословивъ дочь, ушла къ себѣ, Антонина Александровна, побродивъ по саду и вдоволь налюбовавшись луною ночью, также отправилась въ свою комнату; раздѣлась, отпустила горничную, и какъ ей еще не хотѣлось спать, она подошла къ окну, откинула занавѣсъ, чтобы еще подышать ароматнымъ воздухомъ ночи и увидѣла на наружной сторонѣ окна букетъ Радомскаго.

„Какіе чудные цвѣты! Откуда они?“ подумала она, рассматривая букетъ. „Неужели татапа положила ихъ тутъ? Да у насъ такихъ и нѣтъ. Или это любезность одного изъ нашихъ гостей? Но какъ могли они знать гдѣ моя комната? Притомъ же окно высоко, и снаружи положить трудно.“ Размышляя такимъ образомъ, Антонина Александровна пошла къ матери.

Анна Семеновна еще не спала и читала въ постелѣ.

— Чтò ты, Нина? спросила Анна Семеновна съ безпокойствомъ.—Ты еще не спишь?

— Вы не знаете откуда эти цвѣты? Вѣдь у насъ такихъ нѣтъ, кажется, и въ оранжереяхъ.

— Какой чудный букетъ! замѣтила Анна Семеновна.—Нѣтъ это не наши цвѣты,—и рассматривая букетъ передъ свѣчой, замѣтила записочку.— А это чтò? спросила она, вынимая бумажку и отдавая дочери.

Нина покраснѣла, быстро пробѣжала записку и поднесла ее къ свѣчѣ, проговоривъ:—Какое ребячество!

— Постой, не жги, остановила Анна Семеновна.—Я догадываюсь отъ кого это? Можно видѣть?

— Кто же другой способенъ на такія глупости, кромѣ Радомскаго? надувъ губки, сказала Нина.

Анна Семеновна прочла громко: „Изъ вашего будущаго цвѣтника.“

— Для чего же ты хотѣла ее сжечь? спросила свѣясь, Анна Семеновна.—Это очень мило. Но когда это онъ успѣлъ? Онъ былъ здѣсь, и никто его не видалъ.

— Букетъ такъ свѣжъ, замѣтила Нина.

— Онъ вѣрно сегодня былъ въ Крутыхъ Горкахъ, но когда какъ онъ умудрился положить его на окно? Шалунъ вѣрно залѣзъ на дерево.

— Не правду ли я говорю, что онъ совершенный ребенокъ? промолвила Нина, все еще надувъ губки.

— Ребачества я тутъ никакого не вижу, возразила Анна Семеновна.—Онъ очень мило хотѣлъ напомнить тебѣ о себѣ. Вѣдь согласишься, что тебѣ это пріятно?

— Напротивъ, это меня сердить. Изъ моего будущаго цвѣтника!

— Онъ этого желаетъ, надѣется на это и имѣетъ маленькое право надѣяться; поэтому тутъ нѣтъ большаго преступленія, если онъ такъ написалъ, говорила Анна Семеновна.

— Ребенокъ! бормотала Нина.— Онъ всегда останется такимъ же точно какъ теперь.

— Я могу тебѣ смѣло поручиться, что когда Юрію будетъ семьдесятъ лѣтъ, у него вмѣсто черныхъ кудрей будетъ лысина или совсѣмъ не будетъ волосъ; вмѣсто красиваго мушкетера, онъ, навѣрное, будетъ старичкомъ въ туфляхъ, въ мѣховомъ халатѣ, въ фланелевой фуфайкѣ.

— Матап, пощадите!

— У меня волосы дыбомъ становятся, при одной мысли о такихъ неслыханныхъ ужасахъ, продолжала Анна Семеновна смѣясь.—И вообрази себѣ, что хорошенькое, свѣжее личико Антонины Александровны покроется морщинами, ея черные блестящіе волосы заидеивѣютъ, и окажется большой недочетъ въ ея перловыхъ зубахъ. И эта самая Антонина Александровна, обновить „чепецъ и ваточный капоть“.

— Пощадите, а то я убѣгу.

— Тебѣ бы все хотѣлось поэзіи, даже въ семьдесятъ лѣтъ? Но букетъ твой вянетъ, поставь его скорѣй въ воду. Цвѣты, ма chère enfant, вянутъ также скоро, какъ молодость и красота. Иди же спать моя поэзія, желаю тебѣ видѣть во снѣ Юрія въ ночномъ колпакѣ и фланелевой фуфайкѣ.

„А пари держу, что она спрячетъ его записочку,“ подумала Анна Семеновна, когда Нина поцѣловавъ ей руку, убѣжала съ букетомъ и записочкой Радомскаго.

Радомскому ужасно хотѣлось на другой же день, послѣ своей эскапады, видѣть Антонину Александровну; но ему столько

же хотѣлось и помучить ее и испытать, насколько она по немъ соскучится, и не дастъ ли она ему о себѣ какой-нибудь вѣсти. Онъ двадцать разъ въ день начиналъ одѣваться, чтобъ ѣхать въ Крутыя Горки, и столько же разъ раздѣвался.

Но однако онъ сумѣлъ преодолѣть себя, не поѣхалъ, и съ горя ходилъ по полямъ и валялся на мягкой травѣ, слушая пѣсни жаворонка.

— Когда же ты съѣдешь наконецъ въ Грачовку? спрашивала Дарья Андреевна утромъ, за чаемъ.—Вѣдь право, Юръ, это неучтиво, что ты не былъ у Егора Евстафѣича. Онъ всегда такъ любилъ тебя, какъ любилъ твоего отца.

— Сегодня я поѣду къ нему, тетушка, не гнѣвайтесь.

— Да только приодѣнься. Или ты поѣдешь опять безъ галстука, какъ тотъ разъ, кататься? Красиво бы было! Думаешь: деревня, такъ и одѣваться не слѣдуетъ. А вѣдь и здѣсь осудать умѣютъ, да еще какъ! По косточкамъ всего разберутъ наши-то помѣщики. Ну что, еслибы тебя кто теперь увидѣлъ? Рубашка на тебѣ помятая, точно ты въ ней спалъ.

— Я сегодня утромъ на лугу валялся, тетушка: свѣжо зелено, трава такая душистая!

— Точно малое дитя! И гдѣ это ты пальто такъ разодралъ! Ахъ ты, отецъ мой!

— Ну, не гнѣвайтесь, тетушка, я сегодня франтомъ разодралъ. Всѣ помѣщичьи, которыя меня встрѣтятъ, такъ сейчасъ и влюбятся. Вы будете довольны?

— Ну, пошелъ городить! А пальто-то я все-таки заштопанъ.

Часовъ въ одиннадцать, Радомскій, одѣтый по послѣней модѣ, къ полному удовольствію Дарьи Андреевны сѣлъ въ пролетку и приказалъ ѣхать въ Грачовку, съ намѣреніемъ отправиться оттуда на обѣдъ къ Арнутинымъ.

Грачовка—небольшая деревенька, съ старинною деревянною церковью, съ покривившеюся колокольней и маленькимъ деревенскимъ господскимъ домикомъ противъ самой церкви. Фасадъ дома въ пять оконъ, закрытыхъ палисадникомъ въ которомъ подъ старою черемухой, стояла деревянная скамья и передъ нею столъ.

Подѣхавъ къ дому, Юрій Николаевичъ соскочилъ, взбѣжалъ на деревянное крылечко, а оттуда въ небольшія сѣни. Направо, дверь вела въ комнаты, налево, въ кухню. Въ ту минуту, когда Радомскій вошелъ въ сѣни, дверь

изъ кухни, обитая старымъ войлокомъ, для предохраненія отъ зимнихъ морозовъ, отворилась, и на порогѣ показалась Манечка въ ситцевой юбочкѣ, въ бѣломъ передникѣ, въ бѣлой кофтѣ съ засученными рукавами и руками по локоть въ муку. Ея русыя косы закрыты были, вѣрно отъ муки, бѣлою косыночкой. При видѣ Радомскаго, она покраснѣла до ушей, и въ недоумѣннн остановилась въ дверяхъ.

— Здравствуйте Манечка! Что это вы? хозяйничаете? спросилъ Юрій Николаевичъ.

— Да, отвѣчала стыдливо дѣвушка,—наша кухарка занемогла, такъ я сама хотѣла пирожки отцу къ обѣду испечь.

— И вѣрно вкусные будутъ. А гдѣ Егоръ Евстафьевичъ?

— Онъ въ гостиной. Я сейчасъ...

— Не хлопчите, Манечка, и для меня не оставляйте своихъ занятій, перебилъ ее Радомскій, входя въ дверь направо.

Егоръ Евстафьевичъ сидѣлъ у окна въ старинномъ вольгеровскомъ креслѣ и курилъ изъ большой фарфоровой трубки съ изображеніемъ какого-то усатаго Турка; длинный, гибкій чубукъ былъ перевитъ бисеромъ, работы его покойной жены.

— А, Юрій Николаичъ! Добро пожаловать. Я думалъ, братецъ, ты совсѣмъ офранцузился и знать меня, старика, больше не хочешь. Сколько времени какъ пріѣхалъ, а у меня еще не былъ! А вѣдь изъ Проселокъ въ Грачовку рукой подать.

— Виновать, Егоръ Евстафьевичъ, простите. Право, я не офранцузился, а просто разлѣнился, какъ это случается съ русскимъ человекомъ. Я вѣдь зналъ, что вы на меня не разсердитесь.

— Ну, а еслибъ разсердился? Ты бы махнулъ рукой, да и сказалъ: пусть себѣ, старый чортъ!

— Нѣтъ, я бы этого не сказалъ, да и вы бы не разсердились.

— Видите! Какъ увѣренъ, что его любятъ.

— Да, увѣренъ, потому что самъ люблю васъ.

— Ну садись, садись. Хочешь трубочки? Или у тебя свои сигары есть? Ты вѣдь мотъ, дорогія куришь. Надѣюсь, ты, по-старому, къ обѣду пріѣхалъ? Я рано обѣдаю, по-деревенски, ты помнишь?

— Нѣтъ, я обѣдать въ другой разъ пріѣду; сегодня я на минуту заѣхалъ къ вамъ.

— Съ визитомъ, то - есть, по - заграничному? Басни! Безъ обѣда я не пушу тебя. Гдѣ же ты обѣдать намѣренъ?

Радомскій замаялся.—Дома, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, извини. Не дома, а въ Грачовкѣ, у Егора Евстафьевича. И обѣдъ-то у насъ сегодня какой! Бѣлые ручки Марьи Егоровны его готовятъ. Надо ему честь отдать.

Юрью Николаевичу было страшно досадно; онъ надѣялся обѣдать съ Антониной Александровной; но почему-то не хотѣлъ признаться, что ѣхалъ на обѣдъ въ Крутыя Горки; притомъ же ему было жаль обидѣть старика, и онъ, скрывъ сердце, сказалъ:

— Я останусь съ удовольствіемъ; только тетушка будетъ меня ожидать.

— Тетушка не будетъ ожидать. Она знаетъ, что изъ Грачовки Радомскіе никогда не уѣзжаютъ безъ обѣда, такъ из-стари водилось, и пока мы и наши дѣти живы, надѣюсь, будетъ водиться.

Вошла Манечка, все въ томъ же нарядѣ, только съ вымытыми руками и безъ передника.

— У насъ, дочка, гость дорогой, твоего обѣда отвѣдать хочеть, сказалъ Егоръ Евстафьевичъ.

— Я очень рада, проговорила Манечка, накрывая чистою салфеткой маленькій столикъ.

— Это что будетъ? спросилъ у нея отецъ.

Но она не отвѣчала, поспѣшно вышла и вскорѣ вернулась съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ чашки шоколада.

— Вотъ что! Видишь, какъ она тебя угощаетъ. Я ей къ Святой фунтъ шоколаду привезъ въ подарокъ изъ города, она его все прятала, а теперь и подчуесть дорогаго гостя.

Манечка совсѣмъ сконфузилась, покраснѣла еще больше и поспѣшила уйдти.

— Ну, братъ Юря, сказалъ Егоръ Евстафьевичъ, — какой меня дочкой Господь надѣлалъ! Одна радость подъ старость Женился я поздно, жену молодую схоронилъ; думалъ, всю жизнь по ней тужить буду. А эта птичка все на свѣтѣ забыть заставила. Нѣжить меня, старика; какъ за малымъ ребенкомъ ухаживаетъ. За то и я слушаюсь ее какъ командира. А что, не хочешь ли пройтись передъ обѣдомъ? Вѣдь ты сколько лѣтъ въ Грачовкѣ не бывалъ. Лошадокъ тебѣ своихъ покажу: ты знаешь, я охотникъ до лошадей. Помнишь, какъ я тебя выучилъ верхомъ ѣздить?

— Какъ же? Очень помню, я недавно Манечкѣ объ этомъ азказывалъ.

— Да, да! она мнѣ говорила.

Старикъ повелъ Радомскаго показывать свое небогатое озаяство. И когда они возвратились въ домъ, въ маленькомъ аlicадникѣ былъ уже накрытъ столъ, среди котораго кра-овался букетъ цвѣтовъ, и Манечка, одѣтая по-праздничному, стрѣтила ихъ съ своею привѣтливою улыбкой.

— Вы удивительная хозяйка, говорилъ Радомскій.—Я раз-кажу про ваши пирожки тетущкѣ.

— Это она и научила меня печь такіе, сказала Манечка.

— А что же вы давно не были у тетущки?

— Отцу было некогда.

— А вы однѣ не ѣздите?

— Я ее часто посылаю поѣхать куда-нибудь, вступился Егоръ Евстафьевичъ: — вотъ къ Дарьѣ Андревнѣ, или къ Арнутинымъ. Антонина Александровна такъ ласкова съ ней, и книжки даетъ ей читать, и узоры присылаетъ; да не хо-четъ, жалветъ меня, старика, одного оставить.

— Вы еще не получили вашихъ картинъ? рѣшилась спросить Манечка, послѣ обѣда.

— А развѣ вы знаете, что я ихъ ожидаю?

— Да вы при мнѣ говорили Дарьѣ Андревнѣ.

— Нѣтъ, еще не получилъ; я ихъ каждый день ожидаю. А васъ это интересуесть?

— Очень. Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть ихъ.

— Пріѣзжайте.

— Я попрошу отца, если можно будетъ.

Радомскій всталъ и велѣлъ подавать свою пролетку. Сколько ни удерживалъ его Егоръ Евстафьевичъ, но онъ нашель столь-ко предлоговъ къ отъѣзду, что старикъ смирился и пошелъ провожать гостя.

— Смотри же, почаще заглядывай въ Грачовку, кричалъ Егоръ Евстафьевичъ вслѣдъ Радомскому.

Манечка стояла въ своемъ палисадникѣ и смотреѣла на до-рогу, пока не улеглась пыль отъ экипажа Юрія Николаевича.

V.

— Это любезно! сказала Анна Семеновна, встрѣчая Радомскаго.— Жить въ Проселкахъ, и столько времени не быть въ Крутыхъ Горкахъ! Не стыдно вамъ, Юрій Николаичъ?

— Развѣ въ Крутыхъ Горкахъ замѣтили мое отсутствіе?

— По крайней мѣрѣ я очень замѣтила, отвѣчала Анна Семеновна.

— И болѣе никто? спросилъ Радомскій подходя къ Автонову Александровнѣ.

— Я болѣе никого не знаю, отвѣчала смѣясь дѣвушка.

— Прикажете уѣхать?

— Если вамъ не рада Нина, то я очень рада, вступилась Анна Семеновна.— Сядьте и разказывайте, что вы все это время дѣлали?

— Что я дѣлалъ? О, очень много!.. Ничего.

— Отчего же вы не были у насъ?

— Я буду отвѣчать любимымъ отвѣтомъ вашей дочери — не знаю.

— Отвѣтъ милъ. А тетушка?

— Тетушка вамъ кланяется.

— Здорова, весела?

— Тетушка всегда весела и всегда здорова. Особенно теперь ей некогда хворать, она очень занята.

— Чѣмъ?

— А развѣ меня баловать—не занятіе? Она меня такъ иѣжить и откармливаетъ, что я скоро начну толстѣть какъ истый помѣщикъ.

— Слышишь Нина? сказала Анна Семеновна, обращаясь къ дочери.

Нина сдѣлала презрительную гримаску.

— Вы, кажется, лакомка? Зачѣмъ не пріѣхали сегодня къ намъ обѣдать? У насъ было превкусное пирожное изъ земляники.

— Я вѣрно это предчувствовалъ, потому что непременно хотѣлъ обѣдать у васъ; но къ несчастью, заѣхалъ въ Грачовку, и меня старикъ не отпустилъ. Какъ я ни порывался, все было тщетно, и я лишился земляничнаго пирожнаго.

— Въ утѣшеніе, я велю подать его къ чаю: его много осталось. А что дѣлаетъ старикъ Голубковъ? прибавила Анна Семеновна.

— Покуриваетъ свою прадѣдовскую трубочку и любитъ Манечкой.

— Такъ вы говорите, опять спросила Анна Семеновна,—что все это время лѣнились.

— Да.

— И сидѣли все дома, не правда ли?

— Даже лежалъ, не только сидѣлъ, такъ что тетюшка начинала не на шутку гнѣваться и прозвала меня лежнемъ.

— Вы на это очень похожи! смѣясь замѣтила Анна Семеновна.—Но я все-таки хотѣла бы знать, неужели вы даже ни разу и прогуляться не выѣзжали?

Радомскій засмѣялся.—Можетъ-быть и выѣзжалъ; не помню, право.

Анна Семеновна погрозила ему пальцемъ, встала и вышла изъ комнаты.

Нина все это время сидѣла поодаль, съ книгой въ рукахъ, не принимая участія въ разговорѣ.

— Въ чемъ я провинился? спросилъ Радомскій, подходя къ молодой дѣвушкѣ.—Скажите, какое я сдѣлалъ преступленіе, за что вы сердитесь?

— А вы не знаете?

— Ей Богу нѣтъ.

Радомскій сѣлъ возлѣ Нины и увидѣлъ въ книгѣ, которую она держала, ленточку отъ своей шляпы.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не сердитесь! воскричалъ онъ весело.

— Чему же вы обрадовались?

— Тому что вы не сердитесь, а только хотѣли представиться сердитой,—и онъ выдернулъ ленточку.

— Она попала сюда случайно, сказала Нина, слегка покраснѣвъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Но скажите пожалуйста, когда вы здѣсь были и какъ положили цветы?

— Я былъ вечеромъ; у васъ были гости, было темно, и я прокрался, какъ воръ, къ вашему окну.

— Но вѣдь окно высоко.

— Я взлетѣлъ на крыльяхъ любви.

— Какой вы фатъ!

— Перестанемъ шутить. Окажите прямо, вы были довольны цвѣтами?

— Да, но недовольна глупою запиской, которую впрочемъ не я и написала, а татапа. Скажите, какое я дала вамъ право считать ваши цвѣтаники моими?

— Я все надѣюсь, что вы дадите мнѣ это право. А вы сожгли бумажку?

— Сожгла.

— Точно? Я почему-то не вѣрю.

— Ну, вѣтъ, еще не сожгла; но сожгу непременно. Отчего же вы у насъ не были все это время?

— Я хотѣлъ узнать, соскучитесь ли вы по мнѣ. Ждалъ отъ васъ какой-нибудь вѣсти, и даже, признаюсь, все надѣялся, что вы вздумаете съ Анной Семеновной пріѣхать въ Проселки, навѣстить мою тетюшку и мимоходомъ бросить благосклонный взглядъ на ея племянника.

Нина расхохоталась.—Какое ужасное разочарованіе! сказала она.—Отчего же я должна по васъ соскучиться въ нѣсколько дней, когда я не соскучилась по васъ цѣлые два года?

Лицо Радомскаго сдѣлалось грустно; онъ отошелъ отъ Антонины Александровны, закурилъ сигару и вышелъ въ садъ.

Нина оставалась на террасѣ, слѣдя за Юріемъ Николаевичемъ, потомъ встала и тихо, какъ бы бессознательно, послѣдовала за нимъ. Они вмѣстѣ вошли въ глубь сада.

— Отчего вы грустны? спросила она.

— Вы никогда не позволите себѣ полюбить меня, Нина? сказалъ Юрій Николаевичъ.—Сядемъ здѣсь и поговоримъ по-человѣчески. Я не буду васъ спрашивать: да или нѣтъ? Не бойтесь. Я обѣщаль ждать, хотя не обѣщаль быть терпѣливымъ. Вы вѣдь помните? Отвѣчайте же мнѣ на то, о чемъ я васъ буду спрашивать, говорилъ онъ серьезно, и пристально глядя на дѣвушку.

— Вы такъ торжественно начинаете говорить, Юрій, что мнѣ сейчасъ представились дни моего и дѣтства, учитель въ очкахъ, съ громадными воротничками, и съ грамматикой въ рукахъ, торжественно вопрошающій, что такое сказуемое и что подлежащее?

Грустное лицо Радомскаго вдругъ прояснилось; онъ засмѣялся, и сказалъ:

— Ахъ, Нина, мнѣ было очень тяжело! Но вы были такъ милы въ эту минуту, съ вашимъ притворнымъ или непритворнымъ

снѣжкомъ, вспоминая учителя грамматики, что вмѣгъ разсѣяли мою грусть. Вы обворожительны, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы безжалостная, гадкая дѣвочка, моя восхитительная Нина.

— Еще не ваша, не увлекайтесь.

— Боже мой! она испытываетъ мое терпѣніе.

Радомскій всталъ, нѣсколько разъ прошелся по аллеѣ, и остановившись передъ Ниной, съ досадою сказалъ:

— Ну скажите, для чего я полюбилъ именно васъ? Вы умѣете только терзать меня.

— Разлюбите, сдѣлайте одолженіе! Я вамъ буду очень благодарна. Эта непрерывная тревога мучить и меня. Знаете, Юрій: полюбите Манечку Голубкову. Съ Манечкой вы были бы счастливы, она не мучила бы васъ; она такая кроткая, милая.

— Вы, я вижу, очень заботитесь о моемъ супружескомъ счастіи, и я вамъ несказанно благодаренъ, Антонина Александровна, съ горечью возразилъ Радомскій.—Я не ожидалъ отъ васъ, Нина, что вы даже въ шутку способны совѣтовать мнѣ любить другую. Вы знаете, что это доказываетъ....

— Это доказываетъ, что я вамъ желаю счастья, спокойствія.

— Покорно васъ благодарю. — Онъ опять зашагалъ по аллеѣ, и возвратившись, сказалъ:

— Боже мой, чего бы я не далъ, чѣмъ бы я не пожертвовалъ, чтобы только вы полюбили? И неужели вы неспособны любить, Нина? Нина, кто не любитъ, тотъ человѣкъ только въ половину.

— Такъ по вашему и я только человѣкъ въ половину? Это лестно!

— Въ вашихъ глазахъ столько блеска, столько жизни, все говоритъ въ васъ, все дышетъ страстью, Нина. И неужели все это обманчиво? Вѣдь отъ этого можно съ ума сойти. Да наконецъ, если вы и въ самомъ дѣлѣ изваяны изъ снѣгу и льду, то и снѣгъ, и ледъ способны таять отъ жару, а неужели же я не довольно горячо, не довольно страстно люблю васъ? Нина, скажите, что же вы ледъ, мраморъ, или вы именно то чѣмъ кажетесь?

— Я не ледъ, не мраморъ, но и никакъ ужъ не страсть. Я существо очень обыкновенное; а вы, какъ художникъ, опозитизировали меня, и видите во мнѣ что-то необыкновенное. Глядя на меня, вы уносите Богъ знаетъ куда, а когда я стану вашею женой, и вы присмотритесь ко мнѣ поближе,

привыкнете ко мнѣ, я увѣряю васъ, ваше воображеніе окажетъ, вы перестанете уноситься и разочаруетесь во мнѣ. А я, признаюсь, очень боюсь разочарованія.

— Вы боитесь разочарованія... Развѣ это возможно, когда я васъ столько лѣтъ люблю?

— Но когда придетъ житейская проза? повторила Нина.

— Житейская проза, съ вами?...—Радомскій приблизился къ дѣвухѣ и обвилъ рукою ея станъ.

Нина вздрогнула, кровь бросилась ей въ лицо; но она сейчасъ же овладѣла собою, высвободилась изъ его объятій, и принявъ строгій видъ, сказала:

— Пойдемте къ маман; она одна.

— Вы знаете, Нина, грустно проговорилъ Радомскій,—что маман любить видѣть насъ вмѣстѣ; она желаетъ чтобы мы были неразлучны; только вы боитесь этого.

— Положимъ, что и такъ; но все-таки ей скучно одной; притомъ же, мы такъ давно здѣсь вдвоемъ, насъ можетъ увидѣть кто-нибудь изъ людей.

— Насъ могутъ увидѣть всѣ козявки и букашки, что копытаются тамъ, въ травѣ, съ насмѣшкой возразилъ Юрій Николаевичъ.—Боже мой! Нина, зачѣмъ тревожатъ васъ всѣ эти мелочи? Вы боитесь прозы жизни, а сами постоянно ее вспоминаете.

— Потому, вѣрно, что я сама мелочна.

— Нѣтъ, это не то, совсѣмъ не то. Это доказываетъ, что вы меня не любите, а если и любите, то очень мало. Но скажите, объясните, почему я такъ часто бываю убѣжденъ въ противномъ?

Нина засмѣялась.

— Чтѣ же наводитъ васъ на это убѣжденіе?

— Вы сами, Нина. А можетъ-быть мое сердце склонно къ этому убѣжденію.

Онъ замолчалъ, и долго смотрѣлъ на дѣвуху.

— Позвольте мнѣ уѣхать, Нина? сказалъ онъ вдругъ.

— Уѣхать? Но...

— Нина, я счастливъ подлѣ васъ, безумно счастливъ, но мнѣ и тяжело, невыносимо тяжело....

— Нѣтъ, Юрій, ради Бога, умоляющимъ голосомъ проговорила Нина,—подождите, вѣдь вы обѣщали.

— Да, да, но это тяжело, сказалъ Юрій Николаевичъ.

Онъ всталъ, нагнулся къ ней, поцѣловалъ ея волосы и убрѣжалъ въ глубь сада. Антонина Александровна задумчиво посмотрѣла ему вслѣдъ и подождала немного; но Радомскій не показывался, и она тихо возвратилась домой.

— Гдѣ же Юрій? спросила Анна Семеновна.

— Онъ остался въ саду.

— Вы поссорились?

— Нѣтъ.

Когда Радомскій увѣзжалъ отъ Арнугиныхъ, онъ спросилъ:

— Что же, Нина?

— Что же, Юрій?

— Я уйду все въ той же тревогѣ, все въ той же неизвестности?

— Зачѣмъ же эта тревога, Юрій? Будьте также покойны, какъ я.

— А вы, вы совершенно покойны?

— Совершенно, увѣряю васъ.

Радомскій пожалъ плечами.

Точно ли была такъ покойна Антонина Александровна, какъ она говорила? Анна Семеновна замѣтила грусть Радомскаго и напрасно искала тому причины на лицѣ Нины. Ея Нина была непроницаема. Разспрашивать же ее Анна Семеновна не хотѣла до времени. Она только замѣчала, что ея дочь чаще обыкновеннаго задумывалась, была болѣе обыкновеннаго разсѣяна, начатая работа не подвигалась, и когда Антонина Александровна читала что-нибудь, то листки книги какъ-то рѣдко переворачивались, и глаза дѣвушки все стояли на одномъ какомъ-нибудь словѣ. Анна Семеновна все видѣла и не знала чему это приписать. Радомскій нѣсколько дней сряду ѣздилъ въ Крутыя Горки, проводилъ тамъ цѣлые дни, возвращался поздно, разбитый, взволнованный, грустный. Нина становилась для него загадкой; онъ любилъ ее все съ большею страстью, и не могъ понять, любимъ онъ или нѣтъ. Онъ бы непременно занемогъ,—такъ сильна была тревога его души,—еслибъ его не разсѣяли и не заняли привезенныя вещи, картины, краски, и всѣ принадлежности его любимаго искусства. Юрій Николаевичъ цѣлый день устанавливалъ, развѣшивалъ, раскладывалъ, восхищался, звалъ тетку раздѣлять его восторгъ и любоваться привезенными рѣдкостями. Когда все было разстановлено и разложено, онъ заперся въ своей мастерской, куда

никто, кромѣ Дарьи Андреевны, не имѣлъ доступа; да и она, когда рисовала ея Юрѣ, не входила въ мастерскую и убирала ее сама только въ его отсутствіи.

Цѣлую недѣлю просидѣлъ Радомскій за начатою работою, часто забывая объ обѣдѣ, выходилъ только вечеромъ, иногда грустный, разсѣянный, иногда до того шаловливый и веселый, что теткѣ приходилось не на шутку останавливать его. Эта необузданная веселость являлась тогда, когда Юрій Николаевичъ былъ доволенъ своею работою. Но насколько занимала его начатая картина, настолько она и волновала его; онъ мало ѣлъ, замѣтно похудѣлъ, и въ глазахъ его сіялъ какой-то лихорадочный огонь.

Дарья Андреевна своимъ, почти материнскимъ чутьемъ, замѣчала перемену въ племянникѣ и начинала беспокоиться, хотя и не показывала ему своего беспокойства; она приписывала все это усиленной работѣ, и молчала.

Какъ-то разъ Юрій Николаевичъ вышелъ изъ мастерской блѣднѣе обыкновеннаго.

— Ты бы прошелся немного, сказала ему тетка, — нездорово все сидѣть.

— Вы правы, тетюшка, я самъ думалъ пойдти побродить по лѣсу. Славный вечеръ.

Онъ взялъ шляпу и вышелъ. Долго шелъ Юрій Николаевичъ безъ цѣли, куда глаза глядятъ; шелъ очень скоро, углубленный въ самого себя, не обращая вниманія на мѣстность.

Наконецъ онъ почувствовалъ усталость и бросился на траву.

— Вы нездоровы? Что съ вами? спросилъ подлѣ него мягкій голосъ Манечки.

— Ахъ! Откуда вы?

— Какъ откуда? Я вышла немного погулять и увидала васъ здѣсь. Вы давно здѣсь лежите. Вы такъ блѣды.

И дѣвушка съ беспокойствомъ смотрѣла на усталое лицо Юрія Николаевича. Онъ приподнялся, сѣлъ, и посмотрѣлъ на Манечку.

— Сядьте здѣсь, подлѣ меня, милая сестрица. Я радъ васъ видѣть, сказалъ Юрій Николаевичъ, которому въ самомъ дѣлѣ было пріятно смотрѣть на кроткое лицо дѣвушки. — Я совсѣмъ не замѣтилъ, прибавилъ онъ, что зашелъ такъ далеко и очутился у васъ въ Грачовкѣ. А часто вы ходите гулять?

— Да, довольно часто, отвѣчала Манечка, саясь противъ Радомскаго.

— А мнѣ картины привезли.

— И много картинъ? спросила она.

— Нѣтъ, не много; онѣ слишкомъ дороги и трудно достаются; но двѣ есть превосходныя.

— Вы чего-то ищете? спросила Манечка, замѣтивъ что Радомскій шарить въ карманахъ.

— Сигарки-то оказались со мной, а спичекъ нѣтъ, вотъ горе! А мнѣ курить захотѣлось.

Манечка вскочила.

— Куда вы?

— Сейчасъ, отвѣчала дѣвушка, и убѣжала въ чащу деревь, но скоро вернулась, осторожно неся между двумя цепками яркій уголекъ.

— Тамъ, около дороги, дровосѣки огонь разводили; я, какъ шла, замѣтила, сказала она,—закурите скорѣе, пока не погухъ.

И она граціозно наклонилась, чтобы Радомскій могъ удобнѣе закурить.

— Благодарю васъ, Манечка; дайте же мнѣ поцѣловать вашу ручку.

— Нѣтъ не надо, краснѣя отвѣчала Манечка, пряча свои ручки.

— Вы не хотите чтобы я благодарилъ васъ?

— Вы уже благодарили словомъ.

Она замолчала, сѣла поодаль и застѣнчиво поглядывала на Радомскаго.

— Чтò же вы молчите, Манечка? Скажите мнѣ что-нибудь.

— Чтò жь мнѣ вамъ сказать? Я такая не свѣтская, простая, не умѣю разговаривать.

— Однако вы разговариваете съ другими, съ вашимъ отцомъ?

— Да, но это совсѣмъ другое дѣло.

— Отчего же другое дѣло? Вѣдь вы говорите ему все, чтò взбредеть на умъ.

— Да, почти все.

— Почти? Такъ вы не вполне откровенны съ отцомъ? не все ему говорите, чтò думаете?

Манечка замаялась.

— Я все говорю, но..... нельзя говорить всякій вздоръ, я могу ему наскучить.

— Вы много читаете?

— Читаю, да немного, у меня мало книгъ; когда Дарья Авдеевна дастъ, или Антонина Александровна, такъ читаю.

— Вы читали романы, повѣсти?

— Такъ вы знаете, что такое любовь?

Манечка зардѣлась.

— Что же вы такъ покраснѣли и не отвѣчаете? Вѣдь нѣтъ ничего худаго знать, что на свѣтѣ есть чувство, называемое любовью. Вы вѣдь любите своего отца и не стыдитесь говорить это?

— Да, но....

— Что, но?

— Это вѣдь не то чувство.

— А! такъ вы понимаете, что можетъ быть и другое? Хотѣли бы вы любить? Не теперь, теперь вы еще слишкомъ молоды, но потомъ?

Манечка молчала.

Радомскій задумался. Онъ долго глядѣлъ на миловидное личико своей собесѣдницы; ея мягкій, ласковый взглядъ дѣйствовалъ на его душу такъ успокоительно; ему было хорошо подѣлать нея, и онъ это почувствовалъ. И неволью подумалъ онъ о ея будущемъ. Ему вдругъ стало жаль ея. „Бѣдное дитя, думалъ Юрій Николаевичъ, такое кроткое, невинное! Неужели и ей предстоитъ испытать въ жизни тѣ же страданія, ту же тревогу души, какія мучаютъ меня,“ и онъ сказалъ:

— Нѣтъ, Манечка, чувство любви—скверное чувство; бойтесь его, оно можетъ замучить на-смерть. Избѣгайте любви. Я отъ души даю вамъ этотъ совѣтъ, какъ бы далъ его вамъ братъ. Вѣдь я вашъ крестный братъ и имѣю право давать вамъ добрые совѣты, не такъ ли?

Манечка посмотрѣла на Радомскаго съ такою лаской, съ такою довѣренностью, какъ бы въ самомъ дѣлѣ онъ былъ нѣжно любимый братъ, хотѣла что-то сказать, но не рѣшилась, опустила головку и задумалась.

Они молча сидѣли вмѣстѣ. Радомскій все смотрѣлъ на ея милое личико, и ему становилось все легче, все веселѣе; онъ успокоивался душой. Онъ бы долго тутъ просидѣлъ, еслибы не услышалъ голоса Егора Евстафьевича, который звалъ свою дочь.

— Вашъ батюшка васъ зоветъ, сказалъ Юрій Николаевичъ, вставая.

— Вы зайдете къ намъ? У насъ ужь вѣрно поставленъ самоваръ.

— Нѣтъ, Марья Егоровна, продайте, дайте же мнѣ вашу ручку. Благодарю васъ, сказалъ Юрій Николаевичъ, сжимая ея руку.

— За что, Юрій Николаичъ?

— Ужь это вамъ все равно, за что бы я ни благодарилъ васъ, но я вамъ очень благодаренъ. Пріѣзжайте, если хотите посмотреть мои картины, крикнулъ онъ издали, замѣтивъ что Манечка смотритъ ему вслѣдъ.

Эту ночь Юрій Николаевичъ спалъ спокойно.

VI.

На слѣдующій день Радомскій до обѣда просидѣлъ за работою, окончилъ ее и остался весьма доволенъ собою, легъ на диванъ, заложилъ руки за голову, и долго смотрѣлъ на свое произведеніе. „Какъ она похожа! Сколько жизни въ этихъ глазахъ, сколько мысли! Неужели въ ней нѣтъ чувства? Неужели она никогда не полюбитъ меня?“ думалъ Юрій Николаевичъ, и мысли его прерваны были голосомъ тетки, которая черезъ дверь сказала ему:

— Юря! Егоръ Евстафьевичъ съ Манечкой пріѣхалъ, хочешь ихъ видѣть? Ты Манечкѣ обѣщалъ свои диковины показать.

— Чортъ ихъ принесъ, проворчалъ Радомскій, закрывая оконченную картину.

— Покажи ужь и мнѣ свои заморскія рѣдкости, говорилъ Егоръ Евстафьевичъ.—Дочка мнѣ сегодня покою не давала, все семенила, чтобъ скорѣй ѣхать. Далась ей эти диковины!

Радомскій нехотя повелъ гостей въ свою мастерскую.

— Вотъ фигуръ-то понавозилъ, сказалъ Егоръ Евстафьевичъ.—Эхъ, Юрій Николаичъ, и за все это ты денежки платилъ!

— И не маленькія, отвѣчалъ Юрій Николаевичъ.

— Да куда же годится весь этотъ хламъ? Покажи-ка что-нибудь новенькое, диковинное.

— Развѣ эта картина не хороша?

— Ну, братецъ ты мой! Я тутъ рѣшительно ничего не вижу хорошаго. Какіе-то Нѣмцы сидятъ, да попиваютъ, носы красивые; наши мужички не хуже этого пьютъ, да ихъ въ картины не вставляютъ, а ужъ какъ Нѣмецъ, такъ и въ картину годится.

— Но развѣ это не хорошо? Посмотрите, какъ эти лица освѣщены, сколько въ нихъ жизни.

— Вѣдь въ каждомъ человѣкѣ есть жизнь, пока его не пришибло. Вотъ тутъ такъ море, небо, на берегу народъ валется, говорилъ старикъ, осматривая другую картину.— Какія-то церкви или крѣпости торчатъ, не разберешь что такое. Но вѣдь и у насъ тоже небо и люди, и пожалуй старыя церкви; вотъ, хоть бы моя колокольня, совсѣмъ покривилась. Только у насъ вмѣсто моря, пруды да рѣки. А это что? Смотри пожалуста, дочка, и нашихъ мужиковъ въ рамку вставилъ! И нужно же было, какому-то проказнику, мужицкія рожи писать! И за это деньги плататъ? Я бы и гроша не далъ. Правда, сидятъ какъ живые.

— За эту картину я ничего не заплатилъ; это моя работа.

— Ну, и охота же тебѣ была мужиковъ писать?

— А развѣ они дурны?

— Нѣтъ не дурны; да я думалъ у тебя диковины видѣть, а этимъ-то добромъ каждое воскресенье можно любоваться, когда народъ гуляетъ. Вотъ эта дѣвушка, можно сказать, красавица, весело посмотришь, да и красавицъ вѣдь часто встрѣтишь. Я помню въ молодости, на Кавказѣ, Черкешенки, чудо какія!

— Это, Мадонна, то-есть Богородица.

— А! Ну, это другое дѣло!

Егоръ Евстафьевичъ отошелъ отъ картины, говоря: Нѣтъ братъ, ничего ты намъ не показалъ диковиннаго. Я ѣхалъ сюда, и говорилъ дочкѣ, вотъ поглядимъ на какихъ-нибудь великановъ, зѣврей, птицъ невиданныхъ, а тутъ братъ, ты все будничное понавозилъ, да еще денегъ много потратилъ.

— То-то и хорошо, что будничное; художникъ только тогда и можетъ назваться истиннымъ художникомъ, когда онъ изображаетъ жизнь въ ея истинномъ свѣтѣ. Я люблю нашихъ мужичковъ, я писалъ ихъ въ Италиі и душою переносился на родину. А взгляните, Егоръ Евстафьевичъ, это что?

— Это? Да это твои Проселки, а вонъ и колокольня Грачовской церкви. Ахъ, ты проказникъ! Что вздумалъ написать!

— А развѣ худо?

— Нѣтъ, хорошо; все такъ какъ слѣдуетъ, и большая дорога, и село видно. Да все-таки нѣтъ у тебя никакихъ рѣдкостей. Видишь ли, Юрій Николаичъ, я хоть многого, можетъ, не понимаю на свѣтѣ, я старый солдатъ и учился на мѣдныхъ деньги, но я вижу, что все это и хорошо, и другой здѣсь такъ никто не напишетъ, да все-таки это не дѣло. А дѣломъ-то, дѣломъ, братецъ, въ твои годы давно пора заняться.

Дарья Андреевна, хотя и сама находила что писать картины дѣло не важное и терять на него времени много не слѣдуетъ, но это искусство любилъ ея братъ, и теперь оно стало любимымъ занятіемъ, почти цѣлью жизни ея дорогаго Юри; поэтому она невольно и сама уважала это искусство, не понимая его, и немного обидѣлась, когда Егоръ Евстафьевичъ не гасель ничего хорошаго въ мастерской ея племянника. Но Радомскій смѣялся отъ души надъ замѣчаніями старика, и нарочно старался доказать, что писать картины дѣло, и дѣло большое.

— Ну, братъ, съ тобой не сговоришь, отвѣчалъ Егоръ Евстафьевичъ на всѣ доводы художника:—а на хламъ твой, я ужь вдоволь налюбовался. Поиду теперь на крылечко, да трубочку выкурю, а Дарья Андреевна чайкомъ угостить.

Онъ вышелъ въ сопровожденіи Дарьи Андреевны. Радомскій тоже хотѣлъ слѣдовать за ними, но увидѣлъ Манечку, о которой онъ было совсѣмъ забылъ. Она стояла въ углу мастерской передъ картинкой работы Юрія Николаевича, изображавшей ночь въ Италиі.

— Что вы такъ засмотрѣлись? Развѣ вамъ это нравится?

— Да, очень. Тамъ небо не такое какъ здѣсь, и какъ луна хорошо отражается въ водѣ!—И дѣвушка тихо проговорила:—Ахъ, какъ бы я была счастлива, еслибы могла, хоть разъ въ жизни, видѣть море! Какъ оно должно быть хорошо!—И еще разъ взглянувъ на картину, она прибавила:—Какая прекрасная картина!—и казалось, ей жаль было оторваться отъ нея.

Радомскому былъ пріятель ея восторгъ. Онъ сказалъ:

— Хотите, я вамъ подарю эту картинку; она не велика и вы легко можете взять ее сегодня же домой.

Дѣвушка покраснѣла.—Ахъ вѣтъ! промолвила она:—какъ же можно, чтобъ вы мнѣ подарили ее?

— Почему же и нельзя? Я ее дарю охотно.

— Но вы ее вѣрно любите?

— У меня нѣскольکو видовъ Итали; и притомъ мнѣ очень пріятно доставить вамъ удовольствіе.

На глазахъ Манечки завернулись слезы, она ничего не могла сказать, сложила руки, и съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣла на Радомскаго. Еслибъ она смѣла, она бы бросилась цѣловать его руку: такъ великъ казался онъ въ ея глазахъ, съ своимъ умѣньемъ изображать такую прекрасную природу.

„Бѣдное дитя!“ подумалъ Юрій Николаевичъ, снимая картину. „Какъ она счастлива этимъ подаркомъ.“ И онъ улыбнулся при мысли, что въ такомъ маленькомъ существѣ нашелъ цѣнителя своего искусства.

Манечка взяла свой подарокъ, и въ ту минуту, когда Радомскій не могъ ее видѣть, прикоснулась губами къ картинѣ.

Радомскій думалъ, что Манечка, какъ ребенокъ, какимъ онъ ее считалъ, побѣжить сейчасъ показывать отцу свой подарокъ; но она, оглянувшись еще разъ мастерскую, вышла, бережно поставила картину на окно и прикрыла ее своею мантией, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ ея. Юрій Николаевичъ слѣдилъ за ней, и подойдя, спросилъ:

— Вы не хотите показать ее вашему отцу?

— После, дома, отвѣчала она уклончиво.

„Какой странный ребенокъ!“ подумалъ Радомскій.

Голубковы просидѣли весь вечеръ въ Проселкахъ. Радомскій много говорилъ съ Егоромъ Еветафьевичемъ, разказывая о своихъ путешествіяхъ. Манечка все время сидѣла поодаль, чтобы не быть замѣченною, вслушивалась въ каждое слово разказчика, всматривалась въ подвижныя черты его лица: казалось, она хотѣла запечатлѣть ихъ въ своей памяти.

Почти цѣлую ночь Радомскій обдумывалъ какъ сдѣлать, чтобъ Автѣнина Александровна могла видѣть оконченную имъ картину. Сначала онъ хотѣлъ пригласить владѣтельница Крутыхъ Горокъ къ себѣ, но скоро отдумалъ.

„Моя мастерская не такъ изящна, чтобы въ ней принимать Нину, разсуждалъ онъ.—Другое дѣло Манечка Голубкова, но Нина сейчасъ надуетъ свои хорошенькія губки, когда

войдетъ сюда и увидитъ этотъ беспорядокъ. Я повезу самъ свою картину.“

И на другой день, чуть не съ восходомъ солнца, онъ выѣхалъ изъ дому, и когда въѣзжалъ въ Крутыя Горки, ихъ владѣтельница спала еще сладкимъ сномъ.

Юрій Николаевичъ ожидалъ ихъ пробужденія на террасѣ, и имѣлъ довольно времени установить свою картину такъ какъ ему хотѣлось.

Анна Семеновна вышла первая, и вскрикнула отъ удивленія, увидѣвъ портретъ своей дочери. Нина изображена была небрежно лежащею на травѣ среди цвѣтовъ, съ влажными, распущенными волосами.

— Ахъ, какая прелесть! говорила Анна Семеновна:—и когда это вы успѣли сдѣлать?

— Тихе, ради Бога, тихе. Мнѣ хочется, чтобъ она не знала что я здѣсь, и слышать ея мнѣнїе.

— Но какъ похожа! продолжала Анна Семеновна шепотомъ:—и какъ хороши волосы, какъ естественна поза, и эти капли сбѣгающія съ волосъ. Вы истинный художникъ, Юрій Николаичъ!

— Что-то она скажетъ? Я спрячусь вотъ здѣсь за цвѣтами. Вы только не выдавайте меня, Анна Семеновна. Но вотъ, кажется, она идетъ.

И Радомскій забился въ уголь, за высокія кадки съ помаранцами, откуда выглядывалъ на вошедшую Антонину Александровну.

— Это что? Откуда татап? спросила она, останавливаясь въ дверяхъ.—Когда онъ прислалъ?

— Кто, онъ? смѣясь спросила Анна Семеновна.

— Да этотъ сумашедшій человекъ. И что ему вздумалось изобразить меня такую нимфой? Только онъ способенъ на подобныя шалости. Но, какъ скоро онъ окончилъ.—И Нина, качала головой и самодовольно улыбалась.

— Такъ ты довольна имъ?

— Кѣмъ? портретомъ? Да, я нахожу, что онъ сдѣланъ мастерски.

— А художникомъ довольна?

— Художникъ польстилъ мнѣ. Я на портретъ гораздо лучше.

— Будто бы? отозвался Радомскій, выскакивая изъ-за своей засады.

— Ахъ, маман, и вы были въ заговорѣ! съ упрекомъ проговорила Нина, покраснѣвъ.

— Такъ не похожъ? спросилъ Юрій Николаевичъ.

— Похожъ, но гораздо лучше оригинала.

— Кокетка! хочеть чтобы ее увѣрили въ противномъ. Только, Анна Семеновна, ужъ вы меня извините, прибавилъ Радомскій.—Я не отдамъ теперь этого портрета, я привезъ только показать его вамъ. Если вы желаете, я сдѣлаю другой, а этотъ отдамъ вамъ только тогда, когда у меня будетъ оригиналъ. Теперь ужъ этотъ портретъ мнѣ слишкомъ дорогъ, и я ни за что не разстанусь съ нимъ, пока....—Юрій Николаевичъ не договорилъ и посмотрѣлъ на Нину, которая надула губки, но промолчала.

— Дай Богъ, чтобы этотъ портретъ какъ можно скорѣе украсилъ домъ Крутыхъ Горокъ, проговорила со вздохомъ Анна Семеновна.

— Нина, сказала Радомскій, когда въ тотъ же день полъ вечеръ, овъ сидѣлъ съ Антониной Александровной на террасѣ. — Вчера, объ эту пору, я жилъ этой работой, но вы не знаете сколько жизни она мнѣ стоила. Я писалъ ее душой, а страшно измучился въ это время. Изображая васъ, я постоянно спрашивалъ себя, способны ли вы любить, любите ли вы меня! Черты эти говорили мнѣ нѣтъ, а мое сердце невольно твердило—да. Гдѣ же истина, Нина? Долженъ ли я вѣрить своему сердцу? Когда же вы рѣшитесь узнать себя? Когда выведете меня изъ этой адской неопредѣленности?

— Юрій, тихо проговорила Нина,—вы обѣщали ждать.

— Я жду, но еслибъ я имѣлъ хоть какую-нибудь надежду.

— Я люблю васъ, но быть вашею я еще не могу рѣшиться.

— Что же препятствуетъ вамъ быть моею, скажите? Я все сдѣлаю, чтобы побѣдить препятствіе.

— Я васъ люблю, повторила дѣвушка,—но люблю слишкомъ мало.

— Боже мой! всегда одинъ отвѣтъ! съ болѣзненнымъ терпѣніемъ вскричалъ Юрій Николаевичъ.—Но почему же вы знаете, что вы меня мало любите? Вѣдь вы не знаете себя. И когда же, наконецъ, я вдохну въ васъ эту искру, которая жжетъ меня.

— Вы художникъ, творецъ, будьте вторымъ Пигмалиономъ,

дожните въ меня искру жизни, искру вашего огня, разбудите меня, вдохновите, смѣясь отвѣчала дѣвушка.

— Рѣшитесь быть моею, и я вдохну въ васъ эту искру.

— А если тогда остынетъ и тотъ едва теплый пепель, который согреваетъ меня теперь? Вѣдь это было бы ужасно. Нѣтъ, Юрій, я тогда только буду ваша, когда полюблю васъ безумно.

— Но когда, когда? Боже мой! быть-можетъ, я не способенъ внушить вамъ эту безумную любовь.

— Если неспособны вы, то тѣмъ менѣе кто-либо другой. Кромѣ васъ я никого не люблю, не могу никого полюбить. Это-то я сознаю.

— Но вы же сознаете, Нина, что вы меня любите?

— Да, но слишкомъ холодно, чтобъ быть вашей.

Радомскій уѣхалъ съ истерзанною душой и увезъ съ собою портретъ Нины. Онъ опять не спалъ всю ночь, и Дарья Андреевна съ безпокойствомъ слышала какъ онъ шагаль по комнатѣ, какъ онъ выходилъ на крыльцо и долго сидѣлъ тамъ. Ее начинало не на шутку безпокоить, что случилось съ ея Юрей. Утромъ, съ восходомъ солнца, Радомскій ушелъ бродить.

„Пойду въ Грачовку, поболтаю съ добрымъ старикомъ, онъ ужъ вѣрно всталъ“, подумалъ Радомскій. „Можетъ-быть увижу и Манечку. Этотъ ребенокъ имѣетъ даръ успокоивать мои нервы своимъ тихимъ голоскомъ. Но можетъ она еще спать?“

Манечка вставала съ солнцемъ, какъ рачительная деревенская хозяйка, и Радомскій засталъ ее въ палисадникѣ; она поливала свой незатѣливый цвѣтникъ. Увидя Юрія Николаевича, она сначала поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, поспѣшно поставила лейку и посмотрѣла на гостя съ какимъ-то безпокойствомъ: ее поразило его утомленное лицо.

— Здравствуйте! сказалъ Юрій Николаевичъ: — а гдѣ вашъ батюшка?

— Онъ только что ушелъ въ поле. Вамъ его нужно? Я сейчасъ за нимъ пошлю.

— Нѣтъ, не безпокойте его. Я такъ пришелъ, безъ всякаго дѣла. Я посижу съ вами. Вѣдь я вамъ не помѣшаю?

— Нѣтъ, нѣтъ, сядьте, здѣсь не жарко.

— Какъ вы блѣдны, Юрій Николаичъ! Вы здоровы?

— Благодарю васъ, я здоровъ.

Манечка пристально посмотрѣла на Радомскаго, о чемъ-то подумала, выбѣжала изъ палисадника и вернулась со стаканомъ цѣннаго молока.

— Выпейте, это оживитъ васъ. Вы вѣрно очень устали.

— Что-то грустно, Манечка! невольно сказалъ Юрій Николаевичъ, увлеченный ласковымъ привѣтомъ дѣвушки.

Манечка остановилась передъ нимъ и глаза ея наполнились слезами; она не смѣла спросить отчего ему грустно, но готова была отдать въ эту минуту свою жизнь, чтобы только ему стало весело.

— Отчего вы плачете? спросилъ Юрій Николаевичъ, закрывъ слезы на ея глазахъ.

— Мнѣ васъ жаль, пробормотала она.

— Доброе дитя! не плачьте. Я не хотѣлъ васъ огорчить, пришелъ посидѣть съ вами, поговорить о чемъ-нибудь. Что вы тутъ дѣлали, поливали? Дайте я вамъ помогу.

— Ахъ нѣтъ. Отдохните лучше, вы вѣрно нездоровы.

— Да, вы правы, я боленъ, только не тѣломъ, а душой, это тоже болѣзнь.

— У васъ есть какое нибудь горе?

— Положимъ, что и есть горе, я и пришелъ размыкать его съ своею маленькою сестрицей. Вы вѣдь не сердитесь на меня за это? Много горя на свѣтѣ; да хранитъ васъ Богъ отъ него.

Манечка смутно понимала, какого рода было горе у Юрія Николаевича. Она была молода, неопытна, но она любила, любила всѣми помышленіями души своей. Она проснулась для любви съ той минуты, когда въ первый разъ увидѣла Радомскаго.

— Я буду молиться, чтобы Богъ утѣшилъ васъ, сказала Манечка.

— Молитесь, дитя мое, вы будете думать, что молитесь за своего брата, не такъ ли? а я не умѣю молиться.

— Вы развѣ никогда не молитесь?

— Я молюсь, когда восхищаюсь красотами природы. Тогда я умѣю молиться, иначе же не умѣю.

— Это такая прекрасная молитва, и Богъ вѣрно слышитъ васъ. Въ Иѳраіи вы могли часто молиться. Но вѣдь и здѣсь хорошо, и здѣсь молиться можно. Посмотрите.

Радомскій взглянулъ куда указала дѣвушка, и нашелъ, что она была совершенно справедлива. Утренняя роса еще не

высохла отъ теплыхъ лучей солнца и свѣтлыми слезинками репетала на высокой зеленой травѣ луговъ. Темный лѣсъ проселокъ облить былъ въ эту минуту какимъ-то золотистымъ отливомъ; надъ деревней видся синій, прозрачный ымъ, и поднявшись высоко, сливался съ воздухомъ. Вдали лежало стадо коровъ, жаворонокъ пѣлъ гдѣ-то высоко, неподалеку въ роцѣ порхали и щебетали птички. Сама Манечка съ своею русою косою и ясными голубыми глазами привала не мало свѣжести этой деревенской картинѣ. Душа художника вострепнулась, онъ сказалъ:

— Да, вы правы, и здѣсь можно молиться. Творецъ вездѣ щедрою рукою разсыпалъ дары свои.

— Отчего же вы не нарисуете такой картины? осмѣлилась просить Манечка, инстинктивно понимая, что только созерцаніе прекраснаго можетъ успокоить душу Юрія Николаевича.

— Я приду къ вамъ опять на дняхъ также рано, чтобъ еще разъ взглянуть на этотъ видъ, и тогда въ самомъ дѣлѣ начну его писать.

— А писать будете на память? спросила дѣвушка съ удивленіемъ.

— На память.

Радомскій развеселился, разговорился съ Манечкой и наконецъ просилъ ее показать ему, какъ она повѣсила его картину и хорошо ли она освѣщена.

— Я повѣсила вашу картину въ своей комнатѣ, краснѣя сказала дѣвушка.

— Такъ я не могу ее видѣть?

— Если желаете, можно.

— Такъ покажите.

Они вошли въ домъ, и Манечка ввела гостя въ свой деревенскій будуаръ.

Все было просто, не затѣливо въ ея комнаткѣ, кровать закрывалась бѣлымъ коленкоровымъ пологомъ. Небольшой старинный комодъ, два стула и столъ, составляли все ея убранство. На комодѣ лежало нѣсколько книгъ.

— Вы очень хорошо освѣтили картину, замѣтилъ Радомскій, — а что у васъ за книги? Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ. Вы любите стихи?

— Да, очень.

— Кто же научилъ васъ ихъ любить?

— Вѣдь я тоже немного училась, застѣнчиво отвѣчая Манечка.— Отецъ платилъ за меня учителю, который жилъ вѣсколько лѣтъ у Василевыхъ. Онъ былъ такой добрый, ѣздилъ къ намъ два раза въ недѣлю, давалъ мнѣ книги, и у него я читала Пушкина и Лермонтова. Когда онъ увѣждалъ, онъ подарилъ мнѣ Кольцова, и сказалъ, чтобъ я попросила у отца денегъ, что онъ мнѣ купить что мнѣ нужно. Отецъ далъ деньги, онъ и выслалъ вотъ эти книги.

— Чему же вы учились у него?

— Грамматикѣ, географію и даже исторію.

— Такъ вотъ вы какая ученая! Это хорошо. Я тоже принесу вамъ книгъ. Читайте, это полезно.

— Благодарю васъ, Юрій Николаичъ.

— За что? Вѣдь вы моя маленькая сестрица. Я буду приходить къ вамъ, когда мнѣ сгрустнется, а вы мнѣ будете разказывать что вамъ понравилось изъ прочитаннаго, хорошо?

Манечка кивнула головой, но не сумѣла отвѣтить.

Съ этого дня, Радомскій началъ часто заходить и заѣзжать въ Грачовку, давалъ Манечкѣ книги; многое ей разказывалъ, толковалъ, и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что Манечка очень не глупа, и совсѣмъ не такъ мало развита, какъ ему прежде казалось. Онъ не догадывался, что дѣвушку, одаренную природнымъ умомъ и страстнымъ сердцемъ, любовь развиваетъ быстро.

Когда Антонина Александровна была холодна, мучила его своею нерѣшительностію, Юрій Николаевичъ приходилъ къ Манечкѣ; и ея кроткое личико и улыбка дѣйствовали на него успокоительно.

(До слѣд. №.)

СОСНОГОРОВЪ.

СИБИРСКАЯ ТАЙГА¹

III.

Однажды съ главнаго прииска, вмѣстѣ съ провизіей, получилъ я и почту, въ которой, между письмами, была бумага отъ Ар—ской военно-судной комиссіи съ запросомъ, правда ли что сланный мною въ рекруты дворовый человѣкъ Федоръ Ильинъ, находясь еще у меня въ услуженіи, укралъ изъ моего дома ружье и имъ, какъ онъ показалъ, убилъ какого-то крестьянина. Федоръ судился уже за второй побѣгъ.

Меня удивило это показаніе. Никогда изъ моего дома ружья не пропадало, да и Федоръ, несмотря на то что былъ дурной нравственности, никогда бы не рѣшился на подобное злодѣяніе. Я не могъ понять, что за охота пришла человеку взводить на себя небывалое преступленіе? Этотъ вопросъ я задавалъ своимъ работникамъ.

— Пришла, значить, охота выбраться изъ военной службы, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Неловко только выдумалъ. Знать новичокъ,* подхватилъ другой, который носилъ (какъ значилось и въ паспортѣ) имя Лукьяна, безъ всякаго другаго прибавленія.

— Все-таки я ничего не понимаю.

— А вотъ вишь ты: за второй побѣгъ пройдетъ онъ по велевой улицѣ, а все же останется въ военной службѣ. Ему же, знать, служить надобно и хочется попасть въ арестантскія роты. Вотъ онъ и взвелъ на себя.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ*, № 1.

— Да что жь ему за расчетъ идти въ арестантскія роты?

— Какъ же не расчетъ? Оттоля можно совсѣмъ на волю попасть.

— Какимъ образомъ?

— Да какъ? всяко. Коли есть рука, аль знакомство какое, ну стрекнуть можно, и пожить въ волю, коли Богъ грѣхамъ потерпитъ. А то, пожалуй, и сюда угодить.

— Будто это и можно?

— Еще бы! Только денегъ нужно. Сдѣлають тебя болынымъ, аль неспособнымъ, и пошлють въ Сибирь на поселеніе. Ну, извѣстно, здѣсь привольнѣй.

— Однако это далекій расчетъ.

— Да что дѣлать? Близко ли, далеко ли, а все же будетъ на волю, не то что подъ началомъ. Да это что? Другой разъ въ партіи именами мѣняются, аль тамъ судьбой своей. Кому въ каторгу, тотъ на поселеніе попадетъ; а кому на поселеніе, тотъ въ каторгу.

— Не можетъ быть? Что жь за охота добровольно въ каторгу идти?

— Да вотъ, кажись, что бы за охота? А бываетъ! И тутъ, значитъ расчетъ дѣйствуетъ. Другому-то на поселеніе показаться нельзя, бывалъ ужь! Признають, такъ бѣда будетъ, ну а у него виды есть. Съ каторги вывернуться думаетъ.

— Однако подлогъ могутъ узнать?

— Гдѣ узнать! Этакое дѣло не скоро дѣлается. Сперва человекъ нужно найдти, чтобъ онъ и примѣтами схожъ былъ да согласился бы съ тобой. Уговоръ дологъ, а переимѣниться живо можно. Коли сговорились, по рукамъ ударили, ну на первой переключкѣ назвался другимъ именемъ и баста. А выдать не кому. Конвой партію счетомъ приметъ, счетомъ и сдасть. Пока ведутъ съ этапа на этапъ, солдаты всѣхъ не узнають. А товарищамъ, что за нужда! Кто куда хошь туда и иди.

— Но каторжные клеймены, а поселенцы нѣтъ.

— И это не важность. Пятнышки вывести нетрудно, на это мы ловки, да опять же они и не больно примѣтны.

— Однако самъ переимѣнившійся можетъ раздумать, да отказаться.

— Ну ужь этого сдѣлать не могли! Ты думай сперва

сколько хоть, это твое дѣло, и ряду назначай какую знаешь, — вѣдь такія дѣла даромъ не дѣлаются, — а ужь коли слово сказалъ да по рукамъ ударилъ, — шабашъ, на попятный не смѣй и думать. За этимъ вся партія строго смотритъ. Вѣдь тамъ товарищество крѣпко держится. Чуть задумалъ обмануть, бѣда! Достанется!

— И дорого берутъ за подобную штуку?

— А всяко. Кто поумнѣе, тотъ знамо не возьметъ дешево, ну а гаупенъкій, такъ пожалуй и за водку уйдетъ. Одначе я доподлинно сказать тебѣ не могу; у насъ въ партію такой оказіи не было; что вздоръ говорить! А вотъ сказывали, что раньше насъ въ партію одинъ ушелъ. Такъ тотъ взялъ, слышь ты, штофъ водки, окромя угощенья, да двѣ рубахи, да еще десять рублей. Тоже сказывалъ мнѣ объ этихъ дѣлахъ одинъ товарищъ, еще какъ я былъ въ арестантскихъ. Дока былъ парень, два раза съ каторги удиралъ.

— А ты долго былъ въ арестантскихъ?

— Нѣтъ, не больно. Года два.

— Какъ же вышелъ?

— Да какъ? по болѣзни.

— По болѣзни! сказалъ со смѣхомъ одинъ изъ рабочихъ, оглядывая богатырскую фигуру Лукьяна: — а чтобъ тебя азвило! Шутникъ, право! Какую штуку выкинулъ! Вишь ты, по болѣзни вышелъ!

— Чортъ раньше умретъ чѣмъ ты Лукьяшка заболѣешь, прибавилъ другой. — Какъ это тебя угораздило?

— Въ ту пору здѣсь здорово было, отвѣтилъ съ улыбкой Лукьянъ, ударивъ по своему пустому карману, — ну и заболѣли. Смѣтка, значитъ, нужна, братцы! А то все будетъ ладно.

— За что же ты попалъ въ арестантскія роты? спросилъ я.

— Да такъ, здорово живешь, улыбаясь отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь не изъ церкви же съ молитвы взяли? спросилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Изъ церкви не изъ церкви, а прямо изъ лѣсу.

— Расскажи-ка братъ, если можно, попросилъ я.

— Да долго будетъ рассказывать, наскучишь, отвѣчалъ Лукьянъ.

— Не артачься, Лукьянъ, разказывай, вѣдь те двѣль-то нечего, заговорили рабочіе.

— Ну, изъ быть по вашему, отвѣчалъ онъ, видимо довольный, что сталъ предметомъ общаго вниманія.

— Да смотри, асы да баасы не точи, а правду говори, сказали нѣкоторые.

— А что мнѣ врать? Небось отъ этого не прибудеть.

„Дѣло было просто, началъ онъ, закуривая свою носогрѣйку. Былъ я крѣпостной, и отдалъ меня баринъ въ солдаты. За что, про что, говорить нечего, отдалъ да и шабашъ. Служилъ я такъ себѣ, не шатко, не валко, не на сторону, а такъ какъ слѣдъ. Въ какомъ полку и какъ меня въ ту пору звали, знать вамъ нечего, да и не для чего. Вотъ, судари вы мои, дѣла-то и шли себѣ такъ, потихоньку, да помалехоньку. И не бывать бы мнѣ здѣсь николаи, да случай такой подвернулся.“

— Эхъ, этотъ случай, прервалъ его одинъ, — кабы-то онъ не подвертывался, и намъ бы Владимірки не таптывать.

„Ну, ты знай помалчивай, коли слушать хоть, вотъ что! Случай-то, вишь ты, былъ не простой, а самый что ни есть казусный. Единова, по осени, былъ я, это, братцы вы мои, дежурнымъ по казармѣ. Дѣло было ужъ подъ вечеръ: темненько, значить, въ казармѣ стало; вотъ и зажгли мы наши люстры. Маслениковъ, такъ, штукъ пятокъ, коегдѣ повѣсили; ну, и живеть, оно будто и освѣтили. Знай-де, молъ, нашихъ. Ну, ладно. Все было тихо; кто спать легъ, кто разговаривалъ, кто въ карты игралъ, другіе работали. А я себѣ хожу да посвистываю. Вотъ, такъ ужъ поздненько, вышелъ, это, изъ своего чуланчика фельдфебель. Былъ онъ, не то чтобъ пьянъ и не то чтобъ трезвъ, а такъ себѣ, на веселѣ, какъ, то-есть, быть слѣдуетъ. Шинелишку въ накидку набросилъ, а сапоги зная въ чуланъ оушить оставилъ. Дома, молъ; такъ на кой ихъ прахъ надѣвать. Идетъ по казармѣ, съ тѣмъ поговорить, съ другимъ пошутить, того любя толкнетъ, и такимъ порядкомъ добрался до самаго угла; а тамъ сидѣлъ солдатикъ, Оровскій, по прозвищу. Былъ онъ солдатъ бойкій, веселый и шустрый такой. На него фельдфебель давно золъ былъ и все придирался. За бабу у нихъ тамъ что-то вышло, а въ

за что другое, чертъ ихъ знаетъ. Орловскій ему ни въ чемъ спуску ни давалъ, да какъ парень-то паутовать былъ, такъ подъ него подкапаться и не могли. Вотъ подошелъ, это, фельдфебель и къ нему, а на ту бѣду Орловскій сапога толчалъ, да свою свѣчку и зажеть. Фельдфебель возьми да свѣчку-то и задуй.—Что это вы, говоритъ, Федоръ Аванасьичъ дѣлаете? — Ничего, говоритъ, начальство не приказало со своими свѣчами заниматься. Знаешь, приказъ есть? — Врешь ты, говоритъ, такого приказа не было. — Ахъ ты, говоритъ, такой сякой, еще смѣешь разсуждать. — Ну и поднялся у нихъ споръ; пошелъ, это, фельдфебель всячески его позорить, горячился, горячился, да и хватъ по уху. А Орловскій какъ держалъ сапожный ножъ, такъ ему и всадилъ въ грудь. Фельдфебель только застоялъ, да таково скоро, скоро, побѣжалъ по казармамъ. Намъ никому и не вдомекъ что такое случилось. Добѣжалъ, это, фельдфебель, почитай до своей конурки, да у дверей и упалъ. Думали мы, что охмѣлѣлъ онъ, подошли поднять, глядь, а онъ весь въ крови. Вотъ тутъ всѣ переполошились, принесли огня, глядимъ, а онъ ужь мертвый. Хватились мы за Орловскаго, а онъ не будь дуракъ, да подъ шумокъ и дай стрелка. Ну, струсили. Бѣда, какъ есть; иначе дѣлать нечего, дали знать и ротному, и батальонному, и полковому. Налетѣло начальство. Что? какъ? почему? гдѣ преступникъ? А его и сѣдъ простылъ. Ищи вѣтра въ полѣ! Набросились на меня, зачѣмъ я его выпустилъ. Ужь кричалъ, кричалъ полковой: ужо, говоритъ, я съ тобой раздѣлаюсь, будешь ты у меня помнитъ. Стою я, ни живъ, ни мертвъ, душа въ пятки ушла, въ глазахъ зелено стало: ну, думаю, пропала моя головушка. Одначе полковой въ попыткахъ забылъ меня арестовать, а побѣжалъ къ покойнику. Вотъ, какъ у меня первый-то страхъ попроселъ, я и задумался. Не отвергѣться, молъ, мнѣ отъ жаркой бани, быть бѣдѣ; какъ бы вывернуться? Посмотрѣлъ я кругомъ, а возлѣ меня никого нѣтъ, да и темно. Всѣ люди и огни возлѣ покойника. Вотъ и подумалъ, не сбѣжать ли?—авось не поймаютъ. Сталъ, это, тихонько я къ дверямъ пробираться, самъ замираю. Дошелъ. Попробовалъ отворить. Вижу, никто не смотритъ, знать не до меня; я за двери да на улицу, а тамъ и побѣжалъ куда глаза глядятъ. Дуракъ, значить,

бѣжалъ; поймай меня тогда, такъ изъ огня и попалъ бы въ полымя. Однако все счастливо сошло. Казарма у насъ стояла на концѣ города, за ней было поле, а тамъ шелъ лѣсъ. Вотъ я и побѣжалъ туда какъ заяцъ, забрался въ чащу и сѣлъ. Слушаю, вѣтъ ли погоны? Перевелъ, это, духъ, да опять пустился. Такимъ манеромъ болтаюсь я два дня. Ну, ребята, что въ ту пору я вытерпѣлся страху, не приведетъ Богъ! У себя подъ ногой вѣтка затрещитъ, а я безъ оглядки и побѣгу, думаю схватятъ. Два дня ничего не ѣлъ, и ѣсть не хотѣлось, все бы бѣжалъ. Плакалъ даже. Во каково! Не спалъ двѣ ночи и спать не хотѣлось. Вотъ, это, на третій день, подъ вечеръ, усталъ я какъ собака, забрался въ густой прегустой лѣсъ, сѣлъ и сталъ думу думать, что мнѣ дѣлать? И ѣсть и спать захотѣлось. Ысть нечего, а спать не смѣю. Разобрало зло меня, сталъ я проклинать свою горемычную судьбину. Чуть не плачу. Вдругъ почувдилось мнѣ, что по лѣсу затрещало; сталъ прислушиваться, самъ не живъ, не мертвъ. Точно трещитъ, словно идетъ кто, да вѣтки ломитъ. Вдругъ, такъ шагахъ въ двадцати, показался человѣкъ; я такъ и обмеръ. Вижу, сѣлъ онъ подъ дерево и огонь сталъ разводить. Какъ запылалъ костеръ-то, кой чортъ, да кажись Ораовскій? Присмотрѣлся: онъ, какъ есть. Вотъ моля диво? Дай спрошаю. Вышелъ это я, подошелъ къ нему, да и говорю:—здорово, моля, Ораовскій!—Какъ увидѣлъ онъ меня, и струсиль.—Небось, говорю, не за тобой въ поговю, а самъ по себѣ; бѣжалъ, братъ.—Право?—Право.—Ну, говорить, ладно, а то перепугалъ ты меня, чортовъ сынъ, садись, говорить.—Усѣлся, сталъ онъ спрашивать, что и какъ; я и разказалъ ему все. Смѣется, да и говорить:—ловко, значить, тарарахнулъ, туда и дорога. — Вотъ такъ-то мы и сошлись, ушли мы отъ города далеко, и въ такую трущобу забрались, что, пожалуй, въ другой разъ дороги туда и днемъ-то не найдешь. — Ну, братъ, сказалъ мнѣ Ораовскій,—знать Богъ хотѣлъ твоего спасенія, свелъ отъ тебя со мной. Однако мой грѣхъ, и поправить нужно, пойдѣмъ-ка вмѣстѣ. Тутъ верстахъ въ пятидесяти изба есть, я ее давно знаю. Живетъ тамъ честный мужичокъ, христіанская душа, всѣмъ страннымъ пріютъ даетъ. — Пошли мы; на другой день подъ вечеръ явился къ хозяину. Тотъ насъ принялъ, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ. И погѣ-

жилась же онъ больво ладно, одинъ-одинехонекъ съ своею бабой, въ густомъ, прегустомъ лѣсу. Тамъ у него все было, клетки, и баня, и амбары, и сѣновалы, и подполья. Чуть немасго худо, въ лѣсѣ, а тамъ и поминай какъ звали. Хозяинъ насъ переодѣлъ, отвелъ въ дальнюю кѣть, и далъ тамъ товаръ, сапоги шить. Оба мы, вишь ты, сапожники были. Ну, это, пока у меня волосы да борода выросли, я все дома больше сидѣлъ, а Орловскій у хозяина перебивался. У нихъ тамъ и дѣла завелись, да, кажись, онъ и съ бабой съякшался. Такъ мѣсяца три прошло, и перебивало же у насъ въ это время много разнаго народу. Жилось, нечего сказать, привольно, заботъ не было, ни о чемъ и не тужилъ, да и признаться, порядкомъ не зналъ, чѣмъ хозяинъ нашъ и занимается.“

— Развѣ товарищъ не сказывалъ, спросилъ разкащика одинъ изъ рабочихъ.

— Я порядкомъ-то его, пожалуй, и не спрашивалъ, да и онъ, знать, боялся; новичокъ, вишь ты, я былъ. Къ дѣлу не привыченъ.

— Отчего же Орловскій прямо пришелъ къ этому мужичку? Развѣ онъ зналъ его раньше? спросилъ я.

— Зналъ, давно зналъ, а то иначе какъ бы попасть. Орловскій ужъ ранѣ задумалъ лыжи наострить. Ну, а безъ знакомства эдакое дѣло плохо удастся, какъ-разъ попадешь.

„Вотъ, братцы вы мои, продолжалъ немного помолчавъ Лукьянъ,—пришло время, узналъ и я, чѣмъ хозяинъ нашъ промышляетъ. Разъ пришелъ это къ намъ старикъ, такой здоровенный, красивый и таково хорошо одѣтый. Вовсе какъ есть горожанинъ, а не то чтобы какой ни на есть калѣвка переходій. Былъ онъ давнишній знакомый хозяина, и у него въ почетъ. Принялъ тотъ его съ уваженіемъ, не зналъ куда и посадить, чѣмъ и подчивать. Живетъ старикъ недѣлю, живетъ и другую, съ нами познакомился, домою не собирается. Разъ это, подъ вечеръ, и спрашиваетъ онъ насъ:—а что, говоритъ, молодцы, много сапоговъшили? —Много, говоримъ, дѣдушка.—Ладно! Ачай, говоритъ, и руки устали?—Да таки напорядкахъ.—Нужно бы, говоритъ, ручки молодецкія порасправить: не знаю, говоритъ, какъ ваши, а мои-такъ больно чешутся. Вишь, ночь-то какая славная будетъ, не пойдти ли поохотиться, а?—Пойдемъ пожалуй,

говорить Орловскій.—Ну, а ты, молодець?—А я, молъ, не знаю, дѣдушка.—Э, поидемъ, не будь бабой, хорошо будетъ.— Ну пошли. Правда, подумалъ я, что воровать то-есть отравились, однако, какъ сталъ меня дорогой учить старикъ, что то-есть дѣлать, я и понялъ тогда, что идемъ мы на ночной разбой. Испугался, хотѣлъ вернуться, да духу не хватило сказать. Тряпка, братцы мои, былъ я, а не человекъ! Значить, характеру не было. Вышли это мы къ полуночи, на большую дорогу, и устались въ кусты, ждать то-есть случаю. Вотъ и слышимъ мы, звенить колокольчикъ, ближе, ближе; видимъ почта. Съ этой возиться не рука, не справишься, пропустили. Коляска какая-то проѣхала, четыре сѣдока въ ней были, тоже не тронули. Вотъ, спустя немного, видимъ мы ѣдетъ ступню мужичокъ на телѣгѣ, и спитъ себѣ, сердечный, на возу, а возъ гора.—Ну вотъ, говоритъ старикъ,—и ладно! Нужно полюбопытствовать, что за возъ у этакого филива? Да тремъ тутъ дѣлать нечего, вы побудьте здѣсь, а я пойду справлюсь, да погляжу крѣпко ли спитъ его высокоблагородіе!—А самъ, дьяволъ, смѣется, будь онъ проклятъ. Сталъ это онъ по забору подкрадываться, словно кошка какая. Какъ погляделъ я на него, такъ и розобралъ меня страхъ, хотѣлъ было закричать да разбудить православнаго, анъ тутъ языкъ словно отнялся, крику нѣтъ. Посмотрѣлъ на Орловскаго, а онъ какъ звѣрь насторожился и ножъ въ рукѣ, я такъ и обмеръ, вотъ-те, думаю, и охота! Вдругъ почудилось мнѣ, что кто-то таково жалобно закричалъ, словно фельдфебель передъ смертію. Еще мнѣ страшнѣе сдѣлалось. Стало-быть лихорадка, а Орловскій ничего; еще посмѣивается. Слышимъ стучать близко колеса. Какъ подѣхала къ намъ телѣга, смотрю, а на ней ужъ вмѣсто одного лежатъ двое.—Ей ребята? закричалъ старикъ,—нужно будетъ осторожно обратиться къ повороту, чтобы не набрести на кого ни на есть; съ этимъ чортомъ я ужъ справился. Важная, говоритъ, пожива, вишь корабейникъ; идите же тихонько подъ забромъ, а я шагомъ поѣду.—Да ты мотри, старый чортъ, не улизви, сказалъ Орловскій.—Вотъ еще что выдумалъ, отвѣчалъ старикъ: все, братъ, вмѣстѣ: и кнутъ, и добычу.—Ну пошли, а сами со старика глазъ не спускаемъ, сдѣдимъ. На поворотѣ свернулъ старикъ въ дѣсь, а къ раннему

утру добрались до дому. Тутъ, братцы вы мои, розобралъ меня такой страхъ, что хоть бы въ землю провалиться, такъ въ ту же пору. Завхали мы прямо въ темный сарай, двери заперли крѣпко-на-крѣпко и огня привесли. Какъ взглянулъ я на возъ, такъ и обмеръ. Не видалъ я дотогъ рѣзавыхъ, а тутъ, гляжу, лежитъ это, сердечный, ничкомъ, голова у него повисла, руки словно плети, горло перерѣзано, лицо и борода въ крови, образа человеческого не видно! Коробъ подъ нимъ былъ, такъ тотъ весь кровью налилса. Старикъ, проклятый, взялъ да съ возу-то его, бѣднягу, какъ колоду, и спихнулъ ногой; да еще смѣхомъ и говоритъ:—Гляди-ка какой полнокровный! Ну-ка, дружище, помогай!—А чего? Меня лихорадка бьетъ, и зубъ на зубъ попасть не можетъ. Старикъ это и замѣтилъ.—Э, братъ! говоритъ: да ты звать струсилъ. Баба ты, баба, а еще солдатомъ называешься!—Не видывалъ, молъ, дѣдушка.—То-то не видывалъ! куды ты послѣ этого годенъ?—Задѣло это меня за живое:—небоось, говорю, тамъ гдѣ нужно не хуже тебя справаюсь, а къ этакимъ дѣламъ не привыкъ.—Ну, ничего, говоритъ, какъ обуркаешься, такъ привыкнешь.—Чтобъ тебя розорвало, думаю, антихристъ проклятый!

„Въ ту пору добыли мы много и денегъ, и товару на порядкахъ захватили. Похоронили бѣднягу гдѣ-то въ лѣсу, тамъ звать и лежать ему, сердечному, до второго суда. Телѣгу и лошадь припрятали, коробки сожгли. Къ вечеру у насъ и слѣду не осталось, все шито да крыто. Порѣшили совѣтомъ телѣгу перекрасить, а хозяину вѣхать куда-нибудь подальше продать и ее, и лошадь, а наперво отправиться ему въ ближайшія деревни, да подъ рукой разузнать откуда былъ корабейникъ. Такъ и одѣлали; къ утру хозяинъ вернулся. О корабейникѣ, говоритъ, нѣтъ ни слуху, ни духу, звать былъ дальній. Ну и ладно! Привезъ онъ съ собой водки, попировали мы въ тотъ день, а подъ вечеръ опять выпроводили хозяина продавать лошадь и телѣгу. Уѣхалъ онъ дня на три, а мы вечеромъ собрались покутить немного; пришла и хозяйка, не отстала тоже отъ насъ, подпила, да подкутивши, ну лѣзть къ Орловскому! Пристала къ нему словно банный листъ. Замѣтилъ это старикъ и давай смущать ее какъ дьяволъ какой-нибудь.—Эхъ,

говорить, молодица ты такая ражая да хорошая, а съ этакимъ хрѣномъ связалась!—Чего, говоритъ, дѣлушка никуда не годекъ, а туда же еще ревнивъ, проклятый, бьетъ.—А ты зачѣмъ поддаешься.—Да вотъ толкутъ! говоритъ: дура я и только, а еще свободная.—Развѣды не мужа жена?—Нѣтъ, говоритъ, такъ живу, сомутилъ старый.—Да еще и бьетъ?—Зачастую.—Да ты бы его бросила.—Думаю, дѣлушка, да вишь доля горькая, куда дѣвусь? роду-племени нѣтъ.—Ну, а денегъ-то много у стараго хрыча?—Куры, говоритъ, не клюютъ.—А кабы ты, молодица, принесла намъ чего позакусить. А то пьемъ, да пьемъ, а закусить не чѣмъ.—Сейчасъ, говоритъ, дѣлушка,—и пошла. Вотъ какъ ушла она, и говоритъ старикъ:—а что, говоритъ, ребята, вѣдь мало у насъ денегъ.—Мало, говоримъ.—А вотъ, говоритъ, случай важнѣйшій, самъ достается. Здѣсь жить не рука, того гляди попадешься, а пока стараго чорта мѣтъ, обдѣлаемъ-ка его?—Да какъ же?—А вотъ какъ: вишь къ тебѣ, Орловскій, баба-то больно льветъ, ну этимъ и попользуемся. Поди-ка ты къ ней, да ублажи хорошенько и повыпытай, куда старый чортъ деньги хоронитъ; она чай знаетъ. Уломай ее съ нами бѣжать, а вѣдь тамъ, случаемъ надобось, отдѣлаться живо можно.—Молчу я, а Орловскій говоритъ:—Ладно, мудрая твоя рѣчь.—Всталъ да и ушелъ въ клѣтъ къ бабѣ. Пришла потомъ она, такая веселая да говораивая: скачетъ да болтаетъ, все намъ и высказала, а потомъ сама показала гдѣ что лежитъ. Ну въ ночь-то мы у хозяина всѣ клѣтки да кутки очистили, а къ утру ушли и бабу съ собой увели. Былъ старикъ въ лѣсу словно у себя дома, зналъ онъ тамъ всѣ тропы, всѣ ходы и выходы, значитъ идти было намъ съ полагоря. Жарко стало въ полдень, остановились отдохнуть. Баба больно устала, спать легла, а старикъ съ Орловскимъ стали о чемъ-то шептаться. Долго они толковали, потомъ и меня позвали.—Знаешь что парекъ? говоритъ: съ нами лишняя обуза, баба: какъ бы черезъ нее не попасть?—Такъ, молъ, что же дѣлать?—Да нужно отдѣлаться, какъ думаешь?—Не знаю, говорю.—Ну такъ ничѣмъ тутъ и не кончили. Старикъ съ Орловскимъ всю дорогу промежъ собой шепоткомъ толковали. Вижу я, что не доброе у нихъ на умѣ, однако молчу. Посмотрю на бабу, таково мнѣ ее жаль сдѣлается; однако подумая, подумая: вижу, правда,

лишняя она намъ, далеко съ ней не уйдешь. Вотъ часовъ въ 12 ночи, зашли мы въ какой-то оврагъ и сѣли тамъ ужинать. Отозвалъ я старика въ сторону и говорю:—какъ же, молъ, дѣдушка, порѣшили вы о бабѣ?—А какъ, говоритъ, извѣстно! Разомъ кончить.—Нѣтъ, говорю, это дѣло не ладно: я вотъ что придумалъ, зачѣмъ понапрасу христіанскую душу губить. Будетъ и одного грѣха.—Засмѣялся старикъ проклятый.... — Умныя рѣчи, говоритъ, слушать хорошо.—Да, говорю, лучше вотъ что мы сдѣлаемъ, бросимъ ее здѣсь: коли найдетъ дорогу, ея счастье. — Да какъ ты ее бросишь?—А напоимъ до пьяна, и уйдемъ тихонько.—Вота еще, говоритъ, что выдумалъ! На эдакую тварь, да Божье добро изводить!—Нѣтъ, говорю, дѣдушка, Христа ради послушай меня.—Сталъ я его уговаривать да просить; ну по моему и порѣшили, и чтобъ она не примѣтила, сговорились уйдти по одиночкѣ; и мѣсто старикъ сказалъ, гдѣ то-есть сожлатъ его. Вотъ какъ баба охмѣлѣла, взялъ Орловскій свою котомку да и ушелъ первый, мало погода и я отправился; остался, значитъ, одинъ старикъ. Пришли мы на мѣсто; ждать, пождать, нѣтъ старика; думали ужъ не далъ ли онъ тягоча, хотѣли было на встрѣчу идти; глядимъ, катитъ проклятый.—Что молъ, дѣдушка, долго? — Да все съ бабой, говоритъ, возился: знать догадалась окаянная, приставать стала куда вы дѣлись?—Ну, что же?—Да ничего, говоритъ, я ей водочки поднесъ, да и самъ грѣшнымъ дѣломъ выпилъ. Теперь небось до бѣды утра не встанетъ: такъ уподчивалъ; осталась довольна.—И такъ засмѣялся проклятый, что меня, ажъ, морозъ по кожѣ подралъ. — Одначе, говоритъ, ребята, что о плевомъ дѣлѣ толковать. Пойдемъ-ка; далеко идти-то.“

— Поди-ка, уходилъ? спросилъ рабочій.

— А прахъ его знаетъ! Мы не спрашивали! Должно-быть не обошлось безъ грѣха. Эдакій аспидъ пощады не дастъ. А можетъ и такъ, живьемъ бросилъ, чортъ его знаетъ! Только ограбилъ онъ ее, безпремѣнно ограбилъ. Какъ пришелъ, такъ котомка-то у него вдвое больше стала.

— Долго вели вы такую жизнь?

— Долго; года два. Старикъ съ нами не разставался.

— А на охоту ходили?

— Нѣтъ, больше на дорогу не ходили. А такъ вотъ, гдѣ что лежитъ плохо, аль примѣтимъ, что у насъ мало, а у

другаго залешекъ, ну такъ бывало сейчасъ и подѣлимся, а то и все возьмемъ. На эти дѣла куда я лавокъ былъ! Самъ старикъ пасовалъ.

— Кто жь былъ этотъ старикъ?

— А прахъ его знаетъ. Звали мы его старикъ да старикъ, вотъ и только. Пожалуй и имя у него было, да что въ немъ! Поди-ка ихъ десятка два перемѣнилъ онъ на своемъ вѣку. Хитеръ былъ бестія и куда скрываетъ! Вѣришь ли? Бывало отъ хмѣльнаго мучѣмъ ничего не выпытаешь. Чортъ, а не человекъ. Одно знаю: былъ онъ бѣглый каторжникъ.

— Развѣ онъ сказывалъ?

— Какъ же, держи карманъ, скажетъ! Наперво самъ я замѣтилъ, а тамъ въ судѣ дознали. Однажды, сталъ это старикъ костеръ раздувать, ну, значитъ сильно натужился, да и разгорячилось его огнемъ. Вотъ какъ поднялъ онъ голову-то, гляжу я, а у него на лбу, да на щекахъ, три бѣлыя пядышка. Эге, думаю, вотъ братъ какая ты птица, да смѣхомъ и говорю: „что это дѣдушка, знать тебя Тимошка¹ крѣпко полюбилъ, вишь какъ поцѣловалъ, теперь еще есть знать.“—Нахмурился, это, да на мои слова и говоритъ: „Вишь пироги съ грибами, да держи языкъ за зубами, а то какъ бы язычокъ-то не подрѣзали....“—„Ну, говорю, ужъ и рассердился!“—„Нѣтъ, говоритъ, а такъ молвилъ, ты свои обязанности знай, меньше смотри, а больше дѣлай.“—Въ ту пору тѣмъ дѣло и кончилось.

— Какъ же вы попались?

— Да такъ бѣда прилучилась! Промахнулись значитъ. Сперва ладно зажили; перебрались въ Малоросію и посѣлились въ городѣ У—нѣ; ну тамъ намъ лафа была.

— Какъ же васъ не схватила полиція?

— У насъ пачпорты были. Старикъ промыслилъ. И то сказать, съ полиціей почитай друзья были, она насъ не обижала, да и мы не забывали. Такъ-то! А куда хорошо жить въ У—нѣ. Жидовъ тамъ много, а съ ними всякое дѣло ловко вести. У насъ чуть не конторы были во всѣхъ городахъ. Въ одномъ, значитъ, украдутъ; въ другой перешагнутъ, а тамъ и пропадо. Потомъ хаббомъ

¹ Такъ называютъ обыкновенно палача.

стали торговать. Павами зажили. Да бѣжать привелось: что ты будешь дѣлать? Везъ вашъ жидъ изъ Б—ва контрабанду да и попался. Дали знать; мы сейчасъ же по добру по здорову и убрались. Не надѣялись, значить, на Іуду проклятаго, чтобъ ему ни дна, ни покрывки! Пугавули бы тамъ его при спросѣ, аль за пейсы ладомъ потрепали, безпремѣнно бы выдали. Перебрались мы въ другое мѣсто, паспорта опять перемѣнили. У насъ ихъ запасъ былъ. И стали жить припѣваючи. Только не такая лафа была. Пока деньги держались, все шло ладно, а какъ стали на исходѣ, вотъ мы и призадумались. Тутъ и выдумалъ старикъ богатѣйшую штуку: коли бы она удалась, такъ не видать бы мнѣ Сибири. Да нѣтъ, видно счастье прошло. Не вывезло.

Лукьянъ задумался.

— Да! Видно повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить, продолжалъ онъ помолчавъ.—И та бы продѣлка съ рукъ сошла, да Орловскій погубилъ, чтобъ ему пусто было!

— Что же выдалъ?

— Нѣтъ, избаловался парень. Спился съ кругу, значить сталъ дрянъ человекъ. Ужь мы ему пытали и ладомъ говорить, и поколачивали, да нѣтъ, не могли унять. Старикъ даже отдѣваться отъ него хотѣлъ, да какъ-то пожалѣлъ. Привыкъ, значить. А жаль! Лучше бы отъ него-то отдѣваться чѣмъ отъ бабы... Да!...

Онъ замолкъ.

— Ну, рассказывай, Лукьяшка, что остановился-то, заговорили рабочіе.

— Постой, ребята, еще не запрегли, дай духъ перевести, табачку понюхать, да трубочку закурить.—Ну такъ вотъ, продолжалъ онъ помолчавъ,—задумали мы штуку не большую, да и не маленькую, ограбить имѣніе графа К....го!

При этомъ Лукьянъ съ самодовольствіемъ обвелъ глазами слушателей, какъ бы желая насладиться эффектомъ своихъ словъ.

— Шутка богатѣйшая, замѣтилъ одинъ.

— Экъ васъ куда занесло! сказалъ другой.

— Ну, парни, храбры же вы знать были!

— Такъ-то! Мы мелко не плавали, отвѣчалъ съ улыбкой

Лукьянъ:—коли дѣло дѣлать, такъ чтобы не плевое было. А что даромъ руки марать.

— Одначе попались?

— Попались, братцы, что будешь дѣлать. Вотъ видите, жили мы въ уѣздномъ городѣ, мудреное такое имя, прахъ бы его взял! и было, это, отъ него верстахъ въ десяти пребогатѣйшее имѣніе графа К....го. Просышали мы, что у графа въ конторѣ очень много денегъ, такъ что и дѣвать ему некуда, вотъ и задумали какъ бы это подѣлаться съ нимъ. Графъ въ имѣніи не жилъ, а сидѣлъ тамъ управляющій, и въ ту пору продавалъ онъ хлѣбъ. Вотъ и прикинулись, это, я со старикомъ купцами, а Орловскаго выдали за нашего работника, будто-де онъ у насъ кучеръ, и покатали въ имѣніе.

— Гдѣ же вы лошадей взяли?

— У насъ своя пара была. Жили мы не кое-какъ, а на барскую ногу. Пріѣхали. Принялъ насъ управляющій хорошо; крѣпостной былъ, значить, незаносливый; сейчасъ давай угощать и чайкомъ, и водочкой, и закуской. Ладно. Повелъ старикъ дѣло такъ издалека. Политичная былъ бестія! Чаекъ попиваетъ, пустяки разные болтаетъ, да вѣтъ, вѣтъ, и о дѣлѣ заговорить. Главное, нужно было узнать намъ, гдѣ деньги лежатъ и много ли. Одначе въ тотъ день ничего нужнаго не вывѣдали, окромѣ, что любитъ управляющій выпить. Разспросили мы о цѣнѣ, о хлѣбѣ, — настоящіе купцы да и полно! Обѣщали: подумаемъ и опять навѣдаемся, сѣли да и маршъ домой. Дня черезъ три опять покатали. Ну, извѣстно, въ другой разъ принимаютъ насъ какъ знакомыхъ. На наше счастье управляющій въ ту пору выпивши былъ, вишь наканунѣ гдѣ-то праздновалъ. Вотъ и пошло у насъ пированіе; пьемъ, ѣдимъ, толкуемъ, то да се. Скажемъ это десять словъ пустяковъ, а два дѣла. Окромѣ насъ съ управляющимъ въ конторѣ никого и не было. Только такъ, ужъ поздненько, и приди бурмистръ съ оброками. Принялъ его управляющій, съ пьяна-то, грозно, сталъ деньги считать, да и бравится, и точно забылъ о насъ. А мы только перемигнулись: смотри, молъ, да замѣчай. Управляющій побранился, да покричалъ, бурмистра выгналъ вонъ, денежки въ конторку сунулъ и принялся за водочку. Вотъ гдѣ, думаемъ, онъ, наши коржи-

лицы! Ну ладно. Принялись мы за дѣло, стали торговаться, нарочно мало давать, чтобы дѣло затянуть.—Эхъ, говорить управляющій,—маловато даете, господа купцы, эдакъ ваши цѣны и противъ графской не выстоятъ: а вѣдь что таить предъ вами, дѣло наше подначальное, нужно и на нашъ паѣ малую толику.—Объ этомъ не сомнѣвайтесь, говорить старикъ,—вашъ паѣ при васъ и останется, вы только намъ самую низкую графскую цѣну объявите... а вотъ это, говорить, по дружбѣ примите.—Вынулъ бумажникъ, взялъ пятидесятиную да и подаль. Разгорѣлся у управляющаго глаза, схватилъ онъ бумажку да въ конторку къ прежнимъ и сунулъ. Ну, думаемъ, хорошо. Пошло у насъ дѣло, какъ будто и на ладъ. Одначе вели мы его такъ, чтобы ничего ладомъ въ ту пору не порѣшить. Стали мы ѣхать собираться, а управляющій и говорить:—куда это гости дорогие?—Да, молъ, и честь знать нужно, домой пора.—Что вы? говорить:—кто же васъ отпустить на ночь глядя. Переночуйте, выпьемъ малую толику, а завтра дѣльце покончимъ; утро вечера мудренѣе.—Намъ это и на руку; однако старикъ и виду не показавъ, что обрадовался, не съ разу поддался, а сталъ отпѣкиваться.—Какъ, говорить, можно, вѣдь вамъ тѣсно будетъ, куда вы насъ положите?—Эхъ, говорить, друзья мои милые, въ этакихъ хоромахъ развѣ будетъ тѣсно, развѣ мало у насъ компать? Небось, еще останутся; есть гдѣ разгуляться; я, говорить, вотъ тамъ сплю, а васъ положу въ ту половину, близко отъ меня, всего за двѣ комнааты, а коли что ночью понадобится, такъ здѣсь сторожъ спитъ; скажите, все исправить.—Ну, поломались, поломались, да и согласились.—Сходите-ка, Петръ Андреевичъ (такъ я прозывался тогда) говорить старикъ, да скажите нашему кучеру, что мы здѣсь ночуемъ. Закажите ему накрѣпко, чтобы пьянъ не былъ.—Эка важность, что пьянъ, говорить управляющій: ну пьянъ, такъ что жь? Не Богъ знаетъ гдѣ напился? Ничего, пусть и пьянъ.—Да это, сударь, точно, ничего, говорить старикъ: для такихъ людей, какъ вы; а вѣдь нашъ народъ не вамъ чета! Примѣромъ, мы съ вами въ дружеской компаніи, хоша и выпьемъ, ну и ничего. Завтра, что слѣдъ исправимъ. А куда я не люблю, коли кучеръ пьетъ! вѣдь у него животы на рукахъ. Опять, коли служить у меня, такъ во всякое

время, будь какъ стеклушко. — Вышелъ я на дворъ, смотрю, спитъ себѣ Орловскій въ телѣгѣ. Растолкалъ его, глядя, а парень-то пьянъ. Лыкомъ не важетъ! — Ахъ ты, молъ, раздуй ты горой, такой-сякой, гдѣ ты нализался? — А онъ и говорить не можетъ, знай мычить, да бѣлками ворочаетъ. Насилу, насилу вбилъ въ его башку, чтобъ онъ готовъ былъ, что дѣло на ладъ идетъ. Вернулся въ комнаты, гляжу, а управляющій ужь совсѣмъ осоловѣлъ; пьянъ, хотъ выжи. Посидѣли мы еще мало-малая; такъ, кое о чемъ покалякали, и стали спать собираться. Одначе, наперво чѣмъ разойтись, взялъ старикъ, да управляющему и дай еще пятьдесятъ рублей: нарочно, значить, чтобъ узнать, куда онъ положить. Полѣзъ управляющій опять въ конторку, сунулъ туда денежки, да еще дуракъ и хвастаетъ: — вотъ, говоритъ, сколько. — Ну, думаемъ, ладно; авось наши будутъ. Въ ту пору, смотримъ мы, и сторожъ пришелъ, мальчишка лѣтъ двѣнадцати; значить, и это на руку; справиться можно. Какъ остались мы одни, начали на свободѣ осматривать двери да окна; потомъ опять пошелъ я поглядѣть лошадей. Вижу, спитъ Орловскій, ну, его не разбудилъ, самъ сбрую осматривалъ, все приладилъ, да какъ на грѣхъ, колокольчикъ привязать и забылъ. Вотъ, какъ вездѣ поуспокоилось, и говоритъ мнѣ старикъ: — Ну, отпирай на случай окно, а я струментъ прихватчу. — Отворилъ я окно, гляжу, а у старика ножъ въ рукѣ. — Чтѣ ты, молъ, дѣдушка, это зачѣмъ? — А сторожъ-то, говоритъ. — Ну, какъ хошь, а ты, молъ, его не тронь! — Да чтѣ жь съ нимъ дѣлать? — А свяжемъ, говорю: вишь, мальчишка! совладаемъ живо. — Да ладно ли, парень, будетъ? Не лучше ли покончить? — Нѣтъ, говорю, не дѣлай этого, а то я на попятный. — Ну, говоритъ, быть по твоему; знаю, ты пива-то не любишь, а по моему оно бы вѣрнѣе. — Пошли. Сторожа живо скрутили, ротъ ему завязали, конторку отомкнули и денежки вытащили. Сунулись было къ дверямъ, смотримъ, заперты! Отворять не рука, возни много, мы въ окно, да къ телѣгѣ. Вѣрнѣ ли Богу, такъ счастливо отдѣлались, что даже ни одна собака не тявкнула! Въ повозку, да по лошадямъ; тутъ, братъ, зѣвать некогда; знай помахивай. Орловскаго даже не разбудили: торопились, значить. Только тронулись, какъ зазвенять у насъ шаркунцы да колоколець, только стоимъ

пошелъ! — Эхъ, парень, худо, говоритъ старикъ. Что жь ты не подвязалъ? — Забылъ, говорю, дѣдушка. — А эта, говоритъ, тварь что же дѣлала? — А вишь, молъ, пьянъ. — Ахъ онъ, говоритъ, чортовъ перець! — А тѣмъ часомъ Орловскій и проснись. Видно ему съ пьяну-то померещилось, что лошадей украли; какъ онъ вскочить, да во все горло закричить: воры, вѣры! Далъ ему старикъ такую тукманку, что тотъ какъ снопъ повалился въ телегу. Да ужь поздно было. На наше несчастье, были мы противъ людскаго флигеля; тамъ народу была тьма тьмуцая, и еще не спали. Ну, крикъ да звонъ услышали, къ скнамъ: видать, трое удирають что ни есть духу. Знать догадались, что не ладно; всѣ и переполошились. Поднялся такой шумъ, что Боже упаси! А мы знай гонимъ. Вотъ какъ вѣхали въ лѣсъ, меня старикъ тихонько и толкнулъ: — Выскакивай, говоритъ, за нами погоня. — И точно, слышимъ сзади: крикъ, шумъ, топотъ, настигаютъ значить. По лошадямъ; повесли онъ, сердечныя что есть духу, а мы тою порою поизловчились да и выскакинули: я на сторону, а старикъ на другую, въ кусты, а тамъ и въ лѣсъ. Только что забѣжали, глядимъ: человекъ тридцать мимо насъ верхомъ и пролетѣли; ну, думаемъ, теперь лови на здоровье. Сами на утекъ, дальше да дальше. Въ ту пору улепеткули-таки. Недѣли съ полторы еще болтались, такъ, зря. Въ городъ идти боимся; думаемъ, ужь вѣрно о нашей продѣлкѣ дали знать; покажись, какъ разъ схватятъ. И по деревнямъ показаться не смѣли, все незнакомыя мѣста были. Житье плохое пришло.

— Чѣмъ же вы питались?

— А чѣмъ Богъ послалъ. Раза два покупали хлѣбъ у крестьянъ что въ полѣ работали, а то у прохожей нищей братья брали; разъ въ кѣтъ къ мужичку залѣзли. Такъ и перебивались. Тогда-то мы надумались да уговорились какъ вывернуться, коли поймають. Бывало, какъ остановимся на ночлегъ, сейчасъ, первое дѣло, денежки куда-нибудь и зароемъ; потомъ одинъ спать ляжетъ, а другой сидитъ на караулѣ. Правда, мало же мнѣ спать доставалось, боялся я своего товарища. Чуть вздремну, мнѣ все и кажется хочеть онъ сбѣжать аль меня зарѣзать. Ну и проснусь, и проснусь.

— А много вы денегъ захватили?

— Да таки довольно! Тысячъ пятнадцать было. Да не вывезло! Погулять не успѣли. Оно бы, конечно, зайти въ первый кабакъ, аль куда ни на есть, и гулай душа. Да, вишь, у насъ плантъ былъ другой; мы честнымъ порядкомъ улизнуть хотѣли. Не удалось, что дѣлать!

— Какъ же васъ схватили?

— Да ночью на насъ охотники набрели. Чортъ знаетъ, какъ ихъ и занесла нелегкая. Ъхалъ за зайцами какой-то шальной помѣщикъ; съ нимъ и людей много было, и собакъ гибель. Вотъ тѣ, проклятыя, насъ и пронюхали. Ну видимъ дѣло плохо, не убѣжимъ. Сдались. Скрутили насъ, рабовъ Божіихъ, да какъ бродягъ и представили въ земскій судъ. А тамъ ужъ, извѣстно, все пошло своимъ порядкомъ.

— А сознались вы скоро?

— Нѣтъ. Насъ сперва о деньгахъ и не спрашивали: вѣдь мы ушли далеко, въ другой уѣздъ перебрались. Судили насъ за бродяжничество. Назвался я Лукьяномъ, не помнящимъ родства, узнать же доподлинно кто я, аль уличить чѣмъ, не могли. А до старика таки дощупались.

— Какъ такъ?

— Да коли побывалъ кто въ рукахъ у запечнаго мастера, такъ онъ тя такъ обдѣлаетъ, что не скроешься. Подозрили старика по рожѣ аль по разговору, кто ихъ знаетъ? Онъ, обыкновенно, запирался: ну сейчасъ стааи ему спину тереть. Оно и оказалось, что на немъ и трехвостки бывали, да врядъ ли и кнутикъ не гуливалъ. Морду тоже осмотрѣли; видятъ: каторжникъ. Опять туда и ушелъ, отколева пришелъ. Пока насъ допрашивали, кто мы, да что мы, да откудава, тѣмъ часомъ, самъ ли судъ провѣдалъ, аль знать ему дали, что въ имѣніи графа К—го какіе-то люди шутку подшутили, дѣшій ихъ знаетъ! Только въ этомъ насъ заподозрили, да и давай допрашивать. Мы знай стоимъ на своемъ: знать, моль, не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. Уличить насъ ничѣмъ не могли.

— А деньгами?

— Да деньги-то, слышь ты, въ дѣсу остались, прихватить-то намъ не удалось, да и опасно было: улика.

— Такъ они и пропали.

— Можетъ какой счастливый нашелъ, кто ихъ знаетъ?

Ну вот стоимъ мы на своемъ. Видятъ, что съ нами ничего не подѣлаютъ, взяли да и переслали въ городъ, гдѣ мы жили. Какъ привели туда, дали сейчасъ знать управляющему графа. Свели это насъ съ нимъ очи на очи. Онъ насъ сейчасъ и призналъ, да таково еще, старый дуракъ, обрадовался, что вотъ-де птицы-то и попались. Однако мы ему носъ наклеили. Заперлись да и говоримъ, что его и въ глаза не видавали, и что онъ за человѣкъ не знаемъ. Было тутъ съ нами битвы: и хозяина приводили, и другихъ людей. Нѣтъ, стоимъ на своемъ. Людей, говоримъ, этихъ не знаемъ, и здѣсь не бывали. Повели насъ въ больницу. Думаемъ, на кой прахъ. Вотъ ввели въ комнату, глядь, анъ тутъ Орловскій лежитъ. Башка вся повязана, еле дышетъ. Дуракъ, во всемъ сознался, и насъ призналъ. А мы опять за свое, и еще старикъ сказалъ:—какъ, говорить, человѣку больному вѣру давать? можетъ, онъ бредить; пусть выздоровѣетъ, да тогда признаетъ.—Дока былъ этотъ старикъ. А чего? Орловскій черезъ день и умеръ. Дуракъ же онъ и былъ, право слово. Вздумалъ еще уговаривать, чтобы мы сознались. Ажъ смѣшно стало; подумалъ я: эхъ ты олухъ Царя Небеснаго! тебѣ хорошо. Къ чертямъ идешь, туда и дорога, а нашему брату еще долго на свѣтѣ жить; шкура-то на спиѣ не наскучала.

— Такъ и не сознались?

— Не сознались. Ужъ чего, чего съ нами не дѣлали! и умасливали-то, и уговаривали-то. Управляющій самъ, бывало, приходилъ и денегъ обѣщаль, и прощеніе хотѣлъ выхлопотать: не поддались, не сказали. Бились, бились, долго держали, да и бросили. Старика таки плетюгами отодрали, да опять по прежней дорожкѣ отправили. И мнѣ напорядкахъ досталось, а потомъ въ арестантскія услали. Пробылъ тамъ года два, да вотъ сюда и вывернулся. Хоша и не даромъ, да не жаль. Все же на свободѣ.

— А дорого тебѣ стало?

— Да рублевъ двадцать пять стало.

— Гдѣ жъ ты денегъ взялъ?

— А кое-гдѣ. Извѣстно, коли голова на плечахъ, да смѣтка есть, такъ не пропадешь. Кое подаяніемъ насбиралъ, кое работой зашибъ; ну а малая толика и такъ перепала.

— А званія твоего не узнали?

— Нѣтъ, не узнали. Орловскій, хоть за то спасибо, этого съ дуру не сказалъ, а то пропалъ бы тогда. По зеленой-то пройдишь бы.

— Отчего же Орловскій умеръ?

— А вотъ вишь ты, какъ выскочили мы изъ телѣги, онъ мало-мала прочухался, видитъ, бѣда не минучая, и насъ вѣтъ. Вздумалъ тоже бѣжать. Скакнутъ-то скакнулъ, да не больно счастливо. Чортъ его знаетъ, чѣмъ-то за телѣгу зацѣпился. Его съ версту лошади по землѣ во весь духъ тащали, всю голову о камни разбили и руки переломали; такъ его и нашли. Еще дышалъ. Да туда болвану и дорога, заключилъ разказъ свой Лукьянъ, и помолчавъ немного, спросилъ: — Ну баринъ, потѣшилъ я тебя, доволенъ ли?

— Спасибо, братъ.

— А коли спасибо, такъ уважь. Вели водочки дать, горлышко промочить. Вишь ты, какъ я залулся! Чтò твой соловей.

Я велѣлъ принесть стаканъ водки.

— Ну вотъ это и ладно, за это благодарствуемъ. А коли хочешь ты слушать, продолжалъ онъ выпивъ вино, — поспрошай другихъ; вѣдь здѣсь нашего брата много. Вонъ, хоша бы и нарядчикъ: думаешь ты, кто онъ? Тоже изъ нашихъ! Ты только взгляни на него. Вишь какой драбантъ. Гвардеецъ, да и полно. Аль вонъ опять Дубровинъ, чѣмъ не солдатъ? Вѣдь птица по полету видна, узнаешь попа и въ рогожѣ. И меня тоже спознали, даромъ что мужикъ-мужикомъ былъ. Ужь маѣ тоже въ судѣ спину-то терли, терли, ажъ у самихъ руки покраснѣли. Ну да шишъ взяли; только даромъ трудились. А за то, братцы вы мои, обратился онъ съ усмѣшкой къ своимъ товарищамъ, — каково это пріятно, какъ спину-то тебѣ трутъ, да еще и суковцемъ, да еще и красненькимъ? Право ну!

Многіе засмѣялись.

— А какъ плеточками попробуютъ, поди-ка вкусно не будетъ, не порадуешься, сказалъ одинъ.

— Этого я не знаю, ты самъ суди, да и намъ скажи. Вѣдь по тебѣ трехвостка гуляла. А я такъ умою раскидываю, что и розги, будь онъ прокляты, не приведи ты Господи, какъ нехороши! Это, какъ примутся хлестать-то,

точно тебя варомъ обдають; аль что ни есть холодною водою окачивають, ажю духъ захватываетъ. Ну ихъ! добавилъ онъ, плюнувъ съ досадою, и замолчалъ.

Двое рабочихъ, на которыхъ указалъ Лукьянъ, дѣйстви-тельно выглядывали молодцами. Нарядчикъ Александръ Яковлевъ былъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, высокаго росту, чрезвычайно худой, но очень стройный и еще довольно красивый. Несмотря на преклонныя лѣта, онъ былъ ловокъ и расторопенъ. Солдатская выправка проглядывала во всѣхъ его движеніяхъ и приемахъ. Ходилъ онъ мѣрнымъ шагомъ, держался прямо, и одѣвался довольно опрятно. Его старыи озямъ былъ всегда плотно перетянутъ въ талии, длинныя таежныя сапоги вычищены, на рукахъ постоянно надѣты перчатки съ раструбами; сѣдую, плотно остриженную голову, онъ прикрывалъ кожаной шапкой съ широкими полями. Дубровинъ былъ малый лѣтъ двадцати восьми, плотный, коренастый блондинъ, средняго росту, довольно красивый собою. Онъ стригся коротко, брилъ бороду, одѣвался (когда не былъ на работахъ) опрятно, и не успѣлъ еще забыть солдатской привычки, вытягивать руки по швамъ и становиться, во время разговора, во фронтъ. Онъ былъ парень смѣтливый, тихій, незадорный и всѣми любимый.

— Ну братъ, если мою жизнь сравнить съ твоею, отвѣчалъ нарядчикъ на замѣчаніе Лукьяна, такъ она плевка не стоитъ. Оно точно, и я бѣжалъ изъ военной и тоже побывалъ въ арестантскихъ, да никогда, во всю жизнь, со мною такихъ казусовъ не бывало. Поболтался и я по бѣлому свѣту, бродилъ такъ, просто, гдѣ день, гдѣ ночь, абы сутки прочь. Изъ военной же службы бѣжалъ я такъ, зря; теперь и самъ не припомню порядкомъ отчего. Просто молодъ былъ, а главное кажись надоѣли зуботычины да ругань. Правда, и на моей улицѣ праздникъ бывалъ, и дивія выходила, да не умѣлъ пользоваться. Молодой-то я былъ хоть куда, парень ражій: вотъ и полюбила меня одна вдовушка купчиха, не то чтобы больно богатая, но таки порядкомъ зажиточная. Жилъ я въ ту пору хорошо: ѣшь, пей, веселись, просто масляница! Да видно ужъ такая была голова моя беспокойная, да безталанная. Воли хотѣлось, а ея-то мнѣ и не было. Купчиха ревнивая была, а я гулять

охочь; вотъ значить и не сошлось. Надоѣла мнѣ эта вѣчная воркотня да брань. Подумалъ, кой дьяволъ, отъ одной брани ушелъ, ну еще тамъ, туда сюда, дѣло невольное, подначальное, а тутъ изъ коего чорта стѣснять себя. Свободенъ значить, взялъ да и ушелъ. А тамъ скорехонько и попалъ.—Только мнѣ, братъ, не твое счастье, обратился омы къ Лукьяну. — Вишь ты сколько штукъ надѣлалъ, да и то легонько отдѣлался, а я не такъ. Проклятый городничій въ Ладонѣ, гдѣ то-есть меня схватили, столько въ меня розогъ всыпалъ, чтобъ ему пусто было, что ну да на!

— За что же? спросилъ я.

— А чортъ его знаетъ! такъ, здорово живешь. Молодъ былъ, да задоренъ къ службѣ. Знать хотѣлось больно выслужиться предъ начальствомъ, узнать что я за птица. Да ну его проклятаго!—и нарядчикъ махнулъ рукой.

— Давно ты попался?

— Давнымъ-давно. Пожалуй и время забылъ. Пришелъ сюда, да женился, а теперь дѣвкѣ моей семнадцать лѣтъ, а она не первая. Да что о моей жизни и вспоминать? не стоитъ она добраго слова. Скучно. Вы лучше спросите-ка Дубровина: онъ вишь какой пряткій, да бойкій; подика онъ на своемъ-то вѣку, много испыталъ, да покуралъся; намъ старикамъ съ нимъ не тягаться.

— Сказать правду, и я больно-то не проказилъ, отвѣчалъ Дубровинъ:—одно только, стрекнулъ изъ военной. Тоже поболтался по бѣлому свѣту, а все отъ Лукьяна далеко отсталъ.

— А кой же ты лѣшій изъ военной-то вынесъ? небось спроста ушелъ? спросилъ Лукьянъ, какъ будто задѣтый этимъ замѣчаніемъ.

— А вынесла, братъ, меня пощечина, вотъ что, отвѣчалъ Дубровинъ.

— Пощечина? Разказывай! недовѣрчиво сказалъ Лукьянъ. Право слово, одна, какъ есть одна, отвѣчалъ Дубровинъ.

— Стоило губить себя изъ-за такой бездѣлицы, сказалъ нарядчикъ:—на мою долю и не одна, братъ, досталась, да что дѣлать? терпѣлъ же. Да еще какіе у меня и командиры-то были, Господи упаси! Служилъ я перво въ гвардію, а тамъ извѣстно саужбы требуютъ. Бывало тамъ чуть не

такъ носокъ вытянешь, аль фигура начальству не понравится, аль тамъ брюхо какъ сѣдъ не подберешь, аль аммуниція не исправна, такъ ужь и знай, въ рожу безпрѣменно получишь, а какова пора—и розгачами поподчуютъ. Да! строгое было время. А ужь о брани и говорить нечего Мы ее ни во что считали.

— Всякій, братъ, думаетъ по своему, отвѣчалъ Дубровинъ:—ты говоришь много сѣлъ зуботычинъ, а я и одной не вынесъ. Вотъ и поди ты, толкуй. Зазорно стало. Значить родъ не перенесъ.

— Вишь какой гордый, усмѣхнулся Лукьянъ.

— Не то чтобы гордый, а вольный значить былъ, не свычець къ этому.

— Да ты изъ какихъ же? спросилъ его нарядчикъ.

— Я-то? Наперво казакъ былъ, да еще и роду не простаго, а хорошаго. Наша фамилія на Дону, поди-ка, теперь еще въ славѣ, тамъ всякій знаетъ Ко—выхъ. Домъ у насъ богатѣющій, кого ни спроси, что ни есть ребенка, всякой те покажетъ. А какіе у насъ виноградники, да рыбныя ловли богатѣйшія! Да вотъ выпала же доля угодить сюда. Такъ знать Богу угодно, не потерпѣлъ грѣхамъ. Теперь шабашъ! Ужь не видать мнѣ ни родины, ни матушки, никого! Судилъ мнѣ Господь горькую чашу, умереть одному на чужой сторонкѣ! Никто родной и на могилу-то не придетъ, слезки не уронить. Почитай и теперь для родныхъ-то, что есть, что нѣтъ, все единственно. Сгинулъ, безъ вѣсти пропалъ. Матери о себѣ отписать не могу; а куда бы она рада была, сердечная! Да что ты будешь дѣлать? знать Божья воля. (а его глазахъ навернулись слезы.) А за что и про что попалъ-то сюда я! Вѣрите ли Богу, и самъ почитай не знаю, ничего за собой не чувствую, никого не обидѣлъ, никому зла не сдѣлалъ, а по Владиміркѣ пошлагалъ, да еще и розгачей отвѣдалъ. Что ты будешь дѣлать?

— Однако ты говоришь, что сбѣжалъ изъ военной, и что тебѣ дали пощечину. Расскажи какъ это случилось?

— Сказать недолго. Поступилъ я по очереди на службу въ полкъ. Тамъ мнѣ сразу повезло. Былъ я казакъ во всемъ исправный, тихій, къ службѣ усердный. Начальство сразу отличило и въ урядники произвело. Значить ужь

на дорогу сталъ. У насъ вѣдь служить хорошо, не бьютъ, не сбьютъ, не колотятъ; развѣ тамъ, коли больно несправно что, ну такъ мало-малая побранятъ, да и баста. Вотъ, разъ препровождалъ я съ конвоемъ какого-то анашему-арестанта, будь онъ проклятъ, чортовъ сытъ! Мы какъ-то позазѣвалиць, а онъ возьми, да съ вочлегу и сбѣги. Ну, извѣстно, дѣло-то и вышло худо. Вернулись въ станицу съ повинной. Что будешь дѣлать? Судили въ ту пору насъ и рѣшили: разжаловали меня, да и обратили на дѣйствительную службу. Вотъ и попалъ я въ армейскій полкъ. И тутъ бы служить можно. Отчего же? Вездѣ вѣдь люди, да на мой грѣхъ, былъ у насъ взводный командиръ молодецкій премолодецкій, такъ, дѣтъ восемнадцати. Онъ, вишь, только что прѣѣхалъ изъ кадетскаго корпуса, а фанаберія, да гордости набрался столько, что Боже ты мой! Былъ какой-то взбалмошный, да вспыльчивый, никого звать не хотѣлъ. А чѣмъ бы, кажись, и гордиться? Мальчишка какъ-есть, вочитай на губахъ у него и материнское молоко еще толкомъ не обсохло. Старые солдаты надъ нимъ посмѣивались, но онъ ихъ не трогалъ, а все куражился надъ нами, новичками. Вотъ, это, разъ распекъ его передъ фронтомъ полковой командиръ. Пришелъ онъ къ вводу такой сердитый, да злой. Сталъ на мѣсто, да и кричить мнѣ: — Эй, говоритъ, третій человекъ, подбери живогъ. Плечъ, говоритъ, не заваливай, ружье не наклоняй. — Ну, сдѣлалъ я это, какъ умѣлъ, да видно не потрафилъ; подлетѣлъ онъ ко мнѣ, ткнулъ сперва кулакомъ въ живогъ, а потомъ и въ ухо хватилъ: вотъ я, говоритъ, выучу тебя по своему, такой-сякой. Какъ ударилъ онъ меня, такъ я свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Ружье у меня закачалось, словно я одурѣлъ. И не то чтобы больно было, а такъ сдѣлалось совѣстно, что и сказать не умѣю. Пришелъ въ казармы, самъ не свой; такъ меня и мутить, и мутить. Думаю: дали въ зубы! А за что? Ужь чего, чего въ ту пору я не передумалъ! Зло взяло; думаю, что жъ, молъ, это за служба, что тебѣ всякій мальчишка въ зубы дѣзетъ, а ты стой, да рыло ему подставляй и сказать ничего не смѣй. Ажъ съ досады всплакалъ. Ну, хорошо. Ночь прошла, я почитай ее всю проходилъ, все о своей обидѣ вспоминаючи а на другой день, какъ увидалъ своего супротивника, и

разобрала меня такая досада, что кажись, скажи онъ мнѣ слово, убилъ бы на мѣстѣ.

— Э, парень, да ты шутникъ же былъ, прервалъ Дубровина рабочій Юшкевичъ, — вишь что выдумалъ! Да что больно разобидѣлся? Плюху отъ офицера получилъ? Велика важность! На то братья они и поставлены: знай, молъ, я вѣдь благородіе, а ты что? солдатъ!

— Такъ-то такъ! Да драться зачѣмъ? Развѣ что благородіе, такъ ладомъ и сказать нельзя, а нужно въ зубы лѣзть?

— На то, братья, начальство. Власть, значить, одно слово. Супротивъ идти не могу.

— Это мнѣ всѣ говорили, а старые солдаты еще подсмѣивались. „Вишь, говорятъ, матушкинъ сынокъ, недотыка! Важное дѣло, плюха! Погоди, братья, много ихъ увидишь.“ Однако не могъ я этимъ успокоиться, а пуще только разбирала меня злость. Бывало, какъ увижу этого монокососа, такъ вотъ все и закипитъ во мнѣ. Подумалъ, подумалъ, вижу, не могу служить, да еще и побоялся, чтобы грѣха какого не прилучилось, рѣшилъ: будь что будетъ, сбѣгу. Ну, и сбѣжалъ.

— Долго бѣгалъ?

— Нѣтъ, всего года полтора. Сперва счастье повезло. До самаго Кіева дошелъ, на Зеленцѣ и поселился. Жилось привольно. Тамъ, вѣдь, не больно строго; начпорта не требуютъ, живи только тихо. Потомъ захотѣлось въ Москвѣ побывать, пошелъ, да въ Тульской губерніи и попался.

— Чѣмъ же ты жилъ?

— Мнѣ сперва-то изъ дому много денегъ послали. Я не кутилъ, а все приберегалъ на черный день. Вотъ и пригодились.

— Оттого такъ далеко и ушелъ, глубокомысленно замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, — у насъ по матушкѣ Руси съ деньгами гуляй сколько хочъ! Коли попалъ кому на глаза, и тутъ вывернуться можно. Сыпнулъ, тамъ, кому слѣдуетъ, сотскому аль становому, ну и убирайся по добру по здорovu. Одно только, споровку имѣй, да знай сколько кому дать. Чѣмъ старше начальство, больше давай: вотъ те и вся недолга.

— Какъ же ты попалъ?

— Да тоже случаемъ. Пришелъ, это, я въ одно село, а

тамъ праздникъ былъ, да ярмарка въ придачу: извѣстно, до меня ли тутъ? Зашелъ я въ харчевню: чайку, водочки выпилъ, позакусилъ, и собрался было въ путь дороженьку. Да надоумила меня нелегкая на базаръ сходить; такъ, значитъ, полюбопытничать. Пока я болтался, въ ту пору случись въ харчевнѣ грѣхъ, пропали у хозяина ложки. Далъ онъ знать сотскому. Всѣхъ, кто въ харчевнѣ былъ, и забрали, а на ту пору въ селѣ становой случился, да изъ губерніи, тамъ, какой-то надъ нимъ набольшій пріѣхалъ. Вотъ, значитъ, у становаго-то руки связаны были, взять онъ денегъ и не посмѣлъ. Боялся. Я, это, ничего себѣ не знаю. Погулялъ по ярмаркѣ да къ харчевнѣ; ахъ тутъ меня и цапъ-царапъ. Пачпортъ требуютъ, а у меня его-то и нѣтъ. Ну и приняли меня за бока. Не будь тутъ этого окаяннаго, становой отпустилъ бы, а чтобъ отъ большака-то откупиться, у меня денегъ не хватало. Подумалъ тогда, будетъ что будетъ, взялъ да никому ничего и не далъ. Меня раба Божьяго въ острогъ и препроводили.

— Ты сознался, что бѣжалъ изъ военной службы?

— Нѣтъ. Сказалъ, что изъ Курской губерніи, дворовый человекъ одной помѣщицы. Это я сдѣлалъ вотъ почему: пока я былъ на волѣ, извѣстно, случилось много видѣть и городовъ, и людей, и знакомствъ свести съ своимъ братомъ бѣглымъ. Вотъ, бывало, кому ни скажу, почему, значитъ, бѣжалъ, всѣ или смѣются, или не вѣрятъ.— Эка, брать, говорятъ, какой ты нѣженка, отъ плюхи сбѣжалъ. важное дѣло! стоило себя губить! Если, говорятъ, отъ такихъ пустяковъ да бѣгать стануть, такъ всѣ бѣглые будутъ. За всякимъ тычкомъ не угонисься. Это брать, говорятъ, у тебя въ резонъ и судъ не приметъ. Поди-ка скажи судѣ, что, молъ, сбѣжалъ отъ того, что далъ офицеръ плюху, такъ онъ тебя осмѣетъ да еще скажетъ, что ты бунтовщикъ. Вѣдь поди-ка, любой изъ нихъ своему лакею частенько задаромъ въ зубы сѣздить, да и въ грѣхъ этого не поставитъ. Однако все я думалъ, что это не такъ. Разъ это, уже въ Тульской губерніи, познакомился я съ однимъ парнемъ. Бѣжалъ онъ отъ помѣщицы, больно ему жить нудно было у ней-то. Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: „попадешь ты когда-нибудь! У тебя въ резонъ ничего не примутъ что ты говоришь, а накажутъ за побѣгъ, да опять въ

военную отдадутъ. А ты вотъ что сдѣлай: коли попадешься, назовись моимъ именемъ; небось, не накажутъ. Дурнаго я ничего особеннаго не сдѣлалъ; а ужь то вѣрно, помѣщица къ себѣ не потребуеть: больно я надѣвалъ ей. Ты же, говоришь, и похожъ на меня, такъ это и легко. Ну, а коли потребуеть, такъ ужь выворачивайся какъ знаешь.“ Разказалъ онъ мнѣ всю подноготную о своемъ житѣвѣ: какъ тамъ а помѣщицу зовутъ, и родныхъ, и сусѣдей, ну все это я и взялъ къ сердцу. Какъ схватили меня, я и показалъ такъ, какъ онъ училъ. Ну, извѣстно, сейчасъ справки навели, а меня въ острогъ посадили, судъ еще шелъ объ украденныхъ ложкахъ. Пока еще тамъ допросы по этому дѣлу снимали, а тѣмъ часомъ барыня и отписала, что дѣйствительно такой человекъ отъ нея бѣжалъ, но что она его у себя держать не хочетъ, а за побѣгъ проситъ наказать розгами, да и сослать въ Сибирь, и деньги еще приложила. Въ кражѣ ложекъ меня не обвинили, а по просьбѣ помѣщицы высклали да и сослали сюда. Вотъ те и вся сказка.

— Ну, а еслибы помѣщица потребовала тебя къ себѣ, что бы ты сталъ дѣлать?

— А право не знаю. Сказался бы не помнящимъ родства, да и баста. Что бы тамъ ни было, а опять бы въ полкъ не пошелъ.

— Давно ты здѣсь?

— Да вотъ ужь третій годъ пошелъ.

— Кажется поселенцевъ изъ волости ранѣе трехъ лѣтъ запрещено пускать на присекъ?

— И, сударь! Были бы деньги, а то съ ними въ Сибири все можно сдѣлать. Извѣстно, дать нужно.

— Да откуда же поселенцу взять ихъ?

— Какъ откуда? Задатки при наймѣ даютъ. Подѣлись съ писаремъ, ну и уволить.

— Все, братъ, ты правду толковалъ, а тутъ и пошелъ душой кривить, сказавъ одинъ изъ рабочихъ.— Не бось не своими отдуваешься.

— Какъ не своими? Своими, отвѣчалъ Дубровинъ.— А это что бають, будто баба-то за меня писарю подарила, такъ это такой случай вышелъ.

— Ну врешь, врешь, продолжалъ тотъ же рабочий,—она для тебя рада отца роднаго чорту отдать: будто я не знаю.

— Любить, значить, отвѣтилъ Дубровинъ.

— То-то любить. И чортъ тебя понесъ, прости Господи, сюда! Человѣку приволье, катайся какъ сыръ въ маслѣ. Такъ нѣтъ не любо; дай, моля, въ каторгу пойду.

— Эхъ, ты, пустомеля! отвѣчалъ Дубровинъ:—право, пустомеля.

— Да развѣ я не знаю, что ли? Видите ли, сударь, у него тамъ въ деревнѣ, продолжалъ рабочій,—полюбовница есть, баба что ни есть по цѣлому селу богатѣйшая; денегъ куры не клюютъ. Полюбила она его, такъ что на удивленіе. Денегъ бери сколько хошь; чуть не на рукахъ носить, запрету ни въ чемъ нѣтъ. А его лѣтшій сюда принесъ.

— Посадила бы я тебя въ свою шкуру; не бось, не такъ бы заговорилъ.

— А что? Скажешь, не бось, худо тебѣ? Да коли бы мнѣ вѣтакой фаршъ, я бы....

— Загулялъ бы, вотъ и все, прервалъ Дубровинъ.—Завѣтъ, братъ!

— Ну, а хоша бы и загулялъ! За то пожилъ бы.

— Развѣ въ самомъ дѣлѣ, Дубровинъ, тебя любить богатая женщина?

— Любить, да что толку?

— Ты бы женился, чѣмъ жить безъ дому.

— И, что вы, сударь! отвѣчалъ онъ:— правда, сна баба привязчивая, такъ пристала какъ гѣсто, и богата, и ублажаетъ меня, чѣмъ то-есть хочу. Да не рука: разъ, супротивъ меня стара больно, а второе и года мнѣ еще невышли; вѣдь всего я еще третій годъ на поселеніи, значить жениться и нельзя. Потому что она за жена? Эка невидаль, что богата! За то такая злющая, что не приведи Господи.

— Зачѣмъ же ты на приискъ пришелъ?

— Погулять захотѣлось. Лѣтомъ въ деревнѣ скука, всѣ наши ребята, что по моложе, на прииски уходятъ, а оставаться съ этими челдонами нѣтъ того хуже.

— Полно-ка балясы точить! прервалъ его рабочій:—отдѣлаться отъ Марѣы хошь, вотъ и вся пѣсня.

— Эка вралю! А что она мнѣ за помѣха. Волею жаву, а нѣтъ такъ и поминай какъ звали! Вѣдь не привязать. Просто, дома тоска взяла, вотъ и все.

— О родинѣ скучаешь? спросилъ я.

— Да еще какъ, не приведи Господи! Подъ часъ такая тоска нападетъ, что мѣста себѣ не найдешь, такъ бы кажись и полетѣлъ туда. Хоша бы глазкомъ взглянулъ на родину. Авъ нельзя, далеко, да и запретъ. Вотъ какъ передъ Богомъ, иной разъ подумаешь о матери, о домѣ, о всемъ этомъ, такъ руки и опустятся, и отъ работы отвернешься, дѣлать ничего не станешь, и денегъ не захочешь. На кой они прахъ? Пойдешь да съ гора послѣдніе прокутишь. И то сказать, какой въ нихъ толкъ бездомному поселенцу! Какова пора, чужимъ достанутся.

— Заведись своею семьей. Выбери хорошую дѣвушку да женись.

— Жениться! Это здѣсь послѣдняя штука. Вѣдь здѣсь не то что у насъ въ Россіи. Здѣсь и дѣвки, и бабы все гуляція. Это не зазоръ у нихъ. Деньги только давай, а то запрету ни на что нѣтъ, все таковскія. Ну, а по нашему это ужъ не дѣло. Хорошая дѣвка за нашего брата, голяка-поселенца, не пойдетъ. Что ей за радость бездомника мужа имѣть? А съ худой самъ пропадешь. Да и воли той нѣтъ, худо ли, хорошо ли, все семья; значить, связанъ. А вѣдь Богъ знаетъ, что можетъ случиться! За часъ не поручишься. Коли одинъ, такъ ни передъ чѣмъ не задумаешься; взялъ да и сдѣлалъ. Никто не въ ствѣтъ.

— Да ужъ ты, Авдрюха, не хочешь ли Донъ посмотреть. Далече, родной.

— А какъ знать чего не знаешь! Можетъ и посмотрю. Думу не думаю, а зарока не накладываю. Все впереди. Больно тоскливо, ребята, стало... Но вотъ... Эхъ, да что говорить объ этомъ? Кабы воля...—Дубровицъ махнулъ рукою, быстро всталъ и вышелъ изъ балагана.

Всѣ молчали.

IV.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, я отправился на охоту съ работникомъ Максимомъ Яковлевымъ. Это былъ человекъ лѣтъ сорока пяти, тихій, скромный и постоянно задумчивый. Его добродушное лицо, носило на себѣ печать задумчивости и грусти. Онъ былъ очень робокъ, словно всего боял-

ся, молчаливъ и необщителенъ. Я никогда не видалъ, чтобы Максимъ участвовалъ въ шумныхъ разговорахъ своихъ товарищей, походившихъ болѣе на брань чѣмъ на дружескія бесѣды, или въ ихъ грубыхъ и буйныхъ играхъ. За то частенько случалось мнѣ видѣть Максима сидѣвшаго гдѣ-нибудь въ отдаленіи отъ другихъ, скучнаго и грустнаго. Въ подобныя минуты я часто подмѣчалъ слезы на его глазахъ. Онъ былъ религіозенъ. Акуратно, каждое утро и вечеръ, уходя за уголь балагана, онъ долго и жарко молился. Видно было, что тоска сильно гложетъ его сердце и что онъ какъ будто упалъ духомъ. Товарищи хотя и звали его пустыннымъ и нелюдимомъ, но никогда не трогали и не смѣялись надъ нимъ.

Утомленные полуденнымъ зноемъ, усталые отъ ходьбы, мы, отойдя очень далеко отъ нашего поселенія, усѣлись отдохнуть и позавтракать. Я подаль моему спутнику стаканъ водки; онъ выпилъ съ удовольствіемъ, и закурилъ свою махорку. Сперва бесѣда наша шла какъ то вяло, переходя отъ предмета къ предмету; но мало-по-малу Максимъ оживился, особенно когда я сталъ говорить о Россіи. Онъ съ видимымъ участіемъ разспрашивалъ обо всемъ, — что тамъ дѣлается, какъ живетъ, вздыхалъ и порою грустно покачивалъ головой.

— Не видать ужъ мнѣ болѣе моей матушки! Да, не видать. Эхъ ты, Господи, по грѣхамъ знать наказалъ ты меня! печально проговорилъ онъ, и такъ сильно затянулся своею махоркой, что закашлялся и заплакалъ.

Естественно, что послѣ этого воззванія разговоръ нашъ склонился къ прошлому, и я попросилъ Максима разказать за что онъ попалъ въ Сибирь.

Подумавъ и сдѣлавъ двѣ или три отчаянныя затяжки Максимъ началъ: — Пью я такую чашу по волѣ моего барина, чтобъ ему ни дна, ни крышки! А за что про что, такъ пожалуй и сказать-то странно. Добро виновать, ну такъ по дѣломъ вору и мука, терпи. А то и вины то нѣтъ. Право слово! (Онъ замолчалъ и задумался.) Скучно бываетъ иногда, такъ скучно, что и не приведи ты Господи! Кажись радъ бы въ ту пору все сдѣлать надъ собой. Бога вотъ только боишься, да страшно свою душевную горькую губить. Повѣришь ли, всплачешь другой разъ,

как подумаешь о родной сторонкѣ, да о родныхъ. Да что ты будешь дѣлать? Былъ я дворовый челоуѣкъ и служилъ при конскомъ заводѣ коноваломъ. Помѣщикъ нашъ очень богатъ, имѣніе большущее, и какихъ тамъ у него заводовъ вѣтъ? Столярозъ, плотниковъ и разныхъ мастеровъ тьма-тьмушная. Самъ безвыѣздно живетъ въ деревнѣ, и сказать по сущей правдѣ, больно жестокъ. Сѣкъ за всякое бездѣльное дѣло! Чтò то-есть плевка не стоить, за чтò другой добрый баринъ и слова дурнаго своему рабу не скажетъ, онъ знаи розгами угощаетъ. Звѣрь, а не челоуѣкъ! Сперва какъ съ нимъ барыня жила, онъ, правда, не такъ безпачтливо вѣствовалъ; значитъ смягчала она его сердце, ну да видно и ей голубушкѣ не въ тернежь пришло, бросила его, и въ Питеръ укатила. Съ той поры баринъ совсѣмъ Бога забылъ. Пошла у насъ такая жизнь, что хуже каторги. Дѣла много, требуютъ строго, и хошь ты сдѣлай и того лучше, а ужь не то что награды жди, слова добраго не услышишь. Розогъ, пожалуй, сколько хошь, достанетъ. Меня онъ сослалъ вотъ за какую притчу: Сдохъ у меня на заводѣ жеребенокъ, и сдохъ, вотъ те Богъ, чтобы мнѣ провалиться сквозь землю, коли лгу, такъ, безъ всякой причины, ну, какъ сдыхаетъ всякая скотина. И чего, чего я не дѣлалъ надъ нимъ; вѣтъ, сударь ты мой! Утромъ, это, онъ захворалъ, а къ вечеру и ноги протянулъ, поминай какъ звали. Оказія! Дѣлать нечего. Пошли, это, мы съ кучеромъ Абрамомъ, ни живы, ни мертвы, докладываемъ барину, такъ, молъ, и такъ, сударь, сдохъ саврасый жеребенокъ! Какъ услышалъ это баринъ, закричалъ, затопалъ, хотъ святыхъ вонъ носи! Ужь онъ пыталъ, пыталъ бранить насъ, и такіе-то мы, и сякіе, и чего, чего только ни обѣщалъ, и Сибирью стращалъ, и шкуру-то съ насъ хотѣлъ до пятъ спустить. А потомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ и говорить: — Коли хошь пощады, признавайся, бестія, нарочно жеребенка извелъ? а? — Помилуйте, говорю, сударь, за чтò такъ гнѣваться изволите? Сами разсудите, за чтò мнѣ жеребенка нарочно морить; вѣдь онъ зла никакого не сдѣлалъ; какъ есть, скотина безсловесная. Знать часъ пришелъ, вотъ и сдохъ. — А баринъ и того пуце. — Самъ ты, говоритъ, безсловесная скотина. Если не сознаешься, я тебя сошлю куда Макаръ телятъ не гоняетъ. —

Принялся онъ опять ругать и воячески поносить меня. Кричалъ, то-есть, сколько его дворянской души было угодно, а потомъ и сталъ на томъ, что я жеребенка нарочно сажу. Ну, началъ я его разувѣрять, да и Абрамъ тоже. Куда-то не слушаетъ, знай ругаетъ. — Постой, говоритъ, вотъ какъ я тебѣ дамъ хорошую баню, такъ всю правду съ твоего ападемскаго языка вытяну. — Воля, говорю, ваша, барскаа, а наше дѣло подначальное, а жеребенка не травилъ. — Какъ онъ ни бился, и страдалъ-то, и уговаривалъ, чтобъ я признался, я все на своемъ стоялъ: умеръ, молъ, самъ жеребенокъ. Да оно и взаправду такъ было. Однако въ ту пору баринъ меня не высѣкъ, а сказалъ только: — коли не признаешься, сошлю въ Сибирь, денегъ не пожалѣю, а сошлю. — Власть, говорю, ваша, а мы что? рабы! — Ну, прогналъ онъ насъ, да и говоритъ: — Ладно, будешь ты помнить этого жеребенка! — Какъ вышли мы отъ барина, Абрамъ и говоритъ мнѣ: — Диво, парень, ушли безъ бани! — Диво, говорю, какъ есть! Что ѣ-то будетъ! — Да ничего, говоритъ, не будетъ, первое-то сердце сорвалъ; ну, значить, все и кончено. — Промель, это, день тихо, да смирно, баринъ въ городъ уѣхалъ, а оттоѣ вдругъ и шлетъ за мной. Привезли меня, раба Божьяго, прямо въ земскій судъ, привели въ канцелярію. Вышелъ наперво ко мнѣ самъ баринъ, сталъ ту же пѣсню пѣть: — признайся, говоритъ, что ты уморил жеребенка; коли скажешь, ничего не сдѣлаю. — Я и говорю: — на что же, молъ, буду я вину наклакать на себя. — Эй, говоритъ, худо будетъ, — и сталъ онъ стращать Сибирью. Ну, и взяло меня зло; думаю, ужъ хуже жизни какъ у тебя не будетъ, одинъ конецъ. Признаться, погрубилъ ему въ ту пору, да и говорю: — что, молъ, Сибирью - то стращаете? у васъ тоже каторга, кровью плачешь. — Ушелъ отъ меня баринъ, покраснѣлъ отъ злости. Потомъ опять вышелъ съ исправникомъ, и ну меня усовѣщивать. А исправникъ еще и говоритъ: — Признавайся, братецъ, грѣхъ заператься. У этакого, говоритъ, добраго барина то ли не житье? — Эй ты, думаю, чернильное племя, тебѣ хорошо Лазаря пѣть, ты хоша и знаешь всю подноготную, да на его же руку тянешь. А попади-ка къ нему въ передѣлъ, такъ онъ такъ вышколить, что небось, небо съ овчинку покажется. Не о твоей спишь дѣло идетъ. Скажи-ка я на себя, такъ

— такую припарку задасть, что и чорту тошно будетъ.—
 Нтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, власть ваша, не
 совенъ, дѣлайте со мной, что хотите, а жеребежокъ самъ
 сохъ, знать ему часъ пришелъ.— Видите, говоритъ баринъ,—
 какой упорный?— Вижу, говоритъ исправникъ,— ты, братъ,
 говоритъ, лучше признайся, не раздражай барина, а то онъ
 тебя сошлетъ!— Власть, говорю, барская, а я на себя грѣха
 не беру.— Въ ту пору, все же я думалъ, есть же у ба-
 рина христіанская душа, не сошлетъ онъ человѣка зада-
 омъ. А онъ, чтобъ ему пусто было! возьми, да и сошли.
 Вырите ли, сударь, въ деревню съѣздить не позволилъ,
 къ роднымъ проститься не далъ, такъ и усмалъ, какъ
 стъ, жеву ко мнѣ не пустилъ. Извѣстно, силу имѣлъ.
 Зотъ и вся моя вина. Не зналъ я своей горькой доли,
 продолжалъ, помолчавъ Максимъ, у котораго отъ этого вос-
 поминанія лицо разгорѣлось и глаза засверкали заботой,— а
 го я бы ему всѣхъ, что ни лучшихъ кобылъ, сгубилъ. На
 ке, молъ, знай нашихъ.

Максимъ замолчалъ и закрылъ пылающее лицо руками.

— Неужели только за жеребенка сослалъ тебя помѣщикъ?

— Въ ту пору, какъ передъ Богомъ, только и вины было.

Ну, да вишь онъ тутъ только придрался. Онъ давно на
 меня зубы-то грызъ, да я дуракъ все не догадывался.

— Развѣ онъ былъ на тебя сердитъ?

— Не любилъ меня, это разъ, а второе боялся. Вишь, я
 ему не по нутру былъ, на его руку не тянулъ. Послѣ-то
 я уже смѣкнулъ, что баринъ давно въ умѣ своемъ положилъ
 сгубить меня.

— За что же?

— Да какъ тебѣ сказать? Особенной провинности за мной
 не было, да баринъ сумашеніе имѣлъ, что мы, то-есть вся
 дворня, ему добра не желаемъ, и на меня онъ больше дру-
 гихъ подозрѣнія имѣлъ.

— Развѣ у васъ былъ какой-нибудь умыселъ противъ
 него?

— Нтъ, особаго умысла не было, а такъ промежь собой
 поговаривали разные разности. Говорили да говорили, а
 разъ я смѣхомъ и скажи:— что, молъ, ребята, ка бы баринъ-то
 хоша бы разъ попробовалъ березовой каши, поди-ка не
 сталъ бы такъ драть. Разъ сболтнулъ, да еще потомъ кучеру

Абраму говорю!—А что и вправду, говорю, коли приведетъ къ намъ баринъ драть коге-нибудь, разложимъ-ка мы его самого да высклѣмъ. Не бось, ничего не будетъ. Вѣдь стыдно сказать, что люди выпороли. Между нашимъ братомъ, сударь ты мой, есть много подлецовъ; нашлись такіе бездѣльники, пересказали все барину, доложили, что только случая-де жауть. Одиначе въ ту пору баринъ насъ не тронулъ. Совѣстно ему было, аль боялся насъ, чортъ его знаетъ. Мѣсяца черезъ полтора сдохъ мой жеребенокъ, вотъ онъ и угодила мена въ Сибирь. Значить, припомнилъ аспидъ.

— Однако жена твоя имѣла право идти за тобой?

— Куда ей ледящей! Она и при мнѣ-то хворая была. Мной только и домъ держался. Ну опять двое дѣтей остались бы, паренекъ лѣтъ десяти, да дѣвушка по восьмому годку. Имъ идти нельзя, а бросить сиротъ безпомощныхъ тоже не рука! Вотъ и отписалъ я женѣ чтобы при дѣтахъ осталась, хоша и крѣпко тяжело было, да что дѣлать, знать такова воля Божія...

Максимъ замолчалъ.

— Ну, вотъ-те и вся моя вина, продолжалъ онъ:—суди какъ хошь. А что вытерпѣлъ я пока сюда-то дошагалъ, такъ не приведи ты Господи! Вѣдь годъ два мѣсяца въ кандалахъ, какъ воръ какой ни на есть шелъ, чего, чего не видалъ и не наслушался? и страшнаго, и срамнаго. Вотъ въ нашей партіи и Лукьяшка былъ, и Грузинъ, и Грубовъ. Каковы, поди-ка, самъ знаешь, не много у нихъ есть чего святаго. Да это что? изъ смирныхъ еще были, а другіе тамъ такіе находились, что дыбомъ волосъ становится, какъ вспомнишь, что они толковали да выдѣлывали на этапахъ. И не хочешь, а съ ними будь заодно, а то коли отсталъ, бѣда, какъ разъ уходятъ. Имъ что? одинъ коловъ: жизнь, говорятъ, копѣйка, что ее беречь! Ну и разсуждай съ ними. Въ страхъ партію держали. Вотъ каковы! Вѣршишь ли, и Богу ладомъ помолиться не могли, осмѣютъ да обругаютъ. Бывало, какъ придешь, больно горько! такъ поровишь, чтобы никто не примѣтилъ твоей кручины. Тяжко было, куда тяжко!

— Давно ты въ Сибири?

— Да вотъ ужъ годовъ шесть будетъ.

— И не слыхалъ ничего о своей семьѣ?

— Какъ въ воду канули. Писалъ женѣ два письма, парадю денегъ послалъ. Нѣтъ ни привѣту, ни отвѣту, словно сгинули. А можетъ, и взаправду сгинули, ничего не знаю.

Нѣсколько времени мы оба молчали.

— Давно ты ходишь на прииски? спросилъ я.

— Нѣтъ, всего третій разъ нанялся.

— Много заработалъ въ тѣ годы?

— Оно бы ни что. Да деньги-то эти больно не споры. Что Богъ дастъ въ нынѣшнемъ году, а отъ прежнихъ ничего не осталось.

Отчего?

— Да такъ какъ-то. Въ первый годъ надули меня, ничего не привезъ; а во второй несчастлива зароботка была, да еще подъ конецъ лѣта заболѣлъ, да въ больницѣ провалялся. Такъ не то что увезъ, а еще въ долгу остался.

— Кто жь обманулъ тебя?

— Да свой же братъ. Вѣдь здѣсь ухо остро держи; нашего брата есть всякаго; другой такой проходимецъ, что только и гладитъ какъ бы надуть да обмануть. Тѣмъ только и живетъ. Вотъ и я на такого напалъ. Вишь ты, на приискахъ-то я былъ еще новичокъ; ну, извѣстно, одному и работать не повадно. Нужно, чтобы кто-нибудь поучилъ да показалъ. Вотъ и выискался одинъ такой разбитной да разговорчивый парень. Стоялъ это онъ возлѣ меня въ заборѣ, да и принялся учить, да таково добродушно все показывать. Я къ нему и привязался. Подружились. Кончились работы, получили мы расчетъ, я чистыя денежки, а онъ въ долгу остался, вишь заборъ у него большой былъ. Отправились домой. Пришли мы въ Рыбное, онъ и квартиру указалъ и все тамъ сдѣлалъ, что слѣдовало, звалъ то-есть всю подноготную, давно на приискѣ болтался. Подъ вечеръ попросилъ меня водки купить, да разной закуски. Исполнилъ я все, думаю, для-че пріятеля не потѣшить. Выпили мы, покантавали, и поздно ночью спать улеглись. Проснулся, гляжу, товарища моего нѣтъ. Спрашиваю хозяйку гдѣ онъ.—А не знаю, говоритъ, вышелъ.—Пождалъ немного, вижу не идетъ парень, спрашиваю хозяйку:—не сказалъ ли, молъ, тебѣ товарищъ когда вернется?—Нѣтъ, говоритъ, да онъ совсѣмъ ушелъ.—Какъ совсѣмъ?—Да такъ, съ котомкой.—Вотъ-те, думаю и разъ. Сталъ и я собираться, хватъ, анъ моя котомка

развязана, деньги и паспортъ вытащены.—Ахъ ты, молъ, чортовъ сынъ, вотъ какую штуку сдѣлалъ. Говорю хозяйкѣ: такъ и такъ.—А мнѣ, говорить, что за нужда. Самъ смотри за своимъ добромъ. Мы не въ отвѣтъ.—Бросился я искать его вездѣ: ни слуху, ни духу, пропалъ. Потужилъ, потужилъ, да дѣлать нечего, пошелъ домой съ пустыми карманами. Въ волостномъ правленіи объявилъ я объ этомъ, проходной билетъ выхлопоталъ, да почитай до самаго дома Христовымъ именемъ и питаюсь.

— Но ты зналъ имя своего товарища, и сѣдовательно могъ найдти его.

— Найдти-то его нашелъ, да что толку! Онъ же мало мной и насмѣлся. У такихъ людей, знамо, совѣсти неща.—Я, говорить, ни денегъ, ни билета твоего въ глаза не видалъ; почему я знаю кто взялъ; а это тебѣ наука, не зѣвай, да больно не раскошеливайся.—А зачѣмъ же ты, молъ, ушелъ отъ меня?—А что мнѣ съ тобой дѣлать? Ты спалъ, а я другихъ отыскалъ.—Бился, бился, вижу нѣтъ толку, такъ рукой и махнулъ:—подавился ты, говорю, моими деньгами.—Ладно, говорить, при случаѣ за твое здоровье лишнюю рюмку выпью.—Вотъ каковъ народецъ! Однако, пора намъ и домой, глядь-ка какъ солнце-то низко. Экъ мы заболтались!

(До слѣд. №.)

К. ЗОЛОТИЛОВЪ.

КАРТИНЫ
АНГЛІЙСКИХЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ
НА ВЫСТАВКАХЪ 1862 ГОДА
ВЪ ЛОНДОНЪ

(Посвящено Семю Николаевичу Мосолову.)

I.

Когда я въ послѣдній разъ уѣзжалъ въ Лондонъ, вы просили меня имѣть васъ въ виду при возвращеніи и передать вамъ мои артистическія впечатлѣнія въ этомъ городѣ. Не ошибусь, кажется, если скажу, что напутствуя меня такимъ порученіемъ, вы съ своей стороны имѣли также и меня „въ виду“, зная мою слабость дѣлиться впечатлѣніями, особенно по части художествъ. Извѣстно вамъ лучше чѣмъ кому-нибудь, чего стоило мнѣ выбрасывать изъ моихъ путевыхъ писемъ по Европѣ¹ все что касалось искусства; говорить о такомъ предметѣ легко и поверхностно не слѣдовало; говорить пространно было бы неумѣстно въ бѣгломъ очеркѣ личныхъ впечатлѣній; и вотъ, принявъ все это къ свѣдѣнію, вы ждали перваго удобнаго случая, чтобы дать мнѣ возможность

¹ *Морской Сборникъ, Современникъ, Время.*

наговориться въ сласть о томъ что всегда преимущественно занимало меня.

Я дѣйствительно поѣхалъ въ Лондонъ съ спеціальною цѣлю. Англійская школа живописи давно занимала мое воображеніе. Въ воспоминаніяхъ моихъ о безчисленномъ множествѣ видѣнныхъ мною картинъ всѣхъ школъ и временъ, англійская живопись была чѣмъ-то въ родѣ пробѣла. За исключеніемъ нѣсколькихъ произведеній Рейнольдса, Лауренса, Доу, Морлана и Бонингтона, я почти ничего не видалъ; но эти образчики (особенно эскизы Бонингтона) давали предчувствовать замѣчательныхъ самобытныхъ мастеровъ. Гравюры, литографіи, акватинты и фотографіи съ картинъ англійскихъ художниковъ, постоянно поддерживали мое любопытство. Все это дѣйствовало какъ недосказанное слово въ интересной новости, какъ знакомая всѣмъ фраза: „продолженіе слѣдуетъ“, посреди занимательной журнальной статьи, какъ случайно подвернувшійся листъ изъ книги, который такъ вдругъ разожжетъ желаніе прочесть самую книгу, что, кажется, все бы отдалъ чтобы только достать ее.

До настоящей моей поѣздки я два раза былъ въ Лондонѣ, и оба раза довольно неудачно для художественной цѣли. Въ первый разъ это было нѣсколько лѣтъ послѣ всемірной выставки; когда я пріѣхалъ во второй разъ, манчестерская выставка только что кончилась. Послѣ выставокъ, картины тотчасъ же возвращаются въ галереи владѣльцевъ, которые большею частію живутъ въ своихъ замкахъ, куда доступъ довольно труденъ. Познакомившись только съ нѣкоторыми англійскими мастерами, да и то по отдѣльнымъ произведеніямъ разбросаннымъ въ разныхъ галереяхъ, я не могъ, слѣдовательно, дать себѣ полный отчетъ въ общемъ характерѣ англійской школы, не могъ вполне оцѣнить ее.

Въ настоящее время Лондонъ вознаграждаетъ меня за всѣ неудачи. Кромѣ художественнаго отдѣленія въ зданіи международной выставки, явилось еще нѣсколько другихъ выставокъ картинъ, преимущественно современныхъ. Можно сказать съ увѣренностію, никогда еще собственно англійская живопись не была представлена въ такой полнотѣ.

Теперь я видѣлъ почти все что произвела англійская живопись; мнѣніе мое, какъ вы я думаю и ожидаете, вовсе не

похоже на то, которое столько разъ навязывали намъ французскіе критики и художники. Мнѣніе ихъ было отчасти схоже съ тѣмъ, которое нѣсколько лѣтъ назадъ ходило у насъ по отношенію къ современной французской школѣ. Все что производили французскіе художники, безразлично и съ одинаковымъ презрѣніемъ, называлось *французятиной*. Съ самодовольствомъ и увѣренностію (которымъ, право, не прищущу основанія), многіе изъ нашихъ художниковъ, не бывавшіе въ чужихъ краяхъ, и даже рѣдко переступавшіе за предѣлы Васильевскаго острова, громко провозглашали, что французскіе живописцы давно сбились съ пути, проложеннаго Пуссеномъ, что они теперь дрянъ совершенная, фокусники, фигляры и въ добавокъ рисовать не умѣютъ. Рисунокъ служилъ главнымъ конькомъ, на которомъ особенно любили выѣзжать наивные Донъ-Кихоты Васильевскаго острова. Справедливо увѣренные, что академія Васильевскаго острова первая въ Европѣ... по величинѣ зданія (никто этого и не оспаривалъ), многіе изъ нашихъ художниковъ не давали и рта открытъ, когда рѣчь касалась Французовъ; сейчасъ же начиналась брань, исполненная самыхъ живописныхъ и самыхъ пластическихъ выраженій, и сыпались удары кулака въ столъ. Все это было, надо сказать, въ давнопрошедшія, варварскія времена, то-есть лѣтъ пятнадцать назадъ. Въ позднѣйшее время, послѣ того какъ многіе изъ нашихъ молодыхъ даровитыхъ живописцевъ, не видя въ Римѣ, со стороны товарищей, особенно поучительнаго примѣра, пустились странствовать по Европѣ и побывали въ Парижѣ, дѣло приняло другой оборотъ; нѣкоторые увидѣли, что здѣсь, въ этомъ разтѣленномъ Парижѣ, много такого чему можетъ поучиться съ успѣхомъ даже русскій художникъ; они смиренно начали ходить за совѣтами къ французскимъ живописцамъ, вопреки раскольникамъ Васильевскаго острова, которые, желая, вѣроятно, доказать правоту своего взгляда на искусство и приложеніе его къ дѣлу, бѣшено трепали себѣ волосы, яростно рвали лацканы форменной своей одежды и продолжали кричать во всеуслышаніе, что все что не ими произведено на Васильевскомъ островѣ, все дрянъ, фокусы, модныя штучки, оскорбляетъ глазъ и чувство недостаткомъ рисунка, стиля, благородства, вдохновенія,—словомъ, все *французятина!*

Мнѣніе французскихъ художниковъ объ английскихъ было, конечно, скромнѣе и выражалось не такъ живописно, но все-

таки въ немъ проглядывало явное недоброжелательство, пристрастие и, следовательно, оно могло только вводить въ заблужденіе всякаго, кто повѣрилъ бы на слово, не стараясь убѣдиться лично.

Первое впечатлѣніе, при видѣ большого собранія картинъ англійской живописи, принадлежитъ уже само по себѣ къ разряду совершенно новыхъ, неожиданныхъ впечатлѣній; колоритъ, письмо, оригинальность общаго расположенія, невданная нигдѣ прежде свобода и независимость приемовъ, тѣны, полнѣйшее отсутствіе всего условнаго,—все отмѣчаетъ здѣшнія картины другими чертами и оттѣнками отъ произведеній остальныхъ школъ Европы. Послѣ перваго бѣлаго взгляда нельзя уже ошибаться въ ихъ происхожденіи. Прежде чѣмъ успѣешь познакомиться съ манерой и стилемъ художниковъ, уже безошибочно отличаешь картины англійской школы отъ всѣхъ другихъ. При всемъ безконечномъ разнообразіи талантовъ, англійская живопись отмѣчается чѣмъ-то общимъ, типически-характеристическимъ, какъ школы Италіи, Испаніи, Голландіи и Фландріи; словомъ, все сразу даетъ здѣсь чувствовать присутствіе искусства въ высшей степени оригинальнаго. Та же печать самобытнаго, которая бьетъ по глазамъ при вѣздѣ въ Англію, отличаетъ здѣсь и самое искусство. Картины французской школы попеременно или напоминаютъ старыхъ италіянскихъ мастеровъ, или вступаютъ въ разрядъ извѣстныхъ временныхъ условныхъ направленій и стилей, или мѣшаются, по общему внѣшнему характеру, съ произведеніями современныхъ художниковъ Бельгіи. Бельгійская школа производитъ такое же впечатлѣніе. Современные произведенія нѣмецкой живописи, или приближаются къ французскимъ и бельгійскимъ, или слова переносятъ насъ, какъ напримѣръ, картины Овербека, Шнора, Шадова и другихъ, къ первымъ эпохамъ возрожденія искусства въ Германіи и Италіи. Русская школа пока еще не имѣетъ самобытнаго характера; она подражаетъ то Италіи, то Франціи, то Бельгіи. Англійское искусство,—и въ этомъ отличительная черта его,—ни у кого не заимствовалось; оно родилось на своей почвѣ, и развивалось силою собственнаго національнаго гения. Эта самобытность распространяется не только на всю школу, но отмѣчаетъ почти каждую отдѣльную личность въ многочисленномъ кругу англійскихъ художниковъ. Здѣсь каждый свободно отдается влеченію своего

таланта, руководствуется только собственным своим взглядомъ, подчиняется личному характеру, вкусу, капризу. Каждый дѣлаетъ по своему, какъ знаетъ. По этому-то самому, здѣшнія картины такъ и поражаютъ отсутствіемъ всего условнаго, тождественнаго въ приемахъ, во взглядѣ на искусство, въ способахъ изображенія природы, то-есть всего того что бросается въ глаза на картинахъ другихъ школъ и что очевидно можетъ объясняться у послѣднихъ только влияніемъ школъ и академій.

Дѣло въ томъ, что только самообытныя, дѣйствительно великіе природные таланты, которые, между прочимъ сказать, такъ рѣдки, выходили цѣлыми изъ академій и брали въ нихъ только то что считали для себя полезнымъ. Большинство художниковъ, смиренно подчиняясь принятымъ формамъ и методѣ, утрачивали свою личность и давали въ результатѣ посредственность. Въ искусствѣ, какъ и на всѣхъ путяхъ открытыхъ способностямъ чловѣка, прежде всего надо быть самимъ собою. *Удовлетворительное*, которымъ часто восхищается толпа, не можетъ еще служить цѣлю художнику; во что бы ни стало, надо идти далѣе; эти полуслѣхи въ началѣ поприща испортили и погубили больше талантовъ чѣмъ полная неудача. Легчайшій способъ скоро повраться, это дѣлать какъ тотъ, который уже нравится, то-есть, подражать послѣднему. Подражаніе еще не бѣда, когда въ основаніи его цѣль усовершенствованія, какъ это было, на примѣрѣ, у Веласкеса и Мурильо, которые начали съ того, что подражали Италіянцамъ и Вандейку. Академіи конечно должны существовать въ каждомъ образованномъ государствѣ; но цѣль ихъ должна ограничиваться исключительно тѣмъ, чтобъ открывать всевозможныя способы для общаго образованія и сверхъ того давать матеріальныя средства для учащихся; все что составляетъ собственно сущность искусства: композиція, колоритъ, возрѣніе на природу, вкусъ, внутреннее чувство и самый рисунокъ, все это должно быть внѣ вліянія академіи. Какому правилу подчинить, на примѣрѣ, рисунокъ (средство, которое еще принимается за цѣль), рисунокъ, который, такъ же неуловимъ, такъ же бесконечно разнообразенъ и вѣчно новъ, какъ сама природа? Профессоръ, который говоритъ: „Рисуйте такъ, какъ я вамъ показываю, или, какъ я рисую“,—такъ же нелогиченъ какъ тотъ, который скажетъ: „Вы должны смотрѣть

моими глазами“, вмѣсто того чтобы сказать: „У васъ свои глаза, передавайте природу такъ какъ она вамъ представляется.“ Пропорціи и формы, при безконечномъ разнообразіи, остаются неизмѣнно тѣми же какъ создава ихъ природа. Если онѣ не всегда прекрасны, то всегда вѣрны; изображая ихъ такъ какъ онѣ есть, художникъ не рискуетъ быть неправильнымъ; кто сумѣетъ взять ихъ прекрасными и передать ихъ такими, тотъ достигнетъ истинной красоты. Но, слава Богу, пришелъ, кажется, конецъ *условно-прекраснаго и условно-правильнаго*. Академіи, въ томъ видѣ какъ онѣ до настоящаго времени существовали въ Европѣ, принесли уже свои плоды. Мы видѣли къ чему повело условно-прекрасное созданное школою Давида и основанное на математическихъ сухихъ законахъ, какъ размѣръ фигуры по семи головамъ и т. п. Такое направленіе наводило Европу картинами правильно-фальшивыми и скучно-правильными. Эти картины были ничего больше какъ раскрашенные слѣпки съ античныхъ барельефовъ. Но и прежде не было ли то же самое? Гдѣ только была школа и академія, начиная съ римской и кончая болонской, художникъ неизбѣжно подчинялъ свое дарованіе и отдавался весь подъ вліяніе главы школы. Хорошо, когда главою былъ Рафаэль; но умиралъ мастеръ умѣвшій вдохновлять учениковъ, бывший ихъ душою, ученики оставались безличными, шли по указанному пути и скоро впадали въ рутину. Что сдѣлалось въ Римѣ послѣ Рафаэля? Что осталось во Фландріи послѣ Рубенса?

Во Фландріи и Голландіи не было академій, и здѣсь, въ произведеніяхъ художниковъ, мы видимъ гораздо больше разнообразія, свободы, индивидуальности. То же самое встрѣчаемъ мы и въ Англіи. Но, скажутъ, здѣсь есть академія, здѣсь она была прежде чѣмъ во многихъ другихъ странахъ Европы. Совершенно справедливо, только вотъ въ чемъ дѣло: Королевская академія, основанная здѣсь въ видахъ поощренія художествъ, до сихъ поръ не имѣла, да и не могла имѣть никакого вліянія на художниковъ. Все равно какъ будто ея не было. Большая часть знаменитыхъ художниковъ Англіи никогда не переступали ея порога: Лауренсъ не былъ принятъ въ академію даже тогда, какъ выполнилъ въ своей программѣ все что отъ него требовалось по академическому *уставу*; Тэрнеръ учился подъ непосредственнымъ надзоромъ Мойро (Мурго). Академія не можетъ также считать въ числѣ своихъ питом-

цевъ Мартина, Денби, Стенфильда, Бовингтона, Генсборо. Скульпторъ Флакманъ, Чентрей и Гибсонъ также не пользовались наставленіями академіи. Флакманъ учился у своего отца; Чентрей началъ съ того, что былъ рѣщикомъ на деревѣ въ Шеффилдѣ, а Гибсонъ въ началѣ занимался въ Ливерпулѣ лѣпными украшеніями на кормахъ судовъ. Королевскую академію въ Лондонѣ упрекаютъ въ духъ исключительности и зависти, который образовалъ изъ нея особый кружокъ доступный только для своихъ; дѣйствія ея, если вѣрить людямъ близко знакомымъ съ кругомъ художниковъ, ограничиваются поощреніемъ и поддержкою посредственности.

Между живописцами Голландіи и Англіи существуетъ еще та аналогія, что какъ тѣ, такъ и другіе, развивались и шли самобытнымъ путемъ, оказывая одинаково мало сочувствія къ преданіямъ античнаго искусства,—преданіямъ, которыя, какъ извѣстно, служили вѣчною основой всѣмъ остальнымъ школамъ. Но равнодушіе къ античной красотѣ, конечно, нельзя приписать у Англичанъ недостатку изящнаго чувства; еще менѣе, конечно, можно видѣть въ этомъ слѣдствіе невѣжества. Англійскіе художники прошлаго столѣтія, какъ и теперешніе, могутъ безспорно считаться образованнѣйшими людьми между своими собратами въ Европѣ. Они много путешествовали и видѣли; въ ихъ кругу часто являлись люди, сочиненія которыхъ, полныя ясныхъ и глубокихъ взглядовъ на искусство, пользуются европейскою извѣстностію; со времени Рейнольдса, Англія имѣла всегда достойнѣйшихъ профессоровъ и критиковъ въ дѣлѣ эстетики. Но ни книги, ни лекціи, ни картины высокаго стиля, которыми такъ богаты галереи Англіи, ни даже драгоценные мраморы Фидіа, украшавшіе когда-то фронтонъ Пареенона и сохраняющіеся теперь подъ сводами Британскаго Музеума,—ничто не произвело здѣсь того дѣйствія, какое производилось у другихъ народовъ. Англійскіе художники также мало подчинились античному стилю, какъ еслибы не знали его вовсе; за рѣдкими исключеніями, съ каждымъ изъ нихъ произошло то же самое что было съ Рембрантомъ. Имѣя случай видѣть образцы древняго искусства и отлично понимая красоту ихъ, онъ не подражалъ имъ потому только что свойство его генія влекло его къ другому.

За доказательствами ходить не далеко.

• Въ половинѣ прошлаго столѣтія челоѣкъ родившійся

художникомъ, человѣкъ, который много учился, много видѣлъ и думалъ,—предпринялъ основать въ Англіи школу живописи. До той поры, въ Англіи со времени Гольбейна, процвѣтали только иноземные живописцы; если между ними являлись Англичане, то это были только блѣдныя отраженія своихъ учителей. Человѣкъ этотъ былъ Рейнольдсъ. Съ высоты своей академической кафедрѣ онъ началъ преподавать общія законы искусства, какъ понимали ихъ древніе и какъ потомъ примѣнило ихъ къ себѣ христіанство въ эпоху возрожденія: знаніе его было обширно. Краснорѣчіе ученаго художника не только встрѣтило равнодушіе слушателей, но, что всего замѣчательнѣе, самъ Рейнольдсъ никакъ не могъ примѣнить къ себѣ самому то, о чемъ такъ горячо проповѣдывалъ. Национальное природное чувство шло наперекоръ умственному убѣжденію, и постоянно брало верхъ надъ послѣднимъ; каждое его произведеніе жестоко расходилось съ тѣмъ что говорилось имъ на кафедрѣ. Онъ восхищался антиками, проповѣдывалъ строгость рисунка и чистоту стила, а между тѣмъ, въ картинахъ своихъ, старался только о ловкости письма и колоритѣ. Ничего не можетъ быть противоположнѣе его идеѣ объ абсолютномъ, какъ картины его, исполненныя личнаго типа и проникнутыя чисто англійскимъ характеромъ. Словомъ, англійская живопись, несмотря на всевозможныя усилія и попытки привить къ ней иноземныя законы искусства, упорно сохранила всю независимость своего національнаго духа.

Вы не ошибетесь, если заключите изъ всего сказаннаго, что на выставкахъ Англіи, сравнительно, мало должно встрѣчаться собственно историческихъ картинъ, понимая такое названіе не только въ узкомъ смыслѣ, который разумѣетъ подъ историческою картиною произведенія извѣстнаго масштаба, представляющія сюжетъ священный или историческій и выполненныя академическимъ образомъ; но особенно въ прямомъ, настоящемъ смыслѣ, то-есть, считая историческими картинами тѣ только, которыя по содержанію, формѣ и исполненію, принимаютъ характеръ возвышенный, строго-величавый, монументальный.

Начать съ того: здѣсь не было даже возможности развиться религіозной живописи. Самая форма религіи исключаетъ образа и фрески. Кромѣ того, здѣсь не существуетъ того покровительства со стороны государства,

которое во Франціи, Германіи, Бельгіи и у насъ предпринимаютъ огромныя работы, заказываетъ храмы, дворцы, публичныя зданія. Поощреніе здѣсь въ рукахъ частныхъ лицъ; оно, правда, весьма значительно; но только при такихъ данныхъ, художество поневоля должно было подчиниться извѣстнымъ условіямъ. По большей части, эти частныя лица требовали такихъ произведеній, которыя бы удобно помѣщались въ комнатахъ и кабинетахъ тѣхъ загородныхъ замковъ и коттеджей, гдѣ Англичанинъ любитъ проводить свою жизнь. Англійскимъ художникамъ, лишеннымъ возможности покрывать живописью обширныя стѣны и холстыны, стѣсненнымъ условіями частной жизни, не трудно, впрочемъ, было отказаться отъ большихъ работъ монументальнаго характера. Онѣ не отвѣчали ихъ собственнымъ прирожденнымъ вкусамъ и склонностямъ; художество Англій, такъ недавно еще возникшее, постоянно шло съ вѣкомъ и согласовалось съ тою сферой, которую проходило. Сколько замѣтно, здѣшніе живописцы не охотно приступаютъ къ картинамъ историческимъ; если дѣло въ ихъ власти, они преимущественно обращаются къ недавнимъ событіямъ отечественной исторіи; имъ, очевидно, пріятнѣе имѣть дѣло съ генераломъ Вольфомъ, Нельсономъ, майоромъ Пирсономъ, чѣмъ съ героями древняго міра. Вестъ и Копли (Copley) особенно много писали такихъ картинъ; но оба, несмотря на несомнѣнный талантъ, никогда не выходили въ нихъ изъ характера чисто анекдотическаго, никогда не достигали въ своихъ произведеніяхъ до степени героической эпопеи. Какъ только Вестъ беретъ за такіе сюжеты какъ: „Христосъ исцѣляющій прокаженнаго“, „Тайная Вечеря“,—онъ становится ниже всякой критики. Въ этихъ картинахъ, не говоря уже о недостаткѣ стиля, сколько-нибудь отвѣчающаго сюжету, дѣйствующія лица исполнены чего-то аффектированнаго, театральнаго, и похожи на переодѣтыхъ Англичанъ. У Рембранта Христосъ часто свисходитъ до степени простаго человѣка, но чрезъ это не охлаждаетъ нашего сочувствія; а Вестъ и Рейнольдсъ сдѣлали изъ Христа только Англичанина. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до нашего времени; но въ послѣдніе годы происходитъ разительный переворотъ. Благодаря нѣсколькимъ даровитымъ художникамъ, искусство Англій выступило на новую, еще невѣдомую дорогу. Во главѣ новаго направленія стоятъ художники Гонтъ, Миллесъ, Коллинсъ и другіе,

которые краснорѣчиво доказываютъ, что англійскому гению точно также доступны высшія сферы искусства, и для достиженія этихъ сферъ не доставало только талантовъ своего рода.

Но тамъ, за то, гдѣ строгость и величавость стила не считается первою необходимостію, гдѣ главную роль играетъ остроуміе, наблюдательность, поэтическое чувство или сатира, Англичане выступаютъ на первый планъ. Съ самыхъ первыхъ своихъ попытокъ, они не знали соперниковъ; никакая школа не представляетъ болѣе глубокаго и вѣдкаго моралиста какъ Гогартъ, болѣе тонкаго наблюдателя какъ Вильки, болѣе правдиваго и вмѣствъ съ тѣмъ поэтическаго художника домашнихъ сценъ какъ Мюльреди. Избытокъ ума былъ бы здѣсь даже вреденъ, еслибы не выкупался изяществомъ письма, граціей и прелестью композиціи, правдой и поэтическимъ пониманіемъ природы; словомъ, еслибы было менѣе истинно художественныхъ достоинствъ. За этими художниками большинство обратилось къ чистому реализму, или, наоборотъ, принялось черпать содержаніе у Шекспира, въ національныхъ балладахъ и поэмахъ, стараясь открыть себѣ пространное поле для свободнаго фантазирования и идеализаціи. Послѣднее создало даже совершенно особый родъ, которымъ очень богата вообще и прежняя, и теперешняя школа Англии.

Достойно также замѣчанія, что съ самаго начала англійской живописи, основаніе которой восходитъ не далѣе какъ къ половинѣ прошлаго столѣтія и было дѣломъ Гогарта и Рейнольдса, англійская школа выступаетъ безъ всякихъ приготовленій, не оцупываетъ себѣ дороги, но сразу, съ первыхъ своихъ дебютовъ, начинаетъ играть блестящую роль въ исторіи современнаго европейскаго искусства. Съ первыхъ шаговъ ея являются здѣсь художники, какъ Рейнольдсъ, Генсборо и Лауренсъ; пейзажисты и живописцы животныхъ, какъ Тэрнеръ, Констебль, Бонингтонъ, Стенфильдъ и Ландсиръ; послѣ Гогарта, который, по времени, опережаетъ Рейнольдса, являются одинъ за другимъ живописцы домашнихъ сценъ, какъ Вильки, Вебстеръ, Мюльреди, Фростъ, Патонъ, Фритъ и другіе.

Все это можемъ мы легко провѣрить, гуляя по разнымъ художественнымъ выставкамъ Лондона. Ихъ здѣсь пять въ настоящее время, кромѣ международной. На послѣдней картины развѣшаны, по возможности, въ хронологическомъ

порядкѣ, по времени дѣятельности каждаго художника. Не считаю нужнымъ держаться такого порядка; цѣль моя—не исторія развитія англійской живописи; она гораздо скромнѣе: мнѣ хочется попросту передать вамъ мои личныя впечатлѣнія и описать нѣсколько старыхъ и новыхъ картинъ, которыя особенно меня поразили; но такъ какъ подобныхъ произведеній наберется много, и сверхъ того, по своему характеру, они весьма разнообразны, то необходимо все-таки держаться нѣкотораго порядка; лучше всего, думаю, группировать картины по родамъ живописи. Этимъ способомъ характеристика каждаго художника и самыя произведенія легче удержатся въ памяти.

Не говоря о Гогартѣ, оригинальность котораго слишкомъ уже извѣстна, и который, въ добавокъ, принадлежитъ къ разряду *жанристовъ*, изъ историческихъ живописцевъ меня прежде всего поразила у Рейнольдса эта черта самобытности, о которой я говорилъ въ началѣ и которая такъ отличаетъ англійскихъ художниковъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть большія его картины, которыхъ числомъ до двадцати; онѣ украшаютъ замокъ лорда Эгрмонта въ Петвортѣ. Принимая въ соображеніе свойства таланта Рейнольдса, не думаю чтобъ это были лучшія его произведенія и въ общей сложности заслуживали названія „Ложь“ и „Сикстинской капеллы“ англійской живописи, какъ называютъ ихъ многіе. Картина его „Три Граціи“ въ Национальной Галлерей невольно возбуждаетъ даже улыбку во всемъ что касается собственно стили; это ничего больше, какъ три красивыя рослыя Англичанки закутанныя съ пуританскимъ цѣломудріемъ, и даже съ кисейными шарфами вокругъ шеи. Его „Св. Семейство“ въ той же галлерей, скорѣе похоже на сцену изъ семейной жизни чѣмъ на картину религіознаго содержанія. Рейнольдсъ, очевидно, портретистъ по призванію, и здѣсь только надо искать особенностей его таланта.

До него въ Англии были, одинъ послѣ другаго, Гольбейнъ и Вандейкъ, и оба оставили тамъ бездну произведеній: было, кажется, укого поучиться и чѣмъ позаимствоваться! Рейнольдсъ, дѣйствительно, внимательно изучалъ обоихъ мастеровъ, но дѣлалъ все-таки свое. Если портреты его имѣютъ на первый взглядъ что-то общее съ портретами Вандейка, такъ это только въ типахъ лордовъ и леди, которые служили моделями тому и другому. Рейнольдсъ живописецъ англійской аристократіи

своего времени, точно также какъ Вандейкъ былъ живописцемъ аристократіи Карла I, а Лели живописцемъ двора Карла II. Письмо Рейнольдса бойко и смѣло до невѣроятности; онъ массаами бросаетъ краски и пишетъ густо, даже въ полусвѣтахъ. Колоритъ его не имѣетъ ничего общаго съ гармоническимъ серебристымъ колоритомъ Вандейка; онъ часто рѣзокъ, не ровенъ, но всегда блестящъ, свѣжъ и силенъ. Смѣло сказать, однакожь, что при такомъ несходствѣ съ мастерами, каковы Вандейкъ и Гольбейнъ, нѣкоторые портреты Рейнольдса не уроняютъ себя, даже при сличеніи съ лучшими портретами работы этихъ обоихъ мастеровъ; таковы напримѣръ: портретъ во весь ростъ мистриссъ Андерсенъ Пельамъ; актрисы Сидонсъ въ видѣ трагической музы, миссъ Кембль, лорда Гетфильда, мальчика съ книжкой, портретъ миссъ Боуль, болѣе извѣстный подъ именемъ: „Нелли Обрайтъ“. Последний изображаетъ хорошенькую дѣвушку одѣтую въ широкое бѣлое атласное платье и черную кружевную мантилью наброшенную на плеча; соломенная широкополая шляпа съ цвѣтами бросаетъ тѣнь на ея лицо, освѣщенное снизу отраженіемъ платья; изъ кружевныхъ рукавовъ, пышныхъ какъ морская пѣна, выходитъ кругленькая обнаженная ручка, которая разсвѣянно придерживаетъ мохнатую собачонку лежащую на колѣняхъ своей госпожи. Это одна изъ тѣхъ впечатлительныхъ, страстно-мечтательныхъ дѣвушекъ, съ воображеніемъ разгоряченнымъ чтеніемъ поэтовъ и романовъ, тѣхъ дѣвушекъ, которымъ, минутами, тѣсно бываетъ въ домашней прозаической средѣ; она убѣжала въ паркъ, отыскала самое затасанное, глухое мѣсто въ зелени, усѣлась на скамью и вся отдалась своимъ мечтамъ. Нельзя сказать чтобъ эти мечты были мрачнаго свойства; совсѣмъ напротивъ: приподнявъ слегка брови, раскрывъ улыбающіяся губки, наклонивъ голову, она какъ будто прислушивается къ теченію собственныхъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ не пропускаетъ таинственнаго говора природы и трепета осеннихъ листьевъ. Выраженіе ея лица прелестно; вся фигура потоплена золотистымъ полусвѣтомъ, и только кой-гдѣ, на обнаженной рукѣ, на шеѣ и по платью переливаются солнечныя пятна. Портретъ по всей вѣроятности вѣренъ оригиналу; сходство внутренно чувствуется,—такъ сильно здѣсь присутствіе жизни. Но кромѣ матеріальнаго сходства, картина проникнута поэзіей; выраженіе, поза, расположеніе, неожиданный

эффектъ полусвѣта, общій мотивъ,—все очевидно принадлежитъ художнику, и придаетъ картинѣ характеръ поэтическаго созданія. Письмо необыкновенно просто, безъ всякихъ фокусовъ; въ самыхъ легкихъ прозрачныхъ полусвѣтахъ тѣла, краска наложена густо, и плотна какъ эмаль. Сильная могучая растительность, тронутая мѣстами желтизною осени, служить фономъ этому замѣчательному произведенію.

Въ томъ же поэтическомъ родѣ есть на выставкѣ другой портретъ, также молодой дѣвушки, но только художника Юинса (Uwins). Юинсъ только что усадилъ свою модель, приготовилъ палитру и кисти, какъ вызванъ былъ изъ мастерской по какому-то дѣлу. Во время его отсутствія, модель,—бѣлокурая круглолицая дѣвушка съ большими голубыми глазами,—соскучась сидѣть въ одиночествѣ и желая развлечь себя, покрыла голову войлочною шляпой съ широкими полями, какую носятъ или носили италіянскіе бандиты, и которая висѣла въ мастерской; украсивъ ее съ боку двумя павлиными перьями, она окутала себѣ шею широкимъ накрахмаленнымъ кружевнымъ воротникомъ изъ какого-то средневѣковаго костюма, закуталась въ широкій темный камзолъ, взяла въ руки четки стараго фасона, и въ такомъ одѣяніи подошла къ зеркалу. Художникъ вошелъ въ эту самую минуту. Контрастъ живописнаго, но мрачнаго, одѣянія съ наивнымъ, шаловливымъ лицомъ дѣвушки такъ поразилъ Юинса своею фантастическою стороною,—что онъ упросилъ дѣвушку дозволить ему перенести ее въ такомъ видѣ на полотно. Картина вышла безподобная, хотя, надо сказать, по мастерству полутоновъ и силѣ письма, уступаетъ портрету Нелли Обрайнь.

Впрочемъ англійскіе художники владѣютъ такимъ мастерствомъ письма и вообще такіе блестящіе колористы, что скоро перестаешь удивляться этимъ свойствамъ и начинаешь смотрѣть на нихъ какъ на что-то обыкновенное. Какъ бы ни были однакожь избалованы глаза волшебствомъ кисти и фантазмагоріей красокъ, они все-таки всегда съ восхищеніемъ останавливаются на картинахъ Генсборо. Въ этомъ художникѣ, ученикѣ Рейнольдса, — чувствуется еще сверхъ означенныхъ достоинствъ, присутствіе той обаятельной силы, которая достается въ удѣлъ только избраннымъ первокласнымъ талантамъ. Сравнивая Генсборо съ Рейнольдсомъ, ясно видишь, что первый зачался талантомъ уже во чревѣ матери, тогда какъ второму многое

доставось трудомъ неимовернымъ, похвальнымъ упорствомъ, наукой, мышленіемъ, приложеннымъ къ предмету его завѣщавшему. У Генсборо больше вдохновенія чѣмъ у Рейнольдса, больше наивности и поэзіи. Уже первыя попытки Генсборо доказываютъ силу его призванія; онъ предается имъ наперекоръ страху возбуждаемому строгимъ отцомъ; пренебрегая угрозами, онъ помынуто отрывается отъ школьной скамьи, бѣжитъ въ сосѣдній лѣсъ, и тамъ, безъ всякаго предварительнаго урока, рисуетъ запѣомъ все что попадаетъ на глаза и поражаетъ его дѣтское воображеніе; старое дерево съ извилистыми сучьями, оборванный пастухъ, корова отражающаяся въ лужѣ, ручей падающій между камнями, все съ одинаковою жадностію набрасывается на бумагу; эти эскизы, лихо и энергически исполненные, заключаютъ въ зародышѣ весь будущій геній художника. Двадцать лѣтъ спустя, всѣ еще восхищались въ его мастерской группою старыхъ деревьевъ; это былъ первый этюдъ его дѣтскихъ лѣтъ.

Четырнадцать лѣтъ только началъ онъ пользоваться въ Лондонѣ уроками Гравелло и Геймана, друга Гогарта; но если уроки облегчили ему нѣкоторые техническіе приемы, то они не произвели никакого дѣйствія на его природныя свойства. Онъ продолжалъ смотрѣть на природу тѣми же поэтическими глазами, такъ же искренно какъ прежде; передавалъ онъ свои впечатлѣнія съ тою же свободой и независимостію. Въ продолженіе всей своей жизни Генсборо остается тѣмъ же наивнымъ созерцателемъ природы, какъ былъ въ своемъ любимомъ лѣсу; въ послѣдствіи, академическія лекціи, и даже произведенія великихъ мастеровъ ни на волосъ не нарушили его оригинальности. Пробывъ четыре года въ Лондонѣ, онъ возвращается домой и съ новою страстію принимается за этюды съ натуры. Въ 1761 г. началъ онъ посылать свои картины на выставки въ Лондонѣ, и съ этого времени начинается его извѣстность. Въ 1774 г. онъ перѣзжаетъ въ Лондонѣ и открываетъ мастерскую въ Пель-Мелѣ. Въ это время Рейнольдсъ достигъ вершины своей славы. Немного времени нужно было Генсборо чтобы затмить своего учителя. Блескъ его колорита, жизнь, правда, которыми дышали его портреты, привлекали въ его мастерскую толпы богатыхъ и знатныхъ. Но какъ было въ отношеніи къ таланту, такъ было и въ отношеніи права художника; богатство и похвалы не имѣли на него никакого вліянія;

онъ остается такимъ же простымъ, скромнымъ, искреннимъ съ самимъ собою; онъ часто бываетъ недоволенъ своими произведеніями и стираетъ ихъ, хотя ими восхищаются наказыки. Герцогиня Девонширская, слывшая въ то время первую красавицей Англии, захотѣла имѣть свой портретъ писанный Генсборо; послѣ первыхъ попытокъ, художникъ истребилъ картину, сказавъ, что не въ силахъ совладать съ такимъ сочетаніемъ красоты и граціи.

Изъ портретовъ его, на международной выставкѣ, портретъ молодого Бурталя, извѣстный болѣе подъ именемъ: *The Blue Boy* (голубой мальчикъ), занимаетъ первое мѣсто не только между портретами английской школы, но и всѣхъ остальныхъ школъ. По поводу этого „голубаго мальчика“ разказывается исторія не лишенная поучительности; она доказываетъ всю несостоятельность теоріи, умственныхъ комбинацій и соображеній передъ внушеніями и силою истиннаго таланта. Рейнольдсъ, высказавъ однажды съ высоты своей профессорской кафедры мнѣніе, будто голубой цвѣтъ, принадлежа къ числу холодныхъ, допускаетъ лишь самое умеренное употребленіе, особенно въ центрѣ картины, гдѣ должны сосредоточиваться самые горячіе, сильные тоны,—Генсборо возымѣлъ намѣреніе протестовать противъ такой аксіомы. Онъ написалъ во весь ростъ портретъ мальчика въ атласной голубой курткѣ, такомъ же жилетѣ, панталонахъ и далъ ему въ правую руку широкую шляпу украшенную пышнымъ голубымъ перомъ, и портретъ вышелъ совершенствомъ въ своемъ родѣ. Трудно вообразить большую силу колорита, большую гармонію въ общемъ. Противопоставивъ главному цвѣту ландшафтъ красновато-бураго тона и давъ свѣрый влажный цвѣтъ тучамъ, которыя клубятся и несутся по волѣ вѣтра, пройдя въ основаніи картины горячею подмалевкой, художникъ уравновѣсилъ такимъ образомъ и привелъ въ гармонію все что могло быть холоднаго въ голубой краскѣ. Письмо необыкновенно сочно и бойко; но натура передана съ такою поразительною вѣрностію и правдою, что передъ нею исчезаетъ техника. Передъ вами стоитъ совершенно живой мальчикъ: еще секунда,—онъ встряхнетъ кудрями, надѣнетъ шляпу и побѣжитъ изъ полотна. На выставкѣ нѣсколько тысячъ картинъ; не забудьте, что каждая нація выставила здѣсь все что считала лучшимъ; при всемъ этомъ, впечатлѣніе произведенное на меня этимъ портретомъ и еще двумя картинами Гонта, о

которыхъ скажу ниже, не можетъ изгладиться; произведенія эти преслѣдовали меня потомъ по всѣмъ галлереймъ Бельгій и Голландіи; даже теперь, въ моей глуши, они представляются воображенію также живо, какъ будто бы стояли передо мною.

Въ числѣ замѣчательныхъ портретовъ Генсборо, находится еще одинъ, изображающій молоденькую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, сидящую на дерновой скамьѣ посреди плоскаго пейзажа. Она также отдалась мечтамъ какъ дѣвушка на портретѣ Рейнольдса; но только здѣсь характеръ мечтаній другаго рода; томные глаза ея полны выраженія горькой меланхолич, и стоитъ взглянуть на медальонъ въ ея рукахъ, чтобы понять что происходитъ въ ея душѣ; здѣсь интересъ выраженія снова уступаетъ очарованію письма и красокъ; нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ мягкаго, бѣловато-серебристаго и нѣжно-сквознаго розоваго тона, который встрѣчается только на цвѣткахъ персиковаго дерева и яблони, и который могъ быть удовленъ только великимъ колористомъ.

Но Генсборо такъ же силенъ и въ пейзажѣ, и въ жанрѣ. Такихъ картинъ здѣсь много.

Однако не пойдемъ дальше.... Пропустимъ его „Пастуха въ дождливое время“, „Цыганъ готовящихъ обѣдъ подъ деревомъ“, „Маленькихъ нищихъ“, „Телѣгу отправляющуюся на рынокъ“ и проч. и проч. Генсборо (род. 1727 г. † 1788),—заслуживаетъ особой серіозной статьи, тогда какъ цѣль наша передать въ общихъ чертахъ характеристику англійской живописи. Дѣла впереди еще много!

Картина Веньямина Веста (West род. 1738 † 1820) „Смерть генерала Вольфа“, подтверждаетъ только то о чемъ говорилось въ началѣ этого письма. Большіе сюжеты историческаго содержанія не даются, или по крайней мѣрѣ, не давались англійскимъ живописцамъ. Здѣсь все придумано, вездѣ заданная тема и слѣдовательно аффектація, изысканность. Картины Веста приводятъ на память классическія произведенія Ротари, Анжелики Кауфманъ и другихъ художниковъ въ томъ же сухомъ родѣ, столь прославленныхъ въ концѣ XVIII столѣтія. Если Веста знаютъ въ Европѣ болѣе другихъ художниковъ Англій, то это потому что въ его время въ Англій процвѣтало гравировальное искусство; оно жадно ловило каждое вновь явившееся произведеніе и быстро распространяло его повсюду.

То же почти можно сказать и о художникѣ Джемсѣ Барри (1741 † 1806). Знаніе, ловкость кисти, самый колоритъ,—мѣстами чрезвычайно пріятный,—далеко не выкупаютъ условныхъ академическихъ формъ его аллегорическихъ полубоговъ и героевъ. Одна развѣ бѣшенная страстность кисти Рубенса и ослѣпительный блескъ Веронезовыхъ красокъ заставляютъ забывать анахронизмъ и натяжку аллегорій.

Къ тому же разряду принадлежать отчасти Гейльтонъ, Гейдонъ, Истлекъ, Гарвей, Говардъ и Дайсъ. Ученая, обдуманная, но холодная композиція, даетъ имъ особое мѣсто между живописцами англійской школы, которые, въ общемъ, держатся совсѣмъ другой методы и другаго направленія.

Всѣхъ этихъ художниковъ далеко оставляетъ за собою Лауренсъ. Лауренсъ (р. 1769 † 1830 г.) писалъ однакожь только портреты. Не ставя его на одну линію съ Вандейкомъ, можно сказать, что между ними много родственнаго: оба, почти въ равной степени, поэты человѣческой физиономіи; Лауренсъ, точно также, сохраняя поразительное сходство, не рабски копируетъ модель; онъ передаетъ жизнь, душу, внутреннія свойства присущія оригиналу. Кромѣ того, какъ бы изображаемое лицо ни было обыкновенно, Лауренсъ сумѣетъ всегда придать ему благородство, щеголеватость, что-то привлекательно-художественное. Благородная, изящная природа художника какъ бы просвѣчиваетъ на лицахъ имъ писанныхъ. Письмо его отвѣчаетъ характеру его произведеній; при всей своей бойкости, кисть Лауренса мягче, нѣжнѣе чѣмъ у Рейнольдса; въ портретахъ „Двухъ сестеръ Кельмеди“ и „сэръ-Гомфри Деву“, планы лицъ выисканы до тончайшей подробности, между тѣмъ кисть какъ будто не останавливалась и какъ будто все сдѣлано совершенно случайно и мимоходомъ. Надо видѣть съ какимъ чувствомъ, съ какою граціей и вкусомъ тронуты у него губки женщинъ, ноздри и уши! Часто онъ обходится съ руками неряшливо, сосредоточивая все вниманіе свое на лицѣ; но лица эти всегда дышатъ жизнью и всегда прекрасны, если не по типу, то въ художественномъ отношеніи. Портреты Лауренса рѣдко отличаются яркостію красокъ какъ у Рейнольдса и Генсборо; у него свой колоритъ, полный свѣта и гармоніи, заключающійся въ искусномъ сочетаніи однородныхъ красокъ; въ немъ большею частію преобладаютъ розово-серебристые переливы, которые возвыша-

ются сильною подмалевкой и темными, хотя совершенно сквозными, тонами фона и аксессуара.

Теперь только, но къ сожалѣнiю слишкомъ поздно, приходитъ мнѣ въ голову, что взялся я за очень трудное,—чтобы не сказать, невозможное, дѣло,—объяснивъ вамъ распредѣлить художниковъ по родамъ живописи. Начать съ того, что множество живописцевъ, въ продолженiе своего поприща, занимались всѣми возможными родами; но важность еще не въ этомъ; дѣло въ томъ, что самое это распредѣленiе живописи на классы и роды представляетъ что-то весьма смутное, неопредѣленное и крайне сбивчивое. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключается отличiе такъ-называемаго историческаго рода? Гдѣ положительная грань, по которой бы можно было сказать, что вотъ тутъ кончается этотъ родъ и прямо начинается другой? Утверждая, что отличiе исторической живописи составляетъ выборъ сюжета, и ставя ее только по этому выше другихъ родовъ, мы придемъ къ заключенiю, что Горацій Коклесь, Муций Сцевола и даже самъ Каинъ (ради его обнаженности),—имѣютъ несомнѣнно больше правъ быть изображены кистию и рѣзцомъ чѣмъ остальные смертные до нашего времени включительно,—что было бы весьма несправедливо. Въ чемъ же дѣло? Въ величавости стиля? Въ строгомъ правильномъ рисункѣ? Но не часто ли встрѣчаемъ мы эти качества въ картинахъ фантастическаго содержанiя, сценахъ изъ обыкновенной жизни, наконецъ въ пейзажахъ? И наоборотъ, не видимъ ли ихъ въ произведенiяхъ изображающихъ эпизоды изъ священной и древней исторiи? Куда же дѣвать и къ какой категорiи причислить послѣднiя? Какъ объяснить, что иногда простой портретъ Винчи или Рафаэля можно назвать историческою картиною, тогда какъ огромная картина историческаго содержанiя будетъ все-таки *tableau de genre*? Не считая классическаго академическаго стиля созданнаго Давидомъ, который, благодаря своей натяжкѣ, фальши и мертвой сухости, стоитъ совершенно особо и давно показалъ себя несостоятельнымъ, вопреки усилiямъ разныхъ академiй поддержать его, сколько-нибудь логическое распредѣленiе живописи на роды уже потому невозможно, что всѣ эти роды поминутно мѣшаются между собою: сцена изъ домашней жизни принимаетъ масштабъ и характеръ величавости, глубоко потрясаетъ душу, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность наслаждаться всѣми качествами, которыми

располагаетъ искусство. Сюжеты *возвышенные*, оставивъ стиль и строгость имъ свойственныя, превращаются въ хорошенькія картинки; портретъ получаетъ значеніе эпопеи; то, что должно бы составлять эпопею, заключаетъ въ себѣ только собраніе портретовъ, и т. д., словомъ, тамъ гдѣ живопись имѣетъ главнымъ предметомъ челоѣка и его страсти, всѣ подраздѣленія на роды и классы необходимо сливаются въ что-то общее, связанное безконечною постепенностію, которая также неуловима и разнообразна какъ личности самихъ художниковъ. Эта безконечность лучше всего выражается Рафаэлемъ и Рембрантомъ; оба писали большія картины историческаго и библейскаго содержанія; оба гени первой величины; разница, напимѣръ, между фрескою: „Пожаръ въ Борго“ перваго и „Ночнымъ дозоромъ“ послѣдняго, опредѣляетъ именно эти безконечныя оттѣнки, эту постепенную градацію, о которой мы говорили. Которое изъ этихъ двухъ произведеній, столь знаменитыхъ въ искусствѣ и вмѣстѣ столь несхожихъ, заслуживаетъ названіе историческаго? Которое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ больше художественныхъ достоинствъ и которое лучше? Придется дать извѣстный отвѣтъ ребенка: „Оба лучше!“ Вотъ тутъ и рѣшайте гдѣ конецъ исторической картины, и гдѣ начало жанра?

Если стѣсняться такими подраздѣленіями, я право не знаю къ какой бы категоріи причислить картину Маклейза (Maclise) „Сцена пира изъ Шекспірова *Макбета*“. Художникъ выбралъ тотъ моментъ изъ третьяго дѣйствія трагедіи, когда Макбетъ, готовясь сѣсть на свое кресло, видитъ его занятымъ тѣнью Банко только что зарѣзаннаго по его приказанію. Леди Макбетъ и придворные ничего не замѣчаютъ; тѣнь видима только для одного короля.

— „Всѣ мѣста заняты....“ говоритъ Макбетъ отступая въ ужасѣ.

Леноксъ: „Вотъ ваше мѣсто, ваше величество.“

Макбетъ: „Гдѣ?...“

Леноксъ: „Здѣсь, государь.... Но что съ вами?...“

Макбетъ: „Кто изъ васъ это сдѣлалъ?...“

Вельможи: „Что такое, ваше величество?“

Макбетъ: (обращаясь къ тѣни): „Не обвиняй меня.... Напрасно, глядя на меня, потрясаетъ ты своими окровавленными волосами....“

Россъ: „Вельможи, встанемте! Его величеству дурно!..“

Тѣнь занимаетъ середину картины; прозрачная, какъ бы изъ пара созданная, она тѣмъ не менѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе величавостію своего абриса и строгими линіями своей одежды. Поза короля отступившаго назадъ и припавшаго рукою къ столу, выраженіе его лица, тревога въ лицѣ леди Макбетъ, недоумѣніе въ чертахъ остальныхъ лицъ, показываютъ въ художникѣ глубокое драматическое чувство, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣніе выразить его жестомъ и чертами физиономіи. Историческая вѣрность костюмовъ и даже мельчайшихъ аксессуаровъ всегда играетъ важную роль въ картинахъ англійскихъ живописцевъ; въ этомъ отношеніи они показываютъ себя не только добросовѣстными, но даже учеными, которымъ въ совершенствѣ знакома исторія и археологія. Что касается колорита въ картинахъ Маклейза, онъ блестящъ и яркъ, но въ общемъ эффектъ съ перваго взгляда поражаетъ пестротой. Тутъ проходитъ гамма всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и свѣтовъ, начиная отъ свѣта пламени и кончая тѣми фосфорическими отливами, которые встрѣчаются при бенгальскомъ огнѣ; въ тѣневыхъ частяхъ, глазъ, съ непривычки, сбивается съ толку неожиданными отраженіями и рефлексіями; все играетъ и переливается какъ стекло калейдоскопа; полусвѣты серебрятся точно при мѣсяцѣ, въ тѣняхъ играетъ фольга, яркій глянецъ бѣжитъ по волосамъ и кудрямъ, губы рдѣютъ какъ пурпуръ, тѣло лоснится какъ атласъ. Странность колорита отвѣчаетъ странности письма: съ перваго взгляда можно, пожалуй, принять картину за акварель; краски наложены такъ тонко, что при внимательномъ наблюденіи, вездѣ просвѣчиваетъ холстъ; кое-гдѣ развѣ, въ свѣтахъ, тѣнь исчезаетъ чтобы дать мѣсто мазку. Мало-по-малу однакъ, въ этой легкости письма начинаешь уловлять большой трудъ, большое вниманіе и наблюдательность; нѣтъ мазка на авось; все обдуманно и глубоко сознательно; каждый мельчайшій, едва примѣтный деталь вѣрно снятъ съ натуры, оконченъ до совершенства, выбранъ со вкусомъ и поставленъ съ толкомъ. Подъ конецъ, забываешь самую пестроту и отдаешься наслажденію частностями, которыя такъ умно обдуманы, такъ изящно переданы.

Множество картинъ англійской школы производятъ съ перваго взгляда то же впечатлѣніе какъ картина Маклейза; на нихъ нельзя смотрѣть мимоходомъ. Чтобы оцѣнить ихъ добросовѣстно, надо вообще привыкнуть къ англійскому роду

живописи, надо къ нему присмотрѣться; по поводу английскихъ картинъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя сразу рѣшать судьбу произведенія, какъ это часто у насъ дѣлается: подошелъ, прищурилъ глазъ: „скверно!“ и прошелъ мимо. Если не всѣ английскія картины производятъ обаятельное дѣйствіе гармоніей общаго эффекта, то онѣ часто бываютъ драгоценны по частностямъ, по манеру, выраженію, колориту, мысли, намѣреніямъ художника.

Другія произведенія Маклейза изъ поэмы *Лалла-Рукъ и Сна въ лѣтнюю ночь*, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ Макбетомъ, и служатъ дополненіемъ для оцѣнки таланта художника.

По внѣшнему впечатлѣнію, картины Лесли (Leslie), ближе всего подходятъ къ картинамъ Маклейза. Тѣ же атласные, фантазмагорические переливы свѣта и тѣни, тѣ же прозрачныя и какъ будто растертыя съ перламутромъ краски. Что до меня, я несравненно выше ставлю, однакожь, письмо Лесли; оно опредѣленнѣе, прочнѣе, гуще и прямо идетъ къ цѣли; оно даетъ любителю, сверхъ всѣхъ условій живописнаго искусства, еще лишній случай наслажденія посредствомъ смачнаго, вкуснаго письма.

Картинъ Лесли множество. Его „веселыя Виндзорскія кушечки“, „Донъ-Кихотъ посвящаемый въ рыцари“, „Майскій день во времена королевы Елисаветы“, „Дядя Товій“, и проч. и проч., займутъ всегда видное мѣсто въ любой галлерей современной живописи. Нигдѣ однакожь такъ положительно не выразились драгоценныя свойства кисти и колорита Лесли, какъ въ картинѣ его: „Коронованіе королевы Викторіи“. Трудность офиціальнаго сюжета, гдѣ къ условному церемониалу и этикету, требовалось еще присоединить сходство лицъ, не остановила художника; онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Несмотря на ту явную невыгоду, что большая часть фигуръ сохраняютъ вытянутое положеніе, почти параллельны другъ другу, и всѣ почти въ добавокъ въ бѣлыхъ платьяхъ, картина дробится на живописныя группы; въ колоритѣ, несмотря на обиліе однородныхъ цвѣтовъ и рефлексій, нѣтъ однообразія; бѣлыя атласныя платья, кружева, золотое и серебряное шитье, брилліанты и жемчугъ, бархатъ и пурпуръ, все это, точно облитое солнцемъ, не оскорбляетъ глаза, но сливается въ одно блестящее, гармоническое цѣлое. Присмотрѣли бы вы, что здѣсь за плечи, шейки, ручки! Съ какимъ мастерствомъ и вкусомъ пройдены полусвѣты на нѣкоторыхъ щечкахъ и

спиркахъ освѣщенныхъ съ боку, отливающихъ какъ жемчугъ, гладкихъ и полированныхъ какъ агатъ и мраморъ! Породистое изящество женщинъ англійской аристократіи выказывается здѣсь во всей своей воздушной, романтической поэзіи; оно видно въ граціозно изогнутомъ станѣ, длинныхъ лебединыхъ шейкахъ, глазахъ голубыхъ какъ сафиръ, пунцовыхъ губкахъ, пышныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, разсыпанныхъ локонами или подобранныхъ на затылкѣ тучнымъ пучкомъ проколотымъ насквозь зубцами брилліантоваго гребня.

Въ умѣньи передать женскую красоту или по крайней мѣрѣ придать женщинѣ что-то особенно привлекательное, поэтическое, Англичане не знаютъ себѣ соперниковъ. Этимъ отличаются даже второстепенные живописцы Британіи. Имѣя постоянно передъ глазами прелестныя модели, которыя въ такомъ изобиліи встрѣчаются только въ Англіи, они невольно выработали себѣ тотъ воздушный полный граціи типъ, приводящій на память образы Дездемоны, Джульеты, Миряды, Офеліи, леди, Мобрей и проч. и проч.

Насколько произведенія Лесли проникнуты чисто англійскимъ характеромъ, на столько удаляются отъ него картины г. Е. М. Варда (Ward). Г. Вардъ избираетъ преимущественно драматическіе, потрясающіе сюжеты; но не въ этомъ еще сходство двухъ художниковъ. Любимою темой Варда служить, сколько замѣтно изъ выставленныхъ имъ картинъ, первая французская революція. Кромѣ сюжета, даже въ самой манерѣ его есть что-то общее съ приемами той современной французской школы, во главѣ которой стоитъ Поль Деларошъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы манера его была дурна; вовсе нѣтъ! Онъ принадлежитъ къ разряду лучшихъ современныхъ художниковъ; мы замѣтили это, съ тою единственною цѣлю, чтобы охарактеризовать родъ его таланта. Изъ картинъ его на выставкѣ: „Шарлота Корде, плущая на казнь“, „Паденіе Кларендона“, „Марія Антуанета читающая свой смертный приговоръ въ тюрьмѣ“, „Прихожая дворца въ послѣднія минуты Карла II“, каждая, заключающая въ себѣ большія достоинства. Несомнѣнно однакожь, что онѣ во всѣхъ отношеніяхъ уступаютъ мѣсто послѣдней его картинѣ выставленной особо въ *German Gallery* (New Bond Street, 168). Она изображаетъ Людовика XVI и его семейство, въ Темплѣ, въ ноябрѣ 1792 года.

Художникъ выбралъ одинъ изъ тѣхъ спокойныхъ дней,

которые так рѣдко выпадали на долю несчастному паванику. Дѣйствіе происходитъ въ томъ отдѣленіи башни, гдѣ находилась комната королевы. Время около полудня; съ права, на ветхомъ диванѣ, лежитъ король: полное лицо его осунулось; оно отражаетъ душевное утомленіе и тревогу не оставляющія его даже во снѣ; неподалеку, за круглымъ столомъ, сидитъ королева; она занимается починкою платья своего мужа; это историческій фактъ. Дофинъ прекратилъ свои дѣтскія игры; онъ расположился на колымажѣ принцессы Елисаветы и съ любопытствомъ всматривается въ лицо короля. У края платья королевы покоится маленькая собачонка привязавшаяся къ Маріи Антуанетъ, во время заключенія; Роше, самый жестокій изъ сторожей приставленныхъ къ королевской фамиліи, стоитъ въ дверяхъ съ трубкою въ зубахъ и пускаетъ въ комнату длинную струю дыма; это, какъ вѣдомо, было любимымъ его развлеченіемъ; онъ зналъ, что королева не могла выносить табачнаго запаха. За нимъ, въ сосѣдней комнатѣ, сидятъ за картами два человѣка изъ муниципальной стражи: одинъ якобинецъ въ одеждѣ, которую носили тогда такъ-называемые *les terribles*; другой, санкюлотъ, въ курткѣ и красномъ колпакѣ съ трехцвѣтною кокардой; нѣсколько далѣе тощій муниципальный офицеръ равнодушно глядитъ въ окно. Каждый предметъ находящійся въ этой печальной комнатѣ возвышаетъ историческій интересъ; у изголовья короля, на маленькомъ пюпитрѣ, лежитъ исторія Англій развернутая на судебномъ слѣдствіи Карла I, эпизодъ, который въ то время часто перечитывался Людовикомъ XVI; выше дивана, надъ головой короля виситъ распятіе; въ глубинѣ виденъ глобусъ, по которому король училъ дофина географіи; на задней стѣнѣ вывѣшенъ большой печатный листъ носящій такое заглавіе: „*les droits de l'homme!*“

По всему видно, художникъ исполненъ глубокаго сочувствія къ несчастнымъ узникамъ; трудно сильнѣе почувствовать внутреннюю драму въ чужой душѣ и выразить ее болѣе патетически. Письмо вездѣ внимательное, мѣстами, въ головахъ и рукахъ, очень деликатное, и отличается простотою. Вардъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ фокусамъ, столь употребительнымъ въ теперешнее время, когда дѣло идетъ о достиженіи предполагаемыхъ эффектовъ; краски и тоны, заранѣе обдуманые на палитрѣ, прямо ложатся на холстъ; мазокъ вездѣ даетъ себя чувствовать. Если можно въ чемъ упрекнуть

Варда, такъ развѣ только въ общемъ тонѣ картины, который отзывается чѣмъ-то блѣсоватымъ, изжелта-сѣрымъ. Впрочемъ то что кажется недостаткомъ, входило можетъ быть въ число намѣреній художника: блѣсовато-желтый колоритъ не происходитъ ли отъ сѣраго ноябрьскаго дня, который освѣщаетъ унылую тюремную комнату?

Изъ живописцевъ выставившихъ картины историческаго содержания въ отдѣленіи международной выставки и приславшихъ также свои произведенія на выставку Королевской Академіи, особенное вниманіе обращаютъ на себя: Копъ „Отелло во время предсмертнаго своего монолога“ и „Король Лиръ съ Корделіей“; Е. Агнени: „Левъ X разсматривающій портретъ Лютера“; и еще Галь, Бюкнеръ, Добсонъ, Фого и Кросъ.

Но такъ какъ большая часть этихъ живописцевъ, по взгляду на искусство и по манерѣ, напоминаютъ болѣе или менѣе Уарда, Лесли или Маклейза, и слѣдовательно, не отличаются рѣзкою оригинальностью,—упоминаю о нихъ только для памяти. Къ тому же, мнѣ хочется поскорѣе перейти къ художнику, который, можно сказать, есть главный виновникъ моихъ длинныхъ писемъ. Совершенно новый, сильно самобытный и въ высшей степени поэтическій талантъ этого мастера такъ меня озадачилъ, впечатлѣніе было такъ сильно и неожиданно, что сначала мнѣ хотѣлось написать вамъ только о немъ одномъ; потомъ уже, при сравненіи его съ другими, въ памяти моей начали группироваться остальные англійскіе живописцы, старые и молодые, такъ что, мало-по-малу, чтобы не обидѣть одного и не пропустить другаго, я рѣшился набросать, хотя эскизно, общую характеристику всей англійской школы.

Имя художника, о которомъ я хочу говорить,—Вильямъ Гольманъ Гонтъ (Hunt).

Исторія изящныхъ художествъ доказываетъ, что въ періоды временнаго развитія или упадка искусства, нѣтъ ничего случайнаго; что то и другое необходимо вяжется съ причинами историческими, политическими, религіозными, отъ которыхъ искусство всегда находится въ тѣсной зависимости; общій законъ, управляющій движеніями и всеми человѣческими дѣйствіями,—законъ прилива и отлива, по которому возвышеніе смѣняется пониженіемъ, а пониженіе возвышеніемъ, точно также прилагается, конечно, и къ искусству.

Гонимъ явленіе не случайное; совершенно новый путь, проложенный имъ, имѣеть свое основаніе.

Художники выставленные мною до сихъ поръ, и тѣ еще о которыхъ буду говорить далѣе, даютъ поводъ только къ тому заключенію, что Англія можетъ поспорить съ любой страной Европы числомъ и достоинствомъ своихъ талантовъ по части живописи. Не надо забывать, главное, что здѣсь рѣчь идетъ объ избранныхъ художникахъ Англіи, тѣхъ только, которые давно пользуются громкимъ именемъ въ своемъ отечествѣ, или произведенія которыхъ сдѣлали на меня самого особенно сильное впечатлѣніе; словомъ, здѣсь только представители, корифеи английской школы. Общая масса живописцевъ Британіи превышаетъ числомъ даже живописцевъ Франціи; уже въ 1838 году, въ одномъ только Лондонѣ, выставлено было болѣе 3400 современныхъ картинъ; ежегодно въ Лондонѣ бываетъ пять художественныхъ выставокъ: три для картинъ, двѣ для акварелей. Выбросьте художниковъ означенныхъ въ моихъ письмахъ,—останется болѣе полуторы тысячи, которые, по направленію и техникѣ, не представляютъ національнаго искусства съ выгодной стороны. Спѣшность, фабрикація и механизмъ, отличительный характеръ ихъ произведеній.

Нѣкоторые критики, справедливо испуганные такимъ направленіемъ въ массѣ художниковъ, старались остановить его; имъ прежде всего хотѣлось доискаться источника зла; одни, какъ напримѣръ г. Ши, бывший президентъ академіи, сваливалъ всю вину на правительство, обвиняя его въ равнодушіи къ успѣхамъ національнаго искусства; другіе объясняли причину упадка недостаткомъ поощренія со стороны общества. Сколько кажется, такія обвиненія несправедливы; правительство или, лучше сказать, лица его составляющіе, дѣлаютъ все возможное, чтобы поощрять искусство; они заказываютъ и покупаютъ множество картинъ; стоить взглянуть на собраніе современныхъ картинъ королевы Викторіи и принца Альберта, чтобы убѣдиться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что потребность поощренія, по количеству художниковъ, превышаетъ даже средства правительства. Что жъ касается частныхъ лицъ, то можно смѣло сказать, нѣтъ страны гдѣ бы они столько сколько въ Англіи такъ охотно покупали картины и готовы были платить за нихъ такою щедрою рукою. Не даромъ, при такомъ обиліи живописцевъ,

такъ рѣдко можно встрѣтить въ Европѣ англійскую картину.

Причину механическаго, ремесленнаго направленія въ массѣ художниковъ, надо искать скорѣе въ общемъ промышленномъ направленіи; оно невольно увлекаетъ художниковъ и мало-по-малу превращаетъ ихъ въ ремесленниковъ. Не только здѣсь, но и вездѣ, большинство художниковъ смотритъ на искусство какъ на мастерство, которое, сравнительно съ другими, не такъ еще тяжело, а между-тѣмъ довольно выгодно,—хлѣбно, какъ говорится. Большинство въ этомъ, имѣющимъ въ виду только промыселъ, конечно долженъ управлять въ одинаковой степени вкусъ минуты. Который-нибудь изъ представителей выставилъ картину; она сдѣлала впечатлѣніе и была куплена за большія деньги;—всѣ хватаются за тотъ же мотивъ, стараются уловить тѣ же приемы, каждый трактуетъ ихъ спѣшно, оцупью; картина покупается,—чего же больше? Люди глубоко чувствующие искусство, точно также вездѣ рѣдки; толпа по большей части видитъ въ произведеніи художества лишнюю красивую мебель, которая, бывъ вставлена въ золотую рамку и представляя игривый симпатическій сюжетъ, красиво изображенный, пріятно украшаетъ комнату. Бульверъ приводитъ случай отлично характеризующій взглядъ толпы на живопись: богатый домовладѣлецъ, отдавая въ наемъ бель-этажъ и желая выгодное кончить дѣло, сказалъ будущему своему жильцу: „но это еще не все... Когда въ гостиной, надъ дверьми, повѣсятся пунцовыя штофныя портьеры, а по стѣнамъ размѣстится дюжина картинъ въ великолѣпныхъ рамахъ,—повѣрьте, подобную квартиру не скоро отыщете въ цѣломъ Лондонѣ!“

Художники лѣзутъ изъ кожи, чтобы только попасть во вкусъ этой толпы, угождать ей и снабжать ее картинами въ извѣстный срокъ, какъ можно акуратнѣе и дешевле.

Какъ противоудѣствие такому промышленному, направленію, явилась новая школа, во главѣ которой находится Гонтъ.

Мысль произвести реформу въ искусствѣ, впрочемъ, нова только въ Англіи; она прежде всего родилась въ Германіи.

Лѣтъ тридцать назадъ, тамъ возникла школа цуристовъ, архаистовъ, такъ-называемыхъ *назарейцевъ*. Во главѣ ея былъ Овербекъ. Примѣръ данный имъ въ Германіи, встрѣтилъ отголосокъ во Франціи; тамъ также явился между художниками кружокъ, назвавшій себя: „ново-христіанами,—*neo-chre-*

Вѣтъ. Въ первомъ пылу увлеченія противъ стремленій современнаго искусства, какъ назарейцы, такъ и ново-христіане, начали съ того, что объявили Рафаэля *бароккистомъ*. Они допускали только тѣ его картины, которыя писаны были до второй его поѣздки во Флоренцію, то - есть, когда еще онъ держался стила и манеры Перуджино. Всѣ съ одинаковымъ жаромъ обратились къ сюжетамъ мистическимъ и религиознымъ, принимая за образецъ художниковъ XIV вѣка. Теоретически рѣшено было перенестись въ до-рафаэлевскую эпоху, и такимъ образомъ возвратить искусство къ его христіанскому источнику. Изъ этого не вышло ничего, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. При всемъ своемъ увлеченіи, при всей искренности, при всѣхъ усиліяхъ воображенія, не могли они перескочить четыре съ половиною вѣка назадъ, не могли проникнуться тѣмъ духомъ и жить тѣми идеями, которыя воодушевляли любимыхъ ихъ образцовъ въ XIV столѣтіи. Наивнымъ, искреннимъ, вѣрующимъ, нельзя быть по заказу, точно также какъ нельзя сдѣлаться по заказу *византійцемъ*, — не въ обиду будь сказано кружку, возникшему съ недавняго времени въ нашей академіи. Изъ многочисленной фаланги архаистовъ по теоріи, одинъ только Овербекъ написалъ нѣсколько превосходныхъ картинъ. Но слѣдуетъ еще спросить: что могъ бы сдѣлать тотъ же Овербекъ, еслибъ онъ въ известной степени поладилъ съ вѣкомъ, воспользовался открытіями современнаго искусства и науки, а не отбросилъ ихъ съ перваго раза какъ языческую одежду, стараясь замѣнить ее готическою хламидой съ прямыми угловатыми складками и типомъ католическаго средневѣковаго аскетизма. Секретъ известнаго успѣха Овербека заключается въ его талантѣ. Одинъ огромный талантъ могъ вынести его цѣлымъ изъ водоворота искусственнаго теоретическаго настроенія, въ которомъ, какъ въ морѣ, одинъ за другимъ, захлебнулись его послѣдователи.

Въ Англіи, точно также, нѣсколько художниковъ, въ негодваніи противъ существующаго направленія, сложились въ особое общество; назвавъ себя „до-рафаэлистами“, они обратились къ „наивному и искреннему въ искусствѣ.“ Но здѣсь, сколько видно, дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Здѣсь художники не завлеклись теоріей; никому въ голову не пришла возможность насильственно воплотиться въ людей XIV столѣтія, дѣлать такъ какъ они дѣлали, и отрѣшиться

отъ всего существующаго. Они, напротивъ, имѣли въ виду воспользоваться всѣми существующими усовершенствованіями, но съ тѣмъ чтобы дать серіозную, благородную цѣль искусству, низведенному на степень ремесла, съ тѣмъ чтобы возвысить стиль, очистить рисунокъ, осмыслить содержаніе. Мастера до-рафаэлевскаго періода должны были только служить примѣромъ добросовѣстности, глубокаго уваженія и искренняго чувства, съ какимъ обращались они къ предметамъ ими изображаемымъ.

Все это, можетъ-быть, и здѣсь не принесло бы результата и ограничилось бы одними намѣреніями, еслибы во главѣ новаго кружка не было Гонта. Такой человѣкъ конечно долженъ былъ имѣть вѣсь; имѣя его примѣръ постоянно передъ глазами, послѣдователи не рисковали запутаться въ теоріяхъ. Дорога, открытая имъ, была слишкомъ ясно обозначена.

Въ картинахъ Гонта, прежде всего, поражаетъ сильная поэтическая индивидуальность. Онъ не имѣютъ ничего общаго ни съ старыми произведеніями XIV вѣка, ни съ новыми. Это, если можно выразиться, совершенно новое искусство, модъ таланта глубокаго, ума возвышеннаго, человѣка искренно-религіознаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, высоко образованнаго, человѣка полнаго огня, жизни и поэзіи. Если онъ изучалъ Геммелинга и Ванъ-Эйка въ Германіи, Орканья, Гоццолли, Липпи, Перуджино, Фра-Анджелика и Рафаэля въ Италіи, преимущественно передъ другими, болѣе современными мастерами, то это потому что они больше отвѣчали его личному вкусу, быть-можетъ также его религіозному настроенію; онъ любитъ ихъ, но ни одному не подражаетъ. Рисунокъ его также благороденъ и чистъ какъ у лучшихъ изъ нихъ; но это потому что самъ онъ превосходный рисовальщикъ. Письмо его также тонко до чрезвычайности; но кисть его утончается съ тою единственною цѣлю, чтобы передавать съ возможною правдой мельчайшіе детали природы, которую онъ изучаетъ нѣжно, съ любовью, можно сказать, съ религіозною страстію.

Опишу вамъ одну изъ его картинъ на международной выставкѣ: „Свѣтъ міра“ (*Light of the World*), № 580 по каталогу.

Она занимаетъ въ вышину всего около полутора аршина, въ ширину аршинъ. Мѣсто дѣйствія—заброшенный фруктовый садъ, открытый и не загороженный; на дворѣ стоитъ глухая осень; холодная утренняя заря едва пробивается; свѣтъ отъ нея позволяетъ однакожъ ясно различать слѣва старую

каменную стѣну съ затворенною дверью, окованною желѣзомъ. Справа, старое дерево простираетъ къ небу причудливо изогнутыя вѣтви, на которыхъ кой-гдѣ дрожатъ запоздавшіе листья. Вся передняя часть густо заросла репейникомъ, колючимъ терномъ, вьющимися паразитами и длинною волокнистою травой, которую послѣдній вихрь страшно перепуталъ, а послѣдній ливень прибилъ къ землѣ и смѣшалъ съ грязью. Въ безкрайномъ горизонтѣ, сквозь мглу, медленно просвѣчиваетъ заря; въ вышинѣ пока еще царствуетъ ночь, и мигаютъ послѣднія звѣзды. По серединѣ картины остановился Спаситель; въ лѣвой рукѣ его зажженный фонарь; лучи свѣта, проходя въ нижней части фонаря и падая въ траву, мѣстами проливаютъ яркій свѣтъ въ гущу листьевъ, увлажненныхъ росой и позволяютъ различать упавшіе съ деревъ плоды, усѣившіе раскиснуть отъ порчи; мѣстами, лучи свѣта вовсе теряются и пропадаютъ. Правой рукой Христосъ стучитъ въ дверь: „Се стою у двери и стучу: есаи кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь: войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною.“ (Откр. Св. Іоанна Богослова, глава III, 20).

По всему видно, путь Христа былъ длинень; нижняя часть одежды изсѣчена колючками; ноги устали ступать по холодной почвѣ отвердѣлой отъ мороза; золотой вѣнецъ Его, опутанный терніемъ, тяготитъ Ему голову; но не отъ физической усталости сгибается станъ Его, не это разлиываетъ такое утомленіе въ божественныхъ чертахъ. Въ ночномъ Его дозорѣ никто, видно, не отозвался на Его голосъ: всѣ спятъ непробудно или заглушаютъ свой слухъ звономъ стакановъ и дикими криками оргій. Христосъ прямо смотритъ на зрителя задумчивыми, вопрошающими глазами; въ нихъ столько тягостной, неотразимой грусти, что невольно подъ сердце подкатываютъ слезы.

Но картину Гонга можно скорѣе чувствовать чѣмъ разказывать словами. Глубокая, задумевная поэзія и чувство проникаютъ здѣсь не только главный мотивъ, но присутствуютъ во всемъ: въ самыхъ мелкихъ деталяхъ, въ моментѣ тусклой осенней зари, въ причудливомъ очертаніи древесныхъ вѣтвей, въ путаной чащѣ травъ и растений, въ мигающихъ кое-гдѣ звѣздахъ, во всей разстановкѣ аксессуаровъ, которые всѣ настраиваютъ умъ и душу къ одному общему впечатлѣнію. Разсматривая картину ближе, изумляешься вниманію,

отчетливости художника; каждая ничтожнѣйшая часть выслѣжена съ натуры, изучена до тонкости почти невѣроятной. Такъ можетъ писать только человекъ, который смотритъ на свое дѣло съ уваженіемъ, какъ на служеніе чему-то дѣйствительно высокому. О колоритѣ, рисункѣ и письмѣ Гонты мы скажемъ ниже. Картина писана въ 1854 году; Гонту, родившемуся въ 1827 году, было, следовательно, тогда всего двадцать семь лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого задумалъ онъ другую картину: „Христосъ въ храмѣ между книжниками и учителями“. Долго вымывался онъ и много работалъ прежде чѣмъ приступилъ къ новому произведенію; долго рылся онъ въ священныя и ученыя книги, стараясь объять сюжетъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ; въ то же время онъ дѣлалъ этюды и эскизы, но то и другое истреблялось художникомъ; онъ ничѣмъ не былъ доволенъ. Наконецъ, собравъ орудную сумму трудовыхъ денегъ, отправился онъ на Востокъ. Больше двухъ лѣтъ окитался онъ по Египту и Палестинѣ, возвращаясь на зиму въ Иерусалимъ. Для не проходило праздно. Изученіемъ мѣстныхъ типовъ и природы, въ примѣненіи къ задуманной картинѣ, не ограничивались его занятія; обладая большими археологическими познаніями, онъ старался еще, въ виду своей цѣли, воспользоваться существующими данными, чтобы воссоздать по нимъ минувшій Иерусалимъ со всѣмъ что прежде окружало его. Послѣдствіемъ этого была картина, которую, по всей справедливости, можно назвать самымъ замѣчательнымъ живописнымъ произведеніемъ нашего вѣка.

Сюжетъ, выбранный Гонтомъ, исполнялся нѣсколько тысячъ разъ художниками всѣхъ возможныхъ направленій, временъ и странъ. Гонтъ взглянулъ на него совершенно съ иной, новой точки. Въ техническомъ отношеніи онъ внесъ точно также совершенно новый взглядъ, новые приемы. Условные, освященные временемъ идеалы, которые, черезъ частое повтореніе, приняли характеръ чего-то рутиннаго, затверженнаго, избитаго, не существуютъ для Гонты; идеалъ его, какъ у Рафаэля, заключается въ немъ самомъ. Не ставя себѣ въ условіе даже идеальную общепринятую античную красоту формъ, онъ представляетъ всю сцену такъ какъ она *должна была происходить въ действительности*, и этимъ самымъ достигаетъ того впечатлѣнія, котораго никогда не давали идеализированныя картины того же содержанія. Но въ искусствѣ мало

еще одной жизненной правды; надо, чтобъ она была прочувствована сильною поэтической душой и выражалась въ соответствующихъ ей формахъ. Реализмъ Гонта, какъ могутъ думать многие, которые, при словѣ: реализмъ, безтолково презрительно отворачиваютъ голову, не только не исключаетъ идеала, вдохновенія, высокаго поэтическаго настроенія, а напротивъ, весь ими проникнуть. Лучше всего судить объ этомъ по самому произведенію.

Картина, выставленная въ *German Gallery, New Bond street, 168*, изображаетъ часть раззолоченнаго Иерусалимскаго храма. Мельчайшіе архитектурные детали воспроизведены здѣсь съ величайшею археологическою точностію; три полукруглыя рѣшетчатыя окна въ глубинѣ галлерей и дверь, чрезъ которую видна внизу часть города, и выше—горы, обдаютъ дѣйствующихъ лицъ яркимъ полуденнымъ свѣтомъ. Полъ устланъ драгоценными коврами; слева, противъ Христа, который недалеко отъ двери, возсѣдаютъ полукругомъ фарисеи; за ними стоятъ молоденькіе прислужники, левиты въ богатыхъ одеждахъ. Фарисеи замѣтно раздѣлились на три группы; каждая выражаетъ извѣстный взглядъ, извѣстное направленіе: впереди сидитъ маститый старецъ, фанатическій представитель старой вѣры; онъ-ослабѣлъ и оступѣлъ отъ лѣтъ; челюсти его ослабѣли, ротъ полуоткрытъ, безцвѣтные зрачки тупо присматриваются. Онъ не удивляется мыслямъ и рѣчамъ дивнаго отрока; полупонявъ и полурасслышавъ ихъ, онъ явно уже возмущается и выражаетъ свое негодованіе сидящему рядомъ съ нимъ старику, который, сколько замѣтно, совершенно раздѣляетъ его чувства; на лицахъ ихъ какъ будто начертано старовѣрство и закоснѣлость, а немощь и дряхлость сами собою говорятъ, что вѣкъ ихъ кончился. Далѣе, сидитъ третій книжникъ; тонкія черты его смуглаго худоцаваго лица обрамленнаго черными смолистыми волосами, которые вырываются изъ-подъ пестрой шелковой чапмы, — открытый лобъ, черные блестящіе глаза, — все дышетъ жизнію, проникнуто умомъ provocativeльнымъ; онъ пытливо вслушивается въ слова необыкновеннаго отрока; каждое слово ему доступно, но каждое слово есть для него новая задача, новый предметъ изумленія. Глубокій смыслъ въ рѣчахъ отрока понятенъ ему; онъ будетъ ему противодѣйствовать, будетъ его преслѣдовать,

быть - можетъ, современемъ, будетъ первымъ, который произнесетъ ему смертный приговоръ; но пока онъ весь отданъ удивленію и любопытству; два-три человека сидящіе рядомъ, очевидно, его адепты. За ними третья группа: здѣсь, за первую минуту любопытства, посѣдовало самое полное увлеченіе; эти, не успѣвая уловлять мыслей, которыя льются потокомъ изъ устъ отрока, жадно, съ лихорадочнымъ трепетомъ и вытянувъ шею, вслушиваются въ каждое слово; передъ ними точно разверзлась неожиданно яркая пелена свѣта, которая освѣтила ихъ умъ, зажгла воображеніе и сердце.

Христу отъ двѣнадцати до тринадцати лѣтъ. Онъ представляетъ типъ нервнаго, сухоощаваго, но крѣпко сложеннаго отрока; легкая одежда, родъ рубашки съ широкими рукавами, изъ матеріи исполосованной яркими синими, бѣлыми и красными полосами и перетянутая подъ ребрами кожанымъ кушакомъ, спускается немного ниже колѣнъ; босыя ноги Его, изъ которыхъ правая выдвинута нѣсколько впередъ, твердо упираются въ помость храма; темно-рыжеватые волосы, откнутые назадъ, открываютъ высокій, выпуклый лобъ, который какъ будто свѣтится внутреннимъ какимъ-то свѣтомъ. Черты Его не отличаются особенною красотой, за исключеніемъ рта и глазъ; но все лицо дышетъ воодушевленіемъ необыкновеннымъ; Онъ въ полномъ разгарѣ вдохновенія; каріе глаза Его свѣтятся, лицо пылаетъ, нѣжныя прозрачныя ноздри вздрагиваютъ и расширяются,—а губы?... Боже мой, что это за губы и сколько въ нихъ выраженія! Я въ жизнь не видалъ подобнаго рта ни на картинахъ, ни въ дѣйствительности. Первый разъ какъ мнѣ случилось подойти къ картинѣ, я былъ съ товарищемъ; взглянувъ на голову Христа, мы въ одинъ голосъ сказали, что только такія губы могутъ произносить слова, которыя перейдутъ столѣтія и будутъ жить вѣчно! Да, Говтъ великій художникъ! Но этимъ еще не ограничивается его картина. Въ то время какъ Христосъ такимъ образомъ бесѣдуетъ, Пречистая Дѣва и Іосифъ, тревожно и напрасно искавшіе Его по городу, зашли въ храмъ. Богородица—идеалъ не красоты физической, но нравственной чистоты и женственной нѣжности; Іосифъ типъ кроткаго, добраго старика. Увидавъ Сына, говорящаго съ такимъ жаромъ съ мудрецами, оба испугались. Мать бросилась къ Сыну и нѣжно обвила Его руками; рука Іосифа прижалась

къ рукѣ Маріи. Она, очевидно, не понимаетъ, что дѣлается съ Сыномъ; не понимаетъ Она отчего пылають Его щеки, усиленно бьется пульсъ, голосъ прерывается... Она только испугана Его волненіемъ и хочетъ увести Его:—„Сынъ! Что ты одѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и я измучились искавши Тебя!“ Онъ припалъ къ Ея плечу, нѣжно отдался Ей въ руки, а между тѣмъ не можетъ еще преодолѣть овладѣвшаго Имъ вдохновенія, весь еще горитъ внутреннимъ огнемъ, и мыслями, и взоромъ весь тянется къ кружку слушающихъ Его учителей. Последнее такъ замѣчательно выражено, что, кажется, слышишь подлѣ себя голосъ и уловляешь чье-то прерывистое дыханіе.... Въ глубинѣ картины, подъ сводомъ галереи, мотивъ материнскаго чувства и нѣжной заботливости, какъ бы продолжается: тамъ идетъ женщина наклонившая голову къ больному ребенку, который покоится на рукахъ ея; впереди выступаетъ тучный священникъ, а позади плетется мужъ женщины съ овцою, которая предназначена для жертвы. За угломъ двери, на наружныхъ ступеняхъ храма, сидитъ нищій,—единственное равнодушное лицо всей этой воодушевленной сцены; ему все равно, что бы за нимъ ни происходило, о чемъ бы тамъ ни говорилось, что бы тамъ ни дѣлалось; помыслы его нейдуть дальше ожиданія денарія и животнаго насыщенія.

Въ картинѣ Гонта, какъ во всякомъ истинно-высокомъ художественномъ произведеніи, дѣло не только въ томъ что видитъ глазъ и чѣмъ можетъ насладиться чувство изящнаго; въ ней, сквозь видимыя краски и формы, просвѣчиваетъ цѣлый міръ ощущеній, которыя уносятъ душу въ безконечность, далеко за предѣлы дѣйствительности. Картина Гонта—произведеніе замѣчательное еще въ другомъ отношеніи: она явно протестуетъ противъ обвиненій, возводимыхъ на нашъ вѣкъ, и особенно на Англiю, обвиненій въ матеріализмъ, который, будто бы, остановилъ развитіе искусства, не даетъ ему хода, иссушилъ источникъ поэтическаго вдохновенія; она доказываетъ, что поэзія и вдохновеніе не только не угасали, но вѣчно жили и вѣчно будутъ жить въ душѣ человѣка. Какъ твореніе послѣднихъ годовъ нашего времени, какъ произведеніе человѣка молодого, питомца современнаго образованія, она краснорѣчиво говоритъ въ пользу развитія, поддерживаетъ вѣру въ безконечность человѣческаго преуспѣванія. Каждый

художникъ со смысломъ и дарованіемъ, взглянувъ на картину Гонта, пойметъ какъ ложна та теорія, которая проповѣдуетъ, что образованіе и развитіе, часто обращаются во вредъ природному таланту, связываютъ крылья воображенію, сковываютъ свободу творчества сухимъ *рефлектерствомъ*, охлаждають порывы вдохновенія и проч. и проч. Художникъ увидитъ здѣсь, напротивъ того, какую страшную силу, какія страшныя преимущества пріобрѣтаетъ талантъ черезъ обширное образованіе; онъ увидитъ, что образованіе не охлаждаетъ, но только осмысливаетъ воображеніе, даетъ ему здоровое направленіе, очищаетъ вкусъ, помогаетъ избирать типы, учитъ смотрѣть новыми глазами на природу, учитъ выражать другія чувства и преслѣдовать другіе эффекты.

Столько же новаго высказано у Гонта въ отношеніи къ исполненію. До сихъ поръ, ни одинъ живописецъ не былъ такъ благороденъ, бывъ въ то же время совершенно *натуральнымъ*. Красота рисунка опредѣляется у него формами существующими въ природѣ, но выбранными съ тактомъ и со вкусомъ; рисунокъ его, не отступая ни на волосъ отъ правды, вездѣ правиленъ, изященъ какъ въ самой природѣ. Взглядъ этотъ, въ отношеніи собственно къ рисунку, считаю я самымъ правильнымъ. Небрежное и неуважительное обращеніе съ формами природы, умничанье въ рисунокѣ подъ предлогомъ облагораживанія линий, доводило всегда, даже великихъ художниковъ, до манерности и слѣдовательно ставило ихъ на ложную дорогу. Къ правильности рисунка Гонтъ присоединяетъ правду письма и колорита; онъ рѣшительно не пріобрѣтаетъ ни къ одному изъ тѣхъ способовъ, которые сдѣлались какъ словно неизбѣжными условіями живописи; такъ напримѣръ, умышленно усилить тѣнь чтобъ ярче выставился свѣтъ, облегчить вопреки правдѣ такую-то часть полусвѣта чтобы дать ей глубину, или закруглить такой-то предметъ, который безъ этого казался бы плоскимъ, и т. д. Въ картинѣ его два свѣта, яркое полуденное восточное солнце гуляетъ вокругъ; при такомъ освѣщеніи не бываетъ совершенно темныхъ частей; самыя тѣни обвѣяны прозрачнымъ свѣтомъ отраженія. Помню очень хорошо, какъ поражали меня въ путешествіяхъ моихъ по Востоку,—особенно въ Палестинѣ, гдѣ по преимуществу грунтъ замѣняется кремнистою почвой,—какъ поражали меня сквознота и яркость тѣней; жадно отыскиваешь пятно тѣни чтобы дать хоть на минуту отдыхъ глазу утомленному блескомъ

солнца,—все напрасно: въ самыхъ тѣняхъ играетъ какое-то мерцаніе свѣта, которое еще пуще, кажется, раздражаетъ глазъ. Картина Гонта не представляетъ почти ни одного темнаго пятна; а между тѣмъ все круглится, выступаетъ, углубляется, уходитъ въ дадь, и въ общемъ открываетъ золотистую гармонію солнечнаго освѣщенія. Этотъ общій эффектъ достигается одними сквозными, легкими полутонами усиливающимися или слабѣющими въ безконечной градаціи. Письмомъ своимъ Гонтъ сказалъ также много новаго. Кисть его, вездѣ тонкая, внимательная до чрезвычайности, въ то же время разнообразна какъ предметы, къ которымъ прикасается. На лицѣ тринадцатилѣтняго Христа и молоденькихъ левитовъ, мазокъ совсѣмъ почти исчезаетъ; онъ уже болѣе замѣтенъ въ лицахъ молодыхъ увлеченныхъ книжниковъ и постепенно расширяется на другихъ, болѣе зазубренныхъ лицахъ; морщинистое, дряблѣе лицо слѣпаго фарисея, тронута широкими планами и совсѣмъ иначе написано чѣмъ кожа его бѣлыхъ, изнѣженныхъ рукъ, сквозь которую просвѣчиваетъ ткань мелкихъ голубыхъ жилокъ; шероховатые и сухіе удары кисти на шерстяныхъ коврахъ, тотчасъ же умягчаются и дѣлаются сочнѣе переходя на атласъ; и наоборотъ, кисть дѣлается суше и рѣзче, когда прикасается къ полированному камню, позолотѣ или металлическому аксессуару.

Въ результатѣ повторю то, что уже сказалъ выше: я твердо вѣрю, что въ нашъ вѣкъ искусству снова суждено воскреснуть, но только конечно въ новой формѣ, болѣе подходящей къ существующимъ воззрѣніямъ. Искусство теперь въ борьбѣ съ разными теоріями; оно себя пробуетъ, бросается то въ ту, то въ другую сторону, ощупываетъ себѣ путь, расчищаетъ дорогу, которую, быть-можетъ, суждено было открыть Гонту. Что новая школа уже началась, новое слово сказано и принесло плоды свои, это фактъ. Нѣтъ нужды, что многіе изъ новыхъ художниковъ обращаются къ методѣ и типамъ мастеровъ стараго времени; это доказываетъ только недовольство существующаго стремленія отыскать новыя формы для осуществленія своего идеала; все дѣло въ движеніи, въ томъ, что уже данъ первый толчокъ къ пробужденію. Это доказываютъ нѣкоторые художники Англіи, какъ напримѣръ Миллесъ, Коллинсъ и другіе, которые пошли по слѣдамъ Гонта.

Но не стану говорить вамъ о ихъ произведеніяхъ, точно

также какъ не стану болѣе описывать другихъ картинъ Гонта: „Клавдій и Изабелла“, „Англійскій берегъ“, и проч., и проч.: это значило бы, повторять то что хотѣлось мнѣ высказать вамъ о новой исторической школѣ Англiи и слѣдовательно понапрасну только утомлять васъ; наконецъ, всего не перескажешь, особенно въ печати.

Надѣюсь, вы простите также, что я пропушу цѣлый рядъ портретистовъ; между ними: Грантъ, Макне, Боксалъ, Уатсонъ, Брантъ, Гордонъ, Пикерсгалъ, Ричмондъ, — художники съ замѣчательнымъ талантомъ, каждый въ своемъ родѣ. Но послѣ произведенiй вдохновенiя и высокой поэзи, не хочется переходить даже къ талантливой прозѣ.

(До слѣд. №.)

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

АНГЛІЙСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ ВЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКѢ¹

North America, by Anthony Trollope. 3 lov.

IV.

Мѣсяцы проведенные г. Троллопомъ въ Соединенныхъ Штатахъ могли назваться періодомъ крайне интереснымъ для наблюдателя. Страна видимо отрезвлялась отъ мечтаній о своемъ политическомъ и военномъ всемогуществѣ; всѣ надежды на скорое окончаніе внутренняго междуусобія давно были сокрушены пораженіемъ потомакской арміи при Буллъ-Ронѣ. Пора дѣтской самонадѣянности проходила, и государство видѣло себя лицомъ къ лицу съ жестокою борьбою и политическими затрудненіями. Дешевый энтузіазмъ имѣлъ время разсвѣтаться; зоркій туристъ получилъ возможность безъ помѣхи изучить Съверо-Американца во всемъ разгарѣ кризиса, колебавшаго его родину, и сказать ему, какъ Шекспировъ Ричардъ своему помощнику: „теперь я увижу, изъ чистаго ли золота ты отлать!“

Относительно войны съ Югомъ, общественное мнѣніе

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

Соединенныхъ Штатовъ¹ поражаемо единодушiемъ, и какимъ-то особливимъ, какъ бы сдержаннымъ, патриотизмомъ. Патриотизмъ этотъ заявлялъ себя не съ разу, и можетъ-быть для наблюдателя не принадлежавшаго къ англо-саксонскому племени, показался бы слишкомъ холоднымъ. Его задорная и хвастающая сторона давно выгорѣла, уступивъ мѣсто спокойной твердости. Никто не скрывалъ бумль-ронской катастрофы, никто не силится даже умалить ея довольно постыднаго значенiя. „Насъ побили, сэръ. Насъ поколотили такъ что лучше нельзя. Мы начали дѣло не хорошо. Наши войска такъ скверны, что изъ приличiя приходилось обходить большiе города во время похода. И будутъ насъ бить, покуда мы не выучимся вести войну какъ слѣдуетъ. И мы выучимся, сэръ. Мы назадъ не поидемъ. Ни вершку земли мы не дадимъ отъ себя отдѣлиться.“ Все это говорилось безъ жестовъ и безъ скоропроходящей ярости, но холодно, по временамъ даже со сливо, особенно въ Сѣверныхъ Штатахъ. На Западѣ, какъ увидимъ мы сейчасъ, холодности было меньше.

Отъ рѣчей переходя къ перенесенiю неудобствъ, неразлучныхъ съ войною, наблюдатель снова встрѣтилъ ту же спокойную стойкость, совершенно чуждую поэзи для поверхностнаго зрителя, но многознаменательную и ободряющую въ перiодъ кризиса. Торговля дѣла терпѣла отъ войны, но никто не плакался и не произносилъ слова жалобы. Огромныя предпрiятiя, со всѣми залогами успѣха, погибали повсемѣстно, но ни паники, ни глухаго волненiя въ краѣ оттого не дѣлалось. Скопленiе войска отягощало жителей, никогда не знававшихъ того, что значить сосѣдство большихъ воинскихъ массъ; но всѣ неудобства выносились безропотно. Въ Мерилендѣ и Виргинiи даже жизнь вокругъ семейнаго очага дѣлалась кевыносимою; рѣдкiя семьи не считали близкихъ своихъ членовъ въ противоположныхъ лагеряхъ; но даже и это величайшее бѣдствiе всякой усобицы не отражалось какимъ-либо видимымъ образомъ на общественномъ строѣ. Чѣмъ ближе подвигался путешественникъ къ границѣ отложившихся штатовъ, тѣмъ болѣе дивило его оригинальное, почти непонятное

¹ За исключенiемъ нѣсколькихъ пунктовъ пограничныхъ съ отложившимися областями. Городъ Балтимора въ особенноти отличался сочувствiемъ къ Югу.

для насъ равнодушіе Американца передъ тучей военныхъ бѣдствій. По всему пространству, занятому передовыми отрядами федеральныхъ армій, обычный ходъ жизни остановился, и капиталы погибали во всѣхъ видахъ. Желѣзныя дороги не давали дохода, пассажирскіе пароходы гнили у береговъ рѣкъ, поля оставались брошенными, заготовленные товары валялись безъ покупателей. Почти всякій встрѣчавшійся въ этихъ мѣстахъ человекъ или былъ разоренъ, или видѣлъ передъ собою неминуемое разореніе, или только что былъ лишенъ занятій, до той поры кормившихъ его съ семействомъ. И опять-таки ни вздоховъ, ни жалобы, ни даже замѣчанія о томъ, что горькая чаша могла бы пройти мимо. Наконецъ, между двумя враждебными арміями, около Потомака, открывалась длинная полоса залежной земли, такъ сказать никому не принадлежащая и приведенная случайностями войны въ положеніе невыразимо бѣдственное. Люди, жившіе на ней, были не только въ конецъ разорены и лишены средствъ къ жизни, но ихъ пропускали сквозь обѣ лѣни не иначе какъ съ большимъ трудомъ; ни помощи, ни защиты, ни даже предметовъ, нужныхъ для жизни, имъ было не откуда ждать. А между тѣмъ даже эти несчастныя существа, по большей части бывшіе когда-то зажиточными фермерами, несли свою долю какъ герои. Пока у нихъ еще оставалась провизія и часть денегъ, они не покидали своихъ полей; чуть то или другое истощалось, они уходили прочь и пытались начать жизнь сызнова, на новомъ мѣстѣ. И отъ нихъ никто не слышалъ стованій, ихъ жены проходили по лагерю не плача; невеселый видъ, взгляды болѣе обыкновеннаго сумрачныя: другихъ проявленій отчаянія не встрѣчалъ путешественникъ. Можно было сказать, что цѣлая нація, стиснувъ зубы, переживаетъ общее горе, какъ энергическій больной переноситъ дни недуга, не позволяя себѣ жалобъ, не вступая въ бесплодную борьбу съ судьбою.

Множество примѣровъ этого спокойствія передъ бѣдою находимъ мы въ замѣткахъ Троллопа.

„На пути къ городу Ролла, въ нашемъ поѣздѣ находилось нѣсколько миссурійскихъ фермеровъ; въ конецъ разоренныхъ войною. Пользуясь наступательнымъ движеніемъ федеральнаго корпуса, они ѣхали на мѣста прежняго жительства, чтобъ осмотрѣть и, по возможности, собрать остатки своего

прежняго хозяйства. То были люди смуглые, суровые, почти дикіе. Объ одномъ изъ нихъ, въ особенности, я храню память, какъ о существѣ, съ которымъ не желалъ бы встрѣтиться ночью порою. Грубый и не мытый, съ бородой на бритую мѣсяца два, съ бойкими свирѣпыми глазами, онъ сидѣлъ и молча чистилъ зубы остриемъ своего большого ножа (bowie-knife); я его потомъ встрѣтилъ въ Ролаѣ и узналъ, что то былъ джентльменъ, владѣвшій землею около Спрингфильда. При своей яростной наружности, онъ однако оказался смиреннѣ всякой горлицы, совѣтовался со мной о своихъ дѣлахъ и выражался такъ: „вижу что времена пришли крутыя“. Надо признаться что времена точно были *крутыя*, для него въ особенности. Бунтовщики прошли по его землѣ. Домъ, заборы, амбары, скотъ, посѣвы—все погубло. Отъ жилья осталась груда камней, ферма превратилась въ бесплодную степь. Питаться было нечѣмъ. Жену свою и дѣтей онъ отвезъ въ Иллиноисъ, а теперь вернулся поглядѣть и раздумать о томъ что бы сдѣлать съ обломками своего достоянія. Онъ былъ совершенно спокоенъ духомъ. Онъ не проклиналъ судьбу и не плакался ни на кого. „Времена крутеньки,“ повторялъ онъ изрѣдка, и никакой другой жалобы отъ него я не слышалъ.“

Приведемъ еще одинъ отрывокъ на удачу.

„Раскаживая по берегу рѣки (Огайо, въ Питтсбургѣ), я насчиталъ болѣе тридцати пароходовъ, уткнувшихъ носами въ берегъ, пароходовъ большихъ, способныхъ таскать отъ сотни до двухъ сотъ пассажировъ, съ 300 тоннами поклажи. Большая ихъ часть стояла праздно; по случаю военныхъ неудобствъ, ихъ рейсы прекратились. Компаніи, владѣющія этими пароходами, были въ дурномъ положеніи. О дивидендѣ не было и помина. О многихъ, и увѣ! чрезвычайно многихъ, недавно цвѣтущихъ предпріятіяхъ, слышалъ я то же самое. Тамъ гдѣ сама война создавала работу (напримѣръ по главнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, по оружейнымъ заводамъ и т. д.) въ деньгахъ никто не нуждался; но за этими немногими исключеніями, бѣдствіе тяготѣло надо всею промышленностью края. Люди не предавались отчаянію, даже не глядѣли печально; они были просто разорены въ концѣ. Но въ Соединенныхъ Штатахъ на это не глядятъ печально, по крайней мѣрѣ покуда разоренный человекъ имѣетъ

Вмѣстѣ кормить себя, въ ожиданіи новой дѣятельности. Такое положеніе не ново американскому дѣловому человѣку. Онъ наваль его и при мирѣ, и посреди полнаго спокойствія. Потому я думаю, и кажется не безъ основанія, что едва прератится война, здѣшняя промышленность воскреснетъ съ быстротою для насъ непонятною. Въ Штатахъ люди раззо- ялись всегда, никого этимъ не удивляя,—но надо сознаться, что въ этой странѣ денежная бѣда не есть еще бѣда невы- носимая. „Мы народъ живучій, насъ не легко пристукнуть,“ говорилъ мнѣ одинъ записной джентльменъ-землевлдѣлецъ. Хотя выраженіе не могло назваться элегантнымъ, но въ справедливости его я не сомнѣваюсь.“

Мы уже имѣли случай передавать читателю о той весьма характеристической разницѣ, которая существуетъ между Сѣверомъ и Западомъ Штатовъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Весьма естественно, что патриотическое чувство и здѣсь, и тамъ, высказывалось совершенно особливими проявленіями. Сѣверъ былъ щедрѣе на деньги чѣмъ на людей, хотя его населеніе, въ сравненіи съ рѣдкимъ населеніемъ Запада, могло бы легче выставить свободныхъ охотниковъ. Сѣверные жители, горячо сочувствуя войнѣ, были несравненно осмотрительнѣе западныхъ по части ея веденія. Принося жертвы, они явно выражали желаніе чтобы жертвы эти достигали своей цѣли. На Сѣверѣ не было того равнодушія къ общимъ правительственнымъ мѣрамъ, отъ котораго не могъ освободиться Западъ. Западъ терпѣлъ все, о политикѣ заботился мало, военныя злоупотребленія не волновали его; генераль Фремонтъ, любимое дитя Запада, оказывался совершеннымъ воромъ, и никто того не находилъ страннымъ. Сѣверъ уже начиналъ ревниво слѣдить за казнокрадствомъ, за колебаніями военной администраціи, за великими грѣхами корыстолюбивыхъ или неспособныхъ генераловъ. Онъ волновался при видѣ медленности приготовленій, и видѣлъ вялость властей даже тамъ, гдѣ ея не было, и въ своемъ юномъ стремленіи къ энергической власти заходилъ, какъ мы скоро увидимъ, до степени весьма опасной. Въ городахъ шли безпрестанные митинги, вызовы къ пожертвованіямъ. Первые литераторы Сѣвера читали лекціи о настоящемъ кризисѣ, и лекціи эти для публики составляли любимое развлеченіе. Какъ ни безнравственна американская

журналистика, но и она не вредила проявленіямъ патриотизма, хотя контроль, который могла бы имѣть печать надъ дѣлами (и особенно дѣлами военно-хозяйственными), былъ ослабленъ отчасти стѣсненіями со стороны властей, отчасти несвоевременно поднятыми вопросами внешней политики, а всего болѣе неспособностію самихъ публицистовъ.

„Только что прибывши въ Бостонъ (разказываетъ Троллопъ), я узналъ что мистеръ Эмерсонъ готовится дать въ Тримонтъ-Галлѣ чтеніе по поводу настоящей войны. Несмотря на все мое уваженіе къ заслугамъ и дарованіямъ оратора, я, признаюсь, имѣлъ предубѣжденіе противъ его лекціи. У насъ въ Англіи считаютъ Эмерсона слишкомъ трансцендентальнымъ и даже мистическимъ мыслителемъ. Въ настоящемъ вопросѣ философіи не требовалось. Нуженъ былъ тутъ простой здравый смыслъ, а огромное количество даровитыхъ Американцевъ показали, что именно въ здоровомъ смыслѣ они грѣшатъ, толкуя о настоящемъ кризисѣ. Сверхъ того, я боялся ежеминутныхъ восхваленій звѣзднаго знамени, и говорилъ себѣ, что это звѣздное знамя, окутанное туманомъ мистическаго платонизма, едва ли представитъ видъ очень привлекательный!

„Но я совершенно ошибся, и предубѣжденія мои не подтвердились. До трехъ тысячъ человекъ собрались слушать г. Эмерсона, и собрались не напрасно. Отъ начала до конца лекціи, слуха моего не коснулось ничего сроднаго платонизму: о звѣздномъ знамени ораторъ не упомянулъ ни разу. Объ американскомъ орлѣ онъ однако выразился такимъ образомъ: „Вашъ американскій орелъ,“ сказалъ онъ, „заслуживаетъ уваженія. Поддерживайте его вездѣ, дома и на чужбинѣ. *Но бойтесь и берегитесь американскаго павлина!*“ Съ замѣчательною простотою и правдою, мистеръ Эмерсонъ разказалъ о причинахъ, о началѣ и о ходѣ войны. Онъ считалъ дѣло Сѣвера дѣломъ правымъ и стоялъ за него, но высказалъ свое убѣжденіе безъ всякихъ громовыхъ и льстивыхъ фразъ, къ которымъ американскіе слушатели такъ привыкли. Несмотря на свои аболіціонистскія симпатіи, объ освобожденіи невольниковъ и вознагражденіи негровладельцевъ онъ говорилъ весьма немного, и я не могу не похвалить его за это, ибо по моему крайнему разумѣнію, люди вѣчно смѣшивающіе вопросъ освобожденія съ толками о настоящей войнѣ или не понимаютъ

на стоящаго положенія дѣлъ, или не хотятъ его видѣть. Говоря вообще, лекція была превосходная, и одинъ совѣтъ касательно американскаго павлина стоилъ часа, ею занятого...

„Въ Роксборо, одномъ изъ бостонскихъ предмѣстій, читалъ такого же рода лекцію мистеръ Эвереттъ, бывший когда-то уполномоченнымъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англiи. Его репутація, какъ оратора, очень велика, и дѣйствительно, по части голоса, приѣма, выбора словъ онъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Но сама лекція, отлично принятая слушателями, меня не удовлетворила. Нельзя было не примѣтить, что ораторъ, вмѣсто того чтобъ учить и вести за собой публику, самъ идетъ за нею, помышляя лишь объ угожденiи ея прихотямъ. Въ теченiи всей своей политической жизни онъ не былъ враждебенъ Югу. Въ теченiи осьми лѣтъ сильной борьбы, предшествовавшей избранiю Линкольна и разрыву Союза, онъ ничѣмъ не заявилъ своихъ сѣверныхъ тенденцiй. И вотъ теперь онъ ругаетъ Югъ и южные принципы съ азартомъ мальчика, новичка въ политической жизни. Онъ осыпаетъ позорными словами бѣдную Виргинiю, которая, по своему географическому положенiю, стоитъ между Сциллою и Харибдой, Виргинiю, которая все-таки дала Союзу Вашингтона, Джефферсона, Рандольфа и Матисона. Объ Англiи отзывался онъ какъ о несчастной, бѣдствующей странѣ, полной зависти къ Штатамъ и всегда готовой вовлечь Америку въ пучину бѣдствiй. Казалось бы, что проведя годы въ Англiи и считаясь знатокомъ исторiи, г. Эвереттъ могъ бы знать точно ли эта страна такъ несчастна и такъ враждебна Америкѣ? Но что жь дѣлать: Англiя была не въ модѣ, также какъ Виргинiя не въ милости у общественнаго мнѣнiя...

„Оставалось послушать лекцію и Вендель Филлипса, рьянаго аболiціониста и любимѣйшаго оратора въ Массачузетсѣ. Еще такъ недавно, во время его лекцiй по поводу невольничества, въ томъ же Бостонѣ, полицейская стража охраняла оратора отъ его же слушателей. Въ честности, постоянствѣ и сильныхъ убѣжденiяхъ г. Филлипса сомнѣваться невозможно. Въ одномъ надобно его упрекнуть и даже кольнуть непослѣдовательностью: въ старое время мистеръ Вендель Филлипсъ желалъ отдѣленiя южныхъ штатовъ и утверждалъ, что покуда Югъ соединенъ съ Сѣверомъ, прекращенiе невольничества невозможно. Теперь же онъ

требоваль поддержки Союза, во что бы ни стало, и немедленнаго освобожденія рабовъ рукою сѣверныхъ побѣдителей.

„Съ первыхъ словъ лекціи, мнѣ стало ясно, что мистеръ Филлипсъ не здоровъ и говорить черезъ силу; слушатели громко кричали ему, чтобъ онъ возвышалъ голосъ. Казалось, это должно было бы расположить меня къ сочувствію и снисхожденію, но я признаюсь въ противномъ. Доктрина оратора показалась мнѣ кровавою, незаконною и разрушительною. Онъ требоваль, чтобы конгрессъ и правительство немедленно объявили освобожденіе рабовъ, дабы Югъ и его сила погибли въ общемъ напорѣ бѣдствій. Онъ высказывалъ опасеніе, что Южане, пожелавъ, предупредятъ Сѣверъ, и пожелавъ, сами отъ себя примутъ мѣры къ освобожденію негровъ. Мнѣ повременамъ кажется, что нѣтъ существа болѣе ядовитаго и кровожаднаго какъ необузданный филантропъ, и въ особенности негрофиль между филантропами. Въ Южныхъ Штатахъ болѣе 4.000.000 негровъ, совершенно не подготовленныхъ къ свободѣ, неспособныхъ распоряжаться собою, съ потребностями ребятишекъ, со страстями взрослыхъ людей, съ невѣжествомъ дикаго племени. И ихъ-то мистеръ Филлипсъ желаетъ освободить безъ всякой постепенности, безъ всякихъ ограждающихъ спокойствіе мѣръ; мало того, онъ прямо желаетъ напустить ихъ на негровладѣльцевъ, хотя бы вслѣдствіе того они принялись избивать другъ друга и превратили бы весь край въ такое адское мѣсто, какому на землѣ не было подобнаго. Но конгрессъ, еслибъ и хотѣлъ, не можетъ совершить ничего подобнаго. По конституціи, всякое распоряженіе по части рабовъ предоставлено законодателямъ отдѣльныхъ штатовъ. Впрочемъ о такой мелочи думать не стоило. Повелѣніе президента и сила сѣверныхъ армій должны совершить дѣло освобожденія. Однако, какъ устроить жизнь этихъ четырехъ освобожденныхъ милліоновъ, и какъ оградить, среди нихъ, существованіе и интересы блага населенія,— по этому предмету мистеръ Филлипсъ не сообщалъ своихъ соображеній.“

На Западѣ, при его рѣдкомъ, поглощенномъ трудами населеніи, *видимой* патриотической агитаціи было немного. Но кто ближе вглядывался въ состояніе умовъ западныхъ гражданъ, тотъ неминуемо приходилъ къ убѣжденію, что такъ вести себя въ общемъ дѣлѣ могутъ лишь пионеры ци-

визація. Было много ребяческих увлеченій, неспособности распорядиться своими жертвами, довѣрія къ людямъ слишкомъ лоякимъ, или попросту безнравственнымъ. Аболиціонисты были убѣждены, что негровъ и освободить, и устроить можно въ самое короткое время. Мѣстные патриоты утверждали, что генералъ Фремонтъ равенъ Вашингтону и Наполеону I, слитымъ воедино. Зрѣлые люди вѣрили, что вся страна наполнена честными патриотами, такими же какъ они, и что при этомъ блаженномъ порядкѣ вещей генералы не могутъ оказаться неспособными, а подрядчики бездѣльниками. Но надъ всеми этими темными сторонами возвышался патриотизмъ безпредѣльный и трогательный, хотя чуждый всякой фразы. Житель Запада не любитъ политики, мы даже имѣли случай видѣть, что для него слово *politician* почти бранное слово. О вашингтонскихъ мудрецахъ и вашингтонскихъ канцеляріяхъ онъ думаетъ очень мало. Мало вмѣшиваясь въ хитрую политику, гражданинъ Запада любилъ свою родину, и сознавалъ необходимость защищать ея величіе. Жертвы приносились широко, просто, спокойно,—жертвы истинно огромныя, истинно тяжкія. Илиноисъ, изъ 1.700.000 населенія (480.000 рабочихъ людей по самому строгому разчету), обязался выставить 60 полковъ въ 1.000 человекъ каждый, а къ декабрю 1861 года уже выставилъ 46 полковъ изъ шестидесяти! Въ Индіанѣ, гдѣ мужчинъ годныхъ къ работѣ не насчитывается 350.000, тридцать шесть полковъ были уже сформированы и отправлены въ дѣйствующую армію! И какіе были эти люди, хотя не съ точки зрѣнія фронтовой, а съ точки зрѣнія общественной! Отцы семействъ, и семействъ достаточныхъ, шли на службу, сдавая свои сельскія занятія несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ. Молодежь стыдилась оставаться дома; здоровая, цвѣтущая, закаленная скваттерскою жизнью, она составляла цвѣтъ этихъ страныхъ полковъ, отправлявшихся Богъ вѣдаетъ куда, на неизвѣстныя случайности. Что влекло этихъ людей, которыхъ Троллоу справедливо называетъ „лучшею кровью каждаго штата?“ Содержаніе отъ казны? Но содержаніе американскаго солдата, хотя крайне щедрое, не выше поденной платы хорошаго рабочаго на Западѣ. Жажда новыхъ впечатлѣній?—да развѣ жизнь въ свѣжемъ, почти дѣвственномъ краѣ, не удовлетворяла этой жадѣ? Честолюбіе?—мы хорошо знаемъ, что лучший гражд.

давить Запада не только не гонится за публичною дѣятельностью, но если иногда принимает на себя какую-нибудь общественную должность, то не иначе какъ черезъ силу, въ видѣ непривлекательной обязанности, и то лишь на самые кратковременные сроки. Чѣмъ же, какъ не силою патриотизма?

Невозможно, безъ глубоко-почтительнаго чувства, пробѣгать тѣ страницы изъ Троллоповой книги, въ которыхъ онъ описываетъ свои встрѣчи съ западными волонтерами. „Около Лакросса, на верховьяхъ Миссисипи, рассказываетъ онъ на примѣръ, намъ пришлось остановиться на нѣсколько часовъ, потому что предназначенный для насъ пароходъ высаживалъ пѣхотный полкъ, привезенный имъ изъ Миннесоты.¹ Мы наблюдали за высадкою людей, благодаря ясно свѣтившей лунѣ и множеству факеловъ, горѣвшихъ около судовъ. Я вышелъ на набережную и все время простоялъ возлѣ помоста, глядя какъ каждый солдатъ оставаялъ пароходъ и двигался по направлению къ желѣзной дорогѣ. Люди были уже обмундированы и вооружены; они представляли массу славнаго народа, какую я когда-нибудь видывалъ. Одинъ взглядъ на нее достаточно показывалъ, что она значительно выше всякой тысячи людей наемныхъ въ Англіи—*выше*, говорю я, въ отношеніи къ общественному уровню, изъ котораго эти люди взяты. Для меня всегда печально видѣть человѣка сдѣлавшагося солдатомъ. Но въ нашей старой Европѣ, при ея густомъ населеніи и трудности жизни, можно размножить солдатъ безъ ущерба краю; здѣсь же, гдѣ всякая рука нужна, гдѣ всякій человѣкъ умѣющій ходить за плугомъ не имѣетъ цѣны нельзя безъ глубокаго чувства видѣть какъ какой-нибудь слабо населенный штатъ Миннесота, младенческая область съ огромною территоріей, шлетъ свою лучшую кровь на военное дѣло.

„И точно, то была лучшая кровь области. Одинъ за другимъ шли мимо меня эти рослые, здоровые, серіозные люди, еще не уходившіеся подъ неизбежно-строгаю дисциплиною, еще не сведенные ею подъ однообразный и безцвѣтный солдатскій уровень. Ихъ нельзя было и равнять съ новобранцами

¹ Въ штатѣ Миннесота считается 140.000 населенія и стало-быть не болѣе 40.000 людей годныхъ къ работѣ. Но и эта область не осталась позади другихъ по части волонтеровъ.

нашихъ странъ, и рекрутами, которыхъ военная служба часто спасаетъ отъ воровства и праздности. Между ними оказывались отцы семействъ, землевладѣльцы, люди прочнаго образованія, всѣ они были необходимы у себя дома; можетъ-быть во всей этой тысячѣ человѣкъ только три или четыре личности оказывались въ тягость своей родной области. Я находилъ лишь одинъ недостатокъ въ нихъ какъ въ воинахъ: возрастъ людей, взятый въ средней сложности, казался мнѣ слишкомъ зрѣлымъ. Между ними нерѣдко попадались люди съ сѣдвющими бородами, волонтеры тридцати, тридцати пяти и сорока лѣтъ отъ роду. Я убѣжденъ, что каждый изъ нихъ поднималъ оружіе изъ патриотическихъ побужденій. Конечно, тутъ примѣшались и личные побужденія, какъ у всѣхъ смертныхъ патриотовъ. Самъ Регуль, возвращаясь на вѣрную смерть въ Каррагенъ, имѣлъ въ виду, что какой-нибудь Горацій современемъ разкажетъ его исторію. И миннесотскіе воины не пренебрегали наградою; но награда ими ожидаемая принадлежить къ разряду самыхъ высокихъ.

„Горько было мнѣ раздумывать о томъ, сколько горя и разочарованія будетъ встрѣчено этими вольными воинами, при встрѣчѣ съ еще невѣдомою ими, необходимою военною дисциплиною. Видно было, что всѣ они имѣютъ лишь смутное понятіе о суровой, непривѣтливой сторонѣ военнаго званія. Въ начальникахъ своихъ они не ждутъ той строгости, безъ которой не бываетъ начальника. Ихъ понятіе о полководцѣ есть понятіе о предводителѣ драматическихъ бандитовъ, за которымъ должно слѣдовать какъ за вожакомъ, слѣдовать развязно и спокойно, безъ особенно напряженнаго вниманія.—Ну что, капитанъ? говорилъ при мнѣ одинъ солдатъ своему офицеру, сядясь въ вагонъ и вытягивая ноги на сосѣдную скамейку. И капитану это было непріятно, но простодушный солдатъ еще не давалъ себѣ труда сообразить, почему бы это могло казаться непріятнымъ капитану.

„Чуть только миннесотскій полкъ сошелъ съ парохода, мы вошли на его палубу и вступили въ свои владѣнія. Ваша каюта будетъ прибрана черезъ четверть часа, сказалъ намъ прапорщикъ; на пароходѣ было столько солдатъ, можетъ-быть кое-что и загрязнилось. Но по простествію четверти часа, войдя въ общую каюту, мы нашли во всемъ такой порядокъ, какъ будто бы пароходъ никогда и не занимался перевозкой солдатъ, и въ такомъ количествѣ.“

Намъ совершенно понятны симпатическія чувства Троллопа при встрѣчѣ съ этими благородными защитниками роднаго края; грустное чувство, къ нимъ примѣшивающееся, намъ еще понятнѣе. Увы! не одна однообразная и удушливая дисциплина ждала храбрыхъ стрѣлковъ Миннессоты на театрѣ военныхъ дѣйствій! Мы теперь знаемъ, что ждало ихъ, съ какими болѣзнями приходилось имъ бороться, подъ начальствомъ какихъ самонадѣянныхъ болвановъ пришлось имъ ходить на непріятеля, какіе безплодные тяжкіе бои выпали на ихъ долю, сколько честной крови должно было пролиться подъ Семервиллемъ, и подъ Макассоломъ, и подъ Фридериксбургомъ, и въ десяти кровавыхъ побоищахъ, не принесшихъ никакого результата! Много ли осталось строевыхъ людей изъ полка встрѣченнаго нашимъ туристомъ на набережной Миссисипи? Сколько новобранцевъ съ посѣдѣлыми бородами легло на кровавомъ полѣ, честно выплативъ долгъ свой родицѣ!

Менѣе свѣтло, но весьма замѣчательною стороною американскаго патриотизма могло назваться волненіе общественаго мнѣнія по поводу сношеній съ Европою и въ особенности по поводу спора съ Англіею о господахъ Масонъ и Слейделъ. Въ концѣ 1861 и началѣ 62 года граждане Соединенныхъ Штатовъ пылали негодованіемъ на всю Европу, преимущественно же на Францію и Англію. Они были озлоблены холодностію европейской политики, малымъ сочувствіемъ европейской литературы къ дѣлу сохраненія Союза, и болѣе всего дерзостію европейскихъ державъ, глядѣвшихъ на Югъ какъ на *воюющую* сторону, а не какъ на собраніе бездѣльниковъ, къ которому невозможно примѣнять никакихъ статей международнаго права. Озлобленіе было дѣйствительно велико; корень его гнѣзвился въ непомѣрномъ славоблюбіи Американцевъ, въ ихъ болѣзненной цекотливости ко всему что о нихъ думаетъ и говоритъ Европа. Соединенные Штаты столько дѣтъ удивляли старыи миръ своимъ безпримѣрнымъ благоденствіемъ! Ихъ просвѣщеніе такъ славилось всюду, ихъ государственный строй столько времени восхвалялся, ихъ прогрессъ казался безконечнымъ, ихъ спокойствіе незыблемымъ! И вотъ наступилъ кризисъ, съ скандальнымъ разрывомъ Союза, съ несостоятельностью правительства, съ плутовствомъ бывшаго президента, съ плохою арміею, съ негодными полководцами! Патриоты сознавали, что родина ихъ унижена, и

какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, срывали свое сердце на всѣхъ, кто радовался или оставался холоднымъ во время кризиса. Чего они хотѣли отъ Европы и какъ должна была Европа глядѣть на смуты въ Штатахъ, въ томъ сами патриоты не давали себѣ отчета. Еслибы всѣ Англичане растерзали свои одежды и усыпали свои головы пепломъ отъ горя по Америкѣ, это состраданіе, по всей вѣроятности, было бы принято за новое оскорбленіе. Еслибъ императоръ Наполеонъ предложилъ отправить корпусъ Французовъ для усмиренія Юга, весь край отвѣтилъ бы ему ругательствами. Униженное народное самолюбіе металось въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, и когда Англія начала требовать выдачи незаконно-арестованныхъ комиссаровъ, Масона и Слейделля, пароксизмъ ненависти дошелъ до такихъ размѣровъ, что результатомъ его могло произойти военное столкновеніе между Соединенными Штатами и ихъ бывшею метрополіей.

Не стоить слѣдить за разказами Троллопа, по поводу неприязненныхъ демонстрацій, вслѣдствіе спора нами упомянутого: у читателей вѣроятно еще не совсѣмъ выскользнули изъ памяти и оваціи капитану Вильксу, и ньюйоркскіе митинги, и воинственныя воззванія многихъ государственныхъ людей въ самомъ Вашингтонѣ, и яростныя филиппики американскихъ журналовъ. Все это было дико, несвоевременно и частью нелѣпо, но всѣмъ намъ памятно то, что разрѣшеніе вопроса обнаружило всѣ признаки настоящаго практическаго смысла. Несмотря на всѣ кажущіяся колебанія вашингтонскаго кабинета, онъ сдѣлалъ свою уступку и просто, и честно, а народъ, на время взволнованный и раздраженный, покорился необходимости безъ отчаянія и безъ ребяческихъ демонстрацій. Дѣло Масона и Слейделля, начавшееся такъ бурно, только утвердило доброе мнѣніе Европы о Соединенныхъ Штатахъ, и въ то же время ясно показало до какой степени опрометчивы тѣ политики Стараго Свѣта, которые, сидя у себя дома, судятъ обо всей массѣ Американцевъ по ихъ зазорнымъ журналамъ или по буйнымъ митингамъ городовъ, переполненныхъ населеніемъ.

Одною изъ главныхъ причинъ ненависти, съ которою Американцы 1862 года смотрѣли на Европу и въ особенности на Англію съ Франціей, необходимо признать ихъ малое знакомство съ государствами и политикою Стараго Свѣта. Если

мы, Европейцы, при нашей неусидчивости, любознательности и привычкѣ совать носъ въ чужія дѣла, такъ мало знаемъ о Соединенныхъ Штатахъ, то какъ же гражданину Соединенныхъ Штатовъ, при множествѣ дѣлъ у себя дома, при совершенномъ невмѣшательствѣ въ европейскую политику, имѣть ясное понятіе объ отдаленныхъ странахъ и ихъ политикѣ? Даже не ходя такъ далеко, и оставивъ Америку въ сторонѣ, развѣ и въ Европѣ мы ужъ такъ вѣрно оцѣниваемъ своихъ сосѣдей? У какого изъ самыхъ неглупыхъ Французовъ, напримѣръ, нѣтъ въ воображеніи своей собственной *французской* Англіи, съ потомками Питта и Кобура, съ парламентомъ, гдѣ куются цѣпи на всю вселенную, съ рынками, куда на веревкѣ водятъ продавать женщинъ, и съ аристократами, которые утромъ смотрятъ кулачный бой, а вечеромъ напиваются до изступленія? Смѣемъ спросить, та современная намъ Франція, про которую такъ усердно разказываетъ намъ большая часть русскихъ газетчиковъ, не похожа ли на настоящую Францію, такъ какъ, напримѣръ, Японія похожа на Индію? Попробуйте поговорить съ весьма начитаннымъ Италіянцемъ про Германію, онъ или откровенно сознается, что не знаетъ ея нисколько или наговоритъ вамъ забавнаго вздора. Припомнимъ наконецъ что печаталось въ лучшихъ иностранныхъ газетахъ за прошлое лѣто, по случаю петербургскихъ пожаровъ и дрянныхъ подметныхъ листковъ, въ то время показавшихся!

Тролопъ разказываетъ намъ, что граждане Соединенныхъ Штатовъ, не лишены образованія, называли королеву Викторію чудовищемъ деспотизма, жаждущимъ крови (а blood-thirsty tyrant). Это похоже на глупую остроу, точно также какъ приговоръ другаго Американца, сказанный ему же: „вы, Англичане, похожи на рабовъ, гордящихся своими цѣпами!“ Но помимо забавной стороны отзывовъ, въ нихъ видно простое незнаніе Европы, или вѣрнѣе, цѣлый рядъ предразсудковъ о томъ, что до сей поры для американскаго гражданина не имѣло прямого интереса. Житель Соединенныхъ Штатовъ, чуткій, ловкій, прозорливый во всемъ что касается его практической дѣятельности, ребячески простодушенъ въ дѣлахъ общихъ и сложныхъ. Онъ, напримѣръ, не вѣритъ въ благосостояніе и могущество Англіи, и до послѣднихъ годовъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что игрушечная милиція Соеди-

важныхъ Штатовъ можетъ сражаться съ тройнымъ количествомъ опытныхъ европейскихъ воиновъ. Отлично зная морское дѣло, какъ шкиперъ, арматоръ и строитель, онъ, тѣмъ не менѣе, всю жизнь свою былъ увѣренъ, что уставивъ свои купеческіе корабли пушками, можетъ въ полгода выдвинуть армаду сильнѣйшую чѣмъ всѣ флоты Европы. По его понятіямъ, первоклассныя европейскія державы не что иное, какъ собраніе промотавшихся, гнилыхъ, распадающихся странъ, вѣчно волнуемыхъ бунтами, вѣчно готовыхъ терзать одна другую. Понятія эти порождены отдаленіемъ, слишкомъ большою самоувѣренностію и всего болѣе недосугомъ думать о томъ, что не касается прямо своихъ дѣлъ. Серіозная литература еще такъ молода, что не можетъ сильно противоудѣствовать этимъ недостаткамъ; что же касается до журналистики, то эта великая сила, вмѣсто того чтобъ отрезвлять умы, въ Соединенныхъ Штатахъ лишь соудѣствуетъ распространенію всякихъ вредныхъ предразсудковъ.

На всѣхъ европейскихъ языкахъ было писано много худаго про американскую журналистику, но замѣтки Троллопа, при всей ихъ умѣренности, кажутся намъ злѣе многихъ самыхъ ядовитыхъ обличеній. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣятели періодической литературы (особливо ежедневной) почти что презираемы въ Соединенныхъ Штатахъ, и что лучшіе литераторы края, какъ, на примѣръ, Лонгфелло, Эмерсонъ, Готорнъ, Вендель, сочли бы униженіемъ своего званія имѣть какое-нибудь дѣло съ ними. Несмотря на то что въ Америкѣ, вслѣдствіе недостатка законовъ ограждающихъ литературную собственность, работать для журналовъ выгоднѣе чѣмъ писать книги, все талантливое и строго образованное уклоняется отъ періодической литературы. Въ Соединенныхъ Штатахъ, преимущественно на Сѣверѣ, газета есть предпріятіе чисто коммерческое, для котораго возможно бѣльшій доходъ есть единственная цѣль, оправдывающая всѣ средства. Но такъ какъ газета, даже удавшаяся, рѣдко приноситъ огромные барыши, да сверхъ того постоянно страдаетъ отъ конкуренціи, то и выходитъ, что за подобный промыселъ берутся лишь люди самые посредственные во всѣхъ отношеніяхъ. Постоянно страшась за свой доходъ, эти люди не имѣютъ никакой независимости ни передъ публикой, ни передъ правительствомъ въ

опасныя минуты (что весьма ясно высказалось при Ливкольтѣ удивительною угодливостію журналовъ). Для нихъ всѣ средства хороши, всѣ капризы читателя стоятъ поблажки, всѣ предразсудки заслуживаютъ уваженія. Ихъ газеты наполнены выдумками, скандалами, сплетнями, полемикой самаго кабацкого тона, но нѣтъ въ нихъ и тѣни той гражданской смелости, которая одна въ состояніи до нѣкоторой степени извинить рѣчь сашкомъ азартною. Съ предразсудками народа, съ его ребяческою заносчивостію, съ его ложными понятіями о политикѣ внѣшней и внутренней, эти газеты не вступали и не вступаютъ въ единоборство. Мелкій скандалъ и мелкая грязь—ихъ дѣло, но борьба съ ложью, повсемѣстно распространенною, можетъ лишь причинить ущербъ популярности, раздражить массы и, стало-быть, отбить покупателя. Передъ этимъ соображеніемъ меркнутъ всѣ остальные. Откуда бы ни пришла угроза матеріальному положенію журнала: отъ властей или отъ пьявой черни, отъ кружка аболиціонистовъ, или отъ защитниковъ рабства, руководители періодическаго изданія передъ этою угрозою могутъ лишь нѣмѣть и подличать.

V.

Нельзя сказать, чтобъ изображенія многочисленной, хотя очень еще юной арміи Соединенныхъ Штатовъ, въ ея строевомъ и походномъ видѣ, принадлежали къ лучшимъ мѣстамъ Троллоповой книги. Хотя военныя дѣйствія еще шли на разныхъ пунктахъ, однако нашъ авторъ не видалъ боевыхъ сценъ, въ противоположность извѣстному корреспонденту *Times* (г. Росселю), будто изъ-подъ земли появлявшемуся всюду, гдѣ только слышались выстрѣлы. Мало того, мистеръ Троллопъ, какъ всѣ Англичане среднихъ лѣтъ, молодость котораго прошла задолго до волонтерскаго движенія и рифль-маніи, сильно не расположенъ къ военному сословію. Ему не ловко посреди людей одѣтыхъ въ одинаковое платье; на вытянутый строй, вооруженный чѣмъ-то среднимъ между ружьемъ и пикою, онъ привыкъ глядѣть съ грустною проніей. Эти люди, такіе неловкіе и бесполезные, взяты отъ производительныхъ работъ и плуга. Они мерзнутъ и хвораютъ, изрѣдка занимаясь убиваніемъ другихъ людей, тогда какъ могли бы заняться чѣмъ-

нибудь болѣе здоровымъ и дѣльнымъ. Такой взглядъ можетъ быть имѣть свои хорошія стороны въ тиши кабинета, но посреди края, вовлеченнаго въ войну, въ лагерь боевыхъ отрядовъ онъ несовсѣмъ умѣстекъ, и во всякомъ случаѣ вредить наблюденіямъ. Подходя къ факту съ одною грустною проницей, непремѣнно просмотришь многое, что дается безъ труда жителю твердо рѣшившемуся дѣлать свое дѣло не справляясь ни съ какою философіей. Мы видѣли какъ свѣтло и сочувственно смотрѣлъ Гроллопъ на западныхъ патріотовъ, шедшихъ выручать отечество въ годину испытанія; но чуть эти патріоты добрались до главной квартиры, выучились маршировать и приняли нѣкоторое подобіе солдата, сочувствіе смѣняется нѣкоторою проницей. Все жалкое, нелѣпое или забавное вытягивается на первый планъ; ко многому, заслуживающему симпатіи, туристъ относится чуть не враждебно. „Происходилъ огромный парадъ, на которомъ убѣдился я лишь въ томъ, что генералъ Макъ Клелланъ ѣздитъ верхомъ не дурно“, и вотъ весь отзывъ о человѣкѣ, который, не заботясь о популярности, вынесъ на себѣ всѣ трудности по организаціи войска, поддержалъ духъ арміи, потрясенный жестокимъ разгромомъ, и умѣлъ остаться истинно честнымъ посреди грабежей, совершаемыхъ другими военными савонниками повсюду! Генералъ Диксъ, безъ пролитія крови обуздавшій мятежное движеніе въ Балтиморѣ, подвергается язвительнымъ шуткамъ, за то что поставилъ батарею на холмъ, командовавшемъ городомъ. „Этотъ холмъ какъ бы нарочно устроенъ для моихъ пушекъ, говоритъ генералъ Диксъ, и говоритъ это съ полнымъ убѣжденіемъ. Вообще всѣ генералы склонны думать, что когда они поставили толстыя пушки и угрожаютъ ими оробѣвшему городу, то само Провидѣніе видимо сочувствуетъ ихъ занятію. Для генерала утѣшителемъ тотъ фактъ, что какія-нибудь двѣсти тысячъ городскихъ жителей смиряются передъ дюжиной тяжелыхъ орудій. Признаюсь въ томъ, что не-раздѣлая подобнаго мѣшья, я не могъ сочувствовать удовольствію любезнаго генерала. Его колумбіады (коронады огромнаго калибра) въ моихъ глазахъ совершенно безобразны холмъ, на которомъ недавно еще стояли домики бѣдныхъ Балтиморцевъ. Чисто отдѣланные брустверы глядѣли совсѣмъ гадко, и отдавая всю дань уваженія энергіи генерала Дикса, я вовсе не радовался

его радости.“ Припомнивъ симпатію нашего туриста къ дѣлу сохраненія Союза и вообще къ патриотизму сѣверо-западныхъ штатовъ, поневолѣ спросишь: да что же наконецъ, по его мнѣнію, надо было дѣлать съ Балтиморой, гдѣ, какъ извѣстно, граждане южной партіи потѣшались стрѣльбой по проходившимъ войскамъ федеральной арміи?..

Къ счастью, Троллопъ по натурѣ своей слишкомъ правдивъ, да сверхъ того множество другихъ туристовъ и наблюдателей своими замѣтками за прошлый годъ даютъ сами полную возможность дополнять его уже черезчуръ неласковые разказы. Въ томъ что войско Соединенныхъ Штатовъ, за конецъ 1861 и начало 1862 года, не могло назваться образцовымъ, сомнѣваться невозможно. Что генералы были неопытны, хвастливы, мало талантливы и даже нечестны, это показали событія. Что люди хворали и умирали въ значительной пропорціи, это сказалось несомнѣнными цифрами. Что дисциплина прививалась плохо и что многіе полки имѣли видъ не грозный, а забавный, о томъ повѣдали намъ корреспонденты, иногда въ талантливыхъ, иногда въ утомительно вялыхъ очеркахъ. Но изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ явствуетъ, что при открытіи сильныхъ военныхъ дѣйствій, люди дрались хорошо, вели себя какъ честные воины при побѣдахъ и не теряли духа при жестокихъ пораженіяхъ. И лѣтняя, и зимняя кампаніи прошлаго года показали это. Въ рукахъ правительства болѣе соответствующаго порѣ кризиса, подъ начальствомъ полководцевъ привычныхъ и умно выбранныхъ, труды федеральнаго войска дали бы иные результаты, а оно само пострадало бы несравненно менѣе.

Если судить по книгамъ и цифрамъ, то покажется несомнѣннымъ, что американскій солдатъ настолько выше солдата европейскаго, насколько пограничный скваттеръ выше какого-нибудь ирландскаго голяка-земледѣльца. Воинъ Соединенныхъ Штатовъ пошелъ въ строй не поневолѣ, не изъ нужды, и очень часто, какъ мы имѣли случай видѣть, изъ побужденій патриотическихъ. Срокъ его службы коротокъ; здоровье его хорошо, потому что юность его прошла безъ голодныхъ дней, а если онъ жилъ на Западѣ, то и хорошо подготовленъ къ физическимъ трудностямъ. Содержаніе его на службѣ (дежежное) весьма значительно.¹ Довольствіе, какъ вещами

¹ Вотъ таблица жалованья по арміямъ Соединенныхъ Штатовъ:

такъ и пищею, можетъ назваться превосходнымъ. При низкой цѣнѣ на предметы первой потребности, солдатъ можетъ имѣть свое дополнительное хозяйство. Онъ не изнуренъ театральною стороною военнаго дѣла, не знаетъ мѣшкотной выправки и тому подобныхъ тонкостей. Наконецъ самая война все время ведется такъ что долгихъ походовъ и частыхъ форсированныхъ маршей ему почти не приходится дѣлать. А между тѣмъ несомнѣнно то, что даже и теперь, послѣ годовою, дорого стоящей практики, каждая отдѣльная часть федеральной арміи, начиная отъ полка (равнаго нашему батальйону) до большихъ самостоятельныхъ отрядовъ, несравненно ниже отдѣльной части самаго посредственнаго европейскаго войска, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ строевомъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніи.

Сознавъ необходимость войны и рѣшившись вести ее съ полною энергіей, правительство Соединенныхъ Штатовъ поступило отчасти такъ какъ поступалъ сенатъ Венеціи при подобныхъ случаяхъ, или какъ Англія дѣлала еще недавно, то есть, заготовило огромныя суммы, и стало разсыпать ихъ щедрою рукою, въ то же время пытаясь увѣрить себя, что одними деньгами все сдѣлаешь. Но Венеція знала гдѣ набирать наемныя войска, привычныя къ походной жизни; Англія имѣла въ своей арміи отличныя кадры, да сверхъ того не разъ вела войны всякаго рода. Ничѣмъ подобнымъ не могли похвалиться Соединенные Штаты. Ихъ постоянное войско до 1861 года не заключало въ себѣ и 10.000, да и тутъ бѣльшая его часть съ лучшими офицерами досталась въ удѣлъ южнымъ соперникамъ. Требовалось разомъ создать все, и создать въ огромныхъ размѣрахъ. Деньги сдѣлали многое. При всемъ патріотизмѣ населенія, безъ нихъ нельзя было и подумать о призваніи подъ знамена такихъ массъ занятаго и не знающаго бѣдности народа. Какъ ни благородно звѣздное знамя, но голодать и нуждаться подъ его сѣнью не многіе пошли бы охотно. То же

Генералъ-лейтенантъ имѣеть въ годъ	1.850 ф. стер.
Генералъ-майоръ — — — — —	1.150 — — —
Полковникъ — — — — —	530 — — —
Капитанъ — — — — —	300 — — —
2-й лейтенантъ — — — — —	245 — — —
Унтеръ-офицеръ — — — — —	отъ 48 до 34
Рядовой — — — — —	31 — — —

и съ высшими начальниками: люди наклонные къ военной службѣ пошли охотно, зная, что сами они голодать не будутъ и что семьи будущихъ героевъ нуждаться не останутъ. Нельзя сказать также, чтобъ относительно главной цѣли, на которую назначались ассигнуемыя средства, должнаго порядка не соблюдалось. Провиантъ и жалованье всегда почти доходило до солдата, медицинская часть не была забыта: чиновники-казнокрады тутъ не могли трудиться какъ желали бы, ибо въ противномъ случаѣ войско не воцѣремонилось бы разоидтись, а каша такимъ образомъ заваренной не разхлебала бы и самъ генералъ Фремонтъ. Итакъ можно сказать еще разъ, что деньги или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ не тратились напрасно. Но какія деньги могли дать арміи опытныхъ начальниковъ, полковыхъ и ротныхъ командировъ *умѣющихъ* заботиться о солдатѣ, врачей основательно знакомыхъ съ военно-медицинскою частью, интендантовъ и комиссіонеровъ сколько-нибудь подготовленныхъ къ своему дѣлу (не говоря уже о ихъ честности)? Если, въ составѣ арміи и нашлись люди, или приглядѣвшіеся къ военнымъ порядкамъ въ Европѣ, или имѣющіе призваніе къ такого рода занятіямъ; то такихъ лицъ было до крайности мало, и дѣятельность ихъ, которой, можетъ-быть, хватило бы на устройство одной дивизіи, совершенно затерялась вслѣдствіе огромности задачи, имъ доставшейся.

За первые мѣсяцы устройства федеральной арміи велось такъ, что солдаты каждаго полка сами выбирали своихъ офицеровъ, и хотя этотъ гибельный обычай былъ отмѣненъ въ послѣдствіи, однако успѣлъ принести свою долю вреда въ самое критическое время. Несправедливо думать, что лица получившія такимъ путемъ офицерское званіе, принадлежали къ разряду паутовъ или угодниковъ черни, напротивъ того, они могли назваться людьми честными и хорошими, но большая часть ихъ достоинствъ прямо противорѣчила роду ихъ службы. Ихъ выбрали за смиренный нравъ, за способность не вмѣшиваться въ чужія дѣла, за равнодушіе къ дисциплинѣ: солдату легко было жить съ ними, а между тѣмъ вышло такъ, что эта легкая жизнь сказалась рядомъ бѣдствій для солдата. Разъ принявши войну за необходимость, невозможно не принять вмѣстѣ съ тѣмъ строгости и даже кажущихся причудъ военной жизни, ибо всякое отъ нихъ отступленіе ве-

четь за собой немодерное возмездіе. Странно смотрѣть за взрослымъ человѣкомъ какъ за дитятей, требовать отъ него щеголеватости въ одеждѣ, стричь ему голову, взыскивать съ него за нечистоплотность, отшѣривать ему водку скупой рукой, и такъ даалѣе. Американскіе офицеры сочли себя въ правѣ уклониться отъ лишняго, повидимому, педанства, и опомнились только тогда, когда отсутствіе дисциплины въ ихъ частяхъ отозвалось большимъ горемъ¹. Пьянство развилось между людьми. Отъ неопытности пошли набожныя болѣзни, а за ними оспа, цынга и цѣлый рядъ медуговъ столь же губельныхъ. И что было всего грустнѣе, солдаты самаго лучшаго разбора никакъ не хотѣли видѣть, что въ дисциплинарныхъ мѣрахъ заключалось средство къ облегченію ихъ состоянія. На всѣ попытки подобнаго рода смотрѣли они враждебно. Бывшій поселеникъ Запада, всю свою молодость не заботившійся о чистотѣ бѣлья и вовсе оттого не хворавшій, никакъ не могъ понять, что при новой его жизни въ толпѣ людей такихъ какъ и онъ, нечистоплотность то же что зараза. Мануфактурный работникъ, съ дѣтства привыкшій пить крѣпкіе напитки безъ ущерба здоровью, при своей непрестанной работѣ, рѣшительно отказывался вѣрить, что обычное количество рома, при довольно праздной лагерной жизни, дѣлаетъ его и больнымъ, и пьянымъ. Самы начальники плохо понимали тотъ фактъ, что компактная масса людей, соединенныхъ съ военною цѣлю, должна, для своего физическаго благосостоянія, жить совсѣмъ не такъ какъ жили эти самые люди поодиночкѣ. Даже врачи, по недостатку военнаго навыка, не имѣли никакой прозорливости. Госпитали открывались въ мѣстностяхъ развивающихся лихорадку. Бараки устраивались по городамъ, гдѣ просторно живущіе жители не хворали, но гдѣ малѣйшее ихъ скопленіе на тѣсномъ пространствѣ зарождало эпидемію. Въ началѣ 1862 года болѣзни

¹ Полное равнодушіе къ полковымъ знаменамъ, даже въ полкахъ очень хорошо дравшихся, вполне характеризуетъ недостатокъ военнаго духа въ федеральной арміи. За дѣло, Южане генераловъ Ли и Джексона набрали столько непріятельскихъ знаменъ, что даже наконецъ перестали считать ихъ трофеями. Корреспондентъ *Блакеудскаго Магазина* видѣлъ ихъ груды, сваленныя безъ всякаго вниманія въ квартирѣ генерала Ли и тамъ лежавшія безъ надзора.

развились до того, что войска, стоявшія по баракамъ, несмотря на суровое время года, были изъ нихъ выведены и размѣщены по палаткамъ.

Наружный видъ федеральныхъ войскъ, по крайней мѣрѣ за зиму прошлаго года, не могъ назваться привлекательнымъ. Несмотря на прекрасную одежду и вооруженіе, люди глядѣли до крайности неопрятно. Больше всего безобразили солдатъ ихъ длинныя и нечесанныя волосы, космами падавшіе на воротнички. Высокіе сапоги были постоянно въ грязи, оружіе нечищено. Каждый полкъ, во время перехода или среди лагернаго бездѣйствія, казался собраніемъ пьяницъ, хотя и нельзя сказать чтобъ пьяныхъ людей было въ немъ дѣйствительно много. Но эти пьяные люди безпрепятственно шумѣли, заводили ссоры, вызывали своихъ сосѣдей на брань и увѣщанія, такъ что около напившагося война все шумѣло и само казалось нетрезвымъ. Кавалерія въ особенности глядѣла какъ собраніе бандитовъ, послѣ какой-нибудь весьма тягостной экспедиціи. По странной причудѣ высшаго начальства, полкъ федеральной конницы численностью превышалъ полкъ пѣхотный; въ кавалерійскомъ полку иногда состояло до 1.200 человекъ, цифра огромная, а принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, даже нецѣлая. Опытнѣйшій европейскій кавалеристъ затруднился бы начальствовать такою толпою людей, по большей части не умѣющихъ ѣздить верхомъ, не знающихъ какъ ходить за лошадью¹. Оттого, не взирая на малое занятіе для кавалеріи, ея лошади находились въ жалкомъ положеніи, на ея помощь въ дѣлѣ разчитывать было невозможно; о сравненіи же ея съ знаменитыми *ренджерами* Юга нельзя было и подумать безъ смѣха.

Разительный, но вовсе не радостный контрастъ съ этими некрасивыми массами неопытныхъ воиновъ, представляли нѣкоторые полки, сформированные, на первыхъ порахъ военной маніи, разными богатыми щеголями воинственнаго сорта. Люди всегда любятъ играть въ солдатику, а въ Соединен-

¹ Замѣчательно, что на Сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ верховая ѣзда для частныхъ людей самое непривычное занятіе, между тѣмъ какъ на Югѣ ее любятъ несравненно болѣе чѣмъ даже въ Англии. Въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ и т. д. богатые люди иногда любятъ править своими лошадьми въ экипажѣ, но верховыхъ лошадей никто не держитъ.

ныхъ Штатахъ, гдѣ для удовлетворенія этой страсти, существовала лишь нескладная милиція, забава казалась новою. Съ учрежденіемъ дѣйствующей арміи многимъ изъ бывшихъ милиціонеровъ показалось горькимъ оставаться безъ мундира; къ нимъ примкнули разные герои, не знающіе что дѣлать съ собою, и въ результатѣ оказались полки гарибальдійцевъ, вольныхъ стрѣлковъ и иныхъ любителей въ очень красивыхъ нарядахъ. Зуавы и ихъ оригинальный уборъ, въ особенности, плѣняли всякаго. Надо признаться, что выше обозначенныя военныя части отличались опрятностью, выправкой, видимою стройностью; во многихъ дѣло дѣлалось *con amore*... покуда оно не надоѣло самимъ играющимъ. Трудъ, предпринятый изъ щегольства безъ серіозной мысли, всегда наложить свою особливую печать на лица, имъ занявшіяся. Зуавы, гарибальдійцы и вольные стрѣлки не были популярны ни въ арміи, ни въ народѣ. Лѣтняя кампанія прошлаго года, и въ особенности несчастный походъ Пона показали, что довѣріе къ этимъ полкамъ не лишено было основанія.

Хозяйственныя злоупотребленія, какъ частныхъ начальниковъ, такъ и военныхъ администраторовъ въ Вашингтонѣ и провинціяхъ, начали раскрываться съ осени; къ концу же 1861 года обратились въ извѣстное всѣмъ зло, огромность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Пока армія (сравнительно говоря) была не велика, а ея потребности не такъ сложны, дѣла по ея снабженію и довольствію находились въ рукахъ людей, если не безукоризненно честныхъ, то по крайней мѣрѣ совѣстливыхъ и берегущихъ свое доброе имя. Вышнія правительственныя лица, неопытныя и мало пригодныя къ своему новому положенію, были ниже своей задачи и постоянно опускались съ каждымъ ея усложненіемъ. На первыхъ порахъ они хватались за дѣльныхъ людей, по возможности не давали хода интендантамъ и подрядчикамъ слишкомъ *ловкимъ*, въ западно-американскомъ смыслѣ этого слова. Но трудности росли, войска прибывали; дѣлыя арміи формировались вдаль отъ Вашингтона, на самыхъ разнообразныхъ пунктахъ. Пришлось обратиться къ людямъ *ловкимъ*, требуя отъ нихъ только одного, чтобъ они, не забывая себя, думали о нуждахъ солдата. Такъ всегда бываетъ, при тяжкихъ войнахъ, въ государствѣ бѣдномъ хорошими администраторами. За невозможностью контролиро-

вать отдаленныя операціи, многимъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ хозяйственная часть была отдана въ полное вѣдѣніе, а многіе изъ этихъ начальниковъ не имѣли даже тѣхъ качествъ, какими отличались вашингтонскіе правители. Системѣ грабежа, если можно такъ выразиться, предоставлено было полное самоуправленіе.

Мы знаемъ уже, что въ Америкѣ ловкихъ людей чрезвычайно много: самый американскій воръ, по выраженію одного туриста, втрое умнѣе чѣмъ нашъ, потому что онъ воруетъ не изъ-за куска хлѣба, стало-быть воруетъ крупнѣе, покойнѣе, обдуманнѣе, чѣмъ это дѣлается въ Европѣ. Американскіе казнокрады знали, съ какимъ начальствомъ, съ какимъ войскомъ и съ какимъ общественнымъ мнѣніемъ имѣютъ дѣло. Они не гнались за грошемъ, еще менѣе пытались украсть этотъ грошъ прямо у солдата, который сталъ бы самъ бунтовать и тѣмъ подвинулъ бы общественное мнѣніе на свою защиту. Можетъ-быть даже, щадя простаго воина, они, по своему, поступали патріотически. Но щадить казну, которая сама говоритъ: бери свою долю, только дѣлай дѣло, — щадить правительство, средства котораго неистощимы, щадить согражданъ, разжирѣвшихъ за столькіе годы полного благосостоянія, не намѣревались ловкіе командиры армій, интенданты и подрядчики. Безъ зазрѣнія совѣсти они организовали систему обмановъ самыхъ откровенныхъ и смѣлыхъ. Метода ихъ можетъ быть изображена въ двухъ словахъ: снабжать войско *estmз нужнымъ* для солдата, но брать съ правительства *taxitit* барыша для себя собственно; при поставкѣ же предметовъ не касающихся прямо солдатскаго благосостоянія воровать такъ какъ душа скажетъ. Такимъ образомъ, въ платьѣ, провіантѣ, палаткахъ и по части ихъ доброкачественности, все было довольно исправно. Съ вооруженіемъ, о которомъ солдатъ, конечно, не такъ много думаетъ, плутовали бойчѣе. Со скотомъ и обозомъ для перевозки тяжестей, съ приобрѣтеніемъ судовъ для перевозки войскъ, церемонились еще менѣе: пока войска стояли лагеремъ, въ чью голову приходила мысль сокрушаться объ обозѣ и гнилыхъ пароходахъ? ¹

¹ Въ видѣ иллюстраціи по всему сказанному, приводимъ изъ нашего автора два характеристическіе отрывка. Первый (о Бейтонскихъ казармахъ) гораздо безотраднѣе втораго, но если принять во вниманіе

За тѣмъ оставался еще источникъ доходовъ совершенно не касавшійся воинскаго комфорта, какъ напримѣръ суммы на возведеніе укрѣпленій, отставку орудій, наемъ людей для фортификаціонныхъ работъ или для перевозки разныхъ складовъ. Тутъ мошенничеству не было ни узды, ни предѣловъ. Вся эта грабительская дипломатія оказалась превосходною въ своемъ родѣ. Даже когда злоупотребленія были раскрыты, въ самую горячую пору ихъ преслѣдованія, общественное мнѣніе страны отнеслось къ нимъ безъ особеннаго негодованія. „Солдаты сыты и не жалуется,“ — такъ говорили даже люди благонамѣренные. „И комиссары, и подрядчики, и генералы, и агенты правительства, сэръ, все это народъ ловкій. За этимъ народомъ, сэръ, надо глядѣть въ оба глаза. Только высшія правительственныя лица у насъ не имѣютъ

безправственность, то второй ужаснѣе перваго. Въ одномъ случаѣ дѣло можетъ объясниться неумѣньемъ выбрать мѣсто для постройки и непривычкой къ условіямъ военной гигиены; въ другомъ не оказывается ничего кромѣ мерзкаго мошенничества.

„Въ Сентъ-Луисѣ я два раза ходилъ смотрѣть Бентонскія казармы, то есть собраніе деревянныхъ бараковъ, устроенное по распоряженію генерала Фремонта за чертой города, на открытой и невыразимо грязной мѣстности и, длиной въ полъ-мили. Бараки стоятъ въ двухъ длинныхъ рядахъ, а за каждымъ рядомъ идутъ временныя колюшны, кухни и т. д. Въ каждомъ баракѣ помѣщается до двухъ сотъ человѣкъ: ихъ койки составляютъ три этажа, и по четыре человѣка вмѣстѣ спятъ въ отведенномъ для нихъ пространствѣ. Воздухъ былъ гнусенъ превыше всякой возможности описанія. Никогда въ жизнь мою не посѣщалъ я мѣста до такой степени ужаснаго для глазъ и носа. Дорожка по лѣнѣ бараковъ была однимъ каналомъ грязи. Пространство между обоими рядами построекъ походило на стоячее болото, вода скопзилась по его влажной поверхности. Внутри бараковъ все смотрѣло грязно, солдаты перепачканы съ головы до ногъ. Всѣ воины волонтеры не блуждаютъ опрятностью, какъ и можно ожидать отъ толпы людей непривыкшихъ къ дисциплинѣ, контролю и усилекому вниманію къ собственной особѣ. Но положеніе солдатъ въ бентонскихъ баракахъ превосходило всѣ мои ожиданія по этой части. Люди были буквально окружены моремъ грязи, были вынуждены сидѣть и спать посреди заразной атмосферы. Во время нашего краткаго осмотра мы слышали нѣсколько печальнѣйшихъ исторій, о томъ какъ одинъ полкъ изъ тысячи человѣкъ потерялъ трюма, какъ дѣланы роты, постояли на этомъ мѣстѣ, такъ оказать исчезали въ строеномъ отхощеніи, какъ госпитали набиты сверху до низу людьми въ хоррадѣ... Большаго униженія человѣчества, какъ положеніе американскихъ солдатъ въ Бентонскихъ казармахъ, едва ли кому удастся видѣть...

ни ума, ни ловкости. На ихъ мѣствѣ, сэръ, Наполеонъ III велѣлъ бы повѣсить двухъ-трехъ воровъ, и все бы пришло въ порядокъ.“ Болѣе горячаго протеста противъ злоупотребленій граждане Соединенныхъ Штатовъ почти не заявляли.

Между тѣмъ дѣла тянулись по старому, а о томъ до какого состоянія они дошли, свидѣтельствуесть докладъ, сдѣланный Вашингтонской палатѣ представителей комитетомъ наряженнымъ ею для ревизіи контрактовъ заключенныхъ въ послѣднее время съ правительствомъ. Въ комитетѣ этомъ предсѣдательствовалъ нѣкто Викъ, человекъ очень способный, а члены его, какъ кажется, состояли изъ людей энергичныхъ и благонамѣренныхъ. Количество безобразныхъ продѣлокъ открытое за какіе-нибудь полгода времени, превышаетъ всякое вѣроятіе: малую и только самую вопіющую изъ часть передадимъ мы теперь читателямъ.

Комитетъ открылъ свои дѣйствія въ Нью-Йоркѣ, по поводу мошенничества съ пароходомъ „Катилана.“ Пароходъ этотъ былъ нанятъ на три мѣсяца, для перевозки войскъ и

„Въ городѣ Каирѣ, во время моего тамъ пребыванія, стоялъ цѣлымъ флотъ изъ тридцати восьми mortarныхъ плоскодонныхъ лодокъ, изъ которыхъ каждая обошлась правительству въ 1.700 ф. стер. Края каждой были обиты желѣзомъ и на каждой должно было помѣщаться по громадной mortarѣ. На зарядъ такой mortarы должно было идти 23 фунта пороху, и бомба, имѣ брошенная, пролетала двѣ или три мили, съ точностью падала куда слѣдовало. Представьте себѣ положеніе города, въ который пустятся палить всѣ тридцать восемь mortarъ съ такимъ количествомъ пороху: Содому и Гоморрѣ, по всей вѣроятности, приходилось бы много хуже!“

„Но когда мы пришли и поглядѣли на mortarныя суда, наше чувство страха передъ ихъ будущими подвигами очень ослабло, а удивленіе наше перешло на лодкаго подрядчика вызвавшагося построить ихъ. Впервыя лодки были такъ непрочны, что вода наполняла въ нихъ все пространство назначенное для пороху и снарядовъ. Изъ одной, предназначенной для опыта стрѣльбы, выкачали воду, а затѣмъ попытались повести ее по рѣкѣ, но несмотря на всѣ усилія, ничего не вышло,—лодка не могла справиться съ теченіемъ; хотя на ней еще не было mortarы, но она почти тонувала.“

„Вообще, печальное зрѣнище представляла эта несчастная флотилія лодокъ, тройнымъ рядомъ стоявшая около низменнаго, грязнаго, лѣсного берега рѣки Огайо. Несмотря на недавность постройки, все показывало упадокъ и безпорядки. Часть снастей, верелокъ, веселъ, принадлежавшихъ судамъ, была расхищена; на другихъ шлюпки оказывались украденными. По моему крайнему разумѣнію, огромная сумма, потраченная на эти mortarныя лодки, не принесетъ никакихъ результатовъ.“

провіанта, за 6.000 фунтовъ, считая по 2.000 въ мѣсяцъ. Сдѣлку придумалъ и заключилъ агентъ правительства, капитанъ Комстонъ. Комитетомъ было открыто, что почтенный капитанъ, не начиная переговоровъ о наймѣ, далъ знать о своемъ порученіи нѣсколькимъ пріятелиамъ, которые успѣшили купить „Катилину“ по весьма сходной цѣнѣ (4.000 фунтовъ) и затѣмъ вошли въ соглашеніе насчетъ его найма. Результатъ операціи весьма ясенъ: въ три мѣсяца компанія выручала назадъ издержанную ею сумму, получала въ добавокъ 2.000 фунтовъ, и пароходъ оставался за ней на вѣчное время. Въ дополненіе къ этой немногосложной исторіи слѣдуетъ добавить, что агентъ правительства Комстонъ никогда не служилъ въ морской службѣ, и если числится капитаномъ, то можетъ-быть по милиціонному списку, о морскомъ же и пароходномъ дѣлѣ не имѣлъ никакого понятія.

Другой агентъ правительства, нѣкто Стербокъ, пріѣхалъ покупать корабли въ Нью-Йоркѣ, гдѣ и безъ него находилось много служащихъ лицъ, которымъ правительство могло бы довѣрить ту же операцію, не тратясь на командированіе лишняго чиновника. Стербокъ началъ съ того, что купилъ два судна за 1.300 фунтовъ, какъ частный человекъ, и перепродалъ ихъ правительству за 2.900 фунтовъ. Корабли, по ихъ прибытіи къ мѣсту назначенія, оказались совершенно негодными. Гораздо важнѣе и скандальнѣе оказывалась исторія Джорджа Моргана, близкаго родственника г. Вельза, секретаря по морскому управленію. Джорджу Моргану, не имѣющему ни малѣйшихъ навигаціонныхъ познаній, была тоже поручена покупка кораблей, но въ такихъ размѣрахъ, что онъ за пять мѣсяцевъ заработалъ себѣ чистаго барыша слишкомъ 20.000 фунтовъ. Дѣла шли прекрасно, но имъ повредила покупка корабля „Американскія Звѣзды,“ стоившаго хозяевамъ 7.000 фунтовъ и проданнаго правительству за 11.000. На бѣду корабль принадлежалъ не отдѣльному лицу, а компаніи дольщиковъ. Президентъ компаніи, устроившій дѣло съ Морганомъ, требовалъ собственно себѣ особливаго вознагражденія; владѣльцамъ же предоставлялъ только 9.000 фунтовъ. Поднялась брань и распря. По какому праву вы берете себѣ двѣ тысячи фунтовъ? спрашивали дольщики своего президента. Тотъ отвѣчалъ имъ, что продажа судовъ правительственнымъ агентамъ не совершается безъ расходовъ, что кромѣ извѣстной доли Моргану, часть денегъ ушла,

въ Вашингтонъ, какъ подарокъ нѣсколькимъ членамъ конгресса. Газеты огласили дѣло, и слѣдственный комитетъ вступился. Онъ открылъ, что члены конгресса оклеветаны напрасно, но что Морганъ отъявленный воръ и что родственникъ его Вельзъ не имѣлъ права давать денежныхъ порученій такому лицу, хотя бы изъ-за одного того, что онъ находился съ нимъ въ родствѣ. Несмотря на заключеніе комитета, г. Вельзъ оставался секретаремъ морскихъ дѣлъ, въ то время когда печаталась книга Троллопа.

Исторія покупокъ, заготовленій и подрядовъ, совершенныхъ другомъ бывшаго секретаря военныхъ дѣлъ Камерона, мистеромъ Кеммингсомъ, очаровательна по какой-то юмористической распущенности, сообщающей самому грабежу нѣчто игривое. Кеммингсъ, когда-то издававшій газету въ Филадельфію, въ апрѣлѣ 1861 года, добылъ себѣ порученіе заготовить разныхъ вещей для потомакской арміи, на сумму въ 2.000.000 долларовъ. Не имѣя никакихъ военно-хозяйственныхъ познаній, да и по натурѣ своей принадлежа къ людямъ беззаботнымъ, нашъ агентъ началъ съ того, что завелъ себѣ писмоводителя и сдалъ ему часть дѣлъ, а писмоводитель, котораго онъ передъ тѣмъ вовсе не зналъ, оказался такимъ же воромъ и лживцемъ какъ его начальникъ. Прежде всего эти два достойные мужа заготовили на 5.000 ф. ст. бѣлыхъ панталонъ и соломенныхъ шляпъ не употреблявшихся въ арміи и потому бесполезныхъ. Затѣмъ они стали покупать корабли, сельдей, пиво, штуцера, лондонскій портеръ, башмаки, запасы сыра и пикелей, платя за все широкою рукою и не ведя никакой отчетности. Операциі совершались такъ, что объ осторожности не было и помину: напримѣръ, при покупкѣ 75.000 паръ башмаковъ, за каждую пару открыто былъ переданъ шиллингъ противъ цѣны обыкновенной у лучшихъ башмачниковъ. Когда началось слѣдствіе и комитетъ потребовалъ отъ Кеммингса обстоятельныхъ объясненій, отзывы шута поразили всѣхъ своею наивностію. „У Давидсона куплено разныхъ припасовъ на 2.000 фунт. или на какую-то сумму въ родѣ этого.“ Кеммингсъ не видалъ самъ купленныхъ предметовъ, „да еслибъ и видѣлъ, то все равно, потому что нельзя же ожидать въ немъ знатока по продовольственной части.“ Его писмоводитель видѣлъ купленное. При покупкѣ судна, оказавшагося негоднымъ, онъ былъ самъ, но машины не осматривалъ; хозяинъ

же парохода давалъ честное слово, что все обстоитъ въ порядкѣ.

Изъ огромной суммы отпущенной Кеммингсу на расходы, 28.000 фунт. были издержаны неизвѣстно куда, и ни самъ агентъ, ни его письмоводитель не могли дать даже приближительнаго отчета въ ихъ употребленіи. Но въ строгомъ смыслѣ слова почти всю ассигнованную сумму пришлось считать пропавшею, такъ какъ бѣольшая часть закупленныхъ предметовъ, по безполезности и недоброкачественности или пролежала безъ употребленія, или была сбыта за бездѣлюкѣ. Такъ на примѣръ часть штуцеровъ никуда не годныхъ попала чрезъ аукціонъ въ частныя руки. Покупатель велѣлъ ихъ подновить, слегка поправить, и давши взятку одному изъ агентовъ, снова продалъ штуцера правительству.

Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ былъ замѣшанъ нѣкто Стивенсъ, довѣренный человѣкъ и въ послѣдствіи адъютантъ генерала Фремонта, командовавшаго войсками въ Миссури. Читатели знаютъ что Фремонтъ герой Запада, одинъ изъ популярнѣйшихъ представителей своего края, любимецъ аболіціонистовъ, не разъ помышлявшій о президентствѣ. Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что при всѣхъ этихъ достоинствахъ, генералъ Фремонтъ еще и воръ какихъ мадо. „Западный человѣкъ, сэръ, не можетъ не быть ловкимъ.“ Но къ сожалѣнію Фремонтъ едва ли имѣетъ право зваться ловкимъ человѣкомъ. Онъ презираетъ всякую ловкость и какъ казнокрадъ отличался угрюмою откровенностью. Казначей которой-то изъ отдѣльныхъ воинскихъ командъ, ему подвѣдомственныхъ, попробовалъ отказать въ уплатѣ денегъ подрядчику, заготовившему негодныя вещи, но пользовавшемуся любовью генерала: Фремонтъ немедленно послалъ караулъ и держалъ казначея подъ арестомъ, пока деньги не были выплачены. Послѣ того какъ Стивенсъ купилъ подлые штуцера и подвергся публичнымъ обвиненіямъ, миссурійскій паша далъ ему почетное мѣсто въ своемъ штабѣ. Подрядчики вступавшіе съ Фремонтомъ въ сношенія, открыто дарили женѣ его кареты со всею упряжкою, а генераль-квартирмейстеру арміи серебряныя сервизы. Этотъ генераль-квартирмейстеръ, по имени Макъ-Интри, составилъ себѣ состояніе, скупая подъ рукой всякихъ, иногда плохихъ лошадей, а потомъ сбывая ихъ въ конные полки и артиллерійскія батареи. О томъ, что при этихъ операціяхъ и самъ

Фремонть имѣлъ свою долю выгоды, весьма легко догадаться, потому что нѣкоторыя изъ лицъ, въ нихъ замѣшанныхъ, принадлежали къ чиновникамъ его штаба.

Само собою разумѣется, что для военачальника, баллотировавшагося въ президенты республики, поставка какихъ-нибудь лошадей или штуцеровъ, съ ея посредственными выгодами, не могла назваться дѣломъ большой важности. Для доходовъ хорошихъ, генеральскихъ, генераль Фремонть имѣлъ постоянный источникъ въ возведеніи укрѣпленій. Едва прибывъ на мѣсто, герой Запада нашелъ нужныхъ построить десять фортовъ для защиты города Сентъ-Луиса хотя, по свидѣтельству лучшихъ офицеровъ его же арміи, въ фортахъ не предстояло никакой надобности. Первые пять фортовъ, за постройкой которыхъ наблюдалъ майоръ Кеппнеръ, какъ кажется человѣкъ достойный, обошлись въ 85.000 долларовъ: результатомъ этого слишкомъ скромнаго расхода вышло то, что Кеппнера устранили отъ порученія, достроить же остальные пять фортовъ довѣрили Калифорнцу Бедру, находившемуся въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Фремонту. Условіе было составлено такъ невыгодно для правительства, что Бердъ, еще не кончивъ работъ, перебралъ до полутора ста тысячъ долларовъ казенныхъ денегъ, почти вдвое противъ того что получилъ Кеппнеръ за работу несравненно значительнѣйшую и уже конченную. Вѣсть объ этомъ вопіющею грабежѣ дошла до Вашингтона, и Фремонть получилъ приказаніе остановить уплату остальныхъ 20.000 долл. требуемыхъ Бердомъ. На первыхъ порахъ Фремонть заупрямился, даже приказалъ квартирмейстеру удовлетворить подрядчика изъ первыхъ денегъ ассигнуемыхъ изъ столицы на военные потребности, но тотъ не рѣшился исполнить приказъ. Кажется, и этихъ фактовъ безстыдства слишкомъ довольно, но слѣдственный комитетъ открылъ нѣчто еще безстыднѣйшее. Люди, нанятые для работъ по возведенію укрѣпленій, получали слѣдовавшую имъ плату съ великою несправностью, потомъ перестали получать ее вовсе и потеряли такимъ образомъ до 50.000 долларовъ. Каждый день массы рабочихъ и ихъ семейства осаждали помѣщеніе агентовъ, подрядчика и военныхъ казначеевъ; но домогательства ихъ не имѣли никакого успѣха, между тѣмъ какъ Бердъ, нисколько не смущаясь жалобами обманутыхъ, продолжалъ получать деньги отъ начальника арміи и выполнять его порученія.

Слѣдственный комитетъ, вообще довольно сдержанный въ своемъ докладѣ, при изложеніи этой исторіи впадаетъ въ лиризмъ и называетъ Берда *всепожиряющимъ* (conrrogant Baird).

Таковы были грабежи и злоупотребленія по военной части, раскрытыя къ концу 1861 года. Обличеніе зла, и въ особенности комитетскій докладъ, о которомъ мы упоминали, сперва были встрѣчены горячо, какъ конгрессомъ, такъ и публикою; но по прошествіи недолгаго времени, общественное мнѣніе охладѣло къ вопросу, несмотря на его вопіющую важность; правительство выказавшее на первыхъ порахъ нѣкоторую энергію, отрѣшившее нѣсколько агентовъ, и даже принудившее ихъ къ возврату украденныхъ суммъ, перешло на старый путь, убѣдившись въ этомъ охлажденіи. Главнѣйшіе преступники остались на мѣстахъ. Фремонтъ не только не потерялъ должности, но, что гораздо печальнѣе, сохранилъ всю свою популярность¹. Дѣло Масона и Слейделля окончательно отвлекло всѣхъ и cadaго отъ борьбы съ казнокрадствомъ; а когда исторія „Трента“ затихла, даже благонамѣренные граждане стали проповѣдывать, что такъ какъ война (въ томъ не можетъ быть сомнѣнія) будетъ окончена чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то всего лучше будетъ отложить всѣ слѣдствія до ея окончанія.

Мѣсяцы прошли, и война не окончилась. Казнокрадство усилилось съ увеличеніемъ федеральной арміи, и никакихъ систематическихъ мѣръ къ его уменьшенію еще не послѣдовало. Если вѣрить газетамъ и свидѣтельству позднѣйшихъ путешественниковъ, грабители уже перестали щадить солдата или, по крайней-мѣрѣ, начали поступать съ нимъ безцеремоннѣе. Всѣ мы читали, и весьма недавно, о сапогахъ съ приклеенными подошвами, о куда негодныхъ медикаментахъ, о поставкахъ гнилой ветчины и другихъ операціяхъ въ этомъ родѣ. Правительство не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ язвы. Журналы молчатъ, общественное мнѣніе холодно попрежнему. Вотъ что прочли мы на дняхъ въ январской книжкѣ одного изъ лучшихъ англійскихъ журналовъ:

„Городъ Вашингтонъ (статья называется *Вашингтонъ и Ричмондъ за время послѣдней войны*) въ старое время не

¹ Въ послѣдствіи онъ лишился своего мѣста, но, какъ всакій знаетъ, совершенно по другимъ причинамъ, чисто политическимъ, вслѣдствіе своей извѣстной прокламаціи.

считался очень безнравственнымъ городомъ. Его правительственные лица большею частію имѣли репутацію людей честныхъ и безкорыстныхъ. Но съ войной пришли несмѣтные расходы на провіантъ, одежду, оружіе, корабли, перевозку вещей, — и по всей Америкѣ безчисленное количество рукъ потянулось за грабежомъ. Жадные, нечистые, хищные люди сплотились стѣною, и буквально повели осаду на военное и морское вѣдомство. Напрасно часовые отгоняли ихъ отъ дверей присутственныхъ мѣстъ, напрасно были запрещены личные переговоры секретарей съ ними. Толпы агентовъ, подрядчиковъ, проектеровъ, плутовъ-представителей каждаго штата, по своей многочисленности равнялись арміямъ. Ихъ не пугали угрозы, стыда они не вѣдали, цѣль имѣли они одну: грабить и набивать себѣ карманъ посреди общаго кризиса. Авантюрьеры всѣхъ родовъ интриговали, добываясь какого-нибудь контракта, начиная отъ мясниковъ ставившихъ запасы говядины въ отряды, до царей торговли, заготовлявшихъ канонерскія лодки, полевые батареи и мортиры чудовищныхъ размѣровъ. Бальзамировщики разчитывали на мертвыя тѣла. Изобрѣтатели заваливали арсеналь новыми штуцерами, палатками, ранцами, снарядами. Строители судовъ сбывали гнилыя суда, барышники—разбитыхъ клачъ. Ньюйоркцы плутовали на пароходахъ, Пенсильванцы на обуви, Коннектикутцы на партіяхъ попорченныхъ ружей. Изъ Огайо шла тощая скотина, изъ Иллиноиса хлѣбъ затхлый и подмоченный... Спекулировали на всемъ: на солдатскомъ жалованьи, на новыхъ ассигнаціяхъ, на пособіи вдовамъ и сиротамъ убитыхъ. Президенты желѣзныхъ дорогъ совѣщались о средствахъ содрать наибольшую плату за перевозъ войска и военныхъ припасовъ, медики наживались на медикаментахъ, и высшіе сановники края составляли себѣ состояніе посреди бѣдствій отечества....

„Добрый поселянинъ ¹, которому пришлось стоять во главѣ прав снія, съ горестью глядѣлъ на все это. Лично честный и безкорыстный, онъ не имѣлъ ни зоркости для того чтобы различать грѣхи подчиненныхъ, ни твердости, нужной для наказанія. Можно сказать, что никогда еще не появлялось болѣе благонамѣреннаго дѣятеля посреди болѣе несчастныхъ обстоятельствъ

¹ Абрагемъ Дилкольвъ.

Плуты обворовывали его самого, потѣшаясь его анекдотами. Жена его съ первыхъ дней стала не популярна; двое изъ ближайшихъ его сотрудниковъ по кабинету оказались или подозрительными или неспособными. При своей неловкой фигурѣ, способности разказывать смѣшныя вещи, онъ былъ довольно любимъ войсками, и ни одинъ гражданинъ не рѣшился бы упрекнуть его въ чемъ-нибудь нечестномъ. Но быстроты, достоинства, послѣдовательности въ немъ положительно не оказывалось....“

VI.

Какъ ни печально зрѣлище, представляемое военными дѣлами и военно-хозяйственными злоупотребленіями на Сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ населеніи его гнѣздилась язва еще не вполне развившаяся, еще не обозначившаяся со всею опредѣленностію. Нашъ авторъ былъ однимъ изъ первыхъ европейскихъ публицистовъ, ее подмѣтившихъ и указавшихъ на ея будущее развитіе. Съ весны прошлаго года болѣзнь усилилась въ быстрой прогрессіи и была указана десятками наблюдателей. Болѣзнь эта—жажда диктатуры и диктатуры военной, желѣзной, деспотической. Высшій кризисъ ея проявился настоящимъ лѣтомъ, когда генералъ Макъ-Клелланъ, на время устранинный отъ командованія потомакскою арміею, могъ бы разыграть въ Вашингтонѣ роль Кромвелля, опираясь на войско, доведенное до изступленія невзгодою любимаго начальника. Но Макъ-Клелланъ былъ слишкомъ честенъ для нарушенія конституціи, и въ то же время его военныя заслуги были не настолько блистательны, чтобъ ослѣпить общественное мнѣніе всего края. Поменѣе благородства въ одномъ человѣкѣ, да военная репутація въ родѣ Стонваль-Джаксоновской, и кто можетъ сказать, что осталось бы Американцамъ отъ конституціи, освященной именемъ Вашингтона?

„Худо законодательнымъ собраніямъ, около которыхъ, по сосѣдству, стоитъ тысячь двѣсти войска!“ восклицалъ Троллопъ еще въ началѣ 1862 года, послѣ одного изъ засѣданій конгресса. „Несмотря на раздраженіе противъ французской политики, говоритъ онъ же, Наполеонъ III,—герой Американцевъ, а французская военная форма и всѣ французскія повадки здѣсь повсюду прививаются.“ Наконецъ, въ третьемъ отрывкѣ

своего путешествія Троллопъ разказываетъ какъ въ конгрессѣ одинъ изъ представителей, не получая никакихъ объясненій на свои запросы относительно военныхъ дѣлъ, разсердился, затопалъ ногами, разлился въ горькихъ жалобахъ... и не возбудилъ ни въ комъ ни малѣйшаго сочувствія. Чѣмъ болѣе военныхъ силъ находилось на какой-нибудь данной мѣстности Сѣвера, тѣмъ холоднѣе оказывалось населеніе этой мѣстности къ дѣламъ конгресса, къ отгнѣнъ *habeas corpus*, къ деспотическимъ замашкамъ мистера Сьюарда, къ неприкосновенности основныхъ пунктовъ конституціи. Въ вашингтонскихъ кругахъ неуваженіе ко всѣмъ гарантіямъ народной свободы доходило до цинизма, высказывалось со щегольствомъ и назойливостію. „Къ чему вся эта болтовня?“ говорили посѣтителю засѣданій конгресса, выходя изъ Капитолія: „запаковать бы всѣхъ этихъ болтуновъ и отправить ихъ, каждаго въ свой штатъ обратно,“ добавляли Вашингтонцы посмѣиве. И разказы многихъ другихъ путешественниковъ, не одного Троллопа, свидѣтельствуютъ, что подобныя слова произносились даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, казалось бы, каждая буква конституціи должна была считаться за святыню. Сынъ знаменитой писательницы, извѣстной подъ псевдонимомъ Жоржа Санда, Морисъ, путешествуя по Соединеннымъ Штатамъ въ свитѣ принца Наполеона, приводитъ одинъ анекдотъ, истинно характеристическій. Дѣло происходило въ Вашингтонѣ, за обѣдомъ у президента, гдѣ, кромѣ принца и его спутниковъ, собрались первые сановники и генералы края. Морисъ Сандъ, пораженный умною наружностію одного невысокаго ростомъ и еще молодаго гостя, спросилъ о его имени у своего сосѣда, Американца. „Это генералъ Макъ-Келланъ, *нашъ будущій первый консулъ,*“ отвѣчалъ тотъ безъ всякой ироніи или скрытности.

Ближе всматриваясь въ сущность такого страннаго и необузданнаго влеченія свободныхъ гражданъ къ разрушенію самой основы своихъ свободныхъ учрежденій, мы можемъ открыть нѣкоторыя причины этого печальнаго явленія. Въ одной изъ предыдущихъ главъ было сказано, что населеніе Соединенныхъ Штатовъ привыкло, подобно Французамъ, цѣнить равенство гораздо выше чѣмъ политическую свободу. Политическая свобода до сей поры давалась Сѣверо-Американцу просто, безъ усилій, какъ солнце и какъ воздухъ. За эту свободу боролись лишь его прапрадѣды и

то не долго; ее взяли послѣ кратковременной войны, а не выстрадали рядомъ вѣковыхъ испытаній. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ всѣ законодательныя и административныя власти Соединенныхъ Штатовъ вели себя съ крайнею распущенностью. Со времени генерала Джаксона, ни одинъ президентъ не имѣлъ качествъ энергическаго государственнаго человѣка, а такъ какъ, по существующему обычаю, со всякимъ новымъ президентомъ на четыре года смѣняется вся администрація края, то легко можно себя представить, какимъ образомъ выборъ ничтожныхъ людей на первую государственную должность отзывался по всѣмъ отраслямъ управления. Вашингтонскій конгрессъ (то-есть сенатъ и палата представителей) за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ былъ далеко не тѣмъ мудрымъ, дѣльнымъ конгрессомъ, въ средѣ котораго когда-то отыскивалось все что только Америка имѣла лучшаго по части людей политическихъ. Множество причинъ повело къ упадку конгресса въ общественномъ мнѣнн, и изъ нихъ одна была пагубнѣе всѣхъ прочихъ: распря Сѣвера съ Югомъ. Распря эта вопервыхъ велась нечестно и неразумно, вовторыхъ она поглощала собою всю дѣятельность палатъ и отвлекала ее отъ другихъ интересовъ края, втретьихъ она плодила обычныя грѣхи партій, для которыхъ всѣ средства хороши, то-есть подкупы при выборахъ, угодничество въ лицахъ избираемыхъ, клеветы, ругательства и даже драки во время преній. Замѣчательно то, что сенаторы и представители Сѣверныхъ и Западныхъ Штатовъ уважались въ народѣ несравненно менѣе чѣмъ представители и сенаторы Юга, которые, какъ политическіе люди, выигрывали у общественнаго мнѣнія своими способностями, своею энергіею и своимъ единодушіемъ. Они составляли тѣсную фалангу, они обнаруживали знакомство съ дѣлами, они знали парламентскую тактику и почти всѣ дарованія были на ихъ сторонѣ. Когда, вслѣдствіе отложенія Юга, сенатъ и палата представителей остались при однихъ членахъ отъ Сѣвера и Запада, безцвѣтность конгресса дошла до послѣднихъ предѣловъ. Онъ, правда, не дѣлалъ ничего худаго; но за то не ознаменовалъ себя ничѣмъ что могло бы подходить къ потребностямъ смутной эпохи: ни заявленіемъ героическихъ чувствъ, ни энергическимъ преслѣдованіемъ злоупотребленій, ни даже нѣсколькими хорошими рѣчами изъ тѣхъ рѣчей, которыя, въ періодъ кризиса,

проносятся со свободной трибуны по всему краю, возбуждая народныя страсти. Надъ конгрессомъ ломался и глумился всякій желающій, отъ празднующево слушателей до статсъ-секретарей президента. Генералы не давали ему объясненій, которыхъ онъ требовалъ, начальники разныхъ ведомствъ не стѣснялись контролемъ его комитетовъ, и мало-по-малу неуваженіе къ законнымъ представителямъ страны замѣнилось неуваженіемъ къ самой идеѣ представительства.

Ко всѣмъ вышеизложеннымъ, горестнымъ для американской конституціи фактамъ, за послѣдніе мѣсяцы присоединилось новое и весьма опасное настроеніе общественнаго мнѣнія: Троллопъ не дождался этого поворота, который по свидѣтельству другихъ позднѣйшихъ туристовъ начался нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣ несчастной кампаніи генерала Попа. Успѣхи Южанъ превзошли всѣ ожиданія пессимистовъ; они были не только громадны, но романтически-блестательны, настолько блестятельны, чтобы неотразимо подѣйствовать на народную фантазію. Даже въ Европѣ, привычной ко всякаго рода военнымъ триумфаторамъ, величая фигура генерала Ли и оригинальная личность Каменной Стѣны Джексона стали популярны. Не смотря на упорство Сѣверянъ, несмотря на ихъ ненависть къ мятежникамъ, подвиги этихъ мятежниковъ были повсюду признаны. Югъ, малонаселенный и не богатый, нуждающійся въ оружіи, стѣсненный своими 4.000.000 невольниковъ, разгромилъ нѣсколько сѣверныхъ армій, вломился въ земли своихъ противниковъ и былъ на одинъ шагъ отъ полнаго торжества. Общественное мнѣніе Сѣвера спросило себя о причинѣ такого успѣха, и ему показалось, что сила заключается въ энергической центральной диктатурѣ, и вотъ всякій генералъ или политическій человѣкъ съ безцеремонными замашками сталъ его любимцемъ; оно начало искать своего перваго консула и нисколько не пряталось съ такою тенденціей. Генералъ Ботлеръ сталъ ему дорогъ за свои грубости въ Нью-Орлеансѣ, Борнсайдъ за его высококомѣрное обращеніе съ подчиненными, Попъ за рѣзкое самовольство; къ Макъ-Клееллану оно прилѣпилось на короткое время, но быстро охладѣло, убѣдясь окончательно въ его преданности конституціи.

Нужно ли говорить о томъ, до какой степени невѣренъ былъ взглядъ сѣверныхъ и западныхъ Американцевъ на причину успѣховъ Юга? Южное общество всегда отлича-

лось сильнымъ аристократическимъ элементомъ. Югъ воинственнѣе Сѣвера, и население его несравненно болѣе подготовлено къ брашному дѣлу. Еще во время мексиканской войны всѣ лучшіе полки и отдѣльныя военныя личности были даны Югомъ. Сѣверъ выдѣлываетъ хорошіе штуцера и нуждается въ стрѣлкахъ, Югъ наполненъ превосходными охотниками, и хотя ихъ винтовки не красивы, но тамъ рѣдкій человекъ не умѣетъ владѣть винтовкой. Сѣверная кавалерія представляетъ посмѣшище для туристовъ, тогда какъ *рейдъ-жеры* Южныхъ Штатовъ были въ свое время знаменитыхъ мексиканскихъ всадниковъ. Югъ наполненъ людьми привыкшими бродить и ѣздить по всякой мѣстности, ориентироваться въ лѣсахъ и пустыняхъ, повелѣвать другими людьми и въ случаѣ нужды, по недѣлямъ обходиться безъ комфорта европейской жизни. Наконецъ, и это весьма важное обстоятельство, южные джентльмены всегда любили серьезную военную службу, такъ что большинство офицеровъ регулярной арміи и лицъ обучавшихся въ Вестъ-Поинтской военной академіи, принадлежало къ ихъ классу. При разрывѣ всѣ они поступили подъ знамя возстанія, и даже увлекли многихъ товарищей сѣвернаго происхожденія.

Вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать причины успѣховъ южныхъ армій, и горько ошибаются тѣ граждане Сѣвера, которые полагаютъ, что диктатура дастъ имъ хорошую кавалерію, отличныхъ стрѣлковъ и колоновожатыхъ офицеровъ, умѣющихъ вести отряды, не наводя ихъ на свои же батареи, или не сбиваясь съ дороги подъ огнемъ непріятели. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что съ порабоженіемъ Сѣвера единой и энергической диктаторской власти произойдетъ нѣкоторое улучшеніе въ организаціи арміи, нѣкоторая остановка грабежей по всѣмъ вѣдомствамъ; но впервыхъ, отъ этихъ улучшеній еще весьма далеко до военного успѣха, а вовторыхъ,—кто въ состояніи сказать, что установленіе диктатуры не повлечетъ за собой ряда бѣдствій, передъ которыми поблѣднѣютъ всѣ катастрофы, распри и кровопролитія, нынѣ ужасающія всѣхъ друзей американскаго народа?

И тутъ-то намъ слѣдуетъ припомнить, что такъ-называемый Сѣверъ Соединенныхъ Штатовъ не есть собственно Сѣверъ, и никакъ не представляетъ собою одной единодушной массы гражданъ, одинаковыхъ и въ добрѣ, и въ злѣ, и въ политическихъ влеченіяхъ. Еслибы даже настоящій Сѣверъ сталъ

какъ одинъ человекъ за диктатуру, то Западъ, по всему вѣроятію, не подчинится его рѣшеніямъ, и не преклонится передъ произволомъ какого-нибудь властолюбиваго солдата. Можетъ-быть, онъ смолчитъ въ первые дни переворота, можетъ-быть надежда на быстрое окончаніе войны съ Югомъ сдержитъ Западъ на короткое время, но даже и этого ждать трудно. Западный гражданинъ, повидимому, равнодушенъ къ дѣламъ внутренней политики; устройтъ свое самоуправленіе въ каждомъ штатѣ, онъ какъ будто *мирно покоится на лонѣ кроткаго безвластія*, но очень можетъ быть, что эта-то самая привычка къ кроткому безвластію вынудитъ его дагъ отчаянный отпоръ всему что походить на диктатуру. А въ томъ, что Западъ умѣетъ отстаивать свои права и даже свои симпатіи, достаточно доказано и ходомъ вопроса о невольничествѣ, и патриотизмомъ западнаго населенія въ настоящемъ кризисѣ.

Диктатура въ Сѣверной Америкѣ, по убѣжденію здравомыслящихъ людей, ввергнетъ ее въ пучину жестокихъ внутреннихъ потрясеній. Съ провозглашеніемъ диктатуры произойдетъ новое отпаденіе, ужаснѣйшее чѣмъ отпаденіе Юга; нарушеніе конституціи будетъ сигналомъ разрыва, передъ которымъ настоящій разрывъ Сѣвера съ Югомъ покажется второстепеннымъ бѣдствіемъ. Страшно подумать о томъ, къ какимъ результатамъ приведетъ новая распря между братьями, и какія дѣла придется увидѣть свѣту, когда новый диктаторъ опираясь на свое полумилліонное войско, захочетъ удержать въ повиновеніи *меньшинство* западныхъ упрямецевъ!

Мы вѣримъ въ патриотизмъ и судьбы Американскаго народа. Но за ближайшее будущее ручаться трудно...

А. ДРУЖИНИНЪ.

ЗАМѢТКИ

О ВОЛЬНОНАЕМНОМЪ ТРУДѢ

НА АМУРѢ

„Если мой читатель еще менѣ меня опытенъ въ земледѣліи, то я порадоюсь возможности быть ему хотя сколько-нибудь полезнымъ, крикнувъ въ потьмахъ: тутъ яма, держи правѣй, я уже въ ней побывалъ; а если онъ самъ дока, то ему и книги въ руки. И я съ особенною радостію и жаждою стану слушать его совѣты.“

„Фетъ.“

Вотъ уже два года я занимаюсь сельскимъ хозяйствомъ на Амурѣ при посредствѣ вольнонаемныхъ рабочихъ. Можетъ-быть кому-нибудь будетъ не безынтересно узнать, какъ началось и какъ ведется подобное хозяйство въ странѣ отдаленной, мало населенной и мало извѣстной. А потому я разкажу о ходѣ моего дѣла сначала.

Вѣсть о приобрѣтеніи Амура и заключеніи айрунскаго трактата застала меня юнымъ кандидатомъ одного изъ нашихъ университетовъ. Давно я имѣлъ стремленіе заняться, болѣе или менѣ рациональнымъ образомъ, сельскимъ хозяйствомъ, и уже искалъ себѣ въ Малороссіи пункта, на который бы можно было обратить мои агрономическія стремленія. Богатство амурскихъ непочатыхъ земель, новыя отношенія, которыя должны были образоваться тамъ влѣдетвіе особеннаго

положенія края, обширность представлявшагося тамъ поприща дѣятельности, все это дало теперешнее направленіе моимъ планамъ.

Сельско-промышленная дѣятельность представлялась ближайшею, насущною потребностію края. Поэтому взять на Амурѣ землю, и устроить, въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, сельско-хозяйственную ферму, по возможности на рациональныхъ началахъ, было мое послѣднее рѣшеніе.

Въ началѣ 1861 г. планы мои начали осуществляться. Въ Амурской области, между станицами Екатерино-Никольскою и Пузиновскою, предоставленъ мнѣ былъ участокъ земли въ количествѣ четырнадцати верстъ длиннику, по направленію отъ берега Амура въ глубь страны, и двухъ верстъ поперечнику. Относительно владѣнія этою землею я обязался подчиниться въ послѣдствіи всѣмъ правиламъ, какія будутъ постановлены въ законодательномъ порядкѣ для амурскихъ земель.

Въ станицѣ Екатерино - Никольской приобрѣтенъ былъ мною домъ, 35 рабочихъ быковъ и двѣ лошади. Для указанія мнѣ въ натурѣ и снятія на планъ означеннаго участка земли командированъ былъ начальствомъ Амурской области топографъ.

При этомъ считаю не лишнимъ сдѣлать небольшую оговорку. Читателя можетъ-быть удивить громадность отведеннаго мнѣ участка, но если онъ узнаетъ причины, по которымъ я желаю этого, то, полагаю, онъ не будетъ удивляться. Земля въ той мѣстности, да и вообще почти всѣ прибрежныя земли Амурской области, покрыты рѣдкольсьемъ изъ дупленатаго дуба и черной березы, а также дубовымъ, березовымъ, яриковымъ, таловымъ и орѣховымъ частымъ кустарникомъ (по нашему щеткой). Гдѣ нѣтъ дуба, березы и означеннаго кустарника, тамъ, за исключеніемъ лѣсистого-гористаго побережья верхней части Амура, прибрежныя земли болѣе или менѣе болотистаго строенія. Поэтому извѣстныя мнѣ прибрежныя амурскія земли, безъ громадныхъ средствъ, по моему мнѣнію, не доступны для сплошной, по возможности, обработки. При обыкновенныхъ же средствахъ подъ пашни приходится выбирать клочки земли или совершенно чистыя, или по крайней мѣрѣ покрытыя орѣшникомъ. Казаки обыкновенно отыскиваютъ для пашень чистыя мѣста (большею частію низменности, отчего во время наводненія 1861 года подобныя пашни и были затоплены), и распахиваютъ ихъ сохой на трехъ, а иногда

на двухъ лошадяхъ. Если же семейство казака болѣе или менѣе многолюдно, то оны ищеть мѣсть не очень часто покрытыхъ щеткою (кустарникомъ) и, выходя цѣлою семьей, вырубаеть щетку съ корнями, и тогда уже распахиваеть землю сохой, двумя-тремя лошадыми. Операція эта возможна только для казака, которому требуется всего 1—2 десятины, и въ семействѣ котораго найдется для этого, пять, шесть даровыхъ работниковъ, но недоступна для хозяина работающаго наемными людьми. Ему нужно десятки десятинъ, а у него всего какихъ-нибудь десять-двѣнадцать человѣкъ рабочихъ. Кромѣ того, наемный рабочій рѣдко будетъ работать такъ же усердно, какъ самъ хозяинъ, его сынъ или братъ.

Изъ сказаннаго выше о нашихъ земляхъ, легко сообразить, много ли въ моемъ повидимому огромномъ участкѣ могло оказаться на первые трудные годы мѣсть удобныхъ для распашки обыкновенными, а не чрезвычайными средствами. Правда, я могъ выбрать изъ этого участка нѣсколько небольшихъ клочковъ земли, годныхъ для распашки, и просить объ отводѣ только ихъ; но вѣдь изъ этого могла выйдти чрезполосность вредная въ Россіи, а тѣмъ болѣе вредная для меня, по случаю сосѣдства съ лицами военнаго вѣдомства, состоящими на особенномъ положеніи. А еслибы я взялъ одинъ участокъ, напримѣръ хоть въ 200 десятинъ, то это значило бы ограничиться небольшимъ и отказаться отъ возможности постепенно расширять ходъ своего дѣла, между тѣмъ какъ средства мои могли годъ отъ году все болѣе и болѣе увеличиваться. Изъ двухсотъ десятинъ годной для распашки обыкновенными средствами, земли оказалось бы ни въ какомъ случаѣ не болѣе ста десятинъ и то, разумѣется, вразбросъ. Остальныя 100 десятинъ пришлось бы оставить подъ усадьбу, сѣнокосъ (еслибы таковой оказался, а могло и не оказаться—что тогда?), выгонъ и т. д. Въ два-три года, какъ дѣйствительно и случилось ¹, я распахалъ бы тѣ 100 удобныхъ десятинъ и захотѣлъ бы прибавить пашни еще 100—200, а можетъ и болѣе десятинъ изъ смежныхъ земель. Но могло случиться, что въ эти два-три года частные переселенцы разобрали бы смежныя съ моимъ участкомъ земли подъ свои хозяйства, или казаки распахали бы на нихъ свои пашни, да еще

¹ Въ теченіи 1861—62 года мною распахано 100 десятинъ.

и въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пришлось бы брать земаю или здѣсь, что повело бы къ чрезполосности, или въ другомъ мѣстѣ, слѣдствіемъ чего были бы, кромѣ чрезполосности, еще разныя другія невыгоды въ хозяйственномъ отношеніи.

Въ ожиданіи топографа, я отправился внизъ по станицамъ до Михайло - Семеновскаго, чтобъ оповѣстить по пути о моемъ желаніи нанимать рабочихъ помѣсячно и погодно. Былъ вечеръ 2-го марта. Изъ станицы Екатерино-Никольской повезли меня на парѣ очередныхъ лошадей въ телѣгѣ съ такими прорѣхами и дырами, что по пріѣздѣ въ станицу Пузиновку я не нашелъ въ ней и половины взятыхъ съ собою вещей. Будучи вполне увѣренъ, что вещи будутъ найдены казаками и возвращены мнѣ, я не останавливался, и перемѣнивъ лошадей, поѣхалъ далѣе. Перемѣняя въ каждой станицѣ лошадей и телѣги, я на другой день къ вечеру пріѣхалъ въ станицу Дежневу. Передъ этою станицей, на устьѣ Дежневской рѣчки, случилась небольшая остановка: хотя Амуръ еще стоялъ, но рѣчка немного выше устья вскрылась, вода подъѣла амурскій ледъ, и мы на разстояніи полуверсты должны были вести лошадей съ телѣгой шагомъ. До слѣдующей станицы Кукелевой меня везли въ телѣгѣ, а отсюда до Михайло-Семеновска надобно было ѣхать въ саняхъ, потому что по дорогѣ, хотя и не вездѣ, лежалъ слой снѣгу вершка въ три. Обратный путь мой не былъ такъ удаченъ, потому что были послѣдніе дни масляницы и казаки гуляли. Незадолго передъ тѣмъ розданъ былъ по станицамъ порціонный спиртъ, а потому въ нѣкоторыхъ станицахъ я съ трудомъ, послѣ долгаго ожиданія, могъ найти лошадей, потому что не оказывалось ни одной взрослой души трезвой.

Въ одной станицѣ, въ избѣ старшаго, куда я заѣхалъ, я нашелъ цѣлую толпу пьяныхъ людей, обратившихся ко мнѣ съ слѣдующими воззваніями:

— Скажите намъ, ваше благородіе, что съ нами будетъ? За что казаки зовутъ насъ варнаками? развѣ мы варнаки? ¹

Сначала я удивился и отчасти испугался, такъ какъ воззванія эти посыпались на меня неожиданно, чуть только я вошелъ въ избу, но потомъ, осмотрѣвшись и сообразивши,

¹ Негодяй, каторжникъ.

что то были перечисленные въ казаки гарнизонные солдаты, я началъ убѣждать ихъ, что никто не считаетъ ихъ варнаками, что казаки глупо дѣлаютъ если называютъ ихъ такъ, и что они такіе же казаки какъ и тѣ, которые переселены на Амуръ изъ Забайкалья.

— Да почему же казачки замужъ за насъ нейдутъ? снова слышались голоса холостыхъ гулякъ.

Я кое-какъ убѣдилъ ихъ, что это происходитъ не отъ пренебреженія къ нимъ, что они всѣ молоды, а отъ укоренившагося между казаками обычая выдавать своихъ дочерей за земляковъ, точно также переселившихся изъ Забайкалья какъ и они. За тѣмъ я постарался свести разговоръ на то, что я чиновникъ не служащій, на ихъ дѣла вліянія никакого не имѣю, что я, напротивъ, занимаюсь хлѣбопашествомъ, что мнѣ-де нужны рабочіе, что не найдется ли, молъ, изъ нихъ кто-нибудь, и что если кто пожелаетъ, то приходилъ бы ко мнѣ въ Никольскъ порядиться. Солдаты сначала удивились, потомъ пораспросивъ меня о дѣлѣ подробнѣе, обѣщали подумать.

По возвращеніи домой, я засталъ у себя нѣсколько человѣкъ желавшихъ наняться. Это были тѣ же вновь перечисленные казаки; но они сами иначе не зовутъ себя какъ солдатами, въ отличіе отъ казаковъ, забайкальскихъ переселенцевъ, и я буду называть ихъ солдатами.

— Какъ тебя братецъ зовутъ? спрашиваю я перваго.

— Семенъ Вуколюкъ.

— Какой губерніи?

Онъ назвалъ одну изъ юго-западныхъ губерній Россіи.

— Чтò же ты, братъ, умѣешь дѣлать?

— Все чтò по домашности нужно, чтò заставите.

— Ну, а пахать плугомъ на быкахъ, боронить, сѣять, косить можешь?

— Ничего; могу и пахать, и косить, и сѣять.

— А мастерства никакого не знаешь? Пилить по крайней мѣрѣ умѣешь?

— Нѣтъ, мастерства никакого не знаю, и пилить не могу.

Нужно сказать что почти всѣ эти солдаты, прежде чѣмъ отправлены были на Амуръ, прожили зиму въ Срѣтенской гавани на казенныхъ судостроительныхъ работахъ, гдѣ ихъ почти всѣхъ выучили пилить; но они рѣдко признаются въ умѣньи пилить, потому ли что эта работа тяжела, или потому

что пилка напоминаетъ имъ не вполнѣ пріятное житье въ Срѣтенскѣ, въ ожиданіи отправленія на Амуръ.

— Ну какъ же ты, на мѣсяцъ или на годъ, занимаешься?

— Да сначала хоть на мѣсяцъ, а тамъ проживу, посмотрю, можетъ и въ годъ наймусь.

— Ладно, братъ; ну сколько же ты хочешь жалованья въ мѣсяцъ?

— Да мы слышали, что даете по десяти рублей въ мѣсяцъ и провіанту сколько съѣшь.

— Впервыхъ не по десяти а по девяти руб., а восторыхъ провіантъ вамъ будетъ такой же какъ въ казнѣ, только мяса вамъ будутъ давать не 7½, а 30 фунтовъ въ мѣсяцъ.

— Нѣтъ ужъ коли хлѣба не волю, такъ я служить не могу, отвѣчалъ мнѣ рѣшительно Вуколюкъ.

— Мы служивали и у полковниковъ, и у генераловъ, сказали другой занимающійся,—и знаемъ какъ служить. Какъ вы говорите, такъ нельзя служить.

Вѣроятно, онъ упомянулъ о полковникахъ и генералахъ, съ цѣлью поднять въ моихъ малочиновныхъ глазахъ цѣну своей службы, или авторитетомъ такихъ высокихъ лицъ убѣдить меня въ томъ что рабочимъ нужно давать провіанта, столько, сколько имъ угодно будетъ брать; но служившій у полковниковъ и генераловъ ошибся въ своемъ разчетѣ. Онъ напротивъ навелъ меня на ту мысль, что человѣкъ терпѣлся на кухняхъ у полковниковъ и генераловъ, вѣроятно, приобрѣлъ привычки не подходящія къ рабочему полевому, хлѣбопашцу.

Съ господиномъ служившимъ у полковниковъ и генераловъ я не сталъ продолжать разговора. Съ Вуколюкомъ же порядился за 9 руб. въ мѣсяцъ и за дачу хлѣба въ такомъ количествѣ, какое онъ съѣстъ. Тутъ же нанялъ я еще человѣка семь: шесть солдатъ и одного казака по 8, 9 и 10 руб. въ мѣсяцъ. По 10 руб. нанялись три человѣка: казакъ-плотникъ и два солдата, назвавшіеся одинъ плотникомъ, другой столяромъ.

Къ 1-му марта прибылъ топографъ, и дня черезъ два мы отправились межевать. Участокъ мой долженъ былъ начаться отъ Амура въ трехъ верстахъ выше станицы Пузино, и идти на пятнадцать верстъ въ глубь страны, имѣя въ поперечникѣ на разстояніи одной версты сто сажень, а далѣе двѣ версты.

Пріѣхавъ въ станицу Пузино, взяли понятыхъ и объявили предписаніе начальства. Казаки подняли страшный говоръ и ропоть: „у насъ отнимутъ мохъ“ (въ мой участокъ

входила небольшая часть моховаго болота); „у насъ не будетъ бѣлаго березника, нечѣмъ будетъ дворы городить,“ и т. д. Послѣ увидимъ, насколько справедливы были жалобы казакѣ относительно моху и березника, а теперь скажу о землѣ. Въ станицѣ Пузино было всего около пятидесяти казачьихъ семействъ; земли же оставалось, сверхъ отведеннаго мнѣ участка, вверхъ отъ станицы три версты длины, внизъ по Амuru двадцать верстъ до слѣдующей станицы, а отъ берега Амuru въ глубь страны безконечное пространство. Кроме того, участокъ мой только у берега Амuru находился въ трехъ верстахъ отъ станицы Пузино, а отойдя отъ берега онъ уклонялся отъ нея въ сторону, такъ что въ томъ мѣстѣ, гдѣ у меня теперь устроена ферма, участокъ мой отстоитъ отъ станицы на двѣнадцать верстъ. Далѣе увидимъ какого достоинства были входившія въ мой участокъ земли, находившіяся на ближайшемъ разстояніи отъ станицы.

Въ настоящее время казаки совершенно измѣнили свой взглядъ на меня и мое предпріятіе. Я и мои рабочіе доставляемъ имъ такой доходъ, какого не скоро дождались бы они отъ своихъ пашень. Кто заглянулъ бы въ мою расходную книгу, тотъ увидѣлъ бы что не одна тысяча рублей перевалила изъ моего кармана въ карманы казакѣ.

Говоръ ни къ чему не послужилъ, прочтено было предписаніе начальства, взяли вехи и пошли мѣрять. Отошли отъ Пузиновки три версты вверхъ по теченію Амuru, поставили столбъ и пошли въ глубь страны, перпендикулярно къ берегу Амuru въ томъ мѣстѣ. Идемъ версту, идемъ другую, прошли третью: земля все та же, рѣдкій дуспенастый дубъ и чернберезникъ съ дубовою, березовою и яриковою цветкой, пересѣкаемые изрѣдка сѣнокосными логами. Слѣдовательно земля для сплошной распашки, безъ громаднхъ средствъ, неудобна. Почва суглинокъ, растительный черноземный слой, кроме логовъ, вездѣ отъ 1 до 1½ вершка, въ логахъ же отъ 4 до 6 вершковъ. Но логи могутъ быть залиты водою при сильныхъ дождяхъ, а при значительномъ наводненіи и безъ дождей. Прошли большую половину четвертой версты, и началось такъ-называемое Пузиновское моховое болото. Это большая широкая болотная низменность, начинающаяся верстахъ въ семи или восьми отъ берега Амuru. Въ началѣ оно имѣетъ въ поперечникѣ около полуторы версты;

за тѣмъ расширяется на нѣсколько верстъ; подходя къ Амuru опять суживается и впадаетъ въ Амуръ узкимъ логомъ между станицами Екатерино-Никольскою и Пузиновскою. Это болото представляетъ съ трудомъ проходимую зыбь, и будучи ниже уровня своихъ береговъ на нѣсколько сажень, покрыто тамъ и сямъ возвышенными мѣстами съ растущими на нихъ молодымъ бѣлымъ березникомъ, а также большими и малыми моховыми озерами и рытвинами, и даетъ очень хорошій сѣнокосъ, за исключеніемъ многихъ кочковатыхъ мѣстъ.

Участокъ мой, проходя здѣсь, съ половины четвертой и почти до половины восьмой версты, оставляетъ за собою въ обѣ стороны по нѣсколько верстъ этого болота. Версты три далѣе по выходѣ изъ болота, на одиннадцатой верствѣ отъ берега Амuru, мы вышли на рѣчку Самару, вытекающую изъ Малаго Хингана, близъ станицы Посинеевки и впадающую въ протоку Амuru, нѣсколько верстъ ниже Пузиновки. Здѣсь я рѣшился основать свою ферму.

Имя русло не широкое, фарватеръ узкій (2—4 арш.), не глубокий (1—3 арш.), Самара, почти параллельно Амuru, быстро пробѣгаетъ по широкой изрытой ямами и усѣянной кочками лоцинѣ; въ своемъ извиристомъ теченіи вырываетъ съ корнями прибрежныя деревья и уноситъ цѣлыя глыбы песчано-каменистой почвы, составляющей ея берегъ. Разбиваясь на множество узкихъ, полувысыхающихъ проточинъ, она образуетъ острова покрытые ясенемъ, вязомъ, орѣхомъ, ольхой, черемухой, липой, дикимъ виноградомъ, сибирскою яблонью, и обрамленные густымъ непроицаемымъ тальникомъ вышиною въ 2 и 3 сажени. Берега низменной лоцины, составляющей ложе Самары, возвышаясь на нѣсколько сажень, образуютъ на правой сторонѣ Самары окраины обширной раскинувшейся болѣе чѣмъ на 100 кв. верстъ степи. Окраины эти покрыты дубомъ и чернопоберезникомъ. Съ сѣверной стороны степь эта упирается въ синѣющія вдали горы Малаго Хингана; съ западной, ее окаймляетъ амурское прибережное рѣдколѣсье; съ южной, лѣсистое побережье Пузиновскаго болота. Степь эта, то возвышаясь, то понижаясь почти съ правильною постепенностію, образуетъ не высокія равнины заросшія дубовыми и березовыми

рѣденькими рожицами и дубовою, березовою, яриковою и орѣховою щеткой, и низменности покрытыя ракитникомъ, таловою и изрѣдка орѣховою и яриковою щеткой. По всей степи, тамъ и сямъ, растутъ дубовыя и березовыя деревья, и попадаются полувысохшія болотины и небольшія глубокія озера.

Была половина марта, снѣгъ стоялъ окончательно, днемъ было тепло, но по ночамъ и особенно къ утру было нѣсколько градусовъ холоду. До начала полевыхъ работъ оставался всего одинъ мѣсяць. Въ этотъ ничтожный срокъ нужно было приготовить помѣщеніе для себя, людей, для скота и для хлѣба. Осмотрѣвъ мѣстность, я рѣшилъ начать постройку.

Въ Екатерино - Никольскѣ у меня была при домѣ баня, которую легко было обратить въ жилую избу. Ее-то я хотѣлъ перевезти на Самару на избранное мною для селитьбы мѣсто. Разобравъ ее въ полтора дня и нагрузивъ четыре воза бревнами, я велѣлъ прикащику съ двумя рабочими везти ихъ на быкахъ на мѣсто. Самъ я между тѣмъ съ однимъ рабочимъ отправился туда впередъ. Палы прошли, вся трава была выжжена, и кругомъ, на сколько можно было окинуть глазомъ, было изсиня черно. Къ полднямъ я пришелъ на Самару; сдѣлали расколотку для будущей избы, и пошли осматривать окрестность. Мѣстность была чрезвычайно однообразная: на высокихъ мѣстахъ дубъ и черная береза смѣняются безконечнымъ кустарникомъ; въ лоцинѣ, по которой протекаетъ Самара, я нашелъ два глубокія озера и множество рытвинъ, ямъ, рвовъ и кочекъ; на островахъ и полуостровахъ зеленѣлъ уже тальникъ, ясень, вязъ, мелкій осинникъ и т. п. Около самаго мѣста, назначеннаго подъ селитьбу, я нашелъ цѣлую поляну, примѣрно десятиль въ тридцать, покрытую мелкимъ орѣшникомъ. Стемнѣло, а транспорта моего нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ, не дождавшись, мы рѣшились лечь спать. На другой день, около 8 часовъ утра, послышались крики: „Гей, гей!“ и изъ-за деревьевъ показались мои быки съ рабочимъ Степаномъ въ авангардѣ и прикащикомъ въ аррьергардѣ. Спрашиваю у прикащика, что такъ долго? не случилось ли что?

— Да что случилось? Заблудились.

— Какъ такъ?

— Да чего! Пока до сонки ѣхали, такъ все хорошо было: хоть слѣда и никакого нѣтъ, да мы все на сонку ѣхали. А

какъ на нее взобрались, такъ и спутались: кругомъ ни слѣдъ ни знака; сбоку мааичить лѣсъ, прямо лѣсъ, съ другой стороны опять лѣсъ; думали, думали, да и поѣхали прямо по хребтику, и выѣхали на Самару, сами не знаемъ гдѣ.

— Какъ же вы сюда попали?

— Какъ добрались до Самары, такъ и потащились все вязъ по рѣчкѣ; стемнѣло, остановились, переночевали, да вотъ сего дня сюда и прѣехали.

— А тяжело было ѣхать?

— Бѣдовое дѣло! Что шагъ, то кочка; что ступишь, то трещина, да какая—настоящій ровъ; вѣдь земля вся въ трещинахъ; а тутъ щетка чуть не до головы быку; просто бѣда да и только.

— Что жъ тутъ дѣлать! Вѣтъ этакъ братъ намъ съ тобою избу скоро не построить, да и быковъ замучимъ.

— И я тоже думаю, отвѣчалъ мой прикащикъ:—вѣдь перевезти сорокъ бревенъ по такой чортовой дорогѣ не шутка. Вотъ вѣдь разъ только поѣхали, а ярмами быкамъ шеи поклубили, да и телѣги не выдержатъ.

— Я вотъ что, братъ, думаю! Нарубимъ-ка мы лѣсу на стѣны здѣсь на Самарѣ, хоть ясеня, а полъ и потолокъ привеземъ изъ Никольска.

— Что вы? да возить-то мы его какъ будемъ? Вѣдь тутъ отъ острова чрезъ логъ яма на ямѣ, кочка на кочкѣ, да и лѣсъ то весь кривой. Развѣ построить изъ дуба или березы, да и то все кривые да дупленастые. Вотъ тутъ повыше мы срубили березу, чтобы поддѣлать ось (заскочила телѣга въ трещину, ось и пополамъ): да что, гнилая! Такъ и бросили, а ужъ у рѣчки срубили вязъ. Ну тотъ здоровъ, только тяжелъ; просто свинець.

Думали, думали и порѣшили на томъ чтобы рубить ясень. Кой какъ собрали тридцать пять бревенъ, съ страшными усилями, при помощи рукъ всѣхъ рабочихъ, вывезли ихъ на быкахъ, и начали строить избу. Къ 1-му апрѣля изба была готова. Правда, что вѣтеръ свободно гулялъ по ней, что кругомъ были щели, что ветошь¹, на которой были кладены бревна (потому что моху доставать было некогда), сыпалась изъ пазовъ свободно; но по крайней мѣрѣ была защита отъ

¹ Оставшаяся отъ прошлаго года и не выѣженная трава.

дожда. Да и что было дѣлать въ тогдашнемъ моемъ положеніи? Прямой лѣсъ нужно было бы возить за двадцать верстъ по адской дорогѣ или лучше сказать безъ всякой дороги, а изъ криваго лѣса, сколько ни лѣви, ничего хорошаго не слѣпнуть. Загородили для скота дворъ, принялись строить сарай и рубить амбаръ съ погребомъ; другая бѣда: земля оттаяла едва на вершокъ, и пришлось по этому ямы для столбовъ и для погребка выжигать. Время для начатія полевыхъ занятій приближалось, а плуговъ у меня еще не было. Не только на Амурѣ, но и во многихъ городахъ Восточной Сибири, въ которыхъ мнѣ приводилось быть, мнѣ не удалось достать ни лемеховъ, ни лемеховаго желѣза; приходилось дѣлать ихъ изъ обыкновеннаго полосоваго желѣза. Окрестные кузнецы ни за какія деньги не хотѣли за это взяться. Отправился въ Михайло-Семеновскъ: тутъ штатные кузнецы, въ свои часы, съ разрѣшенія начальства, сдѣлали мнѣ, изъ моего желѣза и на моихъ угляхъ, за 25 рублей, три плохіе лемеха шириною въ 6½ вершковъ. Прикащикъ, родомъ Малороссъ, устроилъ мнѣ два малороссійскіе плуга. Пахать какими-нибудь другими плугами нечего было и думать, потому что, не ознакомившись съ почвою на дѣлѣ, нельзя было знать какіе изъ усовершенствованныхъ плуговъ могли намъ годиться, также и потому что изъ тогдашнихъ моихъ рабочихъ, большею частію Малороссіянъ, ни одинъ не сумѣлъ бы пахать другимъ плугомъ, кромѣ малороссійскаго. Подъ пашню выбрали, описанную выше, покрытую орѣшникомъ поляну, какъ легчайшую для распашки, и 18-го апрѣля начали пробовать плуги. Впрягли четыре пары быковъ; прикащикъ взялся за плугъ, и пошли первую борозду. На половинѣ борозды пришлось пересадить лемехъ: онъ шелъ сильно въ борозду; пошли далѣе: лемехъ началъ забирать черезчуръ въ лугъ, опять пересадили; свернулось чересло, переклинили его и пошли опять. Тутъ другая бѣда: быки, не ходившіе никогда въ плугъ, то бросались за борозду, то отставали, то совсѣмъ ложились. Нужно при этомъ замѣтить, что скотъ былъ сильно изнуренъ возкою сѣна и лѣса, и по недостатку хорошаго корма, плохо наѣдался. Трава едва только показывалась, и еще не наступила пора выгонять скотину на зеленый кормъ. Помучившись такимъ образомъ три дня и вспахавъ только одну десятину, мы рѣшились остановить работу и подождать пока быки поправятся на зеленомъ кормѣ какъ слѣдуетъ. Апрѣля 22-го уже

можно было выгнать скоть на зеленый кормъ, что мы тотчас же и сдѣлали. Между тѣмъ начали заготовлять кольца и жерди для дворовъ и сараевъ. Прошла недѣля, прошла другая, продовольствіе убывало значительно, а работы подвигались плохо. Я сталъ внимательнѣе слѣдить за рабочими, и оказалось, что плотникъ и столяръ не только не знаютъ своего мастерства, но и работаютъ, несмотря на частыя замѣчанія, невыносимо лѣнливо. Я ихъ разчиталъ и отпустилъ тотчасъ же; вмѣсто нихъ нанялись ко мнѣ еще три солдата изъ станицы Пузиновской по 9 рублей въ мѣсяцъ. Одинъ изъ нихъ, урядникъ Вѣтвинъ, на первыхъ же дняхъ оказался грубіяномъ и страшно жестокимъ со скотомъ. Послѣ нѣсколькихъ моихъ замѣчаній, на которыя онъ не обратилъ никакого вниманія, я разчиталъ его; остальные два солдата и казакъ, изъ прежде-наившихся, тоже оказались страшными лѣнтяями. Но не довѣряя вполнѣ своей опытности, я рѣшился испытать ихъ слѣдующимъ образомъ: Отправившись съ ними въ лѣсъ, для рубки кольевъ, я пробылъ тутъ два часа и сосчиталъ сколько въ теченіи этого времени они нарубили кольевъ и очистили ихъ съ обѣихъ сторонъ. Самый лѣнливый изъ нихъ нарубилъ и очистилъ двадцать штукъ; до вечера оставалось шесть часовъ; по разчету, каждый изъ нихъ въ это время долженъ былъ нарубить по шестидесяти кольевъ. Приходя въ вечеромъ домой; спрашиваю сколько нарубили и узнаю, что только одинъ вырубилъ и очистилъ тридцать штукъ, а рабочіе замѣченные мною прежде въ лѣнности, нарубили, всего только по двадцати штукъ каждый. Я вынужденъ былъ, во избѣжаніе бесполезной траты денегъ, разчитать ихъ всѣхъ троихъ. Такимъ образомъ, къ 8 мая я остался только при пятерыхъ рабочихъ. Быки откормились отлично, и 8-го мая мы возобновили полевые работы. Опять два дѣла не клеилось: то быки не ходили какъ слѣдуетъ, то плугъ разстраивался. Наконецъ, все уладилось, и дѣло пошло отлично: въ день, при трехъ смѣнахъ быковъ, однимъ плугомъ напахивали около десятины, а борозды дѣлали шириною вершковъ въ семь и глубиною отъ двухъ до трехъ вершковъ. Почва оказалась суглинистая; подпочвенная глина была желтая, за исключеніемъ рѣдкихъ мѣстъ, въ которыхъ подпочву составляла красная глина. Корни орѣшника оказались тонкими и хрупкими, но попадавшіеся мѣстами, корни березоваго и яриковаго кустарника имѣли въ окружности около двѣнадцати вершковъ съ развѣтвленіями.

ладиною въ полвершка и вершокъ, съ тѣмъ различіемъ, что зрвые были гораздо тверже и съ бѣльшимъ трудомъ поддались лемеху и череслу нежели послѣдніе. Отлично выстренные лемехъ и чересло совершенно уступались чрезъ каіе-нибудь полчаса, если попадался березовый или яриковый кустарникъ. Такимъ образомъ, къ 16 мая мы вспахали двумя плугомъ шесть десятинъ. Въ это время разразилась надобною бѣда. Дѣло было вотъ какъ: высшее мѣстное начальство предписало убѣждать перечисленныхъ въ казаки гарнизонныхъ солдатъ соединяться въ артели по два, по три человѣка и заводить общее хозяйство, или поступать къ жематымъ казакамъ въ такъ-называемые сынки. Тѣмъ, которые составляютъ артели и устроить землянку или огородъ, или поступать въ сынки, обѣщаны были даромъ лошади. Характеръ ли этого распоряженія, вслѣдствіе перехода его по инстанціямъ, измѣнился такъ, что убѣжденіе обратилось въ приказъ, или солдаты, не понимавшіе своего новаго положенія и привыкшіе въ прежнее время слышать только приказанія приняты и въ настоящемъ случаѣ совѣтъ и убѣжденіе за приказаніе,—ужь не умю сказать. Только примѣненіе описаннаго распоряженія на дѣлѣ произошло не такъ какъ предполагало высшее мѣстное начальство. Мая 16 вечеромъ явились ко мнѣ два работника изъ солдатъ.

— Чтò скажете хорошаго? спрашиваю ихъ.

— Пожалуйте разчетъ. Приказано составлять артели и дѣлать землянки.

— Да вѣдь вы не поступили еще въ артель. Развѣ вамъ у меня служить не выгодно? Если мало жалованья, то я прибавлю вамъ по рублю. Или вы, можетъ-быть, недовольны пищей?

— Пищей-то мы довольны, и жалованье хорошее; да вельзя, нужно идти, нужно дѣлать землянки; мы уже поступили въ артели.

— Сколько же васъ въ артели?

— Со мной въ артели три человѣка, а съ Иваномъ два.

— Ну такъ чего же? Тѣ пускай и дѣлаютъ землянки, а вы служите, да получайте деньги: вѣдь вамъ срокъ не назначенъ, когда должны быть землянки готовы.

— Срокъ-то не назначенъ, но говорятъ, что если чрезъ мѣсяць землянки не будутъ готовы, такъ не только не дадутъ лошадей, а еще взыщутъ; мы люди подначальные.

— Да что намъ и служить-то у васъ! отозвался Иванъ:—гдѣ у васъ нужно работать, а тутъ даромъ дадутъ казенныхъ лошадей: только бы землянка была. А долго ли построить какую-нибудь землянку? Да тутъ еще и приказано.

Такимъ образомъ, въ самое горячее рабочее время, я лишился двухъ лучшихъ рабочихъ.

Время для полевыхъ занятій было самое благоприятное: комары и пауты еще не появлялись; жары сильныя, извѣстныя для скота, еще не наступали. Всѣ средства работать были; не доставало только рабочихъ. Изъ оставшихся трехъ человѣкъ, черезъ день, ушелъ еще одинъ; остались только помѣсичный рабочій Вуколюкъ и годовой Степановъ.

Повѣхалъ я въ станицу, и повѣстилъ что мнѣ нужны рабочіе, и сталъ ждать. На другой день приходитъ ко мнѣ казакъ: спрашиваю:

— Что скажешь хорошаго?

— Да слышалъ что подражаете работниковъ: я могу нанять меньшаго сына, да только не теперь, а немного погода, вотъ какъ отсѣмся.

— Скоро ли же вы отсѣветесь?

— Да ярицу¹ пшеницу и овесъ уже посѣяли, нужно пахать подъ гречуху, а тамъ и сѣять; да и покосить бы не много нужно. Тогда и найму парня.

— Да у тебя сколько въ семействѣ человѣкъ?

— Да что жъ? Я, два парня большихъ, да одинъ малый, лѣтъ эдакъ, семнадцать.

— А лошадей у тебя сколько?

— Да какъ сказать? Рабочихъ-то штуки двѣ наберется.

— А много ты засѣялъ земли?

— Да будетъ съ полдесятинки ярицы, да четвертинка овса, да пшеницы съ осьмуху, да вотъ гречухи хочу посѣять съ полдесятинки: она вѣдь, братъ, и на сырцѣ дородно² родится, да вишь вспахать-то трудно!

— А что такъ, братъ?

— Да земля, вишь, неподобная: ярику, да дубняку, да орѣшнику. Вѣдь мы лаугомъ не пашемъ. Куда намъ на двухъ

¹ Ярица—яровая рожь, которую въ Забайкальѣ и на Амурѣ сѣютъ по преимуществу.

² Хорошо.

лошадаекакъ съ такою машиной справиться? А сохой, по этимъ корнямъ, не вырубивши, не много напашешь.

— Какія же мѣста вы болѣе вырубаете подъ пашню?

— Да больше орѣшникъ или тальникъ, а иногда и ярыкъ рубимъ.

— Да вѣдь поддесятины не долго вырубить, а у васъ въ семьѣ четыре работника. Все же одинъ могъ бы пойдти служить, даже теперь же.

— Лошаденки-то у насъ плохія, не скоро напашешь; а тутъ почтовая говьба, поскотину городили; по домашности кое-что нужно, ну и лѣсу на дворы наплавить изъ Хингана нужно, и не замѣтишь какъ Петровки придуть!

— Ну, а изъ сосѣдей, не знаешь, не найдется ли кто?

— Да кто бы? Развѣ Сошниковъ. У того хозяйства почти никакого нѣтъ, ничего не дѣлаетъ; только сложается изъ дому въ домъ. Ну да того вы и сами не наймете, и совѣтовать нечего.

— Что такъ?

— Да гуляціи больно. На карты почти все спустилъ, да и водкой зашибается.

— Ну да это не бѣда. У меня ни играть, ни пить не будетъ; лишь бы только работалъ хорошо.

— Нѣтъ, не тачу¹; вамъ не годится: лѣнивъ больно. Кого же бы вамъ такого натакать? Развѣ Омуровъ найметъ одного парня: у него ихъ три, а хозяйствиншко почесъ хуже нашего; самъ хлѣба не сѣетъ, дома и одному дѣлать нечего.

— Что же онъ ѣстъ? гдѣ достаетъ хлѣба?

— Да такъ; то у людей прихватитъ, то въ казѣ займетъ, то у солдатъ переторговываетъ на порціонный спиртъ.

— А тѣ жь что ѣдятъ?

— Да солдаты чего? народъ гуляціи, имъ лишь бы водка, а хлѣба немного нужно.

— А кстату не найдется ли изъ солдатъ кто?

— Да кто бы изъ нихъ нанялся? Путные-то всѣ въ артели поступили, да въ сынки къ казакамъ, да и изъ непутныхъ-то коекого козаки въ сынки разобрали. Провіантъ-отъ у нихъ свой, изъ казны, а платы имъ нѣтъ; ѣстъ-то онъ свое, а все же по домашности что-нибудь подсобить; да и съ какого резону

¹ Не совѣтую.

имѣ идти къ вамъ: что у нихъ жена, дѣти что ли павчуть? Хлѣбъ есть; съ нихъ и довольно.

— Изъ артемей не найдется ли ктонибудь?

— Не думаю. Вишь отъ начальства приказано землянку строить. Да и то сказать: у васъ онъ поработаетъ, выслужитъ деньги, и на эти деньги долженъ купить лошадь; а тутъ только землянку построй: вотъ тебѣ и лошадь да еще и не одна.

Сколько я ни уговаривалъ казака отпустить въ наймы сына раньше юля, онъ не соглашался; послалъ за Смуровымъ, и съ тѣмъ дѣломъ не сошлось. Потолковалъ кое съ кѣмъ изъ солдатъ; одинъ отвѣтъ: нужно землянки копать да огороды дѣлать и т. п. Сколько ни искалъ рабочихъ: и здѣсь, и въ сосѣднихъ станицахъ, не нашелъ никого. Пришлось управляться со всѣми работами только при посредствѣ прикащика и двухъ рабочихъ. Вотъ мы и устроили дѣло такъ: съ утра отправлялся пахать прикащикъ съ Вуколюкомъ, а Степановъ оставался готовить завтракъ, обѣдъ, ужинъ и печь хлѣбы. Часамъ къ 9 Степановъ оканчивалъ все это и несъ на пашню завтракъ себѣ и Вуколюку; позавтракавши, они съ Вуколюкомъ, за исключеніемъ обѣденнаго времени, отдыха и полдника, пахали вдвоемъ до вечера. Прикащикъ возвращался домой, пилъ со мною приготовленный мною чай; за тѣмъ въ теченіе всего остальнаго дня, онъ поправлялъ телѣги, плуги, готовая бороны. Въ полдникъ самоваръ приходилось ставить или мнѣ, или прикащику. Кухарку мы съ большимъ трудомъ подрядили за пять рублей въ мѣсяцъ, но она пожила недѣли три и ушла отъ насъ: появившіеся въ концѣ мая комары и пауты выжили ее. Быки ходили на свободѣ; если нужно было ихъ пригнать домой, то обыкновенно отправлялся разыскивать ихъ въ окрестностяхъ фермы или я, или прикащикъ. Къ нашему счастью, кормъ кругомъ былъ превосходный, и они далѣе двухъ, трехъ верстъ отъ дому рѣдко заходили. Если случалось, что они передъ свѣтомъ разламывали загонъ и уходили пастись, то всѣ мы расходились въ разныя стороны искать ихъ, и изшедшій обыкновенно всею силою своего гора подавалъ голосъ остальнымъ. Съ появленіемъ въ концѣ мая паутовъ и комаровъ, эти побѣги случались чуть не каждую ночь, что отнимало у всѣхъ насъ не мало времени. Кусанье комаровъ, которые въ особенно большомъ количествѣ собирались ночью въ бычьемъ загонѣ, выживало оттуда быковъ, и они

искали спасенія въѣзга. Такимъ образомъ они постепенно начали отходить отъ дому далѣе и далѣе. Чтобы избѣжать необходимости почти каждое утро отыскивать быковъ, мы съ прикащикомъ каждый вечеръ стали раскладывать въ бычьемъ загонѣ дымокуры изъ назему и щепъ. Съ половиною іюня пришлось намъ и въ избѣ класть дымокуръ, потому что къ вечеру комаровъ собиралось въ избѣ такое множество, что не было возможности ни поуживать, ни лечь спать.

Къ пятому іюня у меня было распахано пятнадцать десятинъ; за тѣмъ нѣсколько дней шли дожди, и уже 10-го іюня мы начали боронить; къ 20-му окончили бороньбу, и на удачу засѣяли три десятины пшеницей, одну овсомъ и одну будой (мелкимъ манчжурскимъ просомъ). Въ это время я ожидалъ прибытія изъ Забайкалья своего сплава съ рабочими, скотомъ, сѣмекнымъ хлѣбомъ и проч., и потому необходимо было устроить для скота большой крѣпкій загонъ, и приготовить лѣсъ для постройки другой избы. Мы снова принялись за рубку кольевъ, жердей, бревень, и пахать приостановились. Въ началѣ іюля пошла проливные дожди, вода въ Самарѣ сильно поднялась; логъ, по которому протекаетъ Самара, покрылся грязною стоячею водою, которая просачивалась изъ земли. Брать воду въ рѣчку и поить въ ней скоть сдѣлалось невозможно. Тогда я увидѣлъ, что замерзшая земля, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда мы выбирали мѣсто подъ селитьбу, сильно обманула насъ. Чтобы добраться до рѣчки, нужно было пройти сажень 200 по лоцинтѣ, въ этомъ мѣствѣ тонкой и, при первыхъ сильныхъ проливныхъ дождяхъ, или при сколько-нибудь значительномъ поднятіи воды въ Самарѣ, наводнявшейся стоячею водою. Въ полторѣ версты выше нашей тогдашней селитьбы лоцина суживалась, и рѣчка очень близко подходила къ окраинѣ описанной мною степи. Тамъ положили мы начать новыя необходимыя постройки, и туда перенести старыя. Правда, переносить-то приходилось не много: всего трехсаженную избу, двухсаженный амбарчикъ и небольшой скотный загонъ.

Было 5-ое іюля; день былъ страшно жаркій; на солнцѣ доходило до 36°, въ тѣни до 31° Р. Цѣлыя тучи паутовъ кружились въ воздухѣ; была тишь; листь не шелхнулся. Часовъ въ 11 утра мы увидѣли верховаго казака, мчавшагося по направленію къ фермѣ. Прискакалъ; спрашиваю:—Что случилось?

— Прислалъ нарочнымъ: вапъ довѣренный со скотомъ приплылъ.

Никакихъ водородостей нарочный мнѣ объяснить не могъ. и я, не теряя времени, велѣлъ запретъ лошадей въ легонькую тележку, и поѣхалъ съ однимъ работникомъ въ Никольскъ. Сидѣть въ тележкѣ, по причинѣ отвратительной дороги, на большей половинѣ разстоянія между фермой и станцией, не было никакой возможности, и потому первую половину дороги я шелъ пѣшкомъ. Зной былъ невыносимый; пауты дѣльными тучами мчались за нами; они покрыли всю спину лошади и самыя чувствительныя части ея тѣла. Лошадь неистово махала головой, лягала ногами; кровь ручейками струилась по ея спинѣ, ногамъ и брюху.

Мы съ работникомъ едва отбивались отъ паутовъ руками. Накалившаяся атмосфера сдѣлалась удушающею. Черезъ три часа такого страшно-утомительнаго пути, измученные, мы добрались до второй половины дороги нѣсколько болѣе ровной и болѣе проторенной. Здѣсь мы сѣли въ тележку, и погнали лошадь во всю ея рысь. Черезъ часъ съ четвертью мы пріѣхали въ станцію. Выпрягли лошадей: она оказалась вся въ крови. На дворѣ своемъ я увидѣлъ стоявшій и лежавшій въ разныхъ положеніяхъ скотъ. Скотъ былъ медкій, плохой и страшно истощенный; людей не было видно. Вхожу въ домъ и встрѣчаю тамъ своего довѣреннаго М***

Поздоровались; спрашиваю:—на чемъ приплыли?

— На двухъ паромахъ и двухъ лодкахъ, отвѣчалъ М***.

— Гдѣ же ваши паромы и лодки?

— Одинъ паромъ прибыло къ берегу верстъ десять ниже Екатерино-Никольска; другой паромъ едва успѣлъ пойматься къ берегу, верстъ двадцать пять ниже перваго и то на Манчжурской сторонѣ, а лодки пристали верстахъ въ пяти ниже станицы.

— Что жь бы это значило? Неужели Амуръ такъ разлился и теченіе такъ быстро, что нельзя было пристать противъ станицы?

— Теченіе адское. Только съ страшными усиліями могли мы повернуть къ берегу, и то пять верстъ ниже станицы, съ одними лодками, а паромы ушло внизъ.

— Ну каковъ скотъ?

— Страшно истощенъ; по нѣсколькxу дней пшвыи не кормя; не было никакой возможности прибѣгнуться къ берегу.

— Однако можно было прибѣгнуться къ острову и кормить тамъ?

— На островахъ одинъ тальникъ, травы мало; да если

станешь прибаваться къ острову, можетъ унести теченіемъ въ такую протоку, что изъ нея и не выйдешь.

— Рабочихъ наняли? Сколько человекъ?

— Нанялъ-было я четырехъ: кузнеца, бондаря и двухъ пахарей. Кузнецъ и бондарь здѣсь, а изъ пахарей одинъ бѣжалъ, а другой заболѣлъ дорогой; болѣе нанять никакъ не могъ: вѣдь въ Читѣ я пріѣхалъ въ концѣ марта, люди разошлись, кто на пріиски, кто нанялся на казенные сплавы. Да и скотъ-то купленъ плохой оттого что рѣшительно не было времени всѣмъ хорошенько заняться. Въ Нерчинскѣ я пріѣхалъ 5-го апрѣля, а въ маѣ нужно было плыть: нужно было къ этому времени нанять рабочихъ, сдѣлать паромы, купить лодки, скотъ, и пр.

— Отчего же вы такъ поздно выѣхали съ мѣста. Вамъ назначено было отправиться въ половинѣ февраля.

— Такъ случилось: успѣли приготовиться къ отъѣзду только 10-го марта.

— Ну, сѣменной хлѣбъ по крайней мѣрѣ купили?

— Купилъ пудовъ сто пшеницы, гречухи, ячменя, а ярицы не успѣлъ: вблизи тракта все было закуплено для амурскихъ сплавовъ, а ѣхать для этого нарочно за сотни верстъ не было времени, да и тамъ, я полагаю, было закуплено.

— Ну да для насъ бы вѣрно хватило; вѣдь намъ не тысячи пудовъ; только что развѣ времени не было. Скверно, очень скверно!

— Чтò жь дѣлать? какъ могъ, такъ и сдѣлалъ.

Всѣ эти удары посыпались на меня какъ градъ: бѣда за бѣдой, бѣда бѣду погоняла. Но дѣлать было нечего; нужно было поспѣшить собрать свою разсѣянную флотилію. И такъ всѣ мои мечты, всѣ мои надежды на сплавъ всего нужнаго для фермы изъ Забайкалья рушились. Деньги были затрачены большія, а результаты вышли ничтожныя. Перегнали на ферму скотъ, собрали паромы и лодки, перевезли часть грѣза и принялись, не теряя времени, за сѣнокосъ.

Трава у насъ вырастаетъ очень скоро, и въ началѣ іюня достигаетъ такой зрѣлости и высоты, что можно косить. Начинать косить въ началѣ іюня тѣмъ болѣе слѣдуетъ, что въ первые дни іюня всегда, по замѣчанію жителей, бываетъ ведро. Такъ я и предполагалъ сдѣлать; но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: косить въ іюнь не было

никакой возможности, потому что у меня, какъ я уже сказалъ, было всего два человѣка рабочихъ, а третій нанялся ко мнѣ уже въ концѣ юня. Въ юлѣ мнѣ на рабочихъ посчастливилось: казаки обѣялись, и даже нѣкоторые, у кого было мало скота, откосились и стали ко мнѣ наниматься. Въ то же время предполагавшаяся отправка солдатъ, не поступившихъ въ артели и въ *сымки*, на рубку лѣса, почему-то не состоялась; и солдаты, проживъ въ Екатерино-Никольскѣ мѣсяць, въ ожиданіи съ часу на часъ отправки, были распущены по домамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, къ 10-му юля, у меня набралось человѣкъ девять рабочихъ, прибавилось четыре солдата, да два казака, въ томъ числѣ пастухъ; въ эту должность поступилъ семнадцатилѣтній казакъ изъ семейства, въ которомъ на двѣ лошади приходилось четыре работника. Онъ нанялся пасту восемьдесятъ головъ скота за шесть рублей въ мѣсяць на моемъ, разумѣется, содержаніи. За тѣмъ, чтобъ обезпечить себя со стороны рабочихъ, я отправился въ штабъ батальона, и разомъ (разумѣется съ разрѣшенія начальства) нанялъ семь человѣкъ солдатъ изъ только-что прибывшихъ на Амуръ. Этотъ наемъ былъ удаченъ: человѣка четыре изъ этихъ семерыхъ служатъ у меня и въ настоящее время.

Въ мое отсутствіе случилось на фермѣ новое несчастье. Отъ дождей, шедшихъ съ первыхъ чиселъ юля, съ незначительными перерывами, до 17-го юля, и отъ другихъ причинъ, вода въ Амурѣ и Самарѣ начала сильно прибывать. Въ мое отсутствіе накосили для меня копенъ 250 сѣна въ томъ догу, по которому течетъ Самара, и не успѣли сметать, какъ вода поднялась въ рѣкѣ, затопила догъ и съ нимъ мое сѣно. Юля 25-го я воротился домой. Устроили для скота поскотину, для меня палатку изъ равендука, рабочіе поставили себѣ большой шалаашъ и переселились на новое мѣсто. Здѣсь же обложили новый домъ и начали его строить. По окончаніи этой постройки, положено было перевезти старую избу и поставить на новомъ мѣстѣ. Съ юня никакихъ полевыхъ работъ мы не производили; причина была отчасти та, что рабочіе были заняты постройкой новаго дома и сѣнокосомъ, а главною помѣхой были пауты и комары. Въ Россіи, пожалуй, не повѣрятъ, что ходъ хозяйства на Амурѣ и успѣхъ его зависятъ главнымъ образомъ, отъ этихъ насѣкомыхъ. А между тѣмъ это такъ. Сравненіе 1861 года съ 1860 и 1862 служить

тому разительнымъ доказательствомъ. Эти враги для насъ страшнѣе наводненія. Наводненіе затопивъ пашни и цѣлыя станицы казаковъ лишило ихъ только годовыхъ кровныхъ трудовъ. Комары же и пауты ежегодно мучаютъ нашъ скоть и страшно мѣшаютъ работать намъ самимъ. Въ 1861 году, пауты и комары свирѣпствовали такъ, какъ никогда, ни прежде, ни послѣ. Годъ былъ дождливый, ихъ расплодилось многое множество, и цѣлое лѣто они не давали покоя ни людямъ, ни скоту. Появились они въ концѣ мая, а къ концу юня до того усилились, что почти невозможно было ѣздить ни днемъ, ни ночью. Скотина, прошедшая нѣсколько верстъ днемъ, оказывалась вся въ крови. Кусались они такъ больно, что самые смирные и навыкые быки ломали ярма и вырывались, а лошади, запряженные въ соху ложились на землю, и катаясь, старались стереть съ себя мучителей. Ночью, по утрамъ и вечерамъ, паутовъ не бывало: ихъ смѣняли цѣлыя тучи комаровъ, которые положительно усѣивали животное и человѣка, и залѣзали въ ноздри. Лошадь сначала храпитъ, потомъ начинаетъ среди дороги, съ телѣгой, дѣлать вольты. Быки же, хотя и страшно бьются, но все-таки идутъ въ телѣгѣ; а чуть зачѣмъ вы остановились и человѣкъ отъ быковъ отошелъ, будьте увѣрены, что или ярмо или вѣздо будетъ изломано. Слѣдовательно работать на скотѣ было невозможно. Но это еще не единственный вредъ, который причинилъ намъ этотъ „проклятый гнусъ“ (казаки и паутовъ, и комаровъ называютъ общимъ именемъ „гнусъ“): главный вредъ заключался въ томъ, что онъ не давалъ скотинѣ наѣсться днемъ и отдохнуть ночью. Чуть пригрѣло солнце и пауты закружились въ воздухѣ, какъ скоть уже перестала ѣсть; онъ ищетъ тѣни и стоитъ въ тѣни почти цѣлый день (пауты въ темнотѣ падаютъ или садятся, летаютъ же очень мало); вечеромъ онъ не много поѣстъ, несмотря на комаровъ, но къ ночи комары появляются тучами несчетными, и тутъ уже скотинѣ не только ѣсть, а даже лежать и стоять трудно. Если дворъ большой, то скоть обыкновенно почти цѣлую ночь ходитъ, а иногда и бѣгаетъ по двору. Вслѣдствіе всего этого, скоть къ осени страшно истощился и ослабѣлъ, такъ что нуженъ былъ осенью хорошій кормъ и достаточный отдыхъ, чтобы скоть могъ вполне оправиться.

Людямъ было не легче: лѣтомъ я жилъ въ палаткѣ,

рабочіе въ палаткѣ. Къ вечеру къ намъ налетали цѣлыя массы комаровъ, и потому, ложась спать, мы накуривали наше жилище дымомъ до того, что дышать было трудно и смотрѣть невозможно. Этимъ способомъ мы бывало выживемъ ихъ и заснемъ; черезъ часъ, другой, опять налѣзетъ ихъ многое множество. Нужно выйдти изъ палатки, достать огня для новаго дымокура (на дворѣ день и ночь горѣлъ костеръ): чуть вы отворили дверь и высунули наружу лицо, какъ васъ окатитъ цѣлый рой комаровъ, будто проливной дождь. Многія ночи приходилось и мнѣ, и моимъ рабочимъ бодрствовать совершенно противъ нашего желанія. Спали и въ избѣ, но и тамъ то же самое: накурили дымомъ до снѣпоты, и комаровъ стало не видно; но чуть дымъ разсѣется немного опять они загудятъ и пойдутъ кусать, кусать, кусать... Въ іюнѣ они показывались только по утрамъ, вечерамъ и ночью; съ половины же іюля завладѣли и днемъ. Цѣлый день пожительно не давали они проходу; самые терпѣливые изъ моихъ рабочихъ на снѣгокъ выходили изъ себя и бросали косы; другіе бѣжали съ работы, отказываясь и отъ денегъ, только бы избавиться отъ этой адской муки. (Нѣкоторые рабочіе, мѣя совершенно неизвѣстные, наняты были съ условіемъ непрерывно проработать мѣсяць, иначе не могли получить денегъ. Впрочемъ, заработанная денга они все-таки послѣ получили.)

Я удивляюсь, что люди мои хоть тихо, да косили. Будь я на ихъ мѣстѣ, признаюсь откровенно, ни за какія денги не прокосилъ бы и дѣя. Ко всѣмъ этимъ неприятностямъ присоединились постоянные дожди, которые шли почти чрезъ дѣль. Сырость вообще увеличиваетъ количество комаровъ, и постоянные дожди страшно размножили ихъ въ 1861 г. Комары особенно усѣивали все черное: черные быки, черное платье покрыты были ими какъ снѣгомъ. Бѣдствія отъ комаровъ и паутовъ продолжались до сентября мѣсяца (пау-ты пропали въ половинѣ августа, а комары свирѣпствовали до сентября). Подъ конецъ августа, комаровъ начала смѣнять мошка, которая появилась въ такомъ же громадномъ количествѣ какъ и комары. Но мошка не такъ была тяжела, по крайней мѣрѣ, для людей. Въ ставницѣ, гмусу было поменьше; но и тамъ половину іюля и бѣльшую часть августа лошади цѣлый день стояли въ тѣни подъ деревьями и навѣсами; только къ вечеру голодъ заставлялъ ихъ идти пастись. Къ вечеру, во всѣхъ домахъ и передъ окнами многихъ избъ

дымилась дымокуры. Въ станицѣ по улицамъ вся трава была стоптана скотомъ, и казалось бы гнусу держаться негдѣ. Другое дѣло было у меня на фермѣ. Кто прѣѣхалъ бы ко мнѣ лѣтомъ 1861 года, тому представлялось бы слѣдующее зрѣлище: на берегу рѣки, обросшемъ рѣдкимъ дубовымъ и березовымъ лѣсомъ, на полянѣ покрытой сплошнымъ кустарникомъ въ половину человѣческаго роста, стоитъ бѣлая равендуковая четырехугольная палатка, длиною въ пять аршинъ, шириною въ три; за нею поднимаются изъ кустовъ на половину выведенныя стѣны строящагося дома; направо отъ него возвышается, сдѣланный изъ жердей, покрытый травой шалашъ аршинъ 18 въ окружности: это пріютъ рабочихъ; за шалашомъ, на косогорѣ, виднѣется маленькій навѣсъ, изъ-подъ котораго валитъ дымъ: это кузница. Кругомъ всего этого кусты, кусты и кусты, трава, трава и трава. Надъ всѣмъ этимъ кружить и летаетъ цѣлая туча паутовъ и комаровъ.

Только къ половинѣ сентября перевезена была и поставлена на новомъ селищѣ для рабочихъ старая изба и окончень для меня домъ. Но что это былъ за домъ! Такъ какъ сухой сосновый лѣсъ мой былъ въ станицѣ и возить за двадцать верстъ, вслѣдствіе описанныхъ выше неудобствъ, было невозможно, то я ограничился привозомъ лишь такого количества бревенъ, какое только крайне было необходимо для матокъ, половъ, потолкавъ и кровли. А такъ какъ кромѣ дома мнѣ къ зимѣ нуженъ былъ и амбаръ, и на все это лѣсу нужно было очень много, привезти же много не было возможности, то я и порѣшилъ соединить домъ и амбаръ въ одно строеніе, такъ чтобы нижній этажъ служилъ амбаромъ, а верхній жильемъ. Такимъ образомъ въ экономіи оставались: одна крыша и одинъ потолокъ, расчетъ не малый при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Для стѣнъ рубили сначала на полуостровахъ рѣки Самары ясень: наводненіе затопило эти полуострова, а между тѣмъ стѣны не были доведены еще и до половины. Пришлось выбирать сколько-нибудь годныя лѣсины изъ растущаго на высокомъ берегу дуба и чернопоберезника. Лѣсъ былъ кривой въ нѣсколько сторонъ, тонкій, короткій, а отчасти и душенастый. Изъ этакого-то лѣсу построили мы домъ. А не строить было невозможно, подходила зима, нужно было гдѣ-нибудь жить, нужно было гдѣ-нибудь пріютить имущество. Результаты лѣта были слѣдующіе: пшеница и буда, взошед-

шнѣ и поднавшіеся отлично, и въ концѣ августа начавшіе наливаться, прихвачены были морозомъ и инеемъ, павшимъ 30-го августа; овесъ и гречуха замерзли не налившись. Зимой намолотили пшеницы съ трехъ десятковъ всего кулей восемь, а буды съ десятины кулей пять; овесъ скосили какъ сѣно; гречуха пропала совсѣмъ. Скотъ къ сентябрю былъ въ сабаудшемъ состояніи: быки и лошади, купленные мною еще въ 1860 году и зимовавшіе уже зимы двѣ на Амурѣ, сильно отожили; подержавши ихъ до 15-го сентября на подножномъ корму, мы начали пахать на нихъ. А тѣ быки и коровы вмѣстѣ съ лошадью, которые были приплавлены мнѣ изъ Забайкалья дѣломъ 1861 года, ходили едва живые: изъ нихъ одна корова пала еще въ августѣ, другая ослабла и пала въ сентябрѣ, лошадь тоже пала въ августѣ. Бывшій 30-го августа морозъ прихватилъ траву, которая утратила отъ того свою питательность; на этомъ-то кормѣ приходилось намъ поправлять осемяю полуживой, едва волочившій ноги скотъ послѣ діеты и насильственнаго ночнаго бодрствованія въ теченіи цѣлаго дѣла. Поставить скотъ съ сентября на сѣно нельзя было и думать. Сѣна накосили мало (благодаря *гнусу*); да къ тому же еще, какъ я сказалъ, копенъ 250 затопило. Скота же къ осени собралось у меня около 86 головъ; положеніе было отчаянное; къ этому присоединился недостатокъ въ деньгахъ: ихъ едва хватило на уплату жалованья рабочимъ, а купить сѣна было уже и не на что. Въ половинѣ сентября перепахали 1¼ десятины весенней пашни и къ 17-му сентября засѣяли ихъ озимую рожью. Взошла она плохо, потому что дождей не было, а съ 8-го сентября каждое утро были морозы отъ 1 до 5° Р. и появлялись инеи. Съ 18-го сентября начали снова распахивать двумя плугами цѣликъ, орѣшникъ и березовую щетку; опять дня два не клеилось дѣло: то плуги разстраивались, то быки плохо ходили. За тѣмъ все пошло отлично, и пахали до 15-го октября, то-есть пока земля не промерзла на цѣлый вершокъ. Впрягали въ плугъ по четыре пары, и быковъ перемѣняли два раза въ день. Съ 18-го сентября по 15-е октября (за исключеніемъ, разумѣется, праздниковъ и воскресныхъ дней) напахали 21 десятину цѣлика; въ томъ числѣ десятины 13 было орѣшника съ рѣдко попадающеюся березовою и яриковою щеткой, и десятины 8 рѣдкой березовой щетки съ попадающеюся по мѣстамъ земляною или травяною щеткой. Это верхній пластъ земли толщиною въ

четверть, состоящей почти изъ однихъ чрезвычайно густо переплетенныхъ между собою травяныхъ корней, плотно связанныхъ земляей. Земляная щетка съ величайшимъ трудомъ поддается топору; верхній пластъ всѣхъ низменныхъ мѣстъ, не покрытыхъ кочками, составляетъ эта земляная щетка. Перепрѣваетъ она чрезвычайно медленно (года въ два) и для бороньбы, пока не перепрѣветъ, совершенно недоступна.

Такимъ образомъ кончились лѣто и осень 1861 года, пришла и зима, и съ весною новыя бѣдствія и новыя испытанія постигли какъ казаковъ, такъ и меня. Описаніе хода дѣлъ зимой 1861 г., весной, лѣтомъ и осенью 1862 г. составить вторую часть моихъ замѣтокъ о вольно-наемномъ трудѣ на Амурѣ.

Теперь же скажу кое-что о моихъ рабочихъ.

Начну съ прикащика. Это человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, страшной силы, съ небольшою лысиною на лбу и широкими бакенбардами. Онъ прослужилъ восемнадцать лѣтъ во флотѣ, и ходилъ на фрегатѣ „Паллада“ въ кругосвѣтное плаваніе, когда на этомъ фрегатѣ находился г. Гончаровъ. (Онъ помнитъ г. Гончарова, и хорошо знаетъ его бывшаго вѣстового Фаддѣева.) Умѣетъ читать и кой-какъ писать. Въ послѣдніе годы онъ былъ ротнымъ фельдфебелемъ. Человѣкъ онъ честный; по крайней мѣрѣ у меня, такъ какъ я самъ для себя служу экономомъ, онъ положительно честенъ. На фермѣ онъ человѣкъ работающій, трезвый. У меня онъ исполняетъ обязанность нарядчика на работы, надсмотрщика за работами, а иногда и самъ работаетъ; жалованья получаетъ около 300 рублей, столь имѣетъ вмѣстѣ со мною. Главное достоинство этого человѣка—его практичность; онъ болѣе или менѣе понимаетъ всякую работу; работы же, относящіяся къ хлѣбопашеству, знаетъ лучше другихъ рабочихъ. Изъ рабочихъ особой характеристики заслуживаетъ Вуколюкъ. Это человѣкъ лѣтъ тридцати пяти или сорока, съ лысиною, всегда выбритый, средняго роста, широкоплечій, здоровый и сильный. Работникъ онъ усердный; работаетъ ни тихо, ни скоро, всегда одинаково и за глазами и на глазахъ. Пашетъ всегда одинаково аккуратно, и грѣховъ почти не дѣлаетъ. Въ теченіе двадцати осеннихъ дней 1861 года, онъ однимъ плугомъ, при четырехъ парахъ быковъ, вспахалъ нови (земля была орѣховая щетка) десятинъ тринадцать и перевернулъ пласты такъ аккуратно, какъ будто складывалъ руками. Онъ очень скоро примѣнился къ быкамъ и жалѣетъ ихъ какъ своихъ. Въ

доказательство этого приведу слѣдующій случай: прошедшею зимою, вслѣдствіе постоянныхъ дождей лѣтомъ и страшнаго количества комаровъ, не дававшихъ работникамъ работать, у меня уже въ ноябрѣ не хватало накошеннаго лѣтомъ сѣна. Въ ноябрѣ Вуколюкъ отпросился у меня въ станицу отдохнуть, и погулять, и съ нимъ другой рабочій, кузнецъ Власъ. Взяли, разумѣется, водки, напились и начали гулять. Какимъ же образомъ они проводили время? Власъ нанялъ себѣ лошадь и санки, и давалъ катать по станицѣ взадъ и впередъ. Вуколюкъ же, напротивъ, бѣгалъ по станицѣ изъ дому въ домъ, и все торговалъ для моихъ быковъ сѣна. Вуколюкъ поступилъ ко мнѣ въ первыхъ числахъ марта 1861 года по 9 руб. въ мѣсяцъ на моему продовольствіи, и жилъ у меня изъ мѣсяца въ мѣсяцъ до половины сентября. Безъ всякаго съ его стороны напоминанія, я съ третьяго же мѣсяца началъ прибавлять ему по рублю, такъ что въ августѣ онъ получалъ 12 рублей. Въ половинѣ сентября 1861 г. онъ нанялся ко мнѣ по контракту за 160 руб. и живетъ у меня по настоящее время. Онъ вспахалъ мнѣ болѣе половины всей пашни (у меня до сихъ поръ распахано всего около ста десятинъ). Вуколюкъ служитъ такъ мѣсяца полтора, работаетъ, не ходитъ въ станицу и не беретъ демагъ. Потомъ беретъ деньги, отпрашивается въ станицу, и загуливаетъ дня на три, на четыре (гульба заключается въ томъ, что онъ каждое утро купить бутылку водки, выпьетъ, закуситъ, походить по комнатѣ, поговорить самъ съ собой, попоетъ немного, потомъ опять выпьетъ, опять закуситъ и ляжетъ спать: самъ онъ никого не тронетъ, если же кто затронетъ его, то обругаетъ и, пожалуй, побьетъ). Прогулявши такимъ образомъ дня въ три, въ четыре рублей пять, онъ является на ферму полупьяный. Приходитъ ко мнѣ и громко возглашаетъ: „Здравія желаемъ, ваше благородіе“ (заочно всѣ окрестные казаки зовутъ меня купцомъ, потому что у насъ изъ частныхъ лицъ проживаютъ только купцы; въ глаза же нѣкоторые казаки называютъ меня по имени, другіе зовутъ: „ваше почтеніе“, а многіе: „ваше благородіе“).—Эхъ, прибавляетъ онъ, ваше благородіе, славно жить въ Екатерино-Никольскѣ.

— Ну ладно, Семень, говорю я: — ступай въ кухню вели дать себѣ поѣсть, да сварить чаю.

— Да пожалуйста, ваше благородіе, сахару фунтъ.

Если есть продажный сахаръ, то дашь ему въ счетъ жалованья фунтъ, а нѣтъ, такъ не въ счетъ дашь ему нѣсколько кусковъ, и онъ удовольствуется. На другой день Вуколюкъ, серьезный, молчаливый, хладнокровный, какъ всегда, идетъ снова на работу и опять работаетъ мѣсяцъ, другой, до новаго загула. Человѣкъ онъ страшно-вспыльчивый, и въ припадкѣ вспыльчивости почти теряющій обыкновенную свою рассудительность. Неудовольствія между имъ и мною бываютъ большею частію вслѣдствіе неладовъ его съ кухарками. Поссорится съ кухаркой и обругаетъ ее на чемъ свѣтъ стоитъ; та со слезами является ко мнѣ жаловаться. Ну призовешь Вуколюка и станешь дѣлать ему замѣчаніе:

— Для чего ты, Семень, обругалъ Марей?

— Да какъ же ее неругать, когда она совсѣмъ пережгла хлѣбы!

— Все-таки нужно сказать мнѣ, а не расправляться самому, говорю я, нѣсколько возвышая голосъ.

— Такъ вы, ваше благородіе, мнѣяете стараго работника на кухарку, такъ я вамъ больше не слуга. Пожалуйте разчетъ.

— Хорошо, братецъ, на дняхъ же тебя я разчитаю, а теперь ступай пока на работу.

Вуколюкъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправляется на работу. Проходитъ день, другой: ни я, ни онъ о разчетѣ не упоминаемъ, и размовка наша забывается сама собой. А то былъ такой случай: мнѣ прислали двѣ дюжины полубутылокъ американской наливки sherry cordial. На фермѣ у меня почти никогда нельзя найти и рюмки водки. Узнавъ о полученіи наливки, въ первое же воскресенье явились ко мнѣ три работника съ просьбой отпустить имъ по полубутылочкѣ наливки въ счетъ жалованья. Сколько я ни убѣждалъ ихъ, что эта наливка прислана для моего собственнаго употребленія, что у меня ея мало, что она дорога, отвязаться отъ нихъ я не могъ. Наконецъ, я попросилъ прикащика отпустить имъ три полубутылки изъ той дюжины, которую я уступилъ ему. Черезъ часъ является Вуколюкъ:

— Ваше благородіе, отпустите мнѣ двѣ бутылочки наливки?

— Да у меня нѣтъ!

— Какъ нѣтъ! У васъ осталась еще цѣлая дюжина.

— Но вѣдь вамъ дали уже три полубутылки; будетъ съ васъ.

— Да мнѣ всего двѣ полубутылки.

— Не дамъ!

— Ну, такъ послѣ этого я вамъ не работникъ.

Отправляется нашъ Вуколюкъ въ избу, и объявляетъ остальнымъ рабочимъ, что онъ на другой же день оставляетъ меня.

Наступилъ понедѣльникъ, прикащикъ нарядилъ, по обыкновенію, кого куда свдуетъ на работы, въ томъ числѣ и Вуколюка. Привыкну безмолвно отправляться туда куда прикажутъ, Вуколюкъ и теперь отправился на работы какъ будто между нами ничего не было. Подобнымъ образомъ оканчиваются всѣ мои размовки съ Вуколюкомъ. Не прими я съ нимъ этой тактики, онъ, въ видѣствіе какой-нибудь глупости, разчитался бы, прогулялъ бы сгоряча въ первой же станицѣ свои деньги, и остался бы ни съ чѣмъ и ни при чемъ. Пришлось бы ему идти или на казенную работу (18 рублей въ годъ жалованья), или поступить въ *сынки* къ казаку. Въ томъ и другомъ случаѣ, при его характерѣ и наклонности къ періодическимъ загуламъ (а случай къ тому представлялся бы на каждомъ шагу: въ станицахъ всегда есть продажный опиртъ), онъ былъ бы положительно несчастенъ. Денегъ онъ прогуливаетъ не такъ много, какъ бы казалось съ перваго разу; но это происходитъ оттого что деньги его лежатъ у меня, а я всѣми силами стараюсь давать ихъ ему въ руки какъ можно меньше. Впрочемъ, и онъ, зная отлично свой характеръ, не требуетъ ихъ настоятельно.

Остальные рабочіе болѣе или менѣе похожи на Вуколюка. Иные работаютъ отлично и за глазами, и на глазахъ. Другіе за глазами полѣниваются немного; но во всякомъ случаѣ работаютъ лучше казаковъ переселенныхъ изъ Забайкалья. Въ послѣднихъ только больше сноровки, а тѣ уже поотвыкли отъ крестьянской работы. Нѣкоторые же и понятія не имѣли о крестьянской работѣ, о пахотѣ на быкахъ и т. п.; но послуживши у меня нѣсколько мѣсяцевъ, отлично научились и ѣздить, и пахать, и боронить на быкахъ, между тѣмъ какъ казаки, несмотря на то что для нихъ еще въ 1859 году было куплено на счетъ войскового капитала и роздано безденежно нѣсколько десятковъ отличныхъ быковъ, до настоящаго времени, за самыми, ничтожными исключениями, не научились не только пахать, но и ѣздить на быкахъ. По нашей же мѣстности, пахота быками гораздо успѣшнѣе пахоты на лошадяхъ.

Отличительная черта моихъ рабочихъ та, что они усердно и аккуратно работаютъ только на фермѣ, гдѣ нѣтъ водки. Разумѣется бываютъ, и изъ этого исключенія. Но чуть они попали

въ станицу, какъ тотчасъ и загуляли. Вотъ въ субботу вечеромъ, по окончаніи работъ, ко мнѣ приходятъ два-три работника:

— Пожалуйте денегъ, ваше благородіе, говорить одинъ, — и позвольте въ станицу пойдти. Я завтра къ вечеру ворочусь.

— Нѣту, братъ, Иванъ, денегъ; да и на что онъ тебѣ?

— Помилуйте, я совсѣмъ боюсь, да и рубашки износились; нужно новыя. (Эта исторія повторяется въ мѣсяцъ два раза.)

— Ну, ладно, возьми три рубля и ступай; да смотри завтра къ вечеру воротись непременно. Ты знаешь, что завтра нужно сгребать сѣно.

— Какъ не знать, ваше благородіе. Будьте увѣрены: ворочусь непременно.

— Ну, ладно, ступай. А тебѣ чего, Григорій?

— Да тоже деньжонокъ нужно, долги отдать, за рубахи и обутки.

— Да вѣдь ты тому назадъ двѣ недѣли ходилъ въ станицу и бралъ денегъ на рубахи и на обутки?

— Нѣтъ, ваше благородіе, я уже три недѣли не былъ въ станицѣ. Да главное, нужно заплатить за шитье рубахъ; ужъ два раза наказывали. Пожалуйте хоть два рубля.

— Ну дѣлать нечего, возьми два рубля; да смотри завтра къ вечеру приходи.

— Да развѣ жъ я когда не приходилъ (а между тѣмъ нѣсколько разъ случалась эта бѣдственная несостоятельность въ словѣ); непременно приду.

— Ну а тебѣ, Степанъ, что нужно?

— Позвольте въ станицу.

— Вѣдь ты прошлое воскресенье ходилъ; зачѣмъ же тебѣ теперь?

— Да въ баню хотѣлось бы; да и обутки нужны; и казакинъ тамъ шьютъ, нужно взять; пожалуйста деньжонокъ, рублей пять хоть, а то пропадутъ вещи.

— Эка заломилъ пять рублей! Да и съ какой стати казакинъ пропадетъ?

— Да какъ же? Если не принесу денегъ въ срокъ, носить начнетъ; вѣдь нашего брата не жалѣютъ: чуть мало просрочилъ, и пропала вещь.

— Ну это резонъ; но во всякомъ случаѣ четырехъ рублей съ тебя довольно будетъ. Возьми, да смотри не загулай. Ты знаешь теперь не зима, работа не стоитъ.

— Какъ не знать! Известно зимою свободнѣе. Ворочусь непремѣнно.

Ушли. Наступаетъ воскресенье; оставшіеся рабочіе, пользуясь праздникомъ, полеживаютъ въ постеляхъ, и встаютъ развѣ часовъ въ семь. Иные начинаютъ бриться, другіе починаютъ платье и обувь, третьи распиваютъ часа два кирпичный чай. Пообѣдали; иные ложатся спать, другіе ведутъ бесѣды, третьи ходятъ изъ угла въ уголъ, или по двору, и не знаютъ за что приняты, какъ убить время. Вообще характеръ нашихъ праздничныхъ дней—тишина почти невозмутимая, и скука написанная почти на всѣхъ лицахъ. Много значитъ привычка работать изо дня въ день, съ утра до вечера!

Наступаетъ вечеръ; отужинали; наступаетъ и ночь, а нашихъ гулякъ все нѣтъ. Просыпаюсь поутру, спрашиваю:— что пришла?

— Степанъ пришелъ, отвѣчаетъ прикащикъ,—а Ивана и Григорія нѣтъ. Степанъ говоритъ: загулял.

Возвращаются они ужъ развѣ во вторникъ или среду, а иногда прогуливаются и до субботы. За то ужъ и возвращаются чистехоньки: денегъ ни копѣйки; за то долгу по уши. Происходитъ это вотъ какимъ образомъ: какъ только узнаютъ въ станицѣ, что туда пришла рабочіе съ фермы, такъ тотчасъ является къ нимъ казакъ-спекуляторъ. Большею частію это бываетъ тотъ самый казакъ, у котораго рабочіе останавливаются приходя въ станицу. Водка у него на этотъ случай припасена; начинается угощеніе и попойка. Какъ только рабочій подпилъ и розохотился пить, ему водки не даютъ даромъ, требуютъ денегъ и берутъ съ него за бутылку въ три-дорога. Пропивши деньги, онъ начинаетъ брать въ долгъ, и пока ему вѣрятъ, все беретъ. Но много казаки не вѣрятъ, и потому черезъ два, три, четыре дня онъ вытрезвится окончательно и возвращается на ферму; въ теченіе мѣсяца преусердно работаетъ и уплачиваетъ долги, а за тѣмъ опять загулъ и т. д. Мѣстное начальство едва ли знаетъ объ этихъ спекуляціяхъ. Впрочемъ, полагаю, что станичному начальству это безызвѣстно...

Я часто задаю себѣ вопросъ: что за причина этихъ періодическихъ загуловъ моихъ рабочихъ, да и вообще нашихъ солдатъ? Всѣ мои раздумыванія по этому предмету приводятъ меня къ слѣдующему заключенію. Большая часть перечисленныхъ въ казаки гарнизонныхъ солдатъ, сколько мнѣ удалось замѣтить, подвержены болѣе или менѣе пьянству.

Не это ли и было одною изъ главныхъ причинъ того что они попали на Амуръ? Наклонности къ воровству, плутнямъ, тѣмъ менѣе къ грабежу, между ними почти не встрѣчается. Картежничество, какъ остатокъ дурной стороны казарменныхъ привычекъ, встрѣчается между ними чаще. Привычка выпить нажита ими еще въ бытность ихъ въ гарнизонѣ. Но тамъ она сдерживалась въ нихъ строгою дисциплиной; здѣсь же наши солдаты люди болѣе или менѣе свободные, по крайней мѣрѣ въ частной жизни. Еще не свыкнувшись вполне съ этою свободой, они и пользоваться ею не умѣютъ. Въ батальонѣ у солдата почти не водилось денегъ; здѣсь у него деньги есть постоянно, и деньги для человѣка безсемейнаго и обезпеченнаго продовольствіемъ порядочныя. А тутъ еще казаки-спекуляторы; пьяному же человѣку, извѣстно, „море по колено“. Кроме того, относительно загуловъ моихъ рабочихъ нужно сказать еще слѣдующее: они давно отвыкли сами о себѣ заботиться. Прежде все хлопотали о нихъ другіе: привыкнуть сразу самому о себѣ заботиться и копить деньги—трудно. Предположимъ, который-нибудь изъ нихъ и накопилъ бы деньги, и съ помощію начальства завелъ бы свое собственное небольшое хозяйство: какой же онъ будетъ хозяинъ, коли онъ человѣкъ холостой? Пойдетъ онъ пахать, кто приготовитъ ему обѣдъ, кто присмотритъ за домомъ? Вы скажете: отчего ему не жениться на дочери казака? Впервыхъ, каждый казакъ норовитъ отдать дочь за своего же брата казака, а за солдата, пожалуй, не отдастъ. Нѣкоторые женились въ Иркутскѣ, и что же? жены только маются съ ними. Да еслибы и пошла за иного казачка, то не всякій изъ нихъ захочетъ жениться. Женитьба хороша для человѣка не отвыкшаго отъ семейныхъ отношеній. Съ привычками казарменной жизни не скоро разстанешься. Начальство вздумало соединять ихъ въ артели по два, по три, по четыре человѣка для общаго хозяйства: что же вышло изъ этихъ артелей? Соединились нѣкоторые; построили даже общими силами себѣ землянки, да на томъ дѣло и остановилось. Дали въ артель по одной, по двѣ лошади; одинъ работаетъ, другой сидитъ сложа руки: или потому что лѣнь мѣшаетъ (вѣдь постоянного контроля надъ нимъ имѣть нельзя), или потому что не умѣетъ: онъ или не пахивалъ вовсе, или забылъ какъ пахать. Чтобы шло хозяйство нужно трудиться въ потъ лица, а для кого онъ будетъ трудиться? Что у него, жена, дѣти плачутъ что ли?

Нѣкоторыя холостыя артели, выстроили-было дома и завели пашни, но какими образомъ? Они подряжали казаковъ, нанимали пахать казаковъ же. Девьга на это они добывали заработками (большую частію у меня), а нѣкоторые и картами. Развѣ можно считать хлѣбопашцемъ человека, не имѣющаго ничего кромѣ своихъ рукъ и не пахущаго этими руками, а случайно построившаго, вмѣстѣ съ товарищами, избушку и вспахавшаго клочокъ земли, подрядомъ и наймомъ. Не будетъ заработковъ, не повезетъ въ карты, что онъ будетъ дѣлать съ своимъ хозяйствомъ? Да и какое особенное побужденіе для него заниматься работами, ему несвойственными и несвычными? Почти всѣ холостыя артели разстроились сами собою. За тѣмъ вышло распоряженіе начальства, чтобы всѣхъ холостыхъ, вновь перечисленныхъ, за которыхъ не поручится станционное общество въ томъ что они могутъ сами, безъ пособія казны и казаковъ, вести свое хозяйство и собственными средствами содержать себя, отправить въ Николаевскъ или въ Забайкалье. Казаки поручились за очень немногихъ, и вотъ холостыя артели, которыя не успѣли разстроиться, вынуждены были продать свои дома, или землянки и пашни, если таковыя у нихъ были, и отправиться куда кто назначенъ, въ Николаевскъ или въ Забайкалье. Остались на мѣстѣ только тѣ, которые служили у меня по годовымъ контрактамъ, и слѣдовательно сами себя содержали, да и тѣхъ ротный командиръ хотѣлъ отправить, несмотря на контракты надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованные (послѣ я разкажу объ этомъ), и тѣ, которыхъ казаки взяли къ себѣ въ сынки (то-есть въ работники изъ-за хлѣба). Вотъ вамъ и артели, вотъ вамъ и хозяйство. Наконецъ, одна изъ причинъ періодическаго загула моихъ рабочихъ есть, въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ, и недостатокъ развлеченій болѣе нравственныхъ. Чернорабочему, работающему изо дня въ день всѣ шесть дней недѣли, трудно обойтись безъ какого-нибудь сподручнаго развлеченія въ праздничный день. А какое удовольствіе у насъ на Амурѣ можетъ онъ доставить себѣ. У насъ нѣтъ ни театровъ, ни гуляній, никакихъ приличныхъ развлеченій. Въ чтеніи онъ найдетъ развлеченія не можетъ: онъ не умѣетъ читать. Книги соотвѣтственныя его пониманію я могъ бы ему доставить; но къ чтенію нужна привычка, нуженъ навыкъ и немалый, чтобы чтеніе могло занять всѣ досуги человека. Нужна потребность, а мало ли

трудоу нужно чтобы въ человѣкѣ, прожившемъ уже полжизни, установившемся и приобрѣтшемъ уже извѣстныя трудо-искоряемыя привычки, развитъ потребность въ чтеніи? Да наконецъ, онъ читать не умѣетъ и учиться не захочетъ. Прибавьте къ этому сдѣланную привычку выпить и увидите, что ему не остается другого развлечения, кромѣ выпивки. Разумѣется, при средствахъ можно было бы устроить при фермѣ церковь, пригласить съ разрѣшенія начальства священника, завести воскресную школу и т. д. Но все это, пока нѣтъ средствъ, не болѣе какъ мечты, какъ планы на будущіе годы.

Кстати, по поводу артелей, сообщу слѣдующій случай: Въ сентябрѣ 1861 года, приходитъ ко мнѣ наниматься на годъ одинъ изъ тѣхъ рабочихъ, которые въ маѣ отошли отъ меня, вслѣдствіе распоряженія о соединеніи солдатъ въ артели. Спрашиваю:

- Что же ты дѣлалъ цѣлые три мѣсяца?
- Да землянку все строили, отвѣчалъ смущенный Иванъ.
- Васъ въ артели четыре человѣка: неужели вы всѣ четверо цѣлые три мѣсяца возились съ одною землянкой?
- Всѣ четверо.
- Чего же стоитъ ваша землянка?
- Да рублей за пятнадцать такую купить можно готовую.
- Ну не простаки ли вы? вѣдь въ три мѣсяца вы четверо выслужили бы у меня сто двадцать рублей, а вы въ три мѣсяца сработали на пятнадцать рублей, да и провіантъ свой ѣли!
- Что же дѣлать? Начальство! Велѣно было, ну и строили. За то лошаденку дали.

Вообще нужно сказать, что въ распоряженіяхъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ казачьихъ начальниковъ есть доля непрактичности. Такъ, въ 1861 году, одинъ изъ казачьихъ начальниковъ укорялъ казаковъ за то, что они не строятъ ригъ и не возятъ съ полей въ риги къ зимѣ своего хлѣба, который остается до зимы на поляхъ, тамъ обмалачивается, и уже обмолотый привозится въ станицу. Начальникъ не сообразилъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) Что казаки вынуждены были распахать пашни верстъ за десять и даже за пятнадцать отъ станицы, вслѣдствіе неудобства земель окружающихъ станицу. 2) Что возить сжатый хлѣбъ можно только съ сентября и до октября: къ сентябрю

только успѣваютъ убрать и просушить, а съ октября казаку возить хлѣбъ некогда, нужно возить скоту сѣно верстѣ изъ за десяти. 3) Что хлѣбъ въ снопахъ тяжелъ и казачья лошадевка болѣе сорока сноповъ не увезетъ, что савдательско двунъ рабочимъ лошадкамъ нужно, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ съѣздить за пятнадцать верстѣ, чтобы привести въ станицу тысячи полторы сноповъ, которые казакъ можетъ нажить на двухъ десятинахъ. 4) Что почти цѣлое лѣто лошади, по причинѣ комаровъ и паутовъ, почти ничего не ѣдятъ и къ сентябрю страшно истощаются, и что для поправки ихъ на подножномъ корму къ зимѣ остается именно сентябрь мѣсяць, а съ октября тѣ же двѣ лошади должны цѣлую зиму возить для домашнего скота (коровъ, быковъ, овецъ) и для себя сѣно изъ-за десяти, пятнадцати верстѣ и въ то же время отбывать свою очередь почтовой гоньбы. 5) Что казаки едва успѣли построить себѣ дома, загородить дворы и устроить для скота кое-какія стойки; что поэтому устроить риги и амбары имъ еще не было и времени. 6) Что тѣ двѣ лошади составляютъ подпору всего казачьяго хозяйства и томить ихъ чуть не ежедневно двадцати и тридцати-верстною возкой хлѣба не приходится; вѣдь жили же они безъ этого обычая въ Забайкальи десятки лѣтъ и ѣли хлѣбъ чуть ли не лучше теперешняго. Наконецъ, 7) господинъ начальникъ не сообразилъ того, что сваживаютъ хлѣбъ въ риги тамъ, гдѣ дороги гладкія, а у насъ дороги еще въ такомъ положеніи, что провезти хлѣбъ въ снопахъ верстѣ за двадцать, значитъ цѣлую треть зерна раструсить по дорогѣ, на которой кочку смѣняетъ трещина, трещину смѣняетъ торчащій изъ земли корень. А вѣдь укоризны помянутаго начальника казаки чуть ли не приняли за приказаніе: строить риги и свозить въ нихъ съ полей къ зимѣ свой хлѣбъ.

Пусть извинитъ меня читатель, если найдетъ въ моемъ писаніи много погрѣшностей и недостатковъ въ литературномъ отношеніи. Писалъ я безъ всякихъ претензій на авторство въ той только надеждѣ, что для людей интересующихся ходомъ амурскихъ дѣлъ, нелишнимъ будетъ узнать какъ шло дѣло у одного изъ хлѣбопашцевъ этого края.

АМУРСКІЙ ХЛѢБОПАШЕЦЪ.

1862 года.
Ноября 15 дня.

ОТЗЫВЫ И ЗАМѢТКИ

РУССКІЙ ВОПРОСЪ.

Вооруженное возстаніе въ Польшѣ не можетъ тревожить насъ. Шайки мятежниковъ рѣдѣютъ и исчезаютъ одна за другою; съ каждымъ днемъ все яснѣе обнаруживаются несостоятельность и безсиліе возстанія, которое однако стоило такъ много крови. Но еслибы число бѣгущихъ *de lasi* не уменьшалось, а съ каждымъ днемъ возрастало, еслибы даже удалось инсургентамъ обезпечить себѣ доставку боевыхъ припасовъ и всякаго рода пособій изъ-за моря, словомъ, еслибы возстаніе разыгралось вдесятеро сильнѣе и серіознѣе, то мы все-таки не имѣли бы причины опасаться и тревожиться. Агитація, которую вдругъ подняли противъ насъ изъ конца въ конецъ Европы, журнальный трескъ, парламентскія демонстраціи, маневры правительствъ,—все это не страшно. На угрозы конгрессомъ или войною могли бы мы отвѣчать очень спокойною улыбкой: европейскій конгрессъ дѣло не легкое, а война и подавно. Не такъ давно выдерживали мы громадную войну, въ которой противъ насъ была цѣлая Европа, войну, въ которой самыя могущественныя державы должны были напрягать всѣ свои силы, чтобы чувствительно уязвить насъ,—войну, причины и свойства которой были не

совсѣмъ ясны для русскаго народа, и въ которой онъ бился только изъ чести, не сознавая ясно за что; но мы выдержали эту войну не безславно. Война эта стоила намъ много жертвъ, но не мало жертвъ стоила она и нашимъ противникамъ, и если мы кое-что потеряли, то и противники наши не много выиграли, а особенно Франція, кромѣ развѣ того, что государственныи долгъ ея возросъ въ громадной пропорціи, и что она пролила подъ Севастополемъ свою лучшую кровь. Правда, наши финансы находятся въ положеніи не завидномъ, и это одно изъ самыхъ пагубныхъ послѣдствій крымской войны; но финансовое положеніе наше нельзя назвать отчаяннымъ; при нѣкоторыхъ условіяхъ, оно могло бы быть поправлено безъ чрезвычайныхъ усилій, которыхъ требуетъ теперешнее положеніе французскихъ финансовъ, управляемыхъ однимъ изъ самыхъ опытныхъ и даровитыхъ финансистовъ нашего времени, каковъ г. Фульдъ. Если мы могли съ честью выдержать ожесточенную войну за идею; то нельзя думать, чтобы наши враги могли *de gaieté de coeur*, затѣять такую съ нами борьбу, отъ которой встрепенулась бы каждая фибра, закипѣла бы каждая капля крови въ народѣ. Затѣять такую войну—дѣло нешуточное, тѣмъ болѣе что при первой серіозной попыткѣ затѣять ее въ настоящее время, Европа не только не соединится противъ насъ, какъ бывало, но раздѣлится на два лагеря, потому что теперь война была бы для другихъ державъ еще опаснѣе чѣмъ для насъ. Европейская война подъ знаменемъ польскихъ притязаній,—дѣло невозможное. Но поугаты насъ было возможно, и вотъ насъ поугали. Теперь не только о войнѣ, но и о конгрессѣ нѣтъ болѣе рѣчи. Крики начинаютъ стихать; въ журналахъ, до сихъ поръ самыхъ враждебныхъ намъ, наполнявшихся всевозможными клеветами и ругательствами, начинаютъ появляться статьи болѣе умѣренныя и болѣе разумнаго свойства. Вся эта агитація, поднятая съ одного конца Европы до другаго, предоставленная самой себѣ, не замедлитъ исчезнуть, не оставивъ никакихъ послѣдствій, кромѣ нѣкоторыхъ запоздавшихъ сотрясеній въ не очень чуткомъ мозгу нашихъ прогрессистовъ разнаго чина и калибра. Что эта агитація есть колоссальный *humbug*, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Это мистификація, затѣянная подъ вліяніемъ мысли, что русскій народъ находится при послѣднемъ

пздыханіи, что Русское царство распадается и рушится. Всѣмъ пріятно было вѣрить, что вотъ-вотъ, на этихъ дняхъ, наступитъ часъ великаго паденія, и всѣ заранее дѣлали добычу. Не всѣ, конечно, вѣрили этому, но всѣ показывали видъ увѣренности, въ надеждѣ отуманить наши головы, и заставить насъ самихъ убѣдиться въ нашемъ отчаянномъ положеніи. Планъ былъ не дурной, и пока бы мы щупали у себя пульсъ и съ поникшею головой ожидали своего смертнаго часа, насъ могли бы привести въ такое положеніе, что народу нашему, который вовсе не думаетъ умирать, послѣ пришлось бы дѣйствительно выдерживать тяжкій кризисъ и проливать свою здоровую кровь, для того чтобы выпутаться и расправить свои члены.

Очень можетъ быть, что посреди этого гвалта, который поднялся на насъ въ Европѣ, иные мирные обладатели подвижныхъ капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ готовы были бы сказать: „Провались она, эта Польша! Пусть она отъ насъ отдѣлится и будетъ чѣмъ хочетъ! А если уже Польша такъ цѣпки, что непременно желаютъ прихватить и наши области, то Богъ съ ними! Пусть они берутъ и Волынь, и Подолію, и Вильно, и Витебскъ, хоть самый Кіевъ, лишь бы, чего добраго, не вышло и въ самомъ дѣлѣ нешуточной войны. Намъ теперь пуще всего нужны миръ и спокойствіе. Куда ужъ намъ лѣзть въ драку! Лишь бы какъ-нибудь притаиться, чтобы насъ не замѣтили. Европейцы называютъ насъ варварами; да и въ самомъ дѣлѣ,—что намъ обманывать себя?—мы очень хорошо знаемъ, что мы порядочная дрянь. Въ послѣднее время мы ничего другаго не дѣлали какъ только изобличали себя, и открыли въ себѣ столько всякой подлости и мерзости, что хорохориться намъ совсѣмъ не пристало...“

Подобныя разсужденія были бы, можетъ-быть, не лишены основанія, еслибы каждый прилагалъ ихъ лично къ себѣ и къ своему кружку. Такіе люди есть вездѣ, и вездѣ ихъ не оберешься. Но народъ не есть совокупность такихъ людей; да и вообще народъ не есть механическая совокупность какихъ бы то ни было людей. Только умершій народъ разсыпается на отдѣльныхъ людей и превращается въ стадо. Но пока народъ живетъ, онъ есть сила, проходящая чрезъ миллионы людей, невѣдомо для нихъ самихъ,

такъ что мы напрасно стали бы доискиваться народа въ воя-
 тяхъ и возрѣвяхъ разныхъ особъ, которыя къ нему причис-
 ляются, жительствоуютъ въ его владѣнiяхъ и говорятъ его
 языкомъ. Что это за сила, объ этомъ можемъ мы толковать
 на досугъ; но эта сила есть. Въ обыкновенную пору она
 бываетъ не слышна и не замѣтна; но бываютъ минуты когда
 она пробуждается и встаетъ самолично въ милліонахъ людей.
 Какъ буря, ничѣмъ неудержимая, она погонитъ столбомъ эти
 мириады пылинкокъ, не спрашивая, что каждая изъ нихъ ду-
 маетъ или хочетъ. Все закрутится въ ураганѣ, когда подни-
 мется эта сила, столь же слѣпая и столь же неумолимая
 какъ и всякая сила природы. Мелкое и великое, умное и
 глупое, ученое и невѣжественное—все равно охватитъ одна
 могучая сила. Волей или неволей всѣ покорятся ей, но од-
 ныхъ она сотретъ, а другихъ возвыситъ. Все посторонится
 въ эти минуты, и во всемъ явится самъ народъ: ему
 прежде всѣхъ побѣда или пораженіе, ему прежде всѣхъ слава
 или позоръ; онъ самъ въ эти торжественныя минуты заяв-
 ляетъ свое существованіе, рѣшаетъ свои судьбы, тво-
 ритъ свою исторію. Но все что есть лучшаго въ отдѣль-
 ныхъ людяхъ, все энергическое и разумное, все возвы-
 шенное и святое, выразится въ его порывѣ, и дастъ ему
 физиономію. Благо тому, чья мысль и чувство совпа-
 деть въ одинъ тонъ съ народнымъ влеченіемъ, въ комъ
 народная сила найдетъ свой разумъ и свою волю, кто послужитъ
 ей живымъ и сознательнымъ органомъ,—благо тому! Но та же
 сила повлечетъ безсознательно и тѣхъ изъ насъ кто и не хо-
 тѣлъ бы, повлечетъ не справаясь о нашихъ мнѣнiяхъ; за-
 одно стукнетъ и чистый и нечистый грошъ, заодно про-
 лется и благородная, и подлая кровь. Торжественны, но и
 грозны бываютъ эти явленія народа. Напрашиваться на
 нихъ не должно; но надобно также помнить, что съ
 этихъ явленій ведетъ свое лѣтосчисленіе исторія, что тутъ
 полагаются эпохи, что тутъ рѣшаются судьбы всемір-
 наго хода событій. Отъ этихъ-то минутъ идетъ въ лю-
 дяхъ то, что мы зовемъ патриотизмомъ и народнымъ чув-
 ствомъ; тутъ начинается новая жизнь и новый духъ, тутъ
 закигается новая мысль. Тутъ мгновенно открывается то,
 чего прежде мы не подозрѣвали; оказывается возлѣ насъ, въ
 насъ самихъ, то чего мы искали за дальними горизонтами. Все

встрахнется, и что было близко, то затуманится вдали, и далекое придвинется близко.

Боже насъ сохрани называться на испытанія и привлекать грозу, какъ бы мы ни были увѣрены въ наше торжество! Человѣческая мудрость должна дѣлать все съ своей стороны, чтобы предупреждать народныя войны, каково бы ни было ихъ овойство. Но самое лучшее средство предотвратить испытаніе—обнаружить твердую готовность выдержать его. Не пониженіемъ тона, не малодушнымъ колебаніемъ и уступчивостію предупреждаются народныя войны, но твердою рѣшимостію не уступить и пяди того что принадлежитъ народу, не допустить ничего что рано или поздно отзовется для нашего отечества чувствительнымъ ущербомъ, не допустить ничего что роковымъ сдѣленіемъ событій неминуемо подниметъ всеподнимающую силу народныхъ страстей. Наша личная апатія и трусость, разные наши интересы, будутъ нашептывать намъ о необходимости уступокъ, но мы горько обманемся, если поддадимся на этотъ лукавый шепотъ. Жертвуя народнымъ достоинствомъ и народною честью для своего избавленія, мы только вѣрнѣ погубимъ себя. Не трусомъ владѣетъ Богъ, и не трусость спасаетъ человѣка въ трудную минуту. Чѣмъ болѣе энергіи въ началѣ, тѣмъ менѣе опасности впереди; чѣмъ болѣе патріотическаго чувства на верху и на готовѣ, тѣмъ менѣе потребуется его изъ глубины. Чѣмъ болѣе достоинства и твердости съ нашей стороны, тѣмъ менѣе будетъ назойливости во враждебныхъ намъ притязаніяхъ; чѣмъ спокойнѣе и яснѣе будемъ мы соображать выгоды нашего отечества, тѣмъ менѣе надежды у враговъ нашихъ обмануть насъ хитрыми предложеніями и заманить насъ на такую сдѣлку, которая неминуемо, и въ непродолжительномъ времени, повлечетъ за собою новыя затрудненія и новыя бѣдствія. Какая польза обманывать себя мнимымъ миромъ, подъ которымъ затаится вѣрная и неизбѣжная война?

Прямая угрозы не бѣда; онѣ лишь скорѣ вызовутъ энергическій отпоръ. Гораздо опаснѣе замыслы тѣхъ изъ нашихъ враговъ, которые принимаютъ личину дружбы и подкрадываются изподтишка. Чего нельзя взять силою, то можно выманить хитростію; можно, пользуясь обстоятельствами, предложить намъ такую сдѣлку, которая польститъ нашему тщеславію титуломъ великодушнѣйшихъ и либеральнѣйшихъ изъ всѣхъ

когда-либо существовавшихъ варваровъ; можно попробовать, нельзя ли за стаканъ рома вымѣнять у дикарей самородки золота?

Намъ скажутъ, напримѣръ, тономъ дружелюбнымъ и искреннимъ: „Зачѣмъ Польшѣ отдѣляться отъ Россіи? Мысль объ отложеніи Польши есть безумная мечта революціонеровъ, которые сами не знаютъ чего хотятъ, и производятъ только смуты и кровопролитія. Благоразумные люди совсѣмъ этого не желаютъ. Напротивъ, они хотятъ чтобы Польша оставалась попрежнему подъ одною съ Россіею державою. Такое положеніе для Польши гораздо полезнѣе чѣмъ отдѣльное политическое существованіе, лишенное всякой будущности. Но пусть Польша, находясь подъ однимъ скипетромъ съ Россіею, приобрѣтетъ полную политическую самостоятельность; пусть она будетъ, напримѣръ, вице-королевствомъ подъ верховною властью польскаго царя, который въ то же время есть и императоръ россійскій. Поляки будутъ вѣрными подданными своего царя, но за то Польша должна имѣть совершенно особую политическую организацію, съ своимъ особымъ правительствомъ и законодательствомъ. При этомъ Польша должна получить либеральныя учрежденія, національное представительство, и удержать особое финансовое управленіе. Вотъ, скажутъ намъ, желанія благоразумныхъ и просвѣщенныхъ патріотовъ польскихъ, желанія очень умѣренныя, которыя будутъ поддерживаться общимъ сочувствіемъ Европы; удовлетвореніемъ этихъ желаній Польша сразу будетъ успокоена, такъ что все войдетъ въ должный порядокъ, водворится миръ и спокойствіе, а русскіе государственные мужи заслужатъ всяческія оваціи за свою либеральность и за свое великодушіе, тѣмъ болѣе рѣдкое, что въ этомъ случаѣ оно будетъ сопряжено съ глубокою политическою мудростію. И въ самомъ дѣлѣ, не мудрое ли дѣло удивить цѣлый міръ щедростію, заключаая въ сущности очень выгодную для себя сдѣлку? Чего лучше? Всѣхъ успокоить, всѣхъ удовлетворить, да и самимъ не остаться въ накладѣ.“ Въ самомъ дѣлѣ, чего лучше! Въ Польшѣ общественныя силы удесятерятся, жизнь закипитъ у нея на всѣхъ путяхъ, голосъ ея будетъ раздаваться свободно, слышимый всею Европою, и она будетъ пользоваться всеми удобствами своего соединенія съ Россіею, не терпя никакихъ невыгодъ,

она будетъ пользоваться всѣми преимуществами огражденной, поднятой и усиленной народности надъ другою народностію счастливый только тѣмъ, что послужить темнымъ фомомъ чужаго развитія и поддержкою чужаго государства, прильпившагося къ ней.

Плавъ очень хорошій. Однако статочное ли дѣло, чтобъ изъ двухъ соединенныхъ народностей одна, и именно завоеванная, пользовалась большими льготами чѣмъ другая, и именно главная и господствующая? Возможное ли дѣло, чтобъ изъ двухъ соединенныхъ народностей, которыя постоянно между собою соперничали и враждовали, — изъ двухъ народностей, между которыми, повидимому, остается еще такъ много нерѣшеннаго, которыя оспариваютъ другъ у друга цѣлыя народонаселенія—всѣ преимущества живаго и свободнаго дѣйствія были предоставлены одной? Возможное ли дѣло, чтобы льготы давались побѣжденнымъ въ ущербъ побѣдителямъ? Народъ утратившій свою свободу, потому что не умѣлъ ею пользоваться, получить преимущество передъ народомъ, который съ безпримѣрнымъ самопожертвованіемъ понесъ всѣ тягости для утвержденія своего государственнаго единства, который въ своей исторіи ни разу не пошатнулся, и все, чѣмъ пользуется, купилъ не браками, какъ Австрія, а кровью и потомъ. Народъ, который съ Божьею помощію одолялъ всѣхъ своихъ враговъ, долженъ стать подножіемъ своему побѣжденному сопернику.... Пусть ужъ лучше Польша совсѣмъ отдѣлится отъ Россіи, и тогда пусть она имѣетъ какія хочетъ учрежденія и живетъ какъ знаетъ. Но можно ли допустить, чтобъ оставаясь въ соединеніи съ Россіей, она пользовалась политическими преимуществами надъ нею? Нѣтъ, это невозможно. Такая сдѣлка, послѣ всего что было, послѣ всѣхъ уроковъ исторіи, была бы измѣной русскому народу. Нѣтъ, пусть Польша или совсѣмъ отойдетъ отъ Россіи и будетъ чѣмъ хочетъ, или остается подъ однимъ съ нею закономъ, и ждетъ равныхъ съ нею льготъ. Русскій народъ можетъ оставаться въ соединеніи съ другимъ народомъ лишь на равныхъ правахъ. Польша хочетъ разныхъ удобствъ; пусть подождетъ она, когда будетъ имѣть ихъ Россія; но дать ей хоть однимъ днемъ предупредить въ этомъ Россію, значило бы, съ нашей стороны, великодушно унижить и всецѣдно умалить свою собственную народность.

Но мы остановились на полупутѣ. Мы не все сказали. Благоразумные противники наши не ограничиваются такою сдѣлкой; они не того еще ожидаютъ отъ щедротъ нашего великодушія. Да и въ самомъ дѣлѣ, какая надобность останавливаться на полупутѣ? Польша хочетъ остаться въ соединеніи съ Россіей: какое счастье! Но какъ скоро Польша даруетъ намъ это счастье, то что же мѣшаетъ намъ присоединить къ ней нѣсколько русскихъ областей, которыя она считаетъ своими, потому что когда-то захватила ихъ? Въ самомъ дѣлѣ, если Польша желаетъ остаться подъ однимъ скипетромъ съ Россіей, то почему же не присоединить къ ней и Литву, и Бѣлоруссію, и Волынь, и Подолію? Нѣтъ причины не присоединить къ ней и заготовленнаго Кіева, пожалуй Одессы, пожалуй и Крыма, и всего того пространства, которое недавно умные польскіе люди обирались связать посредствомъ желѣзной дороги черезъ Пинскія болота съ Варшавой, и только ждали чтобы русское правительство подсобило имъ въ этомъ деньгами и гарантіями. Въ самомъ дѣлѣ, почему не присоединить, когда все попрежнему останется подъ одною и тою же державой? Для самаго скипетра какая же можетъ быть отъ этого разница? За чѣмъ же можетъ стать дѣло?

За чѣмъ? За тѣмъ, что Россія никогда не находилась подъ другимъ скипетромъ кромѣ русскаго, а русскій скипетръ и русскій народъ есть одно и то же. и присоединять русскія области къ Польшѣ, которая хочетъ жить особою жизнію, значило бы просто-на-просто отнять ихъ у русскаго народа...

Однако пойдемъ далѣе, посмотримъ съ какими ухищреніями дѣлается этотъ обидный расчетъ на нашу невинность и щедрость. Чтобы не сочинять предположеній, которыя могутъ показаться произвольными, мы выведемъ самихъ друзей нашихъ на сцену. Вотъ напримѣръ передъ нами брошюрка, вышедшая недавно, въ самый разгаръ возстанія, писанная на крайне плохомъ французскомъ языкѣ, но разсуждающая очень ясно и убѣдительно. Эта брошюрка называется такъ: *Перемиріе между Русскими и Поляками, предложенное графомъ Эдуардомъ Лубенскимъ 2 февраля 1863 года.*¹ Это только

¹ *L'Armistice entre les Russes et les Polonais proposé par le comte Edouard Lubiencki le 2 fevrier 1863.* Leipzig, Wolfgang Gerhard, 1863.

перемиріе; значить, миръ еще впереди. На какихъ условіяхъ благодатный миръ будетъ дарованъ намъ въ послѣдствіи,— это еще тайна подъ семью печатами. Теперь только перемиріе: спасибо и на этомъ; по крайней мѣрѣ даютъ передохнуть. Авторъ брошюры, какъ по всему видно, человекъ очень добрый. Къ намъ обращается онъ весьма дружелюбнымъ образомъ, и малая своимъ парламентарскимъ флагомъ, очень приветливо улыбается. Онъ человекъ добрый, и вмѣстѣ человекъ благочестивый, притомъ великодушный: онъ не объ одной своей народности заботится, но также и о нашемъ спокойствіи. Онъ вознамѣрился спасти насъ отъ язвы нашего времени, отъ революціи, со всею когортою ея ужасовъ, съ безбожіемъ впереди, съ социализмомъ позади, отъ революціи, предводимой франц-масонами, съ лордомъ Пальмерстономъ во главѣ,—отъ революціи, которая, по понятіямъ почтеннаго автора брошюры, покрывала бы весь міръ обломками, еслибы не было Франціи, и на престолѣ Франціи не сидѣлъ Наполеонъ III, вездѣ являющійся гениемъ добра, но не всегда, къ великому прискорбію, успѣвающимъ въ своихъ благихъ предначертаніяхъ. Графъ Лубенскій ничего не знаетъ о томъ, какъ много польская революція обязана французскому пособію, и безпощадно изобличаетъ дѣла революціи въ Польшѣ. Эти чудеса патриотизма, которыми такъ плѣняются зрители, посмотрите какъ клеймить ихъ этотъ польскій патриотъ: „Заговорщики, говоритъ онъ, прежде всего старались подчинить своей власти священниковъ. Если священникъ громко свидѣтельствовалъ о своей независимости, то всѣ органы революціонной печати провозглашали его измѣнникомъ, забывая, что этотъ самый священникъ съ тою же независимостію относился и къ цвѣтущему правительству. Не довольствуясь площадью для политическихъ манифестацій, непременно хотѣли дѣлать ихъ въ церкви. Въ церквахъ пѣлись новые гимны, сочиненные кѣмъ попало. Въ церквахъ дѣлались вынудительные сборы для революціи... На духовенство напирали, чтобъ оно затворило всѣ церкви въ Варшавѣ, и тѣмъ лишило народъ богослуженія, въ которомъ онъ находитъ свое утѣшеніе и свою нравственную силу. Хотѣли завлечь и духовенство въ политическую агитацію (ксендзы-то, не во гнѣвъ будь сказано благочестивому автору брошюры, и были главными завлекателями), чтобъ оно забыло свои священныя обязанности и подверглось

ненависти сельскихъ жителей (это показаніе очень важно: дѣйствительно, мы имѣемъ свѣдѣнія, что во многихъ мѣстахъ католическіе обитатели Литвы, чтобъ избавиться отъ своихъ ксендзовъ, желали бы присоединиться къ православной церкви). Теперь, когда Поляки не имѣютъ ни войска, ни союзниковъ, ни согласія внутри, вслѣдствіе враждебнаго положенія крестьянъ, — вотъ минута, выбранная революціонерами, чтобъ еще разъ принести польское дѣло на жертву замысламъ европейской демагогіи! По крайней мѣрѣ обладаютъ ли въ настоящее время Поляки нравственною силою, за неимѣніемъ матеріальной? Обладаютъ ли они гражданскимъ мужествомъ наравнѣ съ военнымъ? Еслибы мы умѣли отстаивать наши права на законной почвѣ, мы были бы теперь гораздо далѣе. Но оказываетъ ли страна достаточно мужества по отношенію къ тому тайному правительству, которое тиранизируетъ его? Если между нами является государственный человѣкъ великихъ достоинствъ, оказывается ли ему соотечественниками должное уваженіе?... Еслибы революціи удалось освободить Польшу отъ русскаго ига, то она скоро заставила бы ее сожалѣть объ этомъ игѣ,“ заключаетъ графъ Лубенскій.

Итакъ, польскій патріотъ видитъ въ революціи гибель для своего отечества; но заботясь о себѣ, онъ столько же заботится и о насъ. Онъ опасается, чтобы революція не простерла своихъ губительныхъ дѣйствій и на Россію, чтобы революція, истерзавшая, раззорившая и погубившая Польшу, не сдѣлала того же самаго и съ Россіей. Онъ даже увѣренъ, что революція непременно должна разыгратъ у насъ, и онъ съ трепетомъ говоритъ о тѣхъ ужасахъ, которые она произведетъ въ Москвѣ. Въ Польшѣ, говоритъ онъ, благодаря мягкости нравовъ еще не такъ страшно, но въ Россіи—о! въ Россіи, восклицаетъ онъ, заранѣе оплакивая насъ, тамъ не шутятъ! Какую дикую энергію обнаружитъ революція въ Москвѣ, восклицаетъ графъ Лубенскій, и какіе страшные потоки крови прольются тамъ! А потому, продолжаетъ почтенный доброжелатель нашъ,—революція должна быть подавлена въ Россіи со всевозможною энергіей. Но, заключаетъ онъ, это возможно не иначе какъ при согласіи Императора съ Поляками, а для этого надобно, чтобы Россійскій Императоръ даровалъ Полякамъ самыя широкія уступки, которыя, не нарушая безопасности государства, могли бы вполнѣ удовлетворить ихъ.

Все это очень хорошо, и намъ приятно отдать справедливость добрымъ чувствованіямъ польскаго патріота, который желаетъ намъ добра, и съ умиленіемъ отзывается о Государѣ Императорѣ за его благодѣтельныя намѣренія и за освобожденіе крестьянъ. Все это прекрасно; но какія же уступки считаетъ онъ необходимыми, для того чтобъ оградить насъ отъ революціи, удовлетворить Поляковъ, или по крайней мѣрѣ, склонить ихъ на перемиріе?

„Неужели, спрашиваетъ онъ, невозможно соглашеніе между Россіей и Польшей? Напротивъ, по моему мнѣнію, это самое легкое дѣло, если только приняться за него серьезнымъ образомъ. Если правительство захочетъ удовольствоваться подавленіемъ возстанія, то, безъ сомнѣнія, оно успеетъ въ этомъ; но что пользы? Дѣло попрежнему останется не рѣшеннымъ, въ ожиданіи новаго и скорого взрыва неудовольствія. Что же можетъ сдѣлать Императоръ для удовлетворенія законнаго желанія Поляковъ? Умѣренная партія уже отвѣчала на этотъ вопросъ. Великій князь Константинычъ спросилъ у графа Андрея Замойскаго, человѣка облеченнаго довѣріемъ страны: какія у Поляковъ желанія, и при какихъ условіяхъ граждане, не принадлежащіе къ революціонерамъ, могутъ искренно поддерживать правительство? Графъ собралъ у себя многочисленныхъ друзей и отвѣчалъ, что Царство прежде всего желаетъ соединенія съ областями Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи. Дворянство этихъ самыхъ губерній лежащихъ за Бугомъ и Нѣманомъ, выразило то же желаніе, требуя своего присоединенія къ Царству Польскому. Русское правительство показало при этомъ видъ строгости, но сохранило умѣренность.“

Такъ вотъ, стало-быть, въ чемъ дѣло. Надобно присоединить къ Польшѣ Литву, Бѣлоруссію и Малороссію, чтобъ обезпечить себѣ спокойствіе, по крайней мѣрѣ, на время, потому что графъ Лубенскій предлагаетъ намъ только перемиріе. Русскіе, говоритъ онъ, утверждаютъ, что здѣсь колыбель ихъ народности, отнятая назадъ у Поляковъ,—но объ этомъ пусть толкуютъ ученые, а дѣло въ томъ, что дворянство и городскія народонаселенія между Бугомъ и Нѣманомъ на западѣ, между Двиною и Днѣпромъ на востокѣ, — польскіе, за исключеніемъ Евреевъ. Кіевъ... Ну, Кіевъ имѣетъ еще русскій характеръ, за то Полоцкъ и Бѣлоруссія за Двиной и за Днѣпромъ (!)

сохранили Польскую національность. Одна бѣда: крестьяне во всѣхъ этихъ провинціяхъ—не Поляки; но и это не бѣда: можно изыскать отличное средство сдѣлать ихъ Поляками. Какое это средство, мы сейчасъ увидимъ; но прежде намъ предлагается слѣдующая, поучительная парабола: „Представьте себѣ, напримѣръ, говоритъ графъ Лубенскій, землевладѣлецъ, у котораго сто деревень. Крестьяне двадцати изъ этихъ деревень приходятъ просить его, чтобы онъ поставилъ ихъ подъ одно управленіе, отдѣленное отъ остальныхъ земель этого крупнаго землевладѣльца. Они получаютъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: хорошо, лишь бы только блокъ моего дома не уменьшился, лишь бы только мое богатство и мои доходы отъ того не потерпѣли, а увеличились. Продолжь это сравненіе, продолжаетъ нашъ авторъ. Императоръ Всероссійскій и Царь Польскій потерпѣли ли ущербъ въ своемъ могуществѣ, если часть этихъ Всѣхъ Россій (то-есть двѣ Россіи, Бѣлоруссія и Малороссія) будетъ тѣснѣе соединена съ Польшей? Напротивъ, онъ станетъ могущественнѣе, потому что будетъ богаче.... Какое могущество и какое счастье для императорскаго правительства, восклицаетъ авторъ брошюры, исчисливъ всѣ выгоды такого распоряженія: императорское правительство будетъ имѣть тогда преданныхъ, смиренныхъ, покорныхъ подданныхъ.“

Графъ Лубенскій предусмотрѣлъ все. Русскихъ можетъ встревожить это предложеніе, несмотря на всѣ выгоды, какія онъ обѣщаетъ Россіи, и вотъ онъ спѣшитъ успокоить насъ увѣреніемъ, что Польша, увеличенная такимъ образомъ, не отдѣлится отъ Россіи. „Я могъ бы помять это опасеніе, говоритъ онъ, еслибъ у Польши было свое войско, какъ въ промежутокъ отъ 1815 по 1880 годъ; но особаго войска, говоритъ онъ, становясь съ подлѣвѣшимъ дружелюбіемъ на нашу сторону и тѣмъ окончательно успокоивая насъ, — Россія не должна давать.“ Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей искренности, онъ даже предлагаетъ намъ слѣдовать тактикѣ великихъ императоровъ древности, какъ онъ выражается, и набираемые въ польскихъ провинціяхъ полки держать въ другихъ частяхъ имперіи. Этого мало: польскій патриотъ, ставшій чуть не русскимъ патриотомъ, простираетъ свою ревность до того, что открываетъ русскимъ государственнымъ людямъ секретъ какъ управлять польскими провин-

ціями, и просить за это прощенія у своихъ соотечественниковъ. „Позвольте, говоритъ онъ, русскіе государственные мужи, открыть вамъ искусство управлять польскими провинціями.“ По его мнѣнію, наши государственные мужи, воспользовавшись всѣми матеріальными изобрѣтеніями новѣйшаго времени, желѣзными дорогами и телеграфами, не умѣютъ еще пользоваться политическими изобрѣтеніями. Великое изобрѣтеніе новаго времени видитъ онъ въ поголовномъ правѣ выборовъ (suffrage universel). Это изобрѣтеніе, которымъ такъ блистательно пользуется императоръ Наполеонъ III, служитъ драгоценнымъ пособіемъ для правительственной власти, и въ немъ заключается также наилучшее средство уладить польское дѣло къ удовольствію и выгодѣ всѣхъ сторонъ. Авторъ брошюры предлагаетъ ввести это начало въ Польшу. Русскимъ государственнымъ людямъ выставляются на видъ неисчислимыя выгоды, которыя отъ того произойдутъ для правительства. Мы только что видѣли какъ самоотверженно и искренно польскій патриотъ заботился о выгодахъ Россіи; посмотримъ теперь какъ этотъ графъ Лубенскій, гордый своимъ дворянствомъ и негодующій на революцію за то, что она питаетъ коварные замыслы подорвать дворянство въ Польшѣ, вдругъ, движимый тѣмъ же самоотверженіемъ и справедливостію, показываетъ наилучшее средство обуздать польское дворянство: это средство—поголовная подача голосовъ, великое изобрѣтеніе нашего времени. „Польское дворянство, говоритъ онъ, впрочемъ не безъ основанія,—всегда было анархическихъ свойствъ. Оно не хотѣло повиноваться своимъ собственнымъ королямъ: удивительно ли теперь, что оно хочетъ свергнуть его чужеземнаго властителя? Богатые, продолжаетъ онъ назидательно, часто предаются причудамъ честолюбиваго воображенія. Если богатому трудно войти въ царствіе небесное чѣмъ верблюду пройти чрезъ игольные уши, то по той же причинѣ богатому трудно имѣть по политическимъ предметамъ вѣрныя воззрѣнія. Бѣдные же дворяне часто бываютъ принуждены прибѣгать къ политическимъ затѣямъ для поправленія своихъ обстоятельствъ. Дворянство, какъ богатое такъ и бѣдное, часто забываетъ законность своего дѣла, ищетъ самоубійственнаго оружія въ арсеналѣ революціонныхъ идей.“ И вотъ защитникъ дворянскихъ привилегій, за двѣ страницы утверждавшій, что дворянство, и именно польское, можетъ

служить надежною опорой престолу, превращается въ обличителя его несостоятельности, и указываетъ на могущественное средство осадить его. Въмѣсто дворянства, онъ предлагаетъ престолу опереться на крестьянъ и приняться за *сuffrage universel*. „Неужели, говоритъ онъ, Россія окажется менѣе искусною и ловкою чѣмъ другія государства (которыя пользуются вышеупомянутымъ великимъ изобрѣтеніемъ нашего времени), и неужели у государственныхъ людей, управляющихъ внутренними дѣлами имперіи, не достанетъ той удивительной ловкости, которою отличаются ея дипломаты?“ Что же предлагаетъ намъ импровизованный демократъ? Онъ предлагаетъ учредить въ Варшавѣ палату представителей, и чтобы туда приходили засѣдать бѣлорусскіе и малорусскіе крестьяне—нужды нѣтъ, хотя бы въ нагольныхъ тулупахъ: въ Варшавѣ они цивилизуются, научатся говорить и мыслить по-польски, кстати будутъ наслаждаться танцами панны Оливинской и пана Квятковскаго, которые приводятъ и теперь русскихъ варваровъ, оболещиваемыхъ и плѣненыхъ, въ совершенное изступленіе, повергающее въ ужасъ европейскую публику. За то, утѣшаетъ насъ графъ Лубежскій, „если Царство Польское раздвинетъ свои предѣлы за Бугъ и за Нѣманъ, и бѣлорусскіе и малорусскіе крестьяне будутъ засѣдать въ варшавскомъ сеймѣ, императорское правительство найдетъ себѣ въ этомъ великую опору. Чѣмъ обширнѣе будетъ Польша, тѣмъ, стало-быть, будетъ въ ней больше элементовъ русскихъ.“ Вотъ въ чемъ вся сущность дѣла, и вотъ къ чему шла рѣчь. Раздвинуть Польшу такъ чтобы въ нее вошло какъ можно больше русскихъ элементовъ: вотъ условіе перемирія (замѣтьте перемирія), которое предлагаетъ намъ благоразумнѣйшій изъ польскихъ патриотовъ. Вотъ тѣ уступки, которыя, по его мнѣнію, удовлетворяютъ навремя Поляковъ. Нужно забрать какъ можно болѣе русскихъ элементовъ: черезъ это и Польша будетъ хорошо, и Россіи будетъ не дурно, потому что ея элементы войдутъ въ составъ Царства Польскаго и будутъ засѣдать на ея сеймѣ въ своихъ овчинныхъ тулупахъ. При этомъ требуется восстановление конституціи 1815 года съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, согласными съ духомъ времени; требуется сенатъ, состоящій изъ епископовъ и пожизненныхъ сенаторовъ; требуется палата депутатовъ, выбираемыхъ поголовно и

непосредственно. Въ награду обѣщается правительству, что оно всегда будетъ имѣть на своей сторонѣ огромное большинство на польскомъ сеймѣ.

Казалось бы, чего лучше этихъ условій? На нихъ бы и стать, и заключить вѣчный миръ. Польша пріобрѣтетъ Литву, Бѣлоруссію, Малороссію, такъ что отъ Всероссійской Имперіи останется просто Россійская. Въ составъ Польши войдетъ многое множество русскихъ элементовъ, которые доселѣ упорно оставались русскими, но которымъ отнынѣ предоставлены будутъ всевозможные способы и льготы превратиться въ чисто-польскіе. Чего не успѣли сдѣлать отцы-іезуиты и шляхта, при всѣхъ ухищреніяхъ и насиліяхъ, то должно бѣить сдѣлано самымъ надежнымъ образомъ, и въ возможной скорости, благодаря пособіямъ новѣйшаго времени.

Но увы, это только перемиріе! Напрасно стали бы мы радоваться благополучному окончанію дѣла. Забравъ какъ можно болѣе русскихъ элементовъ, чтобъ успокоить Польшу и сдѣлать для насъ пріятнымъ соединеніе съ нею, польскій патриотъ имѣетъ жестокость сказать въ заключеніе, что это соединеніе не вѣчно и что намъ предстоитъ грусть разлуки. „Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ,—всѣ эти мѣры не дадутъ вѣчнаго союза между Россіей и Польшей. Въ мірѣ семь нѣтъ ничего вѣчнаго.“ И такъ это только временныя мѣры, но, утѣшаетъ насъ авторъ брошюры, „коль скоро эти мѣры будутъ приняты, маркизь Велѣпольскій можетъ подать руку графу Замойскому.“

Итакъ, очевидно, по вопросу между Россіей и Польшей нѣтъ надобности знать, какого образа мыслей и какихъ политическихъ или религіозныхъ убѣжденій тотъ или другой польскій патриотъ, предлагающій намъ миръ или перемиріе. Демократъ или аристократъ, революціонеръ или консерваторъ, атеистъ или католикъ, умный или глупый, умѣренный или сумасбродный, въ сущности это все равно, и все приходитъ къ одному и тому же. Во всѣхъ положеніяхъ, при всѣхъ точкахъ зрѣнія, вопросъ между Польшей и Россіей остается все тотъ же. Очевидно, что тутъ рѣчь идетъ не о политическихъ началахъ и убѣжденіяхъ. Это давній, „взвѣшенный судьбою“ споръ между двумя народностями. Необходимо, чтобъ одна изъ нихъ отказалась отъ политической самостоятельности. Или Польша или Россія, — сдѣлки быть не можетъ. А потому

тъ польскіе патриоты, которые принимаютъ враждебное къ намъ положеніе, гораздо искреннѣе тѣхъ, которые, повидимому, хотятъ согласить польскій патриотизмъ съ русскимъ. Одно изъ двухъ: либо Россія, либо Польша—середины нѣтъ. Должны же мы наконецъ понять, что нѣтъ никакой человѣческой возможности согласить русскій патриотизмъ съ польскимъ. Малѣйшая уступка въ пользу одного есть неминуемый ущербъ для другаго. Полякъ и Русскій могутъ сойтись дружно на всякихъ вопросахъ и дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ, но только подъ условіемъ, чтобы тотъ или другой вырвалъ изъ своего сердца всякое помышленіе о политическомъ значеніи своей народности: либо Полякъ долженъ отказаться отъ всякой возможности Польскаго государства, либо Русскій долженъ помириться съ мыслию о прекращеніи политическаго существованія Россіи. Правда, и то и другое можетъ отодвигаться въ туманную даль будущаго; но каждый шагъ въ ту или другую сторону не можетъ имѣть иного смысла, какъ только тотъ, что либо польскій, либо русскій патриотизмъ отказывается отъ политическаго значенія.

Хорошо ли фальшивить? Не лучше ли разъяснить дѣло и очистить отношенія? Коль скоро людей разрозниваетъ такого рода интересъ, что они на немъ рано или поздно должны сдѣлаться врагами на смерть, хорошо ли по безхарактерности и слабодушію, поощрять и усиливать этотъ интересъ, или даже просто ласкать его, льстить ему и мягко гладить его? Не лучше ли, отложивъ въ сторону слабодушную сентиментальность, на первыхъ же порахъ сказать твердо и ясно, въ чемъ мы расходимся, въ чемъ невозможно намъ сойтись? Мы должны это сдѣлать не только въ нашъ интересъ, но и въ интересъ тѣхъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло, изъ уваженія и дружельюбнаго чувства къ нимъ. Истина отношеній важнѣе всего. Мы должны переставить наши отношенія на другія основанія, коль скоро въ нихъ оказывается фальшь. Всякая уступка польскому патриотизму въ политическомъ смыслѣ, всякое сочувствіе оказанное ему на этихъ основаніяхъ, будетъ со стороны русскаго человѣка ложью, столько же недостойною, сколько и губельною для обѣихъ сторонъ. Слабодушная уступка всегда хуже честнаго отказа. Желая какъ-нибудь отдѣлаться отъ докучливыхъ

претензій, или опасаясь рѣшительныхъ объясненій, мы иногда соглашаемся сдѣлать то и другое, разчитывая, что этимъ, быть-можетъ, мы уговоримъ противника и поладимъ съ нимъ. Разчетъ въ этихъ случаяхъ всегда бываетъ плохой: нашу неразумною уступкою мы не только не удовлетворимъ возбужденныхъ притязаній, но лишь сильнѣе раздражимъ ихъ, и вмѣсто ожидаемаго лада, только усилимъ причины къ разногласію и спору. Вслѣдствіе нашей неразумной уступки, отношенія, которыя мы хотѣли поправить, только пуще разладятся, и если намъ трудно поправить ихъ теперь, то послѣ будетъ еще труднѣе, и труднѣе будетъ въ той мѣрѣ какъ велика будетъ наша слабодушная уступка. Намъ теперь труднѣе уладиться съ Польшею чѣмъ въ 1815 году,—а отчего?

Если Россія не можетъ и не хочетъ отказаться отъ своей государственной самостоятельности, то она не должна ни подъ какимъ видомъ допускать ничего такого что можетъ усилить польскія притязанія на политическую самостоятельность. Всякое учрежденіе, которое можетъ придать Польшѣ фальшивый видъ государственной особенности, будетъ зломъ для обѣихъ народностей и отравой ихъ будущихъ отношеній. Все что можетъ поднять польское чувство въ смыслѣ особой политической организаціи будетъ не средствомъ помирить обѣ народности, а источникомъ новаго раздраженія между ними, новыхъ трудностей, смуть и бѣдствій. А потому, пока мы еще свободно располагаемъ нашими дѣйствіями, мы должны очистить отношенія между обѣими народностями, и вынуть занозу. Мы должны сдѣлать все что можетъ способствовать ихъ примиренію, а для этой цѣли устранить все что неминуемо ведетъ къ столкновеніямъ. Россія можетъ и должна оказать всяческое доброжелательство всѣмъ интересамъ польской національности, за исключеніемъ лишь того что можетъ поддерживать и питать ея виды на особую политическую организацію. Нельзя допускать никакого различія между Россіей и Польшей въ политическомъ отношеніи. Исторія показываетъ намъ, къ чему повели попытки организовать Царство Польское на особыхъ основаніяхъ. Въ Пруссіи и въ Австріи не было подобной попытки, и не было тѣхъ смуть и бѣдствій, которыя стоили такъ много крови и для Россіи, и для Польши; тамъ нѣтъ польскаго вопроса. Вѣнскимъ трактатомъ постановлено очень мудрое

правило, на которое напрасно ссылаются наши противники, потому что не имъ, а намъ слѣдовало бы помнить его. На вѣнскомъ конгрессѣ положено, чтобы польскимъ областямъ было дано устройство согласное съ устройствомъ той державы, въ составъ которой онѣ вошли. Такъ было и въ Пруссіи и въ Австріи; но не такъ было у насъ. Мы расхвастались и разщедрились. Мы было дали Польшѣ такое устройство, какого до сихъ поръ еще не имѣетъ Россія, и мы знаемъ какія были послѣдствія, мы видимъ въ какомъ положеніи находится теперь русско-польское дѣло.

Итакъ, никакая политическая льгота не должна и не можетъ быть дана Польшѣ независимо отъ Россіи, и Польша въ политическомъ отношеніи должна находиться въ полнѣйшемъ политическомъ единствѣ съ Россійскою имперіей. Она должна быть составною частью Россійской имперіи, подобно тому какъ всѣ коронныя земли Австріи, по мысли положенной въ основу патента отъ 26-го февраля 1861 года, составляютъ одну Австрійскую имперію. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой домашній сеймъ по своимъ областнымъ дѣламъ и свое особое управленіе, но всѣ вмѣстѣ вводятся въ составъ одного политическаго тѣла. Только такія отношенія могутъ соединять и Польшу съ Россіей: или между ними должна быть порвана всякая связь, или Царство Польское должно быть коронною землею въ составѣ Россійскаго государства. Если Австрія могла устроить такія отношенія къ Галиціи, то несравненно болѣе правъ имѣетъ на это Россія.

Возможно болѣе полная политическая централизація при возможно полной административной децентрализаціи, — вотъ единственныя отношенія, въ которыхъ можетъ и должна находиться Польша къ Россійской имперіи. Пусть она имѣетъ свой областной сеймъ, пусть она администрируется сама собою и своими средствами, пусть она пользуется всеми возможными общественными льготами; но она не должна имѣть ни малѣйшаго признака особой государственной организаціи, ни особаго войска, ни особаго государственнаго бюджета, ни особаго политическаго представительства. Пребываніе Польши подъ одною общею съ Россіей державою должно быть понято въ своемъ прямомъ и истинномъ смыслѣ: Польша и Россія, оставаясь вмѣстѣ, могутъ составлять лишь одно

государство, съ однимъ центромъ, а отнюдь не двѣ политическія организаціи, которымъ никогда не ужиться между собою. Всякія другія условія соглашенія съ Польшей будутъ, какъ откровенно выразился графъ Лубенскій, только перемиріемъ, послѣ котораго вражда воспыхаетъ съ пущею яростью. Еслибы встрѣтились какія-нибудь серіозныя затрудненія для такого окончательнаго и единственно возможнаго соглашенія Россіи съ Польшей, то изъ двухъ золъ лучше выбирать меньшее: вмѣсто того чтобы давать Польшѣ особое политическое устройство, ужь лучше совсѣмъ развязаться съ нею. Царство Польское, отдѣльно взятое, существовать не можетъ между Россіей, Пруссіей и Австріей: это несомнѣнно; но если мы не можемъ уладиться съ нимъ, и при каждой новой расправѣ будемъ только запутывать и затруднять наши отношенія къ нему, то пусть лучше войдетъ оно въ составъ Австріи или Пруссіи: тамъ справятся такъ что въ Европѣ и слуха не будетъ о польскомъ вопросѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОРОКЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Казаки. Кавказская повѣсть 1852 года. <i>Графа Л. Н. Толстаго.</i>	5
О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи. <i>В. П. Безобразова.</i>	155
Романсъ. Стихотвореніе. <i>А. А. Фета.</i>	204
Петръ Андреевичъ Ставассеръ. <i>Н. А. Рамазанова.</i> . . .	205
Англійскій наблюдатель въ Сѣверной Америкѣ. I.—III. <i>А. В. Дружинина.</i>	253
Теорія національности въ международномъ правѣ. <i>М. Н. Капустина.</i>	297
Сибирская тайга. I.—II. <i>К. Золотилова.</i>	313
Цвѣты и насѣкомыя. I.—III. <i>С. А. Рачинскаго.</i>	347
Изъ записокъ генераль-адъютанта Муравьева о войнѣ 1855 года въ Малой Азій.	397
Холостая жизнь. Разказъ. <i>Т. Толычовой.</i>	403
Изъ деревни. I.—VI. <i>А. А. Фета.</i>	438
Отзывы и замѣтки. Польскій вопросъ.	471

ФЕВРАЛЬ.

	<i>Стр.</i>
Новыя путешествія по Востоку. Домашняя жизнь въ Палестинѣ. Тисендорфъ и синайская библія. К. П. Побѣдоносцева.	489
Воспитаніе и служба. А. Н. Робера.	549
Два стихотворенія. А. А. Фета.	585
Поликушка. Графа Л. Н. Толстаго.	587
Европа въ концѣ XVIII вѣка. Статья пятая. С. М. Соловьева.	645
Смерть Люція. Вторая часть лирической драмы <i>Три смерти</i> . А. Н. Майкова	674
Да или нѣтъ. Повѣсть. I.—VI. Сосногорова.	723
Сибирская тайга. III.—IV. К. Золотилова.	779
Картины англійскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 г. въ Лондонѣ. I. Д. В. Григоровича.	815
Англійскій наблюдатель въ Сѣверной Америкѣ. IV.—VI. А. В. Дружинина.	851
Замѣтки о вольнонаемномъ трудѣ на Амурѣ. Амурскаго хлѣбопашца.	889
Отзывы и замѣтки. Русскій вопросъ	923

ВЪ КОНТОРЪ

УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

на Страстномъ бульварѣ

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Ц. за оба тома 3 р. 50 коп.; за перес. за 3 ф.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГИИ И ТЕРАПИИ, преимущественно съ физиологической и анатомо-патологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Нимейера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ, книга для чтенія и перевода. Составл. Л. Фонъ-дербъ-Эльснитцомъ. М. 1861. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

МОЯ БІОГРАФІЯ. Посмертное сочиненіе **БЕРАНЖЕ.** Съ приложеніемъ портрета автора и перевода нѣкоторыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ, пѣсень. Изд. В. Д. Костомарова. М. 1861. Ц. 1 р. с., перес. за 1 фунтъ.

MM

at

JUN - 6 1928

